

Одесской Городской
Публичной Библиотеки
(Основ. в 1829 г.)

Отд. XIV
1606

Digitized by the Internet Archive
in 2015

<https://archive.org/details/russkieportretyx04niko>

*Издание
Великаго Князя
Николая Михайловича*

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

IV томъ
1 выпускъ

TOME IV
FASCICULE 1

1908

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГOTOВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

ST. PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ÉTAT

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

PORTRAITS RUSSES

Издание Великаго Князя Николая Михайловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

ТОМЪ IV

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

1908

Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

TOME IV

ST-PÉTERSBOURG

MANUFACTURE DES PAPIERS DE L'ÉTAT

1908

Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I, 1777—1825, отъ природы былъ награжденъ блестящими способностями, плашительными качествами и хорошимъ характеромъ. „Онъ былъ красивъ и добръ“, пишетъ графиня Головина, близко его знавшая, „по хорошия его качества, которые могли обратиться въ добродѣтели, никогда не развилась вполнѣ. Его воспитатель, графъ Салтыковъ, человѣкъ коварный, хитрый, склонный къ интригамъ, постоянно внушалъ ему поведеніе, разрушавшее всякую искренности въ его характерѣ, заставляя его обдумывать каждое свое слово и дѣйствіе“. Конечно, не столько этотъ коварный воспитатель, сколько несчастное стеченіе обстоятельствъ, поставившее молодого Александра въ трагическое положеніе между отцомъ, который подозрительно къ нему относился, и бабкой, горячо любившей внука, людьми далеко не симпатизировавшими другъ другу, между которыми давно уже лежала цѣлая пропасть; эти причины были виной того, что Великій Князь „съ его добрымъ и прекраснымъ сердцемъ привыкъ къ вѣчному притворству и испытывалъ постоянную борьбу съ своимъ сердцемъ. Но, несмотря на всѣ эти обстоятельства, которые легко могли отозваться на человѣкѣ самаго твердаго характера, и должна отдать справедливость моему повелителю“, говоритъ графиня, „его сердцу всепрощеніе такъ же близко, какъ далека отъ него тиранія; его нравъ кроткій и обходительный, въ его разговорѣ чувствуется мягкость и изящество, въ его стилѣ много краспорѣчія, а во всѣхъ прекрасныхъ поступкахъ замѣчается полная скромность“. По словамъ Виле-Лебрень, писавшей портреты Александра Павловича очень юнымъ, онъ былъ высокъ, красивъ, пріятель въ обращеніи; многое, по ея мнѣнію, онъ заимствовалъ отъ матери, тогда какъ Константинъ напоминалъ отца. Вообще отзывы о паружности Александра I вполнѣ достаточно не только потому, что онъ стоялъ во главѣ событій, имѣвшихъ всемірное значеніе, но и потому, что своей наружностью производилъ впечатлѣніе. Больше всего отзывы, какъ и слѣдовало ожидать, оставили женщины: онъ былъ черезчуръ обаятельный мужчина. Не говоря о множествѣ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ мимолетно промелькнувшихъ женщинъ, довольно упомянуть, что Жозефина, легкомысленная красавица Гортензія и королева Луиза отдали дань восхищенія первому очарователю своего времени. Александръ Павловичъ былъ изысканно любезенъ съ женщинами и, по словамъ графини Шуазель-Гуфье, очень влюбчивъ, зато сравнительно рано онъ сталъ склоняться къ мистичизму и искать духовнаго общенія съ женщинами. Онъ далеко не былъ красавцемъ, но былъ ловокъ и граціозенъ, очень высокъ, глаза были голубые, съ ласковымъ выраженіемъ, волосы свѣтлые, золотисто-рыжеватаго оттѣнка, лицо и вся фигура имѣли пріятную округлость; въ 35 лѣтъ онъ казался еще моложавымъ, но былъ уже сильно лысъ и глухъ на лѣвое ухо. Далеко непонятны для насъ тѣ восторги и похвалы, которые расточаются плашительной наружности Александра I. Надо быть современникомъ, чтобы вполнѣ понять обаяніе такихъ личностей, какъ Екатерина II или Александръ Павловичъ. Необыкновенное выраженіе подвижнаго лица, особая улыбка на красивыхъ губахъ, голубые очаровывающіе, нѣсколько прищуренные глаза, звукъ голоса, простота и изящество обращенія,—все, взятое вмѣстѣ, играло тутъ роль; даже самая сутуловатость фигуры, безобразившая подражателей ему, у Александра увеличивала благопріятное впечатлѣніе. Ни одинъ портретъ не передаетъ всего этого. Поэтому понятно, что Александръ I, часто рисовавшійся въ жизни, не любилъ, чтобы съ него рисовали портреты... Тѣмъ не менѣе портретовъ сохранилась цѣлая масса. Существуетъ нѣсколько портретовъ Александра Павловича въ дѣтствѣ, въ 1797 г. его писалъ Лампи, затѣмъ Вуаль, Виле-Лебрень, съ 1801 по 1803 г. нѣсколько портретовъ написалъ Кюгельхенъ, Боровиковскій, затѣмъ въ шляпѣ, въ профиль, писалъ Нигри; въ нѣсколькихъ видахъ—Сентъ-Обенъ, извѣстно 2 портрета кисти С. Щукина. Въ 1814 г. Александръ I нашелъ портретъ Волкова „сходнѣе прочихъ“. Въ 1815 г., въ Парижѣ, Александра написалъ неудачно Жераръ, затѣмъ—Изабе въ Вѣнѣ, наконецъ, въ Лондонѣ—Лоренцъ (въ Оружейной палатѣ). Не перечисляя массы другихъ портретовъ, миниатюръ, статуэтокъ и картинъ, изображающихъ Александра I, послѣднимъ его портретомъ можно считать писанный Г. Дау (въ Зимнемъ дворцѣ) и относящійся къ 1825 году.

(Съ портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михайловичу.)

L'Empereur ALEXANDRE Ier, 1777—1825, était naturellement doué de brillantes facultés, de captivantes qualités et d'un bon caractère. „Il était beau et bon“, écrit la comtesse Golovine, qui le connut de près, „mais ses bonnes qualités, qui pouvaient devenir des vertus, n'arrivèrent jamais à leur complet développement. Son précepteur le comte Saltykoff, homme astucieux, rusé, porté à l'intrigue, détruisit en lui toute franchise de caractère par l'attitude qu'il lui faisait toujours prendre en l'obligeant à calculer chacune de ses paroles et de ses actions“. Sans doute, la faute en fut moins à cet astucieux précepteur qu'au malheureux concours de circonstances qui mit le jeune prince dans une tragique position entre deux personnages loin de sympathiser ensemble et séparés depuis longtemps par tout un abîme, un père qui ne lui témoignait que de la défiance et une grand'mère qui l'aimait ardemment: toujours est-il que le Grand-Duc, „avec son bon, son excellent cœur, prit des habitudes de dissimulation constante et se trouva en lutte incessante avec son cœur. Mais, en dépit de toutes ces conjonctures, dont pouvait aisément se ressentir un caractère des plus fermes, je dois“, continue la comtesse, „rendre justice à mon souverain: son cœur est aussi abondant en indulgence qu'incapable de tyrannie; il a l'humeur bénigne et affable, la parole pleine de douceur et d'élégance, le style d'éloquence, et on sent dans toutes ses belles actions une parfaite modestie“. Au témoignage de Vigée-Lebrun qui fit des portraits de lui tout jeune, il était grand, beau, d'un commerce agréable, tenant beaucoup de sa mère, tandis que Constantin rappelait le père. Sur son physique, les appréciations ne manquent pas, tant en raison des événements d'importance mondiale dont il fut l'âme que de l'impression qu'il produisait: la plupart, on devait s'y attendre, sont de femmes; c'était un homme si prestigieux! Sans parler d'une multitude, connues et inconnues, qui ne firent que passer, il suffira de mentionner comme ayant payé leur tribut d'enthousiasme au premier enchanteur de son temps Joséphine, la belle et frivole Hortense et la Reine Louise. Alexandre était avec les femmes d'une exquise amabilité, et, dit la comtesse Choiseul-Gouffier, très inflammable; mais aussi il se mit relativement tôt à verser dans le mysticisme et à rechercher leur commerce spirituel. Sans avoir rien du bel homme, il était élégant et gracieux, de première taille, des yeux bleus au regard caressant, des cheveux blonds clair avec un reflet mordoré, une jolie ligne dans le visage et dans toute sa personne; à 35 ans, il avait encore l'allure jeune, malgré sa forte calvitie et sa surdité de l'oreille gauche. Nous ne sommes nullement en mesure de comprendre les enthousiasmes et les éloges prodigués à ce captivant physique: il n'y a qu'un contemporain pour pouvoir bien se rendre au prestige de personnalités comme Catherine II ou Alexandre Ier. L'expression peu commune de ce visage mobile, le sourire particulier de ces jolies lèvres, ces yeux bleus enchanteurs un peu clignotants, cette simplicité et cette élégance de manières, tout l'ensemble joue ici son rôle; il n'est pas jusqu'à la taille voûtée, affreuse chez ses imitateurs, qui n'ajoutât chez lui à l'agrément de l'impression. Aucun portrait ne rend tout cela. Aussi comprend-on qu'Alexandre, qui posa souvent dans la vie, n'aimât pas poser pour son portrait.... On a néanmoins une masse de portraits de lui: d'abord plusieurs de lui enfant, un de Lampi en 1797, puis de Voille, de Vigée-Lebrun, plusieurs, de 1801 à 1803, de Kügelchen, de Borovikowsky, puis un de Negri, en chapeau, de profil, plusieurs poses de Saint-Aubin, et aussi deux de S. Chtchoukine. En 1814, Alexandre Ier trouva le portrait de Volkoff „plus ressemblant que les autres“. En 1815, il fut peint à Paris sans succès par Gérard, puis à Vienne par Isabey, et enfin à Londres par Lawrence (Oroujéinaïa Palata). Sans énumérer une foule d'autres portraits, miniatures, silhouettes et tableaux le représentant, celui qu'on peut considérer comme le dernier est celui de G. Dawe, de 1825, conservé au Palais d'Iiver.

(D'après un original appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Императоръ Александръ I,
1776-1825

L'Empereur Alexandre I,
1776-1825

Императрица ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢВНА, 1779—1826, принцесса Баденская, родилась в Карлсруэ 13 Января 1779 г. и на 15-мъ году, 23 Сентября 1793 г., сдѣлалась супругой Великаго Князя Александра Павловича. Елисавета Алексѣвна принадлежала къ числу идеальныхъ натуръ, которыя рѣдко бываютъ вполне счастливы въ жизни. Не счастливая супруга, рано покинутая мужемъ, вполне охладѣвшій къ ней, она не могла пополнить душевной пустоты общественной дѣятельностью и благотворительностью: въ этомъ ее всецѣло заслоняла широкая дѣятельность Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Лишенная и материнскихъ заботъ (обѣ дочери ея умерли младенцами), испытывая нерѣдко ложное положеніе при дворѣ, Императрица Елисавета стала искать уединенія, сдѣлалась мечтательной, замкнутой, рѣдко кого видѣла, много читала и оставила большую переписку. Въ молодости Елисавета Алексѣвна была очень хороша собой: Вилге-Лебрень, увидѣвъ ее впервые въ Царскомъ Селѣ, въ окнѣ дворца, среди цвѣтовъ, такъ пишетъ о ней: „Elle avait 16 ans au plus; ses traits étaient fins et réguliers, et son ovale parfait; son beau teint n'était pas animé, mais il était d'une pâleur tout à fait en harmonie avec l'expression de son visage, dont la douceur était angélique; ses cheveux blond cendré flottaient sur son cou, sur son front. Elle était vêtue d'une tunique blanche, attachée par une ceinture nouée négligemment autour d'une taille fine et souple comme celle d'une nymphe... je m'écriai: C'est Psyché!“ Позднѣе она называется Великою Княгиню „ange de beauté“. Боготворившая Елисавету Алексѣвну, графиня Головина говоритъ о ней въ „запискахъ“: „Принцесса Луиза соединяла, вмѣстѣ съ невыразимой прелестью и граціей во всей фигурѣ, замѣчательную для 14-лѣтней дѣвушки выдержку и умѣренность. Ея тонкій умъ съ замѣчательной быстротой схватывалъ все, что могло служить къ ея украшенію, какъ пчела собирать медъ съ самыхъ ядовитыхъ растений“... По словамъ графини Шуазель-Гуфье, „въ 45 лѣтъ Императрица Елисавета была средняго роста, хорошо сложена, въ лицѣ и станѣ ея видны слѣды прежней красоты; голосъ у нея мягкій, проникающій въ душу, улыбка меланхолическая, взоръ полный ума и что-то ангельское во всей фигурѣ ея, говорили, что она принадлежитъ не этому свѣту“, а г-жа Фоссъ (въ 1808 г.) находила въ ней „что-то удивительное“, но кожа ея и цвѣтъ лица были уже въ то время „испорчены отъ какого-то притупленія“.

Въ настоящемъ изданіи уже были помѣщены два изображенія Елисаветы Алексѣвны: миниатюра 1801 г. работы Пеншонъ (см. т. II, № 137) и портретъ Монье 1806 г. (см. т. I, № 2), въ то время, когда Императрица ожидала рожденія дочери Елисаветы (р. 3 Ноября 1806 г.). Кромѣ того, въ 1794 г. ее писалъ Риттъ, затѣмъ въ 1797 г. два портрета нарисовала Вилге-Лебрень: одинъ въ комнатѣ среди зеркалъ, въ которыхъ отражалась Нева, покрытая судами, другой—для матери ея, принцессы Баденской, „avec un châle violet, transparent, appuyée sur un coussin“. Въ 1803 г. писалъ ее Монье, предъ зеркаломъ, въ греческой туникѣ, съ цвѣтами (гравированъ въ Лондонѣ въ 1805 г.). Потомъ извѣстны портреты Кюгельхена и Боровиковскаго; позднѣе Елисавету писали: около 1810 г. Сентъ-Обень и въ 1814 г. Рейхель (съ него гравюры, съ орломъ внизу). Въ 1817 г. рисовали Елисавету Алексѣвну Бенперъ и Рокштуль, наконецъ, въ 1825 г. Дау совсѣмъ неудачно написалъ Императрицу, гуляющей въ Царскосельскомъ саду, съ лицомъ худымъ и болѣзненнымъ. Существуютъ еще позднѣйшіе портреты, гдѣ Императрица изображена изможденной, въ траурѣ, одинъ Райта, другой во весь ростъ, сидя, Басина (Строгановское собраніе). Подъ гравюрами Райта существуютъ подписи, въ которыхъ выразилось возрѣніе тогдашняго общества на Императрицу: „Надѣюсь скоро съ нѣмъ соединиться; Елисавета—добродѣтельная, Царлица кроткая, навѣкъ отъ насъ сокрылась“.

Послѣ сближенія съ супругомъ въ послѣдніе годы жизни, неожиданная смерть Александра I въ Таганрогѣ сильно потрясла слабый организмъ Императрицы, и она скончалась въ пути, въ городѣ Бѣлевѣ, 4 Мая 1826 года. Какъ народная легенда кончину Александра I окутала таинственностью и даже связала потомъ съ личностью старца Федора Кузьмича, почитавшагося въ Спббргѣ едва ли не святымъ, такъ народные чувства окружили ореоломъ и личность супруги „Благословеннаго“, будто бы тоже отказавшейся добровольно отъ міра и умершей гдѣ-то въ Новгородской губерніи подъ видомъ Вѣры-Молчальницы.

(Съ портрета пастелью Орта; собраніе Великаго Князя Сергія Александровича.)

L'Impératrice ELISABETH ALEXÉEWNA, 1779—1826, princesse de Bade, naquit à Karlsruhe le 13 janvier 1779, et épousa dans sa 15e année, le 23 septembre 1793, le Grand-Duc Alexandre Pavlowitch. C'était une de ces natures idéales qui n'arrivent guère à être complètement heureuses dans la vie. Malheureuse en ménage, délaissée de bonne heure par son mari devenu tout à fait indifférent à son égard, elle ne put combler le vide de son âme en s'occupant de bienfaisance et d'autres œuvres sociales: dans ce domaine, elle était éclipsée par l'immense activité de l'Impératrice Marie Féodorowna. Privée également de son rôle de mère par la mort en bas âge de ses deux filles, se sentant assez fréquemment dans une situation fautive à la Cour, elle se mit à rechercher l'isolement, devint rêveuse, renfermée, évitant de voir personne, lisant beaucoup et entretenant une grosse correspondance. Elle était très belle dans sa jeunesse; Vigée-Lebrun, qui la vit pour la première fois à Tzarskoïé-Sélo, par une fenêtre du Palais, au milieu des fleurs, s'exprime ainsi: „Elle avait 16 ans au plus; ses traits étaient fins et réguliers, et son ovale parfait; son beau teint n'était pas animé, mais il était d'une pâleur tout à fait en harmonie avec l'expression de son visage, dont la douceur était angélique; ses cheveux blond cendré flottaient sur son cou, sur son front. Elle était vêtue d'une tunique blanche, attachée par une ceinture nouée négligemment autour d'une taille fine et souple comme celle d'une nymphe.... Je m'écriai: C'est Psyché!“ Plus tard, elle l'appelle un „ange de beauté“. La comtesse Golovine, qui idolâtrait la princesse, dit dans ses Mémoires: „La Princesse Louise unissait au charme inexprimable et à la grâce de toute sa personne une retenue, une modestie étonnante pour une jeune fille de 14 ans. Son esprit délicat saisissait avec une rapidité remarquable tout ce qui pouvait lui servir d'ornement, comme l'abeille recueille le miel sur les plantes les plus vénéneuses“..... Au témoignage de la comtesse Choiseul-Gouffier, „à 45 ans, l'Impératrice Elisabeth était de taille moyenne, bien faite, et conservait encore, sur le visage et dans sa tournure, des traces de son ancienne beauté; sa voix douce, pénétrant au fond de l'âme, son sourire mélancolique, son regard plein d'esprit et quelque chose d'angélique dans toute sa personne, attestaient qu'elle n'était pas de ce monde“, et Mme Voss, en 1808, lui trouvait „je ne sais quoi d'étrange“, mais elle avait déjà alors la peau et le teint „abîmés par quelque mixture“.

La présente Edition renferme déjà deux images d'Elisabeth Alexéewna, la miniature de Pinchon de 1801 (T. II, N° 137) et le portrait de Monnier de 1806 (T. I, N° 2): l'Impératrice attendait alors la naissance de sa fille Elisabeth (née le 3 novembre 1806). En outre, elle fut peinte en 1794 par Ritt, et en 1797 deux fois par Vigée-Lebrun: l'une, dans une pièce garnie de glaces reflétant la Néva couverte de vaisseaux, l'autre pour sa mère la princesse de Bade, „avec un châle violet, transparent, appuyée sur un coussin“. En 1803, Monnier fit d'elle un portrait, gravé à Londres en 1805, devant une glace, en tunique à la grecque et avec des fleurs. On connaît ensuite des portraits de Kügelchen, de Borovikowsky, puis, vers 1810, de Saint-Aubin, et, en 1814, de Reichel, dont il existe des gravures avec l'aigle au bas. L'Impératrice fut encore peinte en 1817 par Benner et Rockstuhl; enfin, en 1825, G. Dawe en fait un très mauvais portrait, dans le jardin de Tzarskoïé-Sélo, le visage amaigri et maladif. Il y eut aussi plus tard d'autres portraits en deuil, l'air épuisé, l'un de Right, l'autre en pied, assise, de Bassine (collection Stroganoff). Des gravures de ce Right portent des inscriptions où se traduisent les idées de la société du temps sur l'Impératrice: „J'espère bientôt lui être réunie; Elisabeth la Vertueuse, douce Souveraine, est à jamais disparue pour nous“.

Après le rapprochement des époux sur leurs dernières années, la mort inattendue d'Alexandre Ier à Taganrog bouleversa violemment l'organisme délicat de l'Impératrice, et elle mourut en voyage, à Béleff, le 4 mai 1826. De même que l'imagination populaire entoura de mystère la fin du Monarque, dont elle unit même la personnalité à celle de l'ermite Théodore Kouzmitch honoré en Sibérie presque à l'égal d'un saint, de même la sensibilité populaire ceignit également d'une auréole celle de l'épouse du Bien-Aimé, qui se serait, elle aussi, volontairement retirée du monde, pour mourir dans un coin perdu de la vallée de Novgorod sous les traits de Véra la Silencieuse.

(D'après un pastel d'Orth, appartenant au Grand-Duc Serge Alexandrowitch.)

Portrait of a woman
Painted by J. M. W. Turner

Portrait of a woman
Painted by J. M. W. Turner

Пис. Орто

*Императрица Елисавета
Алексеевна, 1779-1826*

Peint par Orth

*L'Impératrice Elisabeth
Alexéewna, 1779-1826*

ФЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ УВАРОВЪ, 1769—1824, сынъ бригадира Петра Ильича, происходившаго изъ древняго рода, но небогатаго и не достигавшаго высокаго положенія, родился 16 Апрѣля 1769 г. въ с. Хруславкѣ, Веневского уѣзда, Тульской губерніи. Записанный съ 6-лѣтняго возраста на службу, онъ до 18 лѣтъ не могъ поступить на дѣйствительную службу, вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ: отецъ былъ подъ судомъ и жилъ въ Петербургѣ, имущество находилось подъ запрещеніемъ, а самъ Уваровъ долженъ былъ жить съ матерью въ деревнѣ. Въ 1787 г. ему удалось пріѣхать къ отцу въ Петербургъ и, съ помощью генерала Тутолмина, опредѣлиться въ Софійскій пѣхотный полкъ съ чиномъ капитана. По случаю войны съ Швеціей онъ былъ отправленъ въ Олонецкую губернію въ формировавшіеся тамъ войска. Дальнѣйшая его служба протекала въ драгунскихъ полкахъ. Въ 90-хъ годахъ Уваровъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ и отличился въ ночь на 6 Апрѣля 1794 г., когда ему въ теченіе 36 часовъ пришлось отбиваться отъ непріятеля, за что былъ произведенъ въ премьеръ-майоры. Въ 1795 г. Суворовъ произвелъ его въ подполковники. Черезъ 3 года онъ получилъ чинъ полковника. Въ 1798 г. Уваровъ совершенно неожиданно достигъ высокаго положенія: онъ былъ переведенъ въ Конную гвардію, произведенъ въ генераль-майоры и пожалованъ въ генераль-адыютанты. Причиной внезапнаго возвышенія Уварова были близкія отношенія къ семьѣ Лопухиныхъ, занявшей первенствующее положеніе. Въ теченіе всего царствованія Павла I не измѣнялось милостивое расположеніе Государя къ Уварову: въ 1799 г. онъ получилъ орденъ св. Анны 1-й ст., назначенъ шефомъ Кавалергардскаго корпуса, въ слѣдующемъ году переформированнаго въ полкъ, затѣмъ пожалованъ въ командоры ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и произведенъ въ генераль-лейтенанты (5 Ноября 1800 г.). Несмотря на милостивое отношеніе къ нему Павла I, Уваровъ принималъ участіе въ заговорѣ, но активной роли не игралъ. Наканунѣ несчастнаго событія онъ былъ дежурнымъ генераль-адыютантомъ, ночью же съ нѣсколькими офицерами своего полка расположился близъ комнатъ наслѣдника съ цѣлю охранять его. По воцареніи Александра I, Уваровъ сопровождалъ его при объявленіи войскамъ о кончинѣ Павла I и при переездѣ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ. Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ молодому Императору лицъ и почти всегда сопровождалъ его во время прогулокъ. Въ 1805 г. Уваровъ отличился при Аустерлицѣ и былъ награжденъ Георгіемъ 3-й ст. и Александровскою лентой. Онъ участвовалъ и въ войнѣ 1807 г., а во время Тильзитскаго и Эрфуртскаго свиданій состоялъ при Государѣ. Въ 1807 г. Уваровъ былъ назначенъ командиромъ кавалеріи 1-й дивизіи, а въ слѣдующемъ году командиромъ инфантеріи той же дивизіи. Во время Турецкой войны 1810 г. онъ былъ контуженъ при Батинѣ и получилъ Георгія 2-й степени. Въ 1812 г. Уваровъ командовалъ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, а затѣмъ кавалеріей 1-й и 2-й армій и особенно отличился при Бородинѣ. Въ 1813—14 гг. онъ то участвовалъ непосредственно въ военныхъ дѣйствіяхъ, то находился въ свитѣ Государя и былъ награжденъ чиномъ генерала-отъ-кавалеріи и орденомъ св. Владиміра 1-й степени. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ дѣятельность Уварова въ теченіе 7 лѣтъ ограничивалась исполненіемъ обязанностей генераль-адыютанта; онъ сопровождалъ Александра I во время его путешествій по Европѣ и Россіи и находился при немъ на конгрессахъ въ Вѣнѣ, Аахенѣ и Лайбахѣ. Въ 1821 г. Уваровъ былъ назначенъ командующимъ гвардейскимъ корпусомъ, а въ 1823 г. — членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ. 12 Декабря 1823 г. онъ получилъ Андрея Первозваннаго. Уваровъ скончался отъ карбункула 20 Ноября 1824 г. и 27 Ноября погребенъ въ церкви Св. Духа, въ Александро-Невской лаврѣ, въ присутствіи Александра I и Великихъ Князей.

Женатъ онъ былъ на княжнѣ Маріи Федоровнѣ Любомірской, бывшей въ 1-мъ бракѣ за графомъ Протомъ Потоцкимъ и во 2-мъ—за графомъ Валеріаномъ Александровичемъ Zubовымъ († 1804), но дѣтей не имѣлъ. Онъ получилъ въ наслѣдство послѣ жены значительное состояніе, въ составъ котораго входили обширныя имѣнія въ Волынской губерніи. Въ знакъ признательности къ подчиненнымъ своимъ по гвардейскому корпусу Уваровъ оставилъ 400/т. рублей на сооруженіе въ честь ихъ памятника. На эти деньги сооружены были Нарвскія триумфальныя ворота, открытыя въ 1834 году.

(Съ портрета Г. Дау; Галлерей 1812 г. въ Зимнемъ Дворцѣ.)

THÉODORE PÉTROWITCH OUVAROFF, 1769—1824, fils du brigadier Pierre Ouvaroff, descendant d'une famille ancienne, mais peu fortunée et restée toujours dans une position modeste, naquit le 16 avril 1769 à Khrouslavsk, district de Vénéff, gouvernement de Toula. Enrôlé au service dès l'âge de 6 ans, les circonstances empêchèrent d'y entrer effectivement avant 18 ans: son père, sous le coup de poursuites judiciaires, était à Pétersbourg, les biens de la famille se trouvaient sous séquestre, et lui-même dut rester en province avec sa mère. Il put en 1787 venir rejoindre son père à Pétersbourg, et, grâce à l'appui du général Toutolmine, se faire nommer capitaine au régiment d'infanterie Sofiysky. Lors de la guerre avec la Suède, il fut envoyé rejoindre les troupes en formation dans le gouvernement d'Olonetz. Le reste de sa carrière se passa dans les dragons. Dans les années 90, il fit les campagnes de Pologne, et se distingua dans la nuit du 5 au 6 avril 1794, où il eut trente-six heures à tenir tête à l'ennemi, ce qui lui valut le grade de premier major. Fait lieutenant-colonel en 1795, il passa colonel trois ans plus tard. Il fut en 1798 l'objet d'une élévation tout à fait inattendue: il reçut, avec son affectation à la Garde à cheval, le grade de général major et la dignité de général aide de camp. Il devait cette faveur subite à la protection des Lopoukhine, parvenus à une situation prépondérante. Durant tout son règne, Paul Ier lui conserva invariablement sa bienveillance: décoré en 1799 de Ste-Anne de 1re classe et nommé chef du corps (l'année suivante, régiment) des Chevaliers-Gardes, il devint ensuite commandeur de Saint-Jean-de-Jérusalem et fut promu le 5 novembre 1800 général lieutenant. La faveur que lui témoignait l'Empereur ne l'empêcha pas d'être du complot, mais sans y jouer un rôle actif. Aide de camp de service la veille de la catastrophe, il fit faction la nuit avec quelques officiers de son régiment aux portes du Césarewitch pour le protéger. A l'avènement d'Alexandre Ier, il fut à ses côtés lors de la proclamation aux troupes de la mort de Paul Ier, ainsi que pendant la marche du Château Michel au Palais d'Hiver. Il devint un des plus intimes du jeune Empereur, qu'il accompagnait presque toujours à la promenade. En 1805, il se distingua à Austerlitz et gagna St-Georges de 3e classe et le cordon de St-Alexandre. Il fit aussi la guerre de 1807, et fut attaché à l'Empereur aux entrevues de Tilsitt et d'Erfurt. Nommé en 1807 commandant de la cavalerie de la 1re division, il devint l'année suivante commandant de l'infanterie de cette division. A la guerre de Turquie de 1810, il reçut une contusion à Batine et gagna St-Georges de 2e classe. En 1812, il fut à la tête du 1er corps de cavalerie, puis de la cavalerie des 1re et 2e armées, et se distingua particulièrement à Borodino. En 1813/1814, tantôt au feu, tantôt à la Suite de l'Empereur, il gagna le grade de général de cavalerie et St-Vladimir de 1re classe. Les guerres de Napoléon terminées, il resta sept ans sans accomplir d'autres fonctions que celles de général aide de camp, compagnon d'Alexandre Ier dans ses voyages en Europe et en Russie, et attaché à sa personne aux congrès de Vienne, Aix-la-Chapelle et Laybach. Il fut nommé en 1821 commandant du corps de la Garde, en 1823 membre du Conseil de l'Empire avec conservation de ses précédentes fonctions, et reçut St-André le 12 décembre 1823. Il mourut d'un anthrax le 20 novembre 1824, et fut inhumé, le 27, à l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky, en présence d'Alexandre Ier et des Grands-Ducs.

Ouvaroff épousa la princesse Marie Féodorowna Lubomirsky, mariée en premières noces au comte Prote Potocki, et en secondes noces au comte Valérien Zouboff († 1804), mais il n'eut pas d'enfants. Il hérita de la grosse fortune de sa femme, comprenant entre autres des biens considérables en Volhynie. En signe de reconnaissance à ses subordonnés du corps de la Garde, il laissa 400.000 roubles pour ériger un monument en leur honneur: ce monument fut l'Arc de Triomphe de Narva, inauguré en 1834.

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

General Sherman
November 1861

General Sherman
November 1861

Пис. Day

*Георгъ Петровичъ
Уваровъ, 1769-1824*

Peint par Dawe

*Théodore Pétrowitch
Ouvaroff, 1769-1824*

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ САБЛУКОВЪ, 1776—1848, генераль-майоръ, авторъ извѣстныхъ „Записокъ“ о времени Императора Павла I и его кончинѣ. Старшій сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и члена Государственнаго Совѣта Александра Александровича Саблукова и Екатерины Андреевны Волковой, родился 1 Мая 1776 года; по обычаю того времени, въ самый годъ рожденія зачисленъ въ Преображенскій полкъ. Получивъ тщательное домашнее образованіе, подъ руководствомъ матери, женщины высоко образованной и гуманной, Саблуковъ съ юныхъ лѣтъ отпращенъ за границу, гдѣ въ совершенствѣ изучилъ нѣмецкій, французскій и англійскій языки, и по возвращеніи въ Россію поступилъ въ блестящій и аристократическій въ Екатерининскую эпоху Конно-гвардейскій полкъ, въ которомъ на 18-мъ году произведенъ въ корнеты. Въ кратковременное, но полное тревогъ и неожиданностей царствованіе Павла I, Саблуковъ находился въ числѣ тѣхъ немногихъ счастливцевъ, которыхъ не только не постигла опала, грозившая почти ежедневно большинству гвардейскихъ офицеровъ, но которымъ удалось сдѣлать необычайно быструю карьеру. Будучи въ 1796 г. подпоручикомъ, Саблуковъ въ 1799 г., 23-хъ лѣтъ, былъ уже полковникомъ Конной гвардіи и командиромъ лейбъ-эскадрона; а между тѣмъ, какъ видно изъ его „Записокъ“, изъ числа 132 офицеровъ, бывшихъ въ Конномъ полку въ 1796 г., только двое (въ томъ числѣ онъ) остались въ полку до кончины Павла I. Обстоятельство это тѣмъ болѣе характерно, что Саблуковъ, хотя лично хорошо извѣстный Государю, не принадлежалъ къ числу фаворитовъ и не былъ „Гатчинцемъ“. Суровый и подозрительный даже по отношенію къ близкимъ людямъ, Павелъ, повидимому, относился съ полнымъ довѣріемъ къ Саблукову, чувствуя въ немъ неподкупную вѣрность челоуѣка долга и высокихъ нравственныхъ правилъ. Эти качества придаютъ „Запискамъ Саблукова“, посвященнымъ главнымъ образомъ описанію трагическаго событія 11 Марта 1801 г., особенное значеніе въ качествѣ историческаго документа первостепенной важности для изученія этой эпохи. Въ Сентябрѣ 1801 г. Саблуковъ былъ произведенъ въ генераль-майоры и вышелъ въ отставку, а въ 1803 году, находясь въ Англій, женился на англичанкѣ Юліанѣ Ангерштинѣ, дочери извѣстнаго знатока живописи Эдуарда Ангерштинѣ, завѣщавшаго свою богатую коллекцію картинъ Лондонской національной галлерей. Вернувшись въ 1806 г. въ Россію, Саблуковъ, по приглашенію управлявшаго въ то время Морскимъ министерствомъ П. В. Чичагова, вступилъ на службу начальникомъ Комиссаріатскаго отдѣленія и въ слѣдующемъ году назначенъ управляющимъ Счетной экспедиціей Морского министерства. Въ 1809 г., согласно прошенію, уволенъ въ отставку, съ мундиромъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, и отправился въ Англію, гдѣ пробылъ до начала 1812 года. Узнавъ о вторженіи непріятеля въ Россію, вернулся въ отечество и обратился къ Александру I съ прошеніемъ о принятіи его въ военную службу волонтеромъ, вслѣдствіе чего 8 Августа 1812 г. ему повелѣно „состоять по арміи“. Въ Отечественную войну Саблуковъ находился при кавалерійскомъ отрядѣ барона Корфа, принимая участіе во многихъ авангардныхъ дѣлахъ съ непріятелемъ, за что въ рапортѣ Кутузова отъ 7 Декабря 1812 г. аттестованъ какъ „достойный награжденія“. По отзыву современниковъ, Н. А. Саблуковъ, какъ челоуѣкъ беззаветной храбрости, ставился на ряду съ Раевскимъ, Коновницынымъ, Орловымъ-Денисовымъ, Потемкинымъ и другими героями этой эпохи. По изгнаніи французовъ изъ Россіи, Саблуковъ окончательно вышелъ въ отставку, снова удалился въ Англію и до самой смерти оставался внѣ службы, то наѣзжая въ Россію, то путешествуя по Европѣ, при чемъ велъ дѣятельную переписку съ друзьями, жившими въ Россіи, къ числу которыхъ принадлежалъ, между прочимъ, извѣстный протоіерей Г. П. Павскій.

Н. А. Саблуковъ скончался 20 Іюня 1848 г. и похороненъ на кладбищѣ при церкви Фарфороваго завода, на Шлиссельбургскомъ трактѣ, гдѣ поставленъ ему памятникъ съ изображеніемъ фамилнаго герба Саблуковыхъ. Мужского потомства онъ не оставилъ.

„Записки“ его впервые напечатаны на англійскомъ языкѣ въ 1865 году въ Лондонскомъ журналѣ „Fraser's Magazine for town and country“, — затѣмъ въ извлеченіи въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 г., въ 1901 г. на русскомъ языкѣ въ Лейпцигѣ и, наконецъ, въ 1906 г. въ „Историческомъ Вѣстникѣ“.

(Съ портрета, писаннаго въ 1829 г.; собственность А. А. Оленина, въ Москвѣ.)

NICOLAS ALEXANDROWITCH SABLOUKOFF, 1776—1848, général major, auteur de Mémoires connus sur l'époque de l'Empereur Paul Ier et sa mort. Fils aîné du conseiller privé actuel, sénateur et membre du Conseil de l'Empire Alexandre Alexandrowitch Sabloukoff et de Catherine Andréewna, née Volkoff, il naquit le 1er mai 1776, et, selon l'habitude du temps, fut enrôlé l'année même de sa naissance au régiment Préobragensky. Après avoir reçu dans sa famille une instruction soignée sous la direction de sa mère, personne supérieure comme instruction et comme humanité, il fut envoyé tout jeune à l'étranger, où il apprit dans la perfection l'allemand, le français et l'anglais. Puis, de retour en Russie, il entra au brillant et aristocratique, à l'époque de Catherine, régiment de la Garde à cheval, et y passa cornette dans sa 18e année. Sous Paul Ier, en ce règne de courte durée, mais fertile en alarmes et en surprises, il fut du petit nombre de ceux qui eurent le bonheur non seulement d'échapper à la disgrâce suspendue presque chaque jour sur la tête des officiers de la Garde, mais encore de faire une carrière d'une rapidité extraordinaire. Sous-lieutenant en 1796, il était dès 1799, à 23 ans, lieutenant-colonel de la Garde à cheval et commandant d'un escadron du Corps; or, comme en font foi ses Mémoires, sur les 132 officiers que comptait le régiment de la Garde à cheval en 1796, il n'y en eut que deux, lui et un autre, qui y restèrent jusqu'à la mort de Paul Ier: fait d'autant plus caractéristique, que Sabloukoff, tout en étant bien connu personnellement de l'Empereur, n'appartenait point à la classe des favoris et n'était pas non plus gatchinien. Paul, dur et soupçonneux même avec ses intimes, paraît avoir eu une entière confiance dans la loyauté, qu'il sentait incorruptible, de cet homme du devoir, de cet homme d'une haute valeur morale. Ces qualités donnent aux Mémoires de Sabloukoff, consacrés surtout à la description du tragique événement du 11 mars 1801, l'importance particulière d'un document historique de premier ordre pour l'étude de l'époque en question. Promu en septembre 1801 général major et mis à la retraite, Sabloukoff, fixé en Angleterre, épousa en 1803 une anglaise, Julienne Angerstin, dont le père, Edward Angerstin, connu comme amateur de peinture, légua sa riche collection à la National Gallery. Rentré en Russie en 1806, il reprit du service, sur la proposition de P. Tchitchagoff, alors gérant du ministère de la marine, comme chef de la section du Commissariat, et devint l'année suivante directeur de la partie financière de ce ministère. Mis à la retraite sur sa demande en 1809 avec l'uniforme du régiment de la Garde à cheval, il retourna en Angleterre, pour y rester jusqu'au commencement de 1812. A la nouvelle de l'invasion, il revint dans sa patrie demander à Alexandre Ier de le prendre comme volontaire, et reçut en conséquence, le 8 août 1812, son „affectation à l'Armée“. Il fit la Guerre Patriotique avec le détachement de cavalerie du baron Korff et fut de nombreuses affaires d'avant-garde, qui lui valurent d'être porté au rapport par Koutouzoff le 7 décembre 1812 comme „digne de récompense“. Le témoignage des contemporains place Sabloukoff, pour sa bravoure acharnée, sur le même rang que Raewsky, Konovnitzyne, Orloff-Dénissouff, Potemkine et autres héros de l'époque. La Russie une fois purgée des Français, il prit sa retraite définitive pour retourner encore en Angleterre. Sans rentrer jamais au service, il fit quelques apparitions en Russie et quelques voyages en Europe, toujours en correspondance suivie avec ses amis de Russie, entre autres l'archiprêtre connu G. Pawsky.

Sabloukoff mourut le 20 juin 1848, et fut inhumé au cimetière de l'église de la Manufacture de Porcelaine de la route de Schlussembourg, où on lui éleva un monument aux armes de la famille. Il ne laissa pas de descendance mâle.

Ses Mémoires parurent pour la première fois en anglais en 1865 dans le *Fraser's Magazine for town and country*, puis avec des coupures dans l'*Archive Russe* en 1869, en russe à Leipzig en 1901 et enfin en 1906 dans le *Messenger Historique*.

(D'après un original de 1829 appartenant à A. Olénine, Moscou.)

Пис. Оленин

Peint par Olenine

*Николай Александрович
Саблуковъ, 1776-1848*

*Nicolas Alexandrowitch
Sabloukoff, 1776-1848*

Графъ ЛЕОНТІЙ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ БЕННИГСЕНЪ, 1745—1826, родомъ изъ Ганновера, сынъ барона Левина-Фридриха отъ брака съ баронессой Генріеттой Раухгауптъ, родился 10 Февраля 1745 г.; 10-и лѣтъ опредѣленъ въ пажи, а черезъ 4 года произведенъ въ прапорщики пѣшей гвардіи. Въ 1763 г. Беннигсенъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, а въ 1773 г., въ чинѣ подполковника, перешелъ на русскую службу премьеръ-майоромъ въ Вятскій мушкатерскій полкъ. Онъ принялъ участіе въ 1-й Турецкой войнѣ, а во время 2-й Турецкой войны, командуя Изюмскимъ легко-коннымъ полкомъ, составилъ себѣ репутацію хладнокровнаго и энергичнаго командира. Произведенный въ 1790 г. въ бригадиры, онъ принялъ участіе въ Польской войнѣ, гдѣ одержалъ рядъ побѣдъ и былъ награжденъ чиномъ генераль-майора, орденами св. Владиміра 3-й и 2-й ст., св. Георгія 3-й ст., золотой шнагой и 1080 душами крестьянъ. Во время Персидской войны, за взятіе Дербента, онъ получилъ св. Анну 1-й ст. и былъ назначенъ шефомъ Ростовскаго драгунскаго полка, а въ 1797 г. произведенъ въ генераль-лейтенанты. Павелъ I, сначала благоволившій къ нему, въ 1798 г. уволилъ его отъ службы, но вскорѣ опять принялъ и послалъ на Кавказскую линію. Въ 1801 г. Беннигсенъ, по приглашенію Палена, тайно прибылъ въ Петербургъ, принялъ дѣятельное участіе въ заговорѣ противъ Павла I и игралъ роль самаго отталкивающаго и отвратительнаго убійцы въ его исполненіи. Человѣкъ безправственный и безпринципный, циникъ, онъ имѣлъ смѣлость въ послѣдствіи нагло утверждать, что истинная цѣль заговорщиковъ ему не была извѣстна, и что ему нечего краснѣть за свое участіе въ печальномъ событіи 11 Марта. Александръ I назначилъ Беннигсена Виленскимъ военнымъ губернаторомъ въ 1801 г. и произвелъ его въ 1802 г. въ генералы-отъ-кавалеріи. Въ 1806 г. Беннигсенъ со своимъ корпусомъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Наполеона; онъ сразился съ французами при Пултускѣ и отбросилъ ихъ, но существенныхъ выгодъ изъ своей побѣды извлечь не могъ. Въ своемъ донесеніи онъ невѣрно изобразилъ свою побѣду, какъ пораженіе всей французской арміи подъ начальствомъ самого Наполеона. Георгій 2-й ст. и званіе главнокомандующаго были наградой за Пултуску. Вскорѣ Беннигсену пришлось помѣряться силами и съ самимъ Наполеономъ при Прейсишъ-Эйлау; здѣсь наша побѣда была несомнѣнна, но Беннигсенъ отступилъ и далъ возможность Наполеону объявить себя побѣдителемъ. Несмотря на это, впечатлѣніе отъ донесенія Беннигсена было сильное, и его называли „побѣдителемъ непобѣдимаго“. Онъ былъ награжденъ Андреевской лентой и пенсіей въ 12/т. руб.; дальнѣйшія дѣйствія его были нерѣшительны, послѣдовало Фридландское пораженіе, и Беннигсенъ былъ уволенъ. Отечественная война опять призвала его къ дѣятельности; Кутузовъ сдѣлалъ его начальникомъ штаба. Беннигсенъ отличился при Бородинѣ, за что получилъ св. Владиміра 1-й ст., и одержалъ побѣду при Тарутинѣ. Вскорѣ онъ покинулъ армію. Беннигсенъ постоянно порицалъ дѣятельность главнокомандующаго и не стѣснялся въ клеветахъ и доносахъ на него. Послѣ того, какъ одинъ изъ этихъ доносовъ былъ сообщенъ Государемъ Кутузову, послѣдній потребовалъ удаленія изъ арміи своего начальника штаба. Въ 1813 г. Беннигсенъ командовалъ одной изъ армій, дѣйствовавшихъ въ Германіи, и получилъ за Лейпцигъ титулъ графа, а за осаду Гамбурга св. Георгія 1-й ст.; въ 1814 г. онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ 2-й арміей и уволенъ отъ этой должности въ 1818 г., послѣ ревизіи П. Д. Киселева, нашедшаго, что Беннигсенъ старъ и слабъ, плохо знаетъ русскій языкъ и законы, почему легко дѣлается игрушкой въ рукахъ ловкихъ людей. Онъ удалился въ свое родовое Ганноверское имѣніе Бантельнъ, гдѣ и скончался 21 Сентября 1826 г.; женатъ былъ 3 раза: на дѣвицахъ Штейнбергъ и Миллеръ, и на Екатеринѣ Ѳаддеевнѣ Андржейковичъ и имѣлъ 2 сыновей: Адама, родоначальника русской вѣтви, и Александра, ганноверскаго министра-президента. Беннигсенъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей иностранцевъ-наемниковъ типа кондотьеровъ. Прослуживъ на русской службѣ 45 лѣтъ, будучи осыпанъ милостями Русскаго Государя, владея въ Россіи обширными имѣніями, онъ до конца жизни оставался ганноверцемъ, не хотѣлъ слиться со своимъ вторымъ отечествомъ, не желалъ даже научиться, какъ слѣдуетъ, русскому языку. „Вѣчно въ російскомъ подданствѣ никогда быть не желалъ и на то присягою не обязанъ“, записалъ онъ самъ въ своемъ формулярѣ!

(Съ портрета Дау; Галерея 1812 года въ Зимнемъ Дворцѣ.)

Le comte LÉONCE LÉONTIEWITCH BENNIGSEN, 1745—1826, originaire de Hanovre, fils du baron Lévine-Frédéric Bennigsen et de la baronne Henriette Rauchhaupt, sa femme, naquit le 10 février 1745. Page à 10 ans, il fut promu quatre ans plus tard porte-enseigne à la Garde à pied. En 1763, il prit part à la Guerre de Sept-Ans, et, en 1773, étant lieutenant-colonel, passa au service russe comme premier major au régiment des mousquetaires de Viatka. Il fit les deux guerres de Turquie, et, à la deuxième, à la tête du régiment de cavalerie légère d'Izioume, se signala par son sang-froid et son énergie. Brigadier en 1790, il partit pour la Pologne, où il remporta une série de victoires et reçut le grade de général major, St-Vladimir de 3e et de 2e classe, St-Georges de 3e classe, une épée d'or et 1080 têtes de paysans. A la guerre de Perse, la prise de Derbent lui valut Ste-Anne de 1re classe et le titre de chef du régiment de dragons de Rostoff; puis, en 1797, il fut promu général lieutenant. Paul Ier, d'abord bien disposé à son égard, le mit à la retraite en 1798, mais le réintégra bientôt au service pour l'envoyer à la Ligne du Caucase. En 1801, il répondit à l'appel de Pahlen et vint en secret à Pétersbourg prendre une part active au complot, où il joua le rôle d'assassin dans tout ce qu'il a de hideux et de répugnant. Cynique sans morale ni principes, il eut dans la suite l'audace de prétendre effrontément que le but véritable de la conjuration lui était inconnu, et qu'il n'avait pas à rougir d'avoir trempé dans le triste événement du 11 mars. Alexandre Ier le nomma en 1801 gouverneur militaire de Vilna, et le promut l'année suivante général de cavalerie. Il fit avec son corps la campagne contre Napoléon, rencontra les Français à Pultusk et les repoussa, mais sans pouvoir tirer un parti sérieux de sa victoire, qu'il donna dans son rapport comme la défaite de l'armée française tout entière commandée par Napoléon en personne, et qui lui valut St-Georges de 2e classe et le titre de commandant en chef. Il fut bientôt aux prises avec Napoléon lui-même à Preussisch-Eylau: la victoire y était certainement à nous, mais il battit en retraite, donnant ainsi à Napoléon la possibilité de se déclarer vainqueur; pourtant son rapport fit sensation: on l'appela „le vainqueur de l'invincible“, et il reçut le cordon de St-André avec une pension de 12.000 roubles. Ses opérations ultérieures furent hésitantes; survint l'échec de Friedland, et il fut mis à la retraite. La Guerre Patriotique le rappela au service; Koutouzoff le prit comme chef d'état-major. Il se signala à Borodino, qui lui valut St-Vladimir de 1re classe, remporta la victoire de Taroutino, et quitta l'armée peu après: il ne se lassait pas de critiquer les actes de son chef, ne reculant ni devant la délation ni devant la calomnie, jusqu'au jour où Koutouzoff, mis au courant par l'Empereur, fit renvoyer de l'armée ce chef d'état-major. Bennigsen commanda en 1813 une des armées d'Allemagne: Leipzig lui valut la dignité de comte, et le siège de Hambourg St-Georges de 1re classe. Commandant en chef de la 2e armée en 1814, il fut relevé de ce poste en 1818, à la suite d'une inspection où P. Kisséleff le déclara vieux et affaibli, peu familier avec la langue et les lois russes, et bon par suite à servir de jouet à des mains expertes. Il se retira en Hanovre dans son domaine familial de Banteln, où il mourut le 21 septembre 1826. Il fut marié trois fois, à Mlle Steinberg, à Mlle Muller et à Catherine Faddéwna Andriéikowitch, et laissa deux fils, Adam, chef de la branche russe, et Alexandre, ministre-président de Hanovre.

Bennigsen fut un des derniers représentants des mercenaires étrangers genre condottieri. Après quarante-cinq ans de service en Russie, comblé de faveurs par l'Empereur de Russie, possesseur en Russie d'immenses propriétés, il resta hanovrien jusqu'à son dernier jour, résistant à la fusion avec sa seconde patrie, refusant même d'apprendre convenablement le russe: „Rester éternellement dans la nationalité russe n'a jamais été mon intention, et le serment ne m'y oblige pas“, nota-t-il lui-même sur ses états de service.

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

General Sir James D. B. Stewart
K.C.B. & C.S.I.

General Sir James D. B. Stewart
K.C.B. & C.S.I.

Painted by

*Графъ Леонтій Леонтьевичъ
Беннигсенъ, 1745-1826*

Painted by Dawe

*Le Comte Léonce Léontiewitch
Bennigsen, 1745-1826*

Князь АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ, 1727—1793, сынъ князя Алексѣя Федоровича отъ брака съ Пелагѣей Ивановной Позняковой, родился 3 Августа 1727 года; изъ Сухопутнаго Кадетскаго корпуса въ 1740 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ инженерныя войска; участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и въ 1763 г. усмирять бунтъ крестьянъ на Уралѣ. 3 Февраля 1764 г. Вяземскому, занимавшему тогда должность генераль-квартирмейстера, было поручено исполненіе обязанностей генераль-прокурора. Съ этого времени онъ въ теченіе почти 29-и лѣтъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ Екатерины II по всѣмъ важнѣйшимъ отраслямъ Государственнаго управленія и состоялъ съ 1768 г. членомъ Совѣта Императрицы. Онъ также завѣдывалъ дѣлами Комиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія и вводилъ губернскую реформу. „Отмѣнное благоволеніе“ Императрицы къ Вяземскому выразилось въ рядѣ наградъ: въ 1770 г. онъ получилъ орденъ Александра Невскаго, въ 1773 г.—Андрея Первозваннаго, въ 1774 г.—чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, въ 1782 г.—орденъ Владиміра 1-й ст., не считая населенныхъ имѣній, денежныхъ наградъ, перстней и табакерокъ. Князь Вяземскій служилъ „до изнеможенія силъ“: въ 1789 г. онъ былъ разбитъ параличемъ, его возили по комнатамъ въ колясочкѣ, но онъ продолжалъ занимать должность генераль-прокурора еще три года, и лишь 17 Сентября 1792 г. былъ подписанъ указъ объ увольненіи Вяземскаго отъ должности, съ сохраненіемъ всѣхъ его окладовъ. Князь Вяземскій скончался 8 Января 1793 г. и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ. Отъ брака съ княжной Еленой Никитичной Трубецкой онъ имѣлъ четырехъ дочерей. По отзывамъ современниковъ, Вяземскій не обладалъ большими дарованіями: въ корпусѣ имъ „были недовольны“, на войнѣ онъ „не отличился“ (*il ne s'y est point distingué*), и назначеніе его генераль-прокуроромъ было встрѣчено всеобщимъ удивленіемъ и было признано иностранцами „одной изъ величайшихъ несообразностей, существующихъ въ здѣшней странѣ“. Близкія ко Двору лица за глаза говорили, что „фортуна“ князя „въ это мѣсто поставила“, и что „*les Czars se croient assez puissants pour donner non seulement les emplois, mais aussi l'aptitude nécessaire pour en remplir dignement les fonctions*“; въ глаза же льстили Екатеринѣ, утверждая, что она „дѣлаетъ чудеса“, и „изъ обыкновеннаго квартирмейстера у нея вышелъ государственный человѣкъ“. Но въ сущности никакого чуда не произошло. Екатерина искала только „чистосердечнаго“ генераль-прокурора. Отъ Вяземскаго не требовалось самостоятельности: онъ былъ только „ученикомъ“ Императрицы, ученикомъ послушнымъ и въ высшей степени трудолюбивымъ (*laborieux au plus haut degré*). Недостатокъ способностей онъ замѣнялъ „умѣньемъ избирать достойныхъ помощниковъ“, въ родѣ финансиста Васильева и дѣльцовъ Храновицкаго и Ермолова, которые и совершили большую часть „великихъ и полезныхъ дѣлъ“, приписанныхъ генераль-прокурору. Державинъ, впрочемъ лично ему враждебный, особенно осуждалъ Вяземскаго за то, что генераль-прокуроръ управлялъ финансами „самовластно и въ противность законамъ, переводилъ въ чужіе края государственные ресурсы къ пользѣ частныхъ людей, прислуживающихъ Его Сіятельству“, и шелъ объ руку съ Потемкинымъ, „не весьма любившимъ повиноваться законамъ“. Вяземскій, въ свою очередь, не любилъ Державина. Усиѣхъ пѣвца „Фелицы“ при Дворѣ навлекъ на него гоненіе со стороны генераль-прокурора, такъ какъ „ничѣмъ его раздражить столько было не можно, какъ если кто безъ его предводительства былъ замѣченъ и познаемъ Государынею“. Онъ злобно гналъ Державина, открыто говоря, что скорѣе „но его носу полѣзутъ черви, нежели Державинъ просидитъ долго на губернаторствѣ“, и скоро отдалъ его подъ судъ. Оправданіе Державина, по словамъ послѣдняго, такъ разозлило князя, что его разбилъ параличъ.

Неудивительно, что надгробная надпись называетъ князя Вяземскаго „защитникомъ утѣсненныхъ и другомъ несчастныхъ“; но весьма странной послѣ всего сказаннаго выше кажется сочиненная Державинымъ эпитафія:

„Въ усердіи его, къ отечеству отверзтомъ

Не спорить врагъ и другъ, ни истина, ни лесть,

И словъ надъ гробомъ симъ не стыдно произнести:

Онъ могъ быть Сюллиемъ при Генрихѣ Четвертомъ“.

Впрочемъ, можно предположить, что Державинъ имѣлъ въ виду не прославлять насолившаго ему „Сюлія“, но воскурить лишній разъ эмиамъ особѣ, сокрытой подъ именемъ Генриха Четвертаго.

(Съ портрета, находящагося въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ.)

Le prince ALEXANDRE ALEXÉEWITCH VIAZEMSKY, 1727—1793, fils du prince Alexis Féodorowitch Viazemsky et de Pélagie Ivanowna, née Pozniakoff, naquit le 3 août 1727. Il sortit du Corps des Cadets en 1740 porte-étendard du génie, fit la Guerre de Sept-Ans et réprima en 1763 une insurrection de paysans dans l'Oural. Le 3 février 1764, alors quartier-maître général, il fut chargé des fonctions de procureur général. Dès ce moment et durant près de vingt-neuf ans, il fut collaborateur immédiat de Catherine II dans toutes les branches les plus importantes de la politique intérieure et devint en 1768 membre du Conseil de l'Impératrice. Il administra aussi la Commission du Projet de Nouveau Code et mit en application la réforme des gouvernements. Catherine lui témoigna son „insigne bienveillance“ par une série de distinctions, en 1770 St-Alexandre Newsky, en 1773 St-André, en 1774 le rang de conseiller privé actuel, en 1782 St-Vladimir de 1re classe, sans compter les terres avec leurs paysans, les gratifications en espèces, les bagues et les tabatières. Il servit jusqu'à „épuisement complet“: en 1789, paralysé, il ne circulait qu'en fauteuil roulant, mais continua ses fonctions de procureur général trois ans encore, et ce ne fut que le 17 septembre 1792 que fut signé l'oukaze qui lui accordait sa retraite en lui conservant tous ses traitements. Il mourut le 8 janvier 1793, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé la princesse Hélène Nikitchna Troubetzkoï, dont il eut quatre filles.

Au témoignage des contemporains, le prince Viazemsky n'était pas particulièrement doué: au Corps, on „était mécontent“ de lui; la guerre, „il ne s'y est point distingué“; et sa nomination de procureur provoqua l'étonnement général, et fut considérée par les étrangers comme „une des choses les plus absurdes qu'il y ait en ce pays“. A la Cour, on disait, sous le manteau, que c'était „un coup de chance“ qui l'avait „mis à ce poste“, et que „les Czars se croient assez puissants pour donner non seulement les emplois, mais aussi l'aptitude nécessaire pour en remplir dignement les fonctions“: en face, on flattait Catherine en disant qu'elle „accomplit des miracles“, et que, „d'un simple quartier-maître, elle fait un homme d'Etat“. Mais en réalité il n'y avait nullement eu miracle: ce qu'elle voulait dans son procureur général, c'était de la „loyauté“; elle ne lui demandait aucun effort personnel: il n'avait qu'à rester son „élève“, élève docile et „laborieux au plus haut degré“. Son défaut d'aptitudes était compensé par „un art de se choisir de dignes collaborateurs“, dans le genre du financier Vassilieff et d'hommes entendus comme Khrapovitzky et Ermoloff, auteurs de la plupart des „œuvres grandes et utiles“ attribuées au procureur général. Derjavine, qui d'ailleurs lui en voulait personnellement, lui reprochait surtout dans son administration financière „son arbitraire et son mépris des lois, ses virements à l'étranger sur les fonds de l'Etat pour le compte de particuliers au service de Son Altesse“, et sa connivence avec Potemkine, „peu porté, par goût, au respect des lois“. Lui, à son tour, n'aimait pas Derjavine. Le succès du chantre de Félitza à la Cour provoqua la persécution du procureur général, que „rien ne pouvait irriter davantage que de voir quelqu'un se passer de son égide pour se faire remarquer et apprécier de l'Impératrice“. Il poursuivit le poète de sa rage, disant ouvertement qu'il aimerait mieux „sentir les vers lui grimper sur le nez que de voir Derjavine maintenu longtemps à son poste de gouverneur“, et le traîna bientôt en justice. L'acquiescement, dit Derjavine, l'exaspéra au point qu'il en fut frappé d'apoplexie.

On n'est pas étonné de voir l'épithète du prince Viazemsky le nommer „défenseur des opprimés et ami des malheureux“; mais on trouve étrange, après ce qui vient d'être raconté, celle que lui fit Derjavine:

„Zélé pour son pays chacun le reconnaît,
 „Amis comme ennemis, flatteurs et véridiques.
 „Sans vergogne on peut bien proclamer sur sa tombe:
 „Sous Henri-Quatre il sut être un nouveau Sully!“

Il est d'ailleurs permis de supposer que le poète voulait ainsi, non pas tant glorifier le „Sully“ qui lui en avait fait voir, que brûler une fois de plus son encens à la personne cachée sous le nom d'Henri IV.

(D'après un original des Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

Portrait of a young person, possibly a child or adolescent, looking slightly to the right.

*Князь Александръ Алексѣевичъ
Вяземскій, 1727-1793*

*Le Prince Alexandre Alexéewitch
Viazemsky, 1727-1793*

Графъ МИХАИЛЪ НИКИТИЧЪ КРЕЧЕТНИКОВЪ, 1729—1793, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, президента Ревизіонъ-Коллегіи Никиты Семеновича, женатаго на Екатеринѣ Григорьевнѣ Собакиной, учился въ Сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ, и по выходѣ изъ него, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ уже въ чинѣ секундъ-майора. Въ первую Турецкую войну Кречетниковъ съ отличіемъ участвовалъ въ Кагульской битвѣ и получилъ чинъ генераль-майора, а за взятіе Краева, 28 Декабря 1770 г., пожалованъ звѣздой св. Анны 1-й ст.; когда въ 1772 г., по первому раздѣлу Польшы, къ Россіи отошла Бѣлоруссія, Кречетниковъ призванъ былъ управлять сѣверной частью этихъ земель, присоединенныхъ къ Исковской губерніи, и здѣсь обнаружилъ крупный административный и организаторскій талантъ, принимая мѣры къ устроению вновь присоединеннаго края и къ сліянію его съ Имперіей. Дѣятельность его вызвала одобреніе генераль-губернатора Бѣлоруссіи графа З. Г. Чернышева. Назначенный въ 1775 г., вмѣстѣ съ Каховскимъ, для установленія новой границы съ Польшею, въ 1773 г. онъ былъ произведенъ въ генераль-поручики и назначенъ губернаторомъ въ Тверь. Въ 1776 году Кречетниковъ, открывъ губерніи Калужскую, Тульскую и Рязанскую, назначенъ былъ Калужскимъ и Тульскимъ намѣстникомъ; на новой должности онъ проявилъ заботы о благосостояніи жителей, но въ особенности много занимался приведеніемъ въ порядокъ и всякими улучшеніями Тульского оружейнаго завода. За дѣятельность въ должности намѣстника въ Тулѣ, гдѣ Кречетниковъ принималъ Екатерину II во время ея путешествія, Императрица наградила Кречетникова чиномъ генераль-аншефа, орденомъ св. Александра Невскаго и Владиміра 1-й ст. и пожаловала ему 1000 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи.

Съ 1790 г. Кречетниковъ управлялъ Малороссіей, а въ 1792 г. ему ввѣрена была армія для дѣйствій въ Литвѣ противъ поляковъ, одновременно съ войсками, которыми командовалъ Каховскій, и за успѣшное веденіе военныхъ операцій ему пожалованъ 28 Іюля 1792 г. орденъ св. Андрея Первозваннаго. Вслѣдъ затѣмъ, въ Декабрѣ 1792 г., Кречетниковъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ областей, присоединенныхъ къ Россіи по второму раздѣлу Польшы; смерть, однако, помѣшала ему что-либо сдѣлать; онъ скончался послѣ тяжелой болѣзни 9 Мая 1793 г., пожалованный за 3 дня до этого (6 Мая 1793 г.) въ графское достоинство, едва ли успѣвъ получить о томъ извѣщеніе при жизни.

М. Н. Кречетниковъ, женатый на Аннѣ Ивановнѣ Дуровой, потомства не оставилъ. Происходя изъ древней, но не знатной, дворянской русской фамиліи, Кречетниковъ оставилъ по себѣ намять типичнаго вельможи Екатерининскаго вѣка, жившаго роскошно, проводившаго время въ различныхъ блестящихъ празднествахъ, слабости его были — „высокомѣріе и непомерная хвастливость“. Красивый собой, онъ отличался большимъ щегольствомъ, даже подъ старость носилъ шелковые чулки, башмаки съ красными каблуками и очки, вошедшіе тогда только-что въ моду; онъ очень любилъ женщинъ и въ Тулѣ жилъ съ женой вице-губернатора Вельяминовой, рожденной Бунной, при чемъ мужъ, по словамъ Болотова, „жертвовалъ женою своею въ угодность сему вельможѣ“. Обязанный своимъ возвышеніемъ и карьерой Потемкину, онъ всегда былъ цѣннымъ послѣднимъ и считался имъ полезнымъ и способнымъ дѣятелемъ, а сама Екатерина II выказывала полное довѣріе къ его „опытности и знанію дѣла, наипаче къ его усердію и точному и скорому исполненію воли“ Государыни. Извѣстенъ, впрочемъ, анекдотъ о томъ, какъ Императрица выразила ему неудовольствіе въ Тулѣ, въ театрѣ, гдѣ, по ея желанію, играли комедію „Хвастунъ“, за то, что Кречетниковъ, устраивая ей триумфальныя ворота, украшенныя снопами ржи и овса, въ то время, какъ крестьяне голодали, „пожалѣлъ ее угостить самымъ дорогимъ... чернымъ хлѣбомъ!“ Тѣмъ не менѣе въ запискахъ Болотова, вообще благопріятно отзывающагося о Кречетниковѣ, можно найти указанія, что намѣстникъ очень былъ озабоченъ вопросомъ о помощи населенію и о прокормленіи крестьянъ именно въ этотъ голодный годъ.

Портреты М. Н. Кречетникова встрѣчаются вообще довольно рѣдко; намъ извѣстны еще: миниатюра въ собраніи Великаго Князя Николая Михайловича и портреты — въ селѣ Новоспаскомъ-Деденевѣ у Ф. А. Головина и въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ — всѣ три одинаковаго типа, отличнаго отъ предлагаемаго здѣсь портрета кисти Левицаго.

(Съ портрета Левицаго; Третьяковская галлерей, въ Москвѣ.)

Le comte MICHEL NIKITITCH KRETCHETNIKOFF, 1729 — 1793, fils de Nikita Sémenowitch Kretchetnikoff, conseiller d'état actuel, président du Collège de Révision, et de Catherine Grigoriowna, née Sobakine, fut élève au Corps des Cadets, et, à sa sortie, fit la Guerre de Sept-Ans déjà second major. A la première guerre de Turquie, il se distingua à la bataille du Kagoul, qui lui valut le grade de général major, et à la prise de Kraïévo, le 28 décembre 1770, où il reçut l'étoile de Ste-Anne de 1re classe. Lorsqu'en 1772 le premier partage de la Pologne annexa la Russie Blanche à la Russie, il fut appelé à administrer le nord de la région, réuni au gouvernement de Pskoff: ses mesures d'ordre et de russification le révélèrent administrateur et organisateur de première force, et lui valurent l'approbation du comte Z. Tchernycheff, général gouverneur de la Russie Blanche. Chargé en 1775 avec Kakhowsky de la délimitation avec la Pologne, il avait été en 1773 promu général lieutenant et nommé gouverneur de Tver. Quand il eut inauguré en 1776 les gouvernements de Kalouga, Toula et Riazan, il fut fait lieutenant de Kalouga et Toula: il y déploya toute sa sollicitude pour le bien-être de la population, mais mit surtout ses soins à réorganiser et perfectionner la manufacture d'armes de Toula. Son activité dans cette ville, où il reçut Catherine II lors de son voyage de Russie, lui valut de la Souveraine le grade de général en chef, St-Alexandre Newsky, St-Vladimir de 1re classe et 1000 têtes de paysans en Russie Blanche.

En 1790, Kretchetnikoff gouverna la Petite-Russie, puis, en 1792, il fut mis à la tête d'une armée destinée à opérer en Lithuanie contre les Polonais conjointement avec les troupes commandées par Kakhowsky: le succès de ses opérations lui valut le 28 juillet 1792 l'ordre de St-André. Nommé peu après général gouverneur des régions annexées au second partage de la Pologne, il fut surpris par la mort avant d'avoir rien pu faire: il succomba à une maladie grave le 9 mai 1793, trois jours après son élévation (6 mai 1793) à la dignité de comte, dont il eut à peine le temps de recevoir la nouvelle.

Marié à Anne Ivanowna Douroff, Kretchetnikoff ne laissa pas de postérité. De vieille, mais petite noblesse russe, il fut un vrai type de grand seigneur du temps de Catherine, menant grand train, au milieu de fêtes brillantes de toute espèce; comme côtés faibles, „de l'orgueil et une vantardise démesurée“. Bel homme, d'un chic inouï, il portait, même à un âge avancé, des bas de soie, des talons rouges et, mode toute récente, des lunettes; il aimait beaucoup les femmes, et, à Toula, vivait avec la femme, née Bounine, du vice-gouverneur Véliaminoff, qui „avait fait“, dit Bolotoff, „le sacrifice de son épouse pour complaire à ce grand seigneur“. Potemkine, auteur de son élévation et de sa carrière, fit toujours grand cas de lui, de sa valeur et de ses capacités, et Catherine II elle-même accordait toute confiance „à son expérience et sa compétence aux affaires, et surtout à son zèle, sa ponctualité et son empressement à exécuter la volonté“ Impériale. S'il faut en croire, d'ailleurs, l'anecdote, à Toula, l'Impératrice lui aurait, au théâtre, où on donnait, sur la demande de S. M., la comédie *Le Vantard*, exprimé son mécontentement pour lui avoir élevé un arc de triomphe décoré de gerbes de seigle et d'avoine—on était alors en pleine famine,—et „lui avoir plaint ce qu'il y avait de plus cher..... du pain noir!“ Cependant Bolotoff, dont le témoignage est en général favorable à Kretchetnikoff, le présente dans ses Mémoires comme fort soucieux, précisément cette année-là, de l'assistance aux paysans et de la lutte avec la famine.

Les portraits de Kretchetnikoff sont en général assez rares; nous connaissons encore: une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch, un portrait à Novospasskoïé-Dédénévo chez Th. Golovine et un aux Archives des Affaires étrangères de Moscou, tous trois d'un même type, différent du Lévitzy ci-joint.

(D'après l'original de Lévitzy, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

Thomas M. Thomas
 (Portrait of 1811, 1729, 1731)

Thomas M. Thomas
 (Portrait of 1811, 1729, 1731)

Пис. Левицкий

Peint par Lévitky

*Михаилъ Никитичъ
Кречетниковъ, 1729-1793*

*Michel Nikititch
Kretchetnikoff, 1729-1793*

Графъ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ, 1693—1767, сынъ гофмейстера и фаворита Анны Иоанновны Петра Михайловича (р. 1664 г., † 1743 г.) отъ брака съ Евдокіей Ивановной Талызиной, получилъ хорошее образованіе въ Коопенгагенѣ и Берлинѣ; затѣмъ Бестужевъ, съ разрѣшенія Петра I, поступилъ въ Ганноверскую службу и пріѣзжалъ въ Петербургъ въ качествѣ Англійскаго посланника съ извѣщеніемъ о воцареніи въ Англіи Ганноверскаго курфюрста Георга I. Въ 1717 г. онъ былъ принятъ на русскую службу и съ 1721 по 1740 г. занималъ постъ резидента въ Коопенгагенѣ, кромѣ промежутка съ 1731 по 1735 годъ. Въ это время онъ оказалъ важныя услуги Императрицѣ Аннѣ, между прочимъ извлеченіемъ изъ Кильскаго архива завѣщанія Екатерины I, и пріобрѣлъ довѣріе Бирона. Въ 1740 г. Биронъ провелъ его въ кабинетъ-министры въ видахъ противоудѣльствія Остерману. Паденіе временщика увлекло и Бестужева; 17 Января 1741 г. онъ былъ приговоренъ къ четвертованію, но казнь была замѣнена ссылкой въ деревню. Въ концѣ этого же года враги Остермана, графъ Головкинъ и князь Н. Ю. Трубецкой, вызвали Бестужева въ Петербургъ. Воцареніе Елисаветы Петровны доставило ему постъ вице-канцлера. Возведенный 2 Юля 1745 г. Францемъ I въ графское достоинство Римской имперіи, Бестужевъ, будучи вице-канцлеромъ, явился поборникомъ „системы Петра Великаго“, т.-е. союза съ Австріей и поддерживавшей ее въ то время Англіей противъ Франціи, и особенно противъ Пруссіи. Сильная при воцареніи Елисаветы франко-прусская партія, съ маркизомъ Шетарди во главѣ, употребляла всѣ усилія, чтобы погубить Бестужева. Но интриги враговъ не удалсь; послѣ высылки Шетарди изъ Россіи въ 1744 г. Бестужевъ былъ назначенъ канцлеромъ и въ 1746 г. заключилъ союзный договоръ съ Австріей. Новая группировка державъ, благодаря которой Англія сдѣлалась союзницей Пруссіи, а Франція—Австріи, подорвала престижъ Бестужева, какъ дальновиднаго политика. Сношенія его съ Великой Княгиней Екатериной Алексѣевной, которой онъ предполагалъ дать участіе въ управленіи, въ случаѣ воцаренія ея неспособнаго супруга, дали врагамъ его поводъ обвинить его въ государственномъ преступленіи и добиться ареста. Въ 1759 г. Бестужевъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но помилованъ и сосланъ въ его Можайскую вотчину, село Горетово. Екатерина II, по воцареніи, тотчасъ возвратила изъ ссылки своего союзника, особымъ манифестомъ возстановила его честь, пожаловала въ генераль-фельдмаршалы и посылала всегда ему большое уваженіе. Но Бестужевъ уже не пользовался вліяніемъ и провелъ послѣдніе года не у дѣлъ, среди семейныхъ непріятностей, вызванныхъ „развратной и неистовой жизнью“ его сына Андрея.

Графъ Бестужевъ-Рюминъ былъ женатъ на дочери русскаго резидента въ Гамбургѣ Аннѣ Ивановнѣ Беттихеръ († 15 Декабря 1761 г.) и, кромѣ сына Андрея († 1768 г., безъ потомства), другихъ дѣтей не имѣлъ. Онъ умеръ 10 Апрѣля 1767 года.

Бестужевъ представляетъ отрадное явленіе среди дипломатовъ XVIII вѣка, когда продажность была возведена въ законъ. Онъ не запятналъ себя никакими „осязательными доказательствами милостиваго расположенія иностранныхъ дворовъ“ и былъ сторонникомъ союза съ Австріей, въ искреннемъ убѣжденіи, что этотъ союзъ необходимъ для Россіи, и что, напротивъ, усиленіе Франціи и Пруссіи нарушаетъ ея существенные интересы. Широкообразованный, интересовавшійся химіей и медициной, онъ въ то же время былъ вѣрующимъ человѣкомъ и въ своемъ изгнаніи утѣшался подборомъ „избранныхъ изъ Священнаго Писанія изреченій въ утѣшеніе всякаго неповинно претерпѣвающаго христіанина“.

(Съ портрета Л. Токе; собственность князя А. А. Голицына-Прозоровскаго, с. Раменское, Московской губ.)

Le comte ALEXIS PÉTROWITCH BESTOUJEFF-RIOUMINE, 1693—1767, fils du maître de la Cour et favori d'Anne Ioannowna, Pierre Mikhaïlowitch Bestoujeff-Rioumine (1664—1743), et d'Eudoxie Ivanowna, née Talyzine, reçut une bonne instruction à Copenhague et à Berlin, puis, avec l'autorisation de Pierre Ier, prit du service en Hanovre, et vint à Pétersbourg comme envoyé anglais porter la nouvelle de l'avènement de l'électeur de Hanovre Georges Ier au trône d'Angleterre. Entré au service russe en 1717, il occupa de 1721 à 1740 le poste de résident à Copenhague, avec une interruption de 1731 à 1735, pendant laquelle il rendit à l'Impératrice Anne des services signalés, comme de tirer des Archives de Kiel le testament de Catherine Ire, et se concilia la confiance de Biron, qui le créa en 1740 ministre de cabinet pour faire échec à Ostermann. Entraîné dans la chute du favori et condamné à être écartelé le 17 janvier 1741, il fut gracié et relégué dans ses terres, d'où, à la fin de la même année, le comte Golovkine et le prince N. Troubetzkoï, ennemis d'Ostermann, le firent revenir à Pétersbourg. L'avènement d'Elisabeth Pétrowna lui valut le poste de vice-chancelier, dans lequel, élevé le 2 juillet 1745 par François Ier à la dignité de comte du Saint Empire Romain, il se montra champion „des systèmes de Pierre-le-Grand“, c'est-à-dire de l'alliance avec l'Autriche, et avec l'Angleterre, qui la soutenait alors, contre la France et surtout contre la Prusse. Le parti franco-prussien puissant à l'avènement d'Elisabeth, le marquis de La Chétardie en tête, fit tous ses efforts pour le perdre. Mais les intrigues échouèrent. La Chétardie fut expulsé de Russie en 1744, et Bestoujeff, nommé alors chancelier, conclut en 1746 un traité d'alliance avec l'Autriche. Puis survint le rapprochement de l'Angleterre et de la Prusse, d'une part, de la France et de l'Autriche, de l'autre, nouvelle combinaison qui ruina son prestige de politicien clairvoyant. Ses relations avec la Grande-Duchesse Catherine Alexéewna, à laquelle il songeait à faire prendre une part d'autorité dans l'éventualité de l'avènement de son incapable époux, fournirent à ses ennemis le prétexte de l'accuser de crime contre l'Etat et de le faire arrêter. Condamné à mort en 1759, il fut gracié et relégué dans son domaine patrimonial de Gorétovo, près Mojaïsk. Parvenue au trône, Catherine II s'empressa de tirer son partisan de l'exil et de le réhabiliter par manifeste spécial, le fit général feld-maréchal et ne cessa de lui témoigner une haute estime. Mais Bestoujeff avait alors perdu toute influence et passa ses dernières années à l'écart, aux prises avec des ennuis de famille causés par „la vie de débauche et de désordre“ de son fils André.

Le comte Bestoujeff-Rioumine avait épousé la fille du résident de Russie à Hambourg, Anne Ivanowna Betticher († 15 décembre 1761), dont il n'eut d'autre enfant que son fils André, mort sans postérité en 1768. Il mourut le 10 avril 1767.

Bestoujeff fut une heureuse exception parmi les diplomates du XVIIIe siècle, chez qui la vénalité était de règle. Il ne se ternit par aucunes „preuves tangibles de la bienveillance des cours étrangères“, et s'il était partisan de l'alliance autrichienne, ce fut dans la conviction sincère qu'elle était indispensable à la Russie, et que par contre le renforcement de la France et de la Prusse violait ses intérêts essentiels. Avec son instruction étendue, son goût pour la chimie et la médecine, il était en même temps croyant, et adoucit son exil en faisant un recueil de „sentences choisies de l'Ecriture Sainte pour la consolation de tout chrétien innocent et persécuté“.

(D'après un original de Tocqué appartenant au prince A. Golitzyne-Prozorowsky, Ramenskoïé, gouv. de Moscou.)

Portrait of a woman, seated, facing slightly to the right.

Portrait of a woman, seated, facing slightly to the right.

Пис. Мокко

Peint par Tocqué

*Графъ Алексѣй Петровичъ
Бестужевъ-Рюминъ, 1693-1767*

*Le Comte Alexis Pétrowitch
Bestoujeff-Rioumine, 1693-1767*

Князь ЮРІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ, 1740—1830, подполковникъ Преображенскаго полка, генераль-аншефъ, родился 2 Ноября 1740 г. и былъ сынъ князя Владиміра Петровича († 1761 г.) отъ брака его съ княжной Еленой Васильевной Хилковой († 12 Мая 1763 г.). Тяжело раненый въ голову при Гросъ-Эгерсдорфѣ, перенесшій трепанацию черепа, Долгорукій дожилъ до глубокой старости. Участникъ морской экспедиціи графа А. Г. Орлова въ Архипелагъ и командиръ „Ростислава“ въ Чесменскомъ бою, начальникъ Морейской экспедиціи, побѣдитель турокъ при Кишиневѣ, Аккерманѣ и Бендерахъ, кавалеръ св. Георгія 3-й ст. (22 Сентября 1770 г.), Андрея Первозваннаго (24 Ноября 1789 г.) и Владиміра 1-й ст. (2 Сентября 1793 г.), князь Долгорукій, видный дѣятель трехъ царствованій, пережилъ Александра I, отъ котораго получилъ табакерку съ портретомъ. (Подробныя біографическія о немъ свѣдѣнія см. т. II, № 130.) Князь Юрій Владиміровичъ доживалъ свой долгій вѣкъ въ Москвѣ, въ полномъ одиночествѣ, переживъ всѣхъ своихъ близкихъ, до единственной внучки включительно. Онъ скончался 90 лѣтъ отъ роду, отъ холеры, 8 Ноября 1830 года и похороненъ въ селѣ Никольскомъ, близъ Москвы, рядомъ съ женой. Человѣкъ умный, тонкій и тактичный, онъ былъ администраторъ плохой, и его недолгое генераль-губернаторство въ Москвѣ отмѣчено Болотовымъ, какъ одно изъ неудачныхъ, когда особенно развились взятки, лихоимство и всякое безправіе.

Князь Ю. В. Долгорукій былъ женатъ на графинѣ Екатеринѣ Александровнѣ Бутурлиной (р. 1750 г., † въ Декабрѣ 1811 г.), родной сестрѣ жены его старшаго брата, генераль-поручика князя Василя Владиміровича (р. 1738 г., † 26 Сентября 1782 г.), Варвары Александровны Бутурлиной, дочери фельдмаршала графа Александра Борисовича. Такъ какъ бракъ этотъ, заключенный въ Орловской губ., по возвращеніи князя Долгорукаго изъ Турецкаго похода осенью 1774 г., не могъ быть признанъ законнымъ, то его долго скрывали, и дѣти князя Юрія Владиміровича считались дѣтьми его родной сестры, княгини А. В. Козловской, извѣстной своимъ жестокимъ нравомъ, которая, когда то было нужно, старалась казаться беременной, обкладывая себя подушками. (То же рассказываютъ о женѣ брата, княгинѣ В. А. Долгорукой, но она умерла въ концѣ 1774 г., т.-е. почти одновременно съ женитьбой князя Юрія Владиміровича.) Послѣ смерти брата и его жены, бракъ князя Долгорукаго Синодомъ былъ признанъ законнымъ, а дѣти получили фамилію отца. Въ 1787 г., въ Полтавѣ, Екатерина II на смотрѣ легко-конныхъ полковъ пришла „въ восхищеніе: пожаловала женѣ моей“, пишетъ князь Долгорукій, „брильянтовый букетъ, и малолѣтнюю мою дочь пожаловала во фрейлины и меня въ подполковники Преображенскаго полка“. Дочь, о которой тутъ говорится, была княжна Варвара, родившаяся 22 Января 1776 г., близнецомъ съ братомъ Василиемъ, который умеръ молодымъ, не женатымъ, 2 Сентября 1810 г., въ чинѣ генераль-адъютанта; княжна Варвара была замужемъ за Военнымъ министромъ княземъ Алексѣемъ Ивановичемъ Горчаковымъ (р. 20 Мая 1769 г., † 12 Ноября 1817 г.) и умерла 10 Мая 1828 года (похоронена въ с. Бобринкахъ, Тульской губ.); она имѣла одну только дочь Лидію († 1826 г.). Княгиня Е. А. Долгорукая, пожалованная 5 Апрѣля 1797 года орденомъ св. Екатерины меньшаго креста и статсъ-дамой, умерла въ Декабрѣ 1811 года.

Е. П. Янькова, братъ которой былъ женатъ на крестницѣ князя Ю. В. Долгорукаго, княгинѣ М. П. Долгорукой, хорошо помнившая старика, говоритъ: „Князю Ю. В. въ 1809 г. было лѣтъ подъ 70; онъ былъ ростомъ не очень великъ, но, впрочемъ, и не малъ, довольно полный, лицо имѣлъ пріятное, хотя черты не были правильны и были не особенно красивы. Что-то спокойное было въ выраженіи и много добродушія, и вмѣстѣ съ тѣмъ и величавости; съ перваго взгляда можно было угадать, что это настоящій вельможа, ласковый и внимательный. Давно всѣ перестали пудриться и начали носить суконное кургузое платье; онъ до конца жизни пудрился и ходилъ въ бархатѣ и шелку; онъ все еще носилъ французскій кафтанъ, и было это весьма прилично. Домъ князя былъ на Никитской, одинъ изъ самыхъ большихъ и красивыхъ домовъ въ Москвѣ. На большомъ, широкомъ дворѣ, какъ онъ ни былъ великъ, иногда не умѣщались кареты, съѣзжавшіяся со всей Москвы къ гостепріимному хозяину, и какъ ни обширенъ былъ домъ, въ немъ жилъ только князь съ княгиней, на лѣтнее время князь переѣзжалъ въ Петровское-Разумовское, гдѣ были празднества и увеселенія, какихъ Москва уже не увидитъ“...

(Съ портрета Кюнеля, 1813 г.; собственность князя Н. С. Долгорукаго, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince YOURI VLADIMIROVITCH DOLGOROUKY, 1740—1830, lieutenant-colonel au régiment Préobragensky, général en chef, naquit le 2 novembre 1740; il était fils du prince Vladimir Pétrowitch Dolgorouky († 1761) et d'Hélène Vassiliowna, née princesse Khilkoff († 12 mai 1763). Grièvement blessé à la tête à Gross-Jägersdorf, il subit l'opération du trépan et parvint à une profonde vieillesse. Membre de l'expédition navale du comte A. Orloff dans l'Archipel, commandant du Rostislav au combat de Tchesmé, chef de l'expédition de Morée, vainqueur des Turcs à Kichineff, Akkermann et Bender, chevalier de St-Georges de 3e classe (22 septembre 1770), de St-André (24 novembre 1789) et de St-Vladimir de 1re classe (2 septembre 1793), le prince Dolgorouky, dont la carrière marquante embrassa trois règnes, survécut à Alexandre Ier, dont il reçut une tabatière à portrait (V. l'esquisse biographique détaillée, T. II, № 130). Il acheva à Moscou le cours de sa longue existence, dans un isolement complet, après avoir successivement perdu tous ses proches, jusqu'à sa petite-fille unique inclusivement. Il mourut du choléra à 90 ans, le 8 novembre 1830, et fut inhumé près de sa femme au village de Nikolskoïé, près Moscou. Avec son esprit, sa finesse et son tact, il fit un mauvais administrateur: son court passage à Moscou comme général gouverneur est relevé par Bolotoff comme un des moins heureux et marquant une recrudescence particulière de concussions, exactions et abus de toute sorte.

Le prince Dolgorouky épousa la comtesse Catherine Alexandrowna Boutourline (1750—décembre 1811), sœur de la femme Varvara de son frère aîné Basile (1738—26 septembre 1782), général lieutenant, et fille du comte Alexandre Borissowitch Boutourline, feld-maréchal. Ce mariage, conclu dans le gouvernement d'Orel, au retour du prince de la campagne de Turquie à l'automne de 1774, ne pouvant être reconnu légitime, fut longtemps tenu caché: les enfants étaient considérés comme étant ceux d'une sœur du père, la princesse A. Kozlowsky, connue pour son humeur acariâtre, et qui, le moment venu, simulait la grossesse en se garnissant sous ses vêtements (Le fait est attribué à la princesse Varvara, belle-sœur du père: mais elle était morte à la fin de 1774, soit presque à l'époque même du mariage). Après la mort du frère et de sa femme, le Synode reconnut le mariage, et les enfants reçurent le nom de leur père. A une revue de cavalerie légère passée à Poltava en 1787, Catherine II, frappée „d'admiration, décerna à ma femme“, écrit le prince, „un bouquet en brillants, fit ma fille demoiselle d'honneur, et moi lieutenant colonel au régiment Préobragensky“. La fille dont il s'agit ici était la princesse Varvara, née le 22 janvier 1776, jumelle de son frère Basile, mort célibataire jeune, le 2 septembre 1810, général aide de camp, et mariée au prince Alexis Ivanowitch Gortchakoff (20 mai 1769—12 novembre 1817), ministre de la guerre; elle mourut le 10 mai 1828 et fut inhumée à Bobriki, gouvernement de Toula: elle avait eu une fille Lydie († 1826). La princesse Catherine Dolgorouky, faite le 5 avril 1797 dame de Ste-Catherine et dame d'honneur, mourut en décembre 1811.

Mme E. Yankoff, dont le frère avait épousé la princesse M. P. Dolgorouky, filleule du prince Youri Dolgorouky, dit du vieux prince, qu'elle se rappelait bien: „Il avait en 1809 près de 70 ans; ni petit ni grand, assez replet, il avait une figure agréable, malgré ses traits peu réguliers et plutôt laids, un air de sérénité mêlée de beaucoup de bonhomie et en même temps de majesté: on devinait au premier coup d'œil le vrai grand seigneur, gracieux et prévenant. Il y avait longtemps que personne ne se poudrait plus et que tout le monde avait adopté le vêtement de drap court: lui ne cessa jamais de se poudrer ni de s'habiller de velours et de soie; il portait encore l'habit à la française, et cela était fort seyant. Sa maison de la Nikitzkaïa était une des plus grandes et des plus belles de Moscou. La longue et large cour, toute vaste qu'elle était, ne suffisait pas toujours aux équipages venus des quatre coins de la ville chez l'accueillant amphitryon, et l'énorme maison n'était habitée que par le prince et la princesse; l'été, le prince allait à Pétrowskoïé-Razoumowskoïé, où se donnaient des fêtes et des divertissements comme Moscou n'en verra plus“.....

(D'après un original de Kühnel, 1813, appartenant au prince N. Dolgorouky, St-Pétersbourg.)

Пис. Яюналь, 1813

*Пнязъ Юрій Владиміровичъ
Долгорукій, 1740-1830*

Peint par Hubnel, 1813

*Le Prince Touri Vladimirowitch
Dolgorouky, 1740-1830*

НАТАЛІЯ ИВАНОВНА МЕЛЬГУНОВА, 1742—1782, младшая изъ четырехъ дочерей генераль-аншефа Ивана Алексѣевича Салтыкова († 1773 г.), женатаго на графинѣ Анастасіи Петровнѣ Толстой, родилась въ 1742 году. Въ замужство съ извѣстнымъ приверженцемъ Петра III, „недоброхотомъ“, а впослѣдствіи преданнымъ и довѣреннымъ сотрудникомъ Екатерины II, Алексѣемъ Петровичемъ Мельгуновымъ (р. 1722 г., † 1788 г.), она вступила уже тогда, когда блестящая его карьера и богатство дѣлали изъ него выгодную партію для сестры будущаго фельдмаршала, князя Николая Ивановича Салтыкова. Раздѣляя съ нимъ его пышную и веселую жизнь, она являлась хозяйкою на роскошныхъ праздникахъ, даваемыхъ на принадлежавшихъ ему Елагиномъ островѣ и Приморскомъ дворѣ и посѣщаемыхъ Екатериною, а затѣмъ въ Ярославлѣ, послѣ назначенія Мельгунова намѣстникомъ Ярославскимъ.

Наталія Ивановна Мельгунова скончалась въ Ярославлѣ въ 1782 г. и была погребена въ Толгскомъ монастырѣ, близъ Ярославля. Рядомъ съ нею, шесть лѣтъ спустя, похороненъ былъ ея мужъ; происшедшимъ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія обваломъ церковнаго потолка могилы ихъ были разрушены, и о мѣстѣ ихъ упокоенія свидѣтельствуеъ лишь сохранившаяся доска съ надписью.

Сбивчивыя свѣдѣнія, имѣющіяся о сынѣ А. П. Мельгунова, не позволяютъ установить, былъ ли онъ рожденъ отъ брака съ Н. И. Салтыковой или отъ перваго его брака съ одной изъ любимыхъ дворцовыхъ дѣвушекъ Императрицы Елисаветы Петровны, нѣмецкаго происхожденія. Дочь же Наталіи Ивановны Мельгуновой, Екатерина Алексѣевна († 23 Августа 1853 г.), была замужемъ за генераль-лейтенантомъ княземъ Дмитріемъ Петровичемъ Волконскимъ (р. 1764 г., † 1812 г.).

(Съ портрета Левицкаго; собственность свѣтлѣйшаго князя П. Д. Волконскаго, въ С.-Петербургѣ.)

NATALIE IVANOWNA MELGOUNOFF, 1742—1782, la plus jeune des quatre filles du général en chef Ivan Alexéewitch Saltykoff († 1773) et d'Anastasie Pétrowna, née comtesse Tolstoï, naquit en 1742. Son mariage avec le fameux partisan „involontaire“ de Pierre III, puis collaborateur dévoué et homme de confiance de Catherine II, Alexis Pétrowitch Melgounoff (1722—1788), ne fut conclu que quand sa brillante carrière et sa fortune en eurent fait un parti convenable pour la sœur du futur feld-maréchal prince Nicolas Ivanowitch Saltykoff. Partageant avec lui sa somptueuse et joyeuse vie, elle présidait aux fêtes luxueuses qu'il donnait dans son Ile Elaguine et sa Villa du Littoral, et où fréquentait Catherine, puis à Yaroslavl lorsqu'il en eut été nommé lieutenant.

Mme Melgounoff mourut à Yaroslavl en 1782, et fut inhumée aux environs, au monastère de la Tolga. Son mari fut inhumé à ses côtés six ans plus tard. Dans les années 60, la voûte de l'église s'effondra, les tombeaux furent détruits, et l'emplacement des sépultures n'est plus indiqué que par la pierre tombale, restée intacte avec son inscription.

Les données confuses qu'on possède sur le fils de A. Melgounoff ne permettent pas d'établir s'il était de Natalie Melgounoff ou d'un premier mariage avec une favorite, allemande d'origine, de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna. Mais Natalie Melgounoff eut une fille Catherine († 23 août 1853), qui épousa le prince Dmitri Pétrowitch Wolkonsky (1764—1812), général lieutenant.

(D'après un original de Lévitzy, appartenant au prince Sérénissime P. Wolkonsky, St-Pétersbourg.)

Portrait of [Name]
[Location]

Portrait of [Name]
[Location]

Пис. Левицкий

Peint par Lévitaky

*Наталиа Ивановна
Мельгунова, 1742-1782*

*Natalie Ivanowna
Melgounoff, 1742-1782*

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ МЕЛЬГУНОВЪ, 1722—1788, сынъ С.-Петербургскаго вице-губернатора дѣйств. статскаго совѣтника Петра Наумовича Мельгунова, родился 9 Февраля 1722 года. Послѣ обученія въ Сухопутномъ Кадетскомъ корпусѣ онъ былъ камеръ-пажемъ, а затѣмъ посвятилъ себя военной службѣ. Въ 1756 г., въ чинѣ бригадира, онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ Великому Князю и пріобрѣлъ его благоволеніе прежде всего хорошимъ знаніемъ нѣмецкаго языка, затѣмъ онъ командовалъ Ингерманландскимъ пѣхотнымъ полкомъ, позднѣе былъ начальникомъ кадетскаго корпуса; 28 Декабря 1761 г. Петръ III произвелъ его въ генераль-майоры, а въ Февралѣ Мельгуновъ былъ уже генераль-поручикомъ; 16 Февраля ему было поручено принимать доносы „объ умыслѣ по первому и второму пункту“; Петръ III пожаловалъ своему любимцу 1000 душъ и землю въ Петербургѣ и 18 Мая назначилъ его членомъ Особаго собранія при Императорѣ. Переворотъ 28 Іюня заставилъ Мельгунова покинуть Дворъ, но Екатерина вскорѣ пригласила его вновь на службу и въ 1764 году назначила генераль-губернаторомъ Новороссійской губерніи. Въ 1765 г. онъ былъ „пожалованъ въ Москву сенаторомъ и Камеръ-Коллегіи президентомъ“. Въ чинѣ дѣйств. тайнаго совѣтника онъ въ 1777 г. былъ назначенъ Ярославскимъ генераль-губернаторомъ, а затѣмъ съ 1780 г., въ теченіе 8-и лѣтъ, управлялъ Ярославскимъ и Вологодскимъ намѣстничествами. Занятый административными дѣлами и организаціей новыхъ губернскихъ учреждений, Мельгуновъ исполнилъ между прочимъ порученіе Императрицы, заключавшееся въ отпавкѣ въ Данію жившихъ въ Холмогорахъ Брауншвейгскихъ принцевъ; за это онъ въ 1780 г. получилъ орденъ св. Андрея; слѣдующей и послѣдней наградой была полученная имъ въ 1785 г. Владимірская лента. Мельгуновъ умеръ 2 Іюля 1788 г. и погребенъ въ Толгскомъ монастырѣ. Обвалившійся церковный сводъ повредилъ могилу Мельгунова, останки его исчезли, хотя мраморная надгробная плита сохранилась въ цѣлости.

„Въ обществахъ молчаливый, съ подчиненными строгій“, Мельгуновъ обладалъ счастливою способностью угождать сильнымъ людямъ. При Елисаветѣ онъ, на правахъ стараго товарища, сдѣлался „intime ami et confident“ И. И. Шувалова и понравился наслѣднику, подлаживаясь подъ его нѣмецкіе вкусы; потерпѣвъ крушеніе при переворотѣ 28 Іюня, онъ въ скоромъ времени „умѣлъ сблизиться“ съ Потемкинымъ и заслужилъ благоволеніе свободомыслящей Императрицы переводами изъ Энциклопедіи. Поддерживая связи съ вліятельными людьми, онъ не прочь былъ подслужиться къ нимъ. Выпрашивая у Потемкина п князя А. А. Вяземскаго милости для себя и своихъ подчиненныхъ, Мельгуновъ посылалъ имъ то аршинныхъ стерлядей, то „серебряную табакерку Устюжской работы“, то „поенаго теленочка“ или „мѣхъ изъ оленьихъ выпоротковъ, въ разсужденіи его рѣдкости, легкости и теплоты“... Мельгуновъ былъ какъ бы созданъ для роли администратора во вкусѣ Екатерины II. Императрица, желая убѣдить всѣхъ въ своемъ „милостивомъ о блаженствѣ подданныхъ своихъ матернемъ понеченіи“, не могла найти человѣка, болѣе способнаго „образъ ея въ лицѣ намѣстника явить“. Въ этомъ отношеніи онъ въ глазахъ Екатерины былъ, дѣйствительно, „человѣкомъ, очень и очень полезнымъ государству“. Мельгуновъ былъ большимъ бариномъ, жилъ открыто и пышно; его пикники на Елагиномъ островѣ были восиѣты Державинымъ; въ Ярославлѣ онъ на своихъ обѣдахъ и балахъ соединялъ мѣстное общество; держалъ большую псовую охоту и одного бургонскаго вина выписывалъ изъ-за границы на тысячи рублей. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, науки и литература процвѣтали въ его областяхъ. „Музы притекли на берега Волги“ къ Мельгунову и взяли подъ свое покровительство не только „театръ, составленный изъ благородныхъ особъ“, но и журналъ „Уединенный Пошехонецъ“, основанный для того, чтобы воспѣвать „плоды труда“ Ярославскаго генераль-губернатора. Въ Новороссіи Мельгуновъ, произведя у Днѣпра раскопки, открылъ „памятники нѣкоторыхъ жившихъ тамъ народовъ“; на Сѣверѣ онъ „собралъ“ для Эрмитажа „нѣкоторые остатки зырянскихъ древнихъ бумагъ“. Гонимая за модой, Мельгуновъ принадлежалъ къ не навлекшимъ тогда еще на себя подозрѣній масонамъ, и для вѣщаго успѣха культуры подъ его покровительствомъ въ Ярославлѣ процвѣтала масонская ложа. „Являя собою примѣръ трудолюбія“, онъ заботился о правосудіи, внѣшнемъ благоустройствѣ края, насажденіи просвѣщенія и призрѣніи бѣдныхъ: при немъ были основаны Домъ призрѣнія ближняго и Народное Училище (гимназія) въ Ярославлѣ.

(Съ портрета Левшцаго; находится въ Гатчинскомъ Дворцѣ.)

ALEXIS PÉTROWITCH MELGOUNOFF, 1722—1788, fils du conseiller d'état actuel Pierre Naoumowitch Melgounoff, vice-gouverneur de St-Pétersbourg, naquit le 9 février 1722. Il fit ses études au Corps des Cadets, d'où il sortit page de la Chambre, puis se consacra à la carrière des armes. En 1756, brigadier, il fut nommé aide de camp du Grand-Duc, dont il se concilia les bonnes grâces, en raison surtout de sa connaissance sérieuse de l'allemand. Il commanda ensuite le régiment d'infanterie d'Ingermanie, puis fut commandant du Corps des Cadets. Le 28 décembre 1761, Pierre III le fit général major, et, en février 1762, il était déjà général lieutenant. Le 16 février, il fut chargé de recueillir les dénonciations de „préméditation sur le premier et le second points“. Pierre III conféra à son favori 1000 têtes de paysans et un terrain à Pétersbourg, et le nomma le 18 mai membre du Comité Spécial attaché à l'Empereur. Le coup d'état du 28 juin obligea Melgounoff à quitter la Cour. Mais Catherine le fit bientôt revenir, le nomma en 1764 général gouverneur de la Nouvelle-Russie, et en 1765 „sénateur à Moscou et président du Collège de la Chambre“. Conseiller privé actuel, il fut fait en 1777 général gouverneur de Yaroslav, puis, à partir de 1780, administra huit ans les lieutenances de Yaroslav et de Vologda. Outre ses affaires administratives et l'organisation des nouvelles institutions de gouvernement, il remplit entre autres la mission que lui confia l'Impératrice de reconduire en Danemark les princes de Brunswick fixés à Kholmogory, et qui lui valut en 1780 St-André. Sa suivante et dernière distinction fut le cordon de St-Vladimir en 1785. Il mourut le 2 juillet 1788, et fut inhumé au monastère de la Tolga. Un effondrement de la voûte de l'église a détruit sa sépulture et ses restes ont disparu: seule la plaque de marbre du tombeau est restée intacte.

„Peu loquace en société, sévère avec ses subordonnés“, Melgounoff avait l'heureuse faculté de complaire aux puissants. Sous Elisabeth, il devint, sur la base d'une vieille camaraderie, „intime ami et confident“ de Schouvaloff et conquit le Grand-Duc en flattant ses manies allemandes; jeté à la dérive au 28 juin, vite il „sut se rapprocher“ de Potemkine et se concilia les bonnes grâces de la Souveraine libre-penseuse en traduisant des fragments de l'Encyclopédie. Pour consolider ses relations avec les gens influents, il savait au besoin se faire insinuant: il accompagnait ses requêtes à Potemkine et au prince Viazemsky pour lui ou des subordonnés soit de sterlets d'une archine, soit „d'une tabatière d'argent à la façon d'Oustioug“, soit „d'un veau gorgé de lait“, soit „d'une fourrure de renne mort-né, à cause de sa rareté, de sa légèreté et de sa chaleur“..... Il était comme créé exprès pour faire un administrateur dans le goût de Catherine II, qui, avec son désir de convaincre de sa „gracieuse et maternelle sollicitude pour le bien de ses sujets“, ne pouvait trouver un homme plus propre à „la manifester en personne sous les traits d'un lieutenant“. A cet égard, il était bien à ses yeux „un homme vraiment fort utile à l'Etat“. Melgounoff menait grand train, tenant table ouverte et vivant somptueusement: ses réceptions de l'Ile Elaguine furent chantées par Derjavine; à Yaroslav, il avait à ses dîners et à ses bals toute la société de l'endroit, entretenait une meute, et faisait venir de l'étranger des milliers de roubles rien que de vins de Bourgogne. Mais en même temps la science et la littérature florissaient dans ses parages: „les Muses affluèrent sur les rives du Volga“ chez Melgounoff, et y prirent sous leur protection non seulement „une scène d'amateurs nobles“, mais aussi Le Pochékhonien Solitaire, revue fondée pour célébrer „les fruits du labeur“ du général gouverneur de Yaroslav. En Nouvelle-Russie, Melgounoff fit des fouilles sur le Dniéper et mit au jour „des monuments de peuples y ayant habité“; dans le Nord, il „recueillit“ pour l'Ermitage „quelques fragments de vieux papiers zyriens“. A l'affût de la mode, il se fit maçon, — on n'était pas encore suspect pour cela, — et, pour le plus grand profit du progrès, une loge florit à Yaroslav sous ses auspices. „D'une activité exemplaire“, il favorisa la justice, la prospérité matérielle de la région, la propagation de l'instruction et l'assistance aux pauvres, et fit fonder à Yaroslav un hospice et une école publique (gymnase).

(D'après l'original de Lévitzy, Palais de Gatchina.)

Пис. Левицкий

*Алексей Петрович
Мельгунов, 1722-1788*

Peint par Lévilsky

*Alexis Pétrowitch
Melgounoff, 1722-1788*

ПЕТРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ (Меньшой) БАКУНИНЪ, 1734—1786, сынъ члена Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Василя Михайловича († 1766 г.), учился съ 1748 г. въ Кадетскомъ корпусѣ, гдѣ въ 1750 г. былъ сержантомъ; по окончаніи ученія въ 1752 г., съ чиномъ поручика, опредѣленъ переводчикомъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ; въ 1758 г. произведенъ въ титулярные совѣтники, въ 1759 г.—въ секретари майорскаго ранга, въ 1762 г.—въ совѣтники. Въ 1768 г. Бакунинъ былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и въ 1775 г.—въ дѣйствительные, съ назначеніемъ, 10 Іюня, членомъ Коллегіи; 2 Февраля 1784 г. онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники, пожалованъ 5 Мая 1779 г. Аннинской лентой, а 26 Ноября 1782 г. звѣздой св. Владиміра 2-й ст.; все время службы Бакунинъ состоялъ въ Секретной экспедиціи Коллегіи и исполнялъ дипломатическія порученія въ Дрезденѣ и при Куръ-Пфальцскомъ дворѣ.

Человѣкъ значительнаго ума, гибкій и вкрадчивый, Бакунинъ считался крупнымъ дѣльцомъ и выдающимся мастеромъ по части составленія бумагъ; хотя онъ никогда не былъ въ числѣ „любимцевъ“, но влияніе его на дѣла было очень велико, благодаря чему съ нимъ приходилось считаться иностраннымъ дипломатамъ, которымъ не по душѣ былъ его несговорчивый, упорный характеръ. Сардинскій посланникъ маркизъ де-Парело не даромъ писалъ о немъ: „*Tartare d'origine (!), comme sa physionomie même l'atteste*“. Также недоволенъ былъ имъ и Сегюръ, снискавшій въ Россіи благоволеніе Императрицы и Потемкина: Бакунинъ сильно тормозилъ переговоры по заключенію франко-русскаго торговаго договора. По мнѣнію Сегюра, онъ „былъ совершенно преданъ англичанамъ, министры не слишкомъ-то его уважали, а Великій Князь его не принималъ, такъ какъ онъ очернилъ себя неблагодарнымъ поступкомъ въ отношеніи графа Панина“, и даже увѣрялъ, что Бакунинъ подкупленъ Вѣнскимъ дворомъ. Тѣмъ не менѣе, французскій посолъ долженъ былъ сознаться, что Безбородко „не могъ устоять противъ продѣлокъ Бакунина“. Покинувъ своевременно Н. И. Панина, выдвинувшаго его, правой рукой котораго онъ долго былъ, Бакунинъ, можетъ-быть, содѣйствовалъ его паденію. Не поддерживая устарѣвшей системы Панина — идею сближенія Россіи съ Пруссіей, Бакунинъ сдѣлался невольнымъ его противникомъ; съ именемъ Бакунина связана память о „вооруженномъ нейтралитетѣ“; онъ, а не Панинъ, былъ его творцомъ. Зато съ людьми нужными Бакунинъ всегда сохранялъ хорошія отношенія. Когда, съ легкой руки А. Разумовскаго, малороссы вошли въ моду въ Петербургѣ и, цѣпко хватаясь другъ за друга, ползли вверхъ по чиновной лѣстницѣ, пріобрѣтая, благодаря своей ловкости и пронырству, большое влияніе, Бакунинъ былъ со многими изъ нихъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Въ 1778 г. эксъ-фаворитъ Завадовскій писалъ Бакунину: „Еще прошу Васъ, любите нашего сироту Александра Андреевича: онъ добрый человѣкъ, остерегайте его, гдѣ онъ неостороженъ и гдѣ дружескій совѣтъ нуженъ; я къ нему пишу, чтобы онъ у Васъ заслуживалъ сію для себя полезную усердность“. Но скоро „сирота“ Безбородко достигъ большой высоты, и 10 Сентября 1783 г. Бакунинъ просилъ его хлопотать о пожалованіи ему деревень или гаковъ въ Курляндіи, при чемъ о своей службѣ писалъ: „О 35-лѣтней моей службѣ могу я смѣло и справедливо сказать, что имѣть всегда честь и рвеніе къ дѣлу было одною цѣлью всѣхъ моихъ поступковъ... употребляемъ былъ и непрерывно упражнялся въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ; что чрезъ мои руки прошли: выборъ короля Польскаго, возстановленіе диссидентовъ, раздѣлъ Польши и конечное оной успокоеніе, дѣла шведскія на многихъ сеймахъ, всѣ негоціаціи съ дворами Лондонскимъ, Вѣнскимъ, Берлинскимъ и Копенгагенскимъ, всѣ съ ними заключенные союзные и другіе трактаты и конвенціи, отправленіе въ Архипелагъ адмирала Спиридова и другихъ, вслѣдъ за нимъ посланныхъ морскихъ начальниковъ, и всѣ вообще дѣла и негоціаціи съ Портою Оттоманскою; что истину сего свидѣлствуютъ неоспоримымъ образомъ хранящіеся въ Коллегіи отпуски моей руки, кои составляютъ цѣлыя стопы министеріальныхъ депешей и другихъ сочиненій, и напоследокъ, съ 1775 г., когда пожалованъ былъ членомъ Коллегіи, не уменьшались, но скорѣе возросли еще мои труды, когда весь внутренній распорядокъ дѣла па меня палъ и когда долженъ не меньше прежняго самъ сочинять всѣ важныя бумаги“. До конца дней сохранялъ Бакунинъ дружбу съ Безбородкомъ и не забылъ его даже въ завѣщаніи предъ смертью: „Малага въ полубутылкахъ Его Сіятельству Александру Андреевичу; ему же Зеленая бочка“.

Бакунинъ былъ женатъ на А. С. Татищевой; умеръ онъ 16 Мая 1786 г. и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ; „памятникъ ставилъ другъ и родственникъ его графъ Александръ Воронцовъ“.

(Съ портрета Левицкаго, 1782 г.; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

PIERRE VASSILIEWITCH (Cadet) BAKOUNINE, 1734—1786, fils de Basile Mikhaïlowitch Bakounine († 1766), membre du Collège des Affaires étrangères, entra en 1748 au Corps des Cadets, où il était sergent en 1750. Sorti lieutenant en 1752 et fait traducteur au Collège des Affaires étrangères, il passa en 1758 conseiller titulaire, en 1759 secrétaire avec rang de major, en 1762 conseiller. Conseiller d'état en 1768, en 1775 il fut promu conseiller d'état actuel et, le 10 juin, nommé membre du Collège. Conseiller privé le 2 février 1784, il avait reçu le 5 mai 1779 le cordon de Ste-Anne et le 26 novembre 1782 l'étoile de St-Vladimir de 2e classe. Durant toute sa carrière, il resta attaché à la chancellerie secrète du Collège et remplit des missions diplomatiques à Dresde et à la Cour Palatine.

Forte tête, souple et insinuant, Bakounine était réputé gros personnage aux affaires et passé maître dans la confection des pièces de service; sans avoir jamais été du nombre des favoris, il exerça toujours une influence considérable, et les diplomates étrangers, qui s'accommodaient mal de son caractère difficile et entêté, avaient à compter avec lui. Ce n'est pas sans raison que le marquis de Parelo, envoyé de Sardaigne, écrivait: „Tartare d'origine (!), comme sa physionomie même l'atteste“. Il ne plaisait pas non plus à Ségur, qui s'était concilié en Russie les bonnes grâces de l'Impératrice et de Potemkine: il faisait traîner les négociations du traité de commerce franco-russe, et, à en croire Ségur, „était tout dévoué aux Anglais; les ministres ne faisaient pas trop de cas de lui, et il n'était pas reçu par le Grand-Duc, qui lui en voulait de sa noire ingratitude envers le comte Panine“; Ségur va jusqu'à le dire vendu à la cour de Vienne. Aussi bien, l'ambassadeur de France dut convenir que Bezborodko „ne put tenir contre les menées de Bakounine“. En lâchant à temps N. Panine, qui l'avait poussé et dont il fut longtemps le bras droit, il contribua peut-être à sa chute. Ennemi de son idée surannée de rapprochement avec la Prusse, il était involontairement devenu son adversaire; son nom est inséparable de la „neutralité armée“, qui est de lui, et non de Panine. Par contre, avec les gens utiles, il resta toujours en bons termes. Lorsque les Petits-Russiens, lancés par Razoumowsky, furent en vogue à Pétersbourg, et, se faisant la courte échelle jusqu'au haut de la hiérarchie, prirent, à force d'adresse et d'intrigues, une influence considérable, il fut en relations d'amitié avec beaucoup d'entre eux. En 1778, l'ex-favori Zavadowsky lui écrivait: „Et puis aussi, je vous en prie, aimez bien notre orphelin Alexandre Andréewitch: c'est un excellent homme; prenez soin de lui quand il est imprudent et qu'il lui faut un bon conseil. Je lui écris de se rendre digne près de vous de cette précieuse sollicitude“. Mais l'„orphelin“ Bezborodko parvint bientôt très haut, et, le 10 septembre 1785, Bakounine le pria de lui faire concéder des villages ou des domaines en Courlande, et rapportait à l'appui de ses états de service: „Dans mes trente-cinq années de service, je peux le dire sans crainte et en toute justice, j'ai toujours été loyal, et le dévouement au devoir a toujours été le but unique de mes actes..... J'ai été employé et me suis incessamment exercé aux affaires d'état les plus importantes; ont passé par mes mains: l'élection du Roi de Pologne, la protection des dissidents, le partage de la Pologne et sa pacification définitive, les affaires de Suède à plusieurs diètes, toutes les négociations avec les cours de Londres, Vienne, Berlin et Copenhague, tous les traités, d'alliance et autres, et conventions conclus avec elles, l'envoi dans l'Archipel de l'amiral Spiridoff et des autres officiers de marine expédiés après lui, et toutes les affaires et négociations en général avec la Porte Ottomane. De tout ceci font incontestablement foi les minutes de ma main conservées au Collège et formant des liasses entières de dépêches et autres pièces; après ma nomination de membre du Collège en 1775, mes travaux, loin de diminuer, ne firent qu'augmenter encore, quand toute la répartition intérieure des affaires se trouva à ma charge et que j'eus tout comme avant à composer moi-même tous les papiers importants“. Bakounine resta jusqu'à la fin de ses jours lié avec Bezborodko et ne l'oublia pas non plus dans son testament: „Le Malaga en demi-bouteilles à Son Altesse Alexandre Andréewitch; à lui aussi le tonneau vert“.

Bakounine épousa Mlle A. Tatichtcheff. Il mourut le 16 mai 1786, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky: „Monument élevé par son ami et parent, le comte Alexandre Worontzoff“.

(D'après l'original de Lévitzy, 1782, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

John Thompson
Tombstone, 1844-1870

John Thompson
Tombstone, 1844-1870

Пис. Левинский, 1782

*Петръ Васильевичъ
Бакунинъ, 1754-1786*

Peint par Lévilsky, 1782

*Pierre Vassiliewitch
Bakounine, 1754-1786*

АННА СЕРГѢВНА БАКУНИНА, 1741—1778, дочь флота капитанъ-командора Сергѣя Даниловича Татищева отъ брака съ Прасковьей Иларіоновной Воронцовой, двоюродная сестра графовъ Александра и Семена Воронцовыхъ и знаменитой княгини Екатерины Романовны Дашковой, родилась 3 Іюня 1741 года.

Отъ брака съ тайнымъ совѣтникомъ, членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Петромъ Васильевичемъ Бакунинымъ (р. 1734 г., † 16 Мая 1786 г.) у ней было 2 сына, Павелъ и Модестъ, и дочь Елизавета, оставшаяся послѣ нея малолѣтней (р. 26 Августа 1763 г., † 16 Марта 1798 г.) и бывшая позднѣе въ замужствѣ за камергеромъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Долгорукимъ († 1817 г.).

Анна Сергѣевна Бакунина скончалась 21 Октября 1778 года и похоронена въ Лазаревой церкви Александро-Невской лавры.

(Съ портрета Левицкаго, 1782 г.; Третьяковская галлерей, въ Москвѣ.)

ANNE SERGUÉEWNA BAKOUNINE, 1741—1778, fille du capitaine commandeur de marine Serge Danilowitch Tatichtcheff et de Prascovie Hilarionowna Worontzoff, et cousine germaine des comtes Alexandre et Siméon Worontzoff et de la fameuse princesse Catherine Romanowna Dachkoff, naquit le 3 juin 1741.

Elle eut de son mariage avec Pierre Vassiliewitch Bakounine (1734—16 mai 1786), conseiller privé, membre du Collège des Affaires étrangères, deux fils, Paul et Modeste, et une fille Elisabeth (26 août 1763—16 mars 1798), qui la perdit toute jeune et épousa dans la suite le prince Michel Alexandrowitch Dolgorouky († 1817), chambellan.

Mme Bakounine mourut le 21 octobre 1778 et fut inhumée dans l'église St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après l'original de Lévitzy, 1782, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

Пис. Левинский

*Анна Сергеевна
Бакунина, 1741-1778*

Peint par Levitsky

*Anna Sergueïevna
Bakounine, 1741-1778*

Князь ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ БАЯТИНСКІЙ, 1740—1811, сынъ князя Сергѣя Ивановича († 1746 г.) отъ брака съ Маврой Аѳанасьевной Степановой, рожденной Савеловой, въ третьемъ бракѣ Бутурлиной (р. 1698 г., † 1771 г.), въ 1758 г. произведенъ въ капитаны Лейбъ-кампаніи и арміи поручики. Принявъ участіе въ Семилѣтней войнѣ, онъ при Цорндорфѣ былъ взятъ въ плѣнъ пруссаками; Петръ III произвелъ Баятинскаго въ подполковники и пожаловалъ въ флигель-адъютанты. По свидѣтельству самой Екатерины II, ея супругъ, задумавъ ее арестовать, поручилъ исполненіе этого Баятинскому. Послѣдній, испуганный полученнымъ приказаніемъ, сообщилъ о немъ принцу Гольштинскому, который уговорилъ племянника отменить приказъ. Въ то время какъ младшій Баятинскій, Ѳедоръ Сергѣевичъ, былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ сторонниковъ Екатерины II, Иванъ Сергѣевичъ, очень любившій своего брата, но ничего не знавшій о замышляемомъ переворотѣ, остался вѣренъ Петру III, что не помѣшало ему съ успѣхомъ продолжать службу и при его преемникѣ. Баятинскій былъ назначенъ кавалеромъ къ Цесаревичу Павлу Петровичу и состоялъ при немъ до его вступленія въ бракъ. Онъ не принималъ участія въ воспитаніи Цесаревича, но проводилъ съ нимъ часть дня, являясь веселымъ собесѣдникомъ и часто досаждал ему своими совѣтами. Павелъ I навсегда сохранилъ милостивое расположеніе къ своему бывшему кавалеру. Въ 1763 г. Баятинскій ѣздилъ въ Стокгольмъ съ особымъ порученіемъ и въ томъ же году произведенъ въ полковники, въ 1769 г.—въ бригадиры и въ 1771 г.—въ генераль-майоры. Въ 1773 г. онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Парижъ, гдѣ оставался въ теченіе 12 лѣтъ, стараясь поддерживать дружескія отношенія между Россіей и Франціей. Когда въ Парижъ пріѣхалъ Цесаревичъ и его вторая супруга, путешествовавшіе по Европѣ подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, онъ принималъ ихъ въ своемъ домѣ и затѣмъ сопровождалъ по Франціи. Въ 1783 г. онъ подписалъ вмѣстѣ съ Австрійскимъ посломъ, въ качествѣ посредниковъ, Версальскій мирный договоръ и получилъ въ благодарность портреты королей Франціи, Англіи и Испаніи, украшенные брилльянтами. Генераль-поручикъ съ 1779 г. и Александровскій кавалеръ съ 1784 г., Баятинскій въ 1786 г. вышелъ въ отставку. Людовикъ XVI подарилъ ему на прощальной аудіенціи свой портретъ съ брилльянтами и написалъ о немъ лестный отзывъ Екатерины II. Скончался онъ въ Москвѣ 23 Декабря 1811 г., внезапно, находясь у своего брата, и погребенъ въ Покровскомъ монастырѣ. Баятинскій славился своей необыкновенной красотой, которую сохранилъ до преклонныхъ лѣтъ. Говорятъ, что въ Парижѣ были даже выѣски съ его портретами въ торговыхъ заведеніяхъ, подъ названіемъ „Au beau russe“.

Князь И. С. Баятинскій съ 8 Января 1767 г. былъ женатъ на принцессѣ Екатеринѣ Петровнѣ Гольштейнъ-Бекъ, изъ линіи пышнѣ царствующей въ Даніи, и имѣлъ отъ нея сына Ивана (р. 1772 г., † 1825 г.) и дочь Анну (р. 5 Декабря 1774 г., † 12 Апрѣля 1825 г.). Бракъ этотъ былъ несчастливъ, и супруги жили отдѣльно. Задолго до смерти князь И. С. Баятинскій тайно женился на дѣвицѣ Анастасіи Бибиковой, отъ которой имѣлъ 3 дѣтей, носившихъ фамилію „Бибитинскихъ“: 1) Василія Ивановича († въ молодости; дворянство дано ему въ 1797 г.); 2) Анастасію (р. 1797 г., † 1866 г.; за Б. М. Загряжскимъ и вторично за тайнымъ совѣтникомъ Г. В. Грудевымъ, † 1895 г.), и 3) Елизавету († 1834 г.; за Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ). По словамъ А. Я. Булгакова, Баятинскій незадолго до смерти, какъ будто предчувствуя ее, написалъ Государю о своемъ второмъ бракѣ.

(Съ миниатюры, принадлежащей Великому Князю Алексѣю Александровичу.)

Le prince IVAN SERGUÉEWITCH BARIATINSKY, 1740—1811, fils du prince Serge Ivanowitch Bariatinsky († 1746) et de Mavra Afanassiwna Stépanoff, née Savéloff, en troisièmes nocces Boutourline (1698—1771), fut promu en 1758 caporal à la Compagnie du Corps et lieutenant à l'Armée. A la Guerre de Sept-Ans, il fut fait prisonnier par les Prussiens à Zorndorf; Pierre III le promut lieutenant-colonel et le nomma son aide de camp. Au témoignage de Catherine II elle-même, l'Empereur, ayant conçu le projet de faire arrêter sa femme, lui en confia l'exécution; effrayé d'un tel ordre, il en fit part au prince de Holstein, qui fit renoncer son neveu à ce projet. Tandis que le plus jeune Bariatinsky, Théodore, était un des plus zélés partisans de Catherine II, son frère Ivan, qui avait pour lui un grand attachement, mais qui ne savait rien de la révolution projetée, resta fidèle à l'Empereur, ce qui ne nuisit nullement au succès de sa carrière sous le règne suivant. Fait chevalier du Césarewitch Paul Pétrowitch, il resta près de lui jusqu'à son mariage: sans collaborer à son éducation, il passait avec lui une partie de la journée, l'égayant par sa conversation et l'importunant parfois de ses conseils; Paul Ier ne cessa jamais de témoigner sa faveur à son ancien chevalier. En 1763, il alla à Stockholm avec une mission spéciale; promu colonel la même année, il passa en 1769 brigadier et en 1771 général major. Nommé en 1773 ministre à Paris, il y travailla douze ans au maintien des relations d'amitié entre la Russie et la France. Lorsque le Césarewitch et sa seconde femme vinrent à Paris, lors du voyage qu'ils firent en Europe sous le nom de Comte et Comtesse du Nord, il les reçut chez lui et les accompagna dans leur visite de la France. Signataire avec l'ambassadeur d'Autriche, en qualité de médiateurs, de la paix de Versailles en 1783, il reçut en signe de reconnaissance les portraits en brillants des Rois de France, d'Angleterre et d'Espagne. Général lieutenant en 1779 et chevalier de St-Alexandre en 1784, il prit sa retraite en 1786. Louis XVI lui remit, à son audience de congé, son portrait en brillants, et envoya de lui une appréciation des plus flatteuses à Catherine II. Il mourut subitement à Moscou le 23 décembre 1811, en visite chez son frère, et fut inhumé au monastère Pokrowsky. Il était renommé pour sa beauté remarquable, qu'il conserva jusqu'à une vieillesse avancée: il y avait, dit-on, à Paris des magasins qui avaient pour enseigne Au beau Russe avec son portrait.

Bariatinsky épousa le 8 janvier 1767 la princesse Catherine Pétrowna de Holstein-Beck, de la branche actuellement régnante en Danemark, et eut un fils Ivan (1772—1825) et une fille Anne (5 décembre 1774—12 avril 1825). Cette union ne fut pas heureuse, et les époux vécurent séparés. Longtemps avant sa mort, Bariatinsky épousa secrètement la demoiselle Anastasie Bibikoff, dont il eut trois enfants, qui reçurent le nom de Bibitinsky: Basile, qui obtint la noblesse en 1797 et mourut jeune, Anastasie (1797—1866), mariée à B. Zagriajsky, et, en secondes nocces, au conseiller privé G. Groudeff († 1895), et Elisabeth († 1834), mariée à D. Bantych-Kamensky. Au témoignage d'Alexandre Boulgakoff, Bariatinsky, peu avant sa mort, comme s'il la prévoyait, écrivit à l'Empereur pour l'informer de son second mariage.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Alexis Alexandrowitch.)

*Князь Иванъ Сергѣевичъ
Барятинскій, 1758-1811*

*Le D^{ce} Ivan Serguéeewitch
Bariatskiy, 1758-1811*

Княгиня ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА БАРЯТИНСКАЯ, 1750—1811, была дочь принца Петра-Августа-Фридриха Гольштейнъ-Бекъ (р. 1697 г., † 1775 г.), Эстляндскаго генераль-губернатора и фельдмаршала, отъ второго брака его съ графиней Натальей Николаевной Головиной; родители ея принадлежали къ числу приверженцевъ Петра III, и 12-лѣтней дѣвочкой она находилась, вмѣстѣ съ ними, на одной изъ галерей, сопровождавшихъ Императора въ день переворота, 28 Іюня 1762 г., при его бѣгствѣ въ Кронштадтъ. Выйдя 8 Января 1767 г. замужъ за поручика князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго, она блистала въ Петербургскомъ свѣтѣ, считаясь одною изъ первыхъ красавицъ, имѣла громаднѣйшій успѣхъ и множество любовныхъ похощеній; въ нее, говорятъ, былъ влюбленъ и Великій Князь Павелъ Петровичъ, а связь ея съ графомъ Андреемъ Разумовскимъ послужила причиною ея разрыва съ мужемъ. Она, однако, сопровождала супруга въ Парижъ, при назначеніи его въ 1773 г. посланникомъ при Французскомъ дворѣ, присутствовала на коронаціи Людовика XVI, а затѣмъ вернулась одна въ Петербургъ, гдѣ произвела фуроръ привезенными ею парижскими модами и нарядами, подвергшимися, однако, строгой критикѣ не только многихъ свѣтскихъ дамъ, но и самой Императрицы, находившей ихъ смѣшными. Продолжая жить отдѣльно отъ мужа, княгиня Барятинская занимала очень высокое положеніе въ свѣтѣ, гдѣ, хотя ея многіе не любили и осуждали, она была окружена ухаживателями и поклонниками. Попасть въ ея домъ считалось большою честью; къ тому же она жила широко и пышно, и о ея пріемахъ и театральныхъ представленіяхъ говорилъ весь городъ. „Чрезвычайно граціозная, съ удивительною таліей, выразительными чертами лица, величавая и непринужденная въ движеніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ немного манерная, она была очень любезна и даже свободна въ обращеніи; выражаясь легко и красиво, она усвоила себѣ въ разговорѣ тонъ парижскихъ модницъ своего времени, какую-то смѣсь философій съ чувствительностью и неподдѣльнымъ кокетствомъ. Говоря о посѣщеніи ея графомъ Нессельроде, остававшимся чрезвычайно долго, она выразилась: „*Cet homme m'énrousaît*“.

Въ концѣ 1780-хъ годовъ княгиня Барятинская уѣхала изъ Россіи лѣчиться за границу въ сопровожденіи доктора Вейкарта, долго съ нимъ путешествовала по Голландіи, Австріи и Германіи, въ благодарность за излѣченіе заказала даже Фальконету его бюстъ, а затѣмъ поселилась въ Берлинѣ, гдѣ и скончалась 28 Ноября 1811 года.

Изображена на портретѣ вмѣстѣ со всей своей семьей: тутъ ея единственный сынъ, князь Иванъ Ивановичъ Барятинскій, отецъ фельдмаршала, и дочь Анна, съ ея мужемъ, графомъ Н. А. Толстымъ.

(Съ портрета Анжелики Кауфманъ; собственность князя А. В. Барятинскаго, с. Ивановское, Курской губ.)

La princesse CATHERINE PÉTROWNA BARIATINSKY, 1750—1811, était fille du prince Pierre-Auguste-Frédéric de Holstein-Beck (1697—1775), général gouverneur d'Esthonie et feld-maréchal, et de sa seconde femme la comtesse Natalie Nikolaewna Golovine. Ses parents étaient des partisans de Pierre III, et, petite fille de 12 ans, elle se trouva avec eux sur une des galères qui suivirent l'Empereur le 28 juin 1762, lors de sa fuite à Cronstadt. Mariée le 8 janvier 1767 au prince Ivan Serguéewitch Bariatinsky, lieutenant, elle brilla dans le monde de Pétersbourg, dont elle passait pour une des plus jolies femmes, et où elle eut un succès considérable et nombre d'aventures amoureuses; elle fut même, dit-on, l'objet d'une passion du Grand-Duc Paul Pétrowitch, et sa liaison avec le comte André Razoumowsky fut la cause d'une rupture avec son mari, qu'elle accompagna cependant à Paris lorsqu'il fut nommé en 1773 ambassadeur à la Cour de France: elle assista au couronnement de Louis XVI, puis revint seule à Pétersbourg, où elle fit fureur avec les modes et toilettes qu'elle rapportait de Paris, et qui ne furent cependant pas du goût de toutes les dames, non seulement dans le monde: l'Impératrice même les trouva ridicules. Toujours séparée de son mari, elle eut dans la société une situation marquante: souvent en butte à l'inimitié et à la réprobation, elle comptait aussi nombre de galants et d'adorateurs. C'était un grand honneur que d'être reçu chez elle; de plus elle menait grand train, et le luxe de ses réceptions et de ses représentations théâtrales défrayait toutes les conversations. „Extrêmement gracieuse, une taille merveilleuse, des traits expressifs, de la majesté et de l'aisance dans les manières, non sans quelque affectation, elle avait un abord très aimable et même un peu libre, l'élocution facile et élégante, et, dans sa conversation, quelque chose du ton des parisiennes à la mode de l'époque, un alliage de philosophie, de sensibilité et de coquetterie naturelle. A propos d'une visite un peu prolongée du comte Nesselrode, elle dit: „Cet homme m'épousait“.

A la fin des années 80, la princesse Bariatinsky alla pour sa santé à l'étranger avec le docteur Weikart; ils firent un long séjour en Hollande, en Autriche et en Allemagne, et, en reconnaissance de ses soins, elle lui fit même faire son buste par Falconet. Elle se fixa ensuite à Berlin, où elle mourut le 28 novembre 1811.

Le portrait ci-joint la représente avec toute sa famille, son fils unique le prince Ivan Bariatinsky, père du feld-maréchal, et sa fille Anne avec son mari le comte N. Tolstoï.

(D'après l'original d'Angélique Kauffmann, appartenant au prince A. Bariatinsky, Ivanowskoïé, gouv. de Koursk.)

Пис. Анжелика Кауфманъ

*Княгиня Екатерина Петровна
Барятинская, 1750-1811,
со семействомъ*

Peint par Angelique Kauffmann

*La Princesse Catherine Pétrowna
Bariatinsky, 1750-1811,
avec sa famille*

Князь ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БАРЯТИНСКІЙ, 1772—1825, сынъ генераль-поручика князя Ивана Сергѣевича отъ брака съ принцессой Екатериной Петровной Гольштейнъ-Бекской, родился 17 Октября 1772 г.; въ 1780 г. записанъ былъ на службу поручикомъ Екатеринославскаго кирасирскаго полка и адъютантомъ Потемкина, а въ 1790 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры и переведенъ въ Семеновскій полкъ. Капитанъ съ 1793 г., онъ зачислился волонтеромъ въ армію, дѣйствовавшую въ Польшѣ, и за отличіе при штурмѣ Праги награжденъ орд. св. Георгія 4-й ст.; Павелъ I пожаловалъ ему въ 1799 г. родовое командорство Мальтійскаго ордена, но затѣмъ, вслѣдствіе столкновенія съ Ростопчиннымъ, онъ былъ удаленъ отъ двора. Александръ I пожаловалъ Барятинскаго въ 1801 г. въ дѣйствительные камергеры и причислилъ къ миссіи въ Лондонъ. Произведенный въ 1804 г. въ тайные совѣтники, онъ въ 1806 г. былъ назначенъ посланникомъ въ Мюнхенъ, откуда отозванъ въ 1812 г., послѣ чего оставилъ службу и поселился въ своемъ Курскомъ имѣніи селѣ Ивановскомъ, центрѣ обширныхъ его владѣній (въ Курской и Харьковской губерніяхъ у него было болѣе 20/т. душъ). Барятинскій посвятилъ всю свою жизнь устройству имѣній и примѣненію на практикѣ пріобрѣтенныхъ имъ во время заграничныхъ путешествій агрономическихкихъ познаній. Отношенія къ крестьянамъ были установлены на разумныхъ началахъ. Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ Англіи, сдѣлали изъ Барятинскаго англomана, и въ своей дѣятельности онъ поставилъ себя образцомъ англійскаго богатаго и образованнаго родовитаго landlord'a, заботящагося о своемъ хозяйствѣ и о просвѣщеніи народа. Въ своемъ любимомъ Ивановскомъ онъ устроилъ великолѣпный дворецъ, названный въ честь жены Марьинымъ, гдѣ можно было найти все, что въ состояніи дать богатство, соединенное съ утонченнымъ вкусомъ. Барятинскій жилъ открыто. У него былъ театр и оркестръ. Въ его концертахъ принимали участіе сосѣди извѣстные музыканты братья графы Виельгорскіе. Самъ Барятинскій такъ увлекался музыкой, что упрекалъ себя въ потерѣ времени и поэтому запретилъ учить музыкѣ сыновей, воспитаніе которыхъ составляло одну изъ главныхъ его заботъ. Въ 1815 г. у него родился старшій сынъ, и уже въ этомъ году онъ составилъ программу его воспитанія, а въ 1821 г. написалъ „*Conseils à mon fils aîné*“. Барятинскій стремился сдѣлать изъ своего сына прежде всего честнаго человѣка и хорошаго христіанина, а затѣмъ развитъ въ немъ самостоятельность, дѣловитость, чтобы подготовить его къ роли крупнаго землевладѣльца, который долженъ улучшить бытъ своихъ крестьянъ и имѣть полезное вліяніе на сосѣднихъ помѣщиковъ. Человѣкъ образованный, умный, даровитый, князь Барятинскій былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ представителей высшаго придворнаго общества. По свидѣтельству князя А. Чарторижскаго, онъ отличался остроуміемъ, подчасъ довольно колкимъ. Графъ П. Х. Граббе такъ описываетъ его наружность: Это былъ высокій, видный, тонкій мужчина, съ правильными чертами лица, коротко подстриженными волосами съ просѣдью; „жестъ скорый, петербургскій, общее выраженіе свѣтскаго человѣка и знатности“.

Барятинскій былъ женатъ дважды: въ Лондонѣ онъ женился на дочери лорда Шенборна, Маріи-Францискѣ (Mary-Francis) Дюттонъ, умершей въ 1807 г., и въ 1813 г. вступилъ въ бракъ съ дочерью Прусскаго посланника въ Вѣнѣ графиней Маріей Келлеръ. Отъ первой жены онъ имѣлъ дочь Елизавету (р. 1807 г., † 186 г.), а отъ второй 3-хъ дочерей и 4-хъ сыновей. Барятинскій скончался 13 Юня 1825 г. и погребенъ въ с. Ивановскомъ. О смерти его А. Я. Булгаковъ писалъ брату: „Онъ умеръ почти на рукахъ у графини Потемкиной... Долго былъ боленъ разслабленіемъ въ желудкѣ, не ѣлъ ничего, былъ пораженъ смертью живописца Бруни, страдавшаго одною съ нимъ болью, наконецъ, подагра основалась въ желудкѣ. Докторъ князя прислалъ сюда эстафету, кн. Дм. Вл. (Голицынъ) пріѣхалъ сію минуту въ Москву къ Гаазу дѣлать заочно конспліумъ, а больной между тѣмъ умеръ... Князь поселился въ деревнѣ и не хотѣлъ выѣхать, не прибавя себѣ милліона дохода; говорятъ, что и успѣлъ въ этомъ, да какая польза?“

(Съ портрета Виже-Лебрень; собственность князя А. В. Барятинскаго, с. Ивановское, Курской губ.)

Le prince IVAN IVANOWITCH BARIATINSKY, 1772—1825, fils du prince Ivan Serguéewitch Bariatinsky, général lieutenant, et de la princesse Catherine Pétrowna, née de Holstein-Beck, naquit le 17 octobre 1772. Entré au service en 1780 comme lieutenant au régiment de cuirassiers d'Ekatérinoslav et aide de camp de Potemkine, il devint en 1790 gentilhomme de la chambre et passa au régiment Sémenowsky. Capitaine en 1793, il alla comme volontaire à l'armée de Pologne, où sa valeur à l'assaut de Praga lui valut St-Georges de 4e classe. Paul Ier lui conféra en 1799 le commandorat héréditaire de l'ordre de Malte, mais ensuite ses démêlés avec Rostoptchine le firent éloigner de la Cour. Alexandre Ier le fit en 1801 chambellan actuel et l'attacha à la mission de Londres. Conseiller privé en 1804, puis nommé en 1806 ministre à Munich, il fut rappelé en 1812; il quitta alors le service et se fixa près de Koursk, au bourg d'Ivanowskoïé, centre de ses immenses domaines: il possédait plus de 20.000 têtes de paysans dans les gouvernements de Koursk et de Kharkoff. Il se consacra tout entier à l'organisation de ses propriétés et à la mise en pratique des connaissances qu'il avait acquises en agronomie au cours de ses voyages à l'étranger. Ses rapports avec les paysans étaient établis sur une base toute rationnelle: plusieurs années passées en Angleterre avaient fait de lui un anglomane, et il modela son œuvre de propriétaire foncier sur celle du landlord de souche, riche et éclairé, jaloux de sa bonne exploitation et de l'instruction du peuple. Il se fit dans son domaine préféré d'Ivanowskoïé un palais magnifique, qu'il nomma en l'honneur de sa femme Maryino, et où il rassembla tout ce que peut donner la fortune jointe à un goût raffiné. Il avait théâtre et orchestre, et menait grand train. A ses concerts jouaient aussi ses voisins les comtes Wielgorsky frères, connus pour leur talent de musiciens. Lui-même avait une telle passion pour la musique, qu'il s'en voulait du temps qu'elle lui faisait perdre et ne la fit pas apprendre à ses fils, dont l'éducation était une de ses plus grosses préoccupations. En 1815 naquit son premier fils; il composa pour lui, l'année même, un programme d'éducation, et rédigea en 1821 ses Conseils à mon fils aîné. Il s'efforça d'en faire avant tout un honnête homme et un bon chrétien, puis de développer en lui l'esprit d'initiative et l'entente des affaires, pour le préparer à son rôle de gros propriétaire foncier et lui permettre d'améliorer la condition des paysans et d'exercer sur ses voisins une salutaire influence. Intelligent, bien doué et instruit, il fut un des plus brillants représentants de la haute société de la Cour. Au témoignage du prince A. Czartoryski, il ne manquait pas d'un esprit parfois même assez mordant. Le comte P. Grabbe le représente comme un bel homme, grand et mince, aux traits réguliers, aux cheveux grisonnants coupés court, „au geste vif, impatient, au genre mondain et distingué“.

Bariatinsky fut marié deux fois. A Londres, il épousa une fille de Lord Schœnborn, Marie-Francis Dutton, qui le laissa veuf en 1807: il se remaria en 1813 à la comtesse Marie Keller, fille du ministre de Prusse à Vienne. Il eut de son premier mariage une fille Elisabeth (1807—186.), et du second trois filles et quatre fils. Il mourut le 15 juin 1825, et fut inhumé dans son Ivanowskoïé. A cette occasion, Alexandre Boulgakoff écrivait à son frère: „Il est mort presque dans les bras de la comtesse Potemkine.... Souffrant depuis longtemps d'un affaiblissement de l'estomac, ne mangeant plus, il avait reçu un coup à la mort du peintre Bruni, atteint de la même maladie que lui; finalement, la goutte lui est tombée sur l'estomac. Son médecin a envoyé un exprès ici, le prince Dmitri Golitzyne est venu immédiatement à Moscou demander à Haase une consultation secrète, et le malade est mort dans l'intervalle... Le prince s'était fixé à la campagne, et ne voulait pas en sortir sans s'être fait un million de revenu de plus; il y est arrivé, à ce qu'on dit. Et qu'est-ce qu'il y a gagné?“

(D'après un original de Vigée-Lebrun, appartenant au prince A. Bariatinsky, Ivanowskoïé, gouv. de Koursk.)

Portrait of William Brewster
 Taken in 1877 at the
 Smithsonian Institution

Dr. J. W. Collins, President
 of the Smithsonian Institution
 1877-1881

Пис. Визже-Лебренъ

*Гнѣзь Иванъ Ивановичъ
Тарятинскій, 1772-1825*

Peint par Vigée Lebrun

*Le P^{re} Ivan Ivanowitch
Bariatinsky, 1772-1825*

Княгиня МАРИЯ ФЕДОРОВНА БАРЯТИНСКАЯ, 1793—1858, дочь прусскаго дипломата и министра графа Дороея-Людвига-Христофора Келлера (р. 1757 г., † 1827 г.) отъ брака съ графиней Амаліей-Луизой Сайнъ-Витгенштейнъ (р. 1771 г., † 1853 г.), сестрой русскаго фельдмаршала, родилась 17 Сентября 1793 г. (по другимъ свѣдѣніямъ—11 Октября 1792 г.); получила прекрасное домашнее образованіе и въ 1813 г. вышла замужъ за бывшаго посланника въ Мюнхенъ, тайнаго совѣтника князя Ивана Ивановича Барятинскаго. Замѣчательная красавица, она до смерти мужа въ 1825 году вела свѣтскій образъ жизни, овдовѣвъ же, сначала серіозно занялась воспитаніемъ дѣтей, а впоследствии вся отдалась дѣламъ благотворительности, въ особенности съ 1843 г., послѣ смерти младшей своей дочери, княгини М. И. Кочубей. Ею были учреждены: дѣтскій пріютъ (нѣмецкій Marien-Asyl), пріютъ для вдовъ (Маріинская богадѣльня), ясли, вдовій домъ, община сестеръ милосердія для попеченія о больныхъ и бѣдныхъ. Для своихъ благотворительныхъ учрежденій княгиня построила обширный домъ съ православною церковью. Образъ ея жизни былъ вполне монашескій, и сама она внѣшнимъ своимъ видомъ напоминала католическую монахиню: всегда была въ черномъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ особенной формы, а въ торжественные дни облачалась во все бѣлое. Лютеранка по вѣроисповѣданію, въ своемъ домѣ она устроила изящную лютеранскую модельню. Всѣ свои личныя средства княгиня Барятинская употребляла на дѣла благотворенія и старалась къ тому же привлечь и другихъ. Подъ конецъ жизни она, по причинѣ болѣзни и частыхъ заграничныхъ поѣздокъ для лѣченія, отказалась отъ личнаго завѣдыванія основанными ею учрежденіями, но продолжала оказывать имъ денежную помощь. По свидѣтельству Инсарскаго, близко знавшаго семью Барятинскихъ, княгиня обнаруживала большую доброту, но доброта ея имѣла своимъ источникомъ не сердце, а умъ. Въ сношеніяхъ съ людьми она нерѣдко проявляла эгоизмъ и выше всего ставила свои желанія. Воспользовавшись въ свое время всѣмъ, что могла ей дать жизнь, она въ другихъ не признавала потребностей молодости и очень сердилась, когда которая-нибудь изъ сестеръ ея общины выходила замужъ, хотя потомъ сама же устраивала свадьбу.

Княгиня М. Ф. Барятинская скончалась 11 Февраля 1858 г.; она имѣла 3-хъ дочерей и 4-хъ сыновей: 1) Ольгу (р. 1814 г., † 1876 г.), за графомъ В. П. Орловымъ-Давыдовымъ; 2) Александра (р. 1815 г., † 1879 г.), фельдмаршалъ; 3) Леонида (р. 1816 г.), за княземъ Л. П. Сайнъ-Витгенштейнъ; 4) Владиміра (р. 1817 г., † 1875 г.), генераль-адъютантъ; 5) Марию (р. 1818 г., † 1843 г.), за княземъ М. В. Кочубеемъ; 6) Анатолія (р. 1821 г., † 1881 г.), генераль-адъютантъ; 7) Виктора (р. 1823 г., † 1904 г.), шталмейстеръ.

На портретъ княгиня М. Ф. Барятинская изображена съ сыномъ Владиміромъ на рукахъ.

(Съ портрета, принадлежащаго князю А. В. Барятинскому, с. Ивановское, Курской губ.)

La princesse MARIE FÉODOROWNA BARIATINSKY, 1793—1858, fille du comte Dorothé-Louis-Christophe Keller (1757—1827), diplomate et ministre prussien, et d'Amélie-Louise, née comtesse de Sayn-Wittgenstein (1771—1853), sœur d'un feld-maréchal russe, naquit le 17 septembre 1793 (selon d'autres, le 11 octobre 1792). Elle reçut dans sa famille une excellente instruction, et épousa en 1813 le prince Ivan Ivanowitch Bariatinsky, conseiller privé et ancien ministre à Munich. Beauté remarquable, elle mena la vie mondaine jusqu'à la mort de son mari en 1825; devenue veuve, elle s'occupa sérieusement de l'éducation de ses enfants, et, dans la suite, se consacra tout entière à la charité, surtout à partir de la mort de sa dernière fille, la princesse M. Kotchubey, en 1843. Fondatrice d'un asile d'enfants (le Marien-Asyl allemand), d'un asile de veuves (l'Hospice Marie), d'une crèche, d'une maison de veuves, d'une communauté de sœurs de charité pour l'assistance des malades et des pauvres, elle fit construire pour ces divers établissements un immeuble considérable avec une église orthodoxe. Elle menait une vie toute monastique, et son extérieur rappelait celui d'une religieuse catholique: toujours vêtue de noir et coiffée d'un bonnet blanc de forme particulière, elle était tout en blanc les jours de fête. Luthérienne, elle s'était organisé chez elle une exquise chapelle de son rite. Elle employait tous ses revenus à des œuvres de charité, et s'efforçait d'y intéresser les autres. Sur ses vieux jours, elle dut, en raison de son état de santé et de ses fréquents voyages à l'étranger, renoncer à s'occuper elle-même des établissements qu'elle avait fondés, mais sans cesser de les entretenir à ses frais. Au témoignage d'Insarsky intime de la famille, elle était d'une grande bonté, qui lui venait non du cœur, mais de la tête. Ses rapports avec ses semblables n'étaient pas toujours exempts d'un certain égoïsme: son désir avant tout! Elle avait joui dans son temps de tout ce que pouvait lui donner la vie, et n'admettait pas chez les autres les aspirations de jeunesse: ainsi elle se fâchait sérieusement quand une sœur de sa communauté voulait se marier, ce qui ne l'empêchait pas, le moment venu, de s'occuper elle-même du mariage.

La princesse Bariatinsky mourut le 11 février 1858. Elle avait eu trois filles et quatre fils: Olga (1814—1876), mariée au comte V. Orloff-Davydoff, Alexandre (1815—1879), feld-maréchal, Léonille (née 1816), mariée au prince L. de Sayn-Wittgenstein, Vladimir (1817—1875), général aide de camp, Marie (1818—1843), mariée au prince M. Kotchubey, Anatole (1821—1881), général aide de camp, et Victor (1823—1904), écuyer.

La princesse Bariatinsky est représentée avec son fils Vladimir dans les bras.

(D'après un original appartenant au prince A. Bariatinsky, Ivanowskoïé, gouv. de Koursk.)

Portrait of Maria Theresia
Empress of Austria 1755-1807

The Empress Maria Theresia
Empress of Austria 1755-1807

La princesse MARIE FÉODOROWNA DARIATSEVSKY, née—1858, fille du comte Fiodor-Fiodorovitch Koller (1757—1837), diplomate et ministre prussien, et d'Amélie-Louise, née comtesse de Sayn-Wittgenstein (1771—1853), sœur d'un feld-maréchal russe saqué le 15 septembre 1795 selon d'autres, le 14 octobre 1792. Elle eut dans sa famille une excellente instruction, et épousa en 1817 le prince Ivan Fiodorovitch Dariatsevsky, conseiller privé et ancien ministre à Munich. Reauté remarquable, elle mena la vie mondaine jusqu'à la mort de son mari en 1825. Devenue veuve, elle s'occupa soigneusement de l'éducation de ses enfants et, dans la suite, se consacra tout entière à la charité, surtout à partir de la mort de sa dernière fille, la princesse M. Kotchoubey, en 1845. Fondatrice d'un asile d'enfants (le Mariavtsky allemand), d'un asile de veuves (l'Hospice Marie), d'une crèche, d'une maison de veuves, d'une communauté de sœurs de charité pour l'assistance aux malades et des pauvres, elle fit construire pour ces divers établissements un ensemble considérable avec une église orthodoxe. Elle menait une vie toute monastique, et son caractère rappelait celui d'une religieuse catholique : toujours vêtue de noir et coiffée d'une longue tresse de femme particulière, elle était tout en blanc les jours de fête. Indifférente, elle était organisée chez elle avec une rigueur capable de son côté. Elle employait tous ses revenus à des œuvres de charité, et souffrait de manquer les autres. Sur ses vieux jours, elle dut, en raison de son état de santé et de ses fréquentes voyages à l'étranger, renoncer à diriger elle-même des établissements qu'elle avait fondés, mais sans cesser de les entretenir à ses frais. Au mariage de Fiodorovsky même de la famille, elle était d'une grande douceur, qui lui venait sans doute de sa fille. Ses rapports avec ses vassaux étaient par conséquent exempts d'un certain orgueil : une dame ayant voulu elle avait joué dans son temps de tout ce que pouvait lui donner la vie, et n'admettait pas chez les autres les aspirations de jeunesse. Mais elle se fâchait sérieusement quand une cour de sa communauté voulait se soulever, ce qui ne l'empêchait pas, le moment venu, de composer elle-même de nouvelles.

La princesse Dariatsevsky mourut le 11 février 1860. Elle avait eu trois filles et quatre fils. Olga (1818—1871) mariée au comte N. Delitz-Beyzdorf, Alexandre (1821—1879), feld-maréchal, comte (en 1858), mariée au prince A. de Sayn-Wittgenstein, Vladimir (1825—1875), général aide de camp, Marie (1828—1835), mariée au prince M. Kotchoubey, Anatole (1830—1880), général aide de camp et Kikou (1826—1903), docteur.

La princesse Dariatsevsky est représentée avec son fils Vladimir dans les deux.

[D'après un original appartenant au prince A. Dariatsevsky, Ivanovskaya, pour le Prince]

*Гнягиня Марія Федоровна
Барятинская, 1793-1858*

*La Princesse Marie Feodorowna
Bariatinsky, 1793-1858*

Графъ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ТОЛСТОЙ, 1765 — 1816, и его жена, графиня АННА ИВАНОВНА, 1774—1825. Графъ Н. А. Толстой, сынъ графа Александра Петровича (р. 1719 г., † 1792 г.) отъ брака съ Евдокіей Львовной Измайловой, родился 9 Февраля 1765 г. (по надгробію). Въ теченіе почти всей своей жизни былъ однимъ изъ близкихъ лицъ къ Императору Александру I и неизмѣннымъ его спутникомъ въ путешествіяхъ, занимая должность оберъ-гофмаршала. (Болѣе подробную его біографію см. „Русскіе портреты“, т. I, № 81).

Графиня Анна Ивановна Толстая, дочь князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго, посла въ Парижъ, отъ брака его съ принцессой Екатериной Петровной Гольштейнъ-Бекской, родилась 5 Декабря 1774 г. и воспитывалась вмѣстѣ съ единственнымъ братомъ своимъ Иваномъ, въ Россіи, у матери, жившей отдѣльно отъ мужа. По словамъ автора „Книжка моего сердца“, князя Долгорукаго, ухаживавшаго за ней въ молодости, она была „милая и скромная дѣвушка“. „Судя по разнымъ догадкамъ“, пишетъ онъ, „можно было думать, что принцесса не воспротивилась бы моему съ ней соединенію, но я не смѣлъ никогда о томъ и помышлять, по чрезвычайному различію нашихъ фортуны!“ Красивая и симпатичная, по отзыву другой ея современницы, при этомъ застѣнчивая, она была очень высокаго роста, и Императрица Елисавета Алексѣевна называла ее „la longue“ (длинная). Выйдя въ 1787 г. замужъ за графа Николая Александровича Толстого, съ назначеніемъ мужа камергеромъ при Великомъ Князѣ Александрѣ Павловичѣ, 10 Мая 1793 г., она сдѣлалась членомъ самаго интимнаго кружка при великокняжескомъ дворѣ, и съ этого времени началась тѣсная дружба ея съ юной Великой Княгиней Елисаветой Алексѣевной. Семейная жизнь графини Толстой не была счастлива. Послѣ сильнаго горя, причиненнаго ей кончиной ея младшей дочери, умершей ребенкомъ, между нею и мужемъ ея произошла размолвка, вызванная временнымъ увлеченіемъ ея Англійскимъ посломъ лордомъ Витвортомъ, притворявшимся влюбленнымъ въ нее, чтобы этимъ путемъ сблизиться изъ политическихъ видовъ съ дворомъ Великаго Князя Александра Павловича. Возбужденная ревность мужа, при вспыльчивомъ и необузданномъ его характерѣ, повела къ тяжелымъ домашнимъ сценамъ, заставившимъ графиню Толстую рѣшиться оставить его домъ. Съ большимъ трудомъ выхлопотавъ себѣ черезъ брата окольнымъ путемъ, при посредствѣ фаворитки всецѣльнаго Кутайсова, актрисы Шевалье, согласіе Императора Павла на отъѣздъ за границу, она уѣхала въ 1800 г. къ своей матери въ Берлинъ. Отъѣздъ ея совпалъ съ отозваніемъ изъ Петербурга лорда Витворта, но графиню Толстую скоро постигло разочарованіе въ ея чувствахъ къ нему; женитьба Витворта въ Апрѣлѣ 1801 г., въ Лондонѣ, на герцогинѣ Дорсетъ „открыла ей“, по ея собственнымъ словамъ, „глаза на ту пронасть, въ которую она была готова броситься“. Съ вступленіемъ на престолъ Императора Александра I, Толстая, по настоянію Императрицы Елисаветы Алексѣевны, вернулась въ Россію къ мужу, присутствовала на коронаціи въ Москвѣ, но затѣмъ скоро вновь уѣхала за границу уже съ дѣтьми и много путешествовала по чужимъ краямъ, не порывая, однако, сношеній съ Россіей и отношеній своихъ къ Императрицѣ, оставшейся ея близкимъ другомъ. Съ другой стороны, дружба съ французской эмигранткой, принцессой де Тарантъ, и общеніе съ окружавшимъ ее въ Петербургѣ католическимъ міромъ оказали свое дѣйствіе на графиню Толстую: она перешла въ католичество въ числѣ многихъ женщинъ высшаго Петербургскаго круга. Перемѣна религіи, въ связи съ слабостью здоровья, заставили графиню А. И. Толстую предпочесть пребываніе за границей жизни въ Россіи, и она поселилась во Флоренціи на собственной виллѣ.

Овдовѣвъ 9 Декабря 1816 г., графиня Толстая скончалась въ Парижѣ 12/24 Апрѣля 1825 г. и погребена на кладбищѣ „Le Calvaire du Mont-Valérien“, оставивъ двухъ сыновей, Александра (р. 21 Сентября 1793 г., † 23 Юня 1866 г.) и Эммануила (р. 1802 г., † 1825 г.), и дочь Екатерину (р. 15 Августа 1789 г., † 11 Февраля 1870 г.), бывшую замужемъ за княземъ Любомірскимъ.

(Съ портрета, принадлежащаго князю А. В. Барятинскому, с. Ивановское, Курской губ.)

Le comte NICOLAS ALEXANDROWITCH TOLSTOÏ, 1765—1816, et sa femme, la comtesse ANNE IVANOWNA, 1774—1825. Le comte Nicolas Tolstoï, fils du comte Alexandre Pétrowitch Tolstoï (1719—1792) et d'Eudoxie Lvowna, née Izmailoff, naquit le 9 février 1765 (d'après son épitaphe). Il fut presque toute sa vie un des intimes de l'Empereur Alexandre Ier et son inséparable compagnon de voyage: il remplissait les fonctions de grand maréchal de la Cour. (Pour plus de détails sur sa biographie, v. T. I, N° 81.)

La comtesse Anne Ivanowna Tolstoï, fille du prince Ivan Serguéewitch Bariatinsky, ambassadeur à Paris, et de Catherine Pétrowna, née princesse de Holstein-Beck, naquit le 5 décembre 1774 et fut élevée en Russie avec son frère unique Ivan, chez sa mère, séparée de son mari. Au témoignage du prince Dolgorouky, l'auteur du Sanctuaire de mon Cœur, qui la courtisa lorsqu'elle était jeune, c'était „une personne modeste et charmante“. „Divers indices“, dit-il encore, „portent à croire que la princesse n'aurait point fait obstacle à mon union avec elle, mais je n'ai jamais osé en concevoir même la pensée, en raison de l'extrême différence de nos conditions!“ Belle, sympathique, au témoignage d'une autre contemporaine, et de plus timide, elle était très grande de taille, et l'Impératrice Elisabeth Alexéewna l'appelait la Longue. Mariée en 1787 au comte Nicolas Alexandrowitch Tolstoï, elle fit partie, lorsqu'il devint, le 10 mai 1793, chambellan du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch, du cercle le plus intime de la Cour Grand-Ducal, et ce fut le début de son étroite amitié avec la jeune Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna. Sa vie privée ne fut pas heureuse. Elle eut d'abord le violent chagrin de perdre sa plus jeune fille, morte enfant; puis vint sa brouille avec son mari, lorsqu'elle s'éprit pour peu de temps de Lord Witworth, ambassadeur d'Angleterre, qui simulait la passion par calcul politique, pour se rapprocher de la Cour du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch. La jalousie du mari piquée au vif, il s'en suivit, avec son caractère violent et intraitable, de pénibles scènes de ménage, et la comtesse finit par le quitter. Ce ne fut pas sans difficulté qu'elle réussit, par des voies détournées, avec l'aide de son frère et grâce à l'entremise de l'actrice Chevalier, la favorite du tout-puissant Koutaïssoff, à obtenir de l'Empereur Paul l'autorisation de partir pour l'étranger; elle alla en 1800 rejoindre sa mère à Berlin. Son départ coïncida avec le rappel de Pétersbourg de Lord Witworth, à l'égard duquel elle fut promptement désabusée, lorsque son mariage à Londres en avril 1801 avec la duchesse Dorset „lui ouvrit les yeux“, dit-elle elle-même, „sur l'abîme où elle allait se précipiter“. A l'avènement de l'Empereur Alexandre Ier, elle vint, sur les instances de l'Impératrice Elisabeth Alexéewna, retrouver son mari en Russie et assister au couronnement à Moscou; mais elle ne tarda pas à repartir pour l'étranger, emmenant cette fois ses enfants: elle y fit de nombreux déplacements, sans rompre toutefois avec la Russie ni cesser ses relations avec l'Impératrice, qui lui restait très attachée. D'autre part, l'amitié d'une émigrée française, la princesse de Tarente, et le commerce de son entourage catholique de Pétersbourg firent leur œuvre: elle se convertit au catholicisme, avec nombre de dames du grand monde pétersbourgeois. Cette conversion, jointe à la faiblesse de sa santé, lui fit préférer le séjour de l'étranger à celui de la Russie, et elle se retira dans sa villa de Florence.

Veuve depuis le 9 décembre 1816, la comtesse Tolstoï mourut à Paris le 12/24 avril 1825, et fut inhumée au cimetière du Calvaire du Mont-Valérien. Elle laissait deux fils, Alexandre (21 septembre 1793 — 23 juin 1866) et Emmanuel (1802—1825), et une fille Catherine (15 août 1789—11 février 1870), mariée au prince Lubomirsky.

(D'après un original appartenant au prince A. Bariatinsky, Ivanowskoïé, gouv. de Koursk.)

Portrait of a woman
 seated, facing forward.
 (The image is very faint and blurry.)

Portrait of a woman
 seated, facing forward.
 (The image is very faint and blurry.)

*Гр. Николай Александрович, 1765-1816,
и Гр. Анна Ивановна, 1777-1825,
Толстые*

*Le Comte Nicolas Alexandrowitch
Tolstoi, 1765-1816, et sa femme
Anna Ivanowna, 1777-1825*

Княгиня ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВНА ДОЛГОРУКАЯ, 1769—1849, единственная дочь оберъ-гоф-маршала, убійцы Петра III, князя Федора Сергѣевича Бяратинскаго (р. 1742 г., † 1814 г.), женатаго съ 25 Апрѣля 1764 г. на княжнѣ Маріи Васильевнѣ Хованской, родилась 29 Октября 1769 года; будучи фрейлиной, въ Январѣ 1786 г., на 17-мъ году, вышла замужъ за генераль-поручика князя Василія Васильевича Долгорукаго (р. 1752 г., † 1812 г.; см. т. I, № 176). Одна изъ первыхъ красавицъ своего времени, княгиня Долгорукая блистала при дворѣ Екатерины. Въ арміи подъ Очаковымъ, гдѣ она была съ мужемъ, у ея ногъ лежалъ самъ великолѣпный князь Тавриды и творилъ, по ея капризу, всякія безумства, встрѣтивъ съ ея стороны необычную и непривычную для него неприступность. Даже сравнительно уже не въ молодыхъ годахъ княгиня сохранила свою красоту и продолжала одерживать побѣды за границей, куда должна была удалиться въ царствованіе Павла, послѣ того, какъ вся семья Бяратинскихъ естественно подверглась опалѣ. Такъ, въ Вѣнѣ и Неаполѣ въ числѣ ея страстныхъ поклонниковъ былъ молодой дипломатъ Константины Яковлевичъ Булгаковъ, состоявшій тамъ при русскихъ миссіяхъ. По возвращеніи въ Россію, 9 Апрѣля 1816 г. княгиня Долгорукая была пожалована орденомъ св. Екатерины меньшаго креста, 22 Августа 1826 г. пазначена статсъ-дамой, а 15 Апрѣля 1841 г. получила Екатерининскую ленту. (См. еще біографическія о ней свѣдѣнія т. I, № 85).

Княгиня Е. Ф. Долгорукая умерла въ С.-Петербургѣ 30 Октября 1849 года; погребена рядомъ съ мужемъ въ церкви села Полуектова, Рузскаго уѣзда, Московской губ.; у нея было 5 человѣкъ дѣтей: Василій (р. 27 Марта 1787 г., † 12 Декабря 1858 г.), Николай (р. 8 Октября 1789 г., † 2 Юня 1872 г.), Александръ (р. 1794 г., † 1795 г.), Екатерина (р. 1791 г., † 18 Января 1863 г.; въ замужствѣ за княземъ С. Н. Салтыковымъ, гофмейстерина) и Софія (р. и † 1798 г.).

Художница Е. Виже-Лебрень, кисти которой принадлежитъ предлагаемый портретъ княгини Долгорукой, въ видѣ древней сивиллы, съ восторгомъ отзывается въ своихъ воспоминаніяхъ объ оригиналѣ; ее познакомилъ съ княгиней Австрійскій дипломатъ графъ Кобенцель, страстно и безнадежно въ то время влюбленный въ Долгорукую, слѣдовавшій за ней повсюду, какъ тѣнь, и благодаря этому нерѣдко дѣлавшійся смѣшнымъ. Было это въ 1795—1797 годахъ. „La beauté de la princesse Dolgoruki me frappa“, пишетъ Виже-Лебрень; „ses traits avaient tout le caractère grec mêlé de quelque chose de juif, surtout de profil. Ses longs cheveux châtain foncé, relevés négligemment, tombaient sur ses épaules; sa taille était admirable, et toute sa personne avait à la fois de la noblesse et de la grâce sans aucune affectation. Elle me reçut avec tant d'amabilité et de distinction, que je cédaï volontiers à la demande qu'elle me fit de rester huit jours chez elle... Les soupers de la princesse Dolgoruki étaient charmants; elle y réunissait le corps diplomatique, les étrangers les plus marquants, et chacun s'empressait de s'y rendre, tant la maîtresse de maison était aimable. Aucune femme, je crois, n'avait plus de dignité dans sa personne et dans ses manières que la princesse Dolgoruki; comme elle avait vu ma sibylle, dont elle était enthousiasmée, elle désira que je fisse son portrait dans ce genre, et j'eus le plaisir de la satisfaire entièrement. Le portrait fini, elle m'envoya une fort belle voiture, et mit à mon bras un bracelet, fait d'une tresse de cheveux, sur laquelle des diamants sont arrangés de manière qu'on y lit: „Ornez celle qui orne son siècle“. Je fus extrêmement touchée de la grâce et de la délicatesse d'un pareil présent“.

(Съ портрета Виже-Лебрень, принадлежащаго князю П. Д. Долгорукому, въ Москвѣ.)

La princesse CATHERINE FÉODOROWNA DOLGOROUKY, 1769—1849, fille unique du grand maréchal de la Cour et meurtrier de Pierre III, le prince Théodore Serguéewitch Bariatinsky (1742—1814), marié le 25 avril 1764 à la princesse Marie Vassiliowna Khovansky, naquit le 29 octobre 1769. Demoiselle d'honneur, elle épousa en janvier 1786, dans sa 17e année, le prince Basile Vassiliewitch Dolgorouky (1752—1812; v. T. I, № 176), général lieutenant. Elle brilla à la Cour de Catherine comme une des plus jolies femmes du temps; à Otchakoff, où elle avait suivi son mari, elle eut à ses pieds le magnifique prince de Tauride, qui fit toute espèce de folies pour lui complaire, et se heurta de sa part à des rigueurs extraordinaires, comme il n'était pas habitué à en trouver. Sans être même de la première jeunesse, elle conserva sa beauté et continua ses triomphes à l'étranger, où elle avait dû passer lors de la disgrâce de toute la famille Bariatinsky sous Paul Ier. C'est ainsi qu'à Vienne et à Naples, elle compta parmi ses adorateurs passionnés le jeune diplomate Constantin Yakovlewitch Boulgakoff, attaché aux missions russes. De retour en Russie, elle fut faite le 9 avril 1816 dame de Ste-Catherine, le 22 août 1826, dame d'honneur, et reçut le 15 avril 1841 le cordon de Ste-Catherine. (Pour plus de détails sur sa biographie, v. T. I, № 85.)

La princesse Dolgorouky mourut à Pétersbourg le 30 octobre 1849, et fut inhumée près de son mari dans l'église de Polouektoff, district de Rouza, gouvernement de Moscou. Elle eut cinq enfants: Basile (27 mars 1787—12 décembre 1858), Nicolas (8 octobre 1789—2 juin 1872), Alexandre (1794—1795), Catherine (1791—18 janvier 1863), mariée au prince S. Saltykoff, maîtresse de la Cour, et Sophie (née et morte en 1798).

Vigée-Lebrun, auteur du portrait ci-joint, où elle représente la princesse Dolgorouky en sybille antique, en parle avec enthousiasme dans ses Mémoires; elle avait fait sa connaissance par le comte Cobenzel, le diplomate autrichien, adorateur passionné et malheureux de la princesse, qui la suivait partout comme son ombre et brava souvent le ridicule. C'était de 1795 à 1797. „La beauté de la princesse Dolgoruki me frappa“, écrit Vigée-Lebrun; „ses traits avaient tout le caractère grec mêlé de quelque chose de juif, surtout de profil. Ses longs cheveux châtain foncé, relevés négligemment, tombaient sur ses épaules; sa taille était admirable, et toute sa personne avait à la fois de la noblesse et de la grâce sans aucune affectation. Elle me reçut avec tant d'amabilité et de distinction, que je cédaï volontiers à la demande qu'elle me fit de rester huit jours chez elle... Les soupers de la princesse Dolgoruki étaient charmants; elle y réunissait le corps diplomatique, les étrangers les plus marquants, et chacun s'empressait de s'y rendre, tant la maîtresse de maison était aimable. Aucune femme, je crois, n'avait plus de dignité dans sa personne et dans ses manières que la princesse Dolgoruki; comme elle avait vu ma sibylle, dont elle était enthousiasmée, elle désira que j'eusse son portrait dans ce genre, et j'eus le plaisir de la satisfaire entièrement. Le portrait fini, elle m'envoya une fort belle voiture, et mit à mon bras un bracelet, fait d'une tresse de cheveux, sur laquelle des diamants sont arrangés de manière qu'on y lit: „Ornez celle qui orne son siècle“. Je fus extrêmement touchée de la grâce et de la délicatesse d'un pareil présent“.

(D'après un original de Vigée-Lebrun, appartenant au prince P. Dolgorouky, Moscou.)

Пис. Виссе-Лебренъ

Peint par Visé-Lebrun

*Княгиня Екатерина Федоровна
Долгорукая, 1769-1849*

*La Princesse Catherine Feodorowna
Dolgorouky, 1769-1849*

МАРКЪ ФЕДОРОВИЧЪ ПОЛТОРАЦКІЙ, 1729—1795, сынъ соборнаго протоіерея города Сосницъ, Черниговской губерніи, Феодора Филипповича, родился 17 Апрѣля 1729 года; поступивъ въ придворный хоръ, онъ скоро былъ назначенъ уставщикомъ. Въ 1752 г. онъ былъ зачисленъ въ бунтуковые товарищи и въ 1754 г. былъ пожалованъ въ полковники. Назначенный начальникомъ придворнаго хора, онъ дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

М. Ф. Полторацкій умеръ 13 Апрѣля 1795 г. и погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Онъ былъ женатъ два раза: первымъ бракомъ на дочери богатаго купца Шемякина и вторично на Тверской дворянкѣ Агаѳоклеѣ Александровнѣ Шишковой.

Отъ второго брака у него было многочисленное семейство, состоявшее изъ 8 сыновей и 3 дочерей, а именно: Дмитрій (р. 1761 г., † 1818 г.; статскій совѣтникъ), Федоръ (р. 1764 г.; полковникъ), Алексѣй (дѣйствительный статскій совѣтникъ, Тверской предводитель дворянства), Александръ (р. 1766 г.; начальникъ пушечнаго завода въ Петрозаводскѣ), Павелъ (коллежскій ассессоръ), Петръ (надворный совѣтникъ), Константинъ (генераль-лейтенантъ, Ярославскій губернаторъ), Егоръ, Елизавета (р. 1768 г., † 1838 г.; за членомъ Государственнаго Совѣта А. Н. Оленинымъ), Варвара (за сенаторомъ Д. Б. Мертваго, оставившимъ интересныя записки) и Агаѳоклея (за сенаторомъ А. Д. Сухаревымъ).

(Съ портрета Левицкаго, 1780 г., изъ собранія Великаго Князя Сергѣя Александровича.)

MARC FÉODOROWITCH POLTORATZKY, 1729—1795, fils de l'archiprêtre de la cathédrale de la ville de Sosnitsy, gouvernement de Tchernigoff, naquit le 17 avril 1729; il entra au chœur de la Cour, et y fut bientôt nommé ordonnateur. Enrôlé en 1752 officier subalterne de Cosaques, il passa colonel en 1754. Il devint chef du chœur de la Cour, et parvint au rang de conseiller d'état actuel.

Poltoratzky mourut le 13 avril 1795, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Il fut marié deux fois, en premières noces à la fille du riche marchand Chémiakine, en secondes noces à une demoiselle noble de Tver, Agathoclée Alexandrowna Chichkoff.

Il eut de son second mariage une nombreuse famille de huit fils et trois filles, Dmitri (1761—1818), conseiller d'état, Théodore (né 1764), colonel, Alexis, conseiller d'état actuel, maréchal de la noblesse de Tver, Alexandre (né 1766), directeur de la fonderie de canons de Pétrozavodsk, Paul, assesseur de collège, Pierre, conseiller de Cour, Constantin, général lieutenant, gouverneur de Yaroslavl, Egor, Elisabeth (1768—1838), mariée au membre du Conseil de l'Empire A. Olénine, Varvara, au sénateur D. Mertvago, auteur d'intéressants Souvenirs, et Agathoclée, au sénateur A. Soukhareff.

(D'après un original de Lévitzy, 1780, collection du Grand-Duc Serge Alexandrowitch.)

John D. Rockefeller
 (Portrait of John D. Rockefeller, 1898)

John D. Rockefeller
 (Portrait of John D. Rockefeller, 1898)

Пис. Лебухт, 1780

*Мартъ Федоровъ
Полторацкій, 1727-1795*

Peint par Lévitky, 1780

*Marc Féodorowitch
Poltoratzky, 1727-1795*

АГАФОКЛЕЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПОЛТОРАЦКАЯ, 1737—1822, рожденная Шишкова, дочь небогатых тверских помѣщиковъ, родилась 29 Іюня 1737 г.; ей не было еще и 15-и лѣтъ, когда она была выдана замужъ за М. О. Полторацкаго; рассказываютъ, что, когда онъ прѣхалъ свататься за нее, она играла въ куклы, и посланная за нею няня позвала ее, сказавъ: „Феклуша, поди,—женихъ прѣхалъ“. Красавица собою, умная и даровитая, она обладала желѣзнымъ характеромъ и необычайной дѣловитостью, такъ что, начавъ съ небольшого хозяйства, сумѣла составить значительное состояніе въ 4000 душъ, имѣла много винокуренныхъ и другихъ заводовъ и держала на откупъ почти всю Тверскую губернію. При этомъ она сама никогда ничего не читала и не подписывала, держа для этого особаго секретаря. Объяснялось это тѣмъ, что, совершивъ въ молодости подложное духовное завѣщаніе, по которому ей перешло наслѣдство одного дальняго родственника, она чуть не попала за это подъ судъ и, когда ей удалось затушить дѣло, дала обѣтъ никогда во всю жизнь не брать пера въ руки. Это обѣщаніе было ею такъ строго исполнено, что не только чужіе, но и ея домашніе думали, что она неграмотная; подъ конецъ жизни она, дѣйствительно, разучилась читать и писать. Вполнѣ подчинивъ себѣ мужа и дѣтей, которыхъ у нея было 22 человекъ, она являлась единственною властительницею и рѣшительницею судебъ своего многочисленнаго потомства; всѣ члены ея семьи трепетали передъ нею; ея строгости, властолюбію, а подчасъ и жестокости не было границъ. Молва о „генеральшѣ Полторацкой“ проникла далеко за предѣлы Тверской губерніи, и рассказывали, что при воцареніи Александра I въ Петербургѣ пронесся слухъ, что Государь, прослышавъ про тиранства „Полторацкихъ“, приказалъ публично наказать ее на лобномъ мѣстѣ, и что сама она, находясь въ то время въ Петербургѣ, сидѣла разъ у открытаго окна и, видя толпы бѣгущаго народа, спросила: „Куда, православные, бѣжите?“ Ей отвѣчали: „На площадь, смотрѣть, какъ Полторацкихъ будутъ сѣчь“, а она со смѣхомъ кричала имъ вслѣдъ: „Бѣгите, бѣгите скорѣй!“ Сохранилось много другихъ любопытныхъ подробностей о жизни и смерти этой удивительной женщины, являвшейся исключеніемъ даже въ то время сильныхъ духовъ людей. Жила она въ селѣ Грузинѣ, въ 20 верстахъ отъ Торжка, въ великолѣпномъ домѣ, построенномъ Растрелли, со всѣми причудами и роскошью барскихъ затѣй того времени. Въ спальнѣ ея находился лишь образъ Спасителя и портретъ Екатерины II. Про первый она говорила: „Это мой другъ“, а Екатерину она такъ любила, что послѣ смерти ея скунала ея бѣлье, рубашки, кофты и простыни. Во время одного изъ своихъ путешествій по Россіи, Екатерина носила Грузино, но, торопясь и будучи въ этотъ день не въ духѣ, не вошла въ домъ и отказалась отъ приготовленнаго для нея молока. Задолго до смерти своей, во время одной изъ своихъ частыхъ поѣздокъ въ Москву, Полторацкая была опрокинута вмѣстѣ съ экипажемъ и извлечена изъ-подъ него изувѣченная такъ, что „всѣ кости ея были поломаны на куски и болтались, какъ орѣхи въ мѣшкѣ“. Лишившись послѣ этого владѣнія руками и ногами, она остальную часть жизни провела въ постели, но продолжала распоряжаться и управлять своими имѣніями, и никто не осмѣливался ослушаться ея приказаній. Дочери ея достигали выбора жениховъ по сердцу, только показывая видъ, что слѣдуютъ приказаніямъ матери. Домашніе не смѣли ни у кого лѣчиться, кромѣ проживавшаго въ домѣ грубаго, невѣжественнаго венгерца, къ которому она имѣла большое довѣріе. Гнѣвъ ея былъ ужасенъ, при чемъ она называла виновнаго Пугачевымъ и иногда проклинала, не исключая своихъ сыновей. Въ то же время религіозная и вѣрующая женщина, она много жертвовала на церкви и церковныя училища и на свои средства построила соборъ въ Старицѣ. Скончалась она 22 Октября 1822 г. и похоронена въ церкви села Грузина.

Почувствовавъ приближеніе смерти и перенося жестокія страданія, она громко взывала къ Богу, чтобы муки эти были сильнѣе, дабы этимъ очистилась ея грѣшная душа. Приказавъ перенести свою постель въ большую залу съ хорами, открыть всѣ окна и двери и оповѣстить весь околотокъ, чтобы приходили съ нею прощаться, она при огромномъ стеченіи крестьянъ и сосѣдей-помѣщиковъ начала громко каяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Эта всенародная исповѣдь произвела потрясающее дѣйствіе на присутствовавшихъ и закончилась громкимъ крикомъ: „Православные, простите меня, грѣшную“, на что послѣдовалъ единогласный отвѣтъ: „Богъ проститъ“, и священникъ причастилъ умирающую.

(Съ портрета Левицкаго; собственность Н. Д. Романова, въ С.-Петербургѣ.)

AGATHOCLÉE ALEXANDROWNA POLTORATZKY, 1757—1822, née Chichkoff, fille de petits propriétaires de Tver, naquit le 29 juin 1757. Elle n'avait pas 15 ans quand elle fut mariée à M. Poltoratzky; on raconte que, lorsqu'il vint la demander, elle était à jouer à la poupée et qu'on l'envoya chercher par sa nourrice, qui lui dit: „Fékloucha, viens: c'est pour te marier!“ Belle femme, sensée et bien douée, elle avait un caractère de fer et une intelligence supérieure des affaires: partie d'une petite exploitation, elle finit par posséder une grosse fortune de 4000 paysans, de nombreuses distilleries et usines de toute sorte, et avoir à bail presque tout le gouvernement de Tver. Et elle ne lisait ni ne signait jamais rien elle-même: elle avait pour cela un secrétaire particulier. C'est qu'étant jeune, elle avait fait un faux testament qui lui avait rapporté l'héritage d'un parent éloigné, et pour lequel elle avait failli être traduite en justice: elle réussit pourtant à faire étouffer l'affaire et fit dès lors le vœu de ne plus toucher à une plume de sa vie. Elle tint parole au point qu'on la croyait illettrée dans son entourage même; sur ses vieux jours effectivement, elle ne savait plus lire ni écrire. Tenant complètement en mains son mari et ses vingt-deux enfants, elle était unique maîtresse et arbitre du sort de sa nombreuse descendance; tous les membres de sa famille tremblaient devant elle: sa sévérité, son esprit de domination et parfois même sa cruauté ne connaissaient point de bornes. Le renom de la „Générale Poltoratzky“ se répandit bien au delà des limites du gouvernement de Tver. A l'avènement d'Alexandre Ier, dit-on, le bruit courut à Pétersbourg que l'Empereur, informé de sa tyrannie, donna l'ordre de la fouetter en place publique; elle-même, en ce moment à Pétersbourg, vit un jour, de sa fenêtre ouverte, la foule se précipiter: „Où courez-vous“, dit-elle, „mes amis?“—„Sur la place, voir fouetter la Poltoratzky!“—„Courez, dépêchez-vous!“ leur cria-t-elle en riant. On a conservé bien d'autres détails de la vie et de la mort de cette étonnante femme, exceptionnelle même en un temps si riche en caractères. Elle habitait au bourg de Grouzino, à vingt verstes de Torjok, une maison splendide, construite par Rastrelli et pourvue de toutes les fantaisies et de tout le luxe des seigneurs de l'époque. Elle n'avait dans sa chambre qu'une image du Saint-Sauveur et le portrait de Catherine II; du premier, elle disait: „C'est mon ami“, et quant à Catherine, elle l'aimait tant, qu'elle acheta à sa mort tout son linge, ses chemises, ses camisoles et ses draps. Dans un de ses voyages en Russie, l'Impératrice vint à Grouzino, mais, pressée et ce jour-là mal disposée, elle n'entra pas dans la maison et refusa le lait préparé pour elle. Longtemps avant sa mort, à un des nombreux voyages qu'elle fit à Moscou, Mme Poltoratzky versa; on la retira de sous sa voiture meurtrie au point que „tous ses os étaient brisés en morceaux et ballottaient comme des noix dans un sac“. Privée dès lors de l'usage de ses bras et de ses jambes, elle passa le reste de sa vie dans son lit, mais sans cesser de surveiller et de diriger la gérance de ses biens, et personne n'osait désobéir à ses ordres. Ses filles ne pouvaient obtenir le fiancé de leur cœur qu'en faisant semblant de se soumettre aux prescriptions de leur mère. Personne de la maison n'osait s'adresser à un autre médecin qu'au hongrois grossier et ignorant qui y habitait, et dans lequel elle avait une entière confiance. Sa colère était effrayante: le coupable était traité de Pougatcheff, parfois même maudit, fût-ce un de ses fils. Religieuse et croyante, elle fit de nombreux sacrifices pour les églises et écoles paroissiales et construisit à ses frais une cathédrale à Staritza. Elle mourut le 22 octobre 1822, et fut inhumée dans l'église du bourg de Grouzino.

Sentant venir la mort et torturée de cruelles souffrances, elle suppliait Dieu à haute voix de les augmenter encore pour mieux purifier son âme pécheresse. Elle fit porter son lit dans la grande salle des chœurs, ouvrir toutes les portes et les fenêtres, et dire à tout le quartier de venir lui dire adieu; puis, en présence d'un immense concours de paysans et de propriétaires du voisinage, elle se mit à confesser publiquement ses péchés, au grand saisissement de tout le monde et termina par un grand cri: „Mes frères, pardonnez-moi, parce que j'ai péché!“ A quoi l'assistance répondit d'une seule voix: „Dieu pardonnera“, et le prêtre donna le viatique à la mourante.

(D'après un original de Lévitzy, appartenant à N. Romanoff, St-Pétersbourg.)

Portrait of Elizabeth
 (1711-1788)

Portrait of Elizabeth
 (1711-1788)

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА ПОЛТОРАТСКАЯ, (1753—1822, née Chichikoff. Mère de petits propriétaires de Tver, après le 25 juin 1797. Elle n'avait pas 15 ans quand elle fut mariée à M. Poltoratsky, un riche marchand qui, lorsqu'il vint la demander, elle était à l'âge de 12 ans. Elle fut mariée à 15 ans. Elle avait un caractère de fer et une intelligence supérieure des affaires. partie d'une petite fortune, elle finit par posséder une grosse fortune de 4000 paysans, de nombreuses distilleries et usines de toutes sortes, et avait à son service tout le gouvernement de Tver. Et elle ne faisait ni ne signait jamais une seule lettre. Elle avait pour cela un secrétaire particulier. C'est qu'étant jeune, elle avait fait un faux mariage qui lui avait rapporté l'héritage d'un parent éloigné, et pour lequel elle avait dû être traduite en justice. Elle réussit pourtant à faire effacer l'affaire et fit dès lors le vœu de ne plus toucher à son glorieux héritage. Elle fut parvenue au point qu'on la croyait illettrée dans son mariage même. Sur ses deux filles affectivement, elle ne voulait plus lire ni écrire. Travaillant complètement en mains son mari et ses nombreux enfants, elle était unique maîtresse et arbitre du sort de sa nombreuse descendance; tous les membres de sa famille travaillant d'après elle au service, son esprit de domination et parfois même sa cruauté se manifestaient par de longues leçons. Le renom de la «Généralité Poltoratsky» se répandit bien au-delà des limites du gouvernement de Tver. À l'avènement d'Alexandre Ier, dit-on, le bruit courut à Pétersbourg que l'Empereur, passant de sa tournée dans l'ordre de la Toison d'or, elle-même, en ce moment à Krasnoyarsk, vint un jour, de sa fenêtre ouverte, la voir se précipiter. «Où allez-vous?» dit-elle, sans s'arrêter. «Où la place, pour l'histoire de la Poltoratsky?» — «C'est, dépêchez-vous!» lui cria-t-elle en riant. On a raconté bien d'autres détails de la vie et de la mort de cette remarquable femme, exceptionnelle même en ce temps d'abus et de corruption. Elle habitait au faubourg de Grouzno, à deux verstes de Torgo, une maison ancienne construite par Waldelli et peinte de toutes les bestioles et de tout le luxe des seigneurs de la cour. Elle vivait dans la chambre qu'une image de saint-Étienne et le portrait de Catherine II. En prison, elle écrivait : «Mon bon ami», et quant à Catherine, elle l'appelait «Mère», qu'elle acheta à sa mort une robe de chambre, une chemise, une robe et ses draps. Elle ne fit de ses voyages en Russie, l'impératrice Catherine II, l'impératrice Marie Thérèse, puis, après sa mort, elle fut mariée à son fils, elle n'entra pas dans la maison et refusa le mariage pour elle. Cependant, après sa mort, à un de ses nombreux voyages qu'elle fit à Moscou, Mme Poltoratsky vint se la rendre de son fils, elle fut mariée au point que, dans ses relations avec son mari, elle se comportait comme des moines dans un couvent. Elle fut mariée de son fils et de son mariage, elle passa le reste de sa vie dans son lit, mais sans cesse de surveiller et de diriger la gestion de son bien, et personne n'osa désobéir à ses ordres. Ses filles ne pouvaient obtenir la faveur de leur mari qu'elles faisaient semblant de se soumettre aux prescriptions de leur mère. Personne de la maison n'avait osé désobéir à son ordre, même les nombreux domestiques et les nombreux esclaves qui y habitaient, et dans lequel elle avait une entière confiance. Sa culture était dérivante; le compagne était traité de Pangloss, parfois même traité, même au de ses fils. Elle était si dévouée à son mari qu'elle se sacrifiait pour les autres et même pour ses parents et construisait à ses frais une cathédrale à Staritsa. Elle mourut le 22 octobre 1822, et fut inhumée dans l'église du faubourg de Grouzno.

Seulement, après la mort et l'absence de ces deux confesseurs, elle suppliait Dieu à toute main de les augmenter encore pour mieux servir son Dieu. Elle fit porter son lit dans la grande salle des enfants, couvrit toutes les portes et les fenêtres, et dit à tout le quartier de venir lui dire adieu; puis, en présence d'un nombreux cortège de paysans et de propriétaires de villages, elle se mit à crier publiquement ses péchés, ses grands malheurs et tout le monde et termina par un grand cri : «Mon Dieu, pardonne-moi, pitié que j'ai péché!» à quoi l'assistance répondit d'une seule voix : «Pardonne-moi», et le peuple donna le signal à la mort.

Пис Левицкий

*Агatheclée Александровна
Потторатская, 17...-1822*

Peint par Lévitky

*Agathoclée Alexandrowna
Pottoratzky, 17...-1822*

ВАСИЛІЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ МЯТЛЕВЪ, 1694—1761, сынъ Вологодскаго помѣщика, жпльца Алексѣя Григорьевича и Маріи Осиповны Павловой († 1739 г.), въ 1715 г. былъ произведенъ въ подпоручики, а уже въ слѣдующемъ году, плавая на вице-адмиральскомъ кораблѣ „Ингерманландъ“, изъ Копенгагена былъ посланъ въ Гельсингоръ, для привода оттуда корабля „Страфордъ“; 1 Марта 1720 г. произведенъ въ поручики и чрезъ годъ, 27 Октября 1722 г.,—въ капитанъ-лейтенанты; въ 1721 г. онъ былъ въ Нижнемъ при строеніи кораблей для Персидскаго похода. Въ 1723 г. былъ посланъ въ Астраханскій портъ и плавалъ по Каспійскому морю, а въ Сентябрѣ 1725 г. назначенъ состоять при Астраханскомъ адмиралтействѣ. Въ Январѣ 1726 г. переведенъ въ Петербургъ и 15 Декабря 1727 г. произведенъ въ капитаны 2 ранга. Состоя совѣтникомъ Адмиралтейской конторы, онъ командовалъ кораблемъ „Перлъ“ въ Кронштадтѣ. Черезъ 2 года, 17 Марта 1730 г., Мятлевъ былъ назначенъ директоромъ Морской академіи и 29 Декабря 1732 г. произведенъ въ капитаны 1 ранга. Въ слѣдующемъ году, назначенный 8 Января на должность капитана надъ Архангельскимъ портомъ, Мятлевъ положилъ основаніе Соломбальскому адмиралтейству и занимался снаряженіемъ Обской экспедиціи и постройкой для нея судовъ. Въ 1735 г. Мятлевъ, за отсутствіемъ контръ-адмирала Бредаля, исправлялъ должность главнаго командира Архангельскаго порта. Въ 1740 г. онъ былъ назначенъ оберъ-интендантомъ, а въ 1743 г., по болѣзни, уволенъ въ отставку, съ чиномъ контръ-адмирала. Пробывъ 9 лѣтъ внѣ службы, въ 1752 г. Мятлевъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты и назначенъ Сибирскимъ губернаторомъ. Спустя 5 лѣтъ, въ началѣ 1757 г., его повелѣно было „оттуда взять для употребленія здѣсь во флотъ“; 5 Мая онъ былъ переименованъ въ адмиралы въ корабельный флотъ. Во время Семилѣтней войны, Мятлевъ, командуя эскадрой изъ 5 кораблей и 1 фрегата и имѣя флагъ на кораблѣ „Полтава“, блокировалъ прусскіе берега около Данцига; 29 Сентября 1757 г. Мятлевъ былъ назначенъ присутствующимъ въ Адмиралтействъ-коллегіи.

Умеръ В. А. Мятлевъ 10 Марта 1761 г.; онъ былъ женатъ два раза; кто была первая его жена—неизвѣстно; вторая, съ 1747 г., была Прасковія Яковлевна Дашкова; отъ первой жены у него была дочь Анна, за Алексѣемъ Васильевичемъ Олешевымъ, отъ второй—сыновья Василій (р. 1749 г., † 1771 г.) и Петръ (р. 1756 г., † 1853 г.), и 3 дочери, Анастасія (р. 1758 г.), Марія (р. 1760 г.) и Екатерина (р. 1761 г.).

(Съ портрета Олешкевича; собственность В. И. Мятлевой, въ С.-Петербургѣ.)

BASILE ALEXÉEWITCH MIATLEFF, 1694—1761, fils du propriétaire de Vologda et noble provincial Alexis Grigoriewitch Miatleff et de Marie Ossipowna, née Pavloff († 1739), fut promu sous-lieutenant en 1715, et, dès l'année suivante, envoyé, sur le vaisseau vice-amiral Ingermanie, de Copenhague à Elsenör, pour en ramener le *Strafford*. Lieutenant le 1er mars 1720 et capitaine lieutenant un an après, le 27 octobre 1722, il alla en 1721 à Nijni construire les transports nécessaires à la campagne de Perse. En 1723, il fut envoyé au port d'Astrakhan et croisa sur la Caspienne, puis, en septembre 1725, fut attaché à l'amirauté d'Astrakhan. Affecté à Pétersbourg en janvier 1726, il passa le 15 décembre 1727 capitaine de second rang. Conseiller au bureau de l'Amirauté, il commanda la *Perle* à Cronstadt. Deux ans plus tard, le 17 mars 1730, il fut nommé directeur de l'Académie Navale, et, le 29 décembre 1732, promu capitaine de premier rang. Capitaine du port d'Arkhangel le 8 janvier suivant, il jeta les bases de l'amirauté de Solombala et travailla à l'équipement de l'expédition de l'Obi et à la construction des vaisseaux nécessaires. En 1735, en l'absence du contre-amiral Brédal, il fit fonctions de commandant général du port d'Arkhangel. Intendant général en 1740, il dut prendre sa retraite en 1743, pour raisons de santé. Après neuf ans de non-activité, il fut, en 1752, promu général lieutenant et nommé gouverneur de Simbirsk. Cinq ans plus tard, au commencement de 1757, arriva l'ordre de „l'en rappeler pour l'employer ici dans la marine“ : le 5 mai, il permuta à la flotte comme amiral. Lors de la Guerre de Sept-Ans, à la tête d'une escadre de cinq vaisseaux et une frégate, et ayant son pavillon sur le *Poltava*, il bloqua les côtes de Prusse à la hauteur de Danzig. Il devint le 29 septembre 1757 membre du Collège des Amirautés.

Miatleff mourut le 10 mars 1761. Il fut marié deux fois. De sa première femme, on ne sait rien; il en eut une fille Anne, mariée à Alexis Vassiliewitch Olécheff. Remarié en 1747 à Prascovie Yakovlewna Dachkoff, il eut deux fils, Basile (1749—1771) et Pierre (1756—1833), et trois filles, Anastasie (née 1758), Marie (née 1760) et Catherine (née 1761).

(D'après un original d'Olechkewitch appartenant à Mme B. Miatleff, St-Pétersbourg.)

General Thomas Mifflin
 1757-1817

General Thomas Mifflin
 1757-1817

BASILE ALEXANDROVITCH MIATLEFF, 1701—1761, fils du propriétaire de Volokna et noble provincial Alexis Grigorievitch Miatleff et de Marie Grigorievna, née Pavloff (+ 1750), fut premier commandant en 1715, et, dès l'année suivante, en 1716, sur le vaisseau (cru-cavalière) *Jagerboule*, de l'expédition à Elisavet, pour en ramener le *Stratford*. Élevé le 1er mars 1720 et capitaine lieutenant en sa qualité de 27 octobre 1724, il fut en 1721 à 1726 commandant les transports nécessaires à la campagne de Pierre. En 1722, il fut envoyé au port d'Ankhalov et arriva sur la Caspienne, puis, en septembre 1725, fut attaché à l'escadre d'Ankhalov. Affecté à Pétersbourg en janvier 1726, il passa, le 11 décembre 1727, capitaine de second rang, conseiller au bureau de l'amirauté. Il commanda la *Pylos* à Constantinople deux fois plus tard, le 17 mars 1730, il fut nommé directeur de l'Académie Navale, et, le 29 décembre 1732, premier capitaine de premier rang. Capitaine du port d'Arkhangel le 8 janvier suivant, il jeta les bases de l'arsenal de Solovkovo et travailla à l'équipement de l'expédition de l'Ob et à la construction des vaisseaux nécessaires. En 1734, en l'honneur du contre-amiral Arakel, il fit fonctions de commandant pour le port d'Arkhangel. Intendant général en 1740, il fut pris en retraite en 1743, pour raisons de santé. Après une année de convalescence, il fut, en 1745, premier général commandant et nommé gouverneur de l'oblast de Cing-ou plus tard, en commandement de 1757. Reçu l'ordre de «*Pour rappeler pour l'emploi des Annales de marine*» le 1er mai, il parvint à la haute couronne d'or. Lors de la Guerre de Sept Ans, à la tête d'une escadre de cinq vaisseaux et une frégate, il vint son pavillon sur le *Poltava*, il bloqua les ports de Prusse et la mer du Nord. Il mourut le 29 septembre 1761 membre du Collège des Amiraux.

Miatleff mourut le 10 mars 1761. Il fut marié deux fois. De sa première femme, née en 1706, il eut une fille Anne, mariée à Alexis Vassilievitch Olesch, décédé en 1743 à Pétersbourg. Alexandre Vassilievitch Olesch, il eut deux fils, Andreï (1744—1771) et Pierre (1756—1820), et trois filles, Anastasia (née 1747), Marie (née 1750) et Catherine (née 1761).

(D'après un original d'Oleschovitch appartenant à Mme B. Miatleff, St-Petersbourg.)

Пис. Олехневич

*Василий Алексеевич
Мятлевъ, 1694-1761*

Peint par Olexkewitch

*Basile Alexéewitch
Miatleff, 1694-1761*

ПРАСКОВЬЯ ЯКОВЛЕВНА МЯТЛЕВА, 1726—1782, дочь отставного майора, ассессора Камеръ-коллегіи (1731 г.), воеводы Устюженскаго, коллежскаго совѣтника Якова Ивановича Дашкова († 1766 г.), родилась 21 Октября 1726 г.; въ Августѣ 1747 г. была помолвлена за контръ-адмирала и кавалера ордена св. Александра Невскаго Василія Алексѣевича Мятлева († 1761 г.).

Отъ этого брака Мятлева имѣла двухъ сыновей: Василія Васильевича (р. 1749 г., † 1771 г.) и Петра Васильевича (р. 1756 г., † 1833 г.), впослѣдствіи директора Ассигнаціоннаго банка, женатаго на графинѣ Прасковѣ Ивановнѣ Салтыковой, и 3 дочерей: Анастасію (р. 1758 г.), Марію (р. 1760 г.) и Екатерину (р. 1761 г.). Скончалась П. Я. Мятлева 6 Февраля 1782 г. и похоронена на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Домъ Прасковьи Яковлевны Мятлевой является однимъ изъ первыхъ Петербургскихъ литературныхъ салоновъ Екатерининской эпохи. О бывавшихъ у нея, уже послѣ смерти мужа ея, собраніяхъ, въ 1771 г., упоминаетъ въ своихъ запискахъ Фонъ-Визинъ, постоянно встрѣчавшійся у нея не только съ предметомъ своей страсти, Анной Ивановной Приклонской, но и со многими общественными дѣятелями, писателями и поэтами, каковы: Козодавлевъ, Домашневъ, Державинъ, Херасковъ, Богдановичъ, Княжнинъ...

(Съ портрета Олешкевича, 1825 г.; собственность В. И. Мятлевой, въ С.-Петербургѣ.)

PRASCOVIE YAKOVLEWNA MIATLEFF, 1726 — 1782, fille du conseiller de collège Jacob Ivanowitch Dachkoff († 1766), major en retraite, assesseur du Collège de la Chambre (1731) et voïévode d'Oustioug, naquit le 21 octobre 1726; elle fut fiancée en août 1747 au contre-amiral et chevalier de St-Alexandre Basile Alexéewitch Miatleff († 1761).

Elle eut de ce mariage deux fils, Basile (1749 — 1771) et Pierre (1756 — 1833), plus tard directeur de la Banque d'Assignats, marié à la comtesse Prascovie Ivanowna Saltykoff, et trois filles, Anastasie (née 1758), Marie (née 1760) et Catherine (née 1761). Elle mourut le 6 février 1782, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

La maison de Mme Miatleff fut un des premiers salons littéraires de Pétersbourg sous Catherine. Il est question des réunions qu'elle y donna en 1771, après la mort de son mari, dans les Mémoires de von Vizine, qui y rencontrait constamment, outre l'objet de sa passion, Anne Ivanowna Priklonsky, nombre d'hommes en place, d'écrivains et de poètes, comme Kozodavleff, Domachneff, Derjavine, Khéraskoff, Bogdanowitch, Kniajnine, etc.

(D'après un original d'Olechkewitch, 1825, appartenant à Mme B. Miatleff, St-Pétersbourg.)

Пис Олешкевич

*Прасковья Яковлевна
Мятлева, 1726-1782*

Peint par Oleschkewitch

*Prascovie Yakovlewna
Miatleff, 1726-1782*

ПЕТРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ МЯТЛЕВЪ, 1756—1833, сынъ адмирала и Сибирскаго губернатора Василя Алексѣевича (р. 1694 г., † 1761 г.) отъ второго его брака съ Прасковьей Яковлевной Дашковой (р. 1726 г., † 1782 г.), родился 13 Декабря 1756 г. и въ 1762 г. записанъ въ военную службу сержантомъ въ Семеновскій полкъ. Въ 1781 г., будучи въ чинѣ капитана того же полка, пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Съ 1783 по 1795 г. онъ состоялъ Гдовскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Въ 1783 г. Мятлевъ былъ назначенъ членомъ Комитета для управленія различными зрѣлищами и музыкой, въ 1786 г. былъ совѣтникомъ правленія банковъ, а въ 1789 г. пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. Въ 1794 г. онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ и главнымъ директоромъ Ассигнаціоннаго банка, а въ 1796 г. членомъ Комитета для погашенія государственныхъ долговъ.

Мятлевъ вышелъ въ отставку въ 1801 г., послѣ чего много путешествовалъ по Западной Европѣ и приобрѣлъ тамъ замѣчательную коллекцію картинъ, состоящую главнымъ образомъ изъ портретовъ знаменитыхъ французскихъ дѣятелей XVII и XVIII вѣковъ. Мятлевъ соединялъ съ французской образованностью русскій острый и веселый умъ. Онъ близко стоялъ ко многимъ литературнымъ дѣятелямъ конца XVIII и начала XIX столѣтій: къ Богдановичу, Фонъ-Визину, Дмитріеву, Карамзину.... Характеристика Фонъ-Визина, сдѣланная Вяземскимъ, основана между прочимъ на письмахъ Мятлева. Князь И. М. Долгорукій въ своемъ „Капищѣ“ даетъ такой отзывъ о Мятлевѣ: „Тонкій и просвѣщенный царедворецъ, который долго былъ на самомъ лучшемъ счету при дворѣ Екатерины II, но скоро свихнулся и нынѣ, въ отставку живучи въ Петербургѣ, ничего не значить“. Александръ I относился къ нему неблагоклонно: его имя онъ упомянулъ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ придворныхъ Екатерины II, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя даже своими лакеями.

И. В. Мятлевъ скончался въ Петербургѣ 15 Февраля 1833 г. и погребенъ въ семейномъ склепѣ въ Сергіевой пустыни. По поводу его смерти князь П. А. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу: „Мятлевъ умеръ сегодня. Онъ давно уже былъ полумертвъ. Языкъ не повиновался ему, и онъ говорилъ всегда не то, что хотѣлъ, и самъ это чувствовалъ“. Мятлевъ былъ женатъ на графинѣ Прасковѣ Ивановнѣ Салтыковой и имѣлъ 2 сыновей и 3 дочерей: 1) Ивана (р. 1796 г., † 1844 г.; извѣстный поэтъ-юмористъ), 2) Петра (р. 1799 г., † 1827 г.), 3) Екатерину (р. 1800 г., † 1821 г.), за В. В. Левашевымъ (графомъ впоследствии), 4) Софію, за А. П. Галаховымъ и 5) Варвару, за И. Г. Бибиковымъ.

(Съ портрета Олешкевича; собственность В. И. Мятлевой, въ С.-Петербургѣ.)

PIERRE VASSILIEWITCH MIATLEFF, 1756—1833, fils de l'amiral et gouverneur de la Sibérie Basile Alexéewitch Miatleff (1694—1761) et de sa seconde femme Prascovie Yakovlewna, née Dachkoff (1726—1782), naquit le 13 décembre 1756, et fut enrôlé en 1762 sergent au régiment Sémenowsky. En 1781, capitaine à ce régiment, il fut fait gentilhomme de la chambre. Maréchal de la noblesse du district de Gdowsk de 1783 à 1795, il fut nommé en 1783 membre du Comité de direction des spectacles et concerts, en 1786 conseiller à la direction des banques, et en 1789 chambellan effectif. En 1794, il passa conseiller privé et devint sénateur et directeur général de la Banque d'Assignats, puis en 1796 membre de la Commission d'amortissement de la dette publique.

Retraité en 1801, Miatleff voyagea beaucoup en Europe, et en rapporta une remarquable galerie de tableaux, composée surtout de portraits de français célèbres des XVIIe et XVIIIe siècles. Il unissait à la culture d'un français la finesse d'esprit et la jovialité d'un russe. Il fut très lié avec nombre des hommes de lettres de la fin du XVIIIe et du commencement du XIXe siècle, Bogdanowitch, von Vizine, Dmitrieff, Karamzine... La caractéristique de von Vizine par Viazemsky repose en particulier sur la correspondance de Miatleff. Le prince I. Dolgorouky dit de lui dans son Sanctuaire: „Fin et éclairé courtisan, qui fut longtemps des mieux en cour près de Catherine II, mais fit bientôt la culbute, aujourd'hui, dans sa retraite de Pétersbourg, il n'est plus rien“. Il ne fut pas en faveur près d'Alexandre Ier, qui le mettait au nombre d'autres courtisans de Catherine II dont il n'aurait même pas voulu pour ses laquais.

Miatleff mourut à Pétersbourg le 15 février 1833, et fut inhumé au monastère St-Serge, dans un caveau de famille. Le prince Viazemsky écrivait à A. Tourguéneff à l'occasion de sa mort: „Miatleff est mort aujourd'hui. Il y a longtemps qu'il était à moitié mort: sa langue ne lui obéissait plus, il disait toujours autre chose que ce qu'il voulait, et il s'en apercevait bien“. Miatleff avait épousé la comtesse Prascovie Ivanowna Saltykoff, dont il eut deux fils et trois filles, Ivan (1796—1844), connu comme poète humoriste, Pierre (1799—1827), Catherine (1800—1821), mariée à B. Léwachoff, dans la suite comte, Sophie, à A. Galakhoff, et Varvara, à I. Bibikoff.

(D'après un original d'Olechkewitch, appartenant à Mme B. Miatleff, St-Pétersbourg.)

George Washington
1796-1800

John Jay
1793-1801

Пис. Олешкевичъ

*Петръ Васильевичъ
Мятлевъ, 1756-1833*

Peint par Oleshkewitch

*Pierre Vassilievitch
Miatleff, 1756-1833*

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА МЯТЛЕВА, 1772 — 1859, старшая дочь фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова и графини Дарьи Петровны Чернышевой, родилась 7 Мая 1772 г. (по надгробію въ 1769 г.); воспитанная матерью въ духѣ полученнаго ею самою на заграничный ладъ образованія, она, по словамъ Вигеля, была „совершенствомъ неподражаемаго тона, соединяя всю важность русскихъ боярынь съ непринужденной учтивостью, съ точностью приличій, которыми отличались дюшессы прежнихъ временъ“. Появившись въ Петербургскомъ свѣтѣ, графиня П. И. Салтыкова была пожалована Екатериной II во фрей-лины 17 Октября 1792 г. совершенно отличнымъ отъ другихъ образомъ, свидѣтельствовавшимъ объ особенномъ благоволеніи Императрицы къ ея семьѣ. На маленькомъ вечернемъ собраніи въ Эрмитажѣ Императрица вручила графинѣ Д. П. Салтыковой и сестрѣ ея, княгинѣ Н. П. Голицыной, по пакету, приказавъ обмѣняться ими и не раскрывать до слѣдующаго утра, когда каждая изъ нихъ нашла въ немъ по вѣнзелю для своей старшей дочери. Въ Февралѣ 1795 г. графиня П. И. Салтыкова была просватана въ Петербургѣ за камергера Петра Васильевича Мятлева. Свадьба состоялась въ Апрѣлѣ того же года, при Дворѣ, къ нѣкоторому изумленію Салтыковской родни; но крайней мѣрѣ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ писалъ по этому поводу брату: „...и удивительный бракъ графини Прасковьи Ивановны Салтыковой, которая всегда равняла себя по состоянію и лѣтамъ найти бы могла, все сіе я хую“. Вообще бракъ этотъ возбуждалъ толки въ городѣ, и Великая Княгиня Елизавета Алексѣевна писала своей матери 7 Апрѣля 1795 г.: „Dimanche nous eûmes une pose aussi ici: Mr Miatleff a épousé la comtesse Salticoff. Il a près de 40 ans, s'il ne les a pas; elle en a 24 ou 25; elle est fort aimable, bonne, mais pas jolie. Il me semble qu'ils s'accordent bien parce qu'ils sont tous les deux extrêmement maigres“. Поселившись первое время послѣ свадьбы въ Москвѣ, въ Салтыковскомъ домѣ на Дмитровкѣ, П. И. Мятлева извѣстна была своею любовью къ театру и участвовала во всѣхъ домашнихъ спектакляхъ, бывшихъ въ то время въ большой модѣ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Обладая большимъ сценическимъ талантомъ и напоминая игрою своею модную актрису Вальвилъ, она принимала также участіе и въ придворныхъ спектакляхъ въ Эрмитажѣ. Домъ Мятлевыхъ въ Петербургѣ, куда они скоро переѣхали (на Исакиевской площади), считался однимъ изъ самыхъ гостепріимныхъ, и еще долго послѣ смерти своего мужа Прасковья Ивановна Мятлева славилась своими балами, даваемыми ею обязательно для всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Петербургъ иностранцевъ высокихъ особъ. Никто не умѣлъ такъ веселить общество, какъ она, страсть ея къ театральнымъ представленіямъ не уменьшалась даже съ лѣтами, и въ одной изъ длинныхъ залъ Салтыковского дома на Большой Набережной ею была устроена сцена, на которой по зимамъ играли французскія пьесы. При огромномъ богатствѣ, унаслѣдовавъ все состояніе обоихъ фельдмаршаловъ Салтыковыхъ, П. И. Мятлева была отличною хозяйкою и умѣла вести свои дѣла. Послѣ покушки Екатериною для Платона Зубова дома Мятлевыхъ на Исакиевской площади, она пріобрѣла у А. Л. Нарышкина другой домъ рядомъ, а также приморскую дачу Новознаменку, близъ Лигова, на устройство которой приложила много стараній и заботъ. Всѣми уважаемая и любимая, пожалованная въ статсъ-дамы при Николаѣ I, П. И. Мятлева отличалась добротою характера и большою справедливостію въ своихъ поступкахъ. Извѣстна исторія драгоцѣннаго жемчужнаго ожерелья, стоимостью въ нѣсколько десятковъ тысячъ, подареннаго Павломъ I княгинѣ А. П. Гагаринѣ и купленнаго крестьяниномъ П. И. Мятлевой, которые поднесли его своей госпожѣ. Этотъ подарокъ въ то время возбуждалъ много толковъ, а Прасковья Ивановна отблагодарила своихъ крестьянъ тѣмъ, что выстроила имъ въ с. Порѣцкомъ, Симбирской губерніи, большое училище, снабженное всѣми новѣйшими научными приспособленіями, въ которомъ пребывало немало подраставшихъ поколѣній окрестныхъ сель и деревень. Что же касается ожерелья, то, имѣя трехъ дочерей, она ни одной изъ нихъ не отдала его, а приказала хранить въ родѣ Мятлевыхъ. П. И. Мятлева оставила послѣ себя неизданныя еще записки и скончалась 11 Декабря 1859 года; похоронена въ Троице-Сергіевой пустыни подъ Петербургомъ. Она имѣла одного сына Ивана Петровича (р. 1796 г., † 1844 г.), извѣстнаго стихотворца, и дочерей: Екатерину, за генераль-адъютантомъ графомъ В. В. Левашевымъ, Софію, за генераль-адъютантомъ А. П. Галаховымъ, и Варвару, за генераломъ-отъ-артиллеріи Н. Г. Бибиковымъ.

(Съ портрета Штейбена; собственность В. И. Мятлевой, въ С.-Петербургѣ.)

PRASCOVIE IVANOWNA MIATLEFF, 1772—1859, fille aînée du feld-maréchal comte Ivan Pétrowitch Saltykoff et de la comtesse Daria Pétrowna, née Tchernycheff, naquit le 7 mai 1772 (d'après son épitaphe, en 1769). Elevée par sa mère dans l'esprit de l'éducation reçue par elle-même, à la mode de l'étranger, elle était, dit Wiegel, „le comble de l'inimitable comme ton, unissant toute la gravité de la grande dame russe à la courtoisie dégagée, à la ponctualité de convenances qui distinguaient la duchesse du vieux temps“. A son entrée dans le monde de Pétersbourg, elle fut faite demoiselle d'honneur par Catherine II, le 17 octobre 1792, d'une manière tout à fait spéciale, qui témoignait de la bienveillance particulière portée à sa famille: à une petite soirée de l'Ermitage, l'Impératrice remit un paquet à sa mère et un autre à sa tante la princesse N. Golitzyne, en leur recommandant de les échanger et de ne pas les ouvrir avant le lendemain matin: elles y trouvèrent chacune un chiffre pour leur fille aînée. En février 1795, la jeune comtesse fut fiancée à Pétersbourg au chambellan Pierre Vassiliewitch Miatleff. Le mariage eut lieu en avril suivant, et à la Cour, ce qui ne laissa pas de surprendre les Saltykoff; du moins le prince Alexandre Borisowitch Kourakine écrit à ce sujet à son frère: „...et l'étonnant mariage de la comtesse Prascovie Ivanowna Saltykoff, qui aurait toujours pu en faire un bien assorti comme condition et comme âge; tout cela ne me plaît pas“... En général on glosa beaucoup par la ville, et la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna écrivait à sa mère le 7 avril 1795: „Dimanche, nous eûmes une noce aussi ici: Mr Miatleff a épousé la comtesse Salticoff. Il a près de 40 ans, s'il ne les a pas; elle en a 24 ou 25, elle est fort aimable, bonne, mais pas jolie. Il me semble qu'ils s'accordent bien parce qu'ils sont tous les deux extrêmement maigres“. Habitant, les premiers temps de son mariage, la maison Saltykoff à Moscou sur la Dmitrovka, Mme Miatleff se fit une réputation d'amateur de théâtre: elle était de tous les spectacles privés, alors en grande vogue, tant à Moscou qu'à Pétersbourg; douée d'un grand talent d'actrice et rappelant par son jeu l'artiste à la mode Valville, elle parut même sur la scène de l'Ermitage. Elle vint bientôt à Pétersbourg se fixer avec son mari dans la maison Miatleff (Place St-Isaac), qui fut renommée pour les réceptions qu'elle y organisait et les bals que, longtemps encore après son veuvage, elle ne manquait jamais de donner aux étrangers de marque qui venaient à Pétersbourg. Personne ne savait comme elle amuser son monde; sa passion du théâtre ne diminua même pas avec l'âge, et, dans une des longues salles de la maison Saltykoff, sur le Grand Quai, elle organisa une scène pour donner l'hiver des représentations en français. Avec son immense richesse, car elle avait réuni les fortunes des deux feld-maréchaux Saltykoff, elle était maîtresse de maison accomplie et fort entendue aux affaires. Après l'acquisition par Catherine de la maison Miatleff pour Platon Zouboff, sur la Place St-Isaac, elle acheta à A. Narychkine celle d'à côté, ainsi que la villa de Novoznamenka, sur la côte, près de Ligovo, dont elle soigna tout particulièrement l'installation. Jouissant de l'estime et de l'affection générales, faite dame d'honneur sous Nicolas Ier, elle se faisait remarquer par son excellent caractère et l'équité qui inspirait tous ses actes. On connaît l'histoire du riche collier de perles donné par Paul Ier à la princesse A. Gagarine et racheté par ses paysans pour le lui offrir: ce cadeau fit beaucoup causer, et elle les en récompensa en leur fondant au bourg de Porietzkoïé, gouvernement de Simbirsk, une grande école munie des derniers perfectionnements de la science, et où vinrent successivement de nombreuses générations des bourgs et villages voisins; quant au collier, comme elle avait trois filles, elle ne le donna à aucune d'elles, et le fit conserver dans la famille Miatleff.

Mme Miatleff mourut, laissant des Mémoires encore inédits, le 11 décembre 1859, et fut inhumée au monastère St-Serge, près Pétersbourg. Elle eut un fils Ivan (1796—1844), connu comme poète, et trois filles, Catherine, mariée au comte B. Levacheff, général aide de camp, Sophie, mariée au général aide de camp A. Galakhoff, et Varvara, au général d'artillerie I. Bibikoff.

(D'après un original de Steiben, appartenant à Mme B. Miatleff, St-Pétersbourg.)

*Прасковья Ивановна
Мятлева, 1771-1859*

*Prascovie Ivanowna
Miatleff, 1771-1859*

Принцесса АНАСТАСІЯ ИВАНОВНА ГЕССЕНЪ-ГОМБУРГСКАЯ, 1700—1755, дочь фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкого (р. 1667 г., † 1750 г.), отъ второго брака съ Ириной Григорьевной Нарышкиной (р. 1669 г., † 1749 г.), родилась 4 Октября 1700 года; молодость свою она провела въ Швеціи, куда мать ея послѣдовала за мужемъ, взятымъ въ плѣнъ шведами въ сраженіи при Нарвѣ. Вернувшись съ родителями изъ Стокгольма, гдѣ она получила чисто европейское образованіе, княжна Анастасія Ивановна 14 Января 1717 г. вступила въ супружество съ проживавшимъ въ Петербургѣ и пользовавшимся особенными милостями Петра Великаго Молдавскимъ господаремъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ Кантемиромъ (р. 1673 г.). Отъ этого, новидному, счастливаго брака съ сорокапятилѣтнимъ вдовцомъ княгиня Анастасія Ивановна имѣла одну дочь, княжну Смарагду (Екатерину) Дмитріевну, бывшую замужемъ за посломъ въ Парижѣ, княземъ Д. М. Голицынымъ. Овдовѣвъ 30 Августа 1723 г., княгиня Анастасія Ивановна сочеталась 3 Февраля 1738 г. вторымъ бракомъ съ состоявшимъ на русской службѣ въ званіи генераль-фельдцейхмейстера и генераль-фельдмаршала, ландграфомъ Гессенъ-Гомбургскимъ Людвигомъ-Вильгельмомъ (1705 г., † 1745 г.).

Ландграфиня Анастасія Ивановна пользовалась особымъ расположеніемъ Елисаветы Петровны, которая пожаловала ее 25 Ноября 1741 г. статсъ-дамою, а 18 Декабря того же года возложила на нее орденъ св. Екатерины I класса. Въ этомъ званіи ландграфиня Гессенъ-Гомбургская „брала первенство“ у всѣхъ статсъ-дамъ, не исключая и оберъ-гофмейстерини, графини А. К. Воронцовой, и, подобно ей, имѣя кавалерскій орденъ, не носила статсъ-дамскаго портрета. Много путешествуя, ландграфиня Анастасія Ивановна была извѣстна въ европейскихъ столицахъ своей красотой и образованностью и подолгу жила въ Парижѣ, у своей дочери, блистая на придворныхъ балахъ у королевы Маріи Лещинской. Скончалась она въ Петербургѣ 27 Ноября 1755 г. и похоронена въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви Благовѣщенія.

Берхгольцъ въ своемъ дневникѣ говоритъ, что въ 1721 г. „княгиня Валашская (Кантемиръ) поражала красотою своего стана и лица и была, безспорно, одна изъ прекраснѣйшихъ женщинъ во всемъ Петербургѣ. Она блондинка, высока ростомъ, имѣетъ прекрасныя руки и чудный цвѣтъ лица. На вѣкъ лѣваго глаза у нея маленькое черное пятно, издали похожее на мушку, но это нисколько не вредитъ красотѣ и живости ея глазъ, напротивъ, дѣлаетъ ихъ еще болѣе выразительными; вообще она женщина весьма пріятная и образованная“. Не найдя, кажется, счастья во второмъ бракѣ, ландграфиня Гессенъ-Гомбургская всегда пользовалась безупречной репутаціей; нѣжная дружба соединяла ее съ ея побочнымъ братомъ Бецкимъ, поставившимъ надъ могилой ея въ Благовѣщенской церкви мраморную доску, съ надписью: „Dilectissimae sorori Anastasiae principi Trubetzkoi ut hoc doloris monumentum frater moestissimus p. — Вселюбезнѣйшей сестрѣ Анастасіи, рожденной княжнѣ Трубецкой, сію печали память прискорбнѣйшій братъ постав.“. Имъ же выбиты въ память ея двѣ медали, съ ея изображеніемъ и надписями: „Ad honoris culmen per tramitem Virtutis ascendit“, „Dilectiss. Sorori Frater Moestiss.“; „Nata 4 Oct. 1700, ob. 27. Nov. 1755“.

(Съ портрета Рослена; Императорская Академія Художествъ.)

La princesse ANASTASIE IVANOWNA de HESSE-HOMBOURG, 1700—1755, fille du feld-maréchal prince Ivan Youriewitch Troubetzkoï (1667—1750) et de sa seconde femme Irène Grigoriowna, née Narychkine (1669—1749), naquit le 4 octobre 1700. Elle passa sa jeunesse en Suède, où la famille avait suivi le père, fait prisonnier par les Suédois à la bataille de Narva, et reçut à Stockholm une éducation toute européenne. Rentrée en Russie avec ses parents, elle épousa le 14 janvier 1717 le prince Démètre Cantemir (né 1673), hospodar de Moldavie, alors fixé à Pétersbourg et honoré de la faveur particulière de Pierre-le-Grand. Elle eut de ce mariage, qui semble avoir été heureux, avec un veuf de 45 ans, une fille, Emeraude (Catherine), mariée au prince D. Golitzyne, ambassadeur à Paris. Veuve le 30 août 1723, elle se remaria le 3 février 1738 au landgrave Louis-Guillaume de Hesse-Hombourg (1705—1745), grand maître de l'artillerie et général feld-maréchal au service russe.

La landgrave de Hesse-Hombourg jouit de la faveur spéciale de l'Impératrice Elisabeth, qui la fit dame d'honneur le 25 novembre 1741, et le 18 décembre suivant dame de Ste-Catherine de 1re classe. Dame d'honneur, elle prit le pas sur toutes les autres dames, y compris la comtesse Worontzoff, grande maîtresse de la Cour, à l'exemple de laquelle elle était décorée et ne portait pas le portrait de dame d'honneur. Grande voyageuse, réputée dans les capitales de l'Europe pour sa beauté et son instruction, elle habita longtemps Paris, chez sa fille, et y brilla aux bals de la reine Marie Leszczinska. Elle mourut à Pétersbourg le 27 novembre 1755, et fut inhumée au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église de l'Annonciation.

„La princesse de Valachie“, dit Bergholz dans son Journal vers 1721, „est d'une élégance et d'une beauté remarquables; c'est incontestablement une des plus belles femmes de tout Pétersbourg. Grande, blonde, de jolies mains et un teint merveilleux, elle a sur la paupière gauche un petit grain noir, semblable de loin à une mouche, qui ne fait qu'ajouter à l'expression des yeux sans rien leur enlever de leur beauté ni de leur éclat. En somme, c'est une femme très agréable et très instruite“. Elle ne semble pas avoir trouvé le bonheur dans son second mariage, mais conserva toujours une réputation irréprochable. Son frère naturel Betzkoï, avec qui elle était liée d'une tendre amitié, fit sceller sur sa tombe, à l'église de l'Annonciation, une plaque de marbre avec l'inscription: „Dilectissimae sorori Anastasiae principi Trubetzkoi ut hoc doloris monumentum frater moestissimus p.—A ma très chère sœur Anastasie, née princesse Troubetzkoï, témoignage de douleur d'un frère éploré“. Il fit également frapper en sa mémoire deux médailles à son effigie, portant les inscriptions:

„Ad honoris culmen per tramitem Virtutis ascendit“,

„Dilectiss. Sorori Frater Moestiss.“;

„Nata 4 Oct. 1700, ob. 27 Nov. 1755“.

(D'après l'original de Roslin, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

Portrait of a woman, seated, wearing a voluminous dress. The image is framed by a dark border.

Portrait of a woman, seated, wearing a voluminous dress. The image is framed by a dark border.

La princesse **ELISABETH IVANOVNA de HESSE-HOMBURG**, 1700 - 1751. Elle de haute naissance venue d'un *Freiherrn* (noblesse) *Freiherrn* (noblesse) *Freiherrn* (noblesse) (1697-1760) et de sa seconde femme d'un *Ordnungs* (noblesse) *Ordnungs* (noblesse) (1700-1750) auquel le 4 octobre 1700, elle passa sa jeunesse en Suède, où la famille se maria le père, fut prisonnier par les Suédois à la bataille de Narva, et reçut à Stockholm une éducation toute européenne. Reprise au service avec ses parents, elle épousa le 15 janvier 1711 le prince *Henrich* (noblesse) (1672), hospodar de Moldavie, alors duc à Pétersbourg et honoré de la faveur particulière de l'impératrice. Elle eut de ce mariage, qui semble avoir été heureux, avec un veuf de 15 ans, une fille, *Ekaterina* (noblesse) mariée au prince *H. Goltz*, ambassadeur à Paris. Veuve le 20 août 1725, elle se remaria le 15 octobre 1725 au duc *Louis-Guillaume de Hesse-Hombourg* (1705-1751), grand maître de l'artillerie et général feld-maréchal au service russe.

La landgräve de Hesse-Hombourg jouit de la faveur spéciale de l'impératrice Elisabeth, qui le 21 dans d'honneur le 25 novembre 1721, et le 15 décembre suivant d'une de *Sainte-Catherine* de 1re classe. De sa d'honneur, elle prit le pas sur toutes les autres dames, y compris la comtesse *Woronow*, grande maîtresse de la Cour, à l'exemple de laquelle elle était décorée et ne portait pas le portrait de l'impératrice. Grande voyageuse, réputée dans les capitales de l'Europe pour sa beauté et ses instructions, elle habita longtemps Paris, chez sa fille et y arriva aux fêtes de la reine *Marie Leszcynska*. Elle mourut à Pétersbourg le 20 novembre 1751, et fut inhumée au monastère d'*Alexandre Nevsky*, dans l'église de l'*Assommoir*.

«La princesse de Valachie», dit *Bergholz* dans son journal vers 1721, «est d'une jeunesse et d'une beauté remarquables; c'est évidemment une des plus belles femmes de tout Pétersbourg. Grande, blonde, de jolies dents et un teint merveilleux, elle a une main gauche du petit doigt noir, ornée de deux à une ongle, qui ne fait qu'ajouter à l'expression des yeux sans rien leur enlever de leur beauté et de leur éclat. En somme, c'est une femme très agréable et très instruite». Elle ne semble pas avoir connu le bonheur dans son second mariage, mais conserva toujours une réputation irréprochable. Son frère *Paul* (noblesse) avec qui elle était liée d'une tendre amitié, fit sceller son corps, à l'église de l'*Assommoir*, aux pieds de marbre avec l'inscription: «*Ukrainianka* *maréchal* *Anastasia* *prince* *Trochitski* et son digne et honorable frère *maréchal* *Anastasia*...» A son côté était assise *Anastasia*, ni-prince *Trochitski*, témoignage de son amour (qui l'avait épousé). Il fit également frapper ce sa mémoire deux médailles à son effigie, portant les inscriptions:

«*Ad honorem cultum per transterni Viridis ascendit*»;

«*Dilectus Sponsus Frater Nobiliss.*»;

«*Maria et Greg. 1700, ab 27 Nov. 1751*».

(Voyez l'original de Berlin, Archives Impériales des Hautes-Altes.)

Пис. Лосиен

Peint par Roslin

*Принцесса Анастасія Івановна
Гессенъ-Голдбургская, 1700-1755*

*La Princesse Anastasie Ivanowna
de Hesse-Hombourg, 1700-1755*

ПЕТРЪ БИРОНЪ, 1724—1800, герцогъ Курляндскій и Семпгальскій, старшій сынъ любимица Анны Иоанновны герцога Эрнеста-Иоганна (р. 1690 г., † 1772 г.) отъ брака съ Беннгной Тротта-фонъ-Трейдень (р. 1703 г., † 1782 г.), крестникъ Петра I, родился въ Митавѣ 24 Января 1724 года. Нѣкоторые современники утверждали, что онъ былъ сынъ самой Анны Иоанновны. Воспитанный при Императорскомъ дворѣ, Петръ Биронъ получилъ довольно хорошее для того времени образованіе; 8-лѣтъ онъ былъ пожалованъ въ ротмистры Минихова кираспрскаго полка, а въ 1737 г., послѣ возведенія отца на герцогскій престолъ въ Курляндіи, объявленъ наслѣднымъ принцемъ. Въ 1739 г. отецъ безуспѣшно старался устроить его бракъ съ принцессой Анной Леопольдовной, которая предпочла выйти за принца Антона-Ульриха; 14 Февраля 1740 г. принцу Петру пожалованы были ордена Александра Невского и Андрея Первозваннаго съ алмазною звѣздой, а въ день смерти Императрицы онъ получилъ чинъ подполковника Конной гвардіи. Послѣ паденія отца, онъ нѣкоторое время, по болѣзни, оставался въ Петербургѣ, а затѣмъ раздѣлялъ съ нимъ ссылку въ Пелымъ и Ярославль. Петръ III возвратилъ Бироновъ изъ ссылки и пожаловалъ принцу Петру чинъ генералъ-майора. Екатерина II возстановила Бирона на престолѣ, и такимъ образомъ его старшій сынъ снова сталъ наслѣднымъ принцемъ. Въ 1764 г. Екатерина посѣтила Митаву и возложила на принца Петра знакъ ордена Андрея Первозваннаго. Въ 1769 г. престарѣлый Биронъ-отецъ уступилъ сыну управленіе герцогствомъ и черезъ 3 года скончался. Новый герцогъ сразу возбудилъ неудовольствіе дворянства и держался на престолѣ, только благодаря Россіи. Третій его бракъ въ 1779 г. съ мѣстной дворянкой нѣсколько улучшилъ эти отношенія, но вскорѣ герцогъ удался на нѣсколько лѣтъ за границу. Возвратившись въ 1787 г., онъ снова вступилъ въ борьбу съ дворянствомъ, закончившуюся въ 1795 г. присоединеніемъ Курляндіи къ Россіи: 28 Марта 1795 г. герцогъ подписалъ въ Петербургѣ отреченіе отъ престола. Ему была назначена пенсія въ 50/т. червонцевъ, а его личныя владѣнія въ Курляндіи были куплены русскимъ правительствомъ за миллионъ талеровъ, которые были уплачены послѣ его смерти его наслѣдникамъ. По отреченіи отъ престола, Биронъ жилъ частью въ Берлинѣ, частью въ своихъ новыхъ владѣніяхъ въ Германіи. Еще въ 1786 г. онъ купилъ когда-то принадлежавшее знаменитому Валленштейну имѣніе Саганъ, въ Силезіи, съ населеніемъ въ 67/т. жителей, возведенное королею Фридрихою-Вильгельмою II въ герцогство.

Скончался принцъ Петръ 2 Января 1800 г. въ своемъ Силезскомъ имѣніи Гелленау. Биронъ былъ женатъ трижды, но, большой волокита, онъ не могъ ужиться ни съ первой, ни съ второй женой, съ которыми онъ жестоко обращался, и даже билъ, и только третій бракъ, несмотря на разницу лѣтъ супруговъ, былъ счастливый. Въ 1765 г. Биронъ женился на Каролинѣ-Лунзѣ, принцессѣ Вальдекской (р. 1748 г., † 1782 г.) и въ 1772 г. развелся съ ней; въ 1774 г. женился на княжнѣ Евдокии Борисовнѣ Юсуповой († 1782 г.). Въ 1778 г. послѣдовалъ разводъ со второй супругой, и черезъ годъ Биронъ вступилъ въ третій бракъ съ графиней Анной-Доротеей Медемъ (р. 1761 г., † 1821 г.). Отъ перваго и третьяго брака онъ имѣлъ по сыну (умеръ въ дѣтствѣ), и отъ третьей же жены—6 дочерей: 1) Екатерину-Фридрику-Вильгельмину (р. 1781 г., † 1839 г.), герцогиню Саганскую, за княземъ Ю. Роганъ-Гемене, княземъ В. С. Трубецкимъ и графомъ К. Шуленбургомъ, 2) Марію-Паулину (р. 1782 г., † 1845 г.), герцогиню Саганскую, за княземъ Фридрихомъ Гогенцоллернъ-Гехингенскимъ, 3) Иоганну-Екатерику (р. 1783 г., † 1876 г.), за герцогомъ Ачеренца, 4) Шарлотту-Фридрику (р. 1789 г., † 1791 г.), 5) Екатерину (р. 1792 г.) и 6) Иоганну-Доротею (р. 1793 г., † 1862 г.), герцогиню Саганскую, за графомъ Э. Талейранъ-Перигоръ, герцогомъ Дино. Кромѣ этихъ дочерей, у него была побочная дочь, получившая по одному изъ его имѣній титулъ графини Виртенбергъ и бывшая замужемъ за графомъ Гарденбергъ.

(Съ портрета Барпзена, 1781 г.; находится въ Митавской гимназіи.)

PIERRE BIRON, 1724—1800, duc de Courlande et de Sémigalie, fils aîné du duc Ernest-Jean Biron (1690—1772), favori d'Anne Ioannowna, et de Bénigne Trotta-von-Treuden (1703—1782), filleul de Pierre-le-Grand, naquit à Mitau le 24 janvier 1724. Des contemporains le prétendent le propre fils de l'Impératrice Anne. Elevé à la Cour Impériale, il reçut une assez bonne instruction pour l'époque. Enrôlé à 8 ans capitaine de cuirassiers au régiment de Munich, il fut en 1737, à l'avènement de son père au trône ducal de Courlande, proclamé héritier présomptif. En 1739, malgré les efforts de son père, il ne put épouser la princesse Anne Léopoldowna, qui lui préféra le prince Antoine-Ulrich. Il fut décoré le 14 février 1740 de St-Alexandre Newsky et de St-André avec insignes en diamants, et promu le jour de la mort de l'Impératrice lieutenant-colonel de la Garde à cheval. A la chute de son père, retenu d'abord à Pétersbourg par sa santé, il alla ensuite partager son exil à Pelym et à Yaroslavl. Pierre III les rappela et donna le grade de général major au jeune prince, qui, son père une fois rétabli sur le trône par Catherine II, redevint héritier présomptif et, lors du voyage de l'Impératrice à Mitau en 1764, reçut de sa main les insignes de St-André. En 1769, son vieux père lui remit le gouvernement du duché, et mourut au bout de trois ans. Le nouveau duc provoqua d'emblée le mécontentement de la noblesse et ne se maintint sur le trône que grâce à la Russie. Son troisième mariage en 1779 avec une noble du pays améliora un peu les choses, mais il alla ensuite passer plusieurs années à l'étranger. A son retour, en 1787, la lutte reprit avec la noblesse, et aboutit en 1795 à l'annexion à la Russie: le 28 mars, le duc signait son abdication à Pétersbourg. Il recevait une pension de 50.000 ducats, et ses domaines personnels de Courlande étaient repris par le gouvernement russe pour un million de thalers, payés à sa mort à ses héritiers. Après son abdication, Biron habita tantôt Berlin, tantôt ses nouveaux domaines d'Allemagne: il avait acheté en 1786 l'ancien domaine du célèbre Wallenstein, Sagan, en Silésie, avec ses 67.000 habitants, érigé plus tard en duché par Frédéric-Guillaume II.

Le prince Biron mourut le 2 janvier 1800 dans sa propriété de Hellenau, en Silésie. Il fut marié trois fois, mais, grand coureur, ne put s'entendre ni avec sa première ni avec sa seconde femme, qu'il maltraitait et battait même, et son troisième mariage seulement, malgré la différence d'âge, fut heureux. Il épousa en 1765 Caroline-Louise, princesse de Waldeck (1748—1782), et divorça en 1772. Remarié en 1774 à la princesse Eudoxie Borissowna Youssoupoff († 1782), il divorça en 1778, pour épouser en troisièmes noces, un an après, la comtesse Anne-Dorothee Mehdem (1761—1821). Il eut du premier mariage un fils mort enfant, et du troisième, outre un fils, également mort enfant, six filles, Catherine-Frédérique-Wilhelmine (1781—1839), duchesse de Sagan, mariée au prince de Rohan-Guéménée, au prince B. Troubetzkoï et au comte Ch. Schulenburg, Marie-Pauline (1782—1845), duchesse de Sagan, au prince Frédéric de Hohenzollern-Hechingen, Jeanne-Catherine (1783—1876), au duc d'Acerenza, Charlotte-Frédérique (1789—1791), Catherine (née 1792) et Jeanne-Dorothee (1793—1862), duchesse de Sagan, au comte E. de Talleyrand-Périgord, duc de Dino. Il eut de plus une fille naturelle, qui reçut le titre de comtesse de Wirtemberg, du nom d'un de ses domaines, et épousa le comte Hardenberg.

(D'après l'original de Barisien, 1781, Gymnase de Mitau.)

Young Girl
Portrait 1880

Young Girl
Portrait 1880

Пис Баризанъ, 1781

*Герцогъ Пётръ
Биронъ, 1724-1800*

Peint par Barisien, 1781

*Le Duc Pierre Biron,
1724-1800*

Принцесса МАРИЯ-ПАУЛИНА-ЛУИЗА ГОГЕНЦОЛЛЕРНЪ-ГЕХИНГЕНСКАЯ, 1782—1845, вторая дочь послѣдняго герцога Курляндскаго Петра Бирона (р. 1724 г., † 1800 г.), отъ третьяго его брака съ графиней Доротеей Медемъ (р. 1761 г., † 1821 г.), родилась 19 Февраля 1782 г. и 26 Апрѣля 1800 г. вышла замужъ за наслѣднаго принца Гогенцоллернъ-Гехингенскаго, Фридриха-Германа-Оттона (р. 1776 г., † 1838 г.), въ 1810 г. ставшаго владѣтельнымъ княземъ. Младшая сестра, герцогиня Дино, въ своихъ недавно вышедшихъ въ свѣтъ „Воспоминаніяхъ“, такъ говоритъ объ этомъ бракѣ: „Pauline, la seconde, fort jolie, fort bonne, naturellement spirituelle, mais légère et sans expérience, encore fatiguée de l'imposante autorité de mon père, contrariée du peu d'accueil qu'il avait fait aux propositions de mariage qui lui furent adressées pour elle, effrayée de l'intérieur, alors fort retiré, de ma mère, accepta avec empressement le premier mari qui s'offrit. Ce fut le prince de Hohenzollern-Hechingen, chef de la branche aînée de la maison régnante de Brandebourg, fort grand seigneur, sans doute, de qui je n'ai d'autre mal à dire que l'impossibilité où je suis de le louer sur autre chose que l'éclat de sa naissance“.

Въ 1839 г., по смерти старшей сестры, она унаслѣдовала герцогство Саганское, въ Силезіи, и стала носить титулъ герцогини Саганской. Скончалась 8 Января 1845 г.; она имѣла единственнаго сына Фридриха-Вильгельма (р. 16 Февраля 1801 г., † 1869 г.), послѣдняго владѣтельнаго князя Гогенцоллернъ-Гехингенскаго, отказавшагося въ 1849 г. отъ управленія и отъ своихъ правъ на княжество въ пользу Прусскаго короля, родоначальника Прусскихъ графовъ Ротенбургъ.

(Съ портрета Брауна, 1802 г.; собственность г. Метаксы, въ Вѣнѣ.)

La princesse MARIE-PAULINE-LOUISE de HOHENZOLLERN-HECHINGEN, 1782—1845, seconde fille du dernier duc de Courlande Pierre Biron (1724—1800) et de sa troisième femme, née comtesse Dorothée Mehdem (1761—1821), naquit le 19 février 1782. Elle épousa le 26 avril 1800 le prince Frédéric-Germain-Othon de Hohenzollern-Hechingen (1776—1838), alors héritier présomptif, en 1810 prince régnant. Sa plus jeune sœur, la duchesse de Dino, parlant de ce mariage, dit dans ses Mémoires récemment parus: „Pauline, la seconde, fort jolie, fort bonne, naturellement spirituelle, mais légère et sans expérience, encore fatiguée de l'imposante autorité de mon père, contrariée du peu d'accueil qu'il avait fait aux propositions de mariage qui lui furent adressées pour elle, effrayée de l'intérieur, alors fort retiré, de ma mère, accepta avec empressement le premier mari qui s'offrit. Ce fut le prince de Hohenzollern-Hechingen, chef de la branche aînée de la maison régnante de Brandebourg, fort grand seigneur, sans doute, de qui je n'ai d'autre mal à dire que l'impossibilité où je suis de le louer sur autre chose que l'éclat de sa naissance“.

En 1839, à la mort de sa sœur aînée, elle hérita du duché de Sagan, en Silésie, et prit le titre de duchesse de Sagan. Elle mourut le 8 janvier 1845. Elle eut un fils unique, Frédéric-Guillaume (16 février 1801—1869), dernier prince régnant de Hohenzollern-Hechingen, qui renonça en 1849 à son autorité et à ses droits de prince au profit du Roi de Prusse, et fut le chef de la famille prussienne des comtes Rotenburg.

(D'après un original de E. Braun, 1802, appartenant à M. Metaxa, Vienne.)

Пис. Е. Браунъ, 1802 — Peint par Eli^{de} Brown, 1802

*Принцесса Марія Паулина Луиза
Гогенцоллерн-Гехингенъ, 1782-1845*

*La Princesse Marie Pauline Louise
de Hohenzollern-Hechingen, 1782-1845*

Баронъ АНДРЕЙ (Людвигъ-Генрихъ) ЛЬВОВИЧЪ НИКОЛАИ, 1737—1820, родился 28 Декабря 1737 г. въ Страсбургѣ; матерп онъ лишился рано; окончивъ курсъ въ Страсбургскомъ университетѣ, гдѣ, по желанію отца, изучалъ право, Николай отправился въ Парижъ, гдѣ вращался въ кругу такихъ знаменитостей, какъ Дидро, Даламберъ, Гриммъ... По возвращеніи въ Страсбургъ, онъ занялъ кафедру логики въ университетѣ. Въ это время болѣе трети всѣхъ слушателей Страсбургскаго университета составляли русскіе молодые люди высшаго круга, и многіе изъ мѣстныхъ питомцевъ этого университета, сблизившись съ ними, получали приглашенія поступать на службу въ Россію. Николай, уже извѣстный въ нѣмецкой литературѣ своими поэмами во вкусъ Аріосто, также получилъ въ 1764 г. отъ графа К. Г. Разумовскаго предложеніе сопровождать его дѣтей въ Англію. Вслѣдъ затѣмъ, Николай былъ приглашенъ Панинымъ въ преподаватели къ Великому Князю Павлу Петровичу, а потомъ занималъ должность секретаря при обѣихъ его супругахъ. Мягкій, уживчивый характеръ Николай помогъ ему сохранить свое положеніе при дворѣ Павла Петровича и даже пріобрѣсти особую благосклонность его супруги Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, довѣренная камеръ-фрау которой, г-жа Преторіусъ, была родственницей Николай; незадолго до восшествія своего на престолъ, Великій Князь поручилъ даже Николай обязанности своего казначея. Устраняясь отъ придворныхъ интригъ, Николай умѣлъ пользоваться одинаковымъ довѣріемъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, даже въ то время, когда между ними возникла размолвка, вызванная фаворомъ Нелидовой; во время путешествія Великокняжеской четы по Европѣ, Николай получилъ отъ Іосифа II баронское достоинство. Съ восшествіемъ на престолъ Павла, Николай назначенъ былъ членомъ Кабинета Его Величества, получилъ имѣніе въ 1500 душъ и, наконецъ, занялъ мѣсто президента Академіи Наукъ, продолжая исполнять особыя порученія при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и выписывая для нея, чрезъ графа С. Р. Воронцова, бумагу, карандаши, сургучъ, разноцвѣтный песокъ, бархатъ и всякаго рода матеріи. Довѣріе и даже дружба къ Николай Императрицы Маріи Ѳеодоровны не помѣшали, однако, новому президенту тяготиться своими при ней обязанностями, и онъ воспользовался фаворомъ княжны А. П. Лопухиной, чтобы получить увольненіе отъ службы при Ея Величествѣ, „подъ предлогомъ“, какъ писалъ онъ графу С. Р. Воронцову, „обилія занятій по Академіи и въ Кабинетѣ Его Величества“. Но дѣятельность Академіи Наукъ при Павлѣ I была сведена къ нулю; послѣдствіемъ этого былъ постоянный недостатокъ въ деньгахъ и „распущенность“ ея членовъ, которыхъ, по отзыву Николай, „заставить работать было такъ же трудно, какъ выпить море“. Съ воцареніемъ Александра I, баронъ Николай обнаружилъ энергическую дѣятельность по Академіи и уже въ 1801 году выработалъ проектъ новаго ея устава, въ которомъ, возвращаясь къ мысли Петра Великаго, считалъ необходимымъ для возрожденія Академіи, „порабощенной корпораціей писцовъ“, дать право участвовать въ управленіи „ея дѣлами ученой корпораціи“. Но Николай уже утомленъ былъ службой и въ началѣ 1803 г. испросилъ себѣ отставку. „Признаюсь“, писалъ онъ одному изъ друзей, „что, несмотря на пріятную перспективу царствованія долгаго и мирнаго, мнѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе бѣдетъ въ носъ эта придворная клоака, въ которой непрерывно совершаются мелкія гадости, и во мнѣ созрѣваетъ желаніе непремѣнно выйти въ отставку“. Николай удалился въ любимое свое „Монрено“, гдѣ и умеръ 6/18 Ноября 1820 года.

По общему мнѣнію, Николай былъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ нѣмцевъ XVIII столѣтія, которые честно и усердно служили на пользу Россіи. Человѣкъ разносторонне образованный, Николай отличался сердечнымъ благородствомъ и соединялъ нѣмецкую основательность съ французской живостью. Уроженецъ Франціи, онъ въ частной жизни отдавалъ предпочтеніе французскому языку, но, какъ писатель, принадлежалъ Германіи. Онъ писалъ идилліи, басни, переводилъ Мольера. Николай былъ соединенъ тѣсной дружбой съ Лафермьеромъ; друзья завѣщали другъ другу свои библіотеки. Лафермьеръ умеръ раньше, и его библіотека перешла къ Николай: она находится въ Монрено и на ней красуется надпись: „Bibliothèque de deux amis“. Николай былъ также друженъ съ С. Р. Воронцовымъ, и его письма къ графу могутъ служить лучшимъ матеріаломъ для его характеристики. Подобный прилагавшему портретъ барона А. Л. Николай, только въ мундирѣ и лентѣ, находится въ Московскомъ Историческомъ музеѣ.

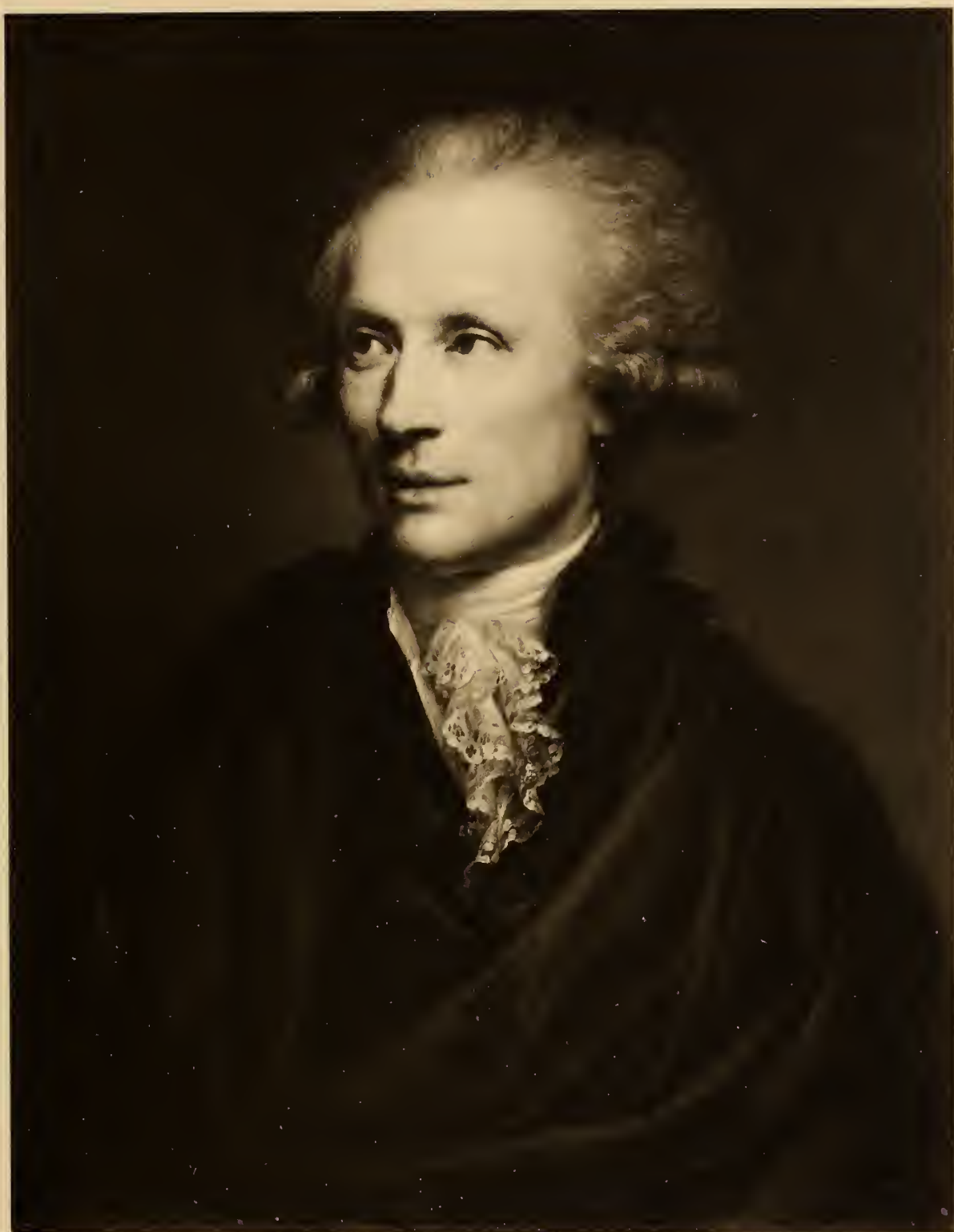
(Съ портрета Лампи; собственность баронессы С. Е. Николай, „Монрено“, Выборгской губ.)

Le baron ANDRÉ (Louis-Henri) LVOWITCH NICOLAÏ, 1737—1820, naquit à Strasbourg le 28 décembre 1737, et perdit sa mère de bonne heure. A sa sortie de l'université de Strasbourg où son père lui avait fait faire son droit, il se rendit à Paris, où il fréquenta des célébrités comme Diderot, d'Alembert, Grimm..... De retour à Strasbourg, il y obtint une chaire de logique à l'université: plus du tiers des étudiants étaient alors de jeunes russes de la haute société, et nombre d'étudiants alsaciens, grâce aux relations qu'ils s'y créaient, se faisaient admettre au service russe. C'est ainsi que Nicolaï, déjà connu dans la littérature allemande pour ses poèmes dans le goût d'Arioste, fut chargé en 1764 par le comte C. Razoumowsky d'accompagner ses enfants en Angleterre. Il fut ensuite engagé par Panine comme précepteur du Grand-Duc Paul, aux deux épouses duquel il servit successivement de secrétaire. Sa douceur et sa facilité de caractère assurèrent sa situation à la petite Cour et lui concilièrent même la bienveillance particulière de la Grande-Duchesse Marie Féodorowna, avec la femme de confiance de laquelle, Mme Pretorius, il avait des relations de parenté; le Grand-Duc, peu avant son avènement, le fit même son trésorier. A l'écart des intrigues de Cour, il sut rester bien à la fois avec le Grand-Duc et la Grande-Duchesse, même au moment de la brouille causée par Mlle Nélidoff, et, lors du voyage du couple Grand-Ducal en Europe, fut fait baron par Joseph II. A l'avènement de Paul Ier, il fut nommé membre du Cabinet de Sa Majesté, reçut un domaine de 1500 têtes de paysans et enfin devint président de l'Académie des Sciences; il était en même temps chargé de commissions spéciales pour l'Impératrice Marie, lui procurant par le comte S. Worontzoff du papier, des crayons, de la cire, de la poudre de couleur, du velours et autres étoffes. La confiance et même l'amitié de l'Impératrice n'empêchaient pourtant pas son service près d'elle de lui peser, et il profita de l'entrée en scène de la princesse Lopoukhine pour se faire dispenser de ce service, „sous le prétexte“, écrivait-il au comte Worontzoff, „de ses nombreuses occupations à l'Académie et au Cabinet de Sa Majesté“. Or les travaux de l'Académie sous Paul Ier se réduisaient à néant, d'où incessante pénurie d'argent et désœuvrement des académiciens: „C'était“, dit Nicolaï, „la mer à boire de les faire travailler“. A l'avènement d'Alexandre Ier il se mit énergiquement à l'œuvre pour l'Académie, pour laquelle il eut préparé dès 1801 un nouveau projet de règlement: il y reprenait une idée de Pierre-le-Grand et déclarait indispensable, si on voulait régénérer la docte assemblée, „esclave d'une poignée de scribes“, de faire participer au droit d'administrer „ses affaires une corporation de savants“. Mais, épuisé déjà par le service, il donna sa démission au commencement de 1803. „J'avoue“, écrivait-il à un ami, „que, malgré l'agréable perspective d'un long règne de paix, ce cloaque de la Cour me porte plus au nez de jour en jour: ce ne sont que menues saletés sans fin, et je me sens mûrir la résolution bien arrêtée de donner ma démission“. Il se retira dans son cher Monrepos, et y mourut le 6/18 novembre 1820.

Les témoignages sont unanimes à représenter Nicolaï comme un des russes allemands du XVIIIe siècle qui servirent la Russie avec zèle et loyauté. Son instruction variée et sa noblesse de cœur étaient servies par un mélange de solidité allemande et de vivacité française. Français d'origine, il donnait dans sa vie privée la préférence au français, mais, comme écrivain, appartient à l'Allemagne; il est auteur d'idylles, de fables, de traductions de Molière. Il était uni d'une étroite amitié avec Laferrière: les deux amis s'étaient mutuellement légué leur bibliothèque. Laferrière mourut le premier, et sa bibliothèque alla à Monrepos, où elle porte l'inscription: Bibliothèque de deux amis. Nicolaï était également ami de S. Worontzoff: les lettres qu'il lui écrivit sont les meilleurs matériaux pour sa caractéristique.

Le Musée Historique de Moscou possède un portrait pareil à celui qui est reproduit ici, mais avec uniforme et décoration.

(D'après un original de Lampi, appartenant à la baronne S. Nicolaï, Monrepos, près Wiborg, Finlande.)

Пис. Палли

*Баронъ Андрей Львовичъ
Николай, 1757-1820*

Peint par Lamyot

*Le Baron André Lvovitch
Nikolay, 1757-1820*

Баронесса **ЮГАННА** (Маргарита) **ТЕОДОРОВНА НИКОЛАИ**, 1738—1820, дочь Иоганна-Готшалька Поггенполь, уроженца г. Билефельда (р. 1706 г., † 1741 г.), отъ брака съ Маріей Фокке, родилась 22 Января 1738 г. въ Флото, на Везерѣ, въ графствѣ Равенсбергъ (на оборотѣ прилагаемаго портрета годъ рожденія обозначенъ 1747). Она рано лишилась отца и, вѣроятно, вслѣдствіе этого переехала въ Петербургъ, къ дядѣ своему, банкиру Фридриху-Вильгельму Поггенполь. (Свѣдѣнія эти находятся у Эрмерина— „Annuaire de la Noblesse de Russie“, т. III, стр. 343 и 418; между тѣмъ, по сообщенію барона П. Н. Николаи, баронесса Иоганна-Маргарита Николаи была дочь банкира Фридриха-Вильгельма Поггенполь, родившагося въ Билефельдѣ 8 Сентября 1703 г., † въ Петербургѣ 26 Октября 1770 г., и женатаго на дочери капитана Аннѣ де-Борегаръ, родившейся въ С.-Петербургѣ въ 1715 г.).

Въ 1776 г., уже въ зрѣломъ возрастѣ, Иоганна Поггенполь вышла замужъ за барона Андрея Львовича Николаи, служившаго при дворѣ Цесаревича Павла Петровича. Будучи хорошей хозяйкой и отличаясь большой расчетливостью, она умѣло управляла своимъ состояніемъ.

Баронесса Николаи скончалась 3 Юля 1820 г., въ „Монрепо“, близъ Выборга, гдѣ и погребена въ особой усыпальницѣ, вмѣстѣ съ прочими членами фамиліи Николаи.

(Съ портрета Лампи; собственность баронессы С. Е. Николаи, „Монрепо“, Выборгской губ.)

La baronne JEANNE (Marguerite) FÉODOROWNA NICOLAÏ, 1738—1820, fille de Johann-Gottschalk Poggenpohl (1706—1741), originaire de Bielefeld, et de Marie Focke, naquit le 22 janvier 1738 à Flotow, sur le Weser, comté de Ravensberg (le revers du portrait ci-joint donne 1747 comme année de la naissance). Elle perdit son père de bonne heure, et ce fut sans doute la raison pour laquelle elle alla chez son oncle Frédéric-Guillaume Poggenpohl, banquier à Pétersbourg. Ainsi sont présentés les faits par Ermerin, dans son *Annuaire de la noblesse de Russie*, III, pp. 343 et 418; selon un autre témoignage, celui du baron P. Nicolaï, la baronne Jeanne-Marguerite Nicolaï serait fille du banquier Frédéric-Guillaume Poggenpohl, né à Bielefeld le 8 septembre 1703, mort à St-Pétersbourg le 26 octobre 1770, et marié à Anne de Beauregard, fille d'un capitaine, née à St-Pétersbourg en 1715. Elle épousa en 1776, déjà mûre, le baron André Nicolaï, de la Cour du Césarewitch Paul Pétrowitch. Maîtresse de maison entendue et intéressée, elle sut habilement gérer sa fortune.

La baronne Nicolaï mourut à Monrepos, près Wiborg, le 3 juillet 1820; elle y fut inhumée dans la sépulture particulière de la famille Nicolaï.

(D'après un original de Lampi, appartenant à la baronne S. Nicolaï, Monrepos, près Wiborg, Finlande.)

Portrait of a woman, possibly a member of the family, wearing a dark dress with a light-colored detail on the chest. The portrait is set against a dark background.

Пис. Лампи

Peint par Lampi

*Баронесса Иоганна Федоровна
Николаи, 1747-1820*

*La Baronne Jeanne Féodorowna
Nikolay, 1747-1820*

Графъ ІОАКИМЪ-ИГНАТІЙ-ІОСИФЪ ХРЕПТОВИЧЪ, 1729—1812, сынъ старосты Вербельскаго Марціана Хрептовича († 17 Апрѣля 1766 г.), женатаго на Регинѣ Война († въ Августѣ 1763 г.), дочерп Новогрудскаго подчашаго, родился 4 Января 1729 года; полковникъ Петыгорскій, Іоакимъ Хрептовичъ былъ въ 1764 г. секретаремъ Великаго Княжества Литовскаго, затѣмъ 23 Апрѣля 1773 г.—подканцлеромъ и, наконецъ, съ 14 Іюля 1793 г. послѣднимъ канцлеромъ Литовскимъ; онъ имѣлъ польскіе ордена Бѣлаго Орла и св. Станислава 1 степени.

Графъ Хрептовичъ былъ женатъ, съ 22 Декабря 1766 г., на дочери подканцлера Литовскаго Констанціи Антоновнѣ Пржездзецкой, отъ которой имѣлъ 4 сыновей, графовъ: Адама (р. 14 Марта 1768 г.; ротмистръ, женатъ на вдовѣ графинѣ Маріаннѣ Замойской, рожденной Грановской), Александра (р. 8 Января 1772 г., † 27 Марта 1782 г.), Игнатія (р. 12 Іюня 1773 г., † 11 Мая 1793 г.), Иринея-Михапла (Ириней Ефимовичъ, р. 19 Февраля 1775 г., † 1850 г.; женатъ на фрейлинѣ Каролинѣ-Маріи фонъ-Рѣнне, р. 1783 г.; гофмейстеръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ), и дочь Еву (р. 9 Мая 1769 г.; за старостой Минскимъ Михаиломъ Бржостовскимъ).

Графъ Іоакимъ Хрептовичъ умеръ 4 Марта 1812 года.

Подлинный портретъ, писанный Грасси, находится въ имѣніи Хрептовичей „Щорсахъ“, настоящая копія, писанная Дамелемъ въ 1809 г. въ Щорсахъ, поступила въ Румянцевскій музей, въ Москвѣ, изъ Виленскаго музея, послѣ Польскаго мятежа 1863 года.

(Съ портрета Дамеля, 1809 г.; Московскій Румянцевскій музей.)

Le comte JOACHIM-IGNACE-JOSEPH KHREPTOWITCH, 1729—1812, fils de Martien Khreptowitch († 17 avril 1766), staroste de Werbel, et de Regina Wojna († août 1763), fille d'un magistrat de Nowogródek, naquit le 4 janvier 1729. Colonel de Petygor, il fut en 1764 secrétaire du Grand-Duché de Lituanie, le 23 avril 1773 vice-chancelier, et enfin, le 14 juillet 1793, dernier chancelier lituanien; il fut décoré des ordres polonais de l'Aigle Blanc et de St-Stanislas de 1re classe.

Le comte Khreptowitch épousa le 22 décembre 1766 la fille Constance du vice-chancelier de Lituanie Antoine Przewdziecki. Il eut quatre fils, Adam (né 14 mars 1768), capitaine de cavalerie, qui épousa la comtesse douairière Marianne Zamoïsky, née Granowsky, Alexandre (8 janvier 1772—27 mars 1782), Ignace (12 juin 1773—11 mai 1793), Irénée-Michel (19 février 1775—1850), maître de la Cour, conseiller privé actuel, qui épousa la demoiselle d'honneur Caroline-Marie von Rönne (née 1783), et une fille, Eve (née 9 mai 1769), mariée à Michel Brzostowski, staroste de Minsk.

Le comte Khreptowitch mourut le 4 mars 1812.

L'original de Grassi est conservé dans la famille, au domaine de Chtchorsy. La présente copie, exécutée par Damel en 1809 à Chtchorsy, fut transportée du Musée de Vilna au Musée Roumiantzeff, à Moscou, après l'insurrection polonaise de 1863.

(D'après la copie de Damel, 1809, Musée Roumiantzeff, Moscou.)

Пис. Дамель, 1809

*Графъ Иоахимъ-Игнатій
Хрептовичъ, 1729-1812*

Peint. par Damel, 1809

*Le Comte Joachim Ignace
Khreptowitch, 1729-1812*

Графъ ЯКОВЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БРЮСЪ, 1732 — 1791, сынъ генераль-поручика графа (съ 29 Марта 1740 г.) Александра Романовича Брюса (р. 1708 г., † 1752 г.), отъ первого его брака съ княжной Анастасіей Мпхайловной Долгорукой (р. 1700 г., † 1745 г.), былъ записанъ 12-лѣтъ въ Семеновскій полкъ; въ 1750 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1755 г. — въ поручики. Женатый съ 27 Мая 1751 г. на графинѣ Прасковіи Александровнѣ Румянцевой (р. 7 Октября 1729 г., † 17 Апрѣля 1786 г.), сестрѣ будущаго графа Задунайскаго, Брюсъ пользовался покровительствомъ сильной и знатной родни. Участвуя въ Семилѣтней войнѣ, за отличіе при Гросъ-Эгерсдорфѣ пожалованъ былъ 25 Января 1758 г. въ полковники, а за Цорндорфъ — въ бригадиръ. Произведенный Петромъ III въ генераль-майоры, съ пожалованіемъ въ майоры Семеновскаго полка, Брюсъ въ царствованіе Екатерины II быстро достигъ высшихъ чиновъ, главнымъ образомъ благодаря тому исключительному расположенію, которымъ пользовалась его супруга у Императрицы. Наперсница Екатерины, графиня П. А. Брюсъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ пользовалась довѣріемъ Императрицы, пока не была упчена послѣдней въ связи съ фаворитомъ И. Н. Корсаковымъ... Пожалованный въ 1769 г. въ генераль-поручики, Брюсъ участвовалъ такъ неудачно въ первой Турецкой войнѣ, что навлекъ на себя неудовольствіе Румянцева, но это не помѣшало ему въ 1770 г. получить званіе генераль-адъютанта, а въ 1771 г. порученіе пріять мѣры къ охраненію Петербурга отъ чумы, свирѣпствовавшей въ Москвѣ. Въ 1773 г. Брюсъ былъ произведенъ въ генераль-аншефы, получилъ Андреевскую звѣзду и былъ назначенъ генераль-губернаторомъ обѣихъ столицъ и главнокомандующимъ въ Москвѣ. Скандалъ съ его супругой при дворѣ повлекъ за собой переселеніе Брюса въ Москву, чѣмъ онъ былъ недоволенъ, найдя здѣсь „застарѣлые обычаи и тѣмъ предубѣждений“. Но и Москва его не любила, особенно какъ преемника просвѣщеннаго вельможи графа З. Г. Чернышева. Контрастъ былъ рѣзкій — Брюсъ былъ человѣкъ грубый и суровый, при томъ недалекій. Впрочемъ, онъ являлся только точнымъ исполнителемъ вѣлній Екатерины. Таковымъ онъ и являлъ себя въ дѣлѣ преслѣдованія масоновъ и мартинистовъ, въ „отвращеніи пустыхъ рѣчей въ столицѣ“, въ дѣлѣ описанія типографіи Новикова, изъ которой „выходитъ много странныхъ книгъ“, въ которыхъ Брюсъ не могъ разобраться, не зная, „для просвѣщенія“ ли онѣ или „для развращенія“. Кончина супруги, 17 Апрѣля 1786 г., имѣла послѣдствіемъ давно желанное возвращеніе Брюса въ Петербургъ на постъ генераль-губернатора и главнокомандующаго. Не проявивъ тутъ никакой особой дѣятельности, графъ Я. А. Брюсъ скончался 30 Ноября 1791 г. и былъ необыкновенно пышно похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

Какъ одинъ изъ первыхъ кавалеровъ ордена св. Владимира 1-й ст., Брюсъ увѣковѣченъ кистью Левицкаго. По отзыву князя П. Долгорукаго, посвящающаго въ своихъ мемуарахъ этой семьѣ страничку, требующую, впрочемъ, проверки, Брюсъ былъ „d'une nullité complète, mais un honnête homme, vif et raide dans ses formes, mais obligeant et bon; il ne pouvait avoir d'enfants“... Графъ Брюсъ былъ послѣднимъ представителемъ этой фамиліи шотландскихъ выходцевъ, имѣвшей въ Россіи 4 поколѣнія; спустя 25 лѣтъ послѣ брака, у графини П. А. Брюсъ родилась дочь Екатерина (р. 1776 г., † 18... г.), единственная наследница колоссальнаго состоянія. Екатерина II хотѣла посватать ее своему фавориту графу А. М. Мамонову, но юная графиня Брюсъ вышла замужъ за не менѣе ничтожнаго графа Василія Валентиновича Мусина-Пушкина (р. 1775 г., † 5 Апрѣля 1836 г.; получившаго 18 Ноября 1796 г. еще и фамилію „Брюса“). Бракъ былъ несчастный и потомства не имѣлъ.

Къ сожалѣнію, ни одного портрета (кроме гравюры) графини Прасковіи Александровны Брюсъ намъ неизвѣстно.

(Съ портрета Левицкаго изъ Гатчинскаго дворца.)

Le comte JACOB ALEXANDROWITCH BRUCE, 1732—1791, fils du général lieutenant, comte le 29 mars 1740, Alexandre Romanowitch Bruce (1708—1752) et de sa première femme, Anastasie Mikhaïlowna, née princesse Dolgorouky (1700—1745). Enrôlé à 12 ans au régiment Sémenowsky, il passa porte-enseigne en 1750 et lieutenant en 1755. Il épousa le 27 mai 1751 la comtesse Prascovie Alexandrowna Roumiantzeff (7 octobre 1729—17 avril 1786), sœur du futur comte Zadounaïsky, et eut dès lors pour lui la protection d'une parenté puissante et distinguée. A la guerre de Sept-Ans, Gross-Jägersdorf lui valut le 25 janvier 1758 le grade de colonel, et Zorndorf celui de brigadier. Promu général major par Pierre III et nommé major au régiment Sémenowsky, il parvint rapidement aux grades les plus élevés sous le règne suivant, grâce surtout au crédit exceptionnel dont sa femme jouissait près de Catherine II, dont elle resta de longues années la confidente, jusqu'au jour où elle laissa surprendre sa liaison avec le favori Korsakoff... Bruce passa général lieutenant en 1769, mais ses maladroites à la première guerre de Turquie lui firent encourir le mécontentement de Roumiantzeff; il reçut pourtant en 1770 le titre de général aide de camp, et l'année suivante la mission de préserver Pétersbourg de la peste qui sévissait à Moscou. En 1773, promu général en chef, il obtint l'étoile de St-André, et fut nommé général gouverneur des deux capitales et commandant en chef de Moscou. Le scandale de sa femme à la Cour l'obligea à se fixer à Moscou, dont le séjour lui déplut fort, et dont il ne pouvait souffrir „le genre arriéré et les préjugés sans nombre“. Il n'y eut non plus aucun succès: il y avait loin de cette nature grossière et rude, de cet esprit borné, aux lumières et au grand air de son prédécesseur le comte Tchernycheff. Aussi bien, il ne voyait pas plus loin que la lettre des instructions de Catherine; il le prouva bien par ses poursuites contre les maçons et les martinistes, ses mesures contre „les propos en l'air dans la capitale“, son inventaire de l'imprimerie Novikoff, d'où „il sort bien des livres étranges“, dans lesquels il se cassait la tête sans pouvoir démêler s'ils étaient utiles ou nuisibles. La mort de sa femme, le 17 avril 1786, lui permit enfin de reprendre à Pétersbourg son poste regretté de général gouverneur et commandant en chef. Il y mourut, sans y avoir rien fait de particulier, le 30 novembre 1791, et fut inhumé en grande pompe au monastère d'Alexandre Newsky.

Comme un des premiers chevaliers de St-Vladimir de 1re classe, Bruce fut immortalisé par le pinceau de Lévitzy. Le prince P. Dolgorouky consacre à sa famille une page de ses Mémoires, d'ailleurs sujette à caution, où il le déclare „d'une nullité complète, mais un honnête homme, vif et raide dans ses formes, mais obligeant et bon; il ne pouvait avoir d'enfants“... Le comte Bruce était le dernier représentant d'une famille d'émigrés écossais qui compta en Russie quatre générations; après vingt-cinq ans de mariage, la comtesse eut une fille Catherine (1776—18..), unique héritière d'une fortune colossale, et que Catherine II voulut marier à son favori le comte Mamonoff, mais qui préféra le non moins insignifiant comte Basile Moussine-Pouchkine (1775—5 avril 1836), héritier du nom de Bruce le 18 novembre 1796. Le mariage ne fut pas heureux et resta stérile.

De la comtesse Prascovie Bruce, nous ne connaissons malheureusement d'autre portrait qu'une gravure.

(D'après l'original de Lévitzy, Palais de Gatchina.)

James M. Smith
 (1818-1875)

A. J. Smith
 (1818-1875)

Пис. Левицкий

*Графъ Яковъ Александровичъ
Брюсъ, 1752 - 1791*

Peint par Lévitky

*Le Comte Jacob Alexandrowitch
Bruce, 1752 - 1791*

Графъ ЯКОВЪ ЕФИМОВИЧЪ СИВЕРСЪ, 1731—1808, родился 19 Сентября 1731 г. въ Везенбергѣ, въ семьѣ бѣднаго Лифляндскаго дворянина, бывшаго управляющимъ у барона Тизенгаузена; 12 лѣтъ онъ былъ взятъ въ Петербургъ своимъ дядею Карломъ Сиверсомъ, который изъ кофешенковъ Елисаветы Петровны сдѣлался графомъ и оберъ-гофмаршаломъ, и здѣсь началъ службу въ 1744 г., сначала юнкеромъ при Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ при посольствахъ въ Копенгагенъ и Лондонъ. Въ это время онъ усердно занимался науками и языками. Въ чинѣ премьеръ-майора (съ 1756 г.) Сиверсъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и, по порученію И. И. Шувалова, доставлялъ ему шифрованные отчеты о военныхъ дѣйствіяхъ. Въ 1763 г., по болѣзни, былъ уволенъ въ отставку, съ чиномъ генераль-майора, но 20 Апрѣля 1764 г. назначенъ Новгородскимъ губернаторомъ.

Сиверсъ пользовался особымъ довѣріемъ Императрицы и принималъ участіе въ составленіи важнѣйшихъ правительственныхъ актовъ, а именно: Наказа, Положенія о губерніяхъ, Грамоты дворянству и Городового положенія. Огромная Новгородская губернія, имѣвшая 1150 верстъ въ длину и 600 въ ширину, простиравшаяся отъ Бѣлаго моря до границъ Польши, требовала отъ губернатора особенныхъ трудовъ и заботъ. По его указанію, были основаны новые города: Боровичи, Валдай, Вытегра, Вышній-Волочекъ, Калязинъ и Осташковъ. Большое вниманіе обратилъ онъ на организацію полиціи, почты и путей сообщенія; имъ было улучшено судоходство и устроены каналъ между Сясю и Волховомъ. Онъ заботился объ улучшеніи сельскаго хозяйства введеніемъ въ губерніи образцовыхъ имѣній по Лифляндской системѣ и мечталъ объ учрежденіи „Лѣсной коллегіи“ и о разработкѣ близъ Ильмена каменнаго угля. Сиверсъ былъ сторонникомъ улучшенія быта крестьянъ регулированіемъ ихъ повинностей и рекрутчины. Онъ былъ однимъ изъ инициаторовъ учрежденія „Вольнаго Экономическаго общества“. При введеніи новаго губернскаго устройства Сиверсу было поручено управленіе Тверскимъ, Новгородскимъ и Псковскимъ намѣстничествами. Но постоянныя столкновенія Сиверса съ Сенатомъ, непріязнь Потемкина и скандальный разрывъ его съ женой (его двоюродной сестрой, дочерью графа Карла Ефимовича Сиверса) вызвали къ нему охлажденіе Екатерины II: 14 Іюня 1781 г. онъ былъ отставленъ отъ должности губернатора и произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Черезъ 10 лѣтъ, проведенныхъ имъ въ своемъ Лифляндскомъ имѣніи „Бауэнгофъ“, 24 Ноября 1792 г. Сиверсъ былъ призванъ на постъ посла въ Варшавѣ. Здѣсь онъ подготовилъ второй раздѣлъ Польши. Награжденный орденами св. Андрея и св. Владиміра 1-й ст., онъ 2 Декабря 1793 г. былъ отозванъ въ С.-Петербургъ и хотя получилъ въ 1795 г. мѣстечко Барбаровъ, Минской губерніи, съ 2000 душъ, но до смерти Екатерины II находился въ тѣни.

Павелъ I назначилъ Сиверса главнымъ попечителемъ Воспитательнаго дома и Главнымъ директоромъ водныхъ коммуникацій, а 28 Апрѣля 1798 г. возвелъ его, вмѣстѣ съ братьями, въ графское достоинство. Сиверсъ употребилъ много труда на упорядоченіе старыхъ каналовъ между Волгой и Невой и на устройство новыхъ въ Бѣлорусскихъ и Литовскихъ губерніяхъ; онъ устроилъ также каналъ между Мстою и Волховомъ, названный его именемъ. Въ 1800 г. Сиверсъ вышелъ въ отставку и жилъ въ Бауэнгофѣ, помогая правительству своими совѣтами по дѣламъ, касавшимся путей сообщенія и воспитательныхъ домовъ.

Сиверсъ скончался 11 Іюля 1808 года; онъ былъ рѣдкимъ въ XVIII вѣкѣ примѣромъ иностранца, безкорыстно и самоотверженно посвятившаго себя на службу Россіи, и лучшимъ образцомъ просвѣщеннаго и гуманнаго администратора, какимъ онъ долженъ былъ быть по духу крупнѣйшихъ законоположеній Екатерины II, не даромъ называвшей его „своимъ губернаторомъ“.

(Съ портрета Левицкаго; Московскій Румянцевскій музей.)

Le comte JACOB EFIMOWITCH SIEWERS, 1751—1808, naquit le 19 septembre 1751 à Wesenberg, dans la famille d'un noble livonien sans fortune, intendant du baron Tiesenhausen. Pris à Pétersbourg à l'âge de 12 ans par son oncle Charles Siewers, qui, d'échanson d'Elisabeth Pétrowna, devint comte et grand maréchal de la Cour, il y entra au service en 1744 comme gentilhomme au Collège des Affaires étrangères, puis servit aux ambassades de Copenhague et de Londres: en même temps, il travailla assidûment à compléter son éducation et à étudier les langues. Premier major en 1756, il fit avec ce grade la Guerre de Sept-Ans, et fut chargé par Schouwaloff de lui remettre des rapports en chiffres sur les opérations. Mis à la retraite pour raisons de santé en 1763 comme général major, il fut nommé le 20 avril 1764 gouverneur de Novgorod.

Favorisé de la confiance particulière de l'Impératrice, Siewers collabora à des actes d'Etat de première importance, comme le Nakaze, le Règlement de gouvernement, les Chartes à la noblesse et le Règlement municipal. Avec ses 1150 verstes sur 600, l'immense gouvernement de Novgorod, qui touchait à la fois à la mer Blanche et aux frontières de Pologne, fut pour son gouverneur une lourde tâche et l'objet d'une sollicitude particulière. Siewers y fit élever des villes nouvelles, Borovitchi, Valdaï, Vytegra, Vychni-Volotchok, Kaliazine et Ostachkoff, donna tous ses soins à l'organisation de la police, des postes et des ponts et chaussées, améliora la navigation et creusa le canal de la Siass au Volkhoff. Les questions agricoles l'occupèrent également: il installa plusieurs fermes modèles à la livonienne et songea à la création d'une Ecole Forestière et à l'exploitation du charbon de terre d'Ilmen. Il était partisan de l'amélioration du sort des paysans par la régularisation de leurs charges et de leur recrutement, et fut un de ceux auxquels la Société Economique Libre dut l'idée de sa fondation. Lors de la réforme des gouvernements, il fut chargé de l'administration des lieutenances de Tver, Novgorod et Pskoff. Mais ses conflits incessants avec le Sénat, l'inimitié de Potemkine et le scandale de sa rupture avec sa femme, une cousine germaine, fille du comte Charles Siewers, compromirent son crédit près de Catherine II: le 14 juin 1781, il fut destitué de ses fonctions de gouverneur et fait conseiller privé actuel. Après dix années passées dans son domaine de Bauenhof, en Livonie, il fut nommé le 24 novembre 1792 ambassadeur à Varsovie. Il y prépara le second partage de la Pologne. Décoré de St-André et de St-Vladimir de 1re classe, il fut rappelé à St-Pétersbourg le 2 décembre 1793, et, à part une gratification qu'il obtint en 1795, la localité de Barbaroff, gouvernement de Minsk, avec 2000 têtes de paysans, il resta dans l'ombre jusqu'à la mort de Catherine.

Nommé par Paul Ier curateur général des Enfants Trouvés et directeur général des communications fluviales, et élevé le 28 avril 1798, ainsi que ses frères, à la dignité de comte, Siewers donna tous ses soins à la régularisation des vieux canaux de la Volga à la Néva et au creusement de nouvelles voies navigables en Russie Blanche et en Lituanie; il est aussi le créateur du canal qui porte son nom, de la Msta au Volkhoff. Il prit sa retraite en 1800 pour se fixer à Bauenhof, d'où il envoyait au gouvernement l'appui de ses conseils en matière de navigation fluviale et d'assistance des enfants.

Siewers mourut le 11 juillet 1808. Rare exemple au XVIIIe siècle d'un étranger ayant mis son désintéressement et son abnégation au service de la Russie, il fut aussi le parfait modèle de l'administrateur éclairé et humanitaire, selon l'esprit des grandes ordonnances de Catherine II, qui ne l'appelait pas sans raison „Son gouverneur“.

(D'après l'original de Lévitzy, Musée Roumiantzeff, Moscou.)

Portrait of John Brown, 1847. Painted by George Eastman. Boston, 1847.

Пис. Левицкий

Peint par Levitsky

Графъ Яковъ Ефимовичъ
Сиверс, 1751-1808

Le Comte Jacob Efimowitch
Sievers, 1751-1808

Графиня ЛУИЗА КАРЛОВНА ВІЕЛЬГОРСКАЯ, 1791—1853, дочь принца Карла-Эрнста Бпрона, женатаго на княжнѣ Аполлоніи Матвѣевнѣ Понпнской (р. 1760 г., † 1800 г.), родилась 14 Іюля 1791 года; рано оставшись сиротою, она получила воспитаніе въ Смольномъ монастырѣ, послѣ окончанія коего была взята въ 1810 г. во фрейлины къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; 11 Апрѣля 1816 г. она вступила въ бракъ съ графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ Віельгорскимъ, ранѣе женатымъ на ея родной сестрѣ, Екатеринѣ, и за три года передъ тѣмъ овдовѣвшимъ. Бракъ этотъ, какъ незаконный, совершенъ былъ тайно, чему способствовалъ кромѣ того и романическій въ молодости характеръ невѣсты, которая не могла къ тому же пспросить, какъ полагается, разрѣшенія Императрицы. Естественно, что свадьба Віельгорскихъ навлекла на нихъ неудовольствіе двора. Молодые уѣхали въ свое Курское помѣстье Фатѣвку, позднѣе „Лузино“, гдѣ и прожили нѣсколько лѣтъ. Но время взяло свое, и, вернувшись въ Петербургъ, они скоро заняли, благодаря своему богатству, связямъ и въ особенности личнымъ качествамъ, очееъ видное положеніе не только въ Петербургскомъ обществѣ, но и при дворѣ. Домъ ихъ, на Михайловской площади, нынѣ Кочкурова, извѣстенъ былъ не только блестящими пріемами графини Луизы Карловны, посѣщавшимися членами Царской фамиліи, но и собраніями, происходившими на половинѣ графа, на которыя сходились какъ всѣ извѣстные писатели, музыканты и художники, такъ и начинающіе литераторы и журналисты. Старшій сынъ Віельгорскихъ воспитывался вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ.

Страстно, до экзальтаціи, любившая своихъ дѣтей, графиня Л. К. Віельгорская, пока они не подросли, не находила времени раздѣлять свѣтскую и общественную жизнь мужа; не желая никому дозволить помогать себѣ въ ихъ воспитаніи, она не держала гувернантки для нихъ, всецѣло себя посвящала домашней жизни и служила примѣромъ семейныхъ добродѣтелей и высокой нравственности. Дочерей своихъ, несмотря на роскошь, ихъ окружавшую, она и послѣ выѣзда ихъ въ свѣтъ одѣвала такъ просто, что излишняя скромность ихъ одежды обращала на себя даже вниманіе Императрицы Александры Ѳеодоровны, но на замѣчанія Государыни графиня только низко присѣдала и не пзмѣняла своихъ правилъ. Страшнымъ ударомъ для графини была смерть ея старшаго сына, графа Іосифа Михайловича, умершаго 22 лѣтъ въ 1838 г.; въ перепискѣ Жуковского, близкаго друга семьи Віельгорскихъ, упоминается о ея материнскихъ страданіяхъ, переносимыхъ ею съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ.

„Графиня Віельгорская“, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ графиня А. Д. Блудова, „была въ 1829 г. еще очень хороша собою: живая, дѣятельная, умная и благоразумная, но съ отгѣнкомъ дидактическимъ или правоучительнымъ, какъ бываетъ большею частью съ начальницами учебныхъ заведеній“; при этомъ она была пріятлива и добра до безконечности. По свидѣтельству ея зятя, графа В. А. Соллогуба, „это была женщина гордости недоступной, странно какъ-то сочетавшейся съ самымъ искреннимъ христіанскимъ уничиженіемъ. Мнѣ случалось“, пишетъ онъ, „быть свидѣтелемъ выходокъ самаго необычнаго высокомерія и вмѣстѣ съ тѣмъ присутствовать при сценахъ, въ которыхъ она являлась женщиной самой трогательной доброты“.

Графиня Л. К. Віельгорская скончалась 6 Февраля 1853 г.; изъ пяти ея дѣтей пережилъ ее: второй сынъ, графъ Михаилъ Віельгорскій-Матюшкинъ (р. 1822 г., † 1855 г.) и три дочери: Аполлонія (р. 1818 г., † 1887 г.), замужемъ за сенаторомъ А. В. Веневитиновымъ; Софія (р. 1820 г., † 1878 г.), въ замужствѣ за графомъ В. А. Соллогубомъ, и Анна, бывшая за княземъ А. И. Шаховскимъ.

(Съ портрета К. Рейхеля, 1816 г.; собственность В. В. Косспковского, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse LOUISE KARLOWNA WIELHORSKY, 1791—1853, fille du prince Charles-Ernest Biron et d'Apollonie Matvéwna, née princesse Poninsky (1760—1800), naquit le 14 juillet 1791. Orpheline de bonne heure, elle fut élevée au monastère de Smolna, à sa sortie duquel l'Impératrice Marie la prit comme demoiselle d'honneur en 1810. Elle épousa le 11 avril 1816 le comte Michel Youriewitch Wielhorsky, veuf depuis trois ans de sa sœur Catherine. Ce mariage, célébré en secret, comme illégitime, convenait bien au caractère alors romanesque de la fiancée, qui ne pouvait d'ailleurs solliciter de l'Impératrice l'autorisation de rigueur. Les jeunes époux, naturellement mis à l'index à la Cour, se retirèrent dans leur domaine de Fatéwka (plus tard Louisino), près de Koursk, et y passèrent plusieurs années. Mais le temps fit son œuvre, et, à leur retour à Pétersbourg, leur richesse, leurs relations et surtout leurs qualités personnelles leur firent une situation très marquante, non seulement dans le monde pétersbourgeois, mais encore à la Cour. Leur maison de la Place Michel (aujourd'hui maison Kotchkouroff) était également réputée pour les brillantes réceptions de la comtesse, honorées de la présence de la famille Impériale, et pour les réunions où le comte rassemblait dans ses appartements, à côté d'écrivains, musiciens et artistes connus, des débutants de la littérature et du journalisme. L'aîné des fils Wielhorsky fit ses études avec le Grand-Duc Héritier Alexandre.

Passionnément attachée à ses enfants, jusqu'à l'exaltation, la comtesse, tant qu'ils furent petits, ne trouva pas de temps à donner à la vie mondaine et publique de son mari. Tenant à les élever à elle toute seule, elle ne leur prit pas de gouvernante et se consacra tout entière à la vie de famille, donnant l'exemple des vertus familiales et d'un haut idéal moral. Malgré le luxe qui les entourait, ses filles, même après leur entrée dans le monde, étaient mises avec une simplicité qui attira l'attention de l'Impératrice Alexandra Féodorowna, mais à toutes les remarques la comtesse ne répondit que par une profonde révérence, sans rien changer à ses principes. Un coup terrible pour elle fut la perte de son fils aîné Joseph, mort en 1838 à 22 ans; Joukowsky, intime des Wielhorsky, parle dans sa correspondance de cette douleur maternelle, supportée avec une humilité toute chrétienne.

„La comtesse Wielhorsky“, dit dans ses Souvenirs la comtesse A. Bloudoff, „était encore en 1829 une fort belle personne, vive, active, intelligente et sensée, mais d'un genre pédagogue et sermonneur qui est souvent celui des directrices de maisons d'éducation“. Elle était de plus d'une affabilité et d'une bonté sans bornes. Le comte V. Sollogub, son gendre, la représente comme „mélange bizarre d'une hauteur inabordable et de la plus sincère humilité chrétienne. Il m'est“, écrit-il, „arrivé d'assister à la fois à des sorties d'une arrogance inouïe et à des scènes témoignant de la bonté la plus touchante“.

La comtesse Wielhorsky mourut le 6 février 1853. Quatre de ses cinq enfants lui survécurent: son second fils, le comte Michel Wielhorsky-Matiouchkine (1822—1855), et trois filles, Apollonie (1818—1887), mariée au sénateur A. Vénévitinoff, Sophie (1820—1878) au comte V. Sollogub, et Anne au prince A. Schakhowskoï.

(D'après un original de Ch. Reichel, 1816, appartenant à M. Kossikowsky, St-Pétersbourg.)

Portrait of Mrs. Thomas
Harrison, 1799-1800

Portrait of Mrs. Thomas
Harrison, 1799-1800

Пис. Лейхель, 1816

*Графиня Луиза Карловна
Вильгорская, 1791-1853*

Peint. par Reichel, 1816

*La Comtesse Louise Karlovna
Wielgórski, 1791-1853*

Графъ **КАРЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ТОЛЬ**, 1777—1842, сынъ Конрада-Фридриха, женатаго на Юстинѣ Руктешель, происходилъ изъ древнѣйшей дворянской фамиліи, извѣстной въ Европѣ съ XI столѣтія; отданный въ Сухонутный кадетскій корпусъ, онъ обратилъ здѣсь на себя вниманіе директора, вносилъ въ знаменитаго Кутузова, который самъ преподавалъ въ корпусѣ тактику; замѣтивъ выдающіяся способности Толя въ этомъ отношеніи, Кутузовъ задавалъ ему разныя задачи и даже заставлялъ дѣлать чертежи на доскѣ къ его собственнымъ лекціямъ; 24 Ноября 1796 г. онъ былъ выпущенъ поручикомъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Вскорѣ Толю пришлось пройти и отличную практическую школу въ арміи Суворова во время Итальянскаго похода, при чемъ здѣсь онъ получилъ отъ славнаго русскаго полководца шпагу съ Анной 4 ст. и чинъ капитана. Находясь въ отрядѣ Милорадовича при переходѣ чрезъ Сень-Готардъ, онъ выказалъ такое мужество, что самая искренняя дружба связала его навсегда съ „незнавшимъ страха“ генераломъ. Во время этого же тяжелаго похода, Толь сблизился съ Цесаревичемъ, который до конца жизни былъ расположенъ къ нему и называлъ его своимъ другомъ. Послѣ участія въ бою при Аустерлицѣ и въ Турецкой кампаніи, Толь, благодаря покровительству князя П. М. Волконскаго, былъ переведенъ въ Квартирмейстерскую часть и 15 Сентября 1811 г. произведенъ въ полковники. Эта служба дала ему возможность продолжать изученіе любимаго имъ военного искусства: почитатель тактики Наполеона, Толь усердно занимался изученіемъ его приѣмовъ и слѣдилъ за всѣми дѣйствіями великаго полководца, стараясь проникнуть въ тайныя причины его безпримѣрныхъ успѣховъ, насколько, конечно, это зависѣло отъ внѣшнихъ условій.

Во время Отечественной войны Толь былъ назначенъ и. д. генераль-квартирмейстера 1-й арміи, а когда 17 Августа прибылъ новый главнокомандующій Кутузовъ, онъ тотчасъ назначилъ своего стараго воспитанника и любимца состоять при себѣ. Но это было не только результатомъ сердечнаго расположенія, а и оцѣнкой выдающихся способностей Толя: Кутузовъ умѣлъ цѣнить людей... Толь участвовалъ въ Бородинскомъ бою, въ совѣтѣ на Филяхъ и въ отступленіи отъ Москвы. Назначенный генераль-квартирмейстеромъ главной арміи, Толь принималъ участіе во всѣхъ крупныхъ сраженіяхъ, при чемъ за Тарутино получилъ орденъ св. Анны 1 ст.; неизмѣнно благосклонный къ нему, Кутузовъ испросилъ ему затѣмъ орденъ св. Георгія 4 кл. и чинъ генераль-майора. Послѣ пріѣзда Государя къ арміи, Толь состоялъ при немъ. За Кульмъ онъ получилъ звѣзду св. Владиміра 2 ст., а за Лейпцигъ чинъ генераль-лейтенанта. Въ 1815 г. Толь былъ назначенъ начальникомъ новаго Главнаго штаба, въ 1823 г. пожалованъ въ генераль-адъютанты, а въ 1824 г. получилъ звѣзду Александра Невскаго. Въ день восшествія на престолъ Николая I, онъ былъ при Государѣ и оставилъ описаніе этихъ дней. Въ войнѣ съ турками 1829 г. Толь былъ начальникомъ штаба Дибича, съ которымъ былъ издавна друженъ. Главнокомандующій приписывалъ Толю честь побѣды при Кулевчѣ, перехода чрезъ Балканы и взятія Адрианополя. Въ той же должности, сначала при Дибичѣ, а затѣмъ при Паскевичѣ, состоялъ Толь во время усмиренія Польскаго мятежа, при чемъ на штурмъ Варшавы командовалъ всѣми войсками, но случаю контузіи Паскевича. За Турецкую и Польскую кампаніи Толь получилъ графскій титулъ (9 Іюня 1829 г.), ленту св. Владиміра, ордена св. Георгія 2 кл. и св. Андрея Первозваннаго. Въ 1833 г. Толь былъ назначенъ главноуправляющимъ путями сообщенія и много сдѣлалъ полезнаго въ этой области. Разбитый параличомъ, графъ Толь скончался 23 Апрѣля 1842 г. и похороненъ въ Эстляндіи, въ имѣніи его Арокюль; онъ былъ женатъ на дочери полковника Ольгѣ Густавовнѣ Штрандманъ и имѣлъ дѣтей: Александра, Константина, Николая, Карла, Елизавету (за тайнымъ совѣтникомъ барономъ Унгернъ-Штернбергомъ), Александру (за графомъ Экбрехъ-Дюркгеймъ-Монмартенъ) и Елену.

Графъ Толь, отличаясь блестящими и разносторонними способностями, былъ человѣкъ широко развитой, образованный, даже ученый, съ характеромъ твердымъ и благороднымъ. Будучи горячъ и лично храбръ, онъ умѣлъ себя сдерживать и въ бою былъ „холоденъ, какъ ледъ“. Безкорыстный и высоко скромный, онъ пользовался большимъ и всеобщимъ расположеніемъ. „Живописецъ Басинъ“, говоритъ Михайловскій-Данилевскій, „прекрасно изобразилъ Толя во время Варшавскаго приступа, послѣдняго дѣйствія его на военномъ поприщѣ“. Этотъ портретъ здѣсь и прилагается.

(Съ портрета Басина; собственность А. П. Извольскаго, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte CHARLES FÉODOROWITCH TOLL, 1777—1842, fils de Conrad-Frédéric Toll et de Justine Rukteschell, descendait d'une fort vieille famille noble, connue en Europe dès le XIe siècle. Au Corps des Cadets, il se fit remarquer du directeur et en même temps professeur de tactique, dans la suite le célèbre Koutouzoff, qui, en raison de ses aptitudes spéciales pour cette science, lui posait des problèmes et même lui faisait faire au tableau les dessins nécessaires à ses leçons; il sortit le 24 novembre 1796 lieutenant dans l'intendance à la Suite de Sa Majesté. Il fit bientôt une excellente école pratique à la campagne d'Italie, sous les ordres de Souvoroff, qui lui donna une épée avec Ste-Anne de 4e classe et le grade de capitaine. Au passage du St-Gothard avec le corps de Miloradowitch, la valeur qu'il déploya le lia pour toujours d'une amitié sincère avec ce général „inaccessible à la peur“; c'est encore au cours de cette dure campagne qu'il fit connaissance avec le Césarewitch, qui lui témoigna sa faveur toute sa vie et l'appelait son ami. Après Austerlitz et la campagne de Turquie, la protection du prince P. Wolkonsky le fit affecter à l'intendance, et, le 15 septembre 1811, il passa colonel. Ce service lui donna la possibilité de continuer l'étude de son art préféré; admirateur de la tactique de Napoléon, il mit un zèle tout particulier à l'examen de ses procédés, suivant toutes ses opérations et s'évertuant à pénétrer les causes cachées de ses succès sans précédents, en tant qu'ils tenaient, bien entendu, aux conditions matérielles.

Désigné à la Guerre Patriotique pour faire fonctions de quartier-maître général de la 1re armée, il y resta jusqu'à l'arrivée, le 17 août, du nouveau commandant en chef, Koutouzoff, qui voulut immédiatement s'attacher son ancien élève et favori, et non pas seulement par raison de sentiment, mais en considération de ses éminentes capacités: Koutouzoff savait apprécier les hommes... Toll fut à Borodino, au conseil de guerre de Fili et à l'évacuation de Moscou. Quartier-maître général de l'armée principale, il prit part à toutes les grandes batailles: Taroutino lui valut Ste-Anne de 1re classe, et Koutouzoff, invariablement bien disposé en sa faveur, lui fit avoir plus tard St-Georges de 4e classe et le grade de général major. A l'arrivée de l'Empereur à l'armée, il fut attaché à Sa Majesté. Kulm lui valut l'étoile de St-Vladimir de 2e classe et Leipzig le grade de général lieutenant. En 1815, il fut nommé chef du nouvel Etat-Major général, en 1823 promu général aide de camp, en 1824 décoré de St-Alexandre Newsky. Aux côtés de l'Empereur Nicolas Ier à son avènement, il a laissé un récit de ces journées. A la guerre de Turquie de 1829, il fut chef de l'état-major de Diebitch, dont il était depuis longtemps l'ami et qui lui attribua l'honneur de la victoire de Koulevtcha, du passage des Balkans et de la prise d'Andrinople. Il remplit les mêmes fonctions, d'abord près de Diebitch, puis près de Paskewitch, lors de la répression de l'insurrection polonaise; à l'assaut de Varsovie, il eut le commandement en chef par suite de la contusion qui immobilisa Paskewitch. Les campagnes de Turquie et de Pologne lui valurent le titre de comte (9 juin 1829), le cordon de St-Vladimir, St-Georges de 2e classe et St-André. Nommé en 1833 directeur général des ponts et chaussées, il rendit là de grands services. Frappé de paralysie, il mourut le 23 avril 1842, et fut inhumé en Esthonie, dans sa propriété d'Arokul. Il avait épousé la fille Olga du colonel Gustave Strandmann, dont il eut plusieurs enfants: Alexandre, Constantin, Nicolas, Charles, Elisabeth, mariée au baron d'Ungern-Sternberg, conseiller privé, Alexandrine au comte Eckbrech-Dürckheim de Montmartin, et Hélène.

Doué d'aptitudes brillantes et variées, esprit des plus développés, instruit et même savant, le comte Toll avait un caractère ferme et noble. Avec son ardeur et sa bravoure personnelle, il savait se dominer et se montrer, au feu, „froid comme glace“. Son désintéressement et sa profonde modestie lui valurent la haute estime de tous.

„Le peintre Bassine“, dit Mikhaïlowsky-Danilewsky, „a fait un excellent portrait de Toll à l'assaut de Varsovie, son dernier fait d'armes“. C'est ce portrait qui est reproduit ici.

(D'après un original de Bassine, appartenant à A. Izvolsky, St-Pétersbourg.)

Пис. Бассинъ, 1829

Peint par Bassin, 1829

*Графъ Карлъ Феодоровичъ
Толль, 1777-1842*

*Le Comte Charles Féodorowitch
Toll, 1777-1842*

Графъ **ТЕДОРЪ ТЕДОРОВИЧЪ БУКСГЕВДЕНЪ**, 1750—1811, потомокъ бременскихъ крестоносцевъ, сынъ Отто-Фридриха (р. 1703 г., † 1754 г.) и второй его жены Елены-Шарлотты фонъ-Веймарнъ, родился въ селѣ Магнусталь, на о. Эзелѣ, 3 Сентября 1750 г.; воспитывался съ 1764 г. въ Артиллерійскомъ и Инженерномъ кадетскомъ корпусѣ (нынѣ 2-й корпусъ) и кадетомъ участвовалъ въ первой Турецкой войнѣ; въ 1770 г. произведенъ въ инженеръ-прапорщики, въ 1771 г. подъ Брауновымъ пожалованъ орд. св. Георгія 4 кл.; въ 1772 г. назначенъ адъютантомъ къ князю Г. Г. Орлову и съ нимъ ѣздилъ за границу; въ чинѣ полковника сдѣланъ флигель-адъютантомъ. Женитьба его въ 1777 г. на Наталіи Александровнѣ Алексѣевой, „воспитанницѣ“ Орлова, обезпечила ему быструю карьеру; въ 1787 г., командуя въ чинѣ бригадира Кексгольмскимъ гренадерскимъ полкомъ, отличился во время войны со шведами при Роченсальмѣ, за что 13 Августа получилъ орд. св. Георгія 3 кл. и въ 1789 г. чинъ генераль-майора, въ слѣдующемъ году пожалованъ Аннинской лентой; участвуя въ Польской кампаніи, подъ начальствомъ Суворова, содѣйствовалъ взятію Праги и назначенъ имъ въ 1794 г. комендантомъ Варшавы, получилъ золотую шпагу и звѣзду св. Владимира; въ слѣдующемъ году, 18 Декабря 1795 г., возведенъ Прусскимъ королемъ въ графское Прусскаго королевства достоинство.

Дружба жены Буксгевдена съ пзвѣстной фрейлиной Е. И. Нелидовой, съ которой она вмѣстѣ училась въ Смольномъ, при вступленіи на престолъ Павла I принесла быстро обильные плоды: уже 12 Ноября 1796 г. Буксгевденъ былъ сдѣланъ командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, пожалованъ генераль-поручикомъ и шефомъ Кексгольмскаго полка, получилъ 15 Февраля 1797 г. Александровскую ленту, а 5 Апрѣля возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство и 17 Юня назначенъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ. Охлажденіе къ Нелидовой повлекло за собой, 2 Сентября 1798 г., увольненіе и Буксгевдена отъ службы, съ правомъ за участіе въ 67 сраженіяхъ носить военный мундиръ. Послѣ этого онъ уѣхалъ въ Германію. Призванный оттуда Александромъ I, графъ Буксгевденъ назначенъ въ Январѣ 1802 г. предсѣдателемъ Особаго комитета по уравниенію городскихъ повинностей по г. Петербургу и въ томъ же году пожалованъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а 21 Сентября 1803 г. назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Ригу. Во время похода въ Моравію, командовалъ лѣвымъ крыломъ русской арміи подъ Аустерлицемъ и получилъ орденъ св. Владимира 1 ст., а за походъ 1807 г., 30 Августа, получилъ ленту св. Андрея Первозваннаго. Назначенный главнокомандующимъ противъ шведовъ, Буксгевденъ взялъ Свеаборгъ и завоевалъ всю Финляндію. Столкновение съ Военнымъ министромъ, всеяильнымъ Аракчеевымъ, пзъ-за недостатковъ снабженія войскъ всѣмъ необходимымъ, вынудило Буксгевдена удалиться, сдавъ командованіе Кноррингу; тѣмъ не менѣе онъ былъ награжденъ алмазными знаками ордена св. Андрея и Георгіевскимъ крестомъ 2 класса.

Удалившись отъ службы въ 1809 г., Буксгевденъ умеръ въ своемъ замкѣ Лодѣ 23 Августа 1811 г.; погребенъ въ церкви с. Лигова, близъ Петербурга; онъ былъ женатъ на Наталіи Александровнѣ Алексѣевой, по преданію, побочной дочери князя Орлова, отъ брака съ которой оставилъ двухъ сыновей: графа Александра (р. 1783 г., † 1 Марта 1839 г.; камергеръ) и графа Петра (р. 1784 г.; сенаторъ, генераль-лейтенантъ), и трехъ дочерей: графиню Софію (р. 1778 г., † 1828 г.; за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Ар. И. Нелидовымъ), графиню Марію (р. 1780 г., † 1837 г.; за статскимъ совѣтникомъ фонъ-Майделъ) и графиню Наталію (за полковникомъ барономъ Унгернъ-Штернбергомъ).

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность графини Буксгевденъ, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte THÉODORE FÉODOROWITCH BUXHÆWDEN, 1750 — 1811, descendant de Croisés de Brème, fils d'Otto-Friedrich Buxhæwden (1703 — 1754) et de sa seconde femme, née Hélène-Charlotte de Weimarn, naquit au bourg de Magnustal, île d'Œsel, le 3 septembre 1750. Entré en 1764 au Corps des Cadets de l'Artillerie et du Génie (aujourd'hui 2e Corps), il fit comme cadet la première campagne de Turquie: porte-enseigne du génie en 1770, il fut décoré sous Braïla en 1771 de St-Georges de 4e classe. Aide de camp du prince Grégoire Orloff en 1772, il l'accompagna à l'étranger, puis, étant colonel, fut fait aide de camp de Sa Majesté. Son mariage en 1777 avec une pupille d'Orloff, Natalie Alexandrowna Alexéeff, lui assura une rapide carrière. A la guerre de Suède, où il commandait comme brigadier le régiment des grenadiers de Kexholm, il fut, pour sa valeur à Ruotsensalmi, décoré le 13 août 1787 de St-Georges de 3e classe; puis, général-major en 1789, il obtint l'année suivante le cordon de Ste-Anne. Sa campagne de Pologne sous les ordres de Souvoroff, qui le nomma en 1794 commandant de Varsovie pour ses exploits à la prise de Praga, lui valut une épée d'or et l'étoile de St-Vladimir; l'année suivante, le Roi de Prusse l'éleva à la dignité de comte prussien.

L'amitié de la femme de Buxhæwden avec la fameuse demoiselle d'honneur Nélidoff, sa camarade de Smolna, porta des fruits rapides à l'avènement de Paul Ier: dès le 12 novembre 1796, Buxhæwden était fait commandeur de l'Ordre de Saint-Jean-de-Jérusalem, général lieutenant et chef du régiment de Kexholm, puis il obtenait, le 15 février suivant, le cordon de St-Alexandre, le 5 avril la dignité de comte de l'Empire Russe, et le 17 juin le poste de gouverneur militaire de St-Pétersbourg. Mlle Nélidoff l'entraîna dans sa disgrâce: destitué le 2 septembre 1798, tout en conservant son uniforme, qui lui était bien acquis par soixante-sept batailles, il se fixa en Allemagne. Rappelé par Alexandre Ier, il devint en janvier 1802 président du Comité des taxes municipales de Pétersbourg, puis fut promu la même année général d'infanterie, et nommé le 21 septembre 1803 gouverneur militaire de Riga. La campagne de Moravie, où il commanda l'aile gauche russe sous Austerlitz, lui valut St-Vladimir de 1re classe, et celle de 1807, le 30 août, St-André. Commandant en chef contre les Suédois, il prit Swéaborg et conquît toute la Finlande. Un conflit avec le tout-puissant Araktchéeff, ministre de la guerre, à propos des approvisionnements, l'obligea à démissionner et à remettre son commandement à Knorring; il reçut pourtant les insignes de St-André en diamants et la croix de St-Georges de 2e classe.

Retraité en 1809, Buxhæwden mourut à son château de Lode le 23 août 1811, et fut inhumé dans l'église de Ligovo, près St-Pétersbourg. Sa femme Natalie Alexéeff, fille naturelle, dit-on, du prince Orloff, lui donna deux fils, Alexandre (1783 — 1er mars 1839), chambellan, et Pierre (né 1784), sénateur, général lieutenant, et trois filles, Sophie (1778 — 1828), mariée au conseiller privé actuel A. Nélidoff, Marie (1780 — 1837) au conseiller d'état von Maidel, et Natalie au colonel baron de Ungern-Sternberg.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à la comtesse Buxhæwden, St-Pétersbourg.)

Пис. Боровиковский

Peint par Borovikowsky

*Графъ Теодоръ Теодоровичъ
Бухгоевденъ, 1750-1811*

*Le Comte Théodore Tëodorowitch
Buxhoeuden, 1750-1811*

Графъ ИВАНЪ ЕВСТАФІЕВИЧЪ ФЕРЗЕНЪ, 1739—1800, сынъ статскаго совѣтника барона Карла-Густава, женатаго на дѣвицѣ Шлиппенбахъ, происходилъ изъ стариннаго Лифляндскаго дворянскаго рода; онъ началъ службу въ артиллеріи сержантомъ въ 1760 г. и въ 1762 г. произведенъ въ подпоручики; участвуя въ 1-й Турецкой войнѣ, за подвиги подъ Хотинымъ и при переправѣ черезъ Прутъ, а также за осаду Силистріи, получилъ чины майора (1770 г.), подполковника (1771 г.) и въ 1775 г. орденъ св. Георгія 3 кл.; по окончаніи войны, въ 1782 г. произведенъ въ бригадиры и въ 1784 г. — въ генераль-майоры; въ 1790 г. Ферзенъ участвовалъ въ войнѣ со Швеціей и, за содѣйствіе побѣдъ Чичагова при Березовомъ Зундѣ, въ день заключенія мира, 3 Августа 1790 г., получилъ шнагу съ алмазами и 5/т. рублей. Произведенный въ 1791 г. въ генераль-поручики, командуя отдѣльнымъ корпусомъ въ Литвѣ, Ферзенъ сумѣлъ образовать тутъ въ 1792 г. генеральную конфедерацію, признавшую покровительство Екатерины II, и быстро умиротворилъ весь край. Императрица пожаловала ему Александровскую звѣзду и 2/т. душъ крестьянъ. Но „блистательнѣйшею эпохой въ его жизни былъ 1794 годъ“, когда имъ были совершены военные подвиги во время Польской кампаніи. Ферзену принадлежитъ честь окончательнаго пораженія поляковъ 28 Сентября 1794 г. при Маціовицахъ: до 6000 пало въ бою, около 3000 было взято въ плѣнъ, въ томъ числѣ тяжело раненый національный польскій герой Костюшко. Польская армія перестала существовать, и пораженіе при Маціовицахъ имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Польши, подготовивъ также взятіе Варшавы. Екатерина II наградила Ферзена звѣздой св. Георгія 2 кл. и имѣніемъ въ Лифляндіи. Въ томъ же году онъ участвовалъ въ знаменитомъ штурмѣ и во взятіи Праги Суворовымъ, который въ своемъ донесеніи писалъ о Ферзенѣ: „Озаряясь еще свѣжей славой, разбитіемъ главнаго бунтовщика Костюшки и взятіемъ его въ плѣнъ, совокупилъ онъ новые лавры; при всей слабости здоровья, бодрствуя духомъ, превозмогалъ онъ и труды, и опасности, и какъ распоряженіемъ по своей части, такъ и мужествомъ подтвердилъ извѣстную о немъ репутацію“. Посланный преслѣдовать отступавшаго къ Кракову польскаго главнокомандующаго Ваврженецкаго, Ферзенъ 7 Ноября при деревнѣ Радочинѣ принудилъ его положить оружіе, за что 1 Января 1795 г. возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство.

Павелъ I, послѣ недолговременной немощи, 24 Декабря 1797 г. назначилъ графа Ферзена директоромъ Кадетскаго корпуса; 4 Января 1798 г. онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а 24 Декабря вышелъ въ отставку. Поселившись въ городѣ Дубно, графъ И. Е. Ферзенъ тамъ и умеръ 16 Юля 1800 г.; онъ былъ женатъ на баронессѣ Магдалинѣ-Елизаветѣ Ребиндеръ, отъ которой имѣлъ одного только сына Карла (р. 5 Сентября 1779 г., † 1 Января 1825 г.; былъ женатъ на Шарлоттѣ Зильбергарнишъ).

По словамъ Бантыша-Каменскаго, Ферзенъ былъ „небольшого роста, худощавъ; съ нравомъ горячимъ соединялъ доброе сердце, отличался храбростію и правотою, дорожилъ солдатами“.

Портретъ графа И. Е. Ферзена имѣется еще у А. М. Апраксиной, въ ея знаменитомъ селѣ Ольговѣ, когда-то имѣніи другаго сподвижника Суворова, С. С. Апраксина.

(Съ портрета Андрея Жданова, 1795 г.; собственность графа Н. П. Ферзена, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte IVAN EVSTAFIEWITCH FERSEN, 1739—1800, fils du baron Charles-Gustave Fersen, conseiller d'état, et d'une mère née Schlippenbach, était d'une vieille famille noble de Livonie. Il prit d'abord du service en 1760 comme sergent d'artillerie, et passa sous-lieutenant deux ans après. A la première guerre de Turquie, ses exploits à Khotine et le passage du Pruth, ainsi que le siège de Silistrie, lui valurent les grades de major (1770), puis de lieutenant-colonel (1771), et en 1775 St-Georges de 3e classe; à la fin de la campagne, il fut promu en 1782 brigadier et en 1784 général major. En 1790, il fit la guerre de Suède, où la part qu'il eut à la victoire de Tchitchagoff à Björksund lui valut le jour de la signature de la paix, le 5 août 1790, une épée enrichie de diamants et 5000 roubles. Général lieutenant en 1791, il sut, à la tête d'un corps détaché, former en Lituanie l'année suivante une confédération générale qui reconnut le protectorat de Catherine II, et amener ainsi la pacification rapide de tout le pays. L'Impératrice lui donna en récompense l'étoile de St-Alexandre et 2000 têtes de paysans. Mais „l'époque la plus brillante de sa vie fut l'année 1794“, illustrée par ses exploits de la campagne de Pologne. C'est à lui que revient l'honneur de la défaite complète infligée aux Polonais le 28 septembre 1794 à Maciejowice, où 6000 d'entre eux périrent et 3000 environ furent faits prisonniers, parmi lesquels Kosciuszko, le héros national polonais. L'armée polonaise avait cessé d'exister, et Maciejowice eut une influence décisive sur le sort de la Pologne, en préparant la prise de Varsovie. Catherine II donna en récompense à Fersen l'étoile de St-Georges de 2e classe et des terres en Livonie. La même année, il prit part au célèbre assaut et à la prise de Praga par Souvoroff, qui disait de lui dans son rapport: „Encore nimbé d'une gloire fraîche, la défaite et la capture du chef d'insurgés Kosciuszko, il a moissonné de nouveaux lauriers. Faible de santé, mais vaillant d'esprit, il a bravé fatigues et dangers, et, par les dispositions qui dépendaient de lui, aussi bien que par sa bravoure, confirmé la réputation qu'on lui connaît“. Envoyé à la poursuite du commandant en chef Wawrzenecki, qui se repliait sur Cracovie, il l'atteignit et l'obligea à mettre bas les armes le 7 novembre au village de Radoczyn; il fut en récompense fait comte de l'Empire Russe le 1er janvier 1795.

Sous Paul Ier, après une courte défaveur, le comte Fersen fut nommé le 24 décembre 1797 directeur du Corps des Cadets; général d'infanterie le 4 janvier 1798, il prit sa retraite le 24 décembre suivant. Il se retira à Dubno, et y mourut le 16 juillet 1800. Il avait épousé la baronne Madeleine-Elisabeth Rehbindler, dont il eut un fils unique, Charles (5 septembre 1779—1er janvier 1825), qui épousa Charlotte Silberharnisch.

Bantych-Kamensky représente Fersen comme „petit et maigre, unissant un caractère vif à un bon cœur, brave, droit, et tenant à ses hommes“.

Il y a encore un portrait du comte Fersen chez Mme A. Apraxine, dans son célèbre Olgovo, jadis propriété d'un autre compagnon d'armes de Souvoroff, S. Apraxine.

(D'après un original d'André Jdanoff, 1795, appartenant au comte N. Fersen, St-Pétersbourg.)

General William Pitt Rivers
 Colonel, 1847

General Thomas Pitt Rivers
 Colonel, 1847

Пис. Андрей Идановъ, 1795

*Графъ Иванъ Евстафьевичъ
Ферзенъ, 1759-1800*

Peint par André Idanoff, 1795

*Le Comte Ivan Evstafiewitch
Fersen, 1759-1800*

Графиня ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА РИБОНЬЕРЪ, 1788—1872, дочь генераль-поручика, генераль-крюйс-комиссара Михаила Сергѣевича Потемкина († 14 Декабря 1791 г.), отъ брака его съ Татианой Васильевною Энгельгардтъ, впоследствии княгиней Юсуповой (р. 1767 г., † 1841 г.), родилась 15 Июня 1788 года; въ 1809 г. она вступила въ супружество съ другомъ своего дѣтства Александромъ Ивановичемъ Рибоньеромъ (р. 1783 г., † 1865 г.), впоследствии графомъ, оберъ-камергеромъ и членомъ Государственнаго Совѣта. Мать ея была очень дружна съ семействомъ Рибоньеровъ; молодые люди знали другъ друга съ дѣтства и уже давно проявляли взаимную склонность, но княгиня Т. В. Юсупова мечтала для дочери о блестящемъ замужствѣ, и свадьба ея долгое время не улаживалась. Е. М. Потемкина была красавицей и, говорятъ, очень походила на Императрицу Жозефину; романъ молодыхъ влюбленныхъ возбуждалъ всеобщее сочувствіе, и послѣ долгихъ усилій со стороны родственниковъ невесты, Голицыныхъ и Браницкихъ, удалось, наконецъ, получить согласіе матери. Бракъ этотъ оказался на рѣдкость счастливымъ, и Екатерина Михайловна почти не разставалась съ мужемъ во время его скитаній по Европѣ, вызывавшихся его дипломатическою службою. Она сопровождала его въ Одессу во время командировки его по дѣлу о порто-франко и держала тамъ открытый домъ. Еще болѣе открыто жили Рибоньеры по возвращеніи въ Петербургъ, гдѣ они наняли квартиру въ домѣ куица Соколова, на Гороховой. Домашніе спектакли ихъ, въ которыхъ участвовала сама хозяйка, посѣщались Александромъ I и всѣмъ дворомъ. Послѣдовавъ за мужемъ въ Константинополь, при назначеніи его посломъ къ султану, Е. М. Рибоньеръ съ дѣтьми сопровождала его въ 1827 г. на корабль, который чуть было не подвергся разстрѣлу съ турецкихъ батарей въ Босфорѣ, при отплытіи изъ Константинополя иностранныхъ дипломатическихъ представителей послѣ Наваринскаго боя. Она стояла на палубѣ, когда началась стрѣльба, и была схвачена офицерами и унесена съ дѣтьми въ каюту. Послѣ сильной бури на Адриатическомъ морѣ, во время которой фрегатъ едва не погибъ на камняхъ, семейство Рибоньеровъ высадилось въ Триестъ и нѣсколько времени провело во Флоренціи, гдѣ А. И. Рибоньеръ помѣстилъ жену въ нанятой имъ великолѣпной виллѣ Гатаіолъ; затѣмъ они поселились въ Римѣ въ палаццо Патерно. Во время вторичнаго пребыванія своего съ мужемъ въ Константинополь, а также во время посольства его въ Берлинѣ, Е. М. Рибоньеръ по-прежнему являлась хозяйкою роскошныхъ пріемовъ въ его гостепріимномъ домѣ. По возвращеніи Рибоньеровъ въ Россію, они сдѣлались однимъ изъ самыхъ приближенныхъ ко двору лицъ и пользовались неизмѣнной благосклонностью Императорской семьи. Екатерина Михайловна Рибоньеръ была кавалерственной дамой ордена св. Екатерины, а 25 Апрѣля 1854 г. была пожалована въ статсъ-дамы. Овдовѣвъ въ 1865 г., графиня Рибоньеръ скончалась въ преклонныхъ лѣтахъ 2 Февраля 1872 г. и похоронена, какъ и мужъ ея, на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Графиня Рибоньеръ имѣла двухъ сыновей: Михаила, умершаго въ дѣтствѣ, и графа Ивана († 1871 г.), женатаго на княжнѣ Софіи Васильевнѣ Трубецкой, и четырехъ дочерей: Аглаю (р. 1812 г., † 1842 г.), замужемъ за барономъ Зенденомъ, Софію, за генераль-адъютантомъ графомъ В. И. Голенщевымъ-Кутузовымъ, Марію, за Пруссимъ посланникомъ въ Константинополь г. Брассье де Сень-Симонъ, и Татьяну († 1879 г.), за княземъ Н. Б. Юсуповымъ.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность графа Г. И. Рибоньера, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse CATHERINE MIKHAILOWNA RIBEAUPIERRE, 1788—1872, fille du général lieutenant et commissaire général à la guerre Michel Potemkine († 14 décembre 1791) et de Tatiana Vassiliowna, née Engelhardt (1767—1841), en secondes noces princesse Youssoupoff, naquit le 15 juin 1788. Elle épousa en 1809 un ami d'enfance, Alexandre Ivanowitch Ribeaupierre (1783—1865), dans la suite comte, grand chambellan et membre du Conseil de l'Empire. En dépit de cette vieille amitié d'enfance et d'une inclination mutuelle depuis longtemps manifestée, la princesse Youssoupoff, pourtant très liée avec les Ribeaupierre, rêvait pour sa fille un mariage brillant et refusa longtemps son consentement: elle finit cependant par céder aux instances réitérées des Golitzyne et des Branicki, parents du père. La jeune fille, une beauté, avait, dit-on, une grande ressemblance avec l'Impératrice Joséphine; son roman avait excité la sympathie générale, et son mariage fut des plus heureux: elle ne quitta pour ainsi dire pas son mari, l'accompagnant par toute l'Europe dans les déplacements incessants que lui imposaient ses fonctions diplomatiques. Elle le suivit dans sa mission du port franc à Odessa, où elle tint table ouverte. De retour à Pétersbourg, elle s'installa sur un pied encore plus considérable dans la maison Sokoloff, à la Gorokhovaïa, et y donna des représentations, où elle paraissait elle-même en scène, en présence de l'Empereur Alexandre Ier et de toute la Cour. Lors de la traversée qu'elle fit en 1827 avec ses enfants et son mari, nommé ambassadeur à Constantinople, son vaisseau essuya le feu des batteries turques du Bosphore; c'était après Navarin, au départ de Constantinople des représentants des puissances: les officiers l'enlevèrent du pont, où elle se trouvait à l'ouverture du feu, et la descendirent dans sa cabine avec ses enfants. Assaillis encore sur l'Adriatique par une tempête violente qui faillit briser le vaisseau sur des rochers, les Ribeaupierre débarquèrent à Trieste. Ils passèrent ensuite quelque temps à Florence, à la splendide villa Gataioli, puis se fixèrent à Rome au Palazzo Paterno. Lors de la seconde ambassade de son mari à Constantinople, ainsi que de celle de Berlin, la comtesse déploya toujours en de splendides réceptions ses talents de maîtresse de maison accomplie. De retour en Russie, les Ribeaupierre furent des plus en faveur à la Cour et jouirent de la bienveillance constante de toute la famille Impériale. Dame de Ste-Catherine, la comtesse devint dame d'honneur le 23 avril 1854. Veuve depuis 1865, elle mourut le 2 février 1872 dans une vieillesse avancée, et fut inhumée près de son mari au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky.

La comtesse Ribeaupierre eut deux fils, Michel, mort enfant, et Ivan († 1871), qui épousa la princesse Sophie Vassiliowna Troubetzkoï, et quatre filles, Aglaé (1812—1842), mariée au baron Senden, Sophie, au général aide de camp comte B. Golénichtcheff-Koutouzoff, Marie, au ministre de Prusse à Constantinople Brassier de Saint-Simon, et Tatiana († 1879), au prince N. Youssoupoff.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant au comte G. Ribeaupierre, St-Pétersbourg.)

Пис. Боровиковский

Peint par Borovikowsky

*Гр. Екатерина Михайловна
Рибопьеръ, 178.-1869*

*La C^{de} Catherine Mikbailowna
Ribeauipierre, 178.-1869*

Великій Князь МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ, 1798—1849, четвертый сынъ Императора Павла I, родился 28 Января 1798 г. и тотчасъ былъ назначенъ генераль-фельдцейхмейстеромъ и шефомъ гвардейскаго Артиллерійскаго баталіона. Воспитателемъ его и брата Николая Павловича былъ генераль М. И. Ламздорфъ, человекъ грубый и плохой педагогъ, главное же руководство въ дѣлѣ воспитанія и образованія молодыхъ Великихъ Князей принадлежало ихъ матери. Несмотря на сильное желаніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны отвлечь сыновей отъ слишкомъ сильнаго увлеченія военнымъ дѣломъ и внушить расположение къ наукамъ, послѣднія оставались на второмъ планѣ, и Михаилъ Павловичъ съ юныхъ лѣтъ обнаруживалъ склонность „къ экзерцирмейстерству и капральству“. Во время Наполеоновскихъ войнъ Великіе Князья стремились на театръ военныхъ дѣйствій, но попали туда въ 1814 г., когда все уже было окончено. Съ 1817 по 1819 г. Михаилъ Павловичъ совершилъ большое путешествіе по Россіи и Западной Европѣ, по возвращеніи изъ котораго былъ назначенъ командиромъ гвардейской пѣхотной бригады (полки Преображенскій и Семеновскій) и вступилъ въ управленіе артиллеріей. Въ 1820 г. онъ основалъ Артиллерійское училище (теперь Михайловское), въ 1824 г. вступилъ въ бракъ со своей двоюродной сестрой принцессой Виртембергской Еленой Павловной, въ 1825 г. назначенъ начальникомъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Михаилъ Павловичъ принималъ участіе въ судѣ надъ декабристами. Николай I назначилъ брата членомъ Государственнаго Совѣта и поручилъ ему управленіе Инженернымъ вѣдомствомъ и командованіе гвардейскимъ корпусомъ, командиромъ котораго числился Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Въ 1828 г. Михаилъ Павловичъ принялъ участіе въ Турецкой войнѣ (за взятіе Браилова получилъ Георгія 2-й ст.) и въ 1831 г. въ усмиреніи Польскаго мятежа (награжденъ золотымъ оружіемъ за Остроленку и званіемъ генераль-адъютанта за штурмъ Варшавы). Въ 1831 г. онъ былъ назначенъ командиромъ гвардейскаго корпуса и главнымъ начальникомъ Военно-учебныхъ заведеній, а въ 1844 г. главнокомандующимъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами.

Великій Князь Михаилъ Павловичъ былъ въ высшей степени строгимъ и взыскательнымъ до мелочей начальникомъ и не пропускалъ безъ вниманія ни малѣйшаго отступленія отъ устава. Взглядъ его въ этомъ отношеніи былъ очень зорокъ: ни незастегнутая пуговица, ни калоши не проходили незамѣченными. Вообще онъ придавалъ особое значеніе такимъ служебнымъ требованіямъ подъ вліяніемъ грустныхъ событій при восшествіи на престолъ Николая I: Михаилъ Павловичъ видѣлъ въ усиленныхъ требованіяхъ службы лучшее средство отвлечь молодое поколѣніе отъ увлеченія либеральными идеями. Подъ личной строгостію Великій Князь, однако, таилъ доброе сердце. „Въ немъ есть что-то мрачное и суровое“, говоритъ одинъ иностранецъ, жившій при русскомъ дворѣ, „но въ сущности его можно назвать *le bonnet bienfaisant*; о немъ рассказываютъ случаи, гдѣ онъ проявилъ прекрасныя черты великодушія“. Дѣйствительно, его доброту доказываютъ его вниманіе къ нуждамъ подчиненныхъ и щедрость при ихъ поддержкѣ. Михаилъ Павловичъ былъ заботливымъ начальникомъ Военно-учебныхъ заведеній, почти ежедневно посѣщалъ которое-нибудь изъ нихъ и входилъ во всѣ подробности воспитанія. Онъ любилъ своихъ воспитанниковъ и не забывалъ ихъ и по окончаніи ими ученія; многіе изъ нихъ пользовались его матеріальной поддержкой.

Съ юныхъ лѣтъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ отличался остроуміемъ и находчивостью. Онъ и въ другихъ любилъ остроуміе и часто прощалъ офицерамъ и кадетамъ шалости, если онѣ были замысловаты и доказывали умъ. Но остроуміе Великаго Князя не было злымъ: ему чужда была мысль обидѣть кого-либо. Въ этомъ отношеніи интересны мелкія замѣтки, характеризующія Великаго Князя, разсѣяныя въ перепискѣ Булгаковыхъ, пользовавшихся благоволеніемъ его и бывшихъ большими почитателями суроваго добряка. Существуетъ, кромѣ того, масса анекдотовъ, рисующихъ Великаго Князя какъ въ частной жизни, такъ и служебной и официальной его дѣятельности. Михаилъ Павловичъ былъ беззавѣтно преданъ своему брату Николаю I. „Я хочу, чтобы не меня, а брата любили“, говаривалъ онъ, желая оправдать свои строгости и принимая все на себя. Великій Князь долго обладалъ прекраснымъ здоровьемъ, но умеръ не старымъ; 11 Августа 1849 г., во время смотра войскъ въ Варшавѣ, его постигъ нервный ударъ; 28 Августа онъ скончался, а 16 Сентября погребенъ въ Петропавловскомъ соборѣ.

(Съ портрета, принадлежащаго Великому Князю Михаилу Николаевичу.)

Le Grand-Duc MICHEL PAVLOWITCH, 1798—1849, quatrième fils de l'Empereur Paul Ier, naquit le 28 janvier 1798, et fut nommé dès sa naissance grand maître de l'artillerie et chef du bataillon d'artillerie de la Garde. Il eut pour précepteur, ainsi que son frère Nicolas, le général M. Lambsdorff, nature grossière et mauvais pédagogue, mais l'Impératrice-mère avait la haute main sur l'éducation et l'instruction des jeunes Grands-Ducs. Elle fit tout pour les empêcher de prendre un goût trop vif pour les choses militaires et leur donner celui des sciences, mais celles-ci restèrent au second plan, et le Grand-Duc Michel se tourna dès son enfance „vers l'exercice et la soldatesque“. Lors des guerres de Napoléon, les jeunes princes brûlaient de faire campagne, mais ne vinrent à l'armée qu'en 1814, quand tout était déjà fini. De 1817 à 1819, le Grand-Duc Michel fit un grand voyage en Russie et en Occident, au retour duquel il fut nommé commandant de la brigade d'infanterie de la Garde (régiments Préobragensky et Sémenowsky) et entra à la direction de l'artillerie. Il fonda en 1820 l'Ecole d'Artillerie, aujourd'hui Ecole Michel, épousa en 1824 sa cousine germaine la princesse de Wurtemberg Hélène Pavlowna, et, en 1825, fut mis à la tête de la 1re division d'infanterie de la Garde. Il siégea à la Haute Cour chargée de juger les Décabristes. Son frère Nicolas Ier le fit membre du Conseil de l'Empire et lui confia la direction du Génie et le commandement du corps de la Garde, dont le commandant en titre était le Césarewitch Constantin. En 1828, il fit la campagne de Turquie, où la prise de Braïla lui valut St-Georges de 2e classe, et concourut en 1831 à la répression de l'insurrection de Pologne: il y gagna une épée d'or à Ostrolenka et le titre de général aide de camp à l'assaut de Varsovie. Il fut nommé la même année commandant du corps de la Garde et directeur général des établissements d'instruction militaires, puis, en 1844, commandant en chef des corps de la Garde et des grenadiers.

Comme chef, le Grand-Duc Michel était d'une sévérité et d'une exigence extrêmes: il ne pouvait souffrir la moindre infraction au règlement. Il avait à cet égard un œil des plus vigilants: un bouton déboutonné, un détail de la chaussure, rien ne lui échappait! Témoin des pénibles circonstances qui avaient accompagné l'avènement de son frère, il attachait une grande importance à ces exigences de service, dans lesquelles il voyait le meilleur moyen de détourner la jeune génération des idées libérales. Mais son masque de sévérité cachait cependant un bon cœur. „Il y a en lui“, disait un étranger fixé à la Cour de Russie, „je ne sais quoi de sombre et de rude, mais au fond on peut l'appeler le bourru bienfaisant: on cite de lui de magnifiques traits de grandeur d'âme!“ Et une preuve de sa bonté était en effet sa sollicitude pour ses subordonnés et la générosité avec laquelle il leur venait en aide. Non moins soucieux des établissements d'instruction militaires dont il avait la direction, il n'était guère de jour qu'il n'allât en visiter un, s'intéressant aux moindres détails des questions d'éducation; il aimait les élèves, ne les perdant pas de vue après l'école et fournissant à beaucoup d'entre eux des secours matériels.

Le Grand-Duc Michel se révéla dès l'enfance spirituel et ingénieux. Il aimait aussi ces qualités chez les autres, et fermait souvent les yeux sur les escapades des officiers et des cadets quand elles étaient bien imaginées et intelligentes. Mais dans ses pointes, aucune méchanceté: il était incapable de blesser qui que ce soit. On trouve çà et là dans la correspondance des Boulgakoff, honorés de la bienveillance du Grand-Duc et grands admirateurs de sa rude bonhomie, des passages bien intéressants dans cet ordre d'idées et bien caractéristiques. Il existe de plus une masse d'anecdotes, tant sur l'homme privé que sur le fonctionnaire et le personnage officiel. Le Grand-Duc Michel avait pour son frère l'Empereur Nicolas Ier un dévouement sans bornes: „Ce n'est pas moi, c'est lui, que je veux faire aimer!“ disait-il pour justifier ses rigueurs, en prenant tout sur lui. Malgré l'excellente santé dont il jouit longtemps, il ne parvint pas jusqu'à la vieillesse; frappé d'une attaque nerveuse en passant une revue à Varsovie le 11 août 1849, il mourut le 28 suivant, et fut inhumé le 16 septembre à la Cathédrale Pierre-et-Paul.

(D'après un original appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Великий Князь *Le Grand-Duc*
Михаил Павловичъ, 1798-1849 *Michel Pavlowitch, 1798-1849*

Великая Княгиня ЕЛЕНА ПАВЛОВНА, 1806 — 1873, дочь принца Павла-Карла-Фридриха Виртембергскаго (р. 1785 г., † 1852 г.) отъ брака съ принцессой Шарлоттой Саксенъ-Альтенбургской (р. 1787 г., † 1847 г.), родилась 28 Декабря 1806 г. (н. с. 9 Января 1807 г.) и получила воспитаніе въ Парижѣ, въ пансіонѣ извѣстной г-жи Кампанъ. Знакомство съ знаменитымъ Кювье и бесѣды съ нимъ много содѣйствовали развитію принцессы, отъ природы любознательной и даровитой. Когда ей минуло 15 лѣтъ, тетка ея Императрица Марія Ѳеодоровна избрала ее въ невѣсты для своего младшаго сына Великаго Князя Михаила Павловича. Несмотря на свою крайнюю молодость, принцесса ревностно принялась за ознакомленіе съ будущей своей родиной и безъ учителя, при помощи словаря и грамматикъ, изучила русскій языкъ. По приѣздѣ въ Россію она всѣхъ поразила своимъ умомъ, обширными свѣдѣніями и живостью характера. При первомъ же приѣмѣ юная принцесса, по словамъ Нелединскаго-Мелецкаго, „всякому молвила по приличности каждаго“. Бракосочетаніе произошло 8 Февраля 1824 года. Супружество Елены Павловны съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ продолжалось 25 лѣтъ; у нихъ было 5 дочерей: Марія (р. 1825 г., † 1846 г.), Елисавета (р. 1826 г., † 1845 г.; за герцогомъ Адольфомъ-Вильгельмомъ Нассаускимъ), Екатерина (р. 1827 г., † 1894 г.; за герцогомъ Георгомъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ), Александра (р. 1831 г., † 1832 г.) и Анна (р. 1834 г., † 1836 г.); изъ нихъ только одна пережила мать. Въ 1849 году, 28 Августа, Великая Княгиня овдовѣла.

Вся жизнь Елены Павловны послѣ брака была посвящена служенію новой родинѣ. Николай I питалъ къ невѣсткѣ чувства глубокаго уваженія и присвоилъ ей, по выраженію Кюстина, обязанность „de faire les honneurs de la littérature при его дворѣ“. „C'est le savant de notre famille“, сказалъ объ ней однажды Государь. Отличаясь живой пылкостью ума, глубокой воспримчивостью и способностью осваиваться со всѣмъ, что ей казалось полезнымъ изучить, Елена Павловна до конца жизни интересовалась всѣми явленіями въ области знанія и умственной жизни и приходила на помощь наукѣ и искусству своимъ содѣйствіемъ и матеріальной поддержкой. Въ ея покояхъ встрѣчали внимательный и ласковый приѣмъ и иностранцы, и русскіе ученые (Струве, Беръ, Чичеринъ, Ѳ. Дмитриевъ), и представители искусствъ, и просвѣщенные государственные дѣятели. Подъ вліяніемъ ея музыкальных вечеровъ зародилась мысль объ учрежденіи Русскаго музыкальнаго общества и консерваторіи, для осуществленія которой она не остановилась передъ большими матеріальными затратами. Она же положила основаніе Клиническому институту, открытому уже послѣ ея смерти. Въ сердцѣ Великой Княгини горѣла живая любовь къ людямъ, чуждая неразборчивой чувствительности. Въ дѣлахъ благотворительности она ставила себѣ опредѣленную цѣль и умѣла достигнуть ея. Крунная заслуга Елены Павловны по отношенію къ Россіи — это ея участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Она первая показала примѣръ, составивъ проектъ освобожденія крестьянъ въ своемъ Полтавскомъ имѣніи, Карловкѣ. Въ ней встрѣчали неизмѣнную поддержку главные дѣятели крестьянской реформы: Н. Милютинъ, Ю. Самаринъ, князь Черкасскій. „Нимфа Эгерія“ Александра II, она оказывала постоянно благотворное, исполненное такта воздѣйствіе на рѣшимость своего царственнаго племянника довести до конца великое дѣло. „Сохраняя подъ нѣжной женственной оболочкой мужественную и стойкую волю, всегда направленную къ возвышеннымъ цѣлямъ, Елена Павловна обладала тѣмъ огнемъ, который зажигаетъ сердца людей какъ для преданной любви, такъ и для вражды“. Поэтому она имѣла не только друзей, но и не мало недоброжелателей. „Всѣми она признана“, говоритъ одинъ недоброжелатель, „мастерницей устранивать праздники и плѣнять своимъ умомъ; если бы эта умная женщина не мѣшалась въ государственныя дѣла, она, конечно, была бы украшеніемъ нашего двора“. Потомство, однако, за это вмѣшательство только съ благодарнымъ чувствомъ преклонится передъ нравственно высокимъ и привлекательнымъ въ своемъ истинномъ величій образомъ Великой Княгини Елены Павловны. Скончалась она 9 Января 1873 года.

(Съ портрета К. Брюллова; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

La Grande-Duchesse **HÉLÈNE PAVLOWNA**, 1806—1873, fille du prince Paul-Charles-Frédéric de Wurtemberg (1785—1852) et de la princesse Charlotte de Saxe-Altenbourg (1787—1847), naquit le 28 décembre 1806 (9 janvier nouveau style 1807), et fit son éducation à Paris, à la pension bien connue de Mme Campan. Naturellement douée et studieuse, elle gagna beaucoup à la fréquentation de l'illustre Cuvier. A l'âge de 15 ans, l'Impératrice Marie, sa tante, la choisit comme épouse de son plus jeune fils le Grand-Duc Michel. Malgré son extrême jeunesse, elle se mit alors avec ardeur à l'étude de sa future patrie, et apprit le russe toute seule, avec une grammaire et un dictionnaire. Son esprit, l'étendue de ses connaissances et la vivacité de son caractère firent l'étonnement général en Russie. Dès la première réception, „elle parla bien à chacun“, dit Nélédinsky-Méletzky, „juste comme il convenait“. Le mariage eut lieu le 8 février 1824, et les époux restèrent unis vingt-cinq ans. Ils eurent cinq filles, Marie (1825—1846), Elisabeth (1826—1845), mariée au duc Adolphe-Guillaume de Nassau, Catherine (1827—1894), mariée au duc Georges de Mecklembourg-Strélitz, Alexandrine (1831—1832) et Anne (1834—1836). Une seule d'entre elles survécut à la mère, qui resta veuve le 28 août 1849.

Après son mariage, la Grande-Duchesse Hélène avait consacré toute sa vie au service de sa nouvelle patrie. Nicolas Ier la tenait en haute considération, et lui confia, dit Custine, le soin „de faire les honneurs de la littérature“ à sa Cour: „C'est le savant de notre famille“, dit un jour l'Empereur. Douée d'une vive curiosité d'esprit, d'une réceptivité intense et d'une grande facilité pour tout ce qui lui semblait utile à savoir, elle ne cessa jamais de s'intéresser à tous les faits d'ordre scientifique et intellectuel, ni de prêter aux sciences et aux arts son concours moral et matériel. Savants russes et étrangers (Struve, Behr, Tchitchérine, Th. Dmitrieff), artistes, fonctionnaires de marque, tous trouvaient dans ses salons un accueil aimable et empressé. Ce furent ses soirées musicales qui donnèrent l'idée de la fondation de la Société Musicale Russe et du Conservatoire, pour laquelle elle ne recula devant aucun sacrifice matériel. C'est encore elle qui jeta les bases de la Clinique Médicale qui porte son nom, et qui ne fut inaugurée qu'après sa mort. Son cœur brûlait d'un vif amour de l'humanité, mais sans rien d'une sentimentalité aveugle. En matière de bienfaisance, elle se donnait un but déterminé et savait l'atteindre. Son grand mérite envers la Russie, c'est son rôle dans l'œuvre de l'émancipation des serfs. Elle fut la première à donner l'exemple, par son projet d'émancipation à Karlovka, sa propriété des environs de Poltava, et eut l'appui constant des grands auteurs du mouvement, Milioutine, Samarine, le prince Tcherkassky. „Egérie“ d'Alexandre II, elle employa incessamment avec un tact consommé sa bienfaisante influence pour décider son Impérial neveu à l'accomplissement de la grande réforme. „Cachant sous de gracieux dehors féminins une mâle et opiniâtre volonté, visant toujours des buts élevés, elle avait ce feu qui embrase les cœurs aussi bien pour l'affection dévouée que pour la haine“. Aussi s'était-elle fait non seulement des amis, mais encore bon nombre d'ennemis. „Personne“, dit un de ceux-ci, „ne lui conteste son talent pour organiser des fêtes ni son esprit captivant; si, avec tout cet esprit, elle ne se mêlait pas des affaires de l'Etat, elle ferait vraiment l'ornement de notre Cour“. Loin de s'associer à un tel reproche, la postérité n'éprouve à cet égard qu'une reconnaissante sympathie pour la personnalité d'une haute valeur morale et d'une réelle grandeur que fut la Grande-Duchesse Hélène. Elle mourut le 9 janvier 1873.

(D'après l'original de Ch. Brulloff, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

Пис. Н. Брюлловъ - Peint par Ch. Brulloff
Великая Княгиня | La Grande-Duchesse
Елена Павловна, 1806-1873 | Hélène Pavlowna, 1806-1873

Княгиня АННА ФЕДОРОВНА БЪЛОСЕЛЬСКАЯ, 1740 — 1796, единственная дочь действительнаго тайнаго совѣтника Федора Васильевича Наумова († 27 Октября 1757 г.), женатаго на Маріи Михайловнѣ Самариной, выдана была замужъ за князя Андрея Михайловича Бѣлосельскаго (р. 1740 г., † 1776 г.). Бракъ ея былъ неудаченъ: она скоро совершенно разошлась съ мужемъ. Князь, занимая дипломатическія должности, проживалъ за границей, она же поселилась въ Москвѣ, въ унаслѣдованномъ ею отъ богатаго отца громадномъ каменномъ домѣ. Не имѣя дѣтей, „добродушная, но ума не совсѣмъ остраго, а нѣсколько простоватая“, она поднала здѣсь, по разсказу Болотова, подъ вліяніе семьи Салтыковыхъ, „людей небогатыхъ, но ловкихъ и пронырливыхъ“, разсчитывавшихъ ея богатствомъ поправить свои разстроенныя дѣла. Познакомившись и подружившись съ нею, Салтыковы переѣхали на житѣе въ ея домъ и „сумѣли такъ хорошо прикритъся ко всѣмъ ея слабостямъ и склонностямъ, или, простѣе сказать, такъ ее обалахтать, что она вѣрилась имъ, какъ наилучшимъ и вѣрнѣйшимъ друзьямъ, и предалась во всемъ въ ихъ волю“. Ихъ стараніями и хлопотами, между прочимъ, была продана въ 1774 г. за громадную въ то время сумму въ 120/т. рублей полученная ею отъ отца въ приданое Кіевская волость, въ Коломенскомъ уѣздѣ, состоявшая изъ 4000 душъ. Салтыковы вообще дѣлали изъ княгини, что хотѣли, и въ Москвѣ ходили даже слухи, что они ввели ее въ какую-то особую, имъ однимъ извѣстную, секту, чтобы вѣрнѣе подчинить ее своей власти. На чемъ были основаны эти слухи, намъ неизвѣстно.

Для того, кто заинтересовался бы болѣе детально нѣсколько таинственной судьбой княгини Бѣлосельской, не лишнее будетъ привести слѣдующее семейное преданіе, связанное съ именемъ княгини Анны Федоровны. Въ Москвѣ жила семья старинныхъ москвичей Самариныхъ, изъ которыхъ Михаилъ Михайловичъ былъ сенаторомъ временъ Петра I, а сынъ его Иванъ, полковникъ (р. 14 Сентября 1711 г., † въ Апрѣлѣ 1790 г.), былъ женатъ на Прасковіи Васильевнѣ Юшковой (р. 27 Ноября 1729 г., † 4 Февраля 1799 г.), дочери Василя Алексѣевича (р. 1676 г., † 1 Ноября 1726 г.), столь близкаго къ царицѣ Прасковіи Федоровнѣ, что его считали едва ли не отцомъ ея дочерей. Юшковъ получилъ отъ царицы обширныя помѣстья, и П. М. Самаринъ имѣлъ большое состояніе, массу дорогихъ вещей отъ Юшкова и многочисленную семью, состоявшую изъ семи дочерей: Татьяны (р. 1739 г., † 1798 г.); Анны (р. 1742 г., † 1803 г.); Варвары (р. 1744 г., † 1806 г.; монахиня Веніамина); Маріи (р. 1746 г., † 1811 г.); Екатерины (р. 1743 г., † 1825 г.); Елизаветы (р. 1752 г., † 1839 г.; похоронена въ Донскомъ), и Феодосіи (р. 1753 г., † 1830 г.), умершихъ дѣвцами („потому что старшая не вышла замужъ“), и только одного сына, Петра (р. 1762 г.). Бригадиръ Петръ Самаринъ, не женатый, сдѣлался героемъ поздняго романа своей двоюродной сестры, вдовы княгини А. Ф. Бѣлосельской, которая была на 22 года старше его. Результатомъ этого сближенія было рожденіе ею въ 1796 г. сына, Иполита Петровича Петровскаго, при чемъ мать умерла отъ родовъ (гдѣ она похоронена, намъ неизвѣстно), сынъ же былъ записанъ въ число Орловскихъ дворянъ. Извѣстный коннозаводчикъ своего времени, П. И. Петровскій служилъ съ 3 Декабря 1818 г. въ лѣ.-гв. Уланскомъ полку, изъ котораго вышелъ въ отставку 28 Января 1829 г. ротмистромъ и навсегда поселился въ Москвѣ, въ своемъ роскошномъ домѣ въ Кожевникахъ, за Москвой-рѣкой, получивъ отъ отца большое состояніе. П. И. Самаринъ умеръ 17 Юня 1840 г. („житія его было 78 л., 35 дней и 21 часъ“); какъ онъ, такъ и его родители и сестры похоронены въ Новомъ Іерусалимѣ, близъ Москвы; тамъ же похороненъ и Иполитъ Петровичъ Петровскій, умершій 17 Марта 1875 г., на 79-мъ году. Отъ увезенной изъ хора цыганки Маріи Даниловны онъ имѣлъ 2 сыновей: Константина и Инолита, и дочерей: Екатерину (за Вышеславцевымъ), Надежду (за Соймоновымъ), Прасковію (за Жуковымъ), Марію (за Эвисономъ), Варвару (за Лизогубомъ), Феодосію, Евдокію и Наталію. Кромѣ того, у него было еще 2 „воспитанницы“, Любовь (за Петрушкевичемъ) и Александра (за Лазаревымъ), которымъ 1 Декабря 1874 г. разрѣшено „принять его фамилію и пользоваться его правами состоянія, но безъ права наслѣдованія въ родовомъ его имѣніи“. Свѣдѣнія изъ интересной семейной хроники Петровскихъ пополнены здѣсь нѣкоторыми документальными и хронологическими данными.

(Съ портрета Рослена, 1762 г.; собственность князя К. Э. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse ANNE FÉODOROWNA BELOSSELSKY, 1740—1796, fille unique du conseiller privé actuel Théodore Vassiliéwitch Naoumoff († 27 octobre 1757) et de Marie Mikhaïlowna, née Samarine, fut mariée au prince André Mikhaïlowitch Bélosselsky (1740—1776). L'union ne fut pas heureuse, et les époux se séparèrent bientôt complètement. Le prince, servant dans la diplomatie, résidait à l'étranger, et sa femme se fixa à Moscou, dans l'immense maison de pierre qu'elle avait reçue avec le riche héritage de son père. Sans enfants, „bonne personne à l'esprit peu ouvert et plutôt simpliste“, elle y tomba, dit Bolotoff, sous l'influence des Saltykoff, „gens sans fortune, mais habiles et intrigants“, qui comptaient sur sa fortune pour se remettre à flot. Ils firent sa connaissance, se lièrent avec elle, puis vinrent s'établir chez elle, et „surent si bien flatter tous ses faibles et ses penchants, ou mieux, tranchons le mot, l'enjôler, qu'elle se livra à eux, comme à ses meilleurs et ses plus sûrs amis, et les laissa faire entièrement à leur guise“. C'est eux; par exemple, qui firent vendre en 1774 pour la somme alors énorme de 120.000 roubles une partie de la dot qu'elle avait reçue de son père, le canton de Kiassovo, district de Kolomna, qui comportait 4000 têtes de paysans. La menant tout à leur fantaisie, ils l'auraient fait entrer, à en croire des bruits qui circulaient à Moscou et reposaient on ne sait trop sur quel fondement, dans une secte particulière connue d'eux seuls, pour la tenir mieux en mains.

Le lecteur curieux de faire plus ample connaissance avec la destinée tant soit peu mystérieuse de la princesse Bélosselsky nous saura gré de rapporter une tradition de famille liée à son nom. Michel Mikhaïlowitch Samarine, d'une vieille famille moscovite, sénateur sous Pierre-le-Grand, avait un fils Ivan (14 septembre 1711—avril 1790), colonel, marié à Prascovie Youchkoff (27 novembre 1729—4 février 1799), dont le père, Basile Alexéewitch Youchkoff (1676—1er novembre 1726), si intime avec la tsarine Prascovie Féodorowna qu'on le considérait presque comme le père de ses filles, reçut d'elle d'immenses domaines et transmit ainsi à son gendre une grosse fortune et une masse d'objets précieux. Ivan Samarine eut une nombreuse famille, composée de sept filles: Tatiana (1739—1798), Anne (1742—1803), Varvara (1744—1806, en religion Benjamine), Marie (1746—1811), Catherine (1743—1825), Elisabeth (1752—1839, inhumée au monastère Donskoï) et Théodosie (1753—1830), toutes mortes sans alliance („parce que l'aînée ne se maria pas“), et d'un seul fils, Pierre (né 1762), brigadier, célibataire, avec lequel sa cousine germaine, la princesse Anne Bélosselsky, alors veuve et âgée de vingt-deux ans de plus que lui, eut sur le tard un roman: la naissance d'un fils, en 1796, coûta la vie à la mère (dont la sépulture nous est inconnue), et l'enfant, Hippolyte Pétrowitch Pétrowsky, fut inscrit à la noblesse d'Orel. Enrôlé le 3 décembre 1818 aux uhlands de la Garde, Pétrowsky, connu comme propriétaire de haras, prit sa retraite comme capitaine de cavalerie le 28 janvier 1829, et se fixa définitivement à Moscou dans sa luxueuse maison de Kojevnik, dans les quartiers de la rive droite, avec l'immense fortune qu'il avait héritée de son père. Celui-ci mourut le 17 juin 1740 („âgé de 78 ans, 35 jours et 21 heures“), et fut inhumé aux environs de Moscou, à la Nouvelle-Jérusalem, comme ses parents et ses sœurs, comme aussi son fils, décédé le 17 mars 1875 dans sa 79e année. Pétrowsky avait enlevé une musicienne tzigane, Marie Danilowna, dont il eut deux fils, Constantin et Hippolyte, et huit filles: Catherine, mariée à Vychéslavtzeff, Nadejda à Soïmonoff, Prascovie à Joukoff, Marie à Evison, Varvara à Lizogoub, Théodosie, Eudoxie et Natalie. Il eut de plus deux „pupilles“, Liouboff, mariée à Pétrouchkewitch, et Alexandrine à Lazareff; elles reçurent le 1er décembre 1874 l'autorisation „de porter son nom et de jouir de ses droits civils, sauf en ce qui concerne la succession de son bien patrimonial“. Ces intéressants détails sur la chronique familiale des Pétrowsky n'ont été complétés ici que de quelques indications documentaires et chronologiques.

(D'après un original de Roslin, 1762, appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

<i>Portrait of Mrs. Elizabeth</i>	<i>Portrait of Mrs. Anne</i>
<i>Portrait of Mrs. Anne</i>	<i>Portrait of Mrs. Anne</i>
<i>Portrait of Mrs. Anne</i>	<i>Portrait of Mrs. Anne</i>

Пис. Досиенко, 1762 - Peint par Nostlin, 1762

*Княгиня Анна Федоровна
Бѣлосельская, 1740-1796*

*La D^{esse} Anne Feodorowna
Béllosselsky, 1740-1796*

Князь АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧЪ БЪЛОСЕЛЬСКІЙ, 1740—1776, былъ старшій сынъ весьма близкаго къ царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, герцогинѣ Мекленбургской, человека, вице-адмирала князя Михаила Андреевича (р. 1702 г., † 1755 г.), отъ перваго его брака съ Акулиной Михайловной Болтиной. Записанный въ дѣтствѣ въ гвардію, онъ началъ дѣйствительную службу въ 1749 г. въ Преображенскомъ полку; 21 Іюля 1752 г., въ чинѣ подпоручика, посланъ въ Лондонъ „для обученія въ министерскихъ дѣлахъ и обхожденіяхъ“, въ 1760 г. изъ гвардіи капитанъ-поручикомъ переведенъ въ армію полковникомъ и назначенъ состоять при посольствѣ въ Парижѣ. Имѣя званіе камеръ-юнкера, Бѣлосельскій въ 1766 г. былъ назначенъ посланникомъ въ Дрезденъ, гдѣ и оставался до самой смерти.

Князь А. М. Бѣлосельскій былъ женатъ на Аннѣ Ѳедоровнѣ Наумовой (р. 1740 г., † 1796 г.); бракъ этотъ не былъ счастливымъ. Побывавъ вмѣстѣ съ мужемъ въ Парижѣ, гдѣ были написаны и оба помѣщенные здѣсь портрета, съ подписями: „Roslin Suedois à Paris 1762“, молодая княгиня почему-то покинула навсегда супруга и удалась въ Москву, гдѣ у ней было большое состояніе, унаслѣдованное отъ отца; тутъ она и поселилась. Мужъ, однако, не хотѣлъ примириться съ этимъ фактомъ и дѣлалъ попытки къ возвращенію жены, вмѣшавъ въ свои семейные счета Императрицу. Екатерина II 23 Мая 1773 г. писала въ Москву князю М. Н. Волконскому: „Камергеръ князь Бѣлосельскій приносилъ мнѣ жалобу на жену свою, что она, несмотря на всѣ его ласковыя приглашенія, не токмо не соглашается къ нему изъ Москвы ѣхать, но ниже отвѣчала на послѣднее письмо его, а потому просить, чтобы принудила я ее къ должному по законамъ повиновенію. Я, желая привести ихъ въ богоугодное и законами повелѣнное согласіе, поручаю вамъ, призвавъ ее къ себѣ, стараться уговорить ее, чтобы она съ мужемъ примирилась и къ нему ѣхала жить. Вы можете ей сказать, что мнѣ весьма пріятно будетъ, если она примирится съ своимъ мужемъ и къ нему пріѣдетъ. Дайте ей при этомъ знать, что въ семъ случаѣ всѣ законы противъ ея, и чтобы я не строгостію оныхъ, но паче кротостію желала рѣшить справедливую мужа ея просьбу. Я надѣюсь, впрочемъ, что вы ей всѣ тѣ причины скажете, кои бы обязали ее на сіе согласиться, и увѣдомьте меня, какой въ мнотвореніи вашемъ успѣхъ будетъ“. Спустя 3 недѣль, 12 Іюня, Императрица опять писала Волконскому о княгинѣ: „Можете дать ей знать, что я, находя ее непреклонно возвратиться къ мужу ея въ домъ, то предаю ее законамъ, и въ семъ я, конечно, болѣе буду смотрѣть на справедливое исполненіе оныхъ, нежели чтобъ милосердіемъ не умѣстнымъ захотѣла потачку сдѣлать молодымъ людямъ въ развратномъ житіи; о чемъ вы не оставите ей дать выразумѣть, дабы она излишне не надѣялась на басни ея совѣтателей господъ Салтыковыхъ, которые сами весьма плохого поведенія, чего она уже почувствовала, ибо, вмѣсто Александра, она уже заплатила 9000 руб., кои онъ истратилъ изъ Академической суммы; Борпсъ же нигдѣ не уживается, а Алексѣй у меня въ крѣпости уже мѣсяцъ времени погостилъ“. („Осмнадцатый вѣкъ“, П. И. Бартенева, I). Упомянутые здѣсь Салтыковы были дѣти сенатора Михаила Михайловича Салтыкова, женатаго на баронессѣ Маріи Павловнѣ Шафировой. Впрочемъ, князь А. М. Бѣлосельскій тоже не пользовался безукоризненной репутаціей, по свидѣтельству Шевалье де-Корберона, онъ занутился совершенно въ своихъ денежныхъ дѣлахъ и въ Дрезденѣ надѣлалъ долговъ.

Князь Бѣлосельскій скончался скоропостижно отъ удара 28 Января 1776 г. въ Марселл, по пути на воды для лѣченія. Такъ какъ, по французскимъ законамъ, имущество иностранцевъ, умершихъ во Франціи, переходило къ королю, то мѣстныя власти хотѣли распорядиться по закону движимостью, оставшейся послѣ Бѣлосельскаго, но, благодаря вмѣшательству русскаго консула, завязалась перепска, окончившаяся черезъ 3 года отказомъ короля отъ наслѣдства и взысканіемъ 10% въ пользу дѣлопроизводителей. Въ Россіи долго считали Бѣлосельскаго безъ вѣсти пропавшимъ и, много лѣтъ спустя послѣ его смерти, еще продолжали являться разные проходимцы съ увѣреніями, что онъ живъ, и съ требованіями денегъ.

(Съ портрета Рослена, 1762 г.; собственность князя К. Э. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince **ANDRÉ MIKHAÏLOWITCH BÉLOSSELSKY**, 1740—1776, fils aîné du prince Michel Andréevitch Bélosselsky (1702—1755), vice-amiral, intime de la Tzarewna Catherine Ivanowna, duchesse de Mecklembourg, et de sa première femme, Akoulina Mikhaïlowna Boltine, fut enrôlé tout enfant à la Garde, et prit du service effectif en 1749 au régiment Préobragensky. Il était sous-lieutenant quand il fut, le 21 juillet 1752, envoyé à Londres „pour apprendre les affaires et la procédure diplomatiques“. En 1760, capitaine lieutenant de la Garde, il permuta colonel à l'Armée, et fut attaché à l'ambassade de Paris. Il fut nommé en 1766, ayant alors le titre de gentilhomme de la chambre, ministre à Londres, où il resta jusqu'à sa mort.

Le prince Bélosselsky épousa Anne Féodorowna Naoumoff (1740—1796). Cette union ne fut pas heureuse. Après avoir résidé avec son mari à Paris, où furent faits les deux portraits reproduits ici, et qui portent la signature: „Roslin Suedois à Paris 1762“, la jeune princesse le quitta pour toujours, se retira à Moscou, où était la grosse fortune qu'elle tenait de son père, et s'y fixa. Le prince, toutefois, ne voulut pas en prendre son parti, entreprit de lui faire reprendre la vie commune, et fit intervenir l'Impératrice. Catherine II écrivit le 23 mai 1773 au prince M. Wolkonsky, à Moscou: „Le chambellan prince Bélosselsky se plaint à moi de ce que sa femme, non seulement ne se rend pas à ses aimables instances de quitter Moscou pour aller le retrouver, mais a même laissé sa dernière lettre sans réponse: aussi me prie-t-il de la contraindre à l'obéissance commandée par la loi. Désirant les ramener au bon accord agréable à Dieu et ordonné par la loi, je vous charge de la mander près de vous et de tâcher de la persuader de se réconcilier avec son mari et d'aller le rejoindre. Vous pouvez lui dire qu'il me sera très agréable de la savoir réconciliée et vivant avec son mari. Faites-lui savoir en même temps qu'elle a dans l'espèce toutes les lois contre elle, et que je voudrais, non pas par leur rigueur, mais par la douceur, donner satisfaction à la juste plainte de son mari. J'espère d'ailleurs que vous lui donnerez toutes les raisons de nature à la décider, et informez-moi du succès de votre conciliation“. Trois semaines plus tard, le 12 juin, l'Impératrice écrivait encore à Wolkonsky: „Vous pouvez lui faire savoir que, devant son obstination à ne pas retourner chez son mari, je la livre aux lois, et qu'en ceci, naturellement, je tiens à leur juste exécution, plutôt que, par une indulgence mal entendue, de vouloir encourager ces jeunes gens dans leur vie de débauche. Ne manquez pas de le lui faire comprendre, afin qu'elle ne compte pas trop sur les histoires de ses conseillers les Saltykoff, qui sont eux-mêmes de fort mauvaise conduite, comme elle doit le savoir, car elle a déjà payé pour Alexandre les 9000 roubles qu'il a dilapidés sur les sommes de l'Académie; Boris ne reste nulle part, et Alexis vient de me faire un mois de forteresse“ (P. Barténeff, *Dix-huitième Siècle*, I). Les Saltykoff en question étaient les fils du sénateur Michel Mikhaïlowitch Saltykoff et de la baronne Marie Ivanowna, née Chapiroff. D'ailleurs le prince Bélosselsky n'était pas non plus d'une réputation irréprochable; ses affaires pécuniaires, à en croire le chevalier de Corberon, étaient dans un désarroi complet, et il était criblé de dettes à Dresde.

Le prince Bélosselsky mourut subitement d'une attaque le 28 janvier 1776 à Marseille, se rendant aux eaux. La loi française d'alors déclarant propriété royale les biens des étrangers décédés en France, les autorités locales prétendirent disposer en conséquence de la succession, et il fallut l'intervention du consul de Russie pour entamer des pourparlers qui durèrent trois ans: le Roi renonça à la succession, sur laquelle il fut prélevé seulement dix pour cent de droits. En Russie, on considéra longtemps le prince comme disparu, et, longtemps encore après sa mort, il y eut des aventuriers pour tenter d'extorquer de l'argent en prétendant qu'il était toujours vivant.

(D'après un original de Roslin, 1762, appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

Пис. Росленъ, 1762 — Peint par Roslin, 1762

*Князь Андрей Михайловичъ
Бѣлосельскій, 175-1776*

*Le L^{re} André Mikhaïlowitch
Bélosselsky, 175-1776*

Баронесса НАТАЛІЯ МИХАЙЛОВНА СТРОГАНОВА, 1743—1819, дочь князя Михаила Андреевича Бѣлосельскаго (р. 1 Ноября 1702 г., † 19 Января 1755 г.) отъ второй его супруги графини Наталіи Григорьевны Чернышевой (р. 5 Апрѣля 1711 г., † 1 Декабря 1760 г.), была въ замужствѣ за бригадиромъ барономъ Сергѣемъ Николаевичемъ Строгановымъ (р. 10 Апрѣля 1758 г., † 29 Августа 1777 г.), который въ первый разъ былъ женатъ на Прасковіи Григорьевнѣ Будаковой.

У баронессы Н. М. Строгановой былъ единственный сынъ, баронъ Александръ Сергѣевичъ, родившійся въ Сентябрѣ 1771 г. († 22 Сентября 1815 г.), по выраженію князя П. М. Долгорукаго, „несчастный человѣкъ, слѣпой“.... Въ „Книжцѣ моего сердца“ имѣется нѣсколько словъ о баронессѣ Строгановой, которая приходилась родной теткой автору.

Умерла баронесса Н. М. Строганова 5 Февраля 1819 г. и похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Императрица Елисавета Алексѣевна 8 Февраля 1819 г. писала своей матери, маркграфинѣ Баденской: „Il vient de mourir ces jours-ci une Baronne Stroganoff (née princesse Béloselsky) qui, veuve dès l'âge de 22 ans d'un mari qu'elle aimait beaucoup, ne vivait que pour un fils unique; jamais elle n'avait eu d'autres enfants que lui. Elle avait marié ce fils, il y a plusieurs années, mais sa femme et son enfant étaient morts au bout de peu de temps de mariage, lui-même tomba dans un état de santé déplorable et fut perclus et aveugle plusieurs années avant sa mort. Sa pauvre mère doit voir ses longues souffrances avant de le perdre; il mourut enfin, il y a une dizaine d'années, et elle resta seule au monde en apparence, mais tant aimée de toutes ses connaissances et de ses parents éloignés qu'elle se plaignait quelquefois d'avoir trop de monde autour d'elle. Naturellement tous ses vœux tendaient vers un autre monde où était tout ce qu'elle avait le mieux aimé dans celui-ci. Néanmoins elle était d'un calme, d'une sérénité qui ne laissait pas deviner à ceux dont elle n'en parlait pas, ce qui était l'objet constant de ses pensées. Elle l'a atteint enfin et a eu une mort douce et calme comme l'était sa vie. Elle est généralement regrettée de tous ceux qui la connaissaient, et quoique seule au monde en apparence, sa mort fait verser bien des larmes. Peut-être l'avez-vous connue à votre premier voyage en Russie, elle était sœur d'une princesse Béloselsky, qui était demoiselle d'honneur de ma Tante“.

(Съ портрета Греза; собственность князя К. Э. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, С.-Петербургъ.)

La baronne NATALIE MIKHAÏLOWNA STROGANOFF, 1743—1819, fille du prince Michel André-ewitch Bélosselsky (1er novembre 1702—19 janvier 1755) et de sa seconde femme Natalie Grigoriwna, née comtesse Tchernycheff (5 avril 1711—1er décembre 1760), épousa le baron Serge Nikolaewitch Stroganoff (10 avril 1738—29 août 1777), brigadier, marié en premières noces à Prascovie Grigoriwna Boudakoff.

Elle eut un fils unique Alexandre (septembre 1771—22 septembre 1815), au témoignage du prince I. Dolgorouky, „un infortuné, aveugle“.... Le Sanctuaire de mon Cœur dit quelques mots de la baronne Stroganoff, tante de l'auteur.

La baronne Stroganoff mourut le 5 février 1819, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

L'Impératrice Elisabeth Alexéwna écrivait le 8 février 1819 à sa mère, la margrave de Bade: „Il vient de mourir ces jours-ci une Bâronne Stroganoff (née princesse Béloselsky) qui, veuve dès l'âge de 22 ans d'un mari qu'elle aimait beaucoup, ne vivait que pour un fils unique; jamais elle n'avait eu d'autres enfants que lui. Elle avait marié ce fils, il y a plusieurs années, mais sa femme et son enfant étaient morts au bout de peu de temps de mariage, lui-même tomba dans un état de santé déplorable et fut perclus et aveugle plusieurs années avant sa mort. Sa pauvre mère doit voir ses longues souffrances avant de le perdre; il mourut enfin, il y a une dizaine d'années, et elle resta seule au monde en apparence, mais tant aimée de toutes ses connaissances et de ses parents éloignés qu'elle se plaignait quelquefois d'avoir trop de monde autour d'elle. Naturellement tous ses vœux tendaient vers un autre monde où était tout ce qu'elle avait le mieux aimé dans celui-ci. Néanmoins elle était d'un calme, d'une sérénité qui ne laissait pas deviner à ceux dont elle n'en parlait pas, ce qui était l'objet constant de ses pensées. Elle l'a atteint enfin et a eu une mort douce et calme comme l'était sa vie. Elle est généralement regrettée de tous ceux qui la connaissaient, et quoique seule au monde en apparence, sa mort fait verser bien des larmes. Peut-être l'avez-vous connue à votre premier voyage en Russie, elle était sœur d'une princesse Béloselsky, qui était demoiselle d'honneur de ma Tante“.

(D'après un original de Greuze, appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

Пис. Бенвенути

*Гнягиня Зинаида Александровна
Волконская, 1792-1862*

Peint par Pietro Benvenuti

*Le D^{esse} Zénaïde Alexandrowna
Wolkonsky, 1792-1862*

ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА ТОРСУКОВА, 1772—1842, родилась, по надписи на ея надмогильномъ памятникѣ, въ Ноябрь 1772 года. Отецъ ея, Василій Саввичъ Перекусихинъ (р. 1724 г., † 1788 г.), тайный совѣтникъ и сенаторъ, происходилъ изъ небогатыхъ и незнатныхъ дворянъ Рязанской губерніи. Кто была ея мать—неизвѣстно, но можно предполагать, что В. С. Перекусихинъ рано овдовѣлъ, и что въ воспитаніи его дочери принимала близкое участіе сестра его, Марія Саввишна Перекусихина, любимая камеръ-юнгфера и неразлучная наперсница Екатерины II. Черезъ это Екатерина Васильевна сдѣлалась извѣстна Императрицѣ Екатеринѣ II, которая чуть ли не была ея воспріемницею при крещеніи и при помолвкѣ юной Перекусихиной съ бригадиромъ Ардаліономъ Александровичемъ Торсуковымъ (р. 1754 г., † 1810 г.) щедро ее одарила. Свадьба Е. В. Перекусихиной съ Торсуковымъ состоялась, судя по рожденію ихъ дочери, вѣроятно, въ 1785 или въ 1786 году.

Масонъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ, что на г-жу Торсукову возложена была весьма интимная задача „обучать“ 16-лѣтняго Великаго Князя Александра Павловича передъ его бракосочетаніемъ въ 1793 году. Здѣсь, вѣроятно, не обошлось безъ келейныхъ услугъ преданной Маріи Саввишны, усилившей потомъ пристроить мужа своей племянницы ко двору молодой Великокняжеской четы. А. А. Торсуковъ былъ произведенъ въ майоры Семеновскаго полка, получилъ нѣсколько сотъ душъ въ Волынской губерніи и скоро сдѣлался однимъ изъ близкихъ лицъ при дворѣ Великаго Князя Александра Павловича; онъ умеръ въ чинѣ оберъ-гофмейстера.

Несмотря на придворное положеніе мужа, Екатерина Васильевна Торсукова не играла никакой замѣтной роли въ царствованіе Императора Александра I, хотя по характеру своему не чужда была мелкихъ закулисныхъ интригъ. По словамъ Д. Н. Свербеева, „она не походила на свою типичную тетюшку и была бы даже въ преклонныхъ годахъ совершенно другого пошиба, если бы Марія Саввишна не сдерживала ея постоянно своею житейскою мудростью. Въ ней прорывались часто выходки ея собственнаго характера, замѣчательно легкомысленнаго. Она, вѣроятно, кой-когда кокетничала, любила посплетничать, увлекаться обольщеніями и Двора, и знатности. Все, что было въ ней нравственнаго, умѣреннаго и серіознаго, все это держалось въ ней по чувству преданности къ своей благородной, благочестивой теткѣ“.

Екатерина Васильевна Торсукова, овдовѣвъ, жила съ единственной дочерью своей, Маріей Ардаліоновной, и ея мужемъ, П. А. Кикинымъ, въ домѣ старушки Перекусихиной, оставившей ей послѣ смерти, какъ утверждаетъ Карповичъ, довольно значительное состояніе. Сама она скончалась 15 Февраля 1842 года и „жила“, какъ высѣчено на памятникѣ ея, „69 лѣтъ, 3 мѣсяца“. Похоронена на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, недалеко отъ М. С. Перекусихиной и въ одной оградѣ съ отцомъ своимъ, Васи́ліемъ Саввичемъ, которому она поставила памятникъ съ надписью: „Сіе плачевное изданіе отъ дочери его, Катерины Васильевны, по супружеству Торсуковой“.

Подобный же прилагаемому портретъ Е. В. Торсуковой находится еще у И. А. Всеволожскаго, и, кромѣ того, у него же имѣется еще одинъ ея портретъ, въ болѣе молодыхъ годахъ.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность свѣтл. князя П. Д. Волконскаго, въ С.-Петербургѣ.)

CATHERINE VASSILIEWNA TORSOUKOFF, 1772—1842, naquit, autant qu'on peut inférer de son épitaphe, en novembre 1772. Son père, Basile Savvitch Pérékoussikhine (1724—1788), conseiller privé et sénateur, était d'une famille de petite noblesse et sans fortune du gouvernement de Riazan. On ne sait qui était sa mère, mais il est permis de supposer qu'elle la perdit de bonne heure, et qu'elle fut élevée par les soins d'une sœur de son père, Marie Pérékoussikhine, femme de chambre préférée et confidente inséparable de Catherine II. C'est ainsi qu'elle fut connue de l'Impératrice, qui fut presque sa marraine et qui, à ses fiançailles avec le brigadier Ardaillon Alexandrowitch Torsoukoff (1754—1810), lui fit de riches cadeaux. Le mariage dut avoir lieu, à juger par la naissance d'une fille, en 1785 ou 1786.

Masson rapporte dans ses Mémoires que Mme Torsoukoff reçut la mission d'ordre intime d'initier le Grand-Duc Alexandre Pavlowitch, âgé de 16 ans, à la veille de son mariage en 1793. On est tenté de soupçonner ici l'ingérence clandestine de la toute dévouée Marie Pérékoussikhine, qui réussit plus tard à caser le mari de sa nièce à la Cour du jeune couple Grand-Ducal. Promu major au régiment Sémenowsky, il reçut quelques centaines de têtes de paysans en Volhynie, et devint bientôt un des intimes de la Jeune Cour; il mourut grand maître de la Cour.

Malgré la situation de son mari à la Cour, Mme Torsoukoff n'eut aucun rôle marquant sous Alexandre Ier, en dépit de son goût assez prononcé pour les petites intrigues sous main. „Ce n'était pas un type, comme sa tante“, dit Sverbéeff: „c'est celle-ci, entendue comme elle l'était aux choses de la vie, qui la brida constamment et la fit ce qu'elle n'eût jamais été toute seule, même à un âge avancé. Elle avait souvent des sorties où se trahissait son naturel, d'une étourderie singulière. Elle avait dû à l'occasion faire la coquette; elle aimait les commérages, les entraînements de la Cour et du monde. Tout ce qu'il y avait en elle de morale, de retenue, de sérieux, ne se maintenait que par considération pour la digne et pieuse tante“.

Devenue veuve, Mme Torsoukoff se retira avec sa fille unique Marie et son gendre Kikine chez sa tante, qui lui laissa en mourant, assure Karnowitch, une fortune assez considérable. Elle-même mourut le 15 février 1842, âgée, dit son épitaphe, de „69 ans et 5 mois“. Elle fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky, non loin de sa tante, et dans la même enceinte que son père, auquel elle avait élevé un monument portant l'inscription: „Témoignage de la douleur de sa fille, Catherine Vassiliowna, femme Torsoukoff“.

Il y a chez I. Vsévoljsky deux autres portraits de Mme Torsoukoff, un semblable à celui qui est reproduit ici, et un autre où elle est représentée plus jeune.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant au prince sérénissime P. Wolkonsky, St-Pétersbourg.)

*Portrait of a woman
Dresden, 1772*

*Catharina Elisabeth
Förstberg, 1772*

Пис. Боровиковскій

Екатерина Васильевна
Торсукова, 1772-1842

Peint par Borovikowsky

Catherine Vassiliwna
Torsoukoff, 1772-1842

АРДАЛИОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ТОРСУКОВЪ, 1754—1810, сынъ генераль-майора Александра Лукича Торсукова, родился 8 Октября 1754 г.; началъ службу въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку въ 1769 г. унтеръ-офицеромъ, въ 1773 г. былъ произведенъ въ прапорщики въ 4-мъ гренадерскомъ полку, въ 1775 г. назначенъ квартирмейстеромъ, а въ 1779 г., 7 Июня, — адъютантомъ къ М. Θ. Каменскому. Въ 1773 и 1774 гг. Торсуковъ участвовалъ въ Турецкой кампаніи и былъ въ сраженіи подъ Рущукомъ и при взятіи Туртукая. Въ 1786 г., будучи секундъ-майоромъ Нарвскаго пѣхотнаго полка, переведенъ былъ капитанъ-поручикомъ въ Преображенскій полкъ; въ концѣ того же года Торсуковъ женился на Екатеринѣ Васильевнѣ Перекусихиной, племянницѣ извѣстной камеръ-юнгферы Императрицы Екатерины II Марьи Саввишны и единственной дочери сенатора Василія Саввича Перекусихиныхъ; бракъ этотъ состоялся съ вѣдома и одобренія Императрицы, которая щедро одарила невѣсту, жившую при дворѣ: она получила фрейлинское приданое. Женильба, конечно, много содѣйствовала служебной карьерѣ Торсукова; въ 1791 г. онъ изъ Преображенскаго полка былъ выпущенъ въ армию полковникомъ; уже въ чинѣ бригадира (съ 10 Мая 1793 г.), онъ состоялъ при Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ, занимаясь съ нимъ по фронтовой части; 3 Февраля 1796 г., при окончаніи Великимъ Княземъ образованія и воспитанія, всѣ состоявшіе при немъ лица были награждены Императрицею, при чемъ А. А. Торсуковъ получилъ въ вѣчное и потомственное владѣніе 628 душъ въ Волынской губерніи, а раньше, при бракосочетаніи Великаго Князя Александра Павловича, — пенсію въ 2000 руб. и одновременно 5000 руб.; тогда же онъ былъ переведенъ, съ чиномъ гвардіи майора, въ Семеновскій полкъ, съ назначеніемъ его командиромъ (шефомъ полка въ это время былъ Великій Князь Александръ Павловичъ); 28 Июня того же 1796 г. онъ произведенъ былъ въ генераль-майоры и вскоре уволенъ отъ командованія полкомъ.

Императоръ Павелъ 3 Декабря 1796 г. пожаловалъ Торсукова въ шталмейстеры и далъ ему (5 Мая 1799 г.) орденъ св. Анны 1-й ст., а Императоръ Александръ I, 15 Сентября 1801 г., назначилъ его оберъ-гофмейстеромъ и вскоре затѣмъ (10 Ноября) — главноначальствующимъ Гофъ-Интендантскою конторою; 1 Января 1804 г. онъ получилъ звѣзду св. Александра Невскаго. Вообще А. А. Торсуковъ пользовался расположеніемъ Александра Павловича, но особенно близокъ былъ онъ къ его супругѣ, Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, которая дарила его особеннымъ довѣріемъ, что, очевидно, онъ сумѣлъ заслужить своей при ней службой въ теченіе многихъ лѣтъ. Незадолго до смерти Торсукова, Императрица въ одномъ изъ своихъ писемъ (5 Марта 1810 г.) къ матери, маркграфинѣ Баденской Амаліи, помѣщаетъ о немъ слѣдующія сердечныя слова: „Mr. Torsoukoff — mon fidele, mais triste chevalier dans toutes les occasions“.

Кромѣ своей придворной службы, Торсуковъ ничѣмъ не извѣстенъ; онъ умеръ 20 Сентября 1810 г. и погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; тамъ же погребена и жена его, на много его пережившая и скончавшаяся 15 Февраля 1842 года.

Единственная дочь Торсуковыхъ, Марія Ардалионовна, была замужемъ за Петромъ Андреевичемъ Кикинымъ, впоследствии сенаторомъ и статсъ-секретаремъ. Сестра А. А. Торсукова, Екатерина Александровна (р. 1755 г., † 1842 г.), была замужемъ за генераль-провіантмейстеромъ и членомъ Военной Коллегіи, а затѣмъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ Петромъ Ивановичемъ Новосильцовымъ († 1805 г.).

У И. А. Всеволожскаго имѣется еще превосходный портретъ А. А. Торсукова, въ придворномъ мундирѣ, съ Александровской лентой, кисти Лоренса.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность И. А. Всеволожскаго, въ С.-Петербургѣ.)

ARDAILLON ALEXANDROWITCH TORSOUKOFF, 1754—1810, fils du général major Alexandre Loukitch Torsoukoff, naquit le 8 octobre 1754. Il débuta au service en 1769 sous-officier au régiment d'infanterie de Tchernigoff, passa en 1773 porte-enseigne au 4e régiment de grenadiers, puis fut nommé, en 1775, quartier-maître, et le 7 juin 1779 aide de camp de M. Kamensky. Il fit en 1773 et 1774 la campagne de Turquie, et se trouva à la bataille de Rouchtchouk et à la prise de Tourtoukaï. En 1786, second major au régiment d'infanterie de Narva, il passa capitaine lieutenant au régiment Préobrajensky. Il épousa à la fin de la même année la fille unique Catherine du sénateur Basile Pérékoussikhine, nièce de Marie Pérékoussikhine, la fameuse femme de chambre de Catherine II. La fiancée vivait à la Cour, et fut mariée au su et avec l'agrément de l'Impératrice, qui lui fit de riches présents et lui donna un trousseau de demoiselle d'honneur. Cette union fut naturellement d'un grand appoint pour la carrière de Torsoukoff. Du régiment Préobrajensky, il permuta en 1791 colonel à l'Armée, et, simple brigadier (depuis le 10 mai 1793), fut attaché à la personne du Grand-Duc Constantin, avec lequel il faisait le service de manœuvres. Le 3 février 1796, le Grand-Duc ayant achevé son éducation et son instruction, l'Impératrice récompensa toutes les personnes de son service, et Torsoukoff reçut à cette occasion à titre perpétuel et héréditaire 628 têtes de paysans en Volhynie. Il avait déjà obtenu, lors du mariage du Grand-Duc Alexandre, une pension de 2000 roubles et une gratification de 5000 roubles, et avait passé, avec le grade de major de la Garde, commandant du régiment Sémenowsky, dont le chef était à cette époque le Grand-Duc Alexandre. Promu général major le 28 juin 1796, il fut peu après relevé de son commandement.

L'Empereur Paul fit Torsoukoff écuyer le 3 décembre 1796 et lui conféra le 5 mai 1799 Ste-Anne de 1re classe. Alexandre Ier, en 1801, le nomma le 15 septembre grand maître de la Cour, et le 10 novembre directeur général de l'Intendance de la Cour, puis, le 1er janvier 1804, lui conféra l'étoile de St-Alexandre Newsky. Il jouissait non seulement de la faveur du monarque, mais encore et surtout de la bienveillance de sa femme l'Impératrice Elisabeth, qui lui témoignait une confiance particulière, bien méritée, sans doute, par ses nombreuses années de service auprès d'elle. Peu avant la mort de Torsoukoff, l'Impératrice lui donne, dans une lettre à sa mère, la margrave Amélie de Bade, le 5 mars 1810, un cordial souvenir: „Mr. Torsoukoff, mon fidèle, mais triste chevalier dans toutes les occasions“.

A part son service de Cour, Torsoukoff n'est connu par rien de saillant. Il mourut le 20 septembre 1810, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, au cimetière St-Lazare, ainsi que sa femme, qui lui survécut de longues années et mourut le 15 février 1842.

Leur fille unique Marie épousa Pierre Andréewitch Kikine, dans la suite sénateur et secrétaire d'état. Torsoukoff avait une sœur Catherine (1755—1842), mariée à Pierre Ivanowitch Novossiltzoff († 1805), commissaire général aux vivres et membre du Collège Militaire, plus tard conseiller privé actuel et sénateur.

Il existe encore chez I. Vsévoljsky un magnifique portrait de Torsoukoff, en tenue de Cour avec le cordon de St-Alexandre Newsky, dû au pinceau de Lawrence.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à I. Vsévoljsky, St-Pétersbourg.)

Пис. Боровиковский

*Ардалионъ Александровичъ
Торсуковъ, 1754-1810*

Peint par Borovikowsky

*Ardalion Alexandrowitch
Torsoukoff, 1754-1810*

МАРІЯ АРДАЛІОНОВНА КИКИНА, 1787—182., дочь оберъ-гофмейстера Ардаліона Александровича Торсукова (р. 1754 г., † 1810 г.), отъ брака его съ Екатериной Васильевной Перекусихиной (р. 1772 г., † 1842 г.), родилась въ Октябрѣ или въ началѣ Ноября 1787 г., если только къ ней относится приведенный въ дневникъ Храповицкаго (4 Ноября 1787 г.) вопросъ, заданный ему Императрицей Екатериной: „Можно ли крестить внучку Маріи Саввишны Перекусихиной, когда крестилъ (въ 1772 г.) мать новорожденной!“

Въ дѣтствѣ М. А. Кикина часто жила во дворцѣ у М. С. Перекусихиной, приходившейся ей двоюродной бабкой и, какъ говоритъ въ своихъ запискахъ Д. Н. Свербеевъ, „съ малыхъ лѣтъ внушавшей ей не добиваться придворныхъ отличій“. „Марія Ардаліоновна Кикина“, продолжаетъ онъ, „дочь Екатерининскаго оберъ-гофмейстера и богатая наслѣдница его имѣній, не имѣла шифра. Она усвоила себѣ всѣ прекрасныя качества бабушки“. Лучшей чертой ея характера являлась „благородная независимость отъ мишурныхъ увлеченій Двора и великосвѣтскаго общества, которая проявлялась даже въ своеобразномъ ея туалетѣ, никогда не подчинявшемся модѣ, но всегда приличномъ и даже изящномъ“.

Выйдя замужъ за Петра Андреевича Кикина (р. 1775 г., † 1834 г.), внослѣдствіи дежурнаго генерала первой арміи противъ Наполеона, сенатора и статсъ-секретаря, Марія Ардаліоновна Кикина проживала съ мужемъ и матерью у М. С. Перекусихиной въ ея домѣ, въ концѣ Англійской набережной. При нелюбви мужа къ свѣтскимъ и знатымъ знакомствамъ, М. А. Кикина мало бывала въ обществѣ и, сама не имѣя фрейлинскаго вензеля до замужства, отказалась отъ него для своей дочери, Маріи Петровны (р. 1 Октября 1816 г., † 6 Октября 1856 г.), получившей шифръ уже послѣ смерти родителей, при выходѣ своемъ (въ 1840 г.) замужъ за свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Петровича Волконскаго (р. 26 Апрѣля 1805 г., † 26 Апрѣля 1859 г.).

По словамъ того же Свербеева, М. А. Кикина „была очень умна, мила, образована, чрезвычайно оригинальна и ничѣмъ не походила на всѣхъ московскихъ и даже петербургскихъ барынь. Все мнѣ въ ней особенно нравилось: ея рѣчь, ея независимый образъ мыслей, ея туалетъ, который отличался какимъ-то изящнымъ удобствомъ и практичностью. Добрая и ласковая, она заставляла меня бывать у нихъ часто. Въ ней было много серьезнаго и ни капли педантизма. Мало встрѣчалъ я женщинъ, которыхъ бы такъ искренно и глубоко уважалъ!“

М. А. Кикина умерла въ концѣ двадцатыхъ годовъ, въ своемъ Рязанскомъ имѣніи, и похоронена въ одномъ изъ Рязанскихъ монастырей.

Въ собраніи И. А. Всеволожскаго имѣется еще портретъ М. А. Кикиной кисти Лоренса, у свѣтлѣйшаго князя П. Д. Волконскаго — ея же акварельный портретъ работы П. Соколова, 1821 года, и у князя Н. В. Репнина — также акварельный — Васплевскаго.

(Съ портрета Куртейля, 1811 г.; собственность И. А. Всеволожскаго, С.-Петербургъ.)

MARIE ARDALIONOWNA KIKINE, 1787—182., fille du grand maître de la Cour Ardaillon Alexandrowitch Torsoukoff (1754—1810) et de Catherine Vassiliewna, née Pérékoussikhine (1772—1842), naquit en octobre ou au commencement de novembre 1787, si toutefois c'est d'elle qu'il s'agit dans la question posée par Catherine II à Khrapovitzky et rapportée par celui-ci dans son Journal en date du 4 novembre 1787: „Peut-on baptiser la petite-nièce de Marie Pérékoussikhine, quand on a déjà baptisé“ (en 1772) „la mère de la nouveau-née?“

Etant enfant, elle fit de fréquents séjours au Palais chez cette grand'tante, qui s'efforça, dit Sverbéeff dans ses Mémoires, „de lui inspirer dès l'enfance le détachement des distinctions de Cour“. „Fille du grand maître de la Cour de Catherine“, dit-il encore, „et héritière de sa belle fortune, elle n'avait pas le chiffre de demoiselle d'honneur. Elle avait acquis toutes les brillantes qualités de sa grand'tante“. Son plus beau trait de caractère était „une noble indifférence pour tout le clinquant des entraînements de la Cour et du grand monde, et elle l'étendait même à sa toilette, peu préoccupée de la mode, mais toujours convenable et même élégante“.

Après son mariage avec Pierre Andréewitch Kikine (1775—1834), plus tard général de service à la première armée d'opérations contre Napoléon, sénateur et secrétaire d'état, elle se fixa avec son mari et sa mère chez sa grand'tante, à l'extrémité du Quai Anglais. Son mari ne tenait guère aux relations mondaines, et, par suite, elle alla peu dans la société; elle-même n'avait pas eu avant son mariage le chiffre de demoiselle d'honneur, et le refusa pour sa fille Marie (1er octobre 1816—6 octobre 1856), qui ne l'obtint qu'après la mort de ses parents, quand elle épousa, en 1840, le prince sérénissime Dmitri Pétrowitch Wolkonsky (26 avril 1805—26 avril 1859).

Au témoignage du même Sverbéeff, Mme Kikine „était une femme de grand esprit, charmante, instruite, extrêmement originale et ne ressemblant en rien aux dames de Moscou et même de Pétersbourg. Tout en elle avait pour moi un charme particulier: sa parole, son tour d'esprit dégagé, sa toilette à la fois élégante et pratique. Bonne et aimable, elle m'invitait souvent. Elle avait une bonne dose de sérieux sans rien de pédant. Je n'ai guère vu de femmes qui m'aient inspiré une considération si sincère et si profonde!“

Mme Kikine mourut peu avant 1830 dans sa propriété du gouvernement de Riazan, et fut inhumée dans un des monastères de cette ville.

Il y a encore d'elle dans la collection de I. Vsévoljsky un portrait par Lawrence, dans celle du prince sérénissime P. Wolkonsky une aquarelle de Sokoloff (1821), et dans celle du prince N. Repnine une autre aquarelle de Vassiliewsky.

(D'après un original de Courteuil, 1811, appartenant à I. Vsévoljsky, St-Pétersbourg.)

Пис. Де-Нуртейль, 1811

*Марія Ардалионовна
Рикина, 1787-183.*

Peint par De Courteille, 1811

*Marie Ardalionowna
Rikine, 1787-183.*

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ КИКИНЪ, 1775—1834, родился 27 Декабря 1775 года въ городѣ Алатырь, Симбирской губ., и при крещеніи получилъ имя Варфоломея, которое впослѣдствіи перемѣнилъ на имя Петра. Отецъ его—секундъ-майоръ Андрей Ивановичъ (р. 1747 г., † 1790 г.), отъ брака съ Маріей Ѳедоровной Ермоловой имѣлъ 12 человѣкъ дѣтей. Кикинъ получилъ образованіе въ Москвѣ, сначала въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, затѣмъ въ университетскомъ; наконецъ, въ университетѣ, по выходѣ изъ котораго поступилъ на службу въ Семеновскій полкъ, куда былъ записанъ еще ребенкомъ. Въ 1802 году Императоръ Александръ I пожаловалъ его во флигель-адъютанты; Кикинъ состоялъ при генералахъ Михельсонѣ, Мейендорфѣ, князѣ Прозоровскомъ и при особѣ Государя. По отзывамъ современниковъ, онъ считался острякомъ, галломаномъ и моднымъ свѣтскимъ человѣкомъ. Однако, знакомство съ А. С. Шишковымъ и кружкомъ послѣдняго скоро и круто измѣнило его. Онъ до того увлекся „Разсужденіемъ о старомъ и новомъ слоgѣ“ Шишкова, что написалъ на этомъ сочиненіи „Мои Evangelie“, вступилъ въ „Бесѣду любителей русскаго слова“ и скоро сталъ однимъ изъ горячихъ и рѣзкихъ славянофиловъ. Въ періодъ Отечественной войны онъ былъ сначала дежурнымъ штабъ-офицеромъ при начальникѣ Главнаго штаба, а затѣмъ дежурнымъ генераломъ обѣихъ армій и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ, гдѣ былъ раненъ въ глазъ, подъ Краснымъ, а также въ походѣ 1814 года. По возвращеніи изъ Парижа онъ вышелъ въ отставку, произведенный передъ тѣмъ въ бригадные генералы. Свои патріотическія чувства П. А. Кикинъ запечатлѣлъ въ извѣстномъ письмѣ къ Шишкову, гдѣ онъ первый подаль мысль о сооруженіи въ память Отечественной войны храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Въ Январѣ 1816 г., по желанію Государя, онъ вновь поступилъ на службу и былъ назначенъ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній и членомъ Комиссіи прошеній, съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ то время въ канцеляріи Кикина служилъ Д. Н. Свербеевъ, оставившій о своемъ начальникѣ и покровителѣ много воспоминаній. Вотъ что между прочимъ сообщаетъ онъ о Кикинѣ: „Русскую юриспруденцію, все наше судопроизводство, всю переписку, къ нему относящуюся, или такъ называемое дѣлопроизводство, — все это онъ почиталъ какими-то элевинскими таинствами, профанамъ недоступными. Чѣмъ туманише и запутанише бывала какая-нибудь бумага, тѣмъ казалась она ему дѣльнѣе“... При всемъ томъ, по отзыву современниковъ, Петръ Андреевичъ былъ честнымъ, благороднымъ и прямымъ слугою Государя и, кромѣ того, человѣкъ, подъ грубыми и непривлекательными формами котораго билось доброе сердце, которому, какъ онъ выразился въ одномъ изъ писемъ, „всегда старался подчинять свою голову и на немъ единственно основывать все блаженство жизни“; въ своихъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ онъ былъ рѣшительный, но убѣжденный и настойчивый искатель правоты. Изъ общественной дѣятельности Кикина необходимо отмѣтить слѣдующее: основаніе имъ въ 1820 г., вмѣстѣ съ княземъ И. А. Гагаринымъ и И. Д. Мамоновымъ, Общества поощренія художникамъ, на которое онъ положилъ много труда и энергіи, какъ казначей и меценатъ (между прочимъ извѣстно его особое покровительство братьямъ Брюловымъ); участіе въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, гдѣ онъ состоялъ предсѣдателемъ одного изъ отдѣленій; участіе въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства. Какъ сельскій хозяинъ, Кикинъ оставилъ по себѣ память нѣсколькими статьями и опытами особаго способа дубленія овчинъ и пронагандой Муравьевскаго способа кошенія колосовыхъ хлѣбовъ—косою съ лапкою, вмѣсто жнитва. Сельско-хозяйственными занятіямъ Кикинъ предавался въ особенности по выходѣ, съ званіемъ сенатора, въ отставку въ 1826 г., поселившись въ своемъ имѣніи, въ Рязкомъ уѣздѣ, гдѣ онъ много сдѣлалъ для улучшенія быта своихъ крестьянъ. П. А. Кикинъ скончался 18 Мая 1834 г. и похороненъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

П. А. Кикинъ былъ женатъ на Маріи Ардалионовнѣ Торсуковой; отъ этого брака онъ имѣлъ двухъ дочерей: одну, скончавшуюся младенцемъ въ 1818 г. (въ литературѣ извѣстна любопытная судьба книги Е. И. Станевича, написанной по поводу этой смерти, подъ заглавіемъ: „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души“), и другую—Марію Петровну (р. 1816 г., † 1854 г.), въ замужствѣ за княземъ Д. П. Волконскимъ.

(Съ портрета К. Брюллова; Третьяковская галлерей, въ Москвѣ.)

PIERRE ANDRÉEWITCH KIKINE, 1775 — 1854, naquit le 27 décembre 1775 à Alaty, gouvernement de Simbirsk, et reçut au baptême le nom de Barthélemy, qu'il changea plus tard en celui de Pierre. Un des douze enfants du second major André Ivanowitch Kikine (1747 — 1790) et de Marie Féodorowna, née Ermoloff, il fit ses études à Moscou, d'abord dans une pension privée, puis à celle de l'université, et enfin à l'université, à sa sortie de laquelle il prit du service au régiment Sémenowsky, où il avait été enrôlé tout enfant. En 1802, l'Empereur Alexandre Ier le fit aide de camp de Sa Majesté; il fut attaché aux généraux Michelson, Meyendorf, prince Prozorowsky et à la personne de l'Empereur. Les contemporains le représentent comme bel esprit, gallomane et fashionable. Pourtant la connaissance qu'il fit de Chichkoff et de son cercle opéra bientôt en lui un changement radical; la dissertation de l'écrivain Sur l'ancien et le nouveau style produisit sur lui une telle impression, qu'il inscrivit sur le livre: „Mon Evangile“, entra à la „Conférence des Amis de la parole russe“ et devint bientôt un des slavophiles les plus ardents et les plus résolus. Lors de la Guerre Patriotique, il fut d'abord officier d'état-major de service au grand Etat-major, puis général de service des deux armées, et prit part aux combats livrés sous Smolensk, où il fut blessé à l'œil à Krasnoïé. Il fit ensuite la campagne de 1814, puis, au retour de Paris, prit sa retraite après avoir été promu général de brigade. Il consigna ses sentiments patriotiques dans une lettre à Chichkoff, où il donna le premier l'idée de l'érection en mémoire de la Guerre Patriotique d'une église du St-Sauveur à Moscou. Rentré au service en janvier 1816 sur l'invitation de l'Empereur, il fut nommé secrétaire d'état au bureau des requêtes et membre de la commission des requêtes; il permutait en même temps conseiller d'état actuel. Il avait alors à sa chancellerie D. Sverbéeff, qui laissa sur son chef et protecteur d'abondants souvenirs: „La jurisprudence russe“, y est-il dit par exemple, „toute notre procédure, toutes les écritures qu'elle comporte, ce qu'on appelle expédition, tout cela lui faisait l'effet de mystères d'Eleusis inaccessibles aux profanes. Plus une pièce était obscure et embrouillée, plus elle lui paraissait bien faite“... Les contemporains représentent d'ailleurs Kikine comme un honnête, noble et loyal serviteur de son Souverain, cachant de plus sous des formes grossières et peu captivantes un excellent cœur, auquel „il avait soin“, dit-il lui-même dans une lettre, „de subordonner toujours sa tête et de rapporter exclusivement tout le bien de la vie“. Ses actes comme ses jugements attestent un culte résolu, convaincu et opiniâtre de la justice. De son œuvre sociale retenons ce qui suit: il fonda en 1820 avec le prince I. Gagarine et I. Mamonoff la Société d'Encouragement des Artistes, où il déploya beaucoup de zèle et d'énergie comme trésorier et mécène (on sait par exemple comme il protégea les frères Brulloff); il fut aussi président d'une des sections de la Société Economique Libre et membre de la Société Impériale d'Agriculture de Moscou. Comme chef d'exploitation rurale, il a laissé des articles et des expériences sur un procédé spécial de tannage, et propagea le procédé de fauchage innové par Mouraviéff pour les grains en remplaçant la faucille par la faux à galerie. La culture fut sa grande occupation à partir de sa mise à la retraite comme sénateur en 1826: il se retira alors dans sa propriété du district de Riajsk, où il fit beaucoup pour l'amélioration du sort de ses paysans. Il mourut le 18 mai 1854, et fut inhumé au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky.

Kikine avait épousé Marie Ardalionowna Torsoukoff, dont il eut deux filles: l'une mourut enfant en 1818, et c'est à l'occasion de cette mort que fut publié l'ouvrage de Stanewitch Entretien au tombeau d'un enfant sur l'immortalité de l'âme, dont on connaît en littérature la singulière fortune; l'autre, Marie (1816 — 1854), épousa le prince D. Wolkonsky.

(D'après l'original de Ch. Brulloff, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

Пис. Н. Брюлловъ

Peint par Ch. Brulloff

*Петръ Андреевичъ
Хикинъ, 1775-1834*

*Pierre Andréewitch
Hikine, 1775-1834*

Княгиня ЕЛИЗАВЕТА БОРИСОВНА ШАХОВСКАЯ, 1773—1796, единственная дочь генерал-лейтенанта князя Бориса Григорьевича Шаховского († 1813 г.) от брака с баронессой Варварой Александровной Строгановой, родилась 29 Ноября 1773 года. Долго проживая с матерью за границей, она была выдана ею замужъ въ Парижъ 4 Февраля 1792 года за знатнаго бельгійца, вдовца, принца д'Аренберга (р. 20 Февраля 1757 г., † 2 Апрѣля 1795 г., въ Римѣ), принимавшаго дѣятельное участіе въ Нидерландской революціи. Узнавъ объ этомъ изъ „иностранный почты“, Екатерина II отнеслась къ этому браку съ безпощадной строгостью. По свидѣтельству дневника Храповицкаго, Императрица сказала: „Je veux agir avec vigueur dans un pareil cas“, и приказала Храповицкому „переписать“ такую записку въ „Совѣтъ“, „чтобы Аренберга въ Россію не впускать, какъ участника въ двухъ бунтахъ, французскомъ и брабантскомъ; но объ княгини (находившіяся уже на пути въ Россію) вернуться могутъ“. Въ дневникѣ своемъ подъ 29 Марта 1792 г. А. В. Храповицкій передаетъ и смыслъ этой записки, составленной, вѣроятно, самой Екатериной: „Здравая политика запрещаетъ, чтобы иноземцы владѣли крестьянами, господствующую въру исповѣдующими. При бракѣ дворянскихъ дочерей съ иностранными надлежитъ наблюдать, дабы, по закону, при Петрѣ I изданному, дѣти крещены были въ нашу въру, а иначе родится со временемъ разномысліе между владѣтелей и подданныхъ. Принцу Аренбергу не владѣть никогда крестьянами княгини Шаховской; ихъ до 13.000 душъ въ Пермѣ; по его развратности, отъ чего Боже сохрани, можетъ выйти бѣда“. Княгиня-мать была страшно поражена гнѣвомъ Императрицы, что сильно отозвалось на ея здоровьѣ—ее постигъ ударъ, лишившій ее ногъ.

Бракъ княжны Елизаветы Борисовны съ принцемъ д'Аренбергомъ, отъ котораго она имѣла уже дочь Екатерину (р. 1 Декабря 1792 г., † 1794 г.), былъ расторгнутъ Синодомъ (указъ Императрицы архіепископу Гавріилу 23 Декабря 1794 г.). Послѣ возвращенія въ Россію, въ 1795 г. она влюбилась въ однофамильца своего, камеръ-юнкера, позднѣе дѣйствительнаго камергера, князя Петра Федоровича Шаховскаго (р. 17 Марта 1773 г., † 21 Декабря 1841 г.) и, противъ воли матери, уѣхала съ нимъ въ его Вяземскую деревню и тамъ обвѣнчалась. „На долго ли сіе, не знаю“, пишетъ Бантышъ-Каменскій князю А. Б. Куракину, „новобрачный сильно кашляетъ, знаки давно примѣчены—у него чахотка. Какъ быть? Хоть на часъ, да вскачь!“ Князь Петръ Федоровичъ прожилъ, однако, еще почти полстолѣтіе, молодая же княгиня Е. Б. Шаховская скончалась въ слѣдующемъ году, 2 Октября 1796 года, всего 23 лѣтъ отъ роду. Графъ Е. О. Комаровскій, сумѣвшій за границей снискать расположеніе больной княгини В. А. Шаховской и исполнявшій въ Россіи разныя ея порученія, прожилъ какъ разъ предшествующее лѣто на Строгановской дачѣ княгини Шаховской, гдѣ была также и ея дочь; въ своихъ запискахъ онъ говоритъ: „Я не стану описывать причину плачевнаго конца жизни княгини Елизаветы Борисовны, а скажу только то, что извѣстно было всѣмъ, что она отравила себя ядомъ; сіе происшествіе, особливо въ лучшемъ обществѣ столь необыкновенное, произвело много шума и различныхъ толковъ“. Толки эти прекратились только тогда, когда случилось такое крупное событіе, какъ кончина Екатерины II. Массонъ пишетъ, впрочемъ, что причиной смерти 23-лѣтней княгини Е. Б. Шаховской была „несчастливая любовь къ нѣкому гвардейскому офицеру Комассовскому“ (? , самъ Комаровскій, можетъ-быть?). Поэтическая личность безвременно погибшей красавицы княгини уже окружена легендой, повѣствующей, что влюбленный въ жену князь Аренбергъ († 1795 г.) пробрался въ Россію и явился къ княгинѣ, ставшей женой другого, въ видѣ садовника въ паркѣ, на дачѣ княгини-матери. Жена узнала его и въ результатѣ—двойное самоубійство...

Княгиня Елизавета Борисовна Шаховская оставила лишь одну дочь Варвару, бывшую въ первомъ бракѣ за графомъ П. А. Шуваловымъ, во второмъ—за графомъ А. А. Полье, швейцарскимъ уроженцемъ, и въ третьемъ—за Неаполитанскимъ посланникомъ въ Петербургѣ Вильдингомъ княземъ Бутера и Радали. По странной прони судьбы наслѣдница огромнаго Строгановскаго состоянія, перехода коего къ иностранцамъ такъ опасалась Екатерина II, была послѣдовательно замужемъ за двумя иностранцами.

Въ настоящемъ томѣ изданія „Русскіе портреты“ (№ 88) имѣется еще изображеніе княгини Е. В. Шаховской съ миниатюры работы Эдуарда Стройли.

(Съ портрета Монье; собственность графини Е. В. Шуваловой, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse ÉLISABETH BORISSOWNA SCHAKHOWSKOÏ, 1773—1796, fille unique du prince Boris Grigoriewitch Schakhowskoï († 1813), général lieutenant, et de Varvara Alexandrowna, née baronne Stroganoff, naquit le 29 novembre 1773. Dans un long séjour qu'elle fit à l'étranger avec sa mère, celle-ci la maria à Paris le 4 février 1792 à un noble belge, veuf, le prince d'Aremberg (né 20 février 1757, mort à Rome 2 avril 1795), qui avait joué un rôle actif dans la Révolution des Pays-Bas. A cette nouvelle, reçue par la „poste de l'étranger“, Catherine II s'éleva contre le mariage avec la dernière rigueur. Au témoignage du Journal de Khrapovitzky, „Je veux“, dit-elle, „agir avec vigueur dans un pareil cas“, et elle prescrivit à Khrapovitzky de donner au Conseil l'ordre suivant: „Interdire l'entrée de la Russie à Aremberg, comme complice de deux insurrections, celle de France et celle de Brabant; mais laisser revenir les deux princesses“ (alors en route pour la Russie). Le Journal de Khrapovitzky explique encore, à la date du 29 mars 1792, l'esprit de cette résolution, probablement rédigée par Catherine elle-même: „La saine politique ne permet pas que des dissidents possèdent des paysans professant la foi dominante. Lors du mariage de filles de nobles avec des étrangers, il convient de veiller à ce que, conformément à la loi promulguée sous Pierre Ier, les enfants soient baptisés dans notre foi, sans quoi il naîtrait avec le temps une divergence de croyances entre possesseurs et vassaux. Le prince d'Aremberg n'aura jamais les paysans de la princesse Schakhowskoï; il y en a 15.000 à Perm: corrompu comme il l'est, Dieu nous préserve! les choses pourraient mal tourner“. La mère de la princesse fut à tel point bouleversée par le courroux de l'Impératrice, que sa santé eut fort à en souffrir: une attaque de paralysie la priva de l'usage des deux jambes.

Le mariage de la jeune princesse avec le duc d'Aremberg, dont elle avait déjà une fille Catherine (1er décembre 1792—1794), fut cassé par le Synode (oukaze de l'Impératrice à l'archevêque Gabriel, en date du 23 décembre 1794). De retour en Russie, elle s'éprit en 1795 d'un gentilhomme de la chambre, plus tard chambellan actuel, qui portait le même nom qu'elle, le prince Pierre Féodorowitch Schakhowskoï (17 mars 1773—21 décembre 1841), le suivit, malgré la volonté maternelle, dans ses propriétés de Viazma, et la épousa. „Est-ce pour longtemps, je ne sais“, écrit Bantych-Kamensky au prince A. Kourakine, „le nouveau marié tousse bien; il a des symptômes depuis longtemps: il est poitrinaire. Que voulez-vous! Vivons de la minute présente, et allons-y!“ Le prince avait pourtant près d'un demi-siècle encore à vivre, et la jeune princesse mourait l'année suivante, le 2 octobre 1796, âgée de 23 ans seulement. Le comte E. Komarowsky, qui venait précisément de passer l'été précédent à la villa Stroganoff, chez la princesse V. Schakhowskoï, qui y avait sa fille avec elle, dit dans ses Mémoires: „Je ne vais point exposer la cause de la fin lamentable de la princesse Elisabeth, je dirai seulement que chacun savait qu'elle s'était empoisonnée; cet événement inaccoutumé, surtout dans la bonne société, engendra beaucoup de bruit et de rumeurs diverses“, qui ne cessèrent que lors d'un événement autrement considérable, la mort de Catherine II. Masson dit d'ailleurs que la cause de la mort de la jeune princesse à 23 ans fut „un amour malheureux pour un officier des Gardes Komassowsky“ (Komarowsky lui-même, peut-être?). A la poétique figure prématurément descendue au tombeau s'attache aussi une légende: amoureux de sa femme, le prince d'Aremberg († 1795!) se serait introduit en Russie, pour se présenter à la princesse, devenue la femme d'un autre, déguisé en jardinier, dans le parc de la villa de la mère. Il aurait été reconnu, et, résultat, double suicide!....

La princesse Elisabeth Schakhowskoï ne laissa qu'une fille, Varvara, qui épousa en premières noces le comte P. Schouvaloff, en secondes noces le comte A. Polier, sujet suisse, et en troisièmes noces l'envoyé de Naples à Pétersbourg, Wilding, prince de Butera et di Radali. Par une étrange ironie du sort, l'héritière de cette immense fortune des Stroganoff, que Catherine II craignait tant de voir passer en des mains non orthodoxes, se trouva épouser successivement deux étrangers.

Le présent Volume donne (N° 88) un autre portrait de la princesse E. Schakhowskoï, une miniature d'Edouard Stroely.

(D'après un original de Mounier, appartenant à la comtesse E. Schouvaloff, St-Pétersbourg.)

Portrait of a woman, possibly a historical figure, standing and facing slightly to the right. The image is a sepia-toned photograph.

Portrait of a woman, possibly a historical figure, standing and facing slightly to the right. The image is a sepia-toned photograph.

Le prince *FEODORICH SCHACHOWSKOÏ* (1751-1806) était un prince de la maison de Romanov. Il était le fils de l'empereur Paul Ier et de sa seconde épouse, la princesse Catherine II. Il était le frère aîné de l'empereur Alexandre Ier. Il était un homme d'état et un militaire. Il avait été gouverneur de la province de Novorossia. Il avait été nommé à la tête de l'armée russe pendant la guerre de 1805-1806. Il avait été tué à la bataille de Friedland. Il était un homme d'état et un militaire. Il avait été gouverneur de la province de Novorossia. Il avait été nommé à la tête de l'armée russe pendant la guerre de 1805-1806. Il avait été tué à la bataille de Friedland.

Le prince *FEODORICH SCHACHOWSKOÏ* était un homme d'état et un militaire. Il avait été gouverneur de la province de Novorossia. Il avait été nommé à la tête de l'armée russe pendant la guerre de 1805-1806. Il avait été tué à la bataille de Friedland. Il était un homme d'état et un militaire. Il avait été gouverneur de la province de Novorossia. Il avait été nommé à la tête de l'armée russe pendant la guerre de 1805-1806. Il avait été tué à la bataille de Friedland.

Le prince *FEODORICH SCHACHOWSKOÏ* était un homme d'état et un militaire. Il avait été gouverneur de la province de Novorossia. Il avait été nommé à la tête de l'armée russe pendant la guerre de 1805-1806. Il avait été tué à la bataille de Friedland. Il était un homme d'état et un militaire. Il avait été gouverneur de la province de Novorossia. Il avait été nommé à la tête de l'armée russe pendant la guerre de 1805-1806. Il avait été tué à la bataille de Friedland.

Le prince *FEODORICH SCHACHOWSKOÏ* était un homme d'état et un militaire. Il avait été gouverneur de la province de Novorossia. Il avait été nommé à la tête de l'armée russe pendant la guerre de 1805-1806. Il avait été tué à la bataille de Friedland. Il était un homme d'état et un militaire. Il avait été gouverneur de la province de Novorossia. Il avait été nommé à la tête de l'armée russe pendant la guerre de 1805-1806. Il avait été tué à la bataille de Friedland.

(L'original ne se trouve pas dans le manuscrit, appartenant à la collection de M. Schachowsky, St.-Petersbourg.)

Пис. Монье

Peint par Mosnier

Гнягиня Елизавета Борисовна
Ухловская, 1773-1796

La D^{esse} Elisabeth Borissowna
Schakhowskoï, 1773-1796

ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ КУЛЬНЕВЪ, 1763—1812, дворянинъ Псковской губерніи, сынъ секундъ-майора Петра Васильевича (р. 1727 г., † 1795 г.), женатаго на Луизѣ Ивановнѣ Гребницѣ († 1812 г.), родился 25 Іюля 1763 года близъ Клястицъ; воспитывался въ Сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ, куда былъ опредѣленъ въ 1770 году. Выпущенъ въ 1785 г. съ большой серебряной медалью поручикомъ въ Черниговскій пѣхотный полкъ, откуда переведенъ въ 1797 г. сначала въ С.-Петербургскій драгунскій, а потомъ въ Переяславскій конно-егерскій полкъ. По упраздненіи конно-егерскаго полка, поступилъ въ Сумской, а оттуда въ Гродненскій гусарскій полкъ, шефомъ котораго онъ былъ назначенъ впоследствии. Кульневъ началъ свое военное поприще въ 1789 г., въ походѣ противъ турокъ, а потомъ, въ 1794 г.,—противъ поляковъ, подъ начальствомъ Суворова, при чемъ обратилъ на себя вниманіе великаго полководца своей смѣлостью и распорядительностью въ дѣлѣ при Кобринѣ и на штурмѣ Праги. За эти дѣла Кульневъ получилъ чинъ майора. Въ кампаніи 1807 г., состоя подполковникомъ въ Гродненскомъ гусарскомъ полку, Кульневъ особенно заявилъ себя въ сраженіи подъ Гутштадтомъ, Гейльсбергомъ и Фридландомъ и 20 Мая 1808 г. получилъ орденъ св. Владиміра 4-го класса. По окончаніи Французской кампаніи, Кульневъ былъ назначенъ въ Финляндію, гдѣ совершилъ рядъ подвиговъ, подъ начальствомъ графа Н. М. Каменскаго, въ сраженіяхъ при Сальми, Оровайсѣ и Пигайоки, при чемъ взялъ въ плѣнъ генерала графа Левенгіельма; 12 Декабря 1808 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и 28 Января 1809 г. награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й ст.; съ тѣмъ же Каменскимъ Кульневъ былъ посланъ въ Молдавскую армію, гдѣ отличился подъ Шумлой и Силистріей. Въ 1812 г. Кульневъ былъ въ арміи князя Витгенштейна и здѣсь, будучи шефомъ Гродненскаго полка, скоро окончилъ свою блестящую боевую карьеру: 20 Іюля, подъ Клястицами, при преслѣдованіи непріателя, Кульневу оторвало ядромъ обѣ ноги, и онъ, не приходя въ себя, въ тотъ же день скончался. Яковъ Петровичъ Кульневъ погребенъ въ Псковской губерніи, у часовни мызы Сокольникови. Женатъ онъ не былъ.

Этотъ храбрый кавалерійскій генералъ оставилъ навѣки имя свое незабвеннымъ въ рядахъ нашей арміи. Особенно характерны были его приказы. Вотъ, напримѣръ, приказъ его отъ 6 Марта 1809 года: „Богъ съ нами. Я передъ вами, а князь Багратіонъ за вами; въ полночь собратъся у мельницы. Походъ до Шведскихъ береговъ вѣнчаетъ всѣ труды ваши. Сія волна—истинная награда, честь и слава безсмертная! Имѣть съ собой по двѣ чарки водки на человѣка, кусокъ мяса и хлѣба и по два гарнца овса. Море не страшно, кто уповаетъ на Бога! Отдыхайте, товарищи!“

(Съ портрета Дау; Галерея 1812 г. въ Зимнемъ дворцѣ.)

JACOB PÉTROWITCH KOULNEFF, 1763—1812, noble du gouvernement de Pskoff, fils du second major Pierre Vassiliewitch Koulneff (1727—1795) et de Louise Ivanowna, née Grebinitz († 1812), naquit le 25 juillet 1763 près de Klastitz. Entré au Corps des Cadets en 1770, il en sortit en 1785 avec la grande médaille d'argent et le grade de lieutenant au régiment d'infanterie de Tchernigoff, d'où il passa en 1797, d'abord au régiment des dragons de St-Pétersbourg, puis à celui des chasseurs à cheval de Péréyaslaw. Quand celui-ci fut licencié, il fut affecté au régiment des hussards de Soumy, puis à celui des hussards de Grodno, dont il devint dans la suite chef. Sa première campagne fut celle de Turquie en 1789; il fit ensuite celle de Pologne en 1794, et là, se fit remarquer de Souvoroff, sous les ordres duquel il se trouvait, par sa hardiesse et son habileté à l'affaire de Cobrin et à l'assaut de Praga, qui lui valurent le grade de major. Dans la campagne de 1807, lieutenant-colonel aux hussards de Grodno, il se distingua particulièrement à Gutstadt, Heilsberg et Friedland, et fut décoré le 20 mai 1808 de St-Vladimir de 4e classe. Après quoi il fut envoyé en Finlande, où il accomplit une série d'exploits, sous le commandement du comte N. Kamensky, aux batailles de Salmi, Orovaïs et Pyhäjoki, et fit prisonnier le général comte Löwenhjelm; le 12 décembre 1808, il fut promu général major, et, le 28 janvier 1809, décoré de St-Georges de 3e classe. Il suivit encore Kamensky à l'armée de Moldavie, où il se signala sous Choumla et Silistrie. En 1812, il se trouva à l'armée du comte Wittgenstein, comme chef des hussards de Grodno, et sa brillante carrière fut ici brusquement interrompue: le 20 juillet, il poursuivait l'ennemi près de Klastitz, quand il eut les deux jambes enlevées par un boulet. Il expira le jour même, sans avoir repris connaissance, et fut inhumé dans le gouvernement de Pskoff, près de la chapelle du domaine de Sokolnichtchi. Il n'était pas marié.

Ce brave général de cavalerie laissa un nom à jamais inoubliable dans les rangs de notre armée. Ses ordres du jour étaient des plus curieux; en voici un du 6 mars 1809: „Dieu est avec nous. Je suis devant vous, et le prince Bagration derrière vous; à minuit, rassemblement au moulin! La marche sur la côte suédoise est le couronnement de tous vos travaux. Ces vagues seront votre vraie récompense, votre honneur et votre gloire immortelle! Emporter deux rations d'eau-de-vie par homme, un morceau de viande et de pain et deux paquets d'avoine. La mer n'a rien de terrible quand on espère en Dieu! Repos, camarades!“

(D'après l'original de Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

YOUNG FRANKLIN THOMAS BOULNEFF, 1765 — 1812, noble du gouvernement de Tchernigov et de second rang, épousa Ekaterina Ivanovna BOULNEFF (1727 — 1792) et de Louise Ivanovna, née en 1762, nuptes de sa sœur et de son fils de 1812. Entré au Corps des Cadets en 1780, il se maria en 1785 avec la grande-maitresse d'école et le grade de lieutenant au régiment d'infanterie de Kholmogorski. Puis il passa au 1er bataillon du régiment des dragons de St-Petersbourg, puis à celui des dragons de Perekop. En 1792, il fut affecté au régiment des hussards de Soumer, puis à celui des hussards de Soumer. En 1793, il fut dans la ville de Soumer. Sa première campagne fut celle de l'empereur Alexandre Ier en 1804, et la, se fit remarquer de Souvoroff, sous les ordres duquel il se trouvait, pour sa bravoure et son dévouement à l'affaire de Colrin et à l'attaque de Praga, où les hussards de Soumer furent vaincus. En 1805, lieutenant-colonel aux hussards de Grodno, il se distingua particulièrement à la bataille de Friedland et fut décoré le 20 mai 1808 de St-Vladimir de 2e classe. Après quoi il fut nommé colonel et fut décoré une série d'exploits, sous le commandement de Soumer et de Soumer, aux batailles de Soumer, Soumer et Soumer, et fut prisonnier le général comte Soumer, le 12 décembre 1809. Le 28 janvier 1809, décoré de St-Georges de 2e classe. Il suivit ensuite Soumer à la bataille de Soumer, où il se signala sous Soumer et Soumer. En 1812, il se trouva à l'armée de Soumer. Soumer, colonel des hussards de Grodno, et sa brillante campagne fut son héroïsme et sa bravoure. Il poursuivit l'ennemi près de Soumer, quand il fut un jour prisonnier en 1812. Il mourut le jour même sans avoir repris connaissance et fut nommé colonel et gouverneur de Soumer par le gouvernement de Soumer. Il n'était pas marié.

Dessiné l'original de Dore, Goussier 1812, Palais d'Hayes.

Пис. Day

*Яковъ Петровичъ
Кульневъ, 1763-1812*

Peint par Dawe

*Jacob Létrowitch
Koulneff, 1763-1812*

Князь АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЩЕРБАТОВЪ, 1776—1848, сынъ майора князя Григорія Алексѣевича Щербатова, отъ второго его брака съ княжной Анастасіей Николаевной Долгорукой, родился въ Москвѣ 28 Февраля 1776 года. Записанный въ дѣтствѣ сначала въ Измайловскій, а потомъ въ Семеновскій полкъ, князь Щербатовъ 1 Января 1792 года былъ произведенъ въ прапорщики. Щербатовъ участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ своего времени; въ послѣднюю войну съ Наполеономъ онъ командовалъ пѣхотной дивизіей и былъ раненъ при Бауценѣ. Въ 1806 году онъ получилъ орденъ Георгія 4-й степени, въ 1812 г.—3-й степени и въ 1814 г. за дѣло при Ла-Ротьерѣ—2-й степени; въ 1816 году былъ пожалованъ въ генераль-адъютанты, а въ 1823 году—въ генералы-отъ-инфантеріи. Съ 1824 по 1832 годъ онъ командовалъ сначала четвертымъ, а потомъ вторымъ пѣхотными корпусами, а въ 1832 году былъ назначенъ предсѣдателемъ Генераль-Аудиторіата. Обиженный назначеніемъ младшаго по службѣ князя Трубецкаго, членомъ Государственнаго Совѣта, князь Щербатовъ вышелъ въ отставку и пробылъ въ ней около 3 лѣтъ, пока, при содѣйствіи своего друга, вліятельнаго князя И. В. Васильчикова, не былъ, 24 Апрѣля 1839 года, снова принятъ въ службу и 1 Юля того же года назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Съ Юня 1843 года онъ исправлялъ должность Московскаго генераль-губернатора, а послѣ смерти князя Д. В. Голицына былъ утвержденъ въ этой должности 14 Апрѣля 1844 года. Революціонное движеніе 1848 года повлекло за собою отставку князя Щербатова, и въ Маѣ 1848 года онъ былъ замѣненъ графомъ Закревскимъ, уполномоченнымъ „подтянуть Москву“. Москвичи были напуганы этимъ, и кто-то написалъ четверостишіе:

„Князь Щербатовъ ускакалъ,
И ракетой конгресской

На уснувшій городъ палъ
Пресловутый графъ Закревскій!“

Князь А. Г. Щербатовъ умеръ въ Москвѣ 15 Декабря 1848 года и погребенъ тамъ же, въ Голицынской церкви Донскаго монастыря; онъ былъ женатъ въ первый разъ на княжнѣ Екатеринѣ Андреевнѣ Вяземской, умершей послѣ непродолжительнаго супружества, и вторымъ бракомъ на Софіи Степановнѣ Апраксиной; отъ второго брака имѣлъ 4 сыновей и 2 дочерей. Князь А. Г. Щербатовъ, по отзывамъ современниковъ, „не блисталъ гениемъ“. Онъ былъ „доблестнымъ воинномъ“, но не выдающимся стратегомъ. „Отличный человекъ въ частной жизни“, онъ также „не рожденъ былъ и для гражданскаго административнаго поприща“. Какъ генераль-губернаторъ, онъ „не имѣлъ никакого вѣса въ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ“, а въ Москвѣ былъ затертъ на второй планъ тоже не гениальнымъ, но важнымъ и любимымъ при Дворѣ вельможей, княземъ С. М. Голицынымъ; вообще Щербатовъ не былъ администраторомъ суровыхъ Николаевскихъ временъ и, по отзыву строгаго Монарха, „своимъ легкомысліемъ совсѣмъ распустилъ Москву“. Его любовь къ первой, безвременно умершей, женѣ увѣковѣчена Жуковскимъ въ слѣдующихъ стихахъ „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“:

„Хвала, Щербатовъ, вождь молодой!
Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
О тратѣ незабвенной.
О впитязь, ободрись... Она
Твой спутникъ невидимый,

И ею выше знамена
Дружбы твоихъ хранимы
Любви и скорби — оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувшихъ возмутить
Покой ея могилы!“

(Съ портрета Г. Дау; Галлерей 1812 года, въ Зимнемъ дворцѣ.)

Le prince ALEXIS GRIGORIEWITCH CHTCHERBATOFF, 1776—1848, fils du prince Grégoire Alexéewitch Chtcherbatoff, major, et de sa seconde femme, la princesse Anastasie Nikolaewna Dolgorouky, naquit à Moscou le 28 février 1776. Enrôlé tout jeune, d'abord au régiment Izmaïlowsky, puis au régiment Sémenowsky, il fut promu porte-enseigne le 1er janvier 1792. Il fit toutes les campagnes de l'époque; dans la dernière guerre contre Napoléon, il commandait une division d'infanterie et fut blessé à Bautzen. Il fut décoré, en 1806 de St-Georges de 4e classe, en 1812 de 3e classe, et, en 1814, La Rothière lui valut la 2e classe de l'ordre. Général aide de camp en 1816, général d'infanterie en 1823, il commanda de 1824 à 1832, d'abord le quatrième, puis le second corps d'infanterie, et, en 1832, fut nommé président du Conseil général de justice militaire. Froissé par la nomination du prince Troubetzkoï, moins ancien que lui, au Conseil de l'Empire, il donna sa démission: trois ans après, l'intervention de son puissant ami le prince I. Vassiltchikoff le ramena à l'activité le 24 avril 1839, et, le 1er juillet suivant, il était nommé membre du Conseil de l'Empire. A partir du juin 1843, il fit fonctions de général gouverneur de Moscou, et, à la mort du prince D. Golitzyne, fut titularisé à ce poste le 14 avril 1844. Le mouvement révolutionnaire de 1848 entraîna sa destitution; en mai de cette même année, le comte Zakrewsky le remplaçait, avec la mission de „tenir Moscou serré“, au grand effroi des habitants, qui firent circuler le quatrain suivant:

„Parti, le prince Chtcherbatoff!

„Et tel une fusée Congrève,

„Sur la ville endormie vient choir

„Le fameux comte Zakrewsky!“

Le prince Chtcherbatoff mourut à Moscou le 15 décembre 1848, et fut inhumé à Moscou, dans l'église Golitzyne, au monastère Donskoï. Il avait épousé en premières noces la princesse Catherine Andréewna Viazemsky, morte peu après son mariage, et en secondes noces Sophie Stépanowna Apraxine, dont il eut quatre fils et deux filles. Le prince Chtcherbatoff, au témoignage des contemporains, „ne brillait pas par son génie“. „Vaillant guerrier“, il n'avait rien de saillant comme capitaine. „Excellent homme dans la vie privée“, il „n'était pas fait non plus pour la carrière administrative civile“. Comme général gouverneur, il „n'eut aucun poids au ministère de l'intérieur“, et, à Moscou, fut effacé par le prince S. Golitzyne, grand seigneur sans trop de génie non plus, mais important et aimé à la Cour. En somme, le prince Chtcherbatoff n'était pas l'administrateur rude qui convenait au règne de Nicolas Ier, et, suivant une parole sévère de l'Empereur, „sa légèreté livra Moscou en proie à la licence“. Son amour pour sa première femme, morte prématurément, a été chanté par Joukowsky dans la pièce intitulée *Le chantre au camp des guerriers russes*:

„Salut, Chtcherbatoff, vaillant chef!

„Parmi la tourmente guerrière,

„Amis, il reste inconsolable

„De la perte de l'être cher.

„Courage, preux! Elle est toujours

„Ton invisible protectrice,

„Et d'en haut elle guide encore

„De tes légions les étendards.

„A l'amour, au chagrin, d'accroître

„Ton courage pour la vengeance:

„Va, châtie quiconque osera

„Troubler le repos de sa cendre!“

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Iiver.)

General William Pitt Rivers
 1815-1892

General Pitt Rivers
 1815-1892

Пис. Day

*Князь Алексей Григорьевич
Щербатовъ, 1776-1848*

Peint par Dawe

*Le Prince Alexis Grigoriéwitch
Chitchebatoff, 1776-1848*

Княгиня ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА ВЯЗЕМСКАЯ, 177.—1816, дочь дѣйствительнаго камергера Василя Семеновича Васильчикова († 1808 г.) отъ брака съ графиней Анной Кирилловной Разумовской (въ монашествѣ—Агнія), была родная племянница фаворита Екатерины II Александра Семеновича Васильчикова (см. т. II, № 63) и родная сестра княгини Маріи Васильевны Кочубей (см. т. I, № 149). Въ началѣ 1790-хъ годовъ Е. В. Васильчикова вышла замужъ за камергера Великой Княгини Анны Феодоровны, позднѣе Московскаго сенатора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Николая Григорьевича Вяземскаго, родная сестра котораго, княгиня Марія Григорьевна Голицына, въ 1802 г. повѣнчалась съ дядей Васильчиковой, графомъ Львомъ Кирилловичемъ Разумовскимъ (см. т. I, №№ 91 и 92). Въ Москвѣ Разумовскій жилъ роскошно, давалъ великолѣпныя балы въ Петровскомъ-Разумовскомъ и въ своемъ домѣ на Тверской, перешедшемъ къ нему частью отъ П. В. Мятлева, частью—это было старинное владѣніе Васильчиковыхъ (одинъ изъ домовъ принадлежалъ фавориту А. С. Васильчикову). Оба владѣнія были соединены въ одно, и на этомъ мѣстѣ Разумовскимъ выстроенъ огромный домъ во дворѣ, съ выходящими на улицу полуциркулярными флигелями (теперь домъ Англійскаго клуба). По смерти Разумовскаго († 1818 г.), его вдова подарила этотъ домъ брату князю Вяземскому, женатому на Васильчиковой (позднѣе онъ перешелъ къ Варварѣ Николаевнѣ Тимашевой-Берингъ и, наконецъ, къ тайному совѣтнику П. П. Шаблыкину).

Княгиня Екатерина Васильевна Вяземская скончалась въ 1816 году; у нея было 3 дочери: Анна (р. 7 Юля 1796 г., въ Москвѣ, † 21 Мая 1873 г.; за княземъ Михаиломъ Николаевичемъ Голицынымъ), Софія (р. 1798 г., † 1834 г.; замужемъ съ 15 Сентября 1824 г. за Аркадіемъ Васильевичемъ Кочубеемъ) и Елизавета—въ замужствѣ за Александромъ Николаевичемъ Хитрово.

(Съ миниатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московской губ.)

La princesse CATHERINE VASSILIEWNA VIAZEMSKY, 177. — 1816, fille du chambellan actuel Basile Sémenowitch Vassiltchikoff († 1808) et d'Anne Kyrillowna, née comtesse Razoumowsky (en religion, Agnès), était nièce du favori de Catherine II Alexandre Sémenowitch Vassiltchikoff (v. T. II, № 65) et sœur de la princesse Marie Vassiliewna Kotchoubey (v. T. I, № 149). Elle épousa au commencement des années 90 le prince Nicolas Grigoriowitch Viazemsky, conseiller privé actuel, chambellan de la Grande-Duchesse Anne Féodorowna, et dans la suite sénateur à Moscou, dont la sœur, la princesse Marie Grigoriowna Golitzyne, épousa en 1802 l'oncle de Catherine Vassiltchikoff, le comte Léon Kyrillowitch Razoumowsky (v. T. I, №№ 91 et 92). A Moscou, Razoumowsky menait grand train, donnant des bals splendides à Pétrowskoïé-Razoumowskoïé et dans sa maison de la Tverskaïa. Cette maison lui était venue, en partie de P. Miatleff, en partie comme vieille propriété des Vassiltchikoff (un des immeubles appartenait au favori A. Vassiltchikoff); les deux terrains furent réunis, et Razoumowsky construisit dans la cour un immense bâtiment avec deux ailes demi-circulaires sur la rue (aujourd'hui le Club Anglais). A sa mort, en 1818, sa veuve en fit don au prince Viazemsky son frère, le mari de la princesse Catherine Vassiltchikoff; l'immeuble passa ensuite à Varvara Nikolaewna Timacheff-Behring, et enfin au conseiller privé P. Chablykine.

La princesse Viazemsky mourut en 1816. Elle avait eu trois filles, Anne (née 7 juillet 1796 à Moscou, † 21 mai 1875), mariée au prince Michel Nikolaewitch Golitzyne, Sophie (1798—1854), mariée le 15 septembre 1824 à Arcade Vassiliewitch Kotchoubey, et Elisabeth, mariée à Alexandre Nikolaewitch Khitrovo.

(D'après une miniature appartenant à Mlle M. Vassiltchikoff, Korallowo, gouv. de Moscou.)

Portrait of a woman, likely a historical figure, shown in profile.
 (Caption text is faint and partially illegible)

52

53

Portrait of a woman, likely a historical figure, shown in profile.
 (Caption text is faint and partially illegible)

Portrait of a man, likely a historical figure, shown in profile.
 (Caption text is faint and partially illegible)

La première VASSILISSA VASSILIKHNA VIATEMSKY, 1777, ~ 1818. Elle se distinguait surtout par ses qualités musicales (cf. 1808) et était mariée à Mikhaïl Petrovitch, né comte de Roussouff, un religieux russe, fils d'un de frères de l'archevêque O. Mikhaïlovitch Smirnovitch Vassilichikoff (cf. 1794, 1808) et d'une de ses sœurs Maria Vassilievna Katchoubey (cf. V. L. 28 110). Elle épousa le comte Mikhaïl Petrovitch VIATEMSKY, comte par droit de naissance, chambellan de la cour, gouverneur d'Arkhangelsk, et mourut de cette maladie à Moscou, dont la sœur, la première Maria Vassilievna Vassilichikoff, femme de l'archevêque de Catherine Vassilichikoff, le comte John Rydlovitch Vassilichikoff (cf. V. L. 28 110) et sa sœur, la comtesse Ekaterina de son nom, donnaient des bals splendides à l'été, surtout à Tverskaja. Cette maison lui fut rendue, en partie de la même façon, comme nous l'avons vu, par Vassilichikoff (en ses assemblées appartenait au lycée de l'école). Les deux sœurs de son père et de son oncle construisaient dans la cour un immense bâtiment avec deux ailes, appartenant au lycée (aujourd'hui le Club Anglais). A sa mort, on vit à son tour de son oncle, Mikhaïl de son nom, le mari de la première Catherine Vassilichikoff, mourut pour donner à son fils Mikhaïl Vassilichikoff, et mourut au château privé P. Obshchinsk.

La seconde Vassiliskya mourut en 1810. Elle avait eu trois filles, dont une seule, Maria, mariée à son oncle, le prince Michel Nikolaïevitch Golitsine, Sepulchre (1792-1810), morte le 11 septembre 1810, à l'âge de 18 ans, à Katchoubey, et finalement mariée à Alexandre Nikolaïevitch Katchoubey.

Maria de son nom appartenait à Mikhaïl Vassilichikoff, Korabov, par sa sœur.

51

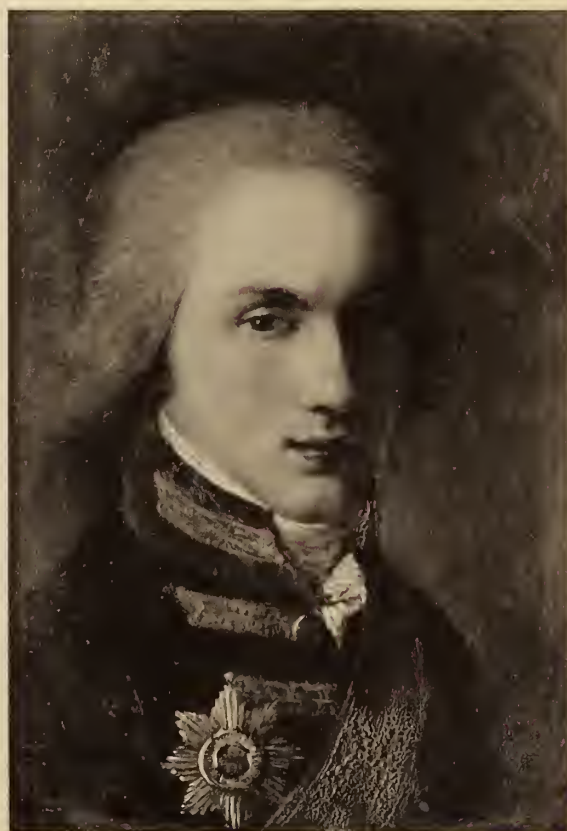
Княгиня Екатерина Васильевна La Princesse Catherine Vassilievna
Вяземская, Viazemsky,
177. — 1816 177. — 1816

52

Княгиня Елена Никитична La Princesse Hélène Nikititchna
Вяземская, Viazemsky,
1745 — 1832 1745 — 1832

53

Пис. Тончи Peint par Touci
Князь Николай Григорьевич Le Prince Nicolas Grigorievitch
Вяземский, Viazemsky,
1769 — 1846 1769 — 1846

Княгиня ЕЛЕНА НИКИТИЧНА ВЯЗЕМСКАЯ, 1745 — 1832, дочь генераль-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкого от второй жены его, Анны Даниловны Херасковой, рожденной княжны Друцкой, родилась 27 Декабря 1745 года. Въ замужествѣ была за генераль-прокуроромъ княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ, отъ котораго имѣла четырехъ дочерей: Екатерину, замужемъ за графомъ Д. А. Толстымъ, Анну, за Неаполитанскимъ посланникомъ въ Петербургъ герцогомъ Серра-Каприола, Прасковью, за графомъ Д. А. Зубовымъ, и Варвару, за Датскимъ посланникомъ барономъ Розенкранцемъ. Несмотря на пзвѣстную въ Петербургскомъ обществѣ свою бережливость и любовь къ деньгамъ, княгиня Е. Н. Вяземская играла большую роль въ свѣтѣ, и въ домѣ ея на Невскомъ проспектѣ собирався весь дипломатическій корпусъ и высшій кругъ Петербурга. По словамъ Вигеля, „она безъ памяти любила иностранцевъ и въ особенности французовъ; и для нихъ былъ у нея всегда притопъ“. Пристрастіе это сказалось въ особенности во время пребыванія въ Петербургѣ посла Наполеона Савари, встрѣтившаго въ Петербургскомъ обществѣ холодный, даже враждебный пріемъ, несмотря на расположеніе, оказываемое ему при Дворѣ. „Въ одномъ только знатномъ домѣ“, продолжаетъ Вигель, „былъ онъ принятъ съ отверстыми объятіями: старуха княгиня Е. Н. Вяземская продолжительною связью съ французскимъ посольствомъ обезславила свою старость; были люди, которые не побоялись взвести на нее клевету, — будто за угощеніе французовъ она получала деньги отъ правительства“. Будучи сводною сестрою поэта М. М. Хераскова, друга Новикова, подъ вліяніемъ котораго находился также и родной ея братъ, князь Николай Никитичъ Трубецкой, тоже поэтъ, переводчикъ и писатель, княгиня Е. Н. Вяземская не осталась, кажется, безъ вліянія на притѣсненія, чинимыя при Екатеринѣ мартинистамъ. „Скопидомной генераль-прокуроршѣ“, пишетъ одинъ изъ современниковъ, „очень не нравилось, что Московскіе братцы ея, подчиняясь Новикову, расточаютъ свое достояніе на печатаніе какихъ-то книгъ, на посылку какихъ-то молодыхъ людей за границу, на почти даровую раздачу хлѣба народу, и, конечно, она твердила о томъ супругу своему, имѣвшему ежедневный докладъ у Государыни... Послѣдствіемъ сего была ссылка князя Трубецкого на безвыѣздное житіе въ деревню, подъ наблюденіе“.

Екатерина II не любила княгини Вяземской, и въ дневникѣ Храповицкаго встрѣчается много неблагоприятныхъ отзывовъ Императрицы о ней. Узнавъ о поѣздкѣ Вяземской въ Москву, по случаю свадьбы дочери ея, выходившей за Толстого, Екатерина сказала: „Она поѣхала обпрать Московскихъ купцовъ: Oh, comme je la connais!“ Другой разъ, услышавъ, что княгиня Вяземская послѣ смерти мужа за долги его продаетъ домъ и имѣніе, Императрица возразила: „Какіе долги? Всѣмъ пзвѣстно, что давала деньги въ проценты и брала вещи подъ закладъ“, и тутъ же приказала графу Брюсу осмотрѣть кладовыя княгини.

Княгиня Е. Н. Вяземская, въ молодости своей, принадлежала къ числу самыхъ близкихъ друзей князя Александра Борисовича Куракина, о чемъ свидѣлствуютъ цѣлый томъ ея писемъ къ нему и названіе имъ „Еленинской“ одной изъ аллей его парка въ знаменитомъ Надеждинѣ, перешедшемъ въ настоящее время уже въ купеческія руки... Слабое ея здоровье очень безпокоило ея многочисленныхъ друзей; постоянно хвора, она страдала истерическими припадками и дрожаніемъ въ тѣлѣ и, кромѣ того, находилась подъ давленіемъ какого-то тайнаго нравственнаго гнета, наложившаго свой отпечатокъ на ея внѣшній обликъ. „Cette femme déperit à vue d'œil“, писалъ въ 1786 г. брату князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ о предметѣ его давнишней привязанности; „son physique s'affaisse tous les jours de plus en plus. Le mal qui la ronge, quoique physique, empire plus par le moral qui la ronge; le morne et la tristesse qui règnent sur sa physionomie et dans tout son être prouvent plus que jamais combien son âme souffre. Cette femme, douée de tant de qualités vraies, malgré ses maux, sait les cacher, et, se contraignant pour la plupart du temps, cela ne laisse que d'empirer et la miner davantage“. Несмотря на это, княгиня Вяземская пережила мужа почти на сорокъ лѣтъ и умерла 87-и лѣтъ отъ роду, 14 Октября 1832 г.; похоронена она, рядомъ съ мужемъ, въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, находящагося въ Музеѣ Императора Александра III.)

La princesse HÉLÈNE NIKITITCHNA VIAZEMSKY, 1745—1832, fille du prince Nikita Youriewitch Troubetzkoï, feld-maréchal, procureur général, et de sa seconde femme Anne Danilowna Khéraskoff, née princesse Droutzky, naquit le 27 décembre 1745. Elle épousa le prince Alexandre Alexéewitch Viazemsky, procureur général, dont elle eut quatre filles, Catherine, mariée au comte D. Tolstoï, Anne, au duc de Serra-Capriola, ministre de Naples à St-Pétersbourg, Prascovie, au comte D. Zouboff, et Varvara, au baron Rosenkranz, ministre de Danemark. Connue dans la société pétersbourgeoise pour son caractère économe et intéressé, elle joua un grand rôle dans le monde, et sa maison de la Perspective Newsky réunit tout le Corps Diplomatique et la haute société de la ville. Au témoignage de Wiegel, „elle était folle de tous les étrangers et surtout des français, dont sa maison était le quartier général“. Elle se donna surtout carrière lors du séjour à Pétersbourg de l'ambassadeur de Napoléon, Savary, qui ne trouva dans le monde que froideur et même hostilité, en dépit de la faveur qui lui était témoignée à la Cour. „Il n'y avait“, continue Wiegel, „qu'une grande maison où il fût reçu à bras ouverts: la vieille princesse Viazemsky a déshonoré sa vieillesse par ses relations suivies avec l'ambassade de France; il y a des gens qui n'ont pas craint de la calomnier en la disant payée par le gouvernement pour héberger les Français“. Sœur utérine du poète Khéraskoff, ami de Novikoff, sous l'influence duquel se trouvait aussi son frère le prince Nicolas Nikititch Troubetzkoï, également poète, traducteur et écrivain, elle semble bien avoir été pour quelque chose dans les vexations infligées aux Martinistes sous Catherine“. „Cette grippe-sou de procureuse générale“, écrit un contemporain, „était navrée de voir ses frères de Moscou, sous l'influence de Novikoff, dissiper leur bien à ces publications d'ouvrages, à ces envois de jeunes gens à l'étranger, à des distributions presque gratuites de grain au peuple, et, bien entendu, faisait la leçon là-dessus à son mari, qui avait tous les jours son rapport chez l'Impératrice.... Conclusion, le prince Troubetzkoï renvoyé dans ses terres pour y vivre à demeure et surveillé“.

Catherine II n'aimait pas la princesse Viazemsky, et le Journal de Khrapovitzky mentionne nombre d'appréciations malveillantes de l'Impératrice à son endroit. Lors de son voyage à Moscou pour le mariage de sa fille avec Tolstoï, elle dit: „Elle est allée plumer les marchands de Moscou. Oh, comme je la connais!“ Une autre fois, lorsqu'elle voulut, à la mort de son mari, vendre sa maison et ses terres pour payer ses dettes, l'Impératrice objecta: „Quelles dettes? Chacun sait qu'elle faisait l'usure et le prêt sur gages“, et elle envoya sur-le-champ le comte Bruce inspecter les magasins de la princesse.

La princesse Viazemsky fut, dans sa jeunesse, de l'intimité du prince Alexandre Borissowitch Kourakine, comme l'atteste tout un volume de correspondance qu'elle lui adressa, ainsi que le nom d'Hélène donné à une allée du parc du célèbre Nadejdino, passé aujourd'hui aux mains d'un marchand.... Sa faiblesse de santé donnait de grandes inquiétudes à ses nombreux amis; sans cesse souffrante, elle était sujette à des crises de nerfs et à un tremblement général, et se trouvait en outre sous le coup d'une sorte d'oppression morale cachée qui se reflétait sur son physique. „Cette femme dépérit à vue d'œil“, écrivait en 1786 à son frère le prince Alexis Kourakine en lui parlant de l'objet de son ancien attachement; „son physique s'affaisse tous les jours de plus en plus. Le mal qui la ronge, quoique physique, empire plus par le moral qui la ronge; le morne et la tristesse qui règnent sur sa physionomie et dans tout son être prouvent plus que jamais combien son âme souffre. Cette femme, douée de tant de qualités vraies, malgré ses maux, sait les cacher, et, se contraignant pour la plupart du temps, cela ne laisse que d'empirer et de la miner davantage“. Ceci n'empêcha pas la princesse Viazemsky de survivre à son mari près de quarante ans: elle mourut à 87 ans, le 14 octobre 1832, et fut inhumée près de lui, à l'église de l'Annonciation, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original du Musée Alexandre III.)

Князь НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ, 1769—1846, сынъ статскаго совѣтника князя Григорія Ивановича отъ второго его брака съ Беклемишевой, родился 3 Января 1769 года. Онъ былъ родной братъ княгини Маріи Григорьевны Голицыной, вышедшей позднѣе замужъ, при жизни перваго супруга, за графа Льва Кирилловича Разумовскаго. Послѣ кончины графа въ 1818 г., его вдова подарила брату, князю Н. Г. Вяземскому, женатому на племянницѣ ея мужа отъ его родной сестры, домъ Разумовскихъ, на Тверской, гдѣ теперь Англійскій клубъ.

Въ 1795 г., 1 Января, князь Н. Г. Вяземскій былъ назначенъ камергеромъ къ Великой Княгинѣ Аннѣ Теодоровнѣ, супругѣ Цесаревича Константина Павловича. Позднѣе, съ 1805 по 1811 годъ, Вяземскій былъ сенаторомъ 8-го апелляціоннаго департамента Сената. По свидѣтельству И. М. Снегирева, онъ написалъ въ 1825 г. историко-политическій романъ „Странствованія моего дяди“. Нѣкоторое время князь Вяземскій былъ Калужскимъ предводителемъ дворянства, но постоянно жилъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 2 Декабря 1846 года; похороненъ въ Донскомъ монастырѣ.

Князь Н. Г. Вяземскій былъ женатъ 2 раза: первымъ бракомъ—на Екатеринѣ Васильевнѣ Васильчиковой, отъ которой имѣлъ 3 дочерей, второй разъ—на вдовѣ Софіи Егоровнѣ Берингъ, рожденной Паниной, отъ которой родились: 2 сына—князь Григорій (р. 1823 г., † 1882 г.; полковникъ, композиторъ; женатъ на графинѣ Прасковіи Петровнѣ Толстой) и князь Левъ (р. 24 Декабря 1831 г., † 20 Декабря 1852 г.), и дочь Екатерина (р. 1824 г., † 1840 г.).

(Съ портрета Тончи; собственность Ю. В. Арсеньева, въ Москвѣ.)

Le prince **NICOLAS GRIGORIEWITCH VIAZEMSKY**, 1769—1846, fils du prince Grégoire Ivanowitch Viazemsky, conseiller d'état, et de sa seconde femme, née Béklemicheff, naquit le 3 janvier 1769. Il était frère de la princesse Marie Grigoriewna Golitzyne, qui épousa plus tard, du vivant de son premier mari, le comte Léon Kyrillowitch Razoumowsky, à la mort duquel elle donna à son frère, marié à une fille de la sœur de son mari, la maison Razoumowsky, sur la Tverskaïa, aujourd'hui le Club Anglais.

Le prince Viazemsky, nommé le 1er janvier 1795 chambellan de la Grande-Duchesse Anna Féodorowna, épouse du Césarewitch Constantin Pavlowitch, fut dans la suite, de 1805 à 1811, sénateur au 8e département de cassation. Au témoignage de I. Snéguireff, il écrivit en 1825 un roman historico-politique, *Pérégrinations de mon Oncle*. Il fut un certain temps maréchal de la noblesse de Kalouga, mais sans cesser d'habiter Moscou, où il mourut conseiller privé actuel, le 2 décembre 1846; il fut inhumé au monastère Donskoï.

Le prince Viazemsky fut marié deux fois: en premières noces, avec Catherine Vassiliwna Vassiltchikoff, dont il eut trois filles, en secondes noces, avec Sophie Egorowna, veuve Behring, née Panine, dont il eut deux fils, Grégoire (1825—1882), colonel, compositeur, marié à la comtesse Prascovie Pétrowna Tolstoï, et Léon (24 décembre 1831—20 décembre 1852), et une fille, Catherine (1824—1840).

(D'après un original de Tonci, appartenant à Y. Arsénieff, Moscou.)

Княгиня ВѢРА ФЕДОРОВНА ВЯЗЕМСКАЯ, 1790—1886, старшая изъ дочерей генераль-майора князя Федора Сергѣевича Гагарина (р. 1757 г., † 1794 г.) и извѣстной красавицы княгини Прасковьи Юрьевны, рожденной княжны Трубецкой, во 2-мъ бракѣ Кологривовой (р. 1762 г., † 1848 г.), родилась 6 Сентября 1790 года, въ Яссахъ, куда, во время турецкаго похода, послѣдовала за мужемъ ея мать. Вступивъ въ супружество 18 Октября 1811 г. съ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, княгиня ВѢра Федоровна сразу сроднилась съ литературнымъ кружкомъ, группировавшимся вокругъ ея мужа, насчитывавшимъ въ себѣ такія имена, какъ Пушкинъ, Жуковский, Карамзинъ... Имя ея неразрывно связано съ умственной и литературной жизнью цѣлаго пятидесятилѣтія славнѣйшей эпохи русскаго творчества. Она присутствовала при кончинѣ Пушкина, была другомъ Жуковскаго и находилась въ тѣснѣйшей родственной связи съ семействомъ Карамзиныхъ. Долгая жизнь ея представляетъ свѣтлый примѣръ глубокаго духовнаго единенія съ мужемъ, съ которымъ она жила одной жизнью, пока смерть не разлучила маститыхъ супруговъ. Переживъ мужа на 8 лѣтъ, княгиня ВѢра Федоровна Вяземская скончалась 96-и лѣтъ отъ роду, въ Баденъ-Баденѣ, 8 Юля 1886 года; тѣло ея было перевезено въ Россію и предано землѣ, рядомъ съ мужемъ, на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Характерный отзывъ о княгинѣ Вяземской въ молодости оставилъ въ своихъ запискахъ Вигель, принадлежавшій къ числу ея поклонниковъ: „Княгиня ВѢра Федоровна была существо весьма необыкновенное. При неистощимой веселости ея права никто не сталъ бы подозрѣвать въ ней глубокой чувствительности: какъ другіе любили выказывать ее, такъ она ее прятала передъ свѣтомъ, и только время могло открыть ее передъ нимъ. Не было истинной скорби, которая бы не произвела не только ея сочувствія, но и желанія облегчить ее. Ко всему человѣчеству вообще была она сострадательна и немилосердна только къ нашему полу! Всѣ влюбленные казались ей смѣшны, страсти, ею производимыя, въ глазахъ ея были ничтожны, какъ сочиненныя ею комедіи, которыя при ней разыгрывались и ее забавляли. Никого не ободряя, она частыми насмѣшками болѣе производила досаду въ тѣхъ, коихъ желала привлечь къ себѣ. Не будучи красавицей, немного старше мужа и сестеръ, она всѣхъ ихъ казалась моложе; небольшой ростъ, маленькій носъ, огненный пронзительный взглядъ, невыразимое перомъ выраженіе лица и граціозная непринужденность движеній долго молодили ее. Смѣлымъ обхожденіемъ она никакъ не походила на нынѣшнихъ львицъ: оно въ ней казалось не наглостью, а остаткомъ дѣтской рѣзвости. Частый и громкій хохотъ ея въ другой казался бы неприличнымъ, а въ ней восхищаль, ибо она скрашивала и приравляла его умомъ, которымъ безпрестанно искрился разговоръ ея... Увы, и безъ меня сколько было безумцевъ, закланныхъ, подобно баранамъ, на жертвенникъ супружеской вѣрности тою, которая и мужа своего любила болѣе всего, любила нѣжно, но не страстно“.

Не менѣе картинный портретъ княгини Вяземской рисуетъ знавшій ее уже въ глубокой старости графъ С. Д. Шереметевъ. „Въ своей неизмѣнной, хотя и странствующей обстановкѣ, среди мягкихъ старомодныхъ креселъ, съ неизбѣжнымъ столикомъ для выпиванія и съ клубками шерсти, съ шитыми занавѣсами, съ онахаломъ или подушками, съ намятною всѣмъ тростію въ рукахъ и въ старомодномъ чепцѣ, который она охотно снимала среди оживленнаго разговора, полная юношескаго пыла, неподдѣльной веселости и остроумія, съ своею чистою, старо-московскою русскою рѣчью, съ выходками и вснышками рѣзваго и не старѣющаго ума, — княгиня ВѢра Федоровна была цѣльнымъ типомъ стараго Московскаго допожарнаго общества. Она кинятилась и негодовала, въ то же время заливалась своимъ заразительнымъ хохотомъ, слѣдя за всѣмъ и живя въ постоянномъ и разнообразномъ общеніи со множествомъ лицъ; она принимала у себя за просто Августѣйшихъ посѣтителей разныхъ странъ съ одинаковою непринужденностью и своеобразной простотою, не чуждою глубокаго знанія человѣческихъ слабостей и придворнаго быта, и всѣхъ очаровывала блескомъ своего свѣжаго, неувдаемаго ума. Любила она вспоминать о Пушкинѣ, съ которымъ была въ тѣсной дружбѣ, чуждой всякихъ церемоній, и не иначе называла его, какъ „Alexandre Pouschkine“.

(Съ миниатюры, принадлежащей С. В. Уваровой, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse VÉRA FÉODOROWNA VIAZEMSKY, 1790—1886, l'aînée des filles du prince Théodore Serguéeitch Gagarine (1757—1794), général major, et de la princesse connue pour sa beauté Prascovie Youriowna, née princesse Troubetzkoï, en secondes noces Kologrivoff (1762—1848), naquit le 6 septembre 1790 à Yassy, où, lors de la campagne de Turquie, sa mère avait suivi son mari. Mariée le 18 octobre 1811 au prince Pierre Andréewitch Viazemsky, elle fut tout de suite à son aise dans le cercle littéraire qui se groupait autour de lui et comptait des noms comme ceux de Pouchkine, Joukowski, Karamzine..... Son nom est inséparable de la vie intellectuelle et littéraire de tout un demi-siècle de l'époque la plus glorieuse des lettres russes. Elle assista à la mort de Pouchkine, et fut en relations d'amitié avec Joukowski et d'étroite parenté avec la famille Karamzine. Sa longue vie est un lumineux exemple de profonde union spirituelle avec son mari: ils n'eurent qu'une vie à eux deux, jusqu'au jour où la mort sépara ces vénérables conjoints. La princesse survécut huit ans et mourut à Baden-Baden le 8 juillet 1886, âgée de 96 ans; sa dépouille fut ramenée en Russie et inhumée près de son mari, au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky.

On trouve chez Wiegel, un de ses adorateurs, un passage caractéristique sur la princesse Viazemsky dans sa jeunesse: „La princesse était un être tout à fait extraordinaire. Avec son inépuisable gaité d'humeur, personne ne lui aurait soupçonné une sensibilité profonde: tandis que d'autres aiment à faire montre de la leur, elle, cachait la sienne au monde, qui ne pouvait la découvrir qu'avec le temps. Pas de vraie douleur qui n'excitât en elle non seulement la compassion, mais encore le désir de la soulager! Compatissante pour toute l'humanité en général, elle n'était cruelle que pour notre sexe. Un amoureux lui paraissait ridicule, et une passion qu'elle allumait n'avait à ses yeux que l'importance d'une comédie dont elle aurait été l'auteur et qui se jouait devant elle pour la divertir. Loin d'encourager personne, elle causait plutôt, à force de moqueries, du dépit à ceux qu'elle voulait approcher d'elle. Un peu plus âgée que son mari et ses sœurs, sans être une beauté, elle paraissait plus jeune qu'eux tous; sa taille menue, son petit nez, son regard ardent et pénétrant, son expression intraduisible par des mots et sa gracieuse désinvolture la rajeunirent longtemps. Ses manières dégagées n'avaient rien de celles d'une lionne d'aujourd'hui: elles ne sentaient pas l'effronterie; on eût dit un reste de mutinerie enfantine. Son rire fréquent et sonore eût semblé inconvenant chez une autre: chez elle il enchantait, coloré et relevé qu'il était de l'esprit dont pétillait toute sa conversation..... Combien, hélas! d'insensés, sans me compter, se firent, tels des moutons, immoler sur l'autel de la foi conjugale par celle qui aimait aussi son mari par-dessus tout, l'aimait tendrement, mais non passionnément!“

Non moins pittoresque est le portrait que trace de la princesse Viazemsky le comte S. Chéréméteff, qui la connut, lui, dans une vieillesse avancée: „Dans son installation invariable, quoique errante, au milieu de ses fauteuils rembourrés à l'ancienne mode, avec son éternelle table à broder et ses pelotons de laine, avec ses rideaux brodés, son éventail ou ses coussins, sa fameuse canne à la main, et, sur la tête, son bonnet à l'ancienne mode qu'elle aimait ôter dans le feu de la conversation, pleine d'ardeur juvénile, de franche gaité et d'esprit, avec son russe pur, moscovite de vieille roche, avec les sorties et les saillies de son esprit mutin et toujours jeune, la princesse était un type accompli de la vieille société moscovite d'avant l'incendie. Elle prenait feu et s'indignait, égrenant en même temps son rire communicatif, au courant de tout et en relations suivies et variées avec une foule de monde. Recevant chez elle sans cérémonie des hôtes de sang royal de divers pays avec une égale désinvolture et une simplicité originale qui n'était pas sans témoigner d'une profonde connaissance des faiblesses humaines et de la vie de Cour, elle enchantait tout le monde par l'éclat, la fraîcheur et la jeunesse de son esprit. Elle aimait à rappeler Pouchkine, avec qui elle avait été liée d'une amitié étroite et sans façons, et qu'elle n'appelaît pas autrement qu'Alexandre Pouschkine“.

(D'après une miniature appartenant à Mme S. Ouvaroff, St-Pétersbourg.)

54

Miss Mary Ann Johnson
 Born 1840
 Died 1900

55

John Smith Johnson
 Born 1845
 Died 1905

56

Miss Mary Ann Johnson
 Born 1840
 Died 1900

57

John Smith Johnson
 Born 1845
 Died 1905

54

Княгиня Вѣра Федоровна *La Princesse Véra Fédorowna*
Вяземская, *Viazemsky,*
1790 — 1886 1790 — 1886

55

Князь Петръ Андреевичъ *Le Prince Pierre Andréewitch*
Вяземскій, *Viazemsky,*
1792 — 1878 1792 — 1878

56

Софія Федоровна *Sophie Fédorowna*
Ладомірская, *Ladomirsky,*
1794 — 1855 1794 — 1855

57

Василій Николаевичъ *Basile Nikolaevitch*
Ладомірскій, *Ladomirsky,*
1786 — 1847 1786 — 1847

Князь ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ, 1792—1878, сынъ князя Андрея Ивановича († 20 Апрѣля 1807 г.) отъ брака съ Евгеніей Ивановной Орейи (по первому мужу Кппе, † 12 Апрѣля 1802 г.), родился въ Москвѣ 12 Іюля 1792 г.; пзъ-подъ присмотра цѣлаго полка гувернеровъ и учителей князь П. Вяземскій попалъ въ Петербургскій іезуитскій пансіонъ, оттуда въ пансіонъ при Педагогическомъ институтѣ, пзъ котораго былъ вызванъ въ Москву, гдѣ, по смерти отца, пмѣлъ въ лицѣ Н. М. Карамзина своего попечителя и наставника. Раннее общеніе съ литературнымъ міромъ скоро пробудило въ душѣ талантливаго юноши природныя дарованія: уже въ 1808 г. онъ дебютировалъ въ „Вѣстникѣ Европы“ „Посланіемъ къ....“. Нѣсколькими мѣсяцами раньше (съ 5 Ноября 1807 г.) онъ выступилъ и на поприщѣ служебномъ, въ качествѣ чиновника Московской Межевой канцеляріи. Въ 1812 г. патриотическое воодушевленіе привело его въ ряды участниковъ Бородинскаго сраженія; по окончаніи войны онъ продолжалъ прежнюю службу. Съ 1817 по 1821 г. находился при Н. Н. Новосильцевѣ и былъ свидѣтелемъ важныхъ событій, происходившихъ въ то время въ Варшавѣ; онъ же былъ отправленъ Новосильцевымъ къ Государю съ проектомъ конституціи, при чемъ въ этотъ же пріѣздъ онъ принялъ участіе въ запискѣ, поданной Государю, съ просьбой о дозволеніи приступить къ разсмотрѣнію вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Обстоятельства, происшедшія послѣ второго сейма, рѣшили уходить князя Вяземскаго со службы; онъ вернулся въ Москву и отдался литературной дѣятельности. Въ Апрѣлѣ 1830 г. князь Вяземскій поступилъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ финансовъ Канкринѣ, а затѣмъ состоялъ въ должности вице-директора Департамента вѣшной торговли и управляющаго Заемнымъ банкомъ. Годы 1853—1855 онъ провелъ за границей. Въ 1855 г. князь Вяземскій былъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія (А. С. Норова) и въ этой должности оставался до Марта 1858 г., когда окончательно вышелъ въ отставку. Служба вообще не привлекала его къ себѣ, и онъ всегда тяготился ею. Біографы князя Вяземскаго утверждаютъ, что его не увлекала жажда труда, и онъ легко предавался бездѣлю. И если къ этому выводу можно прійти, разсматривая князя Вяземскаго какъ чиновника, то къ нему же приведетъ и изученіе Вяземскаго какъ литературнаго дѣятеля: проработавъ на литературномъ поприщѣ какъ поэтъ, критикъ, журналистъ и публицистъ свыше 50 лѣтъ, онъ не создалъ ничего значительнаго, несмотря на свой блестящій умъ, талантъ и образованность. Литературная дѣятельность князя Вяземскаго разнообразна, но въ талантѣ его преобладала критическая струя: пробиваясь сначала въ эпиграммахъ, она ключомъ забила въ болѣе зрѣлыхъ его произведеніяхъ, и его сатира была мѣтка и язвительна, ибо соединяла самостоятельность и глубину мыслей съ рѣзкостью и оригинальностью выраженій; нашему величайшему сатирику Фонъ-Визину былъ посвященъ имъ критико-біографическій очеркъ этого писателя, одно изъ лучшихъ произведеній князя Вяземскаго. Да и вообще едва ли не въ критическихъ статьяхъ своихъ онъ наиболѣе успѣлъ проявить художественный вкусъ и талантъ образованнаго литератора стараго времени. Крупное литературное дарованіе князя Вяземскаго цѣнили современники отъ Карамзина до Гоголя; данъ уваженія заплатили ему и люди болѣе близкаго къ намъ поколѣнія, собравшіеся въ 1861 г. въ залы Академіи Наукъ чествовать 50-лѣтній юбилей литературной дѣятельности члена Россійской Академіи и ординарнаго академика князя П. А. Вяземскаго. Онъ былъ правъ, говоря о себѣ на этомъ праздникѣ: „На литературномъ поприщѣ я—живое воспоминаніе великой эпохи; я напоминаю имена ея, имена Карамзина, Жуковскаго, Пушкина и нѣкоторыхъ другихъ знаменитыхъ ея дѣятелей...“. Одиннадцать томовъ сочиненій князя Вяземскаго обязываютъ признать, что онъ до сихъ поръ не только живое, но и прекрасное воспоминаніе своей великой эпохи. Послѣдніе годы жизни князь П. А. Вяземскій провелъ изъ-за болѣзней по большей части за границей и умеръ въ Баденъ-Баденѣ 10 Ноября 1878 года; похороненъ онъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Князь П. А. Вяземскій былъ жепать на княжѣ Вѣрѣ Федоровнѣ Гагаринной; кромѣ сына Павла Петровича (р. 1820 г., † 1888 г.), у Вяземскихъ были дочери: Марія (р. 1813 г., † 1849 г.; въ замужствѣ за графомъ П. А. Валуевымъ), Прасковья (р. 1817 г., † 1835 г.) и Надежда (р. 1822 г., † 1840 г.).

(Съ рисунка карандашемъ К. Аванасьева; собраніе А. Э. Мюнстера, С.-Петербургъ.)

Le prince **PIERRE ANDRÉEWITCH VIAZEMSKY**, 1792—1878, fils du prince André Ivanowitch Viazemsky († 20 avril 1807) et d'Eugénie O'Reilly, en premières noces Quinet († 12 avril 1802), naquit à Moscou le 12 juillet 1792. D'abord sous la férule de toute une légion de gouverneurs et d'instituteurs, il entra ensuite à la pension des Jésuites de Pétersbourg, puis à celle de l'Institut Pédagogique, et fut enfin ramené à Moscou, où il trouva à la mort de son père un protecteur et un précepteur dans la personne de Karamzine. Mis de bonne heure en contact avec le monde des lettres, ce brillant esprit vit rapidement éclore ses talents naturels: dès 1808, il débutait au *Messenger d'Europe* avec son *Epître* à.... Quelques mois plus tôt, le 5 novembre 1807, il était entré dans la carrière administrative comme fonctionnaire à la chancellerie du Cadastre de Moscou. Entraîné en 1812 par l'enthousiasme patriotique sur le champ de bataille de Borodino, il reprit à la paix ses anciennes fonctions. Attaché à Novossiltzeff de 1817 à 1821, il fut témoin des graves événements qui se déroulèrent alors à Varsovie; ce fut lui qui alla de la part de Novossiltzeff présenter à l'Empereur le projet de constitution, et il collabora en même temps au mémoire remis à S. M. pour solliciter l'autorisation d'examiner la question de l'affranchissement des serfs. Les circonstances qui suivirent la session de la seconde diète entraînèrent sa retraite: il revint à Moscou se consacrer aux lettres. Il reprit du service en avril 1830 comme fonctionnaire des commissions spéciales près du ministre des finances Kankrine, puis fit les fonctions de sous-directeur du département du commerce extérieur, gérant de la Banque de Prêts. Parti pour l'étranger en 1853, il fut, à son retour, en 1855, nommé adjoint du ministre de l'instruction publique, et le resta jusqu'à sa retraite définitive, en mars 1858. Le service en général n'eut jamais d'attrait pour lui et lui fut toujours un fardeau. Ses biographes assurent qu'il ne connaissait pas la soif du travail et s'abandonnait facilement à l'oisiveté. Et si l'on arrive à cette conclusion pour le fonctionnaire, on y est également conduit pour le littérateur: en plus de cinquante ans de carrière littéraire comme poète, critique, journaliste et publiciste, il ne créa rien d'important, malgré son brillant esprit, son talent et ses connaissances. Ses productions furent variées, mais ce qui dominait en lui, c'était la fibre critique: elle se fit jour d'abord dans ses épigrammes, puis se révéla puissante dans ses œuvres de maturité; sa satire était virulente et touchait juste, car elle unissait l'indépendance et la profondeur de la pensée à la rudesse et à l'originalité de l'expression. L'étude de biographie critique qu'il consacra au plus grand de nos satiriques, von Vazine, est une de ses meilleures productions. Aussi bien, ce sont sans doute ses articles de critique qui témoignent le mieux de son goût artistique et de son talent de littérateur éclairé du vieux temps. Sa haute valeur littéraire fut appréciée par les contemporains, de Karamzine à Gogol; il reçut également l'hommage d'une génération plus voisine de la nôtre, lors de la solennité célébrée en 1861 à l'Académie des Sciences en son honneur comme membre de l'Académie Russe et académicien ordinaire, à l'occasion du cinquantième anniversaire de ses débuts dans la carrière littéraire, et c'est à bon droit qu'il dit de lui à cette cérémonie: „Dans la carrière des lettres, je suis le souvenir vivant d'une grande époque; j'en rappelle les noms, ceux de Karamzine, Joukovsky, Pouchkine, et autres grands hommes du temps“.... Les onze volumes laissés par le prince Viazemsky nous le montrent comme un souvenir non seulement vivant, mais brillant de sa grande époque. Dans ses dernières années, sa santé le retint presque constamment à l'étranger; il mourut à Baden-Baden le 10 novembre 1878, et fut inhumé au cimetière Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky.

Le prince Viazemsky avait épousé la princesse Véra Féodorowna Gagarine, dont il eut un fils Paul (1820—1888) et trois filles, Marie (1815—1849), mariée au comte P. Valoneff, Prascovie (1817—1835) et Nadejda (1822—1840).

(D'après un crayon d'Afanassieff, collection Munster, St-Pétersbourg.)

СОФІЯ ФЕДОРОВНА ЛАДОМІРСКАЯ, 1794—1855, младшая дочь генераль-майора князя Федора Сергѣевича Гагарина и княгини Прасковьи Юрьевны, рожденной княжны Трубецкой (р. 1762 г., † 1848 г.), родилась въ Варшавѣ 29 Декабря 1794 г., восемь мѣсяцевъ спустя послѣ смерти отца своего, убитаго поляками въ Варшавѣ въ Апрѣль 1794 года. Воспитанная въ Москвѣ подѣ надзоромъ матери своей, княгини Прасковьи Юрьевны, по словамъ Вигеля, „до безумія любившей своихъ дѣтей“, она провела остальную часть своей молодости до замужства въ домѣ вотчина своего, Петра Александровича Кологривова, за котораго, еще до войны 1812 г., вышла вторымъ бракомъ ея мать. Кологривовы жили зимой въ Московскомъ его домѣ, а лѣтомъ въ имѣніяхъ его, селѣ Мещерскомъ, Пензенской, и Жаркахъ, Калужской губерніи. О княжнѣ С. Ф. Гагариной и сестрахъ ея, Любови, вышедшей впослѣдствіи за Б. В. Полуэхтова, и Надеждѣ (княгинѣ Четвертинской), упоминаетъ въ своихъ запискахъ Вигель, говоря о старшей сестрѣ ихъ, княгинѣ Вѣрѣ Федоровнѣ Вяземской: „Я зналъ трехъ маленькихъ сестеръ ея, милыхъ, скромныхъ, веселыхъ. Мать воспитывала ихъ въ самыхъ русскихъ чувствахъ и не позволяла имъ танцовать въ 1812 г. на балахъ, находя совершенно неприличнымъ забавлять себя такимъ образомъ, когда вся Россія въ траурѣ“. Въ Январѣ 1819 г. княжна С. Ф. Гагарина вышла замужъ за недавно передъ тѣмъ овдовѣвшаго отставного гвардіи полковника Василя Николаевича Ладомірскаго, сына Екатерининскаго фаворита Ивана Николаевича Римскаго-Корсакова.

Сохранившіяся письма ея къ мужу свидѣлствуютъ о ея счастливой супружеской жизни, омрачавшейся лишь частыми разлуками съ мужемъ, находившимся въ постоянныхъ разъѣздахъ по дѣламъ управленія отцовскими имѣніями. Въ одномъ изъ нихъ, селѣ Братцевѣ, Московскаго уѣзда, перешедшемъ впослѣдствіи въ родъ Ладомірскихъ, большею частью и проживала С. Ф. Ладомірская и тамъ же скончалась, отъ тифа, 9 Августа 1855 года; погребена она, рядомъ съ мужемъ, въ склепѣ подѣ церковью Покрова Пресвятой Богородицы, въ Братцевѣ.

С. Ф. Ладомірская имѣла троихъ сыновей: Ивана (р. 15 Февраля 1820 г.), Николая (р. 2 Сентября 1822 г.) и Петра (р. 31 Декабря 1830 г.), служившихъ въ гвардіи, и двухъ дочерей: Софію (р. 26 Января 1830 г., † 6 Сентября 1880 г.), въ замужствѣ за графомъ А. А. Апраксинымъ, и Зинанду († 22 Апрѣля 1895 г.), за княземъ Д. М. Голицынымъ.

(Съ портрета, принадлежащаго князю Н. С. Щербатову, село Братцево, Московской губ.)

SOPHIE FÉODOROWNA LADOMIRSKY, 1794—1855, plus jeune fille du prince Théodore Serguéewitch Gagarine, général major, et de la princesse Prascovie Youriewna, née princesse Troubetzkoï (1762—1848), naquit à Varsovie le 29 décembre 1794, huit mois après la mort de son père, tué par les Polonais à Varsovie en avril 1794. Elevée à Moscou sous la surveillance de sa mère, qui, dit Wiegel, „aimait ses enfants à la folie“, elle resta une partie de sa jeunesse, jusqu'à son mariage, chez son beau-père Pierre Alexandrowitch Kologrivoïff, auquel sa mère s'était remariée dès avant la guerre de 1812: l'hiver à sa maison de Moscou, l'été dans ses propriétés de Mechtcherskoïé, gouvernement de Penza, et de Jarky, gouvernement de Kalouga. Wiegel parle d'elle, ainsi que de ses sœurs, Liouboff, mariée plus tard à B. Polouekhtoff, et Nadejda, princesse Tchetvertinsky, à propos de l'aînée des quatre, la princesse Véra Féodorowna Viazemsky: „J'ai connu ses trois petites sœurs, gentilles, modestes, gaies. Leur mère les élevait dans les sentiments les plus russes, et ne leur permit pas en 1812 de danser au bal, trouvant tout à fait inconvenant de s'amuser de la sorte, quand toute la Russie était en deuil“. La princesse Sophie épousa en janvier 1819 le colonel retraité de la Garde Basile Nikolaewitch Lodomirsky, veuf depuis peu, fils du favori de Catherine, Ivan Nikolaewitch Rimsky-Korsakoff.

Les lettres conservées d'elle à son mari témoignent de son bonheur conjugal, assombri seulement par de fréquentes séparations, nécessaires pour permettre à Lodomirsky de surveiller la gérance des propriétés de son père. C'est l'une d'elles, Bratzévo, district de Moscou, passée plus tard aux Lodomirsky, qu'elle habita presque constamment. Elle y mourut de la fièvre typhoïde le 9 août 1855, et fut inhumée près de son mari dans la crypte de l'église de l'Intercession de la Vierge.

Mme Lodomirsky eut trois fils, Ivan (né 15 février 1820), Nicolas (né 2 septembre 1822) et Pierre (né 31 décembre 1830), officiers de la Garde, et deux filles, Sophie (26 janvier 1830 — 6 septembre 1880), mariée au comte A. Apraxine, et Zénaïde († 22 avril 1895), au prince D. Golitzyne.

(D'après un original appartenant au prince N. Chtcherbatoff, Bratzévo, gouv. de Moscou.)

ВАСИЛІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ЛАДОМІРСКІЙ, 1786—1847, сынъ Екатеринбургскаго фаворита генераль-майора Ивана Николаевича Римскаго-Корсакова и графини Екатерины Петровны Строгановой, родился въ Москвѣ 28 Сентября 1786 года; раннее свое дѣтство провелъ въ домѣ своей крестной матери г-жи Толмачевой, на Покровкѣ, подъ присмотромъ двухъ англичанокъ и француза-гувернера изъ эмигрантовъ. По просьбѣ Корсакова, Павелъ I указомъ 15 Ноября 1798 г. пожаловалъ его сыновьямъ, Владимиру и Василию, и дочерямъ, Варварѣ и Софіи, фамилію Ладомірскихъ и права російскаго дворянства, съ дозволеніемъ наследовать благопріобрѣтенныя имѣнія отца. Грамотой Александра I отъ 16 Марта 1803 г. утверждёнъ былъ гербъ фамиліи Ладомірскихъ (угасшаго польскаго рода). Находясь въ университетскомъ пансіонѣ въ Москвѣ, В. Н. Ладомірскій былъ принятъ въ 1801 г. нажёмъ ко двору, но получилъ разрѣшеніе продолжать воспитаніе въ Москвѣ, которое, по его собственнымъ словамъ, велось довольно небрежно, безъ всякой системы, при чемъ „много времени пропадало даромъ“. Сдавъ выпускной экзаменъ въ Пажескомъ корпусѣ, 21 Января 1807 г. онъ поступилъ, по волѣ родителей, уже потерявшихъ въ 1806 г. на военной службѣ старшаго сына Владимира, въ Московскій Комиссаріатскій департаментъ, съ чиномъ XIV класса, и нѣсколько разъ былъ командированъ въ дѣйствующую армію. По желанію поступить на военную службу не покидало его, и, будучи представленъ въ 1808 г. Императору Александру I на парадѣ Семеновскаго полка, гдѣ у него было много друзей, онъ получилъ разрѣшеніе быть прикомандированнымъ къ этому полку портупей-прапорщикомъ, а 29 Августа 1809 г. произведёнъ въ прапорщики. Тутъ у него произошла дуэль съ офицеромъ Семеновскаго же полка Петромъ Нарышкинымъ, при чемъ оба они были ранены, но, благодаря участію Дюбича, дѣло обошлось для нихъ безъ непріятныхъ послѣдствій, и Императоръ Александръ I, вообще благоволившій къ Ладомірскому, прислалъ даже къ нему своего лейбъ-медика Вилле. Въ 1811 г. онъ былъ произведёнъ въ подпоручики, а 23 Сентября 1813 г. — въ поручики, съ назначеніемъ адъютантомъ къ генералу А. Я. Потемкину. Продолжавъ кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ, Ладомірскій 14 Марта 1816 г. произведёнъ въ штабсъ-капитаны, 4 Марта 1819 г. — въ капитаны, а 1 Февраля 1820 г. — въ полковники, съ переводомъ въ Дерптскій конно-егерскій полкъ; 12 Марта 1821 г. онъ вышелъ въ отставку и продолжалъ службу по выборамъ въ Московской губерніи, занимаясь въ то же время управленіемъ многочисленными имѣніями отца въ Бѣлоруссіи, къ чему пріучался съ самаго дѣтства. Въ 1834 г. В. Н. Ладомірскій былъ пожалованъ въ камергеры, а съ 1838 по 1847 г. состоялъ Черниговскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Ладомірскій былъ женатъ два раза: первымъ бракомъ, очень недолго, на княжну Марину Ксаверіевну Любомірскую (р. 1797 г., † 1815 г.), умершей 18-и лѣтъ отъ роду (похоронена въ церкви села Палыковичи, Черниговской губ.), а съ Января 1819 г. — на княжну Софію Федоровну Гагариную, отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: Василия, Николая и Петра, служившихъ въ гвардіи, и двухъ дочерей: Софію, замужемъ за графомъ А. А. Апраксинымъ, и Зинаиду, за княземъ Д. М. Голицынымъ.

В. Н. Ладомірскій скончался 24 Ноября 1847 г. и похороненъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи, с. Братцево, въ склепѣ подъ церковью Покрова Пресвятой Богородицы.

(Съ портрета, принадлежащаго князю Н. С. Щербатову, село Братцево, Московской губ.)

BASILE NIKOLAEWITCH LADOMIRSKY, 1786—1847, fils du général major et favori de Catherine Ivan Nikolaewitch Rimsky-Korsakoff et de la comtesse Catherine Pétrowna Stroganoff, naquit à Moscou le 28 septembre 1786. Il passa sa première enfance chez sa marraine, Mme Tolmatcheff, à sa maison de la Pokrovka, sous la surveillance de deux anglaises et d'un émigré français, son gouverneur. Sur la demande de Korsakoff, Paul Ier accorda par oukase, le 15 novembre 1798, à ses fils Vladimir et Basile et à ses filles Varvara et Sophie le nom de Lodomirsky et les prérogatives de la noblesse russe, avec autorisation d'hériter des biens légaux du père. Un rescrit d'Alexandre Ier confirma le 16 mars 1803 les armes des Lodomirsky, famille polonaise alors éteinte. Elève à la pension de l'Université de Moscou, le jeune Basile fut admis en 1801 comme page à la Cour, mais avec faculté de continuer à Moscou ses études, qui, de son propre aveu, étaient menées assez mollement, sans système aucun, et avec „perte de temps considérable“. Après avoir passé avec succès l'examen de sortie du Corps des Pages, il entra le 21 janvier 1807, par la volonté de ses parents, qui venaient de perdre en 1806 leur aîné Vladimir au service militaire, au département du Commissariat de Moscou, avec rang dans la XIVe classe, et fut à plusieurs reprises envoyé en mission à l'armée d'opérations. Mais il ne renonçait pas à l'espoir d'être aussi militaire, et, présenté en 1808 à l'Empereur Alexandre Ier à une parade du régiment Sémenowsky, où il avait beaucoup d'amis, il se fit commissionner à ce régiment comme porte-étendard à dragonne d'argent, puis passa porte-étendard le 29 août 1809. Il y eut un duel avec un officier, Pierre Narychkine; les deux adversaires furent blessés, mais, grâce à l'intervention de Dibitch, l'affaire n'eut pas de suite, et l'Empereur, bien disposé en général pour Lodomirsky, lui envoya même son médecin personnel Wyllie. Sous-lieutenant en 1811, il passa le 23 septembre 1813 lieutenant et aide de camp du général A. Potemkine. Il fit les campagnes de 1812, 1813 et 1814, fut promu le 14 mars 1816 capitaine en second, le 4 mars 1819 en premier, et, colonel le 1er février 1820, permuta au régiment de chasseurs à cheval de Dorpat. Il donna sa démission le 12 mars 1821, pour prendre une charge élective dans le gouvernement de Moscou, et faire valoir en même temps, ce qu'il avait appris tout jeune encore, les nombreuses propriétés de son père en Russie Blanche. Chambellan en 1834, il fut de 1838 à 1847 maréchal de la noblesse du gouvernement de Tchernigoff.

Lodomirsky fut marié deux fois, la première, pour très peu de temps, à la princesse Marine Ksaviériewna Lubomirsky (1797—1815), morte à 18 ans et inhumée dans l'église du bourg de Palykovitchi, gouvernement de Tchernigoff, la seconde, en janvier 1819, à la princesse Sophie Féodorowna Gagarine, dont il eut trois fils, Basile, Nicolas et Pierre, officiers de la Garde, et deux filles, Sophie, mariée au comte A. Apraxine, et Zénaïde, au prince D. Golitzyne. Lodomirsky mourut le 24 novembre 1847, et fut inhumé dans sa propriété de Bratzévo, aux environs de Moscou, dans la crypte de l'église de l'Intercession de la Vierge.

(D'après un original appartenant au prince N. Chtcherbatoff, Bratzévo, gouvernement de Moscou.)

Княгиня КЛЕОПАТРА ИЛЬНИЧНА ЛОБАНОВА-РОСТОВСКАЯ, 179. — 1840, младшая дочь генераль-майора графа Ильи Андреевича Безбородко (р. 1756 г., † 1815 г.), брата канцлера князя А. А. Безбородко, и графини Анны Ивановны, рожденной Ширяй (р. 1766 г., † 1824 г.), была самой богатой невестой в Россіи, унаследовавъ, за смертью единственнаго брата своего Андрея, вмѣстѣ съ сестрою своею Любовью, несмѣтныя богатства своего дяди, князя Александра Андреевича. Графиня Клеопатра Ильинична Безбородко вышла замужъ за генераль-майора князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовскаго. Бракъ этотъ, вначалѣ счастливый, былъ, однако, неудаченъ, и сунруги скоро развѣхались, но безъ формальнаго развода. Причиною разрыва былъ, какъ говорятъ, крупный проигрышъ князя Лобанова въ карты, при чемъ имъ была проиграна не только крупная сумма денегъ, но и принадлежавшее его женѣ имѣніе въ Подольской губерніи.

Впрочемъ, княгиня Клеопатра Ильинична, какъ видно изъ переписки братьевъ Булгаковыхъ, сама вела жизнь очень расточительную и, несмотря на свои 500.000 руб. годового дохода, пришла въ полное разореніе и объявила себя несостоятельною въ 8-и милліонахъ.

Княгиня К. И. Лобанова-Ростовская скончалась 21 Декабря 1840 г. и похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; она имѣла одну дочь, Анну, умершую въ молодыхъ лѣтахъ.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность П. М. Романова, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse CLÉOPÂTRE ILYINITCHNA LOBANOFF-ROSTOWSKY, 179. — 1840, plus jeune fille du comte Elie Andréewitch Bezborodko (1756 — 1815), général major et frère du chancelier, et de la comtesse Anne Ivanowna, née Chiriaï (1766 — 1824), était le plus riche parti de Russie, héritière avec sa sœur Liouboff, par la mort de leur unique frère André, des immenses richesses de leur oncle le chancelier. Elle épousa le prince Alexandre Yakovlewitch Lobanoff-Rostowsky. L'union, heureuse au début, tourna pourtant mal, et les époux se séparèrent bientôt, mais sans divorce formel. La raison en aurait été dans de grosses pertes de jeu du prince, qui perdit non seulement de fortes sommes, mais aussi une propriété de sa femme en Podolie.

D'ailleurs la princesse, comme en fait foi la correspondance des frères Boulgakoff, menait de son côté une vie fort dissipée, et, avec ses 500.000 roubles de revenu annuel, finit par se ruiner complètement et faire une banqueroute de huit millions.

La princesse Lobanoff-Rostowsky mourut le 21 décembre 1840, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Elle eut une fille Anne, morte jeune.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à P. Romanoff, St-Pétersbourg.)

Пис. Боровиковскій

Княжна Клеопатра Ильинична
La Princesse Cléopâtre Pyinitchna
 Lobanoff-Rostovsky,
 179. — 1840

Грав. пар. Боровиковскій

Князь Александръ Яковлевичъ
Le Prince Alexandre Yakovlevitch
 Lobanoff-Rostovsky,
 1788 — 1866

Князь **АЛЕКСАНДРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ**, 1788—1866, сынъ князя Якова Ивановича (р. 1760 г., † 1831 г.), Малороссійскаго генераль-губернатора, члена Государственнаго Совѣта, отъ брака съ Александрой Николаевной Салтыковой (р. 1764 г., † 1829 г.), родился 19 Іюля 1788 г. и получилъ образованіе въ знаменитомъ пансіонѣ аббата Николя. Въ 1801 г. онъ былъ записанъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, въ 1802—1805 гг. состоялъ при Московскомъ архивѣ Иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ короткое время служилъ въ Комиссаріатѣ и въ 1806 г. опредѣленъ былъ въ Кавалергардскій полкъ, съ чиномъ корнета. Онъ участвовалъ въ войнѣ съ французами 1807 г. и въ Турецкой, гдѣ заслужилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, золотую шпагу и чинъ штабсъ-ротмистра. Въ Отечественной войнѣ Лобановъ не принималъ участія, состоя ремонтеромъ, и только въ 1815 г. былъ въ Парижѣ. Въ 1813—1815 гг. командовалъ Полтавскимъ казачьимъ полкомъ, въ 1815 г. перешелъ въ Изюмскій гусарскій полкъ, около года былъ въ отставкѣ и въ 1817 г. поступилъ въ л.-гв. Конно-егерскій полкъ, назначенъ адъютантомъ къ князю П. М. Волконскому и вскорѣ пожалованъ флигель-адъютантомъ. Переведенный въ 1819 г. въ л.-гв. Гусарскій полкъ, онъ былъ произведенъ въ полковники. Въ Мартѣ 1828 г. Лобановъ получилъ чинъ генераль-майора и затѣмъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, но уже въ Сентябрѣ того же года былъ уволенъ отъ службы по болѣзни.

Оставивъ службу, Лобановъ могъ вполнѣ предаться своимъ природнымъ влеченіямъ: у него была страсть собирать всевозможныя коллекціи, изъ которыхъ многія оказались полезными въ научномъ отношеніи. Такъ, одно время онъ собиралъ все, имѣвшее отношеніе къ русской княжнѣ Аннѣ Ярославнѣ, женѣ Французскаго короля Генриха I, а позднѣе заинтересовался Маріей Стюартъ. Лобановъ извлекъ изъ архивовъ и напечаталъ 3 тома писемъ Шотландской королевы и собралъ до 800 ея портретовъ, которые завѣщалъ Эрмитажу, получившему и его собраніе книгъ о Маріи Стюартъ. Къ числу собраній, имѣвшихъ научную цѣнность, принадлежитъ собраніе книгъ по военному искусству и картъ, принадлежащее теперь Главному штабу, и коллекція портретовъ Петра Великаго, пожертвованная Публичной библіотекѣ. Кромѣ того, у него было обширное собраніе каталоговъ разныхъ картинныхъ галлерей и коллекція тростей и палокъ, принадлежавшихъ разнымъ историческимъ лицамъ (перешла къ гр. Воронцову-Дашкову). Въ 1821 г. Лобановъ издалъ въ Парижѣ Евангеліе отъ Маттея, переведенное имъ на русскій языкъ, и молитвы, читаемыя при Божественной литургіи, подъ конецъ жизни — два сборника разнообразныхъ меню на французскомъ языкѣ. Онъ былъ членомъ Парижскаго Société des Bibliophiles Français и Императорскаго Русскаго Географическаго общества. Наибольшую извѣстность Лобановъ приобрѣлъ, какъ основатель и первый командоръ Императорскаго Россійскаго яхтъ-клуба. Морскимъ дѣломъ онъ занимался, какъ любитель, и имѣлъ свои яхты. Лобановъ обладалъ хорошимъ состояніемъ и, кромѣ того, женился на одной изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ въ Россіи, графинѣ Клеопатрѣ Ильиничнѣ Безбородко († 1840 г.). Бракъ этотъ, сначала счастливый, оказался неудачнымъ, и супруги разошлись. Богатство позволяло Лобанову жить открыто и пышно въ его громадномъ домѣ на Адмиралтейскомъ проспектѣ (теперь Канцелярія Военнаго министерства). Въ 20-хъ годахъ его любимымъ мѣстопробываніемъ сдѣлался Парижъ. Лобановъ приобрѣлъ расположеніе Карла X и получилъ отъ него въ аренду замокъ и лѣсъ для охоты въ Фонтенбло. Широкая жизнь нѣсколько разстроила состояніе его, и онъ хотѣлъ продать Петербургскій домъ, но не находилось покупателя. Тогда онъ задумалъ разыграть его въ лотерею и выпустилъ миллионъ билетовъ, по рублю за билетъ, но лотерея не была разрѣшена Государемъ. Вернувшись въ Петербургъ, Лобановъ по-прежнему устраивалъ роскошныя пріемы и пользовался большою любовью среди общества. Онъ скончался 26 Ноября 1866 г. въ Петербургѣ, не оставивъ потомства, и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, находящагося въ Музеѣ Императора Александра III.)

Le prince ALEXANDRE YAKOVLEWITCH LOBANOFF-ROSTOWSKY, 1788—1866, fils du prince Jacques Ivanowitch Lobanoff-Rostowsky (1760—1851), général gouverneur de Petite-Russie et membre du Conseil de l'Empire, et d'Alexandrine Nikolaewna, née Saltykoff (1764—1829), naquit le 19 juillet 1788, et fit ses études à la célèbre pension de l'abbé Nicole. Entré en 1801 au Collège des Affaires étrangères, il fut de 1802 à 1805 à Moscou, aux Archives des Affaires étrangères, puis servit quelque temps au Commissariat, et, en 1806, alla comme cornette au régiment des Chevaliers-Gardes. Il fit la campagne de 1807 contre les Français et celle de Turquie, qui lui valut St-Vladimir de 4e classe avec le ruban, une épée d'or et le grade de capitaine de cavalerie en second. Attaché à la remonte lors de la Guerre Patriotique, il n'y prit pas part, et alla seulement à Paris en 1815. Commandant de 1813 à 1815 du régiment de Cosaques de Poltava, il permuta en 1815 à celui de hussards d'Izioume, puis, après un an de disponibilité, entra en 1817 à celui des chasseurs à cheval de la Garde, fut nommé aide de camp du prince P. Wolkonsky, et bientôt après aide de camp de Sa Majesté. Transféré en 1819 au régiment des hussards de la Garde et promu colonel, il passa général major en mars 1828, et, au mois de septembre suivant, après avoir été à la campagne de Turquie, prit sa retraite pour raisons de santé.

Rendu à la vie privée, Lobanoff put se livrer entièrement à ses goûts naturels: il avait la manie des collections de toute espèce, et il en fit quelques-unes qui présentaient un intérêt scientifique. C'est ainsi qu'un moment il recueillit tout ce qui concernait la princesse russe Anna Yaroslawnna, femme du Roi de France Henri Ier, et dans la suite s'intéressa à Marie Stuart. Il tira des archives, pour la publier en trois volumes, la correspondance de cette reine, et ne rassembla pas moins de 800 portraits d'elle, qu'il légua à l'Ermitage, en même temps que de sa collection d'ouvrages sur elle. Comme collection ayant une valeur scientifique, il convient d'en mentionner une de livres d'art militaire et de cartes, appartenant aujourd'hui à l'Etat-Major, et celle des portraits de Pierre-le-Grand donnée à la Bibliothèque Publique. Il avait en outre une immense quantité de catalogues de galeries de peinture et une série de cannes et de bâtons de personnages historiques, transmise au comte Worontzoff-Dachkoff. Il publia à Paris en 1821 une traduction russe de l'Evangile selon Saint-Mathieu ainsi que des prières dites aux offices, et sur la fin de sa vie, deux recueils de menus en français. Il était membre de la Société des Bibliophiles Français de Paris et de la Société Impériale Russe de Géographie. Il est surtout connu comme fondateur et premier commandeur du Yacht-Club Impérial Russe: amateur de sport nautique, il avait des yachts à lui. Déjà possesseur d'une grosse fortune, il épousa un des plus riches partis de Russie, la comtesse Cléopâtre Ilyinitchna Bezborodko († 1840). Ce mariage, d'abord heureux, tourna mal, et finit par une séparation. Grâce à sa fortune, Lobanoff menait une vie somptueuse et tenait table ouverte dans sa maison de la Perspective de l'Amirauté, aujourd'hui la Chancellerie du Ministère de la Guerre. Dans les années 20, Paris devint son séjour de prédilection. Charles X lui témoignait sa faveur et lui donna à bail un château et une chasse à Fontainebleau. La grande vie faisait quelque tort à sa santé, et il résolut de vendre sa maison de Pétersbourg, mais ne trouva pas d'acheteur. Il eut alors l'idée de la mettre en loterie et émit un million de billets à un rouble, mais l'Empereur refusa son autorisation. De retour en Russie, il reprit ses splendides réceptions de Pétersbourg, où il était très aimé. Il y mourut le 26 novembre 1866 sans postérité, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original du Musée Alexandre III.)

Князь ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, 1731 — 1791, сынъ флота капитана князя Ивана Яковлевича старшаго (р. 1687 г., † 1740 г.), родился 4 Апрѣля 1731 года, служилъ въ Конной гвардіи, но скоро вышелъ въ отставку всего только съ чиномъ поручика. Князь И. И. Лобановъ-Ростовскій принадлежалъ къ той старшей линіи этого древняго княжескаго рода, ведущаго свое начало отъ Владиміра Мономаха, чрезъ князя Ростовскаго Ивана Александровича „Лобана“, къ линіи, которая не блистала талантами, но извѣстна была своимъ необыкновеннымъ чадородіемъ. Отецъ князя Ивана Ивановича былъ однимъ изъ 28 дѣтей стольника князя Якова Ивановича, отъ двухъ его женъ, извѣстнаго какъ тѣмъ, что онъ былъ битъ кнутомъ и лишень части вотчинъ за разграбленіе на Троицкой дорогѣ царской казны, такъ и тѣмъ, что былъ очень недалекій человѣкъ; царевна Софья этимъ недомыслиемъ, тѣмъ, что „онъ самъ не знаетъ, что дѣлаетъ“, оправдывала его странный поступокъ на большой дорогѣ, а Петръ Великій, по словамъ князя П. Долгорукаго, будто бы однажды отвѣтилъ знаменитому Якову Федоровичу Долгорукому, когда тотъ сказалъ: „Je ne connais personne qui ait eu plus d'enfants que mon beau-frère (ихъ жены были княжны Черкасскія) Lobanow; ses deux femmes accouchaient presque toujours de jumeaux; il a eu de ses deux mariages quatorze fils et quatorze filles“. — „Cela se comprend“, dit le Czar, „ton beau-frère n'est bon qu'à faire des enfants: il est si bête“. Въ тѣхъ же „мемуарахъ“ можно найти свѣдѣнія о семействѣ самого князя И. И. Лобанова, который умеръ 26 Марта 1791 года и похороненъ въ Знаменской церкви Московскаго Новоспасскаго монастыря.

Съ 1752 г. князь И. И. Лобановъ-Ростовскій былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Александровнѣ Куракиной (3 Сентября 1735 г., † 7 Ноября 1802 г.), у которой было 5 сыновей и 2 дочери: 1) Александръ (р. 24 Мая 1752 г., † 20 Января 1830 г.), генераль-майоръ, 2) Иванъ (р. 1755 г., † 1756 г.), 3) Никита (р. 1757 г., † 1758 г.), 4) Дмитрій (р. 1758 г., † 1838 г.), генераль-отъ-пѣхотеріи, министръ Юстиціи, 5) Яковъ (р. 1760 г., † 1831 г.), Малороссійскій генераль-губернаторъ, членъ Государственнаго Совѣта, оберъ-камергеръ (см. т. I, № 133), 6) Марія (р. 1754 г., † 1814 г.) и 7) Прасковія († 1782 г.), въ замужествѣ за Лукьяномъ Ивановичемъ Талызинымъ.

На оборотѣ портрета находится слѣдующая старинная надпись: „кн. Иванъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій написанъ въ 1758 г. Апрѣля мѣсяца, 27 лѣтъ, въ Москвѣ живописцемъ Лидерсомъ“.

(Съ портрета Людерса, 1758 г.; Музей Императора Александра III.)

Le prince IVAN IVANOWITCH LOBANOFF-ROSTOWSKY, 1731—1791, fils du prince Ivan Yakovlewitch aîné Lobanoff-Rostowsky (1687—1740), capitaine de marine, naquit le 4 avril 1731. Il entra au service dans la Garde à cheval, mais pour en sortir peu après simple lieutenant. Issu d'une vieille famille princière remontant à Vladimir Monomaque par le prince de Rostoff Ivan Alexandrowitch Lobane, il était d'une branche insignifiante intellectuellement, mais connue pour son extraordinaire fécondité. Son père était un des vingt-huit enfants qu'eut de ses deux femmes le prince échanson Jacques Ivanowitch, celui qui reçut le knout et fut privé d'une partie de ses biens patrimoniaux pour avoir détourné le fisc sur la route de Troïtzky, et qui était connu pour son esprit borné: c'est même par son peu de tête que la Tzarewna Sophie expliqua son aventure bizarre sur la grande route: „Il ne sait lui-même ce qu'il fait“, et Pierre-le-Grand, au témoignage du prince P. Dolgorouky, aurait répondu au célèbre Jacques Féodorowitch Dolgorouky, qui lui disait un jour: „Je ne connais personne qui ait eu plus d'enfants que mon beau-frère“ (ils avaient épousé deux princesses Tcherkassky) „Lobanow; ses deux femmes accouchaient presque toujours de jumeaux; il a eu de ses deux mariages quatorze fils et quatorze filles“.—„Cela se comprend“, dit le Czar, „ton beau-frère n'est bon qu'à faire des enfants: il est si bête“. Les mêmes Mémoires donnent des détails sur la famille du prince I. I. Lobanoff lui-même; il mourut le 26 mars 1791, et fut inhumé à l'église de l'Apparition de la Vierge, au monastère Novospassky, à Moscou.

Le prince Lobanoff-Rostowsky épousa en 1752 la princesse Catherine Alexandrowna Kourakine (3 septembre 1735—7 novembre 1802), qui eut cinq fils et deux filles, Alexandre (24 mai 1752—20 janvier 1830), général major, Ivan (1755—1756), Nikita (1757—1758), Dmitri (1758—1838), général d'infanterie, ministre de la justice, Jacques (1760—1831), général gouverneur de Petite-Russie, membre du Conseil de l'Empire, grand chambellan (v. T. I, № 133), Marie (1754—1814) et Prascovie († 1782), mariée à Lucien Ivanowitch Talyzine.

Le revers du portrait porte la mention suivante, du temps: „Prince Ivan Ivanowitch Lobanoff-Rostowsky, peint en avril 1758, âgé de 27 ans. Moscou, le peintre Lüders“.

(D'après l'original de Lüders, 1758, Musée Alexandre III.)

60

1770. John Murray
Commander-in-Chief
1770-1771

1771. John Murray
Commander-in-Chief
1771-1772

61

62

1772. John Murray
Commander-in-Chief
1772-1773

1773. John Murray
Commander-in-Chief
1773-1774

63

1774. John Murray
Commander-in-Chief
1774-1775

1775. John Murray
Commander-in-Chief
1775-1776

1776. John Murray
Commander-in-Chief
1776-1777

1777. John Murray
Commander-in-Chief
1777-1778

60

Пис. Людеръ, 1758

Peint par Luder, 1758

Князь Иванъ Ивановичъ
Лобановъ-Ростовскій,
1731 — 1791

Le Prince Ivan Ivanowitch
Lobanoff-Rostowsky,
1731 — 1791

62

Князь Дмитрій Ивановичъ
Лобановъ-Ростовскій,
1758 — 1838

Le Prince Dmitri Ivanowitch
Lobanoff-Rostowsky,
1758 — 1838

61

Пис. Людеръ, 1759

Peint par Luder, 1759

Княгиня Екатерина Александровна
Лобанова-Ростовская,
1735 — 1802

La Princesse Catherine Alexandrowna
Lobanoff-Rostowsky,
1735 — 1802

63

Князь Алексѣй Яковлевичъ
Лобановъ-Ростовскій,
1795 — 1848

Le Prince Alexis Yakovlewitch
Lobanoff-Rostowsky,
1795 — 1848

Княгиня ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЛОБАНОВА-РОСТОВСКАЯ, 1735 — 1802, четвертая из семи дочерей князя Александра Борисовича Куракина, оберъ-шталмейстера и конференцъ-министра (р. 1697 г., † 1749 г.), и жены его, Александры Ивановны, рожденной Паниной (р. 1711 г., † 1786 г.), родилась 3 Сентября 1735 г., а семнадцати лѣтъ отъ роду вышла замужъ за князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовскаго, ротмистра Конной гвардіи. Свадьба состоялась въ Маѣ мѣсяцѣ 1752 г. при дворѣ. О знакомствѣ своемъ съ княжной Куракиной по этому случаю рассказываетъ Екатерина II въ своихъ запискахъ: „У меня сильно болѣло горло, что продолжалось болѣе трехъ недѣль, при сильномъ жарѣ, во время котораго Императрица прислала мнѣ княжну Куракину, выходившую замужъ за князя Лобанова. Я должна была ее причесывать; ее усадили для этого въ придворномъ платьѣ и въ большихъ фижмахъ на мою постель; я старалась, какъ могла; но Чоглокова, видя, что мнѣ не удастся убрать ей голову, велѣла ей сойти съ моей постели и докончила ея прическу. Я не видала этой дамы съ тѣхъ поръ“.

Княгиня Е. А. Лобанова, слабая и болѣзненная, почти безвыѣздно проживала или въ имѣніи въ Волоколамскомъ уѣздѣ, или въ Москвѣ, гдѣ поселилась послѣ смерти мужа ея мать, княгиня А. И. Куракина, домъ которой служилъ главной Московской квартирой многочисленной Куракинской семьѣ. Служба въ дорогомъ полку и крайняя непрактичность въ дѣлахъ князя И. И. Лобанова очень разстроили его состояніе, безконечные процессы по поводу наслѣдства княгини Бяритинской, на которое онъ претендовалъ, рѣшались не въ его пользу, и положеніе Лобановыхъ подчасъ становилось критическимъ, что весьма озабочивало княгиню Екатерину Александровну и всю ея родню. Сыновья ея воспитывались бабушкою, вмѣстѣ съ князьями Александромъ и Алексѣемъ Борисовичами Куракиными, и лишь внослѣдствіи, съ полученіемъ наслѣдства послѣ „тетки Кантемировой“, дѣла Лобановыхъ немного поправились. По словамъ Бантыша-Каменскаго, княгиня Екатерина Александровна „не знала гордости, была ласкова, вѣжлива, любезна со всѣми, благотворительна, получила отличное воспитаніе и имѣла веселый нравъ, не измѣнившійся даже въ маститой старости; кротость и доброта души изображались на лицѣ ея. Окруженная сыновьями, внуками, родными, она напоминала собой времена патріархальныхъ, когда старость была почтена на землѣ. Графы Панины, князь Рейнинъ, князья Куракины, Голицыны, Долгорукіе и Волконскіе, Бутурлины, Салтыковы, Тутолмины, Нелединскіе безпрестанно посѣщали ее по связямъ родства и изъ уваженія къ ея добродѣтелямъ и примѣрной жизни“.

Княгиня Екатерина Александровна Лобанова-Ростовская скончалась 7 Ноября 1802 г. и погребена, рядомъ съ мужемъ, въ Знаменской церкви Новоспасскаго монастыря, въ Москвѣ.

На оборотѣ прилагаемаго портрета, находящагося въ С.-Петербургѣ, въ Музеѣ Императора Александра III, стариннымъ почеркомъ написано: „кн. Екатерина Александров. Лобанова-Ростовская, рожд. княж. Куракина. Написана въ 1759 году въ Москвѣ, 25 лѣтъ, живописцемъ Лидерсомъ. Liders fec. 1759“. Въ Музеѣ еще имѣется 3 портрета княгини: одинъ И. Аргунова 1754 г. и два неизвѣстныхъ художниковъ (одинъ, изображающій ее въ старости), столько же портретовъ и ея мужа.

(Съ портрета Людерса, 1759 г.; Музей Императора Александра III.)

La princesse CATHERINE ALEXANDROWNA LOBANOFF-ROSTOWSKY, 1755—1802, quatrième des sept filles du prince Alexandre Borissowitch Kourakine (1697—1749), grand écuyer et ministre de la Conférence, et d'Alexandrine Ivanowna, née Panine (1711—1786), naquit le 3 septembre 1755, et épousa à 17 ans le prince Ivan Ivanowitch Lobanoff-Rostowsky, capitaine de la Garde à cheval. Le mariage fut célébré en mai 1752 à la Cour. Catherine II raconte dans ses Mémoires la connaissance qu'elle fit de la princesse Kourakine à cette occasion: „J'avais un terrible mal de gorge qui me dura plus de trois semaines avec une forte fièvre, pendant laquelle l'Impératrice m'envoya la princesse Kourakin, qui se mariait avec le prince Labanof. Je devais la coiffer; on la fit asseoir à cet effet en robe de Cour et grand panier sur mon lit: je fis ce que je pus, mais Mme Tschoglokokof, voyant qu'il m'était impossible de parvenir à la coiffer, la fit descendre de mon lit et acheva de la coiffer. Je n'ai pas revu cette dame depuis“.

La princesse Lobanoff, faible et malade, habitait presque constamment ou sa propriété du district de Volokolamsk, ou bien Moscou, où s'était fixée sa mère, devenue veuve, dont la maison était le quartier général à Moscou de la nombreuse famille Kourakine. Le prince, dans son régiment où le service revenait cher, surtout avec son manque absolu de sens pratique, compromettait fortement sa fortune, les procès sans fin qu'il engageait pour avoir l'héritage de la princesse Bariatinsky étaient perdus, et la situation devenait par moments critique, ce qui tourmentait fort la princesse et tous ses parents. Les enfants étaient élevés par la grand'mère, avec les princes Alexandre et Alexis Borissowitch Kourakine, et ce ne fut que plus tard, à l'entrée en possession de l'héritage de „la tante Kantémiroff“ que les affaires des Lobanoff allèrent un peu mieux. Au témoignage de Bantych-Kamensky, la princesse „ne connaissait pas la fierté; affable, courtoise, aimable avec tout le monde, charitable, elle avait une excellente éducation et une humeur gaie qui ne varia jamais, même dans une vieillesse avancée; la douceur et la bonté d'âme étaient peintes sur son visage. Entourée de ses fils, de ses petits-enfants et de ses parents, elle rappelait le temps patriarcal où la vieillesse était honorée sur la terre. Les comtes Panine, le prince Repnine, les princes Kourakine, Golitzyne, Dolgorouky et Wolkonsky, les Boutourline, les Saltykoff, les Toutolmine, les Nélédinsky venaient constamment la voir comme parents et par déférence pour ses vertus et sa vie exemplaire“.

La princesse Lobanoff-Rostowsky mourut le 7 novembre 1802, et fut inhumée près de son mari, à l'église de l'Apparition de la Vierge, au monastère Novospassky à Moscou.

Le présent portrait, conservé à St-Petersbourg, au Musée Alexandre III, porte au revers la mention suivante, du temps: „Pr. Catherine Alexandrov. Lobanoff-Rostowsky, née pr. Kourakine. Peinte en 1759 à Moscou âgée de 25 ans par l'artiste Luders.—Luders fec. 1759“. Le Musée possède trois autres portraits de la princesse, un d'Argounoff 1754, et deux (dont un la représente âgée) d'auteurs inconnus, et autant de portraits de son mari.

(D'après l'original de Lüders, 1759, Musée Alexandre III.)

Князь ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧЪ ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, 1758—1838, сынъ поручика Конной гвардіи князя Ивана Ивановича отъ брака съ княжной Екатериной Александровной Куракиной, родился 20 Сентября 1758 г.; 14-и лѣтъ, въ 1772 году, онъ записанъ былъ сержантомъ въ Семеновскій полкъ, куда и явился въ 1779 г., при чемъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ получилъ три первые чина и въ 1783 г. былъ выпущенъ въ армію подполковникомъ. Принимая дѣятельное участіе въ войнѣ съ турками, былъ при осадѣ Очакова и взятіи Измаила, гдѣ былъ тяжело раненъ, за что получилъ Георгія 4-й ст. и чинъ полковника. Послѣ битвы при Мачинѣ (28 Іюня 1791 г.) посланъ былъ курьеромъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о побѣдѣ князя Н. В. Репнина, дяди его по матери, и тутъ получилъ, 15 Іюля, орденъ св. Георгія 3-й ст.; за участіе во взятіи Праги 24 Октября 1794 г. князь Лобановъ получилъ золотую шпагу и чинъ бригадира. Царствованіе Павла I принесло князю рядъ отличій: чины генераль-майора и генераль-лейтенанта, орденъ св. Анны 1-й ст. и командорство этого ордена въ 400 душъ, въ Московской губерніи. Однако, назначенный военнымъ губернаторомъ Архангельска и получивъ 14 Декабря 1797 г. рескриптъ съ выраженіемъ благоволенія „за осторожныя мѣры, принятыя въ Архангельскѣ“ (уничтоженіе „дружескаго общества“ въ домѣ кунца Кольморгена), 27-го того же Декабря князь Лобановъ былъ уволенъ въ отставку. Только въ концѣ 1806 г. онъ опять вернулся на службу, назначенный начальникомъ 17-й дивизіи, формировавшейся тогда въ Твери, которую онъ и привелъ въ армію Беннигсена подъ Тильзитъ. Имя князя Лобанова неразрывно связано въ исторіи съ послѣднимъ. Александръ I возложилъ на него обязанность вести переговоры съ Наполеономъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Переговоры сначала съ Бертье, затѣмъ съ самимъ императоромъ французамъ, при извѣстной самостоятельности и неуступчивости князя Лобанова, привели, однако, къ результатамъ, желаннымъ для Русскаго Государя, уже тогда замыслившаго воспользо-ваться мирнымъ промежуткомъ для того, чтобы нанести окончательный ударъ врагу. Тильзитскій трактатъ былъ подписанъ Лобановымъ вмѣстѣ съ его двоюроднымъ братомъ княземъ А. Б. Куракинымъ. Пожалованный въ генералы-отъ-инфантеріи и Александровской звѣздой, князь Лобановъ получилъ отъ Наполеона орденъ Почетнаго Легіона и подарки. 1 Января 1808 г. онъ былъ назначенъ Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, но на слѣдующій годъ вышелъ въ отставку по разстроенному здоровью. Послѣ генералъ-губернаторства въ Лифляндіи (съ 1810 по 1812 гг.), во время Отечественной войны князю Лобанову поручено было формировать резервныя дивизіи, а потомъ, въ 1813 г., онъ былъ назначенъ командиромъ пограничной резервной арміи. 25 Марта 1813 г. получилъ Владимірскую ленту, 16 Декабря—назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а 27 Апрѣля 1814 г. пожалованъ Андреевской звѣздой. 25 Августа 1817 г. Лобановъ былъ назначенъ Министромъ Юстиціи, при чемъ Государь писалъ ему: „Удостоверень я въ полной мѣрѣ, что вы оправдаете въ строгомъ смыслѣ названіе, присвоенное инструкціею генераль-прокурору: око Императорское“. Награжденный въ день коронаціи Николая I алмазными знаками ордена св. Андрея, князь Лобановъ, страдая отъ ранъ и старости, 18 Октября 1827 г., по его прошенію, получилъ увольненіе отъ должности министра.

По свидѣтельству современниковъ, князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій былъ всныльчивъ, горячъ, въ обращеніи рѣзокъ, но добръ. Особенно неелестно отзывался о „нетерпѣливомъ, бѣшеномъ“ князѣ Лобановѣ Вигель, удивляясь, что Государь, подъ вліяніемъ Аракчеева, „вручилъ вѣсы правосудія разъяренной обезьянинѣ, которая кусать могла только невнопадъ“. По его словамъ, послѣ Тильзитскаго мира, онъ „досадилъ всѣмъ и, въ насмѣшку надъ кривлявою заносчивостью своею, получилъ прозваніе „Князя мира“; никогда еще ничтожество не бывало самолюбивѣе и злѣе, какъ въ этомъ сокращенномъ человѣкѣ, въ этомъ сердитомъ карлѣ, у котораго на маленькой калмыцкой харѣ рѣзко было начертано грѣхопаденіе, не знаю, матери или бабки его“.

Князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій умеръ холостымъ, на 80-мъ году жизни, 25 Іюля 1838 года и похороненъ на кладбищѣ близъ Фарфороваго завода, на берегу Невы, въ 7-и верстахъ отъ Петербурга. У князя Лобанова было четверо „воспитанниковъ“, которые въ 1820 году получили дворянство и фамилію „Дмитревскихъ“.

(Съ акварельнаго портрета изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le prince DMITRI IVANOWITCH LOBANOFF-ROSTOWSKY, 1758—1838, fils du prince Ivan Ivanowitch Lobanoff-Rostowsky, lieutenant de la Garde à cheval, et de Catherine Alexandrowna, née princesse Kourakine, naquit le 20 septembre 1758. Enrôlé en 1772, à 14 ans, sergent au régiment Sémenowsky, il y entra en 1779, fit trois grades en trois ans, et en sortit en 1783 lieutenant-colonel à l'Armée. Il prit une part active à la guerre de Turquie et se trouva au siège d'Otchakoff et à la prise d'Ismail, où il fut grièvement blessé, et qui lui valut St-Georges de 4e classe et le grade de colonel. Après la bataille de Matchine (28 juin 1791), il alla en courrier à Pétersbourg annoncer la victoire du prince N. Repnine, son oncle maternel, et y reçut le 15 juillet St-Georges de 3e classe. La prise de Praga, le 24 octobre 1794, lui valut une épée d'or et le grade de brigadier. Le règne de Paul Ier lui apporta toute une série de distinctions, les grades de général major et de général lieutenant, Ste-Anne de 1re classe et, comme commandorat de cet ordre, 400 têtes de paysans dans le gouvernement de Moscou. Pourtant, en 1797, gouverneur militaire d'Arkhangel, après avoir reçu le 14 décembre un rescrit lui témoignant la bienveillance de l'Empereur „pour les mesures de précaution prises à Arkhangel“ (fermeture de la Société Amicale chez le marchand Kolmorgen), il fut destitué le 27 suivant. Ce ne fut qu'à la fin de 1806 qu'il rentra au service, comme commandant de la 17e division, alors en formation à Tver et à laquelle il fit joindre l'armée de Bennigsen à Tilsitt. Ce dernier nom est inséparable du sien dans l'histoire. Alexandre Ier l'avait chargé de négocier avec Napoléon la fin des hostilités. Les pourparlers, d'abord avec Berthier, puis avec l'empereur des Français lui-même, malgré le caractère bien connu, entier et tenace, du prince Lobanoff, aboutirent selon les désirs du Souverain Russe, qui méditait déjà de profiter d'une trêve pour préparer à l'ennemi le coup fatal. Signataire du traité de Tilsitt avec son cousin germain le prince Alexandre Kourakine, Lobanoff, promu général d'infanterie et décoré de l'étoile de St-Alexandre, reçut de Napoléon la Légion d'Honneur et des cadeaux. Nommé gouverneur militaire de Pétersbourg le 1er janvier 1808, il donna sa démission l'année suivante pour raisons de santé. Général gouverneur de Livonie de 1810 à 1812, il fut chargé pendant la Guerre Patriotique de la formation de divisions de réserve, puis, en 1813, nommé commandant de la réserve des frontières. Décoré du cordon de St-Vladimir le 25 mars 1813, membre du Conseil de l'Empire le 16 décembre, et gratifié de l'étoile de St-André le 27 avril 1814, il fut fait ministre de la justice le 25 août 1817, et l'Empereur lui écrivait: „Je suis absolument persuadé que vous justifierez rigoureusement l'appellation donnée par l'instruction au procureur général: l'œil de l'Empereur“. Il reçut, le jour du Couronnement de Nicolas Ier, les insignes en diamant de St-André, et, affaibli par ses blessures et par l'âge, donna le 18 octobre 1827 sa démission de ministre.

Au témoignage des contemporains, le prince Lobanoff-Rostowsky était emporté, violent et de manières rudes, mais bon. Wiegel est particulièrement sévère pour „cet impatient, cet enragé“, et s'étonne que l'Empereur, sous l'influence d'Araktchéeff, „ait confié les balances de la justice à ce singe furieux qui ne savait que mordre à tort et à travers“. Selon Wiegel, après la paix de Tilsitt, „tout le monde en eut assez, et, par dérision pour sa mine grimaçante et hautaine, on le surnomma le Prince de la Paix; jamais nullité n'avait encore été unie à tant d'amour-propre et de méchanceté que chez ce bout d'homme, chez ce nain rageur, qui portait gravée sur sa petite trogne de Kalmouck la fante de je ne sais qui, sa mère ou sa grand'mère“.

Le prince Lobanoff-Rostowsky mourut célibataire dans sa 80e année, le 25 juillet 1838, et fut inhumé au cimetière voisin de la Manufacture de Porcelaine, sur les bords de la Néva, à sept verstes de Pétersbourg. Il eut quatre „pupilles“, qui reçurent en 1820 la noblesse et le nom de Dmitrewsky.

(D'après une aquarelle de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь АЛЕКСѢЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, 1795—1848, сынъ князя Якова Ивановича (р. 1760 г., † 1831 г.), Малороссійскаго генераль-губернатора, члена Государственнаго Совѣта и оберъ-камергера, отъ брака съ Александрой Николаевной Салтыковой (р. 1764 г., † 1829 г.), родился 8 Января 1795 г. и на службу поступилъ въ 1802 г. юнкеромъ въ Московскій архивъ Иностранныхъ дѣлъ. Въ 1805 г. онъ былъ переведенъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ служилъ въ Общей канцеляріи Военнаго министерства (въ 1812 г.) и провіантскимъ комиссіонеромъ (въ 1813 г.), а въ 1814 году перешелъ на военную службу въ Александрійскій гусарскій полкъ, съ чиномъ поручика, и принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Назначенный адъютантомъ къ графу М. С. Воронцову, командовавшему оккупационнымъ корпусомъ, который оставался во Франціи до 1818 г., Лобановъ въ томъ же 1814 г. былъ переведенъ въ лб.-гв. Гусарскій полкъ, съ оставленіемъ въ прежней должности, а въ 1819 г. назначенъ адъютантомъ къ князю П. М. Волконскому, въ 1821 г. пожалованъ во флигель-адъютанты и въ 1823 г. произведенъ въ полковники. Въ 1826 г. онъ командовалъ 2-мъ Своднымъ гвардейскимъ легкимъ кавалерійскимъ полкомъ, сформированнымъ въ Москвѣ; въ 1828 г. принялъ участіе въ Турецкой войнѣ и за отличіе при осадѣ Варны награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. и чиномъ генераль-майора, съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества. Генераль-адъютантъ съ 1833 г., Лобановъ произведенъ въ генераль-лейтенанты въ 1837 г. и въ 1846 г. назначенъ членомъ Комитета 18 Августа 1814 г. (о раненыхъ). Состоя при особѣ Его Величества, онъ, кромѣ инспектированія различныхъ войсковыхъ частей, исполнялъ еще и особыя, возлагавшіяся на него, порученія: въ 1829 г. осматривалъ чумные госпитали въ дѣйствующей арміи, въ 1833 г. былъ отправленъ въ Виленскую, Екатеринославскую и Херсонскую губерніи по случаю неурожая, въ 1836 г. былъ командированъ въ Сибирскую губернію для усмиренія оказавшихъ неповиновеніе начальству лашманъ (крестьяне и инородцы, обязанные заготавливать корабельный лѣсъ для флота), въ 1838 г. предсѣдательствовалъ въ слѣдственной комиссіи о злоупотребленіяхъ при постройкѣ шоссе въ Смоленской губерніи. Князь Лобановъ неоднократно ѣздилъ за границу съ особыми порученіями Николая I къ иностраннымъ монархамъ: въ 1838 г. въ Копенгагенъ, въ 1840 г. въ Гаагу, въ 1841 г. въ Берлинъ, въ 1842 г. въ Берлинъ и Шверинъ, въ 1844 г. въ Берлинъ и Вѣну. Въ 1842 г. онъ состоялъ при королѣ Прусскомъ во время его пребыванія въ Петербургѣ и затѣмъ сопровождалъ его на Рейнъ, на маневры прусской арміи. Высшими наградами, полученными Лобановымъ, были ордена св. Анны 1-й ст. и Бѣлаго Ора (1846 г.). Находясь постоянно въ сношеніяхъ съ иностранными государями, онъ имѣлъ много иностранныхъ орденовъ.

Князь А. Я. Лобановъ-Ростовскій скончался въ Іюнь 1848 года. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Софіи Петровнѣ Лопухиной (р. 1798 г., † 1825 г.) и имѣлъ 3 сыновей: Петра (р. 1820 г., † 1840 г.), Николая (р. 1823 г.) и Дмитрія (р. 1825 г.).

(Съ портрета, находящагося въ Музеѣ Императора Александра III.)

Le prince ALEXIS YAKOVLEWITCH LOBANOFF-ROSTOWSKY, 1795—1848, fils du prince Jacques Ivanowitch Lobanoff-Rostowsky (1760—1831), général gouverneur de Petite-Russie, membre du Conseil de l'Empire et grand chambellan, et d'Alexandrine Nikolaewna, née Saltykoff (1764—1829), naquit le 8 janvier 1795. Entré au service en 1802 comme gentilhomme aux Archives des Affaires étrangères à Moscou, il passa en 1805 au Collège des Affaires étrangères, puis servit à la Chancellerie générale du ministère de la guerre (1812) et fut commissaire aux vivres (1815). En 1814, il permuta au service militaire, lieutenant au régiment des hussards Alexandriysky, et fit la campagne. Aide de camp du comte M. Worontzoff, commandant du corps d'occupation qui resta en France jusqu'en 1818, il fut affecté en 1814 au régiment des hussards de la Garde, en conservant les mêmes fonctions; puis, aide de camp en 1819 du prince P. Wolkonsky, il devint aide de camp de Sa Majesté en 1821 et passa colonel en 1823. Il commanda en 1826 le 2e régiment de cavalerie légère de la Garde formé à Moscou. La campagne de Turquie de 1828 lui valut, pour sa bravoure au siège de Varna, St-Georges de 4e classe et le grade de général major avec affectation à la Suite de Sa Majesté. Général aide de camp en 1833, il fut promu général lieutenant en 1837 et nommé en 1846 membre du Comité du 18 août 1814 (pour les blessés). Attaché à la Personne de Sa Majesté, il eut, outre l'inspection de divers corps de troupes, à remplir un certain nombre de missions spéciales: en 1829 visite des baraquements de pestiférés à l'armée d'opérations, en 1833 mission dans les gouvernements de Vilna, Ekaterinoslav et Kherson à l'occasion de la disette, en 1836 mission dans celui de Simbirsk pour réprimer l'insubordination des paysans et allogènes chargés de la mise en œuvre du bois de construction pour la flotte, en 1838 présidence de la commission d'enquête sur les abus commis lors de la construction d'une route dans le gouvernement de Smolensk. Il alla aussi à plusieurs reprises à l'étranger avec mission spéciales de Nicolas Ier près des souverains étrangers, en 1838 à Copenhague, en 1840 à La Haye, en 1841 à Berlin, en 1842 à Berlin et à Schwerin, en 1844 à Berlin et à Vienne. En 1842, il fut attaché au Roi de Prusse lors de son séjour à Pétersbourg, et l'accompagna ensuite sur le Rhin, aux manœuvres de l'armée prussienne. Ses plus hautes distinctions furent Ste-Anne de 1re classe et l'Aigle Blanc (1846). Constamment en rapports avec des souverains étrangers, il avait beaucoup de décorations étrangères.

Le prince Lobanoff-Rostowsky mourut en juin 1848. Il avait épousé la princesse Sophie Pétrowna Lopoukhine (1798—1825), et eut trois fils, Pierre (1820—1840), Nicolas (né 1825) et Dmitri (né 1825).

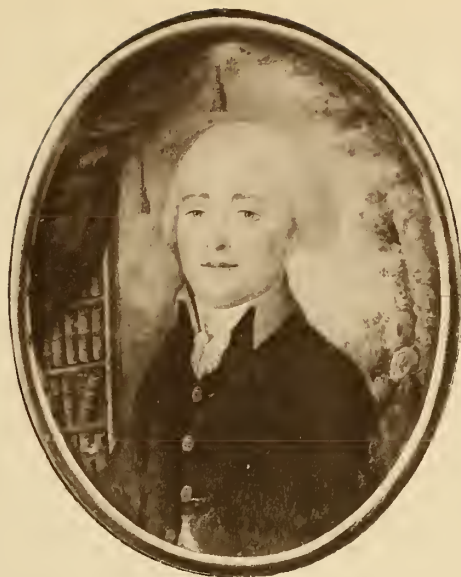
(D'après un original du Musée Alexandre III.)

John Adams, 1st President
1735-1800

George Washington, 1st President
1732-1799

64

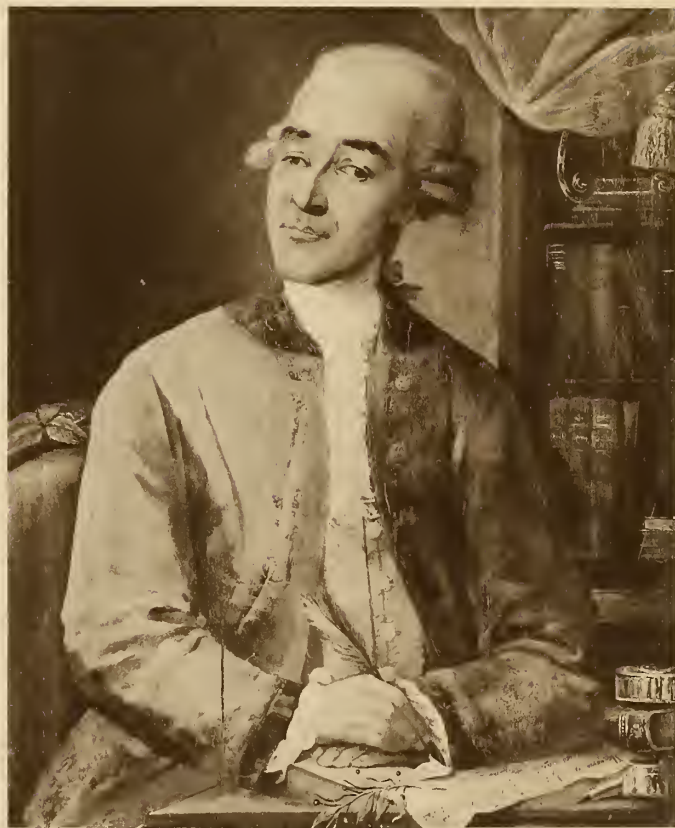
Андрей Тимофеевич Болотовъ, 1738 — 1833
 André Timoféewitch Bolotoff, 1738 — 1833

65

Василій Назарьевичъ Каразинъ, 1773 — 1842
 Basile Nazarijewitch Karazine, 1773 — 1842

66

Пис. А. Кипренский, 1786
 Paint par A. Kiprenskoff, 1786
 Василий Григорьевичъ Рубанъ, 1742 — 1795
 Basile Grigorijewitch Roubane, 1742 — 1795

АНДРЕЙ ТИМОФЕЕВИЧЪ БОЛОТОВЪ, 1738 — 1833, сын полковника Тимофея Петровича († 26 Сентября 1750 г.) отъ брака съ Маврой Степановной Бокфевой (р. 1700 г., † 23 Апрѣля 1752 г.), родился въ Тульской губерніи 7 Октября 1738 г.; 10-и лѣтъ былъ зачисленъ кантенармусомъ въ полкъ, которымъ командовалъ его отецъ. Черезъ 2 года Болотовъ потерялъ отца, а еще 2 года спустя умерла и мать; 14-лѣтній мальчикъ, по происхожденію своему изъ дворянъ средней руки и при томъ весьма небогатый, самъ долженъ былъ прокладывать себѣ дорогу. Въ 1755 г. онъ поступилъ сержантомъ въ Архангело-городскій полкъ, 19-лѣтнимъ офицеромъ участвовалъ въ бояхъ Семилѣтней войны. За это время онъ много видѣлъ, многое слышалъ, встрѣчался и даже подружился со многими лицами, которыя потомъ играли видную роль, какъ, напримѣръ, съ Григоріемъ Орловымъ. Прослуживъ съ 1756 г. по 1762 годъ въ войскахъ, Болотовъ однимъ изъ первыхъ носившимъ воспользоваться свободой, предоставленной дворянству Манифестомъ 18 Февраля 1762 года. Добродушный, тихій нравъ и любовь къ умственнымъ занятіямъ, къ чтенію, письму, рисованію, а также къ сельскому хозяйству, влекли Болотова изъ военной среды. Онъ снѣвшилъ оставить полкъ и позднѣе радовался, что судьба спасла его отъ участія въ событіяхъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Екатерины II, нимало не сожалѣя о чинахъ и почестяхъ, которыми готовы были осыпять его друзья, сторонники новой Государыни, если бы онъ принялъ участіе въ ихъ предпріятіяхъ. Выйдя въ отставку, Болотовъ женился 4 Юля 1769 г. на Александрѣ Михайловнѣ Каверинои (р. 1751 г., † 3 Октября 1834 г.); поселившись затѣмъ навсегда въ своемъ родовомъ селѣ Дворяниновѣ, Алексинскаго уѣзда, онъ проводилъ большую часть времени въ литературныхъ занятіяхъ. Среди сосѣдей онъ имѣлъ много знакомыхъ и пользовался всеобщими симпатіями. Жуковскій, на склонѣ своихъ дней, въ 1851 г., вспоминая дорогое прошлое, писалъ: „изъ постороннихъ лицъ этого времени (его дѣтство) самое памятное и любезное для меня есть лицо Болотова; когда онъ посѣщалъ насъ въ Тулѣ, онъ былъ мнѣ самый привлекательный человекъ и сильно на меня дѣйствовалъ своей многосторонностью“. Въ своемъ уединеніи Болотовъ не упускалъ ни малѣйшей бытовой черты современной ему жизни, заносилъ въ свою автобіографію все относившееся до тогдашней какъ государственной, такъ и общественной жизни Россіи, что при его сношеніяхъ съ Новиковымъ и другими образованными Москвитчами, а также при его страсти къ чтенію книгъ, газетъ и журналовъ, являлось дѣломъ довольно легкимъ. Здѣсь же, въ деревнѣ, Болотовъ въ теченіе 30 лѣтъ (съ 1789 по 1816 г.) съ поразительнымъ постоянствомъ писалъ свои воспоминанія — „Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя имъ самимъ для своихъ потомковъ“. Громадный трудъ этотъ, безспорно, одинъ изъ главнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи русскаго общества XVIII столѣтія, изучая которую, нельзя обойтись безъ записокъ Болотова. Долго хранились они въ неизвѣстности, и только небольшіе отрывки изъ нихъ впервые появились въ „Сынѣ Отечества“ за 1839 г.; позднѣе записки были напечатаны, но съ большими сокращеніями, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1850 и 1851 гг.), и, наконецъ, въ полномъ видѣ въ „Русской Старинѣ“ 1870 года (и отдѣльно).

А. Т. Болотовъ умеръ 3 Октября 1833 г., оставивъ многочисленное семейство дѣтей и внуковъ; у него было 3 сына: Дмитрій (р. 7 Мая 1766 г., † въ Октябрѣ 1766 г.), Степанъ (р. 1768 г., † 1773 г.) и Павелъ (р. 7 Мая 1771 г., † 18 Юля 1850 г.), и 6 дочерей: Елизавета (р. 1767 г., † 182 . г.; за П. Г. Шишковымъ), Анастасія (р. 1775 г., † 182 . г.; за П. И. Воронцовымъ-Вельяминовымъ), Ольга (р. 1775 г., † 182 . г.; за Ф. И. Бородинымъ), Александра (р. 1777 г., † 1778 г.), Екатерина (р. 1778 г.; за А. П. Пестовымъ) и Варвара (р. 1781 г., † 1782 г.).

Болотовъ умѣлъ рисовать и, кромѣ иллюстрированія своей рукописи, къ первой ея тетради приложилъ свой портретъ, который, какъ изображеніемъ лица и обстановки, такъ и манерой рисунка, очень напоминаетъ прилагаемую миниатюру, которая можетъ быть также его собственной работы.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

ANDRÉ TIMOFÉEWITCH BOLOTOFF, 1758—1833, fils du colonel Timothée Pétrowitch Bolotoff († 26 septembre 1750) et de Mavra Stépanowna, née Bokéeff (1700—23 avril 1752), naquit dans le gouvernement de Toula le 7 octobre 1758. Enrôlé à l'âge de 10 ans capitaine d'armes au régiment de son père, qui mourut deux ans après, deux ans encore plus tard il perdit aussi sa mère: avec ses 14 ans et sa petite noblesse, sans fortune aucune, il lui fallait faire son chemin lui-même. Entré en 1755 sergent au régiment Arkhangélogorodsky, il alla à 19 ans à la Guerre de Sept-Ans comme officier. Il y eut l'occasion de voir et d'entendre bien des choses, de se rencontrer et même de se lier avec une foule de personnages destinés à être un jour en vue, comme, par exemple, Grégoire Orloff. Resté aux armées de 1756 à 1762, il fut un des premiers à se hâter de profiter de la liberté accordée à la noblesse par le manifeste du 18 février 1762. Son naturel débonnaire et tranquille, et son amour des travaux intellectuels, lecture, production littéraire, dessin, ainsi que de la vie champêtre, lui firent abandonner la carrière militaire. Il se hâta de quitter le régiment, heureux un jour d'avoir eu la chance de ne pas être mêlé aux événements qui portèrent Catherine II au trône, et ne regrettant nullement les grades et les honneurs dont ses amis partisans de la nouvelle Impératrice étaient prêts à le combler s'il les eût secondés. Sa démission donnée, il épousa le 4 juillet 1769 Alexandrine Mikhaïlowna Kavérine (1751—3 octobre 1834); puis il se fixa pour toujours dans sa bourgade patrimoniale de Dvorianinoff, district d'Alexine, où il se consacra presque exclusivement aux travaux littéraires. Lié avec beaucoup de ses voisins, il jouissait de la sympathie universelle. Joukowsky, au déclin de ses jours, en 1851, rappelant un passé cher à son cœur, écrivait: „Des contemporains“ (de son enfance) „qui n'étaient pas de la famille, le souvenir le plus vivant et le plus agréable est Bolotoff: les visites qu'il venait nous faire à Toula étaient pour moi du plus grand attrait, et il me frappait vivement par la variété de son esprit“. De sa retraite, Bolotoff ne laissait pas échapper le moindre trait de mœurs de la vie du temps, notant dans son autobiographie tout ce qui concernait la vie politique et sociale de la Russie de l'époque: étant donné ses relations avec Novikoff et autres Moscovites éclairés, ainsi que sa passion des livres, journaux et revues, c'était chose assez facile. Là aussi, à sa campagne, durant trente ans, de 1789 à 1816, il tint avec une étonnante régularité un journal de sa vie, *Vie et aventures d'André Bolotoff*, décrits par lui-même pour ses descendants, immense travail qui est, à coup sûr, une source des plus importantes et des plus indispensables pour l'étude de l'histoire de la société russe au XVIIIe siècle. Ce journal resta longtemps ignoré, et il n'en parut d'abord que de courts fragments dans le *Syn Otetchestva* en 1839. Il fut ensuite publié, mais avec de fortes coupures, dans les *Otetchestvennyïa Zapiski* (1850 et 1851), et enfin complet, dans *Rousskaïa Starina* et séparément, en 1870.

Bolotoff mourut le 3 octobre 1833, laissant une nombreuse descendance, enfants et petits-enfants. Il eut trois fils, Dmitri (7 mai 1766—octobre 1766), Stéphane (1768—1773) et Paul (7 mai 1771—18 juillet 1850), et six filles, Elisabeth (1767—182.), mariée à P. Chichkoff, Anastasie (1773—182.), à P. Worontzoff-Véliaminoff, Olga (1775—182.), à Th. Borodine, Alexandrine (1777—1778), Catherine, née en 1778 et mariée à A. Pestoff, et Varvara (1781—1782).

Bolotoff savait dessiner; outre les illustrations de son manuscrit, il en orna le premier cahier d'un portrait rappelant beaucoup, comme tête, comme accessoires, et aussi comme exécution, la présente miniature, qui pourrait bien être également de lui.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ВАСИЛІЙ НАЗАРЬЕВИЧЪ КАРАЗИНЪ, 1773—1842, сынъ полковника Назарія Александровича Каразина отъ брака съ дочерью сотника Харьковскаго полка Якова Ивановича Ковалевскаго, родился 30 Января 1773 г., въ с. Кручикъ, Слободско-Украинской губерніи. В. Н. Каразинъ оспротѣлъ на одиннадцатомъ году жизни и начальное обученіе завершилъ въ частныхъ Кременчугскомъ и Харьковскомъ пансіонахъ; высшее образованіе получалъ въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ. По военной службѣ, къ которой онъ стремился въ болѣе юныхъ годахъ и на которую былъ зачисленъ въ 1791 г. сержантомъ Семеновскаго полка, онъ не пошелъ: страсть къ наукѣ или, правильнѣе, къ теоретическому и практическому изученію челоѣка и природы отвлекла его на совершенно иную дорогу. Исканіе новизны и способовъ къ примѣненію своихъ теоретическихъ познаній на практикѣ на пользу родины заставило его предпринять рядъ путешествій по Россіи, а нездоровье и желаніе пожить среди западно-европейской культуры скоро потянули его за границу, куда онъ рѣшилъ бѣжать тайкомъ, послѣ того, какъ его просьба „о позволеніи отлучиться въ чужіе края“ Императоромъ Павломъ не была уважена. Чистосердечное признаніе снискало бѣглецу, пойманному на границѣ, не только прощеніе, но и благоволеніе Императора: Каразинъ въ 1800 г. былъ принятъ на службу переводчикомъ въ канцелярію Государственнаго казначейства и главнаго Медицинской коллегіи директора, а за успѣшныя занятія по исторіи медицины въ Россіи и по исторіи финансовъ онъ былъ награжденъ чиномъ коллежскаго асессора. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Александра I, юному монарху попала въ руки апопимная записка, поразившая его блескомъ ума, богатствомъ идей и той задушевностью, съ которой неизвестный авторъ разпывалъ передъ царемъ программу либеральнаго царствованія. Авторъ записки, Каразинъ, былъ найденъ и введенъ въ кабинетъ Государя, вскорѣ удостоившаго его безграничнаго довѣрія и привлекавшаго его къ обсужденію и составленію разныхъ проектовъ; многіе изъ нихъ были приведены въ исполненіе. Предметомъ особой заботливости Каразина былъ вопросъ о народномъ образованіи, и реальнымъ памятникомъ дѣятельности его въ этомъ направленіи, кромѣ многочисленныхъ проектовъ, было основаніе Харьковскаго университета. Но необыкновенное рвеніе къ созданію послѣдняго въ то же время дало врагамъ Каразина удобный случай пошатнуть положеніе его при Государѣ. Въ Сентябрь 1802 г. Каразинъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ Комиссіи училищъ, а уже 13 Августа 1804 г. онъ былъ отставленъ, съ чиномъ статскаго совѣтника, получивъ передъ этимъ выговоръ за „превышеніе власти“. Каразинъ уѣхалъ въ с. Кручикъ. Однако, несокрушимая сила духа и жажда къ участію въ государственныхъ дѣлахъ безпрерывно вызывали Каразина на попытки напомнить о себѣ: онъ посылалъ въ Петербургъ рядъ проектовъ и записокъ, и даже указъ „истребовать отъ статскаго совѣтника Каразина подписку, чтобы онъ, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія, не отваживался беспокоить Его Величество“, не охладилъ его, пока письмо „О странномъ направленіи умовъ въ Россіи“ не навлекло на Каразина сильнаго подозрѣнія, разрѣшившагося заточеніемъ его въ 1820 г. въ Шлиссельбургскую крѣпость. Черезъ полгода онъ былъ сосланъ въ деревню, выѣздъ изъ которой ему былъ разрѣшенъ лишь въ 1826 году. Деревня обратилась для Каразина въ арену, гдѣ этотъ „умъ, жадный къ познаніямъ“, эта душа, „сжигаемая жаждой дѣятельности“, обращались „отъ плуга и химической лабораторіи до самыхъ коренныхъ вопросовъ наукъ или общественной дѣятельности“ и вылились въ длинномъ рядѣ статей, проектовъ, записокъ и мѣропріятій, практически осуществленныхъ. Положеніе крестьянъ и сельскаго духовенства, народное образованіе, всѣ статьи сельскаго хозяйства, техники и промышленности (въ особенности: способы отопленія, консервированіе продуктовъ), метеорологія, химія, минералогія, медицина, технологія, исторія, педагогика, торговое дѣло... все возбуждало вниманіе Каразина, на все онъ откликался съ неизмѣннымъ рвеніемъ, буквально до послѣдняго своего дня, наставшаго для него 4 Января 1842 г. въ Николаевѣ.

В. Н. Каразинъ былъ женатъ на Александрѣ Васильевнѣ Мухиной (р. 1783 г., † 24 Мая 1861 г.) и, кромѣ дочери, имѣлъ шесть сыновей (Василія, Георгія, Филадельфа, Александра, Николая и Валеріана). На оборотѣ прилагаемаго портрета написано, что онъ подаренъ Филадельфомъ Каразинымъ М. П. Погодину въ 1870 году.

(Съ портрета 1803 г., находящагося въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ.)

BASILE NAZARIEWITCH KARAZINE, 1773—1842, fils du colonel Nazare Alexandrowitch Karazine et de la fille du centenier du régiment de Kharkoff Jacques Ivanowitch Kovalewsky, naquit le 30 janvier 1773 à Kroutchik, en Ukraine. Orphelin à moins de 11 ans, il acheva son instruction primaire dans des institutions privées à Krémentchoug et à Kharkoff, et fit ses études supérieures au Corps des Mines. Les idées de carrière militaire qu'il avait eues tout jeune, lorsqu'il s'enrôla en 1791 sergent au régiment Sémenowsky, n'eurent pas d'autre suite: la passion de la science, ou mieux, de l'étude théorique et pratique de l'homme et de la nature l'entraîna dans une toute autre direction. La recherche d'une carrière et des moyens de mettre en pratique au service de la patrie ses connaissances théoriques lui fit entreprendre une série de voyages en Russie, puis sa santé et le désir de voir de près la civilisation de l'Occident le poussèrent bientôt à l'étranger, où il se décida à passer secrètement, lorsque „l'autorisation de partir pour les pays étrangers“ lui eut été refusée par l'Empereur Paul. Arrêté à la frontière, le fugitif dut à la franchise de ses aveux non seulement le pardon, mais encore la bienveillance du Souverain: admis au service en 1800 comme traducteur aux chancelleries du Trésor et du directeur général du Collège de Médecine, le succès de ses études sur l'histoire de la médecine en Russie et celle des finances lui valut le rang d'assesseur de collège. Peu après son avènement, Alexandre Ier reçut une note anonyme lui développant un programme libéral de gouvernement, et dont le brio, la richesse d'idées et la désinvolture frappèrent le jeune monarque. Il fit rechercher l'auteur: Karazine, amené dans le cabinet du Souverain, se vit bientôt honoré d'une confiance illimitée et appelé à discuter et établir divers projets, dont quelques-uns furent mis à exécution. Il apporta à la question de l'instruction publique des soins particuliers, dont il est resté, entre autres projets, un souvenir vivant, l'université de Kharkoff. Mais son extrême ardeur à cette occasion fournit en même temps à ses ennemis un moyen propice de l'évincer dans l'esprit de l'Empereur: nommé en septembre 1802 secrétaire de la Commission Scolaire, il fut, dès le 13 août 1804, destitué avec rang de conseiller d'état après avoir reçu un blâme pour „abus de pouvoir“. Il se retira à Kroutchik. Pourtant, sous l'irrésistible impulsion de sa force de caractère et d'un besoin de prendre part aux affaires d'état, il ne resta pas un instant sans donner des marques d'activité; expédiant à Pétersbourg projet sur projet, note sur note, ne se laissant même pas intimider par „une demande de déclaration signée, où le conseiller d'état Karazine s'engageait à ne plus se permettre, sous peine d'un châtiment des plus rigoureux, d'importuner Sa Majesté“, jusqu'au jour où sa lettre Sur une étrange tendance d'esprit en Russie le fit tenir en forte suspicion et finalement interner en 1820 à la citadelle de Schlussembourg. Renvoyé au bout de six mois dans ses terres, il ne recouvra la liberté complète qu'en 1826. Il s'était fait de la campagne une arène où son „esprit avide de connaissances“, son „âme dévorée de la soif d'agir“, passaient „de la charrue et du laboratoire de chimie aux questions de science les plus ardues et aux fonctions publiques“, s'épanchant dans une série d'articles, projets, notices et entreprises pratiquement réalisées. La condition des paysans et du clergé de campagne, l'instruction publique, toutes les branches de l'exploitation, de la technique et de l'industrie rurales (en particulier, chauffage et conserves), météorologie, chimie, minéralogie, médecine, technologie, histoire, pédagogie, commerce, tout était l'objet de son attention, tout rencontra chez lui une infatigable ardeur, et cela littéralement jusqu'à son dernier jour, qui fut le 4 janvier 1842 à Nikolaeff.

Karazine avait épousé Alexandrine Vassiliowna Moukhine (1785—24 mai 1861), dont il eut, outre une fille, six fils, Basile, Georges, Philadelphie, Alexandre, Nicolas et Valérien. On lit au revers du portrait ci-joint qu'il fut donné en 1870 à M. Pogodine par Philadelphie Karazine.

(D'après un original de 1803, Musée Historique, Moscou.)

ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РУБАНЪ, 1742—1795, малороссъ по происхожденію, родился въ нынѣшней Курской губерніи 14 Марта 1742 г., воспитывался въ Кіевской и Московской академіяхъ, Московской Университетской гимназіи и, съ 1759 г., въ Московскомъ университетѣ, гдѣ былъ одновременно съ Фонъ-Визинымъ, М. Д. Чулковымъ, Ипп. Ѳ. Богдановичемъ и С. Г. Домашневымъ; въ 1761 г., въ журналѣ Хераскова „Полезное Увеселеніе“, появилось первое произведеніе Рубана — переводъ съ латинскаго. По окончаніи курса въ университетѣ въ 1761 году, онъ служилъ въ Никополѣ, состоя переводчикомъ съ турецкаго языка при выдачѣ паспортовъ русскимъ подданнымъ, ѣздившимъ по торговымъ дѣламъ въ Крымъ; переселившись въ 1764 г. въ Петербургъ, онъ сотрудничалъ въ сатирическихъ журналахъ Чулкова и Новикова, печаталъ разныя оды, стихотворенія, переводы (напр., „Омирову Ватрахоміомахію“), издавалъ не имѣвшій успѣха сатирической журналъ „Ни то, ни сіо“ (1769 г.), затѣмъ журналъ „Трудолюбивый Муравей“ (1771 г.), „Старину и Новизну“ (1772—1773)—сборникъ, въ которомъ печатались и историческіе матеріалы. Въ это время онъ служилъ протоколистомъ въ Межевой экспедиціи Сената, а въ началѣ 1774 г. приглашенъ былъ секретаремъ къ князю Потемкину, при коемъ и состоялъ въ теченіе 18 лѣтъ—до самой его смерти. Живя при Потемкинѣ съ 1775 г. на югѣ Россіи, Рубанъ въ 1777 г. получилъ чинъ надворнаго совѣтника и, оставаясь его секретаремъ, былъ опредѣленъ и. д. директора Новороссійскихъ училищъ, а, съ назначеніемъ Потемкина, въ 1784 г., президентомъ Военной Коллегіи, былъ зачисленъ въ нее завѣдующимъ иностранной перепиской и переводчикомъ съ польскаго языка; въ этой должности онъ оставался и послѣ смерти Потемкина, до конца своей жизни, получивъ въ 1786 г. чинъ коллежскаго совѣтника. Онъ умеръ въ Петербургѣ 24 Сентября 1795 г. и погребенъ на кладбищѣ Большой Охты, но могила его давно затеряна; послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ острой нуждѣ, одиочествѣ и болѣзняхъ, и, когда умеръ, его скромное имущество было продано съ молотка; бумаги Рубана хранятся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

Среди современниковъ Рубанъ пользовался репутаціей корыстнаго стихоплѣта-нанегириста; количество написанныхъ и напечатанныхъ имъ стиховъ, дѣйствительно, громадно, при чемъ они крайне бездарны; это былъ типичный метроманъ, нерѣдко и частную свою переписку ведшій въ стихотворной формѣ; къ искательству же побуждала его постоянная нужда, въ которой онъ провелъ чуть не весь свой вѣкъ. Зато продолжительная и плодovitая его дѣятельность, какъ издателя литературныхъ памятниконъ и матеріаловъ по исторіи, статистикѣ и географіи, заслуживаетъ благодарнаго воспоминанія, тѣмъ болѣе, что брала у него много времени и трудовъ, не приносявшихъ ему выгоды. Изъ весьма большого количества его изданій этого рода назовемъ, на примѣръ, „Краткія извѣстія о Малой Россіи“ и „Походъ боярина Шеина къ Азову“ (1773 г.), „Краткую лѣтопись Малыя Россіи“ и „Землеописаніе Малыя Россіи“ (1777 г.), „Любопытные Мѣсяцесловы“ (1775, 1776, 1778 и 1780)—съ цѣнными матеріалами по исторіи, географіи, статистикѣ, „Описаніе Петербурга“ (1779 г., переработка труда А. И. Богданова), „Начертаніе о царствованіи Петра Великаго“ (1778 г.), изданіе „Устава о ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлахъ, касающихся до воинской науки“ (1777—1781), изданіе путешествій Григоровича-Барскаго, Трифона Коробейникова и еще много другихъ.

Изъ всего, написаннаго Рубаномъ не въ прозѣ, сохранила нѣкоторый интересъ лишь его „Надпись къ камню, назначенному для подножія статуи Императора Петра Великаго“ (1770 г.), доставившая ему извѣстность и долго считавшаяся образцовой:

„Колоссъ Родосскій! свой смпри прегордый видъ,
И Нильскихъ зданія высокихъ пирамидъ
Престаньте болѣе считаться чудесами:
Вы смертныхъ бранными содѣланы руками!
Нерукотворная здѣсь Росская гора,
Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,
Прешла во градъ Петровъ чрезъ Невскія пучины—
И пала подъ стопы Великаго Петра!“

(Съ портрета Алексѣя Клепикова, 1786 г.; находится въ Академіи Наукъ.)

BASILE GRIGORIEWITCH ROUBANE, 1742 — 1795, petit-russien d'origine, naquit dans le gouvernement actuel de Koursk le 14 mars 1742, fit ses études aux Académies de Kieff et de Moscou, au gymnase de l'Université de Moscou, et entra en 1759 à l'Université de Moscou, où il fut en même temps que von Vizine, M. Tchoulkoff, H. Bogdanowitch et S. Domachneff. En 1761, parut dans la revue de Khéraskoff *La Distraction Utile* sa première production littéraire, une traduction du latin. Sorti de l'Université en 1761, il entra au service à Nicopol comme traducteur de turc pour les passeports des commerçants russes allant pour affaires en Crimée. Il vint en 1764 à Pétersbourg, où il collabora aux revues satiriques de Tchoulkoff et Novikoff, fit paraître diverses odes, poésies, traductions (p. ex., la *Batrachomyomachie* d'Homère), fonda sans succès la revue satirique *Ni ceci ni cela* (1769), puis la revue *La Fourmi Laborieuse* (1771), et un recueil, *Ancien et Nouveau Temps* (1772—1773), qui publia aussi des matériaux historiques. Il était alors rédacteur à l'Expédition d'Arpentage, au Sénat, et, au début de 1774, fut pris comme secrétaire par Potemkine: il le resta dix-huit ans, jusqu'à la mort de celui-ci. Fixé avec lui dans le Midi à partir de 1775 et fait conseiller de cour en 1777, il fut nommé, tout en restant son secrétaire, directeur par intérim des écoles de la Nouvelle-Russie; puis, lorsqu'il devint en 1784 président du Collège Militaire, il l'y suivit comme chef de la correspondance étrangère et traducteur de polonais: Potemkine disparu, il resta à ce poste, qu'il garda jusqu'à sa mort, et où il passa conseiller de collège. Il mourut à Pétersbourg le 24 septembre 1795 et fut inhumé au cimetière de la Grande Okhta, où depuis longtemps il n'y a plus trace de sa sépulture. Il avait passé ses dernières années dans la profonde détresse, l'isolement et les maladies, et, à sa mort, son petit avoir fut vendu aux enchères. Ses papiers sont conservés à la Bibliothèque Impériale Publique.

Les contemporains ont fait à Roubane une réputation de rimeur-panégyriste à gages; la quantité de vers écrits et publiés par lui est effectivement considérable, et la qualité en est d'ailleurs détestable. Vrai maniaque du vers, il lui arrivait assez souvent de faire sa correspondance personnelle en poésie; quant à tendre la main, il y était réduit par la gêne incessante d'où il ne sortit guère de toute sa vie. Il convient par contre de rendre une justice reconnaissante à sa longue et féconde carrière d'éditeur de monuments littéraires et matériaux historiques, statistiques et géographiques, d'autant plus qu'elle lui coûta beaucoup de temps et de travail sans aucun profit pécuniaire. Dans le nombre très considérable de ses publications de cette nature, citons, par exemple, *Courtes Notices sur la Petite-Russie et Campagne du Boyard Schein à Azoff* (1773), *Abrégé de la Chronique de Petite-Russie et Description physique de la Petite-Russie* (1777), *Almanachs curieux* (1775, 1776, 1778 et 1780), contenant de précieux matériaux historiques, géographiques et statistiques, *Description de Pétersbourg* (1779, refonte du travail de A. Bogdanoff), *Esquisse du Règne de Pierre-le-Grand* (1778), une édition du *Règlement d'infanterie, d'artillerie et autres matières d'art militaire* (1777—1781), des éditions des voyages de Grigorowitch-Barsky, de Triphon Korobéïnikoff et beaucoup d'autres encore.

De tout ce que composa Roubane autrement qu'en prose, il n'y a qui ait conservé un certain intérêt que son *Inscription pour la pierre destinée à former le socle de la Statue de l'Empereur Pierre-le-Grand* (1770), qui fit sa notoriété et passa longtemps pour modèle:

„Ne t'enorgueillis plus, ô Colosse de Rhodes,
 „Et vous, blocs monstrueux, Pyramides d'Egypte,
 „Renoncez maintenant à vous nommer Merveilles:
 „Vous êtes le travail de frères mains humaines!
 „De main d'homme non fait, ce roc de granit russe,
 „Suivant l'ordre de Dieu transmis par Catherine,
 „Sur la Néva conduit à la ville de Pierre,
 „Du Grand Pierre est venu tomber sous les foulées!“

(D'après l'original d'Alexis Klépikoff, 1786, Académie Impériale des Sciences.)

ИВАНЪ ПЕРФИЛЬЕВИЧЪ ЕЛАГИНЪ, 1725—1793, родился 30 Ноября 1725 года; онъ рано потерялъ отца Перфиля Ивановича Елагина и на 13-мъ году былъ опредѣленъ въ Шляхетный корпусъ, откуда въ 1743 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ Невскій полкъ. Затѣмъ онъ служилъ въ Лейбъ-компанскомъ корпусѣ, посвящая досугъ изученію языковъ и литературы; къ этому времени относятся и его стихотворные опыты; 17 Марта 1751 г. Елагинъ былъ пожалованъ въ адъютанты къ графу А. Г. Разумовскому и произведенъ въ премьеръ-майоры, а въ 1757 г. въ полковники. Скоро онъ приобрѣлъ значеніе въ придворныхъ кругахъ и довѣренность Великой Княгини Екатерины Алексѣевны, щедро взыскавшей его, но своемъ воцареніи, за ссылку въ его Казанское имѣніе, которой онъ подвергся въ 1758 г. по дѣлу канцлера Бестужева-Рюмина; 27 Юля 1762 г. онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и опредѣленъ въ Кабинетъ „при Собственныхъ Ея Величества дѣлахъ, у принятія челобитенъ, а также членомъ Дворцовой комиссіи и Комиссіи о винѣ и соли“. Въ Декабрѣ 1766 г. состоялось назначеніе его директоромъ Придворнаго театра и музыки. Дѣятельность Елагина на этомъ поприщѣ оставила крупныя слѣды въ исторіи Русскаго театра; отмѣтимъ, что при немъ было основано (по плану В. И. Бибикова) театральное училище, учрежденъ въ Петербургѣ публичный русскій театръ, были введены командировки русскихъ актеровъ за границу для сценическаго усовершенствованія и для приглашенія актеровъ-иностранцевъ; наконецъ, нельзя не упомянуть объ Елагинѣ и какъ о покровителѣ русскихъ драматурговъ, въ частности Фонъ-Визина и Лукина, служившихъ у него секретарями. Безпокойства и постоянныя непріятности по управленію театромъ и въ особенности разнузданной театральной „командой“ не разъ побуждали Елагина просить „объ увольненіи“, тѣмъ болѣе, что онъ несъ одновременно и другія обязанности; гофмейстеръ съ 26 Юня 1775 г., тайный совѣтникъ, онъ былъ Сенаторомъ, депутатомъ въ Комиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія (отъ дворянъ Пусторжевскаго уѣзда) и проч.; однако, указъ объ увольненіи его состоялся лишь 21 Мая 1779 года. Служебная карьера Елагина закончилась въ должности оберъ-гофмейстера (съ 1788 г.). Послѣдніе годы жизни Елагинъ провелъ вдали отъ Двора, среди запятій литературныхъ и главнымъ образомъ историческихъ. Причиной охлажденія Императрицы къ И. П. Елагину, котораго въ свое время она высоко цѣнила за честность и правдивость и называла не иначе, какъ „хорошимъ безъ пристрастія“, были, безъ сомнѣнія, его масонскія увлеченія, которымъ, какъ извѣстно, Екатерина II не сочувствовала. Между тѣмъ, Елагинъ игралъ въ русскомъ масонствѣ видную роль: достаточно упомянуть, что онъ состоялъ президентомъ „Великой Провинціальной ложи“, извѣстной даже болѣе подъ именемъ „Общества Елагинской системы“; при его же участіи русское масонство было введено въ организцію Шведской масонской системы „строгаго наблюденія“; какъ масонскій писатель, онъ оставилъ много переводовъ о масонствѣ и оригинальную записку. Вообще же, какъ литературнаго дѣятеля, современники высоко цѣнили Елагина, въ особенности какъ стилиста; Россійская Академія избрала его однимъ изъ первыхъ своихъ членовъ. Литературное наслѣдіе Елагина, до сихъ поръ съ точностью не выясненное, составляютъ главнымъ образомъ переводы; изъ нихъ несомнѣнно Елагину принадлежатъ между прочимъ: „Мизантъронъ“ Мольера, „Безбожный“ Браве, романъ Прево „Приключенія маркиза Г*“, передѣлка комедіи Гольберга „Французъ-Русской“ и друг.; говорятъ, что онъ принималъ участіе и въ нѣкоторыхъ драматическихъ произведеніяхъ Императрицы Екатерины II. Подъ конецъ жизни Елагинъ написалъ „Опытъ повѣствованія о Россіи“ (доведенъ до 1389 г.), въ которомъ обнаружилъ громадную начитанность, но и полное отсутствіе критическаго чутья. Извѣстный „Елагинъ островъ“ принадлежалъ нѣкогда И. П. Елагину; здѣсь у него былъ роскошный домъ съ зимнимъ садомъ и богатѣйшимъ погребомъ рѣдкихъ винъ; вообще, какъ человѣкъ, Елагинъ былъ извѣстенъ любовью жить весело и широко, радушно принималъ и угощалъ гостей, имѣлъ слабость къ женщинамъ и эту страсть, дѣлавшую его нерѣдко смѣшнымъ, сохранилъ до конца дней.

И. П. Елагинъ скончался 22 Сентября 1793 года; отъ брака съ Натальей Алексѣевной Ратиковой (бывшая камеръ-юнгфера Императрицы Елисаветы Петровны) онъ имѣлъ двухъ дочерей: Марію († 1774 г., дѣвницей) и Александру (замужемъ за Н. И. Бутурлинымъ).

(Съ портрета, находящагося въ Академіи Наукъ.)

IVAN PERFILIEWITCH ÉLAGUINE, 1725—1793, naquit le 30 novembre 1725. Il perdit son père tout jeune, et entra dans sa 13e année au Corps des Cadets, d'où il sortit en 1743 porte-enseigne au régiment Newsky. Il servit ensuite à la Compagnie du Corps, consacrant ses loisirs à l'étude des langues et de la littérature: c'est de cette époque que datent ses essais poétiques. Aide de camp du comte A. Razoumowsky et promu premier major le 17 mars 1751, il passa colonel en 1757. Il se fit bientôt une place marquante dans le monde de la Cour et se concilia la confiance de la Grande-Duchesse Catherine Alexéewna, qui le dédommagea amplement, à son avènement, d'avoir été relégué en 1758 dans ses terres de Kazan pour l'affaire du chancelier Bestoujeff-Rioumine. Le 27 juillet 1762, il fut promu conseiller d'état actuel et attaché au Cabinet „des affaires particulières de Sa Majesté, au bureau des requêtes, et fait membre de la Commission du Palais et de celle de l'alcool et du sel“. Nommé en décembre 1766 directeur du Théâtre et de la Musique de la Cour, il laissa en cette qualité des traces marquantes dans l'histoire du théâtre russe: notons que ce fut lui qui réalisa le plan conçu par Bibikoff d'une Ecole de Théâtre, qui fonda à Pétersbourg un théâtre russe public, qui inaugura les missions d'acteurs russes à l'étranger pour se perfectionner dans leur art et recruter des acteurs étrangers; il faut également lui savoir gré de la protection qu'il accorda aux dramaturges russes, entre autres von Vizine et Loukine, entrés chez lui comme secrétaires. Les dérangements et les ennuis incessants qu'il éprouva à la direction des théâtres, par le fait surtout de la turbulence de la „troupe“, l'engagèrent plus d'une fois à proposer sa démission, d'autant plus qu'il avait en même temps d'autres fonctions: maître de la Cour le 26 juin 1773, conseiller privé, il fut sénateur, député de la noblesse du district de Poustaiïa Rjeva à la Commission de rédaction du projet de nouveau Code, etc.; pourtant sa démission ne fut acceptée que le 21 mai 1779. Le terme de sa carrière fut, depuis 1788, la dignité de grand maître de la Cour. Il passa ses dernières années loin de la Cour, au milieu de ses travaux littéraires et surtout historiques. Si l'Impératrice se refroidit à son égard, après l'avoir en son temps apprécié hautement pour sa loyauté et sa droiture (elle ne l'appelait pas autrement que „bon sans partialité“), ce fut certainement en raison de ses convictions maçonniques, qui n'étaient pas de son goût, comme on sait. Or Elaguine joua dans la maçonnerie russe un rôle marquant: il suffit de rappeler qu'il était président de la Grande Loge Provinciale, plus connue même sous le nom de Société du Système Elaguine; il travailla également à faire adopter pour la franc-maçonnerie russe le rite suédois de „rigoureuse observance“, et, comme écrivain maçon, laissa sur la matière de nombreuses traductions et une note originale. D'une manière générale, son talent de littérateur, de styliste surtout, fut hautement apprécié par les contemporains. L'Académie Russe l'admit un des premiers dans son sein. Son bagage littéraire, encore imparfaitement connu d'une façon précise, est surtout fait de traductions: on peut lui attribuer à coup sûr celles du Misanthrope de Molière, de l'Impie de Bravais, des Aventures du Marquis de G* de Prévost, ainsi qu'un remaniement de la comédie de Holberg Le Français-Russe, etc.; on dit qu'il collabora également à quelques-unes des œuvres dramatiques de l'Impératrice Catherine II. Il fit sur ses vieux jours un Essai de Chronique de Russie (jusqu'en 1589), qui témoigne de lectures considérables, mais aussi d'une absence complète de sens critique. L'île bien connue sous le nom d'Elaguine lui appartint jadis: il y avait une somptueuse maison avec jardin d'hiver et cave richement montée en vins rares. En général, comme homme, il était connu par son goût pour la vie joyeuse et large, par la cordialité et la richesse de ses réceptions, et aussi par un faible pour le beau sexe, qui le rendait parfois ridicule et lui resta toute sa vie.

Elaguine mourut le 22 septembre 1793; il eut de son mariage avec Natalie Alexéewna Ratikoff, ancienne femme de chambre de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna, deux filles, Marie, morte en 1774, non mariée, et Alexandrine, mariée à N. Boutourline.

(D'après un original de l'Académie Impériale des Sciences.)

JOHN HENRY HARRIS
 BORN 1811
 DIED 1871

JOHN HENRY HARRIS
 BORN 1811
 DIED 1871

MARY HARRIS
 BORN 1811
 DIED 1871

MARY HARRIS
 BORN 1811
 DIED 1871

67

Иванъ Перфиловъ Иванъ Перфиловъ
Елагинъ, Elaguine,
1725 — 1793 1725 — 1793

68

Петръ Никитичъ Pierre Nikititch
Кречетниковъ, Kretchetnikoff,
1727 — 18.. 1727 — 18..

69

Марта Ивановна Marthe Ivanovna
Воронцова, Worontzoff,
1718 — 1745 1718 — 1745

70

Иис. Рокотовъ Peint par Rokotoff
Графиня Марія Артемьевна La Comtesse Marie Artémievna
Воронцова, Worontzoff,
1725 — 1792 1725 — 1792

ПЕТРЪ НИКИТИЧЪ КРЕЧЕТНИКОВЪ, 1727—18.., старшій братъ графа Михаила Никитича Кречетникова, не игралъ большой роли и не быстро двигался по службѣ: въ 1764 г. онъ былъ полковникомъ, въ 1767—1769 гг. командовалъ отрядомъ въ Польшѣ и тутъ навлекъ на себя неудовольствіе Императрицы какъ своими неумѣлыми движеніями близъ Турецкой границы, чѣмъ преждевременно раздражилъ турокъ, готовившихся и безъ того къ войнѣ съ Россіей, такъ, и главнымъ образомъ, своимъ корыстолюбіемъ: производя крупныя поборы съ жителей въ мѣстностяхъ, гдѣ проходилъ онъ съ войсками, Кречетниковъ обращалъ все это преимущественно въ свою пользу; отозванный изъ Польши, въ 1771/1772 году онъ назначенъ былъ съ воинской командой въ Ярославль для принятія мѣръ предосторожности противъ чумы, свирѣпствовавшей въ Москвѣ, а во время Пугачевского бунта былъ губернаторомъ въ Астрахани. Екатерина II, недовольная поведеніемъ Кречетникова во время бунта, уволила его въ 1775 г. въ отставку, несмотря на покровительство, которое оказывалъ ему графы Чернышевы.

П. Н. Кречетниковъ былъ женатъ на Аннѣ Яковлевнѣ Сытиной и имѣлъ отъ этого брака сына Ивана, бывшаго въ 1787—1796 гг. предсѣдателемъ Костромской уголовной палаты и оставившаго потомство, и дочь Елизавету, бывшую въ замужствѣ за бригадиромъ И. Д. Шенелевымъ.

Настоящій портретъ **П. Н. Кречетникова** находится въ старинномъ имѣніи Головиныхъ, селѣ Новоспасскомъ-Деденевѣ. Тамъ же имѣется и портретъ младшаго его брата, графа **М. Н. Кречетникова**. Оба портрета получены были племянникомъ Кречетниковыхъ, по своей женѣ, **В. В. Головинымъ** и перевезены, по словамъ Казанскаго („Родословная Головиныхъ“), въ село Новоспасское „изъ Тульской Космовской деревни“.

(Съ портрета, принадлежащаго **Ф. А. Головину**, с. Новоспасское-Деденево, Московской губ.)

PIERRE NIKITITCH KRETCHETNIKOFF, 1727—18... , frère aîné du comte Michel Nikititch Kretchetnikoff, ne tint pas une grande place au service et n'eut pas un avancement rapide: colonel en 1764, il commanda en 1767/1769 un détachement en Pologne, où il encourut le mécontentement de Catherine, d'abord par ses mouvements maladroits le long de la frontière turque qui exaspérèrent à l'avance les Turcs, déjà résolus à la guerre avec la Russie, puis, et surtout, par ses exactions, en imposant à l'habitant, dans les régions traversées par ses troupes, de lourdes charges dont il détournait le produit à son profit personnel. Rappelé de Pologne, il fut envoyé en 1771/1772 à Yaroslavl avec un cordon de protection contre la peste qui sévissait à Moscou. Gouverneur d'Astrakhan, ses actes en présence de l'insurrection de Pougatcheff déplurent à Catherine II, qui le mit à la retraite en 1775 malgré la protection qu'il avait trouvée près des comtes Tchernycheff.

Kretchetnikoff épousa Anne Yakovlewna Sytine, dont il eut un fils, Ivan, qui fut de 1787 à 1796 président de la cour d'assises de Kostroma et laissa des descendants, et une fille, Elisabeth, qui épousa le brigadier I. Chépéleff.

Le présent portrait de P. Kretchetnikoff est conservé à Novospasskoïé-Dédénévo, la vieille propriété des Golovine, ainsi que celui de son frère puîné. Tous deux passèrent à un neveu des Kretchetnikoff par sa femme, B. Golovine, qui les fit porter, au témoignage de P. Kazansky (*Généalogie des Golovine*), „du village de Kosmowskoïé, près Toula“, au bourg de Novospasskoïé.

(D'après un original appartenant à Th. Golovine, Novospasskoïé-Dédénévo, gouv. de Moscou.)

МАРѢА ИВАНОВНА ВОРОНЦОВА, 1718 — 1745, единственная дочь Костромского уроженца, конюшаго Патриаршаго приказа Ивана Михайловича Сурмина, родилась 17 Июня 1718 года; отецъ ея въ царствованіе Петра Великаго вель обширныя дѣла по торговлѣ хлѣбомъ и солью въ своей Суздальской деревнѣ, посылаемъ былъ „отъ Патриарша дому“ въ Астрахань къ рыбнымъ промысламъ, ссужалъ деньги на торговля сношенія съ Бухарою, Персією и Архангельскомъ разныхъ промышленниковъ, „торговавшихъ отъ него деньгами“, и самъ управлялъ въ Костромѣ патриаршими вотчинами и монастырями. Своей предприимчивостью и расчетливостью онъ очень увеличилъ свое состояніе, но въ 1715 г., по доносу фискала Семена Меньшова, три года спустя казненнаго „за волшебство“, онъ былъ обвиненъ во взяточничествѣ съ крестьянъ и незаконныхъ поборахъ съ монастырей, и имѣнія его были конфискованы въ казну. Дочь его все-таки оказалась богатой наслѣдницей и въ Ноябрѣ 1729 г., въ очень ранней молодости, какъ видно изъ сохранившагося ея прошенія въ Синодъ, была выдана замужъ за капитана гвардіи князя Юрія Юрьевича Долгорукаго, сосланнаго при Биронѣ, 23 Декабря 1731 г., въ Сибирь, въ Кузнецкъ, „за непристойныя толкованія о государевыхъ учрежденіяхъ и за оскорбленіе Ея Величества поносительными словами“. (Въ 1742 г. возстановленъ въ прежнихъ правахъ и въ 1745 г. женился на княжнѣ Еленѣ Алексѣевнѣ Долгорукой; умеръ въ 1746 г.) Юная жена его не пожелала слѣдовать въ ссылку за мужемъ, а, заявивъ свое несогласіе съ его взглядами, воспользовалась своимъ правомъ остаться дома и получила разрѣшеніе вторично, при жизни перваго мужа, выйти замужъ въ 1736 году за Романа Иларіоновича Воронцова (р. 1707 г., † 1783 г.). Унаслѣдовавъ отъ отца присущія ему качества расчетливости и скондомства и будучи въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Царевной Елисаветой Петровной, когда та весело жила въ Александровской слободѣ, она, говорятъ, ссужала Великую Княжну деньгами и этимъ содѣйствовала сближенію ея съ фамиліей Воронцовыхъ. Сынъ ея, графъ Александръ Романовичъ, упоминаетъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ о томъ, что мать его была въ тѣсной дружбѣ съ Цесаревной, часто посѣщавшей ихъ домъ, что даже вызывало съ ихъ стороны опасенія навлечь на себя подозрѣнія Императрицы Анны.

Отъ брака своего съ будущимъ (съ 1760 г.) графомъ Р. И. Воронцовымъ Марѣа Ивановна имѣла двухъ сыновей, Александра и Семена, и трехъ дочерей: Марію, въ замужствѣ за графомъ Бутурлинымъ, Елизавету, извѣстную любимицу Петра III, и Екатерину, знаменитую княгиню Дашкову.

Марѣа Ивановна Воронцова скончалась еще совсѣмъ молодою женщиною, отъ тифа, 19 Апрѣля 1745 года и погребена на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Незадолго до смерти она возбудила дѣло о возвращеніи ей секвестрованнаго у отца ея въ 1715 г. имуществъ, и дѣло это, съ неизвѣстнымъ исходомъ, было продолжаемо ея мужемъ.

(Съ портрета, находящагося въ Воронцовскомъ дворцѣ, въ Одессѣ.)

MARTHE IVANOWNA WORONTZOFF, 1718—1745, fille unique d'Ivan Mikhaïlowitch Sourmine, natif de Kostroma, palefrenier au Patriarcat, naquit le 17 juin 1718. Son père, sous le règne de Pierre-le-Grand, avait dans son village de Souzdal un gros commerce de grain et de sel, allait pour le compte de „la maison du Patriarcat“ aux pêcheries d'Astrakhan, était bailleur de fonds, pour le négoce avec Boukhara, la Perse et Arkhangel, de commerçants „qui trafiquaient avec son argent“, et gérait lui-même à Kostroma les domaines et monastères du Patriarcat. Grâce à son esprit d'entreprise et d'économie, il avait considérablement accru sa fortune, quand en 1715, sur la dénonciation du fiscal Siméon Menchoff, exécuté trois ans plus tard „pour sorcellerie“, il fut accusé de vénalité avec les paysans et de perceptions illégales dans les monastères, et ses biens furent confisqués au profit du Trésor. Sa fille n'en fut pas moins une riche héritière, et, en novembre 1729, encore enfant, comme en fait foi sa requête au Synode, qui nous a été conservée, fut mariée au prince Youri Youriewitch Dolgorouky, capitaine de la Garde, déporté sous Biron le 23 décembre 1731 à Kouznetzk, en Sibérie, „pour opinions inconvenantes sur les institutions gouvernementales et pour offenses à Sa Majesté par des propos injurieux“ (Réhabilité en 1742, il épousa en 1745 la princesse Hélène Alexéewna Dolgorouky et mourut en 1746). Sa jeune femme ne voulut pas le suivre dans l'exil, et, après avoir déclaré qu'elle répudiait ses opinions, usa de son droit de rester chez elle, puis reçut l'autorisation de se remarier en 1736, du vivant de son premier mari, avec Romain Hilarionowitch Worontzoff (1707—1783). Avec les idées d'économie et de parcimonie qu'elle tenait essentiellement de son père, et à la faveur de son amitié avec la Tzarewna Elisabeth Pétrowna au temps où celle-ci menait joyeuse vie à Alexandrowskoé, elle lui prêta, dit-on, de l'argent, et contribua ainsi au rapprochement de la Grande-Duchesse avec la famille Worontzoff. Son fils Alexandre rappelle dans ses notes autobiographiques comment elle était en étroites relations d'amitié avec la Césarewna, qui venait souvent les voir, et comment ces visites leur faisaient craindre les soupçons de l'Impératrice Anne.

De son mariage avec Worontzoff (comte en 1760), Mme Worontzoff eut deux fils, Alexandre et Siméon, et trois filles, Marie, mariée au comte Boutourline, Elisabeth, la favorite bien connue de Pierre III, et Catherine, la fameuse princesse Dachkoff.

Mme Worontzoff mourut toute jeune encore de la fièvre typhoïde le 19 avril 1745, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Quelque temps avant sa mort, elle avait introduit une instance, reprise plus tard par son mari et dont le résultat n'est pas connu, pour obtenir main-levée du séquestre prononcé en 1715 sur les biens de son père.

(D'après un original du Palais Worontzoff, Odessa.)

Графиня МАРІЯ АРТЕМЬЕВНА ВОРОНЦОВА, 1725 — 1792, супруга младшаго изъ трехъ братьевъ Воронцовыхъ, возвысившихся въ царствованіе Елисаветы, графа Ивана Иларіоновича (р. 1719 г., † 1786 г.), родилась 19 Марта 1725 года; отецъ ея, Артемій Петровичъ Волинскій, извѣстный кабинетъ-министръ при Аннѣ Іоанновнѣ, былъ казнень, по происканъ нѣмецкой придворной партіи, въ 1740 г.; мать ея, Александра Львовна, рожденная Нарышкина, родная племянница царицы Наталіи Кирилловны, двоюродная сестра Петра Великаго, умерла еще до наденія мужа.

За казнью Волинскаго послѣдовала конфискація его громаднаго состоянія и ссылка его дѣтей въ Сибирь. Старшая дочь, Анна, была пострижена въ монахини въ Иркутскомъ Знаменскомъ монастырѣ, а младшая, Марія, имѣвшая всего 15 лѣтъ отъ роду, — въ Енисейскомъ Рождественскомъ. Но ссылка ихъ продолжалась недолго, и въ 1742 г., по воцареніи Елисаветы Петровны, съ нихъ снятъ былъ монашескій чинъ и онѣ были отпущены на жительство въ Москву, при чемъ имъ была возвращена, впрочемъ только самая незначительная, часть имущества ихъ отца. Анна Артемьевна вскорѣ вышла замужъ за графа Андрея Симоновича Гендрикова, но Марія, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, оставалась еще нѣсколько времени монахиней въ одномъ изъ Кіевскихъ монастырей и лишь позднѣе вступила въ супружество съ генераль-поручикомъ Иваномъ Иларіоновичемъ Воронцовымъ. Не принеся мужу ничего, кромѣ знатнаго имени и родства съ Царскимъ домомъ, тогда какъ оба брата его женитьбою на богатѣйшихъ невѣстахъ положили начало богатству графовъ Воронцовыхъ, графиня Марія Артемьевна не оставила о себѣ никакихъ слѣдовъ въ историческихъ бытописаніяхъ своего времени, кромѣ печальной повѣсти своей молодости, да и мужъ ея не игралъ видной служебной или общественной роли. Она пережила его всего нѣсколькими годами и скончалась 17 Ноября 1792 года; погребена, рядомъ съ прахомъ мужа, въ церкви села Воронова, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи.

Изъ четырехъ дѣтей ея — старшій сынъ, графъ Артемій Ивановичъ (р. 1748 г., † 1813 г.), былъ женатъ на Прасковѣ Федоровнѣ Квашниной-Самариной, второй, графъ Иларіонъ Ивановичъ (р. 1760 г., † 1790 г.), на Иринѣ Ивановнѣ Измайловой; старшая ея дочь, графиня Анна Ивановна (р. 1750 г., † 1807 г.), была замужемъ за Василіемъ Сергѣевичемъ Нарышкинымъ, а младшая, графиня Авдотья Ивановна (р. 1765 г., † 1824 г.), умерла дѣвицею.

(Съ портрета Рокотова; собственность графа И. И. Воронцова-Дашкова, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse MARIE ARTÉMIÉWNA WORONTZOFF, 1725—1792, femme du comte Ivan Hilarionowitch Worontzoff (1719—1786), le plus jeune des trois frères dont l'élévation date du règne d'Elisabeth, naquit le 19 mars 1725. Son père, Arthème Pétrowitch Volynsky, connu comme ministre de cabinet sous Anne Ioannowna, victime des menées du parti allemand de la Cour, fut mis à mort en 1740; sa mère, Alexandrine Lvowna, née Narychkine, nièce de la Tzaritza Natalie Kyrillowna et cousine germaine de Pierre-le-Grand, était morte avant la chute de son mari.

Le châtimement de Volynsky fut suivi de la confiscation de son immense fortune et de la déportation de ses enfants en Sibérie. La fille aînée, Anne, prit le voile au monastère de l'Apparition de la Vierge, à Irkoutsk, et la plus jeune, Marie, âgée seulement de 15 ans, à celui de la Nativité, à Enisséïsk. Mais leur exil ne fut pas de longue durée: en 1742, à l'avènement d'Elisabeth Pétrowna, elles furent déliées de leurs vœux et envoyées en résidence à Moscou, avec restitution d'une partie, des plus insignifiantes d'ailleurs, du bien paternel. Anne épousa bientôt le comte André Simonowitch Gendrikoff; quant à Marie, ce n'est qu'après quelque temps encore, d'après certaines données, de vie religieuse dans un monastère à Kieff qu'elle épousa le général lieutenant Ivan Hilarionowitch Worontzoff. Sans autre dot qu'un nom et une parenté royale, tandis que ses deux frères, par leurs riches partis, jetaient les bases de la fortune des comtes Worontzoff, la comtesse Marie, à part la triste aventure de sa jeunesse, n'a laissé aucune trace dans les mémoires historiques du temps: aussi bien son mari n'eut rien de marquant, ni au service ni dans la société. Elle ne lui survécut que quelques années; elle mourut le 17 novembre 1792, et fut inhumée à ses côtés dans l'église du bourg de Voronoff, district de Podolsk, gouvernement de Moscou.

Elle eut deux fils, Arthème (1748—1815), marié à Prascovie Féodorowna Kvachnine-Samarine, et Hilarion (1760—1790), à Irène Ivanowna Izmailoff, et deux filles, Anne (1750—1807), mariée à Basile Serguéewitch Narychkine, et Eudoxie (1765—1824), non mariée.

(D'après un original de Rokotoff, appartenant au comte I. Worontzoff-Dachkoff, St-Pétersbourg.)

Митрополитъ **ЕВГЕНІЙ** (Евѣнмій Болховитиновъ), 1763 — 1837, сынъ священника Алексѣя Андреевича, родился въ Воронежѣ 18 Декабря 1763 г.; послѣ смерти отца, 9-и лѣтъ, поступилъ въ архіерейскій хоръ и съ 1777 г. обучался въ Воронежской семинаріи, а затѣмъ въ Московской академіи. Въ Москвѣ онъ слушалъ лекціи и въ университетѣ, былъ близокъ съ кружкомъ Новикова и пользовался руководствомъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго. Съ 1789 по 1799 годъ Болховитиновъ служилъ въ Воронежской семинаріи и въ Воронежѣ рукоположенъ въ священники. Послѣ смерти 3-хъ дѣтей и жены, Болховитиновъ, 9 Марта 1800 г. былъ постриженъ въ монашество въ Александро-Невской лаврѣ и 11 Марта возведенъ въ санъ архимандрита, съ назначеніемъ префектомъ Александро-Невской академіи. Переведенный въ 1802 г. въ Сергіеву пустынь, Евгеній 17 Января 1804 г. былъ посвященъ во епископа Старорусскаго, викарія Новгородскаго; въ 1808 г. былъ переведенъ въ Вологду, въ 1813 г. — въ Калугу, а 7 Февраля 1816 г. — въ Псковъ, съ возведеніемъ въ санъ архіепископа. 24 Января 1822 г. онъ получилъ назначеніе на Кіевскую кафедру и 16 Марта былъ возведенъ въ санъ митрополита; въ концѣ 1824 г. онъ былъ вызванъ въ Синодъ и пробылъ въ Петербургѣ до 1827 года. Евгеній скончался въ Кіевѣ 23 Февраля 1837 года и погребенъ въ Софійскомъ соборѣ. Какъ всякій архіерей, Евгеній совершалъ богослуженія, занимался дѣлами, принималъ визиты, давалъ парадные обѣды, объѣзжалъ епархію и въ подобающихъ случаяхъ произносилъ свои очень логическія, но сухія и не отличавшіяся литературнымъ изяществомъ проповѣди. Но все это было для Евгенія чѣмъ-то побочнымъ, прямо даже мѣшающимъ его излюбленной дѣятельности исключительно научнаго характера. Всѣ эти „должностныя заботы“, „угощенія хлѣбоѣдовъ праздничныхъ“, „подьяческіе годовые отчеты“ только отдаляли тотъ вожделѣнный мигъ, когда онъ „посреди книгъ и бумагъ своихъ, подъ руками разложенныхъ, на досугъ, по своей волѣ“ могъ отдаться наукѣ. Книги были стихіей Евгенія; онъ съ жадностью покупалъ ихъ, и его можно было видѣть, несмотря на его архіерейскій санъ, „всего въ пыли, укладывающаго въ короба свою библіотеку“. Про Евгенія справедливо говорили, что „нѣтъ науки, которая была бы ему чужда“; но настоящимъ хозяиномъ онъ былъ въ области исторіи церковной и гражданской, а также литературы духовной и свѣтской. Его словари духовныхъ и свѣтскихъ писателей имѣютъ значеніе и теперь. Судьба послѣдовательно приводила Евгенія въ богатые древностями города: Новгородъ, Вологду, Псковъ и Кіевъ, и вездѣ онъ дѣятельно принимался за разработку мѣстной исторіи: онъ описывалъ древности, монастыри, соборы, разбиралъ церковныя древлехраннища и архивы, и древніе акты и книги возами возили къ археологу-архіерею; при объѣздахъ епархій онъ обыкновенно „наводывался о городищахъ, окопахъ и валахъ“, а въ Кіевѣ произвелъ раскопки, открывшія фундаментъ Десятинной церкви. Кромѣ этого, онъ предпринималъ историческіе труды и общаго характера: онъ составилъ, хотя и не издалъ, „Словенорусскую Церковную Исторію“, и подъ его руководствомъ и при дѣятельномъ участіи была издана епископомъ Амвросіемъ Орнатскимъ многотомная „Исторія Россійской Іерархіи“. Какъ ученый, Евгеній былъ скромный, доброжелателенъ къ другимъ, желалъ лишь „работать для общей пользы“ и презиралъ „завистливую“ критику, вполне подчиняясь критикѣ „просвѣщенной“. Съ умомъ холоднымъ и логическимъ, „нравъ веселаго и насмѣшливаго“ Евгеній не былъ склоненъ къ аскетизму. Монашество онъ принялъ исключительно изъ расчета обезпечить себѣ спокойную и безбѣдную ученую дѣятельность: черезъ три дня послѣ постриженія онъ шутилъ надъ тѣмъ, что „монахи, какъ пауки, въ утреню опутали его въ черную рясу, мантию и клобукъ“. Какъ ученый, высоко стоявшій надъ толпою и сознававшій свое превосходство, Евгеній былъ своего рода аристократомъ: онъ не былъ высокаго мнѣнія объ естественныхъ достоинствахъ человѣка, этой „растлѣнной отъ Адама тварь“; съ отвращеніемъ относился къ „вольномыслию“ французовъ и къ дѣятелямъ революціи, которые „сперва милосердовали о бастильскихъ тюремникахъ, а послѣ сами больше ихъ насажали“, но Евгеній зато искренно любилъ народъ: „вѣсти ваши о волѣ, дай Богъ, чтобъ сбылись“, писалъ онъ библіографу Анастасевичу. Въ то же время онъ былъ чуждъ всякой сентиментальности и при разныхъ реформахъ въ тюрьмахъ и сумасшедшихъ домахъ трезво замѣчалъ, что „многіе ученые нуждаются въ пропитаніи больше сумасшедшихъ и тюремныхъ“.

(Съ портрета, находящагося въ Императорской Академіи Наукъ.)

Le métropolite EUGENE (Euthyme), 1763—1837, fils du prêtre Alexis Andréewitch Bolkhovitinoff, naquit à Voronège le 18 décembre 1763. Il entra à l'âge de 9 ans, à la mort de son père, au chœur de l'archevêché, commença ses études en 1777 au séminaire de Voronège, et les continua à l'Académie de Moscou. A Moscou, il suivit aussi les cours de l'Université, fut un habitué du cercle de Novikoff et reçut les conseils de Bantych-Kamensky. De 1789 à 1799, il servit au séminaire de Voronège et fut ordonné prêtre dans cette ville. Après avoir perdu sa femme et ses trois enfants, il embrassa l'état monastique le 9 mars 1800 au monastère d'Alexandre Newsky, et, le 11 mars, fut élevé à la dignité d'archimandrite et nommé préfet de l'Académie du monastère. Transféré en 1802 au monastère St-Serge, il fut, le 17 janvier 1804, intronisé évêque de Staraja Roussa, vicaire de Novgorod, et passa, en 1808 à Vologda, en 1813 à Kalouga, et le 7 février 1816 à Pskoff avec la dignité d'archevêque. Affecté, le 24 janvier 1822, au diocèse de Kieff, il y fut élevé le 16 mars à la dignité de métropolite, et, appelé au Synode à la fin de 1824, resta à Pétersbourg jusqu'en 1827. Il mourut à Kieff le 23 février 1837, et fut inhumé à la cathédrale Ste-Sophie.

Comme tout archevêque, Eugène officiait, s'occupait de son archevêché, recevait, donnait des dîners de gala, visitait son diocèse, et, le cas échéant, prononçait des sermons fort logiques, mais arides et dénués de mérite littéraire. Tout cela cependant n'était à ses yeux qu'un accessoire, un obstacle, pour tout dire, à ses travaux préférés de caractère purement scientifique. Tous ces „soucis de service“, ces „réceptions de parasites les jours de fête“, la „besogne de scribe du rapport annuel“, ne faisaient que retarder le moment désiré où, „entouré de ses livres et de ses papiers tout prêts sous la main, il pourrait à tête reposée, en toute liberté“, s'adonner à la science. Son élément, c'étaient les livres; il en achetait avec avidité, et on pouvait le voir, oubliant sa dignité d'archevêque, „en pleine poussière, emballer sa bibliothèque dans des caisses“. „Pas de science“, disait-on de lui à bon droit, „qui lui fût étrangère“; mais son vrai domaine était l'histoire et la littérature, religieuses et profanes. Ses dictionnaires des écrivains ecclésiastiques et laïques conservent encore aujourd'hui leur valeur. La destinée le conduisit successivement dans des villes riches en antiquités, Novgorod, Vologda, Pskoff et Kieff, et partout il se mit activement à l'étude de l'histoire locale, relevant les antiquités, monastères, cathédrales, dépouillant les bibliothèques et archives des églises, se faisant apporter des tombereaux d'actes anciens et de livres, „s'informant“ d'ordinaire, dans ses visites de diocèses, „des emplacements de villes, des fossés et remparts“, et faisant à Kieff les fouilles qui amenèrent au jour les fondations de l'église Désiatinnaïa. En outre, il entreprit également des travaux historiques d'ensemble: il composa, sans toutefois la publier, une Histoire ecclésiastique slavonne-russe, et c'est sous sa direction et avec son active collaboration que l'évêque Ambroise Ornatsky publia son Histoire de la Hiérarchie Russe en plusieurs volumes. Comme savant, il était modeste et bienveillant pour les autres, ne demandant qu'à „travailler pour le profit de tous“, et méprisait la critique „envieuse“ pour se rallier complètement à la critique „éclairée“. Esprit rassis et logique, „caractère enjoué et railleur“, il n'avait aucun penchant à l'ascétisme. Il ne se fit moine que par calcul, pour s'assurer une carrière scientifique tranquille et à l'abri du besoin: trois jours après sa prise d'habit, il plaisantait „les moines qui, tels des araignées, l'avaient à matines entortillé de la soutane noire, de la mante et du bonnet“. Comme savant dépassant de beaucoup la foule et conscient de sa supériorité, c'était un aristocrate en son genre: il ne faisait pas grand état des mérites naturels de l'homme, cette „progéniture corrompue d'Adam“; il n'avait que de l'horreur pour le „libre examen“ des Français et pour les hommes de la Révolution, qui „s'attendrissent d'abord sur les victimes de la Bastille, puis en firent eux-mêmes bien davantage“. Mais aussi il aimait sincèrement le peuple: „Vos bruits d'émancipation“, écrivait-il au bibliographe Anastassewitch, „plaise à Dieu qu'ils se réalisent!“ Il était en même temps exempt de tout sentimentalisme: à l'occasion de réformes dans les prisons et asiles d'aliénés, il fit observer judicieusement que „bien des savants auraient besoin d'assistance plus encore que les fous et les détenus“.

(D'après un original de l'Académie Impériale des Sciences.)

Portrait of a person with long hair, possibly a wig, wearing a dark garment. The image is somewhat faded and has a vintage appearance.

Portrait of a person with long hair, possibly a wig, wearing a dark garment. The image is somewhat faded and has a vintage appearance.

Portrait of a person with long hair, possibly a wig, wearing a dark garment. The image is somewhat faded and has a vintage appearance.

Portrait of a person with long hair, possibly a wig, wearing a dark garment. The image is somewhat faded and has a vintage appearance.

71

Митрополитъ Кіевскій Eugène,
Евгеній, Métropolit de Kieff,
1763 — 1837 1763 — 1837

72

Митрополитъ Московскій Platon,
Платонъ, Métropolit de Moscou,
1737 — 1812 1737 — 1812

73

Пис. Уткинъ Peint par Outkine
Митрополитъ С.-Петербургскій Gabriel,
Гавріилъ, Métropolit de St-Petersbourg,
1730 — 1801 1730 — 1801

74

Архієпископъ Московскій Augustin,
Августинъ, Archevêque de Moscou,
1766 — 1819 1766 — 1819

Митрополитъ ПЛАТОНЪ (Левшинъ), 1737—1812, сынъ дьячка Егора Данилова, родился въ с. Чашниковѣ, Московскаго уѣзда, 29 Іюня 1737 года. По окончаніи курса въ Московской академіи, онъ былъ оставленъ при ней учителемъ пѣттики и катихизаторомъ, а въ 1758 г. былъ приглашенъ на кафедру риторики въ Троицкую семинарію. Постриженный 14 Августа 1758 г. въ монашество, Платонъ быстро повышался: въ 1759 г. онъ былъ назначенъ префектомъ, въ 1761 г.—ректоромъ семинаріи, въ 1763 г.—наместникомъ Троицкой лавры. Екатерина II обратила вниманіе на краснорѣчиваго іеромонаха и въ 1763 г. назначила его законоучителемъ Наслѣдника, въ 1767 г.—членомъ Синода, а 10 Октября 1770 г. Платонъ посвященъ въ архіепископа Тверскаго; 21 Января 1775 г. онъ былъ переведенъ на Московскую кафедру и 15 Ноября назначенъ ректоромъ Московской академіи. Платонъ усиленно заботился объ улучшеніи матеріальнаго положенія духовенства и поднятіи его умственнаго и нравственнаго уровня; имъ была преобразована Московская академія, были устроены семинаріи въ Введенскомъ и Перервинскомъ монастыряхъ; онъ былъ главнымъ организаторомъ единовѣрія; 29 Іюня 1787 г. Платонъ былъ пожалованъ митрополитомъ. Императоръ Павелъ пожаловалъ ему ордена св. Андрея и Александра Невскаго и вызвалъ въ Петербургъ, но скоро Платонъ, не успѣвшій во-время собраться въ столицу, навлекъ на себя неудовольствіе Павла. Здоровье Платона ослабѣло рано; съ 50-го года жизни онъ часто страдалъ „коликами съ камнемъ въ почкахъ“, а 22 Іюля 1806 г. былъ разбитъ параличемъ, отъ котораго осталась слабость въ языкѣ и правой рукѣ; 29 Іюня 1807 г. Платонъ произнесъ въ Чудовомъ монастырѣ прощальную проповѣдь и жилъ послѣ того почти постоянно въ Введенскомъ монастырѣ; 13 Іюня 1811 года онъ былъ уволенъ отъ управленія епархіей. Въ Августѣ 1812 г. Платонъ пріѣзжалъ въ Москву, чтобы благословить и ободрить свою паству, а 11 Ноября скончался въ Введеніи и тамъ погребенъ въ Лазаревской церкви.

Платонъ былъ всероссійскимъ духовнымъ авторитетомъ, какимъ впоследствии былъ лишь одинъ Московскій митрополитъ Филаретъ. Слава его распространялась далеко за предѣлы Россіи: Вольтеръ превозносилъ его краснорѣчіе; Іосифъ II призналъ его главной достопримѣчательностью Москвы; англійскіе богословы вели съ нимъ ученую переписку. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ преданъ наукѣ; самое монашество онъ принялъ „по особой любви къ просвѣщенію“; онъ былъ специалистомъ по всѣмъ отраслямъ богословскихъ наукъ. Платонъ славился, какъ ораторъ, и обладалъ даромъ импровизаціи: „Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ“, говорила Екатерина; „хочетъ онъ, чтобы мы плакали—мы плачемъ!“ Платонъ старался преобразовать нравы духовенства, въ массѣ невѣжественнаго, нетрезваго и не отличавагося по образу жизни отъ простолюдиновъ; онъ требовалъ, чтобы духовные жили „честно, постоянно, сановито, кротко и любовно, и тѣмъ другихъ приводилъ къ почтенію себѣ“; съ этою цѣлью онъ отменилъ всѣ унижительныя наказанія для духовныхъ, въ родѣ публичнаго отбиванія поклоновъ въ храмѣ. Митрополитъ не жалѣлъ средствъ на училища, берегъ учащихся, особенно способныхъ, старался „вперить въ нихъ благородное честолюбіе“, всячески поддерживалъ ихъ нравственно и матеріально. Онъ входилъ въ мельчайшія подробности быта семинаристовъ, посѣщалъ экзамены, участвовалъ въ диспутахъ, обѣдалъ съ бурсаками, бесѣдовалъ запросто, гуляя съ ними, при чемъ ворошилъ сѣно и собиралъ травы. Вообще любовь къ простой и уединенной жизни среди природы была отличительной чертой Платона. Онъ возмущался свѣтскими наградами духовенству: „Желаю умереть архіереемъ, а не кавалеромъ“, говорилъ онъ. Его неоднократные отказы отъ епархіи не были притворными. Великолѣпный въ служеніи, онъ любилъ запросто пѣть за дьячка и служить за священника въ своей маленькой Введенской церкви. Не чуждый лестн, доходившей до сравненія Екатерины II съ „Матерью Господа“, онъ безбоязненно защищалъ Н. И. Новикова отъ обвиненія въ ереси и нашелъ въ себѣ смѣлость остановить Павла, хотѣвшаго войти при шпагѣ въ царскія врата. Въ послѣдніе годы жизни Платонъ вообще замѣтно ослабѣлъ и представлялъ „себѣ на горѣ уцѣлѣвшую развалину ума, когда-то блестящаго!“

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ Е. А. Воронцовой-Дашковой, с. Андреевское, Владимірской губ.)

Le métropolite PLATON (Levchine), 1737—1812, fils du diacre Egor Daniloff, naquit à Tchachnikovo, district de Moscou, le 29 juin 1737. Ses études terminées à l'Académie de Moscou, il y resta comme maître de poétique et catéchiste, puis, en 1758, fut appelé à la chaire de rhétorique au séminaire Troïtzky. Moine le 14 août 1758, il eut une élévation rapide, en 1759 préfet et en 1761 recteur du séminaire, puis, en 1763 sous-prieur du monastère Troïtzky. Catherine II le remarqua pour son éloquence, et le fit en 1763 aumônier du Césarewitch, et en 1767 membre du synode. Intronisé archevêque de Tver le 10 octobre 1770, il passa le 21 janvier 1775 à la chaire de Moscou et fut nommé le 15 novembre suivant directeur de l'Académie de Moscou. Il mit tout son zèle à améliorer la situation matérielle du clergé et à en relever le niveau intellectuel et moral; ce fut lui qui réforma l'Académie de Moscou, qui fonda des séminaires aux monastères de Béthanie et de Pérervinsk, qui fut le principal organisateur de l'édinovérié. Fait métropolite le 29 juin 1787, décoré de St-André et de St-Alexandre Newsky, il fut appelé à Pétersbourg par l'Empereur Paul, dont il encourut bientôt le mécontentement pour s'être fait attendre. Sa santé faiblit de bonne heure; sujet dès sa 50e année à de fréquentes coliques néphrétiques, il fut frappé de paralysie le 22 juillet 1806 et en garda une faiblesse de la langue et du bras droit. Le 29 juin 1807, il prononça au monastère de Tchoudovo son sermon d'adieu pour se retirer presque à demeure au monastère de Béthanie. Déchargé le 15 juin 1811 des affaires du diocèse, il vint en août 1812 à Moscou bénir et encourager ses ouailles. Il mourut le 11 novembre 1812 à Béthanie, et y fut inhumé à l'église St-Lazare.

Platon fut en matière ecclésiastique une autorité dans le monde russe comme il n'y en eut qu'une après lui, le métropolite de Moscou Philarète. Sa renommée s'étendait bien au-delà des frontières russes: Voltaire exaltait son éloquence; Joseph II le déclarait la principale curiosité de Moscou; les théologiens anglais étaient en correspondance scientifique avec lui. Il s'était adonné à la science dès ses jeunes années, et ne s'était même fait moine que „par un amour particulier de l'étude“; c'était un spécialiste dans toutes les branches de la théologie. Orateur renommé, il possédait le don de l'improvisation. „Le Père Platon fait de nous tout ce qu'il veut“, disait Catherine; „veut-il nous faire pleurer, nous pleurons!“ Il s'efforça de réformer les mœurs du clergé, dans l'ensemble ignorant, intempérant, identique au vulgaire par son régime de vie, et exigea des ecclésiastiques „de l'honorabilité, de la régularité, de la dignité, de l'humilité et de la charité, pour s'attirer le respect d'autrui“; à cet effet, il supprima pour le clergé tous les châtimens avilissans, dans le genre de la pénitence publique à l'église. Il ne ménageait rien pour le budget des écoles, prenant soin des élèves, surtout des bons, s'efforçant de „leur inculquer une noble ambition“ et les soutenant de toute manière moralement et matériellement. Il entraînait dans les moindres détails de la vie des séminaristes, assistant aux examens, prenant part aux soutenances, dînant avec les boursiers, leur causant familièrement et les accompagnant au grand air pour faner et herboriser. D'une manière générale, l'amour de la vie simple et retirée au sein de la nature était un de ses traits distinctifs. Il s'indignait des récompenses mondaines attribuées au clergé: „Je veux“, disait-il, „mourir archiprêtre et non chevalier“, et lorsqu'il déclina à plusieurs reprises l'offre d'un diocèse, c'était en toute sincérité. Officiant splendide, il aimait chanter sans façon la partie de diacre et officier en simple prêtre dans sa petite église de Béthanie. Un peu porté à la flatterie, allant même jusqu'à comparer Catherine II à la „Mère de Dieu“, il eut le courage de défendre Novikoff de l'accusation d'hérésie et ne craignit pas d'arrêter Paul sur le point de franchir l'épée au côté les portes de l'iconostase. Sur ses dernières années, il avait sensiblement baissé, et n'était plus, „hélas! que la ruine vivante d'un esprit jadis brillant“.

(D'après un original appartenant à la comtesse E. Worontzoff-Dachkoff, Andréewskoïé, gouv. de Vladimir.)

Митрополитъ ГАВРИІЛЪ (Петровъ), 1730—1801, родился 18 Мая 1730 г. въ Москвѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. По окончаніи курса въ Московской академіи въ 1753 г., онъ былъ справщикомъ въ Синодальной типографіи, а въ 1758 г. назначенъ учителемъ риторикѣ въ Троицкую семинарію. Здѣсь, 28 Іюня 1758 г., Петровъ постригся въ монашество и былъ назначенъ ректоромъ Лаврской семинаріи и намѣстникомъ Троицкой лавры. Получивъ 8 Августа 1761 г. ректорство въ Московской академіи, съ саномъ архимандрита, Гавріилъ, 6 Декабря 1763 г., былъ хиротонисанъ во епископа Тверскаго. Вызванный въ 1766 г. въ Петербургъ, Гавріилъ въ 1768 г. былъ депутатомъ отъ духовенства въ Комиссіи сочиненія новаго Уложенія, а 27 Сентября 1769 г. былъ пожалованъ въ члены Синода; 22 Сентября 1769 г. былъ назначенъ архіепископомъ С.-Петербургскимъ, а 1 Января 1775 г. и Новгородскимъ, съ возведеніемъ 22 Сентября 1783 г. въ санъ митрополита. Гавріилъ много заботился о благоустройствѣ духовныхъ школъ и объ обращеніи раскольниковъ, перестроилъ Невскій монастырь и 30 Августа 1790 г. торжественно освятилъ въ немъ новый соборъ Св. Троицы. Павелъ I показывалъ наружное благоволеніе къ Гавріилу и пожаловалъ ему первому ордена Александра Невскаго и св. Андрея; можно догадываться, что онъ предлагалъ ему и санъ патріарха. По просьбѣ митрополита, Павелъ освободилъ духовенство отъ тѣлесныхъ наказаній, возвелъ Невскій монастырь на степень лавры и Невскую семинарію сдѣлалъ академіей. Но Павлу нужны были новые люди, и старецъ, связанный всѣмъ прошлымъ съ традиціями царствованія Екатерины, мѣшалъ любимцу Императора, архіепископу Амвросію Подобѣдову. Отказъ Гавріила присутствовать на придворномъ спектаклѣ переполнилъ чашу, и на другой день, 16 Октября 1799 г., Гавріилъ былъ удаленъ въ Новгородъ. Послѣдній годъ жизни Гавріилъ провелъ въ болѣзненномъ состояніи — „одышка до обмороку“ и „томная боль“ въ ногахъ мучили опальнаго митрополита. Не получивъ разрѣшенія удалиться въ Симоновъ монастырь, Гавріилъ 19 Декабря 1800 г. былъ уволенъ отъ Новгородской епархіи и скончался 26 Января 1801 г.; погребенъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Гавріилъ былъ добрый и скромный человѣкъ и настоящій аскетъ. Его идеаломъ въ юности было „имѣть маленькій кусокъ хлѣба и быть всегда при церкви“. Мечтавшій лишь о „просѣрническомъ мѣстѣ“, Гавріилъ искренно „не хотѣлъ принять бремени епископства“. За столомъ его первое мѣсто занимали кашица съ сухарями и пироги съ горохомъ, особенно возбуждавшіе удивленіе въ роскошныхъ іерархахъ того времени. Онъ постоянно искалъ по разнымъ пустынямъ духовныхъ старцевъ, въ сладость бесѣдовалъ съ ними или велъ переписку, выбиралъ изъ этихъ „глушцовъ“ настоятелей въ обители, приведенныя въ упадокъ учеными „умниками“, думавшими „о столахъ и о гостяхъ“. Гавріилу удалось поднять Валаамъ и Коневецъ и спасти отъ упраздненія Симоновъ монастырь. Гавріилъ обладалъ разно-сторонней ученостью: онъ былъ и экзегетомъ Св. Писанія и филологомъ, трудившимся надъ Академическимъ словаремъ, и агіологомъ, исправлявшимъ прологи, и специалистомъ по литургикѣ, редактировавшимъ и составлявшимъ вновь богослужебныя чины. При всѣхъ своихъ достоинствахъ Гавріилъ былъ самымъ подходящимъ іерархомъ для Двора Екатерины. Онъ былъ кротокъ и остороженъ: приходилъ въ ужасъ отъ того, что Платонъ рѣшается говорить „слишкомъ открыто“, и жегъ всю свою корреспонденцію, благоразумно разсуждая, что „много бываетъ случаевъ, для которыхъ не должно хранить письма“. Гавріила поддерживали Потемкинъ, Елагинъ, Панинъ и Тепловъ. Сама Екатерина считала его мужемъ „острымъ и резонабельнымъ“, разумѣя подъ „резонабельными сентиментами“ въ архіерей ничто иное, какъ полное отсутствіе оппозиціоннаго духа. Едва ли какой архіерей получалъ столь лестные знаки монаршаго вниманія, какъ Гавріилъ: то ему посвящался переводъ Мармонтелева „Велизарія“, какъ человѣку, „мыслями, какъ и добродѣтелию съ Велисаріемъ сходному“, то въ честь его въ церкви устранился его барельефный портретъ съ Державинской надписью, сравнивавшей митрополита съ Соломономъ; ему жаловались то панагія изъ собственной звѣзды Екатерины, то саккосъ изъ ея порфиры. При Павлѣ I старецъ, которому уже нечего было терять, сталъ какъ бы нѣсколько смѣлѣе: позволилъ себѣ отказаться отъ Мальтійскаго ордена и уклониться отъ присутствованія на представленіи оперы „Enea nel Lozio“. Неспособный быть обвинителемъ сильныхъ міра сего, Гавріилъ въ то же время не искалъ земныхъ выгодъ. „Денегъ я не конилъ“, говорилъ онъ, „желаю и ожидаю вѣчнаго блаженства“.

(Съ портрета Уткина; находится въ Императорской Академіи Художествъ.)

Le métropolite GABRIEL (Pétroff), (1750—1801), naquit le 18 mai 1750 à Moscou, où son père était prêtre. Sorti de l'Académie de Moscou en 1755, et d'abord correcteur à l'Imprimerie Synodale, il fut nommé en 1758 maître de rhétorique au séminaire Troïtzky; là, le 28 juin 1758, il entra dans la vie monastique, et devint recteur du séminaire et sous-prieur du monastère Troïtzky. Recteur de l'Académie de Moscou le 8 août 1761 avec la dignité d'archimandrite, il fut, le 6 décembre 1763, intronisé évêque de Tver. Appelé en 1766 à Pétersbourg, il fut en 1768 député du clergé à la Commission du Nouveau Code, et membre du Synode le 27 septembre 1769; archevêque, le 22 septembre 1769, du diocèse de Pétersbourg, auquel il joignit, le 1er janvier 1775, celui de Novgorod, il fut élevé le 22 septembre 1783 à la dignité de métropolite. Il mit tous ses soins à la bonne organisation des écoles ecclésiastiques et à la conversion des dissidents, reconstruisit le monastère Newsky et y inaugura solennellement le 30 août 1790 la nouvelle cathédrale de la Sainte Trinité. Paul Ier lui donnait des marques de sa faveur, et lui conféra, à lui le premier, les ordres de St-Alexandre Newsky et St-André; on peut bien penser qu'il lui proposa également la dignité de patriarche. Sur sa demande aussi, il supprima les châtimens corporels pour les ecclésiastiques, éleva le monastère Newsky au rang de lauré et fit du séminaire Newsky une académie. Mais il fallait à Paul des hommes nouveaux, et le vieux métropolite, lié par tout son passé aux traditions du règne de Catherine, gênait un favori, l'archevêque Ambroise Podobédoff. Le refus d'assister à un spectacle de la Cour fit déborder la coupe, et le lendemain, 16 octobre 1799, Gabriel était renvoyé à Novgorod. La dernière année de sa vie se passa dans les infirmités, „de l'oppression jusqu'à perte de connaissance“ et „une douleur sourde“ dans les jambes, qui tourmentaient le métropolite déchu. Sans avoir pu recevoir l'autorisation de se retirer au monastère Simonoff, il fut, le 19 décembre 1800, destitué de son diocèse; il mourut le 26 janvier 1801, et fut inhumé à Novgorod, dans la cathédrale Ste-Sophie.

Gabriel était un homme bon et modeste, et un vrai ascète. Son idéal de jeunesse était „d'avoir un petit morceau de pain et d'être toujours attaché à l'église“. Rêvant simplement „un emploi d'hostiaire“, il voulait sincèrement „refuser le fardeau de l'épiscopat“. Ses repas étaient le plus souvent de bouillie avec du pain grillé et de gâteaux aux pois qui faisaient surtout l'étonnement des luxueux prélats du temps. Il courait les lieux de retraite perdus, à la recherche d'ermites, à la conversation ou à la correspondance desquels il se délectait, recrutant parmi ces „simples“ des supérieurs pour les monastères compromis par les savants et „beaux esprits“ qui ne rêvaient que „bonne chère et société“. Il réussit à relever Valaam et Konévetz et à sauver de la disparition le monastère Simonoff. Possesseur d'une érudition variée, il fit de l'exégèse biblique, de la philologie comme collaborateur du Dictionnaire de l'Académie, de l'hagiologie en revisant les Prologues, et, spécialiste en matière de liturgie, rédigea et refondit le commun des offices. Ses nombreux mérites en faisaient le chapelain le plus qualifié pour la Cour de Catherine. Doux et circonspect, il était épouvanté de voir Platon parler „trop ouvertement“, et brûla toute sa correspondance, car, prétendait-il avec juste raison, „il y a bien des éventualités pour lesquelles il ne faut pas conserver de lettres“. Il était soutenu par Potemkine, Elaguine, Panine et Téploff. Catherine elle-même le trouvait „fin et raisonnable“, et ce qu'elle entendait par „sentiments raisonnables“, c'était l'absence complète d'esprit d'opposition. Il n'est guère de prélat qui eût reçu tant de marques de l'attention Impériale, tantôt la dédicace de la traduction du Bélisaire de Marmontel, comme homme „semblable à Bélisaire par ses pensées comme par ses vertus“, tantôt l'exposition à l'église en son honneur d'un bas-relief le représentant et portant une inscription où Derjavine le comparait à Solomon; l'Impératrice lui conférait soit une panagie faite de sa propre étoile, soit une chape de sa propre pourpre. Sous Paul Ier, le vieux prélat, qui n'avait plus rien à perdre, se décida à s'enhardir tant soit peu: il refusa la croix de Malte, et déclina une invitation à l'opéra Enea nel Lozio. Incapable de démasquer les grands de ce monde, il ne recherchait pas non plus les profits matériels: „Je n'ai rien amassé“, disait-il, „je désire et attends le bonheur éternel“.

(D'après l'original d'Outkine, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

Архієпископъ АВГУСТИНЪ (Алексѣй Васильевичъ Виноградскій), 1766—1819, сынъ священника, родился въ Москвѣ 6 Марта 1766 года. Оставшись круглымъ сиротой, онъ воспитывался въ Перервинской семинаріи и въ 1787 г. былъ назначенъ учителемъ латинскаго языка въ той же семинаріи, а въ 1788 г. переведенъ въ Троицкую семинарію учителемъ риторики. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе Платона своими изящными латинскими стихами и сдѣлался любимцемъ митрополита. Назначенный въ 1792 г. префектомъ, онъ 16 Января 1794 г. былъ постриженъ, а въ 1795 г. назначенъ ректоромъ Троицкой семинаріи, съ возведеніемъ въ 1798 г. въ санъ архимандрита, а въ 1802 г. былъ переведенъ на должность ректора Московской Академіи; 7 Февраля 1804 г. онъ былъ хиротонисованъ въ С.-Петербургѣ во епископа Дмитровскаго и оставался помощникомъ Платона до его кончины. „Потерпи, и Богъ не забудетъ твоей ко мнѣ любви“, говорилъ Платонъ; 13 Іюня 1811 г., за болѣзнь Платона, Августину было поручено управленіе Московской епархіей. Въ 1812 г. онъ обратилъ на себя вниманіе Александра I своимъ краснорѣчіемъ и особенно сочиненной имъ молитвой объ изгнаніи непріятеля и 14 Іюля получилъ Александровскую ленту. Только поздно ночью на 2 Сентября, по приказанію графа Ростопчина, выѣхалъ Августинъ въ Муромъ, съ иконами Иверской и Владимірской, и лишь 7 Ноября опять поселился въ Москвѣ, въ уцѣлѣвшемъ Срѣтенскомъ монастырѣ. Много трудовъ потребовали отъ Августина возстановленіе церквей и облегченіе участи пострадавшаго отъ непріятеля духовенства. Похоронивъ своего благодѣтеля митрополита Платона († 11 Ноября 1812 г.), Августинъ 28 Декабря 1812 г. получилъ въ полное управленіе Московскую епархію. Слѣдующія событія требовали большого напряженія его силъ: приходилось совершать крестные ходы по городу, оскверненному „богоненавистнымъ пребываніемъ врага нечестиваго“, и частыя освященія церквей, встрѣчать въ Москвѣ Государя; какъ проповѣдникъ, Августинъ долженъ былъ отзываться на событія—въ родѣ возвращенія въ Москву ополченія, закладки храма Христа Спасителя, освященія памятника Минину и Пожарскому. Но, несмотря на „успѣшное приведеніе въ порядокъ духовной части“, Августинъ оставался лишь администраторомъ „виредъ до назначенія мѣстнаго архіерея“, хотя 30 Августа 1814 г. и получилъ званіе синодальнаго члена и санъ архієпископа Дмитровскаго. Только 19 Февраля 1818 г., въ день освященія памятника Минину и Пожарскому, Августинъ былъ назначенъ архієпископомъ Московскимъ. Но въ томъ же году у него открылась чахотка, отъ которой онъ и скончался 3 Марта 1819 г.; погребенъ въ Успенскомъ соборѣ Троицкой лавры. Августинъ былъ однимъ изъ лучшихъ латинистовъ, какіе выходили изъ старой духовной школы. Онъ такъ привыкъ мыслить и писать по-латыни, что черновики своихъ проповѣдей писалъ на этомъ языкѣ. Его латинскіе стихи, какъ образцовые, „золотые“ (*versus aureos*), митрополитъ Платонъ приказывалъ печатать золотыми буквами. Августинъ отличался „великолѣпнымъ служеніемъ“. „Вашъ Августинъ“, говорилъ Александръ I графу Тормасову, „мастеръ служить! Я Платона видѣлъ, онъ и его перещеголялъ“. Свои витѣватые проповѣди онъ произносилъ съ такимъ одушевленіемъ и чувствомъ, что иногда „церковь, полная народа, наполнялась рыданіями, и самъ настырь-утѣшитель плакалъ такъ, что слезы прерывали слова его“. Августинъ былъ простъ съ окружающими и охотно помогалъ бѣднымъ, помня, что и онъ „былъ сиротой“. Смиреніе и преданность волѣ Божіей показывалъ самый девизъ Августина: „*Dei gratia sum, quod sum*“. Но Августину сильно вредили особенная живость характера и нервность. Иногда у него вырывались „остроты и двусмысленности, отзывавшіяся временемъ его юности, школою и воспитаніемъ“. Какъ большинство слабыхъ волею нервныхъ людей, Августинъ способенъ былъ „наговорить опрометчиво тѣмъ оскорбительныхъ выраженій“, но быстро остыть и во всемъ уступить своему противнику. Очевидецъ рассказываетъ о его „слишкомъ грубыхъ выходкахъ“ во время богослуженія и „неприличномъ и дерзкомъ обращеніи съ окружающимъ его духовенствомъ“. Непріятельское нашествіе повредило популярности Августина, его винили, что онъ уѣхалъ, бросивъ паству и все, но Августинъ вывезъ бы изъ Москвы всѣ мощи, святыни и наиболѣе цѣнныя вещи, если бы ему не мѣшала Ростопчинъ, опасавшійся „унынія и смятенія въ народѣ“. Вообще Августина въ Москвѣ „не всѣ любили“ и всячески ложно сплетничали про него.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ.)

L'archevêque AUGUSTIN (Alexis Vassiliéwitch Vinogradsky), 1766 — 1819, fils d'un prêtre, naquit à Moscou le 6 mars 1766. Orphelin de père et de mère, il fut élevé au séminaire Pérérvinsky, où il devint en 1787 maître de latin; il passa l'année suivante au séminaire Troïtzky comme maître de rhétorique. Là, ses élégants vers latins le firent remarquer du métropolite Platon, et lui concilièrent ses bonnes grâces. Préfet en 1792, il fut fait moine le 16 janvier 1794 et devint en 1795 recteur du séminaire Troïtzky, puis, archimandrite en 1798, passa en 1802 recteur de l'Académie de Moscou. Le 7 février 1804, il fut intronisé à St-Petersbourg évêque de Dmitroff, et Platon le conserva jusqu'à sa mort comme son coadjuteur. „Aie patience“, lui disait-il, „Dieu n'oubliera pas ton amour pour moi“. Le 13 juin 1811, en raison de la maladie du métropolite, Augustin fut chargé du diocèse de Moscou. En 1812, il se fit remarquer d'Alexandre Ier par son éloquence et surtout par sa prière à l'occasion de la retraite de l'ennemi, et reçut le 14 juillet le cordon de St-Alexandre. Ce fut seulement dans la nuit du 1er au 2 septembre que, sur l'ordre du comte Rostoptchine, il partit pour Mourom avec les icones d'Ibérie et de Vladimir: il ne rentra à Moscou que le 7 novembre et se fixa au monastère de la Purification, resté intact. Il eut fort à faire pour relever les églises et soulager le clergé éprouvé par l'invasion. A la mort de son bienfaiteur le métropolite Platon († 11 novembre 1812), il fut chargé le 28 décembre 1812 de toute l'administration du diocèse de Moscou. Les circonstances lui imposèrent de grandes fatigues: processions dans la ville souillée „par le séjour profanateur d'un ennemi impie“, fréquentes inaugurations d'églises, réceptions de l'Empereur à Moscou; et comme prédicateur, il eut à parler sur des événements comme le retour de la milice à Moscou, la pose de la première pierre de l'église du Saint-Sauveur, l'inauguration du monument de Minine et Pojarsky. Mais malgré son „succès dans la reconstitution de la partie ecclésiastique“, il n'était toujours qu'administrateur „en attendant la nomination d'un archevêque de Moscou“, bien qu'il eût reçu le 30 août 1814 la dignité de membre du Synode et celle d'archevêque de Dmitrowsk. Ce fut seulement le 19 février 1818, le jour de l'inauguration du monument de Minine et Pojarsky, qu'il fut fait archevêque de Moscou. Mais, atteint cette année même de phtisie, il mourut le 3 mars 1819, et fut inhumé au cimetière de l'Assomption, au monastère Troïtzky.

Augustin était un des meilleurs latinistes de la vieille école ecclésiastique. Il avait une telle habitude de penser et d'écrire en latin, qu'il faisait dans cette langue les brouillons de ses sermons. Ses vers latins étaient des modèles, „versus aurei“, que le métropolite Platon faisait graver en lettres d'or. Augustin se distinguait par „la magnificence de son service“. „Votre Augustin“, disait Alexandre Ier au comte Tormassoff, „est un maître pour le service! J'ai vu Platon, mais il le surpasse encore“. Ses sermons maniérés étaient dits avec tant d'inspiration et de sentiment, que parfois „l'église, pleine de monde, retentissait de sanglots, et que le pasteur-consolateur lui-même pleurait au point d'être obligé de s'interrompre“. Augustin était simple avec son entourage et aimait secourir les pauvres, se souvenant que lui aussi „avait été orphelin“. Son humilité et sa soumission à la volonté de Dieu étaient attestées par sa devise: „Dei gratia sum, quod sum“. Mais il était desservi par un caractère d'une vivacité et d'une nervosité particulières. Il lui échappait parfois „des pointes et des mots à double entente qui sentaient sa jeunesse, son école et son éducation“. Comme la plupart des volontés faibles et des tempéraments nerveux, il était homme à „lancer inconsidérément une bordée d'expressions injurieuses“, pour refroidir tout de suite et finir par céder sur toute la ligne. Un témoin oculaire rapporte ses „sorties par trop grossières“ pendant le service divin et son „attitude inconvenante et insolente avec ses assistants“. L'invasion fit tort à sa popularité; on l'accusa d'être parti en abandonnant ses ouailles et tout le reste: or il eût bien emporté de Moscou toutes les reliques, objets sacrés et choses les plus précieuses, s'il n'en avait été empêché par Rostoptchine, qui voulait éviter „le désespoir et la confusion dans le peuple“. En général, Augustin ne jouissait pas à Moscou „de l'affection de tous“, et était en butte à des calomnies de toute nature.

(D'après un original du Monastère Tchoudovo, Moscou.)

НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА ДУРОВА, 1783—1866, „Кавалеристъ-дѣвица“, дочь гусарскаго ротмистра изъ дворянъ Вятской губерніи, а потомъ Сарапульскаго городничаго Андрея Васильевича Дурова (р. 1752 г., † 1826 г.), отъ перваго его брака съ дочерью Полтавскаго помѣщика Надеждой Ивановной Александровичъ († 1807 г.), въ раннемъ дѣтствѣ вела скитальческую жизнь, такъ какъ отецъ постоянно мѣнялъ мѣсто жительства и только въ 1789 г. поселился въ Сарапулѣ, получивъ мѣсто городничаго. Мать не любила свою старшую дочь, всецѣло порученную заботамъ денщика-гусара. „Сѣдло было моею первой колыбелью, лошадь, оружіе и полковая музыка—первыми дѣтскими игрушками и забавами“, вспоминала впоследствии Дурова. Неудивительно, что при такомъ воспитаніи у нея явились воинственные наклонности, гусарскіе манеры и вкусы. Мать, несмотря на строгость, не могла ничего подѣлать съ дочерью, а отецъ, наоборотъ, поощрялъ неправившіяся матери наклонности дѣвочки и подарилъ ей верховую лошадь „Алкида“. Три года прожила затѣмъ Дурова у бабушки въ Пирятинскомъ уѣздѣ и у тетки на Волыни и здѣсь стала болѣе походить на дѣвицу, но, возвратившись въ Сарапулѣ, быстро забыла правила, внушенныя бабушкой и теткой. 25 Октября 1801 г. Дурова была выдана замужъ за дворянскаго засѣдателя Сарапульскаго Нижняго земскаго суда Василія Стенановича Чернова и черезъ годъ родила сына Ивана; по ни семейная жизнь вообще, ни самъ мужъ не соответствовали ея вкусамъ, къ тому же она увлеклась есауломъ стоявшей въ Сарапулѣ казачьей сотни. Уходъ изъ Сарапула казачьяго отряда побудилъ ее исполнить свое заветное желаніе поступить въ военную службу; 17 Сентября 1806 г. она скрылась, оставивъ на берегу рѣки свое платье, догнала на своемъ Алкидѣ казаковъ и продолжала путь подъ видомъ денщика есаула. Въ 1807 г. Дурова поступила юнкеромъ въ Конно-польскій уланскій полкъ подъ фамиліей Соколова и участвовала въ военныхъ дѣйствіяхъ (при Гутштатѣ, Гейльсбергѣ, Фридрихсбургѣ), заслуживъ знакъ военнаго ордена. Изъ полка она написала родителямъ письмо. Отецъ сталъ хлопотать о возвращеніи дочери, и тогда открылось, кто такой былъ „юнкеръ Соколовъ“. Дурова была вызвана въ Петербургъ, представлялась Александру I и получила разрѣшеніе остаться на службѣ. Ей были даны имя и фамилія Александра Андреевича Александрова. Тогда же она была произведена въ корнеты, съ переводомъ въ Маріупольскій гусарскій полкъ. Въ 1811 г. Дурова была переведена въ Литовскій уланскій полкъ, затѣмъ участвовала въ Отечественной войнѣ и при Бородинѣ контужена въ ногу. Произведенная послѣ Бородина въ поручики, она была назначена въ ординарцы къ Кутузову, но контузія заставила ее уѣхать къ отцу. Въ 1813 г. Дурова вернулась въ армію и отличилась при Модлинѣ и Гамбургѣ. Въ 1816 г. она вышла въ отставку съ чиномъ штабсъ-ротмистра, послѣ чего жила то въ Сарапулѣ, то въ Елабугѣ, и часто бывала въ Петербургѣ. Въ 30-хъ годахъ началась литературная дѣятельность Дуровой: въ 1836 г. въ „Современникѣ“ Пушкина появились отрывки изъ ея записокъ. Пушкинъ заинтересовался ея личностью, писалъ о ней восторженные отзывы и поощрялъ къ дальнѣйшей литературной дѣятельности. Вслѣдъ затѣмъ появились цѣлкомъ „Записки“ ея, въ которыхъ она рассказываетъ свою жизнь, но умалчиваетъ о нѣкоторыхъ событіяхъ (напр., о замужествѣ). Записки Дуровой имѣли большой успѣхъ и побудили ее къ писанію романовъ и повѣстей, въ свое время имѣвшихъ успѣхъ и вызывавшихъ одобрителные отзывы критики (Бѣлинскій), но теперь совершенно забытыхъ. Дурова отличалась восторженнымъ характеромъ, рѣдкой душевной добротой, благодаря которой постоянно осаждалась разными просителями, и необыкновенной любовью къ животнымъ. Въ ея квартирѣ было особое помѣщеніе для бездомныхъ и больныхъ собакъ и кошекъ, за которыми она сама ухаживала. Дурова ходила всегда въ мужскомъ костюмѣ, о себѣ говорила въ мужескомъ родѣ и не любила, когда къ ней обращались, какъ къ женщинѣ. Она скончалась въ Елабугѣ 23 Марта 1866 года. При погребеніи ей были отданы воинскія почести. Въ 1901 г., на средства 14 драгунскаго Литовскаго полка и пожертвованія гражданъ г. Елабуги былъ сооруженъ на могилѣ Дуровой памятникъ со слѣдующей надписью: „Надежда Андреевна Дурова, по повелѣнію Императора Александра корнетъ Александровъ, кавалеръ Военнаго ордена. Движимая любовью къ родинѣ, поступила въ ряды Литовскаго уланскаго полка. Спасла офицера, награждена Георгіевскимъ крестомъ. Прослуживъ 10 лѣтъ въ полку, произведена въ корнеты и удостоена чина штабсъ-ротмистра. Родилась въ 1783 году, скончалась въ 1866 году. Миръ ея праху! Вѣчная память въ назиданіе потомству ея доблестной душѣ!“

(Съ акварельнаго портрета А. Брюллова; собраніе Великаго Князя Николая Михайловича.)

NADEJDA ANDRÉEWNA DOUROFF, 1783—1866, la Femme-Cavalier, fille du capitaine de hussards, puis bourgmestre de Sarapoul André Vassiliewitch Douroff (1752—1826), d'une famille noble du gouvernement de Viatka, et de sa première femme, fille d'un propriétaire de Poltava, Nadejda Ivanowna Alexandrowitch († 1807), eut dans sa première enfance une vie errante, en raison des fréquents changements de résidence de son père, qui ne se fixa qu'en 1789 à Sarapoul comme bourgmestre. Peu aimée de sa mère, elle resta livrée exclusivement aux soins du hussard ordonnance de son père. „J'eus une selle pour premier berceau“, rappelait-elle plus tard, „un cheval, des armes et de la musique militaire pour premiers joujoux et amusements“. Rien d'étonnant, avec une semblable éducation, à ce qu'il lui vînt des penchants guerriers, des manières et des goûts à la hussarde. Toute la sévérité de la mère n'y put rien; quant au père, il encourageait au contraire ces penchants qui déplaisaient à sa femme, et fit cadeau à l'enfant d'un cheval de selle nommé Alcide. Trois ans chez la grand'mère dans le district de Piriatine et chez une tante en Volhynie ramenèrent un peu la jeune fille à son sexe, mais, de retour à Sarapoul, elle oublia bientôt les principes de chez sa grand'mère et sa tante. Mariée le 25 octobre 1801 à un membre noble du tribunal de Sarapoul, Basile Stépanowitch Tchernoff, elle eut un an après un fils Ivan; mais ni la vie de famille en général, ni en particulier son mari, ne répondaient à ses goûts, et de plus elle s'éprit du porte-enseigne d'une sotnia de Cosaques cantonnée à Sarapoul et dont le départ la détermina à réaliser son vœu le plus cher, celui d'entrer au service militaire; le 17 septembre 1806, elle se cacha, laissa ses vêtements sur le bord de la rivière, rejoignit les Cosaques sur son Alcide, et fit les étapes comme ordonnance du porte-enseigne. Entrée l'année suivante sous-officier au régiment des uhlands de Pologne sous le nom de Sokoloff, elle fit la campagne de 1807, fut à Gutstadt, Heilsberg, Friedland, et gagna les insignes du Mérite Militaire. Du régiment elle écrivit à ses parents: son père fit des démarches pour la faire rentrer, et c'est ainsi qu'on découvrit qui était le sous-officier Sokoloff. Appelée à Pétersbourg et présentée à Alexandre Ier, elle reçut l'autorisation de rester au service, sous le nom d'Alexandre Andréewitch Alexandroff. Elle fut en même temps promue cornette et passa au régiment des hussards de Marioupol. Affectée en 1811 aux uhlands de Lithuanie, elle fit la Guerre Patriotique et reçut à Borodino une contusion à la jambe, qui lui valut le grade de lieutenant avec les fonctions d'ordonnance de Koutouzoff, mais la contraignit ensuite à retourner chez son père. Rentrée à l'armée en 1815, elle se distingua à Modlin et à Hambourg. Sortie du service en 1816 avec grade de capitaine de cavalerie en second, elle vécut tantôt à Sarapoul, tantôt à Elabouga, venant souvent à Pétersbourg.

Dès années 30 date le début de sa carrière littéraire: en 1836, le Contemporain de Pouchkine publia des fragments de ses Mémoires. Le poète lui-même s'intéressa à sa personnalité, lui consacra des articles enthousiastes et encouragea ses essais littéraires. Peu après parurent en entier ses Mémoires, où elle raconte sa vie, mais en passant sous silence certains événements (son mariage, par exemple), et dont le succès considérable l'engagea à écrire des romans et nouvelles, bien accueillis alors du public et favorablement appréciés par la critique (Bélinsky), mais aujourd'hui complètement oubliés.

Caractère enthousiaste, elle était d'une rare bonté d'âme, qui la faisait incessamment assiéger de solliciteurs, et d'une tendresse extraordinaire pour les animaux: elle avait chez elle une pièce spéciale pour les bêtes perdues ou malades, chiens et chats, et les soignait elle-même. Toujours habillée en homme, elle parlait d'elle au masculin et n'aimait pas être traitée comme une femme. Elle mourut à Elabouga le 25 mars 1866, et fut inhumée avec les honneurs militaires. En 1901, aux frais du 14e dragons de Lithuanie et par souscription parmi les habitants d'Elabouga, fut élevé sur sa tombe un monument portant l'inscription suivante: „Nadejda Andréewna Douroff, par ordre de l'Empereur Alexandre cornette Alexandroff, chevalier du Mérite Militaire. Mue par son amour pour la Patrie, entra dans les rangs du régiment des uhlands de Lithuanie. Sauva un officier et fut décorée de la croix de St-Georges. Après 10 ans de service au régiment, promue cornette; parvint au grade de capitaine en second. Née en 1783, décédée en 1866. Paix à sa cendre! Souvenir éternel, pour l'édification de la postérité, à son âme valeureuse!“

(D'après une aquarelle de A. Brulloff, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

75

Miss Mary Ann
 (Mrs.) [illegible]
 [illegible] [illegible]

76

Miss [illegible]
 [illegible] [illegible]
 [illegible] [illegible]

Miss [illegible]
 [illegible] [illegible]
 [illegible] [illegible]

75

Пис. А. Бродетти

*Надежда Андреевна
Дурова,
1783 — 1866*

Peint par A. Brodton

*Nadejda Andréevna
Douroff,
1783 — 1866*

76

*Марія Алексеевна
Бутурлина,
176 . — 1803*

*Marie Alexéevna
Boutourline,
176 . — 1803*

77

*Петръ Михаиловичъ
Бутурлинъ,
1763 — 1828*

*Pierre Mikbailowitch
Boutourline,
1763 — 1828*

МАРІЯ АЛЕКСѢВНА БУТУРЛИНА, 176. — 1803, дочь князя Алексѣя Михайловича Шаховского отъ брака съ Натальей Ѳедотовной Елагиной, была замужемъ за гвардіи капитаномъ Петромъ Михайловичемъ Бутурлинымъ (р. 1763 г., † 1828 г.) и имѣла 5 сыновей и 4 дочерей (см. № 77).

М. А. Бутурлина скончалась 22 Апрѣля 1803 года.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго С. С. Бутурлину, въ Москвѣ.)

MARIE ALEXÉEWNA BOUTOURLINE, 176. — 1803, fille du prince Alexis Mikhaïlowitch Chakhowskoï et de Natalie Fédotowna, née Elaguine, épousa le capitaine de la Garde Pierre Mikhaïlowitch Boutourline (1763 — 1828), et eut cinq fils et quatre filles (v. № 77).

Mme Boutourline mourut le 22 avril 1803.

(D'après une aquarelle appartenant à S. Boutourline, Moscou.)

ПЕТРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ БУТУРЛИНЪ, 1763—1828, сынъ Михаила Дмитріевича отъ брака съ графиней Елизаветой Францевной Санти († 12 Октября 1810 г.), родился 21 Юня 1763 г., служилъ въ гвардіи до чина капитана, скончался 2 Февраля 1828 г. и погребенъ въ Московскомъ Поводѣвичьемъ монастырѣ.

Отъ брака съ княжной Марьей Алексѣевной Шаховской († 1803 г.) имѣлъ 5 сыновей и 4 дочерей: 1) Михаила (р. 13 Мая 1786 г., † 26 Юня 1860 г.), генераль-лейтенантъ; 2) Дмитрія (р. 1790 г., † 1849 г.), дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственного Совѣта, директоръ Публичной библіотеки; 3) Петра (р. 10 Октября 1800 г., † 14 Юня 1876 г.), дѣйствительный тайный совѣтникъ; 4) Алексѣя (р. 1802 г., † 1863 г.), генераль-лейтенантъ, сенаторъ; 5) Сергѣя (р. 1 Марта 1803 г., † 1 Апрѣля 1873 г.), генераль-отъ-инфантеріи, членъ Военнаго совѣта; 6) Анну, за Григоріемъ Петровичемъ Высоцкимъ; 7) Наталю, за Иваномъ Сергѣевичемъ Дохтуровымъ; 8) Елизавету, за Василюмъ Васильевичемъ Зыбинымъ, и 9) Александру, за Александромъ Михайловичемъ Майлевскимъ.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго С. С. Бутурлину, въ Москвѣ.)

PIERRE MIKHAÏLOWITCH BOUTOURLINE, 1763—1828, fils de Michel Dmitriewitch Boutourline et d'Elisabeth Frantzewna, née comtesse Santi († 12 octobre 1810), naquit le 21 juin 1763 et servit dans la Garde jusqu'au grade de capitaine. Il mourut le 2 février 1828, et fut inhumé au monastère Novodévitchi, à Moscou.

Il eut de son mariage avec la princesse Marie Alexéewna Chakhowskoï († 1803) cinq fils et quatre filles: Michel (15 mai 1786—26 juin 1860), général lieutenant; Dmitri (1790—1849), conseiller privé actuel, membre du Conseil de l'Empire, directeur de la Bibliothèque Publique; Pierre (10 octobre 1800—14 juin 1876), conseiller privé actuel; Alexis (1802—1863), général lieutenant, sénateur; Serge (1er mars 1803—1er avril 1873), général d'infanterie, membre du Conseil Militaire; Anne, mariée à Grégoire Pétrowitch Wysocki; Natalie, à Ivan Serguéewitch Dokhtouroff; Elisabeth, à Basile Vassiliewitch Zybine; Alexandrine, à Alexandre Mikhaïlowitch Maïlewsky.

(D'après une aquarelle appartenant à S. Boutourline, Moscou.)

НИКОЛАЙ ОСИПОВИЧЪ КУТЛУБИЦКІЙ, 1775—1849, былъ сынъ мелкаго канцелярскаго чиновника, служившаго при фельдмаршалѣ графѣ П. А. Румянцевѣ-Задунайскомъ, а позднѣе жившаго въ своемъ маленькомъ хуторѣ въ Прилуцкомъ уѣздѣ. Кутлубицкій воспитывался въ Артиллерійскомъ корпусѣ, откуда, вмѣстѣ съ Канцевичемъ, поступилъ на службу въ Гатчинскія войска Цесаревича Павла Петровича первымъ офицеромъ во вновь сформированную для него артиллерійскую батарею, которой командовалъ Аракчеевъ. Цесаревичъ скоро полюбилъ адъютанта своей артиллеріи, приблизилъ его къ себѣ и сталъ называть „Николкой“; зная, что Кутлубицкій былъ опредѣленъ въ корпусъ фельдмаршаломъ Румянцевымъ, Великій Князь смотрѣлъ на Кутлубицкаго, какъ на живую связь, соединявшую его съ Задунайскимъ, вѣрилъ въ его преданность и усердіе и однажды, пользуясь поѣздкой Кутлубицкаго на родину, въ Малороссію, довѣрилъ ему тайное, весьма важное письмо къ Румянцеву. Вѣрность Кутлубицкаго была щедро вознаграждена Павломъ Петровичемъ по восшествіи его на престолъ: уже 7 Ноября 1796 г. новый Императоръ пожаловалъ Кутлубицкаго, въ чинѣ майора, своимъ флигель-адъютантомъ, а 1 Января 1797 г. Павелъ назначилъ его, 22 лѣтъ отъ роду, генераль-адъютантомъ; 5 Апрѣля, въ день коронаціи, онъ получилъ Аннинскую ленту и вмѣстѣ съ тѣмъ значительное имѣніе въ Нижегородской губерніи. Для Императора Кутлубицкій оставался, однако, вѣчно „Николкой“: развитію дѣятельности Кутлубицкаго помѣшали его недалекость и неумѣніе угождать причудливому нраву Государя, хотя въ началѣ 1797 г. молодой генераль-адъютантъ и назначенъ былъ инспектировать войска въ южной Россіи. Князь Лопухинъ считалъ Кутлубицкаго „человѣкомъ ума, весьма ограниченнаго“, но зато всѣ современники отдають полную справедливость нравственнымъ качествамъ Кутлубицкаго: его неподкупной честности и добротѣ. Онъ неоднократно смягчалъ гнѣвъ Императора, который самъ говорилъ, что чрезъ Кутлубицкаго никто не сдѣлался несчастнымъ: для того суроваго времени и это было великой заслугой. Въ 1798 г. Кутлубицкій, 23 лѣтъ, произведенъ былъ въ генераль-лейтенанты, а послѣ сооруженія новой Императорской резиденціи, Михайловскаго замка, назначенъ былъ его комендантомъ. Но комендантъ этотъ былъ внезапно арестованъ графомъ Паленомъ вечеромъ 11 Марта, за нѣсколько часовъ до кончины Императора Павла. Въ началѣ царствованія Императора Александра Кутлубицкій состоялъ нѣкоторое время шефомъ лб.-гв. Артиллерійскаго баталіона, но въ 1802 г. вышелъ въ отставку и всю остальную жизнь провелъ въ пожалованномъ ему Императоромъ Павломъ Нижегородскомъ имѣніи, с. Петропавловскомъ. Кутлубицкій любилъ вспоминать прошлыя времена и все имъ пережитое въ короткое, но богатое переменами царствованіе Павла I; „Разказы о временахъ Императора Павла“, записанные съ его словъ, были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1866 г. и дають вѣрную характеристику чреватаго событіями времени, когда ему суждено было играть такую видную роль.

Послѣдніе годы жизни Кутлубицкій, передавъ Петропавловское сыну, провелъ вмѣстѣ съ незамужней дочерью на хуторѣ своей сестры Никольскомъ, въ 6 верстахъ отъ города Городни, Черниговской губерніи. Здѣсь, въ скромной обстановкѣ, окруженный заботами любимой семьи, „добрый и радушный“ старикъ любилъ повторять свои разказы, сидя въ своей маленькой комнатѣ, украшенной бюстомъ и портретомъ его благодѣтеля, профиль котораго украшалъ любимый его перстень, а на подаренной ему табакеркѣ съ портретомъ Павла онъ вырѣзалъ надпись: „По Богъ онъ единъ, я имъ и существую“.

Здѣсь Н. О. Кутлубицкій и скончался 15 Юня 1849 г.; кто была его жена, которую Императоръ Павелъ „называлъ колибри, по причинѣ малаго роста“, равно количество и имена его дѣтей—намъ неизвѣстны.

(Съ портрета, находящагося въ Гатчинскомъ дворцѣ.)

NICOLAS OSSIPOWITCH KOUTLOUBITZKY, 1775 — 1849, fils d'un modeste employé de chancellerie du feld-maréchal comte P. Roumiantzeff-Zadounaïsky qui se retira ensuite dans sa petite métairie du district de Prilouki, fit ses études au Corps d'Artillerie, d'où il sortit en même temps que Kaptzewitch dans les Gatchiniens du Césarewitch Paul Pétrowitch premier officier à la brigade d'artillerie formée exprès pour lui et commandée par Araktchéeff. Le Césarewitch prit bientôt en affection l'aide de camp de son artillerie, l'approcha de lui et se mit à l'appeler Nikolka; le sachant au Corps grâce à Roumiantzeff, il le considérait comme un lien vivant qui l'unissait au feld-maréchal, avait confiance en son dévouement et son zèle, et une fois, profitant d'un voyage qu'il allait faire dans son pays, en Petite-Russie, le chargea d'une lettre confidentielle et très importante pour Roumiantzeff. Cette fidélité fut généreusement récompensée par Paul Pétrowitch à son avènement au trône: dès le 7 novembre 1796, Koutloubitzky, alors major, était fait aide de camp de Sa Majesté, et, le 1er janvier 1797, à l'âge de 22 ans, promu général aide de camp; enfin le 5 avril suivant, jour du couronnement, il recevait le cordon de Ste-Anne en même temps qu'un domaine considérable dans le gouvernement de Nijni-Novgorod. Pour l'Empereur, cependant, il restait toujours Nikolka; ce qui fit obstacle aux progrès de sa carrière, ce fut son esprit borné et sa maladresse à complaire à l'humeur fantasque du Souverain: pourtant, au commencement de 1797, le jeune général aide de camp fut bien appelé à l'inspection des troupes de la Russie Méridionale. Le prince Lopoukhine lui trouvait „un esprit très borné“; mais aussi, tous les contemporains rendent justice à ses qualités morales, incorruptible loyauté et bonté. Il modéra dans maintes occasions le courroux de l'Empereur, qui disait souvent que son intercession avait prévenu bien des infortunes: par ces temps de rigueurs, c'était déjà là un grand mérite! En 1798, alors âgé de 23 ans, Koutloubitzky passa général lieutenant, et, quand fut prête la nouvelle résidence Impériale du Château Michel, il en fut fait commandant. Mais ce commandant fut inopinément arrêté par le comte Pahlen le soir même du 11 mars, quelques heures avant la fin de l'Empereur Paul. Au début du règne de l'Empereur Alexandre, il fut quelque temps chef du bataillon d'artillerie de la Garde, mais quitta le service en 1802, pour passer tout le reste de sa vie dans ses propriétés du gouvernement de Nijni-Novgorod, don de Paul Ier, à Pétropavlovskoïé. Il aimait rappeler le passé et tout ce qu'il avait vu sous ce règne court, mais fertile en changements; les Récits des temps de l'Empereur Paul, rédigés d'après ses paroles et publiés en 1866 dans l'Archive Russe, sont un tableau fidèle de l'époque grosse d'événements où il lui avait été donné de jouer un rôle si marquant.

Dans ses dernières années, Koutloubitzky céda Pétropavlovskoïé à son fils, et se retira avec sa fille non mariée dans la métairie de sa sœur, Nikolskoïé, à six verstes de la ville de Gorodnia, gouvernement de Tchernigoff. Là, dans une modeste installation, entouré de la sollicitude d'une famille aimée, le „bon et cordial“ vieillard aimait répéter ses récits, dans sa petite chambre ornée du buste et du portrait de son bienfaiteur, dont le profil se dessinait sur sa bague préférée; sur une tabatière à portrait que lui avait donnée Paul Ier, il fit graver la devise: „Le premier après Dieu, c'est lui qui me fait vivre“.

Là est mort Koutloubitzky le 15 juin 1849; qui était sa femme, surnommée par l'Empereur Paul „Colibri, à cause de sa petite taille“, quels furent le nombre et les noms de ses enfants, nous ne savons.

(D'après un original du Palais de Gatchina.)

General William Henry Harrison
Portrait by Gilbert Stuart, 1805

General William Henry Harrison
Portrait by Gilbert Stuart, 1805

General William Henry Harrison
Portrait by Gilbert Stuart, 1805

78

Николай Осиповичъ
Кутлубицкій,
1775 — 1849

Nicolas Ossipowitch
Koutloubitzky,
1775 — 1849

79

80

Иис. Н. Давовъ, 1822

Борисъ Борисовичъ
Лециано,
1740 — 1827

Boris Borissowitch
Lezzano,
1740 — 1827

Петръ Андреевичъ
Аракчеевъ,
1780 — 1841

Pierre Andréewitch
Arakitchéeff,
1780 — 1841

БОРИСЪ БОРИСОВИЧЪ ЛЕЦЦАНО, 1740 — 1827, по происхожденію птальянецъ (братъ его, Антоній, остался въ Италіи и былъ католическимъ епископомъ), началъ службу при дворѣ „рейтъ-пажомъ“ 1 Января 1753 г.; черезъ 2 года, 25 Апрѣля 1755 г., выпущенъ въ армію прапорщикомъ, 1 Января 1759 г. произведенъ въ подпоручики, 1 Января 1763 г.—въ поручики, въ 1767 г., 1 Января—въ капитаны, въ 1770 г.—въ секундъ-майоры, а на слѣдующій годъ, 22 Октября 1771 г.—въ премьеръ-майоры; пробывъ въ этомъ чинѣ 6 лѣтъ, Леццано 30 Января 1777 г. произведенъ въ подполковники, 21 Апрѣля 1785 г.—въ полковники и ровно чрезъ 4 года, въ 1789 г.,—въ бригады. За это время онъ участвовалъ въ походахъ: въ 1760 и 1761 гг. былъ въ Помераніи при взятіи Кольберга, съ 1770 по 1774 г. и въ 1788 г. сражался въ Польшѣ съ конфедератами, наконецъ, участвовалъ во 2-й Турецкой войнѣ, при чемъ былъ во многихъ дѣлахъ съ турками, въ томъ числѣ на штурмѣ Измаила и въ знаменитомъ сраженіи при Мачинѣ. Въ 1784 г., 26 Ноября, онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст., а 28 Іюня 1792 г. пожалованъ былъ Георгіемъ 3-й степени. Командуя, въ чинѣ бригадира, Витебскимъ мушкатерскимъ полкомъ, Леццано 1 Января 1793 г. былъ произведенъ въ генераль-майоры.

Павелъ I, особенно благоволившій къ Леццано, произвелъ его 8 Февраля 1798 г. въ генераль-лейтенанты, съ назначеніемъ Архангельскимъ военнымъ губернаторомъ, затѣмъ, 23 Ноября 1799 г., пожаловалъ его въ генералы-отъ-инфантеріи, назначивъ въ то же время Иркутскимъ военнымъ губернаторомъ. Будучи въ Архангельскѣ, Леццано, въ Апрѣль 1798 г., отобралъ привезенную бумагу со знакомъ „пагубныхъ французскихъ вольностей“, которую Государь приказалъ сжечь. За время службы въ Иркутскѣ онъ представилъ проектъ устройства земель въ Забайкальѣ, положивъ начало заселенію области, установилъ надзоръ за Китайской границей, заботился объ устройствѣ Кругобайкальской дороги, учредилъ въ 1801 г. Камчатскій ландмилиціи полкъ. Иркутскимъ губернаторомъ Леццано оставался до 1802 г., когда указомъ 26 Марта 1802 г. былъ „отставленъ отъ службы“, при чемъ предварительно, 23 Января того же года, ему было „дано на замѣчаніе, что постройка домовъ для поселенцевъ въ Забайкальѣ идетъ не поспѣшно“, а его преемнику указывалось на „несчастный опытъ, при бывшемъ губернаторѣ Леццано сдѣланный, который показалъ, сколь пагубныя послѣдствія имѣютъ распоряженія, на стѣсненіи основанныя“.

Императоръ Павелъ пожаловалъ Леццано имѣніе въ Новгородской губерніи, гдѣ онъ построилъ себѣ усадьбу „Ватагино“, которою и до сего времени владѣютъ его потомки. Семейное преданіе передаетъ, что Леццано „явился къ Государю въ неформенной шпагѣ; на гнѣвное замѣчаніе Павла I, Леццано отвѣтилъ, что „эта шпага была ему пожалована родителемъ Государя, Петромъ III, почему онъ ее и носитъ“. Отвѣтъ этотъ переложилъ царскій гнѣвъ на милость: Императоръ тутъ же пожаловалъ ему свою форменную шпагу и велѣлъ ее носить“.

Б. Б. Леццано „оставилъ по себѣ память честнѣйшаго, строгаго и взыскательнаго служаки, вспыльчиваго и до самой смерти своей—бодраго старика“. Еще за недѣлю до смерти онъ самъ распоряжался похоронами на Фарфоровомъ кладбищѣ, близъ Петербурга, тѣла дочери своей Екатерины Борисовны Дивовой († 26 Іюня 1827 г.).

Кромѣ брата Антонія, Леццано имѣлъ незамужнюю сестру Софью Борисовну († 10 Апрѣля 1798 г.); онъ былъ женатъ на N. N. Таунусъ, разведенной послѣ перваго брака; позднѣе она развелась и съ Леццано и вышла въ 3-й разъ замужъ за барона Раутенфельда. У Б. Б. Леццано было 2 сына, умершихъ холостыми (N. N., † 10 Сентября 1804 г., и Антонъ, † 12 Октября 1823 г.), и 2 дочери: Екатерина († 26 Іюня 1827 г.; съ 19 Апрѣля 1794 г. за Петромъ Гавриловичемъ Дивовымъ, р. 8 Января 1765 г., † 185. г.) и Елизавета-Аделаида († въ Выборгѣ 29 Января 1858 г.; съ 23 Сентября 1796 г. за барономъ Шульцемъ).

Б. Б. Леццано скончался 3 Іюля 1827 г. и похороненъ на кладбищѣ Фарфороваго завода, на Невѣ, близъ С.-Петербурга; могилы какъ его, такъ и его дочери Дивовой не сохранились.

Прилагаемый портретъ рисованъ въ 1822 г. внучкой Леццано, Наталіей Петровной Дивовой (р. 1 Ноября 1796 г., † 1 Октября 1832 г., незамужней; похоронена на Фарфоровомъ кладбищѣ).

(Съ портрета, рисованнаго Н. П. Дивовой, 1822 г.; собственность П. А. Храповицкаго, с. Ватагино, Новгородской губ.)

BORIS BORISSOWITCH LEZZANO, 1740—1827, d'origine italienne (son frère Antoine resta en Italie et y fut évêque catholique), débuta au service le 1er janvier 1753 comme page à la Cour. Sorti deux ans après, le 25 avril 1755, porte-enseigne à l'Armée, promu le 1er janvier 1759 sous-lieutenant, le 1er janvier 1763 lieutenant, le 1er janvier 1767 capitaine, en 1770 second major, et l'année suivante, le 22 octobre 1771, premier major, il devint, après six années de ce dernier grade, lieutenant-colonel le 30 janvier 1777, colonel le 21 avril 1785, et brigadier juste quatre ans plus tard, en 1789. Comme campagnes dans ce laps de temps, il passa 1760 et 1761 en Poméranie et fut à la prise de Kohlberg, combattit de 1770 à 1774, puis en 1788, les Confédérés de Pologne, et fit enfin la seconde guerre de Turquie, où il fut de nombreuses affaires contre les Turcs, entre autres l'assaut d'Ismail et la célèbre bataille de Matchine. Il reçut, le 26 novembre 1784, St-Georges de 4e classe, et, le 28 juin 1792, St-Georges de 3e classe. Commandant comme brigadier le régiment des mousquetaires de Vitebsk, il fut promu général major le 1er janvier 1793.

Paul Ier, particulièrement bien disposé en faveur de Lezzano, le fit le 8 février 1798 général lieutenant et gouverneur militaire d'Arkhangel, puis, le 25 novembre 1799, général d'infanterie et gouverneur militaire d'Irkoutsk. A Arkhangel, il saisit en avril 1798 un papier venu du dehors et marqué des „pernicieuses licences françaises“, que l'Empereur fit brûler. A Irkoutsk, il élaborait pour la Transbaïkalie un plan d'organisation agraire, jetant ainsi les bases de la colonisation du pays, établit une surveillance à la frontière chinoise, étudia le percement d'une route circumbaïkalienne, et créa en 1801 le régiment de milice du Kamtchatka. Il était toujours gouverneur d'Irkoutsk en 1802, lorsqu'il fut, par oukaze du 26 mars, „révoqué du service“, non sans avoir reçu le 23 janvier „l'observation que la construction des maisons pour les colons de Transbaïkalie n'avance pas vite“, et l'attention de son successeur fut appelée sur „la malheureuse expérience faite du temps de l'ex-gouverneur Lezzano, et qui montre les funestes conséquences des mesures de nature vexatoire“.

L'Empereur Paul gratifia Lezzano d'une terre dans le gouvernement de Novgorod: il s'y fit bâtir son Vataguino, resté jusqu'à présent dans la famille. Il se serait un jour, rapporte une tradition de famille, „présenté à l'Empereur en épée de fantaisie; sur une observation courroucée de Paul Ier, il expliqua que „cette épée lui avait été décernée par le père du Souverain, Pierre III, et que c'était pourquoi il la portait“. Le courroux impérial fit alors place à la bienveillance: l'Empereur lui fit don à l'instant de son épée d'ordonnance, avec ordre de la porter“.

Lezzano „a laissé la mémoire d'un serviteur des plus loyaux, sévère et exigeant, d'un caractère emporté, et, jusqu'à la fin, d'une verte vieillesse“. Une semaine encore avant de mourir, il s'occupait lui-même des funérailles, au cimetière de la Manufacture de Porcelaine, près Pétersbourg, de sa fille Catherine Divoff, décédée le 26 juin 1827.

Outre son frère Antoine, il avait encore une sœur non mariée, Sophie († 10 avril 1798). Il épousa Mme N. Taunus, divorcée d'un premier mari; elle divorça également avec lui, et épousa en troisièmes nocces le baron Rautenfeld. Lezzano eut deux fils, morts célibataires, N. († 10 septembre 1804) et Antoine († 12 octobre 1825), et deux filles, Catherine († 26 juin 1827), mariée le 19 avril 1794 à Pierre Gavrilowitch Divoff (8 janvier 1765—185.), et Elisabeth-Adélaïde, mariée le 23 septembre 1796 au baron Schultz et morte à Wiborg le 29 janvier 1858.

Lezzano mourut le 5 juillet 1827, et fut inhumé au cimetière de la Manufacture de Porcelaine, sur les bords de la Néva, près de St-Pétersbourg. Son monument et celui de sa fille Catherine ont également disparu.

Le portrait ci-joint a été fait en 1822 par sa petite-fille Natalie Pétrowna Divoff (1er novembre 1796—1er octobre 1832; non mariée, inhumée au cimetière de la Manufacture de Porcelaine).

(D'après un dessin de Mlle N. Divoff, 1822, appartenant à P. Khrapovitzky, Vataguino, gouv. de Novgorod.)

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ АРАКЧЕЕВЪ, 1780—1841, сынъ поручика Андрея Андреевича отъ брака съ Елизаветой Андреевной Ветлицкой, младшій братъ знаменитаго временщика, графа А. А. Аракчеева, родился 17 Августа 1780 года; выпущенный изъ Артиллерійскаго корпуса, началъ службу 15 Ноября 1796 г. подпоручикомъ въ лб.-гв. Артиллерійскомъ баталіонѣ, гдѣ въ 1797 г. былъ произведенъ въ поручики, 23 Октября 1803 г.—въ штабсъ-капитаны и 25 Мая 1806 г.—въ капитаны. Въ томъ же году, 14 Декабря, вышелъ въ отставку, но черезъ годъ, 11 Февраля 1808 г., вновь поступилъ на службу, съ назначеніемъ состоять при Военномъ министерствѣ и съ зачисленіемъ въ тотъ же Артиллерійскій баталіонъ; 30 Августа (1808 г.) онъ былъ пожалованъ во флигель-адъютанты, съ чиномъ полковника. Въ 1812 г., во время пребыванія Александра I въ арміи, состоялъ при Государѣ, затѣмъ былъ командированъ (во 2-ю армію) къ князю Багратиону; во время Бородинскаго боя исполнялъ обязанности дежурнаго генерала 2-й арміи и получилъ за храбрость св. Владиміра 3-й ст.; 29 Декабря 1812 г. Аракчеевъ былъ назначенъ Кіевскимъ комендантомъ и здѣсь, 11 Сентября 1816 г., былъ произведенъ въ генераль-майоры. Въ Кіевѣ, по словамъ Вигеля, онъ былъ уже „хворымъ“ и, послѣ 6-мѣсячнаго отпуска въ 1827/28 гг., 17 Марта 1829 г. былъ уволенъ отъ службы, „за болѣзною, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада“ (4800 руб. асс.).

П. А. Аракчеевъ былъ женатъ на дочери жившаго въ Москвѣ тайнаго совѣтника князя Ивана Андреевича Девлетъ-Килъдѣева, Наталіи Ивановнѣ, но дѣтей не имѣлъ. За женой Аракчеевъ получилъ 500 душъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, да столько же унаслѣдовалъ (въ Бѣжецкомъ и Вышневолоцкомъ уѣздахъ), въ нераздѣльномъ владѣніи съ графомъ, послѣ своей матери († 17 Іюня 1820 г.; см. о ней т. I, № 170; также „Древн. и Нов. Россія“, 1875 г., I). Изъ этого имѣнія П. А. Аракчееву особенно хотѣлось получить въ свою собственность родовое село Гарусово, и онъ писалъ брату: „Глядя на комнаты, гдѣ мы родились, ходя по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ мы рѣзвились, нельзя, чтобы чувства не воспламенились. Проживя съ полсотни лѣтъ, желалъ бы, гдѣ узрѣлъ я первый свѣтъ, чтобы тамъ сокрытъ былъ оный и навѣкъ. Расположеніе сердца моего вотъ каково! Проводить съ весны до зимы въ любезномъ Гарусовѣ, а зиму въ Москвѣ у милыхъ родныхъ. Ради самого Бога, доставьте родному единственному брату провести послѣдніе дни жизни своей спокойно. Продайте оную часть мнѣ, а мнѣ по смерти доставитъ совершенное снокойствіе, да и то ненадолго, по моему слабому здоровью“... Аракчеевъ былъ вообще не чуждъ поэзіи въ жизни: любилъ почитать или вставить въ письмо какія-либо нескладныя вирши своего издѣлія: „Начну, вмѣсто поздравленія, своими стихами, которые мнѣ сейчасъ родились въ разсудкѣ“, писалъ онъ разъ графу, „не съ Новымъ годомъ должны мы поздравлять; но за старей должны Всевышняго благословлять и милостиваго просить его покровѣ!“ Несмотря на свои лѣта и болѣзни, онъ имѣлъ пристрастіе къ духамъ и помадѣ и, бывая въ гостяхъ въ Грузинѣ, опустошалъ запасы розовой воды въ тамошней госпитальной аптекѣ. Зимой онъ проводилъ въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Малой Никитской, близъ церкви св. Георгія, и здѣсь развлекался Московскими новостями, свадьбами и обѣдами, о чемъ часто сообщалъ брату. Въ Кіевѣ Аракчеевъ заказалъ на фарфоровой фабрикѣ князя Юсунова сервизъ для графа съ рисунками видовъ и рѣдкостей Грузина: тутъ были изображены и висячіе мостики, и пруды съ храмомъ Мелиссино, и руина князя Меншикова, яхта на Волховѣ, статуя Андрея Первозваннаго и т. п. (снимки съ литографированныхъ видовъ Грузина, изданныхъ графомъ Аракчеевымъ, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, для его знакомыхъ).

Однако, больной Петръ Андреевичъ пережилъ графа А. А. Аракчеева († 1834 г.). Говорятъ, что завѣщаніе Грузина въ казну „сильно на него подѣйствовало и разстроило его разсудокъ; послѣдніе годы жизни провелъ онъ въ печальномъ положеніи“.

П. А. Аракчеевъ умеръ 6 Декабря 1841 г. и похороненъ въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ, подъ Тихвинской церковью. Тамъ же погребена и его жена Наталія Ивановна (р. 24 Августа 1784 г., † 25 Октября 1849 г.); дѣтей у нихъ не было.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго Н. Д. Юматову, въ С.-Петербургѣ.)

PIERRE ANDRÉEWITCH ARAKTCHÉEFF, 1780—1841, fils du lieutenant André Andréewitch Araktchéeff et d'Elisabeth Andréwna, née Vetlitzky, et frère cadet du comte A. Araktchéeff, le célèbre favori, naquit le 17 août 1780. Sorti du Corps d'Artillerie, il entra au service le 15 novembre 1796 sous-lieutenant au bataillon d'artillerie de la Garde, où il passa lieutenant en 1797, capitaine en second le 23 octobre 1803, et capitaine en premier le 25 mai 1806. Mis à la retraite le 14 décembre suivant, il reprit du service le 11 février 1808, comme attaché au ministère de la guerre et affecté au même bataillon d'artillerie, et, le 30 août suivant, il était aide de camp de Sa Majesté avec grade de colonel. En 1812, Alexandre Ier étant à l'armée, il fut attaché à sa personne, puis délégué à la seconde armée près du prince Bagration; à Borodino, il y fit fonctions de général de service, et gagna par sa valeur St-Vladimir de 3e classe. Nommé commandant de Kieff le 29 décembre 1812, il y fut promu général major le 11 septembre 1816. A Kieff, au témoignage de Wiegel, il était déjà „souffrant“, et, après six mois de congé en 1827—1828, il fut mis à la retraite le 17 mars 1829 „pour raisons de santé, avec uniforme et solde entière“ (4800 roubles-assignats).

Araktchéeff épousa la fille Natalie du prince Ivan Andréewitch Devlet-Kildéeff, conseiller privé, résidant à Moscou, et n'eut pas d'enfants. Il reçut dans la dot de sa femme 500 têtes de paysans au district de Béjetzk, et en hérita autant de sa mère († 17 juin 1820; v. T. I, N° 170 et *La Russie ancienne et moderne*, 1875, I) indivisément avec le comte son frère dans les districts de Béjetzk et de Vychni-Volotchok. De ces biens, il tenait surtout à avoir à lui son bourg natal de Garoussovo, et écrivait à son frère: „En voyant les pièces où l'on est né, en parcourant les lieux où l'on a grandi, on ne peut empêcher les sentiments de s'enflammer. Après un demi-siècle d'existence, je voudrais, là où j'ai ouvert les yeux à la lumière, les y fermer aussi pour toujours. Voici quelle est la disposition de mon cœur! Rester du printemps à l'hiver dans ce charmant Garoussovo, et passer l'hiver à Moscou avec ma chère famille. Au nom du Ciel, faites que votre frère unique puisse passer tranquillement les derniers jours de sa vie. Vendez-moi l'autre moitié: ce sera pour moi la tranquillité complète jusqu'à ma mort, pour peu de temps, car j'ai une santé chancelante“.... Araktchéeff, en général, n'était pas ennemi d'un peu de poésie dans la vie: il aimait rêvasser, mettre dans une lettre quelques vers boiteux de sa façon: „Je commencerai, en guise de félicitation, par des vers qui viennent de m'éclorre à l'esprit“, écrit-il un jour au comte; „ce qu'on devrait faire, ce n'est pas de féliciter à l'occasion du Nouvel An, mais de bénir le Très-Haut pour l'année écoulée et lui demander sa gracieuse protection“. En dépit de l'âge et de la maladie, il avait la manie des parfums et de la pommade, et, lors de ses séjours à Grouzino, épuisait les provisions d'eau de rose de la pharmacie de l'hôpital. Il passait l'hiver à Moscou dans sa maison de la Petite Nikitskaïa, près de l'église St-Georges, s'amusant aux nouvelles, noces et dîners de la ville, dont il rendait souvent compte à son frère. A Kieff, il commanda pour le comte à la manufacture de porcelaine du prince Youssoupoïff un service orné de vues et de reproductions d'objets rares de Grouzino, les ponts suspendus, les étangs avec le temple de Melissino, la ruine du prince Menchikoff, le yacht du Volkhoff, la statue de St-André, etc. (d'après les lithographies de Grouzino publiées par le comte Araktchéeff à un petit nombre d'exemplaires, pour ses amis).

Araktchéeff, tout malade qu'il était, survécut cependant à son frère aîné († 1834). La cession de Grouzino à l'Etat lui fit, dit-on, une impression violente, au point de troubler sa raison; il passa ses dernières années dans un état lamentable. Il mourut le 6 décembre 1841, et fut inhumé au monastère Simonoff, à Moscou, sous l'église de Tikhvine. Là repose aussi sa femme (24 août 1784—23 octobre 1849).

(D'après une aquarelle appartenant à N. Youmatoff, St-Pétersbourg.)

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧЪ КОЛОГРИВОВЪ, 1774 — 1825, происходилъ изъ старинной дворянской фамилиі; 10 Декабря 1785 г. зачисленъ рейтъ-пажемъ къ Павлу Петровичу, неизмѣнной милостью котораго пользовался до самой его смерти. Въ 1789 г. былъ произведенъ арміи въ поручики и назначенъ въ штатъ главной конюшни наслѣдника, въ 1791 г. назначенъ ротмистромъ въ Кирасирскій наслѣдника полкъ. Принадлежа къ числу „гатчинцевъ“, участвовалъ въ чинѣ секундъ-майора при формированіи гусарскаго эскадрона и вскорѣ (11 Февраля 1796 г.) назначенъ командиромъ всей Гатчинской кавалеріи, а въ Маѣ — комендантомъ въ Павловскѣ. Быстро подвигаясь въ чинахъ, онъ 27 Ноября 1796 г. былъ уже генералъ-майоромъ и шефомъ лб.-гв. Гусарскаго и Казачьяго полковъ; въ 1797 г. — инспекторомъ по кавалеріи Литовской инспекціи и кавалеромъ ордена св. Анны 1-го кл.; въ 1798 г. пожалованъ въ генералъ-лейтенанты, получивъ въ теченіе царствованія Павла 15.000 десятинъ земли и 1500 душъ крестьянъ въ Тамбовской губерніи. Въ эпоху Мартовскаго переворота главари заговора озаботились устраненіемъ этого преданнаго слуги Императора, и въ роковую ночь съ 11-го на 12-е Марта 1801 г. Кологривовъ былъ арестованъ въ своемъ собственномъ домѣ и выпущенъ лишь на другой день. Императоръ Александръ сохранилъ ему благоволеніе, которымъ онъ пользовался при покойномъ Государѣ, а въ 1803 г., 24 Сентября, наградиъ Кологривова Александровскою звѣздой. Командуя затѣмъ гвардейской кавалеріей, а впослѣдствіи и гвардейскимъ корпусомъ, подъ главнымъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича, Кологривовъ принималъ участіе въ кампаніяхъ 1805, 1806 и 1807 гг., при чемъ участвовалъ въ бояхъ при Аустерлицѣ, Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ, а за Фриланцское сраженіе, гдѣ командовалъ правымъ флангомъ арміи, награжденъ 30 Августа 1807 г. орденомъ св. Георгія 3 ст. и Прусскими орденами Чернаго и Краснаго орла. Находясь съ 22 Октября 1807 г. въ отставкѣ въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи, онъ снова вступилъ на службу 20 Октября 1812 г. и назначенъ командиромъ кавалерійскихъ резервовъ для успленія дѣйствующей арміи въ 1813 и 1814 гг., за что 20 Мая 1814 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-го класса.

А. С. Кологривовъ извѣстенъ, какъ лихой кавалерійскій генералъ; человѣкъ недалекій и ограниченный, невѣжественный даже въ то время, онъ отличался добрымъ, хотя и вспыльчивымъ характеромъ, былъ большой хлѣбосоль и велъ въ Петербургѣ широкую, открытую жизнь. О хлѣбосольствѣ его говоритъ его современникъ С. П. Жихаревъ и приводитъ ходившую въ то время (1808 г.) поговорку: „Кто у Малютина (Измайловскаго) пообѣдаетъ, а у Кологривова поужинаетъ и къ утру не умретъ, тотъ два вѣка проживетъ“. Баронъ Гейкингъ, очень расположенный къ врагу Кологривова — П. А. Палену, говоритъ о его „наглости“ и „хвастливости“, благодаря которымъ и „смѣлой осанкѣ“ онъ прослылъ храбрецомъ, каковымъ считалъ его и Павелъ I: „когда находили на послѣдняго припадки страха, онъ приказывалъ Кологривову спать у себя въ комнатѣ“. Къ чести Кологривова, всѣ эти рассказы только доказываютъ, насколько послѣдній былъ преданъ своему Государю, и какъ опасался его Палень.

Кологривовъ женатъ былъ на дочери генералъ-лейтенанта Екатерины Александровны Челищевой (р. 27 Юня 1778 г., † 14 Декабря 1857 г.), отъ которой имѣлъ сыновей: Михаила (р. 1812 г.), Семена (р. 1815 г.), Николая (р. 21 Октября 1816 г., † 20 Февраля 1833 г.) и Александра (р. 29 Декабря 1819 г., † 29 Мая 1839 г.), и дочерей: Анну (р. 1802 г.; въ замужствѣ Хлопова), Марію (р. 1804 г.), Екатерину (р. 1806 г.), Александру (р. 1807 г.) и Надежду († 1889 г.; въ 1-мъ бракѣ за графомъ Г. П. Коновницкимъ, во 2-мъ — за княземъ А. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ).

А. С. Кологривовъ скончался въ Декабрѣ 1825 г. и похороненъ въ Москвѣ, въ Данпловомъ монастырѣ; на могилѣ его поставленъ великолѣпный гранитный памятникъ съ мраморнымъ барельефомъ, представляющимъ около мужского бюста группу изъ плачущей вдовы съ двумя дѣтьми и 4 взрослыми дѣвушками.

(Съ портрета, находящагося въ Гатчинскомъ дворцѣ.)

ANDRÉ SÉMENOWITCH KOLOGRIVOFF, 1774—1825, d'une vieille famille noble, fut attaché le 10 décembre 1785 comme page au Grand-Duc Paul Pétrowitch, qui lui témoigna jusqu'à sa mort une faveur constante. Promu en 1789 lieutenant à l'Armée et affecté à l'écurie générale du Grand-Duc Héritier, il fut nommé en 1791 capitaine de cavalerie au régiment des Cuirassiers du Césarewitch. Gatchinien, il collabora comme second major à la formation de l'escadron de hussards, et devint bientôt, le 11 février 1796, commandant de toute la cavalerie de Gatchina, puis, en mai, commandant de Pavlowsk. Il eut un avancement rapide: déjà général major le 27 novembre 1796 et chef des régiments de Hussards et de Cosaques de la Garde, il fut en 1797 nommé inspecteur de la cavalerie de la circonscription de Lithuanie et décoré de Ste-Anne de 1re classe, et promu en 1798 général lieutenant; il reçut sous Paul Ier 15.000 hectares de terre et 1500 têtes de paysans dans le gouvernement de Tamboff. Lors de la révolution de Mars, les chefs de la conspiration s'assurèrent de la personne de ce serviteur dévoué de l'Empereur: dans la nuit fatale du 11 au 12, il fut arrêté dans sa propre maison, et relâché le lendemain seulement. L'Empereur Alexandre lui conserva la faveur dont il jouissait près du feu Souverain, et en 1803, le 24 septembre, lui conféra l'étoile de St-Alexandre. A la tête de la cavalerie de la Garde, puis du corps de la Garde, sous le commandement général du Césarewitch Constantin Pavlowitch, il fit les campagnes de 1805, 1806 et 1807, et combattit à Austerlitz, Gutstadt et Heilsberg; Friedland, où il commandait le flanc droit de l'armée, lui valut, le 30 août 1807, St-Georges de 3e classe et les ordres prussiens de l'Aigle Noir et de l'Aigle Rouge. Mis à la retraite le 22 octobre suivant comme général de cavalerie, il reprit du service le 20 octobre 1812, et fut nommé commandant des réserves de cavalerie destinées à renforcer l'armée d'opérations en 1813 et 1814, ce qui lui valut, le 20 mai 1814, St-Vladimir de 1re classe.

Kologrivoff est connu pour sa valeur comme général de cavalerie. Homme insignifiant et borné, ignorant même pour son temps, il avait le caractère bon, quoique un peu vif. Il donnait de grandes réceptions à Pétersbourg, vivant largement et tenant table ouverte: un contemporain, S. Jikhareff, cite à ce propos le dicton qui avait cours alors, vers 1808: „Dîner chez Malioutine (Izmaïlowsky) et souper chez Kologrivoff sans trépasser dans la nuit, c'est avoir deux âges d'homme assurés“. Le baron Heiking, très lié avec Pahlen, qui était au plus mal avec Kologrivoff, parle de l'„effronterie“ et de la „vantardise“ auxquelles celui-ci aurait dû, ainsi qu'à sa „hautaine attitude“, de passer pour un brave, aux yeux même de Paul Ier, qui, „dans ses accès de terreur, le faisait coucher dans sa chambre“. La chose est tout à l'honneur de Kologrivoff, et ne fait qu'attester son dévouement à son Souverain et la crainte qu'il inspirait à Pahlen.

Kologrivoff épousa la fille Catherine (27 juin 1778—14 décembre 1857) du général lieutenant Alexandre Tchélitchcheff, et eut plusieurs fils, Michel (né 1812), Siméon (né 1815), Nicolas (21 octobre 1816—20 février 1853) et Alexandre (29 décembre 1819—29 mai 1859), et plusieurs filles, Anne, née en 1802 et mariée à Khlopoff, Marie (née 1804), Catherine (née 1806), Alexandrine (née 1807) et Nadejda († 1889), mariée en premières noces au comte G. Konovnitzyne et en secondes noces au prince A. Dondoukoff-Korsakoff.

Kologrivoff mourut en décembre 1825, et fut inhumé à Moscou, au monastère Daniloff; sa sépulture est ornée d'un magnifique monument de granit avec bas-relief en marbre représentant un buste d'homme entouré d'une veuve éplorée avec deux enfants et de quatre grandes jeunes filles.

(D'après un original du Palais de Gatchina.)

41

42

43

44

MISS MARY ANN
BENTLEY
1840

MISS MARY ANN
BENTLEY
1840

81

Андрей Семенович *André Sémenowitch*
Колосриновъ, *Kologrivoff*,
1774 — 1825 1774 — 1825

82

Петръ Михайловичъ *Pierre Mikhailowitch*
Карцевичъ, *Kartzewitch*,
1772 — 1840 1772 — 1840

83

Марія Семеновна *Marie Sémenowna*
Римская-Корсакова, *Rimsky-Korsakoff*,
1731 — 1796 1731 — 1796

84

Александръ Васильевичъ *Alexandre Vassiliewitch*
Римскій-Корсаковъ, *Rimsky-Korsakoff*,
1729 — 1781 1729 — 1781

ПЕТРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ КАПЦЕВИЧЪ, 1772—1840, сынъ коллежскаго ассессора Михаила Семёновича, происходилъ изъ незначительнаго малороссійскаго рода; получивъ образованіе въ Артиллерійскомъ и инженерномъ корпусѣ, 6 Декабря 1792 г. выпущенъ поручикомъ въ Гатчинскую артиллерію. Попадъ въ офицеры сравнительно поздно, Капцевичъ зато быстро сдѣлалъ карьеру при Павлѣ I, благодаря службѣ въ Гатчинскихъ войскахъ, въ особенности же способствовало его успѣхамъ покровительство Аракчеева. Въ Гатчинѣ онъ дошелъ до чина майора, по восшествіи же на престолъ Павла I переведенъ 9 Ноября 1796 г., съ чиномъ подполковника, въ гвардейскій баталіонъ и назначенъ С.-Петербургскимъ плац-майоромъ. Въ 1797 г. Капцевичъ былъ произведенъ въ полковники и въ томъ же году, 25-и лѣтъ отъ роду,—въ генераль-майоры, съ назначеніемъ шефомъ Артиллерійскаго баталіона его имени. Въ 1799 г. онъ произведенъ въ генераль-лейтенанты и принималъ участіе въ походѣ въ Голландію, гдѣ заслужилъ орденъ св. Анны 1-й степени. Въ 1804 г. Капцевичъ назначенъ шефомъ 3 Артиллерійскаго полка и инспекторомъ по артиллеріи Кавказской инспекціи. Въ 1807 г. онъ принималъ участіе въ дѣлахъ противъ чеченцевъ и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Въ 1808—1810 гг. Капцевичъ былъ дежурнымъ генераломъ при военномъ министрѣ, а затѣмъ получилъ 7-ю пѣхотную дивизію. Дѣятельное участіе принялъ онъ въ войнахъ 1812—1814 гг., при чемъ командовалъ 8-мъ и 10-мъ корпусами, и при Лейпцигѣ былъ контуженъ. За военные отличія Капцевичъ получилъ нѣсколько наградъ: ордена св. Владиміра 2-й ст. (Смоленскъ), Георгія 3-й и 2-й ст. (Бородино и Лейпцигъ), Александра Невскаго (Кацбахъ) и золотую шпагу съ алмазами (Малоярославецъ). По окончаніи войны онъ вернулся къ командованію дивизіей, стоявшей въ Кіевѣ, а въ 1819 г. назначенъ командиромъ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса. Въ 1822 г., по раздѣленіи Сибири на 2 части, Капцевичъ назначенъ былъ Тобольскимъ и Томскимъ генераль-губернаторомъ. Произведенный въ 1823 г. въ генералы-отъ-инфантеріи, въ 1826 г. онъ отправился въ Москву на коронацію Николая I и болѣе въ Сибирь не возвращался, обиженный назначеніемъ сенаторской ревизіи, которая между прочимъ должна была разслѣдовать разные доносы на Капцевича. „Не мнѣ писать законы, но и не мнѣ учиться служить вѣрно царю“, писалъ онъ Тобольскому губернатору Д. Н. Бантышу-Каменскому. „Ежели я не соблюлъ формы, то сознаюсь передъ вами и хвалюсь сею виною; зато, сохранивъ до сего край, мнѣ ввѣренный, и безмолвныхъ крестьянъ отъ притязаній, а Казенную Тобольскую палату отъ безпорядка въ ея запутанностяхъ, остаюсь въ совѣсти спокойнымъ“. Сенаторская ревизія не набросила тѣни на Капцевича и не имѣла дурныхъ для него послѣдствій. Пробывъ нѣкоторое время за границей для лѣченія, онъ поселился въ Черниговѣ съ тещей, воспитывавшей его дѣтей послѣ смерти его жены. Бездѣйствіе его продолжалось недолго, и въ 1828 г. онъ былъ назначенъ командиромъ Отдѣльнаго корпуса внутренней стражи. Дѣятельность Капцевича на новомъ посту вызывала неоднократно благодарность Николая I и награды: въ 1834 г. онъ получилъ Владиміра 1-й ст., въ 1836 г. алмазы къ Александру Невскому; въ 1835 г. онъ былъ переименованъ въ генералы-отъ-артиллеріи.

Капцевичъ скончался на 69 году, 3 Юля 1840 г., въ имѣніи генерала Тимашева, близъ Оренбурга, и погребенъ въ с. Никольскомъ, въ 50 верстахъ отъ Оренбурга; онъ былъ женатъ на княжнѣ Маріи Петровнѣ Прозоровской, рано умершей, и имѣлъ сына Николая (р. 1818 г., † 1862 г.) и дочь, за генераломъ Эссенемъ.

Извѣстный поэтъ князь П. М. Долгорукій, познакомившійся съ Капцевичемъ въ Кіевѣ въ 1817 г., оставилъ такую его характеристику: „Генераль Капцевичъ очень скромный и вѣжливый человекъ, хорошій хлѣбосоль, привѣтливый хозяинъ... Онъ не говоритъ безпрестанно о своихъ побѣдахъ и подвигахъ, хотя 3 звѣзды на груди и добрый гарнитуръ разноцвѣтныхъ отличій даютъ ему на то полное право. Онъ умѣетъ продолжать общій разговоръ, вести рѣчь со всякимъ по его занятіямъ и вкусу, свѣдуецъ въ своемъ дѣлѣ безъ педантизма и несноснаго чванства, не заносчивъ, когда встрѣчаетъ возраженія, не вспылчивъ, когда съ нимъ не соглашаются; въ обществѣ всегда охотно съ нимъ съѣдусь и готовъ раздѣлить время въ Москвѣ самой, какъ и въ Кіевѣ“.

(Съ портрета, находящагося въ Гатчинскомъ дворцѣ.)

PIERRE MIKHAÏLOWITCH KAPTZEWITCH, 1772—1840, fils de l'assesseur de collège Michel Sémenowitch Kaptzewitch, d'une modeste famille petite-russienne, fit ses études au Corps de l'Artillerie et du Génie, d'où il sortit le 6 décembre 1792 lieutenant à l'artillerie de Gatchina. Officier relativement tard, il eut par contre une carrière rapide sous Paul Ier, grâce à son service dans les troupes de Gatchina, grâce surtout à la protection d'Araktchéeff. Il arriva à Gatchina au grade de major; puis, à l'avènement de Paul Ier, il passa, le 9 novembre 1796, lieutenant-colonel au bataillon de la Garde, et fut nommé commandant de place à St-Pétersbourg. Promu en 1797 colonel, et, la même année, à l'âge de 25 ans, général major, il devint chef du bataillon d'artillerie qui porte son nom. Général lieutenant en 1799, il fit la campagne de Hollande et gagna Ste-Anne de 1re classe. En 1804, il fut fait chef du 3e régiment d'artillerie et inspecteur de l'artillerie de la circonscription du Caucase. En 1807, les affaires avec les Tchetchengés lui valurent St-Vladimir de 3e classe. En 1808/1810, il fut général de service du ministre de la guerre, puis reçut la 7e division d'infanterie. A la tête des 8e et 10e corps, il prit une part active aux campagnes de 1812/1814, et fut contusionné à Leipzig: ses exploits lui valurent St-Vladimir de 2e classe (Smolensk), St-Georges de 3e et de 2e classes (Borodino et Leipzig), St-Alexandre Newsky (Katzbach) et une épée d'or enrichie de diamants (Malo-Yaroslavetz). A la paix, il reprit le commandement de sa division, cantonnée à Kieff, et fut fait en 1819 commandant du corps spécial de Sibérie. En 1822, après la division de la Sibérie en deux sections, il fut nommé général gouverneur de Tobolsk et de Tomsk. Général d'infanterie en 1823, il alla en 1826 à Moscou au couronnement de Nicolas Ier, et ne revint plus en Sibérie, mécontent de la nomination d'une revision sénatoriale, qui avait, entre autres choses, à examiner diverses plaintes portées contre lui: „Ce n'est pas à moi à faire les lois, mais ce n'est pas non plus à moi à recevoir des leçons sur la manière de servir loyalement l'Empereur“, écrivait-il au gouverneur de Tobolsk, D. Bantych-Kamensky. „Si je n'ai pas observé les formes, je reconnais ma faute et je m'en vante: mais aussi, comme, jusque-là j'ai mis à l'abri des réclamations le pays qui m'est confié et ses paysans sans défense, comme j'ai préservé d'embarras financiers le fisc de Tobolsk, je garde la conscience tranquille“. La revision en question le laissa indemne et n'eut aucune suite fâcheuse pour lui. Après quelque temps passé à l'étranger pour sa santé, il se fixa à Tchernigoff avec sa belle-mère, qui s'était chargée des enfants à la mort de la mère. Il ne resta que peu de temps sans emploi, et fut nommé en 1828 commandant du Corps Spécial de la garde territoriale; ces nouvelles fonctions lui valurent à plusieurs reprises des témoignages de reconnaissance de Nicolas Ier et des récompenses: en 1834 St-Vladimir de 1re classe et en 1836 les diamants de St-Alexandre Newsky. En 1835, il permuta général d'artillerie.

Kaptzewitch mourut dans sa 69e année, le 3 juillet 1840, dans la propriété du général Timacheff, près d'Orenbourg, et fut inhumé au bourg de Nikolskoïé, à 50 verstes de cette ville. Il avait épousé la princesse Marie Pétrowna Prozorowsky, morte jeune, et eut un fils Nicolas (1818—1862) et une fille, mariée au général Essen.

Le prince I. Dolgorouky, le poète connu, fit à Kieff en 1817 la connaissance de Kaptzewitch, dont il laisse le portrait suivant: „Le général Kaptzewitch est d'une modestie et d'une courtoisie parfaites, affable avec ses invités et les traitant bien... Il n'est pas constamment à parler de ses victoires et de ses exploits, et pourtant il a sur la poitrine trois plaques et une brochette bien panachée qui lui en donneraient entièrement le droit. Il sait soutenir la conversation générale, entretenir chacun selon ses occupations et ses goûts; il connaît son affaire sans pédantisme ni insupportable ostentation, accueille l'objection sans hauteur, la contradiction sans emportement. J'aurai toujours plaisir à frayer avec lui dans la société, et je suis prêt à le fréquenter à Moscou même, aussi bien qu'à Kieff“.

(D'après un original du Palais de Gatchina.)

МАРІЯ СЕМЕНОВНА РИМСКАЯ-КОРСАКОВА, 1731—1796, дочь генераль-аншефа князя Семена Федоровича Волконскаго (р. 10 Мая 1703 г., † 4 Мая 1768 г.), женатаго на княжнѣ Софіи Сергѣевнѣ Мещерской (р. 13 Сентября 1707 г., † 7 Апрѣля 1777 г.), сестра члена Государственнаго Совѣта, Оренбургскаго военнаго губернатора князя Григорія Семеновича Волконскаго, женатаго на послѣдней княжнѣ Репниной, родилась 23 Августа 1731 года. Въ началѣ 1750-хъ годовъ вышла замужъ за Александра Васильевича Римскаго-Корсакова, съ которымъ вмѣстѣ жила въ Шлиссельбургскомъ форштадтѣ во время бунта Мировича, когда ея мужъ командовалъ тамъ Смоленскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Позднѣе она рассказывала объ этомъ событіи своей племянницѣ, Е. П. Янковой, п о томъ, что въ Шлиссельбургѣ обыскивали всѣ дома, въ томъ числѣ и ея квартиру, такъ какъ тогда былъ пущенъ слухъ, что Іоаннъ Антоновичъ не убитъ, а бѣжалъ. Овдовѣвъ 16 Мая 1781 г., М. С. Корсакова пережила на 15 лѣтъ мужа, отъ котораго имѣла троихъ сыновей и двухъ дочерей (младшая была калѣка, ходила на костылѣ, такъ какъ на одной ногѣ не имѣла половины ступни, да и та была повернута назадъ). По смерти А. В. Римскаго-Корсакова она продолжала жить въ своемъ домѣ на Остоженкѣ, близъ теперешняго Храма Спасителя.

Бабушка Д. Благово, Е. П. Янкова, которую М. С. Римская-Корсакова сватала за Д. А. Янкова и на свадьбѣ которой была посаженой матерью, рассказывала о ея странностяхъ, которыя были тогда хорошо извѣстны всей Москвѣ: „Тетушка имѣла очень хорошее состояніе, будучи и сама не бѣдна, и богата по своему мужу, но была очень расчетлива. Она еще имѣла ту странность, что не любила дома обѣдать, что въ то время было очень рѣдко: она каждый день кушала въ гостяхъ, кромѣ субботы. Она съ вечера призоветъ, бывало, своего выѣздного лакея и велитъ на утро сходить въ 3-4 дома ея знакомыхъ и узнать, кто кушаетъ дома сегодня и завтра, и ежели кушаютъ, то узнать отъ нея о здоровьѣ и сказать, что она собирается пріѣхать откушать. Вотъ и отправится съ обѣими дочерьми. Тогда блюда выставлялись всѣ на столъ. Когда ей понравится какое-нибудь блюдо, холодное которое-нибудь, или одинъ изъ соусовъ, или жаркое, она и скажетъ хозяйкѣ: „Какъ, должно-быть, это блюдо вкусно, позвольте мнѣ его взять“, и, обращаясь къ своему лакею, стоявшему за ея стуломъ, говорить: „Возьми такое-то блюдо и отнеси его въ нашу карету“. Всѣ знали, что она имѣетъ эту странность, и такъ какъ она была почтенная и знатная старушка, то многіе сами ей предлагали выбрать какое угодно блюдо. Такъ она собираваетъ цѣлую недѣлю, а въ субботу зоветъ обѣдать къ себѣ и потчуетъ васъ вашимъ же блюдомъ. Многіе, впрочемъ, и смѣялись надъ ней, и кто-то и пересказалъ намъ, что Корсакова увезла откуда-то поросенка. Вотъ вскорѣ пожаловала тетушка къ намъ кушать, я и говорю меньшей ея дочери: „Скажи, пожалуйста, сестра Елизавета, гдѣ это на дняхъ вы, сказываютъ, обѣдали и стянули жаренаго поросенка?“ А она мнѣ отвѣчаетъ: — „Вотъ какіе бываютъ злые языки! Никогда мы поросенка нигде не возили, а привезли на дняхъ жареную индюшку. Вотъ видѣшь ли, такъ не поросенка же!“

Марія Семеновна Корсакова скончалась въ Москвѣ 29 Ноября 1796 г. и похоронена въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ также похоронены ея сынъ Николай, извѣстный въ свое время въ Москвѣ гастрономъ и большой скупецъ, и младшая дочь Елизавета Александровна Ржевская.

(Съ миниатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московской губ.)

MARIE SÉMENOWNA RIMSKY-KORSAKOFF, 1751—1796, fille du prince Siméon Féodorowitch Wolkonsky (10 mai 1703—4 mai 1768), général en chef, et de Sophie Serguéewna, née princesse Mechtchersky (13 septembre 1707—7 avril 1777), sœur du prince Grégoire Féodorowitch Wolkonsky, membre du Conseil de l'Empire, gouverneur militaire d'Orenbourg, qui épousa la dernière princesse Repnine, naquit le 23 août 1751. Elle épousa au commencement des années 50 Alexandre Vassiliéwitch Rimsky-Korsakoff, avec lequel elle se trouva, lors de l'insurrection de Mirowitch, dans un faubourg de Schlussembourg, où il commandait le régiment d'infanterie de Smolensk. Elle raconta dans la suite cet événement à sa nièce Mme C. Yankoff: on fouilla, dit-elle, toutes les maisons de la ville, y compris la sienne, pour voir si, comme le prétendaient certains bruits, Ivan Antonowitch n'aurait pas été tué, mais se serait sauvé. Devenue veuve le 16 mai 1781, Mme Korsakoff survécut quinze ans à son mari; elle avait eu trois fils et deux filles, dont la dernière, affligée d'un pied bot tourné en arrière, marchait à béquilles. A la mort de Rimsky-Korsakoff, elle continua d'habiter sa maison de l'Ostojenka, près de l'endroit où est aujourd'hui l'église du Saint-Sauveur.

La grand'mère de D. Blagovo, Mme C. Yankoff, que Mme Rimsky-Korsakoff fiança à D. Yankoff, et à laquelle elle tint lieu de mère au mariage, rapporte ses bizarreries, bien connues alors dans tout Moscou: „Ma tante avait une fort belle fortune, tant par elle-même que du côté de son mari, mais elle était très intéressée. Elle avait encore la manie de ne pas vouloir dîner chez elle, chose fort rare à l'époque: tous les jours, sauf le samedi, elle dînait en ville. La veille, par exemple, elle disait à son valet de pied d'aller dans la matinée faire le tour de trois ou quatre maisons amies pour en trouver une où on dînerait chez soi le jour et le lendemain, et alors, de demander des nouvelles de sa part et de dire qu'elle viendrait. La voilà partie avec ses deux filles. Dans ce temps-là, on mettait tous les plats à la fois sur la table. Quand elle voyait quelque chose de son goût, mets froid, ragoût ou rôti, elle disait à la maîtresse de maison: „Comme ce plat doit être bon! Permettez-moi de le prendre“, puis, se tournant vers son laquais debout derrière elle: „Prends ce plat-là et porte-le dans la voiture“. Tout le monde lui connaissait cette manie, et, comme c'était une personne d'âge, d'importance et de qualité, dans beaucoup de maisons, on lui proposait de choisir un plat sans attendre qu'elle le demandât. Elle fait ainsi ses provisions toute la semaine, puis, le samedi, elle reçoit, et traite ses invités avec leur propre cuisine. Il y en avait bien aussi qui se moquaient d'elle. Ainsi on nous raconte un jour que Mme Korsakoff a pris quelque part un cochon de lait. Ma tante vient bientôt dîner chez nous, et je dis à sa cadette: „Dis donc, petite sœur, où donc est-ce que vous avez dîné ces jours-ci, à ce qu'on raconte, et escamoté un cochon de lait?“—„Ah! comme les gens sont mauvaises langues! Jamais nous n'avons pris nulle part de cochon de lait: nous avons rapporté ces jours-ci une dinde rôtie. Tu vois bien, ce n'est pas un cochon de lait, tout de même!“

Mme Korsakoff mourut à Moscou le 29 novembre 1796, et fut inhumée au monastère Donskoï, où reposent également son fils Nicolas, connu dans son temps à Moscou comme gourmet et grand avare, et sa fille cadette Elisabeth Alexandrowna Rjewsky.

(D'après une miniature appartenant à Mlle M. Vassiltchikoff, Korallovo, gouv. de Moscou.)

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ, 1729—1781, сынъ капитана Нарвскаго полка (1731 г.) Василя Андреевича отъ брака съ дочерью шталмейстера Евдокіей Родіоновной Кошелевой, родился 30 Апрѣля 1729 года; послѣ матери, умершей всего 21 года отъ роду 25 Сентября 1733 г. (погребена въ Москвѣ, въ семейномъ склепѣ подъ Корсаковской церковью во имя Милостиваго Спаса, въ Зачатіевскомъ монастырѣ), 4-лѣтній Александръ остался старшимъ среди еще 3 братьевъ и сестры Анны (позднѣ въ замужствѣ за генераль-майоромъ Василемъ Клементьевичемъ Кретовымъ, ловчимъ Императрицы Елисаветы). Служилъ А. В. Римскій-Корсаковъ, какъ и всѣ въ то время, въ военной службѣ и въ 1764 г. командовалъ, въ чинѣ полковника, Смоленскимъ пѣхотнымъ полкомъ, стоявшимъ тогда въ Шлиссельбургѣ и державшимъ караулы въ крѣпости; въ этомъ полку служилъ подпоручикомъ Василю Мировичъ, который устроилъ извѣстное возмущеніе, съ цѣлью освобожденія узника Іоанна Антоновича. Когда, во время бунта караула, пріѣхалъ, вызванный комендантомъ крѣпости, Римскій-Корсаковъ, арестованный Мировичъ сказалъ своему полковнику, что, „можетъ, онъ не видывалъ живого Івана Антоновича, такъ нынѣ мертваго увидитъ, который де теперь не тѣломъ, а духомъ кланяется ему! Но полковникъ, не останавливаясь ни мало и не учпня на то никакого отвѣта, прошелъ прямо къ коменданту“.

Умеръ А. В. Римскій-Корсаковъ въ чинѣ генераль-поручика; Екатерина II не могла забыть Шлиссельбургскаго „дѣйства“ и всегда холодно относилась къ Корсакову: ему такъ и не удалось получить чина генераль-аншефа, чего сильно желала его честолюбивая жена, несмотря на всѣ старанія многочисленной и вліятельной родни; послѣдніе годы онъ жилъ въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Остоженкѣ, перешедшемъ потомъ къ его сыну; тутъ онъ и скончался, 52 лѣтъ и 15 дней, 16 Мая 1781 года; погребенъ былъ самымъ знаменитымъ Платономъ (Левшинымъ), въ то время еще архіепископомъ Московскимъ, въ Донскомъ монастырѣ, въ церкви Пресвятой Богородицы.

Отъ брака съ княжной Маріей Семеновной Волконской (р. 23 Августа 1731 г., † 29 Ноября 1796 г.) имѣлъ 3 сыновей: Александра, Николая (р. 18 Февраля 1762 г., † 16 Марта 1833 г.; генераль-майоръ, оберъ-крѣгсъ-комписсаръ, холостой) и Петра, и 2 дочерей: Екатерину (въ замужствѣ за И. П. Архаровымъ) и Елизавету (р. 23 Апрѣля 1766 г., † 22 Юля 1841 г.; въ замужствѣ за камергеромъ Александромъ Ильичемъ Ржевскимъ, р. 13 Августа 1726 г., † 11 Сентября 1809 г.).

(Съ миниатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московской губ.)

ALEXANDRE VASSILIEWITCH RIMSKY-KORSAKOFF, 1729—1781, fils de Basile Andréewitch Rimsky-Korsakoff, capitaine au régiment de Narva (1731), et de la fille Eudoxie de l'écuyer Rodion Kochéleff, naquit le 30 avril 1729. Orphelin de sa mère, mort à 21 ans seulement le 25 septembre 1753 (inhumée à Moscou dans un caveau de famille à l'église Korsakoff du Gracieux Sauveur, au monastère de la Conception), l'enfant resta, à l'âge de 4 ans, l'aîné de trois autres frères et d'une sœur, Anne (mariée plus tard au général major Basile Klémentiewitch Krétoff, veneur de l'Impératrice Elisabeth). Entré, comme alors tout le monde, au service militaire, Korsakoff commandait comme colonel en 1764 le régiment d'infanterie de Smolensk, alors cantonné à Schlussembourg et de garde à la forteresse, dont un sous-lieutenant, Basile Mirowitch, organisa la sédition destinée à faire échapper le détenu Ivan Antonowitch. Quand, appelé par le commandant de la forteresse, Rimsky-Korsakoff arriva, en pleine révolte du piquet de garde, Mirowitch arrêté dit à son colonel que, „s'il n'avait jamais vu Ivan Antonowitch vivant, il allait le voir mort, et qui le saluait, non de corps, mais d'esprit! Mais le colonel, sans s'arrêter un instant ni faire la moindre réponse, alla droit chez le commandant“.

Rimsky-Korsakoff mourut général lieutenant; Catherine II ne put oublier l'affaire de Schlussembourg et lui en voulut toujours: il dut renoncer, au grand désespoir de son ambitieuse femme, au titre de général en chef, en dépit de toutes les démarches d'une nombreuse et influente parenté. Il vécut ses dernières années à Moscou, dans sa maison de l'Ostojenka, qui passa plus tard à son fils; c'est là qu'il mourut, âgé de 52 ans et 15 jours, le 16 mai 1781. Il fut inhumé, par le célèbre Platon (Levchine) en personne, alors encore archevêque de Moscou, au monastère Donskoï, à l'église de la Sainte-Vierge.

De son mariage avec la princesse Marie Sémenowna Wolkonsky (23 août 1731—29 novembre 1796), il eut trois fils, Alexandre, Nicolas (18 février 1762—16 mars 1833), général major, commissaire général à la guerre, célibataire, et Pierre, et deux filles, Catherine, mariée à I. Arkharoff, et Elisabeth (23 avril 1766—22 juillet 1841), mariée au chambellan Alexandre Ilyitch Rjewsky (13 août 1726—11 septembre 1809).

(D'après une miniature appartenant à Mme Vassiltchikoff, Korallovo, gouv. de Moscou.)

Князь МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ШАХОВСКОЙ, 1758—1817, бригадиръ, сынъ секундъ-майора князя Александра Алексѣевича († 1770 г.) отъ брака съ княжной Марѳой Петровной Черкасской, родился 21 Декабря 1758 г.; скончался 3 Юня 1817 г. и погребенъ въ Симоновомъ монастырѣ.

Съ 5 Юля 1787 г. князь М. А. Шаховской былъ женатъ на графинѣ Елизаветѣ Сергѣевнѣ Головиной (р. 1769 г., † 1831 г.) и имѣлъ 2 сыновей и 8 дочерей: 1) Александра (р. 1791 г., † 1795 г.); 2) Валентина (р. 1801 г., † 1850 г.); 3) Прасковью (р. 1788 г., † 29 Января 1835 г.), за Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ; 4) Марію (р. 1790 г., † 1849 г.), за Михаиломъ Казиміровичемъ Голыньскимъ; 5) Екатерину († 1848 г.); 6) Варвару († 24 Сентября 1836 г., въ Симферополѣ); 7) Елизавету (р. 2 Августа 1797 г., † 9 Декабря 1877 г.); 8) Марѳу (р. 1799 г., † 1886 г.), за Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ, мужемъ старшей ея сестры Прасковіи, послѣ ея смерти; 9) Александру (р. 21 Ноября 1806 г., † 29 Января 1864 г.), за генераль-лейтенантомъ Николаемъ Евгеніевичемъ Лукашемъ (р. 1796 г., † 1868 г.), и 10) Клеопатру (р. 16 Октября 1809 г., † 30 Ноября 1883 г., дѣвица).

(Съ миниатюры изъ собранія князя А. В. Шаховского; село Бѣлая Колпа, Московской губ.)

Le prince MICHEL ALEXANDROWITCH SCHAKHOWSKOÏ, 1758—1817, brigadier, fils du prince Alexandre Alexéewitch Schakhowskoï († 1770), second major, et de Marthe Pétrowna, née princesse Tcherkassky, naquit le 21 décembre 1758. Il mourut le 3 juin 1817, et fut inhumé au monastère Simonoff.

Il épousa le 5 juillet 1787 la comtesse Elisabeth Serguéewna Golovine (1769—1831), dont il eut deux fils, Alexandre (1791—1795) et Valentin (1801—1850), et huit filles, Prascovie (1788—29 janvier 1835), mariée à Alexandre Nikolaewitch Mouravieff, Marie (1790—1849), à Michel Kazimirowitch Golynsky, Catherine († 1848), Varvara († 24 septembre 1836, à Simféropol), Elisabeth (2 août 1797—9 décembre 1877), Marthe (1799—1886), mariée à Alexandre Nikolaewitch Mouravieff, veuf de sa sœur aînée Prascovie, Alexandrine (21 novembre 1806—29 janvier 1864), au général lieutenant Nicolas Evguéniewitch Loukach (1796—1868), et Cléopâtre (16 octobre 1809—30 novembre 1883), non mariée.

(D'après une miniature de la collection du prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

Княгиня **ВАРВАРА АЛЕКСАНДРОВНА ШАХОВСКАЯ**, 1748 — 1823, дочь генераль-поручика барона Александра Григорьевича Строганова (р. 1698 г., † 1754 г.) отъ 3-го брака его съ вдовой Маріей Артемьевной Исленьевой, рожденной Загряжской, родилась 2 Декабря 1748 года; по словамъ близкаго ея родственника, князя И. М. Долгорукаго, сохранившаго въ „Книжцѣ моего сердца“ благодарное воспоминаніе о богатой и щедрой теткѣ, она была чрезвычайно добрая женщина, „одаренная превосходными качествами сердца, умѣвшая добро творить прямо по Евангельскому слову, безъ чванства, укоризны и провозглашенія“. Выйдя замужъ за генераль-лейтенанта князя Бориса Григорьевича Шаховского († 1813 г.), она имѣла отъ него единственную дочь Елизавету и, проживая долго за границей, выдала ее въ Парижѣ, 4 Февраля 1792 года, замужъ за князя д'Аренберга, принадлежавшаго къ знатной Бельгійской фамиліи и бывшаго однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ Нидерландской революціи. Какъ видно изъ разсказа графа Е. О. Комаровскаго, Австрійскій посолъ при Русскомъ Дворѣ графъ Кобенцель, доведъ объ этомъ бракѣ до свѣдѣнія Императрицы Екатерины II, которая въ первую минуту своего гнѣва издала указъ, чтобы „княгиня Шаховская возвратилась немедленно въ Россію, въ противномъ случаѣ лишена будетъ своего имѣнія, и дѣти, отъ ея дочери рожденныя, не могутъ быть ея наслѣдниками, ибо имѣніе княгини состоитъ въ желѣзныхъ рудникахъ и соляныхъ варницахъ, а по закону Петра Великаго имѣнія такого рода могутъ принадлежать лишь русскійскимъ подданнымъ“. Извѣстіе объ этомъ такъ сильно поразило княгиню Шаховскую, что съ ней сдѣлался параличъ, отъ котораго у нея отнялась нога; но она уже была съ дочерью на пути въ Россію и только остановилась на нѣсколько дней въ Карлсруэ, для свиданія съ сиротою наслѣднаго принца, которая ее очень любила; встрѣтивъ тамъ графа Н. П. Румянцева, княгиня умоляла его донести Императрицѣ о ея болѣзненномъ состояніи и хотѣла сама написать къ Ея Величеству, „но не имѣла никого, кто бы могъ это сдѣлать“. Затѣмъ княгиня Шаховская продолжала съ дочерью путь въ Россію, но не добилась успѣха; бракъ ея дочери съ д'Аренбергомъ былъ расторгнутъ, и послѣдняя вскорѣ вышла во второй разъ замужъ за своего родственника князя П. Ф. Шаховскаго.

Въ началѣ XIX столѣтія княгиня В. А. Шаховская поселилась въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Малой Никитской, и принадлежавшая ей значительная часть Строгановскаго состоянія, около 10/т. душъ крестьянъ, кромѣ заводовъ въ Пермской губерніи, избѣжала, благодаря вмѣшательству Екатерины II, перехода въ руки иностранной фамиліи. Княгиня В. А. Шаховская скончалась въ царствованіе Императора Александра I, 29 Октября 1823 года.

(Съ миниатюры, принадлежащей князю С. М. Голицыну, с. Кузьминки, Московской губ.)

La princesse VARVARA ALEXANDROWNA SCHAKHOWSKOÏ, 1748—1823, fille du baron Alexandre Grigoriéwitch Stroganoff (1698—1754), général lieutenant, et de sa troisième femme Marie Artémiewna, veuve Islénieff, née Zagriaïsky, naquit le 2 décembre 1748. Au témoignage de son proche parent le prince I. Dolgorouky, qui conserva dans son Sanctuaire de mon Cœur le souvenir reconnaissant de sa riche et généreuse tante, c'était une personne d'une extrême bonté, „douée de supérieures qualités de cœur, sachant faire le bien à la lettre de la parole de l'Evangile, sans affectation, orgueil ni ostentation“. Mariée au prince Boris Grigoriéwitch Schakhowskoï († 1813), général lieutenant, elle eut de lui une fille unique Elisabeth, et, dans un long séjour qu'elle fit à l'étranger, la maria à Paris, le 4 février 1792, au prince d'Arenberg, qui appartenait à une famille noble de Belgique et avait joué un rôle marquant dans la Révolution des Pays-Bas. Au témoignage du comte E. Komarowsky, général aide de camp, le comte Cobenzel, ambassadeur d'Autriche près la Cour de Russie, parla de ce mariage à l'Impératrice Catherine II, qui, dans son premier mouvement de colère, ordonna par oukaze „à la princesse Schakhowskoï de rentrer immédiatement en Russie, sous peine d'être elle-même dépossédée de ses biens, et les enfants issus de sa fille déchus du droit d'héritiers, ces biens consistant en mines de fer et salines, et toute propriété de cette nature ne pouvant, en vertu d'une loi de Pierre-le-Grand, appartenir qu'à des sujets russes“. Cette nouvelle porta un tel coup à la princesse qu'elle eut une attaque de paralysie qui lui enleva l'usage d'une jambe. Mais elle était déjà avec sa fille en route pour la Russie et ne s'arrêta que quelques jours à Carlsruhe, pour voir l'épouse du prince héritier, qui l'aimait beaucoup; elle y rencontra le comte N. Roumiantzeff, qu'elle supplia de parler de son triste état à l'Impératrice: elle-même voulait bien écrire à Sa Majesté, „mais n'avait personne à qui s'adresser pour cela“. Elle continua ensuite son voyage avec sa fille, mais n'obtint pas satisfaction: le mariage avec d'Arenberg fut cassé, et la jeune princesse épousa peu après un parent, le prince P. Schakhowskoï.

Dans les premières années du XIXe siècle, la princesse V. Schakhowskoï se fixa à Moscou, dans sa maison de la Petite Níkitskaïa, et sa part considérable de la fortune des Stroganoff, environ 10.000 têtes de paysans, sans compter des usines dans le gouvernement de Perm, évita, grâce à l'intervention de Catherine II, de passer aux mains d'une famille étrangère. Elle mourut sous le règne de l'Empereur Alexandre Ier, le 29 octobre 1823.

(D'après une miniature appartenant au prince S. Golitzyne, Kouzminki, gouv. de Moscou.)

85

James

de Pless

Amsterdam
1774-1816

Amsterdam
1774-1816

87

86

88

The artist

1774-1816

James de Pless, Amsterdam

de Pless, Amsterdam

1774-1816

1774-1816

85

Князь
Михаилъ Александровичъ
Шаховской,
1758 — 1817

*Le Prince
Michel Alexandrowitch
Schakhowskoï,
1758 — 1817*

87

Варвара Александровна
Шаховская,
1748 — 1823

*La Princesse Varvara Alexandrovna
Schakhowskoï,
1748 — 1823*

88

Княгиня Елизавета Сергеевна
Шаховская,
1769 — 1831

*La Princesse Elisabeth Sergueïevna
Schakhowskoï,
1769 — 1831*

Пис. Стрель
Княгиня Елизавета Борисовна
Шаховская,
1773 — 1796

*Peint par Straelly
La Princesse Elisabeth Borissowna
Schakhowskoï,
1773 — 1796*

Княгиня ЕЛИЗАВЕТА СЕРГѢВНА ШАХОВСКАЯ, 1769—1831, дочь графа Сергѣя Федоровича Головина (р. 1738 г., † 1786 г.) и графини Клеопатры Платоновны Мусиной-Пушкиной (р. 1739 г., † 1785 г.), родилась 11 Мая 1769 года; до замужства жила у дяди своего, по матери, фельдмаршала графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, державшаго въ Петербургѣ открытый и богатый домъ. По словамъ князя Ивана Мпхайловича Долгорукаго, занесшаго ея имя на страницы своего словаря „Книще моего сердца“, она была „умна, скромна и хорошо воспитана, но далеко не красива. Въ молодость свою славилась танцевальнымъ искусствомъ, въ которомъ превосходила всѣхъ своихъ сверстницъ, и при лицѣ самомъ непригожемъ имѣла много привлекательнаго во взорѣ, ухваткахъ, во всей наружной поступи своей“. „Она мнѣ очень нравилась“, пишетъ князь дальше: „я готовъ въ нее влюбиться, но, примѣтя, что успѣха не получу, удерживалъ свою склонность и разсѣпывалъ ее частыми волокитствами. Мы съ ней играли комедіи въ домѣ Пушкина. Однажды, въ лѣтнемъ катаньи (въ Екатерингофѣ), мнѣ довелось быть ея кавалеромъ въ колясочкѣ; надобно было править лошадьми самому; я былъ этого дѣла не мастеръ, навезъ фаэтонъ на кочку и чуть-чуть не опрокинулъ своей дамы и, вмѣстѣ съ ней, не убился до смерти. Этотъ смѣшной случай донынѣ мнѣ памятенъ!“ Въ 1787 г., 5 Юля, графиня Елизавета Сергѣевна Головина вышла замужъ за бригадира князя Михаила Александровича Шаховского и переехала въ Москву, гдѣ мужу ея принадлежалъ домъ на Малой Никитской, сгорѣвшій во время пожара 1812 года; позднѣе она жила на Пречистенкѣ (нынѣ домъ Щукина).

Княгиня Е. С. Шаховская скончалась 4 Ноября 1831 года и похоронена въ Москвѣ, въ Симоновомъ монастырѣ; у ней было многочисленное семейство, состоявшее изъ двухъ сыновей, Александра и Валентина, крестника фельдмаршала графа Мусина-Пушкина, и восьми дочерей.

(Съ миниатюры изъ собранія князя А. В. Шаховского, с. Бѣлая Колинь, Московской губ.)

La princesse ÉLISABETH SERGUÉEWNA SCHAKHOWSKOÏ, 1769—1831, fille du comte Serge Féodorowitch Golovine (1738—1786) et de Cléopâtre Platonowna, née comtesse Moussine-Pouchkine (1739—1785), naquit le 11 mai 1769, et resta jusqu'à son mariage chez un oncle maternel, le feld-maréchal comte Valentin Platonowitch Moussine-Pouchkine, qui menait grand train dans sa riche maison de Pétersbourg. Au témoignage du prince Ivan Dolgorouky, qui lui fit une place dans son Sanctuaire de mon Cœur, elle avait „de l'esprit, de la modestie et de l'éducation, mais sans beauté aucune. Dans sa jeunesse, elle était réputée à la danse, où elle surpassait toutes ses rivales, et, avec un visage des plus ingrats, avait beaucoup d'attrait dans le regard, dans l'allure, dans tout son extérieur“... „Elle me plaisait beaucoup“, continue le prince: „j'étais sur le point d'en tomber amoureux, mais, voyant bien que ce serait sans succès, je me retins et me bornai à la distraire par de fréquentes assiduités. Nous jouions la comédie ensemble chez Pouchkine. Un jour, à la promenade d'été (à Ekaterinhof), j'eus le bonheur d'être son cavalier en voiture; il fallait conduire soi-même: n'étant pas maître en cet art, je dirigeai le phaéton sur un obstacle, au risque de verser ma dame et nous tuer tous deux. Cette aventure ridicule m'est restée en mémoire!“ La comtesse Golovine épousa le 5 juillet 1787 le prince Michel Alexandrowitch Schakhowskoï, brigadier, et se fixa à Moscou, où son mari avait dans la Petite Nikitskaïa une maison, qui brûla en 1812; elle habita ensuite une maison (aujourd'hui à Chtchoukine) de la Prétchistenka.

La princesse Schakhowskoï mourut le 4 novembre 1831, et fut inhumée à Moscou, au monastère Simonoff. Elle eut une nombreuse famille, composée de deux fils, Alexandre, et Valentin, filleul du feld-maréchal comte Moussine-Pouchkine, et de huit filles.

(D'après une miniature de la collection du prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

Княгиня ЕЛИЗАВЕТА БОРИСОВНА ШАХОВСКАЯ, 1773—1796, единственная дочь генераль-лейтенанта князя Бориса Григорьевича Шаховского († 1813 г.) отъ брака съ баронессой Варварой Александровной Строгановой, родилась 29 Ноября 1773 года. Долго проживая съ матерью за грашцей, она была выдана ею замужъ въ Парижъ 4 Февраля 1792 года за знатнаго бельгійца, вдовца, принца д'Аренберга (р. 20 Февраля 1757 г., † 2 Апрѣля 1795 г., въ Римѣ), принимавшаго дѣятельное участіе въ Нидерландской революціи. Узнавъ объ этомъ изъ „иностранный почты“, Екатерина II отнеслась къ этому браку съ безпощадной строгостью. По свидѣтельству дневника Храповицкаго, Императрица сказала: „Je veux agir avec vigueur dans un pareil cas“ и приказала Храповицкому „переписать“ такую записку въ „Совѣтъ“, „чтобы Аренберга въ Россію не впускать, какъ участника въ двухъ бунтахъ, французскомъ и брабантскомъ; но объ княгини (находившіяся уже на пути въ Россію) вернуться могутъ“. Въ дневникъ своемъ подъ 29 Марта 1792 г. А. В. Храповицкій передаетъ и смыслъ этой записки, составленной, вѣроятно, самой Екатериной: „Здравая политика запрещаетъ, чтобы иноземцы владѣли крестьянами, господствующую вѣру исповѣдующими. При бракѣ дворянскихъ дочерей съ иностранными, надлежитъ наблюдать, дабы, по закону, при Петрѣ I изданному, дѣти крещены были въ нашу вѣру, а иначе родится со временемъ разномысліе между владѣтелей и подданныхъ. Принцу Аренбергу не владѣть никогда крестьянами княгини Шаховской; ихъ до 15.000 душъ въ Пермѣ; по его развратности, отъ чего Боже сохрани, можетъ выйти бѣда“.

Бракъ княжны Елизаветы Борисовны съ принцемъ д'Аренбергомъ, отъ котораго она имѣла уже дочь Екатерину (р. 1 Декабря 1792 г., † 1794 г.), былъ расторгнутъ Синодомъ (указъ Императрицы архіепископу Гавріилу 23 Декабря 1794 г.). Послѣ возвращенія въ Россію, въ 1795 г. она влюбилась въ однофамильца своего, камеръ-юнкера, позднѣе дѣйствительнаго камергера, князя Петра Федоровича Шаховского (р. 17 Марта 1773 г., † 21 Декабря 1841 г.) и, противъ воли матери, уѣхала съ нимъ въ его Вяземскую деревню и тамъ обвѣнчалась. „На долго ли сіе, не знаю“, пишетъ Бантишъ-Каменскій князю А. Б. Куракину, „новобрачный сильно кашляетъ, знаки давно примѣчены—у него чахотка. Какъ быть? Хоть на часъ, да вскачь!“ Князь Петръ Федоровичъ прожилъ, однако, еще почти полстолѣтіе, молодая же княгиня Е. Б. Шаховская скончалась въ слѣдующемъ году, 2 Октября 1796 года, всего 23 лѣтъ отъ роду. Графъ Е. О. Комаровскій, прожившій какъ разъ предшествующее лѣто на Строгановской дачѣ княгини В. А. Шаховской, гдѣ была также и ея дочь, въ своихъ запискахъ говоритъ: „Я не стану описывать причину плачевнаго конца жизни княгини Елизаветы Борисовны, а скажу только то, что извѣстно было всѣмъ, что она отравила себя ядомъ; сіе происшествіе, особливо въ лучшемъ обществѣ столь необыкновенное, произвело много шума и различныхъ толковъ“, которые прекратились только тогда, когда случилось такое крупное событіе, какъ кончина Екатерины II.

Княгиня Елизавета Борисовна Шаховская оставила лишь одну дочь Варвару, бывшую въ первомъ бракѣ за графомъ П. А. Шуваловымъ, во второмъ—за графомъ А. А. Полье, швейцарскимъ уроженцемъ, и въ третьемъ за Неаполитанскимъ посланникомъ въ Петербургъ Вильдингомъ княземъ Бутера и Радали. По странной проиш судьбы наслѣдница огромнаго Строгановскаго состоянія, перехода коего къ иноземцамъ такъ опасалась Екатерина II, была послѣдовательно замужемъ за двумя иностранцами.

(Съ миниатюры Стрелья; собственность графини Е. В. Шуваловой, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse ÉLISABETH BORISSOWNA SCHAKHOWSKOÏ, 1773—1796, fille unique du prince Boris Grigoriéwitch Schakhowskoï († 1813), général lieutenant, et de Varvara Alexandrowna, née baronne Stroganoff, naquit le 29 novembre 1773. Dans un long séjour qu'elle fit à l'étranger avec sa mère, celle-ci la maria à Paris le 4 février 1792 à un noble belge, veuf, le prince d'Arenberg (né 20 février 1757, mort à Rome 2 avril 1795), qui avait joué un rôle actif dans la Révolution des Pays-Bas. A cette nouvelle, reçue par la „poste de l'étranger“, Catherine II s'éleva contre le mariage avec la dernière rigueur. Au témoignage du Journal de Khrapovitzky, „Je veux“, dit-elle, „agir avec vigueur dans un pareil cas“, et elle prescrivit à Khrapovitzky de donner au Conseil l'ordre suivant: „Interdire l'entrée de la Russie à Arenberg, comme complice de deux insurrections, celle de France et celle de Brabant; mais laisser revenir les deux princesses“ (alors en route pour la Russie). Le Journal de Khrapovitzky explique encore, à la date du 29 mars 1792, l'esprit de cette résolution, probablement rédigée par Catherine elle-même: „La saine politique ne permet pas que des dissidents possèdent des paysans professant la foi dominante. Lors du mariage de filles de nobles avec des étrangers, il convient de veiller à ce que, conformément à la loi promulguée sous Pierre Ier, les enfants soient baptisés dans notre foi, sans quoi il naîtrait avec le temps une divergence de croyances entre possesseurs et vassaux. Le prince d'Arenberg n'aura jamais les paysans de la princesse Schakhowskoï; il y en a 13.000 à Perm: corrompu comme il l'est, Dieu nous préserve! les choses pourraient mal tourner“.

Le mariage de la jeune princesse avec le duc d'Arenberg, dont elle avait déjà une fille Catherine (1er décembre 1792—1794), fut cassé par le Synode (oukaze de l'Impératrice à l'archevêque Gabriel, en date du 23 décembre 1794). De retour en Russie, elle s'éprit en 1795 d'un gentilhomme de la chambre, plus tard chambellan actuel, qui portait le même nom qu'elle, le prince Pierre Féodorowitch Schakhowskoï (17 mars 1773—21 décembre 1841), le suivit, malgré la volonté maternelle, dans ses propriétés de Viazma, et là l'épousa. „Est-ce pour longtemps, je ne sais“, écrit Bantych-Kamensky au prince A. Kourakine, „le nouveau marié tousse bien; il a des symptômes depuis longtemps: il est poitrinaire. Comment faire? Ne penser qu'à l'heure présente, et en avant!“ Le prince avait pourtant près d'un demi-siècle encore à vivre, et la jeune princesse mourut l'année suivante, le 2 octobre 1796, âgée de 23 ans seulement. Le comte E. Komarowsky, qui venait précisément de passer l'été précédent à la villa Stroganoff, chez la princesse V. Schakhowskoï, qui y avait sa fille avec elle, dit dans ses Mémoires: „Je ne vais point exposer la cause de la fin lamentable de la princesse Elisabeth, je dirai seulement que chacun savait qu'elle s'était empoisonnée; cet événement inaccoutumé, surtout dans la bonne société, engendra beaucoup de bruit et de rumeurs diverses qui ne cessèrent que lors d'un événement autrement considérable, la mort de Catherine II“.

La princesse Elisabeth Schakhowskoï ne laissa qu'une fille, Varvara, qui épousa en premières noces le comte P. Schouvaloff, en secondes noces le comte A. Polier, sujet suisse, et en troisièmes noces l'envoyé de Naples à Pétersbourg, Wilding, prince de Butera et di Radali. Par une étrange ironie du sort, l'héritière de cette immense fortune des Stroganoff que Catherine II craignait tant de voir passer en des mains non orthodoxes se trouva épouser successivement deux étrangers.

(D'après une miniature de Stracly, appartenant à la comtesse E. Schouvaloff, St-Pétersbourg.)

Графъ ПАВЕЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ ШУВАЛОВЪ, 1777—1823, сынъ графа Андрея Петровича (р. 1744 г., † 1789 г.), сотрудника Екатерины II въ ея литературной дѣятельности, писавшаго стихи на французскомъ языкѣ, отъ брака съ графиней Екатериной Петровной Салтыковой (р. 1743 г., † 1817 г.), родился 21 Мая 1777 г. и получилъ воспитаніе совершенно на французскій ладъ. На службу онъ былъ записанъ въ 1786 г. корнетомъ въ Конную гвардію, а въ 1793 г. произведенъ въ подпоручики и назначенъ камеръ-юнкеромъ къ Велпкому Князю Александру Павловичу. Въ 1794 г. Шуваловъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ и за отличіе при штурмѣ Праги получилъ Георгія 4-й ст.; въ 1799 г., уже въ чинѣ полковника, онъ былъ участникомъ Суворовскаго похода въ Италію, отличился при Нови и былъ „жестоко“ раненъ при переходѣ черезъ Сень-Готардъ. Орденъ св. Анны 2-го кл. и командорство св. Іоанна Іерусалимскаго были наградой за этотъ походъ, но въ томъ же году онъ былъ отставленъ отъ службы и вновь опредѣленъ уже при Александрѣ I, въ 1801 г., съ производствомъ въ генераль-майоры. Въ 1803 г. Шуваловъ былъ назначенъ шефомъ Глуховскаго кирасирскаго полка. Въ 1807 г. онъ участвовалъ въ войнѣ съ Наполеономъ и за дѣла подъ Трошинымъ и Пултускомъ получилъ ордена св. Владиміра 3-й ст. и Анны 1-й ст.; въ 1808 г. Шуваловъ пожалованъ въ генераль-адъютанты, а въ слѣдующемъ году принялъ видное участіе въ Шведской войнѣ. Съ порученнымъ ему сѣвернымъ отрядомъ онъ 11 Марта занялъ Торнео, а 13-го стоявшій противъ него непріятельскій отрядъ Игельстрема былъ имъ обойденъ и положилъ оружіе; 3 Мая Шуваловъ одержалъ побѣду при Шелефтѣ и взялъ въ плѣнъ авангардъ, а 20 Мая занялъ Умео. Шведскія войска были частью опрокинуты, частью поспѣшно отступили. Шведскій генераль Дёбельнъ просилъ Шувалова, въ виду близкаго заключенія мира, прекратить кровопролитіе и предложилъ уступить всю Вестр-ботнію. Шуваловъ согласился заключить конвенцію, но главнокомандующій Барклай-де-Толли ея не одобрилъ; Шувалову предписано было возобновить военныя дѣйствія, но вскорѣ онъ былъ замѣненъ графомъ Каменскимъ. Наградой Шувалову были чинъ генераль-лейтенанта и орденъ св. Владиміра 2-й ст.; 8 Декабря 1809 г. онъ былъ отправленъ съ особымъ порученіемъ къ императору Австрійскому Францу и оставался при немъ до 11 Мая 1811 года. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ войнѣ 1813 и 1814 гг., отличился при Лейпцигѣ, за что получилъ орденъ св. Александра Невскаго, и нѣсколько разъ исполнялъ дипломатическія порученія: послѣ Люценскаго сраженія ему были поручены переговоры о перемиріи; онъ же велъ переговоры послѣ Бріеннской битвы и былъ отправленъ къ Наполеону послѣ взятія Парижа. Въ томъ же 1814 г. ему было поручено сопровождать Императрицу Марію-Луизу изъ Бауа въ Рамбулье и самого Наполеона отъ Фонтенбло до гавани на Средиземномъ морѣ, откуда низложенный императоръ отправился на Эльбу.

Графъ П. А. Шуваловъ скончался 1 Декабря 1823 года; онъ былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Петровнѣ Шаховской и имѣлъ 2 сыновей: Андрея (р. 1817 г., † 1876 г.) и Петра (р. 1819 г., † 1900 г.).

По поводу его смерти К. Я. Булгаковъ писалъ брату: „Въ субботу Шуваловъ немного занемогъ, велѣлъ приготовить себѣ ванну и только-что поднялъ ногу, чтобы влѣзть въ нее, повалился и отдалъ Богу душу. Говорятъ, что у него былъ поливъ въ сердцѣ, но конецъ все-таки сдѣлалъ ему ударъ... Его вскрыли и нашли *quelques artères ossifiées*... Онъ былъ добръ, счастливъ, богатъ до чрезвычайности; смерть его всѣхъ поразила и всѣхъ огорчила, особливо бѣдныхъ, коимъ продолжилъ онъ пенсіи Шаховской (бабушка его жены, умершая 29 Октября 1823 г.), многія увеличилъ... Хоронить будутъ въ субботу ровно 6 недѣль послѣ смерти Шаховской. Онъ, бывши у нея на похоронахъ, купилъ себѣ мѣсто“. Вигель оставилъ слѣдующую характеристику Шувалова: „Онъ былъ человекъ добродушный, благородный и храбрый, одинъ изъ любимцевъ Императора и долженъ бы былъ быстрѣе шагать на военномъ поприщѣ, если бы смолodu не имѣлъ несчастной, совсѣмъ не аристократической привычки придерживаться хмѣльнаго“.

(Съ миниатюры, принадлежащей графинѣ С. П. Бенкендорфъ, въ Лондонѣ.)

Le comte PAUL ANDRÉEWITCH SCHOUVALOFF, 1777—1823, fils du comte André Pétrowitch Schouvaloff (1744—1789), collaborateur littéraire de Catherine II et auteur de vers français, et de Catherine Pétrowna, née comtesse Saltykoff (1743—1817), naquit le 21 mai 1777 et reçut une éducation toute française. Enrôlé au service en 1786 cornette à la Garde à cheval, il passa sous-lieutenant en 1793 et fut nommé gentilhomme de la chambre du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch. En 1794, il prit part aux opérations contre les Polonais, et sa bravoure à l'assaut de Praga lui valut St-Georges de 4e classe. En 1799, déjà colonel, il fit avec Souvoroff la campagne d'Italie, se signala à Novi, et reçut une blessure „cruelle“ au passage du St-Gothard: il fut en récompense décoré de Ste-Anne de 2e classe et fait commandeur de Saint-Jean-de-Jérusalem. Mis cependant à la retraite la même année, il ne fut réintégré que sous Alexandre Ier, en 1801, et promu général major. Chef en 1803 du régiment de cuirassiers de Gloukhoff, il fit en 1807 la campagne contre Napoléon, où Troschin et Pultusk lui valurent St-Vladimir de 3e classe et Ste-Anne de 1re classe. Général aide de camp en 1808, il prit l'année suivante une part marquante à la campagne de Suède, entra à Tornéo le 11 mars à la tête du détachement du nord, puis, le 13, enveloppa et contraignit à se rendre les troupes d'Igelström; le 3 mai suivant, vainqueur à Skellefteo, il fit toute l'avant-garde prisonnière, et occupa Uméo le 20. Les Suédois étaient en partie culbutés, en partie réduits à une retraite précipitée. Le général suédois von Döbeln le pria, en raison de la conclusion prochaine de la paix, de mettre fin à l'effusion du sang, et lui proposa la cession de toute la Vestro-Botnie. La convention fut acceptée, mais le commandant en chef Barclay de Tolly ne la ratifia pas: Schouvaloff reçut l'ordre de renouveler les opérations militaires, mais fut bientôt remplacé par le comte Kamensky. La campagne de Suède lui valut le grade de général lieutenant et St-Vladimir de 2e classe. Chargé le 8 décembre 1809 d'une mission spéciale près de l'Empereur François d'Autriche, il resta avec lui jusqu'au 11 mai 1811. Il fit ensuite les guerres de 1813/1814, et se signala à Leipzig, qui lui valut St-Alexandre Newsky. Il accomplit plusieurs missions diplomatiques: chargé après Lutzen de négocier un armistice, ce fut encore lui qui mena les négociations après Brienne et fut envoyé à Napoléon lors de la prise de Paris. Cette même année 1814, il accompagna l'Impératrice Marie-Louise de Blois à Rambouillet et Napoléon lui-même de Fontainebleau à son port d'embarquement pour l'île d'Elbe.

Le comte Schouvaloff mourut le 1er décembre 1823. Il avait épousé la princesse Varvara Pétrowna Schakhowskoï, et eut deux fils, André (1817—1876) et Pierre (1819—1900).

Constantin Boulgakoff écrit à son frère, à l'occasion de sa mort: „Samedi, se sentant indisposé, il s'est fait préparer un bain, et avait à peine levé la jambe pour y entrer, qu'il s'est affaissé et a rendu l'âme à Dieu. On dit qu'il avait un polype au cœur, mais il a tout de même fini par une attaque... A l'autopsie, on a trouvé quelques artères ossifiées... Il était bon, heureux et riche à l'extrême; sa mort a surpris tout le monde, et désolé tout le monde, surtout les pauvres auxquels il continuait les pensions de Mme Schakhowskoï“ (la grand'mère de sa femme, morte le 29 octobre 1825), „dont il avait augmenté quelques-unes... On l'enterre samedi, juste six semaines après la mort de Mme Schakhowskoï, aux funérailles de laquelle il s'était acheté une place“. Et Wiegel dit: „Bon garçon, noble et valeureux, un des favoris de l'Empereur, il aurait fait une carrière militaire plus rapide, sans son malheureux faible, fort peu aristocratique, pour la boisson“.

(D'après une miniature appartenant à la comtesse S. Benkendorf, Londres.)

89

Графъ Павелъ Андреевичъ *Le Comte Paul Andréevitch*
Шуваловъ, *Schouvaloff,*
1777 — 1823 1777 — 1823

90

Пис. Росси, 1826 — Peint par Rossi, 1826

Графиня Варвара Петровна *La Comtesse Varvara Pétrovna*
Шувалова, *Schouvaloff,*
1796 — 1870 1796 — 1870

92

91

Князь Валентинъ Михайловичъ *Le Prince Valentin Mikhaïlowitch*
Шаховской, *Schakbowski,*
1801 — 1850 1801 — 1850

Графъ Гавріиль Карловичъ *Charles de Raimond-Mormoiron,*
де-Реймондъ-Моденъ, *Comte de Modène,*
1774 — 1833 1774 — 1833

Графиня **ВАРВАРА ПЕТРОВНА ШУВАЛОВА**, 1796—1870, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Петра Федоровича Шаховскаго (р. 1773 г., † 1841 г.) отъ перваго брака его съ своей родственницей, княгиней д'Аренбергъ, рожденной княжною Елизаветою Борисовною Шаховскою, родилась 1 Февраля 1796 года; первымъ бракомъ она вышла замужъ въ 1816 году за генераль-лейтенанта графа Павла Андреевича Шувалова (р. 21 Мая 1777 г., † 1823 г.), отъ котораго имѣла двухъ сыновей, графовъ Андрея (р. 12 Марта 1817 г.) и Петра (р. 14 Сентября 1819 г.). Овдовѣвъ въ Декабрѣ 1823 г., она нѣсколько лѣтъ провела за границей, преимущественно въ Швейцаріи, на берегу Женевскаго озера, между Женевой и Лозанной, въ своей виллѣ, которая служила центромъ многочисленной тогда русской колоніи въ Швейцаріи. „Милая эта женщина“, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Д. Н. Свербѣевъ, „чрезвычайно робкая и застѣнчивая, имѣяла себѣ въ общественную обязанность быть для всѣхъ гостепріимной, хотя и видимо тяготилась пріемами у себя два раза въ недѣлю, на обѣдъ и вечеръ, всего русскаго общества, а иногда и французовъ“. Въ это время, т.-е. въ 1826 году, она была уже невѣстою швейцарца изъ Лозанны; Адольфа Полье, получившаго графство отъ французскаго короля, затѣмъ вступившаго въ русское подданство съ именемъ графа Адольфа Александровича Полье и пожалованнаго въ придворную должность церемоніймейстера. Но и второй бракъ ея былъ непродолжителенъ; она снова овдовѣла 10 Марта 1830 г., а въ 1836 г. вышла третьимъ бракомъ за Неаполитанскаго посланника въ Петербургѣ Георгія Вильдинга князя Бутера и дн-Радали, съ которымъ также прожила недолго (онъ умеръ въ 1841 году).

Княгиня Варвара Петровна скончалась 24 Декабря 1870 года.

Приходясь, по матери, внучкою княгини Варвары Александровны Шаховской, рожденной баронессы Строгановой, княгиня Бутера унаслѣдовала значительную часть Строгановскихъ богатствъ и обладала огромнымъ состояніемъ, которое за границею казалось неисчерпаемымъ. Однихъ своихъ собственныхъ у нея было 65.000 десятинъ земли, да въ общемъ владѣніи съ княземъ С. М. Голицынымъ 269.000 десятинъ, а въ общемъ владѣніи съ другими наслѣдниками Строгановыхъ еще 867.000 десятинъ.

Всѣми уважаемая и любимая за ея доброту, широкое гостепріимство и радушіе, княгиня В. П. Бутера охотно помогала тѣмъ, кто обращался къ ней съ просьбою о вспоможеніи. Протоіерей Базаровъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ 1854 г., во время пребыванія ея въ Стутгардѣ, къ ней обращались даже молодые офицеры съ просьбами о пособіи на первоначальное обзаведеніе, и она не отказывала никому, давая имъ по 500 и по 1000 гульденовъ.

(Съ миниатюры Росси, 1826 г., принадлежащей графинѣ Е. В. Шуваловой, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse **VARVARA PÉTROWNA SCHOUVALOFF**, 1796—1870, fille du prince Pierre Féodorowitch Schakhowskoï (1773—1841), conseiller d'état actuel, et de sa première femme, une parente, la princesse d'Arenberg, née princesse Elisabeth Borissowna Schakhowskoï, naquit le 1er février 1796. Elle épousa en premières noces en 1816 le comte Paul Andréewitch Schouvaloff (21 mai 1777—1823), général lieutenant, dont elle eut deux fils, André (né 12 mars 1817) et Pierre (né 14 septembre 1819). Veuve en décembre 1823, elle passa quelques années à l'étranger, en particulier en Suisse, sur les bords du Lac de Genève, entre Genève et Lausanne, où sa villa était le centre de la colonie russe, alors nombreuse en Suisse. „Cette femme charmante“, dit D. Sverbéeff dans ses souvenirs, „d'une réserve, d'une timidité extrêmes, s'était imposé l'obligation mondaine d'être accueillante pour tous; or elle était visiblement excédée de ces dîners et soirées où elle recevait deux fois par semaine toute la société russe, et parfois des français“. Elle était à cette époque, vers 1826, déjà fiancée à un suisse de Lausanne, Adolphe Polier, fait comte par le Roi de France, puis naturalisé russe sous le nom d'Adolphe Alexandrowitch Polier et nommé maître des cérémonies à la Cour. Mais ce second mariage ne fut pas non plus de longue durée: veuve une seconde fois le 10 mars 1830, elle épousa en troisièmes noces en 1836 l'envoyé de Naples à St-Petersbourg, Georges Wilding, prince de Butera et di Radali († 1841), dont elle devait bientôt être encore veuve. Elle mourut le 24 décembre 1870.

Petite-fille par sa mère de la princesse Varvara Alexandrowna Schakhowskoï, née baronne Stroganoff, la princesse Butera fut héritière d'une partie considérable du bien des Stroganoff. Elle possédait une fortune colossale, qui, à l'étranger, paraissait inépuisable: en toute propriété, elle n'avait pas à elle moins de 65.000 hectares de terre, puis indivisément avec le prince S. Golitzyne 269.000 hectares, et avec d'autres Stroganoff encore 867.000 hectares.

Estimée de tous et aimée pour sa bonté, sa large et cordiale hospitalité, elle prêtait volontiers son appui à qui le lui demandait. L'archiprêtre Bazaroff raconte dans ses souvenirs qu'en 1854, comme elle était à Stuttgard, elle fut même sollicitée par deux jeunes officiers gênés pour leurs frais de premier équipement, et qu'elle ne les éconduisit pas, mais leur donna, à l'un 500 et à l'autre 1000 florins.

(D'après une miniature de Rossi, 1826, appartenant à la comtesse E. Schouvaloff, St-Petersbourg.)

Князь ВАЛЕНТИНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ШАХОВСКОЙ, 1801—1850, сынъ бригадира князя Михаила Александровича (р. 1758 г., † 1817 г.) отъ брака съ графиней Елизаветой Сергѣевной Головиной (р. 1769 г., † 1831 г.), крестникъ фельдмаршала графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, родился 9 Сентября 1801 года; учился въ школѣ колонновожатыхъ и въ молодости служилъ въ лѣ.-гв. Конно-егерскомъ полку, затѣмъ состоялъ адъютантомъ при Новороссійскомъ генераль-губернаторѣ графѣ М. С. Воронцовѣ, позднѣе былъ директоромъ Коммерческаго банка и нѣсколько трѣхлѣтій Волоколамскимъ предводителемъ дворянства; дослужился до чина статскаго совѣтника. По выходѣ въ отставку изъ военной службы, князь Шаховской поселился со своей молодой женой, сестрами и племянницами въ своемъ прекрасномъ родовомъ имѣніи Волоколамскаго уѣзда, селѣ Бѣлая Колни, которое сдѣлалось, по свидѣтельству князя А. В. Мещерскаго, „центромъ вѣчнаго движенія, разнообразныхъ удовольствій и неистощимой веселости молодежи“. Въ Бѣлой Колни имѣется акварель, изображающая лѣсную поляну—„Бурое“, на которой стоитъ рядъ палатокъ, шалашей и кибитка. Вся семья князя В. М. Шаховского, „во время сѣнокоса, отправлялась на нѣсколько дней на это мѣсто, въ окрестностяхъ Колни, куда отовсюду скликали косцовъ; здѣсь проживали они недѣлями, принимая даже прїѣзжихъ гостей въ этой походной обстановкѣ. Сюда прїѣзжали повара, здѣсь раскладывались костры, по вечерамъ водились хороводы, распѣвались пѣсни; гости стѣзжались нарочно для того, чтобы принять участіе въ этомъ продолжительномъ и своеобразномъ полеваньѣ“. Старинные помѣщики этой мѣстности, Шаховскіе пользовались расположеніемъ населенія и сосѣдей. „Въ Колни всѣ стѣны пропитаны любовью“, говорили хозяева. Бѣлая Колнь—древняя вотчина Шаховскихъ; домъ съ занушеннымъ паркомъ нолонъ воспоминаній о старинѣ и сохранился въ совершенной неприкосновенности: тамъ цѣлый архивъ, богатая библіотека, старинная типичная мебель. Одно лицо, еще недавно посѣтившее Бѣлую Колнь, такъ, между прочимъ, говоритъ объ этой усадьбѣ: „Витая лѣстница стариннаго образца ведетъ въ прїемную нижняго этажа; тотчасъ при входѣ васъ поражаетъ большой масляный портретъ Муравьева, время его ссылки. Онъ уже въ статскомъ одѣянїи и изображенъ переводящимъ библію. Здѣсь же портреты трехъ императрицъ: Екатерины I, Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны; первые два интересны своимъ самостоятельнымъ типомъ. Въ одномъ изъ шкафовъ рядъ большихъ книгъ въ красныхъ переплетахъ, съ вензелями Ягужинскихъ, перешедшихъ сюда отъ послѣдняго графа Ягужинскаго, свойственника Шаховскихъ. На стѣнѣ рядъ портретовъ, среди которыхъ бросается въ глаза прекрасной кисти изображеніе Николая Николаевича Муравьева (Н. Аргунова, см. Русскіе портреты, т. II, № 144), основателя училища колонновожатыхъ. Онъ окруженъ цѣлымъ рядомъ небольшихъ масляныхъ портретовъ, все воспитанниковъ его, колонновожатыхъ; это рѣдчайшее собраніе, должно-быть, единственное; любопытенъ старый видъ села Осташева“ (тамъ была „Школа колонновожатыхъ“). „Особенно поразилъ меня бережно сохранявшійся портретъ Андрея Николаевича Муравьева, въ черкесскомъ бешметѣ. Это акварель работы М. Ю. Лермонтова. Врядъ ли кому извѣстно объ этомъ произведеніи поэта!“

Вигель, знавшій Шаховского по Одессѣ, оставилъ въ своихъ Запискахъ слѣдующую его характеристику: „Добрѣйшій, благороднѣйшій малый, весьма красивый собой; жаль, что остальное тому не отвѣчало. Разсудокъ не допустилъ бы его до тѣсныхъ связей съ людьми, коихъ мнѣній, кажется, онъ совсѣмъ не раздѣлялъ. А внослѣдствіи если сіе не погубило его, то много повредило его службѣ“.

Князь В. М. Шаховской скончался въ Берлинѣ 12 Іюня 1850 г. и погребенъ въ Москвѣ, въ Симоновомъ монастырѣ. Онъ былъ женатъ дважды: на Екатеринѣ Александровнѣ Мухановой (р. 8 Января 1803 г., † 23 Октября 1836 г.), и съ 9 Января 1839 г. на графинѣ Софіи Гавриловнѣ Реймондъ-де-Модень (р. 30 Марта 1804 г., † 15 Апрѣля 1884 г.). Отъ перваго брака у него были: дочь Наталія и 2 сына: Александръ (р. 1831 г., † 7 Іюля 1906 г.), гофмейстеръ, и Михаилъ (р. 1836 г., † 1892 г.), генераль-лейтенантъ, почетный опекунъ, по браку съ Е. О. Бревернъ, наслѣдницей Глѣбовыхъ-Стрешневыхъ, получившій фамилію князя Шаховскаго-Глѣбова-Стрешнева; отъ второго брака онъ имѣлъ одного сына Гавріила (р. 28 Апрѣля 1842 г., † 29 Августа 1864 г.). Князь В. М. Шаховской погребенъ въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ отцомъ, матерью и братьями.

(Съ миниатюры изъ собранія князя А. В. Шаховского, с. Бѣлая Колнь, Московской губ.)

Le prince VALENTIN MIKHAÏLOWITCH SCHAKHOWSKOÏ, 1801—1850, fils du prince Michel Alexandrowitch Schakhowskoï (1758—1817), brigadier, et d'Elisabeth Serguéewna, née comtesse Golovine (1769—1831), et filleul du feld-maréchal comte Valentin Platonowitch Moussine-Pouchkine, naquit le 9 septembre 1801. Il fut élève de l'Ecole des Guides, et servit dans sa jeunesse au régiment des chasseurs à cheval de la Garde, puis fut aide de camp du comte M. Worontzoff, général gouverneur de la Nouvelle-Russie, devint directeur de la Banque de Commerce et resta plusieurs triennats maréchal de la Noblesse de Volokolamsk; il parvint au rang de conseiller d'état. En quittant le service militaire, il se fixa avec sa jeune femme, ses sœurs et ses nièces dans son magnifique domaine familial du district de Volokolamsk, Bélaïa Kolp, qui devint, dit le prince A. Mechtchersky, „le centre d'un mouvement continu, de plaisirs variés et d'une perpétuelle animation de jeunesse“. On y conserve une aquarelle représentant la clairière Bouroïé, avec une série de tentes et de huttes et une charrette. Toute la famille „venait, aux foins, passer quelques jours là, aux environs de Bélaïa Kolp, et on appelait de partout les faucheurs; on y passait des semaines, recevant même dans ce campement. On faisait venir des cuisiniers, on allumait des feux de bois, et le soir, c'étaient des rondes et des chants. Il venait même des invités exprès pour faire un séjour dans cette originale et champêtre installation“. Les Schakhowskoï, de longue date seigneurs de l'endroit, jouissaient de la sympathie des paysans et des voisins: „A Kolp“, disaient-ils, „les murailles sont imprégnées d'amour“. Bélaïa Kolp est le vieux domaine patrimonial des Schakhowskoï; la maison, avec son parc à l'abandon, remplie de souvenirs du vieux temps, s'est conservée absolument intacte: toute une archive, une riche bibliothèque, d'antiques meubles à caractère. Un visiteur qui y passa tout dernièrement décrit ainsi ce manoir: „Un escalier en colimaçon à la vieille mode mène à la salle d'attente du premier: dès l'entrée, on est frappé par un grand portrait à l'huile de Mouravieff, du temps de son exil: en civil, il travaille à une traduction de la Bible. Il y a aussi là les portraits de trois impératrices, Catherine Ire, Anne Ioannowna et Elisabeth Pétrowna, les deux premiers particuliers comme type. Dans une vitrine, une rangée de gros volumes reliés en rouge, avec le chiffre des Yagoujinsky, venus là par le dernier comte du nom, parent des Schakhowskoï. Au mur, une galerie de portraits, où l'œil s'arrête sur la facture magnifique d'un Nicolas Nikolaewitch Mouravieff (par N. Argounoff, v. Portraits Russes, T. II, N° 144), le fondateur de l'Ecole des Guides; il est entouré de toute une série de petits portraits à l'huile de ses élèves les Guides: rarissime collection, peut-être unique. Curieuse aussi, une vieille vue du bourg d'Ostachevo“ (où était l'Ecole des Guides). „J'ai été particulièrement frappé d'un portrait bien conservé d'André Mouravieff en camisole tcherkesse: c'est une aquarelle de Lermontoff. Personne ne se doute guère de cette œuvre du poète!“

Wiegel, qui connut Schakhowskoï à Odessa, donne de lui la caractéristique suivante: „Excellent garçon et noble cœur, fort bien de sa personne! C'est dommage, mais le reste n'était pas à l'avenant: sinon, il aurait eu le bon sens de ne pas se lier intimement avec des gens dont les opinions n'étaient pas du tout les siennes: or, dans la suite, si sa carrière n'en fut pas compromise, elle s'en trouva fort mal“.

Le prince Schakhowskoï mourut à Berlin le 12 juin 1850, et fut inhumé à Moscou, au monastère Simonoff, près de son père, de sa mère et de ses frères. Il fut marié deux fois, à Catherine Alexandrowna Moukhanoff (8 janvier 1803—23 octobre 1836), et, le 9 janvier 1839, à la comtesse Sophie Gavrilowna Raimond de Modène (30 mars 1804—15 avril 1884). Il eut de son premier mariage une fille, Natalie, et deux fils, Alexandre (1831—7 juillet 1906), maître de la Cour, et Michel (1836—1892), général lieutenant, curateur honoraire, devenu par son mariage avec Mlle C. Brevern, héritière des Gléboff-Strechneff, prince Schakhowskoï-Gléboff-Strechneff, et de son second mariage un fils, Gabriel (28 avril 1842—29 août 1864.)

(D'après une miniature de la collection du prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

Графъ ГАВРИЛЪ КАРЛОВИЧЪ (Карль-Людвигъ-Францискъ) МОДЕНЪ (de Raimond-Mormoiron, comte de Modène), 1774—1833, потомокъ древняго французскаго рода, восходящаго до 1090 г., сынъ Франциска-Карла де-Реймондъ, графа де-Модень, французскаго посланника въ Ниже-Саксонскомъ округѣ и въ Швеціи, камергера графа Прованскаго и управляющаго Люксембургскимъ дворцомъ въ Парижѣ, родился 17 Октября 1774 г.; поступивъ на русскую военную службу въ 1793 г., онъ состоялъ при графѣ Валерианѣ Зубовѣ и участвовалъ въ Персидскомъ походѣ, въ 1798 г. былъ адъютантомъ графа И. П. Салтыкова и въ этомъ году, въ чинѣ майора, получилъ отъ Императора Павла русское дворянское достоинство.

Служба графа Модена протекла главнымъ образомъ при дворѣ. Въ коронацію Александра I былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ, а съ 1817 г. былъ гофмейстеромъ при дворѣ Великаго Князя Николая Павловича. Онъ достигъ званія оберъ-егермейстера (22 Августа 1826 г.), состоялъ при Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ, завѣдывалъ Анничковымъ дворцомъ и Собственной Его Величества конторой и пользовался особеннымъ расположеніемъ Николая I и всей Царской семьи. Скончался Модень 11 Мая 1833 года. Подробности о его смерти находимъ въ письмѣ А. Я. Булгакова къ дочерн: „Les détails de la mort de Modène sont touchants. Il est mort avec fermeté, en chrétien. Il a dit: Si j'ai eu le malheur d'avoir des ennemis, soit que je l'aie mérité ou non, je leur pardonne et leur demande pardon aussi. Toute la famille impériale a été lui dire adieu, même l'Héritier, auquel il a donné de bons avis, usant des droits de tout homme sur le point de comparaître devant Dieu. Il dit à l'Empereur: Après ma mort, veuillez, Sire, recevoir une lettre que ma fille est chargée de vous remettre. On suppose que cela regarde André Pachkoff (зять Модена). Quand l'Empereur vint la dernière fois, Modène était mourant, ses yeux se fixaient tour à tour sur l'Empereur et Pachkoff avec un mouvement de tête, mais il ne pouvait plus parler. Cet ange de Nicolas comprit ce que cela voulait dire; il daigna prendre la main de Pachkoff et la secoua plusieurs fois devant le mourant. Modène a fait venir tout le monde, même le chauffeur des poêles qui se jeta aux pieds de son lit, lui baisant la main et lui disant adieu“. Въ письмѣ къ брату тотъ же Булгаковъ по поводу смерти Модена дѣлаетъ такую его характеристику: „Итакъ, бѣдный Модень кончилъ свои страданія. Былъ очень привыченъ и способенъ къ своему мѣсту. Трудно будетъ его замѣнить. Славныя имѣлъ formes и истинный courtisan. Здѣсь всѣ о немъ сожальють и говорятъ, что честолюбіе укоротило жизнь его“.

Графъ Модень былъ женатъ на Елизаветѣ Николаевнѣ Салтыковой (р. 1773 г., † 8 Марта 1852 г.) и имѣлъ 4 дочерей: Аделанду (р. 1803 г., † 1844 г.), за егермейстеромъ Андреемъ Ивановичемъ Пашковымъ (р. 1792 г., † 1850 г.); Софію (р. 1804 г., † 1884 г.), за княземъ В. М. Шаховскимъ; Александру (р. 1807 г., † 1839 г.), за графомъ Н. Д. Зубовымъ (р. 1801 г., † 1871 г.), и Марію, за генераль-майоромъ Іосифомъ Францевичемъ Дайнзе.

(Съ мнiатюры изъ собранія князя А. В. Шаховскаго; с. Бѣлая Колы, Московской губ.)

Le comte Charles-Louis-François de RAIMOND-MORMOIRON, comte de MODÈNE, 1774—1833, descendant d'une vieille famille française remontant à 1090, fils de François-Charles de Raimond, comte de Modène, ministre de France en Basse-Saxe et en Suède, chambellan du comte de Provence et intendant du Palais du Luxembourg, à Paris, naquit le 17 octobre 1774. Entré au service militaire en Russie en 1793, il fut attaché au comte Valérien Zouboff et fit la campagne de Perse, fut en 1798 aide de camp du comte I. Saltykoff, et la même année, ayant le grade de major, reçut de Paul Ier la noblesse russe.

Sa carrière s'écoula presque toute à la Cour. Fait gentilhomme de la chambre au couronnement d'Alexandre Ier, il devint en 1817 maître de la Cour du Grand-Duc Nicolas Pavlowitch. Il parvint à la dignité de grand veneur (22 août 1826), fut attaché à l'Impératrice Alexandra Féodorowna, et, intendant du Palais Anitchkoff et du Bureau Personnel de Sa Majesté, jouit de la bienveillance particulière de Nicolas Ier et de toute la famille impériale. Il mourut le 11 mai 1833. On lit dans une lettre d'Alexandre Boulgakoff à sa fille: „Les détails de la mort de Modène sont touchants. Il est mort avec fermeté, en chrétien. Il a dit: „Si j'ai eu le malheur d'avoir des ennemis, soit que je l'aie mérité ou non, je leur pardonne et leur demande pardon aussi“. Toute la famille impériale a été lui dire adieu, même l'Héritier, auquel il a donné de bons avis, usant des droits de tout homme qui va comparaître devant Dieu. Il a dit à l'Empereur: „Après ma mort, veuillez, Sire, recevoir une lettre que ma fille est chargée de vous remettre“. On suppose que cela regarde André Pachkoff“ (gendre de Modène). „Quand l'Empereur vint la dernière fois, Modène était mourant, ses yeux se fixaient tour à tour sur l'Empereur et Pachkoff avec un mouvement de tête, mais il ne pouvait plus parler. Cet ange de Nicolas comprit ce que cela voulait dire; il daigna prendre la main de Pachkoff et la secoua plusieurs fois devant le mourant. Modène a fait venir tout le monde, même le chauffeur des poêles qui se jeta aux pieds de son lit, lui baisant la main et lui disant adieu“. Dans une lettre à son frère, le même Boulgakoff, à propos de la mort de Modène, fait de lui la caractéristique suivante: „Ainsi ce pauvre Modène a terminé ses souffrances. Il était fort bien et fort entendu à sa place. Il sera difficile à remplacer. Il avait des formes exquises, un vrai courtisan. Ici chacun le regrette et dit que c'est l'ambition qui a abrégé sa vie“.

Le comte de Modène avait épousé Elisabeth Nikolaewna Saltykoff (1773—8 mars 1852) et eut quatre filles, Adélaïde (1803—1844), mariée au grand veneur André Ivanowitch Pachkoff (1792—1850), Sophie (1804—1884) au prince B. Schakhowskoï, Alexandrine (1807—1839) au comte N. Zouboff (1801—1871), et Marie au général major Joseph Frantzewitch Dainese.

(D'après une miniature de la collection du prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

Графиня АННА ПАВЛОВНА КАМЕНСКАЯ, 1749 — 1826, дочь подполковника князя Павла Николаевича Щербатова, женатого на княжне Марии Федоровне Голицыной, родилась 26 Сентября 1749 года. Въ замужство съ Михаиломъ Федотовичемъ Каменскимъ (р. 1738 г., † 1809 г.), впоследствии графомъ, вступила 5 Апрѣля 1771 года. По свидѣтельству знавшихъ ее, „она была одною изъ первыхъ красавицъ своего времени, благородная душой, добрая сердцемъ, мягкая нравомъ“. Въ замужствѣ она была несчастлива и очень страдала отъ крутого, деспотичнаго характера мужа, не скрывавшаго отъ нея своей связи съ совершенно простой женщиной, ради которой онъ постоянно ее покидалъ. Будучи глубоко религіозна и крайне строгой нравственности, она терпѣливо переносила свою судьбу до смерти мужа, убитаго за жестокое обращеніе съ крѣпостными крестьянами. Послѣ смерти его она проживала то въ Орлѣ, у своего старшаго сына Сергѣя, то въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, противъ Петровскаго монастыря, представлявшемъ изъ себя типъ Московскаго барскаго дома старыхъ временъ, переполненнаго всякаго рода приживалками, калмычками, плѣнными турчанками, карлицами и шутихами (позднѣе она жила на Смоленскомъ бульварѣ, гдѣ теперь Земледѣльческое училище, рядомъ съ домикомъ Блудовой, съ которой была очень дружна). Имѣя одну дочь, Марію, бывшую въ замужствѣ за Г. П. Ржевскимъ, и двухъ сыновей, она всю силу своей привязанности сосредоточила на старшемъ изъ нихъ, графѣ Сергѣѣ Михайловичѣ. Блестящую карьеру своего младшаго сына, графа Николая Михайловича, скончавшагося въ званіи главнокомандующаго Дунайскою арміею, 35-и лѣтъ отъ роду, въ 1811 г., она считала несправедливостью судьбы къ своему любимцу и уговорила даже главнокомандующаго дать случай отличиться и старшему брату. Этотъ случай и былъ данъ ему при осадѣ Рушукъ, съ весьма плачевнымъ, однако, результатомъ.

Пожалованная на коронацію Павла I, при возведеніи ея мужа въ графское достоинство, одновременно статсъ-дамскимъ портретомъ и орденомъ св. Екатерины меньшаго креста, графиня Каменская пользовалась большимъ уваженіемъ при Дворѣ. Послѣ смерти ея младшаго сына, Императоръ Александръ I посѣтилъ ее, чтобы выразить ей свое соболѣзнованіе. „Государь“, сказала она ему, „у Васъ остался старшій его братъ“. Не любившій графа С. М. Каменскаго, Императоръ поднялся и уѣхалъ, не простившись. При мягкомъ своемъ характерѣ, графиня Каменская умѣла соблюдать чувство собственного достоинства, примѣромъ чему служить происшедшій съ нею случай въ Костромѣ, куда она уѣхала отъ французовъ въ 1812 г.; „пріѣхавъ въ праздничный день въ соборъ къ обѣднѣ, Каменская встала невзначай на мѣсто, обыкновенно занимаемое губернаторшей, и когда послѣдняя заявила свои права на него, графиня раскрыла свою шаль и, показавъ прикрѣпленный къ груди ея статсъ-дамскій портретъ, спокойно отвѣтила: „Не беспокойте меня, а мужа Вашего спросите, какъ онъ смѣлъ ко мнѣ не явиться“. Но въ самомъ концѣ жизни графиню Каменскую постигла опала при Дворѣ. Она подверглась гнѣву Императора Николая Павловича за то, что крестьяне ея взбунтовались, выведенные изъ себя строгостью управляющаго. Она была обойдена полученіемъ на коронацію Императора въ Августѣ 1826 г. ордена св. Екатерины I кл., и, какъ говорили, ей былъ воспрещенъ вѣздъ ко Двору. Это такъ сильно на нее подѣйствовало, что 16 Ноября 1826 года она скончалась скоропостижно отъ удара, 77-и лѣтъ отъ роду; погребена въ Московскомъ Новодевичьемъ монастырѣ.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

La comtesse ANNE PAVLOWNA KAMENSKY, 1749 — 1826, fille du prince Paul Nikolaewitch Chtcherbatoff, lieutenant-colonel, et de la princesse Marie Féodorowna, née Golitzyne, naquit le 26 septembre 1749, et épousa le 5 avril 1771 Michel Fédotowitch Kamensky (1738 — 1809), dans la suite comte. Les contemporains qui la connaissaient la représentent comme „une des plus jolies femmes du temps, âme noble, cœur bon, caractère doux“. Elle fut très malheureuse en ménage: victime d'un mari brutal et despotique, qui ne lui cachait pas sa liaison avec une femme de basse condition, pour laquelle il la quittait constamment, mais aussi profondément religieuse et d'une extrême rigueur de principes, elle supporta tout avec résignation jusqu'à la mort de ce mari, tué par ses serfs révoltés de ses cruautés. Elle vécut dès lors, tantôt à Orel, chez son fils aîné Serge, tantôt à Moscou, dans sa maison située vis-à-vis du monastère Pétrowsky et type de la maison seigneuriale moscovite du temps jadis, encombrée de toute espèce de parasites, de Kalmoucks, de prisonnières turques, de naines et de bouffonnes: elle habita ensuite, Boulevard de la Passion, sur l'emplacement actuel de l'Ecole d'Agriculture, une maison contiguë à celle de Mme Bloudoff, avec qui elle était très liée. Elle avait une fille Marie, mariée à G. Rjewsky, et deux fils, à l'aîné desquels, Serge, elle réserva toute sa tendresse. La brillante carrière du cadet, Nicolas, mort commandant en chef de l'armée du Danube en 1811, à l'âge de 35 ans, lui paraissait une injustice du sort à l'égard de son préféré, auquel elle persuada même le commandant en chef de fournir aussi l'occasion de se distinguer: cette occasion lui fut donnée au siège de Rouchtchouk, mais le résultat fut lamentable.

Faite au couronnement de Paul Ier, en même temps que son mari était élevé à la dignité de comte, à la fois dame d'honneur et dame de Ste-Catherine, la comtesse Kamensky était en grande estime à la Cour. A la mort de son fils cadet, l'Empereur Alexandre Ier vint lui faire une visite de condoléances: „Sire“, lui dit-elle, „Vous gardez l'aîné!“ L'Empereur, qui n'aimait pas le comte Serge Kamensky, se leva et partit sans prendre congé. Malgré sa douceur de caractère, elle savait faire valoir le sentiment de sa dignité personnelle, comme en témoigne l'incident de Kostroma, où elle s'était, en 1812, mise à l'abri de l'invasion: un jour de fête, à la messe, comme elle avait pris par mégarde à la cathédrale la place de la femme du gouverneur, et que celle-ci venait la réclamer, elle ouvrit son châle, et, montrant le portrait de dame d'honneur fixé sur sa poitrine, répondit tranquillement: „Ne me dérangez pas, et allez demander à votre mari comment il s'est permis de ne pas me rendre visite“. Mais au déclin même de ses jours, elle tomba en disgrâce à la Cour: elle avait encouru le courroux de l'Empereur Nicolas à la suite d'une révolte de ses paysans, exaspérés par la rigueur de son intendant. Au couronnement, en août 1826, elle n'eut pas Ste-Catherine de 1re classe, et on prétend qu'elle reçut l'ordre de ne plus venir à la Cour. Elle en fut affectée à tel point qu'elle mourut d'une attaque d'apoplexie le 16 novembre 1826, à l'âge de 77 ans; elle fut inhumée à Moscou, au monastère Novodévitchi.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

83

JOHN W. BROWN, Esq. — Corresponding Secretary
 Boston, 1797-1801

84

JOHN W. BROWN, Esq. — Corresponding Secretary
 Boston, 1797-1801

85

JOHN W. BROWN, Esq. — Corresponding Secretary
 Boston, 1797-1801

86

JOHN W. BROWN, Esq. — Corresponding Secretary
 Boston, 1797-1801

93

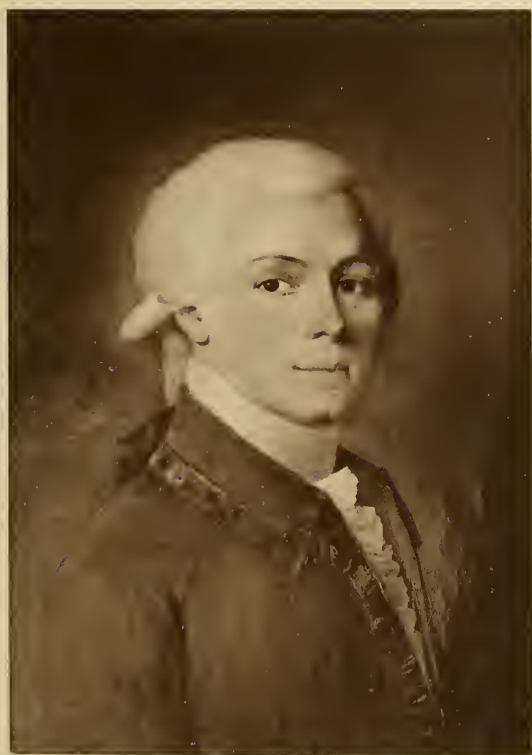
*Графиня Анна Павловна La Comtesse Anne Pavlovna
Каменская, Kamensky,
1749 — 1826 1749 — 1826*

94

*Графъ Михаилъ Федотовичъ Le Comte Michel Fédotowitch
Каменскій, Kamensky,
1738 — 1809 1738 — 1809*

95

*Графъ Сергій Михайловичъ Le Comte Serge Mikhaïlowitch
Каменскій, Kamensky,
1772 — 1834 1772 — 1834*

96

*Графъ Сергій Михайловичъ Le Comte Serge Mikhaïlowitch
Каменскій, Kamensky,
1772 — 1834 1772 — 1834*

Графъ МИХАИЛЪ ѲЕДОТОВИЧЪ КАМЕНСКІЙ, 1738—1809, сынъ генераль-майора Ѳедота Михайловича (р. 1696 г., † 1755 г.) отъ брака съ Анной Алексѣвной Зыбиной, родился 8 Мая 1738 г.; учился въ Кадетскомъ корпусѣ и въ 1756 г. выпущенъ поручикомъ въ Канцелярію Строеній, откуда переведенъ въ артиллерію. Съ 1757 по 1759 г. онъ служилъ волонтеромъ во Французской арміи, а по возвращеніи въ Россію назначенъ въ Московскую артиллерійскую команду; въ 1761 г. участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и въ 1762 г. переведенъ въ пѣхоту. Въ 1765 г. Каменскій былъ посланъ въ Бреславль для ознакомленія съ системой обученія Прусскихъ войскъ и былъ замѣченъ Фридрихомъ II. Онъ составилъ и поднесъ Цесаревичу описаніе Прусскаго лагеря и обнаружилъ здѣсь безусловное преклоненіе передъ Прусской военной системой. Уже въ чинѣ генераль-майора Каменскій показалъ свои военныя дарованія во время Первой Турецкой войны и былъ награжденъ орденами свв. Анны, Георгія 2 и 3 кл. и Александра Невского, и чиномъ генераль-поручика. Въ 1779 г., во время войны за Баварское наслѣдство, состоялъ при Прусской арміи. Съ 1783 по 1785 г. управлялъ Рязанскимъ и Тамбовскимъ намѣстничествами, въ 1788 г. участвовалъ во Второй Турецкой войнѣ и награжденъ орденомъ св. Владиміра 1 ст., но, не получивъ, вслѣдствіе нерасположенія Потемкина, никакого назначенія, оставилъ армію. Впрочемъ, и Екатерина II находила, что Каменскій ни къ чему не годенъ, и называла его „un personnage le plus ennuyant du monde“. Наконецъ, Потемкинъ въ 1791 г. взялъ его опять къ себѣ, „дабы не говорили, что вытѣсняеть репутацію имѣющаго“. По смерти Потемкина Каменскій, какъ старшій генераль-аншефъ, принялъ командованіе арміей, но въ то же время Каховскій предъявилъ свои права на основаніи записки Потемкина. Армія получила двоихъ командующихъ, отдававшихъ противорѣчивыя приказанія. Каменскій возбудилъ сильнѣйшее негодованіе Екатерины II, былъ отозванъ и послѣдніе годы ея царствованія провелъ въ отставкѣ. Павелъ I назначилъ Каменскаго начальникомъ Финляндской дивизіи и пожаловалъ ему Андреевскую ленту, чинъ фельдмаршала и титулъ графа, но послѣдніе годы его царствованія Каменскій опять былъ въ опалѣ. Александръ I назначилъ его главнокомандующимъ въ Петербургѣ, но въ 1802 г. онъ былъ уволенъ за дикія проявленія своего дерзкаго, жестокаго и необузданнаго характера. Каменскій прожилъ въ деревнѣ до 1806 г., когда былъ поставленъ во главѣ арміи, дѣйствовавшей противъ Наполеона: общій голосъ высказался за него, какъ въ 1812 г. за Кутузова. Державинъ пріѣхъствовалъ его одой, въ которой назвалъ его „оставшимъ мечомъ Екатерины, булатомъ, обдержаннымъ въ бояхъ“. Каменскій не оправдалъ надеждъ; по выраженію Вигеля, „послѣдній мечъ Екатерины слишкомъ долго лежалъ въ ножнахъ и отъ того позаржавѣлъ“. Большой старикъ самъ чувствовалъ свою неспособность, но не имѣлъ мужества отказаться рѣшительно. Увидѣвъ печальное состояніе арміи, онъ совсѣмъ растерялся, отдалъ приказъ объ отступленіи и, сдавъ командованіе старшему, бѣжалъ отъ арміи черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ. Послѣдніе годы Каменскій прожилъ въ своемъ Орловскомъ имѣніи с. Сабуровѣ, гдѣ 12 Августа 1809 г. былъ убитъ своимъ крѣпостнымъ мальчикомъ-казачкомъ, братомъ его любовницы. Погребенъ онъ въ церкви того же села.

„Остроумный живчикъ невысокаго роста“, по выраженію Вигеля, Каменскій отличался храбростью, энергіей, рѣшительностью и самообладаніемъ, считался хорошимъ тактикомъ, но онъ могъ быть только прекраснымъ исполнителемъ, а не самостоятельнымъ начальникомъ. Среди русскихъ генераловъ онъ выдавался своимъ образованіемъ и обширными познаніями, въ особенности по математикѣ, любилъ литературу (имѣ издавна „Душенька“ Богдановича) и самъ писалъ стихи. Характеръ Каменскаго былъ необузданный. Его горячность и злоба доходили до крайнихъ предѣловъ, съ крестьянами и дворовыми онъ обращался жестоко и подвергалъ тѣлесному наказанію даже взрослого сына-офицера. Съ женой онъ жилъ и обращался дурно, имѣя на ея глазахъ любовницъ. Московскій его домъ на Смоленскомъ бульварѣ (теперь Земледѣльческая школа) поражалъ соединеніемъ азіатской роскоши съ европейской утонченностью и русской распущенностью. Отъ брака съ княжной Анной Павловной Щербатовой Каменскій имѣлъ дочь Марію и сыновей Сергѣя и Николая; „воспитанникъ“ его, Петръ Михайловичъ „Менкаскій“, за заслуги фельдмаршала получилъ потомъ фамилію Каменскаго.

(Съ миниатюры, принадлежащей Велпкому Князю Николаю Михайловичу.)

Le comte MICHEL FÉDOTOWITCH KAMENSKY, 1738—1809, fils du général major Fédote Mikhaïlowitch Kamensky (1696—1755) et d'Anne Alexéewna, née Zybine, naquit le 8 mai 1738. Il fit ses études au Corps des Cadets, et en sortit en 1756 lieutenant à la Chancellerie des Bâtiments, d'où il permuta dans l'artillerie. Volontaire de 1757 à 1759 dans l'armée française, il fut, à son retour en Russie, affecté à l'artillerie de Moscou. Il fit en 1761 la Guerre de Sept-Ans, et passa l'année suivante dans l'infanterie. Envoyé en 1765 à Breslau pour étudier le système d'instruction des troupes prussiennes, il s'y fit remarquer de Frédéric II, et en rapporta une description du camp prussien qu'il présenta au Césarewitch, et où il se prononçait nettement en faveur du système prussien. Il n'était que général major quand il déploya ses talents militaires à la première guerre de Turquie, où il gagna Ste-Anne, St-Georges de 2e et de 3e classes, St-Alexandre Newsky et le grade de général lieutenant. En 1779, lors de la guerre de la succession de Bavière, il fut attaché à l'armée prussienne, puis, de 1783 à 1785, administra les lieutenances de Riazan et de Tamboff. Il fit ensuite en 1788 la seconde campagne de Turquie, qui lui valut St-Vladimir de 1re classe, mais, n'ayant obtenu, en raison de la malveillance de Potemkine, aucune nomination, il quitta l'armée; d'ailleurs Catherine II, elle aussi, trouvait qu'il n'était bon à rien et l'appelait „un personnage le plus ennuyant du monde“. Il finit pourtant, en 1791, par rentrer en grâce près de Potemkine, qui „ne voulait pas être accusé d'évincer une réputation acquise“, et à la mort duquel il prit le commandement en sa qualité de plus ancien général en chef: mais Kakhowsky faisait en même temps valoir des droits fondés sur une note de Potemkine, et l'armée se trouva avoir deux commandants, dont les ordres se contrariaient. Catherine II, furieuse contre Kamensky, le rappela, et il passa dans la retraite les dernières années du règne. Paul Ier lui donna le commandement de la division de Finlande et le cordon de St-André, le titre de feld-maréchal et la dignité de comte, mais il retomba dans la disgrâce vers la fin du règne. Nommé par Alexandre Ier commandant en chef à St-Pétersbourg, il se fit destituer en 1802 par son caractère violent, cruel et intraitable. Il se retira dans ses terres, d'où il ne sortit qu'en 1806 pour prendre le commandement de l'armée envoyée contre Napoléon: il avait pour lui l'opinion publique, comme Koutouzoff l'eut en 1812; Derjavine lui dédia une ode où il l'appelait „Dernier glaive de Catherine, Acier trempé dans les combats“. Mais les espérances se trouvèrent déçues: „Le dernier glaive de Catherine“, dit Wiegel, „resté trop longtemps au fourreau, était quelque peu rouillé“. Vieux et malade, sentant lui-même son impuissance, il n'eut pas le courage de refuser net, mais, en présence du lamentable état de l'armée, il perdit complètement la tête, donna le signal de la retraite, remit le commandement au plus ancien, et, quelques jours après son arrivée, quitta précipitamment l'armée. Il passa ses dernières années dans sa propriété des environs d'Orel, au bourg de Sabouroff, où il fut tué le 12 août 1809 par un petit serf cosaque, frère de sa maîtresse; il fut inhumé dans l'église du bourg.

„Spirituel et exubérant petit homme“, comme dit Wiegel, brave, énergique, résolu et maître de lui-même, Kamensky passait pour un bon tacticien, mais ne put se signaler que comme sous-ordre, sans initiative générale. Il brillait entre tous les généraux russes par son instruction et l'étendue de ses connaissances, surtout en mathématiques; amateur de littérature (ce fut lui qui publia la *Douchenka* de Bogdanowitch), il composa lui-même des vers. Il avait un caractère intraitable: d'une méchanceté et d'un emportement inouïs, il traitait ses paysans et ses gens avec cruauté, et infligea même un châtiment corporel à un de ses fils adulte et officier. Sans égards ni respect pour sa femme, il avait des maîtresses sous ses yeux. Sa maison du Boulevard de Smolensk à Moscou (aujourd'hui l'Ecole d'Agriculture) était un étonnant composé de luxe asiatique, de raffinement européen et de laisser-aller russe.

Le comte Kamensky eut de son mariage avec la princesse Anne Pavlowna Chtcherbatoff une fille Marie et deux fils, Serge et Nicolas; ses services valurent plus tard à son „pupille“, Pierre Mikhaïlowitch „Menkasky“, le nom de Kamensky.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАМЕНСКІЙ, 1772—1834, старшій сынъ графа Михаила Ѳедотовича отъ брака съ княжною Анной Павловной Щербатовой, родился 3 Юня 1772 г.; 2-хъ лѣтъ онъ уже числился корнетомъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, въ 1777 г. былъ прапорщикомъ гвардіи, въ 1787 г.—подпоручикомъ, а 1 Января 1789 г. произведенъ уже въ поручики Преображенскаго полка, послѣ чего, не имѣя еще полныхъ 17 лѣтъ, 5 Марта 1789 г., былъ выпущенъ въ Екатеринославскій гренадерскій полкъ подполковникомъ, откуда чрезъ мѣсяць перешелъ въ Московскій гренадерскій, а въ 1794 г. назначенъ командиромъ 3 батальона Екатеринославскаго егерскаго корпуса; черезъ два года, 27 Декабря 1796 г., переведенъ въ Рязанскій пѣхотный полкъ, а 1 Января 1797 г. произведенъ въ полковники.

За это время Каменскій неоднократно уже бывалъ въ разныхъ походахъ: въ 1789 г. онъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ, въ слѣдующемъ году—въ Шведской, въ 1791 г.—въ знаменитомъ сраженіи при Мачинѣ; годы 1792—1795 С. Каменскій провелъ въ Польшѣ и, кромѣ участія въ плѣненіи Костюшки при Маціовцахъ и во многихъ мелкихъ дѣлахъ, былъ раненъ на штурмѣ Праги. Въ 1798 г., 14 Марта, графъ Каменскій былъ произведенъ въ генераль-майоры, съ назначеніемъ шефомъ сначала Полоцкаго мушкетерскаго, а затѣмъ (съ 19 Августа 1801 г.) Фанагорійскаго гренадерскаго полка. Въ 1805 г. участвовалъ въ сраженіи при Аустерлицѣ и въ походѣ въ Галицію, при чемъ 15 Юня 1806 г. произведенъ въ генераль-лейтенанты. Съ Ноября этого же года и до конца 1810 г. находился въ Молдавской арміи, при чемъ подъ конецъ состоялъ подъ командой младшаго своего брата, даровитаго графа Н. М. Каменскаго, съ которымъ всегда былъ въ дурныхъ отношеніяхъ. Тутъ онъ участвовалъ во взятіи штурмомъ Базарджика и прославился неудачей при штурмѣ Рушука; 14 Юня 1810 г. С. М. Каменскій былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и въ 1812 г. командовалъ корпусомъ въ 3-й Западной арміи, при чемъ участвовалъ во взятіи Кобрина и въ сраженіи при Городечнѣ. Съ 19 Октября 1812 г. получалъ безсрочный отпускъ „для излѣченія болѣзни“, а 6 Марта 1822 г. былъ уволенъ отъ службы. Кромѣ Александровской звѣзды и Анны 1-й ст., Каменскій имѣлъ ордена св. Георгія 2 кл. (21 Ноября 1810 г.) и 4 кл. (1 Января 1795 г.), а также 2 золотые креста: за штурмъ Праги и взятіе Базарджика.

Любимецъ матерн, послѣ убійства отца и преждевременной кончины младшаго брата, онъ наследовалъ большое состояніе (въ 1816 г. за нимъ числилось въ Орловской, Нижегородской, Владимірской и Курской губерніяхъ 6000 душъ), которое все прожилъ и къ концу жизни нуждался, такъ что въ 1828 г., по случаю „стѣсненныхъ“ дѣлъ, просилъ себѣ „калѣкѣ, инвалиду, безъ ногъ почти, драбанту на ратномъ полѣ“, чрезъ А. И. Чернышева пенсію, но послѣдній 22 Ноября 1822 г. отвѣтилъ Каменскому, что онъ не рѣшается представить его просьбу Государю, такъ какъ „пенсіоны испрашиваются при самомъ увольненіи отъ службы, Ваше же Сіятельство о назначеніи Вамъ пенсіона просить тогда не позволилъ“.

Графъ С. М. Каменскій умеръ 8 Декабря 1834 г. и похороненъ въ Московскомъ Новодевичьемъ монастырѣ, рядомъ съ матерью. Онъ былъ женатъ 2 раза; первымъ бракомъ—на Маріи Ивасовнѣ Яфимовичѣ, отъ которой имѣлъ 2 дочерей: Прасковію (фрейлина; р. 9 Августа 1803 г., † 24 Февраля 1829 г.) и Анну (р. 1805 г.), умершихъ дѣвцами; во второй разъ онъ былъ женатъ на вдовѣ Екатеринѣ Федоровнѣ Курпловой, рожденной Левшиной, отъ которой имѣлъ 5 сыновей, графовъ Михаила, Николая, Андрея, Сергѣя и Федора, и 5 дочерей.

(Съ портрета, находящагося въ музеѣ древностей, въ Ростовѣ-Ярославскомъ.)

Le comte SERGE MIKHAÏLOWITCH KAMENSKY, 1772—1834, fils aîné du comte Michel Fédotowitch Kamensky et d'Anne Pavlowna, née princesse Chtcherbatoff, naquit le 3 juin 1772. Enrôlé à l'âge de 2 ans cornette au régiment des dragons de Nijni-Novgorod, porte-enseigne dans la Garde en 1777, sous-lieutenant en 1787 et lieutenant dès le 1er janvier 1789 au régiment Préobragensky, il fut promu colonel le 5 mars suivant, à 17 ans à peine, aux grenadiers d'Ekatérinoslav, d'où il passa, un mois après, à ceux de Moscou. Commandant en 1794 du 5e bataillon du corps des chasseurs d'Ekatérinoslav, il permuta deux ans plus tard, le 27 décembre 1796, au régiment d'infanterie de Riazan, et passa colonel le 1er janvier 1797.

Il n'avait pas cessé de faire campagne, en 1789 en Turquie, l'année suivante en Suède, en 1791 à la célèbre bataille de Matchine, de 1792 à 1795 en Pologne, où il contribua à la capture de Kosciuszko à Maciejowice, prit part à de nombreux combats et fut blessé à l'assaut de Praga. Promu le 14 mars 1798 général major et nommé chef d'abord du régiment des mousquetaires de Polotzk, puis, le 19 août 1801, de celui des grenadiers Fanagoriysky, il combattit en 1805 à Austerlitz et fit la campagne de Galicie, où il passa le 15 juin 1806 général lieutenant. A l'armée de Moldavie, où il resta de novembre 1806 à la fin de 1810, il finit par se trouver sous les ordres de son frère cadet, le comte Nicolas Kamensky, officier de valeur, avec lequel il fut toujours en froid; il y prit part à l'enlèvement de Bazardjik, et se rendit fameux par son assaut manqué de Rouchtchouk. Général d'infanterie le 14 juin 1810, il commanda en 1812 un corps de la 3e armée de l'Ouest, et fut à la prise de Kobrin et à la bataille de Gorodetchna. En congé illimité depuis le 19 octobre 1812 „pour raisons de santé“, il fut mis à la retraite le 6 mars 1822. Outre l'étoile de St-Alexandre et Ste-Anne de 1re classe, il avait St-Georges de 2e classe (21 novembre 1810) et de 4e classe (1er janvier 1795), ainsi que deux croix d'or pour l'assaut de Praga et la prise de Bazardjik.

Favori de sa mère, après le meurtre du père et la fin prématurée de son frère cadet, il hérita d'une grosse fortune (il possédait en 1816 dans les gouvernements d'Orel, Nijni-Novgorod, Vladimir et Koursk 6000 têtes de paysans), et la dissipa tout entière: le besoin où il se trouva sur ses vieux jours le réduisit en 1828, en raison de sa situation „gênée“, à se faire demander, „infirmes, invalide, presque sans jambes, preux vieilli dans les combats“, une pension par Tchernycheff, qui lui fit savoir le 22 novembre 1822 qu'il ne se décidait pas à transmettre sa requête à l'Empereur, car „les pensions se demandent en quittant le service, et Votre Excellence n'en a pas sollicité alors“.

Le comte Kamensky mourut le 8 décembre 1834, et fut inhumé au monastère Novodévitchi, à Moscou, près de sa mère. Il fut marié deux fois: en premières noces, à Marie Ivanowna Yafimowitch, dont il eut deux filles, Prascovie (9 août 1803—24 février 1829), demoiselle d'honneur, et Anne (née 1805), non mariées, et, en secondes noces, à Catherine Féodorowna, veuve Kouriloff, née Levchine, dont il eut cinq fils, Michel, Nicolas, André, Serge et Théodore, et cinq filles.

(D'après un original du Musée des Antiques de Rostoff-Yaroslowsky.)

Графъ СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАМЕНСКІЙ, 1772 — 1834, сынъ графа Михаила Ѳедотовича, фельдмаршала, и его жены Анны Павловны, рожденной княжны Шербаковой, любимецъ матери, унаслѣдовалъ отъ отца всѣ его многочисленныя дурныя свойства: его необузданный нравъ, его чудачества, жестокость, нравственную распущенность, но не получилъ ни одного изъ его достоинствъ или талантовъ младшаго своего брата Николая. Извѣстный своимъ неудачными распоряженіями и губительными дѣйствіями при осадѣ Рущука, графъ С. М. Каменскій, при недостаткѣ военныхъ способностей, не отличался и личной храбростью. Главнокомандующій подъ Рущукомъ поручилъ князю Волконскому передать старшему брату такое приказаніе, „чтобъ графъ употребилъ все войско, въ распоряженіи его находящееся, за исключеніемъ 2 батальоновъ для прикрытія своей особы, и непремѣнно бы овладѣлъ незапятаымъ редутомъ!“ Получивъ въ 1812 г. безсрочный отпускъ, а въ 1822 г. отставку, Каменскій постоянно жилъ въ с. Сабуровѣ, Орловской губ., и въ г. Орлѣ. Своими странностями онъ выдавался изъ числа обыкновенныхъ людей. Страстью его былъ театр, помѣщавшійся въ деревянномъ домѣ на Соборной улицѣ г. Орла. Труппа была крѣпостная, при чемъ Каменскому очень хотѣлось купить знаменитаго Щепкина, но, къ счастью, это не удалось. Графъ самъ зорко слѣдилъ за игрой артистовъ и записывалъ всѣ замѣченныя ошибки, тѣмъ болѣе, что требовалось только твердое знаніе и бойкое чтеніе роли, а суфлера не было. На сценѣ вспѣло нѣсколько плетокъ, и послѣ каждаго акта онъ ходилъ за кулисы и тамъ дѣлалъ расчеты съ провинившимся актерами, крики которыхъ долетали до слуха зрителей. Въ театрѣ былъ партеръ, 2 яруса ложъ и раекъ. Иногда графъ, вмѣсто ложи, садился въ первомъ ряду, за нимъ, во 2-мъ, сидѣла его мать, а позади ея, въ 3-мъ ряду, любовница графа, съ большимъ его портретомъ на груди. (Когда она чѣмъ-нибудь прогнѣвляла Каменскаго, ей падѣвали другой такой же портретъ, на которомъ были изображены только затылокъ и спина графа; кромѣ того, въ такихъ же случаяхъ нѣсколько дворовыхъ людей каждыя четверть часа обязаны были входить къ ней въ комнату и въ одинъ голосъ говорить: „Грѣшно, Акулина Васильевна, разсердили батюшку-графа, молитесь!“ и она должна была немедленно класть поклоны, даже ночью.)

Билеты для входа въ театръ Каменскій раздавалъ и продавалъ самъ, сидя въ кассѣ, при чемъ многіе, шутя, нарочно платили ему мѣдными деньгами или фальшивыми ассигнаціями, которыя графъ, въ свою очередь, старался вручить офицеру военного наряда, назначавшагося къ театру. Постановка пьесъ была роскошная: такъ, „Калифъ Багдадскій“ стоилъ болѣе 30/т. рублей; прислуга при театрѣ была въ ливреяхъ съ красными, синими и бѣлыми воротниками, по степени старшинства. Театръ графа былъ всегда полонъ, но публика была мелкая; люди, болѣе видные по положенію, пріѣзжали „ради смѣха“, такъ какъ игра артистовъ была ниже всякой критики. Въ антрактахъ публику угощали пастилой, мочеными яблоками и медомъ. Въ роскошномъ домѣ графа царилъ хаосъ, беспорядокъ и грязь; многочисленная прислуга, оборванная, ссорившаяся и ругавшаяся между собой, ничего не дѣлала; въ прихожей около двухъ десятковъ лакеевъ сидѣли и визали чулки, ожидая приказанія графа подать ему платокъ или трубку. Каменскій приглашалъ часто къ обѣду, въ 2 часа дня, гостей, но сервировка стола была безпорядочная и грязная. Графъ за обѣдомъ охотно рассказывалъ о театрѣ, но очень не любилъ, когда ему напоминали его боевую жизнь или его брата, впрочемъ, военные трофеи и регалии послѣдняго и отца, фельдмаршала, берегъ подъ стеклянными колпаками. Достопримѣчательностью дома были особые часы, купленные у Медокса, которые въ 2 ч. 11 м. дня играли „Со святыми упокой“ (время убійства отца), а въ 4 ч. дня—„Славься, славься, храбрый Россъ“... (моментъ рожденія на свѣтъ самого графа). Каменскій вставалъ очень рано и съ 5 до 7 ч. дѣлалъ визиты, затѣмъ до 2 ч. проводилъ время на ренетиціяхъ и за продажей билетовъ; послѣ обѣда опять отправлялся въ театръ, гдѣ спектакль начинался въ 6½ часовъ; вечеромъ ежедневно отдавался приказъ о всѣхъ событіяхъ дня, о замѣченныхъ безпорядкахъ и о производствѣ лакеевъ изъ одной ливреи въ другую.

Когда графъ Каменскій умеръ, 8 Декабря 1834 г., въ Москвѣ, отъ огромнаго состоянія его ничего не осталось, все оно ушло на театръ.

Портреты графа С. М. Каменскаго рѣдки; одинъ, находящійся въ Ростовскомъ музеѣ, въ Ростовѣ-Великомъ, идетъ изъ семьи Булатовыхъ (черезъ А. А. Титова), другой (миниатюра) находится въ собраніи Великаго Князя Николая Михайловича.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le comte SERGE MIKHAÏLOWITCH KAMENSKY, 1772—1834, fils du comte Michel Fédotowitch Kamensky, feld-maréchal, et d'Anne Pavlowna, née princesse Chtcherbatoff, préféré de sa mère, avait hérité de toutes les mauvaises qualités de son père, humeur intraitable, bizarrerie, cruauté, perversité, sans avoir aucun des mérites ni des talents de son jeune frère Nicolas. Fameux par ses dispositions maladroites et ses opérations malheureuses au siège de Rouchtchouk, il était insignifiant comme homme de guerre, et ne brillait pas non plus par la valeur personnelle: son frère le commandant en chef lui fit transmettre, par le prince S. Wolkonsky, au témoignage de celui-ci, l'ordre „de prendre toutes les troupes dont il disposait, sauf deux bataillons affectés à sa garde personnelle, et de s'emparer sans faute d'une redoute encore inoccupée!“ Mis en 1812 en congé illimité, puis, en 1822, à la retraite, il se fixa au bourg de Sabouroff, gouvernement d'Orel, et dans la ville d'Orel. Il avait des bizarreries qui le faisaient sortir du commun. Sa passion était le théâtre qu'il avait organisé à Orel, dans une maison de bois de la Rue de la Cathédrale, avec une troupe de serfs: il aurait même bien voulu acheter le célèbre Chtchepkine, mais heureusement il n'y réussit pas. Il surveillait de près l'exécution, notant lui-même toutes les fautes qu'il remarquait, d'autant plus que les acteurs n'étaient tenus que de savoir parfaitement leur rôle et de le débiter avec assurance, et qu'il n'y avait pas de souffleur. Il faisait apporter sur la scène une provision de fouets, et passait dans les coulisses à chaque entr'acte régler leur compte aux maladroits, qu'on entendait crier de la salle. Le théâtre comportait un parterre, deux galeries de loges et un paradis. Quelquefois le comte, au lieu de prendre une loge, se mettait au premier rang; derrière lui, au second, sa mère, et derrière, au troisième, sa maîtresse, qui portait sur la poitrine un grand portrait de lui. (Quand il avait quelque grief contre cette maîtresse, elle en portait un autre où il était représenté de dos, et alors, tous les quarts d'heure, une troupe de gens de service venaient lui dire en chœur: „C'est péché, Akoulina Vassiliowna, d'avoir fâché notre bon comte: faites votre prière!“ et elle devait immédiatement faire des génuflexions, fût-ce même la nuit.) Installé à la caisse, il distribuait et vendait les billets lui-même: souvent, par plaisanterie, on le payait en billon ou en faux assignats, qu'il essayait à son tour de passer à l'officier du piquet de service à la représentation. La mise en scène était somptueuse: celle du Calife de Bagdad coûta plus de 30.000 roubles; les domestiques étaient en livrées à collet rouge, bleu ou blanc, selon l'ancienneté. La salle était toujours comble, mais peu brillante: la société un peu relevée ne venait que „pour s'amuser“, le jeu des acteurs étant au-dessous de toute critique. Aux entr'actes, il y avait distribution de confiserie, de pommes confites et d'hydromel. La luxueuse maison du comte n'était que chaos, désordre et saleté: une nuée de domestiques en loques passaient leur temps à se disputer et à s'injurier sans jamais rien faire; dans l'antichambre, une vingtaine de laquais faisaient du tricot en attendant que le maître demandât son mouchoir ou sa pipe. Il y avait souvent dîner à deux heures, mais le service était décousu et malpropre; à table, le comte aimait causer théâtre, mais détestait entendre parler de ses souvenirs militaires ou de son frère, dont il conservait pourtant sous verre les trophées et les insignes avec ceux de son père le feld-maréchal. Comme curiosité de la maison, une horloge spéciale, de chez Médox, jouait le De Profundis à 2 h. 11 de l'après-midi (heure du meurtre du feld-maréchal) et une marche triomphale russe à 4 heures (moment de la naissance du comte lui-même). Kamensky se levait de très bonne heure, faisait des visites de cinq à sept, puis restait jusqu'à 2 heures à la répétition et à la caisse, et, après dîner, retournait au théâtre, où le spectacle commençait à six heures et demie. Tous les soirs, paraissait un ordre du jour sur les événements de la journée, les observations de service et les promotions de domestiques d'une livrée à l'autre.

Le comte Kamensky mourut à Moscou le 8 décembre 1834, sans rien laisser de son immense fortune, engloutie tout entière par le théâtre.

Les portraits du comte Kamensky sont rares. Il y en a un au Musée de Rostoff-la-Grande, venu par A. Titoff de la famille Boulatoff, et un autre, une miniature, dans la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графиня АННА ПЕТРОВНА КУТАЙСОВА, 176.—1848, дочь именитаго гражданина г. С.-Петербурга, Петра Терентьевича Резвого (р. 1729 г., † 1779 г.) отъ брака съ Анной Дмитріевной Кукиной († 1801 г.), была замужемъ за графомъ Иваномъ Павловичемъ Кутайсовымъ (см. т. I, № 118) и имѣла двухъ сыновей и двухъ дочерей.

Старшій сынъ, графъ Павелъ Ивановичъ (см. т. III, № 57), достигъ на гражданской службѣ званія члена Государственнаго Совѣта; второй, графъ Александръ Ивановичъ (р. 1784 г.; см. т. III, № 55), особенно любимый и цѣнимый всѣми его знавшими, въ чинѣ артиллеріи генераль-майора погибъ геройской смертью подъ Бородинымъ 26 Августа 1812 года. Дочери—старшая Марія была замужемъ за графомъ Владиміромъ Федоровичемъ Васильевымъ и имѣла одного сына Алексія и трехъ дочерей: Софію, Анну и Елизавету; вторая дочь—Надежда была замужемъ за княземъ Александромъ Федоровичемъ Голицынымъ и имѣла сына Евгенія и дочь Александру.

(Съ миниатюры, принадлежащей Д. М. Резвому, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse ANNE PÉTROWNA KOUTAÏSSOFF, 176.—1848, fille du citoyen notable de St-Pétersbourg Pierre Térenewitch Rezvoï (1729—1779) et d'Anne Dmitriewna, née Koukine († 1801), épousa le comte Ivan Pavlowitch Koutaïssoff (v. T. I, № 118), dont elle eut deux fils et deux filles.

L'aîné, Paul (v. T. III, № 57), parvint dans le service civil à la dignité de membre du Conseil de l'Empire; le second, Alexandre (né en 1784; v. T. III, № 55), particulièrement aimé et estimé de tous ceux qui le connurent, périt d'une mort héroïque à Borodino le 26 août 1812. Les filles épousèrent, l'aînée, Marie, le comte Vladimir Féodorowitch Vassilieff, dont elle eut un fils Alexis et trois filles, Sophie, Anne et Elisabeth, l'autre, Nadejda, le prince Alexandre Féodorowitch Golitzyne, dont elle eut un fils Eugène et une fille Alexandrine.

(D'après une miniature appartenant à D. Rezvoï, St-Pétersbourg.)

97

Miss Mary Phipps Miss Mary Phipps
 Boston Boston
 1800-1801 1800-1801

98

Miss Mary Phipps Miss Mary Phipps
 Boston Boston
 1800-1801 1800-1801

99

Miss Mary Phipps Miss Mary Phipps
 Boston Boston
 1800-1801 1800-1801

100

Miss Mary Phipps Miss Mary Phipps
 Boston Boston
 1800-1801 1800-1801

97

Графиня Анна Петровна La Comtesse Anne Pétrowna
Кутайсова, Koutaïssoff,
176 . — 1848 176 . — 1848

98

Пис. Зацѣпинъ — Peint par Zatzépine
Федоръ Петровичъ Théodore Pétrowitch
Уваровъ, Ouvaroff,
1769 — 1824 1769 — 1824

99

Пис. Верне, 1803 — Peint par C. Vernet, 1803
Дмитрій Петровичъ Dmitri Pétrowitch
Резвой, Резвої,
1762 — 1823 1762 — 1823

100

Пис. Верне, 1803 — Peint par C. Vernet, 1803
Надежда Васильевна Nadejda Vassilievna
Резвая, Резвої,
1780 — 1845 1780 — 1845

ФЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ УВАРОВЪ, 1769 — 1824, любимый генераль-адъютантъ Александра I, былъ человѣкъ мало образованный, съ неблестящими умственными способностями, безъ особыхъ дарованій, съ не очень строгими нравственными правилами, но честный, добрый, старавшійся не дѣлать никому зла и прекрасно постигшій „искусство вести себя при дворѣ“. Онъ достигъ высокаго положенія и до конца жизни пользовался расположеніемъ Александра I въ то время, какъ всѣ остальные участники событія 11 Марта были удалены отъ двора. Милостивое отношеніе Императора къ человѣку, который долженъ бы служить постояннымъ напоминаніемъ о печальномъ событіи, объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что Уварова заставила примкнуть къ заговору исключительно преданность къ Александру I, которую Государь и оцѣнилъ. Уваровъ былъ въ полномъ смыслѣ слова баловень счастья. По выраженію А. М. Тургенева, Уваровъ возвышеніемъ своимъ обязанъ былъ не достоинствамъ своимъ, но своему широкоплечью и крѣпкимъ мышцамъ (намекъ на то, что причиной его блестящей карьеры были близкія отношенія къ княгинѣ Е. Н. Лопухиной, мачехѣ фаворитки Павла I). Уваровъ не имѣлъ талантовъ полководца, онъ отличался только качествами хорошаго кавалерійскаго офицера и въ войнахъ, въ которыхъ принималъ участіе, никогда не игралъ видной, самостоятельной роли. Однако, онъ не былъ рутинеромъ и плацпараднымъ генераломъ и въ эпоху апогея шагистики, насколько то было въ его власти, относился къ ней отрицательно. Къ своимъ подчиненнымъ онъ относился гуманно. Человѣкъ общительный и веселый, Уваровъ любилъ устраивать у себя приемы. Образование онъ получилъ самое поверхностное, но любилъ похвастаться своими познаніями, въ особенности знаніемъ французскаго языка. „Уваровъ“, говоритъ князь Вяземскій, „иногда удачно поражалъ французовъ на полѣ сраженія, но еще удачнѣе и убійственнѣе поражалъ французскій языкъ въ разговорѣ. Охота была смертная, а участь горькая. Извѣстенъ отвѣтъ его Наполеону, когда тотъ спросилъ его, кто командовалъ русской конницей въ блестящей атакѣ въ какомъ-то сраженіи: „Je, Sire“. Отвѣтъ этотъ доставилъ Уварову прозвище „генерала Je“ и былъ распространенъ въ обществѣ въ разнообразныхъ версіяхъ. Однажды Уваровъ и Милорадовичъ, тоже извѣстный плохимъ знаніемъ французскаго языка, о чемъ-то горячо разговаривали. Александръ I спросилъ Ланжерона, о чемъ они бесѣдуютъ. „Извините, Государь“, отвѣтилъ Ланжеронъ, „я ихъ не понимаю, они говорятъ по-французски“.

Уваровъ не игралъ видной политической роли, но, какъ близкій къ Александру I человѣкъ, пользовался своимъ положеніемъ и разрѣшеніемъ, даннымъ ему Государемъ, откровенно высказывать ему свои мысли и указывать, чего требуетъ польза Россіи, какъ онъ ее понималъ. Ему пришлось принять участіе въ борьбѣ, которую вели съ министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ княземъ А. Н. Голицынымъ архимандритъ Фотій, митрополитъ Серафимъ и Аракчеевъ, вообще относившійся къ Уварову недружелюбно и называвшій его соглядатаемъ и наушникомъ. Враги Голицына воспользовались близостью Уварова къ Александру I, чтобы черезъ него открыть Государю глаза на опасность, угрожавшую Православной церкви со стороны князя А. Н. Голицына и мистиковъ.

(Съ миниатюры Зацѣпина; собственность А. В. Гурьевой, въ С.-Петербургѣ.)

THÉODORE PÉTROWITCH OUVAROFF, 1769—1824, général aide de camp favori d'Alexandre Ier, était insignifiant comme instruction et comme intelligence, sans rien de saillant comme facultés ni de rigoureux comme principes, mais loyal et bon: il tenait à ne faire de tort à personne et possédait à merveille „l'art de se conduire à la Cour“. Tandis que les autres complices du 11 mars étaient éloignés de la Cour, il parvint à une situation élevée et conserva jusqu'à son dernier jour la faveur d'Alexandre Ier: une telle bienveillance pour un homme qui aurait dû rappeler incessamment un cruel souvenir tient sans doute à ce que, si Ouvaroff trempa dans la conjuration, ce ne fut que par un dévouement dont Alexandre lui sut gré. Véritable enfant gâté de la fortune, il dut moins son élévation à ses mérites qu'à sa largeur d'épaules et à la solidité de ses muscles, comme dit A. Tourguéneff en faisant allusion à son intimité avec la princesse Lopoukhine, belle-mère de la favorite de Paul Ier. Homme de guerre insignifiant, il n'était que bon officier de cavalerie, et fit la guerre sans jamais rien de marquant ni de personnel, mais sans être non plus simple routinier ni général de parade: au plus fort de l'engouement pour la marche cadencée, il n'en fit jamais grand cas, autant qu'il était en son pouvoir. Pour ses subordonnés, il n'avait que de l'humanité. Sociable et gai, il aimait recevoir. Avec une instruction des plus superficielles, il faisait volontiers étalage de science, et surtout de sa connaissance du français. „Ouvaroff“, dit le prince Viazemsky, „infligeait quelquefois de rudes échecs aux Français sur le champ de bataille, mais il en infligeait de plus rudes et de plus meurtriers à la langue française dans la conversation. Il y allait de bon cœur et ne ratait pas son coup. On connaît sa réponse à Napoléon, qui lui demandait le nom du chef de la cavalerie russe à la brillante attaque de je ne sais quelle bataille: „Je, Sire!“ Le mot lui valut le surnom de Général Je, et fut répandu dans la société sous diverses versions. Il était un jour en conversation animée avec Miloradowitch, également connu pour son mauvais français; Alexandre Ier demanda à Langeron de quoi ils parlaient: „Pardon, Sire“, répondit Langeron, „je ne les comprends pas: ils parlent français!“

Ouvaroff n'eut pas un rôle politique marquant, mais, comme intime d'Alexandre Ier, il profita de sa situation et de la permission que lui avait donnée l'Empereur pour lui dire franchement ce qu'il pensait et ce que réclamaient les intérêts de la Russie, comme il les comprenait. Il se trouva mêlé à la lutte que soutinrent contre le prince A. Golitzyne, ministre de l'instruction publique et du culte, l'archimandrite Photius, le métropolite Séraphin et Araktchéeff, mal disposé en général pour Ouvaroff, qu'il traitait de mouchard et d'espion. Les ennemis de Golitzyne se servirent de son influence pour ouvrir les yeux de l'Empereur sur le danger que faisaient courir à l'église orthodoxe le prince Golitzyne et les mystiques.

(D'après une miniature de Zatzépine, appartenant à Mme A. Gourieff, St-Pétersbourg.)

ДИМИТРИЙ ПЕТРОВИЧЪ РЕЗВОЙ, 1762—1823, былъ сынъ именитаго гражданина города С.-Петербурга Петра Терентіевича, владѣльца рыбныхъ промысловъ и обширныхъ участковъ земли по берегамъ р. Невы и на ея островахъ; Петръ Терентіевичъ (р. 1729 г., † 1779 г.) былъ женатъ на уроженкѣ С.-Петербурга Аннѣ Дмитріевнѣ Кукиной († 1801 г.; похоронена съ мужемъ на кладбищѣ при соборѣ въ г. Шлиссельбургѣ). Д. П. Резвой въ службу вступилъ въ 1785 г. сержантомъ во 2-й Артиллерійскій канонирскій полкъ; въ 1786 г. произведенъ въ прапорщики и назначенъ переводчикомъ въ штатъ генераль-аншефа Миллера. Вся тридцатилѣтняя служба Д. П. Резвого протекла въ войнахъ и походахъ. Начавъ свое боевое поприще съ Турецкой войны 1788 года, подъ начальствомъ Суворова, онъ былъ въ дѣлѣ подъ Клибурномъ и при штурмѣ Очакова, а въ 1789 г.—при занятіи Аккермана и Бендеръ; въ 1791 г.—при взятіи Мачина, а затѣмъ, въ Польскую кампанію 1794 г. участвовалъ въ бояхъ: при Круцицѣ, Брестѣ, Кобылкѣ и взятіи Праги; 1799 г. Резвой провелъ въ походѣ въ Швейцарію, участвуя въ сраженіяхъ при Цюрихѣ и Шлихѣ; въ 1807 г., во вторую войну противъ Наполеона—въ бояхъ при Янковѣ, Лансбергѣ и командовалъ всю артиллерію арміи въ бою подъ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ былъ раненъ; затѣмъ—въ послѣдующихъ бояхъ: при Вольфсдорфѣ, Гутштатѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ; до начала Отечественной войны участвовалъ въ войнѣ съ Турціей съ 1808 по 1812 годъ и тутъ былъ вторично раненъ; затѣмъ—во всѣхъ бояхъ и походахъ при изгнаніи изъ Россіи французовъ и въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ. Въ отставку Д. П. Резвой уволенъ по болѣзни въ 1815 году въ чинѣ генераль-майора. По отзывамъ современниковъ, онъ былъ человекъ рѣдко образованный и просвѣщенный, при томъ одаренный разнообразѣйшими способностями. Періодъ времени отъ 1805 года, когда стало уже извѣстно намѣреніе Наполеона вступить въ борьбу съ Россіей и до осуществленія этого намѣренія вторженіемъ въ предѣлы нашего Отечества въ 1812 году, слѣдуетъ считать временемъ коренного преобразованія нашей полевой артиллеріи. Въ перевооруженіи ея, введеніи новыхъ формъ строя и дѣйствій въ бою Д. П. Резвой проявилъ самую активную дѣятельность, награжденную Высочайшимъ рескриптомъ при орденѣ св. Анны 2 кл. съ алмазами. Въ бою подъ Прейсишъ-Эйлау, при общемъ начальствованіи артиллеріей арміи, генераломъ Резвымъ было впервые примѣнено, и въ безпримѣрныхъ размѣрахъ, массированіе артиллеріи, и такому новому тактическому приему армія во многомъ обязана крупнымъ успѣхомъ въ этомъ кровопролитнѣйшемъ сраженіи съ Наполеономъ. Наградами, полученными Д. П. Резвымъ за боевые подвиги, были: орд. св. Георгія 4 ст. за взятіе Праги; тотъ же орденъ 3 ст. за подвиги въ сраженіи съ Турками подъ Татарницей 10 Октября 1809 года; рескриптъ Павла I, 4 Декабря 1800 г., съ пожалованіемъ его въ почетные командоры ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, за подвиги въ Суворовскомъ походѣ 1799 г. въ Швейцарію; алмазами украшенная золотая шпага за бой подъ Гейльсбергомъ и Фридландомъ; кромѣ того, Резвой имѣлъ ордена св. Владимира 2 и 3 ст. и Аннинскую звѣзду (за Прейсишъ-Эйлау).

Относительно слабый служебный успѣхъ Д. П. Резвого объясняется нерасположеніемъ къ нему все-сильнаго графа Аракчеева. О причинѣ этого нерасположенія сохранилось такое семейное преданіе: однажды у Д. П. Резвого собралось за столомъ нѣсколько офицеровъ сослуживцевъ. Говорили о томъ, что Аракчеевъ недавно сказалъ кому-то изъ артиллерійскихъ офицеровъ: „Уйдѣ ты въ отставку—да я тебѣ пенсію въ тысячу рублей назначу!“—На это будто бы хозяинъ сказалъ: „Тысячу! да я ему самому дамъ три отъ себя, только бы ушелъ“.—Слова эти были къмѣ-то переданы Аракчееву, результатомъ чего и явился постоянный обходъ Д. П. Резвого при назначеніяхъ, повышеніяхъ и наградахъ съ 1810 года. Главнѣйшимъ графомъ Беннигсеномъ 5 Іюля 1814 г. было отдано въ приказѣ по арміи Высочайшее повелѣніе о пожалованіи генераль-майору Резвому чина генераль-лейтенанта. Но приказъ этотъ не былъ утвержденъ въ С.-Петербургѣ Аракчеевымъ, и Д. П. Резвой, признанный генераль-лейтенантомъ въ продолженіе года, вынужденъ былъ принять прежній чинъ. Даже при увольненіи въ отставку, 17 Декабря 1815 г., Резвой, прослужившій въ чинѣ генераль-майора полные 15 лѣтъ (съ 15 Октября 1799 г.) непрерывной боевой службы, уволенъ безъ производства въ генераль-лейтенанты.

Д. П. Резвой умеръ 19 Января 1823 г. и похороненъ на кладбищѣ Фарфороваго завода.

(Съ миниатюры Карла Верне, 1803 г.; собственность Д. М. Резвого, въ С.-Петербургѣ.)

DIMITRI PÉTROWITCH REZVOÏ, 1762—1825, était fils du notable citoyen de St-Pétersbourg et propriétaire de pêcheries et de terrains considérables sur les bords et aux îles de la Néva, Pierre Téréntiewitch Rezvoï (1729—1779) et d'Anne Dmitriewna, née Koukine, originaire de St-Pétersbourg († 1801, inhumée avec son mari au cimetière de la cathédrale de Schlussembourg). Il débuta au service en 1785 sergent au 2e régiment de canonniers d'artillerie, puis, en 1786, passa porte-enseigne et fut nommé traducteur à l'état-major du général en chef Miller. Ses trente années de service passèrent en guerres et en campagnes. Il fit ses premières armes en Turquie: en 1788, sous le commandement de Souvoroff, il prit part à l'affaire de Kinburn et à l'assaut d'Otchakoff, l'année suivante, à l'enlèvement d'Akkermann et de Bender, et en 1791 à la prise de Matchine. Il fit ensuite en 1794 la campagne de Pologne, où il combattit à Kroutchitza, Brest, Kobylka et à la prise de Praga, et, en 1799, celle de Suisse, où il fut à Zurich et à la Schlich. En 1807, dans la seconde guerre de Napoléon, il se trouva à Yankovo, Lansberg, Preussisch Eylau, où il commandait toute l'artillerie de l'armée et fut blessé, puis Wolfsdorf, Gutstadt, Heilsberg et Friedland. Il fit encore, avant la Guerre Patriotique, la campagne de Turquie de 1808 à 1812, où il reçut une nouvelle blessure, puis celles contre les Français pour la libération du territoire russe, et enfin, celles de 1813 et 1814, après quoi il fut mis à la retraite avec grade de général major en 1815, pour raisons de santé. Esprit peu commun, au témoignage des contemporains, comme instruction et comme lumières, il possédait en outre les aptitudes les plus variées. La période qui s'écoula de 1805 à 1812, entre le moment où s'était révélée l'intention de Napoléon d'entrer en lutte avec la Russie et celui où il la réalisa par son invasion, vit s'accomplir une réforme radicale de notre artillerie de campagne: Rezvoï en transforma les armements et inaugura de nouvelles formations et de nouvelles opérations de combat, déployant une activité des plus énergiques, qui lui valut un rescrit de Sa Majesté et Ste-Anne de 2e classe en diamants. A Preussisch Eylau, où il avait toute l'artillerie de l'armée sous ses ordres, il mit pour la première fois en pratique, et sur une échelle inconnue jusqu'alors, sa tactique de formations en masse, à laquelle est due en grande partie le brillant résultat de cette bataille des plus sanglantes avec Napoléon. Ses exploits guerriers lui valurent: la prise de Praga St-Georges de 4e classe, la bataille de Tataritza avec les Turcs le 10 octobre 1809 St-Georges de 3e classe, la campagne de Suisse en 1799 sous les ordres de Souvoroff le commandorat honoraire de Saint-Jean-de-Jérusalem avec rescrit de Paul Ier en date du 4 décembre 1800, Heilsberg et Friedland une épée d'or enrichie de diamants. Il avait en outre St-Vladimir de 2e et de 3e classes et Ste-Anne (Preussisch Eylau).

Si Rezvoï ne fit comme service qu'une carrière relativement insignifiante, la raison en est dans l'animosité du tout-puissant Araktchéeff, à laquelle une tradition de famille donne l'origine suivante. Un jour que Rezvoï traitait quelques officiers de ses camarades, la conversation tomba sur Araktchéeff, qui aurait dit peu auparavant à un officier d'artillerie: „Prends ta retraite: je te ferai donner une pension de mille roubles!“ — „Mille roubles“, aurait interrompu le maître de la maison, „mais je lui en donnerais bien à lui trois mille de ma poche, pour qu'il s'en aille lui-même!“ Ce propos serait parvenu aux oreilles d'Araktchéeff, et Rezvoï fut, depuis 1810, systématiquement laissé de côté à toutes les nominations, promotions et décorations. Le commandant en chef Bennigsen avait fait porter à l'ordre du jour de l'armée le 5 juillet 1814 l'ordre de Sa Majesté nommant le général major Rezvoï général lieutenant; mais, à St-Pétersbourg, Araktchéeff refusa sa ratification à cet ordre du jour, et, après avoir été un an général lieutenant en fait, Rezvoï dut reprendre son ancien grade. Même à sa retraite, le 17 décembre 1815, après quinze années entières de grade de général major (depuis le 15 octobre 1799), passées en campagnes continues, il n'obtint pas non plus son avancement.

Rezvoï mourut le 19 janvier 1825, et fut inhumé au cimetière de la Manufacture de Porcelaine.

(D'après une miniature de Charles Vernet, 1803, appartenant à D. Rezvoï, St-Pétersbourg.)

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА РЕЗВАЯ, 1780—1845, дочь майора Василя Осиповича Налетова, была въ первомъ бракѣ за артиллерійскимъ полковникомъ Павломъ Бастіономъ, отъ котораго имѣла одного сына Александра, родившагося въ 1800 г., служившаго въ лейбъ-гвардіи Московскомъ полку, а впослѣдствіи, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, управлявшаго Красносельской удѣльной конторой; умеръ А. П. Бастіонъ въ 1866 г. въ своемъ имѣніи сельцѣ Гавриловскомъ, Рязанской губерніи, гдѣ и погребенъ.

Овдовѣвъ, Н. В. Бастіонъ вышла въ 1803 г. замужъ за генераль-майора Дмитрія Петровича Резвого и отъ этого брака имѣла двоихъ дѣтей: сына Модеста (р. 22 Октября 1805 г., † 7 Сентября 1855 г.; полковникъ, военный инженеръ, извѣстный своей ученостью и талантами въ живописи и музыкѣ; умеръ, будучи вице-директоромъ Морского Строительнаго департамента; погребенъ на кладбищѣ Фарфороваго завода) и дочь Вѣру (р. 1809 г., † 1847 г.; въ замужествѣ за первымъ ротнымъ командиромъ Кондукторской роты Инженернаго училища, позднѣе дѣйствительный статскій совѣтникъ, академикъ и наблюдатель за преподаваніемъ черченія и рисованія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; и мужъ и жена погребены на Волковомъ кладбищѣ).

Н. В. Резвая скончалась въ 1845 г. и похоронена на кладбищѣ при церкви Фарфороваго завода, на берегу Невы.

(Съ миниатюры Карла Верне, 1803 г.; собственность Д. М. Резвого, въ С.-Петербургѣ.)

NADEJDA VASSILIEWNA REZVOÏ, 1780—1845, fille du major Basile Ossipowitch Nalétoff, épousa en premières noces le colonel d'artillerie Paul Bastion, dont elle eut en 1800 un fils Alexandre, qui servit d'abord au régiment de la Garde de Moscou, puis, avec rang de conseiller d'état actuel, géra l'administration des Domaines à Krasnoé Sélo, et mourut en 1866 dans ses propriétés de Gavrilowskoïé, gouvernement de Riazan, où il fut inhumé.

Sa mère, devenue veuve, se remaria en 1803 au général major Dmitri Pétrowitch Rezvoï, dont elle eut un fils et une fille. Le fils, Modeste (22 octobre 1805—7 septembre 1855), connu pour son érudition et pour ses talents de peintre et de musicien, fut colonel, ingénieur militaire, et mourut sous-directeur du département des Bâtiments de Moscou; il fut inhumé au cimetière de la Manufacture de Porcelaine. La fille, Véra (1809—1847), épousa un premier commandant de la compagnie de conducteurs de l'Ecole des Ingénieurs, qui devint conseiller d'état actuel, académicien et inspecteur de l'enseignement du dessin et du dessin graphique dans les établissements d'instruction militaires; le mari et la femme sont inhumés au cimetière Volkoff.

Mme Rezvoï mourut en 1845, et fut inhumée au cimetière de l'église de la Manufacture de Porcelaine, sur le bord de la Néva.

(D'après une miniature de Charles Vernet, 1803, appartenant à D. Rezvoï, St-Pétersbourg.)

Графиня ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА РУМЯНЦЕВА, 1724—1779, дочь фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына (р. 1675 г., † 1730 г.) отъ второго его брака съ княжною Татьяною Борисовною Куракиной (р. 1695 г., † 1757 г.), родилась 25 Сентября 1724 г.; въ 1748 г. она вступила въ бракъ съ графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ-Задунайскимъ (р. 1725 г., † 1796 г.), но, по прошествіи 6-и лѣтъ, между супругами произошло отчужденіе, продолжавшееся до конца ихъ жизни. Боевая жизнь графа Румянцева отдалла его отъ жены и, по окончаніи Семилѣтней войны и по возвращеніи его въ Петербургъ, она принуждена была поселиться отдѣльно отъ мужа въ Москвѣ. Зная о многочисленныхъ невѣрностяхъ его, графиня Румянцева всѣми силами искала, несмотря на это, сближенія съ мужемъ, напоминая ему о дѣтихъ и умоляя его возвратиться къ ней и позволить „жить такъ, какъ живали прежде, а не титулярною женой“, угрожая въ противномъ случаѣ оставить дѣтей и уѣхать въ деревню. „Что угодно, я безъ васъ ихъ при себѣ держать не буду“, писала она ему въ 1762 г., „потому, что мнѣ ихъ заключить въ деревню жить, каковое я имъ могу тамъ дать воспитаніе, уже и учить ихъ лѣты тѣ приходятъ“. По назначеніи Румянцева предсѣдателемъ Малороссійской коллегіи и переѣздѣ его въ Глуховъ, онъ дозволялъ женѣ и дѣтямъ переѣхать туда къ нему, но они прожили у него недолго, и въ концѣ 1766 г. онъ ихъ опять отослалъ въ Москву. Графиня Екатерина Михайловна снова пыталась убѣдить мужа вернуться къ совмѣстной жизни, указывая на неудобства жить раздѣльно и вызываемые этимъ лишніе расходы. „Домъ нашъ“, говорила она, „это свѣча съ двухъ концовъ горитъ, на два дома живемъ, вездѣ расходъ“. Но просьбы и увѣщанія ея оставались тщетны, и рѣдкія встрѣчи супруговъ вели лишь къ еще большому разладу и раздраженію; фельдмаршалъ почти совершенно отстранилъ отъ себя заботы о дѣтихъ и ихъ воспитаніе, даже содержаніе вступившихъ на военную службу сыновей лежало всецѣло на графинѣ Румянцевой, что, при отсутствіи опытности и надлежащаго руководства, доставляло ей немало заботъ и огорченій, особенно въ виду сопряженныхъ съ этимъ расходовъ. Обширная переписка ея съ мужемъ за періодъ времени съ 1762 по 1779 г. свидѣтельствуетъ о томъ, какъ нелегко было графинѣ Румянцевой справляться съ дѣтьми, хозяйствомъ и дѣлами безъ содѣйствія мужа. Образцовое исполненіе ею материнскихъ обязанностей, терпѣніе и достоинство, съ которыми она переносила пренебрежительное отношеніе мужа, стижали ей всеобщее уваженіе и репутацію примѣрной матери и жены, и эти свойства ея обратили на нее вниманіе Екатерины II, пожаловавшей ее 15 Августа 1773 года въ статсъ-дамы, съ назначеніемъ гофмейстериною Великой Княгини Натальи Алексѣевны. Переѣхавъ по этому случаю въ Петербургъ, графиня Румянцева сдѣлала новую неудачную попытку сближенія съ мужемъ и, покинувъ на время свой постъ, поѣхала его навѣстить, но при этомъ „такъ была пренебрежена и худо трактована отъ него“, что это ее даже „въ гнѣвъ привело“. Оставаясь при Великой Княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ до ея смерти, графиня Румянцева присутствовала неотлучно при ея продолжительныхъ и мучительныхъ родахъ и не отходила отъ нея до ея послѣдняго вздоха, чѣмъ даже стѣснила Императрицу Екатерину.

Въ 1776 г. Румянцева отправлена была со свитою навстрѣчу второй супругѣ Цесаревича Павла Петровича принцессы Виртембергской, при чемъ Императрица собственноручно надѣла на нее (12 Юля) ленту ордена св. Екатерины, а вскорѣ послѣ бракосочетанія ихъ графиня была отпущена на всегдашнее пребываніе въ Москву, гдѣ и скончалась 22 Августа 1779 г.; погребена она въ Донскомъ монастырѣ. Е. М. Румянцева имѣла трехъ сыновей: графовъ Михаила, Николая и Сергѣя.

На предлагаемомъ портретѣ графиня Румянцева изображена въ преклонныхъ годахъ, не раньше 1776 г.; такіе же портреты имѣются еще: первый въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ (именуемой ошибочно по каталогу графиней Е. Р. Воронцовой), и второй, лучшаго письма, приложенъ къ изданной графомъ Д. А. Толстымъ книгѣ „Письма графини Румянцевой“, съ оригинала пзъ имѣнія князей Голицыныхъ, села Троицкаго-Кайнарджи.

(Съ портрета, принадлежащаго князю С. М. Голицыну, с. Кузьминки, Московской губерніи.)

La comtesse CATHERINE MIKHAILOWNA ROUMIANTZEFF, 1724—1779, fille du feld-maréchal prince Michel Mikhaïlowitch Golitzyne (1675—1730) et de sa seconde femme, la princesse Tatiana Borissowna Kourakine (1695—1757), naquit le 25 septembre 1724. Elle épousa en 1748 le comte Pierre Alexandrowitch Roumiantzeff-Zadounaïsky (1725—1796), mais, au bout de six ans de mariage, les époux se séparèrent pour toute leur vie. La vie guerrière avait détourné le comte de sa femme, et, lorsqu'il rentra à Pétersbourg après la Guerre de Sept-Ans, elle dut aller vivre à part à Moscou. Malgré ses nombreuses infidélités, qu'elle connaissait parfaitement, elle faisait tout pour le ramener, au nom des enfants, le suppliant de venir „vivre comme autrefois, au lieu de ne lui laisser d'épouse que le titre“, sinon elle les abandonnerait et s'en irait à la campagne: „Que voulez-vous“, lui écrivait-elle en 1762, „je ne vais pas les garder sans vous pour les enfermer à la campagne: quelle éducation leur donner, là-bas? Les voilà en âge!“ Nommé président du Collège de Petite-Russie, il alla se fixer à Gloukhoff, et prit alors avec lui sa femme et ses enfants; mais ce ne fut pas pour longtemps: à la fin de 1766, il les renvoyait à Moscou. La comtesse fit de nouvelles tentatives pour le ramener à la vie de famille, en raison des inconvénients de la séparation et de l'augmentation de dépenses qu'elle entraînait: „Chez nous“, disait-elle, „la chandelle brûle par les deux bouts; double train de maison, partout des dépenses!“ Mais prières et raisons restèrent sans effet, et les rares entrevues ne faisaient qu'accroître la discorde et l'exaspération. Le feld-maréchal s'était presque absolument désintéressé des enfants et de leur éducation; l'entretien même des fils entrés au service militaire, laissé tout entier à la charge de la mère, lui causait, faute d'expérience et de la direction convenable, bien du souci et du chagrin, surtout quant à la question d'argent: sa volumineuse correspondance avec son mari de 1762 à 1779 témoigne de la difficulté qu'elle eut à se passer de lui pour les enfants, l'intérieur et les affaires. La manière exemplaire dont elle remplit sans lui ses devoirs de mère, la patience et la dignité qu'elle opposa à son dédain, lui valurent l'estime générale, lui firent une réputation de mère et d'épouse modèle, et appelèrent l'attention de Catherine II, qui la fit, le 15 août 1773, dame d'honneur et maîtresse de la Cour de la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna. Fixée dès lors à Pétersbourg, elle fit une nouvelle et infructueuse tentative près de son mari, et quitta un moment son poste pour aller le voir: „le mépris et le mauvais accueil“ qu'elle reçut allèrent jusqu'à la „mettre en colère“. Attachée à Natalie Alexéewna jusqu'à la mort de la Grande-Duchesse, elle l'assista régulièrement à ses laborieuses et douloureuses couches et ne la quitta qu'à son dernier soupir, au risque même de gêner l'Impératrice Catherine.

Envoyée en 1776 avec une suite au-devant de la princesse de Wurtemberg, seconde femme du Césarewitch Paul Pétrowitch, elle fut revêtue le 12 juillet, des propres mains de l'Impératrice, du cordon de Ste-Catherine. Puis, peu après le mariage, elle reçut l'autorisation de se fixer définitivement à Moscou, où elle mourut le 22 août 1779; elle fut inhumée au monastère Donskoï. Elle eut trois fils, Michel, Nicolas et Serge.

Le portrait ci-joint représente la comtesse Roumiantzeff à un âge avancé, en 1776 au plus tôt; on en connaît encore deux du même genre, l'un aux Archives du Ministère des Affaires étrangères, à Moscou, désigné par erreur au catalogue comme étant celui de la comtesse E. Worontzoff, l'autre, plus soigné, joint aux Lettres de la Comtesse Roumiantzeff publiées par le comte D. Tolstoï, reproduction d'un original de la propriété des princes Golitzyne, au bourg de Troïtzkoïé-Kaïnardji.

(D'après un original appartenant au prince S. Golitzyne, Kouzminki, gouv. de Moscou.)

George Augustus Macdonald, *Portrait of George Augustus Macdonald*, 1841-1842.

John Galt, *Portrait of John Galt*, 1841-1842.

John Galt, *Portrait of John Galt*, 1841-1842.

George Augustus Macdonald, *Portrait of George Augustus Macdonald*, 1841-1842.

La comtesse CATHERINE NIKOLAIOWNA ROMANOWITZ, (1708—1779), fille de l'admiral (plus tard) GRIHAILOVICH ROMANOV (1678—1750) et de sa seconde femme, la princesse TALIYA BUKHARINA-KHOUKOLINA (1692—1761), mariée le 25 septembre 1724. Elle épousa en 1748 le comte Pierre Alexandrovitch ROMANOWITZ-ZADACHINSKI (1708—1780), mort, au bout de six ans de mariage, des suites de sa participation pour son pays à la 1re campagne ayant défranchi le comte de sa femme, et lorsqu'il vint à Pétrobourg avec le comte de Sapeyev, elle dut aller vivre à Paris à Moscou. Malgré ses nombreuses infidélités, qu'elle commettait paternellement, elle travailla tout pour le bonheur, au point des enfants, le suppléant de sa vie, comme nous en avons vu la fin de ne lui laisser d'après que le fils¹, d'où elle les abandonna et s'en alla à la campagne. « Les enfants-sons ? », lui écrivait-elle en 1752, « je ne puis pas les garder sans vous pour le valoir à la campagne, quelle éducation leur donner, etc. » Le fils en âge ? Nomme président du Collège de l'Empire-Russe ? Elle se fit à Gatchinoff, et peu avant son mariage avec la femme et ses enfants, mais ce ne fut pas pour longtemps à la fin de 1760 il fut renvoyé à Moscou. La comtesse fit de nouvelles tentatives pour le ramener à la tête de famille en rétablissant les communications de la séparation et de l'augmentation de sa position pour s'enrichir. Chez nous, d'abord son « sa comtesse bruta par les deux bouts double bras de sa main pour les débiter ». Mais pour ce monde courrait sans elle, et les deux enfants ne lui donnaient pas de repos et l'exaspération. La comtesse était presque obséquieuse d'intérêt des enfants et de son comtesse. L'écriture même son fils était en service militaire, l'autre (qui volait à la charge de la mère) lui apportait l'acte d'expérience et de la discipline personnelle, bien du courage et du courage, surtout pour la qualité d'argent, sa volumineuse correspondance avec son mari de 1761 à 1775 témoigne de la sollicitude qu'elle eut à se passer de lui pour les enfants, l'éducation et les affaires. La comtesse accomplissait ses devoirs avec lui ses devoirs de mère, de personne et le droit qu'elle opposait à son défaut lui faisait l'écriture générale, lui écrivait ses réponses et lettres et réponses modifiées, et appelait l'attention de l'Empereur. Il qui la fit, le 15 août 1775, dans l'intimité et l'entretien de la Cour de la Grande-Duchesse Scholastique-Frédérique. Fixée dès lors à Pétrobourg, elle fit une nouvelle et infructueuse tentative près de son mari, « quelle au moment son père pour son mari, sa femme et le mauvais mari » qu'elle avait épousé, mais la « mère en colère ». Attachée à son mari jusqu'à la mort de la Grande-Duchesse, elle continuait paternellement à ses laborieuses et nombreuses tentatives et se la quitta qu'à ses derniers jours, et s'en alla avec de grâce l'Impératrice Catherine.

En 1775 avec son père au-dessus de sa comtesse par Württemberg, seconle femme du Comte-Prince Constantin, elle fut versée le 12 juillet, dans l'entourage de l'Impératrice, du cordon de St-Géorgien. Pour son mariage, elle vint l'annulation de la loi (l'abolition) à Moscou, où elle mourut le 22 août 1779. Elle fut inhumée au monastère Durov. Elle eut trois fils, Michel, Nicolas et Serge.

Le comte d'aujourd'hui reproche la comtesse ROMANOWITZ : sa vie avant, en 1770 au plus tôt, ou sa comtesse pour deux de même genre, l'un aux Affaires de l'Empire des Affaires étrangères, à Moscou, jusqu'à sa mort, la comtesse comme étant celui de la comtesse E. Worontzoff. Vous, plus soigné, pour les lettres de la Comtesse ROMANOWITZ publiées par le comte D. Tolstoï, reproduction d'un original de la comtesse son père, Goltzow, au bout de l'Empire-Russe.

[1] Cette est original appartenant au prince S. Goussakov, Kourminko, gouv. de Moscou.]

101

Графиня Екатерина Михайловна *La Comtesse Catherine Mikhaïlowna*
 Румянцевъ, *Roumiantzeff,*
 1724 — 1779 1724 — 1779

102

Графъ Петръ Александровичъ *Le Comte Pierre Alexandrowitch*
 Румянцевъ, *Roumiantzeff,*
 1725 — 1796 1725 — 1796

103

Князь Никита Юрьевичъ *Le Prince Nikita Youriewitch*
 Трубецкой, *Troubetzkoï,*
 1699 — 1767 1699 — 1767

104

Княгиня Анна Даниловна *La Princesse Anne Danilowna*
 Трубецкая, *Troubetzkoï,*
 171 . — 178 . 171 . — 178 .

Графъ ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РУМЯНЦЕВЪ-ЗАДУНАЙСКІЙ, 1725—1796, родился въ 1725 году отъ брака денщика Петра I Александра Ивановича Румянцева съ графиней Марьей Андреевной Матвѣевой. Петръ I, устроившій свадьбу Румянцева съ своей легкомысленной и пзмѣнявшей ему любовницей, Матвѣевой, выказывалъ и послѣ этого брака большое расположеніе къ молодой Румянцовой (о ней см. т. I, № 9). П. А. Румянцевъ, по преданію, сынъ Великаго преобразователя Россіи, увидѣлъ свѣтъ въ Молдавскомъ селѣ Строенцахъ въ то время, когда мать его ѣхала навстрѣчу мужу, долгое время бывшему въ отсутствіи, въ Константинополь; Екатерина I была его крестной матерью. Записанный въ 1731 г. въ полкъ, Румянцевъ въ 1740 г. былъ отправленъ въ качествѣ дворянина при посольствѣ въ Берлинъ „для пріобрѣтенія навыка по дипломатической части“; но молодой человекъ настаивалъ, что „у него къ гражданскому чину и обученію оному весьма склонности нѣтъ“, и отпачался такими „мотовствомъ, лѣнностью и забіячествомъ“, что посланникъ Бракель поспѣшилъ отъ него отдѣлаться. Помѣщенный въ 1740 г. въ Шляхетный корпусъ, Румянцевъ и тамъ не ужился и поступилъ на дѣйствительную военную службу, въ которой уже черезъ 4 года достигъ чина полковника. Въ Семилѣтней войнѣ онъ участвовалъ въ чинѣ генераль-майора (съ 25 Декабря 1755 г.), командуя отдѣльнымъ корпусомъ, и при Гросс-Эгерсдорфѣ рѣшилъ побѣду въ пользу русскихъ и взялъ Кольбергъ. Получивъ отъ Елисаветы чинъ генераль-поручика (5 Января 1758 г.) и орденъ Александра Невскаго (18 Августа 1759 г.), Румянцевъ сдѣлался любимцемъ ея преемника, который пожаловалъ его въ генераль-аншефы и кавалеры орденовъ св. Анны 1 ст. и Андрея Первозваннаго и предполагалъ сдѣлать главнокомандующимъ въ задуманной имъ войнѣ противъ Даніи. Екатерина II, желая воспользоваться талантами Румянцева, поспѣшила разубѣдить его въ томъ, что „бывшій его фавѣръ ему въ порокъ служить будетъ“. Въ 1764 г. Румянцевъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Малороссіи и въ теченіе 30 лѣтъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ Екатерины въ проведеніи реформъ, имѣвшихъ цѣлю искоренить украинскій сепаратизмъ, эту „сокровенную ненависть тамошняго народа противъ здѣшняго (великороссійскаго)“.

Въ началѣ Турецкой войны Румянцевъ былъ назначенъ начальникомъ второй арміи, служившей для оборонительныхъ цѣлей. Недовольная медлительностью князя Голицына, Екатерина, въ Августѣ 1769 г. назначила главнокомандующимъ Румянцева. Перейдя въ Маѣ 1770 года Днѣстръ, Румянцевъ долженъ былъ вести кампанію въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, съ силами въ нѣсколько разъ меньшими непріятельскихъ, въ мало изученной странѣ, при недостаткѣ въ провіантѣ и при свирѣпствовавшей чумѣ. „Стараюсь“, писалъ Румянцевъ Екатеринѣ, „въ непріятеля вложить больше мыслей, чѣмъ суть прямыя мои силы, и прикрывать недостатокъ оныхъ видомъ наступательныхъ дѣйствій“. Эта тактика доставила Румянцеву двѣ знаменитыя побѣды при Ларгѣ (7 Іюля) и при Кагулѣ (21 Іюля), за которыя онъ получилъ фельдмаршальскій жезлъ и ленту св. Георгія 1-й ст.; при Кучукъ-Кайнарджійскомъ мирѣ Румянцевъ получилъ титулъ „Задунайскаго“ и алмазами украшенные фельдмаршальскій жезлъ, шпагу, лавровый вѣнокъ, масличную вѣтвь и брилліантовые знаки ордена св. Андрея; въ честь его была выбита медаль съ его изображеніемъ; „для увеселенія его“ ему были пожалованы 5000 душъ, 100/т. рублей, серебряный сервизъ и картины. По возвращеніи въ Малороссію, фельдмаршалъ продолжалъ пользоваться милостями Императрицы: въ 1782 г. получилъ орденъ Владиміра 1-й ст., въ 1784 г. былъ пожалованъ въ подполковники Конной гвардіи; во вторую Турецкую войну Румянцева не рѣшались прямо обойти, но поручали ему только номинально руководство арміями. Екатерина, называя его въ глаза „обожасмымъ Велизаріемъ“, за глаза выражала желаніе его сбить, находя „пребываніе его въ арміи вреднымъ ея дѣламъ“.

Румянцевъ пережилъ Екатерину однимъ мѣсяцемъ: 4 Декабря 1796 г. онъ былъ пораженъ ударомъ, отъ котораго скончался 8 Декабря въ своемъ Малороссійскомъ имѣніи Тамани; погребенъ въ Великой церкви Кіево-Печерской лавры.

(Съ портрета, принадлежащаго И. Н. Симанскому, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte PIERRE ALEXANDROWITCH ROUMIANTZEFF-ZADOUNAÏSKY, 1725 — 1796, naquit en 1725 du mariage de l'ordonnance de Pierre-le-Grand Alexandre Ivanowitch Roumiantzeff avec la comtesse Marie Andréewna Matvéeff. Pierre était l'auteur de ce mariage, qui ne diminua nullement son inclination pour celle qui avait été sa frivole et infidèle maîtresse (v. T. I, № 9). Roumiantzeff, dont une tradition fait le fils du grand réformateur de la Russie, vit le jour au village moldave de Stroentzy, dans un voyage de sa mère pour aller rejoindre son mari, longtemps fixé à Constantinople; Catherine Ire fut sa marraine. Enrôlé en 1731 au service militaire, il fut attaché en 1740 à l'ambassade de Berlin, „pour y acquérir l'habitude des affaires diplomatiques“; mais il n'avait pas, comme il le répétait souvent, „le moindre goût pour le service civil et les études préparatoires“, et fit preuve „d'une dissipation, d'une paresse et d'une turbulence“ telles, que le ministre Wrackel se hâta de s'en débarrasser. Mis en 1740 au Corps des Cadets, il n'y resta pas non plus, et entra au service militaire actif, où il était quatre ans plus tard colonel. Général major le 25 décembre 1755, il fit la Guerre de Sept-Ans à la tête d'un corps détaché, décida la victoire en faveur des Russes à Gross-Jägersdorf et prit Kohlberg. Promu général lieutenant (5 janvier 1758) et décoré de St-Alexandre Newsky (18 août 1759) par Elisabeth, il devint le favori de son successeur, qui le fit général en chef et chevalier des ordres de Ste-Anne de 1re classe et de St-André, et pensait lui donner le commandement en chef dans la guerre qu'il projetait contre le Danemark. Catherine II, qui tenait à profiter de ses talents, se hâta de lui faire passer l'idée que „sa faveur passée pouvait lui faire du tort“. Nommé en 1764 général gouverneur de la Petite-Russie, il fut trente ans l'auxiliaire actif de l'Impératrice dans la réalisation des réformes destinées à extirper le séparatisme ukrainien, cette „haine latente du peuple de là-bas contre celui d'ici“ (grand-russe).

Nommé au début de la guerre de Turquie chef de la seconde armée, celle dont le rôle était défensif, Roumiantzeff fut fait en août 1769 commandant en chef par Catherine, mécontente de la lenteur du prince Golitzyne. Il passa le Dnièper au mois de mai suivant, et eut alors à opérer dans des conditions des plus défavorables, contre des forces bien des fois supérieures, au milieu d'un pays mal reconnu, avec des vivres insuffisants et aux prises avec la peste. „Je m'efforce“, écrivait-il à Catherine, „de tromper l'ennemi sur mes forces véritables, et d'en dissimuler l'insuffisance sous des opérations offensives“. La tactique réussit: les deux célèbres victoires de la Larga (7 juillet) et du Kagoul (21 juillet) lui valurent le bâton de feld-maréchal et St-Georges de 1re classe. A la paix de Koutchouk-Kaïnardji, il reçut le titre de Zadounaïsky, un bâton de feld-maréchal, une épée, une couronne de laurier et un rameau d'olivier enrichis de diamants, et les insignes de St-André en brillants; une médaille à son effigie fut frappée en son honneur, et on lui donna, „pour son plaisir“, 5000 têtes de paysans, 100.000 roubles, un service en argent et des tableaux. De retour en Petite-Russie, il fut encore comblé de faveurs par l'Impératrice: décoré de St-Vladimir de 1re classe en 1782, il fut fait en 1784 lieutenant-colonel de la Garde à cheval. Lors de la seconde guerre de Turquie, sans oser le laisser simplement de côté, on ne lui donna que le commandement nominal des armées: Catherine, tout en l'appelant en face son „Bélisaire adoré“, disait derrière lui son désir de s'en débarrasser, trouvant „sa présence nuisible aux affaires“.

Roumiantzeff survécut d'un mois à Catherine: le 4 décembre 1796, il fut frappé d'une attaque d'apoplexie, dont il mourut le 8 dans sa propriété de Tamane en Petite-Russie; il fut inhumé dans la Grande Eglise du monastère Petchersk, à Kieff.

(D'après un original appartenant à P. Simansky, St-Pétersbourg.)

Князь НИКИТА ЮРЬЕВИЧЪ ТРУБЕЦКОЙ, 1699—1767, сынъ князя Юрія Юрьевича отъ брака съ княжной Еленой Григорьевной Черкасской, родился 26 Мая 1699 г.; послѣ обученія за границей, Трубецкой, въ 1719 г., былъ принятъ ко Двору „волунтиромъ“, т.-е. взятъ въ число денщиковъ Петра I. Получивъ въ 1727 г. чинъ прапорщика, князь Трубецкой 10 Марта 1730 г. былъ пожалованъ въ генераль-майоры и подпоручики Кавалергардскаго корпуса, а 8 Юня 1731 г. пожалованъ въ майоры Преображенскаго полка. Трубецкой участвовалъ въ Польской и Турецкой кампаніяхъ, но къ боевой дѣятельности не былъ склоненъ и, благодаря протекціи Минниха, который питалъ большое расположеніе къ его второй жнѣ, княгинѣ Аннѣ Даниловнѣ, получилъ въ завѣдываніе комиссаріатскую часть. Произведенный въ 1737 г. въ генераль-лейтенанты, Трубецкой 13 Января 1737 г. былъ назначенъ генераль-кригсъ-комиссаромъ, а 3 Марта 1740 г.—въ Сибирь губернаторомъ и 30 Марта получилъ Александровскую звѣзду. Благодаря ходатайству Минниха, это назначеніе 28 Апрѣля было замѣнено другимъ, болѣе виднымъ, именно назначеніемъ на постъ генераль-прокурора, съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Князь Трубецкой исполнялъ обязанности верховнаго маршала при коронаціи Елисаветы и получилъ орденъ св. Андрея. Въ началѣ царствованія Елисаветы онъ пользовался большимъ вліяніемъ при Дворѣ; хотя придворное значеніе князя Трубецкаго ослабло въ концѣ 40-хъ годовъ, тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ оставаться однимъ изъ ближайшихъ къ Государынѣ сановниковъ: 14 Марта 1756 г. онъ былъ назначенъ членомъ Конференціи, а 5 Сентября того же года былъ пожалованъ въ генераль-фельдмаршалы, не имѣя никакихъ боевыхъ заслугъ; 16 Августа 1760 г. Трубецкой, въ званіи сенатора, былъ назначенъ президентомъ Военной Коллегіи. Позднѣе онъ попалъ въ число „возлюбленныхъ придворныхъ персонъ“ Петра III, который назначилъ его членомъ Особаго Собранія при Императорѣ, а 9 Юля удостоилъ его недостуинной до того времени чести быть полковникомъ Преображенскаго полка. Князь Трубецкой не много потерялъ съ воцареніемъ Екатерины, которая, хотя и побудила его отказаться отъ командованія Преображенскимъ полкомъ, но назначила верховнымъ маршаломъ при своей коронаціи, а 9 Юня 1763 г. „по изнуренномъ его здоровьи“ уволила въ отставку, съ сохраненіемъ полнаго жалованія.

Князь Трубецкой умеръ 16 Октября 1767 г. и погребенъ въ Архангельской церкви Чудова монастыря; онъ былъ женатъ дважды: 1) на дочери канцлера графа Головкина, Анастасѣ Гавриловнѣ († 1735 г.), и 2) съ 1736 г. на Аннѣ Даниловнѣ Херасковой, рожденной княжнѣ Друцкой. Отъ перваго брака онъ имѣлъ сыновей: Петра, Ивана и Сергѣя и еще двухъ, умершихъ въ младенчествѣ, отъ второго, кромѣ трехъ сыновей и двухъ дочерей, умершихъ въ младенчествѣ,—пять сыновей и трехъ дочерей.

Отъ природы не глупый, трудолюбивый и получившій образованіе въ „нѣмецкой землѣ“, князь Трубецкой принадлежалъ къ числу наиболѣе развитыхъ людей своего времени. Онъ былъ членомъ „ученой дружины“ Ѳеофана Прокоповича и „истиннымъ и древнимъ другомъ“ Кантемира; покровительствовалъ трупиѣ Волкова и, по отзыву знатоковъ дѣла, „самъ не худые стихи составлялъ“. Въ то же время князь Трубецкой былъ въ полномъ смыслѣ слова „куртизаномъ“, т.-е. человекомъ, для котораго цѣлью жизни являлся „дворскій фаворъ“ и соединенныя съ нимъ власть и богатство. Для Трубецкаго были дозволены всѣ пути, ведшіе къ этой цѣли. Онъ не гнушался самымъ низкимъ и лицемѣрнымъ подлаживаніемъ подъ вкусы монарховъ: для забавы веселаго Петра I онъ ревѣлъ на его пирахъ телянкомъ; съ богомольною Елисаветою рыдалъ во время церковныхъ церемоній; при войнолюбивомъ Петрѣ III онъ, несмотря на старость и болѣзнь, „затянутый въ иолный мундиръ, перевязанный галунами, подобно барабану, хорошо похонько поднималъ ножки и мѣсилъ грязь“ во главѣ своего взвода. Кромѣ личнаго благоволенія монарховъ, князь Трубецкой стремился пріобрѣсти и „высоко-патронную склонную милость“ временщиковъ. Онъ заискивалъ у Монса, поступался самыми священными своими правами въ пользу князя Ивана Долгорукаго и Минниха, унижался предъ Бирономъ... Съ помощью лести, интриги и счастливо завязанныхъ родственныхъ связей, князь Трубецкой благополучно пережилъ всѣ дворцовые перевороты и умѣлъ уснѣшно служить восьми государямъ, но зато заслужилъ неблагопріятные отзывы почти всѣхъ современниковъ.

(Съ портрета, находящагося въ Музеѣ Императора Александра III.)

Le prince NIKITA YOURIEWITCH TROUBETZKOÏ, 1699—1767, fils du prince Youri Youriewitch Troubetzkoï et de la princesse Hélène Grigoriwna, née Tcherkassky, naquit le 26 mai 1699. Il fit ses études à l'étranger, puis fut admis à la Cour en 1719 comme volontaire, c'est-à-dire ordonnance de Pierre-le-Grand. Porte-enseigne en 1727, il fut fait le 10 mars 1730 général major et sous-lieutenant au corps des Chevaliers-Gardes, et, le 8 juin 1731, major au régiment Préobragensky. Il fit les campagnes de Pologne et de Turquie, mais il n'avait aucun goût pour la carrière des armes, et, Minnich, qui éprouvait une grande inclination pour sa seconde femme, lui fit obtenir la direction du Service de l'intendance. Général lieutenant en 1737, il fut nommé le 13 janvier de la même année commissaire général à la guerre, puis, le 3 mars 1740, gouverneur de la Sibérie, et obtint le 30 mars suivant l'étoile de St-Alexandre; toujours par l'entremise de Minnich, il reçut le 28 avril un autre poste, beaucoup plus en vue, celui de procureur général, avec rang de conseiller privé actuel. Au couronnement d'Elisabeth, il remplit les fonctions de maréchal suprême, et fut décoré de St-André. La grande influence qu'il eut à la Cour au début du règne était bien tombée à la fin des années 40, ce qui ne l'empêcha pas de rester un des dignitaires les plus intimes de l'Impératrice: membre de la Conférence le 14 mars 1756, il fut fait le 5 septembre suivant général feld-maréchal, sans avoir rien fait comme militaire, et, le 16 août 1760, nommé, ayant le titre de sénateur, président du Collège Militaire. Dans la suite, il se trouva du nombre des personnages „bien en cour“ près de Pierre III, qui l'appela au Conseil Spécial attaché à l'Empereur, et, le 9 juillet, lui conféra l'honneur, jusque-là inaccessible, d'être colonel au régiment Préobragensky. Il ne perdit pas grand' chose à l'avènement de Catherine, qui, tout en le faisant renoncer à ce commandement, le nomma maréchal suprême à son couronnement, puis, le 9 juin 1763, „en raison de l'épuisement de sa santé“, le mit à la retraite avec solde entière.

Le prince Troubetzkoï mourut le 16 octobre 1767, et fut inhumé dans l'église Arkhangelsky, au monastère Tchoudovo. Il fut marié deux fois, en premières noces, à la fille Anastasie († 1755) du chancelier comte Gabriel Golovkine, puis, en 1736, à Anne Danilowna Khéraskoff, née princesse Droutzkoï. Il eut de son premier mariage cinq fils, Pierre, Ivan, Serge et deux autres morts en bas âge, et du second, outre trois fils et deux filles morts en bas âge, cinq fils et trois filles.

Son bon sens naturel, son amour du travail et l'instruction qu'il avait reçue „en terre allemande“ faisaient du prince Troubetzkoï un des hommes les plus développés du temps. Membre de la Légion savante de Théophane Prokopowitch, „vieux et fidèle ami“ de Kantémir, il protégea la troupe Wolkoff, et, au témoignage des connaisseurs, „fit lui-même des vers assez bien tournés“. C'était en même temps, dans toute l'acception du mot, un „courtisan“, c'est-à-dire un homme qui n'avait d'autre but dans la vie que „la faveur à la Cour“, avec le pouvoir et la fortune qu'elle comporte. Pour y parvenir, tous les moyens lui étaient bons. Il ne reculait point devant la flagornerie la plus basse et la plus hypocrite pour complaire aux monarques: avec l'humeur gaie de Pierre-le-Grand, il imitait à ses festins le meuglement du veau; avec la dévotion d'Elisabeth, il sanglotait aux cérémonies religieuses; avec les goûts belliqueux de Pierre III, la vieillesse et la maladie ne l'empêchaient pas, „sanglé dans son grand uniforme, bardé de galons comme une grosse caisse, de marquer le pas consciencieusement en piétinant dans la boue“ à la tête de son peloton. Il recherchait d'ailleurs non seulement la faveur personnelle du Souverain, mais encore „le haut patronage et la bienveillante protection“ des favoris. Il mendia les bonnes grâces de Mons, abandonna les plus sacrés de ses droits au prince Ivan Dolgorouky et à Minnich, s'avilit devant Biron... La flatterie, l'intrigue et d'heureux liens de parenté lui permirent de traverser sans encombre toutes les révolutions de palais et de servir avec succès huit souverains, mais aussi lui valurent la réprobation de presque tous les contemporains.

КНЯГИНЯ АННА ДАНИЛОВНА ТРУБЕЦКАЯ, 171.—177., дочь князя Даниила Андреевича Друцкого, въ первомъ бракѣ была за Валахскимъ выходцемъ майоромъ Матвѣемъ Андреевичемъ Херасковымъ (Хереско), умершимъ въ 1754 году въ должности коменданта города Переяслава, и имѣла отъ него трехъ сыновей, Александра, Петра и Михаила, изъ которыхъ послѣдній впоследствии прославился, какъ авторъ „Россіады“, и назывался Россійскимъ „Омиромъ“; 10 Ноября 1755 года молодая вдова вступила въ бракъ съ вдовцомъ княземъ Никитой Юрьевичемъ Трубецкимъ. На выборъ князя Трубецкого имѣла рѣшающее вліяніе та благосклонность, которую оказывалъ молодой майоршѣ фельдмаршалъ Минихъ. Анна Даниловна была интересной и бойкой дамой: она всюду ѣздила за арміей; въ извѣстномъ положеніи отправилась подъ Очаковъ и разрѣшилась отъ бремени въ лагерной обстановкѣ „на Коломенскомъ островѣ, близъ Днѣпровскихъ пороговъ“. Минихъ, „*toujours amoureux de la belle princesse Troubetzkoï*“, тянулъ вверхъ ея мужа и, закрывая глаза на его неспособность и упущенія по службѣ, довелъ его до высокаго поста генераль-прокурора. Княгиня Анна Даниловна раздѣляла почетное придворное положеніе своего мужа. Въ числѣ прочихъ „возлюбленныхъ придворныхъ персонъ“ Петра III она, покинутая мужемъ, присягавшимъ въ то время Екатеринѣ, 28 Іюня 1762 года принимала участіе въ злополучной поѣздкѣ низложеннаго Императора въ Кронштадтъ.

Отъ брака съ княземъ Трубецкимъ она имѣла, кромѣ 3 сыновей и 2 дочерей, умершихъ въ младенчествѣ, 5 сыновей: Юрія, Алексѣя, Николая, Александра и Василя, и 3 дочерей: Анну (за А. И. Нарышкинымъ), Елену (за княземъ А. А. Вяземскимъ) и Екатерину (монахиня).

Сумароковъ, умершій въ 1779 году, написалъ наполненную общими мѣстами эпитафію: „Къ надгробію Ея Сіятельства княгини Анны Даниловны Трубецкой“:

„Княгини Трубецкой зарыто тѣло въ землю,
Пришли минуты къ ней послѣдняго часа,
Уже летитъ ея душа подъ небеса,
Домъ стонетъ, я, стена, участіе пріемлю.
Гласятъ ея друзья: Разстались мы съ тобой;
Но всѣмъ сѣн пути предписаны судьбой;
Предписаны они, но всѣмъ они ужасны;
Однако, токи слезъ о мертвыхъ намъ напрасны;
Напрасны, но душа неволей токъ ліетъ.
Весь домъ умершія, тоскуя, вопіетъ:
О обща наша мать! ужъ нѣтъ тебя, ужъ нѣтъ.
Чтожь дѣлать? вить, никто пути сего не минетъ,
Родится, поживетъ и свѣтъ онъ сей покинетъ.
Чтожь дѣлать, коль нельзя сего перемѣнить?
А, если не дерзнемъ мы Бога симъ винить,
Такъ онъ надеждой намъ слезъ токъ велитъ отерти;
А мы надѣмся имѣть животъ по смерти.
Но какъ? о Боже мой! уходитъ то отъ думъ;
Душа надѣется, но весь мятется умъ.
Безмѣрно видъ такой ко представленью труденъ.
Но Богъ и всемогущъ, и щедръ, и правосуденъ;
И можемъ ли о Немъ мы это говорить:
Богъ создалъ насъ во прахъ созданье претворить?
Нѣтъ, мы сотворены Творца благодарить“.

(Съ портрета, находящагося въ Музеѣ Императора Александра III.)

La princesse ANNE DANILOWNA TROUBETZKOÏ, 171.—177., fille du prince Daniel Andréewitch Droutzkoï, épousa en premières nocés un émigré valaque, le major Mathieu Andréewitch Khéraskoff (Heresco), mort en 1734 commandant de la ville de Péréyaslawl, et eut trois fils, Alexandre, Pierre et Michel, dont le dernier se fit par sa *Rossiade* une célébrité d'Homère russe. Veuve de bonne heure, elle se remaria le 10 novembre 1735 au prince Nikita Youriewitch Troubetzkoï, également veuf, décidé surtout par la bienveillance dont elle était l'objet de la part du feld-maréchal Minnich. Piquante et délurée, elle suivit l'armée partout: elle partit pour Otchakoff dans une position intéressante, et accoucha dans la vie des camps, „à l'île de Kolomna, près des rapides du Dniester“. Minnich, „toujours amoureux de la belle princesse Troubetzkoï“, hissait le mari de grade en grade, et, fermant les yeux sur son incapacité et sa négligence dans le service, le fit parvenir au poste élevé de procureur général. La princesse avait sa part de la brillante situation de son mari à la Cour; mais, tandis qu'il abandonnait sa femme pour prêter serment à Catherine, elle était du nombre des personnes „bien en cour“ près de Pierre III qui suivaient l'Empereur déchu, le 28 juin 1762, dans sa fuite malheureuse à Cronstadt.

La princesse Troubetzkoï eut de son second mariage, outre trois fils et deux filles morts en bas âge, cinq fils, Youri, Alexis, Nicolas, Alexandre et Basile, et trois filles, Anne, mariée à A. Narychkine, Hélène, au prince A. Viazemsky, et Catherine, entrée en religion.

Soumarokoff († 1779) a composé, en vers bourrés de lieux communs, une Epitaphe pour Son Altesse la Princesse Anne Danilowna Troubetzkoï:

„Princesse Troubetzkoï, descendue au tombeau!
 „De son heure dernière ont sonné les instants,
 „Et vers le Ciel déjà son âme est envolée.
 „Chacun gémit, et moi, tout ému, je gémis!
 „De toi, disent les siens, nous voilà séparés!
 „Or, c'est là le destin à chacun réservé:
 „Il est écrit, mais tous le trouvent effrayant.
 „De larmes sur nos morts tous les torrents sont vains,
 „Mais notre âme ne peut retenir ces torrents.
 „Chacun de la défunte exhale ses regrets:
 „O notre mère à tous, tu n'es plus, tu n'es plus!
 „Mais, hélas! A ce sort nul ne peut échapper;
 „On naît, on fait son temps, puis on quitte ce monde:
 „Cet ordre, hélas! est tel, qu'on n'y peut rien changer!
 „Mais si nous n'osons pas contre Dieu murmurer,
 „Il nous donne l'espoir pour essuyer nos larmes,
 „Et nous espérons vivre au-delà de la mort.
 „Mais comment? O mon Dieu! Ce comment nous échappe;
 „L'âme espère, et l'esprit est tout déconcerté:
 „Notre immortalité lui semble impénétrable.
 „Mais Dieu, le tout-puissant, est juste et généreux:
 „Pouvons-nous donc de lui concevoir cette idée,
 „Qu'il nous aurait créés pour nous réduire en poudre?
 „Non! Pour lui rendre hommage il nous donna la vie!“

(D'après un original du Musée Alexandre III.)

ДМИТРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЛЕВИЦКІЙ, 1735—1822, самый выдающійся изъ русскихъ портретистовъ XVIII вѣка, родился въ Кіевѣ или въ Маячкѣ; отецъ его, Григорій Кирилловичъ, былъ извѣстный граверъ и происходилъ изъ стариннаго казацкаго рода Носовъ, фамилію же Левницкаго принялъ за женою. Хотя и Григорій Кирилловичъ, и его отецъ были священниками, но это не даетъ права причислять ихъ къ духовному сословію, такъ какъ до начала XIX вѣка на Украинѣ собственно духовнаго сословія не было,—всѣ казацкія дѣти учились въ бурсѣ и потомъ шли, смотря по призванію, кто въ Сѣчь, а кто въ священники, и ничего походяго на великорусское кастовое духовенство въ Малороссіи не существовало.

Д. Г. Левицкій также окончилъ курсъ сначала въ семинаріи, а затѣмъ въ Духовной академіи. Уже въ академіи онъ много рисовалъ и помогалъ отцу въ составленіи рисунковъ для его гравюръ.

Когда, въ 1752 г., въ Кіевъ пріѣхалъ А. П. Антроповъ, которому поручена была роспись построеннаго въ то время храма Андрея Первозваннаго, то Левицкіе, отецъ и сынъ, работали у него въ качествѣ помощниковъ. Антроповъ оцѣнилъ ихъ; отцу онъ выхлопоталъ мѣсто ревизора церковной живописи, сына же взялъ подъ свое руководство. Вернувшись въ Петербургъ, Антроповъ основалъ свою школу и выписалъ къ себѣ Д. Г. Левицкаго. Обойденный при учрежденіи Академіи Художествъ, Антроповъ не допустилъ своего любимаго ученика поступить туда, и онъ первое время работалъ подъ руководствомъ только одного Антропова. Вскорѣ ученикъ усвоилъ себѣ все, что только могъ передать ему учитель, и уже въ 1763 г. Левицкій имѣлъ въ Петербургѣ репутацію хорошаго портретиста. Однако, собственная взыскательность молодого художника не дала ему уснокоиться на достигнутыхъ результатахъ, и онъ сталъ брать частные уроки у двухъ профессоровъ новой Академіи—у Лагрене и у Валеріани.

Поразительная способность быстро улавливать не только сходство, но и самый нравственный обликъ изображаемаго имъ лица, при замѣчательномъ искусствѣ въ передачѣ всякихъ аксессуаровъ, доставила Левицкому заслуженный успѣхъ. Несмотря на присутствіе въ то время въ Петербургѣ многихъ иностранныхъ портретистовъ, сама Императрица нерѣдко отдавала ему предпочтеніе передъ знаменитыми иностранцами, а ея примѣру слѣдовала и вся русская знать. Благодаря этому, Левицкій увѣковѣчилъ своею кистью и сохранилъ для потомства образы почти всѣхъ своихъ выдающихся современниковъ. Даже знаменитый Дидро, пріѣзжавшій ненадолго въ Петербургъ, былъ изображенъ имъ лучше, чѣмъ это удалось прославленнымъ французскимъ живописцамъ. Такого мнѣнія о немъ былъ и самъ Дидро.

Академія Художествъ признала его въ 1770 г. академикомъ, въ 1776 г. избрала въ совѣтники Академіи, а черезъ четыре года—въ члены Совѣта. Съ 1771 г. онъ состоялъ тамъ преподавателемъ портретной живописи, до 1788 г., когда, по слабости здоровья и зрѣнія, вышелъ въ отставку и только въ 1807 г. снова принятъ въ члены Совѣта, каковымъ и оставался до самой смерти. Умеръ онъ въ 1822 г., но гдѣ именно, въ Петербургѣ или въ Кіевѣ—неизвѣстно.

Нравственный обликъ Левицкаго какъ художника и человека является крайне симпатичнымъ. Онъ чуждъ былъ всякой *jalousie de métier*. Когда ему сообщили рѣзкій отзывъ Дидро о своемъ портретѣ, написанномъ Лагрене, Левицкій горячо возсталъ противъ него за его рѣзкость, хотя отзывъ этотъ былъ въ пользу его собственной работы. Къ своимъ ученикамъ онъ относился вполне по-отечески; а за работы свои бралъ самыя умѣренныя цѣны, и только не упускалъ случая, пользуясь высокимъ положеніемъ своихъ заказчиковъ, выхлопотать какую-нибудь помощь кому-либо изъ своихъ земляковъ.

О женѣ его, Анастасіи Яковлевнѣ, не сохранилось никакихъ свѣдѣній, дочь же его, Агафья Дмитриевна, была замужемъ за Александромъ Андреевымъ; отъ нея были у него внуки и внучки; мужского же поколѣнія у Левицкаго, по прямой линіи, не осталось.

Въ изданіи „Русскіе Портреты“, въ первыхъ трехъ томахъ, уже помѣщено около 20 портретовъ кисти Левицкаго (въ томъ числѣ и портретъ Дидро). Настоящій портретъ самого художника, въ старости, писанъ Яковлевымъ, когда Д. Г. Левицкому было уже 77 лѣтъ; существуетъ еще другой его портретъ работы Боровиковскаго, относящійся къ 1795 году, и принадлежащій Н. С. Горковенко.

(Съ портрета И. Яковлева, 1812 г.; находится въ Императорской Академіи Художествъ.)

DMITRI GRIGORIEWITCH LÉVITZKY, 1735 — 1822, le plus éminent des portraitistes russes du XVIIIe siècle, naquit à Kieff ou à Maïatchek, d'un père connu comme graveur et descendant de la vieille famille cosaque des Nossoff: le nom de Lévitzy était celui de sa mère. Son père était prêtre, son grand-père paternel l'avait été, et cependant on ne peut dire qu'ils fussent de condition ecclésiastique, car, avant le XIXe siècle, en Ukraine le clergé ne constituait pas ce qu'on appelle une classe: les enfants de cosaques étaient tous mis à la boursa (pensionnat ecclésiastique spécial), et en sortaient pour aller, suivant leur vocation, soit à la Setch (milice volontaire cosaque), soit être prêtres; mais il n'y avait rien en Petite-Russie d'analogue au clergé de caste grand-russe.

Lévitzy fit aussi ses études d'abord au séminaire, puis à l'Académie ecclésiastique. Dès l'Académie, il dessinait beaucoup, et aidait son père à exécuter des dessins pour ses gravures.

Lorsqu'en 1752, Antropoff vint à Kieff pour la décoration de l'église St-André, nouvellement achevée, le père et le fils lui prêtèrent leur concours et se firent apprécier: il fit obtenir au père une place d'inspecteur de la peinture religieuse, et, quant au fils, il le prit sous sa protection, puis, de retour à Pétersbourg, fonda son école et l'y fit venir de Kieff. Evincé lors de la fondation de l'Académie des Beaux-Arts, il n'y laissa pas entrer son élève préféré, qui travailla d'abord uniquement sous sa direction. L'élève eut vite acquis tout ce que pouvait lui donner le maître, et, dès 1763, Lévitzy avait à Pétersbourg une réputation de bon portraitiste. Cependant, d'une exigence pour lui-même qui ne lui permettait pas de s'en tenir au résultat obtenu, le jeune artiste prit des leçons particulières avec deux professeurs de la nouvelle Académie, Lagrenée et Valeriani.

Un talent surprenant pour saisir rapidement non seulement la ressemblance, mais encore l'expression morale du modèle, joint à un art remarquable dans l'exécution des accessoires, valut à Lévitzy un succès mérité. Bien qu'il y eut alors à Pétersbourg plusieurs portraitistes étrangers, l'Impératrice elle-même lui donna fréquemment la préférence sur des célébrités étrangères, et entraîna par son exemple tout le grand monde russe. C'est ainsi que le pinceau de Lévitzy immortalisa et conserva à la postérité les traits de presque tous les contemporains marquants: il n'est pas jusqu'à l'illustre Diderot, de passage à Pétersbourg, qu'il n'eût mieux réussi que les artistes français en renom, et de l'aveu de Diderot même.

Membre en 1770, conseiller en 1776, et, quatre ans plus tard, membre du Conseil de l'Académie des Beaux-Arts, il y enseigna le portrait à partir de 1771, et jusqu'à ce qu'en 1788, sa santé et sa vue le contraignissent à la retraite: en 1807 seulement, il redevint membre du Conseil, pour le rester jusqu'à sa mort. Il mourut en 1822, mais où, à Pétersbourg ou à Kieff, on ne sait.

Dans Lévitzy, moralement, l'artiste et l'homme sont infiniment sympathiques. Il était exempt de toute jalousie de métier: le ton acrimonieux du jugement de Diderot sur son portrait par Lagrenée, tout favorable cependant au travail de Lévitzy, provoqua de sa part de chaleureuses protestations. Pour ses élèves, il fut toujours un père, et, s'il demandait pour les commandes la rétribution la plus modique, il ne manquait jamais de profiter de l'influence de ceux qui les lui faisaient pour faire obtenir quelque faveur à un compatriote.

De sa femme Anastasie Yakovlewna, on ne sait rien; sa fille, Agathe, épousa Alexandre Andréeff et lui donna des petits-fils et des petites-filles, mais il ne laissa pas de descendance mâle en ligne directe.

Les Portraits Russes ont déjà donné dans leurs trois premiers volumes une vingtaine de figures dues au pinceau de Lévitzy, entre autres Diderot. Voici maintenant l'artiste lui-même, vieillard de 77 ans, par Yakovleff; il existe un autre portrait de lui, par Borovikowsky, daté de 1795 et appartenant à N. Gorkovenko.

(D'après l'original de I. Yakovleff, 1812, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

ЛЕВИЦКИЙ.
Дмитрій Григорьевичъ.
Членъ Высшаго Синода.
1735 — 1822.

Пис. Яковлевъ, 1812

Дмитрій Григорьевичъ
Левицкій,
1735 — 1822

Peint par Yakovlev, 1812

Dmitri Grigorievitch
Levitky,
1735 — 1822

ЛЕБРЕХТЪ.
Карлъ Александровичъ.
Присоединенъ къ Высшему
Суду.
1749 — 1827.

Пис. Трошинъ

Карлъ Александровичъ
Леберехтъ,
1749 — 1827

Peint par Torrine

Charles Alexandrovitch
Leberecht,
1749 — 1827

КАРЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЛЕБЕРЕХТЪ, 1749—1827, медальеръ и граверъ на твердыхъ камняхъ, родился въ Мейнингенѣ (по другимъ извѣстіямъ въ 1755 г.); пріѣхавъ въ Россію въ качествѣ рѣзчика, онъ быстро нашелъ себѣ покровителей среди петербургской аристократіи, для которыхъ рѣзалъ гербовыя печати, и въ 1779 г. поступилъ на службу въ С.-Петербургскій Монетный дворъ. Но, повидимому, вскорѣ и покровители его увидѣли, что, кромѣ хорошей техники, онъ не обладалъ ничѣмъ; по отзыву графа Ф. П. Толстого, „онъ не только не умѣлъ рисовать, но не зналъ, какъ надо начертить простой профильный глазокъ“. Полнымъ же невѣждою онъ былъ и во всемъ, „что касается до научныхъ познаній и свѣдѣній, какъ и въ изящныхъ искусствахъ“. Надѣясь, вѣроятно, пополнить эти пробѣлы, его отправили въ 1783 г. на два года за границу, для усовершенствованія въ медальерномъ искусствѣ. Но и эта поѣздка принесла ему мало пользы. Хотя онъ и получилъ въ 1794 г. отъ Петербургской Академіи Художествъ званіе академика, а по принятіи имъ въ 1799 г. русскаго подданства назначень главнымъ медальеромъ С.-Петербургскаго Монетнаго двора, но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ рѣзать штемпеля для медалей лишь по рисункамъ, доставляемымъ заказчиками. Однако, свойственная Леберехту искательность сослужила ему и тутъ не малую услугу: онъ получилъ мѣсто преподавателя Императрицы Маріи Ѳеодоровны, а съ открытіемъ въ 1800 г. медальернаго класса при Академіи опредѣленъ и тамъ преподавателемъ. Неудивительно, что всѣ эти его должности доставили ему не только званіе почетнаго вольнаго общника Академіи, но даже званіе почетнаго члена академій Берлинской и Стокгольмской. Умеръ онъ въ 1827 г. въ Петербургѣ.

Чтобы оцѣнить по достоинству его талантъ, достаточно вспомнить вырѣзанную имъ въ 1782 г. медаль съ изображеніемъ Екатерины II, въ которой, по удачному замѣчанію Д. А. Ровинскаго, онъ изобразилъ, „вмѣсто Екатерины, нѣчто вроде Юлія Кесаря, да при томъ толстѣйшаго и самаго безобразнаго“.

Кромѣ этой медали, пзвѣстны еще медали его работы: на раздѣлъ Польши, на столѣтіе Петербурга, на открытіе Петербургской биржи, на столѣтіе присоединенія Риги къ Россіи, на открытіе Полтавскаго памятника, на возвращеніе Императора Александра I изъ Парижа, а также—въ честь: И. И. Бецкаго, Петра Бирона, С. К. Грейга, Суворова, П. Г. Демидова, графа А. С. Строганова и другихъ. Немало также вырѣзано имъ на крѣпкихъ камняхъ аллегорическихъ и историческихъ сюжетовъ.

Впрочемъ, интересенъ не самъ Карлъ Леберехтъ, а его портретъ, писанный В. А. Тропининымъ, за который нашъ знаменитый портретистъ получилъ званіе академика.

(Съ портрета Тропинина, 1824 г.; Императорская Академія Художествъ.)

CHARLES ALEXANDROWITCH LEBERECHE, 1749—1827, médailliste et graveur sur pierres dures, naquit à Meiningen en 1749 (d'autres disent en 1755); venu en Russie comme graveur, il se trouva bientôt des protecteurs dans l'aristocratie pétersbourgeoise, pour laquelle il gravait des cachets héraldiques, et entra en 1779 à la Monnaie de Pétersbourg. Mais ses protecteurs mêmes ne tardèrent sans doute guère à s'apercevoir qu'à part sa bonne technique, il n'avait rien pour lui: au témoignage du comte Th. Tolstoï, „non seulement il ne savait pas dessiner, mais encore il était incapable de faire un simple œil de profil“. Même ignorance „en matière de science et d'instruction générale qu'en art!“ Dans l'espoir, sans doute, de combler ces lacunes, on l'envoya en 1783 passer deux ans à l'étranger pour se perfectionner dans l'art du médailliste, mais sans aucun résultat. Membre de l'Académie des Beaux-Arts de St-Pétersbourg en 1794, naturalisé russe en 1799, puis nommé médailliste principal de la Monnaie de St-Pétersbourg, il n'en continua pas moins à ne graver que d'après le dessin qui lui était remis. Il avait un caractère insinuant qui ne fut pas sans lui rendre ici grand service: il fut d'abord maître de gravure de l'Impératrice Marie Féodorowna, puis, à l'ouverture de la classe de médailles de l'Académie, en 1800, s'en fit nommer maître. Rien d'étonnant si toutes ces fonctions lui valurent non seulement le titre d'associé libre honoraire de l'Académie, mais même ceux de membre honoraire des Académies de Berlin et de Stockholm. Il mourut en 1827 à Pétersbourg.

On ne saurait donner une plus juste idée de son talent qu'en rappelant la médaille qu'il exécuta en 1782 à l'effigie de Catherine II: c'était, selon l'heureuse expression de Rovinsky, „non pas Catherine, mais une espèce de Jules César, bouffi et des plus affreux“.

Outre cette médaille, on connaît encore celles qu'il fit à l'occasion du partage de la Pologne, du centenaire de Pétersbourg, de l'inauguration de la Bourse de Pétersbourg, du centenaire de la réunion de Riga à la Russie, de l'inauguration du monument de Poltava, du retour de Paris de l'Empereur Alexandre Ier, ainsi qu'en l'honneur de Betzkoï, de Pierre Biron, de Greigh, de Souvoroff, de P. Démidoff, du comte A. Stroganoff et d'autres. Il est également l'auteur de nombreuses allégories et scènes historiques sur pierre dure.

D'ailleurs, l'intéressant n'est pas Leberecht, c'est son portrait par Tropinine, qui valut à notre célèbre portraitiste le titre d'académicien.

(D'après l'original de Tropinine, 1824, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

Графиня ИРИНА ИВАНОВНА ВОРОНЦОВА, 1768—1848, старшая изъ двухъ дочерей дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Михайловича Измайлова, исключеннаго изъ службы въ день воцаренія Екатерины II за прѣвѣренность свою къ Петру III, отъ брака его съ княжной Александрой Борисовной Юсуповой, родилась 16 Августа 1768 года. Лишившись родителей въ молодости, она, какъ и сестра ея Евдокія, впослѣдствіи княгиня Голицына („Princesse Minuit“ или „Nocturne“), получила воспитаніе въ домѣ бездѣтнаго дяди, Московскаго главнокомандующаго Михаила Михайловича Измайлова, даваго племянницамъ очень разностороннее образованіе.

Выйдя замужъ за графа Иларіона Ивановича Воронцова (р. 1760 г., † 1790 г.), она прожила съ нимъ очень недолго, такъ какъ мужъ ея скончался всего 30-и лѣтъ отъ роду, въ годъ рожденія ихъ единственнаго сына, графа Ивана Иларіоновича. Послѣ смерти мужа, графиня Ирина Ивановна Воронцова провела нѣсколько лѣтъ за границею изъ-за здоровья сына, бывшаго слабымъ и болѣзненнымъ ребенкомъ, и много путешествовала по Италіи вмѣстѣ съ сестрою своею, княгиней Е. И. Голицыной. Въ отличіе отъ послѣдней, спокойная, практичная и уравновѣшенная, она пользовалась репутаціею очень милой и любезной женщины, крайне пріятной въ обращеніи, и во время пребыванія своего въ Неаполь привлекла къ себѣ особенныя симпатіи итальянскихъ дамъ, такъ какъ она первая изъ знатныхъ русскихъ путешественницъ, которыя вообще избѣгали знаться съ иностранцами, завела знакомства и сношенія съ итальянскимъ обществомъ. Вернувшись въ Россію, графиня И. И. Воронцова много занималась устройствомъ имущественныхъ дѣлъ своего сына и, благодаря умѣлому управленію хозяйствомъ и имѣніями, способствовала увеличенію его состоянія. Она пользовалась особеннымъ расположеніемъ своей тетки по мужу, извѣстной княгини Екатерины Романовны Дашковой, и когда та, поссорившись со своею дочерью Щербининой, вознамѣрилась лишить ее наслѣдства, выборъ ея остановился на сынѣ графини Ирины Ивановны Воронцовой. Послѣдняя приняла это предложеніе за несовершеннолѣтняго еще сына, къ которому и перешло имя Дашкова, вмѣстѣ съ большей частью населенныхъ имѣній княгини Дашковой.

Подъ старость графиня Ирина Ивановна Воронцова проживала у своего сына, женатаго уже на Александрѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, въ нижнемъ этажѣ его дома на Дворцовой набережной. Совершенно оглохшая, она никуда не выходила изъ своихъ покоевъ и принимала лишь близкихъ и то только по утрамъ. Скончалась она 10 Октября 1848 года и похоронена въ церкви Св. Духа въ Александро-Невской лаврѣ.

(Съ портрета Виже-Лебрень, 1797 г.; собственность графа И. И. Воронцова-Дашкова, С.-Петербургъ.)

La comtesse IRÈNE IVANOWNA WORONTZOFF, 1768—1848, l'aînée des deux filles du conseiller privé actuel Ivan Mikhaïlowitch Izmaïloff, exclu du service à l'avènement de Catherine II pour sa fidélité à Pierre III, et d'Alexandrine Borissowna, née princesse Youssoupoff, naquit le 16 août 1768. Orpheline de bonne heure, elle fut élevée, ainsi que sa sœur Eudoxie, dans la suite princesse Golitzyne (Princesse Minuit ou Princesse Nocturne), chez un oncle sans enfants, le commandant en chef de Moscou Michel Mikhaïlowitch Izmaïloff, qui fit donner à ses nièces une instruction des plus complètes.

Mariée au comte Hilarion Ivanowitch Worontzoff (1760—1790), elle devint bientôt veuve: il mourut à 30 ans seulement, le jour de la naissance d'un fils unique, Ivan. Elle passa ensuite quelques années à l'étranger pour la santé de l'enfant, débile et maladif, et voyagea beaucoup en Italie avec sa sœur la princesse Golitzyne, tout au contraire de laquelle son calme, son sens pratique et sa pondération lui firent une réputation de charmante personne, aimable et d'un commerce extrêmement agréable: à Naples, elle se concilia la sympathie toute particulière des Italiennes, pour s'être fait des relations et des amitiés dans la société italienne, au lieu d'éviter les étrangers, comme le faisaient avant elle toutes les grandes dames russes. De retour en Russie, elle s'occupa beaucoup des affaires matérielles de son fils, dont elle accrut la fortune grâce à l'habileté avec laquelle elle organisa son intérieur et géra ses propriétés. Elle jouissait de la bienveillance particulière de sa tante par alliance, la fameuse princesse Catherine Romanowna Dachkoff, qui, brouillée avec sa fille Mme Chtcherbinine, la déshérita au profit du jeune comte Worontzoff: la mère accepta pour son fils encore mineur, auquel passa le nom de Dachkoff, ainsi que la plupart des propriétés en exploitation de la princesse.

La comtesse Worontzoff passa la fin de sa vie chez son fils, alors marié à Alexandrine Kirillovna Narychkine; elle habitait le rez-de-chaussée de sa maison du Quai du Palais. Complètement sourde, elle ne quittait jamais ses appartements, ne recevant que des intimes, et seulement dans la matinée. Elle mourut le 10 octobre 1848, et fut inhumée dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original de Vigée-Lebrun, 1797, appartenant au comte I. Worontzoff-Dachkoff, St-Pétersbourg.)

1911
1912

1913
1914

1915
1916

1917
1918

Пис. Виссе-Лебренъ

Графиня Ирина Ивановна
Воронцова,
1768 — 1848

Peint par Vigée-Lebrun

La Comtesse Irène Ivanovna
Worontzoff,
1768 — 1848

Пис. Рэбрувъ

Княгиня Евдокія Ивановна
Голлицына,
1780 — 1848

Peint par Rasbura

La Princesse Eudoxie Ivanovna
Golitzine,
1780 — 1848

Княгиня ЕВДОКІЯ ИВАНОВНА ГОЛИЦЫНА, 1780—1850 (біографическія свѣдѣнія о ней см. т. II, № 49), жила съ мужемъ въ разводѣ и дѣтей не имѣла; ей не выпало на долю создать семейнаго гнѣзда, и она обратила свой домъ въ роскошный салонъ, двери котораго—по прихоти-ли или, какъ утверждаютъ нѣкоторые современники, по предубѣжденію этой эксцентричной красавицы—открывались только ночью. Зимой она жила въ Петербургѣ, на Большой Милліонной ул. (по набережной р. Мойки), въ домѣ подъ № 6, лѣтомъ—въ собственной дачѣ на р. Невѣ. Въ эту, по выраженію князя Вяземскаго, „храмину“, „артистически украшенную кистью и рѣзцомъ лучшихъ изъ современныхъ русскихъ художниковъ“, стекалось разнообразное общество, преимущественно мужчинъ (княгиня не любила женскаго общества). Здѣсь были представители высшей аристократіи, поэты, не исключая Пушкина, Жуковскаго, князя Вяземскаго, художники, а иногда и люди науки. Княгиня была надѣлена красотой, которая долго не поддавалась вліянію времени. „Не знаю“, писалъ о ней князь П. А. Вяземскій, „какова она была въ первой молодости, но и вторая и третья молодость ея плѣняли какою-то свѣжестью и цѣломудріемъ дѣвственности“. „Трудно кому-нибудь превзойти васъ“, писалъ Батюшковъ А. И. Тургеневу, „въ добротѣ, точно такъ, какъ княгиню Голицыну, Авдотью Ивановну, въ красотѣ и пріятности; вы оба никогда не состарѣетесь: вы—душою, она—лицомъ. Это не я говорю,—Жуковскій“... Красота княгини снискала ей много поклонниковъ, но были и строгіе судьи, которыхъ она не могла увлечь. Пушкинъ, посвятившій княгинѣ прекрасный мадригалъ („Краевъ чужихъ неопытный любитель“...), одно время „смертельно“ въ нее влюбленный, смотрѣлъ на нее, какъ на женщину, „не съ мертвой красотой, но съ огненной, плѣнительной, живой“. Другими чертами надѣлилъ красавицу княгиню князь Вяземскій, оставившій довольно подробно описанный ея портретъ. „Вообще“, заключаетъ онъ, „красота ея отзывалась чѣмъ-то пластическимъ, напоминавшимъ древнее греческое изваяніе... въ ней было „что-то ясное, спокойное, скорѣе лѣнивое, безстрастное“... Еще болѣе холоднымъ вышло изображеніе красавицы изъ-подъ пера Карамзина: „Признаюсь“, писалъ онъ, „я не влюбился бы въ Пиню: отъ ея трезубца пышетъ не огнемъ, а холодомъ“. За княгиней Голицыной довольно прочно утвердилось, на ряду съ прозвищами „*princesse Nocturne*“, „*princesse Minuit*“, и прозвище „Пиню“. Женщина образованная и не безъ покушеній на ученость, весьма любившая „просвѣщенный разговоръ“, она казалась многимъ—и въ томъ числѣ кн. Вяземскому—„не обыкновенной свѣтской барыней, а жрицей какого-то чистаго и высокаго служенія“, самый „разговоръ“ которой „дѣйствовалъ на душу, какъ Россиніева музыка“. Впрочемъ, не на всѣхъ Голицына въ роли Пиню производила одинаковое впечатлѣніе: „Она благородная“, признавалъ А. И. Тургеневъ, „и—когда не на треножникѣ, а просто на стулѣ—умная женщина“. Какъ бы то ни было, но домъ княгини былъ однимъ изъ замѣчательныхъ Петербургскихъ салоновъ, гдѣ бывали наши лучшія литературныя силы, гдѣ далеко за полночь лился, по свидѣтельству Пушкина, „разговоръ непринужденный, плѣнительный, веселый, просвѣщенный“ и главнымъ образомъ на литературныя, а еще болѣе на политическія темы. Княгиня любила заниматься политическими вопросами, и они волновали ее до послѣднихъ ея дней. Своимъ политическимъ взглядамъ она не измѣняла, но упорство въ нихъ получило подъ конецъ рѣзкую окраску. Быть-можетъ, къ ней шелъ кокошникъ, оплетенный лаврами, и русскій сарафанъ, которыми эта горячая патриотка такъ поразила всѣхъ на балу въ Москвѣ въ 1814 году; она и въ 1823 г. была для Пушкина „*adorable comme la liberté*“, „небесной“ княгиней, хотя была и „антипольской“ княгиней, „*constitutionnelle ou anticonstitutionnelle*“ (конечно, вѣрнѣе послѣднее), но односторонне понятый патриотизмъ дѣлалъ ее впоследствии подчасъ и смѣшной, какъ смѣшенъ былъ поднятый ею въ 1840-хъ годахъ походъ противъ разведенія въ Россіи картофеля, въ чемъ она видѣла посягательство на русскую національность. По этого мало: страсть княгини къ политикѣ вызывала въ ея прежнихъ друзьяхъ и грустныя чувства; такъ, А. И. Тургеневъ, посѣтившій ее въ 1844 г. въ Парижѣ, гдѣ Голицына составляла какія-то „Посланія къ перамъ“, сомнѣвался въ нормальности ея умственныхъ способностей, къ тому же время сдѣлало свое дѣло: оно не пощадило и ея красоты, превративъ „небесную“ княгиню въ „страшную“ старуху.

Княгиня Е. И. Голицына родилась въ Москвѣ 4 Августа 1780 г., умерла въ С.-Петербургѣ 18 Января 1850 г. и похоронена въ церкви Св. Духа, въ Александро-Невской лаврѣ.

(Съ портрета Реберна; собственность графа И. И. Воронцова-Дашкова, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse EUDOXIE IVANOWNA GOLITZYNE, 1780—1850 (v. la notice biographique, T. II, № 49), vécut séparée de son mari et n'eut pas d'enfants; ne pouvant se créer un intérieur familial, elle fit de sa maison un luxueux salon dont les portes, soit par l'effet d'un caprice, soit, comme le prétendent quelques contemporains, par suite d'une idée préconçue de cette fantasque beauté, ne s'ouvraient que de nuit. Elle habitait, l'hiver à Pétersbourg, Grande Millionnaïa (Quai de la Moïka), maison 6, et l'été, sa villa des bords de la Néva. „Artistement orné de chefs-d'œuvre des meilleurs peintres et sculpteurs russes contemporains“, ce petit „temple“, comme l'appelait le prince Viazemsky, était le rendez-vous d'une société variée, d'hommes surtout (la princesse n'aimait pas la société féminine), représentants de la haute aristocratie, poètes, y compris Pouchkine, Joukowski et le prince Viazemsky, artistes et parfois aussi hommes de science. La princesse était d'une beauté qui résista longtemps aux efforts du temps. „Je ne sais pas“, écrivait le prince Viazemsky, „comment elle était dans sa première jeunesse, mais sa seconde et sa troisième jeunesse avaient un charme de fraîcheur et de candeur virginales“. „Il est aussi difficile“, écrivait Batiouchkoff à A. Tourguéneff, „de vous surpasser en bonté, que la princesse Golitzyne en beauté et en agrément; vous ne vieillirez jamais ni l'un ni l'autre, vous moralement, elle physiquement. Ceci est de Joukowski, non de moi“... La beauté de la princesse lui fit de nombreux adorateurs, mais il y eut aussi des juges sévères, qu'elle ne put séduire. Pouchkine, qui lui dédia un charmant madrigal („De pays lointains novice amateur“...) et en fut un moment amoureux „à mort“, la trouvait une beauté „De feu, captivante, vivante, Et non de ces beautés sans vie“. On la voit sous un autre jour dans le portrait assez détaillé qu'en laissa le prince Viazemsky: „En résumé“, conclut-il, „il y a dans sa beauté quelque chose de plastique qui rappelle les antiques grecques... quelque chose de serein, de calme, plutôt indolent, apathique“... Plus froid encore est l'avis de Karamzine: „J'avoue que je ne tomberais pas amoureux de la Pythie; son trident dégage non pas du feu, mais de la glace“. Outre ses surnoms de Princesse Nocturne et Princesse Minuit, elle était assez connue sous celui de la Pythie. Instruite et quelque peu femme savante, grand amateur de conversation sérieuse, elle faisait souvent l'effet, au prince Viazemsky, par exemple, „non d'une mondaine ordinaire, mais de la prêtresse de quelque culte idéal et sublime“, dont la parole seule „était pénétrante comme la musique de Rossini“. D'ailleurs son rôle de Pythie ne produisait pas la même impression sur tout le monde: „C'est une belle âme“, reconnaissait A. Tourguéneff, „et, ailleurs que sur son trépied, sur une simple chaise, une femme d'esprit“. Quoi qu'il en soit, son salon était un des plus remarquables de Pétersbourg, fréquenté par nos meilleurs littérateurs et animé longtemps après minuit d'une conversation, dit Pouchkine, „franche, captivante, gaie, sérieuse“ et portant généralement sur des sujets littéraires et surtout politiques. La princesse aimait la politique et en fut passionnée jusqu'à la fin de ses jours: ses opinions ne varièrent pas, mais l'opiniâtreté qu'elle y apportait prit dans les derniers temps une nuance bien tranchée. Sans doute ils allaient bien à cette ardente patriote, le kokochnik couronné de laurier et le sarafane russe qui firent une telle sensation au bal de Moscou en 1814; Pouchkine la trouvait encore en 1825 „adorable comme la liberté“ et „céleste“, toute „antipolonaise“ qu'elle était et „constitutionnelle ou anticonstitutionnelle“ (le dernier plutôt, assurément), mais son étroite conception du patriotisme la rendait parfois ridicule: témoin sa campagne des années 40 contre la culture de la pomme de terre en Russie, qui lui semblait porter atteinte au nationalisme russe. Bien plus, sa manie de politique éveilla chez ses anciens amis de douloureux soupçons: c'est ainsi que A. Tourguéneff, qui la vit à Paris en 1844 rédiger des Epîtres aux Pairs, en vint à douter de l'équilibre de ses facultés. Aussi bien, le temps avait fait son œuvre: la beauté était disparue, et la „céleste“ princesse transformée en une „affreuse“ vieille.

Née à Moscou le 4 août 1780, la princesse Golitzyne mourut à St-Pétersbourg le 18 janvier 1850, et fut inhumée dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original de Reburn, appartenant au comte I. Worontzoff-Dachkoff, St-Pétersbourg.)

Принцесса ЕЛИЗАВЕТА ТАРАКАНОВА (?), 1752—1775, неизвестная женщина, унесшая в могилу тайну своего происхождения, если только сама ее знала, в 1775 г. говорила, что ей 23 года, но люди, ее видевшие, давали ей от 25 до 30 лет. Она появилась на Западе в начале 70-х годов XVIII столетия и при этом так же часто меняла свои имена, как местопребывание и свои привязанности: она называла себя султаншей Селимой и Али-Эмене, принцессой Владимирской Елизаветой, г-жей Франк, Шелль, Треймюль и т. п., в Венеции она жила под именем графини Пиннеберг, в Инсбруке она называлась графиней Силинской, у нас ее звали и зовут, неизвестно почему, принцессой Таракановой. Она интересовала современников. Английский посол в Петербурге утверждал, что она дочь трактирщика в Праге, английский консул в Ливорно считал ее дочерью Нюрнбергского булочника; в Лондоне и Париже она вращалась в обществе различных искателей приключений, находилась одно время в связи с Польским посланником в Париже Огинским, а затем с князем Лимбургским, который был в нее влюблен и намечался на ней жениться; одни считали ее полькой, другие немкой или итальянкой; во всяком случае она имела какие-то связи с поляками: кроме Огинского, в Италию ее сопровождал безпутный князь Радзивилл „пане коханку“, в Риме она имела сношения с иезуитами и кардиналом Альбани и получала от папского двора некоторые суммы; там же покровительствовала ей Польский посланник маркиз Антич. Екатерина II видела тут дело польских конфедератов и им приписывала внушение неизвестной авантюристке мысли заявить права на Русский престол под видом дочери Елизаветы Петровны. Сама она призналась, что ее „держали в неизвестности о том, кто ее родители“. По отзыву современников, она отличалась быстрым умом, знала языки, играла на арфе, умела рисовать и обладала кокетством, легко побуждавшим сердца мужчин... Однако, сама, очень чувственная и страстная, в свою очередь легко побуждалась ими и легко вступала в многочисленные и непрочные связи... Кроме того, она была доверчива и легкомысленна. Когда графу А. Г. Орлову Екатерина II поручила добыть самозванку, даже силой, герой Чесмы предпочел действовать на ее слабости... и, увидя ее „благосклонность“ к себе, „старался казаться перед нею очень страстным“. Ему, 35-летнему богатырю, не трудно было победить страстную красавицу; с первого свидания она была очарована, в первый же день отдала себя всецело в его власть, не подозревая гнусного предательства и не думая, что эта связь продлится ровно неделю... После этого Орлову ничего не стоило заманить „принцессу“ в Ливорно, на корабль, и тут арестовать. В Петербурге „Тараканова“ была заключена в Алексеевский равелин Петропавловской крепости; следствие ничего не обнаружило, а у узницы открылась чахотка; болезнь усилилась после того, как она родила в Ноябре сына, отцом которого был Орлов (его часто смешивают с сыном Орлова, А. А. Чесменским, родившимся в 1762 г.). По преданию, его крестили генерал-прокурор Вяземский и жена коменданта Чернышева. Мать умерла 4 Декабря 1775 г.; судьба ее ребенка неизвестна. Орлов дает такой ее портрет: „Она женщина росту небольшого, тела очень сухого, лицом ни белая, ни черная, а глаза имеют большие и открытые, цветом темнокарие и косые, брови темнорусые, а на лице есть и веснушки“... Князь А. М. Голицын писал о ней: „Росту она среднего, сухощава, статна, волосы имеют черные, глаза карие и несколько коса, нос продолговатый с горбом, почему и походить лицом на итальянку“. По словам Античи, „она высокая, красивая, стройная женщина, кожа ее очень белая, цвет лица прекрасен, но она немного косит на левый глаз, чрезвычайно умна и образована“... Каких бы то ни было изображений „Таракановой“ не существует. Ничто, не противоречит возможности видеть в этом старом мраморном барельефе ее профиль; надпись на обороте скорее удостоверяет его достоверность: „Головка „Княжны Таракановой“, привезена из Италии, досталась теперешнему владельцу от бабушки его Анны Феодоровны Орловой, дочери графа Феодора Григорьевича Орлова и племянницы графа Алексея Орлова-Чесменского, от которого она головку и получила. А. Ф. Орлова вышла замуж за моего родного дядю, действ. тайн. советника, сенатора Александра Николаевича Безобразова, прямой внук которого я сам, Николай Феодорович Безобразов. Справиться можно: Волоколамск, имение Николаевское, Московской губ., у Н. Ф. Безобразова“.

(Съ барельефа, находящегося въ собраніи Великаго Князя Николая Михайловича.)

La princesse ÉLISABETH TARAKANOFF (?), 1752—1775, personnalité énigmatique qui emporta au tombeau le secret de son origine, si toutefois elle le connut jamais elle-même, prétendait avoir 23 ans en 1775, mais ceux qui la connaissaient de vue lui en donnaient 25 ou 30. Elle fait son apparition en Europe peu après 1770, et change de nom aussi souvent que de résidence et de liaison: on la voit successivement sultane Sélime et Ali-Eméné, princesse Elisabeth de Vladimir, demoiselle Frank, puis Schell, Treymull, etc.; à Venise elle se fait appeler comtesse Pinneberg, à Pise comtesse Silinsky, en Russie elle est connue, sans qu'on sache pourquoi, sous le nom de princesse Tarakanoff. Elle intrigua les contemporains: l'ambassadeur d'Angleterre à Pétersbourg la disait fille d'un cabaretier de Prague, le consul d'Angleterre à Livourne, d'un boulanger de Nuremberg; à Londres et à Paris, elle fréquenta divers aventuriers, et fut un moment en relations avec le ministre de Pologne à Paris, Oginsky, puis avec le prince de Limbourg, qui était amoureux d'elle et voulait l'épouser. Les uns la disaient polonaise, d'autres allemande ou italienne: elle avait en tout cas des attaches avec les Polonais, sans parler d'Oginsky: elle se fit accompagner en Italie par le prince Radziwill, le débauché; à Rome, où elle était en relations avec des Jésuites et avec le cardinal Albani, elle émargeait au budget du pape et jouissait de la protection du ministre polonais le marquis Antici. Catherine II vit là une intrigue des confédérés polonais, auxquels elle attribuait l'idée qu'eut la mystérieuse aventurière de faire valoir des droits au trône de Russie comme fille d'Elisabeth Pétrowna: or, elle-même convint qu'on lui avait „fait un secret de sa naissance“. Au témoignage des contemporains, elle avait l'esprit vif, connaissait les langues, jouait de la harpe, savait dessiner, et déployait une coquetterie qui lui valait des conquêtes faciles... Mais aussi, sensuelle et passionnée, elle devenait à son tour une proie facile pour ses victimes, et noua sans peine de nombreuses et passagères liaisons... Elle était en outre crédule et frivole. Chargé par Catherine II de s'assurer de l'usurpatrice, au besoin par la force, le comte Alexis Orloff préféra la prendre par son faible: il profita du „penchant“ qu'elle lui témoignait pour „faire le passionné auprès d'elle“, et, avec la prestance de ses 55 ans, eut facilement raison de la belle exaltée. Conquise dès la première entrevue, elle se livra tout de suite entièrement à lui, sans soupçonner l'odieuse trahison ni se douter que la liaison durerait juste huit jours...; dès lors, il n'eut pas de peine à l'attirer à son bord, en rade de Livourne, et à l'y faire prisonnière. A Pétersbourg, la Princesse Tarakanoff fut internée à la Citadelle Pierre-et-Paul, au ravelin Alexis; l'enquête demeura infructueuse, et la jeune femme fut atteinte d'une phtisie qui ne fit qu'empirer après la naissance, en novembre, d'un enfant, dont le père était Orloff, mais qu'on confond souvent avec son fils A. Tcheshmensky né en 1762, et qui aurait eu pour parrain et marraine le procureur général Viazemsky et la femme du commandant Tchernycheff. La mère mourut le 4 décembre 1775; quant à l'enfant, on ne sait ce qu'il devint.

La princesse Tarakanoff était, au témoignage d'Orloff, „une petite femme toute sèche, ni blanche ni noire de peau, aux grands yeux bruns un peu louches, aux sourcils châtain foncé, avec des taches de rousseur“... „De taille moyenne“, dit le prince A. Golitzyne, „sèche, bien faite, elle a les cheveux noirs, les yeux bruns et un peu louches, un long nez busqué qui la fait ressembler à une italienne“... D'après Antici: „Grande, belle et élégante, elle a la peau très blanche, un teint magnifique, mais elle louche un peu de l'œil gauche; c'est une personne très intelligente et instruite“... On ne connaît aucun portrait d'elle, mais rien n'empêche d'en voir un dans le profil reproduit ici d'après un bas-relief en marbre portant au revers l'inscription suivante, qui en confirme plutôt l'authenticité: „Tête de la Princesse Tarakanoff, rapportée d'Italie et transmise au propriétaire actuel par sa grand'mère Anne Féodorowna Orloff, fille du comte Théodore Grigoriéwitch Orloff et nièce du comte Alexis Orloff-Tcheshmensky, duquel elle l'a reçue. Anne Féodorowna Orloff était la femme de mon grand-père, le conseiller privé actuel et sénateur Alexandre Nikolaéwitch Bezobrazoff, dont je suis moi-même le petit-fils en ligne directe, Nicolas Féodorowitch Bezobrazoff. Pour les renseignements s'adresser: Volokolamsk, domaine de Nikolaewskoïé, gouvernement de Moscou, N. Bezobrazoff“.

(D'après un bas-relief de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

109

Portrait of a man in profile, facing right.
 (Portrait of a man in profile, facing right.)
 1800-1800

110

Portrait of a man in a dark coat and hat.
 (Portrait of a man in a dark coat and hat.)
 1800-1800

111

Portrait of a man in a circular frame.
 (Portrait of a man in a circular frame.)
 1800-1800

112

Portrait of a woman in a circular frame.
 (Portrait of a woman in a circular frame.)
 1800-1800

109

Принцесса Елизавета *La Princesse Elisabeth*
 Тараканова (?), *Tarakanoff (?)*,
 1752 (?) — 1775 1752 (?) — 1775

110

Монахиня Досиоѳея, *La Religieuse Dosithée*,
 1746 — 1810 1746 — 1810

111

Графъ Алексѣй Григорьевичъ *Le Comte Alexis Grigorievitch*
 Орловъ-Чесменскій, *Orloff-Tchensmensky*,
 1735 — 1807 1735 — 1807

112

Графиня Евдокія Николаевна *La Comtesse Eudoxie Nikolaevna*
 Орлова-Чесменская, *Orloff-Tchensmensky*,
 1761 — 1786 1761 — 1786

МОНАХИНЯ ДОСНӨЕЯ, 1746—1810, лицо таинственное, совершенно неизвестное; по преданию, в 1785 г. в Московский женский Ивановский монастырь прислана была, по секретному предписанию Екатерины II, еще нестарая женщина, здесь пострижена и содержалась тутъ подъ строгимъ надзоромъ. Вотъ все, что собственно фактически о ней известно. Известно, впрочемъ, еще, что она жила въ нижнемъ этажѣ, въ особомъ небольшомъ зданіи и занимала всего три комнаты (келліи) съ окнами, обращенными во дворъ. Въ настоящее время отъ стараго Ивановскаго монастыря, историческаго, не осталось и слѣда, все разрушено, и на мѣстѣ древняго монастыря и храма конца XVI в. возведены на купеческія деньги новыя, грандіозныя постройки, свидѣтельствующія о нашемъ невѣжественномъ отношеніи къ старинѣ и объ отсутствіи художественнаго вкуса. Профессоръ И. М. Снегиревъ видѣлъ, однако, еще келлію Доснөен, бесѣдовалъ съ знавшимъ ее старымъ причетникомъ, видѣлъ ея погребеніе, поэтому здѣсь приводится то, что говоритъ Снегиревъ о Доснөей. Это тѣмъ болѣе необходимо, что все, что писано позднѣе, носитъ характеръ „житія“ святой, гдѣ среди обычной „житійной“ риторики и цвѣтовъ краснорѣчія затериваются и тѣ немногія данныя, которыя имѣютъ историческое значеніе. Благодаря тихой и благочестивой жизни, преданіе окружило таинственную личность Доснөен ореоломъ святости. Снегиревъ пишетъ, что привезенная въ Ивановскій монастырь женщина была, „повидимому, знатнаго происхожденія“. Никто ея не видалъ, кромѣ игуменіи, духовника, причетника, умершаго въ глубокой старости, да Московскаго купца Филиппа Никифоровича Шепелева, торговавшаго чаемъ и сахаромъ на Варваркѣ, отъ котораго Снегиревъ также заимствовалъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой таинственной монахинѣ. По словамъ этихъ современниковъ, Доснөен „была уже пожилая, средняго роста, худощава тѣломъ и стройна станомъ; несмотря на свои лѣта и долговременное заключеніе, еще сохраняла въ лицѣ нѣкоторыя черты прежней красоты; ея приемы и обращеніе обнаруживали благородство ея происхожденія и образованность. Старый причетникъ видѣлъ какихъ-то знатныхъ особъ, допущенныхъ игуменіею на короткое время къ затворницѣ, которая говорила съ ними на иностранномъ языкѣ. На содержаніе ея отпускалась особая сумма изъ казначейства“. Столь она имѣла хорошій, иногда получала откуда-то крупныя суммы, раздавала ихъ бѣднымъ и на церковь, куда ходила рѣдко, и тогда никого туда не пускали; любопытныхъ отъ ея оконъ, всегда завѣшенныхъ, отгоняли. Занималась она также рукодѣліемъ и чтеніемъ книгъ; послѣдніе годы жизни „провела въ безмолвіи“. Въ царствованіе Александра I она содержалась болѣе свободно и „оставалась въ забвеніи“. Отпѣвалъ ее епископъ Дмитровскій Августинъ, присутствовалъ на погребеніи самъ графъ И. В. Гудовичъ, главнокомандующій Москвы, и другіе вельможи Екатерининскаго времени. Погребена Доснөен въ Новоспасскомъ монастырѣ, направо отъ колокольни, у стѣны; на дикомъ камнѣ, положенномъ на ея могилѣ, надпись: „Подъ симъ камнемъ положено тѣло усопшія о Господѣ монахини Доснөен, обители Ивановскаго монастыря, подвизавшейся о Христѣ Иисусѣ въ монашествѣ 25 лѣтъ и скончавшейся Февраля 4-го 1810 года. Всего ея житія было 64 года. Боже, всели ея въ вѣчныхъ Твоихъ обителяхъ“.

Портретовъ Доснөен намъ известно два одинаковыхъ: одинъ, попорченный, находится у Ф. А. Головина, въ его родовомъ имѣніи с. Новоспасскомъ-Деденевѣ; онъ былъ подаренъ самой Доснөей воспитывавшейся въ Ивановскомъ монастырѣ княжнѣ Аннѣ Гавриловнѣ Гагариной, впослѣдствіи Головиной, особѣ благочестивой, которую Доснөен очень любила; второй — находится въ Новоспасскомъ монастырѣ, и на оборотѣ его написано, что это — Доснөен, въ мірѣ принцесса Августа Тараканова.

Отсюда дѣлается заключеніе, что Доснөен — дочь Императрицы Елисаветы отъ тайнаго брака ея съ А. Г. Разумовскимъ. Но ни официальные документы, ни частная переписка, ни мемуары и записки русскихъ людей и иностранцевъ, ни донесенія дипломатовъ не заключаютъ въ себѣ даже намека на существованіе какой бы то ни было принцессы Августы Таракановой! Скорѣе всего нужно согласиться съ Васильчиковымъ, авторомъ исторіи семьи Разумовскихъ, что дѣтей у Елисаветы Петровны съемъ не было. По преданію, Доснөен рассказывала Головиной что-то о похищеніи ея въ Италію, о привозѣ на кораблѣ въ Россію... но все это туманно, сбивчиво!... Снегиревъ объ этомъ также ничего не пишетъ. Не дѣлая никакихъ выводовъ, предоставимъ времени приподнять эту завѣсу, если угодно будетъ судьбѣ.

(Съ портрета, находящагося въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.)

La Religieuse DOSITHÉE, 1746 — 1810, personnalité énigmatique, complètement inconnue; s'il faut en croire la tradition, en 1785 le monastère de femmes Ivanowsky, à Moscou, reçut, en vertu d'un ordre secret de Catherine II, une novice encore jeune, qui y prit le voile et y fut tenue sous une étroite surveillance. Là se borne ce qu'on peut vraiment en dire de positif. On sait pourtant aussi qu'elle occupait, au rez-de-chaussée d'un petit pavillon isolé, trois cellules donnant sur la cour. Des bâtiments historiques du Vieux Monastère Ivanowsky, il ne reste plus trace aujourd'hui: l'ancien cloître et l'église de la fin du XVIe siècle ont fait place à de splendides bâtiments neufs élevés aux frais de marchands et qui témoignent de notre indifférence grossière pour nos antiquités et de notre absence de goût artistique. Le professeur I. Snéguireff a cependant pu voir encore la cellule de Dosithée, causer avec le vieux religieux qui la servait et assister à son enterrement; aussi mettons-nous ici à contribution sa description du monastère Ivanowsky, d'autant plus que tous les renseignements postérieurs ont une allure de Vie des Saints, et que le peu de données ayant quelque valeur historique, noyées dans l'emphase habituelle du genre, disparaissent sous les fleurs de rhétorique. L'existence calme et pieuse de Dosithée lui a fait, la tradition aidant, une auréole de sainteté. Au témoignage de Snéguireff, la novice amenée au monastère „paraissait de haute extraction“. Personne ne la vit, que la supérieure, son confesseur, le serviteur mort dans une profonde vieillesse, et aussi le marchand de Moscou Philippe Nikiforowitch Chépéleff, qui avait un magasin de thé et de sucre dans la Varvarka, et fournit également à Snéguireff quelques renseignements sur la religieuse mystérieuse. D'après ces contemporains, elle „était déjà d'un certain âge, de taille moyenne, mince et élégante; l'âge et sa longue retraite lui avaient laissé des traces de son ancienne beauté; son genre et ses manières révélaient la noblesse de son extraction et sa culture. Le vieux serviteur avait vu des personnes de qualité lui faire une courte visite avec l'autorisation de la supérieure et lui parler dans une langue étrangère. Son entretien était couvert par des fonds spéciaux prélevés sur le Trésor“. Elle avait une bonne table, recevait de temps en temps de grosses sommes, et les dépensait en aumônes ou pour les besoins de l'église, où elle allait rarement et où personne n'était admis quand elle y était; on ne laissait pas les curieux s'arrêter près de ses fenêtres, toujours garnies de rideaux. Elle faisait aussi des travaux d'aiguille et de la lecture; ses dernières années „se passèrent dans le silence“. Sous Alexandre Ier, elle fut gardée moins étroitement et „demeura oubliée“. Ses obsèques furent célébrées par l'évêque de Dmitroff Augustin, en présence du comte I. Goudowitch en personne, le commandant en chef de Moscou, et d'autres seigneurs du temps de Catherine. Elle fut inhumée au monastère Novospassky, à droite du clocher; on lit sur la pierre brute qui recouvre sa sépulture: „Sous cette pierre repose en Dieu le corps de la religieuse Dosithée, du monastère Ivanowsky, décédée, après 25 années d'exploits en religion pour Jésus-Christ, le 4 février 1810 à l'âge de 64 ans. Seigneur, Reçois-la dans Tes demeures éternelles!“

Il existe, à notre connaissance, deux portraits de Dosithée: l'un, fortement endommagé, chez Th. Golovine, dans son domaine patrimonial de Novospasskoïé-Dédénévo, fut donné par Dosithée elle-même à une élève du monastère Ivanowsky, la princesse Anne Gavrilowna Gagarine, plus tard Golovine, personne fort pieuse et qu'elle aimait beaucoup; l'autre, au monastère Novospassky, porte au revers l'indication: „Dosithée, dans le monde princesse Augusta Tarakanoff“.

On en a conclu que Dosithée était une fille qu'aurait eue l'Impératrice Elisabeth de son mariage secret avec A. Razoumowsky. Mais ni les documents officiels, ni la correspondance privée, ni les mémoires et souvenirs de russes et d'étrangers, ni les rapports des diplomates ne renferment la moindre allusion à l'existence d'une princesse Augusta Tarakanoff! Le mieux est sans doute de croire avec Vassiltchikoff, l'auteur de l'histoire de la famille Razoumowsky, qu'Elisabeth Pétrowna n'eut pas d'enfants du tout. Une tradition prétend que Dosithée aurait raconté à Mme Golovine avoir été enlevée en Italie, puis amenée par mer en Russie..., mais tout cela est vague et confus... et Snéguireff n'en dit rien non plus. Sans risquer de conclusion, laissons au temps le soin de déchirer le voile, s'il plaît à la destinée.

(D'après un original du monastère Novospassky, Moscou.)

Графъ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОРЛОВЪ-ЧЕСМЕНСКІЙ, 1735 — 1807, родился 25 Сентября 1735 года (біогр. свѣдѣнія см. т. I, № 192); онъ отличался „богатырскимъ сложеніемъ и геркулесовской силой“; изъ всѣхъ Орловыхъ онъ одинъ былъ „въ истинномъ смыслѣ народный человѣкъ“ по его вкусамъ и даже страстямъ, но зато изъ всѣхъ Орловыхъ въ немъ одномъ иностранные дипломаты признавали всѣ качества государственнаго мужа: „большое спокойствіе, ясность и широту взгляда, упорство въ достиженіи цѣли: только полная увѣренность въ успѣхѣ можетъ побудить его предпринять что-либо рискованное“; эта осторожность могла иногда казаться перфшительностью, и Екатерина II, сравнивая его съ отчаяннымъ и взбалмошнымъ Григоріемъ, говорила: „Этотъ другого сорта, онъ всегда останавливается препятствіями“. Но братья лучше знали своего „Алехана“, и среди нихъ онъ пользовался громаднымъ авторитетомъ. Поражавшій современниковъ восточной пышностью, Орловъ въ сущности былъ очень расчетливый человѣкъ и разумный помѣщикъ, любимый своими крестьянами и особенно дворовыми. Но въ Москвѣ роскошь Орлова нужна была ему изъ честолюбія, онъ былъ въ концѣ XVIII и въ началѣ слѣдующаго вѣка первый тамъ вельможа; хотя и опальный, онъ былъ первый среди знати и самый популярный человѣкъ среди народа, который онъ подкупалъ своей удалью. Впрочемъ, Орловъ дѣлалъ много добра, и явно, и тайно, и любилъ оказывать людямъ покровительство. Онъ „поставилъ себѣ первымъ правиломъ не казаться, а быть добрымъ“, и, дѣйствительно, эта доброта не столько была проявленіемъ мягкаго сердца, сколько расчетомъ сильнаго ума. Скрытый и неоткровенный „графъ былъ мастеръ скрывать свои чувства“, такъ говорила близкая къ Орлову М. С. Бахметева... Екатерина II это чувствовала и, несмотря на всю тонкость своего ума, ей не всегда удавалось скрыть едва замѣтныя черточки нѣкоторой боязни и недоувѣрія въ отношеніи этой колоссальной фигуры одного изъ ближайшихъ своихъ сподвижниковъ... А между тѣмъ заслуги Орлова, оказанныя Екатеринѣ, были велики! Екатерина II никогда не могла забыть какихъ-то особенныхъ услугъ А. Орлова „24 и 26 Іюня“... 28 Іюня 1762 г. тотъ же Орловъ привезъ ее изъ Петергофа въ Петербургъ; 6 Іюля Екатерина получила неожиданное, но желанное въ душѣ, конечно, письмо Орлова, что Петра III не стало: онъ взялъ на себя весь грѣхъ, каялся, признавалъ себя „достойнымъ казни“. Письмо это оправдало Екатерину передъ потомствомъ и навѣки избавило отъ нареканій; въ ночь съ 25 на 26 Іюня 1770 г. Орловъ сжегъ турецкій флотъ въ Чесменской гавани, одержалъ побѣду, „совершеннѣе которой быть не можетъ“: многое простилось Орлову за Чесму, и слава, добытая имъ въ Чесменскихъ водахъ, записала его имя на страницахъ исторіи; Екатерина хорошо сознавала значеніе этой побѣды. Прошло немного времени, и въ Италіи Орловъ „ознаменовалъ себя такимъ подвигомъ“ для Екатерины, который запятналъ его доброе имя; этотъ подвигъ—„поймка“ самозванки, называвшей себя дочерью Императрицы Елисаветы. Екатерина, обезпокоенная смутами Пугачевщины, страстно желала получить въ свои руки самозванку, едва ли не основательно предполагая тутъ козни польскихъ конфедератовъ, и поручила Орлову добыть ее. Желаніе услужить Екатеринѣ у Орлова зашло слишкомъ далеко: онъ постарался получить довѣріе, заслужить любовь, вступить въ связь, сдѣлаться отцомъ ребенка несчастной женщины, чтобы ее предать... Какъ Государыня, Екатерина радовалась, какъ женщина, надо отдать ей справедливость, она по достоинству оцѣнила поступокъ и холодно писала, что „довольна ревностью и его многотрудной службой“; надо сказать, что безпутный „пане коханку“ князь Радзивиллъ, таскавшійся долго всюдуза самозванкой, наотрѣзъ отказался предать свою любовницу, даже въ виду обѣщанія возратить ему конфискованныя его, имѣнія... Затѣмъ слѣдуютъ годы отставки, удаленія, едва не опалы. Въ слѣдующія два царствованія Орловъ не игралъ уже никакой роли, но пережилъ во дни Павла много тяжелыхъ и опасныхъ минутъ, какъ участникъ убійства отца Государя.

Графъ А. Г. Орловъ умеръ въ Москвѣ 24 Декабря 1807 г. и погребенъ былъ въ с. Отрадѣ, Московской губ.; въ 1831 г., по желанію дочери, прахъ его былъ перенесенъ въ Новгородскій Юрьевъ монастырь, а въ 1896 г., стараніями графа А. В. Орлова-Давыдова, возвращенъ въ Отраду.

На прилагаемомъ портретѣ, чрезвычайно рѣдкомъ, можно сказать, единственномъ, графъ Орловъ изображенъ еще въ сравнительно молодыхъ годахъ, въ мундирѣ подполковника Преображенскаго полка (полковникомъ была сама Императрица), каковымъ онъ былъ пожалованъ въ 1767 году.

(Съ миниатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михайловичу.)

Le comte ALEXIS GRIGORIEWITCH ORLOFF-TCHESMENSKY, 1735—1807, naquit le 25 septembre 1735 (v. sa biographie T. I, N° 192). „Taillé en athlète et d'une force herculéenne“, il était le seul Orloff qui fût „vraiment bien du peuple“ par ses goûts et même ses passions, mais aussi le seul auquel les diplomates étrangers reconnussent toutes les qualités de l'homme d'état, „calme parfait, netteté et largeur de vues, persévérance à la poursuite du but; seule une entière confiance dans le succès peut lui faire entreprendre quelque chose de risqué“; une telle circonspection pouvait sembler quelquefois de l'indécision, et Catherine II, le comparant avec ce risque-tout, cet écervelé de Grégoire, disait: „Celui-là est d'autre espèce: il est toujours arrêté par les obstacles“. Mais ses frères connaissaient mieux leur Alexis, et il jouissait près d'eux d'une autorité considérable. Tout en faisant l'étonnement des contemporains par sa magnificence orientale, il était au fond très regardant, entendu à ses affaires et fort aimé de ses paysans et surtout de ses gens de maison. Mais, à Moscou, le luxe était pour lui une nécessité d'ambition: à la fin du XVIIIe et au commencement du XIXe siècle, il y était le premier grand seigneur; dans sa disgrâce, il restait le premier de la société de marque et l'homme le plus populaire dans le peuple, séduit par sa témérité. Il faisait d'ailleurs beaucoup de bien, ouvertement ou non: toujours prêt à accorder sa protection, „il s'était fait avant tout une règle d'être bon, et non de le paraître“, et effectivement, sa bonté était moins un effet de son bon cœur qu'un calcul de sa forte tête. Réservé et dissimulé, „le comte était maître dans l'art de cacher ses sentiments“, comme disait une intime, Mme M. Bakhméteff... Catherine II le sentait, et, malgré toute sa finesse, ne réussissait pas toujours à masquer des traces à peine perceptibles de crainte et de défiance à l'égard de cette colossale figure d'un de ses plus proches collaborateurs... Aussi bien les services qu'il lui avait rendus étaient grands! Elle ne put jamais oublier ses bons offices tout particuliers des „24 et 26 juin“... Le 28 juin 1762, il la ramenait de Péterhof à Pétersbourg; le 6 juillet, elle recevait de lui la nouvelle non attendue, mais certainement désirée au fond, de la mort de Pierre III: sa lettre, où il prenait tout sur lui, se repentant et se reconnaissant „digne du dernier supplice“, justifiait Catherine devant la postérité, et la mettait à l'abri de tout reproche. Dans la nuit du 25 au 26 juin 1770, Orloff brûlait la flotte turque dans le port de Tchessmé, remportant une victoire „qui ne pouvait être plus complète“, et qui lui fit pardonner beaucoup: la gloire qu'il y avait conquise assurait à son nom une place dans les annales de l'histoire, et Catherine en concevait toute la portée. En Italie, quelque temps après, il se signalait, toujours pour elle, par un exploit qui ternit son bon renom, „l'enlèvement“ de l'usurpatrice qui se disait fille de l'Impératrice Elisabeth. Encore sous le coup de l'équipée de Pougatcheff, Catherine tenait absolument à avoir cette femme entre les mains; elle soupçonnait là, non sans quelque raison, une machination des confédérés polonais, et chargea Orloff de s'assurer de sa personne. Son empressement le conduisit cette fois trop loin: il se donna la peine de gagner la confiance de la malheureuse, de s'en faire aimer, d'obtenir ses faveurs, de se faire le père de son enfant, et cela pour la livrer... Comme Impératrice, Catherine fut contente; comme femme, il faut lui rendre justice, elle apprécia l'acte d'Orloff à sa juste valeur, et lui écrivit froidement qu'elle était „satisfaite de son zèle et de son service assidu“. Ajoutons que le prince Radziwill, ce dévergondé qui longtemps se traîna partout après la jeune femme, avait carrément refusé de la livrer, malgré la perspective de rentrer en possession de ses biens confisqués... Viennent ensuite pour Orloff les années de retraite, d'éloignement, de disgrâce presque: sous les deux règnes suivants, il ne joue plus aucun rôle; complice du meurtre du père de l'Empereur, il traverse sous Paul Ier de rudes et dangereux moments.

Le comte Orloff mourut à Moscou le 24 décembre 1807, et fut inhumé au bourg d'Otrada, gouvernement de Moscou; en 1831, sur le désir de sa fille, sa dépouille fut transférée au monastère St-Georges, à Novgorod, mais en 1896, elle fut ramenée à Otrada par les soins du comte A. Orloff-Davydoff.

Le portrait ci-joint, extrêmement rare, on peut dire unique, représente le comte Orloff relativement jeune, en uniforme de lieutenant-colonel du régiment Préobragensky (le colonel était l'Impératrice elle-même), grade auquel il fut promu en 1767.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графиня ЕВДОКІЯ НИКОЛАЕВНА ОРЛОВА-ЧЕСМЕНСКАЯ, 1761 — 1786, дочь Николая Александровича Лопухина отъ брака съ Анной Алексѣевной Жеребцовой, родилась 17 Декабря 1761 года; ей шелъ всего только 21-й годъ, когда ея тетка, Екатерина Алексѣевна Демидова, жена тайнаго совѣтника П. Г. Демидова, рожденная Жеребцова (р. 1740 г., † 1810 г.), сосватала ее за 48-лѣтняго графа Орлова-Чесменскаго, съ которымъ Демидову связывали давнія черезчуръ близкія узы. Когда Орловъ въ 70-хъ годахъ, во время Архипелажской экспедиціи, проводилъ зимы въ Италіи, Демидова жила въ Пизѣ, и „тамъ издавна ее считали близкой особой къ графу“.

Екатерина II изъявила согласіе на этотъ бракъ и прислала пожеланія „всякаго счастія и благополучія“; 6 Мая 1782 г. состоялась свадьба. По преданію, молодая графиня Орлова была тихой и скромной женщиной; при красивой и пріятной наружности, она отличалась добротой и набожностью, не любила нарядовъ и нѣкогда не надѣвала драгоценныхъ украшеній. Существуетъ портретъ (см. „Лушевскій“ альбомъ и „Архивъ с. Михайловскаго“ графа С. Д. Шереметева), гдѣ она изображена за работой, за пядями (если только это не портретъ, какъ думаютъ иные, позднѣйшей привязанности графа А. Г. Орлова—М. С. Бахметевой, рожденной княжны Львовой).

Въ 1785 г., 2 Мая, родилась у Орловой дочь Анна (будущая почитательница Фотія), и по этому поводу Екатерина II писала: „Я свидѣлась въ Москвѣ съ героемъ Чесмы, славнымъ графомъ Орловымъ. Онъ ухаживалъ за своей молодой женой, лежавшей въ родахъ первымъ ребенкомъ; къ несчастью, у него родилась дочь: я не считаю его особенно способнымъ воспитывать дѣвочекъ и поэтому желала ему сына, которому онъ могъ бы служить примѣромъ“.

Желаніе Императрицы исполнилось, но вмѣстѣ съ тѣмъ прервалась и кратковременная семейная жизнь А. Г. Орлова: 20 Августа 1786 г. 25-лѣтняя графиня родила сына Ивана и въ тотъ же день скончалась. Погребена она въ соборѣ Московскаго Андроніева монастыря (надгробную надпись см. въ т. I, № 191, также „Московскій Некрополь“, т. II).

Сынъ, котораго Екатерина II тотчасъ пожаловала „въ капитаны Преображенскіе“, за что Орловъ 30 Іюня 1787 г., пріѣхавъ въ с. Коломенское, около Москвы, „кланялся въ ноги“, прожилъ всего 4 года и умеръ въ 1790 году; погребенъ онъ рядомъ съ матерью. Послѣ этого герой Чесмы перенесъ всѣ свои заботы, всю свою привязанность на пятилѣтнюю дочь свою „Нинушку“, посвятивъ себя всецѣло ея воспитанію.

(Съ миниатюры, принадлежащей Е. А. Еврепновой, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse EUDOXIE NIKOLAEWNA ORLOFF-TCHESMENSKY, 1761—1786, fille de Nicolas Alexandrowitch Lopoukhine et d'Anne Alexéewna, née Jérebtzoff, naquit le 17 décembre 1761. Elle avait 21 ans à peine, quand sa tante Catherine Alexéewna Démidoff, née Jérebtzoff (1740—1810), femme du conseiller privé P. Démidoff, la fiança au comte Orloff-Tchesmensky, alors âgé de 48 ans: vieille amie du comte, Mme Démidoff habitait Pise lorsqu'il venait passer l'hiver en Italie dans les années 70, à l'époque de l'expédition de l'Archipel, et „on les y considérait depuis longtemps comme intimes“.

Catherine II donna son consentement en envoyant tous ses vœux „de bonheur et de prospérité“, et le mariage fut célébré le 6 mai 1782. La tradition présente la jeune comtesse Orloff comme une personne douce et modeste, d'un physique avantageux et agréable, remplie de bonté et de piété, n'aimant pas la parure et ne portant jamais de bijoux. Il existe un portrait (v. l'Album Loucheff et l'Archive du bourg de Mikhaïlowskoïé du comte S. Chéréméteff), qui la représente installée à son métier à broder (si toutefois ce n'est pas, comme le pensent quelques-uns, une liaison postérieure du comte Orloff, Mme M. Bakhméteff, née princesse Lvoff).

Le 2 mai 1785, la comtesse eut une fille Anne, la future admiratrice de Photius, et Catherine écrivait à cette occasion: „J'ai vu à Moscou le héros de Tchesmé, le glorieux comte Orloff. Il soignait sa jeune femme, en couches de son premier enfant; malheureusement c'est une fille qu'elle a eue: je ne le crois guère en mesure d'élever des filles, et c'est pourquoi je lui souhaitais un fils, auquel il pût servir d'exemple“.

Le souhait de l'Impératrice s'accomplit, mais ce fut aussi la fin de la courte vie de famille du comte Orloff: le 20 août 1786, la comtesse mourait à l'âge de 25 ans en donnant le jour à un fils Ivan. Elle fut inhumée dans la cathédrale du monastère Andronieff, à Moscou (v. son épitaphe T. I, № 191; v. aussi Nécropole de Moscou, T. II). Ce fils fut, dès sa naissance, fait par Catherine capitaine au régiment Préobragensky, et le père vint, en signe de reconnaissance, le 30 juin 1787, à Kolomenskoïé, près Moscou, „se prosterner aux pieds“ de l'Impératrice. L'enfant ne vécut que quatre ans: il mourut en 1790, et fut inhumé près de sa mère. Le comte reporta alors toute sa sollicitude, toute son affection sur sa petite Ninouchka, âgée de 5 ans, et se consacra tout entier à son éducation.

(D'après une miniature appartenant à Mlle C. Evréïnoff, St-Pétersbourg.)

ЛЕВЪ АЛЕКСѢВИЧЪ ЯКОВЛЕВЪ, 1764—1839, сынъ президента Юстицъ-коллегіи Алексѣя Александровича (р. 1726 г., † 1781 г.), женатаго на княжнѣ Наталіи Борисовнѣ Мещерской (р. 1734 г., † 1781 г.), родился 20 Февраля 1764 года; 11-и лѣтъ онъ числится каптенармусомъ въ Измайловскомъ полку, затѣмъ сержантомъ, 1 Января 1788 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1790 г.—въ подпоручики, въ 1791 г.—въ поручики, 1 Января 1796 г.—въ капитанъ-поручики, а 16 Апрѣля—въ капитаны. За это время Яковлевъ участвовалъ въ Шведской войнѣ, а въ 1795 и 1796 гг. служилъ „волонтеромъ“ въ Англіи на эскадрѣ адмирала Дункана. Произведенный 14 Августа 1798 г. въ полковники, Яковлевъ 18 Сентября былъ назначенъ канцеляріи совѣтникомъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ и отправленъ сначала къ миссіи въ Швецію, а оттуда въ Англію, гдѣ 9 Мая 1800 г. произведенъ въ статскіе совѣтники и перемѣщенъ въ Штутгартъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Пожалованный въ камергеры (1807 г.) и орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго—28 Іюня 1809 г., Яковлевъ переименованъ въ чрезвычайные посланники и полномочные министры. Въ 1810 г. онъ былъ назначенъ состоять въ томъ же званіи при Вестфальскомъ королѣ, гдѣ и находился до Іюня 1812 года. Задержанный здѣсь, Яковлевъ, съ помощью своего камердинера Кало (о которомъ упоминаетъ Герценъ), сумѣлъ спасти и вывести дипломатическія бумаги, и за то, „въ знакъ Монаршаго благоволенія“, 30 Августа 1812 г. получилъ орденъ св. Анны 1 ст.; произведенный 28 Марта 1820 г. въ тайные совѣтники, онъ былъ назначенъ сенаторомъ, а 13 Августа 1829 г., кромѣ того, въ Москвѣ почетнымъ опекуномъ, управляющимъ Маріинскою больницею и членомъ Совѣта Екатерининскаго и Александровскаго институтовъ; 7 Ноября 1831 г. пожалованъ орд. св. Владиміра 2 ст., а 7 Апрѣля 1835 г. получилъ Бѣлаго Орла. Последней его наградой было производство 2 Апрѣля 1838 г. въ дѣйств. тайные совѣтники. Умеръ Яковлевъ 19 Января 1839 г. и похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ Москвѣ; онъ не былъ женатъ, но имѣлъ воспитанниковъ: Сергѣя (придворный фотографъ Левицкій), Ивана, Софію (за А. А. Полновымъ) и Наталію, которые получили первоначально фамилію Львовыхъ-Львицкихъ.

Что касается до нравственного облика Л. А. Яковлева, то онъ, какъ живой, является намъ пзъ-подъ талантливаго пера его племянника, А. И. Герцена, въ его „Быломъ и думѣхъ“ (т. II): „Сенаторъ былъ по характеру человекъ добрый и любившій разсѣянія: онъ провелъ всю жизнь въ мірѣ, освѣщенномъ лампами, въ мірѣ официально-дипломатическомъ и придворно-служебномъ, не догадываясь, что есть другой міръ серьезнѣе, несмотря даже на то, что всѣ событія съ 1789 по 1815 г. не только прошли возлѣ, но зацѣплялись за него. Графъ Воронцовъ посылалъ его къ лорду Гренвиллю, чтобы узнать, что предпринимаетъ Бонапартъ, оставившій египетскую армію; онъ былъ въ Парижѣ во время коронаціи Наполеона. Въ 1811 г. Наполеонъ велѣлъ его задержать въ Касселѣ, гдѣ онъ былъ посломъ „при царѣ Ерѣмѣ“, какъ выражался мой отецъ въ минуты досады. Словомъ, онъ былъ налицо при всѣхъ огромныхъ происшествіяхъ послѣдняго времени, но какъ-то странно, не такъ, какъ слѣдуетъ... Пока дипломатическіе вопросы разрѣшались штыками и картечью, онъ былъ посланникомъ и заключилъ свою дипломатическую карьеру во время Вѣнскаго конгресса, этого свѣтлаго праздника всѣхъ дипломатій. Возвратившись въ Россію, онъ былъ произведенъ въ камергеры въ Москвѣ, гдѣ нѣтъ двора. Не зная законовъ и русскаго судопроизводства, онъ попалъ въ Сенатъ, сдѣлался членомъ Опекунскаго совѣта, начальникомъ Маріинской больницы, начальникомъ Александровскаго института, и все исполнялъ съ рвеніемъ, которое врядъ ли было нужно, со строптивостью, которая вредила, съ честностью, которой никто не замѣчалъ. Онъ никогда не бывалъ дома; онъ заѣзжалъ въ день 2 четверки здоровыхъ лошадей, одну утромъ, другую послѣ обѣда. Сверхъ Сената, котораго онъ никогда не забывалъ... онъ не пропускалъ почти ни одного французскаго спектакля и ѣздилъ раза три въ недѣлю въ Англійскій клубъ. Скучать ему было некогда: онъ всегда былъ занятъ, разсѣянъ, онъ все ѣхалъ куда-нибудь, и жизнь его легко катилась на рессорахъ по міру обертокъ и переилетовъ. Зато онъ до 75 лѣтъ былъ здоровъ, какъ молодой человекъ, являлся на всѣхъ большихъ балахъ и обѣдахъ, на всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ и актахъ, все равно какихъ: агрономическихъ или медицинскихъ, страхового отъ огня общества или общества естественныхъ испытателей.... да, сверхъ того, за то же, можетъ, сохранилъ онъ до старости долю человѣческаго сердца и нѣкоторую теплоту“...

(Съ мншіатуры Мюллера; собственность Л. С. Левицкаго, въ С.-Петербургѣ.)

LÉON ALEXÉEWITCH YAKOVLEFF, 1764—1839, fils du président du Collège de Justice Alexis Alexandrowitch Yakovleff (1726—1781) et de Natalie Borissowna, née princesse Mechtchersky (1734—1781), naquit le 20 février 1764. Enrôlé à l'âge de 11 ans capitaine d'armes au régiment Izmaïlowsky, il fut ensuite sergent, puis passa porte-enseigne le 1er janvier 1788, sous-lieutenant en 1790, lieutenant en 1791, capitaine lieutenant le 1er janvier 1796 et capitaine le 16 avril suivant. Durant ce temps, il fit la campagne de Suède, et, en 1795/1796, servit comme „volontaire“ en Angleterre, dans l'escadre de l'amiral Duncan. Colonel le 14 août 1798, il fut nommé le 18 septembre conseiller de chancellerie au Collège des Affaires étrangères et envoyé en mission d'abord en Suède, puis en Angleterre, d'où, fait conseiller d'état le 9 mai 1800, il passa chargé d'affaires à Stuttgart. Chambellan en 1807 et chevalier de Saint-Jean-de-Jérusalem le 28 juin 1809, il reçut le titre d'envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire, et alla l'année suivante en cette qualité à la Cour de Westphalie, où il resta jusqu'en juin 1812, et où, lors de son arrestation, il avait pu, aidé de son valet de chambre Calot (dont Herzen fait mention), sauver et mettre en lieu sûr les papiers diplomatiques, ce qui lui valut le 30 août 1812, „comme témoignage de satisfaction de Sa Majesté“, Ste-Anne de 1re classe. Conseiller privé le 28 mars 1820, il fut fait sénateur, puis, à Moscou, le 15 août 1829, tuteur honoraire, directeur de l'Hôpital Marie et membre du conseil des Instituts Catherine et Alexandre. Décoré le 7 novembre 1831 de St-Vladimir de 2e classe, et le 7 avril 1835 de l'Aigle Blanc, il obtint le 2 avril 1838 une dernière récompense, le rang de conseiller privé actuel. Il mourut le 19 janvier 1839, et fut inhumé au monastère Novodévitchi, à Moscou. Il ne se maria pas, mais eut des pupilles, Serge (le photographe de la Cour Lévitzy), Ivan, Sophie, mariée à A. Polénoff, et Natalie, qui reçurent d'abord le nom de Lvoff-Lvitzky.

Quant au moral, voici Yakovleff pris sur le vif par son neveu Herzen avec le talent qui le caractérise dans ses Souvenirs et opinions (T. II): „Excellent homme et aimant à se distraire, il passa toute sa vie sous les illuminations du monde officiel de la diplomatie et de la Cour, sans s'apercevoir qu'il y en avait un autre, plus sérieux, et en dépit même de tous les événements de 1789 à 1815, qui ne se bornèrent cependant pas à glisser sur lui et dont il eut à se ressentir. Le comte Worontzoff l'envoya à Lord Granville pour découvrir ce que préparait Bonaparte après avoir quitté l'armée d'Egypte; il fut à Paris au couronnement de Napoléon. En 1811, Napoléon le fit arrêter à Cassel, où il était ambassadeur „près du Roi Jérémie“, comme disait mon père dans ses moments de dépit. En un mot, il fut de tous les grands événements de ces derniers temps, mais dans des conditions bizarres, anormales... Pendant que les questions diplomatiques se résolvaient à coups de baïonnettes et de mitraille, il était ambassadeur, et termina sa carrière diplomatique à l'époque du Congrès de Vienne, cette brillante fête des diplomaties. De retour en Russie, il fut fait chambellan à Moscou, où il n'y a point de Cour: sans connaître les lois ni la procédure russes, il entra au Sénat, devint membre du Conseil de Tutelle, directeur de l'Hôpital Marie, directeur de l'Institut Alexandre, et fit preuve en tout d'un zèle qui n'était guère utile, d'un entêtement qui fut nuisible, d'une probité qui passa inaperçue. Il n'était jamais chez lui, et fatiguait tous les jours deux attelages de quatre solides chevaux, l'un le matin, l'autre après dîner. Outre le Sénat, qu'il n'oubliait jamais, il ne manquait guère le spectacle français et allait trois fois par semaine au Club Anglais. Il n'avait pas le temps de s'ennuyer: toujours en affaires, toujours en distractions, toujours en courses, sa vie glissait tranquillement sans secousses, toute en surface et en décor. Mais aussi il resta jusqu'à 75 ans valide comme un jeune homme, allant à tous les grands bals, à tous les grands dîners, aux séances et solennités de toute nature, agricoles ou médicales, réunions de société d'assurances ou de société de naturalistes... et avec tout cela, peut-être même grâce à tout cela, il garda au cœur jusqu'à la vieillesse un fonds de sensibilité et de chaleur“...

(D'après une miniature de Müller, appartenant à L. Lévitzy, St-Petersbourg.)

113

Пис. Мюллеро — Peint par Müller

Левъ Алексѣевичъ Léon Alexéewitch
Яковлевъ, Yakovleff,
1764 — 1839 1764 — 1839

114

Иванъ Матвѣевичъ Ivan Matvéewitch
Симолитъ, Simoline,
1720 — 1799 1720 — 1799

115

Пис. Виже-Лебренъ

Peint par Vigée-Lebrun

Наталиа Захаровна Natalie Zakharowna
Колычева, Kolytcheff,
1774 — 1803 1774 — 1803

116

Степанъ Алексѣевичъ Stéphane Alexéewitch
Колычевъ, Kolytcheff,
1745 — 1805 1745 — 1805

ИВАНЪ (Іоаннъ-Матіасъ) МАТВѢЕВИЧЪ СИМОЛИНЪ, 1720 — 1799, тайный совѣтникъ, одинъ изъ виднѣйшихъ дипломатовъ времени Екатерины II, происходилъ изъ дворянскаго рода, переселившагося въ XVII вѣкѣ изъ Германіи въ Швецію и производившаго себя отъ Баторіевъ. Несмотря на такое происхожденіе, отецъ его Іоаннъ-Матіасъ (р. 1690 г., † 1740 г.) занималъ сравнительно скромное положеніе пастора сначала въ Або, а потомъ въ предѣлахъ Россіи, въ Ревелѣ, почему и сыновья его поступили на русскую службу. Симолинъ родился въ Або въ 1720 г., а въ 1743 г. опредѣленъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ юнкеромъ. Въ 1744 г. онъ былъ посланъ въ Копенгагенъ исправлять должность секретаря при посланникѣ баронѣ Корфѣ. Въ 1757 г. Симолинъ былъ переведенъ секретаремъ посольства въ Вѣну, а въ слѣдующемъ году назначенъ резидентомъ въ Регенсбургъ, мѣсто засѣданій Имперскаго сейма. Въ 1761 г. онъ былъ назначенъ секретаремъ при представителѣ Россіи на Аугсбургскомъ конгрессѣ, но послѣдній не состоялся, и Симолинъ вернулся въ Регенсбургъ. Во время первой Турецкой войны, въ 1771 г. онъ состоялъ дипломатическимъ агентомъ при главнокомандующемъ графѣ П. А. Румянцевѣ, а въ 1773 г. назначенъ посланникомъ въ Копенгагенъ. Въ 1774 г. Симолинъ былъ переведенъ въ Стокгольмъ, а въ 1779 г. — въ Лондонъ. Екатерина II, создававшая въ это время систему Вооруженнаго нейтралитета, направленную главнымъ образомъ противъ Англіи, предписала своему посланнику, чтобы онъ, не нарушая дружественныхъ отношеній, держался „однѣхъ неопредѣленныхъ генеральностей“. Познакомившись съ англійской жизнью, Симолинъ сдѣлался англоманомъ, вмѣшивался даже въ партійныя распри, но популярности не приобрѣлъ. Въ одной Лондонской газетѣ появился на него пасквиль, гдѣ его называли шпиономъ. Симолинъ пожаловался, и виновные, въ томъ числѣ и редакторы газетъ, перепечатавшихъ пасквиль, были припсуждены къ тюремному заключенію и денежнымъ штрафамъ. Награжденный во время пребыванія въ Лондонѣ чиномъ тайнаго совѣтника и Александровской лентой (1784 г.), Симолинъ въ 1784 г. былъ переведенъ въ Парижъ, гдѣ въ 1786 г. получилъ орденъ св. Владимира 2 степени. Ему пришлось быть свидѣтелемъ ужасовъ французской революціи и даже принять участіе въ устройствѣ неудавшагося побѣга королевской семьи въ 1791 г., хотя, повидимому, онъ нѣсколько сочувствовалъ революціонному движенію, по крайней мѣрѣ Екатерина II въ томъ же 1791 г. жаловалась Гримму: „J'ai fait par ce dernier courrier venu de Paris... la vilaine découverte que Simolin est devenu fortement démagogue et qu'il commence à voir merveille dans les bêtises que la vilaine assemblée fait“.

Въ 1792 г. Симолинъ былъ отозванъ изъ Парижа и впослѣдствіи назначенъ президентомъ Юстицколлегии нидерландскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ проживалъ большею частью въ Германіи и умеръ 19 Сентября 1799 г. въ Вѣнѣ, по пути въ Россію.

Симолинъ былъ опытный дипломатъ, хорошо знакомый съ положеніемъ европейскихъ государствъ, въ большинствѣ которыхъ онъ пребывалъ въ качествѣ представителя Россіи, хотя и говорили, что онъ свои донесенія составлялъ по газетнымъ статьямъ, приноравливая только ихъ къ стилю дипломатическихъ бумагъ. Сынъ пастора, иностранецъ, повидимому безъ связей, онъ, только благодаря своему трудолюбію и способностямъ, не представлявшимъ, впрочемъ, ничего особенно выдающагося, сумѣлъ достигнуть высокаго положенія. Небольшого роста, худощавый, Симолинъ былъ молчаливъ и крайне остороженъ въ выраженіяхъ. Какъ человекъ, онъ пользовался незавидной репутаціей за свою невоздержную жизнь. Графъ С. Р. Воронцовъ писалъ въ 1786 г. своему брату Александру: „Нравы г. Симолина не соотвѣтствуютъ его способностямъ; онъ жилъ въ Лондонѣ и продолжаетъ жить въ Парижѣ въ самомъ дурномъ обществѣ, бывая въ дурныхъ мѣстахъ и зная лишь съ уличными женщинами“; графъ Е. О. Комаровскій также свидѣтельствуешь, что Симолинъ велъ въ Парижѣ жизнь весьма уединенную и несоотвѣтствовавшую званію Россійскаго посланника.

(Съ миниатюры, находящейся въ собраніи Великаго Князя Николая Михайловича.)

IVAN (Jean-Mathias) MATVÉEWITCH SIMOLINE, 1720—1799, conseiller privé, un des diplomates les plus marquants de l'époque de Catherine II, appartenait à une famille noble venue d'Allemagne en Suède au XVIIe siècle et se disant apparentée aux Bathory. Malgré de tels liens de parenté, le père, Jean-Mathias (1690—1740), occupa la situation relativement modeste de pasteur, d'abord à Abo, puis en pays russe, à Rével, et c'est ainsi que les fils entrèrent au service russe. Né à Abo en 1720, Simoline débuta en 1743 au Collège des Affaires étrangères comme gentilhomme, puis fut envoyé l'année suivante à Copenhague faire fonctions de secrétaire du ministre de Russie, le baron Korff. Secrétaire de l'ambassade de Vienne en 1757, il fut nommé un an après résident à Ratisbonne, où se tenait la diète d'Empire. Désigné en 1761 pour être secrétaire du représentant de la Russie au congrès d'Augsbourg, il rentra à Ratisbonne, le congrès n'ayant pas eu lieu. Pendant la première guerre de Turquie en 1771, il fut agent diplomatique près du commandant en chef, le comte P. Roumiantzeff. Nommé en 1773 ministre à Copenhague, il passa l'année suivante à Stockholm, puis, en 1779, à Londres. Catherine II, qui inaugurait alors son système de Neutralité Armée, dirigé surtout contre l'Angleterre, lui recommanda de s'en tenir „uniquement à de vagues généralités“, sans compromettre les relations d'amitié. Une fois familiarisé avec la vie anglaise, il devint anglomane, et se mêla même aux querelles de partis, mais sans acquérir de popularité. Un journal de Londres ayant publié contre lui un pamphlet où il était traité d'espion, il se plaignit, et les coupables, ainsi que des rédacteurs de journaux qui avaient reproduit le pamphlet, furent condamnés à une amende avec emprisonnement. Fait en Angleterre conseiller privé et décoré de St-Alexandre (1784), il passa la même année à Paris, où il reçut en 1786 St-Vladimir de 2e classe. Témoin des horreurs de la Révolution Française, il fut même des organisateurs de la fuite malheureuse de la famille Royale en 1791: il témoignait d'autre part un certain intérêt au mouvement révolutionnaire; du moins Catherine II écrivait la même année à Grimm: „J'ai fait par ce dernier courrier venu de Paris... la vilaine découverte que Simolin est devenu fortement démagogue et qu'il commence à voir merveilles dans les bêtises que la vilaine assemblée fait“. Rappelé de Paris en 1792, Simoline devint dans la suite président du Collège de Justice pour les affaires de Livonie, Esthonie et Finlande. Il passa ses dernières années presque constamment en Allemagne, et mourut le 19 septembre 1799, de passage à Vienne, se rendant en Russie.

Diplomate consommé, Simoline, qui représenta la Russie dans presque toutes les capitales de l'Europe, était parfaitement au courant de la politique internationale, en dépit des opinions qui le représentent faisant ses rapports d'après des articles de journaux, qu'il se serait contenté de remanier en style diplomatique. Fils de pasteur, étranger, probablement sans relations, il ne dut qu'à son travail et à ses capacités, qui, du reste, n'avaient rien de bien extraordinaire, la situation élevée à laquelle il parvint. Petit et maigre, il parlait peu et avait un langage d'une extrême retenue. Comme homme, sa vie désordonnée lui valut une fâcheuse réputation. Le comte Siméon Worontzoff écrivait en 1786 à son frère Alexandre: „Les mœurs de M. Simoline ne répondent pas à ses capacités: il vivait à Londres, et continue à vivre à Paris, dans la pire société, fréquentant les mauvais lieux et ne connaissant que des femmes de la rue“; le comte Komarowsky atteste également qu'il menait à Paris une vie très retirée et peu compatible avec la dignité de ministre de Russie.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

НАТАЛЬЯ ЗАХАРОВНА КОЛЫЧОВА, 1774—1803, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Захара Алексѣевича Хитрово (р. 1734 г., † 1798 г.) отъ брака съ Анастасіей Николаевной Масловой, родилась 13 Юня 1774 г.; состояла фрейлиной Императрицы Маріи Ѳеодоровны и 6 Февраля 1799 года вступила въ бракъ съ Степапомъ Алексѣевичемъ Колычовымъ (р. 1746 г., † 1803 г.), впоследствии посломъ нашимъ въ Вѣнѣ и Парижѣ, а въ то время занимавшимъ постъ посланника при Голландской республикѣ.

Несмотря на большую разницу въ лѣтахъ съ мужемъ, который былъ почти на 30 лѣтъ старше ея, и на частую разлуку съ нимъ въ теченіе кратковременной супружеской жизни, во время его служебныхъ передвиженій, бракъ этотъ былъ, повидимому, счастливъ. С. А. Колычовъ страстно любилъ жену и тяготился разлукой съ нею; самое возвращеніе его изъ Парижа и желаніе быть освобожденнымъ отъ заграничной службы вызывалось стремленіемъ поскорѣ соединиться съ женой и опасеніемъ, что скорая смерть разлучитъ ихъ навсегда. Но С. А. Колычову суждено было пережить жену; два года спустя послѣ возвращенія мужа въ Петербургъ и назначенія его вице-канцлеромъ, Наталья Захаровна скончалась 25 Октября 1803 года, на 29-мъ году жизни, не оставивъ потомства; похоронена она на Лазаревскомъ кладбищѣ Александровской лавры.

(Съ портрета Виже-Лебренъ; собственность А. З. Хитрово, въ С.-Петербургѣ.)

NATALIE ZAKHAROWNA KOLYTCHOFF, 1774—1803, fille du conseiller d'état actuel Zakhare Alexéewitch Hitrovo (1734—1798) et d'Anastasie Nikolaewna, née Masloff, naquit le 13 juin 1774. Demoiselle d'honneur de l'Impératrice Marie Féodorowna, elle épousa le 6 février 1799 Stéphane Alexéewitch Kolytchhoff (1746—1803), dans la suite ambassadeur de Russie à Vienne et à Paris, alors ministre près la République Batave.

Malgré la différence d'âge considérable, une trentaine d'années, et les fréquents déplacements du mari pour raisons de service, cette courte union semble avoir été heureuse. Kolytchhoff aimait passionnément sa femme, dont l'absence lui pesait; son rappel de Paris et son désir de ne plus servir à l'étranger tenaient à son impatience de la retrouver et à son appréhension d'une mort prochaine qui le séparerait d'elle pour toujours. Mais c'était elle qui devait disparaître la première: elle mourut deux ans après le retour de son mari à Pétersbourg et sa nomination de vice-chancelier, le 25 octobre 1803, dans sa 29e année, sans laisser d'enfants; elle fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original de Vigée-Lebrun, appartenant à A. Hitrovo, St-Pétersbourg.)

СТЕПАНЪ АЛЕКСѢВИЧЪ КОЛЫЧОВЪ, 1746—1805, сынъ секундъ-майора Алексѣя Степановича (р. 1717 г., † 1752 г.) отъ брака съ Екатериной Ивановной Ржевской († около 1769 г.), родился 15 Юля 1746 г.; началъ службу въ 1760 г. въ Измайловскомъ полку капраломъ и дослужился до чина поручика арміи въ 1769 г., послѣ чего перешелъ на дипломатическое поприще и былъ причисленъ къ миссіи въ Гагъ. Своимъ пребываніемъ въ Голландіи онъ воспользовался для пополненія своего образованія и въ продолженіе 15 мѣсяцевъ слушалъ лекціи въ Лейденскомъ университетѣ. Переведенный затѣмъ въ Парижъ, Колычовъ въ теченіе 5 лѣтъ состоялъ тамъ совѣтникомъ посольства, въ 1779 г. переведенъ въ Неаполь, въ 1780 г.—въ Испанію, но туда не поѣхалъ, а испросилъ разрѣшеніе вернуться на родину. Въ 1782 г. онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и въ слѣдующемъ году назначенъ посланникомъ въ Гагу. Состоя въ этой должности, Колычовъ получилъ званіе камергера и орд. св. Владиміра 2 ст.; занятіе Гаги французами заставило его покинуть свой постъ. Въ 1794 г. онъ былъ перемѣщенъ въ Берлинъ, гдѣ на его долю выпало вести переговоры съ Прусскимъ правительствомъ о третьемъ раздѣлѣ Польши и совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ Франціи. Отозванный въ 1797 г. изъ Берлина, Колычовъ вновь былъ назначенъ въ Гагу, но не поѣхалъ туда, такъ какъ Голландія продолжала оставаться Батавской республикой; въ 1799 г. онъ былъ посланъ въ Вѣну въ качествѣ представителя Павла I, какъ гротмейстера Мальтійскаго ордена. Положеніе Колычова было очень затруднительно: Вѣнскій дворъ долго не хотѣлъ принимать отъ него вѣрительныхъ грамотъ въ качествѣ орденскаго представителя. Въ концѣ 1799 г. Колычовъ былъ назначенъ посломъ, послѣ того, какъ Разумовскій былъ сосланъ къ отцу. Въ 1800 г. онъ былъ отозванъ и произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Павелъ I вообще относился къ нему милостиво и пожаловалъ ему Мальтійское командорство, Александровскую ленту и званіе вице-канцлера (8 Января 1801 г.). Въ началѣ 1801 г. Колычовъ былъ посланъ въ Парижъ полномочнымъ министромъ для переговоровъ съ первымъ консуломъ; Павелъ I мечталъ соединиться съ Франціей, чтобы „распоряжаться во всей Нѣмецкой имперіи“ и „доставить миръ всей Европѣ“. Колычовъ долженъ былъ склонить Бонапарта къ принятію королевскаго титула, но въ крайнемъ случаѣ Франція могла остаться и республикой, лишь бы она помогла подорвать значеніе Австріи, Англіи и Пруссіи. Встрѣченный очень торжественно, Колычовъ сначала былъ очарованъ Наполеономъ. „Le premier consul est véritablement un grand homme, il fait le bonheur de la France, tout le monde commence à respirer“, писалъ онъ женѣ. Но вскорѣ онъ понялъ Наполеона и писалъ въ Петербургъ: „Il ne faut jamais oublier qu'ils visent à dominer partout en nous flattant, et qu'ils ne veulent de nous qu'un instrument afin de nous tromper et mieux parvenir au but qu'ils se proposent. Leur intention est... de subjuguier l'Europe“. Колычовъ настойчиво просилъ отозвать его изъ Парижа, гдѣ требуется человекъ, болѣе „независимый, скромный, прозорливый, твердый и, можетъ-быть, сѣтливый“. Первые мѣсяцы царствованія Александра I Колычовъ продолжалъ вести переговоры, а затѣмъ былъ смѣненъ графомъ Морковымъ. По возвращеніи изъ Парижа Колычовъ до конца жизни оставался не у дѣлъ. Послѣдніе годы его жизни были омрачены потерей молодой жены, Натальи Захаровны, рожденной Хитрово, скончавшейся 25 Октября 1803 г., на 29 году (женился онъ на ней 6 Февраля 1799 г.). Скончался Колычовъ 14 Марта 1805 г. и погребенъ, рядомъ съ женой, на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Повидимому, Колычовъ не отличался выдающимися способностями, но былъ все-таки полезный дѣлатель, ревниво оберегавшій интересы своего отечества. Человекъ желчный и подозрительный, Колычовъ почти во всѣхъ иностранцахъ видѣлъ враговъ Россіи и съ трудомъ вездѣ уживался, чѣмъ создалъ себѣ репутацію „bouillon“а. О его наружности сохранился отзывъ одного иностраннаго дипломата: „Это человекъ небольшого роста, живая и пріятная фигура, съ отпечаткомъ ума и доброты“.

(Съ портрета, находящагося въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ.)

STÉPHANE ALEXÉEWITCH KOLYTCHOFF, 1746—1805, fils du second major Alexis Stépanowitch Kolytchhoff (1717—1752) et de Catherine Ivanowna, née Rjewsky († vers 1769), naquit le 15 juillet 1746. Entré au service en 1760 caporal au régiment Izmailowsky, et parvenu en 1769 au grade de lieutenant dans l'Armée, il passa ensuite dans la carrière diplomatique comme attaché à la mission de La Haye, et profita de son séjour en Hollande pour compléter son instruction et suivre quinze mois les cours de l'université de Leyde. De là il alla à Paris, où il resta cinq ans conseiller d'ambassade, puis fut transféré à Naples en 1779, et, nommé en Espagne en 1780, n'accepta pas son nouveau poste et demanda son rappel. Gentilhomme de la chambre en 1782, il fut nommé l'année suivante ministre à La Haye, où il reçut le titre de chambellan et St-Vladimir de 2e classe, et d'où il dut partir lors de l'entrée des Français. Affecté à Berlin en 1794, il eut à négocier avec le gouvernement prussien le troisième partage de la Pologne et la coalition contre la France. Rappelé en 1797 et désigné de nouveau pour La Haye, il ne rejoignit pas son poste, la Hollande formant toujours la République Batave, et alla à Vienne en 1799 représenter Paul Ier comme grand maître de l'ordre de Malte. Il s'y trouva dans une position fort embarrassante, car la Cour de Vienne resta longtemps sans consentir à recevoir ses lettres de créance de représentant de l'Ordre. Nommé ambassadeur à la fin de 1799, quand Razoumowsky eut été renvoyé près de son père, il fut rappelé l'année suivante et fait conseiller privé actuel. Paul Ier, toujours bien disposé à son égard, lui conféra le commandorat de l'ordre de Malte, le cordon de St-Alexandre et le titre de vice-chancelier (8 janvier 1801), puis, au commencement de 1801, l'envoya à Paris comme ministre plénipotentiaire chargé de négociations avec le Premier Consul: l'Empereur rêvait de s'unir à la France pour „commander dans toute l'Allemagne“ et „assurer la paix à toute l'Europe“. Kolytchhoff devait engager Bonaparte à prendre le titre de Roi; à la rigueur, pourtant, la France pouvait rester en République à condition de concourir à l'abaissement de l'Autriche, de l'Angleterre et de la Prusse. Reçu en grande pompe, il fut d'abord enchanté de Bonaparte: „Le premier consul est véritablement un grand homme“, écrivait-il à sa femme, „il fait le bonheur de la France, tout le monde commence à respirer“. Mais, bientôt revenu sur le compte de Napoléon, il rapportait à Pétersbourg: „Il ne faut jamais oublier qu'ils visent à dominer partout en nous flattant, et qu'ils ne veulent de nous qu'un instrument afin de nous tromper et mieux parvenir au but qu'ils se proposent. Leur intention est... de subjuguier l'Europe“. Et il demanda son rappel avec insistance: il fallait à Paris plus „d'indépendance, de simplicité, de pénétration, de fermeté et peut-être de morgue“. Les premiers mois du règne d'Alexandre Ier, il poursuivit ses négociations, puis fut remplacé par le comte Morkoff. A son retour de Paris, il rentra pour toujours dans la vie privée. Ses dernières années furent assombries par la perte de sa jeune femme, Natalie Zakharowna, née Hitrovo, qu'il avait épousée le 6 février 1799 et qui mourut le 25 octobre 1803 dans sa 29e année. Il mourut lui-même le 14 mars 1805, et fut inhumé près d'elle au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

Kolytchhoff ne devait rien avoir de saillant comme capacités, mais il eut son utilité comme gardien jaloux des intérêts de son pays. Atrabilaire et ombrageux, il voyait presque dans chaque étranger un ennemi de la Russie, et avait de la peine à s'acclimater partout, ce qui lui valut une réputation de „brouillon“. Physiquement, c'était, au témoignage d'un diplomate étranger, „un petit homme à l'extérieur vif et agréable, respirant l'esprit et la bonté“.

(D'après un original des Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

Графъ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГУДОВИЧЪ, 1741 — 1820, сынъ генеральнаго подскарбія Василя Андреевича († 1784) отъ 2-го его брака съ Маріей Степановной Миклашевской, получилъ образованіе въ университетахъ въ Кенигсбергѣ, Галле и Лейпцигѣ; 1 Января 1759 г. принятъ на службу инженеръ-прапорщикомъ; съ 1760 по 1762 г. состоялъ адъютантомъ сначала при графѣ П. И. Шуваловѣ, а потомъ при принцѣ Голштинскомъ. Братъ любимаго генераль-адъютанта Петра III, Гудовичъ, по воцареніи Екатерины II, былъ арестованъ и просидѣлъ въ заключеніи 3 недѣли, а въ 1763 г., по производствѣ въ полковники, отправленъ въ армію командовать Астраханскимъ пѣхотнымъ полкомъ. вмѣстѣ съ нимъ онъ принималъ участіе въ 1-й Турецкой войнѣ, давшей ему чины бригадира (1769 г.) и генераль-майора (за взятіе Бухареста, 1770 г.) и св. Георгія 3 ст. (за Ларгу). По окончаніи войны онъ командовалъ дивизіей въ Малороссіи и въ 1777 г. произведенъ въ генераль-поручики. Въ 1783 и 1784 гг. Гудовичъ дѣйствовалъ въ Польшѣ. Будучи съ 1 Января 1784 г. Александровскимъ кавалеромъ, онъ въ 1785 г. назначенъ Рязанскимъ и Тамбовскимъ генераль-губернаторомъ и занималъ эту должность болѣе 10 лѣтъ; тутъ Гудовичъ получилъ въ 1787 г. орденъ св. Владимира 1 ст.; когда началась вторая Турецкая война, онъ отправился въ дѣйствующую армію: имъ были взяты Хаджибей (нынѣшняя Одесса) и Килія. Произведенный въ 1790 г. въ генераль-аншефы, онъ въ Декабрѣ этого же года посланъ былъ на Кавказъ командовать Кубанской арміей и 21 Юня 1791 г. взялъ штурмомъ Анапу, за что былъ награжденъ Георгіемъ 2 кл. и золотой шпалой съ алмазами; изображеніе Анапы (крѣпостная стѣна съ проломомъ) внесено было въ его гербъ. По окончаніи войны Гудовичъ остался на Кавказѣ въ качествѣ генераль-губернатора и построилъ рядъ новыхъ крѣпостей. За подготовку войны съ Персіей онъ былъ награжденъ Андреевской лентой и 1800 душами въ Подольской губерніи. Въ Ноябрь 1796 г. Гудовичъ былъ уволенъ въ отпускъ на 2 года, но Павелъ I, стремившійся наградить сторонниковъ своего отца, велѣлъ ему ѣхать обратно на Кавказъ и принять начальство надъ войсками, которыми командовалъ Валеріанъ Зубовъ. Въ день коронаціи Гудовичъ возведенъ былъ въ графское достоинство и получилъ 3000 душъ въ Подольской губерніи. Въ 1798 г. онъ былъ назначенъ Кіевскимъ губернаторомъ, но, не доѣхавъ туда, переведенъ былъ на такую же должность въ Каменецъ-Подольскъ. Въ Юнѣ 1800 г. Гудовичъ былъ неожиданно отставленъ отъ службы и только въ 1806 г. былъ опять призванъ къ дѣятельности и посланъ на хорошо знакомый ему Кавказъ, гдѣ ему пришлось вести борьбу одновременно и съ непокорными туземцами, и съ войсками турецкими и персидскими. Блестящая побѣда надъ турками при Арпачаѣ доставила ему чинъ фельдмаршала (1807 г.), но неудачные осада и штурмъ Эривани въ Ноябрь 1808 г. заставили его отступить въ Грузію, при чемъ онъ заболѣлъ, потерялъ глазъ и просилъ объ увольненіи. Въ 1809 г. Гудовичъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, членомъ Государственнаго Совѣта и сенаторомъ. Вигель такъ характеризуетъ управленіе его Москвою: „Онъ умѣлъ хорошо поддерживать высокое званіе главнокомандующаго въ столицѣ, т.-е. заставлялъ себѣ повиноваться, окружалъ себя помпой и давалъ оффиціальныя обѣды и балы. Можетъ-быть, въ зрѣлыхъ лѣтахъ имѣлъ онъ много твердости, но подъ старость она превратилась у него въ своенравіе. Несмотря на то, такъ сказать, выживъ пѣтъ лѣтъ, онъ совершенно отдалъ себя въ руки меньшого брата графа Миклаша Васильевича, который слылъ человекомъ весьма корыстолюбивымъ. Оттого-то управленіе Москвою шло не лучше нынѣшняго: все было продажное, все было на откупъ. Подручникомъ послѣдняго былъ какой-то медикъ Сальватори, и они между собой дѣлали прибыль“. По словамъ князя Вяземскаго, Гудовичъ былъ въ Москвѣ гонителемъ очковъ и троечной упряжи: никто не смѣлъ являться къ нему въ очкахъ, и даже въ постороннихъ домахъ онъ заставлялъ ихъ снимать, пріѣзжавшіе же въ Москву на тройкахъ должны были, подъ опасеніемъ попасть въ полицію, выпрягать у заставы одну лошадь. Въ Февралѣ 1812 г. Гудовичъ былъ уволенъ, при чемъ получилъ портретъ Государя. Послѣдніе годы своей долгой жизни онъ провелъ въ Подольскомъ имѣніи Чечельникѣ, занимаясь музыкой и охотой. Графъ Гудовичъ скончался въ Январѣ 1820 г., завѣщавъ похоронить себя въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ; онъ былъ женатъ на графинѣ Прасковѣ Кирилловнѣ Разумовской († 1808 г.) и имѣлъ двухъ сыновей, Кирилла и Андрея, и дочь Елизавету († 1868 г.), за П. И. Лизогубомъ.

(Съ портрета Жерена; собственность графа В. И. Гудовича, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte IVAN VASSILIEWITCH GOUDOWITCH, 1741—1820, fils du trésorier général adjoint de Pologne Basile Andréewitch Gondowitch († 1784) et de sa seconde femme Marie Stépanowna, née Mikla-chewsky, fit ses études aux universités de Königsberg, Halle et Leipzig. Il débuta au service le 1er janvier 1759 comme porte-enseigne du génie, et, de 1760 à 1762, fut aide de camp, d'abord du comte P. Schouvaloff, puis du prince de Holstein. Frère de l'aide de camp favori de Pierre III, il fut arrêté à l'avènement de Catherine II, resta trois semaines prisonnier, puis, promu colonel en 1763, alla à l'Armée commander le régiment d'infanterie d'Astrakhan. Après avoir fait la première guerre de Turquie, qui lui valut les grades de brigadier (1769) et de général major (prise de Bukarest, 1770), et St-Georges de 3e classe (Larga), il commanda une division en Petite-Russie et passa général lieutenant en 1777. Il fit en 1783 et 1784 la campagne de Pologne. Décoré de St-Alexandre le 1er janvier 1784, il fut nommé l'année suivante général gouverneur de Riazan et de Tamboff; il occupa ce poste plus de dix ans, et y reçut en 1787 St-Vladimir de 1re classe. Au début de la seconde guerre de Turquie, il rejoignit l'armée d'opérations: ce fut lui qui prit Hadjibey, l'Odessa actuelle, et Kilia. Général en chef en 1790, il prit en décembre de la même année le commandement de l'armée du Kouban, et enleva d'assaut Anapa le 21 juin 1791; il reçut en récompense St-Georges de 2e classe, une épée d'or enrichie de diamants et le droit de faire figurer Anapa dans ses armes sous la forme d'un rempart troué d'une brèche. A la paix, il resta au Caucase comme général gouverneur, et construisit toute une série de nouvelles forteresses. Sa préparation de la guerre contre la Perse lui valut le cordon de St-André et 1800 têtes de paysans en Podolie. Il avait obtenu en novembre 1796 un congé de deux ans, mais Paul Ier, jaloux de récompenser les partisans de son père, le fit retourner au Caucase pour y prendre le commandement des troupes de Valérien Zouboff, et, à son couronnement, l'éleva à la dignité de comte et lui donna 3000 têtes de paysans en Podolie. Nommé en 1798 gouverneur de Kieff, il fut affecté, avant d'y être arrivé, au même poste à Kaménetz-Podolsk. Destitué inopinément en juin 1800, ce n'est qu'en 1806 qu'il fut remis en activité, pour aller au Caucase, qu'il connaissait bien, et où il eut à tenir tête à la fois aux rebelles indigènes, aux Turcs et aux Persans. Sa brillante victoire sur les Turcs à Arpachai lui valut en 1807 le titre de feld-maréchal, mais son échec au siège et à l'assaut d'Erivan en novembre 1808 l'obligèrent à rentrer en Géorgie: en même temps, il tombait malade, perdait un œil et donnait sa démission. Il fut nommé en 1809 commandant en chef de Moscou, membre du Conseil de l'Empire et sénateur. Wiegel fait de son administration à Moscou le tableau suivant: „Jaloux du bon renom de la haute dignité de commandant en chef, il tint à se faire obéir, à s'entourer de pompe et à donner des dîners et des bals officiels. La fermeté qu'il avait eue sans doute dans la force de l'âge fit place dans la suite à de l'extravagance: et encore, la décrépitude aidant, tomba-t-il complètement sous la domination de son frère cadet Michel, connu pour son excessive cupidité. Aussi les choses n'allaient-elles pas mieux à Moscou qu'aujourd'hui: tout était à vendre, tout était à prendre. Ce frère avait pour prête-nom un médecin appelé Salvatori, avec qui il était de moitié dans les bénéfices“. Au témoignage du prince Viazemsky, Goudowitch était à Moscou la terreur des lunettes et des attelages à trois chevaux de front: on ne se risquait pas chez lui avec des lunettes, et il ne voulait pas en voir non plus dans les maisons où il allait; et les attelages à trois chevaux qui arrivaient à Moscou devaient, sous peine de poursuites, en laisser un à la barrière. Mis à la retraite en février 1812 avec le portrait de l'Empereur, il passa les dernières années de sa longue vie en Podolie, dans son domaine de Tchetchelnik, à faire de la musique et à chasser. Il mourut en janvier 1820, et demanda à être inhumé à la cathédrale Ste-Sophie, à Kieff. Il avait épousé la comtesse Prascovie Kirillowna Razoumowsky († 1808), dont il eut deux fils, Cyrille et André, et une fille Elisabeth († 1868), mariée à I. Lizogoub.

(D'après un original de Gérin, appartenant au comte B. Goudowitch, St-Pétersbourg.)

117

Portrait of a man in a dark suit and white shirt, framed in an oval.

119

Portrait of a man in a dark suit and white shirt, framed in a rectangular frame.

118

Portrait of a man in a dark suit and white shirt, framed in an oval.

120

Portrait of a man in a dark suit and white shirt, framed in a rectangular frame.

117

Пис. Жеренъ

Print par Gérin

Графъ Иванъ Васильевичъ Le Comte Ivan Vassilievitch
Гудовичъ, Goudowitch,
1741 — 1821 1741 — 1821

119

Пис. Крафтъ

Peint par Kraft

Княгиня Наталья Александровна La Princesse Natalie Alexandrovna
Репнина, Repnine,
1737 — 1797 1737 — 1797

118

Петръ Дмитріевичъ Pierre Dmitriewitch
Еропкинъ, Eropkine,
1724 — 1805 1724 — 1805

120

Пис. Пашикевичъ

Peint par Ivachkewitch

Князь Николай Васильевичъ Le Prince Nicolas Vassilievitch
Репнинъ, Repnine,
1734 — 1801 1734 — 1801

ПЕТРЪ ДМИТРИЕВИЧЪ ЕРОПКИНЪ, 1724—1805, сынъ генераль-поручика Дмитрія Федоровича (мать изъ рода Скуратовыхъ), родился 24 Іюня 1724 г.; 28 Іюля 1736 г. „пзъ недорослей“ поступилъ на службу прапорщикомъ; произведенный 25 Декабря 1755 г. въ полковники, Еропкинъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, а съ 1759 г., въ чинѣ генераль-майора, состоялъ при фельдмаршалѣ Салтыковѣ. По окончаніи войны онъ былъ награжденъ орденомъ Александра Невскаго и чиномъ генераль-поручика и уволенъ на два года въ отпускъ „для лѣченія болѣзней“; 24 Марта 1765 г. Еропкинъ, „по слабости его здоровья“, былъ уволенъ и назначенъ въ 5-й Московскій департаментъ сенаторомъ. Весною 1771 г. Екатерина поручила Еропкину, управлявшему въ то время Главною Соляною конторою, „охранять“ Москву отъ чумной заразы, на что оказывался неспособнымъ „главный командиръ“ фельдмаршалъ Салтыковъ. Дѣло это было поистинѣ „многотрудное“, какъ оно названо въ формулярѣ Еропкина. Военная команда была „мала и вся раскомандирована, городъ былъ великъ, подлости для зла было довольно“; приходилось безъ всякихъ средствъ бороться съ эпидеміей и съ паникой, охватившей простонародье, болящееся больницъ и карантинныхъ болѣе чѣмъ чумы. Помощниковъ у Еропкина не было, старикъ Салтыковъ хотя, по его словамъ, „всячески помогалъ“ Еропкину, но не былъ расположенъ къ человѣку, котораго полномочія были „предосудительны“ для „главнаго командира“; оберъ-полицеймейстеръ Бахметевъ „всюду бѣгалъ и всего смотрѣлъ“, но большого успѣха имѣть не могъ. Чувствуя свое безсиліе, Еропкинъ въ началѣ Августа пробовалъ отказаться отъ своей „комписіи“ подъ предлогомъ, что у него въ домѣ оказался больной чумою. Милостивый рескриптъ убѣдилъ его остаться на его посту. Дальнѣйшія распоряженія Еропкина не были удачны: вмѣстѣ съ архіепископомъ Амвросіемъ (Зертисъ-Каменскимъ) они приняли роковое рѣшеніе занежечь ящичекъ со свѣчнымъ сборомъ у Боголюбской иконы; въ то время, когда обнаруживались явные признаки броженія среди черни, Еропкинъ не позаботился стянуть въ Москву кое-какія, бывшія въ его распоряженіи, военныя силы; 15 Сентября, когда начался бунтъ, Еропкинъ не показалъ ни твердости, ни распорядительности, а на другой день чернь напала на Донской монастырь и убила архіепископа Амвросія. Только тогда Еропкинъ, которому бунтовщики грозили участіемъ Амвросія, сумѣлъ собрать отрядъ въ 130 человѣкъ, и этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы картечью разогнать буйный улчанный сбродъ. Контуженный во время этой стычки шестомъ и камнемъ, Еропкинъ слегъ въ постель; его полномочія перешли къ графу Гр. Орлову, прибывшему въ Москву съ диктаторскою властью. Въ отвѣтъ на просьбу Еропкина объ отставкѣ, Екатерина наградила его орденомъ св. Андрея „за патріотическую ревность и мужество“. Въ 1774 г. Еропкинъ, недовольный пожалованіемъ ему штатскаго чина дѣйстви-тельнаго тайнаго совѣтника, вышелъ въ отставку, но черезъ 12 лѣтъ, 28 Іюня 1786 г., былъ вновь назначенъ Московскимъ главнокомандующимъ, съ чиномъ генераль-аншефа. „Ослабѣвшая память и болѣзнями истощенныя силы“ не позволили Еропкину многого сдѣлать для Москвы; 19 Февраля 1790 г. онъ покнулъ постъ главнокомандующаго; скончался скоропостижно 7 Февраля 1805 г. за партіей въ рокамболь и погребенъ въ селѣ Успенскомъ, Калужской губерніи; онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Михайловнѣ Леонтьевой († 1800 г.), но дѣтей не имѣлъ.

Еропкинъ былъ типичнымъ русскимъ дворяниномъ стараго закала. Красавецъ и силачъ въ молодости, воспитанный по старинному и не владѣвшій иностранными языками, Еропкинъ былъ уменъ и любилъ чтеніе; благочестивый и богомольный, онъ ежедневно прочитывалъ изъ Четвы-Миней житіе празднуемаго святого. Онъ не былъ корыстолюбивъ, довольствовался небольшимъ obroкомъ съ крестьянъ и не выпрашивалъ изъ казны денегъ. „По одежкѣ тяну попки“, говорилъ онъ, „долговъ не имѣю; насъ съ женою двое, дѣтей у насъ нѣтъ, состояніе имѣемъ, къ чему намъ набирать лишнее“. Въ то же время онъ былъ гостепріименъ и хлѣбосоленъ по старинному. Его внѣшность, начиная съ прически *à trois matreaux*, и обстановка отличалась старомодной сановитостію; онъ ѣздилъ съ вершниками, и трубачъ возвѣщалъ трубнымъ звукомъ, когда вельможѣ угодно было остановить экипажъ. Еропкинъ пользовался въ Москвѣ всеобщимъ уваженіемъ.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

PIERRE DMITRIEWITCH ÉROPKINE, 1724 — 1805, fils du général lieutenant Dmitri Féodorowitch Eropkine et de sa femme, née Skouratoff, naquit le 24 juin 1724, et, „encore mineur“, entra au service porte-enseigne le 28 juillet 1736. Colonel le 25 décembre 1755, il fit la Guerre de Sept-Ans, et, en 1759, fut attaché au feld-maréchal Saltykoff avec le grade de général major. Décoré à la paix de St-Alexandre Newsky et promu général lieutenant, il obtint un congé de deux ans „pour se soigner“, et, le 24 mars 1765, quitta le service militaire „pour raisons de santé“ et fut nommé sénateur à Moscou, au 5e département. Au printemps de 1771, alors directeur de l'administration de la gabelle, il reçut de Catherine II la mission d'organiser les secours contre la peste qui ravageait Moscou: le feld-maréchal Saltykoff, commandant en chef, y avait échoué, et la chose était effectivement „hérissée de difficultés“, comme disaient les états de service d'Eropkine. Les troupes dont il disposait étaient „peu nombreuses et désorganisées, la ville était grande, et les éléments nuisibles ne manquaient pas“; on avait à combattre, presque sans ressources, l'épidémie et la panique régnant dans le peuple, qui redoutait les hôpitaux et les quarantaines plus encore que le fléau. Eropkine ne fut pas aidé: le vieux Saltykoff, tout en le „secondant de toute manière“, comme il disait, ne pouvait ne pas en vouloir à celui dont les pleins pouvoirs étaient une „improbation“ à son adresse, et le grand maître de police Bakhméteff „courait partout et regardait à tout“, mais sans trop de succès. Sentant son impuissance, Eropkine tenta au commencement d'août de se démettre de sa „mission“, sous le prétexte qu'il s'était déclaré un cas de peste dans sa maison: un rescrit de S. M. le maintint à son poste. Il ne lui vint que de malheureuses inspirations: il eut, de concert avec l'archevêque Ambroise (Zertis-Kamensky), la fatale idée de faire suspendre la vente des cierges pour l'icone Bogolubsky. En dépit d'indices manifestes de fermentation parmi la populace, il négligea d'amener à Moscou le peu de forces dont il disposait; en présence de l'émeute qui éclata le 15 septembre, il n'eut ni fermeté ni habileté, et, le lendemain, la populace faisait irruption dans le monastère Donskoï et massacrait l'archevêque Ambroise. Alors seulement, menacé de subir le même sort, il sut rassembler un détachement de 130 hommes, qui suffit parfaitement à disperser à coups de mitraille la tourbe séditeuse. Blessé dans la mêlée d'un coup de bâton et d'un coup de pierre, il prit le lit, et remit l'autorité au comte Grégoire Orloff, envoyé avec des pouvoirs dictatoriaux. En réponse à une nouvelle offre de démission, Catherine le décora de St-André „pour son zèle patriotique et son courage“. Il prit sa retraite en 1774, mécontent du rang civil de conseiller privé actuel qui lui était conféré, mais, douze ans plus tard, le 28 juin 1786, fut de nouveau nommé commandant en chef de Moscou avec le grade de général en chef. „Sa mémoire affaiblie et ses forces épuisées par la maladie“ ne lui laissaient que peu de ressources, et, le 19 février 1790, il donna sa démission. Il mourut subitement le 7 février 1805 en faisant sa partie, et fut inhumé au bourg d'Ouspenskoïé, gouvernement de Kalouga. Il avait épousé Elisabeth Mikhaïlowna Léontieff († 1800), mais n'eut pas d'enfants.

Eropkine était le type du gentilhomme russe de vieille roche. Bel homme et de première force dans sa jeunesse, élevé à l'ancienne mode et ne parlant aucune langue étrangère, il avait de l'esprit et du goût pour la lecture; pieux et dévot, il lisait chaque jour la vie du saint dans le Ménologe. Dans son désintéressement, il n'exigeait de ses paysans qu'une modique redevance et ne demandait rien au Trésor: „Je vis de ce que j'ai“, disait-il, „je ne fais pas de dettes; nous ne sommes que deux, pas d'enfants, de la fortune: à quoi bon thésauriser?“ Il pratiquait de plus la vieille hospitalité russe. Son extérieur, à commencer par sa perruque à trois marteaux, et son genre de vie avaient le grand air du temps passé; il ne sortait pas sans piqueurs, ni sans trompettes pour sonner les arrêts. Il jouissait à Moscou de l'estime générale.

(D'après un original des Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

Княгиня НАТАЛІЯ АЛЕКСАНДРОВНА РЕПНИНА, 1737—1798, дочь генераль-аншефа и оберъ-шталмейстера князя Александра Борисовича Куракина (р. 1697 г., † 1749 г.) отъ брака съ Александрой Ивановной Паниной (р. 1711 г., † 1786 г.), родилась 7 Апрѣля 1737 года. Въ супружество съ генераль-фельдмаршаломъ княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ вступила она 20 Января 1754 года. Бракъ этотъ былъ очень счастливъ; княгиня Репнина была нѣжной матерью и женой, и обожаема мужемъ и дочерью; мужского потомства она не оставила, и послѣ смерти князя Н. В. Репнина фамилія Репниныхъ перешла въ родъ старшей ея дочери, Александры, бывшей замужемъ за княземъ Григоріемъ Сергѣевичемъ Волконскимъ (въ лицѣ старшаго ихъ сына князя Николая Григорьевича Волконскаго-Репнина); другая дочь ея, Прасковья, вышедшая за князя Ѳ. Н. Голлицына, скончалась еще при жизни родителей въ 1784 году; третья, Дарья, была замужемъ за барономъ Каленбергомъ. Изъ нихъ любимицей матери была княгиня А. Н. Волконская, и у нея постоянно проживала княгиня Наталія Александровна во время частыхъ отлучекъ мужа, вызывавшихся его боевою службою. Съ назначеніемъ его въ 1792 году Виленскимъ, Гродненскимъ, Лифляндскимъ и Эстляндскимъ генераль-губернаторомъ, она перѣехала въ Гродну, гдѣ находился въ то время король Станиславъ-Августъ, постоянно проводившій время въ семьѣ Репниныхъ; 31 Декабря 1794 г. княгиня Н. А. Репнина была пожалована въ статсъ-дамы, а въ 1798 г., въ день коронаціи Императора Павла I, получила орденъ св. Екатерины 1-й степени.

Въ томъ же году, въ лѣтней генераль-губернаторской резиденціи, Звѣринцѣ, близъ Вильны, княгиня Репнина и находившаяся при ней ея дочь, княгиня Волконская, въ одинъ и тотъ же день сильно заболѣли; болѣзнь княгини Репниной, имѣвшей еще силу вначалѣ ухаживать за больной дочерью, быстро приняла опасный оборотъ; прпзванные лѣкаря не распознали недуга, которымъ она страдала, и въ понедѣльникъ 22 Ноября, въ 6½ часовъ утра, княгиня Репнина скончалась; послѣднимъ ея словами, обращенными къ мужу, были: „Богъ меня исцѣлилъ“. Дочь ея сама въ это время находилась при смерти, и все это вмѣстѣ такъ сильно подѣйствовало на стараго фельдмаршала, что, дождавшись выздоровленія дочери, онъ оставилъ Сѣверо-Западный край.

Княгиня Н. А. Репнина была похоронена въ Звѣринцѣ же, въ Закретской рощѣ, на берегу рѣки Вилии, и надъ могилой ея поставлена часовня. Въ 1812 году могила эта была разрыта французами, выкопавшими тѣло княгини съ цѣлью похищенія драгоценностей.

(Съ портрета Крафта; собственность князя Ѳ. А. Куракина, с. Надеждино, Саратовской губ.)

La princesse NATALIE ALEXANDROWNA REPNINE, 1737—1798, fille du général en chef et grand écuyer prince Alexandre Borissowitch Kourakine (1697—1749) et d'Alexandrine Ivanowna, née Panine (1711—1786), naquit le 7 avril 1737. Elle épousa le 20 janvier 1754 le général feld-maréchal prince Nicolas Vassiliewitch Repnine. Ce mariage fut très heureux: tendre mère et tendre épouse, la princesse était adorée de son mari et de ses filles; elle n'eut pas de descendance mâle, et, à la mort de son mari, le nom de Repnine passa dans la famille de sa fille aînée Alexandrine, mariée au prince Grégoire Serguéewitch Wolkonsky, par leur fils le prince Nicolas Grigoriewitch Wolkonsky-Repnine; sa seconde fille Prascovie épousa le prince Th. Golitzyne et mourut en 1784 du vivant de ses parents; la troisième Daria épousa le baron Kahlenberg. L'aînée était la préférée de la mère, qui ne manquait jamais de venir habiter chez elle lors des fréquentes campagnes de son mari. Lorsque celui-ci eut été nommé en 1792 général gouverneur de Vilna, Grodno, de Livonie et d'Esthonie, la famille alla résider à Grodno, et eut pour hôte assidu le Roi Stanislas-Auguste, alors fixé dans cette ville. La princesse Repnine fut faite le 31 décembre 1794 dame d'honneur, et, en 1798, le jour du couronnement de Paul Ier, dame de Ste-Catherine de 1re classe.

Cette même année, à la résidence d'été du général gouverneur, Zvérinetz, près Vilna, la princesse Repnine et sa fille la princesse Wolkonsky, qui se trouvait près d'elle, tombèrent le même jour gravement malades. La maladie de la mère, qui eut d'abord la force de soigner sa fille, prit rapidement une tournure dangereuse, et l'emporta le lundi 22 novembre, à six heures et demie du matin, sans que les médecins eussent pu faire un diagnostic sûr. Les dernières paroles de la mourante, adressées à son mari, furent: „Dieu m'a guérie“. Sa fille était elle-même à ce moment à l'article de la mort, et tous ces malheurs bouleversèrent à tel point le vieux feld-maréchal, que, dès qu'il vit sa fille rétablie, il quitta le pays.

La princesse Repnine fut inhumée à Zvérinetz même, sur les bords de la Vilia, et une chapelle fut élevée sur sa tombe. En 1812, la sépulture fut violée par les Français, qui déterrèrent le corps pour enlever les bijoux.

(D'après un original de Krafft appartenant au prince Th. Kourakine, Nadejdino, gouv. de Saratoff.)

Князь НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ РЕПНИНЪ, 1754—1801, сынъ генераль-фельдцейхмейстера князя Василя Апикипча, 14-и лѣтъ отъ роду принялъ участіе въ заграничномъ походѣ съ отцомъ, посланнымъ съ арміею на помощь Маріи-Терезіи и во время этого похода умершимъ. Затѣмъ онъ долго жилъ за границей, гдѣ получилъ „дѣльное нѣмецкое воспитаніе“. По окончаніи Семилѣтней войны, въ которой и онъ участвовалъ, Репнинъ былъ назначенъ посломъ въ Берлинъ. Въ 1763 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Сухопутнаго Шляхетскаго корпуса, но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отправленъ полномочнымъ министромъ въ Варшаву, гдѣ ему было поручено защищать интересы диссидентовъ. Здѣсь онъ приобрѣлъ большое вліяніе на дѣла и слова его: „Такова воля Императрицы“, имѣли рѣшающее значеніе. Какимъ почетомъ пользовался Репнинъ въ Варшавѣ, видно изъ того, что въ театрѣ ожидали его пріѣзда въ то время, когда король уже спѣлъ въ своей ложѣ. Авторитетъ посла Россіи усиливало еще присутствіе значительнаго русскаго военного отряда. Въ 1768 г. Репнинъ добился утвержденія договора, обезпечившаго свободу вѣроисповѣданія и гражданскія права для всѣхъ диссидентовъ. Дѣятельность Репнина вызвала къ нему ненависть со стороны части Польской аристократіи. Составился даже заговоръ на его жизнь, но король своевременно извѣстилъ его объ угрожавшей ему опасности. Вскорѣ Репнину пришлось выдвинуться и на военномъ поприщѣ. Во время 1-й Турецкой войны онъ командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ, отличился при Ларгѣ и Кагулѣ и взялъ Измаилъ и Кицію. Въ 1771 г., командуя войсками въ Валахіи, разбилъ турокъ при Бухарестѣ. Уѣхавъ затѣмъ изъ арміи на нѣкоторое время, вслѣдствіе недоразумѣній съ главнокомандующимъ, онъ въ 1774 г. участвовалъ во взятіи Силистріи. По окончаніи войны, Репнинъ былъ назначенъ посломъ въ Константинополь, а въ 1776 г. — Смоленскимъ и Орловскимъ генераль-губернаторомъ. Въ 1779 г. онъ былъ посланъ съ войскомъ въ Германію, вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ тамъ по поводу Баварскаго наслѣдства, и склонилъ Австрію къ Тешенскому миру, за что былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Въ 1781 г. онъ былъ назначенъ Псковскимъ генераль-губернаторомъ. Во время 2-й Турецкой войны, Репнинъ, командуя войсками послѣ отъѣзда Потемкина въ Петербургъ, разбилъ турокъ при Мачинѣ, чѣмъ способствовалъ скорѣйшему заключенію мира. Въ 1792 г. онъ былъ назначенъ Рижскимъ и Ревельскимъ генераль-губернаторомъ, а въ 1794 г. — Виленскимъ и Гродненскимъ. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II Репнинъ не пользовался милостью Государыни: она была имъ недовольна за сношенія съ Новиковымъ и мартинистами. Павелъ I, высоко цѣнившій его способности, пожаловалъ его въ фельдмаршалы и назначилъ инспекторомъ инфантеріи Литовской и Лифляндской дивизій и Рижскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ 1798 г. Репнинъ былъ посланъ въ Берлинъ и Вѣну, чтобы склонить Пруссію и Австрію къ борьбѣ съ Франціей, но посольство его не имѣло успѣха, вслѣдствіе чего его постигла немилость Государя. Уволенный отъ службы, онъ поселился въ Москвѣ и 12 Мая 1801 г. скончался въ своей Подмосковной, селѣ Воронцовѣ. Погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. Репнинъ былъ женатъ на княгинѣ Наталіи Александровнѣ Репниной и имѣлъ 3 дочери. Онъ былъ послѣдній въ древнемъ родѣ князей Репниныхъ.

Репнинъ пользовался большимъ уваженіемъ среди современниковъ; такъ, масонъ И. В. Лопухинъ просилъ, чтобы на гербѣ его вырѣзали подпись: „Онъ былъ другомъ Репнина“; князь отличался умомъ, благородствомъ, неустрашимостью, добрымъ, но всыльчивымъ характеромъ, безкорыстіемъ. Обладая большими средствами, онъ отказался отъ 3000 душъ и 50/т. руб., которые хотѣла пожаловать ему Екатерина II, и щедро раздавалъ деньги близкимъ людямъ; въ этомъ отношеніи онъ доходилъ до расточительности. Будучи послѣдніе годы своей жизни въ немилости, онъ тѣмъ не менѣе съ негодованіемъ узналъ о событіи 11 Марта. Репнинъ имѣлъ величавый видъ и гордую осанку, но, по отзыву современника, „душу царедворца“; съ людьми важными онъ держалъ себя высокомерно, зато съ женщинами былъ крайне любезенъ и питалъ къ нимъ слабость: по преданію, въ Варшавѣ онъ былъ близокъ съ матерью извѣстнаго князя Адама Чарторыйскаго, и молва называла его отцомъ послѣдняго...

(Съ портрета Пвашкевича; Музей Императора Александра III.)

Le prince NICOLAS VASSILIEWITCH REPNINE, 1734 — 1801, fils du prince Basile Anikititch Repnine, grand maître de l'artillerie, fit, à l'âge de 14 ans, campagne à l'étranger avec son père, qui, envoyé avec une armée au secours de Marie-Thérèse, y trouva la mort. Il vécut ensuite longtemps à l'étranger, où il reçut „une solide éducation allemande“. A la fin de la Guerre de Sept-Ans, à laquelle il prit part, il fut nommé ambassadeur à Berlin. Fait en 1763 directeur du Corps des Cadets, il fut envoyé quelques mois après à Varsovie comme ministre plénipotentiaire, avec la mission de défendre les intérêts des dissidents. Il y acquit une grande influence sur la marche des affaires, et ses paroles: „Telle est la volonté de l'Impératrice“ eurent une importance décisive. Il était traité à Varsovie avec tant de distinction qu'on l'attendait au théâtre quand le Roi était déjà dans sa loge. L'autorité de l'ambassadeur de Russie était encore accrue par la présence d'un détachement russe considérable. En 1768, il obtint confirmation d'un traité garantissant la liberté de conscience et les droits civils à tous les dissidents. Ses actes lui attirèrent la haine d'une partie de l'aristocratie polonaise, et un complot fut même ourdi contre lui, mais le Roi le prévint à temps du danger qui le menaçait. Bientôt Repnine dut paraître sur le champ de bataille. A la première guerre de Turquie, à la tête d'un corps détaché, il se distingua à Larga et sur le Kagoul, et prit Izmaïl et Kilia. En 1771, à l'armée de Valachie, il défit les Turcs sous Bukarest. Après quelque temps passé loin du théâtre de la guerre à la suite de démêlés avec le commandant en chef, il fut en 1774 à la prise de Silistrie. La guerre terminée, il devint ambassadeur à Constantinople, puis, en 1776, général gouverneur de Smolensk et d'Orel. Envoyé en 1779 avec un détachement en Allemagne lors des difficultés provoquées par la succession de Bavière, il décida l'Autriche à la paix de Teschen, et fut décoré de St-André. Il fut nommé en 1781 général gouverneur de Pskoff. A la seconde guerre de Turquie, il prit le commandement au départ de Potemkine pour Pétersbourg, et remporta la victoire de Matchine, qui hâta la conclusion de la paix. Nommé en 1792 général gouverneur de Riga et Rével, puis, en 1794, de Vilna et Grodno, il cessa d'être en faveur dans les dernières années du règne de Catherine II, mécontente de ses relations avec Novikoff et les Martinistes. Paul Ier, qui faisait grand cas de ses talents, le nomma feld-maréchal, inspecteur de l'infanterie des divisions de Lithuanie et de Livonie, et gouverneur militaire de Riga. Envoyé en 1798 à Berlin et à Vienne pour entraîner la Prusse et l'Autriche contre la France, il échoua dans sa mission, et tomba dès lors en disgrâce. Mis à la retraite, il alla se fixer à Moscou, et mourut le 12 mai 1801 dans sa propriété des environs, au bourg de Worontzoff; il fut inhumé au monastère Donskoï. Il avait épousé la princesse Natalie Alexandrowna Kourakine, dont il eut trois filles, et fut le dernier représentant de la vieille famille des Repnine.

Repnine était tenu en haute estime par les contemporains; c'est ainsi que le maçon I. Lopoukhine voulut faire ajouter à ses armes la devise: „Il fut ami de Repnine“. Il avait de l'esprit, de la noblesse, de l'impétuosité, un bon caractère, malgré son emportement, et beaucoup de désintéressement. Possesseur d'une grosse fortune, il refusa les 3000 têtes de paysans et les 50.000 roubles que voulait lui donner Catherine II; il faisait de grandes largesses dans son entourage, poussant même la générosité jusqu'à la prodigalité. La disgrâce où il passa ses dernières années ne l'empêcha pas d'être consterné de l'événement du 11 mars. Avec son air de majesté et son attitude fière, c'était, dit un contemporain, „une âme de courtisan“; affectant la hauteur avec les grands, il était avec les femmes d'une extrême amabilité: il avait un faible pour le beau sexe, et aurait été, dit-on, à Varsovie, intime de la mère du fameux prince Adam Czartoryski.

(D'après l'original d'Ivachkewitch, Musée Alexandre III.)

Графиня ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ТОЛСТАЯ, 176. — 1825, старшая дочь Екатерининского генераль-прокурора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго (р. 1727 г., † 1793 г.) и княгини Елены Никитичны, рожденной княжны Трубецкой, была замужем съ 1788 г. за Могилевскимъ губернаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ графомъ Дмитріемъ Александровичемъ Толстымъ (р. 1754 г., † 30 Юня 1832 г.), старшимъ братомъ оберъ-гофмаршала графа Николая Александровича и извѣстнаго генерала, посла въ Парижъ графа Петра Александровича. Первый годъ послѣ свадьбы Толстые жили въ Москвѣ, а затѣмъ, по свидѣтельству Державина, поселились въ домъ генераль-прокурора.

У графини Е. А. Толстой было многочисленное семейство, состоявшее изъ 5 сыновей и 8 дочерей, а именно: Александръ (р. 1794 г., † 1856 г.; полковникъ), Николай (р. 1796 г., † 186.; полковникъ), Павелъ (р. 1797 г., † 29 Октября 1875 г.; гофмейстеръ двора принца П. Г. Ольденбургскаго), Михаилъ (р. 1804 г.; дѣйств. статскій совѣтникъ), Константинъ (р. 1806 г.; майоръ), Александра (р. 20 Октября 1785 г., † 22 Августа 1847 г.; за генераль-адъютантомъ М. Ф. Влодекъ), Елена (р. 1789 г., † въ дѣтствѣ), Евдокія (р. 1791 г., † 1856 г.; за дѣйств. статскимъ совѣтникомъ А. П. Лачиновымъ), Наталія (р. 1793 г.; фрейлина), Елизавета (р. 1798 г.; за дѣйств. статскимъ совѣтникомъ М. П. Голынскимъ), Екатерина (р. 12 Ноября 1805 г., † 10 Января 1871 г.; за генераль-майоромъ Ил. И. Голубцовымъ), Анна (р. 1806 г., † 1853 г.; дѣвица) и Елена (р. 1808 г., † въ молодости).

Графиня Е. А. Толстая умерла 24 Юня 1825 г. и похоронена въ церкви св. Василія въ Сергіевой пустыни, близъ Петербурга.

На миниатюрѣ имѣется подпись: „Annette, 1816“. Есть основаніе думать, что она писана младшей сестрой графини Толстой, дюшессой Анной Александровной Серра-Капріола (р. 1770 г., † 1840 г.; см. т. II, № 103), которая занималась живописью и рисовала акварелью.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

La comtesse CATHERINE ALEXANDROWNA TOLSTOÏ, 176.—1825, fille aînée du prince Alexandre Alexéewitch Viazemsky (1727—1793), procureur général sous Catherine II, et de la princesse Hélène Nikititchna, née princesse Troubetzkoï, épousa en 1788 le comte Dmitri Alexandrowitch Tolstoï (1754—30 juin 1832), conseiller privé, gouverneur de Mohileff, frère aîné du comte Nicolas Tolstoï, grand maréchal de la Cour, et du comte Pierre Tolstoï, général, connu comme ambassadeur à Paris. Ils passèrent la première année de leur mariage à Moscou, puis, au témoignage de Derjavine, allèrent habiter chez le procureur général.

La comtesse Tolstoï eut une nombreuse famille de cinq fils et huit filles, Alexandre (1794—1856), colonel, Nicolas (1796—186.), colonel, Paul (1797—29 octobre 1875), maître de la cour du prince P. d'Oldenbourg, Michel (né 1804), conseiller d'état actuel, Constantin (né 1806), major, Alexandrine (20 octobre 1785—22 août 1847), mariée au général aide de camp M. Wlodek, Hélène (née 1789, morte enfant), Eudoxie (1791—1856), mariée au conseiller d'état actuel A. Latchinoff, Natalie (née 1793), demoiselle d'honneur, Elisabeth (née 1798), mariée au conseiller d'état actuel M. Golynsky, Catherine (12 novembre 1805—10 janvier 1871), mariée au général major P. Goloubtsoff, Anne (1806—1853), non mariée, et Hélène (née 1808, morte jeune).

La comtesse Tolstoï mourut le 24 juin 1825, et fut inhumée dans l'église St-Basile, au monastère St-Serge, près Pétersbourg.

La miniature ci-jointe porte la mention: „Annette, 1816“, qui donne à penser qu'elle est de la jeune sœur de la comtesse Tolstoï, Anne, duchesse de Serra-Capriola (1770—1840; v. T. II, № 103), connue pour avoir fait de la peinture et de l'aquarelle.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

121

Portrait of a woman, oil on canvas, 18th century.
 18th century. 18th century.

122

Portrait of a woman, oil on canvas, 18th century.
 18th century. 18th century.

123

Portrait of a woman, oil on canvas, 18th century.
 18th century. 18th century.

124

Portrait of a woman, oil on canvas, 18th century.
 18th century. 18th century.

122

Анна Петровна
Кожухова,
1793 — 1827

Anne Pétrowna
Kojunkhoff,
1793 — 1827

121

Гр. Екатерина Александровна Толстая,
176. — 1825

La C^{ste} Catherine Alexandrowna
Tolstoï,
176. — 1825

123

Графиня Эмилия Карловна
Мусина-Пушкина,
1810 — 1846

La Comtesse Emilie Karlovna
Moussine-Pouchkine,
1810 — 1846

124

Аглая Антоновна
Давыдова,
1787 — 1842

Aglaé-Angélique
Davydoff,
1787 — 1842

АННА ПЕТРОВНА КОЖУХОВА, 1793 — 1827, дочь князя Петра Николаевича Трубецкого (р. 1773 г., † 16 Ноября 1801 г.) отъ брака съ Надеждой Ивановной Пестовой, родилась 29 Декабря 1793 года. Въ замужствѣ была за Курскимъ губернаторомъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Алексѣемъ Степановичемъ Кожуховымъ.

Вигель, который былъ знакомъ съ братомъ Кожуховой, княземъ Ю. П. Трубецкимъ, однажды долженъ былъ доставить по дорогѣ А. С. Кожухову посланку отъ князя и оставилъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующія строки, посвященныя Кожуховымъ: „Онъ (губернаторъ) встрѣтилъ меня посреди просителей и залы безъ стульевъ; важность, съ которою игралъ онъ роль свою, мнѣ понравилась. Начальнику русской губерніи, которая народонаселеніемъ равняется Норвежскому королевству, не подобаетъ вести себя паравнѣ со всѣми, какъ, къ сожалѣнію, сіе нынѣ дѣлается. Онъ обошелся со мной, какъ съ Петербургскимъ пріѣзжимъ, и сказалъ, что, какъ я самъ вижу, онъ не имѣетъ времени заняться мною, и просить часа въ 2 пожаловать къ нему на дачу обѣдать... Кожуховъ представилъ меня женѣ своей, Аннѣ Петровнѣ. Она совсѣмъ не была красавицей, но трудно было найти милѣе и нѣжнѣе ея голоса, взгляда и улыбки, стройнѣе и гнѣе ея стана. Говорили, что Императоръ Александръ былъ къ ней равнодушенъ, и заключали изъ того, что въ проѣзды черезъ Курскъ онъ всегда лишній день съ нею оставался, а она всякую зиму мѣсяца на 2 ѣздила въ Петербургъ. Ну что за бѣда, если бы и правда! Самъ Кожуховъ былъ не очень высокаго роста, крѣпокъ тѣломъ, бѣлъ и румянь. Правда, онъ деспотствовалъ въ губерніи, да какъ же иначе тамъ, гдѣ вѣковѣчныя безпорядки иногда одною силою придавляются. При немъ они почти прекратились“. Позднѣе, послѣ кончины Александра I, въ 1826 г., Кожуховъ, по словамъ Вигеля, былъ „безжалостно отставленъ“.

А. П. Кожухова умерла въ Москвѣ 29 Марта 1827 года и похоронена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. На памятникѣ ея—„Незабвенному другу отъ неутѣшнаго супруга съ четырьмя дѣтьми“—находятся слѣдующіе стихи:

„Мнѣ не дали омытъ твой милый прахъ слезамъ,
Внезапно, безъ меня ты въ вѣчность преселилась!
Страдать—вотъ мой удѣлъ, назначенный судьбами,
Но ненадолго ты со мною разлучилась!“

(Съ миниатюры, принадлежащей графу Д. И. Толстому, въ С.-Петербургѣ.)

ANNE PÉTROWNA KOJOUKHOFF, 1793—1827, fille du prince Pierre Nikolaewitch Troubetzkoï (1775—16 novembre 1801) et de Nadejda Ivanowna, née Pestoff, naquit le 29 décembre 1793. Elle épousa le conseiller d'état actuel Alexis Stépanowitch Kojoukhoff, gouverneur de Koursk.

Wiegel connaissait son frère, le prince Y. Troubetzkoï, qui profita d'un de ses voyages pour le charger d'une commission pour Kojoukhoff; il fait de cette entrevue le récit suivant dans ses *Mémoires*: „Il vint à moi dans une salle dépourvue de sièges et encombrée de solliciteurs. La gravité avec laquelle il jouait son rôle me plut: le chef d'une province russe aussi peuplée que le royaume de Norvège ne doit pas se tenir sur un pied d'égalité avec tout le monde, comme cela se fait malheureusement aujourd'hui. Il me traita comme un voyageur venu de Pétersbourg, et me dit que, comme je le voyais, il n'avait pas le temps de s'occuper de moi et me pria de venir dans une couple d'heures dîner à sa villa... Il me présenta sa femme Anne Pétrowna; elle n'avait rien d'une beauté, mais il était difficile de trouver plus charmant ni plus tendre que sa voix, son regard et son sourire, plus élégant ni plus souple que sa taille. On dit qu'elle ne laissa pas indifférent l'Empereur Alexandre, et on conclut de là qu'en passant à Koursk, il trouvait toujours un jour supplémentaire à lui consacrer, et qu'elle, de son côté, allait chaque hiver passer deux mois à Pétersbourg. Et quand c'eût été la vérité, où serait le mal? Kojoukhoff, lui, n'était pas très grand, vigoureux, le teint frais et rose. Un peu despote, à la vérité, dans son gouvernement; mais comment faire, avec des désordres séculaires qui ne cèdent parfois qu'à la force! Il y mit presque fin“. Plus tard, après la mort d'Alexandre Ier, en 1826, il fut, dit Wiegel, „révoqué sans pitié“.

Mme Kojoukhoff mourut à Moscou le 29 mars 1827, et fut inhumée au monastère Novodévitchi. On lit sur son monument („A l'inoubliable amie, son époux inconsolable et ses quatre enfants“) les vers suivants:

„De larmes je n'ai pu mouiller ta chère cendre:
 „Pourquoi si loin de moi quitter soudain ce monde?
 „Souffrir, voilà mon sort, fixé par le Destin;
 „Mais nous ne sommes pas pour longtemps séparés!“

(D'après une miniature appartenant au comte D. Tolstoï, St-Pétersbourg.)

Графиня ЭМИЛИЯ КАРЛОВНА МУСИНА-ПУШКИНА, 1810—1846, дочь Выборгскаго губернатора сенатора Карла-Йоганна-Эмилія Шернвалья отъ брака съ Полной Гассеръ, родилась 29 Января 1810 г.; сестра извѣстной красавицы Авроры Карловны Демидовой, во второмъ бракѣ Карамзиной (р. 28 Юля 1813 г., † 30 Апрѣля 1902 г.), Эмилія Карловна Шернваль 4 Мая 1828 г. вышла замужъ за графа Владиміра Алексѣевича Мусина-Пушкина (р. 31 Марта 1798 г., † 1854 г.), отъ котораго имѣла троиxъ сыновей: Владиміра (р. 1832 г.), Алексѣя (р. 1834 г., † 1890 г.) и Александра († 1854 г.), и дочь Марію († 1889 г.; въ замужствѣ за бывшимъ министромъ статсъ-секретаремъ Финляндіи Линдеромъ).

Графиня Эмилія Карловна Мусина-Пушкина, умершая еще въ молодыхъ годахъ, 17 Ноября 1846 г., въ с. Борисоглѣбѣ, Мологскаго уѣзда, какъ и ея сестра, знаменитая Аврора, считались первыми красавицами своего времени. „Финляндскія звѣзды“—обѣ онѣ получили хорошее образованіе, и трудно было рѣшить, которая изъ сестеръ лучше. Графъ В. Соллогубъ говоритъ о Мусиной-Пушкиной въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: „Многіе предпочитали Аврорѣ ея сестру, графиню Мусину-Пушкину. Трудно было рѣшить, кому изъ обѣихъ сестеръ слѣдовало отдать пальму первенства; графиня Пушкина была, быть-можетъ, еще обаятельнѣе своей сестры, но красота Авроры Карловны была пластичнѣе и строже“.

А. Я. Булгаковъ съ восторгомъ отзывался въ письмахъ объ Эмилиі Карловнѣ; 28 Декабря 1832 г. онъ писалъ брату: „Ну, братъ, что за красавица Пушкина, жена Володина! Я не люблю бѣлокурыхъ, но вчера на нее залюбовался; къ тому же одѣта она была прекрасно, съ голубыми перьями на головѣ, а этотъ цвѣтъ идетъ къ ней очень. Скажи Вяземскому, что она рѣшительно лучше сестры своей“. Два года спустя, онъ также расхваливалъ ея качества своей дочери Ольгѣ: „Quelle douceur, quel esprit, quelle amabilité“. Нѣкоторыя о ней свѣдѣнія можно найти еще въ запискахъ М. А. Паткуль, рожденной маркизы де-Траверсе.

Лермонтовъ (въ 1840 г.) посвятилъ ей слѣдующее стихотвореніе:

„Графиня Эмилія	И небо Италіи
Блѣе, чѣмъ лилія;	Въ глазахъ ея свѣтится;
Стройнѣй ея таліи	Но сердце Эмиліи
На свѣтъ не встрѣтится,	Подобно Бастиліи!“

(Съ миниатюры, принадлежащей Гейльмару Линдеру, Сварто, въ Финляндіи.)

La comtesse ÉMILIE KARLOWNA MOUSSINE-POUCHKINE, 1810—1846, fille du gouverneur de Viborg et sénateur Charles-Jean-Emile Schernwall et de sa femme, née Pauline Hasser, naquit le 29 janvier 1810. Sœur de la fameuse beauté Aurore Karlowna Démidoff, en secondes noccs Karamzine (28 juillet 1813—30 avril 1902), elle épousa le 4 mai 1828 le comte Vladimir Alexéewitch Moussine-Pouchkine (31 mars 1798—1854), dont elle eut trois fils, Vladimir (né 1832), Alexis (1834—1890) et Alexandre († 1854), et une fille Marie († 1889), mariée à l'ancien ministre secrétaire d'état de Finlande Linder. Elle mourut encore jeune à Borissoglebsk, district de Mologa, le 17 novembre 1846.

La comtesse Moussine-Pouchkine et sa sœur, la célèbre Aurore, passaient pour les premières beautés du temps: ces „étoiles de la Finlande“ reçurent toutes deux une bonne instruction, et il était difficile de dire laquelle était la plus belle. Le comte B. Sollogub dit de la comtesse Moussine-Pouchkine: „Beaucoup la préféraient à sa sœur Aurore. On aurait eu peine à décider à laquelle revenait la palme: la comtesse exerçait peut-être une fascination encore plus grande que sa sœur, mais celle-ci était d'une beauté plus plastique et plus sévère“.

Alexandre Boulgakoff parle avec enthousiasme dans ses lettres de la comtesse Moussine-Pouchkine: „Ah! mon ami“, écrit-il à son frère le 28 décembre 1852, „quelle beauté, la femme de Vladimir! Je n'aime pas les blondes, mais hier je ne me suis pas lassé de l'admirer; et puis elle était fort bien habillée, avec des plumes bleues dans les cheveux, et c'est une couleur qui lui va très bien. Dis à Viazemsky qu'elle est décidément mieux que sa sœur“. Deux ans plus tard, il fait aussi l'éloge de ses qualités à sa fille Olga: „Quelle douceur, quel esprit, quelle amabilité!“ Il est encore question d'elle dans les Mémoires de Mme Patkul, née marquise de Traversay.

Lermontoff lui consacra en 1840 les vers suivants:

„La comtesse Emilie
 „Est plus blanche qu'un lys;
 „Taille plus fine au monde
 „On ne saurait trouver,
 „Et le ciel d'Italie
 „Resplendit dans ses yeux.
 „Mais le cœur d'Emilie
 „Est une vraie Bastille!“

(D'après une miniature appartenant à M. Hjalmar de Linder, Swartö, Finlande.)

АГЛАЯ АНТОНОВНА ДАВЫДОВА, 1787—1842, родилась в Версали 17 Января (н. ст.) 1787 года; мать ее рано умерла, а отец, граф де-Грамонь (de Gramont), эмигрировал и жил при Людовикѣ XVIII, во время пребыванія его въ Россіи; его дочь, Аглая-Анжелика-Габріель, „вѣтреная и кокетливая, какъ истая французенка, искала въ шумѣ развлеченій средства не умереть со скуки въ варварской Россіи“, пока, наконецъ, въ Августѣ 1804 г. не вышла замужъ въ Митавѣ за кавалергардскаго полковника Александра Львовича Давыдова (р. 1773 г.). Отправляясь въ походъ, Давыдовъ 12 Января 1807 г. писалъ дядѣ, графу А. Н. Самойлову: „Жену я оставилъ въ Митавѣ, во дворцѣ у Louis XVIII. Комнаты ее подлѣ королевскихъ, которая, сохраняя нѣжную память къ покойной матери жены моей, любить жену мою, какъ она заслуживаетъ, доказываетъ свою привязанность во всякой минутѣ и благодарила меня за удовольствіе, что я ей въ ее несчастіи доставилъ. Отецъ же Аглаиѣвъ недалеко отъ ее комнатъ живетъ и, какъ сущій дворецкій, управляетъ ее дѣлами и любитъ ее чрезвычайно. Дочь Louis XVI, la duchesse d'Angoulême, также на всякомъ шагу доказываетъ женѣ моей свою дружбу“. Молодой герой, богачъ, человѣкъ громаднаго роста и необыкновенной силы, Давыдовъ, любившій жить роскошно и широко, былъ самымъ подходящимъ мужемъ для Аглаи. Всецѣло погруженный въ гастрономическіе вопросы, составившій даже гастрономическую карту Европы, онъ предоставлялъ полную свободу своей молодой женѣ; сонливый, растолстѣвшій, Давыдовъ заслужилъ отъ друзей прозвище „величаваго рогоносца“. Давыдовы жили въ с. Каменкѣ, Чигиринскаго уѣзда; въ этой „маленькой Капуѣ“ жило весело: гости ѣли, пили, ухаживали за Аглаей и острили надъ радушнымъ хозяиномъ. Денисъ Давыдовъ проводилъ тутъ время въ 1809 г. и ухаживалъ за „волшебницей“. По словамъ его сына, „Аглая была въ Каменкѣ магнитомъ, привлекающимъ къ себѣ всѣхъ желѣзныхъ дѣтелей славнаго Александровскаго времени; отъ главнокомандующихъ до корнетовъ все жило и ликовало въ Каменкѣ, но, главное, умирало у ногъ прелестной Аглаи“. Увлеченный Денисъ писалъ ей: „Если бѣ боги милосердые || Были боги справедливости, || Если бѣ ты лишилась прелестей, || Нарушая обѣщанія, — || Я бы, можетъ-быть, осмѣлился || Быть невольникомъ преступницы. || Но, Аглая, какъ идеть къ тебѣ || Быть лукавой и обманчивой! || Ты измѣнишь—и прекраснѣе! || И уста твои румяныя || Еще болѣе румянятся || Новой клятвой, новой выдумкой! || Ты улыбкою небесною || Разрушаешь всѣ намѣренія || Разлюбить неразлюбимую!“... Позднѣе она сдѣлала удачную попытку увлечь Пушкина, и результатомъ явилось стихотвореніе „Аглаѣ“ (1821 г.):

„И вы повѣрить мнѣ могли...
Послушайте, вамъ тридцать лѣтъ,
Мнѣ за двадцать. Я видѣлъ свѣтъ...
Ужъ клятвы, слезы мнѣ смѣшны,
Проказы утомить успѣли;
Вамъ также съ вашей стороны
Тревоги сердца надобны...
Я вами точно былъ плѣнень!
Я притворился, что влюбленъ,
Вы притворились, что стыдливы...

Мы поклялись... потомъ... увы!
Потомъ забыли клятву нашу:
Себѣ гусара взяли вы,
А я—наперсницу Наташу.
Оставимъ юный пылъ страстей,
Когда мы клонимся къ закату,
Вы—старшей дочери своей,
Я—своему меньшому брату...
Еще пристало имъ любить,
А намъ уже пора злословить“.

И Пушкинъ написалъ, дѣйствительно, краткую, но злую эпигramму, начинающуюся словами: „Иной имѣлъ мою Аглаю...“

Овдовѣвъ въ 1833 г., Аглая Давыдова уѣхала во Францію и тамъ вышла замужъ за маршала графа Себастьяни (р. 1772 г., † 1851 г.). Умерла она 55 лѣтъ, 21 Февраля 1842 г. въ Парижѣ; отъ брака съ Давыдовымъ у ней былъ сынъ Владиміръ и 2 дочери, которыхъ она обратила въ католичество: одна—Адель, которой Пушкинъ написалъ стихи: „Играй, Адель, не знай печали...“, умерла католической монахиней, другая—Екатерина, была въ замужествѣ за маркизомъ де-Габріакъ.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

AGLAÉ ANTONOWNA DAVYDOFF, 1787—1842, naquit à Versailles le 17 janvier (n. st.) 1787. Elle perdit sa mère de bonne heure, et son père, le comte de Gramont, émigra et resta avec Louis XVIII pendant son séjour en Russie. La jeune Aglaé-Angélique-Gabrielle, „frivole et coquette, une vraie française, chercha dans le bruit des distractions le moyen de ne pas mourir d'ennui dans la barbare Russie“, et finit par épouser à Mittau, en août 1804, le colonel de Chevaliers-Gardes Alexandre Lvowitch Davydoff (né 1773). Partant en campagne, Davydoff écrivait le 12 janvier 1807 à son oncle le comte A. Samoïloff: „J'ai laissé ma femme à Mittau, au palais de Louis XVIII. Son appartement est contigu à celui de la Reine, qui, tendrement attachée à la mémoire de sa défunte mère, l'aime comme elle le mérite, lui prouve à toute minute son affection et m'a remercié de la satisfaction que je lui ai donnée dans son malheur. Quant au père d'Aglaé, il n'habite pas loin d'elle non plus, et, en bon majordome, gère ses affaires et l'aime infiniment. La fille de Louis XVI, la duchesse d'Angoulême, témoigne incessamment aussi son amitié à ma femme“. Jeune héros, riche, d'une taille colossale et d'une force extraordinaire, Davydoff, avec son goût pour la vie large et luxueuse, était bien le mari qu'il fallait: complètement absorbé dans des questions gastronomiques, auteur même d'une carte gastronomique de l'Europe, il laissait à sa jeune femme la plus entière liberté; somnolent et obèse, ses amis le nommaient „le cornard majestueux“. Les Davydoff habitaient le bourg de Kamenka, district de Tchiguirine; on ne s'ennuyait pas dans cette „petite Capoue“: les invités mangeaient, buvaient, courtoisaient Aglaé et faisaient des gorges chaudes du bonhomme. Denis Davydoff vint passer quelque temps en 1809 et courtisa la „charmeuse“. Au témoignage de son fils, „Aglaé était à Kamenka l'aimant qui attirait tous ces hommes de fer du glorieux temps d'Alexandre; depuis les commandants en chef jusqu'aux cornettes, on s'en donnait à cœur joie, à Kamenka, mais surtout on mourait aux pieds de la charmante Aglaé“. Denis, transporté, lui écrivait:

„Si les dieux de miséricorde	„Tu me tromperais: eh, tant mieux!
„Etaient aussi dieux de justice,	„Car alors tes lèvres vermeilles
„Et qu'en violant tes promesses,	„Seraient plus vermeilles encore
„Tu dusses perdre tes appas,	„D'autres serments, d'autres mensonges!
„Alors peut-être j'oserais	„Et ton angélique sourire
„D'une coupable être l'esclave.	„Fait passer toute intention
„Mais, Aglaé, comme il te sied	„De te maudire, Inmaudissable!“
„D'être astucieuse et perfide!	

Elle s'attaqua plus tard avec succès à Pouchkine, et ce fut l'origine de la pièce de vers Aglaé (1821):

„Vous avez aussi pu me croire!...	„Nous avons juré... puis, hélas!
„Ecoutez, vous avez trente ans,	„Ensuite oublié nos serments:
„Moi, vingt passés. J'ai vu le monde...	„Vous vous êtes pris un hussard,
„Serments, pleurs me semblent risibles,	„Et moi, ma chère Natacha.
„Frasques pour moi n'ont plus de charme;	„Laissons donc les feux du jeune âge,
„Vous aussi, de votre côté,	„Quand nous penchons vers le déclin,
„Les troubles du cœur vous ennuiant...	„Vous à votre plus grande fille,
„Vous m'aviez comme captivé!	„Nous à notre plus jeune frère...
„J'ai fait semblant d'être amoureux,	„Pour eux, c'est le moment d'aimer,
„Et vous, d'en être effarouchée...	„Nous, nous n'avons plus qu'à médire“.

Et Pouchkine composa effectivement la courte, mais méchante épigramme qui commence ainsi:

„Un autre a pris mon Aglaé“...

Devenue veuve en 1833, Aglaé Davydoff partit pour la France et s'y remaria au maréchal comte Sébastiani (1772—1851). Elle mourut à Paris le 21 février 1842, à l'âge de 55 ans. Elle avait eu de son mariage avec Davydoff un fils Vladimir, et deux filles qu'elle convertit au catholicisme: l'une, Adèle, à qui Pouchkine adresse la poésie:

„Joue, Adèle, n'aie point de peine!“...

mourut religieuse catholique; l'autre, Catherine, épousa le marquis de Gabriac.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ МАТВѢЙ ИВАНОВИЧЪ ПЛАТОВЪ, 1753—1818, происходилъ изъ казаковъ, но отецъ его, Иванъ Федоровичъ (р. 1725 г., † послѣ 1774 г.), былъ уже полковникомъ; Платовъ родился 8 Августа 1753 г. въ Старочеркасской станицѣ и 13-и лѣтъ поступилъ на службу урядникомъ. Ему пришлось принять участіе въ 1-й Турецкой войнѣ, во время которой онъ привлекъ вниманіе главнокомандующаго князя В. М. Долгорукаго своей выдающейся храбростью и способностями и быстро достигъ чина войскового старшины. По окончаніи войны онъ отличился на Кубани при нападеніи крымцевъ и горцевъ на порученный его охранѣ транспортъ, и подвигъ Платова былъ увѣковѣченъ въ выбитой въ честь его медали. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ подавленіи Пугачевщины и во 2-й Турецкой войнѣ, доставившей ему рядъ наградъ: Георгіевскій крестъ 4-го кл. за Очаковъ, чинъ бригадира за Каушаны, орд. св. Георгія 3-го кл. и чинъ генераль-майора за штурмъ Измаила, гдѣ „его неустрашимость претворяла всѣхъ въ герои“. Успѣшно дѣйствовалъ Платовъ и во время Персидской войны. При Павлѣ I онъ былъ оклеветанъ, обвиненъ въ измѣнѣ и сосланъ въ Кострому, а затѣмъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Только въ концѣ царствованія Павла I обнаружилась истина, и Платовъ, награжденный Мальтійскимъ командорскимъ крестомъ, прямо изъ крѣпости отправленъ былъ на Донъ, чтобы стать во главѣ казачьяго отряда, который былъ посланъ Павломъ завоевывать Индію. Александръ I произвелъ Платова въ генераль-лейтенанты и назначилъ его войсковымъ атаманомъ. Мирная дѣятельность Платова по управленію и переустройству войска Донского была прервана Наполеоновскими войнами, доставившими войску и его атаману безсмертную славу. Платовъ прибылъ наканунѣ сраженія при Прейсшъ-Эйлау и принесъ столько вреда французамъ, что Наполеонъ назвалъ казаковъ „la honte de l'espèce humaine“. Награжденный орденами св. Георгія 2-го кл., Владиміра 2 ст. и Александра Невского, Платовъ послѣ Тильзитскаго мира принялъ участіе въ войнѣ съ Турціей, гдѣ приобрѣлъ чинъ генерала-отъ-кавалеріи и Владимірскую ленту. Во время Отечественной войны онъ сдѣлался однимъ изъ популярнѣйшихъ героев. Больше всего пришлось Платову потрудиться во время бѣгства Великой арміи. Онъ не упустилъ ни одного случая, чтобы не нанести противнику вреда. При одной вѣсти о появленіи казаковъ французы спѣшили сняться съ биваковъ и продолжать отступленіе. Заслуги Платова были оцѣнены Александромъ I, возведшимъ его 29 Октября 1812 г. въ графское достоинство, „во изъясненіе особеннаго благоволенія къ усердной службѣ и ревностнымъ трудамъ его и въ знакъ признательности къ войску Донскому“; наградой за кампанію 1813 г. были Андреевская лента и брильянтовое перо съ вензелемъ Государя для ношенія на шапкѣ. Въ Парижѣ Платовъ вступилъ въ свитѣ Александра I и сопровождалъ затѣмъ его въ Англію. Непримиримыя враги Наполеона—англичане—съ восторгомъ встрѣтили героя, столько содѣйствовавшаго его пораженію. Оксфордскій университетъ поднесъ Платову, не получившему никакого образованія, дипломъ доктора, Лондонъ—драгоценную саблю, принцъ-регентъ пожаловалъ свой портретъ, осыпанный драгоценными камнями; портретъ Платова былъ повѣшенъ въ королевскомъ дворцѣ. Скончался Платовъ 3 Января 1818 г. и погребенъ на Мишкпннской дачѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Новочеркасска, гдѣ при Николаѣ I воздвигнутъ ему памятникъ.

Платовъ, будучи одаренъ выдающимися военными дарованіями и неустрашимостью, не имѣлъ соперниковъ въ томъ дѣлѣ, которое выпало на его долю: онъ умѣлъ воодушевить казаковъ на изумительнѣйшіе подвиги; онъ жилъ всегда одной жизнью со своими донцами и раздѣлялъ съ ними всѣ тягости и лишенія войны. Человѣкъ справедливый, сердечный и простой въ обращеніи, Платовъ пользовался всеобщей любовью и уваженіемъ; прямой, онъ, однако, ловко умѣлъ выйти изъ затруднительнаго положенія, не поступаясь своимъ достоинствомъ. И по достиженіи высокаго положенія Платовъ оставался настоящимъ казакомъ, оберегалъ патріархальные нравы своихъ родичей и щеголялъ настоящей образной казачьей рѣчью; онъ не отставалъ отъ казаковъ даже въ излишней слабости къ спиртнымъ напиткамъ. Образъ жизни его былъ самый простой: онъ любилъ охоту, рыбную ловлю, лошадей; въ высшей степени гостепріимный, онъ жилъ шире, чѣмъ позволяли его скромныя средства. Платовъ былъ женатъ на вдовѣ Марѣѣ Дмитріевнѣ Кирсановой, рожд. Мартыновой († 1812 г.), и имѣлъ 2 сыновей, обоихъ Ивановъ, и 4 дочерей: Анну, за Харитоновымъ, и Марію, за Т. Д. Грековымъ, Марѳу, за Пловайскимъ, и Александру.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le comte MATHIEU IVANOWITCH PLATOFF, 1753—1818, était d'origine cosaque, mais son père Ivan Féodorowitch Platoff (1725—après 1774), était déjà colonel; né le 8 août 1753 au bourg cosaque de Starotcherkassk, il débuta au service à 15 ans comme sous-officier. Il prit part à la première guerre de Turquie, s'y fit remarquer du commandant en chef, le prince B. Dolgorouky, par sa bravoure extraordinaire et par ses talents, et reçut bientôt un commandement. Après cette guerre, il se distingua sur le Kouban lors de l'attaque par les Criméens et montagnards d'un transport confié à sa garde, et son exploit fut immortalisé par une médaille frappée en son honneur. Il concourut ensuite à la répression de l'émeute de Pougatcheff, puis fit la seconde guerre de Turquie, qui lui valut une série de récompenses, la croix de St-Georges de 4e classe pour Otchakoff, le grade de brigadier pour Kaouchany, enfin St-Georges de 3e classe et le grade de général major pour l'assaut d'Izmaïl, où „son intrépidité fit de tous des héros“. Il opéra également avec succès à la guerre de Perse. Calomnié et accusé de trahison sous Paul Ier, il fut relégué à Kostroma, puis interné à la Citadelle Pierre-et-Paul. Ce ne fut qu'à la fin du règne que la vérité se découvrit, et Platoff, fait commandeur de l'Ordre de Malte, sortit de prison pour se rendre directement sur le Don et prendre le commandement du détachement de Cosaques destiné par Paul à la conquête de l'Inde. Alexandre Ier le fit général lieutenant et le nomma ataman. Son œuvre pacifique d'organisation et de réforme des Cosaques du Don fut interrompue par les guerres napoléoniennes, gloire immortelle de ces troupes et de leur ataman. Arrivé la veille de la bataille de Preussisch-Eylau, il fit tant de mal aux Français, que Napoléon appela les Cosaques „la honte de l'espèce humaine“. Décoré de St-Georges de 2e classe, de St-Vladimir de 2e classe et de St-Alexandre Newsky, il fit, après la paix de Tilsitt, la guerre de Turquie, qui lui valut le grade de général de cavalerie et le cordon de St-Vladimir. La Guerre Patriotique fit de lui un des héros les plus populaires. C'est surtout à la retraite de la Grande Armée qu'il déploya toute son activité, ne négligeant pas une occasion de faire du mal à l'ennemi: à la seule nouvelle de l'approche des Cosaques, les Français s'empressaient d'abandonner le bivouac et de poursuivre leur retraite. Les services de Platoff furent appréciés par Alexandre Ier, qui l'éleva le 29 octobre 1812 à la dignité de comte „en témoignage de bienveillance particulière pour l'assiduité de son service et le zèle de ses travaux, et en signe de gratitude pour les Cosaques du Don“; la campagne de 1813 lui valut le cordon de St-André et une plume en diamants au chiffre de S. M. pour sa coiffure. Il était de la Suite de l'Empereur à son entrée à Paris, et l'accompagna ensuite en Angleterre. Les Anglais, ces implacables ennemis de Napoléon, accueillirent avec enthousiasme le héros qui avait si puissamment contribué à sa défaite: sans qu'il eût la moindre instruction, l'université d'Oxford lui conféra le diplôme de docteur, Londres lui offrit un sabre de prix, le prince régent lui remit son portrait garni de pierres précieuses, et le portrait de l'ataman fut placé au palais royal. Platoff mourut le 3 janvier 1818 à la villa Michkinsky, à trois verstes de Novotcherkassk; un monument lui fut élevé sous Nicolas Ier.

Platoff, avec ses éminentes capacités d'homme de guerre et son intrépidité, était sans rival pour le genre d'opérations qui lui incombait: il savait entraîner ses Cosaques aux exploits les plus confondants; il vécut toujours de leur vie à eux, partageant avec eux toutes les fatigues et privations de la guerre. Juste, de manières cordiales et simples, il était universellement aimé et estimé; avec sa droiture, il savait user d'adresse pour se tirer d'embarras, sans rien sacrifier de sa dignité. Même parvenu à une situation élevée, il resta vrai Cossaque, sauvegardant les mœurs patriarcales de ses compatriotes et faisant parade de son pur langage imagé de Cossaque; il n'était pas jusqu'à un faible exagéré pour les liqueurs fortes par lequel il n'affirmât son origine. Son genre de vie était des plus simples: il aimait la chasse, la pêche, le cheval; passionné de réceptions, il vivait au-dessus de ses modestes ressources. Platoff avait épousé Marthe Dmitriewna, veuve Kirsanoff, née Martynoff († 1812), dont il eut deux fils, tous deux Ivan, et quatre filles, Anne, mariée à Khari-tonoff, Marie, à T. Grékoff, Marthe, à Ilovaïsky, et Alexandrine.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Portrait of Mrs. Mary Anne
Pitt

Portrait of Mrs. Mary Anne
Pitt

187

Portrait of Mrs. Mary Anne
Pitt

188

Portrait of Mrs. Mary Anne
Pitt

125

Графъ Матвей Ивановичъ Le Comte Mathieu Ivanowitch
Платовъ, Platoff,
1751 — 1818 1751 — 1818

126

Пис. Пашковский, 1813 г.

Peint par Pachkowsky, 1813

Графиня Марія Матвѣевна La Comtesse Marie Matvéevna
Платова, Platoff,
1791 — 1866 1791 — 1866

127

Константи́нъ Марковичъ Constantin Markowitch
Полторацкій, Poltoratzky,
1782 — 1858 1782 — 1858

128

Софья Борисовна Sophie Borissowna
Полторацкая, Poltoratzky,
1796 — 1871 1796 — 1871

МАРІЯ МАТВѢВНА ГРЕКОВА, 1791—1866, дочь знаменитаго Донскаго атамана графа Матвѣя Ивановича Платова, жена генераль-майора Тимоѣя Дмитріевича Грекова. Рассказываютъ, что, когда русская армія въ 1812 г. покинула Москву, Платовъ зарыдалъ и затѣмъ объявилъ всѣмъ окружающимъ: „Если кто, хотя бы простой казакъ, доставитъ ко мнѣ Бонапартишку, живого или мертваго, за того выдамъ дочь свою, съ приданымъ въ 50/т. червонцевъ“. По словамъ Чеботарева, въ „Русской Старинѣ“ за 1872 г., когда это объявленіе дошло до Англіи, въ 1814 г. появился въ Лондонѣ портретъ дѣвцы въ національномъ русскомъ костюмѣ съ надписью: „Миссъ Платовъ. По любви къ отцу — отдаю руку, а по любви къ отечеству — и сердце свое“.

Въ „Словарѣ“ Ровинскаго можно найти болѣе точныя указанія и описаніе трехъ англійскихъ гравюръ (и ихъ повтореній и копій), которыя появились по этому поводу, съ полными надписями, которыя на нихъ имѣются.

(Съ портрета Пашковского, 1813 г.; собственность М. Н. Алфераки, въ С.-Петербургѣ.)

MARIE MATVÉEWNA GRÉKOFF, 1791 — 1866, fille du comte Mathieu Ivanowitch Platoff, le célèbre ataman des Cosaques du Don, épousa le général major Timothée Dmitriewitch Grékoff. On raconte que, lorsque l'armée russe évacua Moscou en 1812, Platoff éclata en sanglots et déclara: „Celui qui m'apportera Bonaparte mort ou vif, serait-il simple cosaque, je lui donne ma fille avec 50.000 ducats de dot“. Au témoignage de Tchébotareff (Rousskaïa Starina, 1872), quand cette annonce fut connue en Angleterre, il parut à Londres en 1814 une gravure représentant une jeune fille en costume national russe, avec la légende: „Miss Platoff. Pour l'amour de mon père, je donne ma main; pour l'amour de ma patrie, je donne aussi mon cœur“.

On peut trouver dans le Dictionnaire de Rovinsky des indications plus précises et la description de trois gravures anglaises publiées à cette même occasion, avec leurs reproductions et copies, ainsi que les légendes entières qui les accompagnent.

(D'après un original de Pachkowsky, 1815, appartenant à M. Alferaki, St-Pétersbourg.)

КОНСТАНТИНЪ МАРКОВИЧЪ ПОЛТОРАЦКІЙ, 1782—1858, изъ дворянъ Тверской губерніи, сынъ директора Придворной пѣвческой капеллы Марка Федоровича, женатаго на Агаѳоклеѣ Александровнѣ Шишковой, родился въ С.-Петербургѣ 21 Мая 1782 г.; началъ службу въ Семеновскомъ полку, куда былъ записанъ фурыеромъ 24 Марта 1784 г.; 8 Сентября 1798 г. произведенъ въ пранорщпки, 27 Октября 1800 г.—въ поручики, при чемъ 6 Октября 1804 г. назначенъ полковымъ адъютантомъ, а 14 Августа 1805 г. произведенъ въ штабсъ-капитаны. За участіе въ сраженіи при Аустерлицѣ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-го кл., а во время Прусскаго похода находился въ дѣлахъ при Гутштатѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ, за который получилъ Владиміра 4-й ст. и произведенъ 17 Августа 1807 г. въ капитаны; произведенный 12 Сентября 1808 г. въ полковники, Полторацкій участвовалъ въ Молдавскомъ походѣ 1810 и 1811 гг. командиромъ Нейшлотскаго полка и за сраженіе при Батинѣ и взятіе Ловчи награжденъ золотымъ оружіемъ и Владиміромъ 3-й ст.; 10 Января 1812 г. онъ былъ назначенъ шефомъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка, а 12 Марта переведенъ въ Нашебургскій пѣхотный полкъ. Во время Отечественной войны и кампаніи 1813 г. Полторацкій участвовалъ во многихъ дѣлахъ и за сраженіе при с. Городечнѣ (31 Юля) награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст.; въ составѣ Сѣверной арміи Полторацкій дѣйствовалъ въ герцогствѣ Варшавскомъ и участвовалъ въ блокадѣ крѣпости Торнъ; за дѣло при мѣстечкѣ Кенигсвартъ 7 Мая 1813 г. произведенъ въ генераль-майоры, затѣмъ участвовалъ въ бояхъ при Бауценѣ и подъ Лейпцигомъ, гдѣ заслужилъ ордена: св. Анны 1-й ст., Прусскаго Орла 2-й ст. и Шведскій Военнаго Меча. Въ 1814 г., 8 Января, ему поручено командованіе Нашебургскимъ и Апшеронскимъ полками, съ которыми участвовалъ онъ въ дѣлахъ при Бриеннѣ-Лешато, Ларотьерѣ (получилъ орденъ „Pour le Mérite“), и при Шампоберѣ (29 Января) былъ взятъ въ плѣнъ французами. По возвращеніи изъ плѣна, назначенъ сначала командиромъ одной изъ бригадъ 9-й пѣхотной дивизіи, затѣмъ бригадой въ 17-й пѣхотной дивизіи, а 13 Марта 1822 г. назначенъ состоять по арміи. Въ 1830 г., 28 Января, Полторацкій былъ уволенъ отъ службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ переименованіемъ въ тайные совѣтники. На другой же день, 29 Января, онъ былъ назначенъ Ярославскимъ губернаторомъ и оставался въ этой должности до 17 Юля 1842 г., при чемъ 25 Юня 1834 г. былъ вновь переименованъ въ генераль-лейтенанты.

К. М. Полторацкій былъ женатъ, съ 18 Августа 1818 г., въ Павловскѣ, на фрейлинѣ княжнѣ Софіи Борисовнѣ Голицыной, за которой получилъ въ приданое болѣе 1000 душъ въ Козельскомъ и Новоторжскомъ уѣздахъ; отъ этого брака былъ одинъ сынъ Борисъ (р. 9 Января 1820 г., † 10 Февраля 1850 г.; ротмистръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка). Полторацкій умеръ въ С.-Петербургѣ 15 Марта 1858 г. и похороненъ въ Сергіевой пустынѣ.

(Съ миниатюры на эмали; собственность Великаго Князя Николая Михайловича.)

CONSTANTIN MARKOWITCH POLTORATZKY, 1782—1858, d'une famille noble du gouvernement de Tver, fils de Marc Féodorowitch Poltoratzky, directeur des chœurs de la Cour, et d'Agathoclée Alexandrowna, née Chichkoff, naquit à St-Pétersbourg le 21 mai 1782. Il débuta au service au régiment Sémenowsky, où il fut enrôlé fourrier le 24 mars 1784; porte-enseigne le 8 septembre 1798, lieutenant le 27 octobre 1800, il fut nommé le 6 octobre 1804 aide de camp de régiment, et promu capitaine en second le 14 août 1805. Austerlitz lui valut Ste-Anne de 4e classe, et la campagne de Prusse le vit à Gutstadt, Heilsberg et Friedland, où il gagna St-Vladimir de 4e classe et le grade de capitaine le 17 août 1807. Colonel le 12 septembre 1808, il fit, à la tête du régiment de Nyslott, la campagne de Moldavie en 1810/1811; la bataille de Batine et la prise de Lovtcha lui valurent une épée d'or et St-Vladimir de 3e classe. Nommé le 10 janvier 1812 chef du régiment d'infanterie de Tillis, il permuta le 12 mars à celui de Nachébourg. Pendant la Guerre Patriotique et la campagne de 1813, il fut de nombreuses affaires: la bataille de Gorodetchna (31 juillet) lui valut St-Georges de 4e classe; il opéra avec l'Armée du Nord dans le duché de Varsovie et prit part au blocus de Thorn. Promu général major après l'affaire de Kœnigswart (7 mai 1813), il combattit à Bautzen et sous Leipzig, où il fut décoré de Ste-Anne de 1re classe, de l'Aigle de Prusse de 2e classe et du Glaive Militaire de Suède. Il reçut le 8 janvier 1814 le commandement des régiments de Nachébourg et d'Apchéron, qu'il conduisit à Brienne-le-Château, La Rothière, où il fut décoré de l'ordre Pour le Mérite, et Champaubert (29 janvier), où il tomba aux mains des Français. Revenu de captivité, il fut nommé commandant d'une brigade de la 9e division d'infanterie, puis d'une brigade de la 17e, et, le 13 mars 1822, attaché à l'Armée. Mis à la retraite le 28 janvier 1830 pour être affecté au service civil, il permuta conseiller privé, et fut nommé, le lendemain, le 29 janvier, gouverneur de Yaroslav; il le resta jusqu'au 17 juillet 1842: il avait repris le 25 juin 1834 un grade militaire, celui de général lieutenant.

Poltoratzky épousa le 18 août 1818, à Pavlowsk, la princesse Sophie Borissowna Golitzyne, demoiselle d'honneur, qui lui apportait dans sa dot plus de 1000 têtes de paysans dans les districts de Kozloff et de Novotorjok, et dont il eut un fils Boris (9 janvier 1820—10 février 1850), capitaine de cavalerie aux hussards de la Garde. Il mourut à St-Pétersbourg le 15 mars 1858, et fut inhumé au monastère St-Serge.

(D'après une miniature sur émail appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

СОФІЯ БОРИСОВНА ПОЛТОРАЦКАЯ, 1796—1871, дочь генераль-лейтенанта князя Бориса Андреевича Голицына, женатаго на вдовѣ Аннѣ Александровнѣ де-Лпцыной, въ дѣвицахъ княжна Грузинская (см. т. III, №№ 17 и 115), родилась 15 Августа 1796 г.; будучи фрейлиной, 18 Августа 1818 г. вышла замужъ за генераль-майора Константина Марковича Полторацкаго. С. Б. Полторацкая была родная сестра извѣстной благотворительницы Татьяны Борисовны Потемкиной. Въ бытность мужа Ярославскимъ губернаторомъ (съ 29 Января 1830 г. по 17 Юля 1842 г.), Софія Борисовна была пожалована въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины меньшаго креста.

Скончалась С. Б. Полторацкая внезапно, въ С.-Петербургѣ, 19 Ноября 1871 г.; похоронена въ Сергіевой пустыни, близъ Петербурга. У Полторацкихъ былъ единственный сынъ Борисъ Константиновичъ (р. 9 Января 1820 г., † 10 Февраля 1850 г.), ротмистръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, умершій неженатымъ.

(Съ миниатюры на эмали; собственность Великаго Князя Николая Мпхаиловича.)

SOPHIE BORISSOWNA POLTORATZKY, 1796—1871, fille du prince Boris Andréewitch Golitzyne, général lieutenant, et d'Anne Alexandrowna, veuve de Litzyne, née princesse Grouzinsky (v. T. III, №№ 17 et 115), naquit le 15 août 1796. Demoiselle d'honneur, elle épousa le 18 août 1818 le général major Constantin Markowitch Poltoratzky. Elle était sœur de Tatiana Borissowna Potemkine, connue pour sa bienfaisance. Pendant le séjour de son mari à Yaroslavl comme gouverneur (du 29 janvier 1850 au 17 juillet 1842), elle fut faite dame de Ste-Catherine.

Mme Poltoratzky mourut subitement à Pétersbourg le 19 novembre 1871, et fut inhumée au monastère St-Serge, près Pétersbourg. Elle avait eu un fils unique, Boris (9 janvier 1820—10 février 1850), capitaine de cavalerie aux hussards de la Garde, mort célibataire.

(D'après une miniature sur émail appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь ГРИГОРІЙ СЕМЕНОВИЧЪ ВОЛКОНСКІЙ, 1742—1824, сынъ генераль-аншефа князя Семена Федоровича отъ брака съ княжной Софіей Семеновной Мещерской, родился 25 Января 1742 г.; онъ воспитывался въ домѣ барона Н. Г. Строганова вмѣстѣ съ его дочерью Анной (мать князя И. М. Долгорукаго) и 14-и лѣтъ былъ уже произведенъ въ поручики, 15 Января 1757 г.—въ капитаны, въ 1763 г.—въ подполковники въ Ладожскій баталіонъ, а затѣмъ въ Рижскій карабинерный полкъ, 1 Мая 1768 г.—въ полковники въ Сибирскій карабинерный полкъ. Въ 1767 и 1768 гг. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ, затѣмъ участвовалъ въ 1-й Турецкой войнѣ и за сраженіе при Кагулѣ (12 Іюня) получилъ 24 Августа 1770 г. св. Георгія 4-й ст.; 21 Апрѣля 1773 г. князь Волконскій былъ произведенъ въ генераль-майоры, 24 Ноября 1780 г.—въ генераль-поручики. Во время 2-й Турецкой войны, состоя въ отрядѣ тестя своего, князя Н. В. Репнина, участвовалъ въ побѣдѣ при Мачинѣ, при чемъ былъ тяжело раненъ въ голову и получилъ 18 Марта 1792 г. орденъ св. Георгія 2-го кл.; 11 Декабря 1794 г. произведенъ въ генераль-аншефы. Въ 1797 г. Волконскій былъ переименованъ въ дѣйств. тайные совѣтники, а 14 Іюля 1803 г.—въ генералы-отъ-кавалеріи. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ. Говорятъ, что въ это время „умственные способности его были распатаны“, такъ какъ онъ сильно страдалъ отъ полученной имъ раны въ голову; „во всякомъ случаѣ въ немъ было не мало странностей: онъ отличался причудливой одеждой, употреблялъ непомерное количество одеколона, становился на колѣни для молитвы среди улицы, нагружалъ карету, четверней, съѣстными припасами для раздачи бѣднымъ“... О чудачествахъ его и въ Оренбургѣ еще недавно рассказывали старожилы: онъ также бродилъ по улицамъ безъ шапки, останавливалъ знакомыхъ и угощалъ сластями, которые носилъ за нимъ на подносѣ ливрейный лакей. Край былъ въ волненіи, инородческое населеніе терпѣло отъ злоупотребленій и притѣсненій чиновниковъ. Противъ ожиданія, „полоумный чудакъ“ принялъ разумныя мѣры и сумѣлъ успокоить населеніе. Дѣятельный старикъ самъ дѣлалъ большіе объѣзды верхомъ и много заботился объ облегченіи положенія заводского горнопромышленнаго рабочаго люда. Въ 1813 г. онъ снарядилъ экспедицію въ Киргизскія степи, которая открыла руду серебристаго свинца; 18 Ноября 1806 г. князь Волконскій былъ награжденъ Андреевской лентой, а весной 1817 г. вернулся въ Петербургъ, назначенный членомъ Государственнаго Совѣта.

Князь Г. С. Волконскій былъ женатъ на единственной дочери фельдмаршала князя Н. В. Репнина и послѣдней представительницѣ этого княжескаго рода, княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ (р. 25 Апрѣля 1756 г., † 23 Декабря 1834 г.; кавалерственная дама орд. св. Екатерины 1-го кл., статсъ-дама и обер-гофмейстерина), отъ которой имѣлъ 5 сыновей и одну дочь: Николая (р. 1778 г., † 1845 г.; съ 1801 г. получилъ фамилію князя Репнина), Александра († 7 Февраля 1780 г., въ дѣтствѣ), Никиту (р. 9 Іюня 1781 г., † 18 Декабря 1841 г.), Григорія (р. 8 Октября 1782 г., † 28 Февраля 1783 г.), Сергѣя (р. 1788 г., † 1865 г.; декабристъ) и Софію († 26 Марта 1868 г.; за свѣтл. княземъ П. М. Волконскимъ).

Князь Г. С. Волконскій умеръ 17 Іюня 1824 г. и похороненъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

Очень почитавшій Волконскаго, друга дѣтства его матери, князь И. М. Долгорукій посвящалъ ему длинное стихотворное посланіе, въ которомъ, между прочимъ, писалъ:

„Волконскій! я въ тебѣ зрю барина прямого,
Какими въ старину бывало иногда
Россійская страна любила быть горда!
Отечеству служить ты долгомъ чтилъ любезнымъ;
Куда ни кликнетъ Царь, — сѣвшишь ты быть полезнымъ,
Всевышняго рукой на подвигъ укрѣнясь;
Въ день брани — ты герой, въ день мира — добрый князь!“

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность князя Н. В. Репнина, въ Кіевѣ.)

Le prince GRÉGOIRE SÉMENOWITCH WOLKONSKY, 1742—1824, fils du prince Siméon Féodorowitch Wolkonsky, général en chef, et de la princesse Sophie Sémenowna, née Mechtchersky, naquit le 25 janvier 1742, et fut élevé chez le baron N. Stroganoff en même temps que sa fille Anne (mère du prince I. Dolgorouky). Lieutenant à 14 ans, il fut promu le 15 janvier 1757 capitaine, en 1763 lieutenant-colonel au bataillon de Ladoga, d'où il passa au régiment des carabiniers de Riga, et le 1er mai 1768 colonel à celui des carabiniers de Sibérie. Il fit la campagne de Pologne en 1767 et 1768, puis la première guerre de Turquie, où la bataille du Kagoul (12 juin) lui valut le 24 août 1770 St-Georges de 4e classe. Il passa général major le 21 avril 1773 et général lieutenant le 24 novembre 1780. A la seconde guerre de Turquie, il prit part avec le détachement de son beau-père le prince N. Repnine à la victoire de Matchine, où il fut grièvement blessé à la tête, et reçut le 18 mars 1792 St-Georges de 2e classe. Général en chef le 11 décembre 1794, il permuta en 1797 conseiller privé actuel, et le 14 juillet 1803 général de cavalerie. Il fut nommé la même année gouverneur militaire d'Orenbourg. A ce moment, dit-on, „ses facultés intellectuelles étaient dérangées“, car sa blessure à la tête le faisait beaucoup souffrir. „En tout cas, il manifestait de nombreuses bizarreries, se faisant remarquer par la singularité de son vêtement, par son abus de l'eau-de-Cologne, par ses prières à genoux au milieu de la rue, par ses distributions aux pauvres de victuailles qu'il charriait dans une voiture à quatre chevaux“... Ses extravagances sont restées jusqu'à ces derniers temps présentes à la mémoire des plus anciens habitants d'Orenbourg: c'est encore lui qui circulait dehors nu-tête, arrêtant ses amis pour leur offrir des bonbons présentés sur un plateau par un domestique en livrée qui l'accompagnait. Le pays était en effervescence: les allogènes souffraient des abus et des vexations des fonctionnaires; contre toute attente, „ce toqué, ce fantasque“ prit de judicieuses mesures et sut rétablir le calme. L'actif vieillard faisait lui-même de grandes tournées à cheval et mettait toute sa sollicitude à soulager le sort de la population ouvrière métallurgique. Il organisa en 1813 dans les steppes kirghises une expédition qui découvrit un gisement d'étain argentifère. Décoré de St-André le 18 novembre 1806, il fut rappelé à Pétersbourg au printemps de 1817 pour être membre du Conseil de l'Empire.

Le prince Wolkonsky avait épousé la fille unique du feld-maréchal prince N. Repnine, dernière représentante de cette famille princière, la princesse Alexandrine Nikolaewna Repnine (25 avril 1756—23 décembre 1834), dame de Ste-Catherine de 1re classe, dame d'honneur et grande maîtresse de la Cour, dont il eut cinq fils et une fille: Nicolas (1778—1845), prince Repnine depuis 1801, Alexandre (mort enfant le 7 février 1780), Nikita (9 juin 1781—18 décembre 1841), Grégoire (8 octobre 1782—28 février 1783), Serge (1788—1865), décabriste, et Sophie († 26 mars 1868), mariée au prince sérénissime P. Wolkonsky.

Le prince Wolkonsky mourut le 17 juin 1824, et fut inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

Le prince I. Dolgorouky, grand admirateur de Wolkonsky, qui avait été ami d'enfance de sa mère, lui adressa une longue épître en vers, où il dit, entre autres choses:

„Wolkonsky! J'aime en toi l'homme de probité,
 „De ceux dont quelquefois, au bon vieux temps jadis,
 „La terre de Russie aima s'enorgueillir!
 „Servir pour la patrie est un plaisir pour toi:
 „Sur un signe du Tzar, à ton devoir tu cours,
 „Et la main du Très-Haut dirige tes exploits:
 „A la guerre héros, et bon prince à la paix!“

(D'après un original de Borovikowsky appartenant au prince N. Repnine, Kieff.)

129

Portrait of a woman in a high-collared dress, likely a historical figure.

131

Portrait of a woman in a high-collared dress, likely a historical figure.

130

Portrait of a man in a military uniform, likely a historical figure.

132

Portrait of a man in a military uniform, likely a historical figure.

129

Пис. Боровиковскій

Peint par Borovikowsky

Князь Григорій Семенович *Le Prince Grégoire Sémenowitch*
 Волконскій, *Wolkonsky,*
 1742 — 1824 1742 — 1824

131

130

Пис. Изабе — Peint par Isabe

Князь Сергій Григоріевич *Le Prince Serge Grigorievitch*
 Волконскій, *Wolkonsky,*
 1788 — 1865 1788 — 1865

132

Княгиня Марія Николаевна *La Princesse Marie Nikolaevna*
 Волконская, *Wolkonsky,*
 1806 — 1863 1806 — 1863

Александръ Николаевичъ *Alexandre Nikolaevitch*
 Раевскій, *Raewsky,*
 1795 — 1868 1795 — 1868

Князь СЕРГѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВОЛКОНСКІЙ, 1788—1865, младшій сынъ Оренбургскаго генераль-губернатора князя Григорія Семеновича отъ брака съ княжной Александрой Николаевной Рейниной, воспитывался сначала дома подъ руководствомъ своей умной, но строгой матери и закончилъ свое образованіе въ знаменитомъ пансіонѣ аббата Николя; воспитаніе не способствовало укрѣпленію слабого отъ природы характера, и какъ только онъ вышелъ изъ-подъ надзора матери, то увлекся шумной и разгульной жизнью товарищей и создалъ себѣ репутацію „шалуна“. Дѣйствительную службу Волконскій началъ въ 1805 г. поручикомъ Кавалергардскаго полка и принялъ участіе въ войнѣ 1806 и 1807 гг., гдѣ заслужилъ Владиміра 4 ст. съ бантомъ за Пултускъ, золотой крестъ за Прейсишъ-Эйлау (здѣсь онъ былъ раненъ) и золотое оружіе за Фридландъ. Въ 1810 г. онъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ, былъ контуженъ и получилъ званіе флигель-адъютанта; съ 1812 по 1814 годъ Волконскій провелъ въ безирерывныхъ походахъ. Во время Отечественной войны онъ участвовалъ въ партизанскихъ дѣйствіяхъ, а затѣмъ состоялъ подъ начальствомъ Винцингероде; къ концу кампаніи былъ уже генераль-майоромъ Свиты Его Величества по квартирмистерской части и кавалеромъ орденовъ св. Георгія 4 ст., Владиміра 3 ст. и Анны 1 ст.; по окончаніи войнъ Волконскій путешествовалъ по Европѣ; заграничные походы и путешествія произвели коренное измѣненіе въ его взглядахъ и убѣжденіяхъ: служба, „вахтнарадная жизнь“, сдѣлалась для него скучной и тигостной, въ душѣ явилось смутное недовольство окружающимъ. Получивъ въ 1816 г. бригаду въ 1-й Уланской дивизіи, Волконскій, обиженный переводомъ безъ его вѣдома въ 1-ю Гусарскую дивизію въ 1818 г., взялъ отпущку и только въ 1821 г. снова явился на службу и былъ назначенъ бригаднымъ командиромъ въ 19 пѣхотную дивизію. Въ 1819 г. онъ встрѣтился въ Кіевѣ со своимъ товарищемъ М. Ѳ. Орловымъ, который былъ центромъ либеральнаго кружка; по предложенію Фонъ-Визина, Волконскій вступилъ въ члены Союза Благоденствія, а позднѣе былъ членомъ Южнаго общества. Подчинившись вліянію Пестеля, онъ мечталъ о республикѣ, хотя поверхностно усвоенные взгляды не составляли его твердаго убѣжденія; 7 Января 1826 г. Волконскій былъ арестованъ, отправленъ въ Петербургъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость; 15 Февраля, подъ вліяніемъ матери, онъ написалъ письмо Государю съ изъясненіемъ раскаянія. Верховный судъ призналъ Волконскаго виновнымъ въ томъ, что онъ „участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе всей Императорской фамиліи, участвовалъ въ управленіи Южнымъ обществомъ и употреблялъ печать Полевого аудиторіата“ (по признанію Волконскаго, онъ велѣлъ сдѣлать такую печать для вскрытія одного казеннаго пакета). Отнесенный къ первому разряду, онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, которая была замѣнена ссылкой въ каторжную работу на 20 лѣтъ; уже 25 Октября Волконскій былъ водворенъ на Благодатскій рудникъ, близъ Нерчинска, а въ Сентябрѣ 1827 г. переведенъ въ Читу и—черезъ три года—въ Петровскій заводъ. Въ 1835 г. Государь, въ память его умершей матери, освободилъ его отъ каторжныхъ работъ. Мѣстомъ поселенія Волконскій избралъ Урикъ, близъ Иркутска (съ Марта 1836 г.), на лѣто переезжалъ въ Усть-Куду, гдѣ жилъ А. В. Поджіо, близкій къ семьѣ Волконскихъ человекъ, и занимался здѣсь сельскимъ хозяйствомъ. Волконскій превратился въ хлопотливаго и практическаго хозяина и совсѣмъ опростился; въ обществѣ товарищей онъ бывалъ рѣдко.

Въ 1844 г. семьѣ Волконскаго, по случаю болѣзни его жены, разрѣшено было поселиться въ Иркутскѣ; 26 Августа 1856 г. декабристы были помилованы, и Волконскій вернулся въ Россію. Онъ получилъ права потомственнаго дворянства, но безъ титула, который потомъ возвращенъ былъ дѣтямъ.

Послѣдніе годы Волконскій проживалъ то за границей, для лѣченія, то въ имѣніяхъ зятя и племянника. Въ 1863 г. съ него снятъ полицейскій надзоръ и возвращены ему крестъ за Прейсишъ-Эйлау и медаль 1812 г.; смерть жены въ 1863 г. сильно потрясла Волконскаго; скончался онъ 25 Ноября 1865 г. въ имѣніи зятя с. Воронкахъ, Черниговской губерніи, и здѣсь погребенъ подъ церковью, рядомъ съ женой. Волконскій имѣлъ 4 дѣтей: 1) Николая (р. 1826 г., † 1827 г.), 2) Софію (р. и † 1830 г.), 3) Михаила (р. 1832 г.) и 4) Елену (р. 1835 г.), бывшую замужемъ за Молчановымъ, Кочубеемъ и Рахмановымъ.

(Съ миниатюры Изабе; собственность И. А. Всеволожскаго, С.-Петербургъ.)

Le prince SERGE GRIGORIEWITCH WOLKONSKY, 1788—1865, plus jeune fils du prince Grégoire Sémenowitch Wolkonsky, général gouverneur d'Orenbourg, et de la princesse Alexandrine Nikolaewna, née Repnine, fut élevé d'abord chez ses parents sous l'intelligente, mais sévère direction de sa mère, puis alla finir ses études à la fameuse pension de l'abbé Nicolle; l'éducation ne put rien à sa faiblesse naturelle de caractère, et, à peine échappé à la surveillance maternelle, il se laissa entraîner par des camarades à la vie bruyante et désordonnée et se fit une réputation de „polisson“. Entré au service actif en 1805 comme lieutenant au régiment des Chevaliers-Gardes, il fit la guerre de 1806/1807; Pultusk lui valut St-Vladimir de 4e classe avec le ruban, Preussisch-Eylau, où il fut blessé, une croix d'or, et Friedland une épée d'or. A la guerre de Turquie, en 1810, il reçut une contusion et fut fait aide de camp de Sa Majesté. De 1812 à 1814, il ne cessa pas de faire campagne: lors de la Guerre Patriotique, il dirigea d'abord une troupe de partisans, puis fut sous les ordres de Wintzingerode; à la fin de la campagne, il était déjà général major pour l'Intendance à la Suite de Sa Majesté et chevalier de St-Georges de 4e classe, de St-Vladimir de 3e classe et de Ste-Anne de 1re classe. A la paix, il visita l'Europe; ses voyages et ses campagnes à l'étranger provoquèrent dans sa manière de voir et de penser un changement radical: le service, cette „vie de parade“, lui devint ennuyeuse et à charge, il se sentit envahi d'un vague mécontentement de tout. Après avoir reçu en 1816 une brigade de la 1re division de uhlans, il fut affecté d'office au bout de deux ans à la 1re division de hussards: froissé, il prit un congé, et ne rentra au service qu'en 1821 comme commandant de brigade à la 19e division d'infanterie. En 1819, il rencontra à Kieff son camarade M. Orloff, alors le centre d'un cercle de libéraux, et devint, sur la proposition de von Vizine, membre de l'Alliance de Prospérité, et plus tard de la Société du Midi. Dominé par Pestel, il rêvait de république, mais sans convictions plus solides que quelques opinions mal digérées. Arrêté le 7 janvier 1826, il fut amené à Pétersbourg et interné à la Citadelle Pierre-et-Paul; le 15 février, il adressa à l'Empereur, sur le conseil de sa mère, une lettre de repentir. Convaincu par la Haute Cour de „complicité tacite de tentative de régicide et extermination de toute la famille Impériale, de complicité de direction de la Société du Midi et d'usage du sceau des conseils de guerre“ (qu'il avoua avoir contrefait pour ouvrir un paquet officiel), il fut rangé dans la première catégorie et condamné à mort. La peine fut commuée en vingt ans de travaux forcés: dès le 25 octobre, il était aux mines de Blagodat, près Nertchinsk, d'où il fut transféré en septembre 1827 à Tchita, et, trois ans plus tard, à l'usine de Pétrowsk. Libéré des travaux forcés par l'Empereur en 1835 en mémoire de sa mère, il choisit comme séjour de rélévation (mars 1836) Ourik, près d'Irkoutsk, allant passer l'été à Oust-Koud, où était A. Poggio, grand ami des Wolkonsky, et où il faisait de la culture; il devint un cultivateur laborieux et pratique, un homme tout simple, et ne vit plus que rarement ses camarades. Sa famille reçut en 1844, en raison de la maladie de sa femme, l'autorisation de se fixer à Irkoutsk. A l'amnistie des Décabristes, le 26 août 1856, il revint en Russie; il fut réintégré dans la noblesse héréditaire, mais sans le titre, qui fut plus tard rendu à ses enfants.

Wolkonsky passa ses dernières années, tantôt à l'étranger pour sa santé, tantôt dans les terres de son gendre et de son neveu. En 1863, il fut affranchi de la surveillance de la police et se vit restituer sa croix de Preussisch-Eylau et sa médaille de 1812; la perte de sa femme, la même année, fut pour lui un coup terrible. Il mourut le 25 novembre 1865 chez son gendre, au bourg de Voronki, gouvernement de Tchernigoff, où il fut inhumé près de sa femme dans la crypte de l'église. Il eut quatre enfants, Nicolas (1826—1827), Sophie, née et morte en 1830, Michel (né 1832) et Hélène (née 1835), mariée successivement à Moltchanoff, Kotchubey et Rakhmanoff.

(D'après une miniature d'Isabey, appartenant à I. Vsévoljsky, St-Pétersbourg.)

Княгиня МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ВОЛКОНСКАЯ, 1806—1863, дочь героя Отечественной войны генерала Николая Николаевича Раевского и Софии Алексеевны, рожденной Константиновой, внучки Ломоносова, получила хорошее домашнее образование; знала въ совершенствѣ языки и музыку, одаренная замѣчательнымъ голосомъ, она обладала къ тому же чрезвычайно пріятельной наружностью; стройная и высокаго роста брюнетка, съ черными („какъ смородина“) горящими глазами, съ полусмутнымъ лицомъ, съ немного вздернутымъ носомъ, съ гордою, но плавною походкою, она вполне оправдывала данное ей прозваніе — „дѣвы Ганга“. Въ началѣ 1825 г. она была выдана по волѣ родителей замужъ за князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго, заслуженнаго уже генерала, по возрасту годившагося ей въ отцы. Не прошло и года послѣ свадьбы, какъ мужъ ея былъ арестованъ (7 Января 1826 г.) и заключенъ въ Алексѣевскій рavelннъ Петропавловской крѣпости, и княгиня Волконская, едва оправившись послѣ трудныхъ родовъ и узнавъ объ ожидавшей его судьбѣ, устремилась изъ отцовской деревни въ Петербургъ, чтобы раздѣлить его участь. Ни просьбы и уговоры родныхъ, ни препятствія со стороны правительства не могли остановить ее въ намѣреніи послѣдовать за мужемъ въ Сибирь. Заручившись разрѣшеніемъ Императора Николая и оставивъ на попеченіе матери мужа малютку сына († 1827 г.), она вышла въ концѣ Декабря 1826 года изъ Москвы въ далекій путь, въ сопровожденіи одной только горничной, и послѣ безостановочнаго 20-дневнаго путешествія, полного лишеній и неудобствъ, прибыла въ Иркутскъ, гдѣ принуждена была дать подписку за себя и за дѣтей объ отреченіи отъ всѣхъ правъ состоянія, и затѣмъ направлена въ Благодатскій рудникъ на Нерчинскомъ заводѣ, гдѣ находился ея мужъ. Съ этого времени она не разставалась съ мѣстомъ его пребыванія, имѣя сначала позволеніе видѣться съ нимъ не болѣе двухъ разъ въ недѣлю и раздѣляя съ другими женами декабристовъ всѣ лишенія и невзгоды добровольнаго изгнанія. Терпя и отъ голода, и отъ холода, и отъ недостатка денегъ, она сама стирала бѣлье, мыла полы, питалась хлѣбомъ и квасомъ, но при своемъ твердомъ характерѣ „никогда не падала духомъ и не выказывала никогда своей грусти; была весела и любезна въ обществѣ мужа и его товарищей, но горда и взыскательна съ комендантомъ и начальникомъ острога“. Волконская и другія жены декабристовъ внесли теплоту и нѣкоторую уютность въ жизнь ссыльныхъ, служили для нихъ связью съ внѣшнимъ міромъ. Декабристы боготворили этихъ женщинъ, которыя, какъ „ангелы съ лазури низлетѣли съ отрадою къ страдальцамъ той страны и узникамъ съ улыбкой утѣшенія любовь и миръ душевный принесли“. Впослѣдствіи, когда въ положеніи декабристовъ постепенно были сдѣланы различныя облегченія, и съ переводомъ мужа ея въ Читу, затѣмъ въ Петровскій заводъ и, наконецъ, въ Иркутскую губернію, жизнь Волконской была скрашена возможностью болѣе или менѣе удобно устроиться въ собственномъ домѣ, а главное рожденіемъ въ 1832 г. сына Михаила, а въ 1835 г. дочери Елены. Заботы и попеченія о дѣтяхъ до такой степени поглощали все ея существованіе, что она, не задумываясь, отказалась отъ предложенія Государя Николая I отослать ихъ въ Россію для помѣщенія въ казенныя учебныя заведенія. Опасеніе, что дѣти могутъ быть отняты отъ нея, такъ потрясло Волконскую, что она опасно заболѣла и затѣмъ уже никогда не могла вполне оправиться. Вслѣдствіе этой болѣзни ей было разрѣшено въ 1844 г. поселиться въ Иркутскѣ. Въ 1855 г., еще до общаго помилowanія декабристовъ, дочь исходатайствовала черезъ Государыню разрѣшеніе матери пріѣхать въ Москву для лѣченія. По возвращеніи Волконскаго изъ Сибиря въ 1855 г., вслѣдъ за восшествіемъ на престолъ Александра II, княгиня М. Н. Волконская сперва поселилась съ мужемъ въ Москвѣ, но затѣмъ, проведя по болѣзни своей и мужа двѣ зимы 1859 и 1860 гг. за границей, въ Римѣ и Парижѣ, переехала на постоянное жительство въ Малороссійское имѣніе зятя своего, Н. А. Кочубея, село Воронки, гдѣ и скончалась на рукахъ сына и дочери 10 Августа 1863 г.; похоронена она тамъ же, подъ церковью, выстроенной надъ прахомъ ея, въ склепѣ, надъ сводомъ котораго вырѣзанъ текстъ: „Радуйся неусыпающая попечительница въ узахъ и темницѣ сѣдящихъ“.

Княгиня М. Н. Волконская увѣковѣчена Некрасовымъ въ его poemъ „Русскія женщины“. Сама она оставила послѣ себя полныя интереса записки о своей жизни, на французскомъ языкѣ, изданныя въ 1904 г. ея сыномъ, княземъ М. С. Волконскимъ.

(Съ портрета, принадлежащаго М. Г. Раевской, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse MARIE NIKOLAEWNA WOLKONSKY, 1806—1863, fille du général Nicolas Nikolaewitch Raewsky, le héros de la Guerre Patriotique, et de Sophie Alexéewna, née Konstantinoff, petite-fille de Lomonossoff, reçut dans sa famille une bonne instruction: sachant à la perfection les langues et la musique, et douée d'une voix remarquable, elle avait en outre un physique extrêmement séduisant: grande et élégante brune aux étincelants yeux noirs, au teint un peu basané, au nez légèrement retroussé, à la démarche fière, mais gracieuse, elle justifiait parfaitement son surnom de fille du Gange. Elle fut mariée au commencement de 1825 par la volonté de ses parents au prince Serge Grigoriewitch Wolkonsky, général déjà retraité et d'âge à pouvoir être son père. Moins d'un an après, il fut arrêté le 7 janvier 1826 et interné au ravelin Alexis, à la Citadelle Pierre-et-Paul: à peine remise de couches laborieuses, elle se hâta, à la nouvelle du sort qui l'attendait, de quitter la propriété de son père pour venir partager sa destinée. Ni les prières et les raisons de sa famille, ni les obstacles du gouvernement ne purent ébranler sa résolution de l'accompagner en Sibérie. Munie d'une autorisation de l'Empereur Nicolas, elle laissa son petit garçon († 1827) aux soins de sa belle-mère, et partit de Moscou à la fin de décembre 1826 pour le long voyage, avec une seule femme de chambre; au bout de vingt jours de privations et d'inconforts, sans un arrêt, elle arriva à Irkoutsk, où elle dut signer sa renonciation pour elle et ses enfants à tous les droits civils, et fut alors dirigée sur les mines de Blagodat, près Nertchinsk, où était son mari. Elle ne s'éloigna plus dès lors du lieu de sa réclusion, ne pouvant d'abord le voir que deux fois par semaine et partageant avec les autres femmes de Décabristes toutes les privations et les épreuves de l'exil volontaire. Souffrant du froid, de la faim, du manque d'argent, lavant elle-même son linge, nettoyant par terre, se nourrissant de pain et de kvass, elle eut la force de caractère „de ne jamais perdre courage, de ne jamais dire son chagrin, gaie et aimable dans la société de son mari et de ses camarades, fière et exigeante avec le commandant et le chef du bagne“. Ces femmes apportaient dans l'existence des prisonniers un peu de chaleur et de confort, et les mettaient en communication avec le monde extérieur; aussi bénissaient-ils „ces anges descendus de l'azur pour soulager les épreuves sur ce coin de terre et porter aux captifs dans leur sourire consolateur l'amour et la paix de l'âme“. Plus tard, quand le sort des Décabristes eut été peu à peu l'objet de divers adoucissements et que son mari eut été transféré à Tchita, puis à l'usine Pétrowsk, et enfin dans le gouvernement d'Irkoutsk, la jeune femme eut la satisfaction de pouvoir s'installer plus ou moins confortablement dans une maison à elle, et surtout celle de donner le jour à son fils Michel en 1832 et à sa fille Hélène en 1835. Le soin et le souci de ses enfants remplissaient si bien toute son existence qu'elle refusa sans hésiter la proposition de l'Empereur Nicolas de les envoyer à Pétersbourg pour les mettre dans les établissements d'instruction de l'état. La crainte de se voir enlever ses enfants l'inquiétait tellement qu'elle en fit une maladie grave, dont elle ne se remit jamais bien, et à la suite de laquelle elle reçut en 1844 l'autorisation de se fixer à Irkoutsk. En 1855, bien avant l'amnistie générale des Décabristes, sa fille lui fit avoir par l'Impératrice la permission de venir se soigner à Moscou. Quand son mari quitta la Sibérie en 1855, à l'avènement d'Alexandre II, elle se fixa d'abord à Moscou avec lui, mais plus tard, après deux hivers passés en 1859 et 1860 à l'étranger pour leur santé, elle se retira en Petite-Russie, chez son gendre N. Kotchubey, à Voronki, où elle mourut dans les bras de son fils et de sa fille le 10 août 1863, et où elle fut inhumée. La crypte de l'église élevée sur sa sépulture porte à sa voûte l'inscription: „Réjouis-toi, infatigable bienfaitrice des enchaînés et des reclus“.

La princesse Wolkonsky fut immortalisée par Nékrassoff dans son poème Femmes Russes. Elle a laissé elle-même sur sa vie des Souvenirs en français remplis d'intérêt, publiés en 1904 par son fils.

(D'après un original appartenant à Mme M. Raewsky, St-Petersbourg.)

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РАЕВСКІЙ, 1795—1868, старшій сынъ генерала-отъ-кавалеріи Николая Николаевича Раевского отъ брака съ Софьей Алексѣевной Константиновой, родился въ крѣпости Георгіевской; получивъ основательное домашнее образованіе, въ 1810 г. опредѣленъ въ Симбирскій гренатерскій полкъ и, состоя при отцѣ въ Молдавской арміи, находился при осадѣ Силистріи и въ сраженіи при Шумлѣ; переведенный въ 5-й Егерскій полкъ (1811), онъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1812—1814 гг., получилъ чины подпоручика и поручика за отличіе при Дашковѣ (Салтановѣ); награжденный за Бородино орд. св. Владиміра, а за Красный—золотой шнагой, онъ переведенъ былъ въ 1813 г. въ л.-гв. Егерскій полкъ и назначенъ адъютантомъ къ графу М. С. Воронцову; за отличіе при Фершампенуазѣ получивъ орд. св. Анны 2-й ст. съ алмазами, онъ былъ при взятіи Парижа, а затѣмъ жилъ съ Воронцовымъ во Франціи и въ Англіи; въ 1817 г. произведенъ въ полковники и переведенъ въ Рязскій пѣхотный, а въ 1818 г.—въ 6-й Егерскій полкъ. Въ Апрѣлѣ 1819 г. Раевскій былъ уволенъ „до излѣченія болѣзни“ къ Кавказскимъ водамъ, прикомандированъ къ Кавказскому корпусу и, находясь при Ермоловѣ (свойственникъ его отца), участвовалъ въ экспедиціяхъ противъ горцевъ. Въ Іюнѣ 1820 г. Раевскій познакомился съ Пушкинымъ, пріѣхавшимъ на Кавказъ съ семьей Н. Н. Раевского. По возвращеніи же оттуда жилъ у своей бабушки, графини А. В. Браницкой, въ Бѣлой-Церкви и здѣсь сблизился съ графиней Е. К. Воронцовой. Переселившись въ Одессу, по назначеніи сюда графа М. С. Воронцова генералъ-губернаторомъ (Май 1823 г.), онъ постоянно бывалъ въ его домѣ на правахъ родственника; говорятъ, что для прикрытія своихъ отношеній къ графинѣ, онъ воспользовался Пушкинымъ, который вскорѣ и понатился ссылкой въ деревню; 1 Октября 1824 г. Раевскій вышелъ въ отставку и жилъ—смотря по тому, гдѣ была Воронцова—то въ Одессѣ, то въ Бѣлой-Церкви; здѣсь онъ былъ арестованъ (29 Декабря 1825 г.) по дѣлу декабристовъ, привезенъ въ Петербургъ, но оправдался и даже пожалованъ былъ (21 Января 1826 г.) въ камергеры, а затѣмъ снова появился въ Одессѣ чиновникомъ особыхъ порученій при Воронцовѣ, но въ этомъ званіи пробылъ лишь до Октября 1827 г.; въ Іюлѣ слѣдующаго года Воронцовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Раевскій сказалъ какую-то дерзость его женѣ, а также неодобрительно отзывался о правительствѣ, добился Высочайшаго повелѣнія о высылкѣ его въ Полтаву, съ запрещеніемъ выѣзда изъ губерніи. Въ 1829 г. Раевскій лишь съ особаго разрѣшенія пріѣзжалъ къ умиравшему отцу, послѣ же смерти его поселился въ его имѣніи; лишь черезъ нѣсколько лѣтъ ему позволено было переѣхать въ Москву. Здѣсь 11 Ноября 1834 г. онъ женился на Екатеринѣ Петровнѣ Книдиковой, но черезъ пять лѣтъ овдовѣлъ (26 Января 1839 г.) и отдался воспитанію единственной дочери Александры; по выходѣ ея замужъ за графа И. Г. Ностица, онъ переселился въ Ниццу, гдѣ и умеръ 23 Октября 1868 года.

Связь съ Пушкинымъ давно уже заставляла обратить вниманіе на своеобразную личность Раевского; поэтъ былъ друженъ съ нимъ, живя въ Одессѣ, велъ переписку и одно время былъ подъ сильнымъ вліяніемъ его „язвительныхъ рѣчей“, вливавшихъ въ душу его „хладный лѣдъ“. Къ нему относятся стихотворенія Пушкина „Демонъ“ и „Ангель“, а, можетъ-быть, и „Коварность“. Странности характера Раевского сказались рано, несмотря на его недюжинный, но односторонній умъ; уже въ 1820 г. отецъ писалъ про него: „Я ищу въ немъ проявленія любви, чувствительности и не нахожу ихъ. Онъ не разсуждаетъ, а спорить, и чѣмъ болѣе онъ неправъ, тѣмъ его тонъ становится непріятнѣе, даже до грубости... У него умъ наизнанку... Я думаю, что онъ не вѣритъ въ любовь, такъ какъ самъ ея не испытываетъ и не старается ее внушить“. Вигель оставилъ о Раевскомъ крайне рѣзкій отзывъ; говоря, что онъ отличался какимъ-то „непріязненнымъ чувствомъ ко всему человѣчеству“, онъ пишетъ: „Въ немъ не было честолюбія, но изъ смѣшенія чрезмѣрнаго самолюбія, лѣни, хитрости и зависти составленъ былъ его характеръ... Наружность его сохраняла еще нѣкоторую пріятность, хотя тѣлесные и душевные недуги уже изсушили его и наморщили его чело“; ему свойственна была какая-то демоническая злоба, которая заставляла его ненавидѣть тѣхъ, кто дѣлалъ ему добро, разрушать счастье вездѣ, гдѣ онъ ни замѣчалъ его. М. В. Юзефовичъ свидѣтельствуетъ, что Раевскій, „дѣйствительно, имѣлъ въ себѣ что-то такое, что придавливало душу другихъ; сила его обаянія заключалась въ рѣзкомъ и язвительномъ отрицаніи... Пушкинъ въ Одессѣ хаживалъ къ нему по вечерамъ, имѣя позволеніе тушить свѣчи, чтобы разговаривать съ нимъ свободнѣе впотѣмахъ“.

(Съ портрета, принадлежавшаго графу И. Г. Ностицу, въ Москвѣ.)

ALEXANDRE NIKOLAEWITCH RAEWSKY, 1795 — 1868, fils aîné du général de cavalerie Nicolas Nikolaewitch Raewsky et de Sophie Alexéewna, née Konstantinoff, naquit à la forteresse St-Georges; après avoir reçu dans sa famille une instruction approfondie, il prit du service en 1810 au régiment des grenadiers de Simbirsk, et, attaché à son père à l'armée de Moldavie, fut au siège de Silistrie et à la bataille de Choumla. Transféré en 1811 au 5e régiment de chasseurs, il fit les campagnes de 1812—1814: il passa sous-lieutenant, puis lieutenant pour sa valeur à Dachkowka (Saltanowka), gagna à Borodino l'ordre de St-Vladimir, et à Krasny une épée d'or. Affecté en 1813 au régiment des chasseurs de la Garde et nommé aide de camp du comte M. Worontzoff, il fut décoré de Ste-Anne de 2e classe en diamants pour la bravoure qu'il déploya à la Fère-Champenoise, se trouva à la prise de Paris, puis resta avec Worontzoff en France et en Angleterre. Promu colonel en 1817 et affecté au régiment d'infanterie de Riajsk, puis, l'année suivante, au 6e chasseurs, il fut, en avril 1819, mis en non-activité pour „aller se soigner“ aux eaux du Caucase, et envoyé en mission au corps du Caucase, où, attaché à Ermoloff, parent par alliance de son père, il prit part aux expéditions contre les indigènes. En juin 1820, il y fit la connaissance de Pouchkine, venu avec la famille de son père. Il alla ensuite se fixer chez sa grand' mère la comtesse A. Branitzky, à Bélaïa-Tzerkov, et là, se lia avec la comtesse E. Worontzoff; puis, lorsque le comte M. Worontzoff alla à Odessa en mai 1823 comme général gouverneur, il l'y suivit et fut son hôte assidu sur un pied de parenté, se servant, pour couvrir ses rapports avec la comtesse, de Pouchkine, que ses bons offices firent bientôt reléguer à la campagne. Retraité le 1er octobre 1824, il habita, selon les déplacements de la jeune comtesse, tantôt Odessa, tantôt Bélaïa-Tzerkov, où il fut arrêté le 29 décembre 1825 comme décabriste; amené à Pétersbourg, il se justifia et fut même fait chambellan le 21 janvier 1826, puis retourna à Odessa comme fonctionnaire des commissions spéciales près de Worontzoff, titre qu'il ne conserva que jusqu'en octobre 1827. En juillet de l'année suivante, le comte, sous prétexte d'une impertinence dite à sa femme et de propos malveillants contre le gouvernement, le fit reléguer à Poltava par ordre de S. M. l'Empereur, avec interdiction de sortir de la province. En 1829, Raewsky ne put aller voir son père mourant qu'avec une autorisation spéciale, et, à sa mort, se fixa dans ses propriétés; ce ne fut que plusieurs années plus tard qu'il lui fut permis d'aller à Moscou. Il y épousa le 11 novembre 1834 Catherine Pétrowna Kindiakoff, puis, devenu veuf cinq ans après (26 novembre 1839), se consacra à l'éducation de sa fille unique Alexandrine. Après l'avoir mariée au comte I. Nostitz, il se fixa à Nice, où il mourut le 23 octobre 1868.

Il y a longtemps que l'amitié de Pouchkine appela l'attention sur l'originale personnalité de Raewsky, qui, après leurs relations d'Odessa, resta en correspondance avec lui et subit fortement, un moment, l'influence de ses „propos virulents“, versant dans son âme leur „poison glacé“. C'est lui que visent les poésies de Pouchkine *Le Démon*, *L'Ange*, et peut-être aussi *Fourberie*. Les bizarreries de son caractère se manifestèrent de bonne heure, malgré son esprit peu commun, mais un peu étroit; dès 1820, son père écrivait: „Je cherche en lui sans en trouver des preuves d'amour et de sensibilité. Il ne raisonne pas, il discute, et plus il est dans son tort, plus il prend un ton désagréable et même grossier... Il a la tête à l'envers... Il me semble qu'il ne croit pas à l'amour, puisqu'il n'en éprouve pas et ne cherche pas à en inspirer“. Wiegel est particulièrement dur à son égard; animé, dit-il, de je ne sais quelle „animosité contre l'humanité tout entière, il n'avait aucune ambition, mais son caractère était fait d'amour-propre démesuré, de paresse, de malice et de jalousie.... Son extérieur conservait encore quelque chose d'agréable, malgré la consommation et les rides dont les infirmités physiques et morales avaient marqué son front“; comme trait particulier, une sorte de ressentiment démoniaque lui faisait détester ceux qui lui avaient fait du bien, et détruire le bonheur partout où il le remarquait. Au témoignage de Youzéfowitch, il avait „effectivement quelque chose de déprimant; son prestige tenait à sa force de négation, dure et virulente... A Odessa, Pouchkine allait le voir le soir, et avait la permission d'éteindre pour causer en toute liberté dans l'obscurité“.

(D'après un original appartenant au comte I. Nostitz, Moscou.)

Князь СЕРГѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1783—1833, третій сынъ генераль-аншефа князя Сергѣя Федоровича Голицына, женатаго на красавицѣ Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардъ, родился 17 Февраля 1783 г.; записанный 2-хъ лѣтъ въ Семеновскій полкъ, 13-и лѣтъ онъ былъ произведенъ въ сержанты, въ 1797 г.—въ прапорщики, въ 1798 г.—въ подпоручики, а 14 Августа 1799 г. уволенъ; только въ 1801 г., уже въ новое царствованіе, онъ вернулся на службу и 30 Октября того же года былъ произведенъ въ поручики.

Выйдя въ отставку въ 1803 г. штабсъ-капитаномъ, князь Голицынъ въ 1806 г. поступилъ ротмистромъ въ кавалерію и былъ пожалованъ во флигель-адъютанты (3 Мая 1806 г.); за Аустерлицъ онъ получилъ орденъ св. Владимира 4 ст., за участіе въ другихъ дѣлахъ награжденъ золотымъ оружіемъ и за Фридландъ получилъ орденъ св. Георгія 4 ст.; 20 Мая 1808 г. онъ былъ произведенъ въ полковники, 3 Юня вновь пожалованъ во флигель-адъютанты, а 20 Августа 1812 г. произведенъ въ генераль-майоры. За битву при Лейпцигѣ получилъ золотую саблю съ алмазами и прусскій орденъ Краснаго Орла 2 ст., а позднѣе, послѣ взятія Парижа—орденъ „Pour le Mérite“. Въ 1815 г. князь С. С. Голицынъ былъ уволенъ въ отставку; позднѣе, въ 1830 г., пожалованъ въ званіе егермейстера; скончался 14 Марта 1833 г. и похороненъ въ с. Зубриловкѣ, Саратовской губерніи.

Князь С. С. Голицынъ былъ женатъ на Наталіи Степановнѣ Апраксиной (р. 13 Ноября 1796 г., † 7 Мая 1890 г.; см. т. III, № 120); дѣтей у нихъ не было.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le prince SERGE SERGUÉEWITCH GOLITZYNE, 1783 — 1833, troisième fils du prince Serge Féodorowitch Golitzyne, général en chef, et de la belle Varvara Vassiliowna, née Engelhardt, naquit le 17 février 1783. Enrôlé à l'âge de deux ans au régiment Sémenowsky, il passa à 13 ans sergent, en 1797 porte-enseigne, en 1798 sous-lieutenant, puis fut destitué le 14 août 1799. Ce ne fut que sous un nouveau règne, en 1801, qu'il reprit du service, et, le 30 octobre de la même année, fut promu lieutenant.

Démissionnaire en 1803 comme capitaine en second, il passa en 1806 capitaine de cavalerie, et fut fait aide de camp de Sa Majesté le 3 mai 1806. Austerlitz lui valut St-Vladimir de 4e classe, d'autres affaires une épée d'or, et Friedland St-Georges de 4e classe. Colonel le 20 mai 1808, il redevint aide de camp de Sa Majesté le 3 juin, et passa général major le 20 août 1812. La bataille de Leipzig lui valut un sabre d'or enrichi de diamants et l'ordre prussien de l'Aigle Rouge de 2e classe, et la prise de Paris l'ordre Pour le Mérite.

Il prit sa retraite en 1815, et devint plus tard veneur, en 1830. Il mourut le 14 mars 1833, et fut inhumé au bourg de Zoubrilowka, gouvernement de Saratoff.

Le prince Golitzyne avait épousé Natalie Stépanowna Apraxine (15 novembre 1796—7 mai 1890; v. T. III, N° 120). Ils n'eurent pas d'enfants.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

133

John James Esdaile, Esq. Esdaile, Esq. Esdaile, Esq.
Esdaile, Esq. Esdaile, Esq. Esdaile, Esq.
1811-1812 1813-1814

134

John James Esdaile, Esq. Esdaile, Esq. Esdaile, Esq.
Esdaile, Esq. Esdaile, Esq. Esdaile, Esq.
1811-1812 1813-1814

135

John James Esdaile, Esq. Esdaile, Esq. Esdaile, Esq.
Esdaile, Esq. Esdaile, Esq. Esdaile, Esq.
1811-1812 1813-1814

136

John James Esdaile, Esq. Esdaile, Esq. Esdaile, Esq.
Esdaile, Esq. Esdaile, Esq. Esdaile, Esq.
1811-1812 1813-1814

133

Князь Сергій Сергеевич *Le Prince Serge Sergueewitch*
 Голицынъ, *Golitzyn,*
 1783 — 1833 1783 — 1833

134

Князь Александръ Сергеевич *Le Prince Alexandre Sergueewitch*
 Голицынъ, *Golitzyn,*
 1789 — 1858 1789 — 1858

136

135

Княгиня Елена Александровна *La Princesse Hélène Alexandrowna*
 Голицына, *Golitzyn,*
 1785 — 1855 1785 — 1855

Князь Василий Сергеевич *Le Prince Basile Sergueewitch*
 Голицынъ, *Golitzyn,*
 1792 — 1856 1792 — 1856

Князь АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1789—1858, восьмой сынъ генералъ-аншефа князя Сергѣя Федоровича Голицына, женатаго на племянницѣ Потемкина Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардъ, родился въ с. Зубриловкѣ 21 Ноября 1789 г.; получивъ въ дѣтствѣ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго и записанный въ гвардію, онъ, окончивъ образованіе въ пансіонѣ аббата Николая, 23 Сентября 1806 г. поступилъ портупей-прапорщикомъ въ Семеновскій полкъ; произведенный 4 Февраля 1807 г. въ прапорщики, участвовалъ въ сраженіяхъ при Гутштатѣ, Гейльсбергѣ, а подъ Фридландомъ былъ раненъ въ ногу пулею и получилъ золотую шнагу. Въ 1808 г. Голицынъ былъ произведенъ въ подпоручики, въ 1810 г. въ поручики. Во время Отечественной войны, состоя адъютантомъ при Беннигсенѣ, онъ участвовалъ въ Бородинскомъ бою и въ сраженіи при Тарутинѣ. Получивъ орденъ св. Анны 2 ст. съ алмазами, 23 Сентября произведенъ въ штабсъ-капитаны, а 7 Октября въ капитаны. Пробывъ годъ въ отставкѣ (съ 31 Декабря 1815 г.), Голицынъ 28 Сентября 1816 г. вновь поступилъ на службу подполковникомъ въ лейбъ-гвардіи Уланскій Цесаревича полкъ, гдѣ и произведенъ былъ 10 Марта 1818 г. въ полковники. Прослуживъ въ Варшавѣ около 2 лѣтъ, князь Голицынъ 13 Февраля 1819 г. вышелъ въ отставку. Вновь вернулся онъ на службу, только 20 лѣтъ спустя, опредѣленный 3 Августа 1838 г. состоять при главнокомандующемъ арміи; въ 1842 г. онъ былъ военнымъ начальникомъ Люблинской губерніи, въ 1849 г. участвовалъ въ Венгерскомъ походѣ.

Князь А. С. Голицынъ былъ женатъ 2 раза: первымъ бракомъ на разведенной женѣ графа Станислава Ходкевича, Каролинѣ Станиславовнѣ, рожденной графинѣ Валевской (р. 1778 г., † 14 Февраля 1846 г.; похоронена на Петербургскомъ Смоленскомъ кладбищѣ), вторымъ — на Еленѣ (Элеонора) Осиповнѣ Заржицкой (р. 9 Февраля 1823 г.); отъ этого брака онъ имѣлъ дѣтей: Сергѣя, Михаила, Евгенію (за княземъ Н. Н. Голицынымъ; нынѣ начальница Ксеніевскаго Института) и Елизавету (за Н. Н. Деревицкимъ). Князь Голицынъ умеръ 12 Сентября 1858 г. въ Калишѣ, гдѣ и похороненъ.

Князь А. С. Голицынъ имѣлъ прозвища „рыжій“ и „золотой“, по словамъ автора „Рода Голицыныхъ“, за свои высокія душевныя качества; онъ былъ отчасти поэтъ и писалъ сатирическія стихотворенія. По словамъ Вигеля, „князь Александръ былъ уменъ, храбръ, но ложныя понятія о чести и слишкомъ упрямый нравъ рано остановили его на военномъ поприщѣ, которое онъ могъ бы съ успѣхомъ проходить“.

(Съ миниатюры, принадлежащей княгинѣ Е. А. Голицыной, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince ALEXANDRE SERGUÉEWITCH GOLITZYNE, 1789—1858, huitième fils du prince Serge Féodorowitch Golitzyne, général en chef, et de la nièce de Potemkine Varvara Vassiliowna, née Engelhardt, naquit à Zoubrilowka le 21 novembre 1789. Décoré tout enfant de Saint-Jean-de-Jérusalem et enrôlé à la Garde, il prit du service, après avoir fait ses études à la pension de l'abbé Nicolle, le 23 septembre 1806 comme sous-officier à dragonne d'argent au régiment Sémenowsky. Porte-étendard le 4 février 1807, il combattit à Gutstadt et Heilsberg, et, à Friedland, fut blessé d'une balle à la jambe et reçut une épée d'or. Sous-lieutenant en 1808 et lieutenant en 1810, il fit la Guerre Patriotique comme aide de camp de Bennigsen, et se signala au combat de Borodino et à la bataille de Taroutino: décoré de Ste-Anne de 2e classe en brillants, il passa le 23 septembre capitaine en second et le 7 octobre capitaine. En non-activité à partir du 31 décembre 1815, il reprit du service le 28 septembre suivant comme lieutenant-colonel du régiment du Césarewitch des uhlans de la Garde, où il passa colonel le 10 mars 1818. Après deux ans environ de service à Varsovie, il prit sa retraite le 15 février 1819, pour ne rentrer en activité qu'au bout de vingt ans, le 3 août 1838, comme attaché au commandant en chef de l'armée; en 1842, il fut chef militaire du gouvernement de Lublin, et fit en 1849 la campagne de Hongrie.

Le prince Golitzyne fut marié deux fois, en premières noces à la femme divorcée du comte Stanislas Khodkewitch, Caroline Stanislavowna, née comtesse Walewski (1778—14 février 1846; inhumée au cimetière de Smolensk, à St-Pétersbourg), en secondes noces à Hélène (Eléonore) Ossipowna Zarjitzky (née 9 février 1823), dont il eut quatre enfants: Serge, Michel, Eugénie, mariée au prince N. Golitzyne, actuellement directrice de l'Institut Xénie, et Elisabeth, mariée à N. Dérévitzky. Il mourut le 12 septembre 1858 à Kalisch, et y fut inhumé.

Au témoignage de l'auteur de *La Famille Golitzyne*, le prince Golitzyne avait reçu les sobriquets de *le Roux*, et, en raison de ses hautes qualités morales, *Cœur d'Or*. Un peu poète, il fit des vers satiriques. Il avait, dit Wiegel, „de l'esprit, de la bravoure, mais ses idées fausses en matière d'honneur et son extrême entêtement interrompirent prématurément sa carrière militaire, qui pouvait être brillante“.

(D'après une miniature appartenant à la princesse E. Golitzyne, St-Pétersbourg.)

Княгиня ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛИЦЫНА, 1785—1855, дочь Александра Львовича Нарышкина и Марии Алексеевны, рожденной Сенивиной, в первом браке, с 13 Июля 1800 по 1811 годъ, была за сыномъ фельдмаршала Суворова, княземъ Аркадіемъ Александровичемъ, утонувшимъ въ рѣкѣ Рымникѣ 13 Апрѣля 1811 года. Бракъ этотъ не былъ особенно счастливъ; Суворовъ (см. о немъ т. I, № 68), подобно великому отцу, не былъ созданъ для семейной жизни: рысканье по полямъ съ собаками, холостая компанія, среди которой „Блжу“ предавался разгулу и необузданному вранью, отвлекали его отъ дома, гдѣ жена скучала одна и... принимала ухаживанія многочисленныхъ поклонниковъ: друзья— двоюродный братъ ея графъ М. С. Воронцовъ, сатирическій поэтъ, некрасивый, но умный С. Н. Маринъ, мягкій и сентиментальный полковникъ Д. В. Арсеньевъ, питали къ ней нѣжныя чувства. Послѣдній бѣжалъ отъ нихъ даже въ армію на о. Корфу и въ Италію, Маринъ ругалъ за нее ея супруга, „котораго не худо бы прогнать шпицрутенами: какъ можно промѣнять жену на похабную псовую охоту“; любуясь ея маленькой дочкой Мими (Марія), Маринъ писалъ: „Какъ она стала мила, и я думаю, что она, если это возможно, будетъ такъ же умна и любезна, какъ ея мать“, но въ то же время онъ находилъ, что „божество“ имѣетъ въ себѣ „все, что вѣтреность и кокетство имѣетъ опаснаго!“ За ту же неискренность и легкомысліе кузины охладѣлъ позднѣе къ ней и ея кузенъ Воронцовъ, употреблявшій всѣ успія, чтобы спасти отъ губельной страсти своего друга Арсеньева, выставляя ему на видъ всѣ недостатки прелестной княгини. (См. о ней еще т. I, № 51.)

Оставшись вдовою всего 26-и лѣтъ, съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, княгиня Е. А. Суворова долго жила за границей, блпстала въ 1814 году на Вѣнскомъ конгрессѣ и перебивала во всѣхъ почти столицахъ Европы, гдѣ пользовалась шумнымъ успѣхомъ, благодаря своей красотѣ и любезности. „Она соединяла въ себѣ“, пишетъ одинъ изъ современниковъ, „съ замѣчательной красотой природную живость ума и обаяніе нѣжной и возвышенной души“. Желаніе нравиться и прельщать долго ее не покидало и послужило предметомъ ѣдкаго замѣчанія князя П. А. Вяземскаго о „ея подведенныхъ рѣсницахъ и двухъ дюжинахъ парижскихъ зубовъ“.

Въ 1823 году, въ Баденѣ, княгиня Е. А. Суворова вышла замужъ вторымъ бракомъ за князя Василя Сергѣевича Голицына, дѣйствительнаго статскаго совѣтника и камергера, и остальную часть жизни провела почти безвыѣздно на югѣ Россіи, въ Одессѣ, Симферополѣ и въ Крымскомъ имѣніи мужа „Василь-Сарай“. Второй бракъ ея былъ бездѣтный, и старость ея протекала въ мирной домашней обстановкѣ; почти совершенно ослѣпшая подъ конецъ жизни, она сохранила полную свѣжесть ума и памяти, дѣлавшіе разговоръ ея и воспоминанія о прошедшемъ полными живости и интереса. Скончалась она 3 Декабря 1855 г. въ Одессѣ; тамъ же и похоронена въ семейномъ склепѣ князей Голицыныхъ.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

La princesse HÉLÈNE ALEXANDROWNA GOLITZYNE, 1785 — 1855, fille d'Alexandre Lvowitch Narychkine et de Marie Alexéewna, née Sényavine, épousa en premières noces, le 13 juillet 1800, le fils du feld-maréchal Souvoroff, le prince Arcade Alexandrowitch Souvoroff, qui se noya dans le Rymnik le 13 avril 1811. Ce mariage fut loin d'être heureux: comme son célèbre père, Souvoroff (v. T. I, N° 68) n'était pas fait pour la vie de famille; battant la campagne avec ses chiens, se livrant en compagnie de célibataires à une débauche de conduite et de paroles, Bijou était perdu pour son foyer, où sa femme s'ennuyait seule et... accueillait les assiduités de nombreux adorateurs, son cousin le comte M. Worontzoff, le poète satirique, laid, mais homme d'esprit, S. Marine, le tendre et sentimental colonel D. Arsénieff, qui se retira de la société en allant rejoindre l'armée à Corfou et en Italie. Marine gourmandait pour elle son mari: „Il faudrait lui donner les verges; peut-on planter là sa femme pour une impudente chasse à courre?“ Il s'extasie sur sa petite fille Mimi (Marie): „Comme elle est devenue gentille! Je crois qu'elle sera, s'il est possible, aussi spirituelle et aussi aimable que sa mère“; mais il trouve en même temps que la „divinité“ présente „tous les dangers de la frivolité et de la coquetterie“. Ce manque de sincérité et cette légèreté refroidirent plus tard aussi son cousin Worontzoff, qui mit tous ses efforts à préserver d'une passion funeste son ami Arsénieff en lui faisant voir tous les défauts de la charmante princesse (v. aussi sur elle T. I, N° 51).

Veuve à 26 ans seulement avec quatre enfants en bas âge, la princesse Souvoroff habita longtemps à l'étranger, brilla en 1814 au congrès de Vienne, et fit le tour de presque toutes les capitales de l'Europe, où sa beauté et son amabilité lui valurent un bruyant succès. Au témoignage d'un contemporain, „elle unissait à une beauté remarquable une vivacité d'esprit naturelle et le prestige d'une âme tendre et élevée“. Le désir de plaire et de séduire lui resta longtemps, et fournit au prince Viazemsky l'occasion d'une observation mordante sur „ses sourcils peints et ses deux douzaines de dents de Paris“.

En 1823, à Bade, la princesse Souvoroff épousa en secondes noces le prince Basile Serguéewitch Golitzyne, conseiller d'état actuel et chambellan, et passa presque tout le reste de sa vie dans le midi de la Russie, à Odessa, à Simféropol et en Crimée dans la propriété de son mari, Vassil-Saraï. Elle n'eut pas d'enfants de ce second mariage, et sa vieillesse s'écoula dans le calme de son intérieur. Presque aveugle sur la fin de ses jours, elle avait conservé toute sa fraîcheur d'esprit et de souvenir: sa conversation et ses récits du passé étaient pleins de vivacité et d'intérêt. Elle mourut le 3 décembre 1855 à Odessa, et y fut inhumée dans le caveau de famille des princes Golitzyne.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь **ВАСИЛІЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ**, 1792—1856, младшій братъ двоихъ предыдущихъ Голицыныхъ, родился 5 Декабря 1792 г.; 29 Августа 1808 г. поступилъ на службу юнкеромъ XIV класса въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ и на другой день пожалованъ въ камеръ-юнкеры V класса; 7 Ноября 1809 г. былъ командированъ въ Галицію, въ армию его отца „для отиравленія дипломатической переписки“. Въ началѣ 1811 г. Голицынъ былъ уволенъ отъ службы въ Коллегіи, съ назначеніемъ совѣтникомъ Губернскаго правленія въ Пензу, гдѣ старшій его братъ, Григорій, былъ тогда губернаторомъ. Во время Отечественной войны и кампаніи слѣдующаго года участвовалъ, въ рядахъ Пензенскаго ополченія, во многихъ сраженіяхъ, при чемъ за Лейпцигъ получилъ орденъ Анны 2 степени и „Pour le Mérite“, а за блокаду Гамбурга—золотое оружіе; 19 Іюня 1815 г. переведенъ изъ ополченія въ Александрійскій гусарскій полкъ майоромъ, а 18 Марта 1817 г. уволенъ отъ военной службы, съ причисленіемъ къ Министерству Иностранныхъ дѣлъ; въ 1819 г., 5 Мая, князь Голицынъ былъ причисленъ къ Франкфуртской миссіи, 12 Декабря 1821 г. пожалованъ въ камергеры, а затѣмъ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, вышелъ въ отставку и жилъ до своей смерти на югѣ Россіи, въ Одессѣ и въ своемъ имѣніи въ Крыму. Умеръ князь В. С. Голицынъ 16 Апрѣля 1856 г. и похороненъ въ Одессѣ.

Съ 1823 г. князь В. С. Голицынъ былъ женатъ на вдовѣ свѣтлѣйшей княгинѣ Еленѣ Александровнѣ Суворовой, рожденной Нарышкиной (р. 1786 г., † 3 Декабря 1856 г. въ Одессѣ). Потомства у нихъ не осталось.

Вигель, хорошо знавшій всю семью Зубриловскихъ Голицыныхъ, говоритъ о князѣ Васи́лѣ Сергѣевичѣ, что онъ былъ „весьма не глухъ и всегда оставался добрымъ и честнымъ человѣкомъ; онъ могъ бы быть человѣкомъ болѣе полезнымъ, но баловство страстной къ нему матери много повредило ему. Вообще всѣ члены этого семейства погибли, одни въ блестящемъ, другіе въ жалкомъ ничтожествѣ“.

(Съ миниатюры, принадлежащей А. К. Фаберже, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince **BASILE SERGUÉEWITCH GOLITZYNE**, 1792—1856, frère cadet des deux précédents, naquit le 5 décembre 1792. Entré au service le 29 août 1808 comme gentilhomme de XIVe classe au Collège des Affaires étrangères, il fut promu le lendemain à la Ve classe comme gentilhomme de la chambre, et envoyé le 7 novembre 1809 à l'armée de son père, en Galicie, „pour faire la correspondance diplomatique“. Il quitta le Collège au début de 1811, pour passer conseiller de l'administration de gouvernement à Penza, où son frère aîné Grégoire était alors gouverneur. Lors de la Guerre Patriotique et de la campagne de l'année suivante, il prit part dans les rangs de la milice de Penza à de nombreux combats: Leipzig lui valut Ste-Anne de 2e classe et Pour le Mérite, et le blocus de Hambourg une épée d'or. Passé le 19 juin 1815 major au régiment de hussards Alexandriysky, il quitta le service militaire le 18 mars 1817 pour entrer au Ministère des Affaires étrangères. Il fut affecté le 5 mai 1819 à la mission de Francfort, et fait chambellan le 12 décembre 1821, après quoi il prit sa retraite avec rang de conseiller d'état actuel et habita jusqu'à sa mort le midi de la Russie, Odessa et sa propriété de Crimée. Il mourut le 16 avril 1856, et fut inhumé à Odessa.

Il avait épousé en 1823 la princesse sérénissime Hélène Alexandrowna, Veuve Souvoroff, née Narychkine (1786—3 décembre 1856). Ils n'eurent pas d'enfants.

Au témoignage de Wiegel, qui connaissait bien toute la famille des Golitzyne de Zoubrilowka, le prince Golitzyne „n'était pas bête du tout et resta toujours un excellent et honnête homme; il aurait pu être plus utile, mais sa mère, qui l'adorait, lui fit beaucoup de tort en le gâtant. En général, tous les membres de cette famille sombrèrent dans une nullité, qui fut, pour les uns brillante, pour les autres piteuse“.

(D'après une miniature appartenant à A. Fabergé, St-Pétersbourg.)

МАТВѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ СПИРИДОВЪ, 1751—1829, сынъ адмирала Григорія Андреевича (р. 1713 г., † 1790 г.) отъ брака съ Анной Матвѣевной Нестеровой (р. 1731 г.), родился 20 Ноября 1751 г.; 12-и лѣтъ зачисленъ въ пажи, затѣмъ до 1778 г. служилъ въ Семеновскомъ полку, послѣ чего перешелъ на гражданскую службу. Пожалованный въ камеръ-юнкеры, онъ былъ опредѣленъ въ Сенатъ за оберъ-прокурорскій столъ, въ 80-хъ годахъ управлялъ Вотчинной коллегіей, а въ 1793 г. назначенъ сенаторомъ Московскихъ департаментовъ; 28 Октября 1798 г. Спиридовъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, въ 1800—1802 гг. произвелъ сенаторскую ревизію губерній Казанской, Вятской, Оренбургской и Саратовской и 12 Декабря 1809 г., состоя по 7 Апелляціонному Департаменту, уволенъ отъ службы. Скончался Спиридовъ въ 1829 году.

Съ молодыхъ лѣтъ Спиридовъ занимался литературой и наукой; въ 1771 г. онъ участвовалъ въ журналѣ Рубана „Трудолюбивый муравей“. Научныя его занятія главнымъ образомъ были посвящены русской генеалогіи. Въ 1793 и 1794 гг. онъ издалъ 2 тома „Родословнаго Россійскаго Словаря“ (буквы А и Б), который началъ составлять въ 1786 г. вмѣстѣ со своимъ тестемъ, историкомъ княземъ М. М. Щербатовымъ, а по смерти послѣдняго въ 1790 г. продолжалъ одинъ. Книги эти въ настоящее время являются библиографическою рѣдкостью (второй томъ извѣстенъ въ одномъ только экземплярѣ), и библиографъ Остроглазовъ высказалъ предположеніе, что авторъ, недовольный своимъ трудомъ, самъ уничтожилъ его (Спиридовъ называетъ своимъ первымъ печатнымъ трудомъ книгу, изданную въ 1804 г.). Составители Словаря возвысились до современныхъ научныхъ требованій: каждое извѣстіе сопровождается точнымъ указаніемъ источника, но въ число источниковъ попали и вымышленныя Разрядныя книги. Перу Спиридова принадлежатъ еще: „Краткій опытъ историческаго извѣстія о Россійскомъ дворянствѣ“, вышедшій въ свѣтъ въ 1804 г., и „Сокращенное описаніе служебъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ“, первые 2 части котораго вышли въ 1810 г.; остальные 7 частей, совершенно готовыя къ печати, сгорѣли въ 1812 г. вмѣстѣ съ его Московскимъ домомъ; къ счастью, сохранились черновыя, которыя наслѣдниками принесены были въ даръ Императорской Публичной библіотекѣ. Н. П. Лихачевъ приписываетъ еще Спиридову статью въ Древней Россійской Вивліоѣнкѣ „О старинныхъ чинахъ въ Россіи“.

Съ 10 Мая 1775 г. Спиридовъ былъ женатъ на княжнѣ Иринѣ Михайловнѣ Щербатовой (р. 1757 г., † 1827 г.), отъ которой имѣлъ одну дочь, Акулину, и 6 сыновей: Григорія (р. 1777 г.), Алексѣя (р. 1785 г.), Ивана (р. 1787 г., † 1821 г.), Александра (р. 1788 г.), Андрея и Михаила (р. 1797 г.; декабристъ).

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

MATHIEU GRIGORIEWITCH SPIRIDOFF, 1751 — 1829, fils de l'amiral Grégoire Andréewitch Spiridoff (1715 — 1790) et d'Anne Matvéwna, née Nestéroff (née 1731), naquit le 20 novembre 1751. Enrôlé page à 12 ans, il servit jusqu'en 1778 au régiment Sémenowsky, puis passa au service civil. Gentilhomme de la chambre, il fut affecté au Sénat, bureau du procureur général, dirigea dans les années 80 l'administration des domaines patrimoniaux, et devint en 1793 sénateur aux départements de Moscou. Conseiller privé actuel le 28 octobre 1798, il fit en 1800/1802 la revision sénatoriale des gouvernements de Kazan, Viatka, Orenbourg et Saratoff, et prit sa retraite le 12 décembre 1809: il siégeait alors au département d'Appel. Il mourut en 1829.

Spiridoff s'occupa tout jeune de littérature et de science: en 1771, il collaborait à la revue de Roubane La Fourmi Laborieuse. Ses travaux scientifiques sont surtout consacrés à la généalogie russe. Il publia en 1793 et 1794 deux volumes (lettres A et B) du Dictionnaire Généalogique Russe qu'il avait commencé en 1786 avec son beau-père le prince M. Chtcherbatoff, l'historien, et qu'il continua seul après sa mort en 1790. Ces livres sont aujourd'hui une rareté bibliographique (on ne connaît du second volume qu'un seul exemplaire), et le bibliographe Ostroglazoff a émis la supposition que l'auteur, mécontent de son travail, l'aurait détruit lui-même (Spiridoff appelle sa première publication un livre paru en 1804). Les auteurs du Dictionnaire se montrent à la hauteur des exigences de la science moderne: les renseignements sont tous accompagnés de l'indication précise des sources, parmi lesquelles figurent malheureusement de faux nobiliaires. On a encore de Spiridoff Essai sommaire de Notice historique sur la Noblesse Russe, paru en 1804, et Abrégé des Etats de service des Russes Nobles, dont les deux premières parties parurent en 1810, et les sept autres, complètement prêtes pour l'impression, brûlèrent en 1812 à Moscou avec la maison de l'auteur; les brouillons ont heureusement été conservés, et donnés par les héritiers à la Bibliothèque Impériale Publique. N. Likhatcheff attribue encore à Spiridoff un article de l'Ancienne Bibliothèque Russe sur La vieille Hiérarchie Russe.

Spiridoff épousa le 10 mai 1775 la princesse Irène Mikhaïlowna Chtcherbatoff (1757 — 1827), dont il eut une fille, Akoulinc, et six fils, Grégoire (né 1777), Alexis (né 1785), Ivan (1787 — 1821), Alexandre (né 1788), André, et Michel (né 1797), décabriste.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

137

General Sir James Smith
Portrait
 1750-1820

Portrait
 1750-1820

138

General Sir James Smith
Portrait
 1750-1820

Portrait
 1750-1820

139

General Sir James Smith
Portrait
 1750-1820

Portrait
 1750-1820

140

General Sir James Smith
Portrait
 1750-1820

Portrait
 1750-1820

138

137

Матвей Григорьевич Mathieu Grigorievitch
Спиридовъ, Spiridoff,
1751 — 1829 1751 — 1829

Иванъ Акинфиевичъ Ivan Akinfievitch
Тутолминъ, Toutolmine,
1752 — 1815 1752 — 1815

139

Александръ Васильевичъ Alexandre Vassilievitch
Алябьевъ, Aliabiev,
1746 — 1822 1746 — 1822

140

Иванъ Васильевичъ Ivan Vassilievitch
Тутолминъ, Toutolmine,
1760 — 1839 1760 — 1839

ИВАНЪ АКИНФІЕВИЧЪ ТУТОЛМИНЪ, 1752 — 1815, сынъ ротмистра Акинфія Андреевича († 1796 г.), родился 27 Декабря 1752 г. и приобрѣлъ извѣстность тѣмъ, что въ 1812 г. сохранилъ невредимымъ Московскій Воспитательный домъ.хлопоты Тутолмина начались еще до вступленія въ Москву французовъ: сначала нужно было отправить въ Казань старшихъ питомцевъ, когда же въ городѣ были разбиты кабаки, пришлось приводить „въ нѣкоторый порядокъ“ прислугу, нанесшую вина въ Воспитательный домъ и перепившуюся, снособомъ, характернымъ для того патріархальнаго времени: Тутолминъ „вино лилъ, а ихъ билъ“. Тотчасъ по вступленіи Наполеона въ Москву, Тутолминъ отправился въ Кремль и выхлопоталъ у французскаго генераль-губернатора „сальво-гвардію“ для Воспитательнаго дома. Когда начались пожары, и Воспитательный домъ былъ „со всѣхъ сторонъ окруженъ пламенемъ“, Тутолминъ „въ потѣ лица гасилъ и раскидывалъ сосѣдніе деревянные заборы и строенія“. Наполеонъ пожелалъ видѣть лично главнаго надзирателя, но Тутолминъ „равнодушно принялъ“ это приглашеніе; тѣмъ не менѣе, 6 Сентября отправился во Дворецъ, гдѣ имѣлъ получасовую аудіенцію у императора французовъ. Непріятелѣ рѣшили использовать уцѣлѣвшій Воспитательный домъ для устройства въ немъ лазарета; это гарантировало Воспитательному дому безопасность, но подвергло риску занесенія всякой заразы.хлопоты Тутолмина не прекратились и тогда, когда Домъ былъ огражденъ отъ разграбленія. Къ нему со всѣхъ сторонъ стекались москвичи-погорѣльцы, просившіе „пристанища и покровъ“, „приполизывали“ раненые изъ объятыхъ пламенемъ госпиталей, доставлялись безпомощные старики или безпріютныя дѣти. Тутолминъ не только давалъ имъ убѣжище, но, „хотя и бѣдный, употребилъ изъ своихъ денегъ не малую сумму на вспомошествованіе своимъ нуждающимся собратіямъ, изъ христіанскаго состраданія“. Приходилось заботиться о продовольствіи многочисленнаго населенія Дома; Тутолминъ посылалъ по деревнямъ искать хлѣба, имѣя при этомъ и патріотическую цѣль — „дать извѣстіе войскамъ нашимъ о всѣхъ въ Москвѣ происшествіяхъ“; въ то же время онъ находилъ въ себѣ еще силы заботиться, чтобы питомцы вели нормальный образъ жизни, „занимались классическимъ ученіемъ, вязаніемъ чулокъ и рукодѣліемъ“. Вступленіе русскихъ войскъ принесло новыя безпокойства Тутолмину: 11 Октября казаки „вскакали въ Воспитательный домъ и, ворвавшись въ окружное строеніе, ограбили французовъ и расхитили все имущество жившихъ въ томъ строеніи служителей“. Тутолмину не было возможности отдохнуть: надо было очищать лазареты, „наполненные всякою нечистотою и мерзостью, съ вкоренившимися язвительными мокротами“, приходилось вести переписку о всѣхъ подробностяхъ погрома и съ Онекунскимъ Совѣтомъ, и съ самой Императрицей Маріей Ѳеодоровной; послѣднее особенно затрудняло Тутолмина, и онъ признавался, что „отъ Государыни перепиской чрезвычайно замученъ“. Тутолминъ, наконецъ, слегъ и сталъ проситься въ отставку. Императрица и слышать не хотѣла объ этомъ: „сохраненіе ваше мнѣ драгоцѣнно“, писала она, „увольненіе же ваше вовсе отъ службы есть такое слово, о которомъ и помыслить не хочу“; онъ былъ награжденъ орд. Анны 1-й ст. и пенсіею. И. А. Тутолминъ скончался 17 Сентября 1815 г., оставивъ бездѣтную вдову Анну Степановну, рожденную Кошкарову; погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. На памятникѣ его слѣдующая надпись: „Во время непріятельскаго вторженія въ Москву 1812 г., среди пожаровъ, грабежей и убійствъ сохранилъ онъ челоѣколюбивое заведеніе—Воспитательный домъ съ питомцами и служащими при ономъ; давалъ въ немъ пристанище несчастнымъ жителямъ столицы и съ ними раздѣлялъ послѣднюю свою пищу. Сей памятникъ воздвигли ему супруга его, благодарные подчиненные и тѣ изъ постороннихъ, которые въ 1812 г. пользовались его попеченіями и спасены отъ голодной и насильственной смерти. Мужъ добродѣтельный, честный, челоѣколюбивый, пожертвовавшій собой для сиротъ и соотечественниковъ“.

„Отечеству, царю, согражданамъ любезенъ,
Во время смутное онъ сирымъ былъ полезенъ,
Младенцевъ сохранилъ, безкровнымъ далъ покровъ

И твердостью своею очаровалъ враговъ.
При жизни онъ искалъ несчастнымъ быть отцомъ,
По смерти—праведникъ, бесѣдуетъ съ Творцомъ“.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Воспитательномъ домѣ.)

IVAN AKINFIEWITCH TOUTOLMINE, 1752—1815, fils d'un capitaine de cavalerie († 1796), naquit le 27 décembre 1752; il est célèbre pour avoir su conserver indemnes en 1812 les Enfants-Trouvés de Moscou. Ses peines commencèrent bien avant l'entrée de l'ennemi: il dut d'abord envoyer à Kazan les plus grands de ses pupilles. Puis, quand ce fut le pillage des cabarets de la ville, il fallut rétablir „un peu d'ordre“ dans le service: le personnel avait introduit de l'alcool et s'en gorgeait; Toutolmine fit, procédé bien caractéristique de ce temps patriarcal, „jeter la boisson et rosser les buveurs“. Sitôt les Français à Moscou, il alla au Kremlin se faire donner par le général gouverneur ennemi sauvegarde pour son établissement. Lorsque éclata l'incendie et que l'édifice fut „de toutes parts environné de flammes“, il travailla „à la sueur de son front à combattre le fléau et à jeter bas les clôtures et bâtiments voisins“. Napoléon voulut voir en personne le directeur général; celui-ci, „peu sensible“ à l'invitation, s'y rendit pourtant, et eut au Palais, le 6 septembre, une audience d'une demi-heure. L'ennemi décida d'installer une ambulance dans les bâtiments ainsi préservés du feu: les Enfants-Trouvés étaient dès lors garantis contre le danger, mais exposés à toute espèce de contagion. Les difficultés continuèrent même après qu'on eut évité le pillage: Toutolmine fut assailli d'incendiés demandant „asile et protection“, de blessés évadés des hôpitaux en feu, de vieillards abandonnés et d'enfants perdus, et non seulement il donna refuge à tous, mais encore, „pauvre comme il était lui-même, ne ménagera pas ses ressources personnelles pour venir en aide à ses frères dans le besoin, par charité chrétienne“. Il fallait encore nourrir tout ce monde; il envoya chercher du grain dans les campagnes, ayant en même temps un but patriotique, celui de „faire communiquer à nos troupes tous les événements de Moscou“; il trouvait en outre la force de veiller à ce que les pupilles eussent leur régime normal, „classes, tricotage et travaux manuels“. A l'entrée des troupes russes, ce fut encore autre chose: le 11 octobre, les Cosaques „envahirent l'établissement et firent irruption dans l'annexe de service pour piller les Français et dépouiller le personnel“. Toutolmine n'avait pas de repos: il fallut nettoyer les ambulances, „pleines de toute espèce de saletés et d'horreurs, imprégnées de germes pestilentiels“, entrer en correspondance sur tous les détails du pillage, tant avec le Conseil de Tutelle qu'avec l'Impératrice Marie Féodorowna elle-même, et ceci surtout lui donna beaucoup de mal: il disait lui-même que cette correspondance avec l'Impératrice „l'avait mis à bout de forces“. Obligé finalement de garder le lit, il donna sa démission; mais l'Impératrice ne voulut rien entendre: „Votre présence m'est précieuse“, lui écrivait-elle, „et votre retraite définitive est une chose à laquelle je ne veux même pas songer“. Il reçut Ste-Anne de 1re classe et une pension.

Toutolmine mourut le 17 septembre 1815, laissant une veuve sans enfants, Anne Stépanowna, née Kochkaroff; il fut inhumé au monastère Donskoï. Son monument porte l'inscription suivante: „Lors de l'invasion ennemie à Moscou en 1812, parmi l'incendie, le pillage et le meurtre, il préserva son établissement philanthropique des Enfants-Trouvés, pupilles et personnel, y donna asile aux infortunés habitants de la capitale et partagea avec eux ses derniers vivres. Monument élevé par sa veuve, ses subordonnés reconnaissants et tous ceux qu'il a protégés en 1812 et sauvés de la faim et de la mort violente. Vertueux, probe, charitable, dévoué aux orphelins et à ses compatriotes,

„Cher au pays, au Tzar, à ses concitoyens,
 „Au temps d'alarme il fut aux orphelins utile,
 „Protégeant les enfants, donnant asile aux pauvres,
 „Et par sa fermeté ravissant l'ennemi.
 „Dans la vie, sans succès il voulut être père,
 „Dans la mort, bienheureux, il parle au Créateur“.

(D'après un original conservé aux Enfants-Trouvés de Moscou.)

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ АЛЯБЬЕВЪ, 1746—1822, происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи и родился 21 Іюня 1746 г.; поступивъ въ 1761 г. въ Преображенскій полкъ, онъ пробылъ въ военной службѣ до 1777 г., когда былъ уволенъ, съ чиномъ арміи полковника, для опредѣленія „къ статскимъ дѣламъ“. Послѣ кратковременной службы въ Мануфактуръ-коллегіи, Алябьевъ около 20 лѣтъ съ успѣхомъ прослужилъ въ провинціи—на сѣверной и восточной окраинахъ Россіи. Всегда дѣятельный, энергичный, онъ вносилъ живое отношеніе во всякое порученное ему дѣло. Съ 1779 по 1783 г. Алябьевъ занималъ должность совѣтника Вологодской казенной палаты и завѣдывалъ таможенной частью на всемъ крайнемъ Сѣверѣ. Назначенный въ 1783 г. Пермскимъ вице-губернаторомъ, онъ содѣйствовалъ развитію Уральской горной промышленности и улучшенію судоходства по р. Чусовой. Съ 1787 г. по 1796 г. Алябьевъ состоялъ Тобольскимъ губернаторомъ; за это время онъ, между прочимъ, собралъ до милліона рублей недоимокъ безъ обремененія населенія и увеличилъ средства Приказа Общественнаго призрѣнія, чѣмъ далъ ему возможность расширить свою благотворительную дѣятельность. Въ 1796 г. Алябьевъ былъ назначенъ Казанскимъ губернаторомъ, при чемъ ему была поручена и Астраханская губернія для приведенія ее въ порядокъ, что онъ исполнилъ успѣшно. Дѣятельность его тамъ усложнилась еще порученіемъ ему снабженія арміи провіантомъ во время войны съ Персіей. Въ 1798 г. Алябьевъ назначенъ сенаторомъ и президентомъ Бергъ-коллегіи, къ чему онъ уже былъ подготовленъ своей предыдущей дѣятельностью на Уралѣ. По его мысли былъ устроенъ на Камѣ оружейный заводъ въ 1800 г.; въ томъ же году ему было поручено управленіе Горнымъ училищемъ, въ которомъ онъ произвелъ разныя улучшенія, а въ 1801 г. еще и завѣдываніе Монетнымъ департаментомъ. Въ 1803 г. Алябьевъ былъ уволенъ отъ должности президента Бергъ-коллегіи и остался только сенаторомъ сначала Межевого (по 1805 г.), затѣмъ 8 и 7 Департаментовъ (съ 1806 по 1822 г.). Въ качествѣ сенатора ему была поручена ревизія Олонецкой губерніи, Московскихъ присутственныхъ мѣстъ (1810 г.) и Костромской гражданской палаты (1815 г.). Въ 1818 г. Алябьевъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ Межевой канцеляріи и оставался въ этой должности до самой смерти, послѣдовавшей 16 Октября 1822 года. Чины Межевого корпуса, который Алябьевъ, по словамъ надгробной надписи, „осчастливилъ всѣми тѣми благами, какія могутъ имѣть безпримѣрные начальники и благотворители, воздвигли“ въ Симоновомъ монастырѣ надъ могилой своего „благодѣтеля“ памятникъ со слѣдующей эпитафіей въ стихахъ:

„Державы твердый столбъ и сырыхъ благодѣтель,	Не титлаи суди, вельможы
На службѣ правды и царю	[дѣтель, (Онъ ими не сіялъ,—они сіяли имъ),
Былъ чтимъ, какъ древній храмъ, гдѣ крылась добро-	Но человѣку здѣсь ты поклонись, прохожій,
И встрѣтилъ радостно безсмертія зарю.	И жить, и умереть учись надъ прахомъ симъ!“

До насъ дошелъ и противоположный отзывъ объ Алябьевѣ. Поэтъ князь И. М. Долгорукой посвящаетъ ему въ своемъ „Капищѣ“ такія строки: „Мало людей въ столпѣ, да и во всей Россіи, на которыхъ я могъ бы съ такой ненавистью взглянуть, какъ на него. Не будучи со мной знакомъ, онъ всѣми образами старался мнѣ наносить обиды: сіе доказано многими дѣлами въ Сенатѣ, въ которыхъ голоса его всегда мнѣ вредили. Изъ всѣхъ случаевъ подобныхъ одинъ особенно сохранится до гроба въ памяти моей... Когда Высочайше повелѣно было отъ Верховнаго Совѣта сдѣлать мнѣ въ Общемъ собраніи Сената Московскаго выговоръ за неосновательную на него будто бы жалобу и дерзкія въ ней выраженія, я явился въ Сенатъ. Г. Алябьевъ, какъ старшій членъ его по чину, имѣлъ духъ, не смигая, на меня глядѣть во все время исполненія сего неправосуднаго приговора, и безъ малѣйшаго смущенія, отъ котораго не свободны были прочіе его сотоварищи, онъ, какъ бы съ торжественнымъ удовольствіемъ, приказалъ чтецу сего указа подойти ко мнѣ ближе, дабы я внятнѣе могъ выслушать все его содержаніе, и безъ того мнѣ весьма пзвѣстное. Такая тонкость въ оскорбленіи человѣка, ни въ чемъ передъ нимъ не виноватаго, есть вывѣска его характера“.—Алябьевъ былъ женатъ (его жена, Анна Андреевна, умерла въ 1813 г.) и имѣлъ 2 сыновей: одинъ, Александръ, былъ композиторъ, авторъ популярнаго романса „Соловей“, картежникъ, кончившій печально, другой—извѣстный въ Москвѣ спортсменъ.

(Съ портрета, принадлежащаго А. В. Всеволожскому, въ Москвѣ.)

ALEXANDRE VASSILIEWITCH ALIABIEFF, 1746 — 1822, originaire d'une vieille famille noble, naquit le 21 juin 1746. Enrôlé en 1761 au régiment Préobragensky, il resta au service militaire jusqu'en 1777, et, alors colonel, passa „aux affaires civiles“. Après une brève apparition au Collège des Manufactures, il fit plus de viugt ans d'excellent service en province, à l'extrême nord et est de la Russie, toujours actif, énergique, introduisant partout un élément d'animation. De 1779 à 1783, il fut conseiller au fisc de Vologda et directeur des douanes de tout l'extrême nord. Vice-gouverneur de Perm en 1783, il s'efforça de développer l'industrie minière de l'Oural et d'améliorer la navigation de la Tchoussovaïa. Gouverneur de Tobolsk de 1787 à 1796, il fit, entre autres choses, rentrer près d'un million d'arriérés sans obérer la population, et développa les ressources de l'Assistance Publique, lui permettant ainsi d'élargir le domaine de son activité. Gouverneur de Kazan en 1796, il eut en même temps à rétablir l'ordre dans l'administration du gouvernement d'Astrakhan, et mena la chose à bien; ses fonctions se compliquèrent encore du ravitaillement de l'armée de Perse au moment de la guerre. Nommé en 1798 sénateur et président du Collège des Mines, partie qui n'était pas nouvelle pour lui depuis son séjour dans l'Oural, il fit fonder en 1800 une manufacture d'armes sur la Kama, reçut la même année la direction de l'Ecole des Mines, où il fit diverses améliorations, et de plus, l'année suivante, celle du département des Monnaies. Il quitta en 1805 la présidence du Collège des Mines pour ne conserver que son poste de sénateur, d'abord, jusqu'en 1805, au département du Cadastre, puis, de 1806 à 1822, aux 8e et 7e départements. Il eut à faire, comme sénateur, la revision du gouvernement d'Olonetz, des administrations de Moscou (1810) et du tribunal civil de Kostroma (1815). Nommé en 1818 directeur général de la chancellerie du Cadastre, il le resta jusqu'à sa mort, le 16 octobre 1822. Les fonctionnaires du Cadastre, „comblé par lui“, dit son épitaphe, „de tous les biens que peuvent avoir des chefs et des bienfaiteurs sans pareils, ont élevé“ sur sa sépulture au monastère Simonoff un monument portant l'inscription suivante:

„Ferme appui du pouvoir, tuteur des orphelins,
 „Servant la justice et le Tzar,
 „Honoré comme un temple asile de vertu,
 „De la mort avec joie il salua l'aurore.
 „Aux titres du seigneur, du juge,
 „Qu'il ornait bien plutôt qu'il n'en était orné,
 „Ne songe pas, passant, mais honore ici l'homme,
 „Et sur sa tombe apprends à mourir et à vivre!“

Il existe aussi sur Aliabieff un témoignage tout opposé. Le prince poète I. Dolgorouky lui consacre dans son Sauctnaire les lignes suivantes: „Il y a peu de gens dans la capitale, et même dans toute la Russie, qui puissent me faire plus horreur que lui. Sans me connaître, il n'a pas manqué une occasion de me faire des avanies: témoin plusieurs affaires au Sénat où sa voix m'a toujours fait tort. Il en est une, entre toutes, dont je me souviendrai jusqu'au tombeau... Lorsque, par ordre de Sa Majesté, on dut m'infliger un blâme en séance plénière du Sénat de Moscou pour avoir lancé contre le Conseil Suprême une plainte soi-disant mal fondée et conçue en termes outrageants, je comparus au Sénat. M. Aliabieff, en qualité de doyen de rang, eut le courage de ne pas me quitter des yeux durant toute l'exécution de cette inique sentence, et, sans rien ressentir de la gêne de tous ses collègues, il eut une sorte de plaisir triomphal à faire approcher tout près de moi le lecteur de l'oukaze, afin que je pusse mieux en entendre le contenu, que je connaissais déjà bien assez. Un tel raffinement dans l'outrage quand je ne lui avais jamais rien fait sert d'enseigne à son caractère“.

Aliabieff eut de son mariage (avec Anne Andréewna, morte en 1815) deux fils, Alexandre, compositeur, auteur de la romance populaire Le Rossignol, joueur qui eut une triste fin, et un autre, connu à Moscou comme sportsman.

(D'après un original appartenant à A. Vsévoljsky, Moscou.)

ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ТУТОЛМИНЪ, 1760—1839, сынъ статскаго совѣтника Василя Ивановича (р. 1710 г., † 1794 г.) и жены его Анны Ивановны (фамилія неизвѣстна; р. 1743 г., † 1821 г.), родился 9 Ноября 1760 г.; съ молодыхъ лѣтъ онъ служилъ при дворѣ, состоя сначала въ числѣ кавалеровъ при Великому Князю Александрѣ Павловичѣ, затѣмъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а 10 Мая 1793 г. въ камергеры ко двору Великой Княгини Елисаветы Алексѣевны; 26 Февраля 1798 г. Тутолминъ былъ назначенъ шталмейстеромъ Великаго Князя Константина Павловича. Состоя почетнымъ онекуномъ С.-Петербургскаго Опекунскаго совѣта, Тутолминъ пользовался особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и въ 1806 г. былъ назначенъ Императрицею управляющимъ (послѣ А. А. Саблукова) Маріинской больницей, въ С.-Петербургѣ, только-что устроявшейся въ то время Маріей Ѳеодоровной. Въ этой должности Тутолминъ оставался въ теченіе 26-и лѣтъ (до 1832 г.) и, по словамъ историка Маріинской больницы, „оставилъ неизгладимые слѣды своего крайне внимательнаго и дѣловаго отношенія къ больницѣ“.

Одновременно Тутолминъ былъ сенаторомъ, а съ 1810 г. членомъ Государственнаго Совѣта по Департаменту Государственной Экономіи; въ 1818 г. онъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, а въ 1831 г. назначенъ временно предсѣдателемъ Комиссіи прошеній. Преклонные годы и болѣзнь жены заставляли Тутолмина тяготиться службой: ему приходилось часто отлучаться въ Москву и въ свое Клинское имѣніе. Наконецъ, онъ просилъ увольненія отъ службы, но, вмѣсто того, на Пасху 1832 г., 9 Апрѣля, получилъ звѣзду св. Андрея Первозваннаго при рескриптѣ, въ которомъ было сказано, что, „цѣня въ полной мѣрѣ заслуги“ Тутолмина, Государь проситъ его „не оставлять полезной Отечеству службы“.

И. В. Тутолминъ умеръ въ Москвѣ „отъ нервической горячки“ 7 Апрѣля 1839 г. и похороненъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ; онъ былъ женатъ на единственной дочери фельдмаршала графа П. И. Панина, Софіи Петровнѣ (р. 18 Октября 1772 г., † 22 Мая 1834 г.; похоронена также въ Донскомъ монастырѣ).

Дѣтей у нихъ не было, но былъ пріемный сынъ, подкинутый въ Пасхальную ночь съ 9 на 10 Апрѣля 1832 г., въ день полученія Тутолминымъ ордена св. Андрея. Мальчика звали Алексѣй, затѣмъ онъ получилъ отчество Андреевича и фамилію Пасхина. Происхожденіе его осталось неизвѣстнымъ. Тутолминъ выхлопоталъ ему дворянство и австрійское баронство, а Софія Петровна Тутолмина оставила значительное состояніе. (О баронѣ Пасхинѣ см. Русскій Архивъ, 1908 г., № 1; онъ умеръ, будучи ротмистромъ лб.-гв. Гусарскаго полка, безъ потомства, и на могилѣ его въ Сергіевской пустыни, на памятникѣ написано: „родился 17 Апрѣля 1831 г., умеръ 20 Юня 1863 г.“).

Портретовъ И. В. Тутолмина извѣстно нѣсколько: въ с. Маренинѣ, Московской губ., у графини С. В. Паниной, въ ростъ; подобный же въ с. Дугинѣ, Смоленской губ., у князей Мещерскихъ; затѣмъ у И. Ѳ. Тутолмина, въ С.-Петербургѣ.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михайловичу.)

IVAN VASSILIEWITCH TOUTOLMINE, 1760—1839, fils du conseiller d'état Basile Ivanowitch Toutolmine (1710—1794) et d'Anne Ivanowna, née de famille inconnue (1743—1821), naquit le 9 novembre 1760. Il servit tout jeune à la Cour, d'abord chevalier du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch, puis gentilhomme de la chambre et, le 10 mai 1793, chambellan de la Cour de la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna; il devint le 26 février 1798 grand écuyer du Grand-Duc Constantin Pavlowitch. Tuteur honoraire du Conseil de Tutelle de Pétersbourg, il jouissait de la bienveillance et de la confiance particulières de l'Impératrice Marie Féodorowna, qui le choisit en 1806 pour succéder à A. Sabloukoff à la direction de l'Hôpital Marie qu'elle venait d'organiser. Il y passa vingt-six ans, jusqu'en 1832, et, au témoignage de l'historien de l'Hôpital, „son administration soigneuse et entendue y laissa des traces ineffaçables“. En même temps sénateur, et, depuis 1810, membre du Conseil de l'Empire à la Section d'Economie politique, il fut fait en 1818 conseiller privé actuel. Nommé en 1831 président intérimaire de la Commission des Requêtes, son service se ressentit de son grand âge et de la santé de sa femme, qui l'obligeaient à de fréquents voyages à Moscou et dans ses terres de Kline. Il finit par donner sa démission, mais reçut en réponse, le 9 avril 1832, jour de Pâques, l'étoile de St-André avec un rescrit où l'Empereur, „rendant pleine justice aux mérites“ de Toutolmine, le priait de „ne pas quitter un service utile à la Patrie“.

Toutolmine mourut à Moscou d'une „fièvre nerveuse“ le 7 avril 1839, et fut inhumé au monastère Donskoï. Il avait épousé la fille unique du feld-maréchal comte P. Panine, Sophie Pétrowna (18 octobre 1772—22 mai 1834, inhumée également au monastère Donskoï). Ils n'eurent pas d'enfant à eux, mais en adoptèrent un abandonné la nuit de Pâques du 9 au 10 avril 1832, date de la décoration de Toutolmine. C'était un garçon qui reçut le nom d'Alexis, et plus tard le nom patronymique d'Andréewitch et le nom de famille de Paskhine. Sa naissance resta inconnue. Son père adoptif lui fit donner la noblesse et la baronnie autrichienne, et sa mère adoptive lui laissa une fortune considérable. (V. sur le baron Paskhine l'Archive Russe, 1908, N° 1; il mourut capitaine de cavalerie aux hussards de la Garde, sans postérité, et son monument au monastère St-Serge porte l'inscription: „Né le 17 avril 1831, mort le 20 juin 1863“.)

On connaît plusieurs portraits de Toutolmine: au bourg de Marfino, gouvernement de Moscou, chez la comtesse S. Panine, en pied; un autre, analogue, au bourg de Douguino, gouvernement de Smolensk, chez les princes Mechtchersky; puis un troisième chez I. Toutolmine, à St-Pétersbourg.

(D'après une aquarelle appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ ІОСИФЪ АНДРЕЕВИЧЪ ИГЕЛЬСТРОМЪ, 1757—1823, сынъ Лифляндскаго барона Густава-Генриха, женатаго на дѣвщцѣ фонъ-Альбедиль, сначала воспитывался въ Ригѣ, затѣмъ закончилъ свое образованіе въ нѣмецкихъ университетахъ; въ 1753 г. поступилъ на службу въ гвардію и за отличія въ Семилѣтнюю войну произведенъ въ подполковники; затѣмъ, въ 1763 г., состоялъ въ Митавѣ при герцогѣ Курляндскомъ, но скоро былъ отпращенъ въ Польшу подъ начальство князя Н. В. Репнина, который возлагалъ на Игельстрома важныя порученія политическаго характера. Образованный, говорившій прекрасно на иностранныхъ языкахъ, любезный въ обращеніи, молодой Игельстромъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ любовницей короля и этимъ путемъ добывалъ весьма цѣнныя свѣдѣнія: въ 1766 г. онъ былъ произведенъ въ полковники, королемъ Польскимъ награжденъ орденомъ св. Станислава, а шляхтой принятъ въ число польскихъ дворянъ... Во время 1-й Турецкой войны, Игельстромъ отличился при осадѣ Кпліи, за что пожалованъ орденомъ св. Георгія 3 кл.; за взятіе Аккермана, гдѣ имъ захвачено 15 знаменъ, около 80 орудій и масса снарядовъ, Игельстромъ произведенъ въ генераль-майоры, а при заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира—въ генераль-поручики. Въ 1784 г., по порученію Потемкина, захватилъ Крымскаго хана Шагинъ-Гирея, послѣ чего пользовался всегда покровительствомъ и особымъ довѣріемъ князя Тавриды. Съ 1784 по 1792 г. Игельстромъ былъ Симбирскимъ и Уфимскимъ намѣстникомъ и съ успѣхомъ сумѣлъ сохранить спокойствіе среди мусульманъ и киргизовъ, волненій которыхъ опасались въ виду войны съ Турціей. Здѣсь онъ много заботился, хотя и неудачно, о просвѣщеніи киргизовъ. За успѣшныя дѣйствія въ 1790 г. въ Финляндіи, а потомъ за переговоры съ Армфельтомъ, кончившіеся Верельскимъ миромъ, награжденъ Екатериной II чиномъ генераль-аншефа, Андреевской звѣздой, золотой шпагой и 40/т. рублями, кромѣ того получилъ шведскій орденъ Серафимовъ. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ, Игельстромъ былъ генераль-губернаторомъ Псковскимъ, Смоленскимъ и временно управлялъ Малороссіей, пока въ Декабрѣ 1792 г. не былъ сдѣланъ начальникомъ русскихъ войскъ въ Варшавѣ. Въ это время (18 Іюня 1792 г.) онъ былъ возведенъ, вмѣстѣ съ 2 братьями, курфюрстомъ Саксонскимъ въ графское Римской имперіи достоинство. Въ 1794 г., по увольненіи графа Сперса, Игельстромъ заступилъ его мѣсто въ качествѣ полномочнаго Россійскаго посла въ Варшавѣ. Первое время онъ дѣйствовалъ весьма удачно: старался объ уменьшеніи численности польской арміи, о покупкѣ ея артиллеріи Россіей, о привлеченіи поляковъ на русскую службу, но когда появился Костюшко, начался волненіе въ Польшѣ и бунтъ въ самой Варшавѣ, Игельстромъ не оказался на высотѣ положенія и, благодаря своей непредусмотрительности, былъ причиной гибели всего русскаго гарнизона въ ночь съ 16 на 17 Апрѣля 1794 г., при чемъ едва спасся самъ. Императрица, получивъ извѣстіе объ этихъ событіяхъ, говорятъ, ударила рукой по столу и сказала: „Счастливы этотъ старикъ, что прежнія его заслуги сохраняются въ моей памяти!“ Уволенный въ отставку, онъ поселился въ Ригѣ, пока 1 Декабря 1796 г. Павелъ не призвалъ его вновь на службу и не назначилъ Оренбургскимъ генераль-губернаторомъ.

Черезъ 2 года Игельстромъ окончательно оставилъ службу; онъ скончался 18 Марта 1823 года, не оставивъ потомства, хотя и былъ женатъ (въ родословныхъ показанъ холостымъ) на полькѣ Гоноратѣ Осиповнѣ Стемпковской.

(Съ портрета Левшицаго; Гатчинскій дворецъ.)

Le comte JOSEPH ANDRÉEWITCH IGELSTRÖM, 1757—1823, fils du baron livonien Gustave-Henri Igelström et de sa femme, née von Albedil, fit ses études à Riga et alla les achever dans les universités allemandes. Enrôlé dans la Garde en 1753, il se signala à la Guerre de Sept-Ans et passa lieutenant-colonel. Il fut ensuite, en 1763, attaché au Duc de Courlande à Mitau, mais partit bientôt servir en Pologne sous le prince N. Repnine, qui lui confia d'importantes missions de nature politique. Instruit, sachant parfaitement les langues, jeune et aimable, il entra en relations avec la maîtresse du roi, et se procura ainsi de précieux renseignements. En 1766, il était promu colonel, décoré de St-Stanislas par le Roi de Pologne, et admis par la noblesse polonaise dans son sein.... A la première guerre de Turquie, le siège de Kilia lui valut St-Georges de 3e classe, et la prise d'Akkerman, où il enleva 13 drapeaux, près de 80 canons et une masse de munitions, le grade de général major et, à la paix de Koutchouk-Kaïnardji, celui de général lieutenant. En 1784, il s'empara, sur l'ordre de Potemkine, du khan de Crimée Chaguine-Guirey, et s'assura ainsi pour toujours la protection et la confiance particulière du prince. Lieutenant de Simbirsk et d'Oufa de 1784 à 1792, il sut maintenir le calme chez les musulmans et les Kirghises, parmi lesquels les guerres de Turquie faisaient craindre des troubles: il fit aussi beaucoup, mais sans succès, pour l'instruction des Kirghises. Ses brillantes opérations de Finlande en 1790, puis ses négociations avec Armfeld, qui aboutirent à la paix de Vérel, lui valurent de la part de Catherine II le grade de général en chef, l'étoile de St-André, une épée d'or et 40.000 roubles: il était en même temps décoré des Séraphins de Suède. Après deux ans passés comme général gouverneur de Pskoff et Smolensk, et administrateur provisoire de la Petite-Russie, il fut fait en décembre 1792 commandant des troupes russes à Varsovie: il venait d'être le 18 juin, ainsi que ses deux frères, élevé par l'électeur de Saxe à la dignité de comte du Saint-Empire Romain. En 1794, il succéda à Siewers au poste d'ambassadeur de Russie à Varsovie. Il y prit au début des mesures fort habiles, travaillant à la réduction de l'armée polonaise, à l'achat de son artillerie par la Russie, à l'admission des polonais au service russe, mais quand l'entrée en scène de Kosciuszko marqua le début de troubles en Pologne et d'une insurrection à Varsovie même, il cessa d'être à la hauteur de la situation, et son imprévoyance fut cause du massacre de toute la garnison russe dans la nuit du 16 au 17 avril 1794; lui-même n'échappa qu'à grand'peine. A ces nouvelles, l'Impératrice frappa, dit-on, sur la table en disant: „Il a de la chance, ce vieux, que je n'aie pas oublié ses services passés!“ Mis à la retraite, il se fixa à Riga, d'où Paul Ier le rappela le 1er décembre 1796 pour le faire général gouverneur d'Orenbourg.

Deux ans plus tard, Igelström quitta définitivement le service. Il mourut le 18 mars 1823, sans postérité; il avait épousé une polonaise, Honorine Stempkowska (Les généalogies le font célibataire).

(D'après l'original de Lévitzy, Palais de Gatchina.)

Portrait of Mrs. Mary
H. (Mrs. H. H.)
1880-1881

1880-1881
H. H. (Mrs. H. H.)
1880-1881

Portrait of Mrs. Mary
H. (Mrs. H. H.)
1880-1881

1880-1881
H. H. (Mrs. H. H.)
1880-1881

Пис. Леонарди

Графъ Юсифъ Андреевичъ
Игельстромъ,
1737 — 1823

Peint par Leutgey

Le Comte Joseph Andreevitch
Igelström,
1737 — 1823

Графъ Отто-Магнусъ
Штакельбергъ,
1736 — 1800

Le Comte Otto-Magnus
Stackelberg,
1736 — 1800

Графъ **ОТТО-МАГНУСЪ ШТАКЕЛЬБЕРГЪ**, 1736—1800, потомокъ древняго рода, переселившагося изъ Вестфалии въ Липландію въ XIV вѣкѣ, сынъ генераль-майора Голштинскихъ войскъ Петра III барона Отто-Магнуса отъ брака съ Магдалиной Беллингсгаузенъ, родился 7 Февраля 1736 года и принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ русскихъ дипломатовъ XVIII вѣка. Первый самостоятельный постъ, который онъ занималъ, былъ постъ посланника въ Мадридъ (1767—1771). Въ 1772 г. Штакельбергъ, имѣвшій званіе дѣйствительнаго камергера, назначенъ былъ посланникомъ въ Варшаву, гдѣ и проявилъ свои замѣчательныя способности дипломата и государственнаго человѣка. Его назначеніе совпало съ первымъ раздѣломъ Польши, и на его долю выпало сообщить Польскому правительству о раздѣлѣ и добиться утвержденія договора. Штакельбергъ высоко поставилъ званіе представителя Россіи въ Варшавѣ. По отзыву современниковъ, настоящимъ правителемъ Польши былъ онъ, а не король Станиславъ-Августъ: власть Штакельберга „имѣла только тѣ границы, какія желала ей ставить мягкость его характера: онъ не сокрушалъ этого несчастнаго народа, но не давалъ ему встать на ноги, поддерживалъ его безсиліе, разжигалъ его несогласія и старательно способствовалъ продолженію неурядицъ“; въ то же время „его креатуры наполняли постоянный совѣтъ, и онъ употреблялъ довѣріе къ себѣ магнатовъ противъ короля, а довѣріе короля противъ магнатовъ, дабы, ссоря ихъ постоянно, становить въ необходимость искать у него покровительства“. Впрочемъ самому Штакельбергу „не нужно было заводить интригъ, оставалось только пользоваться тѣмъ, что поляки сами дѣлали по своей давней безурядицѣ“. Всемогуцій русскій посоль, много способствовавшій окончательной гибели Польши, былъ естественно ненавидимъ поляками. За свои труды Штакельбергъ получилъ званіе посла (1775 г.), чинъ тайнаго совѣтника и ордена Владиміра 1 ст. и Александра Невскаго, а императоръ Іосифъ II возвелъ его въ графское Священной Римской имперіи достоинство. Однако, несмотря на свои выдающіяся заслуги, Штакельбергъ не пользовался расположеніемъ Екатерины II. Потемкинъ, не любившій Штакельберга по наветамъ мужа своей племянницы, гетмана Браницкаго, и другія близкія къ Государынѣ лица, опасавшіяся дарованій и вліянія Штакельберга, старались поддерживать ея холодность къ нему, и могущественный вице-король Польши, въ присутствіи Императрицы, превращался въ придворнаго, едва замѣтнаго въ толпѣ. Однако, происки враговъ Штакельберга не вліяли на Екатерину II, пока, наконецъ, нѣкоторые его промахи, непосредственныя сношенія съ русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ и непрошенныя совѣты помириться съ Турціей, не вызвали ея сильнаго негодованія. „Il n'a rien fait de ce qu'on lui a ordonné, et il a fait tout ce qui lui était défendu; outre cela, il entend tout infiniment mieux que nous autres“, говорила разгнѣванная Государыня. Въ 1790 г. Штакельбергъ былъ отозванъ изъ Варшавы и назначенъ затѣмъ посланникомъ въ Стокгольмъ, гдѣ ему было поставлено задачей возможно тѣсное сближеніе съ Швеціей для совмѣстной борьбы съ революціоннымъ движеніемъ во Франціи. Въ 1792 г. онъ получилъ званіе посла, а весной 1793 г. былъ отозванъ. По воцареніи Павла I, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, онъ вышелъ въ отставку и 7 Ноября 1800 г. скончался.

Графъ Штакельбергъ отличался гибкимъ, умѣвшимъ примѣняться къ обстоятельствамъ характеромъ и славился умомъ, проницательностью и остроуміемъ. По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, многія его острые слова долго сохранялись въ памяти современниковъ. Сегюръ такъ описываетъ его вѣншій видъ: „Привычка властвовать придавала нѣкоторую важность его движеніямъ и медленность его рѣчи, что обличало въ немъ сильнаго человѣка, привыкшаго внушать уваженіе и заставлять молчать“. Нельзя того же сказать о его нравственныхъ качествахъ: какъ гибкій царедворецъ, пресмыкавшійся предъ Платономъ Зубовымъ, онъ заслужилъ нѣсколько нелестныхъ словъ въ воспоминаніяхъ современницы, графини В. Н. Головиной, когда игралъ весьма некрасивую роль въ интригѣ, направленной фаворитомъ противъ юной Великой Княгини Елисаветы.

Отъ брака съ баронессой Софіей-Гертрудой Тизенгаузенъ, рожденной Фитингофъ, Штакельбергъ имѣлъ 2 сыновей: графа Отто-Юганна († 1814 г.) и графа Густава (р. 1766 г., † 1850 г.), унаслѣдовавшаго дипломатическія способности отца.

(Съ портрета, принадлежащаго А. М. Апраксиной, с. Ольгово, Московской губ.)

Le comte OTHON-MAGNUS STACKELBERG, 1736—1800, d'une vieille famille westphalienne émigrée en Livonie au XIVe siècle, fils du baron Othon-Magnus Stackelberg, général major aux Holsteinois de Pierre III, et de Madeleine Bellingshausen, naquit le 7 février 1736, et fut un des plus éminents diplomates russes du XVIIIe siècle. Le premier poste qu'il occupa autrement qu'en sous-ordre fut celui de ministre à Madrid (1767—1771). En 1772, chambellan effectif, il fut nommé ministre à Varsovie, et y déploya de remarquables qualités de diplomate et d'homme d'Etat: c'était le moment du premier partage de la Pologne, et il eut à en informer le gouvernement polonais et à le lui faire ratifier. Il tint haut et ferme le drapeau russe à Varsovie. Au témoignage des contemporains, le maître en Pologne n'était pas le Roi Stanislas-Auguste, c'était lui; son pouvoir „n'avait d'autres bornes que celles que voulait bien fixer sa douceur de caractère: sans écraser cet infortuné peuple, il ne le laissait pas se relever, entretenant son impuissance, favorisant ses dissensions et faisant tout pour maintenir le désarroi“; en même temps „ses créatures inondaient le conseil permanent, il faisait servir contre le roi la confiance des magnats et contre les magnats celle du roi, mettant ainsi celui-ci et ceux-là en conflit incessant et leur rendant sa protection indispensable“. Aussi bien, „il n'avait lui-même aucune intrigue à fomenter: il lui suffisait de laisser faire aux Polonais, avec leur désarroi invétéré“. Et le tout-puissant ambassadeur de Russie, qui fit tant pour consommer la perte de la Pologne, était naturellement détesté des Polonais. Son œuvre lui valut le titre d'ambassadeur en 1775, le rang de conseiller privé avec St-Vladimir de 1re classe et St-Alexandre Newsky, et, de la part de l'Empereur Joseph II, la dignité de comte du Saint Empire Romain. Pourtant, malgré ses services éminents, il ne jouissait pas de la faveur de Catherine II, dont quelques intimes, redoutant les talents et l'influence du jeune diplomate, ainsi que Potemkine, prévenu contre lui par l'hetman Branicki, mari de sa nièce, encourageaient à l'envi la froideur: de sorte que le puissant vice-roi de Pologne n'était devant l'Impératrice qu'un simple courtisan, presque inaperçu dans la foule. Les menées de ses ennemis restèrent cependant sans effet près de Catherine II, jusqu'au jour où diverses maladresses, intelligences directes avec le ministre de Russie à Berlin et conseils non sollicités de faire la paix avec les Turcs, l'indisposèrent violemment contre lui. „Il n'a rien fait de ce qu'on lui a ordonné, et il a fait tout ce qui lui était défendu; outre cela, il entend tout infiniment mieux que nous autres“, dit-elle dans sa colère. Rappelé de Varsovie en 1790, il alla ensuite comme ministre à Stockholm, où il lui était prescrit de travailler à un rapprochement aussi étroit que possible avec la Suède en vue d'une action commune contre le mouvement révolutionnaire en France. Ambassadeur en 1792, il fut rappelé au printemps suivant. A l'avènement de Paul Ier, il prit sa retraite conseiller privé actuel, et mourut le 7 novembre 1800.

Caractère souple et habile à s'adapter aux circonstances, il était réputé pour son intelligence, sa pénétration et son esprit: au témoignage du prince P. Viazemsky, beaucoup de ses mots restèrent vivants dans la mémoire des contemporains. Ségur fait de lui le portrait suivant: „L'habitude de l'autorité avait mis de la solennité dans son allure et de la lenteur dans sa parole, ce qui révélait une nature forte, habituée à inspirer le respect et à imposer le silence“. On ne saurait en dire autant au moral: insinuant courtisan, il flagorna Platon Zouboff et s'attira l'appréciation peu flatteuse de la comtesse Golovine pour avoir joué un fort vilain rôle dans une intrigue dirigée par le favori contre la jeune Grande-Duchesse Elisabeth.

De son mariage avec la baronne Sophie-Gertrude Tiesenhausen, née Vietinghof, Stackelberg eut deux fils, Othon-Jean (+ 1814) et Gustave (1766—1850), héritier des qualités de diplomate de son père.

(D'après un original appartenant à Mme A. Apraxine, Olgovo, gouv. de Moscou.)

АВГУСТИНЪ АВГУСТИНОВИЧЪ БЕТАНКУРЪ (Augustin de Bethancourt et Molina), 1758—1824, прямой потомокъ Іоанна де-Бетанкура, открывшаго въ 1402 г. Канарскіе острова, родился на островѣ Тенерифѣ 2 Февраля 1758 г.; получивъ образованіе въ Парижѣ, обратилъ на себя вниманіе въ Испаніи, гдѣ поступилъ на службу. Командированный во Францію, Англію, Германію и Голландію, для ознакомленія съ открытіями по части мореходства и судостроительства, и въ области механики и паровыхъ машинъ, Бетанкуръ представилъ такъ много чертежей и моделей, что изъ нихъ составилъ въ Мадридѣ цѣлый музей. Въ 1797 г. онъ снова былъ посланъ въ Англію для изученія горнаго дѣла; вернувшись оттуда, построилъ телеграфную линію между Мадридомъ и Кадиксомъ и занялся организаціей корпуса инженеровъ путей сообщенія. Занимая послѣдовательно видныя должности генераль-инспектора этого корпуса, интенданта арміи, главнаго директора почтъ, Бетанкуръ, вслѣдствіе безпорядковъ въ Испаніи, покинулъ отечество и переселился въ Парижъ: рядъ исполненныхъ имъ научныхъ работъ сдѣлалъ и здѣсь имя его извѣстнымъ.

Какъ искусный инженеръ, Бетанкуръ въ 1808 г. былъ приглашенъ на службу въ Россію и 30 Ноября зачисленъ въ свиту Его Величества генераль-майоромъ; въ 1809 г., 30 Августа, онъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, а въ 1811 г., 22 Іюня, пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго. Бетанкуръ оказалъ много услугъ своему новому отечеству: имъ организованъ былъ Тульскій оружейный заводъ, въ Казани построены пушечный литейный заводъ, улучшены произведенія Императорской Александровской мануфактуры, устроены по особой арочной системѣ мосты на Ижорѣ, въ Тулѣ, Петергофѣ и на Каменномъ островѣ. Наконецъ, имя его связано съ грандіозной постройкой (вмѣстѣ съ инженеръ-генераломъ Карбо-ниеромъ) въ Москвѣ „экзерциргауза“ (манежа), самой большой въ мірѣ залы безъ внутреннихъ колоннъ и сводовъ. Необходимо отмѣтить также участіе Бетанкура въ постройкѣ Тапцакаго водопровода и въ устройствѣ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ. Но, кромѣ того, Россія обязана Бетанкуру основаніемъ, по его проекту, въ 1810 г. Института инженеровъ путей сообщенія, первымъ инспекторомъ котораго онъ и былъ сдѣланъ, при чемъ, кромѣ организаціи новаго учрежденія и заботъ о хозяйственной части, находилъ время даже для чтенія лекцій. Въ 1819 г. Бетанкуръ былъ сдѣланъ директоромъ главнаго управленія путей сообщенія. Позднѣе имъ былъ осуществленъ проектъ перенесенія Макарьевской ярмарки въ Нижній-Новгородъ.

Въ 1822 г., 22 Августа, Бетанкуръ былъ уволенъ отъ службы, и на его мѣсто назначенъ герцогъ Александръ Виртембергскій. Надо сказать, что только передъ тѣмъ ревизія Канкринъ открыла много безпорядковъ въ вѣдомствѣ Путей Сообщенія. Несмотря на то, Александръ I продолжалъ благосклонно относиться къ Бетанкуру, который имѣлъ множество сильныхъ враговъ. Какъ куріозъ можно отмѣтить, что Бетанкуръ не зналъ русскаго языка, даже подписывался по-французски, и оффиціальныя бумаги въ дни его управленія нерѣдко писались на томъ же языкѣ.

Занимаясь разработкой проекта о перестройкѣ Исакиевскаго собора, А. А. Бетанкуръ тяжело заболѣлъ и умеръ въ Петербургѣ 14 Іюля 1824 года.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

AUGUSTIN AUGUSTINOWITCH BÉTHANCOURT (Augustin de Béthancourt et Molina), 1758—1824, descendant direct de Jean de Béthancourt, qui découvrit en 1402 les Iles Canaries, naquit à l'île de Ténériffe le 2 février 1758. Après avoir fait ses études à Paris, il se fit remarquer en Espagne, où il avait pris du service. Chargé d'une mission en France, Angleterre, Allemagne et Hollande pour l'étude des découvertes maritimes et navales, ou relatives à la mécanique et aux machines à vapeur, il en rapporta assez de dessins et de modèles pour ouvrir tout un musée à Madrid. Envoyé de nouveau en Angleterre pour y étudier l'industrie minière, il construisit à son retour une ligne télégraphique de Madrid à Cadix et s'occupa d'organiser l'école des Ponts et Chaussées. Successivement en vue comme inspecteur général de cette école, intendant militaire, directeur général des postes, il finit par quitter l'Espagne à la suite de désordres et se fixa à Paris: là encore, une série de travaux scientifiques fit connaître son nom.

Ingénieur de talent, il reçut en 1808 des offres de service en Russie, et, le 30 novembre, fut enrôlé général major à la suite de Sa Majesté. Général lieutenant le 30 août 1809, il fut décoré de St-Alexandre Newsky le 22 juin 1811. Il rendit de nombreux services à sa nouvelle patrie: ce fut lui qui organisa la manufacture d'armes de Toula, établit une fonderie de canons à Kazan, perfectionna la fabrication de la manufacture Impériale d'Alexandrowsk, lança des ponts d'un nouveau système à arcs à Ijor, Toula, Péterhof et à Kamenny-Ostroff. Enfin son nom est lié (ainsi que celui du général du génie Carbonnier) à un travail grandiose, le Manège de Moscou, la plus grande salle du monde sans colonnes ni voûtes intérieures. Mentionnons encore sa collaboration à la construction de l'aqueduc de Taïtzy et à l'installation de la Manufacture des Papiers de l'Etat. Mais la Russie lui doit en outre le projet de l'Ecole des Ponts et Chaussées fondée à St-Petersbourg en 1810, dont il fut le premier inspecteur, et où, tout occupé qu'il était par l'organisation et la gérance du nouvel établissement, il trouva encore le temps de faire des cours. En 1819, il devint directeur de l'administration centrale des ponts et chaussées. Plus tard, ce fut encore lui qui effectua le transfert de la foire de Makarieff à Nijni-Novgorod.

Mis à la retraite le 22 août 1822, il eut pour successeur le duc Alexandre de Wurtemberg; il faut dire que la revision de Kankrine venait de révéler de nombreuses irrégularités dans l'administration des ponts et chaussées. Pourtant Alexandre Ier ne retira rien de sa faveur à Béthancourt, qui comptait nombre d'ennemis puissants. Notons à titre de curiosité que Béthancourt ne savait pas le russe: il donnait même sa signature en français, et au cours de sa direction, le français servit souvent pour les actes officiels.

Il étudiait un projet de reconstruction de la Cathédrale St-Isaac, quand il tomba gravement malade, et mourut à Pétersbourg le 14 juillet 1824.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

143

James Anderson
Esq.
1781-1844

James
Anderson of Alderney
1781-1844

144

Mrs. Anderson
1781-1844

Mrs. Anderson of Alderney
1781-1844

145

Mrs. Anderson
1781-1844

Mrs. Anderson of Alderney
1781-1844

146

Mrs. Anderson
1781-1844

Mrs. Anderson of Alderney
1781-1844

143

Августинъ Августиновичъ
Бетанкуръ,
1758—1824

Augustin
Belbancourt et Molina,
1758—1824

144

Анна Бетанкуръ,
17..—18..

Anne Belbancourt et Molina,
17..—18..

145

Пис. Фогель, 1810 г.

Баронесса Александра-Симплиція
Николаи,
1787—1824

Peint par Vogel, 1810

La Baronne Alexandrine-Simplicie
Nicolay,
1787—1824

146

Баронъ Павелъ Андреевичъ
Николаи,
1777—1866

Le Baron Paul Andréewitch
Nicolay,
1777—1866

АННА БЕТАНКУРЪ, 17..—18.., рожденная Журдемъ, французенка по происхожденію, была женой инженера генераль-лейтенанта, основателя Института инженеровъ путей сообщенія въ Россіи, Августина Августиновича Бетанкура (р. 1758 г., † 1824 г.).

Отъ этого брака у нея былъ сынъ Августинъ и 3 дочери: Каролина, Аделаида и Матильда.

Изображеніе г-жи Бетанкуръ находится на оборотной сторонѣ миниатюры ея мужа.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

АННА БЕТАНКУРЪ, 17..—18.., рожденная Журдемъ, французка по происхожденію, была женой инженера генераль-лейтенанта, основателя Института инженеровъ путей сообщенія въ Россіи, Августина Августиновича Бетанкура (р. 1758 г., † 1824 г.).

Отъ этого брака у нея былъ сынъ Августинъ и 3 дочери: Каролина, Аделаида и Матильда.

Изображеніе г-жи Бетанкуръ находится на оборотной сторонѣ миниатюры ея мужа.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

ANNE BETHANCOURT, 17..—18.., née Jourde, d'origine française, était femme du général lieutenant du génie Augustin Béthancourt (1758—1824), fondateur de l'Ecole des Ponts et Chaussées de Russie.

Elle eut de son mariage un fils, Augustin, et trois filles, Caroline, Adélaïde et Mathilde.

Sa miniature occupe le revers de celle de son mari.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Баронесса АЛЕКСАНДРА-СИМИЛИЦІЯ НИКОЛАИ, 1787—1824, дочь князя Августа-Виктора де-Брольи отъ брака съ Луизой де-ля-Бруссъ де-Вертейлякъ (de la Brousse de Verteillac), родилась 6 Января 1787 г.; родные ея эмигрировали во время революціи, и отецъ скончался въ Германіи въ 1795 году. Въ 1798 г. ея дѣдъ, маршалъ герцогъ де-Брольи, принимавшій въ своемъ замкѣ графа и графиню Сѣверныхъ (Павла I съ супругой) во время ихъ путешествія по Европѣ, обратился къ Императору Павлу I съ просьбой даровать пріютъ въ Россіи ему и его семьѣ. Просьба была принята благосклонно, но старому герцогу не удалось воспользоваться милостью Русскаго Императора: онъ вскорѣ скончался, и въ Россію пріѣхала только вдовствующая княгиня съ дѣтьми. Императрица Марія Ѳеодоровна отнеслась къ нимъ очень милостиво, приняла княжну Александру въ Смольный институтъ и тамъ же дала помѣщеніе и ея матери.

Въ 1811 г. княжна Александра-Симилиція де-Брольи вышла замужъ за барона Павла Андреевича Николаи (р. 1777 г., † 1866 г.); у нея было 8 дѣтей, изъ которыхъ шестеро ее пережили. Скончалась баронесса Николаи въ молодыхъ годахъ, 16 Марта 1824 года, и похоронена въ семейной усыпальницѣ въ замкѣ „Монрено“, близъ Выборга.

(Съ портрета Фогеля, 1810 г.; собственность баронессы С. Е. Николаи, „Монрено“, Выборгской губ.)

La baronne ALEXANDRINE-SIMPLICIE NICOLAÏ, 1787—1824, fille du prince Auguste-Victor de Broglie et de Louise de la Brousse de Verteillac, naquit le 6 janvier 1787. Ses parents émigrèrent à la Révolution, et le père mourut en Allemagne en 1795. En 1798, son grand-père le duc de Broglie demanda asile en Russie pour lui et sa famille à l'Empereur Paul Ier, qu'il avait reçu à son château lors du voyage que le futur souverain fit en Europe avec sa femme sous le nom de Comte et Comtesse du Nord. La réponse fut favorable, mais le vieux duc ne devait pas éprouver la faveur de l'Empereur: il mourut sur les entrefaites, et la princesse douairière vint seule en Russie avec ses enfants. L'Impératrice Marie Féodorowna fit à la famille un accueil des plus empressés, mit la jeune princesse Alexandrine à l'Institut Smolna et y réserva des appartements pour la mère.

En 1811, la princesse Alexandrine-Simplicie de Broglie épousa le baron Paul Andréewitch Nicolaï (1777—1866). Elle eut huit enfants, dont six lui survécurent. Elle mourut jeune encore le 16 mars 1824, et fut inhumée dans la sépulture de famille du château Monrepos, près Wiborg.

(D'après un original de Vogel, 1810, appartenant à la baronne S. Nicolaï, Monrepos, près Wiborg, Finlande.)

Баронъ ПАВЕЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ НИКОЛАИ, 1777—1866, единственный сынъ барона Андрея Львовича (р. 1737 г., † 1820 г.) отъ брака съ Иоганной-Мargarитой Поггенполь (р. 1738 г., † 1820 г.), родился въ Петербургѣ 17 Юня 1777 г. и 8 лѣтъ отъ роду былъ отпращенъ для полученія образованія въ Германію, въ Эйтингъ, къ извѣстному писателю и педагогу Фоссу. Прослушавъ затѣмъ курсъ наукъ въ Эрлангенскомъ университетѣ, онъ въ 1796 г. возвратился въ Россію и поступилъ на службу по вѣдомству Иностранныхъ дѣлъ: онъ былъ причисленъ къ посольству въ Лондонъ, гдѣ состоялъ подъ начальствомъ друга отца, графа С. Р. Воронцова. Въ 1810 г. Николаи былъ назначенъ членомъ комиссіи по разграниченію Россіи и Швеціи въ Лапландіи, въ 1811 г. причисленъ къ миссіи въ Стокгольмъ, а въ слѣдующемъ году переведенъ опять въ Лондонъ, гдѣ оставался до 1818 года. Во время пребыванія въ Англіи Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей, Николаи состоялъ при нихъ. Въ 1818 г. онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Копенгагенъ и, по собственному желанію, оставался тамъ до выхода въ отставку въ 1847 году. Въ 1828 г. онъ былъ возведенъ въ баронское Великаго Княжества Финляндскаго достоинство. Оставивъ службу, Николаи поселился въ своемъ знаменитомъ имѣніи „Монрепо“, близъ Выборга, и въ 1863 г. принималъ здѣсь Императора Александра II, ѣхавшаго въ Гельсингфорсъ для открытія сейма. Здѣсь же онъ скончался 16 Апрѣля 1866 года и погребенъ въ „Монрепо“.

Съ 1811 г. П. А. Николаи былъ женатъ на княжнѣ Александрѣ-Симплиціи де-Брольи (р. 1787 г., † 1824 г.) и имѣлъ дѣтей: 1) Марію-Луизу (р. 1812 г., † 1877 г.), за генераль-лейтенантомъ П. К. Барановымъ; 2) Октавію-Иоганну (р. 1813 г., † 1874 г.), за генераль-лейтенантомъ А. Сутгофомъ; 3) Александру-Екатерину (р. 1814 г., † 1886 г.), за французскимъ генераломъ Годень-де-Вилленъ (Gaudin de Villaine); 4) Виктора (р. и † 1816 г.); 5) Людвигъ (р. и † 1817 г.); 6) Николая (р. 1818 г., † 1869 г.), дипломатъ; 7) Леоптія (р. 1820 г., † 1891 г.), генераль-лейтенантъ; 8) Александра (р. 1821 г., † 1899 г.), министр Народнаго Просвѣщенія.

Въ „Монрепо“ имѣется еще превосходная миниатюра, изображающая барона П. А. Николаи въ молодыхъ годахъ.

(Съ портрета, принадлежащаго баронессѣ С. Е. Николаи, „Монрепо“, Выборгской губ.)

Le baron PAUL ANDRÉEWITCH NICOLAÏ, 1777—1866, fils unique du baron André Lvowitch Nicolaï (1757—1820) et de Jeanne-Marguerite Poggenpohl (1758—1820), naquit à St-Pétersbourg le 17 juin 1777. A l'âge de 8 ans, on l'envoya faire ses études en Allemagne, à Eutin, chez le célèbre écrivain et pédagogue Voss. Il alla ensuite à l'université d'Erlangen, puis revint en Russie en 1796 et y prit du service aux Affaires étrangères: il fut attaché à l'ambassade de Londres sous les ordres du comte S. Worontzoff, ami de son père. Nommé en 1810 membre de la commission de délimitation de la Russie et de la Suède en Laponie, il fut envoyé en 1811 à la mission de Stockholm, et l'année suivante revint à Londres, où il resta jusqu'en 1818 et fut attaché aux Grands-Ducs Nicolas et Michel pendant leur séjour en Angleterre. Ministre à Copenhague en 1818, il y resta, sur sa demande, jusqu'à sa retraite, en 1847. En 1828, il fut élevé à la dignité de baron du Grand-Duché de Finlande. Rendu à la vie privée, il se fixa dans sa célèbre propriété de Monrepos, aux environs de Wiborg, où il reçut en 1863 l'Empereur Alexandre II dans son voyage à Helsingfors pour l'ouverture de la diète. Il y mourut le 16 avril 1866, et y fut inhumé.

Il avait épousé en 1811 la princesse Alexandrine-Simplicie de Broglie (1787—1824), dont il eut huit enfants, Marie-Louise (1812—1877), mariée au général lieutenant P. Baranoff, Octavie-Jeanne (1815—1874) au général lieutenant A. Suthof, Alexandrine-Catherine (1814—1886) au général français Gaudin de Villaine, Victor (né et mort 1816), Louis (né et mort 1817), Nicolas (1818—1869), diplomate, Léonce (1820—1891), général lieutenant, et Alexandre (1821—1899), ministre de l'instruction publique.

Il y a encore à Monrepos une superbe miniature représentant P. Nicolaï jeune.

(D'après un original appartenant à la baronne S. Nicolaï, Monrepos, près Wiborg, Finlande.)

Графъ СТАНИСЛАВЪ АНДРЕЕВИЧЪ ЗАМОЙСКІЙ, 1775—1856, сынъ короннаго канцлера графа Андрея отъ второго его брака съ вдовой его племянника (графа Клементія Замойскаго), рожденной княжной Констанціей Чарторыйской, родился 13 Января 1775 г.; 25 лѣтъ онъ сдѣлался владѣльцемъ майората въ Люблинской губерніи, а въ Галиціи къ нему перешло ипотечительство надъ лицеомъ Замойскихъ, въ Замостѣ. Въ 1802 г. онъ получилъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, а въ 1808 г. въ Австріи былъ пожалованъ въ камергеры и дѣйствительные тайные совѣтники; 11 Марта 1810 г. графъ Замойскій былъ сдѣланъ сенаторомъ и воеводой княжества Варшавскаго; въ 1812 г. получилъ отъ короля Саксонскаго ордена св. Станислава 1 ст. и Бѣлаго Ора. Въ 1815 г. въ качествѣ „предводителя“ депутаціи, отправленной въ Петербургъ, сдѣлался извѣстѣмъ Императору Александру I и пожалованъ звѣздой Александра Невскаго. Съ этого времени Замойскій пользовался постояннымъ благоволеніемъ Государя, и 4 Октября 1821 г. сдѣланъ былъ членомъ Общаго Совѣта Правительственной комиссіи въроисповѣданій и Министерства Народнаго просвѣщенія, а 14 Января 1822 г. президентомъ Сената царства Польскаго и въ 1825 г. пожалованъ Андреевской лентой. Въ 1826 г. Замойскій былъ назначенъ президентомъ слѣдственной комиссіи по дѣламъ царства Польскаго, а 6 Октября 1831 г., получивъ алмазные знаки на Андрея Первозваннаго, пожалованъ членомъ Государственнаго Совѣта и 9 Октября—дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ.

Вскорѣ графъ Замойскій уѣхалъ за границу, жилъ въ Вѣнѣ, въ 1836 г. временно вернулся въ Варшаву, гдѣ постигъ его апоплексическій ударъ, и послѣ того онъ уѣхалъ лѣчиться въ разные курорты Европы. Несмотря на неоднократныя отсрочки отпусковъ и напоминанія, Замойскій не возвращался, ссылаясь на разстроенное здоровье, и 3 Апрѣля 1850 г. Именнымъ указомъ Государственному Совѣту уволенъ былъ отъ службы.

Графъ С. А. Замойскій умеръ въ Вѣнѣ, въ 1854 г.; онъ былъ женатъ на княжнѣ Софіи Адамовнѣ Чарторыйской (р. 15 Сентября 1778 г., † 28 Февраля 1837 г.).

(Съ портрета Лампи; собственность графа А. С. Замойскаго, въ Варшавѣ.)

Le comte STANISLAS ANDRÉEWITCH ZAMOÏSKY, 1775—1856, fils du comte André Zamoïsky, chancelier de la couronne de Pologne, et de sa seconde femme, veuve de son neveu le comte Clément Zamoïsky, née princesse Constance Czartoryski, naquit le 13 janvier 1775. Propriétaire à l'âge de 25 ans d'un majorat dans le gouvernement de Lublin, il devint en Galicie titulaire de la curatelle du Lycée Zamoïsky, à Zamostié. Chevalier de Saint-Jean-de-Jérusalem en 1802, chambellan et conseiller privé actuel en Autriche en 1808, il fut fait, le 11 mars 1810, sénateur et voïévode du Duché de Varsovie, puis, en 1812, reçut du Roi de Saxe les ordres de St-Stanislas et de l'Aigle Blanc. En 1815, chef de la députation envoyée à Pétersbourg, il se fit connaître d'Alexandre Ier, qui lui conféra l'étoile de St-Alexandre Newsky. Il jouit dès lors invariablement de la faveur de l'Empereur, qui le fit, le 4 octobre 1821, membre du Conseil Spécial de la commission gouvernementale des cultes et du ministère de l'Instruction publique, le 14 janvier suivant président du Sénat du Royaume de Pologne, et en 1825 chevalier de St-André. Il fut nommé en 1826 président de la commission d'enquête pour les affaires du Royaume de Pologne, puis, le 6 octobre 1831, reçut les insignes en diamant de St-André et fut fait membre du Conseil de l'Empire, et passa le 9 octobre conseiller privé actuel.

Le comte Zamoïsky partit bientôt pour l'étranger. Il habita d'abord Vienne, puis, en 1836, rentré pour quelque temps à Varsovie, y fut frappé d'une attaque d'apoplexie, qu'il alla soigner dans différentes villes d'eaux de l'Europe. Tous les rappels et prolongations de congé ne purent le faire revenir: il alléguait son mauvais état de santé, et fut mis à la retraite par oukaze au Conseil de l'Empire du 3 avril 1850.

Le comte Zamoïsky mourut à Vienne en 1854. Il avait épousé la princesse Sophie Adamowna Czartoryski (15 septembre 1778—28 février 1837).

(D'après un original de Lampi, appartenant au comte A. Zamoïsky, Varsovie.)

142

Portrait of a man in a dark coat and cravat.
 Name: [illegible]
 Date: [illegible]

143

Portrait of a woman in a light-colored dress with a high collar.
 Name: [illegible]
 Date: [illegible]

144

Portrait of a woman in a dark dress with a high collar.
 Name: [illegible]
 Date: [illegible]

145

Portrait of a woman in a dark dress with a high collar.
 Name: [illegible]
 Date: [illegible]

147

Пис. Лампи

Peint par Lampi

Графъ Станиславъ Андреевичъ
Замойскій,
1775 — 1856

Le Comte Stanislas Andrzejewitch
Zamoïsky,
1775 — 1856

148

Пис. Лампи

Peint par Lampi

Графиня Софія Адамовна
Замойская,
1778 — 1837

La Comtesse Sophie Adamowna
Zamoïsky,
1778 — 1837

149

Герцогиня Марія
Виртембергская,
1768 — 1854

La Duchesse Marie
de Wurtemberg,
1768 — 1854

150

Пис. Крюгеръ

Peint par Krüger

Графъ Александръ Ивановичъ
Рибопьеръ,
1783 — 1865

Le Comte Alexandre Ivanowitch
Ribeaupierre,
1783 — 1865

Графиня СОФІЯ АДАМОВНА ЗАМОЙСКАЯ, 1778—1837, дочь князя Адама-Казимира Чарторыйскаго (р. 1 Декабря 1733 г., † 19 Марта 1823 г.) отъ брака съ графиней Изабеллой Флеммингъ (р. 31 Марта 1746 г., † 1842 г.), младшая сестра извѣстнаго князя Адама и герцогини Маріи Виртембергской, родилась 15 Сентября 1778 года; 20 Мая 1793 г. 15-лѣтняя княжна Софія Чарторыйская вышла замужъ за 18-лѣтняго графа Станислава Андреевича Замойскаго, позднѣе предсѣдателя Сената царства Польскаго, члена Государственнаго Совѣта и Андреевскаго кавалера. Отъ этого брака у ней было 7 сыновей и 3 дочери.

Какъ и сестра ея, принцесса Марія Виртембергская, графиня Софія Замойская, по выраженію графа А. И. Рибопьера, была „несравненна“ по своей красотѣ. Высокая, бѣлокурая, съ кожей ослѣпительной бѣлизны, она соединяла въ себѣ всѣ типы польской красоты и на празднествахъ во время Вѣнскаго конгресса производила фуроръ. На придворномъ спектаклѣ, появившись съ княземъ Радзивилломъ въ „romance en action“ сочиненія королевы Гортензій: „Fais ce que dois, advienne que pourra“, она удивила всѣхъ своею игрою и пѣніемъ.

Графиня С. А. Замойская умерла во Флоренціи 28 Февраля 1837 года.

Существуетъ портретъ ея, нисанный въ Вѣнѣ Виже-Лебренъ, на которомъ она изображена танцующей съ шалью.

У потомковъ графини имѣется еще другой ея портретъ, нисанный въ 1804 г. Жераромъ, гдѣ она нарисована съ двумя ея старшими дѣтьми; портретъ этотъ чрезвычайно интересенъ по его декоративности и окружающей обстановкѣ. Первоначальный эскизъ этого портрета находится въ Версальскомъ музеѣ, въ собраніи произведеній Жерара.

(Съ портрета Лампи; собственность графа А. С. Замойскаго, въ Варшавѣ.)

La comtesse SOPHIE ADAMOWNA ZAMOÏSKY, 1778—1837, fille du prince Adam-Casimir Czartoryski (1er décembre 1733—19 mars 1825) et de la comtesse Isabelle Flemming (31 mars 1746—1842), et plus jeune sœur du célèbre prince Adam et de la duchesse Marie de Wurtemberg, naquit le 15 septembre 1778. Elle épousa à l'âge de 15 ans, le 20 mai 1793, le comte Stanislas Andréewitch Zamoïsky, âgé de 18 ans, plus tard président du Sénat du Royaume de Pologne, membre du Conseil de l'Empire et chevalier de St-André. Elle eut de ce mariage sept fils et trois filles.

Comme sa sœur la princesse Marie de Wurtemberg, la comtesse Zamoïsky était d'une „incomparable“ beauté, selon l'expression du comte A. Ribeaupierre. Grande, blonde, un teint d'une blancheur éclatante, elle réunissait tous les types de la beauté polonaise, et fit fureur aux solennités du congrès de Vienne. A un spectacle de la Cour, où elle parut avec le prince Radzivill dans une romance en action de la Reine Hortense. Fais ce que dois, advienne que pourra, elle fit l'étonnement général avec son jeu et son chant.

La comtesse Zamoïsky mourut à Florence le 28 février 1837.

Vigée Le Brun la fit à Vienne dansant le châlè.

La famille possède un autre portrait fait par Gérard en 1804, la représentant avec les deux aînés de ses enfants, et extrêmement curieux par son genre décoratif et ses accessoires: l'esquisse primitive en est conservée au Musée de Versailles, dans la collection des œuvres du peintre.

(D'après un original de Lampi, appartenant au comte A. Zamoïsky, Varsovie.)

Герцогиня МАРІЯ ВІРТЕМБЕРГСКАЯ, 1768—1854, старшая сестра знаменитаго князя Адама Чарторыйскаго (р. 1770 г., † 1861 г.), дочь князя Адама-Казимира Чарторыйскаго (р. 1739 г., † 1823 г.), генеральнаго старосты Подоліи и Австрійскаго фельдмаршала, и его жены княгини Изабеллы, рожденной графини Флеммингъ, ярой патриотки, известной подъ именемъ „матки ойчизны“, родилась 15 Марта 1768 г.; въ юныхъ годахъ, 27 Октября 1784 г., выдана была замужъ за одного изъ братьевъ Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, принца Людвиг-Александра (р. 1756 г., † 1817 г.).

Бракъ этотъ не былъ счастливъ: подобно тому, какъ старшій братъ Фридрихъ-Вильгельмъ-Карлъ дурно обращался и даже истязалъ всячески свою жену, известную своей печальной участію принцессу Брауншвейгскую Августу-Каролину („Зельмира“, р. 1764 г., † 27 Сентября 1788 г. въ замкѣ Лодѣ), грубый солдатъ принцъ Людвигъ также дурно жилъ съ своей молодой женой. По свидѣтельству Екатерины II, принцъ „бывалъ ее и заставлялъ снимать съ себя сапоги“.

Совмѣстная жизнь Виртембергской четы продолжалась недолго; родивъ сына (16 Января 1792 г.), принцесса Марія оставила супруга и поселилась навсегда въ Пулавахъ, въ родительскомъ домѣ. По словамъ князя Адама Чарторыйскаго, Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна очень была ласкова съ нимъ и его братомъ Константиномъ, „вѣроятно, ради своего брата, котораго хотѣла примирить съ сестрой Маріей“. Впрочемъ, Императрица Марія Ѳеодоровна и позднѣе всегда выказывала особенное расположеніе къ принцессѣ Маріи и въ своихъ письмахъ называла ее „*ma très chère sœur*“. Бракъ этотъ закончился въ 1792 г. разводомъ, послѣ чего принцъ Людвигъ женился вторично 28 Января 1798 г. на принцессѣ Генріеттѣ Нассауской (р. 1780 г., † 1846 г.), отъ которой имѣлъ 6 человѣкъ дѣтей.

Проживая въ Вѣнѣ въ первой четверти XIX столѣтія, принцесса Марія блистала красотой среди цѣлаго сонма красавицъ Вѣнскаго двора. Несмотря на свою ненависть къ Россіи, она была въ дружескихъ отношеніяхъ съ Императрицей Елисаветой Алексѣевной, которая была въ перепискѣ съ ней и подписывалась въ своихъ письмахъ къ ней именемъ „Селанпры“, героини романа, сочиненнаго принцессой Виртембергской. Дружба эта можетъ быть объяснена близостью къ Александру I ея брата, князя Адама Чарторыйскаго, на котораго принцесса, какъ и многіе польскіе патриоты, возлагала большія надежды.

Горячая патриотка, она была ярой католичкой. Въ знаменитой „Хижины Богородицы“ въ Лоретто, яко бы чудотворно перенесенной туда ангелами, долгое время сохранялась жемчужная нить, пожертвованная принцессой Виртембергской и составлявшая самую замѣчательную вещь въ сокровищницѣ.

Живя въ Пулавахъ, герцогиня Марія вполне сочувствовала проявленнымъ ею семействомъ симпатіямъ возстанію 1830 г., и потому, „по нахожденію герцогини Виртембергской въ Польшѣ во время мятежа“, какъ сказано въ официальномъ документѣ, „на имѣніе ея наложено запрещеніе“. Когда, въ Ноябрь 1831 г. Канкринъ сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ объ имѣніяхъ герцогини, т.-е. о ея части, Императоръ Николай Павловичъ положилъ такую собственноручную резолюцію: „Ей ничего не слѣдуетъ“. Всѣ ея имѣнія перешли къ ея сыну, съ которымъ она была также въ ссорѣ изъ-за политическихъ убѣжденій, унаследованныхъ герцогиней отъ своей матери.

Сынъ герцогини Маріи, Адамъ-Карлъ-Станиславъ-Евгеній (р. 1792 г., † 1847 г.) былъ генераломъ русской службы и, по странной случайности, въ 1831 г. командовалъ войсками, разорившими Пулавы (теперь Ново-Александрія, гдѣ во дворцѣ Чарторыйскихъ помѣщается Сельско-хозяйственный институтъ).

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

La duchesse MARIE de WURTEMBERG, 1768—1854, sœur aînée du célèbre prince Adam Czartoryski (1770—1861), fille du prince Adam-Casimir Czartoryski (1759—1825), staroste général de Podolie, feld-maréchal autrichien, et de la princesse Isabelle, née comtesse Flemming et connue pour son patriotisme farouche sous le nom de Mère de la Patrie, naquit le 15 mars 1768. Elle fut mariée toute jeune, le 27 octobre 1784, à un des frères de la Grande-Duchesse Marie Féodorowna, le prince Louis-Alexandre de Wurtemberg (1756—1817).

Cette union ne fut pas heureuse: à l'exemple de son aîné, Frédéric-Guillaume-Charles, qui maltraitait et torturait même de toute manière sa femme, connue par son triste sort, la princesse Auguste-Caroline de Brunswick (Zelmire, née en 1764, morte le 27 septembre 1788 au château de Lodé), le prince Louis, grossier soudard, ne traitait pas mieux sa jeune femme, „la battant“, dit Catherine II, „et lui faisant tirer ses bottes“.

Aussi la vie en commun ne fut-elle pas de longue durée: à la naissance de son fils (16 janvier 1792), la princesse Marie quitta son époux et se fixa pour toujours à Pulavy chez ses parents. Au témoignage du prince Adam Czartoryski, la Grande-Duchesse Marie Féodorowna lui faisait force amitiés ainsi qu'à son frère Constantin, „en l'honneur, sans doute, du prince Louis, qu'elle voulait réconcilier avec sa femme“, et ne cessa jamais, d'ailleurs, de témoigner une sympathie particulière à la princesse Marie, qu'elle appelle dans ses lettres „Ma très chère sœur“. Un divorce intervint en 1792, après quoi Louis de Wurtemberg épousa en secondes noces le 28 janvier 1798 la princesse Henriette de Nassau (1780—1846), dont il eut six enfants.

A Vienne, qu'elle habita jusque vers 1825, la princesse Marie brilla à la Cour entre toutes les beautés de la capitale. Détestant la Russie, elle restait pourtant en relations d'amitié et en correspondance avec l'Impératrice Elisabeth, qui signait de son côté Sélanire, du nom de l'héroïne d'un roman de sa correspondante. Peut-être cette amitié s'explique-t-elle par l'intimité d'Alexandre Ier avec son frère Adam, sur lequel, en bonne patriote polonaise, elle fondait de grandes espérances.

Farouche patriote, elle était ardente catholique. A la célèbre Cabane de la Vierge de Loretto, miraculeusement, dit-on, déposée là par les anges, on conserva longtemps une rangée de perles donnée par elle, le joyau le plus précieux du trésor.

A Pulavy, elle s'associa entièrement de cœur, comme toute sa famille, à l'insurrection de 1830; aussi, „en raison du séjour de la duchesse de Wurtemberg en Pologne au moment de l'insurrection“, dit un document officiel, „ses biens sont frappés d'interdiction“. Au bas du rapport présenté à Sa Majesté par Kankrine en novembre 1831 sur la part qui devait lui revenir, l'Empereur Nicolas écrivit de sa propre main: „Il ne lui revient rien“. Tout passa à son fils, brouillé avec elle à cause des idées politiques qu'elle tenait de sa mère.

Ce fils, Adam-Charles-Stanislas-Engène (1792—1847), fut général au service russe, et, par un singulier hasard, commandait en 1831 les troupes qui ravagèrent Pulavy (aujourd'hui Nouvelle-Alexandrie, avec un Institut Agronomique dans l'ancien palais des Czartoryski).

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ РИБОНЬЕРЪ, 1783—1865, сынъ Швейцарскаго выходца бригадира Ивана Степановича (р. 1750 г., † 1790 г.) отъ брака съ Аграфеной Александровной Бибиковой (р. 1755 г., † 1812 г.), родился 21 Апрѣля 1783 г. (по другому извѣстію—въ 1781 г.); благодаря дружбѣ отца съ Мамоновымъ, маленькій Рибоньеръ сдѣлался извѣстенъ Екатеринѣ II, и она такъ полюбила хорошенькаго мальчика, что удостоила его рѣдкой чести: пожаловала въ корнеты Конной гвардіи. На дѣйствительную службу онъ поступилъ въ 1798 г. и уже въ 1799 г. получилъ Мальтійскій крестъ, званіе флигель-адъютанта и дѣйствительнаго камергера, но въ то же время, какъ заслужившій расположеніе Лопухиной, удаленъ въ Вѣну. По возвращеніи въ Петербургъ въ концѣ царствованія Павла I, Рибоньеръ за дуэль съ княземъ Б. А. Четвертинскимъ исключенъ изъ службы и посаженъ въ крѣпость; имущество было конфисковано, а мать сослана въ деревню. Освобожденный Александромъ I, онъ вернулся на службу въ Вѣну, гдѣ оставался до 1803 г., въ 1806 и 1807 гг. состоялъ дипломатическимъ комиссаромъ при главнокомандующемъ дѣйствующей арміей, а въ 1810 г., по просьбѣ Гурьева, перешелъ въ Министерство Финансовъ. Въ 1816 г. онъ былъ предсѣдателемъ комиссіи, учрежденной въ Смоленскѣ для повѣрки отчетовъ о хлѣбѣ, употребленномъ въ пособіе разореннымъ отъ войны обывателямъ, и съ 1817 по 1823 г. былъ управляющимъ Государственнымъ Коммерческимъ банкомъ. По назначеніи министромъ Канкрина, Рибоньеръ вернулся въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ и въ 1824 г. назначенъ былъ посланникомъ въ Константинополь, куда явился только въ 1826 г. и вскорѣ долженъ былъ уѣхать на время войны. Произведенный въ 1830 г. въ дѣйствительные тайные совѣтники, онъ въ томъ же году былъ отозванъ, а въ слѣдующемъ назначенъ посланникомъ въ Берлинъ. Въ 1838 г. Рибоньеръ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ 1839 г. отозванъ изъ Берлина, послѣ чего исполнялъ только придворныя обязанности, въ качествѣ оберъ-шенка (1841 г.) и оберъ-камергера (1844 г.), и въ 1849 г. награжденъ Андреевскою лентой. Николай I, по свидѣтельству самого Рибоньера, не любилъ его, зато Императрица Александра Ѳеодоровна была неизмѣнно милостива, и онъ почти ежедневно бывалъ у ней по вечерамъ, читая ей вслухъ. Александръ II пожаловалъ Рибоньеру 26 Августа 1856 г. графское достоинство.

Графъ А. П. Рибоньеръ скончался 24 Мая 1865 г. и погребенъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Рибоньеръ отличался необыкновенной красотой, побѣждавшей женскія сердца; имъ увлекалась и принцесса Амалия Баденская, сестра Императрицы Елисаветы Алексѣевны. По словамъ Вигеля, „въ 18 лѣтъ на плечахъ у него была такая головка, за которую всякая дѣвица готова была бы помѣняться своею“. Тотъ же Вигель даетъ слѣдующую его характеристику: „Въ немъ было много неподвижности, расчетливости, утихой надменности; онъ хотѣлъ поражать своимъ величіемъ. Ума болѣе чѣмъ посредственнаго, онъ имѣлъ даръ довольно кстати помѣщать въ разговоръ затверженные имъ фразы; общія мѣста, съ тономъ приговора имъ произносимыя, людьми несвѣдущими или невнимательными принимались за новыя и глубокія мысли... Красотою, умомъ онъ не столько еще гордился, какъ знатностью своею“. А. А. Васильчиковъ, знавшій Рибоньера уже въ старости и искренно къ нему расположенный, говоритъ, что онъ былъ сановитый и любезный старикъ, типъ изящнаго маркиза, въ которомъ живы были всѣ старинныя преданія утонченности и учтивости. Однако, подъ французскою наружностью было чисто русское сердце, и его русская рѣчь искрилась блескомъ родныхъ пословицъ и поговорокъ. Рибоньеръ былъ придворный человѣкъ въ лучшемъ значеніи этого слова, преданный монарху, но никогда не забывавшій собственнаго достоинства. Чуждый всякихъ интригъ, онъ пользовался своимъ положеніемъ, чтобы помочь каждому, обращающемуся къ нему за помощью. Интересный собесѣдникъ, онъ любилъ вспоминать дни своей молодости и въ особенности время Екатерины II, восторженнымъ поклонникомъ которой онъ былъ всегда. Нѣкоторыя изъ его воспоминаній напечатаны А. А. Васильчиковымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ (1877 г.). Рибоньеръ былъ женатъ на Екатеринѣ Михайловнѣ Потемкиной (р. 1788 г., † 1872 г.) и имѣлъ 2 сыновей и 4 дочерей.

(Съ акварельнаго портрета Крюгера; собственность графа Г. П. Рибоньера, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte ALEXANDRE IVANOWITCH RIBEAUPIERRE, 1783—1865, fils du brigadier suisse émigré Jean Ribeaupierre (1750—1790) et d'Agrippine Alexandrowna, née Bibikoff (1755—1812), naquit le 21 avril 1783 (selon d'autres, 1781). L'amitié de son père avec Mamonoff le fit connaître à Catherine II, et elle prit si fort en affection ce gentil garçon, qu'elle lui conféra le rare honneur d'être enrôlé cornette à la Garde à cheval. Entré au service effectif en 1798, il recevait dès l'année suivante la croix de Malte, le titre d'aide de camp de Sa Majesté et la dignité de chambellan effectif; mais en même temps, pour avoir attiré l'attention de Mlle Lopoukhine, il dut se retirer à Vienne. De retour à Pétersbourg à la fin du règne de Paul Ier, son duel avec le prince B. Tchetvertinsky le fit rayer du service et interner dans une forteresse; ses biens étaient confisqués et sa mère reléguée en province. Gracié par Alexandre Ier, il reprit du service à Vienne, où il resta jusqu'en 1803. Commissaire diplomatique en 1806 et 1807 près le commandant en chef de l'armée d'opérations, Gourieff le prit en 1810 au ministère des Finances. En 1816, il présida la commission instituée à Smolensk pour le contrôle du grain distribué aux victimes de la guerre, et, de 1817 à 1823, dirigea la Banque de Commerce de l'Etat. A la nomination de Kankrine, il revint aux Affaires étrangères; nommé en 1824 ministre à Constantinople, il ne s'y rendit qu'en 1826 et en fut presque aussitôt chassé par la guerre. Conseiller privé actuel en 1830, il alla comme ministre à Berlin l'année suivante. Membre du Conseil de l'Empire en 1838, il fut rappelé de Berlin en 1839, et ne conserva dès lors que des fonctions à la Cour; grand échanson en 1841, grand chambellan en 1844, il fut décoré de St-André en 1849. Peu aimé, dit-il lui-même, de Nicolas Ier, il fut par contre honoré de la faveur invariable de l'Impératrice Alexandra Féodorowna, chez laquelle il allait presque tous les soirs pour lui faire la lecture. Alexandre II le fit comte le 26 août 1856.

Le comte Ribeaupierre mourut le 24 mai 1865, et fut inhumé au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky. Il était d'une beauté peu commune, qui subjuguait les cœurs féminins: une de ses adoratrices fut la princesse Amélie de Bade, sœur de l'Impératrice Elisabeth. „Il avait à 18 ans sur les épaules“, dit Wiegel, „une tête que plus d'une jeune fille aurait consenti à échanger contre la sienne“. Le même Wiegel fait de lui le portrait suivant: „Il avait dans les manières beaucoup de raideur, de calcul et d'une courtoisie hautaine; il posait pour la majesté. Plus que médiocre comme esprit, il avait le talent de lancer avec assez d'à propos dans la conversation des phrases apprises par cœur, et débitait sur un ton sentencieux des lieux communs qui donnaient aux gens simples ou superficiels l'illusion de la nouveauté et de la profondeur.... Il tirait moins vanité de la beauté et de l'esprit que de la naissance“. Vassiltchikoff, qui le connut déjà vieux et lui témoigne une bienveillance sincère, le représente comme un vieillard aimable et ayant grand air, type du marquis élégant et fidèle à toutes les vieilles traditions de courtoisie et de manières raffinées. Pourtant sous ces dehors français battait un vrai cœur russe, et sa conversation russe était émaillée de proverbes et dictons de terroir. Homme de Cour au meilleur sens du mot, dévoué au monarque, il ne perdait jamais le sentiment de sa dignité personnelle. Etranger aux intrigues de toute nature, il profitait de sa situation pour venir en aide à quiconque s'adressait à lui. Intéressant causeur, il aimait à rappeler l'époque de sa jeunesse et surtout le temps de Catherine II, dont il fut toujours admirateur enthousiaste. Quelques-uns de ses souvenirs ont été publiés par Vassiltchikoff dans l'Archive Russe en 1877. Il épousa Catherine Mikhaïlowna Potemkine (1788—1872), et eut deux fils et quatre filles.

(D'après une aquarelle de Krüger, appartenant au comte G. Ribeaupierre, St-Pétersbourg.)

Графъ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ, 1785—1831, сынъ генераль-майора барона Ганса-Эренфрида, отъ второго его брака съ Екатериной Вельтцинъ (Weltzien), изъ Риги, родился въ Силезіи, въ имѣніи Гроссъ-Лейпе, 1 Мая 1785 г.; учился въ Берлинскомъ корпусѣ; службу въ Россіи началъ въ 1801 г. прапорщикомъ въ Семеновскомъ полку. Въ Прусскую кампанію 1807 г., за Гутштадтъ, Гейльсбергъ и Фридландъ, награжденъ орденами св. Владиміра и св. Георгія 4 ст.; въ 1811 г., въ чинѣ полковника, зачисленъ въ свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части. Свою блистательную военную карьеру началъ въ Отечественную войну, при чемъ былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ въ корпусъ Витгенштейна, съ которымъ и участвовалъ въ главнѣйшихъ дѣлахъ этой кампаніи. За участіе въ бояхъ подъ Якубовымъ и Головицею и въ Клястицкомъ сраженіи награжденъ орденомъ св. Георгія 3 кл.; послѣ сраженія подъ Полоцкомъ произведенъ въ генераль-майоры.

Во вторую половину кампаніи 1812 года Дибичъ проявилъ, на ряду съ военными, и дипломатическія способности. Въ Декабрѣ 1812 г., отрѣзавъ отъ войскъ маршала Макдональда прусскій корпусъ Йорка, онъ склонилъ этого генерала къ заключенію извѣстной Тауроггенской конвенціи, въ силу которой прусскія войска отдѣлились отъ французовъ и вернулись въ Пруссію. По изгнаніи непріятеля изъ Россіи, Дибичъ продолжалъ свои боевые подвиги въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ, въ послѣднее время въ качествѣ генераль-квартирмейстера всѣхъ русскихъ армій. За сраженія при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ, Лейпцигѣ, Бріеннѣ, Фершампенуазѣ и за взятіе Парижа онъ послѣдовательно награждается орденомъ св. Владиміра 2 ст., чиномъ генераль-лейтенанта и лентой св. Александра Невского.

По возвращеніи изъ заграничнаго похода, Дибичъ продолжалъ пользоваться неизмѣннымъ благоволеніемъ Александра I и быстро двигался все выше по лѣстницѣ наградъ и отличій. Въ 1818 г. онъ былъ пожалованъ въ генераль-адъютанты, въ 1821 г. получилъ ленту св. Владиміра, въ 1823 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а въ слѣдующемъ году—начальникомъ Главнаго штаба. Въ 1825 г. онъ сопровождалъ Александра I въ его путешествіи по Россіи, въ Крымъ и Таганрогъ; послѣ кончины Государя, послѣдовавшей въ его присутствіи, въ коронацію Николая I, произведенъ былъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Въ 1827 году, 27 Іюля, по возвращеніи съ Кавказа, Дибичъ былъ возведенъ въ графское достоинство.

Наиболѣе блестящимъ періодомъ военной славы Дибича была Турецкая война 1828 и 1829 гг., особенно вторая ея половина, когда онъ закончилъ ее блистательнымъ переходомъ черезъ Балканы и появленіемъ у стѣнъ Царьграда, чѣмъ принудилъ Порту просить мира, который и былъ подписанъ 2 Сентября 1829 года. За всѣ эти подвиги и заслуги Дибичъ награжденъ былъ орденами св. Георгія 2 кл. и св. Андрея Первозваннаго, пожалованъ „прозваніемъ вмѣстѣ съ потомствомъ Забалканскаго“ и, наконецъ (30 Іюня 1829 г.), чиномъ фельдмаршала, при чемъ повелѣно Черниговскому пѣхотному полку, котораго онъ былъ шефомъ, впредь именоваться „фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго полкомъ“; 12 Сентября 1829 г. Дибичъ получилъ ленту св. Георгія.

Послѣдній эпизодъ военнаго поприща Дибича—Польская кампанія 1830 и 1831 гг. нѣсколько омрачила боевую славу знаменитаго фельдмаршала. Назначенный 1 Декабря 1830 г. главнокомандующимъ, Дибичъ не проявилъ здѣсь обычной энергіи и заслужилъ справедливые упреки. Послѣ кровопролитнаго сраженія при Остроленкѣ, онъ лишь на третій день началъ преслѣдовать непріятеля. Русская армія двинулась къ Пултуску, но здѣсь внезапно, въ ночь съ 4 на 5 Іюня 1831 г., фельдмаршалъ скончался отъ холеры.

По отзывамъ современниковъ, Дибичъ отличался въ высшей степени живымъ и быстрымъ умомъ и проницательностью взгляда. Вспыльчивый до самозабвенія, онъ скоро утихалъ и всегда былъ готовъ сознать свою вину. Душѣ его были чужды мстительность и злопамятность. Небольшого роста, неуклюжій съ виду, онъ не любилъ многочисленныхъ собраній и избѣгалъ общества женщинъ. Зато въ небольшомъ кругу близкихъ лицъ онъ оживлялся, былъ веселъ, остроуменъ и разговорчивъ. Графъ И. И. Дибичъ былъ женатъ на Аннѣ Егоровнѣ фонъ-Торнау (р. 1798 г., † 1830 г.; статсъ-дама), но потомства не оставилъ. Похороненъ въ Петербургѣ, на Волковомъ лютеранскомъ кладбищѣ.

(Съ портрета Рисса; собственность Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le comte IVAN IVANOWITCH DIEBITCH-ZABALKANSKY, 1785—1831, fils du baron Hans-Ehrenfried Diebitch, général major, et de sa seconde femme Catherine Weltzien, de Riga, naquit en Silésie, au domaine de Gross-Leipe, le 1er mai 1785. Il fit ses études au Corps de Berlin, et débuta au service en Russie en 1801 porte-enseigne au régiment Sémenowsky. A la campagne de Prusse de 1807, Gutstadt, Heilsberg et Friedland lui valurent St-Vladimir et St-Georges de 4e classe. En 1811, colonel, il fut affecté à l'intendance de la Suite de Sa Majesté. Sa brillante carrière militaire date de la Guerre Patriotique, qu'il fit comme quartier-maître général au corps de Wittgenstein. Les combats sous Yakouboff et Golovchtchitza et la bataille de Klastitz lui valurent St-Georges de 3e classe, et, après la bataille de Polotzk, il fut promu général major.

Dans la seconde partie de la campagne de 1812, Diebitch se montra non seulement homme de guerre, mais aussi diplomate. En décembre, après avoir coupé du gros du maréchal Macdonald le corps prussien d'Yorck, il décida ce général à conclure la fameuse convention de Tauroggen, en vertu de laquelle les troupes prussiennes se détachaient des Français et rentraient en Prusse. Le territoire russe purgé de l'invasion, Diebitch poursuivit ses exploits durant les campagnes de 1813 et 1814, quartier-maître général, dans les derniers temps, de toutes les armées russes. Lutzen, Bautzen, Dresde, Kulm, Leipzig, Brienne, la Fère-Champenoise et la prise de Paris lui valent successivement St-Vladimir de 2e classe, le grade de général lieutenant et le cordon de St-Alexandre Newsky.

Au retour de ses campagnes à l'étranger, Diebitch continue à jouir de l'invariable bienveillance d'Alexandre Ier et à monter rapidement de récompense en récompense et de distinction en distinction. Général aide de camp en 1818, décoré de St-Vladimir en 1821, il devient en 1823 membre du Conseil de l'Empire et l'année suivante chef de l'Etat-Major général. En 1825, il accompagne l'Empereur dans son voyage en Russie, en Crimée et à Taganrog; témoin de sa mort, il est promu général d'infanterie au couronnement de Nicolas Ier. En 1827, à son retour du Caucase, il est élevé le 27 juillet à la dignité de comte.

La période la plus brillante de la gloire de Diebitch fut la guerre de Turquie de 1828 et 1829, surtout la seconde partie, lorsqu'il y mit une fin triomphante en passant les Balkans pour paraître sous les murs de Constantinople et réduire ainsi la Porte à demander la paix, qui fut signée le 2 septembre 1829. Tant d'exploits et de services lui valurent St-Georges de 2e classe et St-André, „le surnom de Zabalkansky pour lui et sa postérité“, et enfin, le 30 juin 1829, le grade de feld-maréchal; en même temps, le régiment d'infanterie de Tchernigoff, dont il était chef, recevait à l'avenir le titre de Régiment du feld-maréchal comte Diebitch-Zabalkansky. Le 12 septembre 1829, il reçut le cordon de St-Georges.

Le dernier fait d'armes de sa carrière, la campagne de Pologne de 1830/1831, ternit tant soit peu la gloire militaire du célèbre feld-maréchal. Nommé commandant en chef le 1er décembre 1830, il ne déploya pas son énergie habituelle, et s'attira des reproches mérités. Après la sanglante bataille d'Ostrolenka, il resta deux jours sans poursuivre l'ennemi. L'armée russe marchait sur Pultusk, quand Diebitch mourut inopinément du choléra dans la nuit du 4 au 5 juin 1831.

Les contemporains reconnaissent à Diebitch une vivacité et une promptitude d'esprit, une clairvoyance, peu communes. Il s'emportait au point de sortir de lui-même, mais se ressaisissait vite et était toujours prêt à reconnaître ses torts. Il n'avait rien de vindicatif ni de rancunier. Petit et gauche, il n'aimait pas les réunions nombreuses et fuyait la société des femmes, mais aussi, dans un petit cercle d'intimes, il s'animait et avait une conversation vive et spirituelle. Il avait épousé Anne von Tornau (1798—1830), dame d'honneur, mais ne laissa pas de postérité. Il est inhumé à St-Petersbourg, dans la concession luthérienne du cimetière Volkoff.

(D'après l'original de Riss, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Пис. Русс

Графъ Иванъ Ивановичъ
Дибичъ-Забалканскій,
1785—1831

Рис. par Kiss

Le Comte Ivan Ivanovitch
Diebitch-Zabalkansky,
1785—1831

Пис. В. Губеръ

Герцогъ Арманъ-Эммануэль
Ришелье,
1766—1822

Рис. par W. Huber

Le Duc Armand-Emmanuel
de Richelieu,
1766—1822

Дюкъ ЭММАНУИЛЪ ОСИПОВИЧЪ РИШЕЛЬЕ, 1766 — 1822, внукъ маршала Ришелье, сынъ герцога де-Фронсакъ, родился 25 Сентября 1766 г.; французскій аристократъ, послѣдній отпрыскъ древняго рода Виньеро-дю-Плесси-Ришелье, роялистъ по убѣжденіямъ, онъ получилъ прекрасное образованіе, при чемъ отлично зналъ нѣсколько языковъ. Позднѣе, въ зрѣлыхъ годахъ, онъ лично игралъ видную роль въ судьбѣ своей родины послѣ реставраціи Бурбоновъ, но всю свою юность провелъ на чужбинѣ, служа другому своему отечеству, Россіи, гдѣ оставилъ благодарную память своей энергичной и благородной дѣятельностью. Давая портретъ „дюка“ Ришелье, какъ его звали въ Россіи, мы естественно болѣе интересуемся именно тѣмъ, что сдѣлано было этимъ иностранцемъ для нашей родины, для страны, которую онъ искренно любилъ, которой отдалъ свои лучшіе годы. Позднѣе Ришелье вернулся во Францію, и его государственная дѣятельность, его личность въ ту эпоху принадлежать уже оцѣнкѣ его соотечественниковъ.

Поступивъ въ австрійскую службу въ 1789 г., Ришелье во время 2-й Турецкой войны командовалъ баталіономъ въ отрядѣ Суворова, получилъ (21 Марта 1791 г.) орденъ св. Георгія 4 кл. и чины полковника и генераль-майора. Сдѣлавшись эмигрантомъ, Ришелье временно сражался въ арміи принца Конде, затѣмъ отправился въ Англію, всюду агитируя противъ ненавистной ему революціи. Уже въ царствованіе Павла онъ вернулся въ Россію, но скоро внялъ въ немилость и опять удался за границу, на этотъ разъ въ Парижъ, куда призвалъ его первый консулъ, мечтавшій видѣть около себя представителей древней и титулованной аристократіи старой Франціи. Однако, Ришелье не скрывалъ своихъ убѣждений, и потому скоро былъ изгнанъ изъ Франціи, куда вернулся только въ 1814 г.; Людовикъ XVIII сдѣлалъ его перомъ Франціи, затѣмъ министромъ иностранныхъ дѣлъ (26 Сентября 1815 г.) и президентомъ Совѣта министровъ; 24 Апрѣля 1816 г. Ришелье былъ сдѣланъ академикомъ, въ Декабрѣ 1820 г. вышелъ въ отставку, а 17 Мая 1822 г. умеръ скоропостижно въ Парижѣ, не оставивъ потомства.

Въ 1803 г., по волѣ Александра I, Ришелье былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Одессы; здѣсь онъ сумѣлъ неразрывно связать свое имя съ этимъ городомъ. Все, что писано объ Одессѣ, въ одинаковой степени посвящено и дѣятельности „дюка“ Ришелье; поэтому о немъ очень много писано. Въ самой Одессѣ — Ришельевская лучшая улица, Ришельевскій лицей, памятникъ Ришелье и т. п., — все сохраняетъ здѣсь память объ этомъ иностранцѣ, благодѣлѣ русскаго города.

Вигель, знавшій хорошо Одессу, почти современникъ „дюка“, вообще не щедрый на похвалы, пишетъ, что Ришелье „заплатилъ болѣе, нежели кто изъ иностранцевъ, долгъ благодарности усыновившей его, гостепріимной Россіи“. „Этого человѣка можно назвать цвѣтомъ и перломъ французскихъ эмигрантовъ: онъ былъ гораздо просвѣщеннѣе другихъ знатныхъ земляковъ своихъ, душа его пылала какимъ-то необыкновенно чистымъ огнемъ, онъ былъ способенъ чувствовать энтузіазмъ, искренно привязался къ Россіи и умѣлъ привязывать къ себѣ русскихъ. Безъ семьи, безъ родства, онъ любилъ маленькій, новый городокъ, порученный ему управленію, какъ нѣжное дитя, которое ему надлежало лелѣять, растить и воспитывать. Способы были даны ему чрезвычайные, довѣренность къ нему даже самого Царя была неограниченная, и къ чести его сказать должно, что онъ никогда ее во зло не употреблялъ... Все способствовало увеличенію и обогащенію Одессы. Любезный, снисходительный характеръ ея градоначальника, этотъ привольный родъ жизни, который умѣлъ онъ завести, совершенное отсутствіе этикета, неумѣстнаго въ торговомъ городѣ, среди степи рождающемся, все привлекало не только иностранцевъ, но и многихъ нашихъ и польскихъ богачей. Французы въ Одессѣ пользовались особеннымъ покровительствомъ и чрезвычайно тамъ поддерживались. Тысячи мелочей, предметы роскоши и потребности прихотей украсили едва построенныя лавочки, вездѣ французскія вѣфски, французскія моды, и посреди ихъ полудикіе жители, азіатскіе наряды и обряды противоположностію своею еще болѣе поражали. У насъ явились Бордо и Марсель... Одесса вошла въ большую моду!“ И этимъ она обязана была „счастливому управленію“, съ 1803 по 1813 г., дюка Ришелье.

(Съ портрета Гюбера; находится въ Одесскомъ городскомъ музеѣ.)

Le duc EMMANUEL de RICHELIEU, 1766 — 1822, petit-fils du maréchal de Richelieu, fils du duc de Fronsac, naquit le 25 septembre 1766. Aristocrate français, dernier rejeton de la vieille famille Vignereau du Plessis-Richelieu, royaliste convaincu, il reçut une excellente instruction et savait dans la perfection plusieurs langues. Plus tard, déjà d'un certain âge, il joua personnellement un rôle marquant dans les destinées de sa patrie après la Restauration, mais toute sa jeunesse se passa à l'étranger, au service de sa seconde patrie, la Russie, qui conserve le souvenir reconnaissant de son œuvre énergique et précieuse. La présente esquisse biographique a surtout pour but de retracer, bien entendu, la carrière de cet étranger en Russie, dans ce pays qu'il avait pris en sincère affection et au bien duquel il consacra ses meilleures années. Quant à sa personnalité et à son rôle d'homme d'état français lorsqu'il rentra ensuite dans son pays, nous en laissons l'appréciation à ses compatriotes.

Entré en 1789 au service de l'Autriche, Richelieu, à la tête d'un bataillon du corps de Souvoroff, gagna à la seconde guerre de Turquie St-Georges de 4e classe (21 mars 1791) et les grades de colonel et de général major. Emigré, il se battit d'abord à l'armée de Condé, puis passa en Angleterre, faisant partout de l'agitation contre la Révolution détestée. Rentré en Russie dès le règne de Paul, il tomba bientôt en disgrâce et repartit, cette fois, pour Paris, où l'appelait le Premier Consul, soucieux de s'entourer de représentants de la vieille aristocratie titrée de l'ancienne France. Richelieu cependant ne cachait pas ses convictions: aussi fut-il bientôt expulsé de France, pour n'y revenir qu'en 1814. Louis XVIII le fit pair de France, puis ministre des Affaires étrangères (26 septembre 1815) et président du Conseil des ministres. Elu académicien le 24 avril 1816, il rentra dans la vie privée en décembre 1820 et mourut subitement à Paris le 17 mai 1822, sans laisser de postérité.

Nommé en 1803 par Alexandre Ier général gouverneur d'Odessa, son nom resta inséparable de celui de cette ville. Toute la littérature d'Odessa est au même titre consacrée à son œuvre, dont la bibliographie est par suite considérable. La rue de Richelieu, la plus belle rue d'Odessa, le lycée Richelieu, le monument de Richelieu, tout dans cette ville de Russie rappelle la mémoire de l'étranger qui a tant fait pour elle.

Presque contemporain de Richelieu et connaissant bien Odessa, Wiegel, qui ne saurait en aucun cas être taxé de flatterie, assure que Richelieu, „mieux qu'aucun étranger, paya sa dette de reconnaissance à sa mère adoptive, l'hospitalière Russie“.... „Cet homme peut être appelé la fleur et la perle des émigrés français: il était bien plus éclairé que ses autres compatriotes de qualité, son âme brûlait d'un feu d'une pureté rare, il était capable d'enthousiasme; sincèrement attaché à la Russie, il savait s'attacher les Russes. Sans famille, sans parents, il avait pris en affection la petite ville toute nouvelle confiée à son administration, comme un petit enfant qu'il aurait eu à choyer, à soigner et à élever. Il eut en mains des moyens extraordinaires, le Souverain même lui accorda une confiance illimitée, et il faut lui rendre la justice qu'il n'abusa jamais.... Tout concourut au développement et à la richesse d'Odessa. L'amabilité et la bienveillance du gouverneur, le mode de vie large qu'il sut inaugurer, la suppression absolue d'une étiquette peu compatible avec le genre de cette ville commerçante naissant en pleine steppe, tout attira non seulement les étrangers, mais encore bien des nôtres et des polonais. Les français étaient là sous une protection spéciale, unis d'une puissante solidarité. Des milliers de bagatelles, objets de luxe ou de caprice, ornaient des boutiques à peine montées; partout des enseignes françaises, des modes françaises, et côte à côte, formant un contraste des plus surprenants, des habitants à demi sauvages, des costumes et des coutumes asiatiques. Nous avons chez nous Bordeaux et Marseille.... Odessa a la grande vogue!“ Et Odessa devait tout à „l'heureuse administration“, de 1803 à 1813, du duc de Richelieu!

(D'après l'original d'Hubert, Musée Municipal d'Odessa.)

Баронъ ІОСИФЪ МОРЕНГЕЙМЪ, 17 . . — 1797, родомъ изъ Австріи, операторъ, окулистъ и акушеръ, былъ вызванъ въ Россію въ 1783 г. на кафедру повивальнаго искусства при Хирургическомъ училищѣ. Въ то же время онъ былъ сдѣланъ гофъ-медикомъ и лейбъ-акушеромъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Моренгеймъ съ 3 Марта 1791 г. былъ членомъ Императорской Академіи Наукъ; извѣстенъ былъ, какъ ученый изслѣдователь, и оставилъ нѣсколько трудовъ по медицинѣ, какъ-то: „Beobachtungen verschiedener chirurgischen Vorfälle“ (1780), „Abhandlung über die Entbindungskunst“ (1791) и „Ueber die Krankheiten der Schönen“ (1799). Умеръ Моренгеймъ 17 Ноября 1797 года.

Сынъ Моренгейма, баронъ Павелъ Осиповичъ, избралъ дипломатическую карьеру и былъ посланникомъ въ Испаніи, а потомъ посломъ въ Константинополь. На томъ же дипломатическомъ поприщѣ заслужилъ извѣстность и внукъ его, баронъ Артуръ Павловичъ (р. 1824 г., † 1905 г.), въ наши дни, въ теченіе долгихъ лѣтъ, русскій посолъ въ Парижѣ.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le baron JOSEPH MOHRENHEIM, 17..—1797, originaire d'Autriche, opérateur, oculiste et accoucheur, fut appelé en Russie en 1783 pour occuper la chaire d'obstétrique à l'Ecole de Chirurgie. En même temps, il était fait médecin de la Cour et accoucheur de l'Impératrice Marie Féodorowna. Membre de l'Académie des Sciences le 3 mars 1791, il était connu par ses recherches scientifiques, et laissa un certain nombre de travaux sur la médecine, *Beobachtungen verschiedener chirurgischen Vorfälle* (1780), *Abhandlung über die Entbindungskunst* (1791) et *Ueber die Krankheiten der Schönen* (1799). Il mourut le 17 novembre 1797.

Son fils Paul se voua à la carrière diplomatique et fut ministre en Espagne, puis ambassadeur à Constantinople. C'est également dans la carrière diplomatique que se fit une notoriété son neveu, Arthur Pavlowitch Mohrenheim (1824—1905), de nombreuses années ambassadeur à Paris.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

163

Portrait of
 Mr. J. C. Smith
 1711-1801

Portrait of
 Mr. J. C. Smith
 1711-1801

165

Portrait of
 Mr. J. C. Smith
 1711-1801

167

Portrait of
 Mr. J. C. Smith
 1711-1801

154

153

Баронъ Юсифъ
Моренгеймъ,
17.. — 1797

*Le Baron Joseph
de Mohrenheim,*
17.. — 1797

Конрадъ Конрадовичъ
Штофрегенъ,
1767 — 1841

*Conrad Conradowitch
Stoffregen,*
1767 — 1841

155

156

Иванъ Федоровичъ
Рюль,
1769 — 18..

*Ivan Fédorowitch
Ruhl,*
1769 — 18..

Пис. Олешкевичъ

Peint par Oleschewitch

Николайъ Федоровичъ
Арендтъ,
1785 — 1859

*Nicolas Fédorowitch
Arendt,*
1785 — 1859

КОНРАДЪ КОНРАДОВИЧЪ ШТОФРЕГЕНЪ, 1767—1841, старшій сынъ военнаго врача доктора медицины Иоганна-Конрада фонъ-Штофрегена (р. 7 Сентября 1742 г., † 13 Октября 1790 г.) отъ брака его съ дѣвицей Анной-Доротеей Бестъ, родился 5 Октября 1767 г. въ Ганноверѣ, въ г. Эйнбекѣ; съ 1782 г. учился на медицинскомъ факультетѣ Геттингенскаго университета и 14 Апрѣля 1788 г. получилъ званіе доктора медицины. Еще студентомъ (въ 1785 г.) былъ вызванъ въ Ригу отцомъ, пользовавшимся здѣсь широкой извѣстностью, какъ искусный врачъ, и здѣсь пріобрѣлъ знакомства, въ качествѣ помощника отца. Въ 1788 г., 25 Іюня, молодой Штофрегенъ былъ опредѣленъ въ Рижскій уѣздъ уѣзднымъ врачомъ, но, получивъ послѣ смерти отца обширную практику среди нѣмецкой знати, вышелъ въ отставку 5 Ноября 1797 года. Въ 1806 г., вѣроятно, по рекомендаціи жившихъ въ Петербургѣ нѣмецкихъ бароновъ и въ томъ числѣ статсъ-дамы графини Паленъ, сдѣлался извѣстенъ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, которая въ предсмертной болѣзни своей второй дочери, Елисаветы, возлагала на него всѣ свои надежды, хотя и тщетно, и вѣрила единственно Штофрегену. Уже въ тѣ тяжелые дни, а затѣмъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, до самой кончины Елисаветы Алексѣевны, послѣдній былъ вполне довѣреннымъ и близкимъ лицомъ къ Императрицѣ. Штофрегенъ, въ то время еще не занимая никакой опредѣленной должности при дворѣ, состоялъ въ отставкѣ и почему-то принималъ, между прочимъ, участіе въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, послѣ котораго „за искусство въ пользованіи большихъ и раненыхъ“, 17 Сентября 1807 г., былъ пожалованъ въ коллежскіе совѣтники; 31 Марта 1808 г., во время болѣзни Великой Княжны Елисаветы Александровны, Штофрегенъ былъ назначенъ лейбъ-медикомъ, съ пожалованіемъ въ статскіе совѣтники. Въ 1811 г. онъ былъ сдѣланъ почетнымъ членомъ Медицинскаго совѣта Министерства полиціи, 12 Декабря 1817 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 6 Марта 1825 г. пожалованъ орденомъ св. Владиміра 2 степени.

Штофрегенъ не только постоянно лѣчилъ и сопровождалъ во всѣхъ поѣздкахъ Императрицу Елисавету Алексѣевну, но даже давалъ заглазно медицинскіе совѣты ея матери Амаліи, маркграфинѣ Баденской, которые дочь снѣшала сообщать ей въ своихъ письмахъ. Въ Таганрогѣ, когда положеніе Государя сдѣлалось тяжелымъ, Императрица пожелала, чтобы былъ приглашенъ къ постели больного и Штофрегенъ, которому она привыкла довѣрять. Но было уже поздно, и Штофрегенъ, присутствуя при кончинѣ Александра I, въ письмѣ къ брату въ Ригу подробно описалъ ходъ болѣзни и смерть Императора. Въ началѣ 1826 г. (19 Марта) ему была назначена пенсія въ 2/т. руб., а послѣ кончины Императрицы въ Бѣлѣвѣ, 13 Іюня 1826 г. Штофрегенъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники; затѣмъ пенсія ему была увеличена до 5/т. руб., а при увольненіи въ отставку, 23 Апрѣля 1833 г., по именному Высочайшему указу, еще прибавлено 4/т. рублей.

Штофрегенъ умеръ 23 Мая 1841 г. въ Дрезденѣ; онъ былъ женатъ 3 раза: въ первый разъ—на Аннѣ-Елизаветѣ Эбель (съ 1791 г., † до 1813 г.), съ которой развелся, имѣя 3 сыновей: Конрада-Эрнста (будучи офицеромъ Гродненскаго гусарскаго полка, во время сраженія при Бауценѣ отиравился на могилу матери, которая тамъ похоронена, и на кладбищѣ былъ убитъ пулей), Августа-Фердинанда (р. 1795 г.; † генеральнымъ консуломъ въ Амстердамѣ), Карла-Рафаэля (р. 1798 г.; былъ консуломъ въ Гаврѣ); во второй разъ—на Розаліи Бинеманнъ-фонъ-Биненштамъ (съ 1804 г.), отъ которой имѣлъ 8 человѣкъ дѣтей, умершихъ въ дѣтствѣ, и въ третій разъ женился на сестрѣ 2-й жены, Александрѣ Бинеманнъ-фонъ-Биненштамъ († 1830 г.), отъ которой у него было: 2 сына—Александръ (р. 1816 г., † 1842 г.) и Константинъ-Конрадъ (р. 1817 г., † 5 Декабря 1873 г.; контръ-адмиралъ), и 2 дочери—Розалія (р. 1821 г.) и Софія (р. 1822 г.).

(Съ портрета, принадлежащаго К. К. Штофрегену, въ С.-Петербургѣ.)

CONRAD KONRADOWITCH STÖFFREGEN, 1767—1841, fils aîné du docteur en médecine et médecin militaire Jean-Conrad von Stoffregen (7 septembre 1742—15 octobre 1790) et d'Anne-Dorothée Best, naquit le 5 octobre 1767 à Einbeck, en Hanovre. Entré en 1782 à la faculté de médecine de l'université de Göttingen, il obtint le 14 avril 1788 le diplôme de docteur en médecine. Encore étudiant, il s'était fait des relations à Riga, où son père, établi médecin dans cette ville et réputé pour son habileté, l'avait fait venir en 1785 pour le seconder. Il y fut lui-même nommé médecin de district le 25 juin 1788, mais la grosse clientèle que lui laissa dans l'aristocratie allemande la mort de son père lui permit de se retirer le 5 novembre 1797. En 1806, sur la recommandation, sans doute, des barons allemands de Pétersbourg, entre autres la comtesse Pahlen, dame d'honneur, il fut présenté à l'Impératrice Elisabeth, qui mit en lui, mais vainement, toutes ses espérances lors de la dernière maladie de sa seconde fille Elisabeth, et n'avait confiance qu'en lui; vingt années entières, depuis ces pénibles moments et jusqu'à la mort même de l'Impératrice, Stoffregen fut pour elle un homme de toute confiance et un intime. Alors en retraite, il n'avait pas encore de fonction officielle à la Cour, et se trouva par exemple à la bataille de Preussisch-Eylau, où „les soins éclairés qu'il donna aux malades et blessés“ lui valurent le 17 septembre 1807 le rang de conseiller de collège. Le 31 mars 1808, lors de la maladie de la Grande-Duchesse Elisabeth Alexandrowna, il fut nommé médecin de Sa Majesté et promu conseiller d'état. Membre honoraire du Conseil Médical du ministère de la Police en 1811, il passa en 1817 conseiller d'état actuel, et fut décoré le 6 mars 1825 de St-Vladimir de 2e classe.

Stoffregen était non seulement le médecin ordinaire de l'Impératrice Elisabeth et l'accompagnait dans tous ses voyages, mais encore il lui donnait pour sa mère Amélie, margrave de Bade, des conseils médicaux qu'elle s'empressait de lui communiquer par lettre. A Taganrog, lorsque l'état de l'Empereur inspira des inquiétudes, elle tint à le faire venir au chevet du malade; mais il était trop tard, et Stoffregen ne put qu'être témoin des derniers moments du Souverain; il fait dans une lettre à son frère, à Riga, un récit détaillé de sa maladie et de sa mort. Gratifié le 19 mars 1826 d'une pension de 2000 roubles, il fut promu conseiller privé le 13 juin suivant, après la mort de l'Impératrice à Béleff. Sa pension, élevée ensuite à 5000 roubles, fut, à sa retraite, par oukaze du 23 avril 1833, augmentée encore de 4000 roubles.

Stoffregen mourut à Dresde le 23 mai 1841. Il fut marié trois fois: en premières noces, en 1791, à Anne-Elisabeth Ebel († 1813), avec laquelle il divorça et dont il eut trois fils, Conrad-Ernest (officier aux hussards de Grodno, tué d'une balle pendant la bataille de Bautzen, au cimetière de cette localité, où il était allé visiter le tombeau de sa mère), Auguste-Ferdinand (né 1795, mort consul général à Amsterdam) et Charles-Raphaël (né 1798, consul au Hâvre); en secondes noces, en 1804, à Rosalie Bienemann von Bienenstamm, dont il eut huit enfants, morts jeunes, et en troisièmes noces à la sœur de sa seconde femme, Alexandrine Bienemann von Bienenstamm († 1830), dont il eut deux fils, Alexandre (1816—1842) et Constantin-Conrad (1817—5 décembre 1873), contre-amiral, et deux filles, Rosalie (née 1821) et Sophie (née 1822).

(D'après un original appartenant à C. Stoffregen, St-Pétersbourg.)

ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ РЮЛЬ, 1769—1846, родомъ изъ Лифляндіи, 28 Іюня 1787 г. „изъ вольно-практикующихъ медико-хирурговъ“ поступилъ на службу ординаторомъ въ С.-Петербургскую Обуховскую больницу; въ слѣдующемъ году Рюль перешелъ въ Морской корабельный флотъ, при чемъ во время Шведской войны находился на корабляхъ эскадры адмираловъ Грейга, Козлянинова и Чичагова, занятыхъ „поискомъ непріятеля“; 10 Января 1790 г. Рюль опредѣленъ былъ въ С.-Петербургскій сухопутный госпиталь, въ Августѣ сдѣланъ штабъ-лѣкаремъ, а въ началѣ 1793 г. переведенъ въ Московскій такой же госпиталь. Прослуживъ съ 19 Января 1794 г. четыре года въ Преображенскомъ полку, 20 Марта 1798 г. Рюль былъ „опредѣленъ ко Дворцу младшимъ гофъ-хирургомъ, съ чиномъ надворнаго совѣтника“; 19 Мая 1802 г. сдѣланъ былъ гофъ-хирургомъ и опредѣленъ (26 Мая) ко двору Великой Княжны Екатерины Павловны; затѣмъ снова скоро вернулся къ большому двору, а 1 Августа 1805 г. назначенъ главнымъ докторомъ въ дѣйствующую армію. Находясь въ разныхъ сраженіяхъ до Аустерлица включительно, онъ, какъ сказано въ его формулярномъ спискѣ, „къ скорѣйшему вспоможенію раненыхъ нашелъ всѣ способы“ и однажды (при Вельсѣ), спасая раненыхъ, едва самъ успѣлъ спастись, за что былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст.; 1 Января 1810 г. Рюль былъ пожалованъ въ званіе лейбъ-хирурга, затѣмъ былъ утвержденъ членомъ, а позднѣе (съ 1828 г.) избранъ предсѣдателемъ Медико-филантропическаго комитета Императорскаго Человѣколюбиваго общества. Въ 1823 г. былъ пожалованъ въ лейбъ-медики, и нерѣдко сопровождалъ Императрицу Марію Ѳеодоровну въ ея путешествія; 30 Августа 1825 г. Рюль былъ произведенъ въ тайные совѣтники, а въ 1828 г., 6 Декабря, назначенъ инспекторомъ медицинской части по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

И. Ѳ. Рюль былъ членомъ многочисленныхъ комитетовъ, попечителемъ нѣсколькихъ больницъ, членомъ Попечительнаго совѣта заведеній Приказа Общественнаго Призрѣнія и состоявшаго подъ покровительствомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны Демидовскаго дома призрѣнія трудящихся; имъ составленъ былъ проектъ устава для управленія домомъ умалишенныхъ, наконецъ, онъ выказалъ особенно „похвальное рвеніе и неутомимую попечительность въ пользу страждущаго человѣчества“ во время холеры 1830 г. въ Петербургѣ.

Награжденный орденами Бѣлаго Орла (1837 г.) и св. Александра Невскаго (1842 г.) и произведенный 5 Декабря 1843 г. въ дѣйствительные тайные совѣтники, И. Ѳ. Рюль умеръ въ С.-Петербургѣ (гдѣ у него былъ свой домъ въ Московской части) 17 Декабря 1846 года.

(Съ портрета пастелью, принадлежащаго М. Я. Вилліе, въ С.-Петербургѣ.)

IVAN FÉODOROWITCH RÜHL, 1769—1846, d'origine livonienne, fit d'abord de la clientèle privée comme médecin-chirurgien, puis devint le 28 juin 1787 interne à l'hôpital Oboukhoff, à Pétersbourg. Passé l'année suivante dans la marine, il se trouva pendant la guerre de Suède à bord des escadres Greigh, Kozlianinoff et Tchitchagoff, „en service de reconnaissance“. Le 10 janvier 1790, il fut affecté à l'hôpital militaire de St-Pétersbourg où il fut promu chirurgien major en août, et d'où il passa au commencement de 1793 à celui de Moscou. Nommé le 19 janvier de l'année suivante au régiment Préobragensky, il y resta quatre ans, et, le 20 mars 1798, fut „appelé au Palais comme chirurgien en second, avec rang de conseiller de cour“. Chirurgien de la Cour le 19 mai 1802, il fut attaché le 26 mai suivant à la Cour de la Grande-Duchesse Catherine Pavlowna, puis retourna bientôt à la grande Cour, et fut nommé le 1er août 1805 médecin chef de l'armée d'opérations. Témoin de nombreux combats, jusqu'à Austerlitz inclusivement, il sut, disent ses états de service, „procurer aux blessés un prompt soulagement“, et le grand danger auquel il s'exposa à Wels pour recueillir les blessés lui valut St-Vladimir de 4e classe. Chirurgien de Sa Majesté le 1er janvier 1810, il fut ensuite fait membre, puis, en 1828, élu président du Comité Médical de la Société Impériale Philanthropique. Médecin de Sa Majesté en 1825, il accompagna fréquemment l'Impératrice Marie dans ses voyages. Il passa conseiller privé le 30 août 1825, et, le 6 décembre 1828, fut nommé inspecteur du service médical des établissements de l'Impératrice Marie.

Rühl fut membre de nombreux comités, curateur de plusieurs hôpitaux, membre du conseil de curatelle des institutions de l'Assistance Publique et de la Maison de Travail Démidoff. Auteur d'un projet de règlement pour les asiles d'aliénés, il fit preuve, lors du choléra de 1830, à Pétersbourg „d'un louable zèle et d'une infatigable sollicitude pour soulager l'humanité souffrante“.

Décoré de l'Aigle Blanc en 1837 et de St-Alexandre Newsky en 1842, et promu le 5 décembre 1843 conseiller privé actuel, Rühl mourut à St-Pétersbourg, où il avait une maison dans le quartier de Moscou, le 17 décembre 1846.

(D'après un pastel appartenant à M. Wyllie, St-Pétersbourg.)

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧЪ АРЕНДТЪ, 1785—1859, сынъ штабъ-лѣкаря Федора Ивановича, родился въ Казани; 22 Февраля 1801 г. поступилъ въ Московское отдѣленіе Медико-Хирургической академіи, по закрытіи которой, въ 1804 г., переведенъ въ Петербургскую академію, гдѣ и окончилъ курсъ (29 Августа 1805 г.) съ блестящимъ успѣхомъ, получивъ серебряный наборъ хирургическихъ инструментовъ (замѣняло медаль); затѣмъ онъ былъ причисленъ къ С.-Петербургскому генеральному госпиталю для усовершенствованія, но уже въ Апрѣлѣ 1806 г. определенъ лѣкаремъ въ Навагинскій пѣхотный полкъ и долженъ былъ выступить съ нимъ въ походъ. Съ этого года, съ сраженія при Пултускѣ, и по 1814 г. Арендтъ провелъ почти все время въ походахъ въ Пруссіи, въ Финляндіи, въ предѣлахъ Россіи, затѣмъ опять за границей, до взятія Парижа включительно. Эта тяжелая служба дала зато Арендту обширную практику и огромный опытъ. Онъ уже въ то время заслужилъ извѣстность и, оставаясь главнымъ врачомъ при русскихъ войскахъ во Франціи по 1819 г., получилъ тамъ, какъ отличный операторъ, орденъ Почетнаго легіона. Въ 1821 г. „за совершенное знаніе медицины и хирургіи, оказанное множествомъ операцій“, онъ былъ Высочайше утвержденъ, безъ экзамена, въ званіи доктора медицины. Управляя въ теченіе 6 лѣтъ (1820—1826 гг.) С.-Петербургскимъ артиллерійскимъ госпиталемъ, Арендтъ сдѣлалъ тѣ смѣлыя и важныя операціи, которыя доставили ему обширную извѣстность и выдвинули его имя въ рядъ съ знаменитыми именами Грефе, Купера, Ларрея и Лисфранка. Послѣдній открыто высказывалъ изумленіе по поводу необычайно счастливо исполненныхъ операцій Арендта, который смѣло брался за чрезвычайно трудныя для того времени операціи и первый сталъ примѣнять антисептическое лѣченіе; въ то же время медицинскія свѣтила считали Арендта „удивительнымъ діагностомъ“. Въ Январѣ 1829 г. Императоръ Николай Павловичъ тяжело заболѣлъ, и его вылѣчивалъ Арендтъ, послѣ чего, 22 Апрѣля, онъ былъ назначенъ лейбъ-медикомъ. Съ этого времени, въ теченіе 10 лѣтъ, онъ состоялъ при Государѣ, сопровождая его во всѣхъ „вояжахъ“ по Россіи и за границей; между прочимъ, онъ состоялъ при Николаѣ I во время извѣстной его поѣздки въ Москву, зараженную свирѣпствовавшей тамъ первой холерой (1830 г.). Въ 1847 г. онъ былъ назначенъ медицинскимъ инспекторомъ учреждений Императрицы Маріи, въ 1849 г. произведенъ въ тайные совѣтники, а въ 1855 г., въ день „полувѣковаго юбилея достохвальнаго служенія“, получилъ орденъ Бѣлаго Ора. Арендтъ пользовался огромной популярностью и имѣлъ обширную практику: онъ работалъ съ утра до вечера, „проводя почти цѣлый годъ въ коляскѣ“. Арендтъ былъ приглашаемъ всюду: „отъ него надѣялись спасенія еще тогда, когда всѣ медики проносили неумолимый приговоръ. Его практика еще болѣе увеличивалась многочисленными бѣдняками, которые знали, что Арендтъ принадлежалъ къ тѣмъ медикамъ, которые, пріѣзжая въ недостаточное семейство, готовы сами доставить больному средства для полученія лѣкарства по прописанному имъ рецепту. Когда годы и нездоровье не позволяли Арендту посѣщать больныхъ, его пріемная была полна людьми, падѣвшими лишь у него найти спасеніе“. Весной 1859 г. Арендтъ заболѣлъ разстройствомъ сердечныхъ заслонокъ, а 14 Октября того же года скончался въ С.-Петербургѣ.

Н. Ф. Арендтъ былъ женатъ 2 раза; второй его супругой, пережившей его, была Генріетта Ричардовна Шиллингвортъ, отъ которой у него было 4 дѣтей: Николай (р. 11 Марта 1850 г.), Федоръ (р. 13 Февраля 1852 г.), Владиміръ (р. 12 Января 1855 г.) и Марія (р. 9 Августа 1853 г.).

(Съ портрета Олешкевича; находится въ Archivъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ.)

NICOLAS FÉODOROWITCH ARENDT, 1785—1859, fils d'un médecin militaire, naquit à Kazan. A la fermeture de la section de Moscou de l'Académie de Médecine et de Chirurgie, où il était entré le 22 février 1801, il passa en 1804 à celle de Pétersbourg, d'où il sortit brillamment le 29 août 1805, remportant, en guise de médaille, une trousse de chirurgien en argent. Attaché ensuite à l'hôpital général de St-Petersbourg pour se perfectionner, il fut dès avril 1806 nommé médecin au régiment d'infanterie de Navaga, avec lequel il dut faire campagne. De cette année 1806 à 1814, depuis Pultusk jusqu'à la prise de Paris inclusivement, il fut incessamment sur les champs de bataille de Prusse, de Finlande, de Russie et d'Occident. Le service était dur, mais le jeune savant eut là une pratique considérable et acquit une expérience consommée. Il se fit en même temps une notoriété: médecin chef du corps russe d'occupation en France jusqu'en 1819, son habileté d'opérateur lui valut la Légion d'Honneur. En 1821, „en raison de sa connaissance parfaite de la médecine et de la chirurgie, attestée par nombre d'opérations“, il reçut de Sa Majesté, sans examen, le diplôme de docteur en médecine. A la tête de l'hôpital d'artillerie de St-Petersbourg pendant six ans (1820—1826), il y pratiqua de hardies et graves opérations qui lui valurent un renom considérable et le mirent au rang de célébrités comme Gräffe, Cooper, Larrey et Lisfranc. Ce dernier ne cachait pas son étonnement des succès d'Arendt entreprenant hardiment des opérations d'une difficulté inouïe pour l'époque, et appliquant le premier les procédés antiseptiques; les princes de la science rendaient alors à la sûreté de ses diagnostics un hommage d'admiration. La guérison de l'Empereur Nicolas, tombé malade en janvier 1829 lui valut le 22 avril le titre de médecin de Sa Majesté; dès lors, il fut dix ans durant attaché à la personne de l'Empereur, l'accompagnant dans tous ses voyages en Russie et à l'étranger, et en particulier dans sa fameuse visite de Moscou lors du premier choléra en 1830. Nommé en 1847 inspecteur du service médical des établissements de l'Impératrice Marie, il fut promu en 1849 conseiller privé, et en 1855, le jour du „jubilé cinquantenaire de son service éminent“, décoré de l'Aigle Blanc. Il jouissait d'une immense popularité et avait une grosse clientèle: travaillant du matin au soir, „il était presque toute la journée en voiture“. De partout il était consulté: on lui demandait la guérison alors même que tous les autres médecins désespéraient absolument. Il soignait aussi une multitude d'indigents: chez les malheureux, on le savait prêt à laisser en s'en allant de quoi acheter le remède ordonné. Quand l'âge et la maladie ne lui permirent plus de faire des visites, son salon fut encombré de malades qui n'avaient d'espoir qu'en lui“. Frappé de troubles cardiaques au printemps de 1859, il mourut le 14 octobre suivant à St-Petersbourg.

Arendt fut marié deux fois; sa seconde femme, Henriette Shillingworth, qui lui survécut, lui donna quatre enfants, Nicolas (né 11 mars 1850), Théodore (né 13 février 1852), Vladimir (né 12 janvier 1855) et Marie (née 9 août 1855).

(D'après l'original d'Olechkewitch, Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

Баронъ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧЪ КОРФЪ, 1710—1766, сынъ барона Генриха-Христіана (р. 1672 г., † 1753 г.) отъ второго брака съ Софіей-Елеонорой Ганъ, родился 7 Мая 1710 г., служилъ въ Конорскомъ драгунскомъ полку и ко времени воцаренія Елисаветы Петровны достигъ чина премьеръ-майора. Причиной его возвышенія при Елисаветѣ Петровнѣ былъ бракъ съ двоюродной сестрой Государыни графиней Екатериной Карловной Скавронской. Въ 1741 г. Корфъ былъ посланъ въ Киль за племянникомъ Императрицы герцогомъ Голштинскимъ Петромъ-Ульрихомъ и по пріѣздѣ съ нимъ въ Россію, 5 Февраля 1742 г., пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. Въ томъ же году онъ ѣздилъ къ принцу Голштинскому Адольфу-Фридриху съ поздравленіемъ по поводу его избранія въ наслѣдники Шведскаго престола. Александровскій кавалеръ съ 15 Юля 1744 г., Корфъ получилъ въ томъ же 1744 году важное порученіе: перевезти Брауншвейгскую фамилію изъ Раненбурга въ новое мѣсто ссылки на сѣверъ, по исполненіи котораго назначенъ сенаторомъ. Въ 1758—1760 гг. онъ, въ чинѣ генераль-поручика, былъ Кенигсбергскимъ генераль-губернаторомъ и управлялъ завоеванной русскими частью Пруссіи, а въ 1760 г. назначенъ Петербургскимъ генераль-полиціймейстеромъ. Петръ III пожаловалъ Корфу чины генераль-аншефа и подполковника лейбъ-Кирасирскаго полка и Андреевскую ленту и назначилъ его „главнымъ директоромъ надъ всѣми полиціями“, но, несмотря на милостивое отношеніе къ нему Императора, онъ при первомъ же движеніи въ пользу Екатерины II перешелъ на ея сторону. Въ числѣ другихъ сенаторовъ ему была поручена во время переворота охрана Цесаревича. Корфъ оставался во главѣ полиціи и пользовался довѣріемъ Екатерины II до самой своей смерти, послѣдовавшей 24 Апрѣля 1766 года.

Болотовъ, служившій при Корфѣ въ Кенигсбергѣ и затѣмъ въ Петербургѣ, много говоритъ о немъ въ своихъ „Запискахъ“ и изображаетъ его въ неблагопріятномъ для него видѣ. Корфъ, по словамъ Болотова, былъ высокаго роста, очень блѣдъ, черты лица изображали „нѣчто меланхолическое“; въ наружности его не было ничего „пѣняющаго“, но и ничего „отвратительнаго“. Довольно умный отъ природы, онъ не получилъ образованія: „всѣ знанія сего вельможи простирались не слишкомъ далеко, но весьма и весьма были умѣренны, и если онъ что зналъ, то все то пріобрѣлъ по единой привычкѣ, живучи при дворѣ и въ большемъ свѣтѣ, и потому не столько былъ онъ способенъ къ гражданскому правленію и знающъ въ дѣлахъ, сколько свѣдушъ во всемъ томъ, что принадлежитъ до придворной и свѣтской жизни“. Для того, чтобы быть хорошимъ губернаторомъ, у него недоставало „быстроты разума и рѣшительности скорой и безошибочной“, къ тому же онъ совершенно не умѣлъ писать по-русски и даже подписывался всегда по-нѣмецки. Поэтому въ рѣшеніи дѣлъ большое значеніе имѣли чиновники его канцеляріи, хотя онъ и старался „наблюдать видъ, будто бы всѣ дѣла рѣшаетъ самъ собою“. Корфъ былъ необыкновенно горячаго и вспыльчиваго нрава: „не только за дѣла, но и за самыя иногда бездѣлицы онъ сержился и распалялся чрезвычайнымъ гнѣвомъ и осыпалъ всѣхъ, кто-бъ то ни былъ, слуга ли его, или подчиненный, жестокими бранями“. Отъ гнѣва онъ иногда занемогалъ и поэтому часто умолялъ подчиненныхъ не сердить его. Страшныя вспышки гнѣва Корфа не имѣли, однако, для окружающихъ серьезныхъ послѣдствій, потому что онъ былъ незлопамятенъ и имѣлъ доброе сердце: когда проходилъ гнѣвъ, онъ дѣлался „смирнѣе агнца и наиласковѣйшимъ и дружелюбнѣйшимъ человекомъ въ свѣтѣ“. Въ Кенигсбергѣ Корфъ жилъ какъ маленькій владѣтельный князь, устраивалъ роскошныя пріемы, на которые уходило все его жалованье и личныя доходы, довольно значительныя. Населеніе Кенигсберга любило его.

Баронъ Н. А. Корфъ былъ женатъ дважды. Отъ перваго брака съ вдовой Бодиско онъ имѣлъ сына, умершаго въ младенчествѣ, второй же бракъ съ графиней Скавронской († 1757 г.) былъ бездѣтный.

(Съ портрета, принадлежащаго барону Корфу, въ С.-Петербургѣ.)

Le baron NICOLAS ANDRÉEWITCH KORFF, 1710 — 1766, fils du baron Henri-Christian Korff (1672 — 1753) et de sa seconde femme, née Sophie-Eléonore Hahn, naquit le 7 mai 1710. Au régiment des dragons Koporsky, il avait le grade de premier major à l'avènement d'Elisabeth Pétrowna, dont il épousa une cousine germaine, la comtesse Catherine Skavronsky, s'assurant ainsi une élévation rapide. Chargé d'amener de Kiel en 1741 le duc Pierre-Ulrich de Holstein, neveu de l'Impératrice, il fut fait chambellan actuel à son arrivée, le 5 février 1742. La même année, il alla féliciter le prince Adolphe-Frédéric de Holstein de son élection d'héritier du trône de Suède. Chevalier de St-Alexandre le 15 juillet 1744, il s'acquitta la même année de l'importante mission d'aller prendre les Brunswick à Ranenburg pour les conduire à un autre lieu de relégation dans le nord, et fut en récompense nommé sénateur. De 1758 à 1760, alors général lieutenant, il fut général gouverneur de Kœnigsberg et administra la partie de la Prusse au pouvoir des Russes. Maître de police à St-Petersbourg en 1760, il fut fait par Pierre III général en chef et lieutenant-colonel du régiment des cuirassiers du Corps, décoré de St-André et nommé „directeur général de toutes les polices“, mais toute la bienveillance de l'Empereur ne l'empêcha pas, au premier signal, d'embrasser le parti de l'Impératrice. Il fut des sénateurs qui eurent, au moment du coup d'état, à assurer la garde du Césarewitch. Il resta à la tête de la police et jouit de la confiance de Catherine II jusqu'à sa mort, le 24 avril 1766.

Bolotoff, qui fit partie de l'administration de Korff à Kœnigsberg, puis à Pétersbourg, parle beaucoup de lui dans ses Mémoires, et le présente sous un jour peu favorable. Grand et très pâle, dit-il, ses traits avaient „une teinte de mélancolie“; dans son extérieur, rien de „captivant“, mais rien non plus de „repoussant“. Assez doué comme esprit, il était sans instruction; „le savoir de ce grand seigneur n'allait pas loin: c'était tout ce qu'il y avait de plus insignifiant, ce qu'il avait pour lui se bornait à son acquis de la Cour et du monde: aussi était-il moins propre à l'administration civile et entendu aux affaires, que rompu aux détails de la vie de Cour et de société“. Pour être bon gouverneur, il manquait „de rapidité de jugement et d'une résolution prompte et sûre“; de plus il était hors d'état d'écrire le russe et même signait toujours en allemand. Aussi les affaires étaient-elles entièrement aux mains des sous-ordres, bien qu'il s'évertuât à „sauver les apparences pour laisser croire qu'il faisait tout lui-même“. Il était d'un emportement et d'une vivacité extrêmes: „non seulement dans le service, mais même parfois pour la moindre chose, il s'emportait, se laissait aller à une violente colère, et lançait à tout le monde sans discernement, serviteurs ou subordonnés, les pires invectives“. Sa fureur allait jusqu'à lui causer des faiblesses: aussi suppliait-il souvent ses subordonnés de ne pas le fâcher. Ses terribles accès de colère n'avaient pourtant pas de conséquences sérieuses, car il était sans rancune et avait bon cœur: la scène finie, il devenait „plus doux qu'un agneau, le plus affable et le plus gentil du monde“. A Kœnigsberg, il mena le train d'un prince régnant, donnant de somptueuses réceptions où passaient et son traitement et ses revenus personnels, assez considérables; il y était fort aimé.

Le baron Korff fut marié deux fois: en premières noces à une veuve Bodisco, dont il eut un fils mort en bas âge, en secondes noces à la comtesse Skavronsky († 1757), dont il n'eut pas d'enfants.

(D'après un original appartenant au baron Korff, St-Petersbourg.)

157

Баронъ Николай Андреевичъ *Le Baron Nicolas Andréewitch*
 Корфъ, *Korff,*
 1710 — 1766 1710 — 1766

158

Иванъ Ивановичъ *Ivan Ivanowitch*
 Михельсонъ, *Michelson,*
 1739 — 1807 1739 — 1807

159

Графъ Вилимъ Вилимовичъ *Le Comte Vilime Vilimowitch*
 Ферморъ, *Fermor,*
 1702 — 1771 1702 — 1771

160

Графъ Теодоръ Евстафьевичъ *Le Comte Théodore Eustafewitch*
 Анальтъ, *d'Anhalt,*
 1732 — 1794 1732 — 1794

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ МИХЕЛЬСОНЪ, 1739—1807, сынъ полковника Ивана Ивановича, происходилъ изъ древняго англійскаго рода, переселившагося въ Швецію въ XVII в.; дѣдъ его, капитанъ арміи Карла XII, былъ убитъ подъ Полтавой; получивъ хорошее образованіе, Михельсонъ поступилъ на службу въ 1754 г. и принималъ участіе въ Семилѣтней войнѣ, при чемъ въ сраженіи при Кунерсдорфѣ былъ тяжело раненъ; свои недюжинныя военныя дарованія онъ уже обнаружилъ во время Польской кампаніи, за которую произведенъ былъ въ подполковники. Во время 1-й Турецкой войны, въ сраженіи при Ларгѣ, онъ отличился кавалерійскою атакой, на штурмъ Бендеръ, съ охотниками, показалъ выдающуюся храбрость, а въ бою при Кагулѣ былъ раненъ. За Турецкую войну Михельсонъ получилъ орденъ св. Георгія 3-го класса. Но широкой извѣстностью и популярностью среди современниковъ Михельсонъ обязанъ не этимъ подвигамъ, а тому, что онъ былъ побѣдителемъ Емельяна Пугачова, не на шутку перепугавшаго людей того времени. А. И. Бибииковъ ввѣрилъ Михельсону отдѣльный отрядъ, который долженъ былъ дѣйствовать въ предѣлахъ Екатеринбурга и Уфы, съ цѣлью охранить этотъ край и башкирское населеніе отъ вторженія сюда бунтовщиковъ и для подавленія мѣстныхъ волненій. Благодаря необыкновенной энергіи, быстротѣ движеній, умѣнью поддержать дисциплину въ своемъ отрядѣ и личной рѣшительности и храбрости, Михельсонъ нанесъ тяжелые, непоправимые удары бунту и много содѣйствовалъ тому, что мятежники выдали самого Пугачова. Екатерина, придававшая весьма серіозное значеніе Пугачовскому бунту, щедро наградила Михельсона: онъ получилъ чинъ полковника (12 Февраля 1775 г.), золотую шпагу, 1000 душъ; 22 Сентября 1778 г. онъ былъ пожалованъ въ генераль-майоры и получилъ Александровскую звѣзду; въ 1781 г. Екатерина II пожаловала его премьеръ-майоромъ Конной гвардіи, а въ 1786 г. генераль-поручикомъ. Позднѣе Михельсонъ принималъ участіе въ Шведской войнѣ; Павелъ I также благоволилъ къ нему и пожаловалъ его въ генералы-отъ-кавалеріи; Александръ I далъ ему въ день коронаціи алмазы на звѣзду Александра Невскаго, въ 1803 г. назначилъ его военнымъ губернаторомъ Бѣлоруссіи, а въ 1806 г. пожаловалъ Андреевскую ленту.

Назначенный по случаю войны съ турками главнокомандующимъ Днѣстровской арміей, Михельсонъ скончался въ Букарестѣ 19 Августа 1807 года. Онъ былъ женатъ 2 раза: 1) на баронессѣ Вильгельминѣ Игельстромъ, отъ которой имѣлъ дочь Наталію (р. 1764 г., † 1771 г.), и 2) на Шарлоттѣ Ивановнѣ Ребиндеръ, отъ которой у него были дѣти: сынъ Григорій (р. 1791 г.) и дочь Елена (глухонѣмая; за барономъ П. К. Розеномъ).

По отзыву современника, Михельсонъ былъ „роста средняго, дородный, имѣлъ лицо круглое, чело открытое, глаза быстрые; пріятный царедворецъ, въ обращеніи былъ со всѣми чрезвычайно учтивъ и привѣтливъ; твердо зналъ военное искусство, имѣлъ вообще хорошее просвѣщеніе, говорилъ и писалъ весьма пріятно на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ; былъ славный партизанъ и кавалеристъ“.

(Съ портрета, находящагося въ Музеѣ Императора Александра III, въ С.-Петербургѣ.)

IVAN IVANOWITCH MICHELSON, 1759—1807, fils d'un colonel et originaire d'une vieille famille anglaise émigrée en Suède au XVIIe siècle, petit-fils d'un capitaine de l'armée de Charles XII tué à Poltava. Après de bonnes études, il prit du service en 1754 et fit la guerre de Sept-Ans, où il fut grièvement blessé à Kunersdorf. Il avait déjà fait preuve de talents militaires peu communs à la campagne de Pologne, qui lui valut le grade de lieutenant-colonel. A la première guerre de Turquie, il se signala à l'attaque de cavalerie de Larga, déploya à l'assaut de Bender une valeur sans égale à la tête de ses volontaires, et fut blessé sur le Kagoul. Ces exploits lui valurent St-Georges de 3e classe. Ce n'est cependant pas à eux qu'il dut sa grande notoriété et sa popularité, mais bien à sa victoire sur Pougatchoff, la terreur générale: Bibikoff lui avait confié un détachement destiné à opérer vers Ekaterinebourg et Oufa en vue de préserver la région et les Bachkirs des incursions des insurgés et de réprimer les soulèvements locaux. Grâce à son extraordinaire énergie, à la rapidité de ses mouvements et à l'habileté avec laquelle il maintint la discipline dans son détachement, grâce aussi à sa résolution et à sa bravoure personnelles, il porta aux insurgés des coups terribles, irréparables et fut pour beaucoup dans le parti qu'ils prirent eux-mêmes de livrer leur chef. Catherine II, à qui l'insurrection avait inspiré de sérieuses inquiétudes, ne ménagea pas les récompenses à Michelson: colonel le 12 février 1775, il reçut une épée d'or et 1000 têtes de paysans; puis, le 22 septembre 1778, il fut promu général major et décoré de St-Alexandre. En 1781, Catherine II le fit premier major de la Garde à cheval, et en 1786 général lieutenant. Plus tard, il fit la guerre de Suède. Paul Ier lui témoigna également sa faveur et le nomma général de cavalerie. Alexandre Ier lui conféra le jour de son couronnement les insignes en diamants de St-Alexandre Newsky, le fit en 1803 gouverneur militaire de la Russie Blanche, et, en 1806, le décora de St-André.

Investi lors de la guerre de Turquie du commandement en chef de l'armée du Dniester, Michelson mourut à Bukarest le 19 août 1807. Il fut marié deux fois: en premières noces à la baronne Wilhelmine Igelström, dont il eut une fille Natalie (1764—1771), et en secondes noces à Charlotte Rehbinder, dont il eut un fils Grégoire (né 1791) et une fille Hélène, sourde-muette, mariée au baron P. Rosen.

Au témoignage d'un contemporain, Michelson était „de taille moyenne, replet, rond de visage, le front découvert, les yeux vifs; courtisan agréable, il était avec tout le monde d'une courtoisie et d'une affabilité extrêmes. Consommé dans l'art de la guerre, il avait une bonne instruction générale, parlant et écrivant fort agréablement le russe, l'allemand et le français; supérieur comme cavalier et chef de partisans“.

(D'après un original du Musée Alexandre III, St-Petersbourg.)

Графъ ВИЛИМЪ ВИЛИМОВИЧЪ ФЕРМОРЪ, 1702—1771, англичанинъ по происхожденію, сынъ эмигранта (за приверженность къ дому СтUARTовъ) Вилліама Фермора, родился въ Россіи и въ 1720 г. поступилъ бомбардиромъ въ полевую артиллерію; затѣмъ былъ произведенъ: въ 1724 г. въ поручики, въ 1729 г. — въ капитаны, въ 1733 г. — въ подполковники, съ назначеніемъ адъютантомъ къ знаменитому Миниху. Подъ руководствомъ послѣдняго Ферморъ дѣйствовалъ при осадѣ и взятіи Данцига, въ усмиреніи конфедератовъ въ Польшѣ и во время Турецкой войны (1733—1736 гг.), при чемъ участвовалъ во взятіи Перекопа, а при мѣстечкѣ Черной Долинѣ, съ отрядомъ въ 350 человѣкъ, отбилъ нападенія турокъ; за этотъ подвигъ онъ былъ произведенъ въ полковники. Въ 1737 г., будучи генераль-квартирмейстеромъ арміи Миниха и командуя авангардомъ, Ферморъ принималъ участіе во взятіи Очакова и въ сраженіи при Ставучанахъ (28 Августа 1739 г.). Назначенный затѣмъ, въ чинѣ генераль-майора, Выборгскимъ комендантомъ, Ферморъ участвовалъ въ войнѣ со Швеціей и за отличіе въ дѣлѣ при Вильманстрандѣ (23 Августа 1741 г.) получилъ Александровскую ленту; въ 1746 г. онъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты и назначенъ начальникомъ Канцеляріи отъ строеній; состоя въ этой должности, онъ явилъ себя покровителемъ Растрелли и руководилъ постройкою Смольнаго монастыря, перестройкой Зимняго Дворца и возобновленіемъ Петропавловскаго собора послѣ пожара. Но особенную извѣстность получила дѣятельность Фермора во время Семилѣтней войны. Командуя корпусомъ, онъ овладѣлъ Мемелемъ и Тильзитомъ, а затѣмъ участвовалъ въ сраженіи при Гросъ-Эгерсдорфѣ. По отозваніи С. О. Апраксина Фермору вѣрено командованіе всей Русской арміей. Возведенный 12 Іюня 1758 г. Маріей-Терезіей въ графское достоинство, онъ одержалъ знаменитую побѣду при Цорндорфѣ, которая создала ему славу побѣдителя перваго полководца вѣка и подняла на значительную высоту репутацію русской арміи; 25 Января 1759 г. Ферморъ получилъ Андреевскую звѣзду. Слѣдующимъ затѣмъ графомъ П. С. Салтыковымъ, онъ остался, однако, при арміи, забывая самолюбіе и „желая быть полезнымъ отечеству“, и, дѣйствительно, много содѣйствовалъ побѣдамъ русскихъ при Пальцигѣ (12 Іюля) и при Кунерсдорфѣ (1 Августа), въ то же время, по словамъ Болотова, оставаясь „первѣйшею пружиною всѣмъ предначинаніямъ“, а „при дворѣ пріобрѣтѣя имя великаго патріота“, могъ дѣйствовать вполне на графа Салтыкова, „лично не подвергая себя за то отвѣту“. Петръ III не былъ расположенъ къ Фермору, и онъ оставилъ службу 5 Апрѣля 1762 г., но уже 3 Марта 1763 г. Екатерина II вновь призвала его къ дѣятельности и назначила Смоленскимъ генераль-губернаторомъ; въ слѣдующемъ году графъ Ферморъ былъ пожалованъ въ сенаторы, 18 Октября 1768 г. вышелъ въ отставку, а 8 Февраля 1771 г. скончался. — Онъ имѣлъ сына графа Вильгельма Вилимовича, бригадира, не оставившаго потомства, и дочь Сарру, бывшую въ замужствѣ за бригадиромъ графомъ Понтусомъ Стенбокомъ (р. 1744 г.); одинъ изъ ея сыновей, графъ Іоаннъ-Магнусъ (р. 1765 г.), получилъ фамилію графа Стенбокъ-Фермора.

По словамъ князя И. М. Долгорукаго, Ферморъ былъ „отличный полководецъ, ученый артиллеристъ и инженеръ, мужественный воинъ, былъ всѣми уважаемъ за безкорыстіе и благородство души своей“. Участникъ самъ Семилѣтней войны, А. Т. Болотовъ говоритъ, что Ферморъ „пзвѣстенъ былъ всѣмъ подъ именемъ весьма разумнаго и усерднаго человѣка“, и что „вся армія перемѣною сею (когда онъ замѣнилъ Апраксина) чрезвычайно была довольна; онъ и не преминулъ тотчасъ стараніями своими и разумными новыми распоряженіями оправдать столь хорошее о себѣ мнѣніе“.

Существуетъ еще прекрасный портретъ графа Фермора, также въ Андреевской мантии, почти въ ростъ, писанный А. Антроновымъ въ 1765 г. и принадлежащій Н. Н. Гартонгу, въ С.-Петербургѣ.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le comte **VILIME VILIMOWITCH FERMOR**, 1702—1771, anglais d'origine, fils de William Fermor, qui émigra comme partisan des Stuarts, naquit en Russie, et s'enrôla en 1720 canonnier dans l'artillerie de campagne. Lieutenant en 1724, capitaine en 1729, il fut en 1733 promu lieutenant-colonel et nommé aide de camp du célèbre Munich, sous la direction duquel il opéra au siège et à la prise de Danzig, contre les Confédérés de Pologne et à la guerre de Turquie (1733—1736), où la prise de Pérékop et sa victorieuse résistance, à la tête de 550 hommes, à l'attaque turque de Tchornaïa-Dolina lui valurent le grade de colonel. En 1737, quartier-maître général de l'armée de Munich et chef de son avant-garde, il combattit à la prise d'Otchakoff et à la bataille de Stavoutchany (28 août 1739). Nommé ensuite, comme général major, commandant de Wiborg, il fit la guerre de Suède, où sa valeur à Wilmanstrand (25 août 1741) lui valut le cordon de St-Alexandre. Général lieutenant en 1746 et chef de la Chancellerie des Constructions, il accorda sa protection à Rastrelli, et dirigea la construction du monastère de Smolna, la reconstruction du Palais d'Hiver et les réparations de la cathédrale St-Pierre-et-Paul après son incendie. Mais toute sa notoriété lui vient de la Guerre de Sept-Ans. D'abord à la tête d'un corps d'armée, il enleva Memel et Tilsitt, et combattit à Gross-Jägersdorf, puis, au rappel d'Apraxine, reçut le commandement de toute l'armée russe. Elevé le 12 juin 1758 par Marie-Thérèse à la dignité de comte, il remporta la célèbre victoire de Zorndorf, qui lui fit la renommée de vainqueur du premier capitaine du siècle et contribua à élever bien haut le renom de l'armée russe; il reçut le 25 janvier 1759 l'étoile de St-André. Remplacé ensuite par le comte P. Saltykoff, il n'en resta pas moins à l'armée, refoulant son amour-propre et „ne demandant qu'à être utile à son pays“; effectivement, il fut pour beaucoup dans les victoires russes de Palzig (12 juillet) et Kunersdorf (1er août), et, restant, dit Bolotoff, „le ressort primordial de toutes les entreprises“, „se faisant d'ailleurs à la Cour un bon renom de patriotisme“, put agir tout à son gré sur le comte Saltykoff, „sans encourir aucune responsabilité personnelle“. Pierre III n'était pas disposé en sa faveur, et il quitta le service le 5 avril 1762, mais, dès le 3 mars 1763, Catherine II le rappela à l'activité pour le nommer général gouverneur de Smolensk. Sénateur l'année suivante, il prit sa retraite le 18 octobre 1768 et mourut le 8 février 1771. Il eut un fils, Wilhelm, brigadier, mort sans postérité, et une fille, Sarah, mariée au comte Pontus Stenbock (né 1744), brigadier, et dont un des fils, Jean-Magnus (né 1765) reçut le nom de comte Stenbock-Fermor.

Au témoignage du prince I. Dolgorouky, Fermor fut „un excellent capitaine, un savant artilleur et ingénieur, un valeureux soldat, estimé de tous pour son désintéressement et la noblesse de son âme“. Bolotoff, qui fit lui-même la Guerre de Sept-Ans, le représente comme „universellement connu pour un homme de grand sens et de grand zèle“, et ajoute que, quand il vint remplacer Apraxine, „toute l'armée fut fort heureuse de ce changement, et, par son activité et ses habiles dispositions, il s'empessa de justifier des suffrages aussi flatteurs“.

Il existe encore du comte Fermor un superbe portrait, également en manteau de St-André, presque en pied, exécuté par Antropoff en 1765 et appartenant à N. Hartung, à St-Pétersbourg.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ ѲЕДОРЪ (Фридрихъ) ЕВСТАФІЕВИЧЪ АНГАЛЬТЪ, 1732—1794, генераль-поручикъ, генераль-адъютантъ Императрицы Екатерины II, сынъ наследнаго принца Ангальтъ-Дессаускаго Вильгельма-Густава отъ морганатическаго брака его съ дочерью куица, родился 21 Мая 1732 года; двадцати лѣтъ отъ роду онъ былъ уже флигель-адъютантомъ Прусскаго короля Фридриха Великаго и принималъ участіе, въ рядахъ прусской арміи, въ Семилѣтней войнѣ. Въ 1776 году Ангальтъ перешелъ въ саксонскую службу, съ чиномъ генераль-лейтенанта, а въ 1783 г. принять въ русскую службу, съ переименованіемъ въ генераль-поручики.

По природѣ добросовѣстный, аккуратный нѣмецъ, принцъ Ангальтъ былъ болѣе склоненъ къ мирнымъ занятіямъ, чѣмъ къ военной профессіи, и, послѣ прибытія въ Россію, путешествовалъ по ней три года, изучая торговлю и промышленность новой своей родины. Императрица вполне оцѣнила характеръ Ангальта и, наградивъ его высшими русскими орденами: св. Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго, назначила въ 1786 году директоромъ Сухопутнаго Шляхетнаго кадетскаго корпуса. Человѣкъ холостой, Ангальтъ смотрѣлъ на кадетъ, какъ на своихъ дѣтей, самоотверженно заботился о нихъ и пробуждалъ въ нихъ чувство чести, постоянно говоря, что не хочетъ даже знать того, кто сдѣлалъ дурно, кто пятнаетъ званіе кадета и свое доброе имя.

Стараясь поднять въ корпусѣ учебное дѣло, Ангальтъ отдавалъ дань духу времени, примѣняя излюбленные въ то время воспитательные приемы; такъ, большая стѣна, окружавшая корпусный садъ, и даже стѣны рекреационной залы исписаны были сверху до низу поучительными изреченіями на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, хронологіей важнѣйшихъ событій, разными эмблематическими изображеніями и т. п. Всѣ эти надписи изданы были потомъ Ангальтомъ въ двухъ книжкахъ: „La Muraille Parlante“ и „La Salle de récréation“. Своими заботами о корпусѣ Ангальтъ вызвалъ у Императрицы замѣчаніе, что корпусъ сдѣлался „разсадникомъ великихъ людей“. Съ своей стороны, кадеты боготворили своего директора. За два дня до смерти Ангальтъ говорилъ своимъ питомцамъ: „Слабѣетъ тѣло мое, но не душа. Вы, мои любезные дѣти и друзья, всегда были въ ней, и она никогда не разстанется съ вами“. Съ 1788 года до самой кончины Ангальтъ исполнялъ, также съ необычайнымъ усердіемъ, обязанности президента Вольнаго Экономическаго общества. Всѣ средства свои Ангальтъ раздавалъ на пособія нуждающимся, стараясь скрыть свое имя. Симпатичная личность графа Ангальта, такъ мало похожая на обычныхъ въ то время въ Россіи иноземныхъ искателей богатства и чиновъ, и въ потомство перешла съ ореоломъ величавой добродѣтели.

Графъ Ѳ. Е. Ангальтъ скончался 22 Мая 1794 года и похороненъ въ С.-Петербургѣ, на Волковомъ новѣрческомъ кладбищѣ.

(Съ портрета, находящагося въ С.-Петербургскомъ Первомъ кадетскомъ корпусѣ.)

Le comte THÉODORE (Frédéric) d'ANHALT, 1732—1794, général lieutenant, général aide de camp de l'Impératrice Catherine II, naquit le 21 mai 1732 du mariage morganatique du prince héréditaire Wilhelm-Gustave d'Anhalt-Dessau avec la fille d'un négociant. Aide de camp de Frédéric-le-Grand dès l'âge de 20 ans, il fit la Guerre de Sept-Ans dans les rangs de l'armée prussienne. Passé en 1776 au service de la Saxe avec grade de général lieutenant, il fut admis en 1783 au service russe avec le même grade.

Bon allemand consciencieux et méthodique, le prince d'Anhalt était plus porté aux travaux pacifiques qu'à la profession des armes, et, en arrivant dans sa nouvelle patrie, commença par la parcourir en tous sens pendant trois ans, pour en étudier le commerce et l'industrie. L'Impératrice faisait grand cas de son caractère; elle lui conféra les plus hautes récompenses, St-Alexandre Newsky et St-André, et le fit en 1786 directeur du Corps des Cadets. Célibataire, il considérait ces jeunes gens comme ses enfants, leur accordant toute sa sollicitude et s'efforçant d'éveiller en eux le sentiment de l'honneur: il répétait qu'il ne voulait pas connaître celui qui se conduisait mal, compromettait le titre de cadet et son bon renom personnel.

Dans ses efforts pour élever au Corps le niveau de l'enseignement, Anhalt paya son tribut à l'esprit du temps en appliquant les procédés d'éducation alors en honneur; c'est ainsi que la grande muraille d'enceinte du jardin et même les murs de la salle de récréation étaient couverts du haut en bas de maximes instructives en russe et en autres langues, de la chronologie des principaux faits, de dessins emblématiques, etc.... Il fit plus tard publier le tout en deux volumes, *La Muraille Parlante* et *La Salle de Récréation*. La sollicitude de sa direction lui attira de la part de l'Impératrice la remarque qu'il avait fait de l'établissement „une pépinière de grands hommes“. A leur tour, les élèves adoraient leur directeur. Il leur disait deux jours avant sa mort: „Mon corps faiblit, mais non mon âme: vous y avez toujours été, mes chers enfants et amis, et elle ne vous quittera jamais“. Il remplit aussi de 1788 à sa mort, et également avec le plus grand zèle, les fonctions de président de la Société Economique Libre. Toutes ses ressources allaient aux élèves pauvres, en secours, dont il s'efforçait de cacher la source. Sa sympathique personnalité, si peu semblable à celle des autres étrangers qui venaient alors en Russie en quête d'honneurs et d'argent, a passé à la postérité ceinte de l'auréole d'une majestueuse vertu.

Le comte d'Anhalt mourut le 22 mai 1794, et fut inhumé à St-Pétersbourg au cimetière Volkoff, à la concession non orthodoxe.

(D'après un original conservé au Premier Corps des Cadets, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСАНДРЪ БОРИСОВИЧЪ ФОКЪ, 1763 — 1825, родомъ изъ голштинскихъ дворянъ, но голландскаго происхожденія; отецъ его, Беригардтъ Фокъ, „садовый мастеръ“, завѣдывалъ всѣмъ придворнымъ садамъ при Екатеринѣ II. А. Б. Фокъ первоначально поступилъ на службу въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ сержантомъ въ артиллерію въ 1780 году. Съ успѣхомъ участвовалъ въ Турецкой кампаніи 1788 и 1789 гг. и въ дѣйствіяхъ противъ Польши въ 1794 г.; за это время онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст. и чины капитана и майора. Въ концѣ 1790-хъ годовъ Фокъ былъ вызванъ въ Петербургъ для формировація конной артиллеріи, въ то время новой для Россіи. Закончивъ успѣшно эту задачу, Фокъ, 10 Сентября 1799 г., былъ произведенъ въ генераль-майоры, но въ слѣдующемъ году, 26 Января, уволенъ отъ службы Императоромъ Павломъ по какому-то недоразумѣнію. При Александрѣ I Фокъ былъ снова зачисленъ на службу (15 Марта 1801 г.) и назначенъ шефомъ 2-го артиллерійскаго баталіона, на каковой должности оставался до 28 Декабря 1803 г., когда снова вышелъ въ отставку. Оставивъ службу, Фокъ прожилъ 4 года въ С.-Петербургѣ, въ кругу своихъ друзей, въ числѣ коихъ были такіе просвѣщенные люди, какъ графъ Г. В. Орловъ, графъ П. А. Строгановъ, князь П. Д. Циціановъ; долготѣлая дружба связывала его съ Беннигсеномъ, а потому послѣдній, какъ только былъ назначенъ командующимъ арміей, тотчасъ вызвалъ Фока, и онъ 10 Января 1807 г. опять вступилъ на службу, въ качествѣ дежурнаго генерала при Беннигсенѣ, при чемъ отличился своей распорядительностью въ битвѣ при Прейсишъ-Эйлау; затѣмъ онъ былъ тяжело раненъ въ грудь и руку, съ раздробленіемъ кости, въ сраженіи подъ Гейльсбергомъ и награжденъ за эти дѣла орденами св. Георгія 3-й ст. и св. Владиміра 2-й ст.; Цесаревичъ Константинъ Павловичъ по этому поводу сказалъ: „Въ числѣ нашихъ раненыхъ подъ Гейльсбергомъ надо считать и главнокомандующаго: онъ потерялъ въ Фокѣ свою правую руку“. Фокъ долго страдалъ отъ ранъ, и Государь поручилъ его особому попеченію лейбъ-медиковъ Вилліе и Буша.

Въ 1810 г., 19 Апрѣля, Фокъ назначенъ дежурнымъ генераломъ въ армію Барклай-де-Толпа, гдѣ усердно занимался приготовленіями къ борьбѣ съ Наполеономъ. Вслѣдъ за этимъ Фокъ получилъ 18 пѣхотную дивизію, а 8 Апрѣля 1812 г. назначенъ начальникомъ штаба десантнаго корпуса графа Штейнгеля, дѣйствовавшаго на Сѣверѣ. Здѣсь А. Б. Фокъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ и стычкахъ, въ сраженіи подъ Полоцкомъ и при переправѣ непріятеля черезъ Березину. Будучи произведенъ 3 Января 1813 г. въ генераль-лейтенанты за эту кампанію, Фокъ долженъ былъ взять продолжительный отпускъ по разстроенному здоровью и числился по арміи до 29 Декабря 1819 г., когда окончательно вышелъ въ отставку.

А. Б. Фокъ былъ въ теченіе всей своей жизни въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ Л. Л. Беннигсеномъ, съ которымъ постоянно состоялъ въ дѣятельной перепискѣ. Фокъ скончался отъ удара 3 Апрѣля 1825 года и похороненъ на кладбищѣ деревни Мартышкиной, около Ораніенбаума; онъ былъ женатъ на дочери коллежскаго совѣтника Аннѣ Ивановнѣ Лидерсъ и имѣлъ одного сына, Бориса (р. 1802 г.; убитъ во время Турецкой войны), и дочерей: Шарлотту (р. 1798 г.; дѣвица), Анну (р. 1800 г.; за двоюроднымъ братомъ Фокомъ), Ольгу (р. 1805 г.; за Д. Д. Шепелевымъ) и Екатерину (р. 1806 г.; за Э. А. Струковымъ).

По словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, А. Б. Фокъ былъ „средняго роста, полонъ, статенъ и ловокъ; онъ имѣлъ волосы рыжеватые, глаза голубые, выраженіе лица умное, веселое и добродушное; онъ былъ дѣятеленъ, много читалъ и отъ природы одаренъ былъ свойствами генерала, притомъ честенъ, прямодушенъ, исполненъ правилами рыцарскаго благородства. Качества сіи признавали въ немъ даже его недоброжелатели, и онъ постоянно бывалъ ходатаемъ за прибѣгавшихъ къ его помощи или совѣту“.

(Съ миниатюры Фреми, принадлежащей А. Д. Шепелеву, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXANDRE BORISSOWITCH FOCK, 1765—1825, d'une famille noble du Holstein, mains hollandaise d'origine, était fils d'un maître jardinier, Bernard Fock, chargé sous Catherine II de tous les jardins de la Cour. Il débuta au service au Collège des Affaires étrangères, puis s'enrôla sergent d'artillerie en 1780. Il fit avec succès la campagne de Turquie en 1788 et 1789, ainsi que celle de Pologne en 1794, et gagna St-Georges de 4e classe et les grades de capitaine et de major. Appelé quelques années après à Pétersbourg pour former l'artillerie montée, jusqu'alors inconnue à la Russie, il s'en acquitta heureusement et fut promu général major le 10 septembre 1799; mais, le 26 janvier suivant, par suite d'un malentendu quelconque, l'Empereur Paul le rayait des cadres. Réintégré dès le 15 mars 1801 par Alexandre Ier, il fut fait chef du 2e bataillon d'artillerie, et le resta jusqu'au 28 décembre 1805. Il quitta alors le service, et passa quatre ans à Pétersbourg dans un cercle d'amis qui comptait des hommes éclairés comme le comte G. Orloff, le comte P. Stroganoff, le prince P. Tzitzianoff. Une vieille amitié l'unissait à Bennigsen, qui, aussitôt mis à la tête de l'armée, s'empressa de le prendre, le 10 janvier 1807, comme général de service. Il se signala par son habileté à Preussisch-Eylau, et, à Heilsberg, fut grièvement blessé avec fractures multiples des os du bras et de la poitrine; ces deux affaires lui valurent St-Georges de 3e classe et St-Vladimir de 2e classe. Le Césarewitch Constantin dit à cette occasion: „Au nombre de nos blessés à Heilsberg, il faut compter aussi le commandant en chef: il a perdu son bras droit dans la personne de Fock“. Fock souffrit longtemps de ses blessures, et l'Empereur le recommanda à la sollicitude particulière de ses médecins Wyllie et Busch.

Nommé le 19 avril 1810 général de service à l'armée de Barclay-de-Tolly, il y travailla sans relâche à préparer la lutte contre Napoléon. Il reçut ensuite la 18e division d'infanterie, et fut fait le 8 avril 1812 chef d'état-major du corps de descente du comte Steingel, chargé d'opérer au Nord. Il prit là une part active à tous les combats et engagements, à la bataille de Polotzk et aux affaires du passage de la Bérézina. Cette campagne lui valut le 5 janvier 1815 le grade de général lieutenant, après quoi il dut prendre un congé prolongé pour raisons de santé; il resta aux cadres jusqu'au 29 décembre 1819, date de sa retraite définitive.

Fock fut toute sa vie dans les meilleures relations d'amitié avec le comte Bennigsen, et entretenit avec lui une correspondance suivie. Il mourut d'une attaque d'apoplexie le 3 avril 1825, et fut inhumé au cimetière du village de Martychkino, près Oranienbaum. Il avait épousé la fille Anne du conseiller de collège Ivan Lieders, dont il eut plusieurs enfants: Boris (né 1802; tué à la guerre de Turquie), Charlotte (née 1798; non mariée), Anne (née 1800; mariée à un cousin du même nom de Fock), Olga (née 1805; à D. Chépéleff) et Catherine (née 1806; à E. Stroukoff).

Au témoignage de Mikhaïlowsky-Danilewsky, Fock était „de taille moyenne, replet, bien fait et élégant. Il avait les cheveux roux, les yeux bleus, un visage respirant l'intelligence, la bonne humeur et la mansuétude. Très actif, il lisait beaucoup et possédait bien les qualités naturelles d'un général, avec de la loyauté, de la droiture et les principes d'un parfait chevalier, avantages que lui reconnaissaient ses ennemis mêmes. Enfin il ne refusait jamais ses services quand on avait besoin d'un conseil ou d'un appui“.

(D'après une miniature de Frémy, appartenant à A. Chépéleff, St-Pétersbourg.)

101

Major-General Sir John
 Murray, K.C.B.
 1811-1871

103

102

Major-General Sir John
 Murray, K.C.B.
 1811-1871

104

Major-General Sir John
 Murray, K.C.B.
 1811-1871

Major-General Sir John
 Murray, K.C.B.
 1811-1871

161

Пис. Фреми — Peint par Frémy

Александръ Борисовичъ
Фокъ,
1763 — 1825

Alexandre Borissowitch
Fock,
1763 — 1825

163

Пис. К. Рейхель, 1819

Томъ Александровичъ
Кобле,
1761 — 18..

Thomas Alexandrowitch
Cobley,
1761 — 18..

162

Борисъ Борисовичъ
Фокъ,
1760 — 18..

Boris Borissowitch
Fock,
1760 — 18..

164

Пис. Лампи, 1789

Peint par Lampi, 1789

Баронъ Карлъ Яковлевичъ
Бюлеръ,
1749 — 1811

Le Baron Charles Yakovlewitch
Bühler,
1749 — 1811

БОРИСЪ БОРИСОВИЧЪ ФОКЪ, 1760—18... , старшій братъ Александра Борисовича Фока, вступилъ на службу 8 Юня 1775 г. сержантомъ въ бомбардирскій полкъ; въ 1780 г. сдѣланъ „флигель-адъютантомъ чина арміи прапорщика“ въ штатѣ артиллеріи-генераль-поручика Миллера; въ 1785 г. произведенъ въ подпоручики, въ 1788 г. — въ капитаны, въ 1794 г. — въ майоры; въ этомъ же году Фокъ былъ переведенъ изъ артиллеріи подполковникомъ въ армію, во 2 Эстляндскій егерскій корпусъ; въ 1798 г. произведенъ въ полковники, а въ слѣдующемъ году, 22 Апрѣля, въ генераль-майоры. Въ теченіе этого періода времени Фокъ участвовалъ: въ 1788 г. въ Молдавскомъ походѣ, въ 1790 г. въ войнѣ со Шведами и въ 1794 г. въ Польской кампаніи. Въ царствованіе Павла I ему пришлось, какъ и многимъ другимъ его товарищамъ, выйти (3 Января 1800 г.) въ отставку, въ которой онъ оставался, живя въ деревнѣ, восемь лѣтъ.

Въ 1807 г., 16 Марта, Б. Б. Фокъ вернулся на службу и 9 Апрѣля назначенъ шефомъ 24 Егерскаго полка, а 20 Апрѣля получилъ Астраханскій гренадерскій полкъ, но, за болѣзнь, 23 Октября снова покинулъ ряды войскъ. Отечественная война заставила его вернуться въ строй, и онъ, командуя бригадой, получилъ орденъ св. Георгія 5 ст. за Бородино; временно командовалъ 24 пѣхотной дивизіею и въ томъ же году, 29 Декабря, по совершенно разстроенному здоровью, окончательно вышелъ въ отставку.

Б. Б. Фокъ былъ женатъ на сестрѣ жены А. Б. Фока, дочери коллежскаго совѣтника Екатеринѣ Ивановнѣ Лидерсъ, отъ которой имѣлъ сына Бориса (р. 1797 г.; убитъ на Кавказѣ, во время Даргинской сухарной экспедиціи), и дочерей: Александру (р. 1793 г.; дѣвица), Екатерину (за фонъ-Бринкенъ) и Марію (за А. Лидерсомъ).

У потомковъ Фока имѣется 2 его миниатюры—одна, рисованная Рокштулемъ, обычной его манерой, другая рисована воспитанницей Б. Б. Фока, Еленой Зеньковской, которая подписывала свои работы такъ: „Hélène Z.“. Существуетъ миниатюра партизана Сеславина, писанная ею (у Н. А. Беэръ, въ Москвѣ).

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

BORIS BORISSOWITCH FOCK, 1760 — 18... , frère aîné d'Alexandre Fock, entra au service le 8 juin 1775 sergent de bombardiers. Il passa en 1780 „aide de camp avec rang de porte-enseigne de l'armée“ du général lieutenant d'artillerie Miller. Sous-lieutenant en 1785, capitaine en 1788, major en 1794, il quitta, la même année, l'artillerie pour permuter lieutenant-colonel à l'armée, au 2e corps des chasseurs d'Esthonie; il fut promu colonel en 1798 et général major le 22 avril 1799. Il fit durant tout ce temps la campagne de Moldavie en 1788, la guerre de Suède en 1790 et celle de Pologne en 1794. Sous Paul Ier, il dut comme beaucoup d'autres quitter le service, le 3 janvier 1800; il resta huit ans en non-activité à la campagne.

Il reprit du service le 16 mars 1807. Chef du 24e régiment de chasseurs le 9 avril suivant, il reçut le 20 le régiment des grenadiers d'Astrakhan, mais sa santé l'obligea de nouveau à la retraite le 23 octobre. La Guerre Patriotique le rappela à l'activité: à la tête d'une brigade, Borodino lui valut St-Georges de 3e classe. Après avoir commandé temporairement la 24e division d'infanterie, le délabrement complet de sa santé le contraignit le 29 décembre à prendre définitivement sa retraite.

Fock épousa la fille Catherine du conseiller de collègue Ivan Lieders, sœur de la femme de son frère Alexandre. Il eut un fils Boris, né en 1797, tué au Caucase, et trois filles, Alexandrine, née en 1793, non mariée, Catherine, mariée à von Brinken, et Marie à A. Lieders.

La famille possède deux autres miniatures de Fock: l'une, de Rockstuhl, à sa manière habituelle, l'autre, d'une pupille de Fock, Hélène Zenkowsky, qui signait ses travaux Hélène Z. et est également l'auteur d'une miniature du partisan Séslavine (chez N. Beer, à Moscou).

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ТОМА (Томасъ) АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОБЛЕ, 1761—18... , англичанинъ по происхожденію, изъ древняго рода, сынъ консула въ Ливорно и родной братъ жены графа Николая Семеновича Мордвинова, принялъ русское подданство и поступилъ 25 Іюня 1788 г. на русскую службу изъ камергеровъ Польскаго двора капитаномъ; въ томъ же году, 9 Ноября, произведенъ въ секундъ-майоры въ Приморскій Николаевскій гренадерскій полкъ; въ 1793 г. переведенъ премьеръ-майоромъ въ Смоленскій драгунскій полкъ, гдѣ 29 Января 1794 г. произведенъ въ подполковники; въ началѣ слѣдующаго года перешелъ въ Сумской легкоконный полкъ, а 8 Апрѣля 1796 г.—въ Таврическій Конно-егерскій.

Въ царствованіе Екатерины II, за это время, Кобле участвовалъ во 2-й Турецкой войнѣ, сначала на гребномъ флотѣ подъ Очаковымъ, подъ начальствомъ адмирала Мордвинова, а затѣмъ, въ составѣ Молдавской арміи, при переправѣ чрезъ Днѣстръ и Дунай; былъ при взятіи Бендеръ и Аккермана и на штурмѣ Измаила, гдѣ (26 Марта 1791 г.) былъ контуженъ въ шею; наконецъ, участвовалъ въ знаменитой побѣдѣ при Мачинѣ.

Въ 1798 г., 10 Января, Кобле произведенъ былъ въ полковники, 8 Января 1799 г.—въ генераль-майоры и черезъ полгода, 8 Іюня, уволенъ въ отставку. Принятый вновь на службу 27 Декабря 1801 г., назначенъ комендантомъ въ Одессу и шефомъ Ладожскаго пѣхотнаго полка. Въ 1816 г. онъ получилъ особое Высочайшее благоволеніе за труды по прекращенію въ 1812 г. бывшей въ Херсонской губерніи „заразы“ (чумы) и награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени.

По болѣзни Кобле былъ уволенъ отъ службы, съ мундиромъ и пенсіей, 8 Февраля 1819 года. Кто была его жена, намъ неизвѣстно; въ 1817 г. онъ былъ уже вдовцомъ и имѣлъ дѣтей: дочерей Клавдію (р. 1801 г.) и Юлію (р. 1809 г.) и сына Аполлона (р. 1811 г.).

По поводу степени образованія Кобле, въ его формулярномъ спискѣ, за его собственною подписью, отмѣчено: „грамотѣ по русскійск, французски, италіански, англійски—читать и писать, ариѳметики, геометріи, географіи, фехтовать, танцовать и въ манежѣ ѣздить—умѣетъ“.

(Съ портрета К. Рейхеля, 1819 г.; Одесскій городской музей.)

THOMAS ALEXANDROWITCH COBLEY, 1761—18... , d'origine anglaise, d'une vieille famille, fils d'un consul à Livourne et frère de la femme du comte Nicolas Sémenowitch Mordvinoff, se fit naturaliser russe et prit du service en Russie comme capitaine le 25 juin 1788, après avoir été chambellan de la Cour de Pologne. Second major le 9 novembre suivant au régiment des grenadiers de Nikolaewsk, il passa en 1793 premier major à celui des dragons de Smolensk, où il fut promu lieutenant-colonel le 29 janvier 1794. Au commencement de l'année suivante, il fut affecté au régiment de cavalerie légère de Soumy, et, le 8 avril 1796, à celui des chasseurs à cheval de Tauride.

Il faisait en même temps, sous le règne de Catherine II, la 2me guerre de Turquie, d'abord sur la flottille à rames à Otchakoff, sous les ordres de l'amiral Mordvinoff, puis à l'armée de Moldavie, au passage du Dniester et du Danube; il fut à la prise de Bender et d'Akkermann, et, à l'assaut d'Izmaïl (26 Mars 1791) reçut une contusion au cou. Enfin il combattit à la célèbre victoire de Matchine.

Colonel le 10 janvier 1798 et général major le 8 janvier 1799, il fut mis à la retraite six mois plus tard, le 8 juin. Réintégré le 27 décembre 1801, il fut nommé commandant à Odessa et chef du régiment d'infanterie de Ladoga. En 1816, l'Empereur lui exprima sa gratitude particulière pour le zèle avec lequel il avait combattu la peste du gouvernement de Kherson en 1812, et lui conféra Ste-Anne de 1re classe.

Cobley fut mis à la retraite pour raisons de santé, avec uniforme et pension, le 8 février 1819. Il fut marié, nous ne savons à qui; en 1817, il était veuf et avait deux filles, Claudine (née 1801) et Julie (née 1809), et un fils, Apollon (né 1811).

Quant à son instruction, ses états de service portent, signés de lui-même, les renseignements suivants: „Sait lire et écrire en russe, français, italien, anglais, l'arithmétique, la géométrie, la géographie, l'escrime, la danse et l'équitation“.

(D'après l'original de Ch. Reichel, 1819, Musée Municipal d'Odessa.)

Баронъ **КАРЛЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ БЮЛЕРЪ**, 1749—1811, старшій сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Виртембергской службы Якова-Альбрехта (р. 1722 г., † 1794 г.), возведеннаго въ 1784 г. въ баронское Римской имперіи достоинство, отъ брака съ Елизаветой Ивановной Гросъ († 1788 г.), родился 26 Іюня 1749 года. Получивъ образованіе въ Тюбингенскомъ и Геттингенскомъ университетахъ, онъ поступилъ на русскую службу по дипломатической части и въ 1773 г. былъ назначенъ переводчикомъ въ Гамбургъ, подъ начальство своего родного дяди по матери Ѳедора Ивановича Гроса, русскаго посланника въ Нижне-Саксонскомъ округѣ. Въ 1781 г. Бюлеръ былъ переведенъ совѣтникомъ посольства во Франкфуртъ на Майнѣ, а въ 1787 г. назначенъ начальникомъ дипломатической канцеляріи Потемкина и полевыхъ почтъ. Произведенный въ 1789 г. въ статскіе совѣтники, онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Мюнхенъ, съ оставленіемъ при Потемкинѣ до окончанія войны, и поналъ на свой постъ только черезъ 6 лѣтъ. Въ 1791 г. онъ ѣздилъ въ Вѣну для поздравленія отъ имени Потемкина и русской арміи Леопольда II съ востшествіемъ его на престолъ, затѣмъ состоялъ при Безбородкѣ во время Яскаго конгресса; въ 1792 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначенъ полномочнымъ министромъ при Тарговицкой конфедераціи, потомъ находился въ Гроднѣ во время сейма; въ 1794 г. былъ схваченъ поляками и въ теченіе 8 мѣсяцевъ находился въ заключеніи въ Варшавѣ.

По освобожденіи, Бюлеръ былъ награжденъ денежнымъ пособіемъ и пожизненной арендой за спасеніе и сохраненіе посольскихъ бумагъ. Наконецъ, въ Ноябрѣ 1795 г., онъ могъ явиться на мѣсто своей службы въ Мюнхенъ. Въ 1797 г. Бюлеръ получилъ чинъ тайнаго совѣтника и въ этомъ же году ѣздилъ съ порученіемъ въ Штутгартъ къ родителямъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, а затѣмъ временно состоялъ представителемъ Россіи при Имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ. Въ 1798 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст., въ 1799 г. — лентой св. Александра Невскаго, по представленію Суворова, за содѣйствіе при проходѣ русскихъ войскъ черезъ Баварію, а въ 1803 г. получилъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста. Въ 1802 и 1803 гг. онъ принималъ участіе въ разграниченіи Германіи и секуляризаціи нѣмецкихъ духовныхъ владѣній. Въ 1808 г. Бюлеръ былъ отозванъ и въ 1810 г. назначенъ сенаторомъ и членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ.

Скончался баронъ К. Я. Бюлеръ 22 Іюля 1811 г. въ С.-Петербургѣ и погребенъ на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ. Отъ брака (съ 1795 г.) съ баронессой Екатериной Ивановной Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ († 1808 г.), рожденной фонъ-Шиллингъ, потомства не оставилъ.

(Съ портрета Лампи, писаннаго въ Вѣнѣ въ 1789 г.; принадлежалъ барону Ѳ. А. Бюлеру, въ Москвѣ.)

Le baron CHARLES YAKOVLEWITCH BÜHLER, 1749 — 1811, fils aîné de Jacob-Albert Bühler (1722—1794), conseiller privé actuel au service du Wurtemberg, baron du Saint Empire Romain en 1784, et d'Elisabeth Ivanowna, née Gros († 1788), naquit le 26 juin 1749. Après des études aux universités de Tübingen et de Göttingen, il prit du service dans la diplomatie russe, et fut nommé en 1773 traducteur à Hambourg, dans le service de son oncle maternel Théodore Ivanowitch Gros, ministre de Russie en Basse-Saxe. Conseiller d'ambassade à Francfort-sur-le-Main en 1781, il devint en 1787 chef de la chancellerie diplomatique de Potemkine et des postes en campagne, puis, promu en 1789 conseiller d'état, fut nommé ministre à Munich, tout en restant avec Potemkine jusqu'à la fin de la guerre, et ne rejoignit son poste qu'au bout de six ans. Il alla à Vienne en 1791 porter à Léopold II les félicitations de Potemkine et de l'armée russe à l'occasion de son avènement, puis fut attaché à Bezborodko lors du congrès de Yassy. En 1792 il fut promu conseiller d'état actuel et envoyé comme ministre plénipotentiaire à la confédération de Targowitz, et siégea ensuite à la diète de Grodno, après quoi, capturé par les Polonais, il resta huit mois interné à Varsovie.

A sa libération, il reçut une récompense en espèces et une arrente viagère pour avoir mis en lieu sûr et conservé intacts les papiers de l'ambassade. Enfin, en novembre 1795, il put prendre possession de son poste à Munich. Conseiller privé en 1797, il alla la même année à Stuttgart chargé d'une commission pour les parents de l'Impératrice Marie, puis fut représentant de la Russie par intérim à la diète de l'Empire à Ratisbonne. Décoré en 1798 de Ste-Anne de 1re classe, Souvoroff lui fit obtenir l'année suivante le cordon de St-Alexandre Newsky pour avoir facilité le passage des troupes russes à travers la Bavière, puis il fut fait en 1803 grand-croix de Saint-Jean-de-Jérusalem. En 1802 et 1803, il coopéra à la délimitation de l'Allemagne et à la sécularisation des domaines ecclésiastiques allemands. Rappelé en 1808, il fut nommé en 1810 sénateur et membre du Collège des Affaires étrangères.

Le baron Bühler mourut à St-Petersbourg le 22 juillet 1811, et fut inhumé dans la concession protestante du cimetière de Smolensk. Il avait épousé en 1795 la baronne Catherine Schilling von Kannstadt († 1808), née von Schilling, mais ne laissa pas de postérité.

(D'après un original de Lampi, Vienne, 1789, ayant appartenu au baron Th. Bühler, Moscou.)

ТЕОДОРЪ ИВАНОВИЧЪ АРЕНДТЪ, 1755—1797, сынъ ремесленника, родился въ Москвѣ; медицинское образованіе получилъ въ Московской Хирургической школѣ, гдѣ окончилъ курсъ лѣкарскимъ ученикомъ, а съ Августа 1774 г. слушалъ лекціи въ „Московскомъ Генеральномъ госпиталѣ“.

Въ званіи подлѣкаря, Арендтъ служилъ военнымъ врачомъ сначала въ Оренбургѣ, затѣмъ былъ переведенъ въ Казань въ „Морской госпиталь“. Отсюда былъ командированъ, уже будучи лѣкаремъ, въ Ревель, но оттуда скоро перешелъ полицейскимъ врачомъ въ Москву, гдѣ пользовался большою извѣстностью, какъ практикующій врачъ.

На оборотѣ изображенной здѣсь миниатюры имѣется слѣдующая надпись:

„Theodor Arendt, 1755—1797, zu Moskau geboren, erhielt er auf der dortigen chirurgischen Schule seine Bildung, wurde Militärarzt, später Polizeiarzt in Moskau und beliebter praktischer Arzt. Drei seiner Söhne wurden Aerzte, unter diesen besonders berühmt Nicolaus von Arendt, Kaiserlicher Leibarzt, Nicolaus, André et Paul, Natalie et Sophie“.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

THÉODORE IVANOWITCH ARENDT, 1755—1797, fils d'un artisan, naquit à Moscou. Il fit ses études médicales à l'école de chirurgie de cette ville, et en sortit élève-médecin, après quoi il alla, en août 1774, suivre les cours de l'Hôpital Général de Moscou. Il fut médecin militaire adjoint, d'abord à Orenbourg, puis à l'Hôpital Naval de Kazan. De là il fut envoyé, alors médecin en titre, à Rével, mais passa bientôt médecin municipal à Moscou, où il se fit une excellente clientèle.

On lit au revers de la miniature reproduite ci-joint:

„Theodor Arendt, 1755—1797, zu Moskau geboren, erhielt er auf der dortigen chirurgischen Schule seine Bildung, wurde Militärarzt, später Polizeiarzt in Moskau und beliebter praktischer Arzt. Drei seiner Söhne wurden Aerzte, unter diesen besonders berühmt Nicolaus von Arendt, Kaiserlicher Leibarzt, Nicolaus, André et Paul, Natalie et Sophie“.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

163

Portrait of a man
1711-1717

164

Portrait of a man
1711-1717

167

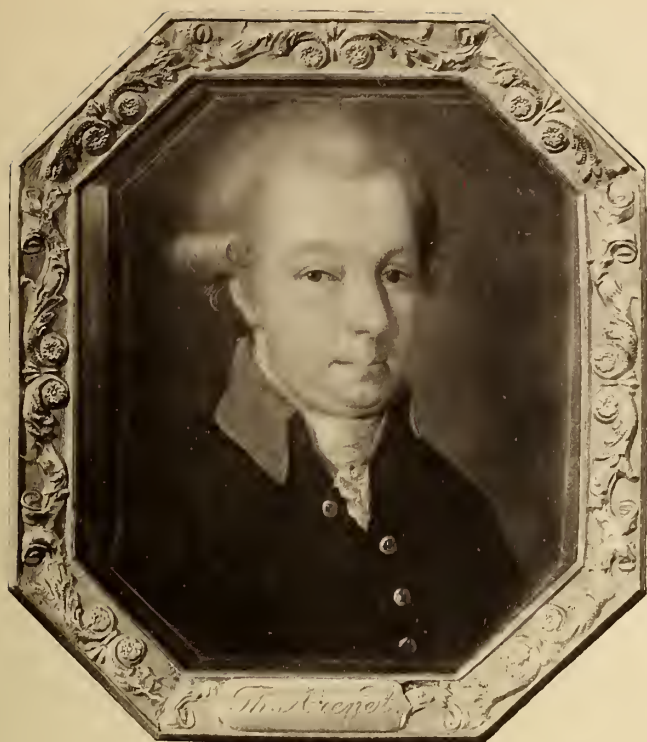
Portrait of a woman
1711-1717

168

Portrait of a woman
1711-1717

165

Теодоръ Ивановичъ
Арендтъ,
1755 — 1797

*Theodore Ivanowitch
Arendt,*
1755 — 1797

166

Францъ-Германъ
Лаферрьеръ,
1737 — 1796

*François-Germain
de-La Ferrière,*
1737 — 1796

167

Генриетта Зонтагъ,
графиня Росси,
1806 — 1854

*Henriette Sontag,
Comtesse Rossi,*
1806 — 1854

168

Баронесса Юлія
Крюденеръ,
1764 — 1824

*La Baronne Julie
Krüdener,*
1764 — 1824

ФРАНЦЪ-ГЕРМАНЪ ЛАФЕРМЬЕРЪ, 1737—1796, бібліотекаръ и преподаватель Великаго Князя Павла Петровича, родился въ Страсбургѣ и воспитывался въ Страсбургскомъ университетѣ. Отсюда онъ приглашенъ былъ чрезъ Воронцовыхъ въ Петербургъ для преподаванія наслѣднику Русскаго престола французской литературы. Въ новой, чуждой ему доселѣ обстановкѣ, Лафермьеръ, живой по характеру, любезный въ обращеніи, умѣлъ скоро расположить всѣхъ въ свою пользу. Удаляясь отъ всѣхъ придворныхъ и политическихъ интригъ, Лафермьеръ былъ, однако, душой общества при Великокняжескомъ дворѣ, объединяя всѣхъ на занятіяхъ литературой и на созданіи театральныхъ представленій; онъ самъ написалъ много басенъ и нѣсколько пьесъ для домашняго театра. Въ этомъ отношеніи Лафермьеръ имѣлъ себѣ сотрудника въ лицѣ секретаря и казначея Великаго Князя Павла Петровича, А. Л. Николаи, Страсбургскаго своего земляка и одноклассника.

Вторая супруга Великаго Князя Павла Петровича, Марія Ѳеодоровна, въ лицѣ Лафермьера нашла себѣ друга и почитателя, и когда, съ наступленіемъ фавора фрейлины Нелидовой, въ жизни Великокняжеской четы возникъ разладъ, то Лафермиеру, сочувствовавшему страданіямъ Маріи Ѳеодоровны, пришлось, по волѣ Великаго Князя, оставить дворъ въ началѣ 1793 года. Онъ удалился въ имѣніе давняго своего друга, графа А. Р. Воронцова, въ село Андреевское, Владимірской губерніи, гдѣ и умеръ 12 Мая 1796 года.

На могилѣ Лафермьера, на кладбищѣ, недалеко отъ церкви во имя св. Андрея Первозваннаго, графомъ Воронцовымъ поставленъ мраморный памятникъ, въ видѣ саркофага, съ слѣдующей надписью: „Amico sapiente sincero probato Franc: Herm: De La-Fermiere qui natus Argentorati, mense februar: anni MDCCXXXVII vitam in aprico aulae pure peractam hic in otij umbra complevit mens: jun: ann: MDCCXCVI. Luctus ad memoriam. Alexander comes Voronzow hoc monumentum boni curavit“.

До смерти своей пользовался онъ благоволеніемъ Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, которая вела съ нимъ тайную переписку. „Я потеряла въ немъ“, писала Марія Ѳеодоровна, „вѣрнаго друга, который говорилъ мнѣ всегда правду, и который любилъ меня, какъ отецъ; пока я жива, я буду чтить его память“.

(Съ миниатюры, принадлежащей баронессѣ С. Е. Николаи, „Монрепо“, Выборгской губ.)

FRANÇOIS-HERMANN LA FERMIÈRE, 1737—1796, bibliothécaire et précepteur du Grand-Duc Paul, naquit à Strasbourg et y fit ses études à l'université. De là les Worontzoff le firent venir à Pétersbourg pour enseigner la littérature française à l'héritier présomptif. Dans ce milieu nouveau pour lui, sa bonne humeur et son amabilité lui concilièrent bientôt tous les suffrages. Etranger aux intrigues de la Cour et de la politique, il n'en fut pas moins le boute-en-train et le lien de toute la Cour Grand-Ducal, qu'il occupait de littérature et de spectacles, auteur lui-même de fables et de pièces de salon. Il avait là un collaborateur dans la personne du secrétaire et trésorier du Grand-Duc, son compatriote et camarade d'études de Strasbourg Nicolaÿ.

La seconde femme de Paul, Marie Féodorowna, trouva en La Fermière un ami et un admirateur, que le Grand-Duc obligea de quitter la Cour au commencement de 1793, à l'entrée en faveur de Mlle Nélidoff, en raison de la sympathie qu'il témoignait à l'épouse outragée. Il se retira chez son vieil ami le comte A. Worontzoff, au bourg d'Andréewskoïé, gouvernement de Vladimir, où il mourut le 12 mai 1796.

Le comte Worontzoff fit élever sur son tombeau, au cimetière, non loin de l'église St-André, un monument représentant un sarcophage de marbre, avec l'épithaphe suivante: „Amico sapiente sincero probato Franc: Herm: De La-Fermiere qui natus Argentorati, mense februar: anni MDCCXXXVII vitam in aprico aulae pure peractam hic in otij umbra complevit mens: jun: ann: MDCCXCVI. Luctus ad memoriam. Alexander comes Voronzow hoc monumentum boni curavit“.

Il conserva jusqu'à sa mort la faveur de la Grande-Duchesse Marie Féodorowna, qui resta en correspondance secrète avec lui. „J'ai perdu en lui“, dit-elle, „un ami fidèle, qui m'a toujours dit la vérité et qui m'aimait comme un père; tant que je vivrai, j'honorerai sa mémoire“.

(D'après une miniature appartenant à la baronne S. Nicolaÿ, Monrepos, près Wiborg, Finlande.)

ГЕНРИЕТТА ЗОНТАГЪ, графиня РОССИ, 1806—1854, знаменитая пѣвица, дочь Франца Зонтагъ († 1815 г.) и Франциски Марклоферъ (р. 1788 г., † 1865 г.), родилась въ Кобленцѣ 3 Января 1806 года. Родители ея были актеры и съ дѣтства предназначали дочь для сцены. Уже 6-и лѣтъ она дебютировала во Франкфуртѣ на Майнѣ въ оперѣ „Donauweibchen“. Очень рано развился у нея прекрасный голосъ. По смерти отца она поступила въ Пражскую консерваторію, которую окончила 15-и лѣтъ. Съ 1820 по 1824 г. Зонтагъ пѣла въ итальянской оперѣ въ Вѣнѣ; здѣсь на нее обратилъ вниманіе самъ Бетховень. Въ 1824 г., послѣ успѣшныхъ гастролей въ Лейпцигѣ она была приглашена въ Берлинъ, гдѣ также имѣла огромный успѣхъ и получила званіе придворной пѣвицы. Съ 1826 по 1828 г. Зонтагъ съ такимъ же успѣхомъ пѣла въ Парижѣ и Лондонѣ. Въ 1828 г. она вышла замужъ за секретаря Сардинскаго посольства въ Парижѣ графа Карла Росси († 1864 г.), но, по причинѣ ея недворянскаго происхожденія и профессіи, бракъ былъ тайный. Узнавъ о немъ, король Пруссій пожаловалъ своей придворной пѣвицѣ дворянское достоинство съ фамліей фонъ-Лауенштейнъ. Вскорѣ Зонтагъ рѣшила покинуть сцену и отдаться вполнѣ семейнымъ обязанностямъ, но предварительно гастролеровала въ Берлинѣ и дала нѣсколько концертовъ. Простившись въ Маѣ 1830 г. съ Берлинской публикой, создавшей ея славу, въ „Семпрамидѣ“, лѣтомъ того же года она концертировала въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ также очаровала своихъ слушателей, и послѣ прощальнаго концерта въ Гамбургѣ пріѣхала къ мужу, который между тѣмъ былъ назначенъ посланникомъ въ Голландію. Бракъ графа Росси съ Генриеттой фонъ-Лауенштейнъ былъ объявленъ уже официально, къ неудовольствію итальянской аристократіи. Съ тѣхъ поръ, почти въ теченіе 20-и лѣтъ, Зонтагъ не покидала своего мужа, который послѣдовательно былъ представителемъ Сардиніи въ Рио-Жанейро, Франкфуртѣ на Майнѣ (1835—1838), Петербургѣ (до 1843 г.) и Берлинѣ (до 1848 г.). Революція 1848 г. лишила графа Росси и положенія, и состоянія. Чтобы добыть средства для воспитанія и обезпеченія дѣтей (у нея былъ сынъ и 2 дочери), графиня рѣшила прибѣгнуть къ помощи своего таланта. Бросивъ сцену, она никогда не оставляла пѣнія, потому и въ зрѣломъ возрастѣ продолжала пользоваться такимъ же успѣхомъ, какъ и въ дни молодости. Въ теченіе съ 1849 по 1852 г. Зонтагъ пѣла въ Парижѣ, Лондонѣ и другихъ городахъ Западной Европы, а въ 1852 г. отправилась въ Сѣверную Америку, гдѣ имѣла такой матеріальный успѣхъ, что могла послать дѣтямъ значительную сумму денегъ, но зато здѣсь же окончила свою жизнь: 17 Іюня 1854 г. она скончалась въ Мексикѣ отъ желтой лихорадки. Въ 1856 г. мужъ перевезъ ея тѣло въ Саксонію, въ Маріентальскій монастырь, гдѣ была монахиней ея сестра. Современники изображаютъ Генриетту Зонтагъ, какъ „воплощеніе небеснаго идеала“. Братья Булгаковы съ восторгомъ описываютъ свои впечатлѣнія отъ чуднаго ея пѣнія и обаятельной личности.

Блондинка, средняго роста, съ нѣжными голубыми глазами, полная граціи въ каждомъ движеніи, всегда веселая, привѣтливая и предупредительная, она очаровывала всѣхъ. Чрезвычайно добросердечная, она готова была помочь каждому. Зонтагъ обладала чистымъ и звонкимъ колоратурнымъ сопрано, исполненіе ея отличалось точностью, чистотой вокализаціи и задушевностью. Она не могла исполнять спльных партій, гдѣ требовалось выраженіе глубокихъ страстей, но въ томъ, что подходило къ ея темпераменту, она была неподражаема. „Elle est la première dans son genre, mais son genre n'est pas le premier“, сказала о ней Каталани. А. Я. Булгаковъ писалъ о ней: „Голосъ ея не силенъ, но чрезвычайно нѣженъ, пріятенъ и глубокъ до безкопечности, метода вовсе новая, пассажъ необыкновенны и чисто выдѣланы, скажу тебѣ только: для души мало, хотя и видно, что у самой много души и чувствъ“. Одинъ критикъ называлъ Зонтагъ „die zarteste, duftendste, süsseste Blume“ Нѣмецкой сцены. Коронными ролями ея были: Розина въ „Севильскомъ цирюльникѣ“, Донна Анна и Церлина въ „Допъ-Жуанѣ“, Агата во „Фрейшюцѣ“, Марія въ „Дочери полка“, Лукреція Борджіа.

Лучшей характеристикой Зонтагъ можетъ служить одна изъ эпитафій на ея надгробномъ памятникѣ: „Der besten Gattin und Mutter, der treuesten Freundin, der schönsten und liebenswürdigen Frau, der grössten Sängerin geweiht von Georg Grossherzog von Mecklenburg-Strelitz“.

(Съ портрета (на мѣдн), изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

HENRIETTE SONNTAG, comtesse ROSSI, 1806—1854, célèbre cantatrice, fille de François Sonntag († 1815) et de Françoise Marklofer (1788—1865), naquit à Coblenz le 3 janvier 1806. Ses parents étaient acteurs et la destinèrent à la scène dès son enfance: dès l'âge de 6 ans, elle débutait à Francfort-sur-le-Main dans l'opéra *Donauweibchen*. Elle eut de très bonne heure une voix magnifique. Entrée au conservatoire de Prague à la mort de son père, elle en sortit à l'âge de 15 ans. De 1820 à 1824, elle chanta l'opéra italien à Vienne et s'y fit remarquer de Beethoven lui-même. En 1824, après une bonne tournée à Leipzig, elle fut appelée à Berlin, où elle eut également un grand succès, et fut nommée cantatrice de la Cour. De 1826 à 1828, même succès à Paris et à Londres. Elle épousa en 1828 le comte Charles Rossi († 1864), secrétaire de l'ambassade de Sardaigne à Paris, mais, en raison de son origine roturière et de sa profession, le mariage resta secret. A cette nouvelle, le Roi de Prusse lui conféra la noblesse et le nom de von Lauenstein. Elle résolut bientôt de renoncer à la scène pour se consacrer tout entière à ses devoirs de famille, mais au préalable donna encore quelques concerts à Berlin. Elle fit ses adieux au public de cette ville, auteur de sa gloire, en mai 1830, parut l'été même à Pétersbourg et Moscou, où elle enthousiasma également son public, et, après un concert d'adieux à Hambourg, alla retrouver son mari, nommé dans l'intervalle ministre en Hollande. Le mariage du comte Rossi avec Henriette von Lauenstein devint alors officiel, au grand déplaisir de l'aristocratie italienne. Dès lors, vingt ans durant, Henriette Sonntag ne quitta pas son mari, successivement représentant de la Sardaigne à Rio-de-Janeiro, Francfort-sur-le-Main (1835—1838), Pétersbourg (jusqu'en 1843) et Berlin (jusqu'en 1848). La révolution de 1848 fit perdre au comte sa position et sa fortune, et, pour subvenir à l'éducation et à l'entretien de son fils et de ses deux filles, la comtesse eut recours à son talent. En quittant la scène, elle n'avait jamais renoncé au chant, et retrouva par suite à un certain âge ses succès de jeunesse. Après avoir paru, de 1849 à 1852, à Paris, Londres et autres villes d'Europe, elle se rendit en 1852 en Amérique du Nord, où elle obtint de tels avantages matériels, qu'elle put envoyer à ses enfants une forte somme; mais elle y trouva sa fin: le 17 juin 1854, elle fut emportée au Mexique par la fièvre jaune. En 1856, son mari ramena son corps au monastère de Mariental, en Saxe, où elle avait une sœur religieuse.

Les contemporains représentent Henriette Sonntag comme „l'incarnation d'un idéal céleste“. Les frères Boulgakoff retracent avec enthousiasme leurs impressions de son art merveilleux et de son physique enchanteur. Blonde, de taille moyenne, des yeux bleus pleins de douceur, une grâce infinie dans tous ses mouvements, toujours gaie, affable et prévenante, elle faisait le ravissement général. D'une extrême bonté, elle était toujours prête à rendre service. Soprano coloré, pur et sonore, son exécution se distinguait par la précision, la pureté de vocalisation et l'inspiration. Elle ne réussissait pas aux parties fortes, à l'expression de la grande passion, mais, dans ce qui allait à son tempérament, elle était inimitable. „Elle est la première dans son genre, mais son genre n'est pas le premier“, disait d'elle Catalani. „Elle n'a pas la voix forte“, écrit Alexandre Boulgakoff à son frère, „mais d'une douceur, d'un charme extrêmes et d'une souplesse infinie, une méthode toute nouvelle, des passages extraordinaires et d'une pureté inouïe, mais, que je te dise: ce n'est pas assez pour l'âme, bien qu'on voie qu'elle a elle-même beaucoup d'âme et de sentiment“. Un critique allemand l'appelle „la plus tendre, la plus parfumée, la plus douce fleur“ de la scène allemande. Ses principaux rôles furent: Rosine du *Barbier de Séville*, dona Anna et Zerline de *Don Juan*, Agathe du *Freischütz*, Marie de la *Fille du Régiment*, Lucrèce Borgia.

Le meilleur portrait d'Henriette Sonntag est celui que trace une des épitaphes de son monument funèbre: „Der besten Gattin und Mutter, der treuesten Freundin, der schönsten und liebenswürdigen Frau, der grössten Sängerin geweiht von Georg Grossherzog von Mecklenburg-Strelitz“.

(D'après un portrait sur cuivre de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Баронесса ЮЛІЯ КРЮДЕНЕРЪ, 1764 — 1824, дочь барона Фитингофа, родилась въ Лифляндіи 21 Ноября 1764 года (см. о ней т. I, № 172). Получивъ обыкновенное свѣтское образованіе, она 18-и лѣтъ вышла замужъ за пошлаго, бывшаго уже дважды женатымъ, дипломата барона Крюденера (онъ былъ русскимъ посланникомъ въ Венеціи, Копенгагенѣ и Берлинѣ). Легкомысленная, жаждущая удовольствій, неудовлетворенная супружеской жизнью съ немолодымъ мужемъ, баронесса Крюденеръ отдалась свѣтской жизни и имѣла много поклонниковъ, привлекаемыхъ ея красотой и оригинальнымъ умомъ. Однако, и въ ранней молодости въ ея душѣ жили зародыши тѣхъ чувствъ, которыя развились въ ней позднѣе: среди удовольствій она вдругъ вспомнила, что есть люди, которые страдаютъ въ то время, какъ она веселится, и принималась за благотворительность; уже и тогда проявляла она склонность къ мистичизму. Въ 1789 г. баронесса покинула мужа и уѣхала въ Парижъ; 25-и лѣтъ отъ роду попала она въ среду, гдѣ считалось хорошимъ тономъ афишировать дурные нравы, и послѣдовала общему примѣру. Она сошлась сначала съ академикомъ Сюаромъ, несмотря на то, что тотъ былъ еще старше ея мужа, затѣмъ съ гусарскимъ офицеромъ графомъ де-Фрежвилемъ, въ разгаръ революціи привезшимъ ее къ мужу. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ совместной жизни съ супругомъ, баронесса въ 1801 г. вторично покинула его (въ слѣдующемъ году онъ скончался) и поселилась опять во Франціи. Въ ея Парижскомъ салонѣ собирался цвѣтъ тогдашней литературы и великосвѣтскаго общества. Тогда же она и сама выступила писательницей. Ея автобіографическій романъ „Valérie“ имѣлъ успѣхъ, которому она сама немало содѣйствовала, откровенно сознаваясь друзьямъ, что „для успѣха у глупой публики необходимо прибѣгать къ шарлатанству“. Неудачная послѣдняя любовь (къ пѣвцу Гара) и разныя печальныя событія, приближающаяся старость, знакомство съ ученіемъ Юнг-Штталлинга и герингутеровъ вызвали перемѣну въ образѣ жизни и склонностяхъ г-жи Крюденеръ. Изъ легкомысленной свѣтской женщины она превратилась въ строгую проповѣдницу новаго религіознаго ученія. Первоначально большую роль играло ея тщеславіе: она всегда жаждала ореола, будь то ореолъ славы или ореолъ святости. Но постепенно она увлеклась новой ролью и стала видѣть въ себѣ орудіе Божіе, призванное для возвращенія къ Господу заблудшихся овецъ. Ею овладѣло какъ бы религіозное безуміе: она шага не могла ступить, чтобы не объяснить его внушеніемъ свыше. Г-жа Крюденеръ проповѣдывала ученіе, схожее съ ученіемъ методистовъ и родственное по духу христіанскому социализму, ученіе о возрожденіи человѣчества при помощи Божественной благодати и о жизни, основанной на милосердіи и братствѣ людей. Проповѣдь ея имѣла успѣхъ. Высшіе классы интересовались рѣдкимъ зрѣлищемъ высокопоставленной дамы-проповѣдницы, шествующей изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, испытывающей лишения, лишь бы распространить свое ученіе, но у нихъ ея успѣхъ былъ временнымъ, моднымъ увлеченіемъ. Гораздо большее вліяніе оказывала она на бѣдные классы: на нихъ сильное впечатлѣніе производилъ ея рѣчи противъ богачей, проповѣдываніе равенства и ея христіанское милосердіе: все, что она имѣла, она раздавала нуждающимся. Такой успѣхъ тревожилъ правительства тѣхъ странъ, гдѣ она поселялась, и ее неоднократно выселяли. Большой успѣхъ имѣли также пророчества баронессы Крюденеръ: она предсказала между прочимъ возвращеніе Наполеона съ Эльбы. Черезъ фрейлину Р. С. Стурдзу съ Крюденеръ, сначала заочно, познакомился и Александръ I. Личное знакомство ихъ произошло удачно для баронессы, въ тотъ моментъ, когда Александръ I, послѣ возвращенія Наполеона направлявшійся къ арміи, остановился въ Гейльброннѣ и случайно вспомнилъ о Крюденеръ: въ это время ему доложили о ея приходѣ. Идеи, высказываемыя г-жей Крюденеръ, вполне отвѣчали мистическому настроенію Александра I. Она послѣдовала за нимъ въ Парижъ, и здѣсь у нихъ происходили ежедневныя бесѣды. Нѣкоторые даже приписываютъ ей большое значеніе въ дѣлѣ образованія Священнаго Союза. Однако, вліяніе, которое баронесса дѣйствительно имѣла на Александра I, было непродолжительно, и ее долгое время не допускали даже пріѣхать въ Петербургъ; когда же она тамъ поселилась, вмѣшательство въ политику (по поводу возстанія Греціи) было причиною ея удаленія изъ столицы. Въ 1824 г. г-жа Крюденеръ поселилась въ Крыму, но вскорѣ скончалась въ Карасу-Базарѣ (25 Декабря). Погребена она въ Коренизѣ, близъ Ялты. Баронесса Крюденеръ оставила сына Павла и дочь Юлію, бывшую замужемъ за барономъ Беркгеймъ.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

La baronne JULIE KRUDENER, 1764—1824, fille du baron Vietinghof, naquit en Livonie le 21 novembre 1764 (v. T. I, N° 172). Après avoir reçu l'éducation mondaine courante, elle épousa à 18 ans le baron Krüdener, diplomate d'un certain âge, qui fut ministre de Russie à Venise, Copenhague et Berlin, et dont elle était la troisième femme. Frivole, avide de plaisirs, ne trouvant pas le bonheur avec ce mari qui n'était plus jeune, elle se lança dans le tourbillon du monde et eut de nombreux adorateurs, attirés par sa beauté et l'originalité de son esprit. Elle portait cependant dès sa tendre jeunesse le germe des sentiments qui se développèrent en elle plus tard: songeant tout à coup, au milieu des plaisirs, qu'il y a des hommes qui souffrent tandis qu'elle s'amuse, elle fait de la charité, et son penchant au mysticisme commence à se donner carrière. En 1789, elle quitte son mari pour aller à Paris; elle y tombe à 25 ans dans un milieu où il était de bon ton d'afficher de mauvaises mœurs, et suit l'exemple général. Elle se lie d'abord avec l'académicien Suard, plus âgé encore que son mari, puis avec le comte de Frégeville, officier de hussards, qui, au cœur de la Révolution, la ramène à son mari. Après quelques années de vie conjugale, nouvelle fugue en 1801, un an seulement avant d'être veuve, et nouveau séjour en France. Elle vit alors dans son salon à Paris la fleur des lettres et du monde, et se mit elle-même à écrire. Son roman autobiographique *Valérie* eut un succès auquel elle ne fut pas étrangère: elle ne craignit pas de déclarer à ses amis que, „pour avoir du succès près du public stupide, il faut absolument du charlatanisme“. Une dernière et malheureuse passion pour le chanteur Garat et des ennuis de toute nature, l'approche de la vieillesse, l'influence de la doctrine de Jung Stilling et des Herrnhoutes amenèrent un changement dans son genre de vie et ses penchants. La frivole mondaine fit place à l'austère prêtresse d'une nouvelle doctrine religieuse. Au début, la vanité fit presque tout: il lui fallait toujours une auréole, de célébrité ou de sainteté, peu importe. Peu à peu cependant, entraînée par son nouveau rôle, elle se crut l'instrument destiné par Dieu à ramener les brebis égarées. Saisie d'une sorte de folie religieuse, elle ne pouvait faire un pas sans y voir une suggestion d'en haut. Elle professait une doctrine analogue à celle des Méthodistes et voisine de l'esprit du socialisme chrétien, celle de la régénération par la grâce divine et de la vie par la charité et la fraternité. Elle eut du succès: les hautes classes s'intéressèrent au spectacle nouveau d'une prêtresse dame du monde allant de ville en ville, de village en village, bravant les privations pour la propagande de sa doctrine; mais là le succès ne fut qu'une affaire de mode. Autrement profonde fut son influence sur les classes pauvres, où ses discours contre les riches, ses idées d'égalité, sa charité chrétienne firent sensation: elle distribuait aux nécessiteux tout ce qu'elle avait. Un tel succès alarma les gouvernements, et elle fut successivement expulsée de plusieurs états. Ses prophéties aussi firent impression: elle prédit, par exemple, le retour de Napoléon de l'île d'Elbe. La demoiselle d'honneur Stourdza la mit aussi en rapports, indirects d'abord, avec Alexandre Ier, auquel elle fut présentée au bon moment: l'Empereur, en marche pour rejoindre l'armée après le retour de Napoléon, s'était arrêté à Heilbronn et était par hasard occupé d'elle, quand elle se fit annoncer. Les idées qu'elle propageait étaient bien en harmonie avec les tendances mystiques d'Alexandre. Elle le suivit à Paris, où ils eurent des entretiens quotidiens. Quelques-uns attribuent même à Mme Krüdener un rôle prépondérant dans l'idée de la Sainte Alliance. Quoi qu'il en soit, l'influence qu'elle eut réellement sur l'Empereur fut de courte durée. Elle fut même longtemps sans avoir l'autorisation de venir à Pétersbourg, d'où elle se fit bientôt expulser pour ses menées politiques au moment du soulèvement de la Grèce. En 1824, elle s'établit en Crimée, mais y mourut le 25 décembre de la même année à Kara-Sou-Bazar. Elle fut inhumée à Koréïz près Yalta. Elle laissait un fils, Paul, et une fille, Julie, mariée au baron Berckheim.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ЮГАННА-ЕКАТЕРИНА БИРОНЪ, герцогиня д'АЧЕРЕНЦА, 1783—1876, третья дочь послѣдняго герцога Курляндскаго Петра Бирона (р. 1724 г., † 1800 г.) отъ третьяго его брака съ графиней Доротеей Медемъ (р. 1761 г., † 1821 г.), родилась 24 Юля 1783 г.; по словамъ Гельбига, она жила при отцѣ въ послѣдніе годы его жизни, но онъ въ то время не годился уже для надзора за молодой, соблазнительной и веселой дочерью. 18 Марта 1801 г. она вышла замужъ за Франциска Пиньятелли ди Бельмонте, герцога д'Ачеренца (Pignatelli di Belmonte, duca d'Acerenza).

Подобно сестрамъ Вильгельминѣ и Доротеѣ, Юганна отличалась выдающеюся красотою, и блиставшія на Вѣнскомъ конгрессѣ принцессы Курляндскія заслужили названіе „трехъ грацій“. О бракѣ своей сестры, принцессы Ачеренца, герцогиня Дино въ своихъ „воспоминаніяхъ“ пишетъ: „Je n'ai jamais pu trouver à ce mariage d'autre raison que l'importunité à laquelle, à seize ans, ma pauvre sœur ne sut pas résister. C'est à ces différens motifs, si peu suffisants pour faire prendre une résolution dans la seule grande question de la vie des femmes, qu'il faut attribuer le peu de bonheur que mes sœurs ont trouvé dans leur intérieur et l'empressement avec lequel elles ont profité des facilités que leur donnaient la religion protestante et les usages de leur pays, pour rompre des nœuds aussi mal assortis que légèrement formés“.

Скончалась принцесса Ачеренца въ глубокой старости, 11 Апрѣля 1876 года.

(Съ миниатюры, принадлежащей графу К. Н. Палену, въ С.-Петербургѣ.)

JEANNE-CATHERINE BIRON, duchesse d'ACERENZA, 1783—1876, troisième fille du dernier duc de Courlande Pierre Biron (1724—1800) et de sa troisième femme la comtesse Dorothée Mehdem (1761—1821), naquit le 24 juillet 1783. Au témoignage d'Helbig, elle fut élevée chez son père, hors d'état sur ses vieux jours de surveiller une jeunesse séduisante et amie du plaisir. Elle épousa le 18 mars 1801 François Pignatelli di Belmonte, duca d'Acerenza.

Comme ses sœurs Wilhelmine et Dorothée, Jeanne était d'une grande beauté: aux solennités du congrès de Vienne, on les appelait les trois Grâces. A propos du mariage de la princesse d'Acerenza, sa sœur la duchesse de Dino dit dans ses Mémoires: „Je n'ai jamais pu trouver à ce mariage d'autre raison que l'importunité à laquelle, à seize ans, ma pauvre sœur ne sut pas résister. C'est à ces différents motifs, si peu suffisants pour faire prendre une résolution dans la seule grande question de la vie des femmes, qu'il faut attribuer le peu de bonheur que mes sœurs ont trouvé dans leur intérieur et l'empressement avec lequel elles ont profité des facilités que leur donnaient la religion protestante et les usages de leur pays, pour rompre des nœuds aussi mal assortis que légèrement formés“.

La princesse d'Acerenza mourut dans une profonde vieillesse le 11 avril 1876.

(D'après une miniature appartenant au comte C. Pahlen, St-Pétersbourg.)

176

Portrait of a man, likely a historical figure, wearing a dark coat and a white cravat.

177

Portrait of a woman, likely a historical figure, wearing a dark dress and a white cravat.

178

Portrait of a woman, likely a historical figure, wearing a dark dress and a white cravat.

Portrait of a woman, likely a historical figure, wearing a dark dress and a white cravat.

169

Юлианна-Екатерина Биронъ, *Jeanne-Catherine Biron,*
герцогиня д'Ачеренца, *Duchesse d'Acerenza,*
1783 — 1876 1783 — 1876

170

М-лле Марсъ *M-lle Mars*
(Анна-Франсуаза-Ипполита Булетъ), *(Anne-Françoise-Hippolyte Boulet),*
1779 — 1847 1779 — 1847

171

Пис. Новиковъ. *Peint par Novikoff*
Евдокія Борисовна Биронъ, *Eudoxie Borissowna Biron,*
герцогиня Курляндская, *Duchesse de Courlande,*
17.. — 1780 17.. — 1780

172

Графиня Наталия Александровна *La Comtesse Natalie Alexandrowna*
Буксгевденъ, *Buxhoeuden,*
1758 — 1808 1758 — 1808

Mlle МАРСЬ (Анна-Франсуаза-Ипполита Бутэ), 1779—1847, дочь известного в свое время актера Монвеля и не менее известной актрисы Mlle Марсь-Бутэ, родилась 9 Февраля 1779 г. и 14 лѣтъ дебютировала въ театрѣ „Фейдо“ (Feydeau), а затѣмъ, покровительствуемая первой въ то время актрисой Mlle Конта, принята была въ „Comédie Française“. Первое время Mlle Марсь не возбуждала такихъ восторговъ, какъ впоследствии: за ней признавали изящество, естественность, хорошее пониманіе своихъ ролей, но ея репертуаръ, преимущественно роли ingénue, не позволялъ вполне развернуться ея таланту. Первый большой успѣхъ она имѣла въ 1803 г. въ „L'Abbé de l'Épée“, въ роли глухонѣмого. Въ 1812 г. Mlle Марсь замѣнила ушедшую со сцены свою покровительницу Mlle Конта, но сохранила и прежнія роли, и теперь получила возможность проявить всѣ разнообразныя стороны своего таланта. Кокетливыя маркизы Мариво никогда не имѣли лучшихъ исполнительницъ, чѣмъ Марсь, и въ то же время она была неподражаема въ высокой комедіи, въ „Tartuffe“ и „Femmes savantes“ Мольера. Такая гибкость таланта и создавала ей безирерывный успѣхъ. Романтическая драма дала ей возможность показать свой талантъ еще съ новой стороны. Она была прекрасной герцогиней Гизъ въ „Henri III et sa cour“ и Донной Соль въ „Hernani“. Казиміръ Делавинъ былъ ей обязанъ успѣхомъ своихъ пьесъ, и даже буржуазныя пьесы Скриба служили поводомъ для новыхъ триумфовъ Марсь. Она оставила сцену 62 лѣтъ, но до конца исполняла молодыя роли съ такимъ совершенствомъ и съ такой иллюзіей, что заставляла зрителей забывать ея годы: она сохранила гибкую талію, звучный голосъ, прекрасную дикцію, а туалеты ея никогда не были такъ хороши, какъ именно въ послѣдніе года. Mlle Марсь первая стала исполнять пьесы Мольера въ соответствующихъ эпохѣ костюмахъ и замѣнила монотонную съ преувеличеннымъ наэосомъ декламацію болѣе простымъ и естественнымъ способомъ выраженія. Въ 1841 г. она простилась съ Парижской публикой, выступивъ въ послѣдній разъ въ роляхъ Селимены въ „Мизантропъ“ и маркизы въ „Fausses confidences“.

Mlle Марсь вела широкій образъ жизни. До старости у нея были многочисленные поклонники, и на своемъ вѣку она разорила многихъ, имѣвшихъ громадныя состоянія. Въ числѣ ея обожателей были и наши соотечественники: пышный и великолѣпный князь Александръ Борисовичъ Куракинъ и князь С. С. Гагаринъ. Самъ Наполеонъ цѣнилъ ее не только какъ актрису, но и какъ женщину, зато и она была рьяной бонапартисткой, что доставляло ей непріятности во время реставраціи. Королевскіе gardes du corps рѣшили однажды ее освидѣтельствовать. Увѣдомленная объ этомъ, Марсь отвѣтила каламбуромъ: „Qu'est-ce que les gardes du corps ont de commun avec Mars“, что еще болѣе раздражило гвардейцевъ. Когда она появилась въ платьѣ, усыяномъ ичелами и фіалками, поднялся шумъ; ее хотѣли заставить воскликнуть: „Vive le roi!“ Марсь долго отказывалась, но, наконецъ, сказала: „Vous me demandez de crier: Vive le roi! eh bien, je l'ai dit“. Однако, Марсь недолго была не въ ладахъ съ Людовикомъ XVIII, а король былъ незлопамятенъ и назначилъ ей пенсію въ 30.000 ливровъ, какъ Тальма. Mlle Марсь владѣла богатымъ отелемъ и великолѣпными брильянтами, которые у нея дважды воры пытались украсть, такъ что она рѣшила ихъ продать. Въ послѣдніе годы она пристрастилась къ биржевой игрѣ, но, несмотря на огромныя потери, оставила около милліона франковъ. Въ своемъ завѣщаніи она простила значительныя суммы своимъ послѣднимъ поклонникамъ, занявшимъ ихъ у нея. Mlle Марсь скончалась 20 Марта 1847 года.

Великолѣпная миниатюра Mlle Марсь, работы Герень, имѣется у княгини В. О. Гагаринной, въ С.-Петербургѣ; она когда-то принадлежала князю С. С. Гагарину.

(Съ миниатюры, принадлежащей князю О. А. Куракину, въ Москвѣ.)

Mlle MARS (Anne-Françoise-Hippolyte Boutet), 1779 — 1847, fille d'une célébrité du temps, l'acteur Monvel, et d'une autre célébrité, l'actrice Mars-Boutet, naquit le 9 février 1779 et débuta à 14 ans au théâtre Feydeau, puis, protégée par la première étoile de l'époque, Mlle Contat, fut admise à la Comédie Française. Elle ne souleva pas au début l'enthousiasme qui suivit; on lui reconnaissait de l'élégance, du naturel, une bonne intelligence de ses rôles, mais son répertoire, surtout dans les ingénues, ne laissait aucun essor à son talent. Son premier grand succès fut le sourd-muet de L'Abbé de l'Epée, en 1803. Tout en conservant ses anciens rôles, elle remplaça en 1812 sa protectrice Mlle Contat, qui quittait la scène, et put alors faire valoir la variété de son talent. Les coquettes marquises de Marivaux n'eurent jamais de meilleures interprètes qu'elle, et en même temps, elle était sans égale dans la grande comédie, Tartuffe et Les Femmes savantes. Ce fut cette souplesse qui lui assura un succès ininterrompu. Le drame romantique mit encore en lumière une nouvelle face de son talent; elle fut parfaite comme duchesse de Guise dans Henri III et sa Cour, et comme dona Sol d'Hernani. Casimir Delavigne lui dut le succès de ses pièces, et la comédie bourgeoise de Scribe même lui valut de nouveaux triomphes. Elle avait 62 ans quand elle quitta la scène, mais remplit jusqu'au bout les jeunes rôles avec une perfection qui faisait complètement illusion sur l'âge: elle avait conservé sa taille fine, sa voix sonore, sa remarquable diction, et n'eut jamais de si belles toilettes que dans les derniers temps. Elle fut la première à jouer Molière en costume de l'époque et à substituer à la monotone déclamation et au pathos boursoufflé, alors traditionnels, un débit plus simple et plus naturel. Elle fit ses adieux au public parisien en 1841, dans Célime du Misanthrope et la marquise des Fausses confidences.

Mlle Mars menait grand train. Elle eut jusque sur ses vieux jours de nombreux adorateurs, et dévora bien des grosses fortunes. Il y eut aussi des victimes parmi nos compatriotes; citons le splendide et magnifique prince Alexandre Kourakine et le prince S. Gagarine. Napoléon lui-même l'apprécia non seulement comme artiste, mais comme femme; aussi était-elle enragée bonapartiste, ce qui lui causa des ennuis à la Restauration. Les gardes du corps de Louis XVIII ayant un jour comploté de la siffler: „Qu'est-ce que les gardes du corps ont de commun avec Mars?“ dit-elle. Sa toilette parsemée d'abeilles et de violettes provoqua du tumulte; on voulut la faire crier: „Vive le Roi!“ Elle se défendit longtemps, puis finit par dire: „Vous me demandez de crier: „Vive le Roi!“ Eh bien, je l'ai dit!“ Pourtant elle ne tarda pas à se mettre bien avec Louis XVIII, qui, sans rancune, lui fit une pension de 30.000 livres, comme à Talma. Elle avait un riche hôtel et de superbes bijoux, qu'on tenta deux fois de lui voler et qu'elle se décida à vendre. Prise sur ses vieux jours de la passion du jeu, elle fit des pertes considérables à la Bourse, mais n'en laissa pas moins près d'un million. Elle fit par testament remise à ses derniers adorateurs de grosses sommes qu'elle leur avait prêtées. Elle mourut le 20 mars 1847.

La princesse V. Gagarine, à St-Pétersbourg, possède une splendide miniature de Mlle Mars, par Guérin, ayant appartenu au prince S. Gagarine.

(D'après une miniature appartenant au prince Th. Kourakine, Moscou.)

Герцогиня Курляндская **ЕВДОКІЯ БОРИСОВНА БИРОНЪ**, 17..—1780, старшая дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Бориса Григорьевича Юсупова (р. 1695 г., † 1759 г.) отъ брака съ Ириной Михайловной Зиновьевой, съ 1774 г. вторая супруга Петра Бирона, герцога Курляндскаго. Бракъ этотъ былъ устроенъ Императрицей Екатериной II, надѣявшейся, что онъ послужитъ къ укрѣпленію связей между Курляндіей и Россіей и къ смягченію дикаго характера герцога, такъ какъ молодая княжна Юсупова отличалась красотой и высокими душевными качествами. Дѣйствительно, герцогиня Евдокія Борисовна своей обходительностью сумѣла въ средѣ Курляндскаго дворянства пріобрѣсти сторонниковъ Россіи, и даже герцогъ Петръ, вѣчно пьяный, первое время подчинялся вліянію своей второй супруги, но вскорѣ снова далъ полную волю своимъ страстямъ и дурнымъ наклонностямъ, и Евдокіи Борисовнѣ, какъ и ея предшественницѣ, пришлось много вытерпѣть отъ мужа.

Приглашенная въ Петербургъ на бракосочетаніе Цесаревича Павла Петровича съ Маріей Ѳеодоровной, она не вернулась больше въ Мптаву. Бракъ вскорѣ былъ расторгнутъ, и герцогъ при жизни обѣихъ своихъ, первой и второй, женъ вступилъ въ третій бракъ. Евдокія Борисовна скончалась 8 Іюля 1780 г. и погребена въ Александро-Невской лаврѣ, въ палаткѣ при церкви Св. Духа.

(Съ портрета Новикова, собственность княгини З. Н. Юсуповой, с. Архангельское, Московской губ.)

La duchesse de Courlande EUDOXIE BORISSOWNA BIRON, 17...—1780, fille aînée du prince Boris Grigoriewitch Youssoupoff (1695—1759), conseiller privé actuel, et d'Irène Mikhaïlowna, née Zinovieff, devint en 1774 la seconde femme du duc de Courlande Pierre Biron. Catherine II, en faisant ce mariage, comptait rapprocher la Courlande de la Russie et adoucir le caractère intraitable du duc, en raison de la beauté et des hautes qualités de la jeune princesse. Effectivement le charme de la nouvelle duchesse gagna bien dans la noblesse courlandaise quelques cœurs à la Russie, et le duc lui-même, ivrogne invétéré, subit d'abord son heureuse influence, mais il recommença bientôt à lâcher la bride à ses passions et à ses mauvais instincts, et fit la vie dure à sa seconde femme, comme à la première.

Venue à Pétersbourg pour le mariage du Césarewitch Paul avec Marie de Wurtemberg, elle ne retourna pas à Mitau. Un divorce intervint, et le duc se remaria en troisièmes noces du vivant de ses deux premières femmes. La duchesse mourut le 8 juillet 1780, et fut inhumée au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'annexe de l'église du Saint-Esprit.

(D'après un original de Novikoff, appartenant à la princesse Z. Youssoupoff, Arkhangelskoïé, gouv. de Moscou.)

Графиня НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА БУКСГЕВДЕНЪ, 1758—1808, по документамъ архива Смольнаго института, является старшей дочерью полковника Александра Ивановича Алексѣева († 1776 г.), женатаго на Агаѣѣ Васильевнѣ Пушиной. Въ одномъ изъ нихъ И. И. Бецкій, въ Январѣ 1767 г., упоминаетъ Адама Васильевича Олсуфьева о повелѣніи Императрицы, чтобы на содержаніе „отданной отъ Ея Величества въ Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ полковника Алексѣева дочери, дѣвицы Наталіи, доколѣ тамъ пробудетъ, было изъ Кабинета съ начала 1767 г. ежегодно отпускаемо по 400 рублей“. Другой документъ—прошеніе Алексѣева, отъ 31 Марта 1767 г., о принятіи въ Смольный институтъ двухъ дочерей его, Елизаветы (р. 1761 г.) и Екатерины (р. 1762 г.), восприемниками коихъ при крещеніи были сынъ его, „кадетъ Иванъ, и дочь Наталія“. Сопоставляя эти документы съ другими фактами, а именно, что возрастъ для поступленія въ Смольный определенъ былъ не ниже 6 лѣтъ, что Наталья окончила курсъ съ 1-мъ выпускомъ въ 1776 г., тогда какъ сестра ея Елизавета была выпущена въ 1779 г., можно заключить, что Наталья Алексѣева родилась не ранѣе 1758 года.

По словамъ Гельбига, имѣвшего возможность во время пребыванія своего въ Россіи быть хорошо осведомленнымъ, Н. А. Алексѣева считалась многими за дочь графа Григорія Григорьевича Орлова. На чемъ основано сообщаемое Хмыровымъ свѣдѣніе, что она была дочь Орлова и Екатерины II—совершенно неизвѣстно. Въ вышедшей въ 1896 г. на нѣмецкомъ языкѣ біографіи Ѳ. И. Клингера, мужа Елизаветы Александровны Алексѣевой, встрѣчается указаніе на то, что она и сестра ея, графиня Н. А. Буксгевденъ, были дочерьми Григорія Орлова отъ княгини Елены Степановны Куракиной, рожденной Аираксиной (р. 1735 г., † 1769 г.), романъ которой съ Орловымъ былъ въ полномъ разгарѣ въ 1759 и 1760 гг. и обратилъ впервые вниманіе Великой Княгини Екатерины Алексѣевны на его героя.

О молодости Натальи Алексѣевой имѣются очень скудныя свѣдѣнія. Особенными успѣхами въ наукахъ она не отличалась и при выпускѣ въ 1776 г. не получила ни вензеля, ни медали, ни похвального отзыва. По выпускѣ изъ института, Наталья Алексѣева, „съ другими дѣвицами изъ монастыря“, 20 Октября 1776 г. была приглашена къ столу Императрицы. Въ это время она уже была невѣстою молодого и небогатаго адъютанта Орлова, Фридриха-Вильгельма Буксгевдена. Обрученіе ихъ состоялось 27 Октября 1776 г. и свадьба была назначена на Ноябрь мѣсяцъ, но на другой день послѣ помолвки невѣста получила извѣстіе о кончинѣ ея отца, полковника Алексѣева, и свадьба была отложена. Бракосочетаніе совершилось 29 Января 1777 г. въ домѣ графа Г. Г. Орлова (Мраморный дворецъ).

По свидѣтельству Гельбига, Н. А. Буксгевденъ еще въ началѣ 1790-хъ годовъ была прелестною блондинкою и славилась, какъ превосходная жена. Тѣсная дружба ея съ Е. И. Нелидовой, завязавшаяся еще въ Смольномъ, не прекращалась до самой ея смерти. Ей обязаны были супруги Буксгевдены какъ своимъ возвышеніемъ при дворѣ Павла и оказываемымъ имъ Императоромъ вниманіемъ, такъ и постигшею ихъ внезапной опалой. Графиня Буксгевденъ имѣла, по словамъ современника, „между многими хорошими свойствами, одно дурное—высказывать все, что у нея было на умѣ“. Послѣдствіемъ этого было совершенно неожиданное приказаніе 24 Августа 1798 г. покинуть столицу въ 48 часовъ. Графиня Буксгевденъ тотчасъ же выѣхала въ Лигово, куда вскорѣ за ней послѣдовалъ получившій отставку мужъ, послѣ чего семейство Буксгевденовъ переселилось въ замокъ Лоде, близъ Гапсала, перешедшій къ нимъ отъ князя Г. Орлова; туда же переселилась и Нелидова. Графиня Н. А. Буксгевденъ скончалась въ Іюль 1808 г. въ замкѣ Лоде; мужъ перевезъ ея тѣло въ Лигово, гдѣ гробъ ея до сихъ поръ можно видѣть въ скленѣ построенной имъ въ ея память православной „Буксгевденской“ церкви.

Графиня Н. А. Буксгевденъ, кромѣ умершихъ въ малолѣтствѣ сыновей Григорія (1777—1778), Петра (1784—1788) и Павла (1789—1790), имѣла еще двухъ сыновей: графа Александра (1783—1839; камергера, женатаго на баронессѣ Делингсгаузенъ) и графа Петра (р. 1784 г.; женатаго: 1) на баронессѣ Арк. И. Черкасовой и 2) на княжнѣ А. Б. Черкасской), и трехъ дочерей: Софію (1778—1830; за А. И. Нелидовымъ), Марію (1780—1836; за статскимъ совѣтникомъ Майдель) и Наталію (р. 1782 г.; за барономъ Унгернъ-Штернбергомъ).

(Съ портрета, принадлежащаго графу А. Ѳ. Буксгевдену, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse NATALIE ALEXANDROWNA BUXHÆWDEN, 1758—1808, d'après des documents conservés aux archives de l'Institut Smolna, était la fille aînée du colonel Alexandre Ivanowitch Alexéeff († 1776) et d'Agathe Vassiliowna, née Pouchtchine. Un de ces documents est une pièce adressée par Betzky en janvier 1767 à A. Olsoufieff pour l'informer que, par ordre de l'Impératrice, „les frais d'entretien de la jeune Natalie, fille du colonel Alexéeff, mise par Sa Majesté à la Maison d'éducation des Jeunes Filles Nobles, seraient, à partir de ce moment et pour toute la durée de ses études, couverts par le Cabinet à raison de 400 roubles par an“. Un autre document est une demande d'admission à Smolna, déposée le 31 mars 1767, par Alexéeff en faveur de ses deux filles, Elisabeth (née 1761) et Catherine (née 1762), tenues sur les fonts baptismaux par son fils, „le cadet Ivan, et sa fille, Natalie“. Sachant d'ailleurs que la limite d'âge inférieure pour l'entrée à Smolna était de 6 ans, que Natalie sortit dans la première promotion en 1776 et sa sœur Elisabeth en 1779, on est amené à conclure que la jeune fille naquit au plus tôt en 1758.

Au témoignage d'Helbig, qui put être bien renseigné pendant son séjour en Russie, beaucoup la croyaient fille du comte Grégoire Orloff. Sur quoi se fonde Khmyroff pour la dire fille d'Orloff et de Catherine II, on n'en sait rien. A en croire une biographie de Th. Klinger, mari de sa sœur Elisabeth, publiée en allemand en 1896, elles seraient toutes deux filles de Grégoire Orloff et de la princesse Hélène Stépanowna Kourakine, née Apraxine (1735—1769), dont le roman avec Orloff battait son plein en 1759 et 1760 et fut ce qui attira sur le comte l'attention de la Grande-Duchesse Catherine Alexéowna.

Sur la jeunesse de Natalie Alexéeff on n'a que peu de renseignements. Ses études n'eurent rien de brillant, et elle sortit de Smolna en 1776, sans chiffre, médaille ni témoignage de satisfaction. Le 20 octobre suivant, elle fut invitée, „avec d'autres jeunes filles du couvent“ à la table de l'Impératrice. A ce moment, elle était déjà promise à un jeune officier sans fortune, aide de camp d'Orloff, Frédéric-Guillaume Buxhæwden. Les fiançailles eurent lieu l'année même, le 27 octobre, et le mariage était fixé au mois de novembre, quand le lendemain la jeune fille reçut la nouvelle de la mort de son père, le colonel Alexéeff, et la cérémonie fut ajournée: elle eut lieu le 29 janvier 1777 chez le comte G. Orloff (au Palais de Marbre).

Helbig nous représente encore la comtesse Buxhæwden, peu après 1790, comme une charmante blonde et une épouse modèle. Elle s'était liée à Smolna avec Mlle Nélidoff d'une étroite amitié, qui dura toute sa vie et à laquelle les Buxhæwden durent aussi bien leur élévation à la Cour de Paul et la faveur de S. M., que la disgrâce subite qui suivit. „Entre nombre de bonnes qualités“, dit un contemporain, la comtesse „en avait une mauvaise, celle de dire tout ce qui lui passait par la tête“, et c'est ainsi qu'elle reçut le 24 août 1798, sans s'y être nullement attendue, l'ordre de quitter la capitale dans les quarante-huit heures. Elle partit immédiatement pour Ligovo, où son mari, mis à la retraite, vint la rejoindre, et de là la famille alla se fixer au château de Lodé, près Hapsal, don du comte G. Orloff. Mlle Nélidoff y partagea leur retraite. La comtesse y mourut en juillet 1808; son mari ramena sa dépouille à Ligovo, où elle repose encore aujourd'hui dans la crypte de l'église orthodoxe Buxhæwden qu'il érigea à sa mémoire.

Outre trois fils morts en bas âge, Grégoire (1777—1778), Pierre (1784—1788) et Paul (1789—1790), la comtesse Buxhæwden eut deux autres fils, Alexandre (1783—1839), chambellan, marié à la baronne Dellingshausen, et Pierre (né 1784), qui épousa en premières noces la baronne A. Tcherkassoff et en secondes noces la princesse A. Tcherkassky, et trois filles, Sophie (1778—1830), mariée à A. Nélidoff, Marie (1780—1836) au conseiller d'état Maidel, et Natalie (née 1782) au baron d'Ungern-Sternberg.

(D'après un original appartenant au comte A. Buxhæwden, St-Petersbourg.)

НИЛЬСЪ РОЗЕНКРАНЦЪ (Niels Rosenkrantz), 1757—1824, изъ древняго датскаго аристократическаго рода, сынъ коменданта крѣпости Фордогусъ (Vardöhus), въ Норвегіи, Отто-Карла, родился въ Ойестадѣ (Ojestad), въ Норвегіи, 9 Сентября 1757 года; 13 лѣтъ онъ поступилъ въ Кадетскую школу (Landkadet skole) и въ 1773 г. назначенъ пажемъ къ кронпринцу Фридриху (король Фридрихъ VI); произведенный въ 1776 г. въ офицеры, въ кавалерію, въ 1782 г. Розенкранцъ, въ званіи камеръ-юнкера, перешелъ на дипломатическую службу. Сначала, въ теченіе 4 лѣтъ, онъ состоялъ секретаремъ миссій въ Гагѣ, Петербургѣ и Стокгольмѣ, а въ 1787 г. назначенъ министромъ-резидентомъ въ Варшаву: черезъ 2 года онъ былъ командированъ къ посольству въ С.-Петербургъ и въ Октябрѣ 1790 г. назначенъ здѣсь чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ. Въ Россіи онъ оставался недолго, хотя и женился въ Петербургѣ на дочери генераль-прокурора князя А. А. Вяземскаго, княгинѣ Варварѣ Александровнѣ (р. 22 Мая 1774 г., † 9 Октября 1849 г.); именно слабое здоровье жены заставило Розенкранца поселиться въ Италіи, гдѣ супруги прожили 1794 и 1795 года. Послѣ того Розенкранцъ былъ назначенъ посланникомъ въ Берлинъ и участвовалъ на Раштадтскомъ конгрессѣ (1798/9 г.). Въ Іюнѣ 1800 г. онъ снова вернулся въ Петербургъ, гдѣ ему поручено веденіе переговоровъ о возобновленіи договора о вооруженномъ нейтралитетѣ, который и былъ заключенъ 16 Декабря 1800 г.; перемена во взглядахъ Павла I повлекла за собой 1 Января 1801 г. изгнаніе всего Датскаго посольства изъ С.-Петербурга, что тогда объясняли личнымъ нерасположеніемъ Императора къ Розенкранцу, или придворными интригами. Пробывъ годъ посланникомъ въ Стокгольмѣ, въ Мартѣ 1802 г. Розенкранцъ былъ въ 3-й разъ аккредитованъ при Петербургскомъ дворѣ и пробылъ на этотъ разъ до Февраля 1804 года. Затѣмъ онъ былъ посланникомъ въ Берлинъ и 2 раза ѣздилъ чрезвычайнымъ посломъ въ Парижъ; 27 Апрѣля 1810 г. Розенкранцъ былъ назначенъ министромъ Иностранныхъ дѣлъ, съ чиномъ тайнаго статсъ-министра, каковой постъ сохранялъ до конца жизни. Назначеніе это вызвало какъ всеобщее, такъ и лично его самого удивленіе: Розенкранцъ не отличался ни изящной наружностью, ни манерами, не интересовался ни наукою, ни искусствомъ, и недостатокъ его образованія отражался на его стилѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ отличался честнымъ и откровеннымъ характеромъ, никогда не заботился о своихъ личныхъ интересахъ или о своей карьерѣ; кромѣ того, онъ былъ дальновидный и тонкій дипломатъ, который не могъ, однако, всецѣло быть полезнымъ своей родинѣ, благодаря упрямству короля Фридриха VI, не раздѣлявшаго прозорливости своего министра. При немъ Данія утратила Норвегію, между тѣмъ Розенкранцъ ясно предвидѣлъ результаты борьбы Россіи съ Наполеономъ и горячо настаивалъ на союзѣ съ первой, а на Вѣнскомъ конгрессѣ, опасаясь случившейся поспѣшности потери Шлезвига и Гольштейна, старался обезпечить Даніи безопасность этихъ областей.

Розенкранцъ скончался отъ удара 6 Января 1824 г., не оставивъ потомства. Супруга его, Варвара Александровна, оставила послѣ себя лучшія воспоминанія среди Датскаго общества: она отличалась образованіемъ и интересомъ къ литературѣ; ея салонъ, гдѣ собиралось высшее общество и тогдашнія свѣтила науки и искусства, пріобрѣлъ названіе Копенгагенскаго „Hôtel de Rambouillet“; самъ король очень цѣнилъ ея общество; она навсегда осталась въ Даніи, гдѣ и умерла 9 Октября 1849 года.

Портреты какъ самого Розенкранца, такъ и его супруги находятся въ Датскомъ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ; съ нихъ существуютъ гравюры и литографіи.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

NIELS ROSENKRANTZ, 1757—1824, de vieille aristocratie danoise, fils d'Otto-Charles Rosenkrantz, commandant de la forteresse de Vardöhus (Norvège), naquit à Ojestad (Norvège) le 9 septembre 1757. Entré à 13 ans à l'Ecole des Cadets (Landkadet Skole), il devint en 1773 page du prince héritier Frédéric (le Roi Frédéric VI), puis, officier de cavalerie en 1776, il passa en 1782, alors gentilhomme de la chambre, au service diplomatique. Après avoir été quatre ans secrétaire des missions de La Haye, St-Petersbourg et Stockholm, il fut nommé en 1787 ministre-résident à Varsovie. Deux ans plus tard, il fut attaché à l'ambassade de Pétersbourg, et là, en octobre 1790, fait envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire. Il ne resta que peu de temps en Russie, bien qu'il y eût épousé la princesse Varvara (22 mai 1774—9 octobre 1849), fille du prince Alexandre Viazemsky, procureur général: la santé de sa femme l'obligea à se rendre en Italie, où ils passèrent les années 1794 et 1795. Rosenkrantz fut ensuite nommé ministre à Berlin et siégea au congrès de Rastadt (1798/1799). De retour à St-Petersbourg en juin 1800, il fut chargé des négociations pour le renouvellement du traité de neutralité armée, qui fut conclu le 16 décembre 1800. Mais Paul Ier eut ensuite un revirement d'idées, et, le 1er janvier 1801, chassa de Pétersbourg toute la mission danoise, ce qui fut attribué sur le moment à une animosité personnelle de l'Empereur contre Rosenkrantz ou à des intrigues de Cour. Après une année passée comme ministre à Stockholm, Rosenkrantz fut pour la troisième fois, en mars 1802, accrédité à Pétersbourg, et y resta cette fois jusqu'en février 1804. Il fut ensuite ministre à Berlin, et alla deux fois à Paris comme envoyé extraordinaire; il fut alors nommé, le 27 avril 1810, ministre des affaires étrangères avec le titre de ministre d'état privé, et resta à ce poste toute sa vie. Cette nomination fit la surprise générale, et la sienne en particulier: il n'avait pour lui ni le physique, ni les manières, ni le goût des sciences ou des arts, et son style se ressentait de son insuffisance d'instruction. Mais c'était un caractère loyal et franc, complètement étranger aux considérations d'intérêt personnel ou de carrière; ce fut de plus un diplomate prévoyant et fin, mais qui se heurta, dans ses efforts pour le bien de son pays, à l'obstination moins avisée de son roi: c'est sous Frédéric VI que le Danemark perdit la Norvège; or Rosenkrantz, prévoyant nettement le résultat de la lutte de la Russie avec Napoléon, s'était instamment prononcé pour une alliance russe, et, redoutant aussi, un demi-siècle à l'avance, la séparation du Schleswig-Holstein, avait tenu à faire garantir au Danemark par le congrès de Vienne l'intégrité de ces provinces.

Rosenkrantz mourut d'une attaque d'apoplexie le 6 janvier 1824, sans postérité. Sa femme laissa le meilleur souvenir dans la société danoise; avec son instruction, elle avait le goût des lettres, et son salon, rendez-vous de la haute société et des célébrités scientifiques et artistiques de l'époque, était réputé comme l'Hôtel de Rambouillet de Copenhague; le Roi lui-même appréciait fort sa société. Devenue veuve, elle resta pour toujours en Danemark, et y mourut le 9 octobre 1849.

Le ministère des affaires étrangères de Copenhague possède le portrait de Rosenkrantz et celui de sa femme; il en existe des gravures et des lithographies.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

173

Баронъ Нильсъ
Розенкранцъ,
1757 — 1824

*Le Baron Niels
Rosenkrantz,
1757 — 1824*

174

Графъ Густавъ-Маурикій
Армфельтъ,
1757 — 1814

*Le Comte Gustave-Maurice
Armfelt,
1757 — 1814*

175

Анна-Юліана
Бенкендорфъ,
1758 — 1797

*Anne-Julienne
Benckendorff,
1758 — 1797*

176

Юлія Федоровна
Адлербергъ,
1760 — 1839

*Julie Fedorowna
Adlerberg,
1760 — 1839*

Графъ ГУСТАВЪ-МАВРИКІЙ МАКСИМОВИЧЪ АРМФЕЛЬТЪ, 1757—1814, шведъ по рожденію, довѣренное лицо короля Густава III, пріобрѣвшее полное вліяніе на этого монарха, родился 1 Апрѣля 1757 г. въ г. Юувѣ, Абоской губерніи; Армфельтъ сдѣлался въ Россіи извѣстенъ своими стараніями по заключенію Швеціей съ Россіей въ 1790 году Верельскаго мира, обратившими на него вниманіе Императрицы Екатерины II, которая въ благодарность за этотъ миръ пожаловала Армфельту орденъ св. Александра Невскаго и затѣмъ св. Андрея Первозваннаго. Ловкій и способный, но очень честолюбивый и пронырливый, Армфельтъ долженъ былъ удалиться отъ дѣлъ послѣ убійства короля Густава III. Заочно приговоренный къ смертной казни за тайныя сношенія съ Россіей, онъ бѣжалъ изъ Швеціи, желая поступить на русскую службу, но ему было разрѣшено лишь жить въ Калугѣ. Тогда онъ переѣхалъ въ Германію. Въ 1799 г. Густавъ IV вернулъ другу своего отца баронство и всѣ права и назначилъ посломъ въ Вѣну, съ чиномъ генерала-отъ-инфантеріи. Позднѣе онъ былъ президентомъ Военной коллегіи, а въ 1806 и 1807 гг. Армфельтъ совершилъ нѣсколько удачныхъ походовъ въ Померанію, въ качествѣ шведскаго главнокомандующаго; потомъ дѣйствовалъ безъ успѣха въ Норвегіи. Когда Густавъ IV въ 1809 году былъ лишенъ престола, баронъ Армфельтъ вышелъ въ отставку, но, не чувствуя себя въ безопасности на родинѣ, перешелъ въ 1811 г. окончательно на русскую службу, принявъ русское подданство. Императоръ Александръ I, зная его большое вліяніе во вновь пріобрѣтенной Финляндіи и цѣня его способности, назначилъ Армфельта 3 Апрѣля 1812 г. членомъ Государственнаго Совѣта, далъ ему чинъ генерала-отъ-инфантеріи и возвелъ 6 Сентября 1812 г. въ графское достоинство Великаго Княжества Финляндскаго.

Исполняя обязанности докладчика по финляндскимъ дѣламъ, Армфельтъ много сдѣлалъ для пріобрѣтеннаго Россіей края по его благоустройству, развитію промышленности и распространенію просвѣщенія; Финляндіа ему обязана сохраненіемъ своихъ привилегій. Въ 1812 г. Армфельтъ сопровождалъ Государя въ Дрисскій лагерь, гдѣ его голосъ сливался съ мнѣніями прочихъ иностранцевъ, старавшихся пріобрѣсти вліяніе на ходъ военныхъ событій. Активной роли во время Отечественной войны Армфельтъ нигдѣ не игралъ и самъ предпочиталъ заниматься финляндскими дѣлами. Онъ умеръ внезапно, въ Царскомъ Селѣ, 7 Августа 1814 года.

Графъ Армфельтъ былъ женатъ на графинѣ Гедвигѣ Понтусовнѣ Делагарди (статсъ-дама, † 1832 г.), отъ которой имѣлъ двухъ сыновей: Густава, генералъ-лейтенантъ и членъ Финляндскаго сената, и Александра, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта, министръ-статсъ-секретарь Финляндіи.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le comte GUSTAVE-MAURICE MAXIMOWITCH ARMFELT, 1757—1814, suédois de naissance, homme de confiance du roi Gustave III, sur lequel il avait pris un ascendant complet, naquit le 1er avril 1757 à Jyova, province d'Abo. Il se fit connaître en Russie par sa collaboration assidue au traité de Verel avec la Suède en 1790, qui lui valut, avec la reconnaissance de Catherine II, St-Alexandre Newsky, puis St-André. Habile et capable, mais très ambitieux et insinuant, il dut rentrer dans la vie privée après le meurtre de Gustave III. Condamné à mort par contumace pour relations secrètes avec la Russie, il quitta la Suède avec l'intention d'entrer au service russe, mais n'obtint que l'autorisation de résider à Kalouga, et passa alors en Allemagne. En 1799, Gustave IV restitua à l'ami de son père son titre de baron et tous ses droits, le fit général d'infanterie et le nomma ambassadeur à Vienne. Il devint ensuite président du Collège Militaire, puis fit en 1806 et 1807 plusieurs campagnes heureuses en Poméranie comme commandant en chef des troupes suédoises, et opéra sans succès en Norvège. Quand Gustave IV fut déposé en 1809, il prit sa retraite, mais, ne se sentant pas en sûreté dans son pays, se fit naturaliser russe en 1811 et prit du service en Russie. Alexandre Ier, en raison de ses capacités et de la grande influence qu'il lui connaissait dans la Finlande récemment conquise, le fit le 3 avril 1812 membre du Conseil de l'Empire, général d'infanterie, et, le 6 septembre 1812, comte du Grand-Duché de Finlande.

Rapporteur des affaires de Finlande, Armfelt fit beaucoup pour l'organisation, l'industrie et l'instruction dans la nouvelle province, qui lui dut le maintien de ses privilèges. En 1812, il accompagna l'Empereur au camp de Drissa, où il fit chorus avec les autres étrangers avides d'influer sur la marche des événements militaires. Il ne joua aucun rôle actif dans la Guerre Patriotique, et préféra lui-même s'occuper des affaires de Finlande. Il mourut subitement à Tzarskoïé-Sélo le 7 août 1814.

Le comte Armfelt avait épousé la comtesse Hedwige Delagardie († 1832), dame d'honneur, dont il eut deux fils, Gustave, général lieutenant et membre du Sénat finlandais, et Alexandre, conseiller privé actuel, membre du Conseil de l'Empire, ministre secrétaire d'état de Finlande.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

АННА-ЮЛИАНА БЕНКЕНДОРФЪ, 1758—1797, рожденная баронесса Шиллинг-фонъ-Канштадтъ, подруга дѣтства Императрицы Маріи Ѳеодоровны, прибыла въ Россію въ 1781 году и здѣсь вскорѣ вышла замужъ за состоявшаго при дворѣ Великаго Князя Павла Петровича подполковника Христофора Ивановича Бенкендорфа (р. 30 Іюля 1742 г., † 10 Іюня 1823 г.). Г-жа Бенкендорфъ обладала большимъ умомъ и сильнымъ характеромъ и имѣла значительное вліяніе на свою царственную подругу, особенно въ смыслѣ постояннаго подогрѣванія ея нѣмецкихъ симпатій. Довѣріе Маріи Ѳеодоровны къ Бенкендорфъ было такъ велико, что самъ Великій Князь Павелъ Петровичъ считалъ ее главной виновницей семейныхъ своихъ разногласій съ супругой, во время фавора Неллидовой. Императрица Екатерина II также съ недовѣріемъ смотрѣла на пріятельницу Цесаревны, и въ Августѣ 1791 года Бенкендорфъ, вмѣстѣ съ мужемъ, удалена была отъ двора въ Дерптъ и лишилась пенсій, которую получала отъ Великаго Князя со времени своей свадьбы; по приказанію Павла, даже приняты были мѣры къ прекращенію переписки между его супругой и г-жей Бенкендорфъ. Подругѣ Маріи Ѳеодоровны, можно сказать, не суждено было дожить до того времени, когда она могла бы увѣдѣть ее императрицей: г-жа Бенкендорфъ умерла 11 Марта 1797 г., вскорѣ по вступленіи на престолъ Императора Павла, въ изгнаніи, въ Дерптѣ.

Заботу о дѣтяхъ Юліаны Бенкендорфъ приняла на себя Императрица Марія Ѳеодоровна; два ея сына: Александръ (р. 1784 г., † 1844 г.; впоследствии шефъ жандармовъ, съ 8 Ноября 1832 г.—графъ; титулъ переданъ его племяннику) и Константинъ (р. 1785 г., † 1828 г.; впоследствии генераль-адъютантъ), помѣщены были въ пансіонъ аббата Николя, а двѣ дочери—въ Смольный институтъ; изъ нихъ прославилась на дипломатическомъ поприщѣ Дарья Христофоровна, вышедшая замужъ за князя Х. А. Ливена; ея сестра Марія была въ замужствѣ за генераль-лейтенантомъ И. Е. Шевпчемъ.

(Съ миниатюры изъ собраній Гатчинскаго дворца.)

ANNE-JULIENNE BENCKENDORF, 1758—1797, née baronne Schilling von Kannstadt, amie d'enfance de l'Impératrice Marie Féodorowna, vint en Russie en 1781 et y épousa peu après le lieutenant-colonel Christophe Benckendorf (30 juillet 1742—10 juin 1823), attaché à la Cour du Grand-Duc Paul. Personne d'un grand esprit et d'une grande force de caractère, elle eut une influence considérable sur son Impériale amie, surtout par l'encouragement continuel qu'elle donnait à ses sympathies allemandes, à tel point que le Grand-Duc lui-même la considéra comme l'auteur principal des malentendus qui troublèrent son intérieur durant la faveur de Mlle Nélidoff. Catherine II ne l'aimait pas non plus, et, en août 1791, elle dut quitter la Cour avec son mari pour se retirer à Dorpat, renoncer à la pension que lui faisait le Grand-Duc depuis qu'elle était mariée, et s'interdire même toute correspondance avec la Grande-Duchesse. Elle put à peine la connaître Impératrice, car elle mourut dans son exil à Dorpat le 11 mars 1797, peu de mois après l'avènement de Paul.

Mme Benckendorf laissait quatre enfants, dont se chargea l'Impératrice Marie: les deux fils furent mis en pension chez l'abbé Nicolle, et les deux filles à Smolna. Alexandre (1784—1844) devint chef des gardes et reçut le 8 novembre 1832 le titre de comte, qui passa à son neveu, et Constantin (1785—1828) fut plus tard général aide de camp. Des deux filles, l'une, Daria, devint célèbre dans la carrière diplomatique, en épousant le prince Ch. Lieven, et l'autre, Marie, épousa le général lieutenant I. Chéwitch.

(D'après une miniature du Palais de Gatchina.)

ЮЛІЯ ФЕДОРОВНА АДЛЕРБЕРГЪ, 1760—1839, изъ остзейскихъ дворянъ, дочь маинрихтера Фридриха-Вильгельма Багговута, женатаго на Шарлоттъ-Элеоноръ фонъ-Розенталь, родная сестра генерала К. Ф. Багговута, убитаго подъ Тарутинымъ, родилась въ Ревелѣ 15 Октября 1760 года; 25 Сентября 1786 года вышла замужъ за вдовца полковника Густава-Фридриха (Федора Яковлевича) Адлерберга (р. 1738 г., † 1794 г.), который имѣлъ уже 4 сыновей отъ перваго брака (съ 23 Марта 1766 г. съ ея родственницей Анной-Маріей Багговутъ, р. 25 Января 1738 г., † 29 Января 1783 г.). По смерти мужа, убитаго на Кавказѣ въ 1794 году, Юлія Федоровна, по рекомендаціи главной воспитательницы Великихъ Княженъ Шарлотты Карловны Ливенъ, приглашена была къ нимъ въ качествѣ гувернантки, и своими педагогическими способностями обратила на себя вниманіе Императрицы Маріи Федоровны. По ея желанію, „полковница Адлербергъ“ въ 1802 г. заняла освободившееся за уходомъ Е. А. Пальменбахъ мѣсто начальницы Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ (Смольный институтъ).

Въ теченіе 37-и лѣтъ своей дѣятельности на этомъ мѣстѣ, Юлія Федоровна пріобрѣла особое довѣріе Императрицы Маріи Федоровны, которая, въ случаѣ болѣзни Адлербергъ, лично „исполняла ея обязанности“ въ Смольномъ. Привязанность Императрицы къ Адлербергъ отразилась на участи ея единственнаго сына Владиміра Федоровича Адлерберга (р. 18 Ноября 1792 г., † 8 Марта 1884 г.), сверстника и товарища дѣтства Императора Николая Павловича: Владиміръ Федоровичъ получилъ впослѣдствіи (1 Юля 1847 г.) графскій титулъ и занималъ (съ 1852 г.) должность министра Императорскаго двора; дочь Ю. Ф. Адлербергъ, Юлія, была въ замужствѣ за графомъ Т. О. Барановымъ. 22 Юля 1835 года Императоръ Николай пожаловалъ Ю. Ф. Адлербергъ въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины I класса. Скончалась она, въ глубокой старости, въ Сентябрѣ 1839 года.

„Почтеннѣйшая старушка, рѣдкая по уму и добротѣ сердца, няньчившая Императора Николая I, она пользовалась всеобщей любовью и уваженіемъ“; Царская семья, сослуживцы и воспитанницы называли ее „бабушкой“, такъ именовала ее и Императрица Александра Федоровна, которая въ письмахъ писала ей: „Liebes gutes Mütterchen“, или „Ich umarme Sie herzlich, liebe бабушка“.

На миниатюрѣ Ю. Ф. Адлербергъ изображена еще въ молодыхъ годахъ, съ орденомъ св. Екатерины малаго креста; портретъ ея въ Екатерининской лентѣ, въ бѣломъ чепцѣ и синемъ платьѣ имѣется въ Смольномъ институтѣ.

(Съ миниатюры, находящейся въ собраніи Великаго Князя Николая Михайловича.)

JULIE FÉODOROWNA ADLERBERG, 1760—1839, de noblesse baltique, fille du magistrat Frédéric-Guillaume Baggovout et de Charlotte-Eléonore, née von Rosenthal, était sœur du général Baggovout tué à Taroutino, et naquit à Rével le 15 octobre 1760. Elle épousa le 25 septembre 1786 le colonel Gustave-Frédéric Adlerberg (1738—1794), veuf avec quatre enfants de sa parente Anne-Marie Baggovout (25 janvier 1738—29 janvier 1783), qu'il avait épousée le 23 mars 1766. A la mort de son mari, tué au Caucase en 1794, elle vint être gouvernante des jeunes Grandes-Duchesses sur la recommandation de leur directrice Charlotte Lieven, et ses talents pédagogiques la firent remarquer de l'Impératrice Marie, qui lui confia en 1802, au départ de Mme Palmenbach, son poste de directrice de l'Institut de Smolna. Elle y resta trente-sept ans, et y gagna la confiance particulière de l'Impératrice, qui la remplaçait elle-même à Smolna quand elle était malade, et dont la bonté s'étendit à son fils unique, compagnon d'âge et camarade d'enfance de l'Empereur Nicolas: Vladimir Adlerberg (18 novembre 1792 — 8 mars 1884) obtint le 1er juillet 1847 le titre de comte et en 1852 le poste de ministre de la Cour; sa sœur Julie épousa le comte T. Baranoff. Le 22 juillet 1835, l'Empereur fit Mme Adlerberg dame de Ste-Catherine. Elle mourut dans une profonde vieillesse en septembre 1839.

„La vénérable bonne dame, d'un esprit et d'une bonté rares, qui choya l'Empereur Nicolas, jouissait de l'affection et de l'estime générales“. La famille Impériale, les dames de son service et les élèves l'appelaient Grand'maman, ainsi que l'Impératrice Alexandra, qui lui mettait dans ses lettres: „Liebes gutes Mütterchen“, et „Ich umarme Sie herzlich, liebe Grand'maman“.

La miniature ci-jointe la représente encore jeune, avec la petite croix de Ste-Catherine. L'Institut de Smolna possède son portrait en cordon de Ste-Catherine, en bonnet blanc et costume bleu.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ **ЕГОРЪ ФРАНЦОВИЧЪ КАНКРИНЪ**, 1774 — 1845, сынъ Франца-Людвига Канкринна (р. 1738 г., † 1816 г.), небезызвѣстнаго минералога, при Екатеринѣ II завѣдывавшаго Старорусскимъ солевареннымъ заводомъ, родился 16 Ноября 1774 г. въ Ганау; высшее образованіе закончилъ въ Магдебургскомъ университетѣ со степенію доктора правъ, но имѣлъ хорошія познанія и въ разныхъ областяхъ техники. Канкринъ началъ службу у герцога Бранденбургскаго, но въ 1797 г., по совѣту отца, пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, однако, незнаніе русскаго языка долго не давало ему возможности устроиться. Ему даже не удалось получить мѣста учителя, и онъ побывалъ писцомъ, комиссіонеромъ, бухгалтеромъ у откупщиковъ, пока не получилъ назначенія состоять помощникомъ при отцѣ, въ Старой Руссѣ. Началомъ дѣятельности Канкринна, на которой онъ имѣлъ возможность обнаружить свои дарованія и обширныя познанія, слѣдуетъ считать періодъ времени съ 1803 г., когда онъ, въ качествѣ совѣтника при Экспедиціи Государственной Экономіи, дѣлалъ частыя поѣздки по Россіи, во время которыхъ успѣлъ ближе ознакомиться съ русскимъ народомъ и полюбить его. Далѣе, въ 1809 г., онъ былъ назначенъ инспекторомъ иностранныхъ колоній С.-Петербургской губ.; служба эта доставляла ему не мало досуга, который онъ употреблялъ на занятія наукой, не оставляемыя имъ ни при какихъ обстоятельствахъ жизни; между прочимъ, въ это время Канкринъ написалъ и свою замѣчательную брошюру „*Fragmente über die Kriegskunst nach Gesichtspunkten der militärischen Philosophie*“, которая скоро стала извѣстна Императору Александру I, что не осталось безъ вліянія на судьбу ея автора: въ 1811 г. Канкринъ, въ чинѣ дѣйств. статскаго совѣтника, былъ сдѣланъ помощникомъ генераль-провіантмейстера; въ началѣ Отечественной войны онъ — генераль-интендантъ 1-й арміи, а въ 1813 г. — всѣхъ русскихъ войскъ. Умѣлое веденіе дѣла Канкриннымъ не только обезпечило продовольствіемъ огромную армію во все время войнъ, но и позволило сдѣлать экономію въ 26 милліоновъ рублей. Послѣ войны Канкринъ довольно долго находился при Главной квартирѣ и на досугъ началъ обширное сочиненіе: „*Ueber die Militär-Oekonomie im Frieden und Krieg*“, вышедшее въ 1820—1823 гг., въ 3 томахъ. Въ 1818 г. Канкринъ представилъ Государю записку о постепенномъ освобожденіи крестьянъ, послѣдствія которой въ точности и подробностяхъ неизвѣстны. Въ 1820 г. Канкринъ былъ назначенъ членомъ Военнаго Совѣта, въ слѣдующемъ году находился при Государѣ на конгрессѣ въ Лайбахѣ, по возвращеніи откуда получилъ званіе члена Государственнаго Совѣта; 22 Апрѣля 1823 г. вступилъ въ управленіе министерствомъ финансовъ. „Огненный стулъ“ русскаго министра финансовъ, какъ выражался самъ Канкринъ, онъ занималъ свыше 20 лѣтъ, до 1 Мая 1844 года, пока крайнее истощеніе силъ не заставило его выйти въ отставку: уже 9 Сентября слѣдующаго 1845 года онъ скончался въ Павловскѣ. Государственному служенію Канкринна на всемъ его протяженіи сопутствовали довѣріе къ нему Государей Александра I и Николая I и монаршія милости до возведенія въ графское достоинство (въ 1829 г.) включительно. Однако, его многосторонняя дѣятельность на посту министра, а равно и его ученые труды, не находили единодушной оцѣнки у современниковъ; не оцѣнены они вполнѣ и нынѣ, но и не перестали до сихъ поръ служить предметомъ обсужденія со стороны спеціалистовъ. Тѣмъ не менѣе, громадное значеніе его дѣятельности, поднявшей экономическое состояніе Россіи весьма высоко, признается всѣми; несомнѣнны и его многочисленныя, всѣмъ извѣстныя заслуги въ дѣлѣ развитія русской промышленности, горнаго дѣла, техническихъ знаній, сельскаго хозяйства.... Во всѣхъ этихъ областяхъ, какъ и въ области финансовъ, Канкринъ работалъ и какъ администраторъ, и какъ ученый. Авторъ многихъ ученыхъ трудовъ (всѣ они анонимны, и всѣ на нѣмецкомъ языкѣ), онъ уважалъ науку и заботился о рассадникахъ научныхъ знаній, въ особенности техническихъ и промышленныхъ, и былъ основателемъ или покровителемъ цѣлаго ряда спеціальныхъ изданій. Матеріаломъ для оцѣнки его взглядовъ и громадныхъ государственныхъ заслугъ могутъ служить, между прочимъ, и его многочисленныя офиціальныя записки, въ особенности его „Обзоръ примѣчательнѣйшихъ дѣйствій по финансовой части въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ“, представленный имъ Императору Николаю I въ 1843 году.

Графъ Е. Ф. Канкринъ былъ женатъ на Екатеринѣ Захаровнѣ Муравьевой и имѣлъ четырехъ сыновей и двухъ дочерей.

(Съ акварельнаго портрета Нечаева; собственность Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le comte ÉGOR FRANTZOWITCH KANKRINE, 1774—1845, fils d'un minéralogiste assez connu, François-Louis Kankrine (1758—1816), qui dirigea, sous Catherine II, la saunerie de Staraja Roussa, naquit le 16 novembre 1774 à Hanau. Il fit son droit à l'université de Magdebourg et en sortit docteur, mais il possédait également de solides connaissances dans diverses branches de la technologie. Il prit d'abord du service chez le duc de Brandebourg, puis, en 1797, vint à Pétersbourg sur les conseils de son père. Son ignorance du russe l'empêcha de se caser et de trouver même une place de maître: tour à tour expéditionnaire, commissionnaire, comptable chez des fermiers de l'Etat, il finit par se faire attacher à son père à Staraja Roussa. Ce n'est qu'à partir de 1803 que les circonstances lui permirent d'utiliser ses aptitudes et ses vastes connaissances: conseiller dans l'administration des finances, il put, dans ses fréquents déplacements en Russie, faire plus ample connaissance avec le peuple et apprendre à l'aimer. Nommé en 1809 inspecteur des colonies étrangères du gouvernement de Pétersbourg, il se fit là des loisirs considérables, et les consacra au travail scientifique, auquel il ne renonça dans aucune circonstance de sa vie; c'est alors qu'il rédigea, entre autres, sa remarquable brochure *Fragmente über die Kriegskunst nach Gesichtspunkten der militärischen Philosophie*, qui fut bientôt dans les mains de l'Empereur Alexandre Ier et ne resta pas sans influence sur la carrière de son auteur: conseiller d'état actuel, il fut nommé en 1811 commissaire général adjoint aux vivres, puis, au début de la Guerre Patriotique, intendant général de la 1re armée, et en 1815 de toutes les troupes russes. Son habile administration non seulement assura les subsistances de forces considérables durant toute la guerre, mais encore permit de réaliser une économie de 26 millions de roubles. A la paix, il resta assez longtemps au quartier général, consacrant ses loisirs à la mise en train d'un ouvrage considérable, *Ueber die Militär-Oekonomie im Frieden und Krieg*, qui parut en trois volumes de 1820 à 1823. Il présenta à l'Empereur en 1818 une note sur un affranchissement graduel des paysans, sur le sort de laquelle on ne sait rien de précis ni de circonstancié. Nommé en 1820 membre du Conseil Militaire, il accompagna l'Empereur l'année suivante au congrès de Laybach, et, à son retour, fut fait membre du Conseil de l'Empire. C'est le 22 avril 1823 qu'il reçut le portefeuille des finances, et, ce „siège de feu“, comme il disait lui-même de son fauteuil de ministre, il l'occupa plus de vingt ans, jusqu'à ce que l'épuisement de ses forces le contraignît à se retirer le 1er mai 1844. Moins de deux ans après, il mourut à Pavlowsk le 9 septembre 1845.

Durant toute sa carrière d'homme d'état, Kankrine eut l'appui de la confiance d'Alexandre Ier et de Nicolas Ier, qui lui accordèrent toutes les faveurs, jusqu'à la dignité de comte inclusivement (1829). Et cependant, sur l'appréciation des diverses faces de son activité de ministre, comme sur celle de ses travaux scientifiques, les contemporains ne sont pas d'accord: aujourd'hui encore, son œuvre reste en partie à juger, et n'a pas cessé d'être à l'examen des spécialistes. L'élan puissant qu'il sut imprimer à la situation économique de la Russie n'est d'ailleurs contesté par personne, non plus que les services considérables et bien connus qu'il rendit en Russie à l'industrie, à la métallurgie, à la technologie et à l'agriculture.... Dans tous ces domaines comme en matière financière, il fut en même temps administrateur et homme de science. Auteur de nombreux travaux scientifiques, tous anonymes et tous en allemand, il avait le culte de la science, s'intéressait aux établissements scientifiques, surtout techniques et industriels, et fut fondateur ou protecteur de toute une série de publications spéciales. Pour l'appréciation de ses idées et de son œuvre précieuse d'homme d'état, on peut consulter, entre autres documents, ses notes officielles, surtout le Résumé des principaux actes de l'administration des finances dans les 20 dernières années qu'il présenta à l'Empereur Nicolas Ier en 1845.

Le comte Kankrine épousa Catherine Zakharowna Mouravieff, dont il eut quatre fils et deux filles.

(D'après une aquarelle de Nétchaïeff, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

177

The Queen
 Queen Elizabeth I. of England
 Windsor
 1558-1588

178

178

The Queen
 Queen Elizabeth I. of England
 Windsor
 1558-1588

179

The Queen
 Queen Elizabeth I. of England
 Windsor
 1558-1588

The Queen
 Queen Elizabeth I. of England
 Windsor
 1558-1588

177

Пис. Нечаевъ

Peint par Nitchaieff

Графъ Егоръ Францевичъ Le Comte Egor Frantzewitch
Канкринъ, Kankrine,
1774 — 1845 1774 — 1845

179

178

Пис. Нечаевъ

Peint par Nitchaieff

Графиня Екатерина Захаровна La Comtesse Catherine Zakharowna
Канкринъ, Kankrine,
1795 — 1849 1795 — 1849

180

Пис. Боровиковскій

Peint par Borovikowsky

Графиня Елена Ивановна La Comtesse Hélène Ivanowna
Сиверсъ, Sievers,
1789 — 1866 1789 — 1866

Пис. Боровиковскій

Peint par Borovikowsky

Графъ Карлъ Карловичъ Le Comte Charles Karlovitch
Сиверсъ, Sievers,
1772 — 1856 1772 — 1856

Графиня ЕКАТЕРИНА ЗАХАРОВНА КАНКРИНА, 1795 — 1849, дочь Захара Матвѣевича Муравьева и жены его, Елизаветы Карловны, рожденной баронессы Поссе, бывшей въ первомъ бракѣ за отставнымъ майоромъ Карломъ-Гаспаромъ Энгельгардтомъ (съ которымъ развелась), родилась 15 Октября 1795 г.; 29 Августа 1816 г. Е. З. Муравьева вышла замужъ за Егора Францевича Канкрина (р. 1774 г., † 1845 г.), будущаго (съ 22 Сентября 1829 г.) графа и министра финансовъ, котораго часто встрѣчала въ домѣ своего родственника, князя Барклая-де-Толли, покровительствовавшаго Канкрину. Несмотря на разницу лѣтъ съ мужемъ, бывшимъ на 20 слишкомъ лѣтъ старше ея, бракъ этотъ оказался счастливымъ.

Графиня Е. З. Канкрина, по свидѣтельству современника, была въ молодости очень хороша собою, ума недалекаго и склонна къ сентиментальности, а въ старости чрезвычайно, до уродливости, растолстѣла. Ю. Н. Бартеневъ въ своихъ „Запискахъ“ говорить, что Е. З. Канкрина была „толста и нездорова“, а, по свидѣтельству Муромцева, она „любила составить партію въ вистъ“; И. П. Мятлевъ, авторъ „М-те Курдюковой“, прозвалъ одного изъ директоровъ департамента „цѣловальникомъ“ (впоследствии министръ и графъ Ѳ. Вронченко), такъ какъ что, бывало, графиня ни скажетъ, онъ сейчасъ: „Ахъ, графиня, какъ это мило! Позвольте за то поцѣловать вашу ручку“. Покровительствовавшій ея мужу, въ началѣ его карьеры, Аракчеевъ, въ то время всесильный, былъ ея кумомъ и, получивъ однажды отъ нея въ подарокъ коверъ и приглашая ее къ себѣ въ гости въ свой „монастырь“ (въ Грузино), писалъ ей: „Милостивая Государыня графиня, почтенная кума Екатерина Захаровна! Наканунъ великаго праздника я получилъ отъ вашего сіятельства прекрасный подарокъ: коверъ вашей работы, за который приношу вамъ мою искреннюю благодарность, что вы такъ добры и любите деревенскаго больного старика. Приказаніе ваше я не исполнилъ: труды ваши не могутъ лежать подъ моими креслами, а я оный коверъ употребилъ въ спальнѣ нашего общаго благодѣтеля покойнаго Императора Александра Благословеннаго, у того стола подъ его стулъ, гдѣ онъ изволилъ всегда въ Грузинѣ 10 лѣтъ работать дѣла отечества нашего со свойственною Его милостію“. Плохо произносившій по-русски, Канкринъ называлъ свою супругу Екатериною „Сахаровною“. Отличная мать и хозяйка, она была очень цѣнима мужемъ, любившимъ семейную жизнь и всегда проявлявшимъ къ ней, несмотря на свой вспыльчивый характеръ, большую доброту.

Князь Вяземскій подъ 14 Ноября 1845 г. записалъ слѣдующее: „Вчера былъ у гр. Канкриной при открытіи духовнаго завѣщанія покойнаго графа“. Послѣ распоряженія имуществомъ, которое Канкринъ оставилъ супругѣ „въ пожизненное владѣніе“, „съ чувствомъ особенной любви и нѣжности говорить онъ о женѣ своей, благодарить ее за попеченіе ея о немъ и воспитаніе дѣтей, кончи, къ сожалѣнію своему, не могъ онъ, по многотруднымъ государственнымъ заботамъ, заняться, какъ желалъ бы того; извиняется передъ нею, если по своему холодному или суровому нраву (не помню съ точностью выраженія) не былъ онъ всегда внимателенъ къ ней, какъ бы слѣдовало“.

Отъ брака съ графомъ Канкринимъ она имѣла двухъ дочерей, изъ коихъ одна, Зинаида (р. 4 Іюня 1821 г.), была замужемъ за графомъ Александромъ Кейзерлингомъ, а другая, Елизавета, за графомъ Іосифомъ де-Ламбертомъ, и четырехъ сыновей: Александра († 1891 г.; Екатеринославскій уѣздный предводитель дворянства), Валеріана (генераль-майоръ, † 1861 г.), Виктора (Екатеринославскій уѣздный предводитель дворянства, † 1881 г.) и Оскара. Скончалась графиня Е. З. Канкрина 10 Сентября 1849 года, день въ день черезъ 4 года послѣ смерти мужа.

(Съ акварельнаго портрета Нечаева; собственность Великаго Князя Николая Михайловича.)

La comtesse CATHERINE ZAKHAROWNA KANKRINE, 1795 — 1849, fille de Zakhare Matvéewitch Mouraviéff et d'Elisabeth Karlowna, née baronne Possé, divorcée du major en retraite Charles-Gaspard Engelhardt, naquit le 15 octobre 1795. Elle épousa le 29 août 1816 Egor Frantzewitch Kankrine (1774—1845), comte le 22 septembre 1829 et futur ministre des finances, protégé du prince Barclay-de-Tolly, un parent à elle, chez qui elle le rencontrait. Il avait plus de vingt ans de plus qu'elle, et l'union n'en fut pas moins heureuse.

Au témoignage d'un contemporain, la comtesse Kankrine était dans sa jeunesse fort bien de sa personne, un peu bornée et sentimentale, et devint sur ses vieux jours d'un embonpoint monstrueux. Barténéff la représente dans ses *Mémoires* „grosse et mal portante“, et Mouromtzeff dit qu'elle „aimait faire son whist“. Miatleff, l'auteur de *Madame Kourdioukoff*, donne le sobriquet de Baise-main à un directeur de département, le futur ministre et comte Vrontchenko, qui avait la manie, à une parole quelconque de la comtesse, de répliquer: „Ah! délicieux, Comtesse! Permettez que je vous baise la main pour ça!“ Protecteur des débuts de son mari, Araktchéeff, alors tout-puissant, avait été parrain avec elle: un jour qu'elle lui avait envoyé un tapis de sa main, il lui répondit par une invitation dans son „monastère“ (Grouzino), en ajoutant: „Madame la comtesse et digne commère, j'ai reçu en présent de Votre Altesse la veille de la fête un magnifique tapis de votre travail; je vous suis sincèrement reconnaissant de l'affection que vous voulez bien témoigner à un vieux campagnard malade. Je n'ai pas suivi vos instructions: l'ouvrage de vos mains ne saurait être mis sous mes fauteuils, et j'ai placé le tapis dans la chambre de feu notre commun bienfaiteur l'Empereur Alexandre le Bien-Aimé, à la table et sous la chaise où, dix ans de suite, il daigna toujours à Grouzino travailler gracieusement aux affaires de l'Etat“. Excellente épouse et mère, la comtesse Kankrine était fort appréciée de son mari, grand ami de la vie de famille, et qui, malgré son emportement naturel, lui témoigna une incessante bonté.

„Hier“, note le prince Viazemsky le 14 novembre 1845, „j'ai été chez la comtesse Kankrine à l'ouverture du testament du feu comte“. Après les dispositions relatives à ses biens, qu'il laissait à sa femme „en toute propriété sa vie durant“, „il parle d'elle avec des sentiments particuliers d'amour et de tendresse, la remercie de sa sollicitude pour lui et pour l'éducation des enfants, dont il n'a pu, à son grand regret, en raison de ses laborieuses affaires d'état, s'occuper comme il l'aurait voulu; il s'excuse près d'elle de ne lui avoir pas toujours témoigné, en raison de la froideur ou de la rigueur de son caractère (je ne me rappelle plus au juste l'expression), toutes les attentions qu'il aurait dû“.

La comtesse eut de son mariage avec le comte Kankrine deux filles, dont l'une, Zénaïde (née 4 juin 1821), épousa le comte Alexandre Keiserling, et l'autre, Elisabeth, le comte Joseph de Lambert, et quatre fils: Alexandre († 1891), maréchal de la noblesse du district d'Ekatérinoslav, Valérien († 1861), général major, Victor († 1881), maréchal de la noblesse du district d'Ekatérinoslav, et Oscar. Elle mourut le 10 septembre 1849, quatre ans jour pour jour après son mari.

(D'après une aquarelle de Nétchaïeff, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графиня ЕЛЕНА ИВАНОВНА СИВЕРСЪ, 1789—1866, дочь генерала-отъ-кавалеріи Ивана Петровича Дунина отъ брака съ Маріей Дмитріевной Норовой, родилась 4 Января 1789 года; около 1802 г. вышла замужъ за полковника графа Карла Карловича Сиверса, который былъ на 17 лѣтъ старше ея. Отъ этого брака у нея было 3 сына: Эммануиль (р. 1808 г.), Яковъ (р. 1809 г.) и Александръ (р. 1815 г.), и 2 дочери: Минодора (р. 1803 г.) и Софія (р. 1812 г.), въ замужствѣ за Гудимъ-Левковичемъ.

Графиня Е. И. Сиверсъ умерла въ глубокой старости 3 Апрѣля 1866 года.

Въ своихъ воспоминаніяхъ „изъ Украинской старины“, Н. Башкирцевъ (Р. Арх., 1900, I) рассказываетъ: „Въ Валкскомъ уѣздѣ жила богатая помѣщичья семья Норовыхъ, братъ и сестра, Марія Дмитріевна, по мужу Дунина; должно-быть, давно умеръ этотъ Дунинъ, а можетъ-быть, былъ еще и безцвѣтнымъ, хотя и сановнымъ лицомъ: о немъ никто никогда при мнѣ не упоминалъ, и Марія Дмитріевна словно весь свой вѣкъ была важной вдовой съ большой семьей; единственный сынъ ея былъ убитъ подъ Бородиннымъ, но у нея выросло 6 дочерей. Какое интересное „дворянское гнѣздо“ являлъ собою богатый, модный домъ Дуниной въ Старыхъ Водолагахъ, Валкскаго уѣзда. Родство огромное и самое разнообразное, множество молодежи, стремившейся къ этому разсаднику знатныхъ невѣстъ, слывшихъ и богатыми, домъ—полная чаша, тонъ аристократическій, расцѣпка посѣтителей, подходы и дипломатическія уловки въ матримониальныхъ видахъ. Марія Дмитріевна была не только богатой и знатной барыней, но была умной женщиной, гостепріимной хозяйкой и прекрасной матерью. Она отлично воспитала и пристроила всѣхъ своихъ дочерей, красивыхъ и некрасивыхъ, и, несмотря на молву, не Богъ знаетъ какихъ богатыхъ. Чтобы хорошо пристраивать дочерей, требуется, конечно, извѣстное мастерство: въ Водолагахъ оно доходило до настоящей виртуозности.... Старшая дочь Дуниной, молоденькая и хорошенькая Елена, вышла, впрочемъ, замужъ просто, безъ всякой дипломатіи. Къ ней присватался очень пожилой и чиновный графъ Сиверсъ. „Дитя мое, графъ Сиверсъ дѣлаетъ тебѣ предложеніе, мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы ты за него вышла“, объявила ей, конечно, по-французски, мать. „Ваша воля, тамап, всегда была и будетъ для меня закономъ“, отвѣчала дѣвушка. „Графъ прекрасный человекъ: я увѣрена, что ты будешь съ нимъ счастлива“, добавила мать. „Я употреблю всѣ усилія, чтобы сдѣлать его счастливымъ“, заявила дочь. Бракъ состоялся, и молодая жена со старымъ мужемъ прожили вѣкъ въ любви и согласіи, всѣмъ на удивленіе“. Необходимо, впрочемъ, оговориться, что графу Сиверсу, когда онъ женился, было немного болѣе 30 лѣтъ!

Нелишнее прибавить здѣсь, что великолѣпные портреты родителей графини Е. И. Сиверсъ, Ивана Петровича и Маріи Дмитріевны Дуниныхъ, кисти Боровиковскаго, имѣются въ Римѣ у графа Г. С. Строганова; кромѣ того, подобный же портретъ И. П. Дунина принадлежит М. И. Терещенко, въ Кіевѣ.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность графа Э. К. Сиверса, имѣніе Венденъ, Лифляндской губ.)

La comtesse HÉLÈNE IVANOWNA SIEWERS, 1789—1866, fille du général de cavalerie Ivan Pétrowitch Dounine et de Marie Dmitriewna, née Noroff, naquit le 4 janvier 1789. Elle épousa vers 1802 le comte Charles Siewers, colonel, plus âgé qu'elle de dix-sept ans, dont elle eut trois fils, Emmanuel (né 1808), Jacob (né 1809) et Alexandre (né 1815), et deux filles, Minodore (née 1805) et Sophie (née 1812), qui épousa Goudim-Levkowitch. Elle mourut dans une vieillesse avancée le 3 avril 1866.

„Il y avait dans le district de Valk“, dit Bachkirtzeff dans ses souvenirs sur „l'Ukraine du vieux temps“ (Archive Russe, 1900, I), „une riche famille de propriétaires, Noroff et sa sœur Marie Dounine; il faut croire que ce Dounine était mort depuis longtemps, et encore que c'était sans doute un personnage insignifiant, quoique haut placé: jamais je n'en ai entendu parler, et elle, semblait n'avoir jamais été autre chose qu'une veuve d'importance, avec sa nombreuse famille: un fils unique tué à Borodino, mais six filles devenues grandes. Quelle intéressante „nichée de gentilshommes“, que cette maison riche et fréquentée de Stary Vodolagui! Une parenté considérable et des plus variées, une foule de jeunesse courant à cette pépinière de partis de marque, et aussi, dit-on, riches: une pleine maisonnée, et un ton aristocratique, des égards selon les invités, des approches et toute une diplomatie matrimoniale! La maîtresse du lieu était, en même temps qu'une grande dame riche, une personne de tête, sachant recevoir, et excellente mère; elle a parfaitement élevé et casé toutes ses filles, belles ou laides, mais sans doute moins fortunées qu'on ne pensait. Bien caser des filles, c'est assurément toujours un art: là, c'était vraiment de la virtuosité.... L'ainée, la jeune et gentille Hélène, fut mariée d'ailleurs bien simplement et sans diplomatie aucune. Elle fut demandée par un comte Siewers, fonctionnaire déjà d'un certain âge. „Mon enfant, le comte Siewers te fait une proposition, je voudrais bien que tu l'épouses“, lui déclara, en français, bien entendu, sa mère.—„Votre volonté, maman“, répondit la jeune fille, „a toujours été et sera toujours pour moi une loi“.—„Le comte est un excellent homme“, ajouta la mère, „je suis convaincue que tu seras heureuse avec lui“.—„Et moi“, répliqua la fille, „je ferai tout pour le rendre heureux“. Le mariage se fit, et la jeune femme et le vieux comte passèrent leur vie en amour et en accord parfaits, à l'étonnement général!“ Il convient toutefois d'ajouter que le comte Siewers, lors de son mariage, n'avait guère qu'une trentaine d'années!

Il y a à Rome chez le comte G. Stroganoff de magnifiques portraits, par Borovikowsky, d'Ivan et de Marie Dounine, les parents de la comtesse Siewers, et encore un superbe portrait de son père chez M. Téréchtchenko, à Kieff.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant au comte E. Siewers, domaine de Wenden, Livonie.)

Графъ **КАРЛЪ-ГУСТАВЪ КАРЛОВИЧЪ СИВЕРСЪ**, 1772—1856, сынъ графа Карла-Эдуарда Ефимовича, родился 2 Ноября 1772 года; учился съ 1785 г. въ Артиллерійскомъ (2-мъ) кадетскомъ корпусѣ и въ 1792 г. былъ выпущенъ поручикомъ во 2-й Артиллерійскій баталіонъ; произведенный въ слѣдующемъ году въ капитаны, временно состоялъ при посольствѣ въ Польшѣ; въ 1795 г. произведенъ въ премьеръ-майоры, въ 1798 г.—въ подполковники, въ 1799 г.—въ полковники Ростовскаго драгунскаго полка, пзъ котораго переведенъ въ Стародубскій драгунскій; 16 Мая 1803 г. Сиверсъ былъ произведенъ въ генераль-майоры, съ назначеніемъ шефомъ Новороссійскаго драгунскаго полка. Графъ Сиверсъ участвовалъ въ Польской кампаніи 1792/3 гг. въ Литвѣ, въ арміи генерала Кречетникова, затѣмъ почти во всѣхъ Наполеоновскихъ войнахъ и походахъ 1805—1807 гг., при чемъ за дѣла въ Пруссіи, подъ начальствомъ Витгенштейна, получилъ орденъ св. Анны 1 ст.; въ 1809 г. онъ командовалъ авангардомъ въ корпусѣ князя С. Ф. Голицына, въ Галиціи. Во время Отечественной войны и кампаніи 1813 г., начиная со Смоленска, Сиверсъ участвовалъ во многихъ крупныхъ бояхъ и за Бородино, гдѣ онъ находился на лѣвомъ флангѣ, пожалованъ орденомъ св. Георгія 3 ст., а за взятіе крѣпости Пиллау, 27 Января 1813 г., произведенъ 8 Февраля въ генераль-лейтенанты и съ 2 Апрѣля этого года по 1815 г. былъ военнымъ губернаторомъ Старой Пруссіи и г. Кёнигсберга. Состоя съ 1815 г. по кавалеріи, Сиверсъ жилъ въ своемъ имѣніи Венденѣ, а затѣмъ, оставивъ военную службу, былъ пожалованъ въ сенаторы (съ 1853 г., по Департаменту Герольдіи), а 1 Января 1837 г. пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

Умеръ графъ К. К. Сиверсъ въ Москвѣ 18 Марта 1856 года; онъ былъ женатъ на дочери генерала-отъ-кавалеріи Еленѣ Ивановнѣ Дуниной, за которой получилъ 558 душъ въ Валкскомъ уѣздѣ, Слободско-Украинской губ., и въ Брестскомъ уѣздѣ, Гродненской губ.; кромѣ того, у него самого было нѣсколько мызъ (Шлокъ-Венденъ и Дуккернъ) въ Венденскомъ уѣздѣ и Высочайше пожалованная ему аренда.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность графа Э. К. Сиверса, имѣніе Венденъ, Лифляндской губ.)

Le comte CHARLES-GUSTAVE KARLOWITCH SIEWERS, 1772—1856, fils du comte Charles-Edourd Siewers, naquit le 2 novembre 1772. Entré en 1785 au Corps des Cadets de l'artillerie, il en sortit en 1792 lieutenant au 2e bataillon d'artillerie; capitaine l'année suivante, il fut attaché intérimaire à l'ambassade de Pologne. Premier major en 1795, lieutenant-colonel en 1798, colonel en 1799, d'abord aux dragons de Rostoff, puis à ceux de Starodoub, il fut promu le 16 mai 1803 général major et nommé chef du régiment des dragons Novorossiysky. Il fit la campagne de Pologne de 1792/1793 en Lithuanie à l'armée du général Krétchetnikoff, puis presque toutes les guerres contre Napoléon et les campagnes de 1805 à 1807: ses opérations en Prusse, sous les ordres de Wittgenstein, lui valurent Ste-Anne de 1re classe. Il commanda en Galicie en 1809 l'avant-garde du corps du prince S. Golitzyne. Pendant la Guerre Patriotique et la campagne de 1813, il fut de toutes les grandes batailles depuis Smolensk: Borodino, où il était au flanc gauche, lui valut St-Georges de 3e classe, et la prise de Pillau, le 27 janvier 1813, le grade de général lieutenant (8 février), après quoi il fut, du 2 avril suivant jusqu'en 1815, gouverneur militaire de la Vieille Prusse et de la ville de Königsberg. Il passa en 1815 dans la cavalerie et résida dans son domaine de Wenden, puis quitta la carrière des armes, fut fait sénateur (depuis 1853, au département héraldique) et, le 1er janvier 1837, conseiller privé actuel.

Le comte Siewers mourut à Moscou le 18 mars 1856. Il avait épousé Hélène Dounine, fille d'un général de cavalerie, qui lui apporta en dot 558 têtes de paysans dans les districts de Valk, en Ukraine, et de Brest, gouvernement de Grodno; il possédait en outre de son côté plusieurs métairies (Schlock-Wenden et Dukkern) au district de Wenden, ainsi qu'une arrente de Sa Majesté l'Empereur.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant au comte E. Siewers, domaine de Wenden, Livonie.)

Графъ МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ВІЕЛЬГОРСКІЙ, 1788—1856, старшій сынъ графа Юрія Михайловича, отъ брака его съ графиней Софѣей Дмитріевной Матюшкиной, родился 31 Октября 1788 г. и десятилѣтнимъ мальчикомъ, вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ, былъ пожалованъ Павломъ I въ званіе рыцаря Мальтійскаго ордена. Въ Январѣ 1804 г. графъ Віельгорскій былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры; тогда же онъ поступилъ и на службу въ Государственную Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ состоялъ до Апрѣля 1812 г., когда причислился къ Министерству Народнаго Просвѣщенія; перейдя въ 1818 г. въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ дѣлъ, графъ М. Ю. Віельгорскій въ Сентябрѣ 1826 г. вновь опредѣлился въ Министерство Народнаго Просвѣщенія и въ слѣдующемъ году замѣщалъ временно должность попечителя Харьковскаго учебнаго Округа; кромѣ того, онъ состоялъ членомъ Главнаго Правленія училищъ, находящихся въ С.-Петербургѣ, и членомъ Комитета Главной театральной дирекціи. Въ 1832 г., уже въ чинѣ дѣйств. статскаго совѣтника и въ званіи шталмейстера, графъ Віельгорскій былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго Опекунскаго совѣта, и управлялъ С.-Петербургскимъ Воспитательнымъ домомъ, Маріинской больницей и Училищемъ глухонѣмыхъ. Въ 1845 г., въ званіи гофмейстера (съ 1838 г.), онъ былъ назначенъ членомъ Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, а 30 Іюня слѣдующаго года пожалованъ въ оберъ-шенки. Такова служебная дѣятельность графа М. Ю. Віельгорскаго; она сравнительно малозвѣстна: ее заслонилъ другой родъ дѣятельности графа, который снискалъ ему почетную извѣстность. При имени графа М. Ю. Віельгорскаго воспоминается небольшая, но блестящая группа образованнѣйшихъ русскихъ людей первой половины XIX вѣка, друзей науки, литературы и искусствъ и ихъ представителей, меценатовъ искреннихъ и скромныхъ. Начиная съ Державина, который былъ его опекуномъ, въ кругу близкихъ знакомыхъ, друзей и пріятелей графа М. Ю. Віельгорскаго видимъ Карамзина, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Пушкина и его друзей, Лермонтова, Гоголя. Въ то же время домъ графа Віельгорскаго, композитора и большого знатока музыки, былъ центромъ, куда стекались всѣ выдающіеся музыкальные дѣятели, какъ русскіе, такъ и иностранные... Вообще же кругъ знакомствъ графа, равно какъ сфера его умственныхъ и художественныхъ интересовъ были многообъемлющи. Вотъ какъ характеризуется графъ М. Ю. Віельгорскій въ воспоминаніяхъ графа В. А. Соллогуба: „Графъ Віельгорскій прошелъ незамѣченный въ русской жизни; даже въ обществѣ, въ которомъ онъ жилъ, онъ былъ оцѣненъ только немногими. Онъ не искалъ извѣстности, уклонялся отъ борьбы и, несмотря на то—пла, можетъ-быть, именно потому—былъ личностью необыкновенной: философъ, критикъ, лингвистъ, медикъ, теологъ, герметикъ, почетный членъ всѣхъ масонскихъ ложъ, душа всѣхъ обществъ, семьянинъ, эпикуреецъ, царедворецъ, сановникъ, артистъ, музыкантъ, товарищъ, судья,—онъ былъ живой энциклопедіей самыхъ глубокихъ познаній, образцомъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ и самаго игриваго ума“. Почти тождественную характеристику графа сдѣлалъ и князь П. А. Вяземскій. Слѣдующія строки находятся въ стихотвореніи послѣдняго „Поминки“:

„До невозможности онъ былъ разнообразенъ;
Въ немъ съ зрѣлой осенью еще цвѣла весна;
Но многострунный міръ былъ общимъ строемъ связанъ,
И нота вѣрная во всемъ была слышна.
Всего прекраснаго поклонникъ иль сподвижникъ,
Онъ въ книгѣ жизни всѣ перебиралъ листы:
Былъ мистикъ, теозофъ, пожалуй, чернокнижникъ,
И нѣжный трубадуръ подъ властью красоты“.

Его особой страстью была музыка; онъ былъ прекраснымъ исполнителемъ и композиторомъ, и хотя дилетантомъ, но, по отзыву Шумана, „геніальнѣйшимъ дилетантомъ“.

Графъ М. Ю. Віельгорскій скончался 28 Августа 1856 года.

(Съ миниатюры Рокштуля, принадлежавшей графу И. И. Чернышеву-Кругликову, с. Яронслець, Московской губ.)

Le comte MICHEL YOURIEWITCH WIELHORSKY, 1788—1856, fils aîné du comte Youri Mikhaïlo-witch Wielhorsky et de Sophie Dmitriewna, née comtesse Matiouchkine, naquit le 31 octobre 1788, et, à 10 ans, fut, en même temps que son plus jeune frère, fait par Paul Ier chevalier de l'ordre de Malte. En janvier 1804, il devint gentilhomme de la chambre et prit du service au Collège des Affaires étrangères, d'où il passa en avril 1812 au ministère de l'Instruction publique, puis, en 1818, à celui de l'Intérieur, pour rentrer en septembre 1826 à l'Instruction publique et aller l'année suivante faire fonctions de curateur par intérim de l'arrondissement scolaire de Kharkoff; il fut en outre membre de la direction générale des écoles de Pétersbourg et membre du Comité de la direction générale des théâtres. En 1832, déjà conseiller d'état actuel et écuyer, il fut nommé curateur honoraire du Conseil de Tutelle de Pétersbourg et directeur des Enfants Trouvés de Pétersbourg, de l'Hôpital Marie et de l'Ecole des Sourds-muets. Maître de la Cour en 1838, il devint en 1845 membre du Conseil général des établissements d'instruction de Jeunes Filles, et le 30 juin 1846 grand échanson. Voilà ce que fut le comte Wielhorsky comme fonctionnaire: mais il y a en lui un autre homme, auquel est allée toute la notoriété; son nom évoque le souvenir d'un groupe peu nombreux, mais brillant, de russes d'élite, en cette première moitié du XIXe siècle, amis ou représentants des sciences, des lettres et des arts, mécènes convaincus et modestes. Citons, avec Derjavine, son tuteur, les noms de Karamzine, Joukowsky, du prince Viazemsky, de Pouchkine et ses amis, Lermontoff, Gogol. Egalement compositeur et grand connaisseur de musique, il réunissait chez lui tous les plus éminents musiciens russes et étrangers.... Le cercle de ses relations, comme celui de ses intérêts intellectuels et artistiques, était des plus étendus. „Le comte Wielhorsky“, dit dans ses Souvenirs le comte V. Sollogub, „a passé inaperçu dans la vie russe: de ses familiers mêmes, bien peu surent l'apprécier. En dépit, peut-être même en raison, de son absence d'amour-propre et d'ambition, c'était une personnalité extraordinaire: philosophe, linguiste, médecin, théologue, membre honoraire de toutes les loges maçonniques, âme de toutes les sociétés, chef de famille, épicurien, courtisan, dignitaire, artiste, musicien, camarade, magistrat, il fut une encyclopédie vivante des connaissances les plus profondes, le modèle des sentiments les plus tendres et de l'esprit le plus enjoué“. Le prince P. Viazemsky s'exprime en des termes presque identiques et dit dans sa poésie Souvenir:

„Cet esprit, étonnant par sa diversité,
 „Comme au printemps fleurit au déclin de l'automne.
 „C'est un concert multiple où règne un large ensemble,
 „Où jamais on ne sent faiblir la note juste.
 „Du beau champion farouche, adorateur zélé,
 „Au livre de la vie il connaît chaque page,
 „Mystique, théosophe, un peu magicien,
 „Et tendre troubadour aux pieds de la beauté!“

Sa grande passion était la musique; excellent musicien et compositeur, tout dilettante qu'il était, c'était, dit Schumann, „un dilettante de grand génie“.

Le comte Wielhorsky mourut le 28 août 1856.

(D'après une miniature de Rockstuhl, ayant appartenu au comte I. Tchernycheff-Krouglikoff, Yaropoletz, gouv. de Moscou.)

151

Portrait of Mrs. Elizabeth B. Smith
 Boston, Mass.
 1810

152

Portrait of John A. Smith
 Boston, Mass.
 1810

153

Portrait of Mrs. Elizabeth B. Smith
 Boston, Mass.
 1810

154

Portrait of John A. Smith
 Boston, Mass.
 1810

181

Пис. Рокитный, 1818 г. Peint par Rokstahl, 1818

Графъ Михаилъ Юрьевичъ Le Comte Michel Youriewitch
Віельорскій, Wielhorski,
1788 — 1856 1788 — 1856

183

182

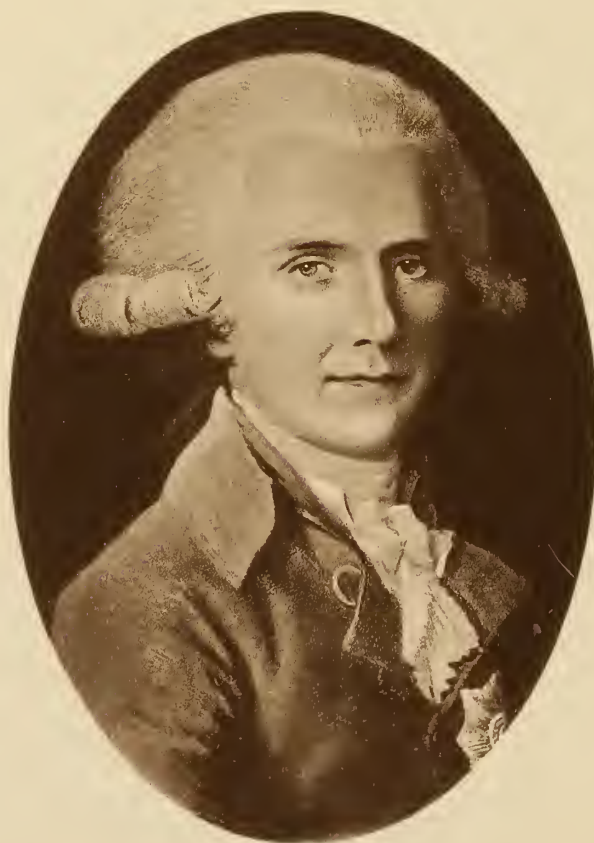

Графъ Юрій Михайловичъ Le Comte Youri Mikhailowitch
Віельорскій, Wielhorski,
1753 — 1808 1753 — 1808

184

Графиня Елизавета Станиславовна La Comtesse Elisabeth Stanislavovna
Віельорская, Wielhorski,
177. — 18. . 177. — 18. .

Баронъ Христофоръ Яковлевичъ Le Baron Christophe Yakovlewitch
Бюлеръ, Bübler,
1752 — 1805 1752 — 1805

Графъ ЮРІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ВІЕЛЬГОРСКІЙ, 1753—1807, старшій сынъ Литовскаго великаго кухмистра графа Михаила Феликсовича († 1794 г.) отъ перваго брака его на княжнѣ Елизаветѣ Огинской, генераль-поручикъ польскихъ войскъ и нотарій польской республики; въ концѣ 1780-хъ и въ началѣ 1790-хъ годовъ былъ польскимъ посланникомъ въ Россіи при Дворѣ Екатерины II; въ Маѣ 1794 года онъ перешелъ на русскую службу и 18 Іюня того же года былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. Переходу графа Ю. М. Вѣльгорскаго въ русское подданство способствовало какъ состояніе польскихъ дѣлъ въ то время, такъ и личныя симпатіи графа къ Русскому двору, упрочившіяся его женитьбой, еще въ 1788 году (9 Января), на одной изъ фрейлинъ Императрицы Екатерины II, графинѣ Софѣ Дмитріевнѣ Матюшкиной (р. 2 Ноября 1755 г., † 28 Марта 1796 г.). Говорятъ, что Императрица сама устроила этотъ бракъ и выбрала для него въ супруги С. Д. Матюшкину, одну изъ своихъ приближенныхъ фрейлинъ, представительницу знатнаго рода, находившагося въ родственныхъ связяхъ со многими семействами, игравшими тогда роль при Дворѣ, при которомъ въ числѣ своихъ подданныхъ Императрица желала имѣть и графа Ю. М. Вѣльгорскаго. Въ томъ же 1794 году, за недѣлю до пожалованія графа Вѣльгорскаго въ дѣйствительные камергеры, въ Царскосельской придворной церкви состоялся обрядъ миропомазанія четырехъ малолѣтнихъ дѣтей графа (Михаила, Іосифа, Юрія и Александра) при переходѣ ихъ въ православіе, при чемъ восприемницей была сама Императрица. Овдовѣвъ 28 Марта 1796 г., Вѣльгорскій вторично женился на Елизаветѣ Станиславовнѣ Сиверсъ, рожденной Спарской, отъ которой имѣлъ сына Эдуарда-Георгія (род. 1 Іюня 1802 г.).

Павелъ I также сначала благоволилъ къ графу Ю. М. Вѣльгорскому, пожаловалъ его въ день своего востшествія на престолъ въ гофмаршалы, въ 1797 г.—въ оберъ-гофмаршалы, а впослѣдствіи возвелъ его малолѣтнихъ дѣтей въ званіе рыцарей Мальтійскаго ордена; впрочемъ, къ тому времени (1799 г.) графъ Ю. М. Вѣльгорскій былъ уже въ отставкѣ: Императоръ скоро заподозрилъ его искренность и 6 Августа 1798 г. уволилъ его отъ придворной службы. Графъ Ю. М. Вѣльгорскій уѣхалъ въ Вильну, гдѣ оставался до востествія на престолъ Императора Александра I, пожаловавшаго его въ 1800 г. въ сенаторы, съ назначеніемъ для присутствованія въ Межевомъ Департаментѣ; въ Февралѣ 1804 г. Вѣльгорскій былъ пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, но скоро, по болѣзни, уволенъ отъ службы.

Графъ Ю. М. Вѣльгорскій былъ одинъ изъ образованныхъ людей своего времени и большой поклонникъ и знатокъ искусствъ; между прочимъ, онъ былъ отличный музыкантъ и одинъ изъ учредителей С.-Петербургскаго Филармоническаго общества; графъ Вѣльгорскій былъ и писателемъ: онъ сочинилъ нѣсколько драматическихъ произведеній, трактатъ о воспитаніи русскаго дворянскаго юношества, но напечатать своихъ произведеній не успѣлъ. Свои эстетическія наклонности графъ Ю. М. Вѣльгорскій сумѣлъ передать и своимъ сыновьямъ, Матвѣю и Михаилу.

(Съ портрета, находящагося въ Гатчинскомъ дворцѣ.)

Le comte YOURI MIKHAÏLOWITCH WIELHORSKY, 1753—1807, fils aîné du comte Michel Wielhorsky († 1794), grand maréchal de la Cour lithuanienne, et de sa première femme, née princesse Elisabeth Oginsky, fut général lieutenant à l'armée de Pologne et dignitaire de la République Polonaise. Plusieurs années ambassadeur de Pologne, vers 1790, à la Cour de Catherine II, il passa au service russe en mai 1794, et fut fait chambellan actuel le 18 juin suivant. Son changement de nationalité fut favorisé d'une part par l'état des affaires de Pologne à l'époque, et de l'autre, par ses sympathies personnelles pour la Cour de Russie, surtout depuis son mariage, dès 1788 (9 janvier), avec une des demoiselles d'honneur de l'Impératrice Catherine II, la comtesse Sophie Dmitriewna Matiouchkine (2 novembre 1755—28 mars 1796). Ce serait, dit-on, l'Impératrice elle-même qui, désireuse de l'avoir au nombre de ses sujets, l'aurait ainsi marié à une de ses demoiselles les plus intimes, de la meilleure noblesse, apparentée à plusieurs familles alors en vue à la Cour. Huit jours avant sa nomination de chambellan, ses quatre petits garçons, Michel, Joseph, Youri et Alexandre, allèrent à l'église du Palais de Tzarskoïé-Sélo faire leur profession de foi orthodoxe, et eurent comme marraine l'Impératrice elle-même. Veuf le 28 mars 1796, il se remaria à Elisabeth Stanislavowna Siewers, née Snarsky, dont il eut un fils Edouard-Georges, né le 1er juin 1802.

Paul Ier commença d'abord par lui témoigner sa faveur, le fit le jour de son avènement maréchal de la Cour, en 1797 grand maréchal, et plus tard, éleva ses petits garçons à la dignité de chevaliers de l'Ordre de Malte; à cette époque d'ailleurs, en 1799, il était déjà à la retraite: l'Empereur l'avait bientôt tenu pour suspect et privé de son service à la Cour le 6 août 1798. Il partit alors pour Vienne, et y resta jusqu'à l'avènement d'Alexandre Ier, qui le nomma en 1800 sénateur et l'affecta au département du cadastre, puis, en février 1804, le fit conseiller privé actuel, après quoi le comte donna sa démission pour raisons de santé.

Un des esprits les plus cultivés du temps, grand amateur et connaisseur d'art, le comte Wielhorsky était en particulier excellent musicien et un des fondateurs de la Société Philharmonique de St-Pétersbourg. Il fut également écrivain; auteur d'œuvres dramatiques et d'un traité sur l'éducation de la jeunesse noble en Russie, il n'eut le temps de rien publier. Deux de ses fils, Mathieu et Michel, héritèrent de ses penchants artistiques.

(D'après un original du Palais de Gatchina.)

Графиня ЕЛИЗАВЕТА СТАНИСЛАВОВНА ВІЕЛЬГОРСКАЯ, 17..—18.., дочь Станислава Снарскаго, въ первомъ бракѣ была за Сиверсомъ, а послѣ 1796 г. вышла замужъ за вдовца, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенатора графа Юрія Михайловича Віельгорскаго (р. 1753 г., † 1808 г.), отъ котораго имѣла одного сына, графа Эдуарда-Георгія Віельгорскаго (р. 1 Юня 1802 г.).

Полька по происхожденію, Снарская славилась въ Петербургѣ своей красотой.

(Съ портрета, принадлежавшаго А. М. Веневитиновой, въ Воронежѣ.)

La comtesse ÉLISABETH STANISLAVOWNA WIELHORSKY, 17 ..—18 .., fille de Stanislas Snarsky, épousa en premières noces Siewers, puis se remaria, après 1796, à un veuf, le comte Youri Mikhaïlowitch Wielhorsky (1753—1808), conseiller privé actuel, sénateur, dont elle eut un fils, Edouard-Georges, né le 1er Juin 1802.

D'origine polonaise, elle était réputée à Pétersbourg pour sa beauté.

(D'après un original appartenant à Mme A. Vénévitinoff, Voronège.)

Баронъ ХРИСТОФОРЪ (Альбертъ) ЯКОВЛЕВИЧЪ БЮЛЕРЪ, 1752—1805, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника виртембергской службы Якова-Альбрехта, возведеннаго въ 1784 г. въ баронское Римской имперіи достоинство, отъ брака съ Елизаветой Ивановной Гросъ († 1788 г.), былъ младшій братъ К. Я. Бюлера; онъ одинъ только изъ 4 братьевъ не поступилъ на русскую службу, а остался на виртембергской, гдѣ дослужился до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; долгое время баронъ Бюлеръ занималъ посты посланника въ Вѣнѣ и Петербургѣ.

Баронъ Бюлеръ былъ женатъ на вдовѣ графинѣ Лерхенфельдъ, рожденной графинѣ Фирекъ (Viereck), и имѣлъ одного только сына, Карла.

(Съ портрета, писаннаго пастелью Шмидтомъ и принадлежавшаго барону О. А. Бюлеру, въ Москвѣ.)

Le baron CHRISTOPHE (Albert) YAKOVLEWITCH BÜHLER, 1752 — 1805, fils de Jacob-Albert Bühler, conseiller privé actuel au service du Wurtemberg, baron du Saint Empire Romain en 1784, et d'Elisabeth Ivanowna, née Gros († 1788), était le plus jeune frère de Charles Bühler. Seul des quatre frères, il ne prit pas de service en Russie et resta en Wurtemberg, où il parvint au rang de conseiller privé actuel. Il fut longtemps ministre à Vienne et à Pétersbourg. Il épousa la comtesse douairière Lerchenfeld, née comtesse Viereck, dont il n'eut qu'un fils, Charles.

(D'après un pastel de Schmidt, ayant appartenu au baron Th. Bühler, Moscou.)

Княгиня СОФІЯ СТЕПАНОВНА ЩЕРБАТОВА, 1798—1886, статсъ-дама, дочь генерала-отъ-кавалеріи Степана Степановича Апраксина отъ брака съ княжной Екатериной Владиміровной Голицыной, родилась въ 1798 году; дѣтство свое и молодость провела она или въ знаменитомъ имѣніи отца своего, „Ольговѣ“, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, или въ Апраксинскомъ домѣ, въ Москвѣ, у Арбатскихъ воротъ (нынѣ Александровское военное училище). Изъ этого дома вышла она замужъ за князя Алексѣя Григорьевича Щербатова (р. 1776 г., † 1848 г.), будущаго Московскаго военнаго генераль-губернатора. Князь А. Г. Щербатовъ, на 20 лѣтъ старше ея, былъ уже вдовцомъ; первая жена его, княгиня Екатерина Андреевна, рожденная княжна Вяземская, умерла въ 1810 году.

Послѣ своей свадьбы княгиня С. С. Щербатова поселилась въ Москвѣ, въ чудномъ, купленномъ у графа Ростопчина, домѣ, на Садовой, гдѣ и умерла (теперь Софійская дѣтская больница). Домъ этотъ долгое время являлся центромъ всей Москвы, родовитой, свѣтской и благотворительной; въ немъ сохранялись долго всѣ старыя Московскія традиціи, описанныя Толстымъ въ „Войнѣ и Мирѣ“, и патриархальный бытъ допожарной Москвы. Княгиня Щербатова, очень умная и образованная, была олицетворенной „grande dame“, говорила правду въ глаза Государю и простому смертному; воспитанная въ роскоши и богатствѣ, она отличалась простотою въ жизни, любила рано вставать, сидѣть поджавши ноги, говоря, что она „татарка“, намекая на татарское происхожденіе Апраксиныхъ. Обладая большими административными способностями, она много труда и заботъ положила на дѣло помощи бѣднымъ и стала во главѣ благотворительности въ Москвѣ, сдѣлавшись учредительницей „Дамскаго Понечительства о бѣдныхъ“; она же основала Комиссаровское техническое училище, участвовала въ дѣятельности Тюремныхъ комитетовъ. Много заботилась также княгиня Щербатова о воспитаніи и благосостояніи своихъ дѣтей, которыхъ у нея было шестеро: продавъ свои извѣстные брильянты, она купила на эти деньги нѣсколько имѣній и поровну раздѣлила ихъ между дѣтьми и даже внуками. До конца своей долголѣтней жизни она сохранила большую подвижность и дѣятельность, ясность ума и способность всѣмъ интересоваться. Чуть ли не послѣдними ея словами передъ смертью былъ вопросъ, обращенный къ доктору, живъ ли нѣтъ Гордонъ, посаженный въ это время въ Хартумъ.

Княгиня Софія Степановна Щербатова скончалась отъ воспаления легкихъ въ Москвѣ 3 Февраля 1886 г. и похоронена въ Донскомъ монастырѣ, въ Голицынской церкви.

У нея было четыре сына: князь Григорій Алексѣевичъ (р. 1819 г., † 1881 г.), женатый на графинѣ С. А. Паниной, князь Борисъ Алексѣевичъ (р. 1824 г., † 1826 г.), князь Владиміръ Алексѣевичъ (р. 1826 г., † 1888 г.), женатый на М. А. Столыпиной, и князь Александръ Алексѣевичъ (р. 1829 г., † 1902 г.), женатый на М. П. Мухановой, и двѣ дочери: Екатерина, за княземъ Ил. Ил. Васильчиковымъ, и Ольга, за княземъ С. Ф. Голицынымъ.

Кромѣ прилагаемаго портрета, намъ извѣстенъ еще одинъ, масляными красками, идущій изъ с. Рождествена отъ князя Д. В. Голицына и принадлежащій М. В. Воейковой, въ С.-Петербургѣ.

(Съ портрета О. Кириенскаго; собственность А. М. Апраксиной, с. Ольгово, Московской губ.)

La princesse SOPHIE STÉPANOWNA CHTCHERBATOFF, 1798—1886, dame d'honneur, fille du général de cavalerie Stéphane Stépanowitch Apraxine et de la princesse Catherine Vladimirowna, née Golitzyne, naquit en 1798, et passa son enfance et sa jeunesse, tantôt dans la célèbre propriété de son père, à Olgovo, district de Dmitrowsk, gouvernement de Moscou, tantôt à la maison des Apraxine, à Moscou, près la Porte d'Arbat, aujourd'hui l'Ecole Militaire Alexandre. Elle épousa le prince Alexis Grigoriewitch Chtcherbatoff (1776—1848), le futur gouverneur de Moscou, de vingt ans plus âgé qu'elle et veuf depuis 1810 de la princesse Catherine Andréewna, née princesse Viazemsky.

Après son mariage, la princesse Chtcherbatoff se fixa à Moscou dans sa splendide maison de la Sadovaïa (aujourd'hui l'Hôpital d'enfants Sophie), qu'elle avait achetée au comte Rostoptchine et où elle mourut, et qui fut de longues années le centre des réunions mondaines et de bienfaisance de la haute société de Moscou. Elle y conserva longtemps toutes les vieilles traditions moscovites décrites par Tolstoï dans *La Guerre et la Paix*, et le genre patriarcal de la Moscou d'avant l'incendie. Avec de l'esprit et de l'instruction, elle était grande dame dans l'âme, disant la vérité en face à l'Empereur et à un simple mortel; élevée dans le luxe et l'opulence, elle avait une vie des plus simples, aimait se lever tôt, et s'asseyait à la turque, en se disant tatar, par allusion à l'origine tatar des Apraxine. Douée d'un grand talent d'organisation, elle s'occupa activement d'œuvres de charité et se trouva à la tête de la bienfaisance de Moscou par la fondation du „Comité de Dames pour l'Assistance aux Pauvres“; elle fonda également l'Ecole professionnelle Komissarowsky et prit part aux travaux des Comités de Prisons. Elle fit aussi beaucoup pour l'éducation et le bonheur de ses enfants, dont elle n'avait pas moins de six: elle vendit ses fameux bijoux pour acheter plusieurs propriétés dont elle fit un partage égal entre eux et même entre ses petits-enfants. Alerte et active jusqu'à la fin de sa vie, elle ne perdit jamais rien de sa lucidité ni de l'intérêt qu'elle prenait à tout; peu d'instants encore avant sa mort, elle demandait au médecin des nouvelles de Gordon, alors enfermé dans Khartoum.

La princesse Chtcherbatoff mourut à Moscou d'une fluxion de poitrine le 3 février 1886, et fut inhumée au monastère Donskoï, dans l'église Golitzyne.

Elle eut quatre fils, Grégoire (1819—1881), marié à la comtesse S. Panine, Boris (1824—1826), Vladimir (1826—1888), marié à Mlle M. Stolypine, et Alexandre (1829—1902), marié à Mlle M. Moukhanoff, et deux filles, Catherine, mariée au prince H. Vassiltchikoff, et Olga, au prince Golitzyne.

Outre le présent portrait, il en existe un autre à l'huile, ayant appartenu au prince D. Golitzyne, à Rojdestvéno, et actuellement propriété de Mme M. Voïkoff, à St-Petersbourg.

(D'après un original de O. Kiprensky, appartenant à Mme A. Apraxine, Olgovo, gouv. de Moscou.)

Рис. Киренский

Княгиня Софія Степановна
Шчербатова,
1798 — 1886

Рис. par Kirpinsky

La Princesse Sophie Stepanovna
Chicherbatoff,
1798 — 1886

Софія Петровна
Свъчина,
1782 — 1857

Sophie Petrovna
Svetchine,
1782 — 1857

СОФЬЯ ПЕТРОВНА СВѢЧИНА, 1782—1857, дочь статсъ-секретаря Петра Александровича Соимонова (р. 1737 г., † 1801 г.) отъ брака съ Екатериной Ивановной Болтиной (р. 1756 г., † 1799 г.), родилась 22 Ноября 1782 г., въ Москвѣ. Подъ руководствомъ своего отца, человека весьма образованнаго въ духъ XVIII вѣка, и матери, дочери историка И. Н. Болтина, Софья Петровна получила отличное во вкусъ того времени образованіе: она превосходно знала европейскіе языки и имѣла познанія даже въ латинскомъ и еврейскомъ языкахъ, что, по тогдашнимъ понятіямъ, считалось фундаментомъ солиднаго образованія. Одаренная недюжинными способностями, не по годамъ развитая, она къ тому же обладала удивительной силы волей, которую, однако, воспитатели не сумѣли направить въ надлежащую сторону; равнымъ образомъ они забыли или не считали нужнымъ прочно вложить въ эту впечатлительную и рано привыкшую къ размышленіямъ натуру и болѣе или менѣе опредѣленные религіозныя начала; недостатки воспитанія, конечно, не могли не сыграть своей роли въ ея дальнѣйшей судьбѣ, къ тому же сложившейся вначалѣ не столь благопріятно. Однако, присущій ей *esprit fort* помогъ ей стать выше житейскихъ невзгодъ, ломающихъ неподготовленныхъ къ нимъ натуры, и твердо и неуклонно идти по пути, самостоятельно выбранному. Она недолго пробыла фрейлиной двора Императрицы Маріи Ѳеодоровны: въ 1799 году, потерявъ мать, она въ слѣдующемъ году, семнадцатилѣтней дѣвушкой, вышла, по желанію отца, за С.-Петербургскаго военнаго губернатора генерала-отъ-инфантеріи Николая Сергѣевича Свѣчина (р. 1759 г., † 11 Ноября 1850 г.), которому къ тому времени было уже 42 года. Вскорѣ послѣ свадьбы ея отецъ былъ высланъ изъ Петербурга и умеръ въ Москвѣ отъ удара. Быстро слѣдовавшія одно за другимъ столь важныя событія на самомъ порогѣ жизни Софіи Петровны вызвали въ ней то душевное состояніе, изъ котораго натуры впечатлительныя ищутъ обыкновенно выхода въ религію. Это случилось и со Свѣчиной, тѣмъ болѣе, что къ тому были благопріятныя условія. Въ салонахъ высшаго свѣта того времени весьма часто появлялся извѣстный *chevalier d'Augard*, французскій эмигрантъ, сдѣланный впоследствии Императорскимъ бібліотекаремъ. Увлечательная пропаганда католицизма, которую велъ д'Огарь, глубоко запала въ душу Свѣчиной и была толчкомъ къ дальнѣйшему, болѣе тѣсному сближенію ея съ французами-католиками, изъ которыхъ наибольшее вліяніе не нее имѣлъ Жозефъ де-Местрь. Результатомъ этого сближенія былъ ея тайный переходъ въ католичество и отъѣздъ въ 1816 году въ Парижъ. Здѣсь она скоро обратилась въ ревностную католичку, примкнувъ къ ультрамонтанской партіи. Наскоро устроивъ въ 1818 году свои дѣла въ Россіи, Свѣчина окончательно переселилась въ столицу Франціи, гдѣ ея салонъ скоро сдѣлался центромъ, куда стекались французскія знаменитости, а домашняя капелла — мѣстомъ отреченія многихъ православныхъ отъ родной религіи. На всѣхъ посѣщавшихъ салонъ Свѣчиной, обаятельно дѣйствовалъ духовный обликъ этой — по выраженію Лакордера — „*grande conversatrice*“, ея недюжинный умъ и начитанность. — Она скончалась въ Парижѣ 29 Августа 1857 года настолько выдающейся по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ католичкой, что вскорѣ послѣ ея смерти упорно передавали слухъ о ея канонизаціи. Литературнымъ памятникомъ дѣятельности С. П. Свѣчиной служатъ ея многочисленныя сочиненія (на французскомъ языкѣ), изданныя вскорѣ послѣ ея смерти въ Парижѣ и состоящія главнымъ образомъ изъ афоризмовъ; для характеристики Софіи Петровны весьма важны и ея не разъ издававшіяся многочисленныя письма.

Бракъ С. П. Свѣчиной, пережившей своего мужа, былъ бездѣтный.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго свѣтл. княгинѣ Л. И. Сайнъ-Витгенштейнъ, Уши, въ Швейцаріи.)

SOPHIE PÉTROWNA SVETCHINE, 1782 — 1857, fille du secrétaire d'état Pierre Alexandrowitch Soïmonoff (1737—1801) et de Catherine Ivanowna, née Boltine (1756—1799), naquit le 22 novembre 1782 à Moscou. Elle reçut sous la direction de son père, supérieurement instruit selon l'esprit du XVIIIe siècle, et de sa mère, fille de l'historien I. Boltine, une instruction parfaite au goût du temps: elle savait à fond les langues et possédait même des notions de latin et d'hébreu, ce qui passait à l'époque pour la base d'une solide instruction. Douée d'aptitudes peu communes et d'une maturité d'esprit remarquablement précoce, elle avait en outre une force de volonté étonnante, à laquelle ses éducateurs ne surent pas imprimer la direction voulue: ils ne songèrent ou ne tinrent pas davantage à inculquer à cette nature si impressionnable, à cet esprit d'une activité si précoce, de principes religieux plus ou moins nets; toutes lacunes dont elle ne devait pas manquer de se ressentir toute sa vie, commencée d'ailleurs sous de tristes auspices. Pourtant son „esprit fort“ naturel lui permit de se tenir au-dessus de ces coups du sort qui terrassent les natures mal préparées, et de marcher d'un pas ferme et sûr dans la voie qu'elle s'était tracée elle-même. Après quelque temps passé à la Cour comme demoiselle d'honneur de l'Impératrice Marie, elle perdit sa mère en 1799, et épousa l'année suivante, à 17 ans, par la volonté de son père, le général d'infanterie Nicolas Serguéewitch Svetchine (1759—11 novembre 1850), général gouverneur de St-Petersbourg, alors âgé de 42 ans. Peu après son mariage, son père fut expulsé de St-Petersbourg et mourut à Moscou, d'une attaque d'apoplexie. Cette succession précipitée de graves événements au seuil même de la vie la jeta dans un état d'esprit où les natures impressionnables ne trouvent de salut que dans la religion. C'est ce qui arriva ici, d'autant plus que les circonstances s'y prêtaient. Les salons de la haute société recevaient souvent à cette époque un émigré bien connu, le chevalier d'Augard, qui devint plus tard bibliothécaire de Sa Majesté. Son entraînante propagande catholique fit une profonde impression sur Mme Svetchine et la porta plus irrésistiblement vers les catholiques de France, parmi lesquels Joseph de Maistre eut sur elle la plus forte influence. Le résultat fut sa conversion secrète au catholicisme et son départ pour Paris en 1816, où elle devint fervente catholique et adhéra au parti ultramontain. En 1818, après un court séjour en Russie pour mettre ordre à ses affaires, elle se fixa définitivement à Paris, où son salon devint le rendez-vous des célébrités de la ville, et sa chapelle vit de nombreux orthodoxes abjurer la religion de leurs pères. Dans son entourage, c'était une fascination spirituelle que la figure de cette „grande conversatrice“, comme l'appelle Lacordaire, avec son esprit distingué et ses lectures. Elle mourut à Paris le 29 août 1857 en odeur de sainteté, à tel point que le bruit courut peu après sa mort qu'on allait la canoniser. Elle a laissé comme bagage littéraire des œuvres en français, parues à Paris peu après sa mort et consistant presque exclusivement en aphorismes. Bien caractéristiques sont aussi les multiples éditions de ses nombreuses lettres.

Mme Svetchine survécut à son mari et n'eut pas d'enfants.

(D'après une aquarelle appartenant à la princesse sérénissime L. de Sayn-Wittgenstein, à Ouchy, Suisse.)

ПАВЕЛЪ АЛЕКСѢВИЧЪ ТУЧКОВЪ, 1775—1858, герой Отечественной войны, пзвѣстный подъ пменемъ Тучкова 3-го, былъ четвертый сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора Алексѣя Васильевича († 20 Мая 1799 г.), женатаго на Еленѣ Яковлевнѣ (фамилія непзвѣстна), началъ службу въ артиллеріи и быстро подвигался въ чинахъ. На 24 году отъ роду, по личному выбору Императора Павла I, переведень въ Лейбъ-гвардіи Артиллерійскій баталіонъ и произведень въ полковники, а въ слѣдующемъ, 1800 году,—въ генераль-майоры, съ назначеніемъ шефомъ 1-го Артиллерійскаго полка. Въ 1806 году назначень командиромъ 1-й бригады 17-й дивизіи и въ Декабрѣ 1807 года отправлень въ Финляндію, гдѣ поступилъ подъ начальство князя Горчакова. Въ Шведскую войну 1808 и 1809 гг., за отличную храбрость и распорядительность, удостоень Высочайшаго рескрипта и награждень орденомъ св. Анны 1 ст. за дѣло при островѣ Кимито, гдѣ спасъ отъ плѣна главнокомандующаго графа **Θ. Θ. Буксгевдена**, генераль-квартирмейстера графа **Сухтелена** и дежурнаго генерала **Коновницына**. Въ Отечественную войну 1812 года **П. А. Тучковъ** находился во 2-мъ пѣхотномъ корпусѣ **Багговута** и до соединенія армій при **Смоленскѣ** командовалъ арьергардомъ графа **Палена**. Во время боевъ при **Смоленскѣ**, командуя особымъ отрядомъ, находился на правомъ берегу **Днѣпра**, въ 2-хъ верстахъ отъ Петербургскаго предмѣстья и былъ очевидцемъ страшнаго разрушенія города. Послѣ 6 Августа, находясь въ авангардѣ 3-го корпуса, принималъ участіе въ **Лубинскомъ бою**, при **Валутиной горѣ**, 7 Августа, гдѣ вмѣстѣ съ **Коновницынымъ** покрылъ себя славою. Дѣйствуя во главѣ **Екатеринославскаго гренадерскаго полка** противъ французской дивизіи **Гюдена**, **Тучковъ**, пробитый штыкомъ и весь изрубленный сабельными ударами, не погнѣбъ, только благодаря звѣздѣ, по которой въ немъ признали генерала, и онъ былъ захвачень въ плѣнъ. Въ **Смоленскѣ**, 13 Августа, еще не оправившись отъ ранъ, онъ призванъ былъ къ **Наполеону**, который имѣлъ съ нимъ довольно продолжительную бесѣду и въ заключеніе вернулъ герою шпагу. Разговоръ этотъ описанъ **Тучковымъ** въ его „Воспоминаніяхъ о 1812 годѣ“, напечатанныхъ въ 1873 году въ „Русскомъ Архивѣ“.

Изъ **Смоленска** **П. А. Тучковъ** отправлень во Францію, гдѣ жилъ сначала въ **Мецѣ**, затѣмъ въ **Суассонѣ** и, наконецъ, въ **Реннѣ**, откуда, по вступленіи русскихъ войскъ въ **Парижъ**, явился къ Императору **Александру**. Участвовалъ въ походахъ 1814 и 1815 гг. и по возвращеніи въ Россію назначень начальникомъ 8-й пѣхотной дивизіи въ **Москвѣ**, гдѣ находился до 1819 г., когда вслѣдствіе разстройства здоровья вышелъ въ отставку, проживъ въ своей подмосковной деревнѣ до 1826 года. Въ этомъ году Императоръ **Николай I**, по случаю своего коронованія, пожаловалъ его чиномъ тайнаго совѣтника и назначилъ почетнымъ опекуномъ **Московского Опекунскаго Совѣта**. Въ 1828 году **П. А. Тучковъ** сдѣланъ сенаторомъ, а черезъ два года первоприсутствующимъ въ 6 **Московскомъ Департаментѣ Сената**, въ 1838 году членомъ **Государственнаго Совѣта** и предсѣдателемъ **Комиссіи прошеній**.

Скончался **П. А. Тучковъ** 24 Января 1858 года въ преклонномъ, 83-лѣтнемъ, возрастѣ; онъ былъ женатъ на **Александрѣ Петровнѣ Неклюдовой** (р. 30 Іюня 1798 г., † 24 Іюня 1869 г.), отъ которой имѣлъ сына **Александра** (статскій совѣтникъ; р. 16 Мая 1825 г.) и 4 дочерей: **Елену** (въ замужствѣ за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ **П. А. Михайловымъ**), **Елизавету** (р. 1 Сентября 1819 г.), **Марію** (р. 25 Марта 1821 г., † 11 Апрѣля 1858 г.) и **Александру** (за **В. В. Новосильцовымъ**).

(Съ портрета **Дау**; **Галлерей** 1812 г. въ **Зимнемъ дворцѣ**.)

PAUL ALEXÉEWITCH TOUTCHKOFF, 1775—1858, héros de la Guerre Patriotique, connu sous le nom de Toutchkoff 5, était le quatrième fils du conseiller privé actuel et sénateur Alexis Vassiliéwitch Toutchkoff († 20 mai 1799) et d'Hélène Yakovlewna, née de famille inconnue. Enrôlé d'abord dans l'artillerie, il fit une carrière rapide. Il avait 24 ans quand l'Empereur Paul lui-même le fit passer au bataillon d'artillerie de la Garde avec grade de colonel, pour le faire l'année suivante général major et chef du 1er régiment d'artillerie. Nommé en 1806 commandant de la 1re brigade de la 17e division, il fut en décembre 1807 envoyé en Finlande, où il se trouva sous les ordres du prince Gortchakoff. A la guerre de Suède de 1808/1809, il fut honoré d'un rescrit de Sa Majesté en récompense de sa bravoure et de son habileté, et décoré de Ste-Anne de 1re classe pour l'affaire de l'île Kimito, où il sauva le commandant en chef comte Th. Buxhœwden, le quartier-maître général comte Suchtelen et le général de service Konovnitzyne, tous trois en danger d'être faits prisonniers. Il fit la Guerre Patriotique en 1812 au 2e corps d'infanterie de Baggovout, et, jusqu'à la jonction des armées sous Smolensk, commanda l'arrière-garde du comte Pahlen. Pendant les combats livrés sous Smolensk, à la tête d'un détachement, sur la rive droite du Dnièper, à deux verstes du faubourg de Pétersbourg, il fut témoin de la terrible dévastation de la ville. Après le 6 août, à l'avant-garde du 3e corps, il prit part le 7 août à la bataille de Valoutino, où il se couvrit de gloire avec Konovnitzyne. A la tête du régiment des grenadiers d'Ekaterinoslav aux prises avec la division française Gudin, percé d'un coup de baïonnette et tout tailladé de coups de sabre, il ne dut la vie qu'à son étoile qui le fit reconnaître pour un général, et fut fait prisonnier. Le 13, à Smolensk, non encore remis de ses blessures, il fut appelé par Napoléon, qui eut avec lui un entretien assez prolongé, à la fin duquel il rendit au héros son épée. Cet entretien est raconté par Toutchkoff dans ses Souvenirs de 1812 (Archive Russe, 1875).

De Smolensk, Toutchkoff fut expédié en France, où il vécut d'abord à Metz, puis à Soissons, et enfin à Rennes, d'où, à la prise de Paris, il vint se présenter à l'Empereur Alexandre. Il fit les campagnes de 1814 et 1815, et, à son retour en Russie, fut nommé chef de la 8e division d'infanterie à Moscou, où il resta jusqu'en 1819. Il donna alors sa démission pour raisons de santé, et se retira dans sa propriété des environs de Moscou. En 1826, l'Empereur Nicolas 1er le fit à son couronnement conseiller privé et le nomma tuteur honoraire du Conseil de Tutelle de Moscou. Toutchkoff fut sénateur en 1828, deux ans après président du 6e département du Sénat, à Moscou, enfin, en 1838, membre du Conseil de l'Empire et président de la Commission des Requêtes.

Il parvint à un âge avancé, et mourut le 24 janvier 1858, à 83 ans. Il avait épousé Alexandrine Pétrouna Nékliondoff (30 juin 1798 — 24 juin 1869), dont il eut un fils Alexandre, né le 16 mai 1825, conseiller d'état, et quatre filles, Hélène, mariée au conseiller d'état actuel I. Mikhaïloff, Elisabeth (née 1er septembre 1819), Marie (25 mars 1821 — 11 avril 1858) et Alexandrine, mariée à B. Novossiltzoff.

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

Miss Mary
H. H. H.

Miss Mary
H. H. H.

Пис. Дав

Павелъ Алексѣевичъ
Тучковъ,
1775 — 1858

Peint par Dawe

Paul Alexéewitch
Tutchkoff,
1775 — 1858

Пис. Дав

Николай Алексѣевичъ
Тучковъ,
1765 — 1812

Peint par Dawe

Nicolas Alexéewitch
Tutchkoff,
1765 — 1812

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ТУЧКОВЪ, 1765—1812, старшій изъ братьевъ, прославившихъ имя Тучковыхъ въ Отечественную войну, былъ сынъ инженеръ-генерала, впоследствии сенатора и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Алексѣя Васильевича Тучкова; въ спискахъ генераловъ значился онъ подъ именемъ Тучкова 1-го. По обычаю того времени, Н. А. Тучковъ, родившійся 16 Апрѣля 1765 года, 12 лѣтъ записанъ былъ въ военную службу (кондукторомъ въ Инженерный корпусъ) и выпущенъ офицеромъ въ артиллерію въ 1778 году; боевое поприще началъ въ Шведскую войну 1788—1790 гг., послѣ чего переведенъ въ Муромскій пѣхотный полкъ, съ которымъ участвовалъ въ войнѣ противъ польскихъ конфедератовъ, а въ 1794 г., состоя въ корпусѣ генерала Ферзена, особенно отличился въ сраженіи при Маціовицахъ, во время котораго былъ взятъ въ плѣнъ польскій генералъ Костюшко. Командуя батальономъ Великолуцкаго полка, Тучковъ взялъ приступомъ замокъ и отбилъ пушку, за что отправленъ Ферзеномъ съ донесеніемъ къ Императрицѣ, которая собственноручно надѣла на него Георгія 4-й степени. Въ походѣ 1799 года Тучковъ, находясь въ корпусѣ Римскаго-Корсакова, послѣ неудачнаго для насъ Цюрихскаго сраженія мужественно пробился съ Сѣвскимъ полкомъ къ Шафгаузену и соединился съ главной арміей Суворова. Императоръ Павелъ наградиъ Тучкова за его мужество чиномъ генералъ-лейтенанта. Въ кампанію 1807 г., командуя правымъ крыломъ арміи Беннигсена, онъ выказалъ выдающуюся храбрость въ бою при Прейсишъ-Эйлау, за который былъ награжденъ орденами св. Владиміра 2-й ст. и св. Георгія 3-й степени. Съ не меньшимъ отличіемъ Тучковъ дѣйствовалъ въ Шведскую кампанію 1808 года, подъ начальствомъ Буксгевдена.

Въ началѣ Отечественной войны 1812 г. Н. А. Тучковъ былъ назначенъ командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса, входившаго въ составъ Западной арміи Барклая-де-Толли. Съ этимъ корпусомъ, въ составъ котораго входили 1-я гренадерская дивизія графа Строганова, 3-я пѣхотная—Коновницына и л.-гв. Казачій полкъ, Тучковъ, черезъ Витебскъ и Смоленскъ, прибылъ къ Бородину, гдѣ сначала поставленъ былъ въ резервъ, а затѣмъ, наканунѣ сраженія, переведенъ на лѣвый флангъ нашей позиціи къ деревнѣ Утицѣ. Здѣсь присоединилось къ нему 7000 Московскаго ополченія, съ которымъ онъ долженъ былъ охранять Старую Московскую дорогу, во избѣжаніе обхода нашего лѣваго крыла. Утицкій курганъ, атакованный 26 Августа войсками Понятовскаго и захваченный было непріятелемъ, былъ снова отбитъ, при чемъ Н. А. Тучковъ, находившійся во главѣ Павловскаго гренадерскаго полка, за смертью отнесенъ съ поля сраженія, смертельно раненый пулей въ грудь. Онъ умеръ послѣ 3-недѣльныхъ страданій въ Ярославлѣ, гдѣ и похороненъ въ Толгскомъ мужскомъ монастырѣ.

(Съ портрета Дау; Галерея 1812 г. въ Зимнемъ дворцѣ.)

NICOLAS ALEXÉEWITCH TOUTCHKOFF, 1765—1812, l'aîné des frères qui illustrèrent le nom à la Guerre Patriotique, né le 16 avril 1765, était fils du général ingénieur Alexis Vassiliéwitch Toutchkoff, plus tard sénateur et conseiller privé actuel, et figurait aux cadres sous la désignation de Toutchkoff 1. Enrôlé au service militaire, selon l'usage, dès l'âge de 12 ans, comme conducteur au Corps des Ingénieurs, il passa officier d'artillerie en 1778. Sa première campagne fut celle de Suède en 1788/1790, après quoi il permuta au régiment d'infanterie de Mourom, avec lequel il fit la guerre de Pologne; en 1794, au corps du général Fersen, il se signala particulièrement à la bataille de Maciejowice, où fut fait prisonnier le général polonais Kosciuszko. A la tête d'un bataillon du régiment de Vélikié-Louki, il enleva le château d'assaut et reprit un canon; Fersen l'envoya en récompense porter le rapport à l'Impératrice, qui le décora de sa propre main de St-Georges de 4e classe. En 1799, au corps de Rimsky-Korsakoff, il se fraya à la tête du régiment de Sevsk la route de Schaffhouse pour se rallier au gros de l'armée de Souvoroff. L'Empereur Paul le fit pour sa bravoure général lieutenant. A la campagne de 1807, il commandait l'aile droite de l'armée de Bennigsen et déploya une éclatante valeur à Preussisch-Eylau, qui lui valut St-Vladimir de 2e classe et St-Georges de 3e classe. Il fit preuve de la même intrépidité à la campagne de Suède en 1808, sous le commandement de Buxhöwden.

En 1812, au début de la Guerre Patriotique, Toutchkoff fut nommé à l'armée de Barclay de Tolly commandant du 3e corps d'infanterie, dont faisaient partie la 1re division de grenadiers du comte Stroganoff, la 3e d'infanterie de Konovnitzyne et les cosaques de la Garde, et avec lequel, par Vitebsk et Smolensk, il marcha sur Borodino. Là, d'abord affecté à la réserve, il fut envoyé la veille de la bataille au flanc gauche de notre position, au village d'Outitza, et y fut bientôt rejoint par les 7000 hommes de la milice de Moscou, avec lesquels il devait défendre la vieille route de Moscou pour empêcher notre aile gauche d'être tournée. Le kourgane d'Outitza, attaqué le 26 août par Poniatowsky et presque enlevé par l'ennemi, fut repris, et c'est là que Toutchkoff, à la tête du régiment de grenadiers Pavlowsky, tomba sur le champ de bataille, mortellement blessé d'une balle à la poitrine. Il mourut après trois semaines de souffrances à Yaroslavl, où il fut inhumé au couvent de moines de Tolga.

(D'après l'original de Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

ТИМОФЕЙ ИВАНОВИЧЪ ТУТОЛМИНЪ, 1740—1809, сынъ корнета Конной гвардіи Ивана Ивановича Тутолмина (р. 1707 г., † 1746 г.), родился 3 Января 1740 года; лишившись отца на 6 году, онъ воспитывался въ домѣ дяди, а потомъ въ кадетскомъ корпусѣ. Тутолмину пришлось участвовать въ Семилѣтней кампаніи, а вскорѣ послѣ того — въ войнѣ съ Турціей. Здѣсь, командуя, въ чинѣ подполковника, легкими отрядами, онъ отличился подъ Бендерами (1769 г.). Продолжая затѣмъ службу въ арміи, подъ начальствомъ графа Румянцева-Задунайскаго, Тутолминъ былъ награжденъ чиномъ полковника и орденомъ Георгія 4-й степени. Отправленный въ 1775 году въ Москву на торжественное празднованіе мира, Тутолминъ удостоился вниманія Императрицы и былъ назначенъ Тверскимъ вице-губернаторомъ, съ прозвѣдствомъ въ бригадиръ, а въ слѣдующемъ году опредѣленъ правителемъ Тверского намѣстничества. Въ 1779 году онъ былъ пожалованъ чиномъ генераль-майора. Вскорѣ послѣ того ему было поручено управленіе Новороссійскимъ краемъ и Крымомъ, гдѣ онъ ввелъ порядокъ и благоустройство, и получилъ въ награду орденъ Владиміра 2-й ст.; дальнѣйшая его дѣятельность на Югѣ была прервана назначеніемъ его въ 1784 году правителемъ Архангельскаго и Олонецкаго намѣстничества. Здѣсь, когда началась, въ 1788 г., Шведская война, онъ организовалъ изъ казенныхъ крестьянъ ополченіе и усилилъ гребной флотъ. Наградой за эти труды было пожалованіе орденовъ св. Александра Невскаго въ 1789 г. и св. Владиміра 1-й ст. въ 1790 году. По присоединеніи Западнаго края къ Россіи, Тутолмину было ввѣрено, въ 1795 г., управленіе губерніями Минскою, Волынскою и Брацлавскою. Открывъ затѣмъ, въ 1796 г., Подольское намѣстничество, онъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ этой области, состоя тогда въ чинѣ генераль-аншефа. По вступленіи на престолъ Императора Павла I, Тутолминъ впалъ въ немилость и по ложному доносу былъ даже заключенъ подъ арестъ въ Петербургъ, и находился въ крѣпости въ теченіе полутора года. Хотя и открылась полная невинность Тутолмина, тѣмъ не менѣе онъ отказался отъ службы и удался въ Москву, гдѣ въ 1806 г. былъ назначенъ генераль-губернаторомъ; за время своего здѣсь управленія онъ сформировалъ земское ополченіе; дѣятельность его была оцѣнена Александромъ I, который пожаловалъ Тутолмину орденъ св. Андрея Первозваннаго. Оставивъ въ началѣ 1809 г., по болѣзни, управленіе Москвою, Тутолминъ переселился въ Петербургъ и здѣсь участвовалъ въ работахъ по образованію новаго Государственного Совета.

Т. И. Тутолминъ умеръ 1 Ноября 1809 г. и погребенъ въ Троицкомъ соборѣ Успенскаго монастыря, въ г. Старицѣ. Прекрасный памятникъ его подвергся искаженію: верхняя часть пирамиды, проходившая изъ нижней церкви въ верхнюю, спилена, и полъ сверху задѣланъ. Отъ брака съ Елизаветой Михайловной Арсеньевой Тутолминъ имѣлъ сына Алексѣя (генераль-майоръ; р. 25 Ноября 1770 г., † 18 Ноября 1823 г.) и дочь Марію (р. 19 Августа 1774 г., † 11 Юля 1...5; въ замужствѣ съ 10 Ноября 1791 г. за Арсеньевымъ).

Т. И. Тутолмина надо отнести къ числу крупныхъ и просвѣщеннѣйшихъ дѣятелей Екатерининскаго времени. Императрица, для которой онъ списывалъ въ Западномъ краѣ монастырскія лѣтописи, историческія рукописи и составлялъ родословныя, была искренно къ нему расположена и видѣла въ немъ точнаго исполнителя ея предположеній и желаній въ дѣлѣ администраціи. Въ Петрозаводскѣ онъ выписывалъ англичанъ-мастеровъ, чтобы поднять Петровскій пушечный заводъ; въ Архангельскомъ краѣ собиралъ историческіе, этнографическіе и статистическіе матеріалы для Сравнительнаго словаря, задуманнаго Екатериной II; въ Твери покровительствовалъ мѣстному историкъ Діомиду Карманову и основалъ „Благородное публичное училище“ (позднѣе гимназія), особенно имѣя въ виду недостаточныхъ дворянъ. Для этого училища онъ самъ составилъ уставъ и преподавалъ правила воспитанія, основанныя на принципахъ гуманности и развитія чувства чести и долга; опередивъ на много современниковъ, онъ изгналъ изъ школы „всякую жестокость и все, что можетъ только называться наказаніемъ на тѣлѣ“ (см. Журналъ V засѣданія Тверск. музея 1903 г.); зато на Волыни Тутолминъ явился суровымъ администраторомъ, но тому причиной были разбой, грабежи и полная распушенность края, что имъ и было скоро прекращено.

Въ I т., подъ № 133, помѣщена была миниатюра, изображающая Т. И. Тутолмина, съ невѣрнымъ ея опредѣленіемъ (князь Я. И. Лобановъ-Ростовскій).

(Съ портрета, принадлежавшаго Н. О. Тутолмину, въ С.-Петербургѣ.)

189

Тимофей Иванович
Тутолминъ,
1740 — 1809

*Timothee Ivanowitch
Toutouline,
1740 — 1809*

190

Графъ Михаилъ Васильевичъ
Гудовичъ,
17 .. — 1818

*Le Comte Michel Vassiliewitch
Goudowitch,
17 .. — 1818*

191

Леонтій Ивановичъ
Де-Прерадовичъ,
1766 — 1844

*Léonce Ivanowitch
De-Préradowitch,
1766 — 1844*

192

Князь Яковъ Ивановичъ
Лобановъ-Ростовскій,
1760 — 1831

*Le Prince Jacob Ivanowitch
Lobanoff-Rostowsky,
1760 — 1831*

Графъ МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГУДОВИЧЪ, 174 .— 1818, сынъ Малороссійскаго генеральнаго подскарбія потомъ тайнаго совѣтника Василя Андреевича († 1784 г.), отъ второго брака съ Маріей Степановной Миклашевской († 1750 г.), въ службу вступилъ въ 1768 г. солдатомъ въ Преображенскій полкъ и въ 1771 г. выпущенъ поручикомъ въ Астраханскій пѣхотный полкъ, послѣ чего принялъ участіе въ первой Турецкой войнѣ. Въ 1775 г. произведенъ въ майоры въ Кіевскій легкоконный полкъ, въ 1779 г. назначенъ адъютантомъ къ графу П. А. Румянцеву и въ 1784 г. произведенъ въ полковники въ Кіевскій карабинерный полкъ. Въ 1787 г. Гудовичъ принялъ участіе во второй Турецкой войнѣ. Произведенный въ 1789 г. въ бригадиры съ оставленіемъ въ прежнемъ полку, онъ въ 1792 г. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ, а въ слѣдующемъ году произведенъ въ генераль-майоры и въ 1796 г. назначенъ шефомъ Ярославскаго мушкатерскаго полка. 15 Сентября 1797 г. Гудовичъ былъ уволенъ по прошенію отъ службы (впослѣдствіи переименованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники) и поселился въ Батуринѣ, во дворцѣ у гетмана графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, у котораго, въ то время хозяйничала свойственница и близкая пріятельница Гудовича, весьма къ нему неравнодушная, племянница гетмана, графиня С. О. Апраксина (см. т. II, № 66). Дѣти старика Разумовскаго недружелюбно относились къ М. В. Гудовичу и подозрѣвали его въ неблаговидныхъ поступкахъ, особенно въ расхищеніи, вмѣстѣ съ Апраксиной, имущества послѣ кончины гетмана, послѣдовавшей 3 Января 1803 года. Болотовъ передаетъ ходившій въ его время слухъ (въ 1795 г.), что у Разумовскаго „пропало между 4 и 5 ревпзією ровно 20.000 душъ, но сдѣлано сіе такъ искусно и скрыто... Думаютъ, что смастерилъ сіе его управитель, снюхавшійся съ его любовницею, какою-то графинею, и что они улетѣли къ нимъ обомъ. Вотъ каковы у насъ знатные наши лорды и бояре!“

Въ 1809 г., 12 Декабря, М. В. Гудовичъ получилъ за заслуги своего старшаго брата Ивана Васильевича графское достоинство. По назначеніи Ивана Васильевича Гудовича главнокомандующимъ въ Москвѣ, Михаилъ Васильевичъ поселился съ нимъ. По словамъ Вишеля, старый фельдмаршалъ Гудовичъ совершенно отдалъ себя въ руки меньшого брата, который прослылъ человѣкомъ весьма корыстолюбивымъ: въ Москвѣ все было продажно, все было на откупъ. Графъ М. В. Гудовичъ скончался неженатымъ въ 1818 г. и погребенъ (18 Февраля 1818 г.) въ Θεодоровской церкви Александро-Невской лавры.

(Съ портрета Вуаля; собственность графа М. А. Гудовича, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte MICHEL VASSILIEWITCH GOUDOWITCH, 174 . — 1818, fils de Basile Andréewitch Goudowitch († 1784), trésorier général de Petite-Russie, plus tard conseiller privé, et de sa seconde femme, Marie Stépanowna Miklachevsky († 1750), s'enrôla en 1768 soldat au régiment Préobragensky et passa en 1771 lieutenant au régiment d'infanterie d'Astrakhan, après quoi il fit la première guerre de Turquie. Il passa en 1775 major du régiment de cavalerie légère de Kieff, puis fut en 1779 nommé aide de camp du comte P. Roumiantzeff, et en 1784 promu colonel au régiment des carabiniers de Kieff. En 1787, il fit la seconde guerre de Turquie. Promu en 1789 brigadier sans changer de régiment, il prit part en 1792 aux opérations contre les Polonais, puis, général major l'année suivante, devint en 1796 chef du régiment des mousquetaires de Yaroslavl. Mis à la retraite sur sa demande, et nommé plus tard conseiller privé actuel, il se fixa à Batourino, au palais de l'hetman comte Cyrille Grigoriewitch Razoumowsky, chez qui il retrouva une parente par alliance et grande amie, la comtesse S. Apraxine (v. T. II, N° 66), nièce de l'hetman et fort peu insensible à son égard. Les enfants du vieux Razoumowsky n'aimaient pas Goudowitch, qu'ils soupçonnaient d'indélicatesse, et auquel ils reprochèrent en particulier d'avoir, avec Mme Apraxine, détourné les biens de leur père à sa mort, survenue le 3 janvier 1803. Voici comment Bolotoff rapporte un bruit en cours à l'époque (1795): Razoumowsky „a perdu entre la quatrième et la cinquième revision juste 20.000 têtes de paysans, mais ça s'est fait avec tant d'habileté et de précautions... Le coup a dû être fait par l'intendant, de connivence avec la maîtresse du comte, une certaine comtesse, et c'est chez eux que les paysans ont filé. Voilà ce que c'est que les lords et les boyards de chez nous!“

Goudowitch fut élevé le 12 décembre 1809 à la dignité de comte en récompense des services de son frère aîné Ivan, et quand celui-ci fut nommé commandant en chef à Moscou, il alla s'y fixer avec lui. Au témoignage de Wiegél, le vieux feld-maréchal était complètement dominé par son jeune frère, qui passait pour fort intéressé: „à Moscou, tout se vendait, tout se marchandait“. Le comte Michel Goudowitch mourut sans alliance en 1818, et fut inhumé, le 18 février 1818, au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église St-Théodore.

(D'après un original de Voille, appartenant au comte M. Goudowitch, St-Petersbourg.)

ЛЕОНТИЙ ИВАНОВИЧЪ ДЕ-ПРЕРАДОВИЧЪ, 1766 — 1844, по происхожденію сербъ, былъ сынъ генераль-майора Ивана Родіоновича († 1812 г.) и жены его Софіи (NN), съ которой онъ развѣхался.

Біографія Де-Прерадовича печатается вторично (см. т. III, № 148), въ виду того, что подъ указаннымъ № въ портретахъ ошибочно помѣщенъ, вмѣсто Де-Прерадовича, другой командиръ Семеновскаго полка, Я. А. Потемкинъ, еще одинъ портретъ котораго и біографія находятся въ томъ же III т., № 147.

Де-Прерадовичъ началъ службу въ 1771 г. вахмистромъ въ Бахмутскомъ гусарскомъ полку, затѣмъ служилъ въ Воложскомъ и Украинскомъ гусарскихъ, въ Смоленскомъ драгунскомъ и въ Астраханскомъ гренадерскомъ п., наконецъ, съ производствомъ 13 Августа 1799 г. въ генераль-майоры, назначенъ командиромъ Семеновскаго полка, которымъ командовалъ въ теченіе семи лѣтъ. Участникъ Крымскаго похода (1771—1774 гг.), Польской (1783, 1784 и 1794 гг.) и Турецкой (1788 г.) войнъ, Де-Прерадовичъ всюду проявлялъ качества энергичнаго и храбраго офицера. За штурмъ Очакова награжденъ золотымъ крестомъ и чиномъ секунд-майора; за сраженіе при Маціовицахъ — орд. св. Георгія 4 ст. и чиномъ премьер-майора; за взятіе Праги — золотымъ крестомъ; здѣсь онъ проявилъ необыкновенное мужество и при взятіи непріятельской батареи былъ тяжело раненъ картечью. Въ царствованіе Павла I Де-Прерадовичъ, въ качествѣ командира Семеновскаго полка (1799 г.), пользовался особеннымъ довѣріемъ Августѣйшаго шефа Семеновцевъ. Обстоятельствомъ этимъ не преминули, повидимому, воспользоваться ближайшіе руководители заговора, стремившіеся привлечь на свою сторону офицеровъ гвардейскихъ полковъ и ихъ начальниковъ, и имя Де-Прерадовича фигурируетъ въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ заговорѣ, послѣдствіемъ котораго было событіе 11 Марта 1801 года. Такъ, по отзывамъ современниковъ, заговорщики неоднократно собирались у командира Семеновскаго полка, который велъ широкую, открытую жизнь, устраивалъ, подъ видомъ обѣдовъ и вечеринокъ, у себя собранія. Де-Прерадовичъ принималъ участіе въ кампаніи 1805 г. и отличился подъ Аустерлицемъ, но въ 1807 году, во время Фридландскаго сраженія, произошло обстоятельство, сразу пресѣкшее его карьеру. Карцовъ, со словъ генерала Набокова, приводитъ слѣдующій рассказъ, поясняющій его удаленіе со службы: „Причиной отстраненія генерала Де-Прерадовича (указъ 27 Юня 1807 г.) отъ командованія полкомъ была не столько его расточительность, сколько странное его поведеніе во время сраженія подъ Фридландомъ. Въ то время, какъ объ этомъ съ негодованіемъ говорили не только въ полку, но и вообще въ арміи, въ Петербургѣ никто не хотѣлъ этому вѣрить. Да и трудно было повѣрить, чтобы чело-вѣкъ, державшій себя два года тому назадъ подъ Аустерлицемъ по-рыцарски и бывший на глазахъ Великаго Князя Константина Павловича подъ ядрами и пушками, могъ такъ измѣниться. Причина столь странной перемѣны заключалась въ томъ, что передъ кампаніей 1807 г. Де-Прерадовичъ вступилъ въ связь съ какой-то французенкой и настолько привязался къ ней, что имѣлъ слабость взять ее съ собой въ походъ. Въ день Фридландскаго сраженія никто не видалъ полкового командира передъ фронтомъ. Послѣ полудня, передъ атакой нашей гвардейской позиціи дивизією генерала Биссона, старшій полковникъ Вельяминовъ послалъ адъютанта отыскивать полкового командира, котораго адъютантъ нашелъ въ одномъ изъ сараевъ, въ коляскѣ, вмѣстѣ съ его подругою. Несмотря на просьбы и убѣжденія выѣхать къ полку, командиръ не появлялся, отговариваясь болѣзнью. Патріотизмъ или боязнь за любимаго чело-вѣка былъ причиною, что французенка не выпустила Де-Прерадовича до конца сраженія, но это испортило его блестяще начатую карьеру“.

Де-Прерадовичъ умеръ 78-и лѣтъ 7 Февраля 1844 г. и былъ погребенъ на Петербургскомъ Смоленскомъ кладбищѣ; могила его исчезла; онъ былъ женатъ на княжнѣ Натальѣ Николаевнѣ Горчаковой (р. 1768 г., † послѣ 1831 г.), родной сестрѣ бабки графа Льва Николаевича Толстого; потомства онъ не оставилъ.

(Съ портрета, находящагося въ музеѣ Семеновскаго полка, въ С.-Петербургѣ.)

LÉONCE IVANOWITCH DE PRÉRADOWITCH, 1766—1844, d'origine serbe, était fils du général major Ivan Rodionowitch de Préradowitch († 1812) et de sa femme Sophie, née de famille inconnue et dont il se sépara. Nous donnons ici une seconde fois sa biographie (v. T. III, № 148), car le portrait qui figure au Tome III sous son nom n'est pas le sien, mais celui d'un autre commandant du régiment Sémenowsky, J. Potemkine, dont on trouve encore un portrait et la biographie T. III, № 147.

Entré au service en 1771 sous-officier aux hussards de Bakhmout, de Préradowitch servit ensuite aux hussards de Valachie et d'Ukraine, aux dragons de Smolensk et aux grenadiers d'Astrakhan, et enfin fut promu le 13 août 1799 général major et fait commandant du régiment Sémenowsky, à la tête duquel il resta sept ans. A la campagne de Crimée (1771—1774), aux guerres de Pologne (1783, 1784 et 1794) et de Turquie (1788), partout il se montra énergique et vaillant officier. L'assaut d'Otchakoff lui valut une croix d'or et le grade de second major, la bataille de Maciejowice St-Georges de 4e classe et le grade de premier major, la prise de Praga une croix d'or: il déploya dans cette dernière affaire un courage extraordinaire, et, à l'enlèvement d'une batterie ennemie, fut grièvement blessé d'un coup de mitraille. Sous Paul Ier, comme commandant du régiment Sémenowsky (1799), il jouit près de l'Auguste chef de son régiment d'une confiance particulière, dont ne manquèrent sans doute pas de profiter les meneurs de la conspiration, désireux de s'assurer la connivence des officiers de la Garde et de leurs chefs: le nom de Préradowitch figure au nombre de ceux des membres de la conspiration qui aboutit à l'événement du 11 mars 1801. Ainsi, au témoignage des contemporains, les conspirateurs se réunissaient chez le commandant du régiment Sémenowsky, qui vivait largement, tenant table ouverte et organisant des réunions sous le couvert de dîners et soirées. Au début du règne d'Alexandre Ier, il prit part à la campagne de 1805 et se distingua à Austerlitz. Durant les sept années de son commandement au régiment Sémenowsky, il ne cessa de jouir de la faveur de l'Empereur, mais en 1807, à Friedland, survint une conjoncture qui interrompit du coup sa carrière. A cette époque de la vie de Préradowitch, l'historien du régiment Sémenowsky s'arrête et se borne à mentionner: „L'Empereur fut mécontent de ses dispositions à la bataille de Friedland, et il dut quitter le service et remettre son commandement au général Verderewsky“. Or, le général Kartzoff rapporte de la bouche du général aide de camp Nabokoff le récit suivant pour expliquer cette révocation: „Si le général de Préradowitch fut destitué“ (oukaze du 27 juin 1807), „ce fut moins en raison de sa dissipation que de son étrange conduite à la bataille de Friedland. Alors qu'on en parlait avec indignation non seulement au régiment, mais dans toute l'armée, à Pétersbourg personne ne voulait y croire. Il était en effet difficile de penser qu'un homme qui deux ans plus tôt, à Austerlitz, s'était conduit en chevalier et que le Grand-Duc Constantin avait vu braver la mitraille et les balles, pût changer à ce point. Cet étrange changement tenait à ce qu'avant la guerre de 1807, il avait noué des relations avec une française, qu'il n'avait pu résister à la faiblesse de prendre avec lui en campagne. Le jour de Friedland, personne ne vit le commandant du régiment sur le front de bataille. L'après-midi, au moment de l'attaque de notre Garde par la division Bisson, le plus ancien colonel Véliaminoff envoya un aide de camp à la recherche du commandant, qui fut trouvé sous un hangar, dans une voiture avec son amie. Toutes les prières et les objurgations ne purent le décider à rejoindre son poste: il se prétendait malade. Était-ce patriotisme ou amour? Toujours est-il que la française ne lâcha pas de Préradowitch avant la fin de la bataille. Ce fut la ruine d'une carrière si brillamment commencée“.

De Préradowitch mourut à 78 ans, le 7 février 1844, et fut inhumé au cimetière de Smolensk, à Pétersbourg. Son tombeau a disparu. Il avait épousé la princesse Natalie Nikolaewna Gortchakoff (née 1768, † après 1831), sœur de la grand'mère du comte Léon Tolstoï, et ne laissa pas de postérité.

(D'après un original conservé au Musée du régiment Sémenowsky, St-Pétersbourg.)

Князь ЯКОВЪ ИВАНОВИЧЪ ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, 1760—1831, сынъ поручика Конной гвардіи князя Ивана Ивановича отъ брака съ княжной Екатериной Александровной Куракиной, родился 23 Марта 1760 года.

Въ т. I, № 133, помѣщена была миниатюра князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго. Оказалось позднѣе, что обозначеніе это ошибочно: на миниатюрѣ изображенъ Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ.

Князь Я. И. Лобановъ-Ростовскій началъ службу въ 1781 г. подпоручикомъ въ Семеновскомъ полку, гдѣ дослужился до капитана, а затѣмъ, въ 1784 г., пожалованъ въ камеръ-юнкеры и въ 1793 г. — въ камергеры. Благодаря сильному покровительству вліятельныхъ родственниковъ, графа Никиты Панина и князя Н. В. Репнина, князь Лобановъ въ 1794 г. былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 5 Департамента Сената; Императоръ Павелъ I пожаловалъ его въ тайные совѣтники и назначилъ въ Москву наблюдать за дѣлами въ Московскихъ департаментахъ Сената и въ присутственныхъ мѣстахъ губерній, а также управлять театрами. Александръ I назначилъ его сенаторомъ и членомъ Московскаго Опекунскаго совѣта, а въ 1808 г. — генералъ-губернаторомъ Малороссіи. Въ 1810 г. ему поручено было заготовленіе продовольствія для Молдавской арміи, за что онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; въ 1812 г., по собственному побужденію, онъ сформировалъ 17 малороссійскихъ казачьихъ полковъ, которые — войдя въ сношеніе съ Кутузовымъ — двинулъ въ Калугу и Тулу, а для защиты Малороссіи собралъ земское ополченіе; 22 Февраля 1816 г. князь Лобановъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, съ увольненіемъ отъ прежней должности, а 20 Апрѣля того же года предсѣдателемъ Комиссіи Прошеній на Высочайшее имя. Черезъ 4 года онъ самъ просилъ освобожденія отъ этой должности и, награжденный звѣздой св. Владиміра 1-й ст., былъ назначенъ сначала предсѣдателемъ Департамента Законовъ и членомъ Комитета Министровъ, а въ 1827 г. — предсѣдателемъ Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта; въ 1829 г. князь былъ пожалованъ въ оберъ-камергеры.

Скончался князь Я. И. Лобановъ-Ростовскій послѣ тяжелой болѣзни 18 Января 1831 года; онъ былъ женатъ на Александрѣ Николаевнѣ Салтыковой (р. 1764 г., † 4 Мая 1829 г.) и имѣлъ отъ нея 7 сыновей и 2 дочерей.

По отзыву современниковъ, князь Я. И. Лобановъ-Ростовскій въ молодости отличался красивой наружностью, любезностью и особенно веселымъ, общительнымъ характеромъ. При природномъ умѣ, онъ отличался прямою и благородствомъ характера, говорилъ правду въ глаза, временами бывалъ очень горячъ, любилъ рѣзко обличить неправду. Чуждый корысти и лицемерія, онъ за глаза хвалилъ, въ глаза бранилъ и не одобрялъ того, чего не могъ хвалить; благодаря этому, многіе его не любили, но всѣ уважали; въ дни могущества Аракчеева отворачивался отъ него въ общественныхъ собраніяхъ и громко порицалъ его дѣятельность; не желая дѣйствовать чрезъ этого царскаго наперсника, отказался отъ званія предсѣдателя Комиссіи Прошеній, когда былъ лишенъ возможности лично дѣлать доклады, хотя и считалъ эту службу счастливымъ временемъ въ своей жизни, ибо могъ говорить правду Царю, ходатайствуя за несчастныхъ. До глубокой старости онъ сохранилъ живость характера, былъ душой общества, „молодъ въ кругу молодыхъ людей, участвовалъ въ играхъ прекраснаго пола, любилъ радоваться вмѣстѣ и вмѣстѣ съ другими дѣлить горе“.

(Съ портрета, находящагося въ Музеѣ Императора Александра III.)

Le prince JACOB IVANOWITCH LOBANOFF-ROSTOWSKY, 1760—1831, fils d'Ivan Ivanowitch Lobanoff-Rostowsky, lieutenant à la Garde à cheval, et de la princesse Catherine Alexandrowna, née princesse Kourakine, naquit le 25 mars 1760.

La miniature reproduite T. I, N° 133 sous son nom n'est pas la sienne, en réalité, mais bien celle de Timothée Ivanowitch Toutolmine.

Entré au service en 1781 sous-lieutenant au régiment Sémenowsky, où il resta jusqu'au grade de capitaine, le prince Lobanoff-Rostowsky fut fait en 1784 gentilhomme de la chambre, et en 1793 chambellan. Grâce à la haute protection de parents influents, le comte Nikita Panine et le prince N. Repnine, le prince Lobanoff fut nommé, en 1794, haut procureur du 5e département du Sénat; l'Empereur Paul le fit conseiller privé et lui confia à Moscou la surveillance des sections du Sénat et des services publics du gouvernement, ainsi que la direction des théâtres. Alexandre Ier le nomma sénateur et membre du Conseil de tutelle de Moscou, puis, en 1808, gouverneur général de Petite-Russie. En 1810, il fut chargé d'assurer les subsistances de l'armée de Moldavie, ce qui lui valut le rang de conseiller privé actuel; en 1812, il forma de sa propre initiative dix-sept régiments de cosaques petits-russiens, qu'il fit marcher, après jonction avec Koutouzoff, sur Kalouga et Toula, et, pour la défense de la Petite-Russie, arma une milice locale. Le 22 février 1816, le prince Lobanoff fut nommé membre du Conseil de l'Empire sans conserver ses autres fonctions, et, le 20 avril de la même année, président de la Commission des Requêtes à S. M. l'Empereur. Quatre ans après, il donna sa démission de cette dernière charge, reçut l'étoile de St-Vladimir de 1re classe, fut nommé d'abord président du Département des lois et membre du Comité des ministres, et, en 1827, président du Département des affaires civiles et ecclésiastiques au Conseil de l'Empire, puis, en 1829, fait grand chambellan. Il mourut après une douloureuse maladie le 18 janvier 1831. Il avait épousé Alexandrine Nikolaewna Saltykoff (1764—4 mai 1829), dont il eut sept fils et deux filles.

Au témoignage des contemporains, le prince Lobanoff-Rostowsky se distinguait, étant jeune, par son physique avantageux, son amabilité et son caractère particulièrement gai et communicatif. Il avait naturellement de l'esprit, de la droiture et de la générosité de caractère, disait la vérité en face, était sujet à l'emportement, et aimait à démasquer carrément le mal. Etranger à l'intérêt et à l'hypocrisie, il disait du bien en secret, du mal tout haut, et n'approuvait pas ce qu'il ne pouvait trouver bien: aussi, s'il ne fut pas toujours aimé, fut-il toujours estimé. Au moment de la puissance d'Araktchéeff, il l'évitait dans les réunions et désapprouvait hautement ses actes; c'est parce qu'il ne tenait pas à se servir de l'intermédiaire de ce courtisan qu'il donna sa démission de président de la Commission des Requêtes quand il n'eut plus la possibilité d'aller lui-même au rapport, et pourtant il trouvait ce poste le plus agréable de toute sa vie, comme lui permettant de faire savoir la vérité au Souverain en intercédant pour les malheureux. Jusqu'à une vieillesse avancée, il conserva son caractère animé, restant l'âme de la société: „jeune avec la jeunesse, il se mêlait aux jeux du beau sexe, et aimait à partager la joie et le chagrin des autres“.

(D'après un original du Musée Alexandre III.)

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ, 1789—1871, 4-й сынъ Ивана Петровича, родился въ Симбирскѣ 11 Октября 1789 г.; въ 1798 г. онъ поступилъ въ Московскій университетскій пансіонъ, въ которомъ находился до 1806 г., когда опредѣлился на службу въ Главный Московскій архивъ. Съ 1807 г. онъ началъ слушать лекціи въ Московскомъ университетѣ; лекціи Цвѣтаева, съ большимъ сочувствіемъ относившагося къ обездоленному простому народу, производили сильное впечатлѣніе на Тургенева, мягкая душа котораго еще съ дѣтства была возмущена суровымъ отношеніемъ къ крестьянамъ его матери. Въ 1808 г. Тургеневъ уѣхалъ въ Геттингенъ, гдѣ пробылъ до 10 Юня 1811 г.; жизнь его въ Геттингенѣ была полна высокихъ умственныхъ интересовъ. Онъ слушалъ лекціи всѣхъ университетскихъ знаменитостей, занимавшихъ кафедры историческихъ, политическихъ и юридическихъ наукъ, избравъ своею спеціальностью юриспруденцію и политическую экономію. Вообще Геттингенъ, бывшій тогда однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ европейскаго просвѣщенія, окончательно выработалъ изъ Тургенева убѣжденнаго врага крѣпостного права и всякаго насилія. Въ Геттингенѣ началъ онъ работать и надъ „Опытномъ теоріи налоговъ“, напечатаннымъ въ 1818 г. и обратившимъ на себя вниманіе русскаго образованнаго общества новизною и смѣлостью высказанныхъ въ немъ мыслей. Тургеневъ съ грустью и мрачнымъ предчувствіемъ „сквернаго будущаго“ оставилъ „незабвенный“ Геттингенъ. Задавшись цѣлью усовершенствовать свое образованіе, онъ предпринялъ путешествіе по Европѣ. Въ Февралѣ 1812 г. онъ вернулся въ Россію и поступилъ на службу въ Комиссію составленія законовъ, но въ слѣдующемъ году назначенъ былъ русскимъ комиссаромъ въ Центральный административный департаментъ, учрежденный союзными правительствами и находившійся подъ предсѣдательствомъ знаменитаго барона Штейна, ближайшимъ, любимымъ сотрудникомъ котораго сдѣлался Тургеневъ. Въ 1815 г. Тургеневъ былъ прикомандированъ къ генераль-губернатору французскихъ провинцій, занятыхъ русскими войсками. Въ Августѣ 1816 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, а съ 1819 г., кромѣ того, управляющимъ 3-мъ отдѣленіемъ Канцеляріи министра Финансовъ. Разстроивъ здоровье чрезмѣрнымъ трудомъ, Тургеневъ въ Апрель 1824 г. уѣхалъ лѣчиться за границу, получивъ отпускъ на неопредѣленное время, съ сохраненіемъ всего содержанія и съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ ближайшемъ будущемъ его ожидалъ министерскій постъ, предназначаемый ему самимъ Государемъ. Въ Январѣ 1826 г., находясь въ Эдинбургѣ, Тургеневъ узналъ, что привлеченъ къ дѣлу декабристовъ, какъ бывшій членъ Союза Благоденствія. Не явившись на призывъ Верховнаго уголовного суда, онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, замѣненной Императоромъ пожизненной каторгой. Осенью 1833 г. Тургеневъ женился въ Женевѣ на дочери сардинскаго маркиза Кларѣ Віарисъ (р. 1814 г., † 1890 г.) и поселился въ Парижѣ. Отъ этого брака онъ имѣлъ 5 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ остался въ живыхъ только Петръ Николаевичъ (р. 2 Апрель 1853 г.), извѣстный скульпторъ, почетный членъ Императорской Академіи Наукъ, живущій въ Парижѣ, принесшій въ даръ Россіи свой драгоценный семейный архивъ.

Въ 1856 г. Н. И. Тургеневъ былъ восстановленъ во всѣхъ правахъ. Продолжая жить въ Парижѣ, онъ до конца жизни остался вполне русскимъ человѣкомъ, сохранившимъ ясность своего государственнаго ума, свѣжесть чувствъ и непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что Россія должна обновиться исходящими отъ престола реформами, основанными на широкомъ распространеніи образованія въ связи съ водвореніемъ гражданской, религіозной и политической свободы. Свой проникновенный взглядъ на будущность Россіи, на ея дореформенный строй и на характеръ неизбѣжныхъ преобразованій Тургеневъ выразилъ въ сочиненіи: „La Russie et les Russes“ (Р. 1847). Въ царствованіе Александра II Тургеневъ, начиная съ 1858 г., принималъ горячее участіе въ обсужденіи крестьянской реформы пзданіемъ цѣлаго ряда брошюръ, трактующихъ объ этомъ предметѣ. 19 Февраля 1861 г. застало Тургенева въ Парижѣ. Онъ присутствовалъ въ посольской церкви. Слезы умиленія текли по его щекамъ при чтеніи манифеста. Когда священникъ вынесъ крестъ, всѣ присутствовавшіе, начиная съ графа Киселева, посторонились, уступая дорогу Николаю Тургеневу, всю жизнь самоотверженно боровшемуся за уничтоженіе рабства въ Россіи. Н. И. Тургеневъ скончался 29 Октября 1871 г. въ своей виллѣ Vert-Bois, близъ Парижа.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго П. Н. Тургеневу, въ Парижѣ.)

NICOLAS IVANOWITCH TOURGUÉNEFF, 1789 — 1871, quatrième fils d'Ivan Pétrowitch Tourguéneff, naquit à Simbirsk le 11 octobre 1789. Entré en 1798 à la pension de l'université de Moscou, il en sortit en 1806 pour prendre du service aux Archives centrales de Moscou. Il commença à suivre en 1807 les cours de l'université de Moscou, et là, l'intérêt témoigné à la misère du peuple par le professeur Tzvétaeff fit une vive impression sur son âme tendre, révoltée dès l'enfance par les rigueurs inlignées aux paysans de sa mère. Il alla en 1808 à Göttingen, pour y rester jusqu'au 10 juin 1811, et y trouva de puissants intérêts intellectuels. Il y suivit les cours de tous les professeurs en renom d'histoire, de sciences politiques et de droit, en s'occupant spécialement de droit et d'économie politique. Göttingen était alors un des grands centres intellectuels de l'Europe, et c'est là qu'il devint définitivement ennemi convaincu du servage et de toute espèce de violence. Il y commença aussi son *Essai d'une théorie des impôts*, qui parut en 1818 et frappa les classes éclairées de la société russe par la nouveauté et la hardiesse des idées. Tourguéneff quitta son „inoubliable“ Göttingen à grand regret et non sans un sombre pressentiment du „triste avenir“, puis entreprit un tour d'Europe pour compléter son instruction. De retour en Russie en février 1812, il prit du service à la Commission de rédaction des lois, mais fut nommé l'année suivante commissaire russe au Comité central d'administration institué par les Alliés sous la présidence du célèbre baron Stein, dont il devint le collaborateur assidu et préféré. En 1815, il fut attaché au général gouverneur des provinces françaises occupées par les troupes russes. Nommé en août 1816 adjoint au secrétaire d'état du Conseil de l'Empire, il devint de plus en 1819 gérant de la chancellerie de la 3e section du ministère des finances. Epuisé par ses nombreux travaux, il alla en avril 1824 se soigner à l'étranger; il avait un congé illimité avec solde entière, passait conseiller d'état actuel, et un avenir prochain lui réservait un poste ministériel, qui lui était destiné par l'Empereur lui-même. Il était à Edimbourg, quand il apprit en janvier 1826 qu'il était compromis dans l'affaire des Décabristes comme membre de l'Alliance de Prospérité: condamné à mort par contumace, il eut sa peine commuée par l'Empereur en travaux forcés à perpétuité. Il épousa à Genève à l'automne de 1833 Clara Viaris (1814—1890), fille d'un marquis du royaume de Sardaigne, et se fixa à Paris; il en eut cinq enfants, dont le seul actuellement vivant est le sculpteur Pierre Tourguéneff, né le 2 avril 1853, membre honoraire de l'Académie Impériale des Sciences et fixé à Paris, qui fit don à la Russie de ses précieuses archives de famille.

Réhabilité en 1856, Tourguéneff continua à habiter Paris. Jusqu'à la fin de ses jours il resta foncièrement russe, conservant toute sa lucidité d'esprit d'homme d'état, sa fraîcheur de sentiments, et voyant la condition du progrès en Russie dans des réformes octroyées par le Trône sur les bases de la liberté civile, religieuse et politique. Il a exposé ses vues pénétrantes sur l'avenir du pays, son état avant l'émancipation, et les réformes nécessaires, dans son livre *La Russie et les Russes* (Paris, 1847). Sous Alexandre II, il prit depuis 1858 une part active à l'étude de la question du servage par la publication d'une série de brochures spéciales. Le 19 février 1861 le trouva à Paris. Il vint à la chapelle de l'ambassade, et versa des larmes d'attendrissement à la lecture du manifeste. Lorsque le prêtre présenta la croix, tous les assistants, le comte Kisséleff en tête, s'écartèrent pour faire place à celui qui avait consacré avec abnégation sa vie entière à la cause de l'abolition du servage en Russie. Tourguéneff mourut le 29 octobre 1871 à sa villa Vert-Bois, aux environs de Paris.

(D'après une aquarelle appartenant à P. Tourguéneff, Paris.)

193

Gen. de Bismarck
Diplomat
1833-1871

Gen. de Bismarck
Diplomat
1833-1871

194

Queen Victoria
Queen
1819-1901

Queen Victoria
Queen
1819-1901

195

Queen Victoria
Queen
1819-1901

Queen Victoria
Queen
1819-1901

196

Gen. de Bismarck

Gen. de Bismarck

Gen. de Bismarck
Diplomat
1833-1871

Gen. de Bismarck
Diplomat
1833-1871

193

Николай Иванович
Тургеневъ,
1789 — 1871

Nicolas Ivanowitch
Tourguéneff,
1789 — 1871

194

Сергій Николаевичъ
Тургеневъ,
1793 — 1834

Serge Nicolaewitch
Tourguéneff,
1793 — 1834

195

Иванъ Петровичъ
Тургеневъ,
1752 — 1807

Ivan Pétrowitch
Tourguéneff,
1752 — 1807

196

Пис. А. Брюлловъ

Peint par A. Brulloff

Сергій Ивановичъ
Тургеневъ,
1792 — 1827

Serge Ivanowitch
Tourguéneff,
1792 — 1827

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ, 1793—1834, отецъ извѣстнаго писателя Ивана Сергѣевича, сынъ гв. прапорщика Николая Алексѣевича (р. 1755 г., † 7 Юня 1833 г.), женатаго на Елизаветѣ Петровнѣ Апухтиной, родился 15 Декабря 1793 г. въ с. Тургенево, Чернскаго уѣзда. Въ 1810 г., 24 Апрѣля, Тургенево поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, а 27 Юня 1811 г. произведенъ въ эст.-юнкера; участвовалъ въ Бородинскомъ бою, гдѣ „храбро вѣзался въ непріятеля и поражалъ онаго съ неустрашимостью“, при чемъ былъ „раненъ картечью въ руку“ и награжденъ знакомъ отличія Военнаго ордена. Въ кампаніи 1813 г. Тургенево не принималъ участія; онъ оставался въ Россіи при резервныхъ эскадронахъ. За это время Тургенево былъ произведенъ, 21 Октября 1812 г., въ корнеты, а 23 Сентября 1813 г. въ поручики. Въ Мартѣ 1814 г. съ резервнымъ эскадрономъ Тургенево былъ командированъ за границу для присоединенія къ полку. Въ Ноябрь 1815 г. Тургенево былъ уволенъ въ отпускъ въ Орловскую губернію и здѣсь, 14 Января 1816 г., женился на Варварѣ Петровнѣ Лутовиновой, богатой владѣлицѣ имѣній въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Тургеневу было въ то время всего 23 года; „онъ былъ очень хорошъ собой: удивительные темные глаза, смѣлые и мужественные, взглядъ какой-то русалочный, свѣтлый и загадочный; чувствительныя губы и едва замѣтная усмѣшка“. Жена была на 6 лѣтъ старше своего мужа (р. 30 Декабря 1787 г.); невысокаго роста, сутуловатая, смуглая брюнетка съ большимъ носомъ, подъ старость сизымъ, съ лицомъ, попорченнымъ оспой, В. П. Лутовинова была очень нехороша собой: большіе черные глаза, загоравшіеся злымъ блескомъ, не только не красили ея лица, но придавали ему еще непріятное выраженіе. Зато она была единственной наслѣдницей большого Лутовиновскаго состоянія и хорошо понимала, что ея мужъ любилъ не ее, а ея состояніе, что она была для него хорошая, выгодная партія“... 9 Августа 1817 г. Тургенево былъ произведенъ въ шт.-ротмистры, а 6 Юля 1818 г. въ ротмистры и 20 Октября 1819 г. переведенъ подполковникомъ въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ, стоявшій на югѣ. Въ 1816 г., 4 Ноября, родился старшій сынъ Тургеновыхъ, Николай († 1879 г.), 28 Октября 1818 г.—второй, Иванъ, будущій писатель; третій и послѣдній сынъ, Сергѣй, родился 18 Марта 1821 г. (эпиплентикъ; онъ умеръ въ 1839 г.). 20 Февраля 1821 г. С. Н. Тургенево вышелъ въ отставку полковникомъ и поселился съ семьей въ с. Спасскомъ-Лутовиновѣ, Мценскаго уѣзда. Жизнь въ Лутовиновѣ протекала такъ же, какъ и въ большей части богатыхъ „дворянскихъ гнѣздъ“ того времени: многочисленная дворня, свой оркестръ, свои пѣвчіе и театр, частые гости со всего уѣзда и постоянно мѣнявшіеся гувернеры у дѣтей—всякіе швейцарцы и нѣмцы сомнительнаго качества... Всѣ домочадцы, начиная съ дѣтей, много терпѣли отъ жестокости Варвары Петровны. Долго наблюдая сцены деспотизма матери надъ крѣпостными, И. С. Тургенево всю жизнь помнилъ впечатлѣнія молодости и сознавался, что онъ „выросъ среди побоевъ и пстязаній“. В. П. часто примѣняла розгу и къ своему любимцу Ванечкѣ. „Драли меня“, рассказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, „за всякіе пустяки чуть не каждый день“. Сергѣй Николаевичъ мало этимъ интересовался; жизнь въ Спасскомъ доставляла гораздо болѣе удовольствій мужу, чѣмъ женѣ: она хорошо знала наклонности своего мужа, бывшаго, по выраженію сына, „великимъ ловцомъ передъ Господомъ“... Въ 1822 г. Тургеновы отправились всей семьей за границу, въ Германію, Францію и Швейцарію, а въ началѣ 1827 г. переѣхали въ Москву, гдѣ купили себѣ домъ на Самотекѣ: здоровье Сергѣя Николаевича требовало постояннаго лѣченія, къ тому же дѣти подрастали, и ихъ нужно было помѣщать въ учебныя заведенія. Извѣстно, что И. С. Тургенево былъ сначала отданъ въ пансіонъ Вейденгаммера, затѣмъ жилъ у директора Лазаревскаго института Краузе и, наконецъ, въ 1833 г. поступилъ въ Московскій университетъ. Лѣто этого года Тургеновы жили на дачѣ около Донскаго монастыря, противъ Нескучнаго сада, какъ говоритъ Тургенево въ своей повѣсти „Первая любовь“: въ героѣ рассказа писатель пзобразилъ своего отца, и, по словамъ автора, въ повѣсти этой „нѣтъ ни одной строчки придуманной“.

Скоро семья Тургеновыхъ переѣхала въ Петербургъ. „Черезъ полгода отецъ мой“, говоритъ И. С. Тургенево въ повѣсти „Первая любовь“, „скончался отъ удара въ Петербургѣ, куда только-что переселился съ матерью и мною“. С. Н. Тургенево скончался 30 Октября 1834 года, а В. П. Тургенева умерла 16 Ноября 1850 г. въ Москвѣ, на Остоженкѣ, въ домѣ Лошаковского, и погребена на кладбищѣ Донскаго монастыря.

(Съ миніатюры, принадлежащей П. Н. Тургеневу, въ Парижѣ.)

SERGE NIKOLAEWITCH TOURGUÉNEFF, 1793—1834, père du célèbre écrivain Ivan Tourguéneff, fils du porte-enseigne de la Garde Nicolas Alexéewitch Tourguéneff (1755—7 juin 1833) et d'Elisabeth Pétrowna, née Apoukhline, naquit le 15 décembre 1793 à Tourguénevo, district de Tchernigov. Enrôlé le 24 avril 1810 élève-officier au régiment des Chevaliers-Gardes, il passa le 27 juin 1811 à la 1re classe du grade. A Borodino, „il fondit bravement dans les rangs de l'ennemi, qu'il chargea avec intrépidité“, fut blessé d'un éclat de mitraille au bras, et remporta la Médaille Militaire. En 1813, il ne fit pas campagne, mais resta en Russie avec les escadrons de réserve. Il avait été promu jusque-là cornette le 21 octobre 1812, et lieutenant le 23 septembre 1813. En mars 1814, il alla rejoindre son régiment à l'étranger avec un escadron de réserve. Envoyé en congé en novembre 1815 dans le gouvernement d'Orel, il y épousa le 14 janvier 1816 Varvara Pétrowna Loutovineff, riche propriétaire dans plusieurs gouvernements. Agé alors de 23 ans seulement, „il était fort beau garçon: d'étonnants yeux foncés, hardis et mâles, un regard de sylphide, limpide et énigmatique, des lèvres sensuelles, où errait un léger sourire“. Sa femme (née le 30 décembre 1787) avait six ans de plus que lui; petite brune au teint basané, au corps voûté, au visage marqué de petite vérole, avec un grand nez qui bleuit avec l'âge, elle était très laide, et ses grands yeux noirs, traversés d'une lueur de méchanceté, loin de l'embellir, ne faisaient que lui donner une expression plus désagréable. Mais aussi elle était unique héritière de la grosse fortune des Loutovineff, et comprenait bien que ce n'était pas elle que son mari aimait, mais sa fortune, et qu'elle était pour lui un bon parti, un parti avantageux... Capitaine de cavalerie en second le 9 août 1817, en premier le 6 juillet 1818, Tourguéneff passa le 20 octobre 1819 lieutenant-colonel au régiment des cuirassiers d'Ekatérinoslav, cantonné dans le Midi. Il eut en 1816, le 4 novembre, son fils aîné Nicolas († 1879), le 28 octobre 1818 le second, Ivan, le futur écrivain, enfin le troisième et dernier, Serge, naquit le 18 mars 1821 (mort épileptique en 1839). Tourguéneff prit sa retraite comme colonel le 20 février 1821, et alla se fixer avec sa famille à Spasskoï-Loutovineff, district de Mzensk. La vie y fut celle de la plupart des „gentilhommières“ du temps: un personnel nombreux, orchestre, chœur et théâtre à demeure, réceptions fréquentes où venait tout le district, pour les enfants sans cesse des gouverneurs nouveaux, toute espèce de suisses et d'allemands plus ou moins suspects... Tout le monde, à commencer par les enfants, en voyait de dures avec la maîtresse de la maison. De longues années témoin du despotisme de sa mère avec les serfs, Ivan Tourguéneff conserva toute sa vie le souvenir de ses impressions d'enfance: „J'ai grandi“, dit-il, „au milieu des coups et des tortures“. Lui aussi, le préféré de sa mère, recevait souvent les verges: „On me frappait pour des vétilles“, dit-il, „presque chaque jour“. Le père ne s'occupait pas de tout cela; il trouvait dans cette vie de campagne bien plus d'agréments que sa femme, qui le connaissait bien pour ce qu'il était, „grand chasseur devant l'Eternel“, comme dit son fils... En 1822, toute la famille alla voyager à l'étranger, en Allemagne, en France et en Suisse, puis, au commencement de 1827, vint se fixer à Moscou, où on acheta une maison à la Samotéka: le père, malade, avait besoin de soins continuels, les enfants grandissaient et allaient entrer en pension. On sait qu'Ivan fut d'abord mis à la pension Weidenhammer, puis chez Krause, le directeur de l'Institut Lazareff, et entra enfin en 1833 à l'université de Moscou. Cette année-là, la famille passa l'été près du monastère Donskoï, en face du Jardin Neskoutchny, comme le rapporte Tourguéneff dans sa nouvelle Premier Amour, dont son père est le héros et où „il n'y a“, dit-il, „pas une ligne d'inventée“.

De Moscou, les Tourguéneff passèrent bientôt à Pétersbourg. „Six mois après“, dit l'auteur de Premier Amour, „mon père mourait d'une attaque d'apoplexie à Pétersbourg, où il venait d'arriver avec ma mère et moi“, le 30 octobre 1834. La mère de l'écrivain mourut le 16 novembre 1850 à Moscou, maison Lohakowsky, à l'Ostogénka, et fut inhumée au cimetière du monastère Donskoï.

(D'après une miniature appartenant à P. Tourguéneff, Paris.)

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ, 1752—1807, сынъ богатаго помѣщика, секундъ-майора Петра Андреевича, отъ брака его съ Анной Петровной Окоемовой, родился въ Акмолинской области 21 Юня 1752 г.; дѣтство провелъ въ с. Тургенева, Алатырскаго уѣзда; въ 1767 г., 24 Августа, зачисленъ въ С.-Петербургскій пѣхотный полкъ сержантомъ и, находясь уже въ Москвѣ, учился до конца 1770 г. въ Университетской гимназiи, одновременно съ М. Н. Муравьевымъ. Произведенный 2 Апрѣля 1771 г. въ прапорщики, онъ былъ назначенъ въ Борисоглебскій драгунскій полкъ, стоявшій сперва въ Полтавѣ, а затѣмъ въ Крыму. Участвуя во всѣхъ походахъ 1-й Турецкой войны, онъ 14 Юня того же 1771 года былъ произведенъ въ поручики; 12 Юля 1773 г. назначенъ старшимъ адъютантомъ къ князю А. А. Прозоровскому; 22 Юня 1777 г., по ходатайству графа Румянцева, произведенъ въ секундъ-майоры; 7 Ноября 1779 г. назначенъ адъютантомъ къ графу З. Г. Чернышеву; 4 Сентября 1784 г. получилъ чинъ полковника и переведенъ въ Ярославскій пѣхотный полкъ; въ 1789 г. уволенъ отъ службы, съ производствомъ его въ бригадиры, а 15 Ноября 1796 г. награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и опредѣленъ директоромъ Московскаго университета. Имя Тургенева, добраго, всѣмъ доступнаго „пѣстуна“ Московскаго университета, на ряду съ именемъ Муравьева, оставило замѣтный слѣдъ въ исторiи этого учрежденiя. Тургеневъ былъ „живой юноша въ кругу молодыхъ людей, изъ которыхъ каждый готовъ былъ сказать ему все, что имѣлъ на сердцѣ, будучи привлеченъ его прямодушiемъ, отеческимъ участiемъ, веселостiю, простотою“. Такъ отзывался о немъ Жуковскiй, получившiй свое умственное и нравственное образованiе въ просвѣщенной семьѣ Тургенева:

„Его сѣдинъ свобода не чуждалась...

Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами,

О нѣтъ! онъ былъ милѣйшiй намъ собратъ,

Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,

И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями“.

Съ высокимъ уровнемъ образованiя въ немъ соединялась страсть къ литературѣ и искусствамъ. На ряду съ этимъ онъ обладалъ замѣчательною способностью открывать дарованiя въ своихъ питомцахъ и давать ихъ способностямъ соответствующее направленiе. Но этимъ не ограничивались общественныя заслуги Тургенева. Имя его остается памятнымъ и въ исторiи русскаго просвѣщенiя вообще, такъ какъ онъ былъ центромъ, около котораго группировалась вся литературная Москва, включая сюда и Карамзина, котораго онъ вырвалъ изъ вихря свѣтской жизни въ Симбирскѣ и убѣдилъ переѣхать въ Москву. Любя отечество сознательною любовью просвѣщеннаго человѣка, онъ всегда шелъ навстрѣчу общественной пользѣ, ясно понимая необходимость образованiя для русскаго народа, стоявшаго на низкой степени нравственнаго развитiя. Поэтому Новиковъ въ своей безпримѣрной просвѣтительно-филантропической дѣятельности нашелъ вѣрнаго союзника въ лицѣ Тургенева, который сдѣлался ревностнымъ членомъ Дружескаго Общества, основаннаго въ 1782 году и черезъ два года преобразованнаго въ знаменитую Типографическую Компанiю.

Какъ человѣкъ, носившiй въ себѣ стремленiе къ нравственному самосовершенствованiю и склонный къ мистической философiи, Тургеневъ поступилъ въ масонскiй орденъ и былъ ревностнымъ масономъ, за что въ 1792 г. и поплатился ссылкой на жительство въ Тургенево; не могъ, однако, пройти всѣхъ степеней масонства, такъ какъ, по собственнымъ его словамъ, не считалъ себя „столько совершеннымъ, сколько человѣку возможно быть“.

Тургеневъ былъ женатъ на Екатеринѣ Семеновнѣ Качаловой († въ Ноябрѣ 1824 года) и имѣлъ отъ нея пятерыхъ сыновей: Ивана, умершаго во младенчествѣ, Андрея (р. 1781 г., † 1803 г.), Александра, Николая и Сергѣя; умеръ въ Петербургѣ 28 Февраля 1807 г. и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, вмѣстѣ съ сыномъ Андреемъ.

Тургеневу принадлежатъ переводы слѣдующихъ мистическихъ сочиненiй: Иоанна Масона „Познанiе самого себя“. М. 1783; Иоанна Арндта „О истинномъ христiанствѣ“; „Апология, или защищенiе, ордена Вольныхъ каменщиковъ“. М. 1784. Кромѣ того, Тургеневъ, по свидѣтельству П. В. Лопухина, написалъ разсужденiе на французскомъ языкѣ, напечатанное въ русскомъ переводѣ В. Протопопова: „Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и вѣрнымъ подданнымъ“. М. 1796. Другимъ оригинальнымъ сочиненiемъ Тургенева было: „Нѣкоторое подражанiе пѣснямъ Давидовымъ“. М. 1802.

(Съ портрета, принадлежащаго П. Н. Тургеневу, въ Парижѣ.)

IVAN PÉTROWITCH TOURGUÉNEFF, 1752—1807, fils d'un riche propriétaire, le second major Pierre Andréewitch Tourguéneff et d'Anne Pétrowna, née Okoiémoff, naquit dans la province d'Akmolinsk le 21 juin 1752, et passa son enfance au bourg de Tourguénevo, district d'Alatyr. Enrôlé sergent le 24 août 1767 au régiment d'infanterie de St-Pétersbourg, il vint à Moscou, et resta jusqu'à la fin de 1770 au gymnase de l'université, où il eut pour camarade M. Mouravieff. Porte-enseigne le 2 avril 1771, il fut affecté au régiment de dragons de Borissoglebsk, cantonné d'abord à Poltava, puis en Crimée. Il fit toutes les campagnes de la première guerre de Turquie, et passa lieutenant le 14 juin de la même année 1771. Premier aide de camp du prince A. Prozorowsky le 12 juillet 1773, second major sur la proposition du comte Roumiantzeff le 22 juin 1777, aide de camp du comte Z. Tchernycheff le 7 novembre 1779, il fut, le 4 septembre 1784, promu colonel et affecté au régiment d'infanterie de Yaroslavl. Démissionnaire et promu brigadier en 1789, il passa conseiller d'état actuel le 15 novembre 1796 et fut nommé directeur de l'université de Moscou, dans l'histoire de laquelle le nom de cet excellent et toujours accueillant „mentor“ est étroitement lié à celui de Mouravieff. „Alerte jeune homme au milieu de ces jeunes gens, dont chacun, gagné par sa franchise, sa paternelle bonté, sa bonne humeur et sa simplicité, était prêt à lui ouvrir son cœur“, il joignait à une instruction supérieure la passion de la littérature et de l'art. Il avait de plus un talent merveilleux pour découvrir les aptitudes de ses élèves et leur donner en conséquence la direction convenable. Tourguéneff, dont la famille éclairée fut, intellectuellement et moralement, le berceau de Joukovsky, a été célébré ainsi par le poète :

„Ses rides n'excluent pas la liberté.....
 „Non! Car il fut le meilleur camarade.
 „Chacun de ses regards partait du cœur;
 „Amis ou fils, c'était tout un pour lui“.

Mais il y a plus: Ivan Tourguéneff garde un nom impérissable dans l'histoire de la civilisation russe, comme point de ralliement du monde littéraire de Moscou, y compris Karamzine, qu'il sut arracher au tourbillon de la vie mondaine à Simbirsk et persuader de venir à Moscou. Il aimait son pays en homme éclairé, d'un amour conscient, songeant sans cesse à prévenir les besoins de la société, et voyant nettement la nécessité de l'instruction pour le peuple russe, moralement si arriéré. Aussi Novikoff trouva-t-il dans son œuvre toute nouvelle d'instruction et de philanthropie une collaboration sûre, et eut-il en lui un des membres les plus zélés de la Société Amicale fondée en 1782 et devenue deux ans après la célèbre Compagnie d'Imprimerie.

Avec ses aspirations au perfectionnement moral et son penchant à la philosophie mystique, Tourguéneff fut franc-maçon, et des plus zélés, ce qui lui valut en 1792 d'être relégué à Tourguénevo; il ne put cependant faire tous les grades, ne se trouvant pas, dit-il lui-même, „aussi parfait que l'homme peut l'être“.

Tourguéneff épousa Catherine Sémenowna Katchaloff († novembre 1824), dont il eut cinq fils, Ivan, mort enfant, André (1781—1803), Alexandre, Nicolas et Serge. Il mourut à Pétersbourg le 28 février 1807, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky, près de son fils André.

Il traduisit des ouvrages de mysticisme: Jean Masson, Connaissance de soi-même, Moscou, 1783, Johann Arndt, Du vrai christianisme; Apologie, ou défense, de l'ordre des francs-maçons, Moscou, 1784. Il écrivit en outre en français, au témoignage de I. Lopoukhine, une dissertation traduite en russe par Protopopoff: Qui peut être bon citoyen et fidèle sujet, Moscou, 1796. On a de lui un autre ouvrage original, Imitation des chansons de Davydoff, Moscou, 1802.

(D'après un original appartenant à P. Tourguéneff, Paris.)

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ, 1790 — 1827, пятый сынъ Ивана Петровича, получилъ образованіе въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, по выходѣ изъ котораго поступилъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ, съ причисленіемъ (19 Декабря 1803 г.) къ Московскому архиву. Съ 1806 г. онъ слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ, а 15 Юня 1810 г. получилъ Высочайшее разрѣшеніе отправиться за границу, для усовершенствованія въ наукахъ. Закончивъ образованіе въ Геттингенѣ, Тургеневъ въ 1813 г. вернулся на родину и продолжалъ службу въ Коллегіи. Въ 1813 г. (28 Юня) онъ перешелъ въ Министерство Финансовъ, гдѣ и былъ назначенъ столоначальникомъ въ 3-мъ отдѣленіи Департамента Государственныхъ имуществъ. Съ 17 Марта 1814 года онъ состоялъ правителемъ канцеляріи князя Н. Г. Реннина, бывшаго генераль-губернаторомъ королевства Саксонскаго, а въ Январѣ 1815 г. назначенъ членомъ Дрезденской ликвидаціонной комиссіи. Съ 1 Сентября того же года Тургеневъ состоялъ по дипломатической части при графѣ М. С. Воронцовѣ, бывшемъ въ то время командиромъ сводной гренадерской дивизіи, стоявшей въ Мобѣжѣ. Тургеневъ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ основанной здѣсь Ланкастерской солдатской школы, считавшейся одною изъ лучшихъ среди подобнаго рода училищъ, и состоялъ членомъ военной ложи Георгія Побѣдоносца, учрежденной въ Мобѣжѣ 12 Марта 1817 г., при главной квартирѣ войскъ. Въ 1820 г., 3 Января, Тургеневъ былъ назначенъ вторымъ совѣтникомъ при Константинопольской миссіи, смѣнивъ Д. В. Дашкова, который и указалъ на него, какъ на своего преемника. Избіеніе Турками христіанъ, вызванное возстаніемъ Грековъ въ 1821 г., грозило Россіи войною съ Турціей, и потому Русское посольство находилось въ большой опасности, ожидалъ взрыва магометанскаго фанатизма. Александръ Тургеневъ, страшившійся за жизнь брата, собирался уже хлопотать о его перемѣщеніи, но Сергѣй Ивановичъ энергически воспротивился этому и самоотверженно остался на своемъ посту до отозванія посольства. По своимъ политическимъ взглядамъ онъ являлся поборникомъ освобожденія Греціи. Въ 1823 г. Тургеневъ получилъ чинъ статскаго совѣтника. Въ Маѣ 1823 г., по болѣзни, былъ уволенъ въ отпускъ, съ сохраненіемъ получаемаго содержанія, и уѣхалъ лѣчиться въ Германію. Слабое здоровье его окончательно сломилось, когда онъ узналъ, что нѣжно-любимый имъ братъ Николай привлеченъ къ отвѣтственности по дѣлу декабристовъ. Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ лишился разсудка и умеръ въ Парижѣ 2 Юня 1827 г. на рукахъ брата Александра и Жуковскаго; погребенъ онъ на кладбищѣ „Père-Lachaise“.

Судя по отзывамъ современниковъ, С. И. Тургеневъ, носившій съ братомъ Николаемъ прозвище „Гракха“, обладалъ большимъ умомъ и высокими нравственными качествами.

(Съ акварельнаго портрета А. Брюллова; принадлежалъ П. А. Ефремову, въ С.-Петербургѣ.)

SERGE IVANOWITCH TOURGUÉNEFF, 1790—1827, cinquième fils d'Ivan Pétrowitch Tourguéneff, fit ses études à la pension de l'université de Moscou, puis, entré comme actuaire au Collège des Affaires étrangères, fut affecté le 19 décembre 1803 aux Archives de Moscou. Il suivit depuis 1806 les cours de l'université de Moscou, et obtint le 15 juin 1810 de Sa Majesté l'autorisation d'aller à l'étranger compléter son instruction. Ses études achevées à Göttingen, il revint en Russie en 1813, reprit son service au Collège, puis permuta le 28 juin 1813 au ministère des finances où il fut nommé chef de bureau au 3e département des domaines. Il devint le 17 mars 1814 chef de la chancellerie du prince N. Repnine, ancien général gouverneur du Royaume de Saxe, et fut nommé en janvier 1815 membre de la Commission de liquidation à Dresde. Il passa le 1er septembre suivant dans la diplomatie, comme attaché au comte M. Worontzoff, alors commandant de la division mixte de grenadiers cantonnée à Maubeuge, et y prit une part active à l'organisation de l'école de Lancaster qui y fut créée pour les soldats et qui passait pour une des meilleures du genre; il fut aussi de la loge militaire St-Georges fondée le 12 mars 1817 au quartier général à Maubeuge. Nommé le 3 janvier 1820 second conseiller à la mission de Constantinople, il y remplaça D. Dachkoff, qui l'avait désigné comme son successeur. Les massacres de chrétiens en Turquie provoqués par le soulèvement de la Grèce en 1821 firent entraîner la Russie à la guerre, et l'ambassade russe se trouva en grand danger en face d'une explosion possible du fanatisme musulman. Alexandre Tourguéneff, inquiet pour la vie de son frère, allait tenter de le faire rappeler, mais le jeune diplomate s'y opposa énergiquement et resta stoïquement à son poste jusqu'au rappel de la mission. Comme opinion politique, il était partisan de l'affranchissement de la Grèce. Conseiller d'état en 1823, il obtint en mai pour raisons de santé un congé avec solde entière, et partit pour l'Allemagne. Ce fut pour sa santé précaire un coup irréparable que de voir son frère bien-aimé Nicolas impliqué dans l'affaire de Décembre. Il perdit la raison et mourut à Paris le 2 juin 1827 dans les bras de son frère Alexandre et de Joukowsky. Il fut inhumé au cimetière du Père-Lachaise.

Au témoignage des contemporains, qui lui avaient donné, ainsi qu'à son frère Nicolas, le surnom des Gracques, c'était un homme de grand esprit et d'une haute valeur morale.

(D'après une aquarelle de A. Brulloff, ayant appartenu à P. Efrémoff, St-Pétersbourg.)

НЕИЗВѢСТНЫЙ, старикъ съ сѣдыми волосами, безъ всякихъ знаковъ отличія, но съ медалью Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Миниатюра, такая же точно, съ той же французской монограммой изъ буквъ В. Л. на оборотѣ, кромѣ экземпляра собранія Великаго Князя Николая Михайловича, встрѣчалась еще 2 раза у антикваровъ-торговцевъ въ Москвѣ.

Кто же этотъ неизвѣстный? Вѣроятно, москвичъ. Не есть ли это изображеніе Новикова, представляющагося намъ единственно въ общезвѣстномъ типѣ портрета Левицкаго? Такимъ Н. И. Новиковъ и изображенъ, по миниатюрѣ Московскаго Историческаго музея, въ III т. изданія „Русскіе портреты“ (№ 155).

Извѣстный нашъ знатокъ портретовъ, владѣлецъ колоссальнаго и драгоцѣннаго собранія гравюръ, рисунковъ, рукописей и бумагъ, П. Я. Дашковъ, внимательно относящійся къ интересамъ настоящаго изданія и неоднократно видѣвшій прилагаемую миниатюру, выразился о ней такъ: „Я не сказалъ бы, что это не онъ“, т.-е. не Н. И. Новиковъ.

Другой знатокъ, неоспоримый авторитетъ въ вопросахъ иконографіи, нынѣ, къ сожалѣнію, уже покойный, П. А. Ефремовъ, столь осторожный, какъ извѣстно, въ своихъ отзывахъ и опредѣленіяхъ, съ величайшимъ любопытствомъ, терпѣливо и долго разсматривавшій миниатюру въ свое большое увеличительное стекло, также приходилъ къ убѣжденію, что это, неизвѣстное доселѣ, изображеніе Новикова особаго типа и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе интересное.

Но при чемъ же тутъ трудно объяснимыя французскія буквы В. Л. (или наоборотъ) въ видѣ монограммы, повторяющіяся на всѣхъ трехъ миниатюрахъ неизвѣстнаго?

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

INCONNU, vieillard aux cheveux blancs, sans décorations, avec la seule médaille de la Commission instituée par Catherine pour le projet de code. Une miniature absolument identique, avec le même monogramme français B. L. au revers a été vue en deux exemplaires, sans compter celui de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch, chez des marchands d'antiquités à Moscou.

Quel est cet inconnu? Un moscovite, sans doute. Ne serait-ce pas Novikoff, que nous n'avons rencontré qu'une fois, sous le type bien connu Lévitzy, celui de la miniature du Musée Historique de Moscou (*Portraits Russes*, T. III, № 155)?

Notre grand connaisseur en portraits, possesseur d'une colossale et précieuse collection de gravures, dessins, manuscrits et papiers, P. Dachkoff, toujours soucieux des intérêts de la présente publication, après examen répété de la miniature en question, a conclu: „Je ne dirais pas que ce n'est pas lui“ (Novikoff).

Un autre connaisseur, d'une incontestable autorité en matière d'iconographie, aujourd'hui, hélas! disparu, P. Efrémoff, connu pour la prudente réserve de ses appréciations et de ses identifications, après avoir aussi, patiemment et longtemps, examiné avec une extrême curiosité la miniature dans sa grosse loupe, s'était finalement décidé pour un Novikoff d'un type particulier, inconnu jusqu'ici, et, par suite, d'autant plus intéressant.

Mais comment rendre compte de l'énigmatique monogramme B. L. (ou L. B.), qui figure au revers des trois miniatures?

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

197

Thomas M. Davis 1810-1880

198

James M. Davis 1810-1880
Thomas M. Davis 1810-1880

199

James M. Davis 1810-1880
Thomas M. Davis 1810-1880

200

James M. Davis 1810-1880
Thomas M. Davis 1810-1880

197

*Неизвестный**Inconnu*

198

*Петръ Алексѣевичъ
Татищевъ,
1730 — 1810**Pierre Alexéewitch
Tatichcheff,
1730 — 1810*

199

*Иоанъ Петровичъ
Поливановъ,
1773 — 1848**Ivan Pétrowitch
Polivanoff,
1773 — 1848*

200

*Николай Петровичъ
Поливановъ,
1771 — 1839**Nicolas Pétrowitch
Polivanoff,
1771 — 1839*

ПЕТРЪ АЛЕКСѢВИЧЪ ТАТИЩЕВЪ, 1730 — 1810, сынъ генераль-полпціймейстера, генераль-аншефа Алексѣя Даниловича и жены его Настасьи-Марьи Нефедьевны, рожденной Кудрявцевой, службу началъ въ 1744 г. солдатомъ Преображенскаго полка, гдѣ послѣдовательно дошелъ до чина капитанъ-поручика (1758 г.), а 25 Декабря 1761 г. вышелъ въ отставку, съ чиномъ гвардіи секундъ-майора, года за три передъ тѣмъ женившись на Настасѣ Парамоновѣ Плещеевой. Поселившись въ Москвѣ, онъ зажилъ жизнью богатаго помѣщика (послѣ отца онъ получилъ 8000 душъ) въ своемъ огромномъ домѣ, у Красныхъ воротъ; здѣсь въ 1767 г. происходили выборы депутатовъ отъ дворянъ Московскаго уѣзда въ Комиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія; въ 1774 г. ему пришлось принять участіе въ защитѣ Казанской цитадели отъ полчищъ Пугачева и быть свидѣтелемъ мученической смерти своего дѣда, генераль-майора Нефѣда Никитича Кудрявцева, сожженного въ церкви. Въ Москвѣ онъ тратилъ большія деньги „на всевозможныя прихоти, задавая роскошныя пиры и окружась цѣлымъ дворомъ приживальщиковъ и нахлѣбниковъ, которые приучили его къ лести, расточаемой всегда передъ богачами“; имѣя возможность немедленно удовлетворять всѣмъ желаніямъ и причудамъ, онъ скоро дошелъ до полнаго пресыщенія жизнью, „разочаровался въ ея радостяхъ и наслажденіяхъ, искалъ новыхъ удовольствій — и не находилъ ихъ, исчерпавши самый источникъ ихъ до дна. Это сильно подѣйствовало на его характеръ, омраченный также горестнымъ опытомъ, выказавшимъ ему въ истинномъ свѣтѣ льстецовъ, которые его окружали. Татищевъ сдѣлался недоувѣрчивъ къ людямъ, которые такъ долго его обманывали, перемѣнилъ образъ жизни, уединился и былъ прославленъ за скупца тѣмъ же, которые еще недавно превозносили и употребляли во зло его щедрость“. Болѣе или менѣе случайно вступивъ (въ концѣ 1770-хъ гг.) въ масонство и сдѣлавшись мастеромъ въ ложѣ „Трехъ Знаменъ“, въ Москвѣ, разочарованный и пресыщенный жизнью, Татищевъ, послѣ знакомства съ пламеннымъ Шварцемъ (рекомендованнымъ ему въ качествѣ воспитателя для его сына Петра), снова обрѣлъ вѣру въ жизнь, укрѣпился въ своихъ симпатіяхъ къ масонамъ, „плѣнившись представленной ему надеждой отрады духовныхъ“, и, не колеблясь, пожертвовалъ значительную часть своего состоянія кружку Новикова и Шварца и такимъ образомъ явился однимъ изъ основателей „Дружескаго Ученаго Общества“. Вскорѣ онъ вступилъ въ ложу Новикова „Гармонія“, въ которой сталъ предсѣдателемъ, принимая участіе во всѣхъ дѣлахъ Московскихъ масоновъ, среди которыхъ занялъ настолько видное положеніе, что въ 1782 г. сдѣлался даже начальникомъ одного изъ двухъ учрежденныхъ въ Москвѣ капитуловъ ордена; одновременно онъ былъ мастеромъ стула и префектомъ въ „шотландской“ ложѣ „Коронованнаго Знамени“, а въ концѣ 1782 г. сталъ во главѣ всѣхъ русскихъ масоновъ, будучи назначенъ пріоромъ 8-й Россійской провинціи ордена, при чемъ носилъ имена „Peter“ и „Eques a signo triumphale“. Тогда же онъ учредилъ „Переводческую Семинарію“, принявъ на себя расходы по содержанію 6 студентовъ и вспомошествованіе въ ученіи бывшимъ уже въ университетѣ семинаристамъ „Педагогической Семинаріи“. Въ его домѣ, кромѣ того, происходили публичныя собранія „Дружескаго Ученаго Общества“. Наконецъ, 30 Апрѣля 1784 года Татищевъ, Новиковъ и князь Н. Н. Трубецкой учредили въ Москвѣ масонскую директорію „теоретическаго градуса“. Съ 1786 г. извѣстій о жизни и дѣятельности Татищева не имѣется, и въ процессѣ Новикова онъ не фигурировалъ.

Скончался П. А. Татищевъ 10 Марта 1810 г. и погребенъ, вѣроятно, въ Симоновомъ монастырѣ, гдѣ похоронены его отецъ и жена, умершая еще 23 Декабря 1769 г.; онъ имѣлъ сыновей Петра (р. 1758 г.; майоръ, масонъ) и Николая (р. 1760 г.) и дочерей Анну (р. 1759 г.), Елизавету († 1823 г.), бывшую за генераль-майоромъ Николаемъ Александровичемъ Чирковымъ (родители жены Дениса Давыдова), и Екатерину († 1821 г.), вышедшую за генераль-майора Льва Николаевича Энгельгардта, автора „Записокъ“ (родители жены Е. А. Боратынскаго).

(Съ миниатюры, принадлежащей В. Н. Поливанову, въ Симбирскѣ.)

PIERRE ALEXÉEWITCH TATICHTCHEFF, 1730 — 1810, fils du général en chef Alexis Danilowitch Tatichtcheff, grand maître de police, et d'Anastasie-Marie Néfédiewna, née Koudriavtzeff, entra au service en 1744 soldat au régiment Préobragensky, où, passé par tous les grades, il devint en 1758 capitaine lieutenant, et quitta le service le 25 décembre 1761 second major, trois ans après avoir épousé Nastasie Paramonowna Pléchtchéeff. Fixé à Moscou, il y mena la vie de gros propriétaire (son père en mourant lui avait légué 8000 têtes de paysans) dans son immense maison de la Porte Rouge, où eurent lieu en 1767 les élections des députés de la noblesse du district de Moscou à la Commission du Code. En 1774, il prit part à la défense de la citadelle de Kazan contre les bandes de Pougatcheff, et fut témoin de la mort terrible de son grand-père, le général major Néfède Koudriavtzeff, brûlé vif dans une église. A Moscou, il dépensait des sommes considérables „en fantaisies de toute espèce, donnant de somptueux festins et s'entourant de toute une cour de pensionnaires et parasites, qui l'avaient habitué à la flatterie toujours prodiguée à la richesse“. Comme il avait la possibilité de satisfaire instantanément tous ses désirs et ses caprices, il eut vite fait d'être complètement rassasié de la vie; „désabusé de ses joies et de ses douceurs, il cherchait des plaisirs nouveaux sans pouvoir les trouver, car il en avait absolument tari la source. Son caractère s'altéra, assombri d'ailleurs par l'amertume de l'expérience qui lui fit voir sous leur jour véritable les flatteurs dont il était entouré. Si longtemps dupe, il ne voulut plus croire à personne, renonça à son genre de vie pour s'isoler, et passa alors pour un avaro près de ceux-là mêmes qui, récemment encore, vantaient sa générosité et en abusaient“. Le hasard ou toute autre cause le fit à cette époque (peu avant 1780) entrer dans la maçonnerie, et il devint vénérable de la loge des Trois Etendards à Moscou: jadis désabusé et dégoûté de tout, son entrée en relations avec l'ardent Schwartz, qui lui avait été recommandé comme précepteur de son fils Pierre, lui donna une foi nouvelle en l'existence; ses sympathies maçonniques allèrent toujours croissant, „il se laissa séduire par cette perspective de jouissances spirituelles“, et donna sans hésiter une partie considérable de sa fortune au cercle de Novikoff et Schwartz, contribuant ainsi à la fondation de la Société Amicale Scientifique. Il entra peu après à la loge de Novikoff l'Harmonie, dont il devint président, fut mêlé à toutes les affaires des maçons de Moscou et prit bientôt tant d'importance qu'il fut même chef d'un des deux chapitres de Moscou; en même temps, il était maître et préfet de la loge „écossaise“ l'Etendard Couronné, et, à la fin de 1782, se trouva à la tête de tous les maçons de Russie, fut nommé prieur de la 8e province russe de l'ordre, et reçut les noms de Peter et Eques a signo triumphale. Il fonda alors son „Séminaire de Traducteurs“, où il entretenait à ses frais six étudiants et subvint aux études d'anciens étudiants du Séminaire Pédagogique de l'université. En outre, il donnait asile dans sa maison aux séances publiques de la Société Amicale Scientifique. Enfin, le 30 avril 1784, Tatichtcheff, Novikoff et le prince N. Troubetzkoï fondèrent à Moscou le directoire maçonnique du Degré Théorique. A partir de 1786, on ne sait plus rien de la vie ni de l'activité de Tatichtcheff, et on ne le voit pas figurer au procès Novikoff.

Tatichtcheff mourut le 10 mars 1810, et fut inhumé sans doute au monastère Simonoff, où sont inhumés son père et sa femme, morte dès le 23 décembre 1769. Il eut deux fils, Pierre (né 1758), major, franc-maçon, et Nicolas (né 1760), et trois filles, Anne (née 1759), Elisabeth († 1823), mariée au général major Nicolas Alexandrowitch Tchirkoff et mère de la femme de Denis Davydoff, et Catherine († 1821), mariée au général major, auteur de Mémoires, Léon Nikolaewitch Engelhardt, et mère de la femme de E. Boratynsky.

(D'après une miniature appartenant à V. Polivanoff, Simbirsk.)

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ПОЛИВАНОВЪ, 1773—1848, сынъ гвардіи капитана Петра Матвѣевича Поливанова, женатаго на княжнѣ Евдокіи Никитичнѣ Бяратинской, родился 24 Марта 1773 года. Отецъ Поливанова, Петръ Михайловичъ, былъ раненъ подъ Куннерсдорфомъ и умеръ 5 Февраля 1790 г.; похороненъ онъ въ церкви села Козлятьева, Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, и на памятникѣ его находятся стихи:

„Тѣло хотя въ прахъ и обратилось,
Но добродѣтель не тлѣнна никогда,
Обыкновенное съ человѣкомъ свершилось,
Память души доброй осталась навсегда!“

Мать И. П. Поливанова, Евдокія Никитична, вмѣстѣ съ своей сестрой, въ 1810 г. постриглась въ монахини въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

И. П. Поливановъ началъ службу въ Преображенскомъ полку и участвовалъ въ сраженіи противъ шведовъ 19 Апрѣля 1790 года. Въ 1812 году ему было дано порученіе отпирать, подъ своимъ надзоромъ, всѣ сокровища Оружейной палаты сухимъ путемъ до Коломны, а оттуда водою въ Нижній-Новгородъ. Все это имъ было вывезено, а 16 Юня 1813 г. привезено обратно въ цѣлости.

Извѣстенъ онъ былъ, какъ искусный токарь изъ слоновой кости: его издѣлія экспонировались въ 1829 году на первой мануфактурной выставкѣ въ Москвѣ, при чемъ онъ уже раньше удостоился поднести свои работы Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Съ 1832 по 1848 годъ Поливановъ состоялъ сенаторомъ въ 7 Департаментѣ Сената, въ Москвѣ.

И. П. Поливановъ былъ женатъ на Екатеринѣ Николаевнѣ Чирковой, дочери генераль-майора и сестрѣ жены партизана Дениса Давыдова; умеръ онъ въ чинѣ тайнаго совѣтника 30 Марта 1848 года и погребенъ въ Москвѣ, на Ваганьковомъ кладбищѣ.

У Поливанова было 7 человѣкъ дѣтей: 3 сына: Николай (р. 29 Октября 1814 г., † въ Казани 7 Декабря 1874 г.; полковникъ), Александръ (р. 6 Ноября 1820 г., въ Вильнѣ, † 18 Февраля 1884 г.; генераль-майоръ) и Владиміръ († 18 лѣтъ), и 4 дочери: Варвара (за итальянскимъ маркизомъ Ф. Кампанари), Елизавета († 27 Мая 1844 г.), Софія († въ молодости) и Вѣра († 1886 г.).

(Съ миниатюры, принадлежащей В. Н. Поливанову, въ Симбирскѣ.)

IVAN PÉTROWITCH POLIVANOFF, 1773—1848, fils du capitaine de la Garde Pierre Matvéewitch Polivanoff et d'Eudoxie Nikititchna, née princesse Bariatinsky, naquit le 24 mars 1773. Son père, blessé à Kunersdorf, succomba le 5 février 1790; il l'inhuma dans l'église du bourg de Kozliatieff, district de Pokrowsk, gouvernement de Vladimir, et fit graver sur son monument l'inscription suivante:

„Son corps est maintenant poussière,

„Mais la vertu ne périt pas.

„Mortel, il a subi le sort commun à tous;

„De sa belle âme il reste un souvenir durable!“

En 1810, sa mère et une sœur de celle-ci prirent le voile au monastère Novodévitchi.

Polivanoff débuta au service au régiment Préobragensky et prit part à un combat contre les Suédois le 19 avril 1790. En 1812, il fut chargé d'évacuer sous sa surveillance les trésors de l'Oroujéinaïa Palata sur Kolomna par voie de terre, et de là sur Nijni-Novgorod par eau. Il s'acquitta heureusement de sa mission et, le 16 juin 1813, tout rentrait intact à Moscou.

Il avait une réputation de tourneur sur ivoire: ses produits figurèrent en 1829 à la première exposition industrielle de Moscou, et il avait eu auparavant la faveur d'en présenter à l'Impératrice Elisabeth. De 1832 à 1848, il fut sénateur au 7e département du Sénat, à Moscou.

Polivanoff épousa Catherine Nikolaewna Tchirkoff, fille d'un général major et sœur de la femme du chef de partisans Denis Davydoff. Il mourut conseiller privé le 30 mars 1848, et fut inhumé à Moscou, au cimetière Vagankovo. Il eut sept enfants, dont trois fils, Nicolas, né le 29 octobre 1814, mort à Kazan le 7 décembre 1874, colonel, Alexandre, né à Vilna le 6 novembre 1820, mort le 18 février 1884, général major, et Vladimir, mort à 18 ans, et quatre filles, Varvara, mariée au marquis italien F. Campanari, Elisabeth († 27 mai 1844), Sophie, morte jeune, et Véra († 1886).

(D'après une miniature appartenant à V. Polivanoff, Simbirsk.)

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ ПОЛИВАНОВЪ, 1771—1839, старшій братъ предыдущаго, родился 1 Февраля 1771 года; въ службу вступилъ въ 1787 году подпрапорщикомъ въ Преображенскій полкъ, затѣмъ, во время войны со Швеціей, поступилъ волонтеромъ на гребную флотилію въ Финскомъ заливѣ и въ 1789 г. участвовалъ въ дѣлахъ противъ шведовъ. Въ томъ же году перешелъ въ армію Суворова и участвовалъ въ дѣлахъ противъ турокъ: при осадѣ и взятіи Бендеръ и Кишинъ и на штурмѣ Измаила. Въ Польшѣ и Литвѣ принималъ участіе во многихъ дѣлахъ противъ поляковъ: при Кобринѣ, Крупичахъ, Брестъ-Литовскѣ, на штурмѣ Праги и при занятіи Варшавы. Въ 1798 г. Поливановъ былъ произведенъ въ подполковники и перешелъ въ Конно-Егерскій и затѣмъ въ Сумской гусарскій полкъ, съ которымъ въ 1799 г. участвовалъ въ Швейцарскомъ походѣ и въ сраженіяхъ съ французами подъ Цюрихомъ и за Рейномъ, въ сраженіи при Шлате. Въ это время онъ получилъ отъ самого Суворова порученіе вести переговоры съ Баварскимъ правительствомъ о проходѣ русскихъ войскъ чрезъ Баварію, за что получилъ отъ курфюрста Баварскаго орденъ Золотого Льва 1-й ст., лично надѣтый на него Суворовымъ. Ему же поручено было произвести расчеты съ Австрійскимъ правительствомъ по продовольственной части. Нѣсколько разъ онъ назначался парламентаремъ. Подъ Цюрихомъ Поливановъ съ помощью военной хитрости, жертвуя своею жизнью, спасъ до 2000 человекъ тѣмъ, что поѣхалъ въ непріятельскій лагерь къ генералу Массена и, подъ предлогомъ переговоровъ съ нимъ, остановилъ на пять часовъ дѣйствіе непріятельской артиллеріи, что дало возможность отрѣзаннымъ нашимъ войскамъ соединиться съ главнымъ корпусомъ. Массена, увидавъ совершающееся отступленіе, сказалъ Поливанову: „Vous me payerez ça de votre tête“.—„Que vaut ma tête quand l'armée est sauvée“, отвѣтилъ тотъ, послѣ чего былъ арестованъ. По освобожденіи, онъ посѣтилъ раненыхъ русскихъ плѣнныхъ, которымъ оказалъ большую услугу и помощь своимъ посредничествомъ передъ главнокомандующимъ. По производствѣ въ полковники, Поливановъ получилъ золотое оружіе и орденъ св. Владиміра, а также именной рескриптъ отъ Павла I съ выраженіемъ Монаршаго благоволенія; въ 1802 году онъ былъ уволенъ отъ службы, а 28 Февраля 1803 года снова принятъ и опредѣленъ адъютантомъ къ генералу Римскому-Корсакову.

19 Января 1805 г. Поливановъ вторично уволенъ въ отставку. Въ 1807 году онъ пожертвовалъ шесть пушекъ на лафетахъ и былъ избранъ начальникомъ Покровскаго ополченія, а по сформированіи подвижнаго ополченія назначенъ бригаднымъ командиромъ. Въ 1821 г. избранъ былъ Покровскимъ, Владимірской губерніи, уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а въ 1812 и 1813 годахъ опять командовалъ Покровскимъ ополченіемъ.

Н. П. Поливановъ умеръ 5 Апрѣля 1839 года; отъ брака (съ 14 Января 1799 г.) съ Маріей Васильевной Грушецкой († 14 Февраля 1827 г.) имѣлъ сына Петра (р. 1 Декабря 1803 г., † 9 Юня 1864 г.) и 4 дочерей: Надежду (р. 17 Января 1802 г., † 9 Сентября 1867 г.), Софію (р. 20 Мая 1805 г.; за А. Г. Гладковымъ), Любовь (р. 12 Юля 1806 г., † 1821 г.) и Вѣру (р. 6 Марта 1828 г.; за Н. П. Бестужевымъ-Рюминымъ).

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

NICOLAS PÉTROWITCH POLIVANOFF, 1771—1839, frère aîné du précédent, naquit le 1er février 1771. Entré au service en 1787 porte-enseigne au régiment Préobragensky, il s'enrôla, lors de la guerre de Suède, volontaire à la flottille à rames du golfe de Finlande, et, en 1789, fit campagne contre les Suédois. Il passa la même année à l'armée de Souvoroff et prit part au siège et à la prise de Bender et de Kilia et à l'assaut d'Izmaïl. En Pologne et en Lithuanie, on le trouve à Cobrin, Krouptchitchi, Brest-Litowsk, à l'assaut de Praga et à l'occupation de Varsovie. Lieutenant-colonel en 1798, il passa au régiment des chasseurs à cheval, puis à celui des hussards de Soumy, avec lequel il fit en 1799 la campagne de Suisse et combattit les Français à Zurich et sur la rive gauche du Rhin, à la bataille de Schlatt. C'est alors qu'il reçut de Souvoroff lui-même la mission de négocier avec le gouvernement bavarois le passage des troupes prussiennes à travers la Bavière; l'Electeur lui conféra en récompense l'ordre du Lion d'Or de 1re classe, que Souvoroff lui remit de ses propres mains. C'est encore lui qui fut chargé d'arrêter avec le gouvernement autrichien le règlement des frais d'entretien de troupes. Désigné à plusieurs reprises comme parlementaire, il eut recours sous Zurich, au péril de sa vie, à un habile expédient qui lui permit de sauver près de 2000 hommes: il alla au camp ennemi trouver le général Masséna, et, sous prétexte de négocier avec lui, fit suspendre cinq heures le feu de l'artillerie ennemie, permettant ainsi à notre détachement coupé de rallier le gros de l'armée. „Vous me payerez ça de votre tête“, lui dit Masséna en s'apercevant du mouvement.—„Que vaut ma tête quand l'armée est sauvée!“ répliqua-t-il. Il fut alors arrêté. Remis en liberté, il visita les blessés russes prisonniers, auxquels il fut d'un grand secours par son intervention près du commandant en chef. Promu colonel, il reçut une épée d'or et l'ordre de St-Vladimir, ainsi qu'un rescrit où Paul Ier lui exprimait sa gratitude. Destitué en 1802, il reprit du service le 28 février 1803 et fut attaché comme aide de camp au général Rimsky-Korsakoff. Il fut de nouveau mis à la retraite le 19 janvier 1805. En 1807, il fit don de six canons avec leurs affûts, et fut nommé chef de la milice de Pokrowsk, puis, à la formation de la milice mobile, commandant de brigade. Elu en 1821 maréchal de la noblesse du district de Pokrowsk, gouvernement de Vladimir, il en avait commandé une seconde fois la milice en 1812/1813.

Polivanoff mourut le 5 avril 1839. Il avait épousé le 14 janvier 1799 Marie Vassiliowna Grouchetzky († 14 février 1827), dont il eut un fils Pierre (1er décembre 1803—9 juin 1864), et quatre filles, Nadejda (17 janvier 1802—9 septembre 1867), Sophie (née 20 mai 1805, mariée à A. Gladkoff), Liouboff (12 juillet 1806—1821) et Véra (née 6 mars 1828, mariée à N. Bestoujeff-Rioumine).

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

МАРГАРИТА МИХАЙЛОВНА ТУЧКОВА, 1781 — 1852, основательница Спасо-Бородинского монастыря, дочь подполковника Михаила Петровича Нарышкина от брака с княжной Варварой Алексеевной Волконской, родилась 2 Января 1781 г.; с самых ранних лет она отличалась страстным, нервным и восприимчивым характером, любила чтение и музыку и была одарена замечательным голосом. Шестнадцати лет она вышла замуж за Павла Михайловича Ласунского, но брак этот оказался до крайности неудачен. Репутация молодого Ласунского была уже настолько известна, что развод был получен легко. В это время она уже успела полюбить генерал-майора Александра Алексеевича Тучкова, но, несмотря на встреченную ею полную взаимность, она долго не могла получить согласия родителей, напуганных неудачей своего первого выбора. Брак состоялся только в 1806 г., и для Маргариты Михайловны наступили короткие годы полного счастья замужества. Она последовала за мужем в Шведский поход и разделяла с ним все трудности военной жизни, сопровождая его не раз верхом в форме денщика. В 1812 г. она была уже матерью и не могла следовать за мужем. Проводив его до Смоленска, она отправилась к родителям в Москву и 1 Сентября 1812 г. узнала о смерти мужа, убитого при Бородине. Едва придя в себя от поразившего ее удара, она поехала на Бородинское поле отыскивать тело мужа. Но поиски оказались тщетными, и, после долгого ночного странствования по усыпанному трупами полю, она принуждена была вернуться домой. Перенесенные ею ужасы так отразились на ее здоровье, что некоторое время домашние опасались за ее рассудок. Немного оправившись, она решила увековечить место, где погиб ее муж, и, продав свои брильянты, соорудила небольшую каменную четырехугольную церковь на батарее, где он был убит. Наблюдая за постройкою церкви, Тучкова жила с сыном Николаем и его французенкой-гувернанткой в небольшой сторожке. Посвятив себя воспитанию сына, она переехала в Петербург и отдала его в Пажеский корпус. Ссылка брата в Сибирь и неожиданная смерть сына окончательно сразили ее. Похоронив его в выстроенной ею Спасской церкви, она переселилась навсегда в свою сторожку на Бородинском поле. О жизни ее в это время дает понятие следующее письмо ее к одной подруге: „День ходит на день: утренняя, обедня, потом чай, немного чтения, обед, вечерня, пезначущее рукодѣлье, а послѣ краткой молитвы—ночь, вотъ вся жизнь. Скучно жить, страшно умереть. Милосердіе Господне, Его любовь—вотъ мое унованіе, тѣмъ и копчу!“

В разбитой жизни своей Тучкова искала утешения в помощи несчастным и бедным: помогала окружающему населению, лечила больных и привлекала желающих разделить с ней труды на пользу ближнего. Мало-по-малу образовалась в ее усадьбе женская колония, и в 1833 г. Тучкова испросила у Императора Николая I утверждение Спасо-Бородинской общины, на основании которой пожертвовала доходы с своих имений и свою пенсію. Являясь, при своем энергичном характере, своими трудами и примѣромъ главою общегітія, Тучкова, по предложенію митрополита Филарета, приняла малое постриженіе, с именемъ Меланія; в 1838 г. община ее была преобразована в Спасо-Бородинскій монастырь. При открытіи 26 Августа 1839 г. Николаемъ I памятника на Бородинскомъ полѣ, Тучкова, по просьбѣ Государя, присутствовала при его освященіи, но испытанныя ею при этомъ волненія и воскресшія воспоминанія такъ сильно на нее подѣйствовали, что у нея сдѣлалась нервная горячка. Эта женщина, вынесшая столько страданій и опередившая Императора, по его собственнымъ словамъ, в увековѣченіи памяти русскихъ героев, произвела сильное впечатлѣніе на Николая Павловича. Онъ даровалъ ей прощеніе ее брата, декабриста М. М. Нарышкина, и в 1840 г. вызвалъ в Петербургъ, чтобы быть воспріемницею супруги Наслѣдника, позднѣе Императрицы, Маріи Александровны, с кою она вела переписку до своей смерти. В этомъ же году, 28 Іюня, Тучкова была посвящена в Петербургѣ в санъ игуменни. Раздѣливъ свою жизнь между воспоминаніями прошлаго и неутомимою дѣятельностью настоятельницы, Тучкова была боготворима не только в своей обители, но и во всемъ околотѣ, отличаясь, при довольно вспыльчивомъ темпераментѣ, замѣчательною добротою, отзывчивостію и смирениемъ. В то же время, подъ своей камилавкой и монашеской мантией, она оставалась виолнѣ свѣтской женщиной и, при рѣдкихъ своихъ появленіяхъ в свѣтѣ и при Дворѣ, имѣла всѣхъ своей блестящей рѣчью и изяществомъ пріемовъ. Она скончалась 29 Апрѣля 1852 г. и погребена в Спасскомъ храмѣ монастыря.

(Съ портрета, находящагося в Московскомъ Историческомъ музеѣ.)

MARGUERITE MIKHAILOWNA TOUTCHKOFF, 1781 — 1852, fondatrice du monastère du St-Sauveur de Borodino, fille du lieutenant-colonel Michel Pétrowitch Narychkine et de Varvara Alexéewna, née princesse Wolkonsky, naquit le 2 janvier 1781. Dès sa plus tendre enfance, elle se distingua par son caractère passionné, nerveux et impressionnable, par son goût pour la lecture et la musique, et par sa voix magnifique. Elle épousa à l'âge de 16 ans Paul Mikhaïlowitch Lassounsky, mais le mariage fut des plus malheureux : la conduite du mari n'était un mystère pour personne, et le divorce fut prononcé sans difficulté. La jeune femme s'était déjà éprise du général major Alexandre Alexéewitch Toutchkoff, qui la payait de retour, mais la famille n'oubliait pas la première union et mit longtemps à se décider. Le mariage ne se fit qu'en 1806 ; ce fut le début d'une période éphémère de parfait bonheur conjugal. Mme Toutchkoff suivit son mari à la guerre de Suède et partagea avec lui toutes les fatigues de la vie en campagne, l'accompagnant souvent à cheval, par exemple, en tenue d'ordonnance. En 1812, elle était mère et dut renoncer à le suivre ; elle alla avec lui jusqu'à Smolensk, puis retourna chez ses parents à Moscou, où elle apprit le 1er septembre sa mort à Borodino. A peine remise du coup qui la frappait, elle partit pour Borodino recueillir ses restes, mais les recherches furent vaines, et, après une longue nuit passée à explorer le champ de bataille, elle dut rentrer. Elle fut à tel point bouleversée par les horreurs de cette nuit terrible, qu'on craignit un moment pour sa raison. Le danger passé, elle résolut de perpétuer le souvenir de l'endroit où son mari avait trouvé la mort, et vendit ses bijoux pour ériger une petite église carrée en pierre sur l'emplacement de la batterie où il avait été frappé. Elle suivit les travaux installée dans une petite baraque avec son fils Nicolas et une gouvernante française. Tout entière à l'éducation de l'enfant, elle vint à Pétersbourg le mettre au Corps des Pages. L'exil de son frère en Sibérie et la mort inopinée de son fils lui portèrent le coup de grâce. Elle inhuma le jeune homme dans son église de Borodino, et se fixa définitivement dans sa baraque sur le champ de bataille. On jugera de sa vie à cette époque d'après les mots suivants écrits à une amie : „Les jours se ressemblent tous : office du matin, messe, puis du thé, un peu de lecture, le dîner, office du soir, quelque ouvrage insignifiant, et, après une courte prière, la nuit : voilà toute mon existence ! La vie m'ennuie, la mort m'effraie. La grâce du Seigneur, Son amour : voilà mon espoir, j'en resterai là !“

Dans sa vie désespérée, Mme Toutchkoff trouvait une consolation à soulager l'infortune et la misère, venant en aide aux gens du pays, soignant les malades, et faisant appel aux bonnes volontés pour son œuvre de charité. Peu à peu dans son enclos se développa une colonie de femmes, et elle obtint en 1833 de l'Empereur Nicolas la reconnaissance de la communauté du St-Sauveur de Borodino, à laquelle elle donna comme capital de fondation les revenus de ses domaines et sa pension. Chef de la communauté par son énergie, son labeur et son exemple, elle prit le voile, sur la proposition du métropolite Philarète, sous le nom de Mélanie. En 1838, sa communauté devint le monastère du St-Sauveur de Borodino. Quand Nicolas Ier vint le 26 août 1859 inaugurer le monument de Borodino, il l'invita à la cérémonie, mais l'émotion et les souvenirs lui causèrent une crise nerveuse. Cette femme qui avait tant souffert et qui avait eu avant l'Empereur, comme il le déclara lui-même, l'idée de perpétuer le souvenir des héros russes, fit sur lui une profonde impression. Il lui accorda la grâce de son frère le décabriste M. Narychkine, et, en 1840, la fit venir à Pétersbourg pour être la marraine de la femme du Grand-Duc Héritier, plus tard la Grande-Duchesse Marie Alexandrowna, avec laquelle elle resta toute sa vie en correspondance. Le 28 juin de la même année, elle fut consacrée abbesse du monastère. Partageant sa vie entre les souvenirs du passé et son œuvre infatigable de supérieure, elle était adorée, malgré une certaine vivacité de caractère, non seulement dans sa communauté, mais encore dans tout le pays, en raison de ses hautes qualités de bonté, de charité et d'humilité. En même temps, sous l'austère vêtement de religieuse, elle n'avait rien perdu de la femme du monde accomplie, captivant chacun, lors de ses rares apparitions dans la société et à la Cour, par sa parole brillante et ses manières distinguées. Elle mourut le 29 avril 1852 et fut inhumée dans l'église du St-Sauveur de son monastère.

(D'après un original du Musée Historique de Moscou.)

203

Александр Пушкин
Пушкин
Александр

Александр Пушкин
Пушкин
Александр

203

204

1799-1837

1799-1837

Александр Пушкин
Пушкин
1799-1837

Александр Пушкин
Пушкин
1799-1837

204

Александр Пушкин
Пушкин
1799-1837

Александр Пушкин
Пушкин
1799-1837

Александр Пушкин
Пушкин
1799-1837

Александр Пушкин
Пушкин
1799-1837

201

Мариамта Михайловна
Тучкова,
1781 — 1852

Marguerite Mikhaïlowna
Tutchkoff,
1781 — 1852

203

202

Пис. Дэй

Peint par Dawe

Александръ Алексѣевичъ
Тучковъ,
1777 — 1812

Alexandre Alexéewitch
Tutchkoff,
1777 — 1812

204

Василій Александровичъ
Паиковъ,
1764 — 1834

Basile Alexandrowitch
Pachkoff,
1764 — 1834

Екатерина Александровна
Паикова,
1768 — 1835

Catherine Alexandrowna
Pachkoff,
1768 — 1835

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢВИЧЪ ТУЧКОВЪ, 1777—1812, младшій изъ пяти братьевъ Тучковыхъ, извѣстный въ 1812 году подъ именемъ Тучкова 4-го, родился въ Кіевѣ, гдѣ отецъ его въ то время занималъ должность начальника крѣпостей, расположенныхъ вдоль Польской и Турецкой границъ. Начавъ, подобно двумъ старшимъ братьямъ, службу въ артиллеріи, онъ прослужилъ до чина полковника въ 1-мъ Артиллерійскомъ баталіонѣ, приобрѣтя репутацію способнаго, дѣятельнаго и распорядительнаго офицера. Въ 1802 году, 25 лѣтъ отъ роду, А. А. Тучковъ предпринялъ путешествіе по Европѣ и въ Маѣ 1804 года присутствовалъ въ Парижѣ на знаменательномъ засѣданіи Трибуната, во время котораго первый консулъ Бонапартъ былъ провозглашенъ Императоромъ французомъ. Вернувшись въ Россію въ Декабрѣ 1804 года, онъ былъ назначенъ состоять по особымъ порученіямъ при генералѣ Беклешовѣ, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ Муромскій пѣх. полкъ. Съ этимъ полкомъ, находившимся въ корпусѣ Беннигсена, онъ совершилъ походъ 1805 года, но, дойдя до Силезіи, вернулся обратно, по полученіи извѣстія объ Аустерлицкомъ сраженіи. Первое боевое крещеніе А. А. Тучковъ получилъ въ кампанію 1806 года, гдѣ отличился въ сраженіи при Голыминѣ. Въ донесеніи своемъ Государю объ этомъ дѣлѣ Беннигсенъ особенно отмѣтилъ храбрость молодого полковника, который, „вмѣстѣ съ княземъ Щербатовымъ, подъ градомъ пуль и картечи, дѣйствовалъ, какъ на ученыхъ“. Въ награду за это сраженіе Тучкову пожалованъ орденъ Георгія 4 кл., и онъ назначенъ шефомъ Ревельскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ уже не разставался до самой своей смерти въ день Бородинна. Въ войну 1807 г. Тучковъ, находясь съ полкомъ въ авангардѣ генерала Бородинна, участвовалъ въ битвѣ при Гейльсбергѣ и въ Фридландскомъ сраженіи, гдѣ въ теченіе трехъ часовъ съ тремя полками держался противъ вчетверо сильнѣйшаго непріятеля, за что и награжденъ орд. св. Владиміра 3 ст.; въ 1808 г. Тучковъ, съ Ревельскимъ полкомъ, назначенъ въ корпусъ Барклая-де-Толли, въ Финляндію, гдѣ участвовалъ при занятіи городовъ Рандасальми и Куопіо и въ кровопролитномъ сраженіи при Иденсальми. За отличіе въ этихъ дѣлахъ произведенъ въ генералъ-майоры. Въ это время ему шелъ 32-й годъ. Съ Ревельскимъ же полкомъ, поступившимъ въ корпусъ графа Шувалова, Тучковъ находился при взятіи Торнео, переходилъ Ботническій заливъ и отличился въ дѣлѣ при Шелефтѣ, за что награжденъ орд. св. Анны 2 степени. Въ 1810 г. А. А. Тучковъ назначенъ командиромъ 1-й бригады знаменитой 3-й пѣх. дивизіи Коновницына, въ которую входилъ и Ревельскій полкъ. Когда, въ Маѣ 1812 года, назначенъ былъ въ Вильнѣ Высочайшій смотръ полковъ этой дивизіи (во время котораго присутствовалъ прибывшій въ это время въ Вильну генералъ-адъютантъ Наполеона, графъ Нарбонъ), Государь нашелъ дивизію въ такомъ блестящемъ видѣ, что въ приказѣ по войскамъ поставилъ ее въ примѣръ всей арміи. Съ своей бригадой Тучковъ принималъ участіе въ бою при Какувячинѣ (близъ Витебска), защищалъ Малаховскія ворота въ Смоленскѣ (5 Августа) и во время движенія арміи къ Порѣчью находился въ отрядѣ своего брата Павла Алексѣевича Тучкова; 26 Августа, въ день Бородинна, бригада А. А. Тучкова, находившаяся въ 3-мъ корпусѣ (Тучкова 1-го), стояла на Старой Смоленской дорогѣ, за деревней Утицею. Когда, на разсвѣтъ 26 Августа, французы огромными массами обрушились на лѣвое крыло князя Багратіона, на помощь ему была выдвинута дивизія Коновницына. Жаркій бой загорѣлся у деревни Семёновской, и, когда непріятель завладѣлъ флешами, дивизія Коновницына штыками выбила французовъ изъ укрѣпленій. Когда подъ градомъ ядеръ и картечи Ревельскій полкъ дрогнулъ, Тучковъ, схвативъ полковое знамя, кинулся впередъ, увлекая за собою солдатъ. Непріятельское ядро насмерть поразило героя, который палъ на мѣстѣ и весь засыпанъ былъ снарядами, разорвавшими на мелкія части тѣло храбреца. Почти въ то же время на Утицкомъ курганѣ палъ смертельно раненый братъ его Николай. Получивъ извѣстіе о смерти сыновей, престарѣлая мать Тучковыхъ ослѣпла въ тотъ же день. Жена Александра Тучкова, Маргарита Михайловна, рожденная Нарышкина (р. 1781 г., † 1852 г.), соорудила на мѣстѣ кончины мужа церковь и возлѣ нея основала Спасо-Бородинскій монастырь, въ которомъ была первою игуменіею. Единственный сынъ А. А. Тучкова, Николай (р. 1811 г.), записанный Государемъ въ пажы, умеръ въ 1826 году, всего 15 лѣтъ отъ роду.

(Съ портрета Дау; Галлерей 1812 г. въ Зимнемъ дворцѣ.)

ALEXANDRE ALEXÉEWITCH TOUTCHKOFF, 1777 — 1812, le plus jeune des cinq frères Toutchkoff, connu en 1812 sous le nom de Toutchkoff 4, naquit à Kieff, où son père était alors commandant des forteresses situées le long des frontières de Pologne et de Turquie. Comme ses deux frères aînés, il commença sa carrière dans l'artillerie: il servit jusqu'au grade de colonel au 1er bataillon d'artillerie, et s'y fit la réputation d'un officier de valeur, actif et habile. Il avait 25 ans quand il entreprit en 1802 un voyage en Europe, au cours duquel il assista à Paris en mai 1804 à la fameuse séance du Tribunat où le Premier Consul Bonaparte fut proclamé Empereur des Français. De retour en Russie en décembre 1804, il fut attaché pour commissions spéciales au général Békéléhoff, et passa l'année suivante au régiment d'infanterie de Mourom, avec lequel il fit au corps de Bennigsen la campagne de 1805, mais, arrivé en Silésie, retourna sur ses pas à la nouvelle du désastre d'Austerlitz. Il reçut le baptême du feu à la campagne de 1806, où il se distingua à la bataille de Golymino, et Bennigsen, dans son rapport à l'Empereur sur cette affaire, souligne tout particulièrement la brillante conduite du jeune colonel, qui, dit-il, „avec le prince Chtcherbatoff, sous une grêle de balles et de mitraille, opérait comme à l'exercice“, et reçut en récompense St-Georges de 4e classe. Il fut ensuite nommé chef du régiment d'infanterie de Rével, dont il ne se sépara plus jusqu'à sa mort à Borodino. A la campagne de 1807, qu'il fit avec son régiment à l'avant-garde du général Borozdine, il combattit à Heilsberg et à Friedland, où il tint trois heures avec trois régiments contre un ennemi quatre fois plus fort, ce qui lui valut St-Vladimir de 3e classe. En 1808, il alla avec son régiment de Rével au corps de Barclay de Tolly en Finlande, où il prit part à l'occupation des villes de Rantasalmi et Kuopio et à la sanglante bataille d'Idensalmi; à la suite de ces trois affaires, il fut promu général major. Il n'avait pas 32 ans. Toujours avec le régiment de Rével, il passa au corps du comte Schouvaloff, fut à la prise de Tornéo, franchit le Golfe de Botnie et se distingua à l'affaire de Skelleftea, qui lui valut Ste-Anne de 2e classe. En 1810, il fut nommé commandant de la 1re brigade de la célèbre 3e division d'infanterie Konovnitzyne, dont faisait partie le régiment de Rével. L'Empereur, à la revue passée à Vilna en mai 1812, et à laquelle assistait le général comte de Narbonne, aide de camp de Napoléon, en ce moment à Vilna, trouva cette division en si brillant état, qu'il la donna par ordre du jour en exemple à toute l'armée. Avec sa brigade, Toutchkoff prit part au combat de Kakouviatchine, près Vitebsk, défendit la porte Malakhoff à Smolensk (5 août), et, lors de la marche sur Poriétchié, fit partie du détachement de son frère Paul. Le jour de Borodino, le 26 août, la brigade Alexandre Toutchkoff, du 3e corps Toutchkoff 1, était sur la vieille route de Smolensk, derrière le village d'Outitza. Lorsqu'à l'aube, les Français s'élancèrent en masses énormes sur l'aile gauche du prince Bagration, la division Konovnitzyne fut envoyée à son secours, et, dans le violent engagement du village Sémenowsky, à peine l'ennemi en possession des redaus, l'en balaya à la baïonnette. Sous une grêle de balles et de mitraille, le régiment de Rével fléchissait, quand Toutchkoff saisit le drapeau, et s'élança en avant pour entraîner ses hommes; mais il s'abattit, atteint d'un boulet, et fut inondé d'une pluie de projectiles qui déchiquetèrent son corps. Presque en même temps, au kourgane d'Outitza, son frère Nicolas tombait mortellement blessé. A la nouvelle de la mort de ses deux fils, la vieille mère fut frappée de cécité le jour même. La femme d'Alexandre Toutchkoff, née Marguerite Narychkine (1781—1852), fit élever à la place où était mort son mari une église, près de laquelle elle fonda le monastère du St-Sauveur de Borodino; elle en fut la première supérieure. Leur fils unique, Nicolas, né en 1811, fait page par l'Empereur, mourut en 1826, à 15 ans seulement.

(D'après l'original de Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

ВАСИЛІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПАШКОВЪ, 1764—1834, сынъ коллежскаго ассессора Александра Ильича отъ брака съ Дарьей Ивановной Мясниковой, родился 25 Марта 1764 года; записанный въ 1775 г. на службу въ Преображенскій полкъ, онъ въ 1786 г. перешелъ вахмистромъ въ Конную гвардію и въ 1788 г. получилъ чинъ корнета. Въ 1789 г. Пашковъ участвовалъ волонтеромъ въ Финляндскомъ походѣ, въ 1792 г. назначенъ адъютантомъ къ графу Салтыкову, а въ 1795 г. контролеромъ Счетной экспедиціи Военной Коллегіи. Выйдя въ 1798 г. въ отставку, съ чиномъ генераль-майора, въ 1803 г. онъ былъ снова принятъ на службу и назначенъ членомъ Военной Коллегіи; съ 1806 по 1810 г. служилъ въ Генераль-Аудиторіатѣ и вторично вышелъ въ отставку. Въ 1811 г. начинается продолжительная придворная служба Пашкова въ должностяхъ егермейстера, оберъ-гофмаршала (1817—1819) и оберъ-егермейстера (съ 1819 г.).

Въ 1821 г. Пашковъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ предсѣдательствовалъ въ Департаментѣ Законовъ (въ 1825—1828 и 1831—1834 гг.). Кромѣ того, онъ былъ членомъ Совѣтовъ Смольнаго и Екатерининскаго институтовъ. Въ 1830 г. Пашковъ получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Скончался онъ въ должности оберъ-гофмейстера 2 Января 1834 г. и погребенъ въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Пашковъ унаслѣдовалъ отъ матери значительное состояніе, часть огромнаго купеческаго богатства Твердышевыхъ и Мясниковыхъ.

Отъ брака съ графиней Екатериной Александровной Толстой (р. 1768 г., † 1835 г.), сестрой извѣстныхъ дѣятелей царствованія Александра I, В. А. Пашковъ имѣлъ 3 сыновей и 3 дочерей: Александра (р. 1792 г., † 1868 г.; генераль-майоръ), Михаила (р. 1802 г., † 1863 г.; генераль-лейтенантъ), Ивана (р. 1805 г., † 1869 г.), Татьяну († 1875 г.), за княземъ И. В. Васильчиковымъ, Евдокію (р. 1796 г., † 1868 г.), за графомъ В. В. Левашевымъ, и Елизавету, за министромъ юстиціи Д. В. Дашковымъ.

(Съ портрета, принадлежащаго А. М. Апраксиной, с. Ольгово, Московской губ.)

BASILE ALEXANDROWITCH PACHKOFF, 1764 — 1834, fils d'Alexandre Ilyitch Pachkoff, assesseur de collège, et de Daria Ivanowna, née Miasnikoff, naquit à Moscou le 25 mars 1764. Enrôlé en 1775 au régiment Préobragensky, il passa en 1786 sous-officier à la Garde à cheval, et en 1788 obtint le grade de cornette. En 1789, il fit comme volontaire la campagne de Finlande, en 1792 fut nommé aide de camp du comte Saltykoff, et en 1795 contrôleur des services financiers du Collège Militaire. Retraité général major en 1798, il reprit du service en 1803 comme membre du Collège Militaire, et, après avoir siégé de 1806 à 1810 au Conseil central de justice militaire, quitta de nouveau le service. En 1811 commence sa longue carrière à la Cour, où il fut successivement veneur, grand maréchal de 1817 à 1819, puis grand veneur.

Pachkoff fut nommé en 1821 membre du Conseil de l'Empire et présida plusieurs années le Département des Lois, de 1825 à 1828 et de 1831 à 1834. Il fut en outre membre du conseil des Instituts Smolna et Catherine. Décoré de St-André en 1830, il mourut grand maître de la Cour le 2 janvier 1834, et fut inhumé à Moscou, au monastère Novodévitchi. Il avait reçu de sa mère une grosse fortune, provenant du partage des immenses richesses des marchands Tverdycheff et Miasnikoff.

De son mariage avec la comtesse Catherine Alexandrowna Tolstoï (1768—1835), sœur des Tolstoï bien connus du règne d'Alexandre Ier, Pachkoff eut trois fils et trois filles, Alexandre (1792—1868), général major, Michel (1802—1863), général lieutenant, Ivan (1805—1869), Tatiana († 1875), mariée au prince I. Vassiltchikoff, Eudoxie (1796—1868), au comte B. Lévachoff, et Elisabeth, au ministre de la justice D. Dachkoff.

(D'après un original appartenant à Mme A. Apraxine, Olgovo, gouv. de Moscou.)

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ПАШКОВА, 1768 — 1835, дочь ротмистра Конной гвардіи графа (съ 26 Мая 1760 г.) Александра Петровича Толстого (р. 30 Августа 1719 г., † 10 Января 1792 г.), женатаго на Евдокіи Львовнѣ Измайловой (р. 25 Марта 1731 г., † 19 Мая 1794 г.), была родная сестра извѣстнаго графа Петра Александровича, посла въ Парижѣ при Наполеонѣ, и не менѣе извѣстнаго любимаго Александромъ I оберъ-гофмаршала и вѣчнаго спутника Государя графа Николая Александровича. Графиня Е. А. Толстая родилась 24 Января 1768 года. Въ концѣ 1780-хъ годовъ она вышла замужъ за служившаго въ Конной гвардіи молодого богача Василя Александровича Пашкова, наслѣдовавшаго часть колоссальнаго состоянія своей матери Даріи Ивановны, рожденной Мясниковой.

Благодаря близости ко двору, вліятельному родству и собственной энергіи, Е. А. Пашкова пользовалась большимъ вѣсомъ въ обществѣ, была кавалерственной дамой ордена св. Екатерины малаго креста и немало способствовала карьерѣ своего мужа.

Князь П. В. Долгорукій, злобный сплетникъ своего времени, посвящаетъ ей слѣдующія строки въ своихъ „мемуарахъ“, приводимые здѣсь потому, что они уже напечатаны: Пашковъ „était d'une bêtise à nulle autre pareille, mais il arriva à devenir grand-maréchal du palais, ensuite grand veneur et membre du conseil de l'empire, grâce à l'esprit d'intrigue et à l'outrecuidance effrontée de sa femme, la comtesse Catherine Alexandrowna Tolstoï... Hommasse d'aspect, outrecuidante, insinuante avec ceux qui pouvaient lui être utiles, grossière avec tous les autres; il y a d'elle bien des anecdotes... Je me bornerai ici à narrer deux faits. Le prince Vassiltchikoff, marié en premières noces à une comtesse Protassow, partait en 1814 pour l'étranger avec sa femme, déjà condamnée par les médecins. Il vint, avant son départ, faire une visite à Mme Pachkoff, et dit à celle-ci en parlant de sa fille aînée: „Mademoiselle Tatiana est bien belle; je suis persuadé que vous êtes assaillie de demandes en mariage“. Mme Pachkoff lui répondit, en le tutoyant suivant l'usage russe de la vieille roche: „Mon cher, j'attendrai que tu deviennes veuf, et alors je te la donnerai en mariage!“ Mme Pachkoff avait obtenu, en 1830, le cordon bleu pour son mari, malgré que pendant trois années consécutives, la santé valétudinaire de ce dernier lui eût permis seulement de fort rares apparitions au conseil de l'empire, dont il était l'un des membres les plus nuls et les plus ridicules. Ce cordon bleu fit crier au scandale même à la cour servile. Au palais, le jour de Pâques, l'on causait de cette promotion si inattendue dans un groupe où se trouvait le prince Menchikoff, ministre de la marine. „Cette nomination ne doit point vous étonner, messieurs“, dit le prince, „elle a été sollicitée par le ministre de la marine“. — „Comment?“ s'écria-t-on, „mais Pachkoff n'a jamais été marin!“ — „Vous oubliez, messieurs“, continua le prince Menchikoff, „que depuis voilà trois ans il passe son temps sur son soudno!“

Е. А. Пашкова имѣла 6 человѣкъ дѣтей, поровну сыновей и дочерей; она умерла 24 Декабря 1835 года и погребена въ Московскомъ Новодевичьемъ монастырѣ.

(Съ портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Миханловичу.)

CATHERINE ALEXANDROWNA PACHKOFF, 1768—1835, fille du capitaine de cavalerie de la Garde à cheval (comte le 26 mai 1760) Alexandre Pétrowitch Tolstoï (30 août 1719—10 janvier 1792) et d'Eudoxie Lvowna, née Izmaïloff (25 mars 1731—19 mai 1794), était sœur du comte Pierre Tolstoï, connu comme ambassadeur à Paris sous Napoléon, et du comte Nicolas Tolstoï, non moins connu comme grand maréchal de la Cour, favori de l'Empereur Alexandre Ier et inséparable compagnon de tous ses déplacements. Née le 24 janvier 1768, elle épousa peu avant 1790 un jeune et riche officier de la Garde à cheval, Basile Alexandrowitch Pachkoff, héritier d'une partie de la colossale fortune de sa mère, née Daria Ivanowna Miasnikoff.

Grâce à ses relations à la Cour, à sa parenté influente et à son énergie personnelle, Mme Pachkoff était d'un grand poids dans la société. Elle fut dame de Ste-Catherine de 2e classe, et fit beaucoup pour la carrière de son mari.

Pachkoff était, dit la mauvaise langue du temps, le prince Dolgorouky, dans ses Mémoires, que nous pouvons citer maintenant qu'ils sont publiés, „d'une bêtise à nulle autre pareille, mais il arriva à devenir grand-maréchal du palais, ensuite grand veneur et membre du conseil de l'empire, grâce à l'esprit d'intrigue et à l'outrecuidance effrontée de sa femme, la comtesse Catherine Alexandrowna Tolstoï... Hommasse d'aspect, outrecuidante, insinuante avec ceux qui pouvaient lui être utiles, grossière avec tous les autres; il y a d'elle bien des anecdotes... Je me bornerai ici à narrer deux faits. Le prince Vassiltchikoff, marié en premières noces à une comtesse Protassow, partait en 1814 pour l'étranger avec sa femme, déjà condamnée par les médecins. Il vint, avant son départ, faire une visite à Mme Pachkoff, et dit à celle-ci en parlant de sa fille aînée: „Mademoiselle Tatiana est bien belle; je suis persuadé que vous êtes assaillie de demandes en mariage“. Mme Pachkoff lui répondit, en le tutoyant suivant l'usage russe de la vieille roche: „Mon cher, j'attendrai que tu deviennes veuf, et alors je te la donnerai en mariage!“ Mme Pachkoff avait obtenu, en 1830, le cordon bleu pour son mari, malgré que pendant trois années consécutives, la santé valétudinaire de ce dernier lui eût permis seulement de fort rares apparitions au conseil de l'empire, dont il était l'un des membres les plus nuls et les plus ridicules. Ce cordon bleu fit crier au scandale même à la cour servile. Au palais, le jour de Pâques, l'on causait de cette promotion si inattendue dans un groupe où se trouvait le prince Menchikoff, ministre de la marine. „Cette nomination ne doit point vous étonner, messieurs“, dit le prince, „elle a été sollicitée par le ministre de la marine“. — „Comment?“ s'écria-t-on, „mais Pachkoff n'a jamais été marin!“ — „Vous oubliez, messieurs“, continua le prince Menchikoff, „que depuis voilà trois ans il passe son temps sur son soudno!“ (en russe, le mot soudno sert à désigner à la fois, et un bâtiment de navigation, et un certain meuble, aujourd'hui avantageusement remplacé par les water-closet)“.

Mme Pachkoff eut six enfants, trois fils et trois filles. Elle mourut le 24 décembre 1835, et fut inhumée au monastère Novodévitchi, à Moscou.

(D'après un original appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, 1758—1829, сынъ ротмистра Смоленской шляхты Василя Андреевича отъ брака съ Марѳой Александровной Потемкиной, родной сестрой князя Таврическаго, служилъ сначала въ военной службѣ, командовалъ полкомъ, доставившимъ ему, по словамъ А. М. Тургенева, значительное состояніе, и дослужился до чина генераль-поручика въ 1790 г.; затѣмъ былъ сенаторомъ, въ 1797 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и въ 1800 г. уволенъ отъ службы. По смерти дяди, Потемкина, къ нему перешло село Чижево, родина свѣтлѣйшаго. Энгельгардтъ былъ хорошій хозяинъ и строгій помѣщикъ. Крестьянамъ, хозяйство которыхъ было въ упадкѣ, онъ помогалъ его возстановить, но зато строго преслѣдовалъ пьянство и воровство.

С. Сулима въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ („Кіевская Старина“, 1882, № 12) пишетъ, что Энгельгардтъ былъ „извѣстный силачъ“.

В. В. Энгельгардтъ скончался въ Маѣ 1829 г. въ мѣстечкѣ Ольшаны, Кіевской губерніи. Тѣло его было перевезено въ Чижево и погребено подъ алтаремъ выстроенной имъ въ 1791 году каменной церкви.

Энгельгардтъ не былъ женатъ, но имѣлъ 3 „воспитанниковъ“: Андрея (р. 1783 г.), Василя (р. 1784 г.) и Павла, и 2 „воспитанницъ“: Александру (за И. Б. Краевскимъ) и Екатерину (р. 1798 г., † 1818 г.; за генераль-лейтенантомъ Н. М. Свѣчинымъ); этимъ дѣтямъ его Высочайшимъ указомъ 9 Мая 1801 г. пожалованы дворянство, фамилія Энгельгардтъ и всѣ права.

Въ домѣ Смоленскаго Дворянскаго собранія находится такой же портретъ В. В. Энгельгардта и также въ Мальтійскомъ мундирѣ.

(Съ портрета, принадлежащаго В. А. Энгельгардту, въ С.-Петербургѣ.)

BASILE VASSILIEWITCH ENGELHARDT, 1758—1829, fils de Basile Andréewitch Engelhardt, capitaine de cavalerie de la noblesse de Smolensk, et de Marthe Alexandrowna, née Potemkine, sœur du prince de Tauride, fut d'abord militaire; il commanda un régiment qui lui rapporta, à en croire A. Tourguéneff, une fortune considérable, et parvint au grade de général lieutenant en 1790. Plus tard sénateur, il fut fait en 1797 conseiller privé actuel et quitta le service en 1800. A la mort de son oncle Potemkine, il hérita du bourg de Tchijevo, pays natal du prince sérénissime. Habile chef d'exploitation, mais sévère avec ses paysans, il venait en aide à ceux dont les affaires périllicitaient, mais poursuivait sans relâche l'ivrognerie et le vol. Il était, dit Soulima dans ses Mémoires (Kiewskaïa Starina, 1882, № 12), „réputé pour sa force herculéenne“.

Engelhardt mourut en mai 1829 à Olchany, gouvernement de Kieff. Son corps fut ramené à Tchijevo et inhumé sous l'autel de l'église de pierre qu'il avait fait construire en 1791.

Il ne se maria pas, mais eut cinq „pupilles“, André, né en 1785, Basile, né en 1784, Paul, Alexandrine, mariée à I. Kraewsky, et Catherine (1798—1818), au général lieutenant N. Svétchine. Un oukaze de Sa Majesté en date du 9 mai 1801 donna à tous ces enfants la noblesse, le nom d'Engelhardt et tous les droits.

Le Club de la Noblesse de Smolensk possède un portrait identique d'Engelhardt, également en tenue de l'ordre de Malte.

(D'après un original appartenant à B. Engelhardt, St-Pétersbourg.)

205

Portrait of
 [illegible]
 1711-1712

Portrait of
 [illegible]
 1711-1712

206

Portrait of
 [illegible]
 1711-1712

Portrait of
 [illegible]
 1711-1712

207

Portrait of
 [illegible]
 1711-1712

Portrait of
 [illegible]
 1711-1712

208

Portrait of
 [illegible]
 1711-1712

Portrait of
 [illegible]
 1711-1712

NIKOLAI FIOKHIEWITCH ENGELHARDT (1752—1822) fils de Basile Andriewitch Engelhardt, capitaine et commandant de la noblesse de Smolensk et de Marie Iliouchewna, une Polonoise, avec de parents de l'armée, un d'abord militaire, il commande un régiment puis un rapporte, a eu encore A. Tchernysheff, une femme considérable, et parvint au grade de général lieutenant en 1790. Plus tard sénateur, il fut élu membre des assemblées privées avant et après la session en 1800. À la mort de son oncle Frounkine, il donna de l'argent à Poljovine, pays natal du prince oronokine. Il était de la commission, mais s'occupait avec ses parents à venir en aide à ceux dont les affaires périclitaient, mais principalement avec les frères Vassilovitch et le colonel P. de la Soultz dans ses Mémoires (Kievskaja starina, 1882, № 18). „L'opinion pour la liberté d'expression”

Engelhardt mourut en mai 1822 à Orléans, gouverneur de Kioff. Son corps fut ramené à Tchépoukove et inhumé dans l'église de pierre qu'il avait fait construire en 1791.

Il ne se maria pas, mais eut cinq „enfants”, dont le 1er, Basile, né en 1783, Poul, Alexandre, Jean et F. Kravtchik, et Catherine (1792—1813) et général lieutenant N. Svétlov. Le testament de sa femme en date du 9 mai 1801 donna à tous ses enfants à perpétuité le nom d'Engelhardt et tous les droits.

Le Coq de la noblesse de Smolensk possède un portrait historique d'Engelhardt. Également un buste de bronze de Basile.

(D'après un original appartenant à M. Engelhardt, St-Petersbourg.)

205

Василий Васильевич
Энгельгардтъ,
1758 — 1829

Basile Vassiliewitch
Engelhardt,
1758 — 1829

206

Пис. Лампи

Peint par Lampi

Княгиня Татьяна Васильевна
Юсупова,
1769 — 1841

La Princesse Tatiana Vassiliewna
Youssouf,
1769 — 1841

207

Княгиня Варвара Васильевна
Голицына,
1757 — 1815

La Princesse Varvara Vassiliewna
Golitzine,
1757 — 1815

208

Надежда Васильевна
Шепелева,
1761 — 1834

Nadejda Vassiliewna
Shépéleff,
1761 — 1834

Княгиня **ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА ЮСУПОВА**, 1769—1841, младшая из пяти племянниц Потемкина, родилась 1 Января 1769 года (см. т. I, № 10). В первом браке была с 1785 г. за генерал-поручиком Михаилом Сергеевичем Потемкиным, утонувшим в 1791 г.; от него она имела сына, Александра Михайловича Потемкина, и дочь, графиню Екатерину Михайловну Рибопьер. Хотя Татьяна Энгельгардт и не играла в жизни Потемкина такой большой роли, как старшие ее сестры, но и она, наравне с ними, пользовалась вниманием Екатерины, которая пожаловала ее во фрейлины, когда ей было всего 12 лет, одевала ее к венцу и содействовала вторичному ее браку, в 1793 г., с князем Николаем Борисовичем Юсуповым, только-что вернувшимся из своего посольства в Италию. Княгиня Юсуповой, мало уступавшей сестрам в красоте и много превосходившей их в нравственных качествах, суждено было иметь мужьями людей, гораздо старших ее по возрасту: между нею и первым ее мужем было целых 25 лет разницы, а второй был старше ее на 18 лет. Второе супружество княгини Юсуповой не было счастливо: она скоро развелась с мужем и жила отдельно от него, но без формального развода. Не любя света, предпочитая всему, особенно после второго брака, уединенную, замкнутую жизнь, она отстранялась от светских развлечений и довольствовалась небольшим избранным кружком близких друзей, среди которых были Державин, Крылов, Жуковский, Пушкин... Первый из них посвятил ей стихотворение „К матери, которая сама воспитывает детей своих“, и написал в ее альбом стихи „Спящий Эрот“, относящиеся к ее сыну, князю Борису Николаевичу Юсупову. Княгиня Юсупова, действительно, много занималась воспитанием своих детей как от первого, так и от второго брака. Одаренная тем же практическим умом, как и старшие две сестры ее, графиня Браницкая и княгиня Голицына, она очень умело вела свои дела, управляла обширными поместьями мужа и увеличила громадное Юсуповское состояние не только своим приданым и своею частью Потемкинского наследства, равнявшемуся 18 миллионам, но и искусным управлением делами. Она считалась знатоком в финансовых вопросах, и многие обращались к ней за советами в денежных делах. Ее скромный образ жизни, привычка к простому столу и нелюбовь к роскоши многими приписывались скупости, что, однако, не препятствовало ей много и щедро благотворить. Ей стоило только услышать об истинно нуждающихся людях, чтобы они, как по волшебству, получали ту сумму, которая была им нужна, будь то десять или двадцать тысяч, и только позднее и случайно иногда узнавалось, что деньги эти шли от княгини Юсуповой. „Милосердный Бог“, говорила она, „посылает нам скорби для испытания нашей веры и терпения“. Вместе с тем княгиня Юсупова питала особенную любовь к драгоценным камням, которые она покупала по всей Европе; ее средства позволяли ей свободно удовлетворять этой страсти, и она собрала баснословную коллекцию драгоценностей. Между ними первое место занимают: знаменитый брильянт „Полярная Звезда“, алмаз, именуемый „La tête du bœuf“ (Альдебаран), известная жемчужина Филиппа II Испанского „Перегрина“, серьги Марии Антуанетты, алмазная и жемчужная диадема Каролины Мюрать, огромный сапфир и др. В то же время она занималась собиранием всевозможных эмблем, девизов, надписей, которые поручала вырывать на разных камнях: сердоликах, халцедонах и агатах, и составила таким образом большое собрание разных камней.

Княгиня Т. В. Юсупова до конца жизни сохранила живость ума и сердца, очаровательную ласковость и любезность в обращении. Она скончалась, 72-х лет от роду, 23 Мая 1841 г. и погребена в палатке при Благовещенской церкви Александро-Невской лавры.

(С портрета Лампи; оригинал погиб в 1905 г., во время погрома, в с. Зубриловк, Саратовской губ., и принадлежал князю А. А. Голицыну-Прозоровскому.)

La princesse TATIANA VASSILIEWNA YOUSSOPOFF, 1769—1841, la plus jeune des cinq nièces de Potemkine, naquit le 1er janvier 1769 (v. T. I, № 10). En 1785, elle épousa en premières noces le général lieutenant Michel Serguéewitch Potemkine, noyé en 1791, dont elle eut un fils, Alexandre, et une fille, Catherine, plus tard Mme Ribeaupierre. Sans jouer dans la vie de Potemkine un rôle aussi considérable que ses aînées, elle fut comme elles distinguée par Catherine, qui la fit demoiselle d'honneur à 12 ans, l'habilla à son mariage, et lui fit épouser en secondes noces en 1793 le prince Nicolas Borissowitch Youssoupoff, revenu depuis peu de son ambassade en Italie. Non moins belle que ses sœurs et bien supérieure à elles moralement, elle était destinée à avoir des maris beaucoup plus âgés qu'elle, le premier de vingt-cinq ans, le second de dix-huit. Son second mariage fut malheureux: elle ne resta que peu de temps en ménage, puis vécut à part, sans divorce formel. N'aimant pas le monde, ne tenant guère, surtout après ce second mariage, qu'à la solitude et à l'isolement, elle fuyait les plaisirs mondains et se renfermait dans un cercle d'intimes peu nombreux, dont faisaient partie Derjavine, Kryloff, Joukowsky, Pouchkine... Le premier lui consacre sa poésie A une mère qui élève elle-même ses enfants, et composa pour son album des vers intitulés L'Amour endormi, en l'honneur de son fils le prince Boris Youssoupoff. Elle était en effet tout entière à l'éducation de ses enfants, tant du premier que du second lit. Douée du même sens pratique que ses deux aînées, la comtesse Branicki et la princesse Golitzyne, elle était fort entendue en affaires, faisait valoir les immenses domaines de son mari, et accrut la grosse fortune des Youssoupoff, non seulement par l'apport de sa dot et de sa part de la succession Potemkine, mais encore par son habile gérance. Elle s'était fait une réputation de financière, et on la consultait souvent sur des questions d'argent. Son genre de vie modeste, la simplicité de sa table et son indifférence pour le luxe passaient parfois pour de la parcimonie, ce qui ne l'empêchait pas de faire beaucoup de charité, et largement. Entendait-elle parler d'une détresse réelle: c'était assez pour faire tomber du ciel, comme par enchantement, le secours nécessaire, au besoin même dix ou vingt mille roubles, et ce n'était que plus tard et par hasard qu'on apprenait quelquefois d'où venait l'argent. „Dieu, dans sa miséricorde, nous envoie“, disait-elle, „des afflictions pour éprouver notre foi et notre patience“. Elle avait aussi une passion particulière pour les pierres précieuses; elle en achetait par toute l'Europe, ses moyens le lui permettant largement, et se fit une collection fabuleuse. Citons, entre autres, le célèbre brillant l'Etoile Polaire, le diamant dit la Tête du Bélier (Aldébaran), la fameuse perle Pélerine de Philippe II d'Espagne, les boucles d'oreille de Marie-Antoinette, le diadème en brillants et perles de Caroline Murat, un énorme saphir, etc... Elle collectionnait également toute espèce d'emblèmes, devises, inscriptions, qu'elle faisait graver sur pierre: elle se fit ainsi en cornalines, calcédoines et agates, une belle collection de camées gravés.

La princesse Youssoupoff conserva jusqu'à la fin toute sa vivacité d'esprit et de cœur, son exquise amabilité et ses manières affables. Elle mourut à 72 ans, le 23 mai 1841, et fut inhumée dans une dépendance de l'église de l'Annonciation, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original de Lampi, appartenant au prince A. Golitzyne-Prozorowsky, et détruit en 1905 lors du pillage du bourg de Zoubrilowka, gouv. de Saratoff.)

Княгиня ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА ГОЛИЦЫНА, 1757—1815, рожденная Энгельгардт, вторая из пяти племянниц Потемкина, родилась 12 Марта 1757 г. (см. т. II, № 7); она появилась при Петербургском дворѣ одновременно съ своими сестрами, Александрой и Екатериной, и въ 1777 г. была пожалована во фрейлины. Наравнѣ съ ними, она пользовалась особеннымъ расположеніемъ „Екатерининскаго колосса“, но въ отношеніяхъ Потемкина къ ней не было ни той серіозности, которой отличались его чувства къ Браницкой, ни той продолжительности, коѣй характеризовалась его связь съ графиней Скавронской. Отношенія эти, являясь однимъ изъ многочисленныхъ романическихъ эпизодовъ въ жизни „свѣтлѣйшаго“, носятъ характеръ ожесточеннаго „флирта“ пожилого красавца съ молоденькой дѣвушкой; эти отношенія прекратились съ ея замужствомъ, но прошли не безъ того, чтобы не вызвать сиравадливаго гнѣва старухи Потемкиной на сына и на внучку. Памятникомъ этихъ отношеній служить сохранившаяся переписка Потемкина съ Варварой Энгельгардт, относящаяся къ 1777—1779 гг. и состоящая изъ множества маленькихъ записочекъ. Въ нихъ можно прослѣдить, съ одной стороны, ссоры и примиренія влюбленныхъ, капризы и припадки ревности „Вариньки“, ея постоянныя просьбы и домогательства за друзей и знакомыхъ, смѣняемыя признаніями самой страстной, безкорыстной любви, а съ другой—отеческую нѣжность Потемкина, его полусутоливыя, полусеріозныя увѣщанія и полныя совершенно юношеской пылкости и задора страстныя клятвы. Характерными образчиками являются такія мѣста изъ ихъ переписки: „За это я теперь вижу“, пишетъ племянница, „что вы меня ничего не любите. Когда-бъ вы знали, чего мнѣ стоила эта ночь, душка злая моя, ангелъ мой, не взыщи, пожалуйста, мое сокровище безцѣнное, приди, жизнь моя, ко мнѣ теперь, ей Богу грустно, моя душа, напиши хоть строчку, утѣшь свою Вариньку.... Ради Бога, батюшка, князь Григорій Александровичъ, зайдите на минуту, я не ѣду безъ того, чтобы съ вами не помириться. Богъ съ вами, я, можетъ-быть, однимъ словомъ досадила, а вы вспомните, что цѣлымъ письмомъ меня разругали, да въ прибавокъ сказали: „Чортъ съ вами“, то, какъ это слово пріятно! Придите, голубчикъ, ради Бога, мнѣ пора ѣхать“. — „Моя божественная Варинька“, находимъ въ письмѣ свѣтлѣйшаго дяди, „ты видишь, сколько я имѣю заботы, мнѣ твоя болѣзнь тяжелѣе собственной жизни. Послушай меня, а больше Государыню, которая приказала весьма милостиво тебѣ сказать, что-бъ ты пила Спа-вассеръ, а покуда будешь пить, не ѣсть горячихъ пироговъ, ни хлѣба теплаго. Варинька, ты дурочка и каналья неблагодарная, можно ли тебѣ сказать: „Варинька не можетъ, а Гришенька ничего не чувствуетъ“. Я за это, пришедши, тебѣ уши выдеру... Посылаю тебѣ огурцовъ. О купецъ еще не ладится, буду еще просить. Я люблю тебя, душа моя, а какъ? Такъ, какъ еще никого не любилъ. Прости, мое божество милое, я цѣлую всю тебя. Голубушка, у меня голова очень болитъ. Къ Барятинскому пошлю, Пушкина письмо отдамъ. Варюшенька, мой ангелъ, приди ко мнѣ въ шубкѣ. Красавица моя любезная, улыбочка моя милая! Мой ангелъ, для чего шуба счастливей меня!“

Починъ разрыва съ Потемкинымъ Варвара Энгельгардт взяла на себя, влюбившись въ князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына и воспользовавшись отъѣздомъ свѣтлѣйшаго въ Новороссійскій край, чтобы разыграть роль покинутой и ревнующей любовницы. Но Потемкинъ понялъ ея хитрость; ссора была непродолжительна, и послѣ ея свадьбы онъ покровительствовалъ и ей, и мужу, и также щедро одѣлилъ ее по смерти, какъ и ея сестеръ. Замужство сильно измѣнило Варвару Васильевну: она сдѣлалась нѣжной матерью—главою многочисленной семьи изъ десяти сыновей. Въ ней развилась любовь къ домохозяйству и увеличенію благосостоянія семьи, и она взяла въ свои руки управленіе всѣми дѣлами мужа. Характеръ ея огрубѣлъ, нравъ ея, при чрезвычайной добротѣ сердца, вспыльчивый и упрямый, сдѣлался тяжелымъ и сердитымъ; съ нею бывали припадки продолжительнаго и сильнаго гнѣва, и „горе тому“, рассказываетъ Вигель, „кто не спѣшилъ покорностью его смягчить“. „Добрая, сердитая княгиня!“ восклицаетъ Вигель, чуть было не подвергнувшійся однажды ея ручной расправѣ: „Истая боярыня! Несмотря на твой постоянно угрюмый видъ, на твои страшные иногда взоры, я чту, я люблю твою память: прости мнѣ мою откровенность!“

Княгиня В. В. Голицына умерла 2 Мая 1815 г. и похоронена въ церкви села Зубриловки, Балашовскаго уѣзда.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

La princesse VARVARA VASSILIEWNA GOLITZYNE, 1757—1815, née Engelhardt, la seconde des cinq nièces de Potemkine, naquit le 12 mars 1757 (v. T. II, № 7). Elle vint faire son entrée à la Cour en même temps que ses sœurs Alexandrine et Catherine, et devint demoiselle d'honneur en 1777. Elle fut comme elles particulièrement distinguée par „le colosse de Catherine“, mais les relations de Potemkine avec elle, sans avoir ni le sérieux de ses sentiments pour la comtesse Branicki, ni la durée de sa liaison avec la comtesse Skavronsky, ne furent qu'un des nombreux épisodes romanesques de la vie du „Sérénissime“, que le „flirt“ acharné d'un vieux beau avec une toute jeune fille, et cessèrent quand elle se maria, mais non sans avoir provoqué le juste courroux de la mère de Potemkine contre son fils et sa petite-fille. Il en est resté un monument, la correspondance des deux amoureux de 1777 à 1779, qui consiste en une multitude de petits billets. On y voit, d'une part, les brouilles et les réconciliations, les caprices et les accès de jalousie de „Varenka“, ses incessantes demandes et sollicitations pour des amis, puis, brochant sur le tout, ses aveux de l'amour le plus passionné et le plus désintéressé, et d'autre part, la paternelle tendresse de Potemkine, ses exhortations demi plaisantes, demi sérieuses, et ses serments passionnés, pleins d'une ardeur, d'un emportement tout juvéniles. Citons quelques traits caractéristiques: „Avec ça“, lui écrit-elle, „maintenant je vois bien que vous ne m'aimez pas du tout. Si vous saviez ce que m'a coûté cette nuit! Mon vilain petit cœur, mon ange, ne m'en veuille pas, je t'en prie, viens me voir, à présent, mon gros trésor! Tout de bon, j'ai du chagrin! Ecris un petit mot, mon amour, console ta Varenka... De grâce, Monseigneur, mon prince, venez une minute: je ne sors pas sans m'être réconciliée avec vous. Ah! Mon Dieu! J'ai peut-être dit quelque chose qui vous a fâché: mais et vous, vous vous rappelez, quand vous m'avez écrit toute une lettre de sottises; ça finissait par: „Allez au diable!“ C'est gentil, ça, hein! Venez, mon chéri; vrai, il faut que je sorte“.—„Ma divine Varenka“, écrit l'oncle amoureux, „tu vois comme je suis inquiet; ta maladie me touche plus que ma propre vie. Suis mes conseils, et surtout ceux de l'Impératrice; elle m'a gracieusement chargé de te dire de prendre de l'eau de Spa, mais sans manger de gâteaux tout chauds ni de pain chaud. Varenka, petite bête, ingrate petite canaille, comment peux-tu dire: „Varenka ne va pas, et Grichenka s'en moque!“ Aussi, quand je viendrai, je te frotterai les oreilles... Je t'envoie des concombres. L'affaire du marchand n'est pas encore arrangée; j'en reparlerai. Je t'aime, mon petit cœur, et comme je n'ai encore aimé personne. Au revoir, ma divine, je t'embrasse tout entière. J'ai bien mal à la tête, ma mignonne. Je vais envoyer chez Bariatinsky, faire porter la lettre de Pouchkine. Varenka, mon ange, viens en pelisse! Ma belle chérie, ma risette adorée, mon ange, elle a plus de chance que moi, cette pelisse!“

Ce fut la jeune fille qui rompit: elle s'éprit du prince Serge Féodorowitch Golitzyne, et profita du départ du Sérénissime pour la Nouvelle-Russie pour jouer l'amante délaissée et jalouse. Mais Potemkine fut bon prince, et la brouille ne dura pas; après le mariage, il la protégea, elle et son mari, et fut aussi généreux pour elle en mourant que pour ses sœurs. Le mariage la métamorphosa: elle fut la tendre mère d'une nombreuse famille de dix fils, et tout entière aux soins de son intérieur et du bien-être de sa famille, prit en mains toutes les affaires de son mari. Son caractère se fit plus difficile: naturellement irascible et entêtée, malgré son extrême bonté, elle devint acariâtre et colère: elle avait des accès prolongés de violente colère, et „malheur“, dit Wiegel, „à qui ne s'empressait pas de la calmer en cédant!“ „Excellente princesse, avec ses fureurs“, dit encore Wiegel, qui avait failli une fois passer sous sa coupe. „Une maîtresse femme! Malgré son air toujours grognon et son regard parfois terrible, j'honore, j'aime sa mémoire: qu'elle me pardonne ma franchise!“

La princesse Golitzyne mourut le 2 mai 1815, et fut inhumée dans l'église du bourg de Zoubrilowka, district de Balachoff.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА ШЕПЕЛЕВА, 1761—1834, дочь подполковника Васи́лія Андре́евича Энгельгардта и жены его Марѣы Александровны, родной сестры свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, родилась 15 Августа 1761 года. Вмѣстѣ съ другими своими сестрами она была представлена Потемкинымъ ко Двору Екатерины и пожалована во фрейлины въ 1779 году. Между красавицами племянницами свѣтлѣйшаго она выдавалась своими совершенно красными волосами и вообще своей некрасивой наружностью до такой степени, что Потемкинъ въ шутку называлъ ее „Надежда безнадежная“ и, кажется, заставлялъ играть роль дуэньи въ интригахъ своихъ съ ея сестрами, княгиней В. В. Голицыной и графиней Е. В. Скавронской. Въ 1779 году, 12 Ноября, она вышла замужъ за полковника Павла Алексѣевича Измайлова, но скоро, въ 1781 г., овдовѣла; дѣтей отъ этого брака у нея не было.

Вторично Н. В. Измайлова вышла замужъ черезъ 2 года, въ 1783 г., за дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора Петра Амплеевича Шенелева (р. 29 Іюня 1737 г., † 8 Ноября 1828 г.).

Этотъ бракъ заключенъ былъ совершенно противъ воли Надежды Васильевны, но принужденію князя Потемкина, покровительствовавшаго Шенелеву со времени его дуэли съ княземъ П. М. Голицынымъ. Суируги жили несогласно, и Надежда Васильевна почти съ первыхъ дней послѣ свадьбы начала жить отдѣльно отъ мужа, въ собственномъ домѣ. Несмотря на это, послѣ смерти мужа къ ней перешло все его огромное состояніе.

Скончалась Н. В. Шенелева 12 Іюня 1834 года и погребена въ Москвѣ, на Міусскомъ кладбищѣ, при входѣ въ церковь, у лѣстницы. Второй бракъ ея также былъ бездѣтный.

(Съ портрета, погибшаго во время пожара, въ 1905 г., въ с. Зубриловкѣ, Саратовской губ., и принадлежавшаго князю А. А. Голицыну-Прозоровскому.)

NADEJDA VASSILIEWNA CHÉPELEFF, 1761—1834, fille du lieutenant-colonel Basile Andréewitch Engelhardt et de sa femme, Marthe Alexandrowna, sœur du prince sérénissime Potemkine de Tauride, naquit le 15 août 1761. En même temps que ses sœurs, elle fut présentée par son oncle à la Cour de Catherine, et faite demoiselle d'honneur en 1779. Elle n'avait rien de leur beauté: avec ses cheveux d'un rouge ardent et tout son physique désavantageux, Potemkine semble lui avoir fait jouer les duègnes dans ses intrigues avec ses autres nièces, la princesse Golitzyne et la comtesse Skavronsky. Elle épousa le 12 novembre 1779 le colonel Paul Alexéewitch Izmaïloff, dont elle resta veuve sans enfants en 1781.

Elle se remaria deux ans plus tard, en 1783, au conseiller privé actuel et sénateur Pierre Ampléewitch Chépéleff (29 juin 1757—8 novembre 1828). Elle ne tenait nullement à ce second mariage, qui lui fut imposé par Potemkine, protecteur de Chépéleff depuis son duel avec le prince P. Golitzyne. Le ménage fut désuni au bout de quelques jours seulement, et elle quitta la maison de son mari pour se retirer dans la sienne; ce qui ne l'empêcha pas, une fois veuve de lui, d'entrer en possession de sa grosse fortune.

Mme Chépéleff mourut le 12 juin 1834, et fut inhumée à Moscou, au cimetière Miussky, à l'entrée de l'église, près de l'escalier. Elle n'eut pas d'enfants non plus de son second mariage.

(D'après un original appartenant au prince A. Golitzyne-Prozorowsky, et détruit en 1905 lors du pillage du bourg de Zoubrilowka, gouv. de Saratoff.)

СОФЬЯ ИВАНОВНА ДЕ-ЛАФОНЪ, 1717 — 1797, вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника, начальница Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, получила домашнее образованіе въ семьѣ родителей-гугенотовъ, переселившихся въ Петербургъ изъ Франціи вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій. Овдовѣвъ послѣ несчастнаго супружества, Де-Лафонъ очутилась съ двумя дочерьми на рукахъ почти безъ всякихъ средствъ къ жизни. Знакомство съ Иваномъ Ивановичемъ Бецкимъ, умѣвшимъ оцѣнить ея благородную натуру и недюжинныя педагогическія способности, доставило г-жѣ Де-Лафонъ въ 1764 году мѣсто сначала правительницы вновь учрежденнаго при Смольномъ монастырѣ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, а потомъ и его начальницы. Тридцатилѣтнее управленіе С. П. Лафонъ этимъ заведеніемъ доставило ей широкую извѣстность въ культурныхъ слояхъ русскаго общества второй половины XVIII вѣка и искреннее расположеніе Императрицъ Екатерины II и Маріи Феодоровны.

На первомъ планѣ своей воспитательной системы Де-Лафонъ поставила достиженіе религіозно-правственныхъ цѣлей, и, дѣйствительно, питомцы Смольнаго института ея времени въ этомъ смыслѣ возбуждали къ себѣ глубокое уваженіе современниковъ, которые вообще не были склонны слѣдовать въ своей личной жизни правиламъ строгой морали. Въ то же время Де-Лафонъ къ воспитанницамъ относилась настолько матерински нѣжно и заботливо, что навсегда привязала ихъ къ себѣ прочными узами любви и благодарности, и въ этихъ чувствахъ къ Лафонъ сходились даже такія различныя натуры, какъ Нелидова, графиня Буксгевденъ, Ржевская-Алымова, княгиня Евгенія Долгорукая. Ржевская уже въ старости, вспоминая въ своихъ запискахъ о годахъ своего дѣтства и отрочества, такъ отзывалась о нихъ: „Нельзя вообразить себѣ болѣе счастливаго положенія, какъ то, въ которомъ я находилась въ теченіе одиннадцатилѣтняго пребыванія своего въ Смольномъ институтѣ“. Извѣстный авторъ „Капища моего сердца“, князь И. М. Долгорукій, съ своей стороны, говоритъ слѣдующее о Лафонъ: „Хотя я никогда съ ней не былъ въ сношеніяхъ, но, будучи два раза женатъ на монастыркахъ, привыкъ слышать произнесеніе ея имени съ такимъ благоговѣніемъ, что если бы и хотѣлъ о ней забыть, то все-таки вспоминаю“. Императрица Марія Феодоровна, сдѣлавшись въ 1796 г. главноначальствующей надъ Смольнымъ монастыремъ, называла Де-Лафонъ не иначе, какъ „notre bonne vieille maman“ и обратила на нее благосклонное вниманіе своего супруга, Императора Павла; 22 Ноября 1796 года она пожалована была въ статсъ-дамы, а въ день коронаціи Императора, 5 Апрѣля 1797 года, получила орденъ св. Екатерины меньшаго креста.

Софья Ивановна Де-Лафонъ скончалась 11 Августа 1797 года и похоронена на Волковомъ новѣрческомъ кладбищѣ. Одна изъ дочерей ея была замужемъ за сенаторомъ барономъ Гейкингомъ, авторомъ извѣстныхъ мемуаровъ: „Aus den Tagen Kaiser Pauls“.

Шевалье де-Корберонъ въ своемъ „Journal intime“ сообщаетъ много интересныхъ, но далеко не благопріятныхъ отзывовъ о г-жѣ Де-Лафонъ и ея дочери. Памятникомъ ея дѣятельности въ Россіи осталась Лафоновская улица близъ Смольнаго, въ С.-Петербурѣ.

(Съ портрета, находящагося въ Смольномъ институтѣ, въ С.-Петербурѣ.)

SOPHIE IVANOWNA de LAFOND, 1717 — 1797, veuve d'un conseiller d'état actuel, supérieure de la Société Impériale d'Education des Jeunes Filles Nobles, fit son éducation chez ses parents, huguenots de France émigrés à St-Pétersbourg à la suite de persécutions religieuses. Veuve après un mariage malheureux, elle se trouva presque sans ressources avec deux filles sur les bras. Grâce à ses relations avec Betzkoï, qui sut apprécier sa noblesse de caractère et ses aptitudes pédagogiques peu communes, elle devint, d'abord directrice en 1764, puis supérieure, de la nouvelle Société d'Education des Jeunes Filles Nobles fondée au monastère de Smolna. Les trente années qu'elle y resta lui firent une notoriété considérable dans la partie éclairée de la société russe de la seconde moitié du XVIIIe siècle, et lui valurent toute la bienveillance des Impératrices Catherine II et Marie Féodorowna.

A la base de son système d'éducation, Mme de Lafond plaça la religion et la morale, et de fait, grâce à elle, les élèves de Smolna faisaient sous ce rapport l'édification générale: or la vie privée de l'époque ne pouvait guère se piquer de rigueur en fait de morale. Mme de Lafond témoignait d'ailleurs à ses jeunes filles une tendresse, une sollicitude toutes maternelles, et s'assura ainsi de leur part une affection et une gratitude éternelles, comme en témoignèrent dans la suite ses relations avec des natures aussi diverses que Mlle Nélidoff, la comtesse Buxhæwden, Mme Rjewsky-Alymoff, la princesse Eugénie Dolgorouky. Mme Rjewsky, sur ses vieux jours, rappelle en ces termes dans ses Mémoires ses années d'enfance et de jeunesse: „Impossible d'imaginer un bonheur comme celui de mes onze années de Smolna!“ Le prince I. Dolgorouky, l'auteur bien connu du Sanctuaire de mon cœur, dit de son côté: „Sans avoir été jamais en rapport avec elle, marié successivement à deux élèves de Smolna, j'ai toujours entendu prononcer son nom avec tant de vénération, que, quand je voudrais l'oublier, je n'y parviendrais pas“. L'Impératrice Marie, directrice générale de Smolna en 1796, ne l'appelait jamais autrement que „notre bonne vieille maman“, et appela sur elle la bienveillante attention de son mari l'Empereur Paul; le 22 novembre 1796, elle fut faite dame d'honneur, et, le 5 avril 1797, jour du couronnement, dame de Ste-Catherine de 2e classe.

Mme de Lafond mourut le 11 août 1797, et fut inhumée à la concession non orthodoxe du cimetière Volkoff. Une de ses filles épousa le sénateur baron Heiking, auteur des mémoires connus *Aus den Tagen Kaiser Pauls*.

Dans son Journal intime, le chevalier de Corberon donne de Mme de Lafond et de sa fille un certain nombre d'intéressantes appréciations qui sont loin d'être flatteuses. Une des rues avoisinant Smolna porte le nom de rue de Lafond.

(D'après un original conservé à l'Institut Smolna, St-Pétersbourg.)

11/11/11
11/11/11
11/11/11

11/11/11
11/11/11
11/11/11

Софія Івановна
Де-Лафонд,
1717 — 1797

Sophie Ivanovna
De Lafond,
1717 — 1797

Пис. Дорбесс, 1781 г. — Репл. пар Дорбесс, 1781

Елизавета Александровна
Пальменбахъ,
1762 — 1832

Elisabeth Alexandrovna
Palmenbach,
1762 — 1832

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА ПАЛЬМЕНБАХЪ, 1761—1832, рожденная баронесса Черкасова, отъ брака барона Александра Ивановича Черкасова съ извѣстной дочерью Бирона, герцога Курляндскаго, Екатериной Ивановной, начальница Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ, получила воспитаніе свое въ Смольномъ институтѣ, подъ руководствомъ С. И. Де-Лафонтъ; баронесса Е. А. Черкасова кончила въ немъ курсъ второй въ выпускѣ 1779 года и получила фрейлинское званіе. Вслѣдъ затѣмъ она вышла замужъ за Евстафія (Августа) Ивановича Пальменбаха, но недолго наслаждалась семейнымъ счастьемъ: командуя Елисаветградскимъ конно-егерскимъ полкомъ, будучи уже полковникомъ и кавалеромъ ордена св. Георгія 3-й степени, мужъ ея палъ геройской смертью въ битвѣ съ Костюшкой при Дубянкѣ, въ 1793 г., оставивъ женѣ трехъ дочерей. Когда, со вступленіемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ должность главноначальствующей надъ Смольнымъ институтомъ въ 1796 году, престарѣлая С. И. Лафонтъ просила о назначеніи себѣ помощницы, выборъ Императрицы для замѣщенія этой должности палъ въ Февралѣ 1797 г. на „полковницу Пальменбахъ“, а послѣ смерти Де-Лафонтъ, въ Августѣ 1797 г., Пальменбахъ назначена была на мѣсто начальницы института, „съ присвоеніемъ ей по мѣсту титула превосходительства“. Въ этой должности Елизавета Александровна пользовалась полнымъ довѣріемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая поручила ей воспитаніе двухъ дочерей умершаго задушевнаго друга своего, г-жи Бенкендорфъ; младшая изъ нихъ, Дарья Христофоровна, выйдя тотчасъ по выпускѣ изъ Смольнаго замужъ за генерала Ливена, пріобрѣла затѣмъ своимъ умомъ и дѣятельностью громкую извѣстность; Пальменбахъ же поручено было воспитаніе и двухъ молодыхъ принцессъ Биронъ. Въ 1801 году Елизавета Александровна Пальменбахъ пожалована орденомъ св. Екатерины меньшаго креста, но уже въ Апрѣлѣ 1802 г. испросила себѣ увольненіе отъ должности, обиженная, какъ передавалъ внукъ ея, баронъ Ѳеодоръ Андреевичъ Бюлеръ, нѣкоторыми мелочными требованіями Императрицы; при увольненіи отъ должности, въ воздаяніе ея трудовъ по службѣ, Пальменбахъ пожалована была аренда на 6 лѣтъ.

По преданію, Елизавета Александровна отличалась большимъ, оригинальнымъ умомъ и тактомъ, а по своей любви къ Россіи и ревности къ православію выделялась изъ другихъ дамъ современнаго ей общества. О дѣдѣ своемъ, извѣстномъ Биронѣ, она на вопросы отзывалась такъ: „О Биронѣ говорить не стоить, такъ какъ о немъ ничего нельзя сказать хорошаго“.

Елизавета Александровна Пальменбахъ скончалась въ Петербургѣ 23 Іюня 1832 года и похоронена на Смоленскомъ кладбищѣ, близъ старой церкви. Она имѣла трехъ дочерей: Софію (р. 1781 г., † 1839 г.), за сенаторомъ П. Л. Батюшковымъ, Александру († 1836 г.), за сенаторомъ барономъ А. Я. Бюлеромъ, и Екатерину, за Шулеповымъ.

Въ Смольномъ институтѣ находится копія съ прилагаемаго здѣсь портрета, и много изображенія ея намъ неизвѣстно.

(Съ портрета Дарбеса, 1781 г.; Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

ÉLISABETH ALEXANDROWNA PALMENBACH, 1761—1832, née baronne Tcherkassoff, fille du baron Alexandre Ivanowitch Tcherkassoff et de la fille bien connue, Catherine, du Duc de Courlande Jean Biron, fut supérieure de la Société d'Education des Jeunes Filles Nobles au monastère Smolna. Elevée à Smolna sous la direction de Mme de Lafond, elle en sortit seconde de la promotion 1779 et reçut le chiffre de demoiselle d'honneur. Elle épousa peu après Eustache (Auguste) Ivanowitch Palmenbach, mais ne jonit pas longtemps de son bonheur: déjà colonel et chevalier de St-Georges de 3e classe, son mari, commandant du régiment des chasseurs à cheval d'Elisavetgrad, trouva une mort héroïque en 1793 au combat livré contre Kosciuszko à Dubianka. Elle restait avec trois filles. Lorsque l'Impératrice Marie devint en 1796 directrice générale de Smolna et que Mme de Lafond, affaiblie par l'âge, demanda une adjointe, le choix de l'Impératrice tomba en février 1797 sur „la colonelle Palmenbach“, qui, à la mort de son ancienne supérieure, la remplaça au mois d'août suivant et reçut en même temps „le titre d'Excellence“. A la tête de Smolna, Mme Palmenbach jouit de l'entière confiance de l'Impératrice Marie, qui lui confia l'éducation des deux orphelines de sa grande amie Mme Benckendorf; la plus jeune épousa dès sa sortie de l'Institut le général Lieven, et se fit dans la suite une grande réputation d'esprit et d'habileté. Mme Palmenbach fut également chargée de l'éducation des deux jeunes princesses Biron. Décorée en 1801 de Ste-Catherine de 2e classe, elle donna sa démission en avril 1802, froissée, dit son neveu Théodore Bühler, des exigences tracassières de l'Impératrice, qui lui conféra en récompense de ses services une arrente pour six ans.

Mme Palmenbach est vantée pour l'étendue et l'originalité de son esprit, et pour son tact; son amour de la Russie et son zèle pour l'orthodoxie la distinguaient entre toutes les dames de la société de l'époque. Quand on lui parlait de son célèbre grand-père Biron, elle répondait: „Inutile d'en parler, car il n'y a rien à en dire de bon!“

Mme Palmenbach mourut à Pétersbourg le 23 juin 1832, et fut inhumée au cimetière de Smolensk, près de la vieille église. Elle eut trois filles, Sophie (1781—1839), mariée au sénateur P. Batiouchkoff, Alexandrine († 1836), au sénateur baron A. Bühler, et Catherine, à Chtchoulépoïff.

L'Institut Smolna possède une copie de l'original reproduit ici, et ce sont là les deux seuls portraits que nous connaissions de Mme Palmenbach.

(D'après l'original de Darbès, 1781, Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ БАНТЫШЪ-КАМЕНСКІЙ, 1738—1814, сынъ вывезеннаго въ Россію въ дѣтствѣ молдавскаго дворянина Николая Константиновича Бантыша отъ брака съ Анной Степановной Зертисъ-Каменской, родился въ Пѣжинѣ 16 Декабря 1738 года. Свою вторую фамилію Бантышъ получилъ отъ дяди своего по матери, Московскаго архіепископа Амвросія, который въ 1771 г., во время чумы, былъ убитъ чернью, едва не убившей вмѣстѣ съ нимъ и его племянника. Послѣ обученія въ Кіевской и Московской академіяхъ и въ Московскомъ университетѣ, Бантышъ-Каменскій въ 1762 г. поступилъ актуаріусомъ въ Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, котораго не покидалъ до конца своей жизни. Карьера Бантыша-Каменскаго не была разнообразна и блестяща: лишь послѣ 20 лѣтъ службы, въ 1783 г., онъ получилъ мѣсто помощника начальника архива. При Павлѣ и Александрѣ I его труды нашли лучшую оцѣнку: въ 1799 г. онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, въ 1800 г. назначенъ управляющимъ архивомъ, получилъ званіе почетнаго командора Мальтійскаго ордена и, наконецъ, въ 1808 г. — Аннинскую звѣзду. Въ 1812 г., по распоряженію графа Ростопчина, онъ вывезъ въ 105 сундукахъ въ Нижній-Новгородъ важнѣйшую часть архива. Трудъ по приведенію въ порядокъ разстроенаго непріятельскимъ нашествіемъ архива былъ не подъ силу старику, огорченному къ тому же разореніемъ его дома и Подмосковной; „по продолжительной болѣзни“ Бантышъ-Каменскій умеръ 20 Января 1814 года; онъ погребенъ въ Донскомъ монастырѣ, близъ могилы его дяди архіепископа. Отъ брака съ Маріей Ивановной Купріяновой имѣлъ сыновей: Владиміра, котораго „порокамъ“ ужасался Вигель и который кончилъ дни въ Спасо-Евѣиміевѣ монастырѣ, и Дмитрія, тайнаго совѣтника и автора „Словаря достопамятныхъ людей русской земли“, и дочерей Анну и Екатерину, умершихъ дѣвками.

Н. Н. Бантышъ-Каменскій былъ архивный труженикъ, фанатикъ своего дѣла. Въ теченіе 52-хъ лѣтъ онъ изо дня въ день въ холодныхъ помѣщеніяхъ, „въ пыльной атмосферѣ перебиралъ, пересматривалъ и отряхалъ безчисленные рукописи“. Онъ составилъ множество описаній документовъ, рсестровъ церемоніальныхъ дѣлъ (о царскихъ бракахъ, похоронахъ и пр.) и списковъ дипломатовъ. Нѣкоторые изъ трудовъ его напечатаны въ недавнее время, и имъ могутъ позавидовать современныя архивисты. Бантышъ-Каменскій отказывался отъ всякихъ повышеній изъ любви къ своему архиву. Онъ охотно дѣлился своими открытіями съ учеными изслѣдователями и усердно помогалъ всѣмъ историкамъ, отъ Голикова до Карамзина. Такая жизнь, среди столбцовъ и фоліантовъ, не могла не отозваться на характерѣ Бантыша-Каменскаго. Оглохшій отъ холода и пыли архивной, „старый семинаристъ, бѣлый монахъ, свѣтскій архіерей“ казался подчиненнымъ „мрачнымъ старцемъ, всегда сердитымъ, озабоченнымъ и ворчавшимъ“; „молніи его взглядовъ изъ-подъ тучи бровей сверкали, какъ мечъ Дамоклеса“, иугая „архивныхъ юношей“; съ устъ его летѣли по адресу этихъ франтиковъ, явившихся въ архивъ лишь для полученія чина, „краткія, энергическія бранныя слова“. Впрочемъ, „дальше ругательства и брани тиранство его не простиралось“, и подчиненный легко могъ къ нему подслужиться, хотя бы измѣнивъ свою скоропись и начавъ „въ угожденіе ему прямить литеры по-старинному“. Жившій духомъ въ дали вѣковъ и помнившій ужасы бунта 1771 г., Бантышъ-Каменскій отличался крайнимъ консерватизмомъ. Съ безпокойствомъ слѣдилъ онъ за событіями, видя всюду „якобинцевъ“ и „язву“ революціи. Даже Московскій Англійскій клубъ казался ему подозрительнымъ. Витая въ мірѣ царей, архіереевъ, бояръ и посланниковъ, Бантышъ-Каменскій не интересовался исторіей „подлаго“ народа и имѣлъ своеобразный взглядъ на прошлое Россіи. „Предки наши“, писалъ онъ, „съ меньшимъ просвѣщеніемъ, но съ большимъ удовольствіемъ жили; не имѣли такой роскоши и великолѣпія, но не имѣли же и такого страха и безпокойства“. Для погруженнаго въ фоліанты отшельника на самомъ дѣлѣ было „удивительно, что не хотятъ люди спокойно жить и стопами предковъ своихъ слѣдовать“, и онъ съ ужасомъ „закрывалъ мрачную завѣсу“ передъ тѣмъ, „что еще дѣти и внучата узрятъ“.

(Съ портрета 1804 г., находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

NICOLAS NIKOLAEWITCH BANTYCH-KAMENSKY, 1738—1814, fils de Nicolas Bantych, originaire d'une famille noble de Moldavie et amené tout jeune en Russie, et d'Anne Stépanowna, née Sertis-Kamensky, naquit à Néjine le 16 décembre 1738. Son second nom de Kamensky était celui d'un oncle maternel, l'archevêque de Moscou Ambroise, qui fut massacré par la populace en 1771, l'année de la peste, et avec lequel il faillit lui-même périr. Il fit ses études aux académies ecclésiastiques de Kieff et de Moscou, puis à l'université de Moscou, et entra en 1762 actuaire aux Archives du Collège des Affaires étrangères à Moscou: il devait y passer toute sa vie. Sa carrière n'eut rien de varié ni de brillant: ce ne fut qu'après vingt ans de service qu'il devint, en 1783, adjoint au directeur. Sous Paul et Alexandre Ier, il fut mieux apprécié: conseiller d'état actuel en 1799, il fut nommé en 1800 gérant des Archives, fait commandeur honoraire de l'Ordre de Malte et enfin, en 1808, décoré de Ste-Anne. En 1812, il fut chargé par le comte Rostoptchine d'évacuer sur Nijni-Novgorod les cent cinq caisses renfermant les documents les plus importants. Il fallut ensuite réparer aux Archives les ravages causés par l'invasion: la tâche était au-dessus des forces du vieillard, qui, désespéré en outre du pillage de ses deux maisons de Moscou, celle de ville et celle des environs, fit une longue maladie et mourut le 20 janvier 1814; il fut inhumé au monastère Donskoï, près de son oncle l'archevêque. Il eut de son mariage avec Marie Ivanowna Kouprianoff deux fils, Vladimir, dont les „vices“ faisaient l'effroi de Wiegel, et qui finit ses jours au monastère Spasso-Evfimieff, et Dmitri, conseiller privé et auteur du Dictionnaire des hommes remarquables du pays russe, et deux filles, Anne et Catherine, mortes sans alliance.

Laborieux archiviste, Bantych-Kamensky était fanatique de son métier. Il passa cinquante-deux ans, sans manquer un jour, dans des locaux glacés, au milieu d'une atmosphère poudreuse, „à compulser, examiner et secouer d'innombrables manuscrits“. Il rédigea de nombreuses descriptions de documents, actes de protocole (mariages, funérailles et autres cérémonies princières) et listes de diplomates. Quelques-uns de ses travaux récemment parus pourraient faire l'orgueil d'archivistes d'aujourd'hui. Pour l'amour de ses archives, il refusa toute espèce d'avancement. Toujours prêt à faire part de ses découvertes aux savants investigateurs, il fut l'auxiliaire assidu de tous les historiens, de Golikoff à Karamzine. Cette vie incessante au milieu des cartons et des in-folios ne pouvait rester sans influence sur son caractère. Devenu sourd dans le froid et la poussière de ses archives, cet „ancien séminariste, moine séculier, prêtre laïque“, faisait l'effet de quelque vieux sous-ordre, „morose, toujours furieux, absorbé et grognon“. „L'éclair de ses regards brillait sous la forêt de ses sourcils, comme une épée de Damoclès“, terreur des petits gommeux qui ne se mettaient archivistes que pour faire leur chemin, et à l'adresse desquels ses lèvres laissaient échapper de „brèves et énergiques invectives“. D'ailleurs, „remonstrances et invectives, sa tyrannie se bornait là“, et on n'avait aucune peine à se faire bien venir près de lui: il suffisait, par exemple, de changer de main pour „se mettre à la vieille mode d'écriture droite qu'il aimait“. Tout entier à l'esprit d'un passé reculé et au souvenir des horreurs de l'insurrection de 1771, il était conservateur à outrance. Suivant d'un œil inquiet les événements, il ne voyait partout que „jacobinisme“ et „lèpre“ révolutionnaire. Il n'était pas jusqu'au Club Anglais de Moscou qui ne lui fût suspect. Planant parmi les tzars, prêtres, boyards et ambassadeurs, il ne trouvait aucun intérêt à l'histoire du „vil“ peuple, et avait une manière de voir à lui sur le passé de la Russie: „nos ancêtres“, écrivait-il, „étaient moins éclairés, mais plus heureux; exempts de notre luxe et de notre appareil, ils l'étaient aussi de notre peur et de notre inquiétude“. On n'est pas surpris de voir ce rat d'archives „s'étonner de notre manie de ne pas vouloir vivre tranquillement en marchant dans la voie tracée par nos ancêtres“, et „tirer“ avec effroi „un sombre voile“ sur ce que „verront un jour nos enfants et petits-enfants“.

(D'après un original de 1804, Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

Николай Николевичъ
Бантышъ-Каменскій,
1738 — 1814

Nicolas Nicolaevitch
Bantysch-Kamensky,
1738 — 1814

Пис. К. Брюлловъ, 1833 г.

Peint par Ch. Bruloff, 1833

Александръ Ивановичъ
Тургеневъ,
1784 — 1845

Alexandre Ivanovitch
Tourguéneff,
1784 — 1845

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ, 1784—1845, третій сынъ Ивана Петровича, родился 27 Марта 1784 г. въ Москвѣ, первоначальное образованіе получилъ въ домѣ отца. Воспитателемъ его былъ швейцарецъ Тоблеръ, родственникъ Лафатера, съ которымъ отецъ Тургенева находился въ дружеской перепискѣ. О „незабвенномъ“ Тоблерѣ А. И. Тургеневъ сохранилъ самыя теплыя воспоминанія. Дальнѣйшее образованіе Тургеневъ получилъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ и университетѣ, съ увлеченіемъ предаваясь изученію нѣмецкой литературы. Въ 1800 году онъ былъ зачисленъ на службу въ Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ и, по желанію отца, поступилъ въ Геттингенскій университетъ, гдѣ слушалъ курсъ историко-политическихъ наукъ и философіи. Важный въ духовной жизни Тургенева геттингенскій періодъ закончился научнымъ путешествіемъ по славянскимъ землямъ. Возвратясь въ Россію, Тургеневъ въ 1805 г. поступилъ въ Комиссію составленія законовъ; въ 1807 г., во время поѣздки Александра I въ Германію, Тургеневъ находился въ свитѣ его „для исправленія письменныхъ дѣлъ“; съ 1810 по 17 Мая 1824 г. занималъ постъ директора Департамента духовныхъ дѣлъ и члена Комиссіи составленія законовъ. Являясь убѣжденнымъ поборникомъ уничтоженія рабства въ Россіи, Тургеневъ ознаменовалъ свою дѣятельность въ послѣднемъ учрежденіи составленіемъ, вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ, проекта объ уничтоженіи продажи крестьянъ безъ земли и порознь. По духовному вѣдомству Тургеневъ принималъ большое участіе въ новомъ образованіи училищъ Евангелической генеральной консисторіи, Комитета для устройства евреевъ и, наконецъ, въ изгнаніи въ 1820 г. іезуитовъ изъ Россіи. Отличаясь широкою вѣротерпимостью и унаслѣдовавъ отъ отца наклонность къ піетизму, Тургеневъ съ самаго основанія Библейскаго общества, въ 1812 г., состоялъ дѣятельнымъ членомъ его и секретаремъ. Въ 1819 г. онъ былъ пожалованъ въ камергеры и назначенъ исправляющимъ должность статсъ-секретаря Департамента законовъ. 17 Мая 1824 г. Тургеневъ, по просямъ своего злѣйшаго врага, архимандрита Фотія, долженъ былъ оставить постъ директора Департамента духовныхъ дѣлъ. Послѣ несчастія, постигшаго брата Николая, Тургеневъ перевелъ на его имя почти все свое состояніе, оставилъ службу и съ Высочайшаго соизволенія уѣхалъ за границу, гдѣ большею частью и проживалъ. Въ теченіе 20-и лѣтъ онъ пѣзѣдрилъ всю Европу и интересовался всѣмъ, что касалось литературы, исторіи, политикѣ, художествъ, общественной жизни народовъ, и завелъ знакомства со всѣми мѣровыми знаменитостями. Все это блестяще выразилось въ его обширныхъ дневникахъ и громадной перепискѣ. Во время своихъ путешествій Тургеневъ дѣятельно собиралъ въ архивахъ и библіотекахъ матеріалы, касающіеся русской исторіи. Часть ихъ вошла въ „Акты историческіе“, изд. Археографической комиссіей, часть напечатана въ Сборникѣ Историческаго Общества, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 г. и въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1843 и 1844 гг.; по нимъ составлена Пекарскимъ книга: „Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи“ (1862) и „La cour de Russie il y a cent ans, 1725—1783“ (Берлинъ, 1858). Немало потрудился Тургеневъ надъ собираніемъ историческихъ матеріаловъ и въ отечественныхъ архивахъ. Подобныя занятія вполне согласовались со вкусами Тургенева, который вообще отличался страстью къ собиранію всевозможныхъ рукописей, а также и къ корреспонденціи. Тургеневъ хотя и не былъ присяжнымъ литераторомъ, но имя его тѣсно связано съ Арзамасомъ, котораго онъ былъ членомъ, и съ именами почти всѣхъ выдающихся писателей, начиная съ Карамзина и кончая Пушкинымъ. Для многихъ изъ нихъ онъ являлся добрымъ ходатаемъ и умнымъ руководителемъ. Жизнь и дѣятельность Тургенева показываютъ, что онъ обладалъ несомнѣннымъ умомъ, но умъ его, при быстромъ соображеніи и типической русской смѣтливости, не отличался глубиной. Тургеневу присуща была извѣстная доля легкомыслія, и потому въ немъ легко уживалось высокое стремленіе къ духовнымъ интересамъ съ свѣтскимъ, разсѣяннымъ образомъ жизни. Но основными, неизмѣнными свойствами его натуры являлись гуманность, искренность и доброта, подъ конецъ жизни ярко свѣтлѣвшаяся дѣлами истиннаго христіанскаго милосердія въ Пересыльномъ замкѣ, въ Москвѣ, на Воробьевыхъ горахъ. Въ своемъ рвеніи къ облегченію участи ссыльныхъ онъ стоялъ на ряду съ знаменитымъ докторомъ Гаазомъ.

А. И. Тургеневъ умеръ въ Москвѣ 3 Декабря 1845 года, неженатымъ, имѣя чинъ тайнаго совѣтника; похороненъ въ Московскомъ Новодевичьемъ монастырѣ.

(Съ акварельнаго портрета К. Брюллова, 1833 г.; собственность П. И. Тургенева, въ Парижѣ.)

ALEXANDRE IVANOWITCH TOURGUÉNEFF, 1784 — 1845, troisième fils d'Ivan Pétrowitch Tourguéneff, naquit le 27 mars 1784 à Moscou et fit ses premières études dans sa famille. Il eut pour précepteur le suisse Tobler, parent de Lavater, avec qui son père entretenait une correspondance amicale, et garda toujours de „l'inoubliable“ Tobler le souvenir le plus chaleureux. Il continua ses études à la pension de l'université, puis à l'université de Moscou, et se passionna pour la littérature allemande. En 1800, il prit du service aux Archives du Ministère des Affaires étrangères, et alla, sur le désir de son père, à l'université de Göttingen, où il suivit les cours d'histoire, de politique et de philosophie: ce passage à Göttingen eut une grande influence sur sa vie spirituelle. Après un voyage d'études aux pays slaves, il revint en Russie, et entra en 1805 à la Commission législative. En 1807, il accompagna Alexandre Ier en Allemagne comme secrétaire, puis, de 1810 au 17 mai 1824, fut directeur du département des affaires ecclésiastiques et membre de la Commission législative. Champion acharné de l'abolition du servage en Russie, il se signala à ce dernier poste, conjointement avec son frère Nicolas, par son projet d'abolition de la vente des paysans sans terre et par têtes isolées. En matière ecclésiastique, il prit une grande part à la réforme des écoles du Consistoire général Evangélique, ainsi qu'à celle du Comité pour l'établissement des israélites, et enfin à l'expulsion des Jésuites de Russie en 1820. D'une large tolérance en matière de religion, et tenant de son père un certain penchant au piétisme, il fut membre actif et secrétaire de la Société Biblique depuis le jour de sa fondation en 1812. Chambellan en 1819 et secrétaire d'état intérimaire au Département des Lois, il dut, le 17 mai 1824, à la suite des menées de son pire ennemi, l'archimandrite Photius, quitter son poste de directeur du Département des Affaires ecclésiastiques. Après le malheur de son frère Nicolas, il lui remit presque toute sa fortune, quitta le service, et, avec l'autorisation de Sa Majesté, partit pour l'étranger et y resta presque constamment. En vingt ans, il eut fait le tour de l'Europe, s'intéressant à tout ce qui était littérature, histoire, politique, beaux-arts, vie sociale, et fit connaissance avec presque toutes les célébrités mondiales: on en trouve des traces brillantes dans ses volumineux journaux et dans son énorme correspondance. Au cours de ses voyages, il rassembla dans les archives et les bibliothèques des pièces concernant l'histoire russe. Ces matériaux ont paru en partie dans les Actes Historiques publiés par la Commission Archéographique, en partie dans le Recueil de la Société Historique, l'Archive Russe pour 1871 et le Journal du Ministère de l'Instruction Publique pour 1843 et 1844; ce sont eux qui servirent de base aux ouvrages de Pékarsky *Le Marquis de La Chétardie en Russie* (1862) et *La Cour de Russie il y a cent ans, 1725—1785* (Berlin, 1858). Tourguéneff ne mit pas moins de zèle à rassembler des matériaux historiques en Russie: c'était un genre de travail qui lui convenait parfaitement, en raison de sa passion pour les manuscrits de toute espèce et la correspondance. Sans être un professionnel de la littérature, il fut membre de l'Arzamas, et en relations avec tous les grands écrivains, depuis Karamzine jusqu'à Pouchkine: il mit plus d'une fois à leur service son obligeante intercession et son bon conseil. Sa vie et son œuvre le révèlent à coup sûr homme d'esprit, mais d'un esprit peu profond, encore que prompt et d'une sagacité bien russe. Il avait une bonne dose de légèreté qui rendait compatibles chez lui d'une part de hautes aspirations spirituelles, et de l'autre son genre de vie mondain et dissipé. Mais il avait comme traits fondamentaux et invariables son humanité, sa sincérité, et une bonté qui, sur la fin de sa vie, se traduit en une œuvre lumineuse de charité toute chrétienne, au château Péressylny, sur le Mont des Moineaux, à Moscou: son zèle à soulager les détenus lui assure une place à côté du célèbre docteur Haase.

Tourguéneff mourut sans alliance, conseiller privé, le 3 décembre 1845, à Moscou. Il y fut inhumé au monastère Novodévitchi.

(D'après une aquarelle de Ch. Brulloff, 1853, appartenant à P. Tourguéneff, Paris.)

Княгиня АННА ГРИГОРЬЕВНА БЪЛОСЕЛЬСКАЯ-БЪЛОЗЕРСКАЯ, 1773 — 1846, младшая из двух дочерей статсъ-секретаря Екатерины II Григорія Васильевича Козицкаго (р. 1724 г., † 1755 г.), женатаго на Екатеринѣ Ивановнѣ Мясниковой, родилась 26 Мая 1773 года. Будучи богатой невѣстой, благодаря своей матери, унаслѣдовавшей часть огромнаго Твердышево-Мясниковаго состоянія, она оставила на себѣ выборъ князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго, извѣстнаго русскаго мецената, посланника въ Дрезденъ и Туринъ, впослѣдствіи оберъ-шенка и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, женившагося на ней послѣ смерти въ 1792 г. своей первой жены, Варвары Яковлевны Татищевой. „Спесивое родство“, говоритъ Вигель, „видѣло въ этомъ союзѣ неровный бракъ, *mésalliance*“, который, однако, весьма поправилъ дѣла князя А. М. Бѣлосельскаго, вернувшагося изъ-за границы совершенно разореннымъ. Домъ Бѣлосельскихъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ въ Петербургѣ по роскоши и богатству пріемовъ и обстановкѣ.

Не унаслѣдовавъ отъ матери ни ума ея, ни умѣнья держать себя въ свѣтѣ, княгиня А. Г. Бѣлосельская не была любима въ обществѣ, гдѣ ее находили скучною и чванною. „La princesse Bélosselsky“, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ князь П. Долгорукій, „qui était née et avait passé sa vie au sein d'immenses richesses, avait toujours l'air d'une femme de chambre endimanchée et prêtait à rire. La cousine germaine du prince Bélosselsky, la princesse Voldemar Galitzyne, si connue pour la hauteur de son caractère, traitait la princesse Bélosselsky avec un dédain à peine dissimulé, mais elle fut toujours aimable et gracieuse pour Mme Kozitzky, à laquelle personne ne se serait avisé de manquer“. Княгиня Бѣлосельская умѣла, однако, хорошо вести свои дѣла и занялась устройствомъ купленнаго въ 1784 г. за 90.000 рублей ассигнаціями у Разумовскихъ заброшеннаго Крестовскаго острова, на которомъ тогда, по словамъ Вигеля, одного лѣса было еще на полмилліона рублей. Съ этого времени, съ постройкою ею вблизи отреставрированнаго стараго дома нѣсколькихъ дачъ и устройствомъ разныхъ увеселительныхъ приманокъ, качелей и горъ, Крестовскій островъ сталъ въ началѣ Александровскаго царствованія моднымъ дачнымъ мѣстомъ, а княгиня Бѣлосельская, уже овдовѣвшая, признана всѣми, по словамъ того же Вигеля, за „Lady des Isles“. Благодаря положенію мужа, она не осталась чуждою и придворныхъ отличій: была кавалерственной дамою ордена св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста, а въ 1832 г. была пожалована въ статсъ-дамы. Она состояла также почетнымъ членомъ Императорскаго Вольно-Экономическаго общества. Овдовѣвъ, княгиня часто жила въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, доставшемся ей отъ матери, на углу Тверской и Козицкаго переулка. Большая любительница картъ, она пыталась ввести карточную игру во время концертовъ въ Московскомъ Дворянскомъ собраніи, но потерпѣла неудачу. Скончалась она 14 Февраля 1846 г. и похоронена на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Княгиня А. Г. Бѣлосельская имѣла одного сына, князя Эспера Александровича (р. 1802 г., † 1846 г.), перваго мужа извѣстной княгини Елены Павловны Кочубей, и двухъ дочерей: Екатерину (за генераломъ-отъ-артиллеріи Иваномъ Онуфріевичемъ Сухозанетомъ) и Елизавету (за генераль-лейтенантомъ Александромъ Ивановичемъ Чернышевымъ).

(Съ портрета В. Лебренъ, 1797 г.; собственность князя К. Э. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, С.-Петербургъ.)

La princesse ANNE GRIGORIEWNA BÉLOSSELSKY-BÉLOZERSKY, 1773—1846, la plus jeune des deux filles du secrétaire d'état de Catherine II Grégoire Vassiliewitch Kozitzky (1724—1755) et de Catherine Ivanowna, née Miasnikoff, naquit le 26 mai 1773. Riche parti, grâce à sa mère qui avait hérité d'une partie de l'immense fortune des Tverdycheff-Miasnikoff, elle fixa le choix du prince Alexandre Mikhaïlowitch Béliosselsky, connu comme mécène russe, ambassadeur à Dresde et à Turin, dans la suite grand échanson et conseiller privé actuel, qui l'épousa à la mort, en 1792, de sa première femme, née Tatichtcheff. „La morgue des siens“, dit Wiegel, „voyait dans cette union une mésalliance“, qui cependant remit fort bien en point les affaires du prince, rentré de l'étranger complètement ruiné. La maison Béliosselsky devint une des premières de Pétersbourg pour la richesse des réceptions et le luxe de l'installation.

La princesse Béliosselsky n'avait ni l'esprit ni l'usage du monde qui distinguaient sa mère, et n'était pas aimée dans la société: on la trouvait ennuyeuse et guindée. „La princesse Béliosselsky“, dit dans ses Souvenirs le prince P. Dolgorouky, „qui était née et avait passé sa vie au sein d'immenses richesses, avait toujours l'air d'une femme de chambre endimanchée et prêtait à rire. La cousine germaine du prince Béliosselsky, la princesse Voldemar Galitzyne, si connue pour la hauteur de son caractère, traitait la princesse Béliosselsky avec un dédain à peine dissimulé, mais elle fut toujours aimable et gracieuse pour Mme Kozitzky, à laquelle personne ne se serait avisé de manquer“. La princesse sut cependant bien s'arranger: elle remit en état l'île Krestowsky, qui, abandonnée par les Razoumowsky et achetée 90.000 roubles en 1784, contenait encore à ce moment, dit Wiegel, pour plus d'un demi-million rien que de bois. La vieille maison fut restaurée et entourée de quelques villas neuves, des attractions diverses, balançoires, montagnes russes, furent organisées: dès lors, Krestowsky devint au début du règne d'Alexandre la villégiature à la mode, et la princesse Béliosselsky, alors veuve, fut généralement dénommée, au témoignage du même Wiegel, „la Lady des Isles“. La position de son mari lui donna part aux distinctions de la Cour: grand croix de l'ordre de St-Jean-de-Jérusalem, elle devint dame d'honneur en 1832, et fut également membre honoraire de la Société Impériale Economique Libre. Devenue veuve, elle habita souvent à Moscou la maison qu'elle avait héritée de sa mère, au coin de la Tverskaïa et du Kozitzky Péréoulouk. Grand amateur du jeu de cartes, elle tenta, mais sans succès, de le mettre à la mode pendant les concerts de l'Assemblée de la Noblesse à Moscou. Elle mourut le 14 février 1846, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

La princesse Béliosselsky eut un fils, le prince Espère (1802—1846), premier mari de la princesse Hélène Pavlowna Kotchoubey, et deux filles, Catherine, mariée au général d'artillerie Ivan Onufriewitch Soukhozanet, et Elisabeth, au général lieutenant Alexandre Ivanowitch Tchernycheff.

(D'après un original de Vigée-Lebrun, 1797, appartenant au prince C. Béliosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

Fig.

Fig. 1. A person in a dynamic pose, possibly dancing or performing a physical exercise. The figure is shown in a light, sketchy style against a dark background.

Fig.

Fig. 2. A person in a dynamic pose, possibly dancing or performing a physical exercise. The figure is shown in a light, sketchy style against a dark background.

Пис. Вигее-Лебреню

Княгиня Анна Григорьевна
Бѣлосельская-Бѣлозерская,
1773 — 1846

Peint par Vigee-Lebrun

La Princesse Anne Grigorievna
Belosselsky-Belozersky,
1773 — 1846

Пис. Рокотовъ — Peint par Rokotoff

Графиня Александра Васильевна
Браницкая,
1754 — 1838

La Comtesse Alexandrine Vassilievna
Braniczki,
1754 — 1838

Графиня АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА БРАНИЦКАЯ, 1754—1838, любимая племянница князя Потемкина, послѣ смерти матери своей, Марѣи Александровны Энгельгардтъ, въ 1767 г., воспитывалась у бабушки, Дарьи Васильевны Потемкиной, рожденной Скуратовой (р. 1704 г., † 1780 г.), вмѣстѣ съ сестрами своими, въ глухомъ Смоленскомъ помѣстьѣ (См. о ней еще т. II, № 5). Только послѣ возвышенія Потемкина сестры Энгельгардтъ переселились въ Москву, и при прїѣздѣ туда Двора въ 1775 г. Александра Васильевна была представлена Императрицѣ, получила фрейлинскій шифръ и послѣдовала за Дворомъ въ столицу. Положеніе ея вначалѣ было трудное: малообразованная, выросшая въ деревнѣ, она терялась и не знала какъ держаться въ блестящемъ придворномъ обществѣ. Но скоро, освоившись съ новою жизнью, благодаря благосклонности Императрицы и установившимся близкимъ отношеніямъ къ всемогущему дядѣ, она пріобрѣла извѣстную самоувѣренность и своею гордою осанкой, величавостью и важностью пріемовъ не уступала самой Екатеринѣ. Войдя въ самый интимный кружокъ Императрицы, пожалованная въ камеръ-фрейлины въ 1777 г., она сосватана была въ 1781 г. Потемкинымъ, искавшимъ себѣ сторонниковъ среди польскихъ магнатовъ, за графа Ксаверія Петровича Браницкаго, Польскаго короннаго гетмана, и въ день свадьбы назначена статсъ-дамою.

Съ этого времени она дѣлила свою жизнь между Петербургомъ, гдѣ, при каждомъ прїѣздѣ, останавливалась во Дворцѣ, и Кіевскимъ помѣстьемъ мужа, Бѣлой Церковью. Своимъ умомъ и твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ она пріобрѣла на него большое вліяніе; мужъ, по словамъ Вигеля, „въ домѣ ея ничего не значилъ; несмотря на свою скудость, графиня Браницкая нанимала изящнѣйшаго повара-француза и ничего не щадила для стола, дабы симъ пріятнымъ занятіемъ отвлечь супруга отъ хозяйственныхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ ничего не понималъ“. Дѣла эти она вела сама съ большою умѣlostью и усидчивостью, несмотря на ихъ занутианность, и значительно ихъ поправила между прочимъ поставками для дѣйствующей арміи, которая брала, при покровительствѣ Потемкина, по очень выгодной цѣнѣ. Особенно увлекалась она садоводствомъ, развела въ Бѣлой Церкви и подаренномъ ей мужемъ смежномъ имѣніи Александрія великолѣпныя парки, но продолжала жить въ совершенно простомъ, оштукатуренномъ и выбѣленномъ внутри деревянномъ домѣ.

Послѣ смерти Екатерины, графиня А. В. Браницкая почти совсѣмъ порвала съ Петербургомъ и не прїѣзжала ко Двору, несмотря на приглашенія Императора Александра, посѣщавшаго ее мимоѣздомъ въ Александрію, и на вниманіе, оказываемое ей Императрицей Маріей Ѳеодоровной. Овдовѣвъ въ 1819 г., въ 1824 г., 1 Января, она пожалована была въ оберъ-гофмейстерины. Но новые порядки и новые люди новаго царствованія ея не привлекали, а въ душѣ своей она хранила культъ Екатерины. „Любимымъ нарядомъ ея было подражаніе костюму покойной Императрицы: длинное нижнее платье съ длинными и узкими рукавами, почти совсѣмъ закрывающими грудь; оно стягивалось узкимъ, почти непримѣтнымъ поясомъ, съ одною огромною пряжкой, а сверхъ его было другое платье, коротенькое, безъ рукавовъ, а спереди совсѣмъ открытое, которое называлось гречанкою. „Она не роза“, заканчиваетъ Вигель свои воспоминанія о графинѣ Браницкой, „но жила близъ нея, и отпечатокъ величія Екатерины долго еще блисталъ на ней. Въ глубокой старости она осталась, какъ полуразрушенный ея памятникъ“.

Графиня А. В. Браницкая умерла въ глубокой старости 15 Августа 1838 г. и похоронена въ Бѣлой Церкви.

(Съ портрета Левицкаго; собственность графини М. Е. Браницкой, Бѣлая Церковь, Кіевской губ.)

La comtesse ALEXANDRINE VASSILIEWNA BRANICKI, 1754 — 1838, nièce préférée du prince Potemkine, perdit sa mère, Marthe Alexandrowna Engelhardt, en 1767, et fut élevée avec ses sœurs chez sa grand'mère Daria Vassiliowna Potemkine, née Skouratoff (1704—1780), dans un coin perdu du gouvernement de Smolensk (V. aussi sa biographie T. II, N° 5). A l'élévation de Potemkine seulement, les sœurs Engelhardt allèrent à Moscou, et, lors de la visite qu'y fit la Cour en 1775, Alexandrine fut présentée à l'Impératrice, reçut le chiffre de demoiselle d'honneur et fut ramenée à Pétersbourg. Elle se trouva d'abord dans une position difficile: sans instruction, élevée à la campagne, elle perdait contenance et ne savait faire figure dans le monde brillant de la Cour. Mais elle fut bientôt au courant, grâce à la bienveillance de l'Impératrice et à l'intimité de son tout-puissant oncle, prit de l'assurance et se fit une fierté d'allures, une majesté et une solennité que Catherine elle-même n'aurait pas désavouées. Elle devint des tout intimes de la Souveraine, passa demoiselle honoraire en 1777, et fut fiancée en 1781 par Potemkine, en quête de partisans parmi les magnats polonais, au comte Xavier Branicki, hetman de la couronne de Pologne; le jour de son mariage, elle fut faite dame d'honneur.

Elle partagea dès lors son existence entre Pétersbourg, où chaque fois elle descendait au Palais, et Bélaïa-Tzerkov, le domaine de son mari près de Kieff. Femme de tête, d'énergie et de résolution, elle prit sur lui une grande influence: il „n'était rien dans la maison“, dit Wiegel; „toute intéressée qu'elle était, elle prit un cuisinier français des plus habiles et n'épargna rien pour sa table, voulant par cet agréable occupation détourner son époux des affaires, auxquelles il n'entendait rien“. Ces affaires, elle les mena elle-même avec beaucoup d'habileté et de succès, tout embrouillées qu'elles étaient, et leur fit le plus grand bien avec ses soumissions à l'armée d'opérations, par exemple, que Potemkine lui faisait avoir à un taux très avantageux. Elle se prit de passion pour le jardinage, et fit des parcs splendides à Bélaïa-Tzerkov et à Alexandrie, la propriété contiguë que lui avait donnée son mari; mais elle habita toujours une maison de bois toute simple, en crépi et blanchie à l'intérieur.

A la mort de Catherine, la comtesse Branicki rompit presque complètement avec Pétersbourg, et ne vint plus à la Cour, malgré les invitations de l'Empereur Alexandre, qui vint la voir à Alexandrie en passant, malgré l'attention que lui témoigna l'Impératrice Marie. Devenue veuve en 1819, elle fut faite le 1er janvier 1824 grande maîtresse de la Cour. Mais le nouveau règne, avec son régime nouveau et ses hommes nouveaux, la laissait insensible, et elle gardait au fond de son âme le culte de Catherine. „Sa toilette préférée était un costume imité de celui de l'Impératrice défunte: en dessous, une longue tunique à manches longues et étroites, et assez montant, serrée à la taille par une ceinture étroite, à peine visible, avec une grande boucle; et par-dessus, un autre vêtement court sans manches, largement échancré par-devant, qu'on appelait une grecque“. „Sans être elle-même la rose“, conclut Wiegel, „elle vécut près d'elle et conserva longtemps un reflet de la majesté de Catherine, dont sa profonde vieillesse est comme un monument à demi ruiné“.

La comtesse Branicki mourut à un âge avancé le 15 août 1838, et fut inhumée à Bélaïa-Tzerkov.

(D'après un original de Lévitzy, appartenant à la comtesse M. Branicki, Bélaïa-Tzerkov, gouv. de Kieff.)

АНДРЕЙ НИКИФОРОВИЧЪ ВОРОНИХИНЪ, 1759—1814, родился 17 Октября 1759 года въ селеніи Новое-Усолъе, Соликамскаго уѣзда, Пермской губерніи, отъ дворовыхъ людей графа А. С. Строганова. То обстоятельство, что помѣщикомъ его былъ графъ А. С. Строгановъ, поставило его совсѣмъ въ иныя условія, чѣмъ въ какихъ находились другіе художники, выходившіе изъ крѣпостныхъ. Просвѣщенный помѣщикъ, владѣлецъ Воронихина, не только не мѣшалъ развитію его таланта, но, наоборотъ, не мало содѣйствовалъ какъ его художественному развитію, такъ потомъ и его успѣхамъ. Какъ только стала графу Строганову извѣстна страсть Воронихина къ рисованію, онъ перевезъ восемнадцатилѣтняго юношу въ Москву и отдалъ подъ руководство извѣстныхъ архитекторовъ Баженова и Казакова. Здѣсь у молодого художника явился еще сильный покровитель въ лицѣ Московскаго митрополита Платона, который очень полюбилъ его.

Вскорѣ Строгановъ перевелъ его въ Петербургъ. Неизвѣстно, учился ли Воронихинъ въ Академіи, но вращался онъ въ самомъ интеллигентномъ кругу, благодаря чему изъ него вышелъ разносторонне образованный человѣкъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ онъ поѣхалъ съ молодымъ графомъ П. А. Строгановымъ за границу, вмѣстѣ съ наставникомъ послѣдняго, извѣстнымъ скульпторомъ и отличнымъ математикомъ, французомъ Роммомъ. Они проѣхали по южной Россіи, затѣмъ объѣхали Германію, Швейцарію, Италію, Францію и Англію. Всего сильнѣе на него произвели впечатлѣніе, какъ можно судить по его позднѣйшимъ работамъ, Парижъ и современная англійская архитектура. Въ Англіи Воронихинъ и женился на дочери реформатскаго пастора изъ города Hobzwell; 25 Іюня 1786 г. онъ получилъ отпускъ и скорѣе вернулся въ Петербургъ.

Здѣсь онъ началъ строить сперва въ духѣ шотландца Камерона: такова внутренняя отдѣлка Строгановскаго дома у Полицейскаго моста и дача Строганова на Черной рѣчкѣ; въ англійскомъ же вкусѣ построены имъ и итальянскія колоннады въ Петербургѣ, съ двухъ сторонъ Большого канала. Съ переходомъ къ постройкѣ Казанскаго собора, реставраціи Стрѣльнинскаго дворца, постройкѣ литейной мастерской Академіи Художествъ и зданій Академіи Наукъ у Воронихина выработался вполне своеобразно стиль емпіре, раціональный и простой, хотя и не безъ оттѣнка романтичности. Но лучшимъ его произведеніемъ нужно признать зданіе Горнаго Института. Впрочемъ, надо сказать, что всѣ вообще произведенія его отличаются изяществомъ и классической красотой.

Кромѣ архитектуры, А. Н. Воронихинъ занимался масляной и миниатюрной живописью и въ 1797 году за картину, изображающую дачу графа Строганова, получилъ даже званіе академика живописи, а съ 1800 г. состоялъ преподавателемъ архитектуры въ Академіи. Въ 1802 г. онъ сдѣланъ старшимъ профессоромъ и членомъ Совѣта Академіи Художествъ. Умеръ Воронихинъ отъ апоплексическаго удара 21 Февраля 1814 года и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ на могилѣ его стоитъ памятникъ съ видомъ Казанскаго собора.

Извѣстенъ еще автопортретъ А. Н. Воронихина, находящійся въ Академіи Художествъ.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

ANDRÉ NIKIFOROWITCH VORONIKHINE, 1759 — 1814, naquit le 17 octobre 1759 au village de Novoïé-Oussolié, district de Solikamsk, gouvernement de Perm. Fils de gens de service, il eut le bonheur d'avoir pour parents des paysans du comte A. Stroganoff. Pour un artiste d'origine roturière, c'était là un avantage considérable: l'homme éclairé qu'il avait pour maître, loin d'étouffer son talent, ne fut pas sans contribuer largement, tant à son développement artistique qu'à ses succès dans la suite. Le jeune homme avait 18 ans, quand le comte s'aperçut de son goût pour le dessin et le fit aller à Moscou en le recommandant aux architectes connus Bagénoff et Kazakoff. Il y trouva une autre protection puissante, celle du métropolitain de Moscou Platon, qui le prit en grande affection.

Bientôt le comte Stroganoff fit venir le jeune artiste à Pétersbourg. Entra-t-il ou non à l'Académie des Beaux-Arts? Toujours est-il qu'il fréquenta la société la plus cultivée et y puisa une instruction variée. Dans les années 80, il alla à l'étranger avec le jeune comte P. Stroganoff et son précepteur, le français Romme, connu comme sculpteur et mathématicien de mérite; partis par le midi de la Russie, ils parcoururent l'Allemagne, la Suisse, l'Italie, la France et l'Angleterre. Ce qui le frappa le plus, à juger par ses travaux ultérieurs, ce fut Paris et l'architecture anglaise du temps. En Angleterre, il se maria à la fille d'un pasteur protestant de Hobzwell, puis, affranchi le 25 juin 1786, revint peu après à Pétersbourg.

Là, il se mit à construire d'abord dans le goût de l'écossais Cameron: par exemple la décoration extérieure de la maison Stroganoff au Pont de Police et la villa Stroganoff à la Tchernaiâ Retchka; puis, avec la suite de ses travaux, construction de la cathédrale de Kazan, restauration du palais de Strelna, construction de la fonderie de l'Académie des Beaux-Arts et des bâtiments de l'Académie des Sciences, il se fit d'une manière toute personnelle un style empire rationnel et simple, non sans un grain de romantisme. Mais la meilleure de ses œuvres est bien l'Ecole des Mines. Ajoutons d'ailleurs que tout ce qu'il fit se distingue par l'élégance et la beauté classique.

Voronikhine fit non seulement de l'architecture, mais encore de la peinture à l'huile et de l'aquarelle; son tableau représentant la villa Stroganoff lui valut en 1797 le titre d'académicien de la section de peinture. Maître d'architecture à l'Académie en 1800, il y devint en 1802 professeur et membre du conseil. Il mourut d'une attaque d'apoplexie le 21 février 1814, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky, où son monument est orné d'une vue de la cathédrale de Kazan.

On connaît de Voronikhine un autre portrait, peint par lui-même et conservé à l'Académie des Beaux-Arts.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

315

Portrait of Mrs. John C. Smith
 (Mrs. John C. Smith)
 1840-1841

316

Portrait of Mr. John C. Smith
 (Mr. John C. Smith)
 1840-1841

317

Portrait of Mrs. John C. Smith
 (Mrs. John C. Smith)
 1840-1841

318

Portrait of Mr. John C. Smith
 (Mr. John C. Smith)
 1840-1841

215

Андрей Никифорович
Воронихинъ,
1759 — 1814

*André Nikiforowitch
Voronikhine,
1759 — 1814*

216

Платонъ Петровичъ
Бекетовъ,
1761 — 1836

*Platon Pétrowitch
Békétoff,
1761 — 1836*

217

Графиня Елизавета
Разумовская,
1790 — 1818

*La Comtesse Elisabeth
Razoumowsky,
1790 — 1818*

218

Графъ Григорій Кирилловичъ
Разумовскій,
1759 — 1837

*Le Comte Grégoire Kirillowitch
Razoumowsky,
1759 — 1837*

ПЛАТОНЪ ПЕТРОВИЧЪ БЕКЕТОВЪ, 1761—1836, сынъ полковника Петра Аѳанасьевича отъ перваго брака его съ дѣвицей Рѣпьевой, родился въ Симбирскѣ 16 Ноября 1761 г.; племянникъ фаворита Императрицы Елисаветы Никиты Аѳанасьевича и двоюродный братъ И. И. Дмитріева, съ которымъ вмѣстѣ росъ и всю жизнь былъ въ тѣсной дружбѣ, учился сперва въ Казани и Симбирскѣ, а затѣмъ въ Москвѣ, въ пансіонѣ Шадена, одновременно съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ; записанный въ 1767 г. въ гвардію, онъ въ 1776 г. поступилъ сержантомъ въ Семеновскій полкъ, въ 1778 г. произведенъ въ поручики, а 1 Января 1788 г. уволенъ въ отставку премьеръ-майоромъ, послѣ чего, до 1798 г., служилъ въ Герольдмейстерской конторѣ, а затѣмъ переехалъ въ Москву; въ 1796 г. умеръ его отецъ, женившійся вторымъ бракомъ на дочери извѣстнаго богача Мясникова, Иринѣ Ивановнѣ, и оставившій дѣтямъ огромное состояніе. Поселившись на Кузнецкомъ мосту, въ собственномъ домѣ, Бекетовъ въ одномъ изъ флигелей его завелъ, въ срединѣ 1801 г., типографію и словолитню, а въ другомъ — книжную лавку. Типографію свою онъ вскорѣ же поставилъ на высоту, какой не достигалъ до него ни одинъ изъ русскихъ типографовъ, и чрезвычайно изящныя для того времени изданія его сразу же завоевали себѣ подобающее имъ первое мѣсто, выгодно отличаясь отъ другихъ своими хорошими шрифтами и всевозможными типографскими украшеніями. Типографія эта просуществовала всего около 11 лѣтъ, но, несмотря на такой, сравнительно короткій срокъ, оставила яркій слѣдъ въ исторіи нашего книжнаго дѣла. Бекетовъ издалъ сочиненія Богдановича, Гнѣдича, Дмитріева, Жуковского, Карамзина, Радищева, Хераскова и другихъ писателей; насчитываютъ 107 изданій, вышедшихъ изъ типографіи Бекетова, который и самъ не былъ чуждъ занятій словесностью, печатая свои стихотворенія и переводы въ разныхъ журналахъ. Одновременно Бекетовъ съ жаромъ занимался отечественной исторіей и древностями, иконографіей и собираніемъ рукописей, книгъ, историческихъ бумагъ, автографовъ, а особенно живописныхъ и гравированныхъ портретовъ русскихъ дѣятелей; составивъ богатую портретную галерею, онъ постепенно заготовлялъ мѣдныя доски съ портретовъ, привлекая къ дѣлу рядъ талантливыхъ граверовъ; однако, онъ успѣлъ отпечатать лишь 20 портретовъ въ серіи „Пантеонъ Россійскихъ авторовъ“ (М. 1801) и 50 — въ книгѣ „Собраніе портретовъ Россіянъ, знаменитыхъ по своимъ дѣяніямъ...“ (М. 1821—1824); послѣ смерти его всѣ доски, числомъ 306, были куплены братьями И. и П. Кирѣевскими. За свою просвѣтительно-научную дѣятельность Бекетовъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Московскаго университета и состоявшихъ при немъ Обществъ: Любителей Россійской словесности, Испытателей природы и Исторіи и Древностей Россійскихъ; въ послѣднемъ онъ былъ съ 1811 по 1823 г. предсѣдателемъ, составилъ для него новый Уставъ и сумѣлъ оживить его дѣятельность и обогатить собраніе книгъ и рукописей. Пожаръ Москвы 1812 г. лишилъ Бекетова типографіи, книжной лавки и всѣхъ драгоценныхъ коллекцій, собранныхъ трудами многихъ лѣтъ; ударъ этотъ былъ слишкомъ тяжелъ, и онъ не могъ уже оправиться; удалившись отъ дѣла и поселившись на своей дачѣ у Симонова монастыря, онъ скончался 6 Января 1836 г., едва ли не въ нуждѣ. Погребенъ онъ былъ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, но, по злой прони судьбы, могила этого просвѣщеннаго и ревностнаго любителя и оберегателя старины не сохранилась, хотя могила его отца, съ прекраснымъ памятникомъ работы Витали, и уцѣлѣла. Остатки Бекетовскихъ коллекцій разошлись по собраніямъ разныхъ любителей. И. И. Бекетовъ былъ холостъ, но имѣлъ сына — Александра Платоновича Кетова; любопытныя „Воспоминанія“ послѣдняго напечатаны въ „Щукинскомъ Сборникѣ“ (в. II) и частью перепечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1904 годъ.

Современникъ Бекетова, С. П. Жихаревъ, пишетъ, что Бекетовъ былъ „истинный ревнитель отечественнаго просвѣщенія; при большихъ способностяхъ онъ былъ бы другимъ Новиковымъ. И. И. Дмитріевъ, близкій родственникъ Бекетова, говоритъ, что онъ не щадилъ ничего для ученыхъ и литературныхъ предпріятій и даже разстроилъ свое состояніе. И. И. жалѣетъ, что пособія Платона Петровича падаютъ большею частью на бездарныхъ писателей, довольно назойливыхъ. Дожидать на злыя и благія!“

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

PLATON PÉTROWITCH BÉKÉTOFF, 1761 — 1836, fils du colonel Pierre Afanassiewitch Békétoff et de sa première femme, née Répieff, naquit à Simbirsk le 16 novembre 1761; il était neveu de Nikita Afanassiewitch Békétoff, le favori de l'Impératrice Elisabeth, et cousin germain de I. Dmitrieff, avec lequel il fut élevé et resta toute sa vie en étroites relations d'amitié. Il fit ses études, d'abord à Kazan et à Simbirsk, puis à Moscou, à la pension Schaden, où il eut pour camarades Karamzine et Dmitrieff. Enrôlé dans la Garde en 1767, il entra en 1776 sergent au régiment Sémenowsky, passa lieutenant en 1778, et fut retraité comme premier major le 1er janvier 1788. Il servit ensuite à la chambre héraldique jusqu'en 1798, et se fixa alors à Moscou. En 1796, il avait perdu son père, qui, marié en secondes noces à la fille Irène du fameux millionnaire Ivan Miasnikoff, laissa à ses enfants une fortune considérable. Il alla s'établir à sa maison du Pont-des-Maréchaux, dans une des ailes de laquelle il monta au milieu de 1801 une imprimerie et une fonderie de caractères, et dans l'autre une librairie. L'imprimerie s'éleva bientôt à une hauteur inconnue jusqu'alors en Russie, et ses éditions, d'une élégance remarquable pour l'époque, s'assurèrent d'emblée par la qualité de l'impression et la beauté de la décoration une supériorité incontestée. Elle ne dura guère que onze ans, mais, malgré cette existence relativement courte, laissa une trace lumineuse dans l'histoire de notre librairie. Békétoff édita les œuvres de Bogdanowitch, Gnéditch, Dmitrieff, Joukowsky, Karamzine, Radichtcheff, Khéraskoff et d'autres; on ne compte pas moins de 107 éditions sorties de ses presses, et lui-même n'était pas sans cultiver la littérature: il publia dans différentes revues des poésies et des traductions. Il s'adonna également avec zèle à l'histoire russe, aux antiquités et à l'iconographie, et collectionna des manuscrits, volumes, papiers historiques, autographes, et surtout des portraits, originaux et gravures, de personnages publics russes; sur sa riche galerie de portraits, il fit une série de planches de cuivre avec le concours de graveurs de talent, mais ne réussit à tirer que 20 portraits pour le Panthéon des auteurs russes (Moscou, 1801) et 50 pour l'ouvrage intitulé *Recueil de portraits de Russes célèbres* (Moscou, 1821—1824). A sa mort, ses 306 planches furent acquises par les frères I. et P. Kiréewsky. Son œuvre de propagande civilisatrice et scientifique lui valut le titre de membre honoraire de l'université de Moscou et des sociétés fondées sous ses auspices, des Amis de la Littérature russe, des Naturalistes et de l'Histoire et des Antiquités russes; président de cette dernière de 1811 à 1823, il rédigea pour elle un nouveau Règlement et sut lui donner un regain d'activité et enrichir ses collections de livres et de manuscrits. L'incendie de 1812 anéantit l'imprimerie, la librairie et toutes les collections précieuses qui lui avaient coûté des années de travail. C'était un coup par trop rude, et dont il ne put se remettre. Rentré dans la vie privée et retiré dans sa villa près du monastère Simonoff, il mourut le 6 janvier 1836 dans un état voisin de la gène. Il fut inhumé au monastère Novospassky, à Moscou, mais par une cruelle ironie du sort, il n'est pas resté trace du tombeau de cet amateur et conservateur éclairé et zélé des monuments du passé, tandis que celui de son père, avec la magnifique sculpture de Vitali, demeurait intact. Les collections qu'il avait rassemblées passèrent aux mains d'amateurs. Célibataire, il eut un fils, Alexandre Kétoff, dont le *Recueil Chitchoukine* (fasc. II) a publié de curieux Souvenirs, réimprimés en partie dans l'*Archive Russe* en 1904. „Infatigable dans son œuvre de propagation de l'instruction en Russie“, dit un contemporain, S. Jikhareff, Békétoff, „avec plus de talent, eût été un second Novikoff. Son proche parent I. Dmitrieff, en présence des frais énormes que lui coûtèrent ses entreprises scientifiques et littéraires et qui compromirent sa fortune, regrette que ses largesses n'allassent guère qu'à des écrivains sans valeur, quémandeurs fieffés. A tout venant la manne bienfaisante!“

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графиня ЕЛИЗАВЕТА-ТЕРЕЗИЯ РАЗУМОВСКАЯ, 1790—1818, рожденная баронесса Шенк-фон-Кастель, немка, происходившая из древнейшего Швабского дворянского рода, сдѣлалась второй женой графа Григорія Кирилловича Разумовскаго, человѣка, создавшаго себѣ громкое имя въ наукѣ, но совершенно безнутаго, полусумасшедшаго чудака, съ дикимъ характеромъ. Судьба этой молодой, симпатичной женщины, вышедшей за пожилого и уродливаго Разумовскаго совѣмъ юной, была трагически печальна.

Проживая вдали отъ родины, въ Швейцаріи, графъ Разумовскій въ первый разъ женился тамъ на французкѣ баронессѣ Генріеттѣ Мальсенъ (Malsen, baronne de Tillborch). Хотя вся родня была противъ этого, но бракъ по страсти совершился, при чемъ Разумовскіе вѣнчались во Франціи, въ католической церкви. Старый гетманъ, зная нравъ своего сына, писалъ: „Я думаю, что она или крайняя дура, или превеликая плутовка, что въ такую петлю кидается; союзъ сей, судя по мудрованію нашего чуда, не можетъ продолжаться, хотя бы она ангель или чортъ была... Если женится, то сіе будетъ съ его жестокимъ правомъ гробъ всѣмъ его помышленіямъ, все ему омерзѣть, все бросить“... Такъ и случилось. Уже въ 1793 г. Разумовскій разошелся съ женой, и прежнюю страсть замѣнила слѣпая къ ней ненависть. Дѣтей не было, и ничто не связывало супруговъ; однако, жена не признавала разрыва, а мужъ не считалъ брака, совершеннаго по латинскому обряду, дѣйствительнымъ... Въ 1806 г. графъ Разумовскій женился на 16-лѣтней Елизаветѣ-Терезіи Шенк-фон-Кастель, при чемъ вѣнчаніе совершено было православнымъ священникомъ грекомъ въ Триестѣ. Между тѣмъ первая жена не захотѣла отказаться отъ своихъ правъ и начала процессъ, поспѣшивъ въ Петербургъ. Здѣсь графиня Генріетта своимъ умомъ и тактомъ успѣла плѣнить не только весь Петербургскій большой свѣтъ, но и привлечь на свою сторону прежде враждебную ей умную Наталію Кирилловну Загряжскую, оракула въ семьѣ; въ пользу покинутой супруги склонилось мнѣніе и обѣихъ Императрицъ. Когда Разумовскій прибылъ въ Петербургъ съ молодой женой, все было противъ него, несмотря на обѣщаніе покровительства, лично данное Александромъ I въ Теплицѣ его женѣ. Ничего изъ этого обѣщанія не вышло, и Разумовскому только и оставалось, что поссориться окончательно съ родными и возненавидѣть сестру. Онъ рѣшилъ навсегда удалиться за границу, но и въ выдачѣ паспорта его женѣ, какъ графинѣ Разумовской, было отказано. Дѣло о бракѣ было почему-то передано митрополиту Сестренцевичу-Богущу, который, конечно, призналъ 1-й бракъ, католическій, единственно законнымъ и не подлежащимъ расторженію. Православный Синодъ съ этимъ заключеніемъ согласился и призналъ второй бракъ незаконнымъ. Извѣстіе это поразило графиню: она была достойная женщина, жизнь ея съ взбалмошнымъ мужемъ была некрасива, а теперь оказалось, что она вовсе не замужемъ, и что дѣти ея незаконны. „La pauvre femme est morte de chagrin“, писала 5 Сентября 1818 г. графиня Елизавета Кирилловна Апраксина. Графиня Разумовская умерла 27 Августа и похоронена въ С.-Петербургѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ; на пирамидѣ изъ сѣраго мрамора надпись: „La nudité de ce monument sans épitaphe et sans inscription dit aux âmes sensibles et honnêtes tout ce qu'il est possible de dire. Ce monument a été élevé le 28 Oct. 1818, V. S. par le comte Grégoire de Razoumowsky“. Значительно позднѣе къ этой надписи прибавлено: „Comtesse Elise Rasumowsky née en 1790 † en 1818“.

У графини Разумовской было 2 сына, Максимиліанъ († 1849 г.) и Левъ (р. 1814 г., † 1868 г.), и дочь Елизавета (р. 1808 г., † 1892 г.), въ замужствѣ за графомъ Мольтке. Дѣти ея были признаны въ Россіи дворянами, а въ Австріи они сохраняютъ графскій титулъ.

(Съ миниатюры, принадлежащей графу Камиллу Разумовскому, въ Вѣнѣ.)

La comtesse ÉLISABETH-THÉRÈSE RAZOUMOWSKY, 1790 — 1818, née baronne Schenck von Kastell, allemande, originaire d'une très vieille famille noble de Souabe, devint la seconde femme du comte Grégoire Kyrillowitch Razoumowsky, réputé comme savant de grand mérite, mais connu aussi pour une bizarrerie frisant la folie et pour son caractère intraitable. Ce fut un sort lamentablement tragique que celui de cette sympathique jeune femme, mariée à l'âge le plus tendre à cette vieille ruine de Razoumowsky.

Loin de son pays, en Suisse, le comte Razoumowsky avait épousé en premières noces une française, Henriette Malsen, baronne de Tillborch. C'était un mariage d'amour qui se fit en dépit de toute la famille, et fut célébré en France à l'église catholique. „Pour moi“, disait le vieil hetman, qui connaissait bien le caractère de son fils, „il faut être une malheureuse imbécile ou une canaille fieffée, pour se mettre au cou une corde comme celle-là. Avec les berlues de cet original, ça ne peut pas durer, que la femme soit ange ou démon.... le mariage, avec le caractère impossible qu'il a, c'est la fin de tous ses plans: tout le dégoûtera, il lâchera tout“... C'est ce qui arriva. En 1793, Razoumowsky n'était déjà plus avec sa femme, et la passion de jadis avait fait place à une haine aveugle. Pas d'enfants, donc rien qui liât les époux. Elle, pourtant, ne voulait pas de rupture, mais lui, considérait comme nul son mariage catholique.... Il se remaria en 1806 à Elisabeth-Thérèse Schenck von Kastell, âgée de 16 ans, et fit célébrer son union par un prêtre grec orthodoxe à Trieste. Or la première femme, qui n'en tenait pas moins à ses droits, entama un procès et se précipita à Pétersbourg. Là son esprit et son tact non seulement lui concilièrent toute la société, mais encore mirent de son côté la sage Natalie Zagriajsky, l'oracle de la famille, jadis hostile à sa cause: l'épouse délaissée eut encore pour elle les deux Impératrices. En arrivant à Pétersbourg avec sa jeune femme, Razoumowsky trouva tout le monde contre lui, en dépit des engagements pris personnellement à Tœplitz par l'Empereur Alexandre Ier envers sa femme, et qui restèrent sans effet. Il n'avait plus qu'à rompre définitivement avec sa famille et à prendre sa sœur en aversion. Il résolut de partir pour l'étranger, mais on lui refusa même pour sa femme un passeport au nom de la comtesse Razoumowsky. L'affaire de son mariage se trouva soumise à la décision du métropolite Siestrencewicz de Bohusz, qui naturellement déclara le premier mariage, catholique, seul légitime et indissoluble. Le Synode orthodoxe confirma la décision et annula le second. Ce fut un coup pour la comtesse; la digne femme avait déjà une triste vie avec ce mari détraqué, et voilà maintenant qu'il n'était pas son mari, voilà les enfants illégitimes! „La pauvre femme est morte de chagrin“, écrivait le 5 septembre 1818 la comtesse Elisabeth Apraxine; la comtesse Razoumowsky était morte le 27 août. Elle fut inhumée à St-Pétersbourg, au cimetière de Smolensk, où on lit sur une pyramide de marbre gris: „La nudité de ce monument sans épitaphe et sans inscription dit aux âmes honnêtes et sensibles tout ce qu'il est possible de dire. Ce monument a été élevé le 28 Oct. 1818 v. s. par le comte Grégoire de Razoumowsky“. On ajouta beaucoup plus tard: „Comtesse Elise Rasumowsky née en 1790 † en 1818“.

La comtesse Razoumowsky eut deux fils, Maximilien († 1849) et Léon (1814 — 1868), et une fille, Elisabeth (1808 — 1892), mariée au comte de Moltke. La noblesse leur fut conférée en Russie, et en Autriche ils conservent le titre de comte.

(D'après une miniature appartenant au comte Camille Razoumowsky, Vienne.)

Графъ ГРИГОРІЙ КИРИЛЛОВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ, 1759—1837, пятый сынъ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго отъ брака съ Екатериной Ивановной Нарышкиной, родился 10 Ноября 1759 года. Воспитанный за границей, онъ въ Лейденѣ сталъ заниматься минералогіей и 20 лѣтъ отъ роду издалъ уже нѣсколько ученыхъ трудовъ, обратившихъ на него вниманіе спеціалистовъ. Записанный въ дѣтствѣ въ военную службу, онъ получалъ чины до чина бригадира включительно, но жилъ почти постоянно за границей. Въ 1790 г. онъ женился на баронессѣ Генріеттѣ Мальсенъ, но черезъ 3 года разошелся съ нею. Въ 1806 г., въ Триестѣ, графъ Разумовскій повѣнчался по православному обряду съ баронессой Терезіей-Елизаветой Шенкъ-де-Кастель. Первая жена его возбудила противъ него процессъ, вызвавшій его на четыре года въ Петербургъ. Синодъ, чтобы выйти изъ щекотливаго положенія въ вопросѣ объ этомъ великосвѣтскомъ бракѣ, передалъ дѣло римско-католическому митрополиту Сестренцевичу, рѣшеніе котораго не трудно было предвидѣть. Сестренцевичъ объявилъ второй бракъ графа Разумовскаго недѣйствительнымъ, а Синодъ подвергъ двоеженца семилѣтней епитиміи. Вторая жена графа Разумовскаго съ горя умерла въ Петербургѣ въ 1818 году. Возбѣшенный этимъ „persécutions affreuses et sans nombre“, графъ Разумовскій порвалъ всѣ связи съ отечествомъ: онъ перешелъ въ протестантство и принялъ австрійское подданство. Графъ Разумовскій умеръ въ своемъ имѣніи Рудолецъ, въ Моравіи, 22 Мая 1837 года. Отъ баронессы Шенкъ онъ имѣлъ сыновей Максимиліана, умершаго бездѣтнымъ, и Льва, оставившаго потомство, и дочь Елизавету (за графомъ Мольтке).

Графъ Разумовскій былъ общепризнаннымъ выдающимся спеціалистомъ въ области минералогіи, геологіи и геогнозиса, что было „рѣдкостью неслыханною“ въ тотъ вѣкъ дилетантизма, когда вельможи не прочь были позабавиться между прочимъ и наукою. Всѣ мысли графа Г. К. Разумовскаго были „устремлены на испытаніе существа натуры“. Самъ онъ признавалъ себя „aussi peu fait pour les affaires que pour le monde“. Отецъ шуточно называлъ его „нашимъ философомъ Григоріемъ, упавшимъ въ яму учености“. Гдѣ бы ни жилъ графъ Г. К. Разумовскій, плодомъ его пребыванія являлось геологическое изслѣдованіе этой мѣстности; даже въ Петербургѣ, при самыхъ тягостныхъ обстоятельствахъ, онъ составилъ капитальный трудъ „ *Coup d'œil géognostique sur le Nord de l'Europe* “. Его минералогическими коллекціями былъ такъ загроможденъ (*encombré*) его домъ, что очевидцы удивлялись, какъ не провалится потолокъ (*comment le plafond ne s'écroule pas*). Имя его увѣковѣчено открытымъ имъ въ Силезіи новымъ минераломъ „*Razoumovskian*“. Но при широкомъ образованіи и обширной учености въ графѣ Г. К. Разумовскомъ обнаруживались, и при томъ съ особенною силою, общія многимъ Разумовскимъ своеобразныя свойства характера, несомнѣнно наслѣдованныя имъ отъ ихъ дѣда, вѣзломощнаго и строитиваго казака Розума. Графъ Г. К. Разумовскій былъ мраченъ и упрямъ, своенравенъ, строптивъ и сварливъ, имѣлъ „un caractère sombre et farouche, une âme malcontente, une humeur vague et singulière“; всякая попытка обуздать его „пуще взрывала его, какъ мину пороховую“; онъ постоянно ссорился со всѣми, съ гувернерами, съ профессорами, съ родными... Въ 1790 году, тотчасъ по избраніи его въ члены Россійской Академіи, онъ завелъ ожесточенную распрю съ не менѣе, правда, чѣмъ онъ, сварливой и своеобразной княгиней Дашковой. Слабый, болѣзненный, малорослый, некрасивый, рябой, до крайности близорукій, графъ Г. К. Разумовскій былъ застѣнчивъ, но въ то же время чрезвычайно влюбчивъ. Добродушно грубоватый гетманъ утверждалъ, что брачный союзъ его сына „не можетъ продолжиться, хотя бы невѣста ангелъ или чортъ была“, и что только „крайняя дура или превеликая плутовка можетъ въ такую петлю кинуться“. Впрочемъ, Г. К. Разумовскій, повидимому, былъ искренно привязанъ ко второй женѣ и послѣ ея смерти трогательно апеллировалъ „aux âmes sensibles et honnêtes“, поставивъ этой несчастной женщинѣ мавзолей „sans épitaphe et sans inscription“. Люди, близко знавшіе его, утверждали, что онъ имѣлъ хорошіе задатки и не былъ пороченъ по природѣ, „avait beaucoup de bon, avait des défauts, mais n'avait point de vices“, былъ прямъ и честенъ (*droit et honnête*). Рано лишившись матери, онъ былъ заброшенъ отцомъ, не думавшимъ сблизиться съ дѣтьми (*connaître ses enfants par lui-même*), и воспитанъ чужими людьми, вдали отъ семьи и отечества.

(Съ портрета, принадлежащаго графу Камиллу Разумовскому, въ Вѣнѣ.)

Le comte GREGOIRE KYRILLOWITCH RAZOUMOWSKY, 1759 — 1837, cinquième fils du comte Cyrille Grigoriowitch Razoumowsky et de Catherine Ivanowna, née Narychkine, naquit le 10 novembre 1759. Elevé à l'étranger, il entreprit à Leyde l'étude de la minéralogie, et, à 20 ans, avait déjà publié un certain nombre de travaux scientifiques qui attirèrent sur lui l'attention des spécialistes. Enrôlé tout enfant au service militaire, il passa par tous les grades jusqu'à celui de brigadier, tout en résidant presque constamment à l'étranger. Marié en 1790 à la baronne Henriette Malsen, avec laquelle il ne resta que trois ans, il épousa en 1806 à Trieste, suivant le rite orthodoxe, la baronne Thérèse-Elisabeth Schenck von Kastell. Sa première femme lui intenta un procès qui l'obligea à passer quatre ans à Pétersbourg, et le Synode se tira de la position délicate où le mettait cette affaire de mariage du monde, en la passant au métropolitain catholique Siestrencewicz, dont la décision n'était pas difficile à prévoir: le second mariage fut déclaré nul. Le Synode infligea au comte pour bigamie une pénitence de sept ans, et sa seconde femme mourut de chagrin à Pétersbourg en 1818. Furieux de ces „persécutions affreuses et sans nombre“, il rompit complètement avec son pays, embrassa le protestantisme et se fit naturaliser autrichien. Il mourut dans sa propriété de Rudolec, en Moravie, le 22 mai 1837. Il avait eu de la baronne Schenck deux fils, Maximilien, mort sans postérité, et Léon, qui laissa des descendants, et une fille, Elisabeth, mariée au comte de Moltke.

Le comte Razoumowsky passait généralement pour spécialiste éminent en matière de minéralogie, géologie et géognosie; or c'était „une rareté inouïe“, dans ce siècle de dilettantisme, où les grands seigneurs n'étaient pas sans daigner s'amuser de science, entre autres choses. Toutes ses pensées „tendaient à pénétrer l'essence de la nature“. Lui-même se reconnaissait „aussi peu fait pour les affaires que pour le monde“, et son père disait de lui en plaisantant: „Notre philosophe Grégoire, précipité dans les abîmes de l'érudition“. N'importe où il se trouvât, il faisait la géologie de l'endroit; même à Pétersbourg, dans les circonstances les plus pénibles, il composa un travail capital, Coup d'œil géognostique sur le Nord de l'Europe. Sa maison était si encombrée de collections de minéralogie, qu'on se demandait comment le plafond ne s'écroule pas. Son nom est immortalisé par la découverte en Silésie d'un nouveau minéral, appelé Razoumovskin. Mais avec toute son instruction et sa vaste érudition, il possédait à un degré tout particulier les traits de caractère spéciaux communs à beaucoup des Razoumowsky, et qu'ils tenaient certainement de leur grand-père, l'écervelé et enragé cosaque Rozoum. Maussade et entêté, fantasque, intraitable et hargneux, le comte Razoumowsky avait „un caractère sombre et farouche, une âme malcontente, une humeur vague et singulière“; tout ce qu'on faisait pour en venir à bout „ne servait qu'à le déchaîner davantage, comme une charge de poudre“. Il était en dispute continuelle avec tout le monde, gouverneurs, professeurs, parents... En 1790, peu après son élection à l'Académie Russe, il partit en guerre acharnée avec la princesse Dachkoff, qui était, à la vérité, tout aussi fantasque et hargneuse que lui. Débile, maladif, petit, laid, marqué de petite vérole, d'une extrême myopie, il était timide, et en même temps très amoureux. Le vieil hetman son père prétendait avec sa grossièreté bon enfant, que le mariage de son fils „ne pouvait durer, que la femme fût ange ou démon“, et qu'il fallait être „une malheureuse imbécile ou une canaille fieffée pour se mettre une pareille corde au cou“. Il semble d'ailleurs avoir été sincèrement attaché à sa seconde femme, à la mort de laquelle il faisait un touchant appel „aux âmes sensibles et honnêtes“, en élevant à la malheureuse un mausolée „sans épitaphe et sans inscription“. „Droit et honnête“, disaient de ses intimes, „il avait beaucoup de bon, avait des défauts, mais n'avait point de vices“. Orphelin de mère tout enfant, il fut délaissé par un père peu soucieux de connaître ses enfants par lui-même, et élevé par des étrangers, loin de sa famille et de son pays.

(D'après un original appartenant au comte Camille Razoumowsky, Vienne.)

ДАРІЯ (Генріетта) АЛЕКСАНДРОВНА ОЛСУФЬЕВА, 176.—18.., побочная дочь вице-канцлера и оберъ-камергера князя Александра Михайловича Голицына и долго жившей въ домъ послѣдняго Венгерской графини фонъ-Клюпфель, отъ которой князь Голицынъ имѣлъ еще сына Александра Александровича, убитаго въ 1789 г. подъ Очаковымъ, и дочь Екатерину (р. 19 Сентября 1758 г., † 14 Октября 1842 г.), бывшую въ замужствѣ за камергеромъ княземъ Н. А. Долгорукимъ (р. 20 Сентября 1754 г., † 27 Января 1844 г.).

Всѣ эти дѣти князя А. М. Голицына и г-жи Клюпфель получили фамилію де-Лицыныхъ и въ 1770 г. дворянство отъ Австрійскаго императора; кромѣ того, отецъ оставилъ имъ хорошее состояніе, и обѣ дочери, некрасивыя собой, судя по ихъ портретамъ, сдѣлали хорошія партіи.

Дарія-Генріетта вышла замужъ за Дмитрія Адамовича Олсуфьева, бывшаго въ началѣ XIX столѣтія Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства (р. 21 Апрѣля 1769 г., † 30 Декабря 1808 г.). Къ Олсуфьевымъ перешли отъ князя А. М. Голицына дома на Дѣвичьемъ полѣ, окруженные обширнымъ садомъ, гдѣ теперь Морозовская клиника. Это владѣніе было загородною усадьбою князя Голицына, куда онъ переселялся на лѣтнее время для наблюденія за постройкой Голицынской больницы, устроенной на завѣщанные его братомъ, княземъ Д. М. Голицынымъ, капиталы. Больница строилась на другомъ берегу рѣки, и князю Александру Михайловичу было удобно посѣщать на лодкѣ возводимыя постройки. Старинный садъ, съ вѣковыми липами и съ двумя характерными бесѣдками въ вычурномъ стилѣ XVIII столѣтія, существуетъ и сейчасъ, служа мѣстомъ для прогулокъ душевно-больныхъ Морозовской психіатрической клиники. Память о прежнихъ владѣльцахъ сохраняется лишь въ названіи Олсуфьевскаго переулка, лежащаго около.

Года кончины, а равно и мѣста погребенія Даріи Александровны Олсуфьевой намъ узнать не удалось.

(Съ миниатюры Экбера; собственность М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московской губерніи.)

DARIA (Henriette) ALEXANDROWNA OLSOUFIEFF, 176 . — 18 . ., était fille naturelle du vice-chancelier et grand chambellan prince Alexandre Mikhaïlowitch Golitzyne et de la comtesse hongroise von Klüpfel, qui vécut longtemps chez lui et dont il eut encore un fils, Alexandre, tué en 1789 sous Otchakoff, et une fille, Catherine (19 septembre 1758 — 14 octobre 1842), mariée au chambellan prince N. Dolgorouky (20 septembre 1754 — 27 janvier 1844).

Tous ces enfants du prince Golitzyne et de la comtesse von Klüpfel reçurent le nom de de Litzyne, et l'Empereur d'Autriche leur conféra la noblesse en 1770. De plus, le père leur laissa une belle fortune, et les deux filles, qui, à en juger par leur portrait, n'avaient aucune beauté, firent de bons partis.

Daria-Henriette épousa Dmitri Adamowitch Olsoufieff (21 avril 1769 — 30 décembre 1808), maréchal de la noblesse du gouvernement de Moscou dans les premières années du siècle. Ils héritèrent du prince Golitzyne sa maison du Dévitchi Polé, avec un immense jardin, sur l'emplacement actuel de la clinique Morozoff. C'était la maison de campagne du prince: il y venait en été suivre les travaux de construction de l'Hôpital Golitzyne, pour la fondation duquel son frère Dmitri avait laissé en mourant le capital nécessaire: l'hôpital était sur l'autre rive de la Moskowa, et le prince n'avait qu'à se faire passer. Le vieux jardin avec ses tilleuls séculaires et ses deux kiosques typiques dans le style maniéré du XVIIIe siècle subsiste encore maintenant et sert de préau aux nerveux en traitement à la clinique Morozoff. Il n'est resté d'autre trace des anciens propriétaires que le nom du péréoulok (rue transversale) Olsoufieff, au voisinage.

Nous n'avons pu découvrir ni la date de la mort, ni le lieu de la sépulture de Mme Olsoufieff.

(D'après une miniature d'Eckber, appartenant à Mlle M. Vassiltchikoff, Korallovo, gouv. de Moscou.)

219

Пис. Экберъ — Peint par Ekber

Генриетта-Дарія Александровна *Henriette-Daria Alexandrowna*
Олсуфьева, *Olsonieff,*
176. — 18. . 176. — 18. .

221

220

Дмитрій Адамовичъ *Dmitri Adamowitch*
Олсуфьевъ, *Olsonieff,*
1769 — 1808 1769 — 1808

222

Пис. Рокотовъ

Марія Васильевна
Олсуфьева,
1728 — 1792

Peint par Rokotoff

Marie Vassiliewna
Olsonieff,
1728 — 1792

Адамъ Васильевичъ
Олсуфьевъ,
1721 — 1784

Adam Vassiliewitch
Olsonieff,
1721 — 1784

ДМИТРІЙ АДАМОВИЧЪ ОЛСУФЬЕВЪ, 1769—1808, сынъ статсъ-секретаря Екатерины II, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Адама Васильевича (р. 1721 г., † 1784 г.), отъ второго его брака съ Маріей Васильевной Салтыковой (р. 1728 г., † 1792 г.), родился 21 Апрѣля 1769 года. Человѣкъ очень богатый, Олсуфьевъ служилъ по выборамъ Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 3-й степени.

Отъ брака съ Дарьей Александровной де-Лицыной онъ имѣлъ 2 сыновей и 3 дочерей: Александра (р. 1790 г., † 1853 г.; тайный совѣтникъ, почетный онекунъ), Василя (р. 1796 г., † 1858 г.; оберъ-гофмейстеръ, графъ), Марію (р. 1787 г., † 1792 г.), Екатерину (р. 1788 г., † 1876 г.; въ замужствѣ за П. И. Мухановымъ) и Софію († 1853 г.; за И. М. Спиридовымъ).

По словамъ Московскаго старожила, Олсуфьевъ былъ „замѣчательнымъ оригиналомъ своего времени“; господствующей у него страстью было „строительство“. Какъ разъ во время его предводительства, дворянство рѣшило на свои средства выстроить въ Хамовникахъ казармы и тѣмъ избавить дворянскіе дома отъ воинскаго постоя. Поручено это было Д. А. Олсуфьеву. Послѣдній былъ „настолько самостоятельной личностью, что не выносилъ никакихъ стороннихъ совѣтовъ и указаній. Все должно было исполняться безпрекословно, по его приказу“. Когда казармы были почти готовы, а весь дворянскій капиталъ израсходованъ, оказалось, что на окончаніе отдѣлки не имѣется болѣе денегъ. Между тѣмъ Олсуфьевъ уже получилъ св. Владиміра 3-й ст.; Дмитрій Адамовичъ, „сознавая свой промахъ, не остановился за способомъ его исправленія: заложивъ свои имѣнія, онъ докончилъ постройку Хамовническихъ казармъ. Когда казармы эти сданы были властямъ, и въ нихъ водворены войска, то на всѣхъ домахъ дворянскихъ прибита была существующая и до сего времени, мало понятная теперь надпись: „Свободенъ отъ постоя“. Оригинальность строительныхъ распоряжковъ Олсуфьева можно видѣть въ домѣ на углу Тверской и Леонтьевскаго переулка (который и теперь еще не перемѣнилъ имени владѣльцевъ). Д. А. Олсуфьевъ, купивъ этотъ домъ у князя Шаховскаго, по страсти своей къ перестройкамъ, истратилъ не малый капиталъ на его улучшеніе и, не дозволяя никому вмѣшиваться въ свои распоряженія, позабылъ бездѣлицу — устроить въ немъ лѣстницу. Для исправленія своей забывчивости онъ былъ принужденъ пристроить совершенно не соответствующій фасаду полукруглый тамбуръ, въ которомъ и помѣстилъ лѣстницу. Въ этомъ видѣ домъ находится и въ наше время“.

Д. А. Олсуфьевъ умеръ 20 Декабря 1808 года и похороненъ въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ.

(Съ портрета, находящагося въ домѣ Московскаго Благороднаго собранія.)

DMITRI ADAMOWITCH OLSOUFIEFF, 1769—1808, fils du conseiller privé actuel et secrétaire d'état de Catherine II Adam Vassiliewitch Olsoufieff (1721—1784) et de sa seconde femme Marie Vassiliewna, née Saltykoff (1728—1792), naquit le 21 avril 1769. Possesseur d'une grosse fortune, il fut maréchal de la noblesse du gouvernement de Moscou, et obtint le rang de conseiller d'état actuel et l'ordre de St-Vladimir de 3e classe.

Il épousa Daria Alexandrowna de Litzyne, dont il eut deux fils et trois filles, Alexandre (1790—1853), conseiller privé, curateur honoraire, Basile (1796—1858), grand maître de la Cour, comte, Marie (1787—1792), Catherine (1788—1876), mariée à P. Moukhanoff, et Sophie († 1853), à I. Spiridoff.

Un moscovite de vieille roche nous représente Olsoufieff comme „un original remarquable de l'époque“, dont la manie dominante était de faire bâtir. Il était justement maréchal de la noblesse, quand les nobles décidèrent d'élever à leurs frais une caserne à Khamovniki pour se dispenser de loger des soldats chez eux. L'entreprise fut confiée à Olsoufieff, dont le caractère était „entier, au point de ne pouvoir souffrir aucune ingérence étrangère et de vouloir faire faire tout sans observation conformément à ses vues“. Les bâtiments étaient presque achevés, et tout l'argent fourni par la noblesse dépensé, quand on s'aperçut qu'il n'y avait pas de quoi terminer l'installation. Or Olsoufieff avait été déjà décoré de St-Vladimir de 3e classe. „Il reconnut sa bétise et ne fut pas embarrassé pour la réparer: il hypothéqua ses biens et fit achever la caserne. Les autorités en prirent possession, on installa les troupes, et les maisons de nobles furent alors surmontées de l'inscription, aujourd'hui énigmatique: „Exempte de logement“. On peut voir un échantillon de l'originalité d'Olsoufieff en matière de construction au coin de la rue de Tver et du Léontiewsky péréoulouk (la maison est encore dans la famille): il avait acheté l'immeuble au prince Schakhowskoï, et, avec sa manie de faire bâtir, dépensa une somme assez considérable en améliorations et réparations; mais, ne s'en rapportant qu'à lui seul et ne voulant des conseils de personne, il n'avait fait qu'un petit oubli: l'escalier! Il lui fallut alors élever un tambour demi-circulaire qui n'allait pas du tout avec la façade, pour y loger l'escalier. L'immeuble est encore dans l'état aujourd'hui“.

Olsoufieff mourut le 20 décembre 1808, et fut inhumé au monastère Daniloff, à Moscou.

(D'après un original conservé à l'Assemblée de la Noblesse, à Moscou.)

МАРІЯ ВАСИЛЬЕВНА ОЛСУФЬЕВА, 1728—1792, внучка Федора Петровича Салтыкова, убитого въ Москвѣ, въ 1682 г., мятежными стрѣльцами, была дочь генераль-аншефа и Андреевскаго кавалера Василя Федоровича (р. 1675 г., † 1755 г.), отъ второго его брака съ княжной Маріей Алексѣевной Голицыной (р. 1 Января 1701 г., † 14 Октября 1752 г.); родители ея были близкіе люди къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Кромѣ того, Марія Васильевна Салтыкова была родная сестра извѣстнаго Сергѣя Васильевича Салтыкова, на котораго, на перваго, серіозно обратила свое благосклонное вниманіе молодая Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна, будущая Екатерина II. Когда ровесница Великой Княгини М. В. Салтыкова вышла замужъ за вдовца Адама Васильевича Олсуфьева (р. 16 Января 1721 г., † дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, 26 Іюня 1784 г.), интимное и исключительное положеніе С. В. Салтыкова при молодомъ дворѣ спускало расположеніе Екатерины Алексѣевны и мужу его сестры; А. В. Олсуфьевъ потомъ сумѣлъ уже лично заслужить полное довѣріе Императрицы и, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, трудолюбію и честности, достигъ званія статсъ-секретаря, высокихъ чиновъ и всякихъ отличій; позднѣе и сама М. В. Олсуфьева была пожалована Екатериной II въ статсъ-дамы.

Отъ брака съ Адамомъ Васильевичемъ у М. В. Олсуфьевой было 4 сыновей: Сергѣй, Дмитрій, Владиміръ и Алексѣй, и 3 дочери: Марія (р. 1757 г., † 1828 г.; въ замужствѣ за шталмейстеромъ княземъ Николаемъ Алексѣевичемъ Голицынымъ), Наталія (за Г. П. Кондонди) и Софія (за графомъ М. П. Дивіеромъ). Внукъ ея, оберъ-гофмейстеръ Василій Дмитриевичъ Олсуфьевъ, былъ возведенъ въ графское достоинство 26 Августа 1856 г., въ день коронаціи Императора Александра II.

М. В. Олсуфьева умерла 14 Ноября 1792 г., переживъ только на 6 лѣтъ своего мужа.

(Съ портрета Рокотова; собственность княжны А. Н. Голицыной, с. Никольское-Урюшино, Московской губ.)

MARIE VASSILIEWNA OLSOUFIEFF, 1728—1792, petite-fille de Théodore Pétrowitch Saltykoff, tué à Moscou en 1682 lors de la révolte des Streltzy, était fille du général en chef et chevalier de St-André Basile Féodorowitch Saltykoff (1675—1755) et de sa seconde femme Marie Alexéewna, née princesse Golitzyne (1er janvier 1701—14 octobre 1752), tous deux intimes de l'Impératrice Elisabeth. Elle était en outre sœur du célèbre Serge Saltykoff, le premier sérieusement honoré de la bienveillante attention de la jeune Grande-Duchesse Catherine Alexéewna, la future Catherine II. Du même âge que la Grande-Duchesse, elle épousa un veuf, Adam Vassiliewitch Olsoufieff (16 janvier 1721—26 juin 1784), plus tard conseiller privé actuel, auquel la situation toute particulière de son beau-frère Saltykoff à la jeune Cour assura la bienveillance de Catherine, et qui dans la suite sut lui-même gagner son entière confiance: supérieurement doué, travailleur et loyal, il parvint au rang de secrétaire d'état, arriva aux grades les plus élevés de la hiérarchie et obtint les plus hautes distinctions. Plus tard, Mme Olsoufieff elle-même fut faite dame d'honneur par Catherine II.

Elle eut de son mariage avec Olsoufieff quatre fils, Serge, Dmitri, Vladimir et Alexis, et trois filles, Marie (1757—1828), mariée au prince Nicolas Alexéewitch Golitzyne, écuyer, Natalie, mariée à G. Condoïdi, et Sophie, au comte M. Divier. Son petit-fils Basile Dmitriewitch Olsoufieff, grand maître de la Cour, fut élevé à la dignité de comte le 26 août 1856, lors du couronnement d'Alexandre II.

Mme Olsoufieff mourut le 14 novembre 1792, six ans seulement après son mari.

(D'après un original de Rokotoff, appartenant à la princesse A. Golitzyne, Nikolskoïé-Ourupino, gouv. de Moscou.)

АДАМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ОЛСУФЬЕВЪ, 1721—1784, сынъ оберъ-гофмейстера Василя Дмитріевича Олсуфьева отъ брака со шведкой Евой Ивановной Голендеръ, родился 16 Января 1721 г.; его крестилъ Петръ I, который самъ выбралъ имя для ребенка. Съ 1732 по 1739 г. Олсуфьевъ обучался въ Шляхетномъ корпусѣ, гдѣ отличался особенной способностью къ изученію иностранныхъ языковъ. Вслѣдствіе этого, въ 1739 г., въ чинѣ поручика, онъ получилъ назначеніе состоять для иностранной корреспонденціи при фельдмаршалѣ Миппхѣ. По окончаніи Турецкой войны онъ былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Копенгагенѣ, а впослѣдствіи перешелъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, получивъ званіе церемоніймейстера. Бракомъ съ Маріей Васильевной Салтыковой онъ обезпечилъ себѣ успѣшную карьеру при Елисаветѣ, помнившей услуги отца Олсуфьевой, и приобрѣлъ благоволеніе Великой Княгини Екатерины Алексѣевны, высоко цѣнившей достоинства ея брата. Олсуфьевъ былъ назначенъ управляющимъ Кабинетомъ, получилъ чинъ тайнаго совѣтника и орденъ Александра Невскаго. Сохранивъ свое служебное положеніе при Петрѣ III, Олсуфьевъ, по воцареніи Екатерины II, былъ немедленно назначенъ ея статсъ-секретаремъ, а въ 1763 г. сенаторомъ. До конца жизни онъ управлялъ Кабинетомъ и занималъ положеніе ближайшаго и довѣреннаго помощника Императрицы. Онъ умеръ отъ водяной 27 Іюня 1784 года и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ. Первый бракъ Олсуфьева съ датчанкой Софіей-Алонзіей Туксенъ былъ бездѣтный; отъ второго брака А. В. Олсуфьевъ имѣлъ четырехъ сыновей и трехъ дочерей.

Современники признаютъ „выдающіяся способности“ и „тонкій умъ“ Олсуфьева, и, дѣйствительно, нужно было обладать большимъ тактомъ и самой тонкой изворотливостью, чтобы среди придворныхъ интригъ неизмѣнно пользоваться благоволеніемъ Елисаветы, Петра III и Екатерины II. Олсуфьевъ имѣлъ всѣ качества для того, чтобы блистать при Петербургскомъ дворѣ второй половины XVIII вѣка. Онъ умѣлъ показать себя знатокомъ литературы и театра, могъ перевести съ итальянскаго оперу или приспособить къ русской сценѣ понравившуюся Императрицѣ нѣмецкую комедію, писалъ стихи, игралъ на скрипкѣ, имѣлъ коллекціи картинъ и эстамповъ. Своимъ знаніемъ новыхъ языковъ и умѣніемъ съ цинцеровскимъ изяществомъ изъясняться по-латыни, онъ удивлялъ царедворцевъ. Ученость Олсуфьева, конечно, носила вполне дилетантскій характеръ, но во времена господства придворнаго дилетантизма въ наукѣ и литературѣ онъ считался вполне достойнымъ занять мѣсто президента Вольнаго Экономическаго Общества и былъ, безъ сомнѣнія, способенъ „подъ предводительствомъ“ Императрицы „изощряться въ сомнительномъ корнесловіи“ по обязанности члена Россійской Академіи. Олсуфьевъ въ совершенствѣ зналъ „l'art de jouir“, былъ „большимъ любителемъ чувственныхъ удовольствій“ и „охотникомъ бражничать“, тѣмъ не менѣе, при „веселомъ нравѣ“, Олсуфьевъ, по справедливымъ отзывамъ современниковъ, былъ „дѣловымъ человекомъ“. Но центръ тяжести служебной дѣятельности Олсуфьева лежалъ въ его многосложныхъ занятіяхъ по Кабинету и личной канцеляріи Екатерины: черезъ него шли всѣ милости и денежные подачки. Онъ долженъ былъ улаживать всѣ недоразумѣнія, способныя нарушить покой Императрицы, при чемъ особенно много хлопотъ бывало у Олсуфьева, когда на придворномъ горизонтѣ восходило новое свѣтило. Отъ него тогда безпрестанно требовали уже не указы и экстракты, а брильянтовыхъ табакерокъ, эгретокъ, аграфовъ, шпагъ съ алмазами и изумрудами, перстней, сервизовъ и вообще „всякихъ хорошихъ вещей, для мужчинъ годныхъ“... Вся эта хлопотливая, утомительная и подчасъ неблагодарная дѣятельность требовала отъ Олсуфьева, поспѣвъ, „la force du lion et la prudence du serpent“, которыхъ ему, шутя, желала иногда Екатерина II.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

ADAM VASSILIEWITCH OLSOUFIEFF, 1721 — 1784, fils du grand maître de la Cour Basile Dmitriewitch Olsoufieff et d'une suédoise, née Eve Holender, naquit le 16 janvier 1721, et eut pour parrain Pierre-le-Grand, qui lui choisit lui-même son prénom. De 1752 à 1759, il fit ses études au Corps des Cadets, où il se distingua par son aptitude pour les langues. Aussi fut-il chargé en 1759, alors lieutenant, de la correspondance étrangère à la chancellerie du feld-maréchal Minich. Secrétaire d'ambassade à Copenhague à la fin de la guerre de Turquie, il passa plus tard au Collège des Affaires étrangères, avec le titre de maître des cérémonies. Son mariage avec Marie Vassiliowna Saltykoff lui assura une carrière avantageuse sous Elisabeth, qui n'avait pas oublié les services de son beau-père, et aussi la bienveillance de la Grande-Duchesse Catherine Alexéewna, qui faisait grand cas des mérites de son beau-frère. Nommé gérant du Cabinet, il fut élevé au rang de conseiller privé et décoré de St-Alexandre Newsky. Sous Pierre III, il ne perdit rien de la position acquise, et Catherine, dès son avènement, le fit immédiatement son secrétaire d'état, puis, en 1765, le créa sénateur. Jusqu'à sa mort il resta gérant du Cabinet et fut homme de confiance et collaborateur intime de l'Impératrice. Il mourut d'hydropisie le 27 juin 1784, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky. D'un premier mariage avec une danoise, Sophie-Héloïse Tuxen, il n'avait pas eu d'enfants; sa seconde femme lui donna quatre fils et trois filles.

Les contemporains reconnaissaient à Olsoufieff „des capacités supérieures“ et „un esprit subtil“, et le fait est qu'il fallait un tact consommé et une souveraine habileté pour rester ferme en Cour au milieu des intrigues sous les trois règnes consécutifs d'Elisabeth, Pierre III et Catherine II. Olsoufieff avait bien les qualités nécessaires pour briller à la Cour de Pétersbourg dans la seconde moitié du XVIIIe siècle. Au besoin connaisseur de littérature et de théâtre, il pouvait traduire un opéra italien ou adapter de l'allemand une comédie du goût de Catherine, cultivait la poésie, savait le violon, collectionnait des tableaux et des estampes. Sa connaissance des langues et l'élégance cicéronienne avec laquelle il parlait latin, faisaient l'admiration générale à la Cour. Son érudition était naturellement celle d'un simple dilettante, mais par ces temps de dilettantisme de Cour en matière d'art et de littérature, on le trouva entièrement qualifié pour être président de la Société Economique Libre, et il était bien capable, „sous la direction“ de l'Impératrice, de „raffiner sur les arcanes de l'étymologie“ comme membre de l'Académie Russe. Il connaissait à la perfection „l'art de jouir“: „grand amateur de satisfactions sensuelles“ et de toute espèce de „bombance“, son „caractère gai“ ne l'empêchait pas, il faut lui rendre avec les contemporains cette justice, d'être „rompu aux affaires“. Mais le gros de son service, c'était le travail délicat du cabinet et de la chancellerie personnelle de Catherine: toutes les affaires de faveurs et de subsides passaient par ses mains. C'était à lui d'aplanir toutes les difficultés de nature à causer quelque ennui à l'Impératrice, et ce qui lui donnait le plus de tracas, c'était l'apparition d'un astre nouveau à l'horizon de la Cour. Il avait alors à répondre à d'incessantes demandes non plus d'oukases et de rapports, mais de tabatières en brillants, aigrettes, agrafes, épées enrichies de diamants et d'émerandes, bagues, services et en général „toute espèce de belles choses pouvant servir à des hommes“..... Besogne délicate, fatigante et parfois ingrate pour laquelle il fallait bien à Olsoufieff „la force du lion et la prudence du serpent“ que lui souhaitait quelquefois en plaisantant Catherine II.

(D'après un original des Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

Митрополитъ Московскій ФИЛАРЕТЪ (въ мѣрѣ Василій Михайловичъ Дроздовъ), 1782—1867, сынъ священника г. Коломны, родился 26 Декабря 1782 г.; по окончаніи курса въ Троицкой семинаріи былъ оставленъ при ней учителемъ и, по настоянію митрополита Платона, 16 Ноября 1808 г. принялъ монашество, а въ Декабрѣ того же года былъ вызванъ въ Петербургъ, на службу въ Духовную академію. Рукоположенный 28 Марта 1809 г. въ іеромонахи, Филаретъ, сначала въ званіи бакалавра, занималъ должности инспектора семинаріи и ректора духовнаго училища, а съ 1810 г. началъ въ Академіи чтеніе лекцій по богословію. Обративъ на себя вниманіе оберъ-прокурора князя А. Н. Голицына своими проповѣдями и сдѣлавшись ближайшимъ совѣтникомъ митрополита Амвросія, Филаретъ быстро сдѣлалъ блестящую карьеру: 8 Юля 1811 г. онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита, въ 1812 г. былъ назначенъ ректоромъ Академіи, затѣмъ членомъ Комиссіи духовныхъ училищъ и удостоенъ степени доктора богословія; 5 Августа 1817 г. Филаретъ былъ рукоположенъ во епископа Ревельскаго, викарія С.-Петербургскаго; въ 1819 г. былъ переведенъ въ Тверь архіепископомъ съ званіемъ члена Св. Синода, въ 1820 г.—въ Ярославль, а 3 Юля 1821 г.—въ Москву. Николай I, 25 Декабря 1825 г., пожаловалъ ему брильянтовый крестъ на клобукъ, а въ день коронаціи, 22 Августа 1826 года, возвелъ его въ санъ митрополита. Въ 1842 г. Филаретъ навлекъ на себя неудовольствіе оберъ-прокурора Протасова и, не будучи съ того времени вызываемъ въ Синодъ, жилъ безвыѣздно въ своей епархіи. 26 Августа 1856 г. онъ помазалъ на царство Императора Александра II, а 5 Августа 1867 г. торжественно отпраздновалъ 50-лѣтіе своего епископства. Филаретъ скончался внезапно въ воскресенье 19 Ноября 1867 г., послѣ литургіи, совершенной имъ въ своей домово́й церкви. Онъ погребенъ въ Свято-Духовской церкви Троицкой лавры.

Филаретъ былъ общепризнаннымъ церковнымъ авторитетомъ, какого послѣ него не имѣла Россія. Ученость его была глубока и разностороння: онъ оставилъ классическіе труды въ области экзегетики, церковной исторіи и полемики съ расколомъ; его катехизисъ сдѣлался символической книгой Православной церкви. Къ голосу Филарета „Мудраго“ прислушивалась не только церковная, но и свѣтская власть: Александръ I поручилъ ему составить манифестъ о престолонаслѣдіи, Александръ II—манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Строгій аскетъ, въ жизни котораго никакая злоба не могла отыскать ни малѣйшаго пятна, онъ на „стогнахъ града“ вздыхалъ о пустынѣ. Несмотря на все это, едва ли кто изъ іерарховъ подвергался столь различной оцѣнкѣ: одни считаютъ его святымъ, другіе олицетвореніемъ всѣхъ недостатковъ „духовной бюрократіи“. Его одинаково поносили люди самыхъ противоположныхъ лагерей. Либералы выставили его сухимъ обскурантомъ, давшимъ всякое свободное движеніе въ Церкви, всякое независимое дарованіе; ханжи и реакціонеры обвиняли его въ духовномъ либерализмѣ, масонствѣ, мистicismѣ и пантеизмѣ; его врагами были Аракчеевъ и Шишковъ; Фотій именовалъ его „другомъ и союзникомъ всѣхъ тайныхъ и явныхъ враговъ вѣры и Церкви“. Вообще же Филаретъ не терпѣлъ „шума и соблазна“, склоненъ былъ къ компромиссу, къ „соглашенію своихъ мыслей съ мыслями другихъ“. Но тамъ, гдѣ компромиссъ затрогивалъ существенные интересы Церкви, Филаретъ обнаруживалъ твердость: онъ навлекъ на себя опалу, высказавшись по дѣлу протоіерея Павскаго въ неугодномъ для графа Протасова смыслѣ. Филаретъ былъ сторонникомъ церковныхъ реформъ, не нарушавшихъ догматовъ и каноновъ; онъ настаивалъ на переводѣ Библіи на русскій языкъ, порицалъ „сухое и холодное знаніе“ дореформенныхъ духовныхъ школъ, противодействовалъ „обратному ходу отъ внѣшняго ученія на природномъ языкѣ къ латинскому схоластицизму“. Въ то же время Филаретъ стоялъ на стражѣ догматовъ и каноновъ и считалъ церковную дисциплину необходимымъ цементомъ тѣла Церкви: „въ основѣ всего“, по его мнѣнію, „должно лежать послушаніе, покореніе“. Все у него до мелочей должно было быть „благообразно и по чину“: профессора духовныхъ академій не смѣли щеголять нахватавшимся въ нѣмецкихъ книгахъ дешевымъ либерализмомъ, архимандриты и протоіереи должны были отвѣшивать исправно установленные обычаемъ поклоны архимонашеству. Какъ хранитель вѣроученія и благочинія, Филаретъ не зналъ слабости, и въ день его юбилея Высочайшій рескриптъ справедливо называлъ его „твердо правящимъ слово истины“, а Константинопольскій патріархъ—„славнымъ и несокрушимымъ мужемъ апостольскимъ“.

(Съ миниатюры К. Шпрійта, 1846 г.; собственность Д. Н. Гурьева, въ С.-Петербургѣ.)

Le Métropolite de Moscou PHILARÈTE (dans le monde Basile Mikhaïlowitch Drozdoff), 1782—1867, fils d'un prêtre de Kolomna, naquit le 26 décembre 1782. Il fit ses études au séminaire Troïtzky, où il resta comme maître; puis, sur les instances du métropolite Platon, il se fit moine le 16 novembre 1808, et reçut au mois de décembre suivant du service à l'académie ecclésiastique de St-Pétersbourg. Intrônisé moine-prêtre le 28 mars 1809, il remplit d'abord, avec le titre de bachelier, les fonctions d'inspecteur du séminaire et de recteur de l'école ecclésiastique, puis commença, en 1810, à faire à l'Académie un cours de théologie. Ses sermons le firent remarquer du prince A. Golitzyne, haut procureur du Synode, et en même temps il devenait le conseiller le plus intime du métropolite Ambroise: il fit dès lors rapidement une brillante carrière. Archimandrite le 8 juillet 1811, il fut nommé en 1812 recteur de l'Académie, puis membre de la commission des écoles ecclésiastiques, et docteur en théologie. Evêque de Rével et vicaire de St-Pétersbourg le 5 août 1817, il passa en 1819 archevêque à Tver avec le titre de membre du Saint Synode, en 1820 à Yaroslavl et le 3 juillet 1821 à Moscou. Nicolas Ier lui conféra le 25 décembre 1825 une croix en brillants au froc, et, le 22 août 1826, jour de son couronnement, l'éleva à la dignité de métropolite. Il encourut en 1842 le mécontentement du procureur général Protassoff, cessa dès lors d'être convoqué au Synode et ne sortit plus de son diocèse. Il sacra le 26 août 1856 l'Empereur Alexandre II et célébra solennellement le 5 août 1867 le cinquantenaire de son épiscopat. Il mourut subitement le dimanche 19 novembre 1867, au moment où il venait de célébrer l'office dans la chapelle de sa maison, et fut inhumé au monastère Troïtzky, dans l'église du Saint-Esprit.

Philarète fut en matière ecclésiastique une autorité universellement reconnue, comme la Russie n'en posséda plus depuis. D'une érudition profonde et variée, ses ouvrages d'exégétique et d'histoire de l'église sont restés classiques, ainsi que ses controverses avec le schisme; son catéchisme est la profession de foi de l'église orthodoxe. La voix du „Sage“ Philarète était écoutée des autorités civiles aussi bien qu'ecclésiastiques: Alexandre Ier le chargea de rédiger le manifeste de la succession au trône, Alexandre II celui de l'affranchissement des serfs. Ascète rigoureux dans la vie duquel la critique la plus malveillante ne pouvait trouver la moindre tache, „par les rues de la ville il soupirait après le désert“. Et pourtant, il n'est pas de prélat qui soit aussi diversement apprécié: les uns le considèrent comme un saint, les autres comme une personnification de tous les défauts de la „bureaucratie ecclésiastique“. Il a été également maltraité par des critiques des camps les plus opposés, les libéraux lui reprochant un sec obscurantisme hostile à toute tentative de liberté, à toute indépendance de talent dans l'Eglise, les dévots et les réactionnaires l'accusant de libéralisme spirituel, de maçonisme, de mysticisme et de panthéisme. Il eut pour ennemis Araktchéeff et Chichkoff; Photius le déclarait „ami et allié de tous les ennemis secrets et déclarés de la foi et de l'Eglise“. Sa préoccupation d'éviter tout ce qui était „bruit et scandale“ le portait à rechercher les compromis, à „conformer ses idées à celles des autres“. Mais le compromis menaçait-il les intérêts vitaux de l'Eglise, Philarète se montrait intraitable: sa disgrâce est due à l'affaire de l'archiprêtre Pawsky, où il se prononça dans un sens désagréable au comte Protassoff. Partisan de réformes ecclésiastiques respectant l'intégrité des dogmes et canons, il tenait à voir la Bible traduite en russe, reprouvait „la science sèche et froide“ des écoles ecclésiastiques d'avant la réforme, réagissait contre „le retour de l'enseignement intelligible dans la langue maternelle à la scolastique latine“. Il veillait en même temps à l'intégrité des dogmes et canons, et regardait la discipline ecclésiastique comme indispensable à la cohésion de l'Eglise: „La base de tout“, disait-il, „c'est l'obéissance, la soumission“. Avec lui, la moindre chose devait être „bien ordonnée et conforme à la règle“: les professeurs des académies ecclésiastiques se gardaient de faire parade d'un libéralisme de pacotille emprunté aux ouvrages allemands, archimandrites et archiprêtres devaient faire bien exactement au prélat les révérences consacrées par l'usage. Comme conservateur des dogmes et de la discipline, Philarète ne connaissait pas de faiblesse; le jour de son jubilé, le rescrit de Sa Majesté l'appelait à bon droit „Guide énergique de la bonne parole“, et le patriarche de Constantinople, „insigne et inébranlable dans l'esprit des Apôtres“.

(D'après une miniature de Spryt, 1846, appartenant à D. Gourieff, St-Pétersbourg.)

Пис. К. Шпрингъ, 1846 г.

Peint par Charles Spruyt, 1846

Митрополитъ Московскій Le Métropolitte de Moscou
Филаретъ, Philarète,
1782 — 1867 1782 — 1867

224

225

Алексѣй Фёдоровичъ
Малиновскій,
1762 — 1840

Alexis Fëodorowitch
Malinowsky,
1762 — 1840

Павелъ Ивановичъ
Голенищевъ-Кутузовъ,
1767 — 1829

Paul Ivanowitch
Goldnichtcheff-Kontouzoff,
1767 — 1829

АЛЕКСѢЙ ФЕДОРОВИЧЪ МАЛИНОВСКІЙ, 1762—1840, былъ сынъ протоіерея Московской церкви Троицы въ Троицкой Федора Авксентьевича Малиновскаго, особенно близкаго къ графу Н. П. Шереметеву. Связи протоіерея Малиновскаго вывели въ люди его сына. Въ 1780 г., 1 Марта, 18-лѣтній Малиновскій поступилъ въ Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ, въ 1794 г. пожалованъ былъ коллежскимъ ассессоромъ, въ 1800 г. произведенъ въ коллежскіе совѣтники и при томъ получилъ, 31 Декабря, орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Получивъ отъ Александра I брильянтовый перстень за сочиненіе о дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ герцогствомъ Голштинскимъ, а „за труды на пользу богоугодныхъ заведеній“ орденъ св. Анны 2-й ст., Малиновскій, оставаясь „совѣтникомъ“ въ Архивѣ, назначенъ былъ въ 1810 г., 11 Января, главнымъ смотрителемъ строинириіимнаго дома графа Шереметева, для котораго онъ „сочинилъ учрежденіе и штатъ“ при его основаніи въ 1803 году, и въ томъ же году, 26 Сентября, получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1812 г. онъ вывозилъ дѣла Архива во Владиміръ и Нижній-Новгородъ, а потомъ занимался „очищеніемъ и поправленіемъ“ какъ Архива, такъ и Шереметевскаго дома, за что получилъ орденъ св. Владиміра 3-й ст.; 2 Сентября 1814 г. Малиновскій былъ назначенъ управляющимъ Архивомъ и Комиссіей печатанія Государственныхъ грамотъ и договоровъ. Въ 1817 г. онъ получилъ Аннинскую ленту; за участіе въ Комиссіи по разбору прошеній и выдачѣ пособій разореннымъ жителямъ Москвы получилъ нѣсколько Высочайшихъ благоволеній и подарковъ, а 12 Декабря 1819 г. — чинъ тайнаго совѣтника; въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ сенаторомъ 8 Департамента, а съ 1833 по 1840 г. присутствовалъ въ 6 Московскомъ, оставаясь все время и управляющимъ Архивомъ. Въ 1836 г. Малиновскій получилъ Бѣлаго Орла, а черезъ 2 года знакъ за 55 лѣтъ службы.

Малиновскій не чуждъ былъ исторической науки: еще въ 1794 г. онъ получилъ отъ Екатерины II „денежный даръ“ за поднесеніе „историческаго и дипломатическаго сочиненія о Крымѣ“; позднѣе онъ издалъ нѣсколько ученыхъ трудовъ, какъ-то: „Описаніе Оружейной Палаты“, „Жизнь сановниковъ, управлявшихъ дипломатическимъ вѣдомствомъ съ древнихъ временъ“, и другіе. Онъ былъ причастенъ и къ изящной литературѣ: переводилъ драмы Коцебу и написалъ оригинальную, пользовавшуюся успѣхомъ, пьесу „Старинныя Святки“.

Малиновскій умеръ, состоя на службѣ, 26 Ноября 1840 года. Отъ брака съ Анной Петровной Исленевой онъ имѣлъ одну дочь Екатерину (въ замужствѣ за княземъ Ростиславомъ Алексѣевичемъ Долго-рукимъ). Малиновскій, хотя и проникъ въ древнее дворянство, занесенный въ 6 книгу, и получилъ гербъ, былъ выскочкой въ тѣхъ аристократическихъ кругахъ, въ которыхъ онъ вращался. Онъ умѣлъ заслужить дружбу графа Аракчеева, но вообще въ Москвѣ не пользовался хорошей репутацией среди современниковъ; послѣдніе почти всѣ согласно отмѣчаютъ фальшивость и корыстолюбіе Малиновскаго. „Кислосладкій“ поповичъ Малиновскій былъ мишенью для насмѣшекъ аристократическихъ „архивныхъ юношей“, которыхъ онъ, въ качествѣ начальника, „казнилъ безконечными, поучительными, изысканными фразами“. Они ѣдко смѣялись надъ тѣмъ, что онъ „чуждался всего, что напоминало его левитизмъ, гонялся за ученостью, но еще болѣе имѣлъ притязаній на свѣтскую любезность“, иные даже прямо называли его „іезуитской харей“. Малиновскій, котораго за скуность называли также „кащеемъ“, разными способами, отчасти бракомъ съ Исленевой, одной изъ наслѣдницъ знаменитой княгини Дашковой, пріобрѣлъ значительное состояніе: за дочерью въ приданое онъ далъ полмилліона; ему принадлежалъ большой домъ на Мясницкой (теперь Липгарта) и нѣсколько сотъ душъ въ Московской, Рязанской и Тульской губерніяхъ.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

ALEXIS FÉODOROWITCH MALINOWSKY, 1762 — 1840, fils de Théodore Avxentiewitch Malinowsky, archiprêtre de l'église de la Trinité à Moscou et intime du comte N. Chéréméteff, fit une brillante carrière grâce aux relations de son père. Entré à l'âge de 18 ans, le 1er mars 1780, actuaire aux Archives du Collège des Affaires étrangères à Moscou, il devint en 1794 assesseur de collège, puis, en 1800 passa conseiller de collège et fut décoré le 31 décembre de St-Jean-de-Jérusalem. Un ouvrage sur les relations diplomatiques de la Russie avec le duché de Holstein lui valut une bague en brillants de la part d'Alexandre Ier, et „ses travaux en faveur des établissements d'assistance“ l'ordre de Ste-Anne de 2e classe. Toujours conseiller aux Archives, il fut nommé le 11 janvier 1810 inspecteur général de l'hospice du comte Chéréméteff, à la fondation duquel, en 1803, il avait „rédigé le règlement et l'état du personnel“, puis, le 26 septembre suivant, passa conseiller d'état actuel. En 1812, il évacua les matériaux des Archives sur Vladimir et Nijni-Novgorod, puis travailla „au nettoyage et à la mise en ordre“ tant des Archives que de la maison Chéréméteff, et reçut en récompense St-Vladimir de 3e classe. Le 2 septembre 1814, il fut nommé gérant des Archives et de la Commission d'impression des chartes et traités d'Etat. Décoré de Ste-Anne en 1817, ses travaux à la Commission d'assistance aux habitants de Moscou après l'invasion lui valurent à plusieurs reprises la gratitude et les présents de Sa Majesté et, le 12 décembre 1819, le rang de conseiller privé. Nommé sénateur au 8e département l'année suivante, il siégea de 1833 à 1840 au 6e département de Moscou, tout en restant gérant des Archives. Il obtint en 1836 l'Aigle Blanc, et, deux ans plus tard, l'insigne des 55 ans de service.

Malinowsky ne fut pas sans faire de l'histoire: déjà en 1794, il avait reçu de Catherine II une récompense en argent pour „l'ouvrage historique et diplomatique sur la Crimée“ qu'il lui avait présenté. Il publia plus tard plusieurs travaux scientifiques: Description de l'Oroujéinaïa Palata, Vie des dignitaires chargés de la direction du service diplomatique depuis les temps anciens, etc. Il s'occupait également de littérature; il traduisit des drames de Kotzebue et composa une pièce originale, Fêtes antiques, qui eut un certain succès.

Malinowsky mourut, toujours au service, le 26 novembre 1840. Il avait épousé Anne Pétrowna Islénieff, dont il eut une fille, Catherine, mariée au prince Rostislav Dolgorouky. Tout en étant de vieille noblesse (il figurait au 6e livre et avait un blason), il ne fut qu'un parvenu dans les cercles aristocratiques qu'il fréquentait. Il put bien se concilier l'amitié du comte Araktchéeff, mais il jouissait à Moscou d'une mauvaise réputation: les contemporains sont presque unanimes à le représenter comme faux et intéressé. Cet „aigre-doux“ fils de pope était le point de mire des moqueries des „petits archivistes“ auxquels, en sa qualité de chef, „il infligeait d'interminables, édifiantes et élégantes réprimandes“. Il s'attirait de mordantes railleries par „le soin qu'il avait d'éviter tout ce qui rappelait son lévisme, par ses prétentions à l'érudition et surtout à l'affabilité mondaine“; parfois même on l'appelait carrément „trogne de jésuite“. D'une avarice proverbiale, il trouva moyen de se faire une fortune considérable, en particulier par son mariage avec une héritière de la célèbre princesse Dachkoff: sa fille eut un demi-million de dot; il possédait une grande maison à la Miasnitzkaïa (aujourd'hui maison Lipphard) et quelques centaines de têtes de paysans dans les gouvernements de Moscou, Riazan et Toula.

(D'après un original des Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ, 1767—1829, старшій сынъ адмирала и Андреевскаго кавалера Ивана Логгиновича (р. 1729 г., † 1801 г.) и Евдокии Ильиничны Бибиковой (р. 1743 г., † 1807 г.), родился въ Петербургѣ 1 Ноября 1767 г.; въ 1790 г. участвовалъ въ Шведской войнѣ, былъ раненъ въ ногу и въ лобъ, въ 1796 г., 25 Декабря, произведенъ въ полковники Екатеринбургскаго полка, а въ 1798 г.—въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначенъ (31 Марта) кураторомъ Московскаго университета; 12 Юля 1800 г. получилъ чинъ тайнаго совѣтника; уволенный отъ званія куратора 21 Ноября 1803 г., при введеніи новаго университетскаго устава, онъ 22 Августа 1805 г. пожалованъ былъ въ сенаторы (въ 6-й Департаментъ, въ Москвѣ), а 14 Мая 1810 г., съ назначеніемъ министромъ графа А. К. Разумовскаго, опредѣленъ попечителемъ Московскаго университета и его Учебнаго округа при содѣйствіи графа Н. В. Гудовича и масона О. А. Поздѣва, къ кружку котораго онъ принадлежалъ (въ его домѣ собиралась ложа „Нептунъ“). Попечителемъ онъ оставался до 30 Декабря 1816 г., когда былъ замѣщенъ гуманнымъ княземъ А. П. Оболенскимъ, а Высочайшимъ указомъ 26 Юля 1821 г. былъ и вовсе отставленъ отъ службы; причина такой немилости неизвѣстна, хоть и ходили слухи, что вызвана она была доносомъ Кутузова на А. И. Тургенева. Доносы вообще были, такъ сказать, спеціальною Кутузова, которая съ особенною силою проявилась послѣ назначенія его на постъ попечителя; записавшись въ ряды „гасильниковъ“ просвѣщенія и „остерегателей“, онъ началъ съ доносовъ Разумовскому на профессора Буле за его сношенія съ Великой Княгиней Екатериной Павловной, покровительствовавшей Карамзину, а затѣмъ перешелъ и къ самому исторіографу, по его мнѣнію, „врагу Божию и орудію тьмы“, который „явно проповѣдывалъ безбожіе и безначаліе“, и сочиненія котораго онъ считалъ „исполненными вольнодумческаго и якобинскаго яда“, „проклятыми“, а потому подлежащими сожженію. Доносъ этотъ (10 Августа 1810 г.) дошелъ до Александра I и не произвелъ ожидаемаго эффекта, но Кутузовъ съ ревностью фанатика продолжалъ наполнять свои письма къ министру совершенно неприличными выраженіями по адресу ненавистнаго ему Карамзина. Доносилъ онъ и на Фесслера, и на профессора Чеботарева, и даже на извѣстнаго „слезливаго“ стихотворца князя П. И. Шаликова, котораго не усумнился назвать „человѣкомъ буйнымъ, необузданнымъ, безъ правилъ и безъ нравственности“. Дѣятельность Кутузова, какъ доносчика, была извѣстна въ обществѣ и въ кругу литераторовъ, къ которому онъ принадлежалъ, какъ авторъ довольно значительнаго количества стихотворныхъ произведеній; такъ, графъ Ростопчинъ въ письмѣ къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ выразился о Кутузовѣ, что онъ, „бывшій полицейскимъ шпиономъ въ царствованіе Павла, человѣкъ глупый, низкій, обладающій всѣми дурными свойствами грубаго простолюдинъ, великій мартинистъ, поучающій юношество и, къ несчастію, попечитель Московскаго университета“; въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ его „доносчикомъ по вкусу къ шпионству“; писатели, особенно молодое ихъ поколѣніе, относились къ Кутузову съ отвращеніемъ, какъ къ человѣку, и съ насмѣшкой, какъ къ стихотворцу (Н. И. Дмитріевъ, князь П. А. Вяземскій и др.); особенно же извѣстна строфа о немъ въ „Домѣ сумасшедшихъ“ Воейкова:

„Вотъ Кутузовъ! Онъ зубами
Бюсть грызетъ Карамзина;
Пѣна съ устъ течетъ ручьями,
Кровью грудь обогрѣна.

И напрасно мраморъ гложетъ,—
Только время тратитъ въ томъ:
Онъ вредитъ ему не можетъ
Ни зубами, ни перомъ!“

Дѣятельность Кутузова, какъ писателя, выразилась въ цѣломъ рядѣ одъ, переводовъ (Пиндара, Гезіода, Сафо, Θεокрита; съ французскаго языка—Грея, Вольтера) и подражаній; часть ихъ была издана отдѣльно или напечатана въ журналахъ, а затѣмъ вошла въ собраніе его произведеній (3 ч., 1803 г.); съ 1804 по 1806 г. онъ съ графомъ Д. И. Хвостовымъ и графомъ Г. С. Салтыковымъ издавалъ журналъ „Другъ Просвѣщенія“, предпринятый, какъ язвительно утверждали современники, для печатанія въ немъ собственныхъ ихъ произведеній, не находившихъ мѣста въ другихъ изданіяхъ.

П. И. Голенищевъ-Кутузовъ умеръ въ Твери 12 Сентября 1829 г.; отъ брака съ княжной Еленой Ивановной Долгорукой († 1850 г.) онъ имѣлъ сына Ивана и дочь Евдокію († 1863 г.), бывшую за писателемъ Ѳеодоромъ Николаевичемъ Глинкой (р. 1788 г., † 1880 г.).

(Съ портрета, находящагося въ Императорской Академіи Наукъ.)

PAUL IVANOWITCH GOLÉNICHTCHEFF-KOUTOUZOFF, 1767—1829, fils aîné d'Ivan Logguinowitch Golénichtcheff-Koutouzoff (1729—1801), amiral, chevalier de St-André, et d'Eudoxie Ilyinitchna, née Bibikoff (1743—1807), naquit à St-Petersbourg le 1er novembre 1767. Il fit en 1790 la guerre de Suède, où il fut blessé à la jambe et au front, et fut promu le 25 décembre 1796 colonel au régiment d'Ekatérinoslav. Conseiller d'état actuel en 1798, il fut nommé le 31 mars de la même année curateur de l'université de Moscou et passa conseiller privé le 12 juillet 1800. Après la mise en vigueur du nouveau règlement universitaire, il fut relevé de ses fonctions de curateur le 21 novembre 1803 et fait le 22 août 1805 sénateur au 6e département à Moscou. Le 14 mai 1810, quand le comte A. Razoumowsky fut ministre de l'instruction publique, il devint curateur de l'université et de l'arrondissement scolaire de Moscou avec le concours du comte I. Goudowitch et du maçon Pozdceff, dont il fréquentait le cercle, donnant asile chez lui aux séances de la loge Neptune. Remplacé le 30 décembre 1816 dans ces fonctions par le prince A. Obolensky, il fut complètement mis à la retraite par oukaze Impérial du 26 juillet 1821. Cette disgrâce, dont la cause resta inconnue, serait due à la dénonciation qu'il aurait lancée contre A. Tourguéneff. Il se fit d'ailleurs, une fois curateur surtout, une spécialité de la délation: son premier exploit d'„éteignoir“ et de mouchard avait été de signaler à Razoumowsky le professeur Buhle pour ses relations avec la Grande-Duchesse Catherine Pavlowna, protectrice de Karamzine, puis il s'était attaqué directement à l'historien, „ennemi de Dieu“, disait-il, „et instrument de ténèbres“, qui „faisait ouvertement profession d'athéisme et d'anarchie“, et dont les ouvrages, „entachés de libre-pensée et de jacobinisme“, étaient „maudits“ et devaient être en conséquence brûlés“. Ces révélations (10 août 1810) n'eurent aucun effet près d'Alexandre Ier, mais Koutouzoff n'en continua pas moins avec une fanatique énergie à remplir ses lettres au ministre d'expressions absolument inconvenantes à l'adresse de l'écrivain détesté. Il n'épargna ni Fessler, ni le professeur Tchébotareff, ni même le prince P. Chalikoff, connu pour sa poésie „larmoyante“, et qu'il n'hésita pas à qualifier de „turbulent, intraitable, homme sans principes ni morale“. Le rôle de dénonciateur joué par Koutouzoff était bien connu dans la société et dans les cercles littéraires dont il faisait partie comme auteur d'un nombre assez considérable de poésies; c'est ainsi que le comte Rostoptchine, dans une lettre à la Grande-Duchesse Catherine Pavlowna, le représente comme „ancien mouchard politique sous le règne de Paul, personnage stupide et vil, ayant les défauts et la grossièreté de la lie du peuple, grand martiniste, chargé de l'éducation de la jeunesse, et malheureusement curateur de l'université de Moscou“; il l'appelle encore ailleurs „espion pour l'amour de l'art“. Les écrivains, surtout ceux de la jeune génération de l'époque, I. Dmitrieff, le prince P. Viazemsky et autres, méprisaient l'homme et ne prenaient pas le poète au sérieux: citons la strophe bien connue de L'Asile d'Aliénés de Voéïkoff:

„De Karamzine à belles dents
„Koutouzoff va rongéant le buste;
„De sa bouche à flots sort l'écume,
„De sang sa poitrine est rougie.

„Il a beau grignoter ce buste,
„Il ne fait que perdre son temps:
„Contre le marbre il ne peut rien,
„Ni de sa dent, ni de sa plume!“

Koutouzoff est l'auteur d'une quantité d'odes, traduites ou imitées du grec, de Pindare, Hésiode, Sapho, Théocrite, ou du français, de Voltaire, dont une partie, parues d'abord à part ou dans des revues, entrèrent ensuite dans un recueil de ses œuvres (3 parties, 1803). Il publia aussi de 1804 à 1806 avec le comte D. Khvostoff et le comte G. Saltykoff une revue intitulée L'Ami de l'Instruction, et destinée, prétendaient malicieusement les contemporains, aux articles des rédacteurs dont les autres revues ne voulaient pas.

Golénichtcheff-Koutouzoff mourut à Tver le 12 septembre 1829. Il épousa la princesse Hélène Ivanowna Dolgorouky († 1850), dont il eut un fils Ivan et une fille Eudoxie († 1863), mariée à l'écrivain Théodore Nikolaewitch Glinka (1788—1880).

(D'après un original conservé à l'Académie Impériale des Sciences.)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

	№№
АВГУСТИНЪ, архіепископъ	74
АДЛЕРБЕРГЪ, Юлія Ѳеодоровна	176
АЛЕКСАНДРЪ I, Императоръ	1
АЛЯБЬЕВЪ, Александръ Васильевичъ	139
АНГАЛЬТЪ, графъ Ѳеодоръ Евстафьевичъ	160
АРАКЧЕЕВЪ, Петръ Андреевичъ	80
АРЕНДТЪ, Николай Ѳеодоровичъ	156
АРЕНДТЪ, Ѳеодоръ Ивановичъ	165
АРМФЕЛЬДЪ, графъ Густавъ Максимовичъ	174
БАКУНИНА, Анна Сергѣевна	13
БАКУНИНЪ, Петръ Васильевичъ	12
БАНТЫШЪ-КАМЕНСКІЙ, Николай Нико- лаевичъ	211
БАЯТИНСКАЯ, княгиня Екатерина Петровна	15
БАЯТИНСКАЯ, княгиня Марія Ѳеодоровна	17
БАЯТИНСКІЙ, князь Иванъ Ивановичъ	16
БАЯТИНСКІЙ, князь Иванъ Сергѣевичъ	14
БЕКЕТОВЪ, Платонъ Петровичъ	216
БЕНКЕНДОРФЪ, Анна-Юліана	175
БЕННИГСЕНЪ, графъ Леонтій Леонтьевичъ	5
БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ, графъ Алексѣй Пе- тровичъ	8
БЕТАНКУРЪ, Анна	144
БЕТАНКУРЪ, Августинъ Августинovichъ	143
БИРОНЪ, Евдокія Борисовна, герцогиня Кур- ляндская	171
БИРОНЪ, Іоганна-Екатерина, герцогиня д'Аче- ренца	169
БИРОНЪ, Петръ, герцогъ Курляндскій и Се- мигальскій	27
БОЛОТОВЪ, Андрей Тимофеевичъ	64
БРАНИЦКАЯ, графиня Александра Васильевна	214
БРЮСЪ, графъ Яковъ Александровичъ	32
БУКСГЕВДЕНЪ, графиня Наталія Алексан- дровна	172
БУКСГЕВДЕНЪ, графъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ	36
БУТУРЛИНА, Марія Алексѣевна	76
БУТУРЛИНЪ, Петръ Михайловичъ	77
БЪЛОСЕЛЬСКАЯ, княгиня Анна Ѳеодоровна	41
БЪЛОСЕЛЬСКІЙ, князь Андрей Михайловичъ	42

	№№
БЪЛОСЕЛЬСКАЯ-БЪЛОЗЕРСКАЯ, княгиня Анна Григорьевна	213
БЮЛЕРЪ, баронъ Карлъ Яковлевичъ	164
БЮЛЕРЪ, баронъ Христофоръ Яковлевичъ	184
ВИРТЕМБЕРГСКАЯ герцогиня, Марія	149
ВИЕЛЬГОРСКАЯ, графиня Елизавета Стани- славовна	183
ВИЕЛЬГОРСКАЯ, графиня Луиза Карловна	34
ВИЕЛЬГОРСКИЙ, графъ Михаилъ Юрьевичъ	181
ВИЕЛЬГОРСКИЙ, графъ Юрій Михайловичъ	182
ВОЛКОНСКАЯ, княгиня Зинаида Алексан- дровна	43
ВОЛКОНСКАЯ, княгиня Марія Николаевна	131
ВОЛКОНСКІЙ, князь Григорій Семеновичъ	129
ВОЛКОНСКІЙ, князь Сергѣй Григорьевичъ	130
ВОРОНИХИНЪ, Андрей Никифоровичъ	215
ВОРОНЦОВА, графиня Ирина Ивановна	107
ВОРОНЦОВА, графиня Марія Артемьевна	70
ВОРОНЦОВА, Марѳа Ивановна	69
ВЯЗЕМСКАЯ, княгиня Вѣра Федоровна	54
ВЯЗЕМСКАЯ, княгиня Екатерина Васильевна	51
ВЯЗЕМСКАЯ, княгиня Елена Никитична	52
ВЯЗЕМСКИЙ, князь Александръ Алексѣевичъ	6
ВЯЗЕМСКИЙ, князь Николай Григорьевичъ	53
ВЯЗЕМСКИЙ, князь Петръ Андреевичъ	55
ГАВРИЛЪ (Петровъ), митрополитъ	73
ГЕССЕНЪ-ГОМБУРГСКАЯ принцесса, Ана- стасія Ивановна	26
ГОГЕНЦОЛЛЕРНЪ-ГЕХИНГЕНСКАЯ прин- цесса, Марія-Паулина-Луиза	28
ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ, Павелъ Ивано- вичъ	225
ГОЛИЦЫНА, княгиня Варвара Васильевна	207
ГОЛИЦЫНА, княгиня Евдокія Ивановна	108
ГОЛИЦЫНА, княгиня Елена Александровна	135
ГОЛИЦЫНЪ, князь Александръ Сергѣевичъ	134
ГОЛИЦЫНЪ, князь Василий Сергѣевичъ	136
ГОЛИЦЫНЪ, князь Сергѣй Сергѣевичъ	133
ГРЕКОВА, Марія Матвѣевна	126

INDEX ALPHABÉTIQUE DES PERSONNAGES.

	№№		№№
ADLERBERG, Julie Féodorowna	176	CHÉPÉLEFF, Nadejda Vassiliwna	208
ALEXANDRE I ^{er} , Empereur	1	CHTCHERBATOFF, P ^{ss} e Sophie Stépanowna	185
ALIABIEFF, Alexandre Vassiliwitch.	159	COBLEY, Thomas Alexandrowitch.	165
ANHALT (d'), Comte Théodore Evstafiewitch	160		
ARAKTCHÉEFF, Pierre Andréwitch.	80	DAVYDOFF, Aglaé Antonowna.	124
ARENDT, Nicolas Féodorowitch	156	DIEBITCH-ZABALKANSKY, Comte Ivan Iva-	
ARENDT, Théodore Ivanowitch.	165	nowitch.	151
ARMFELDT, Comte Gustave Maximowitch	174	DOLGOROUKY, P ^{ss} e Catherine Féodorowna	19
AUGUSTIN, Archevêque	74	DOLGOROUKY, Prince Youri Vladimirowitch.	9
		DOSITHÉE, Religieuse.	110
BAKOUNINE, Anne Serguéwna	15	DOUROFF, Nadejda Andréwna	75
BAKOUNINE, Pierre Vassiliwitch.	12		
BANTYCH-KAMENSKY, Nicolas Nikolaewitch.	211	ÉLAGUINE, Ivan Perfiliewitch	67
BARIATYNSKY, Princesse Catherine Pétrowna.	15	ENGELHARDT, Basile Vassiliwitch	205
BARIATYNSKY, Princesse Marie Féodorowna.	17	ÉLISABETH ALEXÉEWNA, Impératrice	2
BARIATYNSKY, Prince Ivan Ivanowitch	16	ÉROPKINE, Pierre Dmitriewitch	118
BARIATYNSKY, Prince Ivan Serguéwitch	14	EUGÈNE, Métropolit de Kieff.	71
BÉKÉTOFF, Platon Pétrowitch.	216		
BÉLOSSELSKY, Princesse Anne Féodorowna	41	FERMOR, Comte Vilime Vilimowitch.	159
BÉLOSSELSKY, Prince André Mikhaïlowitch	42	FERSEN, Comte Ivan Evstafiewitch	57
BÉLOSSELSKY-BÉLOZERSKY, Princesse Anne		FOCK, Alexandre Borissowitch.	161
Grigoriwna	215	FOCK, Boris Borissowitch	162
BENCKENDORF, Anne-Juliane.	175		
BENNIGSEN, Comte Léonce Léontiewitch	5	GABRIEL (Pétroff), Métropolit	75
BESTOUJEFF-RIOUMINE, C ^{te} Alexis Pétrowitch.	8	GOLÉNITCHCHEFF-KOUTOUZOFF, Paul Iva-	
BÉTANCOURT, Anne	144	nowitch.	225
BÉTANCOURT, Augustin Augustinowitch.	145	GOLITZYNE, Princesse Endoxie Ivanowna	108
BIRON, Endoxie Borissowna, Duchesse de Cour-		GOLITZYNE, Princesse Hélène Alexandrowna	155
lande	171	GOLITZYNE, Princesse Varvara Vassiliwna	207
BIRON, Jeanne - Catherine, Duchesse d'Ace-		GOLITZYNE, Prince Alexandre Serguéwitch	154
renza	169	GOLITZYNE, Prince Serge Serguéwitch.	155
BIRON, Pierre, Duc de Courlande.	27	GOLITZYNE, Prince Basile Serguéwitch	156
BOLOTOFF, André Timoféewitch	64	GOUDOWITCH, Comte Ivan Vassiliwitch	117
BOUTOURLINE, Marie Alexéwna.	76	GOUDOWITCH, Comte Michel Vassiliwitch	190
BOUTOURLINE, Pierre Mikhaïlowitch	77	GRÉKOFF, Marie Matvéwna	126
BRANICKI, Comtesse Alexandrine Vassiliwna.	214		
BRUCE, Comte Jacob Alexandrowitch	52	HÉLENE PAVLOWNA, Grande-Duchesse	40
BÜHLER, Baron Charles Yakovlewitch	164	HESSE-HOMBOURG (de), Princesse Anastasie	
BÜHLER, Baron Christophe Yakovlewitch	184	Ivanowna	26
BUXHÖWDEN, C ^{ss} e Natalie Alexandrowna	172	HOHENZOLLERN-HECHINGEN (de), Princesse	
BUXHÖWDEN, Comte Théodore Féodorowitch.	56	Marie-Pauline-Louise	28

	№№
ГУДОВИЧЪ, графъ Иванъ Васильевичъ	117
ГУДОВИЧЪ, графъ Михаилъ Васильевичъ	190
ДАВЫДОВА, Аглая Антоновна	124
ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ, графъ Иванъ Ивановичъ.	151
ДОЛГОРУКАЯ, княгиня Екатерина Ѳеодоровна	19
ДОЛГОРУКІЙ, князь Юрій Владиміровичъ	9
ДОСИѲЕЯ, монахиня	110
ДУРОВА, Надежда Андреевна	75
ЕВГЕНІЙ, митрополитъ Кіевскій	71
ЕЛАГИНЪ, Иванъ Перфильевичъ	67
ЕЛЕНА ПАВЛОВНА, Великая Княгиня	40
ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА, Императрица	2
ЕРОПКИНЪ, Петръ Дмитріевичъ	118
ЗАМОЙСКАЯ, графиня Софія Адамовна	148
ЗАМОЙСКІЙ, графъ Станиславъ Андреевичъ	147
ЗОНТАГЪ, графиня РОССИ, Генріетта	167
ИГЕЛЬСТРОМЪ, графъ Іосифъ Андреевичъ	141
КАМЕНСКАЯ, графиня Анна Павловна	93
КАМЕНСКІЙ, графъ Михаилъ Ѳеодотовичъ	94
КАМЕНСКІЙ, графъ Сергій Михайловичъ {	95
	96
КАНКРИНА, графиня Екатерина Захаровна	178
КАНКРИНЪ, графъ Егоръ Францовичъ	177
КАЩЕВИЧЪ, Петръ Михайловичъ	82
КАРАЗИНЪ, Василій Назарьевичъ	65
КИКИНА, Марія Ардаліоновна	46
КИКИНЪ, Петръ Андреевичъ	47
КОБЛЕ, Ѳома Александровичъ	165
КОЖУХОВА, Анна Петровна	122
КОЛОГРИВОВЪ, Андрей Семеновичъ	81
КОЛЫЧЕВА, Наталья Захаровна	115
КОЛЫЧОВЪ, Степанъ Алексѣевичъ	116
КОРФЪ, баронъ Николай Андреевичъ	157
КРЕЧЕТНИКОВЪ, графъ Михаилъ Никитичъ	7
КРЕЧЕТНИКОВЪ, Петръ Никитичъ	68
КРЮДЕНЕРЪ, баронесса Юлія	168
КУЛЬНЕВЪ, Яковъ Петровичъ	49
КУТАЙСОВА, графиня Анна Петровна	97
КУТЛУБИЦКІЙ, Николай Осиповичъ	78
ЛАДОМІРСКАЯ, Софія Ѳеодоровна	56
ЛАДОМІРСКІЙ, Василій Николаевичъ	57
ЛАФЕРМЬЕРЪ, Францъ-Германъ	166
ЛАФОНЪ, Софія Ивановна	209
ЛЕБЕРЕХТЪ, Карлъ Александровичъ	106

	№№
ЛЕВИЦКІЙ, Дмитрій Григорьевичъ	105
ЛЕЩАНО, Борисъ Борисовичъ	79
ЛОБАНОВА-РОСТОВСКАЯ, княгиня Екате- рина Александровна	61
ЛОБАНОВА-РОСТОВСКАЯ, княгиня Клео- патра Ильинична	58
ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, князь Александръ Яковлевичъ	59
ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, князь Алексѣй Ивановичъ	63
ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, князь Дмитрій Яковлевичъ	62
ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, князь Иванъ Ива- новичъ	60
ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, князь Яковъ Ива- новичъ	192
МАЛИНОВСКІЙ, Алексѣй Ѳеодоровичъ	224
МШЕ МАРСЪ	170
МЕЛЬГУНОВА, Наталія Ивановна	10
МЕЛЬГУНОВЪ, Алексѣй Петровичъ	11
МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ, Великій Князь	39
МИХЕЛЬСОНЪ, Иванъ Ивановичъ	158
МОДЕНЪ, графъ Гавріилъ Карловичъ	92
МОРЕНГЕЙМЪ, баронъ Іосифъ	153
МУСИНА-ПУШКИНА, графиня Эмилиа Кар- ловна	125
МЯТЛЕВА, Прасковья Ивановна	25
МЯТЛЕВА, Прасковья Яковлевна	23
МЯТЛЕВЪ, Василій Алексѣевичъ	22
МЯТЛЕВЪ, Петръ Васильевичъ	24
НЕИЗВѢСТНЫЙ	197
НИКОЛАИ, баронесса Александра-Симилиця	145
НИКОЛАИ, баронесса Іоганна Ѳеодоровна	30
НИКОЛАИ, баронъ Андрей Львовичъ	29
НИКОЛАИ, баронъ Павелъ Андреевичъ	146
ОЛСУФЬЕВА, Марія Васильевна	219
ОЛСУФЬЕВА, Дарія Александровна	221
ОЛСУФЬЕВЪ, Адамъ Васильевичъ	222
ОЛСУФЬЕВЪ, Дмитрій Адамовичъ	220
ОРЛОВА-ЧЕСМЕНСКАЯ, графиня Евдокія Николаевна	112
ОРЛОВЪ-ЧЕСМЕНСКІЙ, графъ Алексѣй Григ- горьевичъ	111
ПАЛЬМЕНБАХЪ, Елизавета Александровна	210
ПАШКОВА, Екатерина Александровна	204
ПАШКОВЪ, Василій Александровичъ	203
ПЛАТОВЪ, графъ Матвій Ивановичъ	125

INDEX ALPHABÉTIQUE DES PERSONNAGES.

	N ^o
ADLERBERG, Julie Féodorowna	176
ALEXANDRE I ^{er} , Empereur	1
ALIABIEFF, Alexandre Vassiliewitch.	139
ANHALT (d'), Comte Théodore Evstafiewitch .	160
ARAKTCHÉEFF, Pierre Andréewitch.	80
ARENDT, Nicolas Féodorowitch	156
ARENDT, Théodore Ivanowitch.	165
ARMFELDT, Comte Gustave Maximowitch . .	174
AUGUSTIN, Archevêque	74
BAKOUNINE, Anne Serguéewna	13
BAKOUNINE, Pierre Vassiliewitch.	12
BANTYCH-KAMENSKY, Nicolas Nikolaewitch.	211
BARIATYNSKY, Princesse Catherine Pétrowna.	15
BARIATYNSKY, Princesse Marie Féodorowna.	17
BARIATYNSKY, Prince Ivan Ivanowitch . . .	16
BARIATYNSKY, Prince Ivan Serguéewitch . .	14
BÉKÉTOFF, Platon Pétrowitch.	216
BÉLOSSELSKY, Princesse Anne Féodorowna .	41
BÉLOSSELSKY, Prince André Mikhaïlowitch .	42
BÉLOSSELSKY-BÉLOZERSKY, Princesse Anne Grigoriowna	213
BENCKENDORF, Anne-Juliane.	175
BENNIGSEN, Comte Léonce Léontiewitch . . .	5
BESTOUJEFF-RIOUMINE, C ^{te} Alexis Pétrowitch.	8
BÉTANCOURT, Anne	144
BÉTANCOURT, Augustin Augustinowitch. . .	143
BIRON, Eudoxie Borissowna, Duchesse de Cour- lande	171
BIRON, Jeanne - Catherine, Duchesse d'Ace- renza	169
BIRON, Pierre, Duc de Courlande.	27
BOLOTOFF, André Timoféewitch	64
BOUTOURLINE, Marie Alexéewna.	76
BOUTOURLINE, Pierre Mikhaïlowitch	77
BRANICKI, Comtesse Alexandrine Vassiliewna.	214
BRUCE, Comte Jacob Alexandrowitch	32
BÜHLER, Baron Charles Yakovlewitch . . .	164
BÜHLER, Baron Christophe Yakovlewitch . .	184
BUXHÖWDEN, C ^{se} Natalie Alexandrowna . .	172
BUXHÖWDEN, Comte Théodore Féodorowitch.	56

	N ^o
CHÉPÉLEFF, Nadejda Vassiliewna	208
CHITCHERBATOFF, P ^{se} Sophie Stépanowna .	185
COBLEY, Thomas Alexandrowitch.	165
DAVYDOFF, Aglaé Antonowna.	124
DIEBITCH-ZABALKANSKY, Comte Ivan Iva- nowitch.	151
DOLGOROUKY, P ^{se} Catherine Féodorowna .	19
DOLGOROUKY, Prince Youri Vladimirowitch.	9
DOSITHÉE, Religieuse.	110
DOUROFF, Nadejda Andréewna	75
ÉLAGUINE, Ivan Perfiliewitch	67
ENGELHARDT, Basile Vassiliewitch	205
ÉLISABETH ALEXÉEWNA, Impératrice . . .	2
ÉROPKINE, Pierre Dmitriewitch	118
EUGÈNE, Métropolit de Kieff.	71
FERMOR, Comte Vilime Vilimowitch. . . .	159
FERSEN, Comte Ivan Evstafiewitch	37
FOCK, Alexandre Borissowitch.	161
FOCK, Boris Borissowitch	162
GABRIEL (Pétroff), Métropolit	73
GOLÉNICHTCHEFF-KOUTOUZOFF, Paul Iva- nowitch.	225
GOLITZYNE, Princesse Eudoxie Ivanowna .	108
GOLITZYNE, Princesse Hélène Alexandrowna .	135
GOLITZYNE, Princesse Varvara Vassiliewna .	207
GOLITZYNE, Prince Alexandre Serguéewitch .	134
GOLITZYNE, Prince Serge Serguéewitch. . .	133
GOLITZYNE, Prince Basile Serguéewitch . .	136
GOUDOWITCH, Comte Ivan Vassiliewitch . .	117
GOUDOWITCH, Comte Michel Vassiliewitch .	190
GRÉKOFF, Marie Matvéewna	126
HÉLENE PAVLOWNA, Grande-Duchesse . . .	40
HESSE-HOMBOURG (de), Princesse Anastasie Ivanowna	26
HOHENZOLLERN-HECHINGEN (de), Princesse Marie-Pauline-Louise	28

	№№
ГУДОВИЧЪ, графъ Иванъ Васильевичъ	117
ГУДОВИЧЪ, графъ Михаилъ Васильевичъ	190
ДАВЫДОВА, Аглая Антоновна	124
ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ, графъ Иванъ Ивановичъ.	151
ДОЛГОРУКАЯ, княгиня Екатерина Ѳеодоровна	19
ДОЛГОРУКІЙ, князь Юрій Владиміровичъ	9
ДОСИѲЕЯ, монахиня	110
ДУРОВА, Надежда Андреевна	75
ЕВГЕНІЙ, митрополитъ Кіевскій	71
ЕЛАГИНЪ, Иванъ Перфильевичъ	67
ЕЛЕНА ПАВЛОВНА, Великая Княгиня	40
ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢВНА, Императрица	2
ЕРОПКИНЪ, Петръ Дмитріевичъ	118
ЗАМОЙСКАЯ, графиня Софія Адамовна	148
ЗАМОЙСКІЙ, графъ Станиславъ Андреевичъ	147
ЗОНТАГЪ, графиня РОССИ, Генріетта	167
ИГЕЛЬСТРОМЪ, графъ Іосифъ Андреевичъ	141
КАМЕНСКАЯ, графиня Анна Павловна	93
КАМЕНСКІЙ, графъ Михаилъ Ѳеодотовичъ	94
КАМЕНСКІЙ, графъ Сергій Михайловичъ {	95
	96
КАНКРИНА, графиня Екатерина Захаровна	178
КАНКРИНЪ, графъ Егоръ Францовичъ	177
КАЩЕВИЧЪ, Петръ Михайловичъ	82
КАРАЗИНЪ, Василій Назарьевичъ	65
КИКИНА, Марія Ардаліоновна	46
КИКИНЪ, Петръ Андреевичъ	47
КОБЛЕ, Ѳома Александровичъ	165
КОЖУХОВА, Анна Петровна	122
КОЛОГРИВОВЪ, Андрей Семеновичъ	81
КОЛЫЧЕВА, Наталья Захаровна	115
КОЛЫЧОВЪ, Степанъ Алексѣевичъ	116
КОРФЪ, баронъ Николай Андреевичъ	157
КРЕЧЕТНИКОВЪ, графъ Михаилъ Никитичъ	7
КРЕЧЕТНИКОВЪ, Петръ Никитичъ	68
КРЮДЕНЕРЪ, баронесса Юлія	168
КУЛЬНЕВЪ, Яковъ Петровичъ	49
КУТАЙСОВА, графиня Анна Петровна	97
КУТЛУБИЦКІЙ, Николай Осиповичъ	78
ЛАДОМІРСКАЯ, Софія Ѳеодоровна	56
ЛАДОМІРСКІЙ, Василій Николаевичъ	57
ЛАФЕРМЬЕРЪ, Францъ-Германъ	166
ЛАФОНЪ, Софія Ивановна	209
ЛЕБЕРЕХТЪ, Карлъ Александровичъ	106

	№№
ЛЕВИЦКІЙ, Дмитрій Григорьевичъ	105
ЛЕЩАНО, Борисъ Борисовичъ	79
ЛОБАНОВА-РОСТОВСКАЯ, княгиня Екате- рина Александровна	61
ЛОБАНОВА-РОСТОВСКАЯ, княгиня Клео- патра Ильинична	58
ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, князь Александръ Яковлевичъ	59
ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, князь Алексѣй Ивановичъ	63
ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, князь Дмитрій Яковлевичъ	62
ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, князь Иванъ Ива- новичъ	60
ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, князь Яковъ Ива- новичъ	192
МАЛИНОВСКІЙ, Алексѣй Ѳеодоровичъ	224
МШЕ МАРСЪ	170
МЕЛЬГУНОВА, Наталія Ивановна	10
МЕЛЬГУНОВЪ, Алексѣй Петровичъ	11
МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ, Великій Князь	39
МИХЕЛЬСОНЪ, Иванъ Ивановичъ	158
МОДЕНЪ, графъ Гавріилъ Карловичъ	92
МОРЕНГЕЙМЪ, баронъ Іосифъ	153
МУСИНА-ПУШКИНА, графиня Эмилиа Кар- ловна	125
МЯТЛЕВА, Прасковья Ивановна	25
МЯТЛЕВА, Прасковья Яковлевна	23
МЯТЛЕВЪ, Василій Алексѣевичъ	22
МЯТЛЕВЪ, Петръ Васильевичъ	24
НЕИЗВѢСТНЫЙ	197
НИКОЛАИ, баронесса Александра-Симилиція	145
НИКОЛАИ, баронесса Іоганна Ѳеодоровна	30
НИКОЛАИ, баронъ Андрей Львовичъ	29
НИКОЛАИ, баронъ Павелъ Андреевичъ	146
ОЛСУФЬЕВА, Марія Васильевна	219
ОЛСУФЬЕВА, Дарія Александровна	221
ОЛСУФЬЕВЪ, Адамъ Васильевичъ	222
ОЛСУФЬЕВЪ, Дмитрій Адамовичъ	220
ОРЛОВА-ЧЕСМЕНСКАЯ, графиня Евдокія Николаевна	112
ОРЛОВЪ-ЧЕСМЕНСКІЙ, графъ Алексѣй Гри- горьевичъ	111
ПАЛЬМЕНБАХЪ, Елизавета Александровна	210
ПАШКОВА, Екатерина Александровна	204
ПАШКОВЪ, Василій Александровичъ	203
ПЛАТОВЪ, графъ Матвій Ивановичъ	125

	№№
IGELSTRÖM, Comte Joseph Andréewitch . . .	141
INCONNU	197
KAMENSKY, Comtesse Anne Pavlowna . . .	93
KAMENSKY, Comte Michel Fédotowitch . . .	94
KAMENSKY, Comte Serge Mikhaïlowitch . . .	{ 95 96
KANKRINE, Comtesse Catherine Zakharowna .	178
KANKRINE, Comte Egor Frantzowitch . . .	177
KAPTZEWITCH, Pierre Mikhaïlowitch . . .	82
KARAZINE, Basile Nazariewitch	65
KHREPTOWITCH, Comte Joachim	31
KIKINE, Marie Ardalionowna	46
KIKINE, Pierre Andréewitch	47
KOJOUKHOFF, Anne Pétrowna	122
KOLOGRIVOFF, André Sémenowitch	81
KOLYTCHIEFF, Natalie Zakharowna	115
KOLYTCHIEFF, Stéphane Alexéewitch	116
KORFF, Baron Nicolas Andréewitch	157
KOULNEFF, Jacob Pérowitch	49
KOUTAÏSSOFF, Comtesse Anne Pétrowna . . .	97
KOUTLOUBITZKY, Nicolas Ossipowitch . . .	78
KRETCHETNIKOFF, Comte Michel Nikititch .	7
KRETCHETNIKOFF, Pierre Nikititch	68
KRÜDENER, Baronne Julie	168
LADOMIRSKY, Sophie Féodorowna	56
LADOMIRSKY, Basile Nikolaewitch	57
LA FERMIÈRE, François-Germain	166
LAFOND (de), Sophie Ivanowna	209
LEBERECHT, Charles Alexandrowitch	106
LÉVITZKY, Dmitri Grigoriowitch	105
LEZZANO, Boris Borissowitch	79
LOBANOFF-ROSTOWSKY, Princesse Catherine Alexandrowna	61
LOBANOFF-ROSTOWSKY, Princesse Cléopâtre Ilyinitchna	58
LOBANOFF-ROSTOWSKY, Prince Alexandre Yakovlewitch	59
LOBANOFF-ROSTOWSKY, Prince Alexis Ivanowitch	63
LOBANOFF - ROSTOWSKY, Prince Dmitri Yakovlewitch	62
LOBANOFF-ROSTOWSKY, Prince Ivan Ivanowitch	60
LOBANOFF-ROSTOWSKY, Prince Jacob Ivanowitch	192
MALINOWSKY, Alexis Féodorowitch	224
MARS (Mlle).	170
MELGOUNOFF, Natalie Ivanowna	10

	№№
MELGOUNOFF, Alexis Pérowitch	11
MIATLEFF, Prascovie Ivanowna	25
MIATLEFF, Prascovie Yakovlewna	25
MIATLEFF, Basile Alexéewitch	22
MIATLEFF, Pierre Vassiliowitch	24
MICHEL PAVLOWITCH, Grand-Duc	59
MICHELSON, Ivan Ivanowitch	158
MODÈNE (de), Comte Charles-Louis-François .	92
MOHRENHEIM, Baron Joseph	155
MOUSSINE-POUCHKINE, C ^{ss} e Emilie Karlowna .	123
NICOLAÏ, Baronne Alexandrine-Simplicie . .	145
NICOLAÏ, Baronne Jeanne Féodorowna . . .	30
NICOLAÏ, Baron André Lvowitch	29
NICOLAÏ, Baron Paul Andréewitch	146
OLSOUFIEFF, Daria Alexandrowna	219
OLSOUFIEFF, Marie Vassiliowna	221
OLSOUFIEFF, Adam Vassiliowitch	222
OLSOUFIEFF, Dmitri Adamowitch	220
ORLOFF-TCHESMENSKY, Comtesse Eudoxie Nikolaewna	112
ORLOFF-TCHESMENSKY, Comte Alexis Grigoriowitch	111
OUVAROFF, Théodore Pérowitch	{ 3 98
PACHKOFF, Catherine Alexandrowna	204
PACHKOFF, Basile Alexandrowitch	203
PALMENBACH, Elisabeth Alexandrowna . . .	210
PHILARÈTE, Métropolit de Moscou	223
PLATOFF, Comte Mathieu Ivanowitch	125
PLATON, Métropolit de Moscou	72
POLIVANOFF, Ivan Pérowitch	199
POLIVANOFF, Nicolas Pérowitch	200
POLTORATZKY, Agathoclée Alexandrowna . .	21
POLTORATZKY, Sophie Borissowna	128
POLTORATZKY, Constantin Markowitch . . .	127
POLTORATZKY, Marc Féodorowitch	20
PRÉRADOWITCH (de), Léonce Ivanowitch . .	191
RAEWSKY, Alexandre Nikolaewitch	132
RAZOUNOWSKY, C ^{ss} e Elisabeth-Thérèse . . .	217
RAZOUNOWSKY, Comte Grégoire Kirillowitch .	218
REPNINE, Princesse Natalie Alexandrowna .	119
REPNINE, Prince Nicolas Vassiliowitch . . .	120
REZVOÏ, Nadejda Vassiliowna	100
REZVOÏ, Dmitri Pérowitch	99
RIBEAUPIERRE, C ^{ss} e Catherine Mikhaïlowna .	38
RIBEAUPIERRE, Comte Alexandre Ivanowitch .	150
RICHELIEU (de), Duc Emmanuel Ossipowitch .	152

	№№
ПЛАТОНЪ, митрополитъ Московскій	72
ПОЛИВАНОВЪ, Иванъ Петровичъ	199
ПОЛИВАНОВЪ, Николай Петровичъ	200
ПОЛТОРАЦКАЯ, Агаѳоклея Александровна . .	21
ПОЛТОРАЦКАЯ, Софія Борисовна	128
ПОЛТОРАЦКІЙ, Коистаитинъ Марковичъ . .	127
ПОЛТОРАЦКІЙ, Маркъ Ѳеодоровичъ	20
ДЕ-ПРЕРАДОВИЧЪ, Леонтій Ивановичъ . . .	191
РАЕВСКІЙ, Александръ Николаевичъ	132
РАЗУМОВСКАЯ, графиня Елизавета-Терезія .	217
РАЗУМОВСКІЙ, графъ Григорій Кирилловичъ .	218
РЕЗВАЯ, Надежда Васильевна	100
РЕЗВОЙ, Димитрій Петровичъ	99
РЕПНИНА, княгиня Наталія Александровна .	119
РЕПНИНЪ, князь Николай Васильевичъ . . .	120
РИБОШЕРЪ, графъ Александръ Ивановичъ .	150
РИБОШЕРЪ, графиня Екатерина Михайловна .	38
РИМСКАЯ-КОРСАКОВА, Марія Семеновна . .	83
РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ, Александръ Ва- сильевичъ	84
РИШЕЛЬЕ, дюкъ Эммануиль Осиповичъ . .	152
РОЗЕНКРАНЦЪ, Нильсъ	173
РУБАНЪ, Василій Григорьевичъ	66
РУМЯНЦЕВЪ-ЗАДУНАЙСКІЙ, графъ Петръ Александровичъ	102
РУМЯНЦЕВА, графиня Екатерина Михайловна	101
РЮЛЬ, Иванъ Ѳеодоровичъ	155
САБЛУКОВЪ, Николай Александровичъ . . .	4
СВѢЧИНА, Софья Петровна	186
СИВЕРСЪ, графиня Елена Ивановна	179
СИВЕРСЪ, графъ Карлъ-Густавъ Карловичъ .	180
СИВЕРСЪ, графъ Яковъ Ефимовичъ	33
СИМОЛИНЪ, Иванъ Матвѣевичъ	114
СПИРИДОВЪ, Матвѣй Григорьевичъ	137
ТАРАКАНОВА, принцесса Елизавета	109
ТАТИЩЕВЪ, Петръ Алексѣевичъ	198
ТОЛСТАЯ, графиня Екатерина Александровна .	121
ТОЛСТОЙ, графъ Николай Александровичъ .	18
ТОЛЬ, графъ Карлъ Ѳеодоровичъ	35
ТОРСУКОВА, Екатерина Васильевна	44
ТОРСУКОВЪ, Ардаліонъ Александровичъ . .	45
ТРУБЕЦКАЯ, княгиня Аида Даниловна . . .	104
ТРУБЕЦКОЙ, князь Никита Юрьевичъ	103

	№№
ТУРГЕНЕВЪ, Александръ Ивановичъ	212
ТУРГЕНЕВЪ, Иванъ Петровичъ	195
ТУРГЕНЕВЪ, Николай Ивановичъ	193
ТУРГЕНЕВЪ, Сергѣй Ивановичъ	196
ТУРГЕНЕВЪ, Сергѣй Николаевичъ	194
ТУТОЛМИНЪ, Иванъ Акинѣевичъ	138
ТУТОЛМИНЪ, Иванъ Васильевичъ	140
ТУТОЛМИНЪ, Тимоѳей Ивановичъ	189
ТУЧКОВА, Маргарита Михайловна	201
ТУЧКОВЪ, Александръ Алексѣевичъ	202
ТУЧКОВЪ, Николай Алексѣевичъ	188
ТУЧКОВЪ, Павелъ Алексѣевичъ	187
УВАРОВЪ, Ѳеодоръ Петровичъ	{ 3 98
ФЕРЗЕНЪ, графъ Иванъ Евстафѣевичъ . . .	37
ФЕРМОРЪ, графъ Вилимъ Вилемовичъ . . .	159
ФИЛАРЕТЪ, митрополитъ Московскій	223
ФОКЪ, Александръ Борисовичъ	161
ФОКЪ, Борисъ Борисовичъ	162
ХРЕПТОВИЧЪ, графъ Іоакимъ	31
ШАХОВСКАЯ, княгиня Варвара Алексан- дровна	86
ШАХОВСКАЯ, княгиня Елизавета Борисовна {	48 88
ШАХОВСКАЯ, княгиня Елизавета Сергѣевна .	87
ШАХОВСКОЙ, князь Валентинъ Михайло- вичъ	91
ШАХОВСКОЙ, князь Михаилъ Александро- вичъ	85
ШЕПЕЛЕВА, Надежда Васильевна	208
ШТАКЕЛЬБЕРГЪ, графъ Отто-Магнусъ . . .	142
ШУВАЛОВА, графиня Варвара Петровна . .	90
ШУВАЛОВЪ, графъ Павелъ Андреевичъ . . .	89
ШТОФРЕГЕНЪ, Конрадъ Конрадовичъ	154
ЩЕРБАТОВА, княгиня Софія Степановна . .	185
ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, Василій Васильевичъ . . .	205
ЮСУПОВА, княгиня Татьяна Васильевна . .	206
ЯКОВЛЕВЪ, Левъ Алексѣевичъ	113

	№№
RIMSKY-KORSAKOFF, Marie Sémenowna . . .	83
RIMSKY-KORSAKOFF, Alexandre Vassiliéwitch . . .	84
ROSENKRANTZ, Niels	173
ROUBANE, Basile Grigoriéwitch	66
ROUMIANTZEFF, C ^{sse} Catherine Mikhaïlowna .	101
ROUMIANTZEFF-ZADOUNAÏSKY, Comte Pierre Alexandrowitch	102
RÜHL, Ivan Féodorowitch	155
SABLOUKOFF, Nicolas Alexandrowitch . . .	4
SCHAKHOWSKOÏ, P ^{sse} Elisabeth Borissowna {	48
	88
SCHAKHOWSKOÏ, P ^{sse} Elisabeth Serguéewna .	87
SCHAKHOWSKOÏ, P ^{sse} Varvara Alexandrowna .	86
SCHAKHOWSKOÏ, P ^{ce} Michel Alexandrowitch .	85
SCHAKHOWSKOÏ, P ^{ce} Valentin Mikhaïlowitch .	91
SCHOUVALOFF, C ^{sse} Varvara Pétrowna . . .	90
SCHOUVALOFF, Comte Paul Andrééwitch . . .	89
SIEVERS, Comtesse Hélène Ivanowna	179
SIEVERS, Comte Charles-Gustave Karlowitch .	180
SIEVERS, Comte Jacob Efimowitch	33
SIMOLINE, Ivan Matvééwitch	114
SONNTAG, Henriette, Comtesse ROSSI	167
SPIRIDOFF, Mathieu Grigoriéwitch	137
STACKELBERG, Comte Otto-Magnus	142
STOFFREGEN, Conrad Konradowitch	154
SVETCHINE, Sophie Pétrowna	186
TARAKANOFF, Princesse Elisabeth	109
TATICHTCHEFF, Pierre Alexééwitch	198
TOLL, Comte Charles Féodorowitch	35
TOLSTOÏ, C ^{sse} Catherine Alexandrowna	121
TOLSTOÏ, Comte Nicolas Alexandrowitch . . .	18
TORSOUKOFF, Catherine Vassiliéwna	44
TORSOUKOFF, Ardaillon Alexandrowitch . . .	45
TOURGUÉNEFF, Alexandre Ivanowitch	212
TOURGUÉNEFF, Ivan Pétrowitch	195
TOURGUÉNEFF, Nicolas Ivanowitch	193

	№№
TOURGUÉNEFF, Serge Ivanowitch	196
TOURGUÉNEFF, Serge Nikolaéwitch	194
TOUTCHKOFF, Marguerite Mikhaïlowna . . .	201
TOUTCHKOFF, Alexandre Alexééwitch	202
TOUTCHKOFF, Nicolas Alexééwitch	188
TOUTCHKOFF, Paul Alexééwitch	187
TOUTOLMINE, Ivan Akinfiéwitch	138
TOUTOLMINE, Ivan Vassiliéwitch	140
TOUTOLMINE, Timothée Ivanowitch	189
TROUBETZKOÏ, P ^{sse} Anne Danilowna	104
TROUBETZKOÏ, Prince Nikita Youriéwitch . .	103
VIAZEMSKY, P ^{sse} Catherine Vassiliéwna . . .	51
VIAZEMSKY, P ^{sse} Hélène Nikititchna	52
VIAZEMSKY, P ^{sse} Véra Féodorowna	54
VIAZEMSKY, Prince Alexandre Alexééwitch . .	6
VIAZEMSKY, Prince Nicolas Grigoriéwitch . .	53
VIAZEMSKY, Prince Pierre Andrééwitch . . .	55
VORONIKHINE, André Nikiforowitch	215
WIELHORSKY, C ^{sse} Elisabeth Stanislavowna .	183
WIELHORSKY, C ^{sse} Louise Karlowna	34
WIELHORSKY, Comte Michel Youriéwitch . . .	181
WIELHORSKY, Comte Youri Mikhaïlowitch . .	182
WOLKONSKY, P ^{sse} Marie Nikolaéwna	131
WOLKONSKY, P ^{sse} Zénaïde Alexandrowna . . .	43
WOLKONSKY, Prince Grégoire Sémenowitch .	129
WOLKONSKY, Prince Serge Grigoriéwitch . .	130
WORONTZOFF, Comtesse Irène Ivanowna . . .	107
WORONTZOFF, Comtesse Marie Artémiewna . .	70
WORONTZOFF, Marthe Ivanowna	69
WURTEMBERG (de), Duchesse Marie	149
YAKOVLEFF, Léon Alexééwitch	113
YOUSSEPOFF, P ^{sse} Tatiana Vassiliéwna . . .	206
ZAMOÏSKY, C ^{sse} Sophie Adamowna	148
ZAMOÏSKY, Comte Stanislas Andrééwitch . .	147

Алфавитный указатель художниковъ,

произведенія которыхъ помѣщены въ IV томѣ изданія „РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ“ *).

Афанасьевъ, К. — 55.

Баризъень — 27.

Басинъ — 35.

Бенвенути — 43.

Боровиковскій — 36, 38, 44, 45, 58, 129, 179, 180.

Браунъ, Е. — 28.

Брюлловъ, А. — 75, 195.

Брюлловъ, Карлъ — 40, 47, 212.

Верне, Карлъ — 99, 100.

Вике-Лебрень — 16, 19, 107, 115, 213.

Вуаль — 190.

Гюберъ — 152.

Дамель (съ Грасси) — 31.

Дарбесъ — 210.

Дау, Г. — 3, 5, 49, 50, 187, 188, 202.

Дивова, Н. — 79.

Ждановъ, Андрей — 37.

Жерепъ — 117.

Зацѣпинъ — 98.

Ивашкевичъ — 120.

Изабе — 130.

Кауфманъ, Анжелика — 15.

Кипренскій, О. — 185.

Клепиковъ, Алексѣй — 66.

Краѣтъ — 119.

Крюгеръ — 150.

Куртейль — 46.

Кюнель — 9.

Лампи — 29, 30, 147, 148, 164, 206.

Левицкій — 7, 10, 11, 12, 13, 20, 21, 32, 33, 141, 214.

Людерсъ — 60, 61.

Моннье — 48.

Моржковскій — 134.

Мюллеръ — 113.

Нечаевъ — 177, 178.

Новиковъ — 171.

Олешкевичъ — 22, 23, 24, 156.

Ортъ — 2.

Пашковскій — 126.

Ребернъ — 108.

Рейхель, Карлъ — 34, 163.

Риссъ — 151.

Рокотовъ — 70, 221.

Рокштуль — 181.

Рослень — 26, 41, 42.

Росси — 90.

Стройли, Эдуардъ — 88.

Токэ — 8.

Тончи — 53.

Тропининъ — 106.

Фогель — 145.

Фреми — 162.

Уткинъ — 73.

Шмидтъ — 184.

Шпрійтъ — 223.

Штейбенъ — 25.

Экберъ — 219.

Яковлевъ — 105.

*) Цыфры указываютъ №№ изображеній.

Index alphabétique des Artistes

dont les œuvres sont reproduites au Tome IV des PORTRAITS RUSSES.

(Les numéros sont ceux des portraits.)

Afanassieff, 55.

Barisien, 27.

Bassine, 35.

Benvenuti, 43.

Borovikowsky, 36, 38, 44, 45, 58, 129, 179, 180.

Brown (E.), 28.

Bruloff (A.), 75, 195.

Bruloff (Ch.), 40, 47, 212.

Courteuil, 46.

Damel (d'après Grassi), 31.

Darbès, 210.

Dawe (G.), 3, 5, 49, 50, 187, 188, 202.

Divoff (N.), 79.

Eckber, 219.

Frémy, 162.

Hubert, 152.

Isabey, 130.

Ivachkewitch, 120.

Jdanoff (André), 37.

Jérin, 117.

Kaufmann (Angélique), 15.

Kiprensky (O.), 185.

Klépikoff (Alexis), 66.

Krafft, 119.

Krüger, 150.

Kühnel, 9.

Lampi, 29, 30, 147, 148, 164, 206.

Lévitzky, 7, 10, 11, 12, 13, 20, 21, 32, 33, 141, 214.

Lüders, 60, 61.

Mosnier, 48.

Morzkowski, 134.

Muller, 113.

Nétchaeff, 177, 178.

Novikoff, 171.

Olechkewitch, 22, 23, 24, 156.

Orth, 2.

Outkine, 73.

Pachkowsky, 126.

Raeburn, 108.

Reichel (Charles), 34, 163.

Riss, 151.

Rokotoff, 70, 221.

Rockstuhl, 181.

Roslin, 26, 41, 42.

Rossi, 90.

Schmidt, 184.

Spryt (Charles), 223.

Steiben, 25.

Stroely (Eduard), 88.

Tocqué, 8.

Tonci, 53.

Tropinine, 106.

Vernet (Charles), 99, 100.

Vigée-Lebrun, 16, 19, 107, 115, 213.

Vogel, 145.

Voille, 190.

Yakovleff, 105.

Zatzépine, 98.

Нѣкоторыя поправки и дополненія.

Текстъ.

- № 16.— „самостоятельность“—нужно: „самостоятельность“.
- № 27.— „Графиня Виртенбергъ“—должно быть: „Графиня Вартепбергъ“.
- „ — Прекрасные портреты—3-й супруги герцога Петра Биропа, рожденной графини Медемъ, и ея дочери герцогини Дино, кисти Жирара, находятся въ Митавскомъ музеѣ. Тамъ же имѣется очень плохой портретъ его второй супруги, рожденной княжны Юсуповой (№ 171).
- № 28.— „Брауна“—должно быть: „Е. Браунъ“.
- № 41.— Хорошая миниатюра княгини А. Ѳ. Бѣлосельской, квадратной, очень рѣдкой формы, имѣется въ собраніи Великаго Князя Николая Михайловича.
- № 49.— Годъ рожденія Я. П. Кульнева въ точности неизвѣстенъ (1761—1766); еще одинъ его портретъ, подобный же, но худшаго письма, имѣется въ Московскомъ Историческомъ музеѣ.
- № 52.— Портретъ княгини Елены Никитичны Вяземской, въ болѣе молодыхъ годахъ, имѣется у князя П. П. Вяземскаго, въ С.-Петербургѣ.
- № 64.— Болотовъ женился въ 1764 г. (а не въ 1769 г.).
- № 78.— „скончалсѣ“—вмѣсто: „скончался“.
- № 88.— Съ миниатюры работы Эдуарда Стройли (подписная).
- № 92.— „Ниже“—нужно: „Нижне“.
- № 100.— Вѣра Дмитриевна Резвая была въ замужствѣ за дѣйств. статскимъ совѣтникомъ Андреемъ Петровичемъ Сапожниковымъ, первымъ ротнымъ командиромъ сформированной въ 1819 г. кондукторской роты Инженернаго училища.
- № 104.— Княгиня Анна Даниловна Трубецкая скончалась 2 Юня 1774 года.
- № 119.— Княгиня П. А. Репнина умерла въ 1797 г. (а не въ 1798 г.).
- № 121.— Графиня Александра Дмитриевна Толстая родилась въ 1788 г. (а не въ 1785 г.).
- № 129.— Княгиня А. Н. Волконская названа *единственной* дочерью князя Н. В. Репнина, тогда какъ у него было 3 дочери.
- № 132.— Александръ Николаевичъ Раевскій похороненъ въ Ниццѣ, на кладбищѣ Coucade; на могилѣ его слѣдующая надпись: „Здѣсь поконится полковникъ Александръ Николаевичъ Раевскій. Родился на Кавказѣ, въ крѣпости св. Георгія, 16 Ноября 1795 г., участвовалъ во всѣхъ бояхъ славнаго времени, вышелъ въ отставку 1820 г., скончался въ Ниццѣ 23 Октября 1868 г.“ (Чернопятовъ, „Русскій Некрополь за границей“).
- № 152.— Интересныя свѣдѣнія о дукѣ де-Ришелье и его дѣятельности въ Одессѣ сообщаетъ князь П. М. Долгорукій въ своей книгѣ: „Путешествіе мое кое-куда въ 1810 г.“.
- № 154.— Для характеристики доктора К. К. Штофрегена имѣются свѣдѣнія въ запискахъ С. П. Жихарева.

Таблицы.

- XIV — Годъ рожденія 1740 (а не 1738).
- XX — „ „ 1729 (а не 1727).
- XXV — „ „ 1772 (а не 1771).
- XXXVIII — „ „ 1788 (а не 178.).
- XLVI — Годъ кончины должно обозначить — 182..
- LXV — № 105. — Годъ смерти 1774 (а не 177.).
- LXVII — № 108. — Княгиня Е. П. Голицына умерла въ 1850 году.
- LXIX — № 116. — С. А. Колычевъ родился въ 1746 году.
- LXX — № 117. — Годъ смерти графа Гудовича 1820 (а не 1821).
- LXXII — № 125. — Графъ Платовъ: годъ рожденія 1753 (а не 1751).
- LXXXVII — № 182. — Годъ смерти 1807 (а не 1808).
- XC VII — № 214. — Портретъ писанъ Левницкимъ.

Corrections et additions.

- № 27. — Il y a au Musée de Mittau de magnifiques portraits, par Gérard, de la troisième femme du duc Pierre Biron, née comtesse Mehdem, et de sa fille la duchesse de Dino. Le même Musée possède également un fort mauvais portrait de sa seconde femme, née princesse Youssoupoff (№ 171).
- № 41. — Il y a une belle miniature de la princesse A. Bélosselsky, d'une forme carrée très rare, dans la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.
- № 49. — La date de la naissance de J. Koulneff est incertaine (1761 à 1766).
Il y a de lui un autre portrait, analogue à celui reproduit ici, mais moins bien fait, au Musée Historique de Moscou.
- № 52. — Il y a un portrait de la princesse Hélène Viazemsky plus jeune chez le prince P. Viazemsky, à St-Petersbourg.
- № 100. — Le mari de Véra Rezvoï était le conseiller d'état actuel André Pétrowitch Sapojnikoff, premier commandant de la compagnie de conducteurs formée en 1819 à l'Ecole du Génie militaire.
- № 152. — Alexandre Raewsky est inhumé à Nice, au cimetière de Coucade. Son monument porte l'inscription suivante: „Ici repose le colonel Alexandre Nikolaewitch Raewsky, né au Caucase, à la forteresse St-Georges, le 16 novembre 1795. Prit part à tous les combats de la glorieuse époque, retraité en 1820, décédé à Nice le 23 octobre 1868“. (Tchernopiatoff, Une Nécropole Russe à l'étranger.)
- № 152. — On trouve d'intéressantes données sur le Duc de Richelieu et son activité à Odessa dans l'ouvrage du prince I. Dolgorouky: Mon voyage par ci par là en 1810.
- № 154. — Les Mémoires de S. Jikhareff fournissent des données intéressantes pour la caractéristique du docteur Stoffregen.
-

ERRATA

TEXTE

<i>Numéro</i>	<i>ligne</i>	<i>au lieu de:</i>	<i>lire:</i>
10	3 <i>du haut</i>	partisan „involontaire“ de Pierre III,	partisan de Pierre III, antagoniste,
22	9 <i>du bas</i>	Simbirsk	la Sibérie
27	2 „ „	Wirtenberg	Wartenberg
28	(<i>signat.</i>)	Braun	Brown
30	2 <i>du haut</i>	Flotow	Vlotho
64	16 „ „	1769	1764
83	13 „ „	Mme C. Yankoff	Mme E. Yankoff
88	(<i>signat.</i>)	de Stracly	signée Eduard Stroely
91	2 <i>du bas</i>	Mlle C. Brevern	Mlle E. Brevern
93	11 <i>du haut</i>	Boulevard de la Passion	Boulevard de Smolensk
102	10 „ „	Wrackel	Brackel
104	1 „ „	177 .	1774
„	8 „ „	Dniester	Dnièper
„	14 „ „	eut	mourut le 2 juin 1774 ; elle eut
105	3 „ „	Nossoff	Nos
119	1 et 13 „ „	1798	1797
121	10 „ „	1785	1788
129	25 „ „	la fille unique	une des trois filles
132	14 „ „	grand'mère	grand'tante
153	2 <i>du bas</i>	neveu	petit-fils
161	1 <i>du haut</i>	main	mais

PLANCHES

<i>Planche</i>	<i>numéro</i>	<i>au lieu de:</i>	<i>lire:</i>
XIV	14	1738	1740
XX	20	1727	1729
XXV	25	1771	1772
XXXV	35	Bassin	Bassine
XXXVIII	38	178 .	1788
XLVI	46	183 .	182 .
LXV	105	177 .	1774
LXVII	108	1848	1850
LXIX	116	1745	1746
LXX	117	1821	1820
LXXII	125	1751	1753
LXXXVII	182	1808	1807
XCVII	214	Rokotoff	Lévitzky

Въ IV томѣ изданія „РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ“, въ составленіи текста біографическихъ очерковъ, участвовали слѣдующія лица: К. А. Военскій, А. А. Голомбіевскій, С. Н. Казнаковъ, И. А. Кубасовъ, Б. Л. Модзалевскій, В. И. Саитовъ, Н. П. Чулковъ, В. В. Шереметевскій и Е. С. Шумигорскій.

Ont collaboré à la rédaction des esquisses biographiques du Tome IV des
PORTRAITS RUSSES: V. Chérémétewsky, E. Choumigorsky, A. Golombiewsky,
S. Kaznakoff, I. Koubassoff, B. Modzalewsky, V. Saïtoff, N. Tchoulkoff, C. Voïensky.

104667

GETTY RESEARCH INSTITUTE

3 3125 01096 0900

